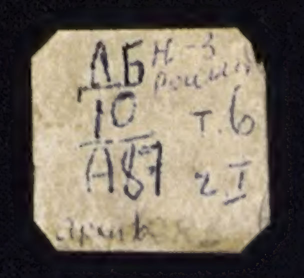

ДБ
10
А87
т.6
ч II

АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

АРХИВЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЮ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЮ

ПРИ

Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

АКТЫ О ЦЕРКОВНО-РЕЛИГІОЗНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(1322—1648 гг.).

ТОМЪ VI.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.
1883.

Печатать разрѣшается. 23 октября 1883 года.

Предсѣдатель Коммиссіи *М. Юзефовичъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Болѣе двадцати лѣтъ Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ въ своей учено-издательской дѣятельности руководствуется планомъ, по которому издаваемые ею историческіе матеріалы раздѣлены по содержанію на нѣсколько отдѣловъ или *частей*, посвященныхъ изслѣдованію различныхъ сторонъ минувшей жизни юго-западной Руси. Не все, намѣченное этимъ планомъ, выполнено по настоящее время съ одинаковою полнотою: одни изъ предположенныхъ отдѣловъ едва начаты, другіе и вовсе пока не затронуты, за то есть и такіе отдѣлы, которые подверглись уже значительной разработкѣ и представляютъ рядъ томовъ, посвященныхъ одному предмету. Такая неравномѣрность отнюдь не должна быть объясняема одними случайными причинами, напр. личными склонностями сотрудниковъ Коммиссіи или же намѣреннымъ ея предпочтеніемъ однихъ темъ другимъ; нѣтъ, она преимущественно обусловливается какъ свойствомъ матеріаловъ, подлежащихъ разработкѣ, такъ еще болѣе неравномѣрностью развитія разныхъ сторонъ самой жизни изучаемаго края и не одинаковымъ значеніемъ ихъ въ общемъ ходѣ историческихъ событій. Изъ всѣхъ отдѣловъ или частей, на какія подраздѣляются изданія Коммиссіи, наибольшей разработкѣ доселѣ подверглась часть *первая*, заключающая въ себѣ матеріалы для исторіи западнорусской православной

церкви: ей посвящено пять томовъ „Архива Юго-западной Россіи“, не считая четырехъ томовъ „Памятниковъ Коммиссіи“, въ которыхъ значительная часть документовъ относится къ тому же предмету; между тѣмъ какъ по другимъ отдѣламъ (напр. 2-му, 4-му и 5-му) издано всего по одному тому, и только 3-му и 6-му отдѣлу (о козакахъ и о крестьянахъ) посвящено по три тома. Это, повидимому случайное, распредѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ отношеніямъ различныхъ сторонъ минувшей исторической жизни юго-западной Руси и той преобладающей роли въ этихъ отношеніяхъ, какая принадлежала сторонѣ религіозной. Исторія юго-западной Руси въ періодъ съ XVI по XVIII вв. есть по преимуществу исторія религіозныхъ волненій; борьба религій составляетъ главное содержаніе ея общественной, политической и культурной жизни. Явленіе это въ большей или меньшей степени свойственно исторіи почти всѣхъ западно-европейскихъ народовъ въ ту же эпоху; но въ исторіи нашего края оно имѣло важныя отличительныя черты, обусловленныя съ одной стороны многочисленностью и разнообразіемъ враговъ, съ которыми православіе должно было вести трудную борьбу (католичество, унія и различныя протестантскія секты), а съ другой—тѣмъ, что эта борьба почти съ самаго начала своего была выведена изъ тѣсной, собственно-церковной сферы и поставлена въ живую, органическую связь съ самыми насущными интересами политической, общественной и даже экономической жизни края. Вѣра входила въ самое существо народной жизни и всегда была хранилищемъ народнаго духа; поэтому ея защита была совершенно основательно отождествлена съ защитой коренныхъ основъ самой народности русской, на которую собственно и происходило посягательство со стороны чуждаго національнаго элемента подъ видомъ распространенія обрядовъ и догматовъ католической церкви. Соотвѣтственно тому православ-

ная, или, какъ ее тогда называли, *русская* вѣра стала всенароднымъ знаменемъ, подъ сѣнью котораго все русское населеніе Рѣчи посполитой отстаивало неприкосновенность національныхъ, сословныхъ, политическихъ, экономическихъ и другихъ своихъ правъ и интересовъ. Дворяне-ли южно-русскіе выступали на защиту своихъ сословныхъ правъ, городскія-ли общины отстаивали свою независимость, козаки-ли вступались за свои войсковыя права, наконецъ крестьяне-ли протестовали противъ тягостей ихъ экономическаго быта— всѣ эти разнообразныя движенія пріобрѣтали единство въ одушевлявшей ихъ идеѣ религіозной, которая въ то время въ сознаніи всѣхъ и каждаго неразрывно соединялась съ идеей національной. Такова была преобладающая роль религіозныхъ отношеній въ исторіи южной и западной Руси въ минувшій періодъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ нихъ скрытъ главный двигательный нервъ, приводившій къ жизни и дѣятельности всѣ другія общественныя силы и регулировавшій ихъ направленіе. Трудно найти въ тогдашней жизни такое явленіе, которое не стояло-бы ни въ какой связи съ религіознымъ вопросомъ; напротивъ, можно сказать, что все, что ни случилось въ данный періодъ великаго и малаго, славнаго и позорнаго, полезнаго и гибельнаго— все это находится въ той или другой зависимости отъ религіозныхъ отношеній времени. Этимъ отношеніямъ южная Русь обязана, съ одной стороны, такими свѣтлыми явленіями, каковы: умственное и просвѣтительное движеніе XVI—XVII вв., дѣятельность церковныхъ братствъ, а съ другой— такими крупными потерями, какъ денаціонализація ея высшихъ сословій, и наконецъ, такими тяжкими общественными катастрофами, какъ войны козацкія и гайдамацкое возстаніе. Отсюда понятно, почему вопросъ о религіозныхъ отношеніяхъ въ южной Руси ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ спеціальной области *церковной* исторіи, но по

всей справедливости долженъ составлять одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ *общей* исторіи края; ибо безъ предварительнаго всесторонняго изученія этого вопроса не возможно, строго говоря, ни общее уразумѣніе характера изучаемой эпохи, ни ясное и цѣлостное пониманіе отдѣльныхъ явленій и событій изъ различныхъ сферъ тогдашней политической и общественной жизни. Вотъ почему вниманіе ученыхъ изслѣдователей южно- и западно-русской старины доселѣ преимущественно было направляемо въ сторону изученія церковно-религіозныхъ отношеній и бо́льшая часть относящихся къ исторіи южной и западной Руси матеріаловъ, изданныхъ по настоящее время какъ кіевскою, такъ и другими археографическими коммиссіями и подобными имъ учрежденіями, относится къ тому же предмету.

Настоящій томъ актовъ также посвященъ вопросу о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси. Хотя помѣщенные въ немъ документы начинаются съ 1322 года, но главное вниманіе составителя этого тома было сосредоточено на исходѣ XVI и первой половинѣ XVII вв., т. е. на эпохѣ отъ брестскаго собора 1596 года до войнъ Хмельницкаго. Такимъ образомъ настоящій томъ, съ одной стороны, является продолженіемъ изданнаго Коммиссіей въ 1859 г. подъ редакціей покойнаго Н. Д. Иванишева 1-го тома 1-й части „Архива Юго-западной Россіи“, посвященнаго исторіи уніи и доведеннаго именно до 1596 года, а съ другой—онъ примыкаетъ къ 4-му то́му той же части „Архива“, изданному подъ редакціей профессора В. Б. Антоновича и заключающему въ себѣ акты объ уніи съ 1648 по 1798 годы. Соотвѣтственно избранной темѣ, въ составъ предлагаемаго тома вошли акты, заключающіе въ себѣ данныя: о мѣрахъ польскаго правительства къ проведенію въ южной и западной Руси церковной уніи и о противодѣйствіи этимъ мѣрамъ со стороны православныхъ; о церковной іерархіи какъ пра-

вославной, такъ и уніатской; о положеніи южно-русскихъ православныхъ монастырей, ихъ матеріальномъ обезпеченіи и внутреннемъ бытѣ; о православныхъ церковныхъ братствахъ и преимущественно о судьбѣ братства Луцкаго; о церковныхъ школахъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ юго-западной Руси въ данное время; объ успѣхахъ уніи и о религіозныхъ преслѣдованіяхъ православныхъ со стороны представителей уніатской партіи; о сношеніяхъ южно-русскаго духовенства и въ частности кіевскаго церковнаго братства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Михаила Θедоровича; о состояніи религіозности въ южно-русскомъ обществѣ въ данное время; о распространеніи въ юго-западной Руси антитринитаріанской или социніанской секты, возникновеніи социніанскихъ училищъ и вообще объ ея успѣхахъ и о тѣхъ гоненіяхъ, какимъ подверглись послѣдователи этой секты со стороны католическаго духовенства и правительства, и наконецъ — документы, характеризующіе внутренній бытъ, общественныя отношенія и нравы южно-русскаго духовенства, какъ низшаго, такъ и особенно высшаго. Сюда же относятся акты, заключающіе въ себѣ біографическія черты изъ жизни и дѣятельности выдававшихся южно-русскихъ архіереевъ данной эпохи, преимущественно тѣхъ, которые принимали главное участіе въ проведеніи церковной уніи.

Чтобы удовлетворительно изслѣдовать тѣ разнообразныя историческія данныя, которыя заключаются въ предлагаемыхъ актахъ, или даже чтобы сколько-нибудь подробно изложить ихъ, для этого пришлось-бы написать книгу, мало чѣмъ уступающую объему настоящаго тома; ибо каждый изъ перечисленныхъ выше отдѣловъ можетъ составить предметъ особаго болѣе или менѣе обширнаго изслѣдованія. Поэтому мы по необходимости должны ограничиться немногимъ и, не задаваясь цѣлью изслѣдованія во всей полнотѣ церковно-ре-

лигіозныхъ отношеній въ юго-западной Руси въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ, постараемся разсмотрѣть здѣсь лишь немногія стороны этого предмета и именно такія, которымъ или принадлежала особенно вліятельная роль въ общей системѣ названныхъ отношеній, или которыя доселѣ были мало извѣстны въ русской исторической наукѣ и потому свѣдѣнія о нихъ будутъ не лишены интереса новизны. Первому условію, по нашему мнѣнію, удовлетворяетъ вопросъ о внутреннихъ причинахъ возникновенія церковной уніи, а второму—вопросъ о возникновеніи и распространеніи въ юго-западной Руси социніанской секты, ея успѣхахъ и послѣдней судьбѣ. Разсмотрѣнію этихъ двухъ вопросовъ и будетъ посвящено настоящее изслѣдованіе.

I.

Въ русской исторической наукѣ установился взглядъ на церковную унію, какъ на политическую мѣру, задуманную польскимъ правительствомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы путемъ религіознаго объединенія подвластныхъ ему народностей скорѣе и прочнѣе сплотить ихъ съ кореннымъ населеніемъ государства и тѣмъ увеличить политическую его силу. Взглядъ этотъ выработанъ еще въ то время, когда у нашихъ историковъ существовала общая склонность разсматривать событія общественной и политической жизни прошлыхъ эпохъ преимущественно какъ результатъ правительственныхъ мѣропріятій, оставляя безъ надлежащаго вниманія внутреннія условія даннаго событія. Отсюда въ нашей исторической наукѣ возникло множество одностороннихъ взглядовъ и невѣрныхъ положеній, къ числу которыхъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть отнесенъ и вышеприведенный взглядъ на церковную унію. Мы не рѣшаемся назвать этотъ взглядъ безусловно ошибочнымъ: онъ вѣрно опредѣляетъ, напримѣръ,

отношенія польскаго правительства къ вопросу объ уніи и объясняетъ многіе внѣшніе факты изъ исторіи ея провозглашенія и дальнѣйшей судьбы; но онъ не охватываетъ даннаго событія во всей его жизненной полнотѣ, не касается внутреннихъ и, слѣдовательно, самыхъ существенныхъ условій его возникновенія, даетъ ложное освѣщеніе многимъ частностямъ вопроса и порождаетъ неразрѣшимыя недоумѣнія. Предложимъ для примѣра хотя бы слѣдующее соображеніе. Извѣстно, что мысль о соединеніи православной церкви съ римско-католическою на началахъ флорентинской уніи возникла въ польско-литовскомъ государствѣ весьма задолго до ея практическаго осуществленія на брестскомъ соборѣ 1596 года. Мысль эта первоначально была внушена въ половинѣ XV в. самимъ первосвященникомъ римскимъ одному изъ найболѣе энергичныхъ и могущественныхъ польско-литовскихъ государей, именно королю Казиміру, при содѣйствіи котораго и были произведены, послѣдовательно одна за другою, двѣ попытки къ ея осуществленію; но обѣ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Такъ же неудачна оказалась и третья попытка къ уніи, произведенная въ самомъ концѣ XV в., при литовскомъ князѣ Александрѣ и митрополитѣ Іосифѣ Болгариновичѣ, и съ того времени до самаго вступленія на польскій престолъ короля Сигизмунда III, т. е. въ теченіе почти столѣтія, православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, и самая мысль объ уніи, повидимому, была забыта. Къ тому-же, со второй четверти XVI ст. латинянамъ некогда было думать объ уніи: съ этого времени ихъ вниманіе и силы были отвлечены трудною борьбою съ протестанствомъ, которое скоро проникло въ Польшу и Литву и въ короткое время нанесло католичеству столь сильное пораженіе, что многіе начали опасаться за самое существованіе здѣсь римской церкви. Для борьбы съ этимъ опаснымъ

врагомъ и были вызваны въ Польшу іезуиты, которымъ хотя и удалось поддержать пошатнувшееся было зданіе католической церкви, но для исправленія всѣхъ поврежденій, причиненныхъ ей со стороны реформаціи, требовалось еще не мало времени. Іезуиты же воскресили и полузабытую здѣсь мысль объ уніи и выработали подробную программу ея, изложенную въ извѣстномъ сочиненіи Скарги „О единствѣ церкви", напечатанномъ вь первый разъ въ 1577 году. И что же! не далѣе, какъ черезъ 12 лѣтъ, идея уніи встрѣчаетъ на Руси открытыхъ приверженцевъ въ средѣ знатныхъ дворянъ и большинства южно-русскихъ архіереевъ, а еще черезъ шесть лѣтъ снаряжается извѣстное посольство въ Римъ и созывается брестскій соборъ, на которомъ унія торжественно и провозглашается. Возникаетъ невольное недоумѣніе: чѣмъ объяснить этотъ необыкновенный успѣхъ пропаганды уніи? Почему такъ легко удалось недальновидному королю Сигизмунду III то, что́ совсѣмъ не удалось несравненно болѣе умному Казиміру? и какъ произошло то, что латинство въ Польшѣ и Литвѣ, такъ еще недавно потрясенное реформатскимъ движеніемъ и далеко еще не оправившееся отъ послѣдствій этого потрясенія, столь легко одерживаетъ такую побѣду надъ православіемъ, какой ему не удавалось одерживать и въ прежнія, болѣе, повидимому, благопріятныя времена, когда всемірное господство и обаяніе римскаго престола не было еще поколеблено побѣдами реформаціи?—Это недоумѣніе наши историки обыкновенно стараются разрѣшить указаніемъ на тѣ обстоятельства, которыя во второй половинѣ XVI вѣка особенно якобы благопріятствовали осуществленію уніи, и при этомъ ссылаются: на подготовительную роль въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ; на систематическія преслѣдованія, какимъ въ то время будто-бы подвергаемы были православные іерархи въ видахъ склоненія ихъ къ уніи; на недостатокъ на Руси осно-

вательнаго народнаго образованія и т. под. Всѣ эти соображенія, по нашему мнѣнію, ничего не объясняютъ и ничего не разрѣшаютъ. Приписывать исключительно кознямъ и проискамъ іезуитовъ совершеніе столь громаднаго церковно-общественнаго переворота, какимъ была въ сущности унія, было бы очень мелочно; ссылка же на систематическія преслѣдованія польскимъ правительствомъ представителей тогдашней православной іерархіи не состоятельна, ибо невозможно прежде всего доказать существованія такихъ систематическихъ преслѣдованій, напротивъ, можно утверждать, что юридически положеніе западно-русской православной церкви при Стефанѣ Баторіѣ и въ первые годы правленія Сигизмунда III было ни хуже, ни лучше, чѣмъ и въ другое, болѣе раннее время; что же касается недостаточности основательнаго народнаго образованія, то это такого рода явленіе, которое существовало въ юго-западной Руси и задолго до уніи, и долго спустя послѣ уніи, и существуетъ вполнѣ даже и въ настоящее время. Ближе подходитъ къ основательному рѣшенію вопроса другое соображеніе, которое привелъ въ своей Исторіи Русской церкви недавно скончавшійся московскій митрополитъ Макарій, именно: въ числѣ другихъ причинъ, способствовавшихъ введенію уніи, онъ сдѣлалъ указаніе на роль протестантства, которое, поражая въ Литвѣ католицизмъ, нанесло не менѣе тяжкія пораженія и православію и этимъ значительно облегчило іезуитамъ трудъ одолѣть обезсиленные уже ряды его защитниковъ. Это—дѣйствительно важное обстоятельство, и прежніе историки уніи сильно грѣшили тѣмъ, что большею частью совсѣмъ упускали его изъ виду; но если оно и можетъ быть отнесено къ числу причинъ легкости введенія уніи, то не болѣе какъ причинъ второстепенныхъ; коренныхъ же причинъ этого печальнаго явленія слѣдуетъ искать не во внѣшнихъ условіяхъ тогдашняго положенія западно-русской цер-

кви, не въ козняхъ іезуитовъ и не въ замыслахъ правительства, а внутри ея самой: въ порчѣ коренныхъ основъ ея организаціи, въ тѣхъ страшныхъ внутренних язвахъ, которыя разъѣдали ея организмъ и дѣлали ее легкой добычей для каждаго изъ ея враговъ. Главный источникъ и корень этого зла лежалъ въ безпорядкахъ тогдашней церковной іерархіи и въ крайней деморализаціи большинства ея представителей. На это явленіе указываютъ и наши историки и болѣе другихъ—митрополитъ Макарій, но не придаютъ ему надлежащаго значенія и ставятъ его въ числѣ какъ-бы второстепенныхъ причинъ уніи, на ряду съ кознями іезуитовъ. На самомъ же дѣлѣ значеніе этого печальнаго явленія столь велико, что безъ него всѣ другія внѣшнія причины были-бы безсильны породить унію, и наоборотъ: оно одно таило въ себѣ столько опасныхъ элементовъ, что и помимо вліянія этихъ причинъ раньше или позже должно было неминуемо привести западно-русскую церковь, если не къ уніи, то къ инымъ столь же опаснымъ потрясеніямъ. Стоитъ лишь внимательно присмотрѣться къ явленіямъ тогдашней церковной жизни въ юго-западной Руси, окинуть однимъ взглядомъ всю эту страшную картину полной дезорганизаціи церковно-іерархическихъ отношеній снизу до верху: невѣжество и, какъ тогда говорили, «великое грубіянство и недбалость» низшаго духовенства, упадокъ монастырей и полное забвеніе лучшихъ преданій древне-русскаго отшельничества, въ особенности же тѣ неслыханныя и, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, просто невообразимыя злоупотребленія, какія творились тогда въ сферѣ высшей церковной іерархіи: эти безпрестанные случаи узурпаціи свѣтскими лицами высшихъ церковныхъ достоинствъ, куплю и продажу епископій и архимандритствъ, безнравственную жизнь большинства этихъ непризванныхъ владыкъ и архимандритовъ, дерзкое нарушеніе ими каноновъ и преданій

церковныхъ, исключительную и открытую погоню за наживой и неправедными прибытками и полное пренебреженіе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ,—стоитъ, говоримъ, вникнуть во все это, чтобы убѣдиться, что такое хаотическое состояніе западно-русской церкви должно было неизбѣжно разрѣшиться какимъ-нибудь крупнымъ и опаснымъ потрясеніемъ. Вспомнимъ, что все это происходило въ то самое время, когда въ Литвѣ и юго-западной Руси, подъ вліяніемъ только-что прошедшей и далеко еще не улегшейся волны реформаціоннаго движенія, наступило страшное броженіе умовъ, не ограничившееся одними высшими общественными сферами, но проникшее и вглубь, въ среду мѣщанъ и другихъ сословій. Удивляться-ли тому, что при такихъ условіяхъ западно-русская церковь, въ лицѣ ея недостойныхъ представителей, теряла свой священный авторитетъ въ глазахъ современниковъ и они толпами уходили въ чужія вѣры и секты! Объ этомъ горько скорбѣлъ князь Константинъ Острожскій, писавшій въ 1593 году владимірскому епископу Ипатію Потѣю, что „люди нашей религіи не заступаются за церковь Божію и за вѣру свою старожитную, но еще сами насмѣхаются надъ ней и въ различныя секты убѣгаютъ“ [1]); на то же указывали и сами отступники-архіереи, когда жаловались, что ихъ пасомые съ каждымъ днемъ все болѣе отпадаютъ отъ нихъ въ другія вѣры и уже „не по одному, але громадами: Богъ то вѣдаетъ, съ кимъ ся зостанемо“,—и этимъ хотѣли оправдать свое собственное вѣроотступничество [2]). Лучшіе люди того вѣка, какъ, напр., тотъ же князь Константинъ Острожскій, съ болью сердечною видѣли и хорошо понимали, въ какомъ „упадку, зницеию и опущеню“ находилась „ихъ матка-цер-

---

¹) Акты Западной Россіи, т. IV, № 45.
²) Ibidem, № 63.

ковь святая восточная", дѣлали, что могли, для исцѣленія ея немощей и тяжкихъ недуговъ, всѣми мѣрами побуждали къ тому же „недбалыхъ" іерарховъ, но, не встрѣчая съ ихъ стороны содѣйствія, теряли, наконецъ, надежду достигнуть какихъ-либо результатовъ, въ безсиліи опускали руки и начинали невольно мириться съ мыслью объ уніи, понимая ее лишь въ смыслѣ одного формальнаго подчиненія западно-русской церкви римскому первосвященнику и надѣясь, что при этомъ, можетъ быть, скорѣе удастся дисциплинировать мѣстную іерархію, свободную отъ всякаго высшаго надъ нею контроля, и ввести надлежащій порядокъ въ церковныя отношенія. Къ той же мысли стали понемногу склоняться на Руси и другіе ревнители церковнаго благоустройства и при томъ не одни образованные люди, но даже мѣщане и простой народъ; вотъ что писали въ 1592 году львовскіе православные братчики константинопольскому патріарху, горько жалуясь ему на своихъ владыкъ и производимое ими церковное безчиніе: „Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что наши такъ называемые святители суть по истинѣ сквернители: обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами; нѣкоторые, многобрачные, святительствуютъ, другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ! Поэтому церковь наша православная оказывается исполненною всякаго зловѣрія и злонравія, и люди смущаются недоумѣніемъ: не настоитъ-ли время погибели? Многіе утвердили совѣтъ предаться римскому единоначальному архіерейству и пребывать подъ папою римскимъ, совершая въ церкви невозбранно все свое по закону греческой вѣры. Народъ же разсуждаетъ, что вѣра Христова можетъ правовѣрно исповѣдываться и подъ римскою властію, какъ было изначала; потому что въ многоначаліи нашемъ безначаліе обрѣтается, отеческіе законы попраны и ложь лицемѣрствующихъ пра-

вославіемъ учителей покрыла церковь. Всѣ люди единогласно говорятъ: если не исправится въ церкви беззаконіе, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ" [1]). Чтобы предотвратить эти порывы отчаянія и спасти церковь отъ грозившихъ ей опасностей, лучшіе люди изъ разныхъ слоевъ тогдашняго западно-русскаго общества, группируясь въ церковныя братства, во многомъ напоминавшія братскіе союзы первыхъ христіанскихъ вѣковъ, рѣшились взять на себя трудное дѣло возстановленія церковнаго благоустройства. Они широко выдвинули и поставили во главу угла своей дѣятельности коренной принципъ православія—соборное начало, по которому не одни церковноначальствующіе, а всѣ вѣрующіе составляютъ истинную церковь Христову, авторитету которой должны подчиняться сами представители іерархіи [2]). Основываясь на этомъ принципѣ, братства выхлопотали у восточныхъ патріарховъ столь широкія полномочія, что, владѣя ими, они являлись законными органами власти церковной; такъ имъ предоставлялось право: обличать всякаго противящагося христіанскому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе; наблюдать за жизнью и нравственностью не только мірскихъ людей, но и духовныхъ, а неисправляющихся предавать суду церковному и даже подвергать отлученію; наконецъ, что особенно важно, братствамъ предоставлялось право контролировать дѣйствія и поступки самихъ архіереевъ, и

---

[1]) Акты Западной Россіи, т. IV, № 33.

[2]) Принципъ этотъ ясно выраженъ въ самомъ уставѣ львовскаго церковнаго братства, утвержденномъ 1586 г. патріархомъ антіохійскимъ Іоакимомъ (Памятники Кіевск. Коммиссіи, т. III, отд. 1, стр. 5). Еще громче и рѣзче онъ провозглашается въ извѣстныхъ посланіяхъ аѳонскаго монаха-южнорусса Іоанна Вишенскаго, а также въ «Апокрисисѣ» и въ другихъ православно-полемическихъ сочиненіяхъ XVI и XVII вѣковъ.

въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ управлялъ своей паствой не по правиламъ церковнымъ, братчики имѣли власть „противиться ему, какъ врагу истины“ [1]). Это властное вмѣшательство мірскихъ людей въ дѣла церковнаго управленія, какъ извѣстно, послужило источникомъ возрожденія южнорусской церкви и открыло въ ея исторіи новую, славную эпоху, украшенную именами Іова Борецкаго, Петра Могилы и другихъ іерарховъ-просвѣтителей; но въ первое время оно болѣе всего ускорило наступленіе той печальной развязки, къ которой сила вещей неудержимо влекла западнорусскую церковь вслѣдствіе одержавшихъ ее внутреннихъ недуговъ. Едва только братства обнаружили намѣреніе пользоваться предоставленными имъ полномочіями, какъ немедленно въ средѣ западно-русскихъ архіереевъ поднялся вопль о томъ, будто патріархи отняли у нихъ всю церковную власть и вручили ее простымъ хлопамъ, шевцамъ, сѣдельникамъ и кожемякамъ, что эти хлопы-братчики не только не хотятъ повиноваться епископамъ, но даже осмѣливаются вмѣшиваться въ церковное управленіе и обсуждать ихъ образъ дѣйствій, и что въ виду этого они, епископы, вынуждены что нибудь „о собѣ промышляти“ [2]). Это „промышленіе“ о себѣ западно-русскихъ архіереевъ выразилось въ томъ, что они отправились договариваться съ польскимъ правительствомъ относительно уніи и въ число главныхъ условій этого договора внесли требованіе, чтобы выданныя братствамъ патріаршія грамоты были уничтожены и чтобы братства впредь находились въ совершенномъ подчиненіи у епископовъ [3]).

---

[1]) См. Уставъ Львовскаго Братства.—Пам. Кіевск. Комм. т. III, отд. I, стр. 1—21.

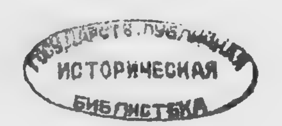
[2]) Такъ самъ митрополитъ Михаилъ Рогоза объяснялъ причины, побудившія его и другихъ архіереевъ приступить къ уніи (Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 150). См. также А. Ю. и З. Р. т. II, стр. 238 и далѣе.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 80 и 112.

Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе брестской церковной уніи, если разсматривать ее какъ историческое явленіе, органически возникшее на почвѣ данныхъ церковно-общественныхъ отношеній, а не видѣть въ ней только результатъ внѣшнихъ, правительственныхъ мѣропріятій. Мы не отрицаемъ того, что польское правительство имѣло большое вліяніе на ходъ уніи; но собственно активная роль его начинается лишь съ того момента, когда оно, встрѣтивъ въ средѣ большинства представителей западно-русской іерархіи и даже въ нѣкоторой части западно-русскаго общества движеніе, вполнѣ отвѣчавшее его государственно-политическимъ интересамъ, оказываетъ ему всевозможное содѣйствіе и всячески направляетъ его къ извѣстной цѣли; а затѣмъ, когда это движеніе разрѣшилось извѣстнымъ формальнымъ актомъ—провозглашеніемъ уніи, то правительству, въ его собственныхъ интересахъ, не оставалось иного дѣлать, какъ поддерживать и энергично распространять унію, опираясь на то, что эта церковная перемѣна предпринята и совершена по инициативѣ митрополита и большинства западно-русскихъ епископовъ и утверждена ихъ соборнымъ опредѣленіемъ, съ точки зрѣнія котораго православіе представлялось уже ничѣмъ другимъ, какъ схизмой или расколомъ церковнымъ. Но въ то время, когда унія только еще зарождалась, роль правительства въ этомъ дѣлѣ была совсѣмъ иная. Мы не сомнѣваемся, что польско-литовскіе государи, какъ послушные сыны римской церкви и какъ дальновидные политики, никогда не покидали желанія привести своихъ русскихъ подданныхъ къ единенію съ государственнымъ исповѣданіемъ на началахъ флорентинской уніи и были всегда готовы взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ; но ихъ желанія въ теченіе почти полутораста лѣтъ такъ и оставались не болѣе, какъ благочестивыми желаніями, особенно послѣ того, какъ Казиміръ дважды пытался осуществить эти же-

ланія и оба раза потерпѣлъ неудачу. Точно также и представителей католическаго духовенства въ Польшѣ и Литвѣ нельзя заподозрить въ слабомъ сочувствіи къ идеѣ уніи и въ отсутствіи такой же ревности къ ея осуществленію, какую проявили впослѣдствіи іезуиты; но ихъ усилія такъ же мало имѣли успѣха, какъ и желанія правительства. Вотъ почему намъ кажется одностороннимъ установившійся у насъ взглядъ на унію, какъ на насильственную политическую мѣру, предпринятую и проведенную польскимъ правительствомъ при помощи католическаго духовенства, и мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нашихъ историковъ, признающихъ главными виновниками уніи короля Сигизмунда III и іезуитовъ. Въ жизни народовъ перевороты, подобные уніи, не совершаются одною волею правительствъ, въ особенности столь безсильныхъ, какими на дѣлѣ всегда были правительства Польши и Литвы, а являются обыкновенно результатомъ какихъ-нибудь внутреннихъ, органическихъ поврежденій, нарушающихъ нормальный ходъ жизни даннаго общества. А кто же, внимательно присмотрѣвшись къ существовавшимъ въ юго-западной Руси во второй половинѣ XVI вѣка церковно-общественнымъ отношеніямъ, найдетъ ихъ сколько-нибудь нормальными? Кто не признаетъ, что западно-русская церковь въ то время болѣла тяжкимъ внутреннимъ недугомъ, причины котораго глубоко коренились въ ея организмѣ и потому не могли быть устранены безъ опасныхъ потрясеній, и что едва только сдѣланы были первые серьезные шаги по пути церковныхъ преобразованій, какъ немедленно въ высшихъ церковно-іерархическихъ сферахъ обнаружились зловѣщіе признаки движенія, явно угрожавшаго церковнымъ расколомъ! Безспорно, что іезуиты и руководимое ими польское правительство постарались воспользоваться для своихъ цѣлей этимъ движеніемъ, но своимъ вмѣшательствомъ они, быть можетъ, только ускорили разрѣ-

шеніе процесса, но отнюдь не создали его; и потому признавать ихъ виновниками (да еще *главными*) церковной уніи, по нашему мнѣнію, столь же неосновательно, какъ неосновательно было-бы, положимъ, приписывать возникновеніе великорусскаго раскола исключительному вліянію попа Аввакума и его сообщниковъ. Какъ ни далеко отстоятъ, по видимому, другъ отъ друга оба эти печальныя явленія въ церковной жизни двухъ половинъ русскаго міра, они, однако, принадлежатъ къ разряду явленій одного и того-же порядка, знаменующихъ собою тотъ рѣзкій переломъ въ жизни обществъ, безъ котораго не обходится почти ни одна эпоха крупныхъ преобразованій. Брестская унія есть въ сущности тотъ же расколъ, порожденный болѣзненнымъ состояніемъ церковно-общественнаго организма и вызванный наружу пробудившимся сознаніемъ необходимости коренныхъ церковныхъ преобразованій, но выразившійся въ иной формѣ, соотвѣтственно основному различію свойствъ и проявленій болѣзненнаго процесса: тамъ, въ сѣверо-восточной Руси, поврежденія коснулись преимущественно низшихъ церковно-общественныхъ слоевъ и были порождены болѣе всего грубымъ, невѣжественнымъ отношеніемъ народной массы и низшаго духовенства къ предметамъ вѣры и церковной обрядности; здѣсь же, въ юго-западной Руси, патологическій процессъ охватилъ верхніе церковно-общественные слои, вѣрованія которыхъ были значительно уже расшатаны умственно-религіознымъ броженіемъ, порожденнымъ вліяніемъ реформаціи, и съ особенною силою поразилъ правящую церковную среду—высшую іерархію, существенно видоизмѣнилъ ея роль и назначеніе въ строѣ церковномъ, атрофировалъ ея нравственныя силы и тѣмъ приготовилъ ее къ отпаденію отъ остальныхъ, здоровыхъ частей церковнаго организма. Явное вѣроотступничество большинства представителей высшей іерархіи произвело, конечно, глубокое потрясеніе въ цѣломъ

организмѣ западно-русской православной церкви и приготовило для нея въ будущемъ источникъ неизчислимыхъ бѣдствій; но, какъ всякій рѣшительный исходъ, унія принесла и свою долю пользы: она сразу же положила конецъ хаотическому состоянію церковныхъ отношеній и той „лжи лицемѣрствующихъ православіемъ учителей“, какая къ тому времени, по свидѣтельству львовскаго братства, покрыла церковь; она сразу же провела рѣзкую черту между истинными ревнителями древне-отеческаго православія и его врагами; она пробудила въ западно-русскомъ обществѣ дремавшія или колеблющіяся силы и призвала ихъ къ дѣятельности на пользу церкви и возстановленія древняго ея благоустройства; наконецъ, унія послужила какъ-бы очистительнымъ клапаномъ или нарывомъ, открывшимъ истокъ для скоплявшихся вѣками нечистыхъ соковъ въ церковно-общественномъ организмѣ и сдѣлала возможнымъ впослѣдствіи появленіе въ южной Руси на различныхъ церковно-іерархическихъ постахъ ряда лицъ, сіявшихъ чистотою нравственной жизни, преданностью пастырскому долгу и самоотверженною ревностью о церковно-общественномъ благѣ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія вопросъ объ уніи, мы должны обратиться къ изслѣдованію причинъ, породившихъ то печальное состояніе западно-русской православной церкви, которое, по нашему мнѣнію, естественнымъ путемъ привело ее къ уніи. Причинъ этихъ доселѣ искали почти исключительно въ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ польско-литовскаго правительства по отношенію къ православной церкви и въ козняхъ іезуитовъ; мы же полагаемъ, что ихъ слѣдуетъ искать нѣсколько глубже, именно—въ общихъ условіяхъ эпохи и въ направленіи общественной и политической жизни литовско-русскаго государства въ XVI столѣтіи. То было время, когда литовское княжество одновременно подверглось двумъ сильнымъ вліяніямъ: съ одной стороны,

частыя сношенія литовцевъ и русиновъ съ западной Европой, вошедшія въ обычай еще въ XV вѣкѣ, теперь достигли особенной близости и открыли свободный доступъ въ страну европейскому вліянію вообще и въ частности тому умственному и религіозному броженію, которое волновало тогда всю Европу; а съ другой стороны, въ тоже самое время совершалось не менѣе тѣсное сближеніе Литвы съ Польшей, скоро завершившееся извѣстной люблинской уніей 1569 года и повлекшее за собою еще болѣе сильный наплывъ польско-шляхетскихъ понятій и обычаевъ. Совокупное дѣйствіе этихъ двухъ вліяній сильно потрясло весь организмъ литовско-русскаго государства и произвело рѣзкій переломъ въ прежнемъ теченіи его политической и общественной жизни. Трудно было найти такую сферу въ частномъ или общественномъ быту Литвы и юго-западной Руси, куда не проникло-бы это всесильное вліяніе: старыя національныя преданія, религіозныя вѣрованія, политическія традиціи, понятія о сословныхъ отношеніяхъ, общественные нравы, обычаи домашняго и семейнаго быта—все это разомъ подверглось броженію, переработкѣ и измѣненіямъ. Одинъ только простой народъ остался недоступнымъ вліянію времени, но и онъ вскорѣ почувствовалъ на себѣ печальныя послѣдствія совершавшейся вокругъ него ломки. Понятно, что новое движеніе, вызвавшее столь значительныя общественныя перемѣны, должно было такъ или иначе коснуться и западно-русской православной церкви; и оно дѣйствительно коснулось ея и притомъ двоякимъ образомъ: непосредственно—путемъ открытаго распространенія среди ея членовъ ученій Лютера, Кальвина, Социна и другихъ реформаторовъ, и посредственно—путемъ разложенія и измѣненія понятій, формъ и основъ древне-русской общественности. Какъ ни велико было зло, причиненное православію пропагандой протестантизма, но вторженіе въ западно-русскую жизнь понятій и формъ чуждаго ей національ-

наго, общественнаго и экономическаго строя оказалось несравненно гибельнѣе по своимъ послѣдствіямъ для православной церкви, какъ равно и для всего западно-русскаго края. Оно болѣе всего содѣйствовало разрушенію давно уже выработаннаго здѣсь общимъ теченіемъ жизни строя церковно-общественныхъ порядковъ и отношеній и этимъ путемъ привело западно-русскую церковь къ тому глубокому, органическому разстройству, плодомъ котораго и была унія.

Попытаемся прослѣдить этотъ процессъ съ необходимою обстоятельностью.

По недостатку историческихъ свидѣтельствъ о юго-западной Руси изъ временъ XIII и первой половины XIV в., трудно сказать что-нибудь опредѣлительное о внутреннемъ строѣ тогдашней западно-русской церкви; но, группируя отрывочныя свѣдѣнія слѣдующей затѣмъ эпохи, находимъ, что послѣдовательное развитіе организаціи церковныхъ отношеній не было прервано здѣсь татарскимъ и затѣмъ литовскимъ завоеваніемъ, но продолжалось въ духѣ тѣхъ же началъ, какія положены были еще въ древне-русскій періодъ. Уже въ XII—XIII вв. замѣчаемъ, что избраніе епископовъ, совершавшееся первоначально соборомъ однихъ лишь іерарховъ, подъ руководствомъ митрополита и по соизволенію великаго князя, постепенно становится дѣломъ міранъ, представителей мѣстныхъ паствъ. Не говоримъ уже о Новгородѣ, гдѣ избраніе епископовъ всегда принадлежало народному вѣчу, но и въ другихъ древне-русскихъ княжествахъ вошло въ обычай, что по смерти или удаленіи епископа мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ ему преемника и посылалъ къ кіевскому митрополиту для посвященія. Такое избраніе, согласное съ древними обычаями церкви, считалось законнымъ; если же митрополитъ самъ назначалъ куда-либо епископа, то это признавалось незаконнымъ. Такъ, напр., когда въ 1183 г. митрополитъ Ни-

кифоръ по своему усмотрѣнію поставилъ въ Ростовъ епископа Николая Грека, то великій князь владимірскій и суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ не принялъ его, говоря: „не избраша сего людіе земли нашея", и принудилъ посвятить народнаго избранника, кіево-спасскаго игумена Луку; а лѣтописецъ, повѣствуя объ этомъ эпизодѣ, замѣчаетъ: „нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ, но его же Богъ позоветъ, князь восхочетъ и *людье*" [1])—указывая тѣмъ на общее правило, какого держались тогда при избраніи епископовъ. Впослѣдствіи въ московской Руси правило это было измѣнено въ смыслѣ устраненія мірянъ отъ участія въ выборѣ іерарховъ; но въ юго-западной Руси, еще до отдѣленія ея отъ московской митрополіи, находимъ, что избраніе епископовъ совершалось по прежнему обычаю, т. е. не соборомъ однихъ іерарховъ, но при участіи князей, бояръ, священниковъ и всего „людства" той епархіи, для которой избирался архипастырь[2]). Когда здѣсь была учреждена впослѣдствіи отдѣльная митрополія, то тѣмъ же порядкомъ совершалось обыкновенно избраніе и кіевскихъ митрополитовъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ составъ избирателей входили князья, бояре и „людство" не одной какой-либо епархіи, а всей литовской митрополіи. Приведемъ для примѣра сохранившееся свидѣтельство о томъ, какъ происходило около 1490 г. избраніе митрополита Іоны Глезны. По смерти его предшественника, русскіе князья обратились съ просьбой къ своему „господарю", великому литовскому князю Казиміру, да повелитъ избрать годнаго настоятеля на престолъ митрополіи кіевской и вся Руси. Когда великій князь согласился на ихъ просьбу, то происходило „взысканіе многое" по всѣмъ

---

[1]) Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, 165; т. II, 127.

[2]) Акты Историч. т. I, № 270. Макарій митрополитъ, Исторія Р. Церкви, т. IX. стр. 43, 193.

странамъ его державы, пока не обрѣли мужа святаго, сугубо наказаннаго въ писаніяхъ, полоцкаго архіепископа Іону. Избранный долго отказывался, считая себя недостойнымъ первосвятительскаго сана, и едва умоленъ былъ просьбами князей, всего духовенства и „посполства“ и подвигнутъ повелѣніемъ господаря. Затѣмъ князья отправили посольство и грамоту къ константинопольскому патріарху съ просьбою отъ себя и отъ „всего сонма сыновъ русскихъ“ дать новоизбранному благословеніе на митрополію [1]). Та же система всенароднаго избранія примѣнялась въ юго-западной Руси къ замѣщенію и другихъ степеней церковныхъ, до низшихъ клириковъ включительно. Имѣются документальныя свидѣтельства, что еще въ половинѣ XVI в. архимандритовъ кіевопечерской и другихъ обителей избирали не одни старцы монастырскіе, но также князья, бояре и земяне кіевской земли [2]), а виленскіе мѣщане до временъ самой уніи избирали и уставляли къ своимъ городскимъ церквамъ не только священниковъ, но и діаконовъ, уставщиковъ и пономарей [3]); наконецъ, сошлемся на порядки церковныхъ братствъ, которыя всегда сами избирали своихъ священниковъ [4]).

Избирательная система, какъ извѣстно, всегда сближаетъ избирателей съ избираемыми и порождаетъ между ними тѣсную нравственную связь; такъ было и въ данномъ

---

[1]) Эта грамота, въ которой изложены вышеприведенныя подробности, помѣщена, въ I т. Вил. Археогр. Сборника, под. № 2.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. II, № 112.—Сличи подобный же фактъ избранія игумена въ древней Руси. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, 42, 47.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. II, № 231; т. III, № 144. См. также въ настоящемъ томѣ документъ подъ № LX, свидѣтельствующій о томъ, что еще въ 1597 г. мѣщанская «громада» м. Щуровецъ, въ Кременецкомъ повѣтѣ, самостоятельно избирала и удаляла своихъ приходскихъ священниковъ.

[4]) См., напр., уставъ люблинск. братства настоящаго тома № LI.

случаѣ. Не составляя изъ себя особаго, замкнутаго сословія и постоянно пополняясь членами, избранными изъ среды мірянъ, западно-русское духовенство XV—XVI вв. жило вполнѣ одною жизнью съ своими пасомыми, принимало видное участіе въ ихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ и въ свою очередь не устраняло мірянъ отъ такого же участія въ дѣлахъ, касавшихся предметовъ собственно церковнаго вѣдѣнія. Пока въ литовской Руси существовали удѣльныя княжества, православные іерархи занимали почетныя мѣста въ составѣ княжескихъ совѣтовъ, гдѣ они „о добромъ посполитомъ радили и совѣтовали“ вмѣстѣ съ другими князьями и боярами [1]); впослѣдствіи, именно въ XVI в., мы видимъ ихъ членами сеймовъ различныхъ западно-русскихъ земель и воеводствъ [2]), а по смыслу одной грамоты короля Сигизмунда I отъ 1511 года можно заключать, что православные іерархи засѣдали даже въ генеральныхъ сеймахъ великаго княжества Литовскаго [3]). Съ другой стороны и міряне въ то время смотрѣли на церковныя дѣла какъ на нѣчто такое, что должно подлежать вѣдѣнію всѣхъ и каждаго изъ членовъ церкви, а не одной лишь іерархіи. Постоянно оказывая церкви покровительство и щедрыя благодѣянія, безпрестанно основывая новые монастыри, строя новые храмы и надѣляя ихъ землями и богатыми дарами, свѣтскіе люди того вѣка, преимущественно же знатные князья и земяне, считали своимъ правомъ блюсти за церковнымъ порядкомъ и благоустройствомъ, контролировать жизнь и дѣятельность ими же избираемаго православнаго духовенства и вообще принимать самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. И не было случая, чтобы представители западно-русской церкви когда-либо протестовали противъ законности подобныхъ взглядовъ и

---

[1]) См. въ настоящ. томѣ № 1.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II, № 114. Настоящаго тома № XIII.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. II, № 68.

отношеній; напротивъ, они сами допускали иногда вмѣшательство мірянъ въ такія дѣла, которыя и по правиламъ церковнымъ должны принадлежать одной лишь духовной власти. Въ уставной грамотѣ львовскаго епископа Макарія 1539 года о возобновленіи во Львовѣ „крылоса“ [1]), между прочимъ постановляется, что, въ случаѣ смерти владыки, впредь до избранія ему преемника, „крылошане маютъ держати рокъ цѣлый у своей моци епископію,“ но не одни, а „*съ паны земяны* закону нашого светого греческого, якъ з малымъ, такъ з великимъ, и *съ паны мѣщаны* лвовскими, и коли южъ рокъ выйдетъ, то маютъ нареченому или пакъ освященному владыцѣ епископію подати со всѣми скарбы церковными“ [2]). Это неясное выраженіе „держати епископію“ можно понимать и такъ, что земянамъ и мѣщанамъ усвоялось право временнаго управленія совмѣстно съ крылосомъ всѣми дѣлами вдовствующей епархіи; или же въ болѣе ограниченномъ смыслѣ—что имъ предоставлялось лишь право завѣдыванія епископскими имѣніями и охраны церковнаго имущества отъ расхищеній, всего чаще случавшихся именно по смерти епископовъ. Но вотъ предъ нами документальныя свидѣтельства о томъ, что иногда міряне входили въ составъ

---

[1]) „*Крылосомъ*“ называлась духовная коллегія, находившаяся при епархіальной каѳедрѣ и состоявшая изъ лицъ бѣлаго духовенства. Это былъ органъ епархіальнаго суда: безъ его участія епископъ не могъ судить не только мірянъ, но даже лицъ подчиненнаго ему духовенства (7 правило Виленск. собора 1509 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ и органъ епархіальнаго управленія: „крылосъ“ самостоятельно избиралъ архіерейскихъ намѣстниковъ, судившихъ и рядившихъ сельскіе причты, вмѣстѣ съ епископомъ завѣдывалъ церковными имѣніями, съ нимъ же нераздѣльно являлся представителемъ церковно-епархіальныхъ интересовъ въ свѣтскихъ судахъ и предъ государственною властью. Можно думать, что „крылосъ“ былъ однимъ изъ старинныхъ учрежденій въ южно-русской церкви: о немъ упоминается еще въ грамотахъ князя Льва Даниловича Галицкаго 1292 и 1302 годовъ.

[2]) Акты Южной и Зап. Россіи, т. I, № 103.

духовныхъ судовъ не только епископскихъ, но даже митрополичьихъ, и принимали участіе въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся собственно церковнаго управленія. Въ 1511 году виленскіе мѣщане представили на рѣшеніе тогдашняго кіевскаго митрополита Іосифа Солтана свои жалобы о нарушеніи ихъ старинныхъ обычаевъ касательно избранія ими своихъ священниковъ и завѣдыванія церковными имуществами. Въ судной грамотѣ митрополита, выданной по этому дѣлу, прямо говорится: „и обмовивши тую речъ въ нашомъ духовномъ правѣ (т. е. судѣ) зъ нашими духовными и з нѣкоторыми *свѣтскими* дѣтми нашими, такъ есмо вчинили з ласки нашое"; а далѣе перечисляется поименно составъ разсматривавшаго это дѣло митрополичьяго суда, и во главѣ перечня мы читаемъ имена трехъ *земянъ*, за которыми уже слѣдуютъ имена крылошанъ и прочаго духовенства [1]). Другой подобный фактъ мы находимъ въ судной грамотѣ полоцкаго архіепископа Германа Хребтовича 1553 года по дѣлу между витебской игуменьей Маріамной и священникомъ Іосифомъ Жижчикомъ о наслѣдствѣ. Не смотря на то, что какъ истица, такъ и отвѣтчикъ, оба принадлежали къ церковному клиру, въ составъ разбиравшаго это дѣло епархіальнаго суда, кромѣ самого архіепископа, его крылошанъ и другаго духовенства, входило также четверо лицъ изъ числа мѣстныхъ *господарскихъ бояръ* [2]). Конечно, во второй половинѣ XVI вѣка подобные примѣры участія мірянъ въ церковно-епархіальномъ управленіи были уже довольно рѣдки— по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже; но нельзя не видѣть въ нихъ остатка стариннаго обычая, составлявшаго, быть можетъ, въ прежнюю эпоху общее явленіе. Но если въ чемъ особенно рельефно выразился принципъ уча-

---

[1]) Виленскій археограф. сборникъ, т. VI, № 4.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 12.

стія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, такъ это въ практикѣ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ, которые обыкновенно были созываемы для рѣшенія особенно важныхъ вопросовъ, касавшихся всей литовско-русской митрополіи. Когда въ началѣ XV ст. въ литовской Руси созрѣла мысль о необходимости имѣть здѣсь особаго, независимаго отъ Москвы, митрополита, то великій литовскій князь Витовтъ не ограничился предварительнымъ совѣтомъ объ этомъ важномъ дѣлѣ съ западно-русскими епископами, но, слѣдуя, очевидно, мѣстному обычаю, „събра вси князи литовскыхъ и русскыхъ земль, и бояръ, и вельможь, архимандриты же и игумени, и благоговѣйныа инокы и попы, и сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею и избраніемъ и хотѣніемъ“ былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ отдѣленіи кіевской митрополіи и объ избраніи въ митрополиты Григорія Самвлака [1]). Въ этомъ документальномъ свидѣтельствѣ поименованъ обычный составъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ, не измѣнившійся и во все послѣдующее время, за исключеніемъ лишь того, что съ конца XVI вѣка на нихъ появляются, кромѣ князей, земянъ и другихъ „зацныхъ свѣтскихъ становъ,“ еще представители церковныхъ братствъ и городскихъ обществъ. Таковъ былъ, наприм., составъ знаменитаго брестскаго собора 1596 года по дѣлу объ уніи, къ засѣданіямъ котораго прибыли многочисленные депутаты отъ всѣхъ литовско-русскихъ воеводствъ и повѣтовъ, послы отъ церковныхъ братствъ и нѣкоторыхъ городовъ и множество частныхъ лицъ. И какъ ни мало пріятно было для иниціаторовъ уніи участіе въ занятіяхъ собора свѣтскаго оппозиціоннаго элемента, однако правительство польское не рѣшилось открыто выступить противъ древняго обычая, какъ-бы узаконившаго присутствіе на соборахъ свѣтскихъ людей,

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 24.

и ограничилось лишь тѣмъ, что издало распоряженіе о недопущеніи на засѣданія собора „людей иншихъ вѣръ, кромъ римлянъ и грековъ."

Такимъ образомъ основными чертами внутренняго строя западно-русской православной церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI вѣка нужно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Черты эти одинаково были согласны какъ съ духомъ древнихъ соборныхъ преданій православной церкви [1]), такъ и съ характеромъ понятій и общественныхъ возрѣній южнорусскаго народа, и при условіи дальнѣйшаго ихъ сохраненія и развитія должны были сопровождаться самыми благотворными послѣдствіями и для самой церкви, и для общества. Избирательная система при замѣщеніи церковныхъ должностей по самой своей природѣ не могла не служить

---

[1]) Чтобы ссылка наша на древнія преданія прав. церкви не показалась кому-либо голословной, приведемъ здѣсь основныя положенія изъ одного спеціальнаго богословскаго изслѣдованія „*О судьбѣ выборнаго начала въ древней церкви*," помѣщеннаго въ «Духовномъ Вѣстникѣ», издававшемся въ Харьковѣ съ 1862 по 1866 годъ (т. III, стр. 444—459). Начало участія народа въ дѣлѣ избранія духовенства авторъ относитъ ко временамъ апостольскимъ; эпоху его найбольшаго развитія—къ началу IV вѣка. Главныя причины его ослабленія указываетъ во 1-хъ въ томъ, что, вслѣдствіе развитія ересей въ странѣ, нельзя было иногда предоставить народу право избранія іерарховъ, во 2-хъ въ томъ, что съ IV в., политическія обстоятельства Византійской имперіи требовали вообще сосредоточенія власти въ рукахъ правительства. До временъ императ. Юстиніана встрѣчаются только частные случаи назначенія епископовъ помимо желаній народа; по законамъ Юстиніана народъ вовсе устранялся отъ участія въ выборахъ. Но церковное законодательство, по мнѣнію автора, никогда вообще не отмѣняло право выбора. Что же касается правилъ Лаодикійскаго и VII вселенскихъ соборовъ, отмѣняющихъ это право, то, по мнѣнію автора, они имѣли случайный характеръ: правила перваго были вызваны мѣстными обстоятельствами, правила 2-го обстоятельствами времени (ересь иконоборная).

найболѣе вѣрнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ западно-русскую іерархію отъ вторженія въ ея среду людей недостойныхъ, такъ какъ мы видѣли, что избранію обыкновенно должно было предшествовать „взысканіе многое“ достойнаго кандидата; а постоянное и близкое участіе представителей общества въ дѣлахъ церковнаго управленія и благоустройства естественно приводило къ тѣсному единенію пастырей съ пасомыми и порождало въ послѣднихъ живое и дѣятельное отношеніе къ интересамъ церкви. При этихъ условіяхъ церковь всегда оставалась живымъ національнымъ организмомъ, дѣйствительною хранительницею духовныхъ силъ своего народа и его руководительницею въ общественномъ и политическомъ развитіи. Безъ сомнѣнія, въ этомъ счастливомъ единеніи церковно-общественныхъ силъ слѣдуетъ отчасти искать источникъ той внутренней крѣпости, какую обнаружила югозападная Русь въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ своей исторіи, когда она, разоренная татарскимъ нашествіемъ, оторванная отъ остальныхъ частей русскаго міра и подчиненная иноплеменному, литовскому государству, въ короткое время сама подчиняетъ его своему цивилизующему вліянію путемъ мирнаго распространенія среди литовцевъ русской культуры, русской вѣры, языка и письменности, такъ что уже преемники Гедымина лишь по имени остаются „литовскими“ князьями, а на дѣлѣ ихъ государство становится почти вполнѣ русскимъ. Въ томъ же единеніи съ обществомъ черпала силу и сама западно-русская церковь для борьбы противъ неоднократныхъ попытокъ въ XV в. навязать ей флорентинскую унію.

Къ сожалѣнію, въ самомъ государственномъ строѣ великаго княжества литовскаго коренились условія, мало благопріятствовавшія дальнѣйшему развитію внутренняго строя западно-русской церкви въ указанномъ направленіи и впослѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, прямо со-

дѣйствовавшія его разрушенію. Опасность заключалась не въ томъ лишь одномъ, что со времени Ягайла литовскіе государи стали послѣдователями католической вѣры и послушными исполнителями папскихъ предначертаній. Сознавая, какую громадную силу имѣло въ ихъ государствѣ русское народное начало, князья литовскіе, за исключеніемъ развѣ грубаго фанатика Ягайла, постоянно относились къ православной церкви не только съ полною вѣротерпимостью, но часто оказывали ей покровительство и неоднократно прилагали стараніе и заботливость объ ея интересахъ. Всѣ они, при своемъ вступленіи на престолъ, давали обычное клятвенное обѣщаніе сохранять права и привилегіи своихъ подданныхъ „русской" или православной вѣры наравнѣ съ последователями вѣры римской; всѣ подтверждали и ограждали церковныя и имущественныя права православныхъ епископовъ, митрополита и остальнаго духовенства, давали жалованныя грамоты русскимъ церквамъ и монастырямъ на построеніе или возстановленіе ихъ, на земли и имѣнія, на охраненіе ихъ отъ обидъ и притѣсненій и проч.; наконецъ, бывали случаи, когда литовскіе государи обнаруживали заботливость о чистотѣ нравовъ въ средѣ православно-русскаго духовенства и общества и о лучшемъ церковномъ благоустройствѣ [1]). Самъ Казиміръ, не смотря на его старанія, по наказу изъ Рима, ввести въ Литвѣ флорентинскую унію, вовсе не былъ фанатикомъ католицизма и ненавистникомъ православія; напротивъ, въ теченіе долгаго своего княженія онъ много сдѣлалъ добра западно-русской церкви и за это всегда пользовался искреннею любовью своихъ русскихъ подданныхъ и умеръ, заслуживъ отъ нихъ титулъ князя „доб-

---

[1]) См., напр., Акты Западной Россіи, т. Ш, № 3.

раго и справедливаго [1]). Но въ рукахъ польско-литовскихъ государей было одно опасное орудіе, которое совсѣмъ не было предназначено для причиненія вреда православію, но злоупотребленіе которымъ впослѣдствіи принесло страшное зло для западно-русской церкви и привело ее къ крайнему разстройству: то было знаменитое ихъ право „*подаванья* столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ", т. е. право жалованья архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. Право это, во многомъ сходное съ инвеститурой нѣмецкихъ императоровъ, всецѣло вытекало изъ феодальнаго литовско-государственнаго строя, по которому великій князь признавался верховнымъ господаремъ всѣхъ земель на территоріи княжества, а слѣдовательно и всѣхъ находившихся въ немъ имѣній и земель церковныхъ, которыя принадлежали епископскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и церквамъ. Такъ какъ почти всѣ церковныя должности въ литовской Руси были сопряжены съ правомъ распоряженія церковными имѣніями, часто весьма значительными, то на этомъ основаніи при замѣщеніи митрополичьей и архіерейскихъ каѳедръ, а равно настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ церквахъ требовалось, сверхъ избранія, еще и согласіе или утвержденіе великаго князя, каковое утвержденіе и называлось „*подаваньемъ*". Такимъ образомъ „подаванье" не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными имѣніями, съ которыхъ отбывалась въ пользу государства военная служба и другія повинности; и въ этомъ смыслѣ литовскіе государи именовались „подавцами хлѣбовъ духовныхъ". Такъ понимали на Руси право подаванья даже въ эпоху уніи, когда польскіе короли многократ-

---

[1]) Супрасльск. рукопись, стр. 14. Исторія Русской Церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 20 и 77—79.

нымъ злоупотребленіемъ этого права извратили его первоначальный смыслъ и почти отождествили его съ правомъ назначенія [1]). По мѣрѣ безпрестаннаго жалованья литовскими государями служилымъ людямъ—князьямъ, земянамъ и боярамъ—земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность, къ новымъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходило и право „подаванья“ по отношенію къ находившимся на ихъ земляхъ церквамъ и монастырямъ; точно такое же право пріобрѣтали они и тогда, когда сами основывали въ своихъ имѣніяхъ новые монастыри или церкви и обезпечивали ихъ земельными надѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ владѣльцы могли переуступать это право другимъ лицамъ посредствомъ дара, продажи, залога, аренды и проч. Этимъ путемъ право „подаванья“, первоначально принадлежавшее одному лишь верховному господарю, раздробилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Теперь великому князю это право принадлежало лишь по отношенію къ епископскимъ каѳедрамъ и тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились или въ собственныхъ королевскихъ имѣніяхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ, еще не розданныхъ въ частныя руки. Нерѣдко король жаловалъ право „подаванья“ церквей и монастырей, находившихся въ его собственномъ господарскомъ „шафунку“ т. е. распоряженіи, не только частнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, архіереямъ, протопопамъ и проч., но и цѣлымъ обществамъ того или другаго города и церковнымъ братствамъ.

---

[1]) Авторъ знаменитаго *Апокрисиса* (изд. въ 1597—1599 г.), нисколько не отрицая королевскаго права подаванья, такъ опредѣляетъ его значеніе: „Иншая есть речъ урядъ (духовный), а инша—добра до уряду для доброго его отправованья прилучоные. Урядъ власне отъ духовныхъ при посвященью, добра зась не отъ духовныхъ, але отъ короля его милости даваны бываютъ.“ (Русская Историч. Библіотека, т. VII, ст. 1292 и далѣе).

Нечего и говорить о томъ, что право „подаванья" рѣшительно противорѣчило выработанному общимъ теченіемъ исторической жизни юго-западной Руси выборному началу; но въ первое время и сами литовскіе князья, и частныя лица умѣренно пользовались этимъ правомъ и потому его вліяніе на церковно-общественныя отношенія было почти не замѣтно. Долѣе всего сохранилъ свою силу прежній порядокъ относительно замѣщенія высшихъ іерархическихъ степеней въ западно-русской церкви: митрополиты и епископы до начала XVI в. были избираемы по прежнимъ обычаямъ [1]), господарское-же право „подаванья" при этомъ выражалось лишь тѣмъ, что, во-первыхъ, безъ княжескаго разрѣшенія нельзя было приступить къ выборамъ, а во-вторыхъ, князю предоставлялось утверждать новоизбраннаго. Скорѣе и легче привилось право „подаванья" въ примѣненіи къ низшимъ церковнымъ должностямъ, но и здѣсь оно не сразу вытѣснило прежній порядокъ, а само вошло въ извѣстное съ нимъ соглашеніе. Въ то время западно-русское дворянство, не только простые земяне и бояре, но и высшая знать, потомки древнихъ удѣльныхъ и литовскихъ князей, удерживали еще въ своемъ быту множество понятій и чертъ, сближавшихъ ихъ съ низшими, городскими и сельскими сословіями, имѣли одни съ ними религіозныя вѣрованія и свято чтили „стародавніе звычаи" своей народности. Они обыкновенно бывали строителями и основателями церквей и монастырей въ своихъ имѣніяхъ, надѣляли ихъ землей и другими источниками постоянныхъ доходовъ, содержали при нихъ „шпитали" для бѣдныхъ и больныхъ, давали содержаніе церковнымъ причтамъ, защищали церкви и духовенство отъ обидъ и т. п., и

---

[1]) Авторъ *Апокрисиса* свидѣтельствуетъ, что еще въ его время, т. е. въ самомъ исходѣ XVI в. православные дворяне нѣкоторыхъ воеводствъ имѣли особыя королевскія грамоты, подтверждавшія ихъ право избирать себѣ духовныхъ пастырей. (Русск. Истор. Библіотека, т. VII, стр. 1294).

въ этой заботливости о церковныхъ нуждахъ и интересахъ было фактическое оправданіе ихъ права „подаванья“. Часто случалось, что они выпрашивали у короля ту или другую церковь или монастырь, находившіеся въ его подаваньи, руководствуясь лишь благочестивымъ желаніемъ имѣть эти церкви въ своей „опекѣ и оборонѣ“ и привести ихъ въ лучшее благоустройство; и король въ своихъ жалованныхъ грамотахъ иногда самъ напоминалъ подобнымъ патронамъ, что они „не маютъ отъ своихъ церквей пожитковъ никоторыхъ собѣ мети, но сами маютъ церкви Божіи всякими речьми надавати и направляти и ихъ въ опекѣ своей и оборонѣ мети“ [1]). Въ такой формѣ право подаванья не противорѣчило и стариннымъ, древнерусскимъ обычаямъ, по которымъ избраніе, напримѣръ, игумена первоначально предоставлялось строителю или основателю монастыря, а позже игумена избирала братія, но утверждалъ основатель или князь [2]). Многіе общежительные монастыри, находившіеся въ королевскомъ подаваньи, какъ, наприм., кіево-печерскій, кіево-михайловскій, межигорскій, еще въ XVI в. сохраняли въ своей жизни именно этотъ порядокъ: ихъ настоятели были избираемы братіей и мѣстными обывателями, а королю принадлежало лишь право утвержденія избраннаго [3]); другіе хотя и жаловались королемъ въ подаванье частнымъ лицамъ, но съ обязательствомъ подавать въ игумены человѣка „годного, хто будетъ любъ братьи, старцомъ того монастыря“ [4]). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда частные владѣльцы основывали въ своихъ имѣніяхъ общежительные монастыри, они сами предоставляли братіи избирать себѣ игуменовъ [5]). Можно думать, что и право по-

---

[1]) Акты Западной Россіи, т. II, № 124.

[2]) Исторія Р. Церкви, митроп. Макарія, т. 2, стр. 100.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть I, т. I, № 14. Акты Зап. Россіи, т. II, № 121 и 122.

[4]) Акты Запад. Россіи, т. II, № 117.

[5]) Виленскій Археогр. Сборникъ, т. VI, № 142.

даванья приходскихъ церквей въ первое время не было столь абсолютнымъ, какимъ оно является впослѣдствіи. Въ XV вѣкѣ сами литовскіе князья иногда оффиціально обязывались, что къ тѣмъ церквамъ, которыя находились въ ихъ подаваньи, они будутъ давать не иныхъ пастырей, какъ только мѣстныхъ уроженцевъ и притомъ лицъ достойныхъ „ужиточныхъ, почестливыхъ, згодныхъ, которые могли-бы радити и вжиточны быти“ [1]). Виленскіе мѣщане всегда пользовались правомъ самимъ избирать священниковъ и даже причетниковъ къ своимъ церквамъ и имѣть наблюденіе за церковнымъ имуществомъ, очень дорожили этимъ правомъ и не дѣлали въ немъ никакой уступки самому митрополиту [2]); можно полагать, что таковы же были порядки и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ особенности въ тѣхъ, которые пользовались магдебургскимъ правомъ и привыкли къ самоуправленію. Наконецъ, въ селахъ и городахъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ, хотя послѣдніе несомнѣнно пользовались правомъ опредѣленія къ церквамъ священниковъ (иногда даже наслѣдственно), но, вѣроятно, дѣлали это не безъ участія и другихъ прихожанъ, въ числѣ которыхъ могли быть не одни только ихъ подданные; можетъ быть этому опредѣленію предшествовало даже избраніе, лишь утверждаемое владѣльцемъ. Во времена, предшествовавшія люблинской уніи, когда не существовало еще вполнѣ обязательныхъ отношеній между крупными владѣльцами и жившимъ на ихъ земляхъ населеніемъ, когда въ чертѣ ихъ владѣній существовало много мелкихъ свободныхъ собственниковъ—земянъ и бояръ, владѣльцамъ не представлялось никакой нужды, ни интереса вмѣшиваться въ приходскія дѣла всѣхъ церквей, разсѣянныхъ на ихъ территоріи. Они могли, конечно, брать

---

[1]) Грамота Казиміра 1457 г. Акты Зап. Россіи, т. I, № 66.

[2]) Вил. Археогр. Сб., т. VI, № 4 и 19. Акты Зап. Р. т. II, № 219 и 231.

подъ свое особое попеченіе нѣкоторые, болѣе важные монастыри или церкви, построенные и матеріально обезпеченные ими самими или ихъ предками, и интересоваться выборомъ къ нимъ священнослужителей. Но было вѣдь много и другихъ церквей, построенныхъ самими прихожанами, священники которыхъ, въ отличіе отъ владѣльческихъ, носили въ XVI в. названіе „поповъ посполитыхъ." Сельскія общины, тогда еще вполнѣ свободныя и пользовавшіяся даже правомъ самосуда (копные суды), также имѣли свои церкви и сами содержали свои причты. Безъ сомнѣнія, выборъ священнослужителей для такихъ церквей вполнѣ принадлежалъ прихожанамъ, и если владѣлецъ принималъ въ немъ какое-либо участіе, то не болѣе, какъ только почетное, т. е. у него испрашивалось согласіе на избраніе и утвержденіе новоизбраннаго, подобно тому, какъ это практиковалось въ юго-западной Руси въ прошломъ и даже въ началѣ текущаго столѣтія.

Найболѣе раннее указаніе о злоупотребленіи правомъ подаванья встрѣчаемъ въ актахъ извѣстнаго виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году. „Нѣкоторые въ нашемъ законѣ, жаловались отцы собора: презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради мірской славы и властительства, покупаютъ себѣ, еще при жизни епископовъ, ихъ каѳедры и принимаютъ эти каѳедры *безъ совѣта и согласія митрополіи и епископовъ и безъ осмотрѣнія и избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона*" (изъ этихъ словъ видно, какой путь къ достиженію іерархическихъ должностей считался тогда единственно законнымъ). Такъ же пріобрѣтались иногда, по словамъ соборнаго акта, и настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходахъ. Съ другой стороны, соборъ жаловался, что нѣкоторые православные князья и паны, пользуясь въ своихъ имѣніяхъ правомъ подаванья священниковъ къ приходскимъ церквамъ, сами потомъ и отнимали эти церкви у священни-

ковъ, безъ вѣдома епархіальнаго архіерея; другіе по небрежности долго оставляли въ своихъ имѣніяхъ приходскія церкви безъ священниковъ; иные приказывали священникамъ священнодѣйствовать въ ихъ церквахъ безъ благословенія архіерейскаго; еще нѣкоторые отнимали у церквей имѣнія и другіе предметы церковнаго достоянія. Но изъ всего видно, что въ то время подобныя злоупотребленія частныхъ лицъ правомъ подаванья составляли покуда еще рѣдкіе случаи и противозаконность ихъ была сознаваема всѣми; вотъ почему соборъ могъ энергично вооружиться противъ нихъ, угрожая даже отлученіемъ за нарушеніе старинныхъ порядковъ и правилъ церковныхъ. Гораздо труднѣе было бороться противъ покупки святительскихъ каѳедръ и другихъ духовныхъ степеней, такъ какъ продавцемъ ихъ являлся не кто иной, какъ самъ „верховный подавца хлѣбовъ духовныхъ" т. е. король. Все, что могъ предпринять соборъ противъ этого страшнаго злоупотребленія, выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи: „никому не подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками; если же кто дерзнетъ на такое дѣло, архимандритъ-ли, или игуменъ, или священникъ, или міряниnъ, то да будетъ на нихъ церковное неблагословеніе и отлученіе, и на епископство и на всякій священническій санъ ихъ отнюдь не поставлять, а ставить на эти степени только достойныхъ; а за недостойнаго если и господарь будетъ ходатайствовать, въ такомъ случаѣ всѣмъ намъ епископамъ съ митрополитомъ пойти къ господарю и объявить недостоинство того недостойнаго, не дерзая отнюдь давать таковому посвященіе". Тоже самое повторено и въ заключительномъ опредѣленіи собора, въ видѣ общей мѣры для утвержденія и огражденія постановленныхъ имъ правилъ: „Если господарь или какіе-либо вельможи и власти будутъ присылать къ митрополиту или епископу, чтобы исполнить ихъ волю и нарушить въ чемъ-либо хотя одно изъ положенныхъ

нами соборне опредѣленій, то никому изъ насъ на то не дерзать, а всѣмъ намъ съѣхаться, на собственный счетъ, къ митрополиту и бить челомъ господарю и непоколебимо стоять, чтобы законъ нашей православной вѣры не былъ нарушенъ. А если кто-либо изъ насъ, или будущіе послѣ насъ церковные пастыри, по своему нерадѣнію или скупости, захотятъ преступить эту заповѣдь и за нее не пострадать, тѣ да будутъ лишены своего сана" [1]).

Господарь, вмѣшательства котораго въ церковныя дѣла отцы собора такъ опасались, былъ Сигизмундъ I, великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій. Онъ вовсе не былъ фанатикомъ и гонителемъ православія, напротивъ, это былъ умный и вполнѣ вѣротерпимый государь, оказавшій много услугъ самой же западно-русской церкви. Но въ немъ были уже слабы литовско-русскія традиціи его предшественниковъ, а живя почти постоянно въ Польшѣ и обращая преимущественное вниманіе на ходъ польскихъ дѣлъ, онъ вполнѣ усвоилъ тамошніе порядки и понятія и невольно переносилъ ихъ и на дѣла литовско-русскія. Какъ извѣстно, избирательное начало было всегда чуждо римскокатолической церкви, основанной на противоположномъ принципѣ—строгаго единовластія. Извѣстно также и то, какъ многочисленны были разные виды симоніи, подкуповъ и искательствъ, съ которыми сопряжено было въ то время пріобрѣтеніе отъ римскаго двора духовныхъ сановъ, бенефицій, посвященій, ставленныхъ грамотъ, буллъ и т. п. Польскіе короли, подобно другимъ католическимъ государямъ Европы, вели упорную борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній и бенефицій; вмѣстѣ съ тѣмъ они обратили въ доходы государственной казны

[1]) Дѣянія Виленскаго Собора—Русск. Истор. Библіот., т. IV.

и всѣ тѣ денежные взносы, какіе прежде поступали римскому двору отъ лицъ, искавшихъ церковныхъ должностей. Король Сигизмундъ I ревнивѣе другихъ оберегалъ свое право верховнаго патрона католической церкви въ предѣлахъ своего государства и строго преслѣдовалъ такъ называемое тогда *кортезанство*, т. е. искательство духовныхъ должностей и достоинствъ непосредственно у самого папы. Онъ неоднократно подтверждалъ конституціи своихъ предшественниковъ, по силѣ которыхъ кортезаны должны были подвергаться изгнанію изъ отечества и конфискаціи имуществъ [1]). При немъ впервые сдѣлано было постановленіе, чтобы уплачиваемыя до того времени папѣ епископами и прелатами при вступленіи въ должность *аннаты* были впредь вносимы въ государственную казну [2]). Пользуясь столь неограниченно правомъ раздачи духовныхъ должностей и бенефицій въ римско-католической церкви, Сигизмундъ склоненъ былъ такъ же широко понимать и принадлежавшее ему право подаванья по отношенію къ православной западно-русской церкви; отсюда и проистекали справедливыя опасенія отцевъ виленскаго собора. Тѣ „подкупательства подъ живыми епископами, архимандритами и священниками“, о которыхъ соборъ упоминаетъ, въ Польшѣ составляли обычное явленіе: тамъ можно было легко выхлопотать у короля грамоту на любую церковную должность еще при жизни занимающаго ее лица, съ

---

1) Volum. Legum, I, f. 372 et 526.

2) Ibidem, I, f. 571. *Аннаты* (annatae), введенныя папою Іоанномъ XXII (1316—1334), состояли въ томъ, что каждый епископъ или другой прелатъ, при вступленіи въ должность, обязанъ былъ заплатить папѣ среднее количество годоваго дохода своей епархіи или бенефиціи, какъ первый плодъ ея. Такса аннатъ быстро возвышалась послѣдующими папами, доходя иногда до 25,000 гульденовъ. Въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ, старались освободиться отъ уплаты аннатъ: противъ нихъ направлены были неоднократныя сеймовыя постановленія, рѣдко достигавшія, однако, своей цѣли.

правомъ занятія ея, когда она сдѣлается свободною; такіе преждевременные кандидаты назывались *номинатами*. Очевидно, что, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, подобныя искательства стали проникать и въ западно-русскую церковь, и какъ ни энергично вооружалась противъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, православная іерархія, случаи покупки церковныхъ должностей не только не исчезли, но стали быстро увеличиваться, благодаря покровительственному отношенію къ нимъ правительства. Изъ обнародованныхъ доселѣ документовъ извѣстно нѣсколько случаевъ подобныхъ подкупательствъ, бывшихъ именно при Сигизмудѣ I. Былъ, напр., у него писарь Михайло Васильевичъ Коптя, котораго онъ посылалъ однажды въ Крымъ, чтобы расположить въ свою пользу татаръ. Исполнивъ порученіе, Коптя издержалъ на это не мало собственныхъ денегъ, и воротившись къ королю, просилъ вознаградить его—и чѣмъ же? Не деньгами, а тѣмъ, чтобы отцу его, пану Василію Евлашковичу, король пожаловалъ епископскую каѳедру—луцкую или владимірскую (обѣ самыя богатыя по имѣніямъ), какая прежде станетъ праздною. И Сигизмундъ охотно исполнилъ желаніе просителя и выдалъ въ 1520 г. грамоту, въ которой объявилъ, что за вѣрную службу писаря Копти и за понесенныя имъ на службѣ издержки, даетъ отцу его одну изъ названныхъ епископскихъ каѳедръ, какая прежде сдѣлается свободною, и обѣщается „тое епискупьи никому иншому не отдавати", кромѣ отца его [1]). А въ 1524 г. нѣкто Андрей Дягилевичъ изъ Кіева повѣдалъ королю, что имѣетъ намѣреніе сдѣлаться священникомъ; а такъ какъ за взятый у него товаръ ему должна быть уплачена изъ королевской казны значительная денежная сумма, то онъ просилъ, взамѣнъ этой платы, дать ему въ Кіевѣ три церкви королев-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II, № 105.

скаго подаванья: межигорскую, іорданскую и рождественскую. И король охотно согласился на такую сдѣлку и отдалъ Дягилевичу три названныя церкви со всѣми имѣніями, тѣмъ болѣе что за него же ходатайствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій [1]. Очевидно, что, поступая такимъ образомъ, король отнюдь не руководствовался желаніемъ намѣренно вредить православію, да едвали онъ и сознавалъ, что его дѣйствія подтачивали въ самомъ корнѣ главную силу церкви—іерархію и вели ее къ разстройству и деморализаціи. Такъ же точно онъ распоряжался духовными должностями и въ католической церкви и какъ тамъ, такъ и здѣсь, прежде всего ревниво оберегалъ, какъ ему казалось, прерогативы своей верховной власти и заботился объ умноженіи королевскихъ доходовъ. Онъ, впрочемъ, допускалъ и существованіе прежнихъ, выборныхъ порядковъ въ православной церкви, но ввелъ новый обычай, клонившійся къ той-же финансовой цѣли, именно: бралъ отъ православныхъ епархій и монастырей денежныя приношенія, такъ называемыя „*чоломбитья*“—каждый разъ, когда утверждалъ избранныхъ ими кандидатовъ на епископскія и архимандричьи мѣста [2]; значитъ, бралъ и съ тѣхъ, кому хотѣлось купить себѣ церковную должность, и отъ тѣхъ, кому „подавалъ“ іерарховъ. Всего прискорбнѣе въ этомъ случаѣ было то, что многіе и притомъ лучшіе люди изъ самихъ же православныхъ южноруссовъ повидимому мало уже дорожили прежними обычаями своей церкви и какъ-бы равнодушно относились къ постепенному ихъ разрушенію. Сами западно-русскіе іерархи, столь энергично обѣщавшіе на виленскомъ соборѣ стоять за ненарушимость древнихъ церковныхъ порядковъ, съ го-

---

[1]) Ibidem, № 110.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II, №№ 105 и 112. Исторія Русск. Церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 193—4 и 229.

товностью даже пострадать за них, как видно, мало заботились об осуществлении соборных определений, а некоторые из них сами же и нарушали их. Так, въ 1526 г. владимірскій епископъ Пафнутій [1]) писалъ къ королю, что луцкій владыка Кириллъ [2]) находится „въ великой старости и у хворобѣ“, и билъ челомъ, чтобы по смерти этого владыки король далъ „тотъ хлѣбъ духовный владычство луцкое“ ему Пафнутію. А бывшій тогда въ королевской радѣ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій не только не протестовалъ противъ своекорыстія владимірскаго епископа и нарушенія имъ изстари установившагося въ западно-русской церкви порядка замѣщенія епископскихъ каѳедръ, но еще присоединилъ и свое ходатайство въ пользу искателя богатыхъ „духовныхъ хлѣбовъ“, и король далъ просителю этотъ „хлѣбъ“, склоняясь болѣе всего на ходатайство знаменитаго князя [3]). Два года спустя Пафнутій умеръ, а его богатую епископію захотѣлъ наслѣдовать владыка болѣе бѣдной епархіи—пинскій епископъ Макарій, и такъ же, минуя избраніе, прямо обратился къ королю съ просьбой пожаловать ему вакантную каѳедру; и опять ходатаемъ за него является тотъ же князь Константинъ Ивановичъ Острожскій вмѣстѣ съ другими православными членами великокняжеской рады [4]). Черезъ шесть лѣтъ (въ 1534 г.), когда Макарій такимъ же образомъ выпрашивалъ себѣ у короля новый „духовный хлѣбъ“—кіевскую митрополію, князя К. И. Острожскаго не было уже въ живыхъ; но за Макарія явились ходатаями два высокихъ лица уже не православной, а латинской вѣры,

---

[1]) Не онъ-ли присутствовалъ на виленскомъ соборѣ 1509 г. въ санѣ супрасльскаго архимандрита? См. въ актахъ собора перечень бывшихъ на немъ лицъ.

[2]) Тоже бывшій членомъ виленскаго собора.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. II, № 146.

[4]) Ibidem, № 151.

именно: королева Бона, имѣвшая громадное вліяніе на своего супруга Сигизмунда I и открыто торговавшая раздачей высшихъ церковныхъ и государственныхъ должностей,—и виленскій воевода Альбрехтъ Гаштольдъ [1]). При новомъ королѣ, Сигизмундѣ-Августѣ, превосходившемъ вѣротерпимостью своего отца, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ западно-русской церкви почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія и замѣняется искательствомъ и подкупами у короля и его приближенныхъ, или же король самъ раздаетъ эти должности въ награду выслужившимся предъ нимъ лицамъ, не обращая никакого вниманія на нравственныя ихъ качества и вообще на степень годности ихъ къ занятію сановъ духовныхъ. Такъ въ 1551 году, еще за пять лѣтъ до смерти митрополита Макарія, король уже заранѣе назначилъ ему преемникомъ виленскаго скарбника и ключника Степана Андреевича Бѣлькевича въ награду за его „верные, пильные, николи не омешканые, цнотливые службы", не взирая на то, что этотъ человѣкъ, по свидѣтельству латинскихъ писателей, былъ такъ простъ и мало образованъ, что едвали даже разумѣлъ различіе православія отъ другихъ исповѣданій [2]). Кромѣ самого короля, раздачей архіерейскихъ каѳедръ, конечно за деньги, занималась также и его мать, королева Бона, пожаловавшая въ 1552 г. пинскую и туровскую епископію архимандриту пинскому Макарію [3]). Путемъ подобныхъ же искательствъ добывались тогда настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ половинѣ XVI в. прежній внутренній строй западно-русской церкви если не

---

[1]) Митроп. Макарій, Истор. Русск. Церкви, т. IX, стр. 234.

[2]) Ibidem, стр. 329—331.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. I, № 126.

совсѣмъ еще былъ разрушенъ, то уже сильно дезорганизованъ. Для нашей цѣли весьма важно замѣтить, что начало этой дезорганизаціи было положено въ самое, по видимому, благопріятное для православной церкви время, когда она наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, не нарушаемымъ никакими попытками къ введенію уніи, когда объ іезуитахъ въ Польшѣ и Литвѣ не было еще и помину, и наконецъ, въ правленіе лучшихъ и найболѣе вѣротерпимыхъ польско-литовскихъ государей, двухъ первыхъ Сигизмундовъ. Безспорно, оба эти государи своимъ образомъ дѣйствій не мало способствовали означенной дезорганизаціи; но видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ какую-то преднамѣренность, якобы въ видахъ систематической подготовки къ будущей уніи—по меньшей мѣрѣ не основательно, ибо, повторяемъ, оба они совершенно такъ же поступали и по отношенію къ собственной, католической церкви.

Но что же дѣлало въ это время само западно-русское православное общество? Отчего оно не выступило на защиту старинныхъ обычаевъ и порядковъ своей народной церкви и не вооружилось противъ нововведеній, явно грозившихъ ей конечнымъ безчиніемъ и упадкомъ?—Въ томъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, центръ тяжести вопроса, что западно-русское общество само переживало тогда переходное время и быстро приближалось къ развязкѣ давно уже зрѣвшаго въ немъ процесса, имѣвшаго составить поворотную эпоху въ его политической, общественной и бытовой жизни. Съ одной стороны, оно чутко прислушивалось къ ходу событій въ сосѣдней Германіи, волновавшихъ тогда всю Европу и заставившихъ дрогнуть самую столицу католическаго міра. Многіе изъ западно-русскихъ дворянъ посылали въ то время своихъ сыновей учиться въ германскіе университеты, гдѣ они слушали самого Лютера, Меланхтона и иныхъ протестантскихъ богослововъ; другіе сами любили ѣздить въ нѣмецкія

земли и въ Швейцарію. По всей Литвѣ и юго-западной Руси ходили сочиненія знаменитыхъ реформаторовъ и свободно распространялись ихъ ученія. Въ 1525 г. лютеранство открыто было принято въ восточной Пруссіи и Лифляндіи, съ которыми велись постоянныя торговыя и другія сношенія. Скоро послѣ того, именно около 1539 г., въ самой столицѣ Литвы, Вильнѣ, бывшій дотолѣ католическимъ ксендзомъ литвинъ Аврамъ Кульва сталъ открыто проповѣдывать ученіе Лютера. Когда въ 1548 г. вступилъ на престолъ Сигизмундъ Августъ, онъ приблизилъ къ себѣ виленскаго воеводу Николая Радзивилла, потомка нѣкогда православныхъ предковъ, который выступилъ горячимъ поборникомъ кальвинизма и открытымъ его покровителемъ. Примѣръ Радзивилла увлекъ за собою цѣлый рядъ знатныхъ литовско-русскихъ фамилій, за которыми потянулись и болѣе мелкіе дворянскіе роды. Въ короткое время увлеченіе протестантскими идеями сдѣлалось въ Литвѣ и западной Руси до такой степени всеобщимъ, что рѣдкій сколько-нибудь образованный человѣкъ былъ вполнѣ отъ него свободенъ [1]. Съ другой стороны, одновременно съ этимъ умственно-религіознымъ броженіемъ, исподоволь совершался еще болѣе рѣзкій переломъ въ общественно-бытовой жизни Литвы и юго-западной Руси. Приближалась знаменитая люблинская унія (1569 г.), окончательно объединившая Литовское княжество съ Польшей и открывшая эпоху полнаго господства въ немъ польскаго вліянія. Успѣхъ этого дѣла, задуманнаго еще при Ягеллѣ и съ особенною энергіею подготовляемаго въ правленіе обоихъ Сигизмундовъ, былъ разсчитанъ на поддержку и сочувствіе многочисленнаго въ Литвѣ и юго-западной Руси сословія земянъ и бояръ—потомковъ дружинниковъ русскихъ

---

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helweckiego w Litwie, p. 4—9.

князей или рыцарей литовскихъ и иноземныхъ,—хотя и владѣвшихъ поземельною собственностью, но лишь на ленномъ правѣ, а не на правѣ собственности, и поставленныхъ не только въ полное подчиненіе по отношенію къ великому князю, но сверхъ того находившихся въ извѣстной зависимости отъ болѣе крупныхъ ленниковъ, бывшихъ удѣльныхъ князей и другихъ литовско-русскихъ магнатовъ. Дѣйствительно, польскій сословно-общественный и политическій порядокъ, съ его пресловутою шляхетскою вольностью и равноправностью, дѣйствовалъ на членовъ этого сословія съ непреодолимою заманчивостью. Они хорошо понимали, что водвореніе того же порядка въ Литовскомъ княжествѣ и соединенныхъ съ нимъ русскихъ земляхъ сулило имъ рядъ такихъ важныхъ выгодъ, какъ: юридическое уравненіе ихъ съ потомками удѣльно-княжескихъ родовъ и другими магнатами, пріобрѣтеніе правъ полной земельной собственности, закрѣпощеніе жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, до того времени лично имъ совсѣмъ не подчиненныхъ, и наконецъ ограниченіе зависимости отъ великокняжеской власти и пріобрѣтеніе вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ въ государствѣ. Дѣйствительно, все это принесла съ собою люблинская унія, и въ этомъ смыслѣ она справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и юго-западной Руси, открывшимъ собою эпоху коренного измѣненія прежде существовавшихъ здѣсь политическихъ, сословно-общественныхъ и экономическихъ отношеній. Она положила конецъ существованію древне-русскихъ сельскихъ общинъ съ ихъ правомъ самосуда и свободнаго землевладѣнія, уничтожила прежнее разнообразіе сословныхъ группъ, дотолѣ чуждыхъ строгаго разграниченія и взаимно другъ съ другомъ сливавшихся, и разбила все населеніе на двѣ рѣзко отдѣленныя одна отъ другой сословно-общественныя категоріи: шляхтичей и людей посполитыхъ. Заимствованіе формъ польскаго общественнаго строя

повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ; началось усвоеніе польской образованности и языка, обычаевъ и вообще всѣхъ формъ шляхетскаго общежитія. Исчезла прежняя простота жизни и уступила мѣсто роскоши и тщеславію. Русско-литовскій шляхтичъ не хотѣлъ ни въ чемъ казаться ниже своего польскаго собрата и, подобно ему, старался имѣть богатую обстановку, держалъ множество слугъ, заводилъ дорогіе экипажи, щеголялъ роскошью и богатствомъ платьевъ и вооруженія и т. п., хотя и принужденъ былъ изъ-за всего этого входить въ неоплатные долги; отсюда развились въ русско-шляхетскомъ обществѣ такіе пороки, какъ всеобщая погоня за наживой и неразборчивость въ средствахъ къ ея достиженію. Затѣмъ, сознаніе неограниченности своихъ сословныхъ и политическихъ правъ и обаяніе пресловутой шляхетской равноправности съ знатнѣйшими государственными сановниками порождали въ средѣ западно-русскаго дворянства сословное высокомѣріе и чрезмѣрную ревность къ охранѣ своего привилегированнаго положенія; отсюда—презрительное отношеніе къ лицамъ не шляхетскихъ сословій, къ „хлопамъ", и нетерпимость къ малѣйшимъ проявленіямъ ихъ независимости, напр. преслѣдованіе копныхъ судовъ и другихъ освященныхъ преданіемъ древности остатковъ былыхъ крестьянскихъ правъ и свободы. Новыя сословно-шляхетскія идеи столь интенсивно дѣйствовали на умы западно-русскихъ дворянъ, что даже какъ-бы затмевали въ нихъ сознаніе національной ихъ индивидуальности; въ юридическихъ актахъ и другихъ памятникахъ тогдашней письменности все рѣже встрѣчается прежнее противопоставленіе „руси" и „ляховъ": ихъ племенное различіе какъ-бы игнорируется и они обыкновенно сливаются въ одномъ сословномъ терминѣ: „шляхта и рыцерство закону греческого и римского". Но на дѣлѣ и это послѣднее, вѣроисповѣдное различіе постепенно теряетъ

прежнюю силу: съ одной стороны, тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой, русской вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую; а во-вторыхъ, то широкое распространеніе протестантскихъ идей, о которомъ выше мы упоминали, если и не могло увлечь поголовно все западно-русское дворянство, то все-же значительно расшатывало прежнія его вѣрованія и порождало въ его средѣ религіозное безразличіе и вольнодумство.

Сообразивъ все вышесказанное, не трудно представить, какъ всѣ эти печальныя послѣдствія общественнаго перелома, связаннаго въ исторіи юго-западной Руси съ эпохой люблинской уніи, должны были отразиться на положеніи и судьбѣ западно-русской православной церкви. Прежде всего, сословная исключительность окончательно разрушила прежнее единеніе клира и мірянъ—представителей всѣхъ слоевъ западно-русскаго общества, и парализовала ихъ совмѣстное служеніе интересамъ церкви. Самый клиръ, подъ вліяніемъ сословной идеи, распался теперь на двѣ рѣзко разграниченныя группы: высшая іерархія, вмѣстѣ съ немногими представителями бѣлаго духовенства, образовала изъ себя „шляхту духовного стану" и скоро совершенно слилась во всемъ съ „панами шляхтою становъ светскихъ"; а низшее духовенство зачислено было въ ряды „посполитого стану" и вмѣстѣ съ нимъ обречено на жертву самовластію и полному произволу со стороны „становъ шляхетскихъ", въ рукахъ которыхъ оставалось прежнее право „подаванья"; только теперь это право было развито въ цѣлую систему, отождествлено съ польскимъ „jus patronatus" и усилено всѣми аттрибутами послѣдняго (jus donandi, jus praebendi, jus collationis и пр.). Западно-русское дворянство, въ средѣ котораго въ это время было уже немало и настоящихъ поляковъ, пріобрѣвшихъ здѣсь имѣнія,

скоро поняло политическое и экономическое значенiе находившагося у него въ рукахъ права патронатства и не замедлило воспользоваться этимъ могущественнымъ орудiемъ. Право это прежде всего увеличивало до крайнихъ размѣровъ власть помѣщика, давая ему возможность безконтрольно распоряжаться совѣстью своихъ подданныхъ и ставя въ зависимость отъ его произвола удовлетворенiе ихъ духовныхъ нуждъ. Преслѣдуя остатки древняго копнаго самосуда, какъ несовмѣстимыя съ учрежденiемъ помѣщичьяго доминiальнаго суда, западно-русскiй шляхтичъ сталъ считать такимъ же нарушенiемъ своихъ владѣльческихъ правъ и старинный обычай сельскихъ общинъ—самимъ избирать священниковъ и завѣдывать дѣлами прихода. Теперь и то, и другое должно было отойти въ распоряженiе владѣльцевъ, которые скоро превратили право патронатства въ новый источникъ неправедныхъ прибытковъ: они продавали священническiя мѣста въ своихъ церквахъ, требовали отъ духовенства подарковъ, отнимали церковныя земли, отбирали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари и т. под. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда патронатство служило лишь орудiемъ помѣщичьяго абсолютизма и корысти, вредъ, приносимый имъ западно-русской православной церкви, можно было считать еще малымъ сравнительно съ тѣми случаями, когда оно являлось орудiемъ религiознаго прозелитизма въ шляхетской средѣ. Стоило вѣдь какому-нибудь пану подпасть влiянiю католическаго миссiонера или увлечься ученiемъ Лютера, Кальвина, Социна и имъ подобныхъ,—и онъ нерѣдко закрывалъ въ своихъ владѣнiяхъ православныя церкви и обращалъ ихъ въ костелы или кирхи и молельни, заводилъ сектантскiя школы, даже академiи, и насильственно обращалъ своихъ подданныхъ въ новую вѣру. Но вотъ его имѣнiя по наслѣдству или путемъ продажи переходили въ руки лица, исповѣдывавшаго другую религiю,— и новый владѣлецъ немедленно изгонялъ единовѣрцевъ своего

предшественника, закрывалъ ихъ школы, отнималъ святыни и съ такою же энергіей распространялъ въ своихъ владѣніяхъ ту вѣру, какую самъ исповѣдывалъ. Теперь подобныя злоупотребленія могутъ представляться намъ просто чудовищными, однако въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтій они составляли довольно обыкновенное явленіе на всемъ пространствѣ польско-литовскаго государства и находили для себя полное оправданіе въ теоріи шляхетскихъ правъ и вольностей, хотя отъ этихъ злоупотребленій одинаково терпѣла какъ церковь православная, такъ равно и католическая, несмотря на ея господствовавшее положеніе въ государствѣ. Наконецъ, подобный порядокъ, или вѣрнѣе—безпорядокъ, былъ нерѣдко признаваемъ и законодательными государственными актами, наприм. конституціею 1573 года, подтвердившей за духовными и свѣтскими панами давнюю ихъ власть по отношенію къ подданнымъ „tam in rebus spiritualibus, quam saecularibus“ [1]). И что въ особенности любопытно—конституція эта была постановлена генеральною конфедераціею, почти поголовно состоявшею изъ диссидентовъ и созванною съ цѣлью защиты принциповъ вѣротерпимости и религіозной свободы. Такова уже была непослѣдовательность сословно-шляхетской логики! Съ того времени злоупотребленія правомъ патронатства становятся источникомъ постоянныхъ волненій и смутъ, постепенно разшатывавшихъ политическій организмъ Рѣчи—посполитой. Многія явленія въ ея общественной и политической жизни находятъ для себя объясненіе болѣе всего въ существованіи и дѣйствіи этого права; таково, наприм., реформаціонное движеніе XVI—XVII вв., которое, подобно бурному урагану, внезапно разлилось по всѣмъ предѣламъ государства, едва не опрокинуло вѣковаго зданія господствовавшей церкви, но

---

[1]) Volum. Legum, II, f. 124.

затѣмъ съ такою же стихійною внезапностью исчезло навсегда, не оставивъ по себѣ иныхъ слѣдовъ, кромѣ разрушенія. Точно также и самая унія навѣрно имѣла-бы совсѣмъ иную судьбу, еслибы право патронатства не представляло собою благодарной почвы для искусственнаго ея возрашенія. Подобно всякому общественному кризису, она просуществовала бы лишь нѣкоторое время, пока причины, вызвавшія ея возникновеніе, не были-бы устранены, и ужъ во всякомъ случаѣ не породила-бы и сотой доли тѣхъ долговременныхъ страданій, какія пришлось вытерпѣть изъ-за нея западно-русскому православному населенію. Нѣкоторые историки, подкупаемые многоплодною дѣятельностью православныхъ патроновъ того времени, склонны признать и самый патронатъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ, оказавшимъ неоцѣнимыя услуги дѣлу русской вѣры и народности. Безспорно, что въ тогдашнюю смутную эпоху религіозной борьбы и соединенныхъ съ нею всевозможныхъ насилій право патронатства, какъ и всякая другая сословная привилегія, являлось обоюдуострымъ оружіемъ, одинаково удобно служившимъ какъ для нападенія, такъ равно и для защиты. Мы знаемъ, что правомъ патронатства пользовались не одни свѣтскіе паны, но также православные архіереи и настоятели монастырей по отношенію къ церквамъ, находившимся въ обширныхъ тогда церковныхъ имѣніяхъ, а равно нѣкоторыя городскія общества и православныя братства; въ особенности же могущественнымъ оружіемъ для защиты православія служило это право въ рукахъ тѣхъ западно-русскихъ дворянъ, которые еще стойко держались вѣры своихъ отцевъ. Но вопросъ заключается въ томъ: могъ-ли патронатъ, это порожденіе и крайнее выраженіе шляхетскаго абсолютизма, стать постояннымъ и надежнымъ союзникомъ православной церкви, когда онъ въ самой идеѣ своей являлся живымъ отрицаніемъ основныхъ началъ ея соборнаго строя? Краснорѣчивымъ отвѣ-

томъ на этотъ вопросъ служитъ исторія уніи, въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ о которой на одной страницѣ читаемъ восхваленіе благочестія знатныхъ патроновъ, а на другой—сѣтованіе по поводу ихъ отступничества. Изъ множества относящихся сюда примѣровъ приведемъ найболѣе крупный. Пока былъ живъ самый знатный и богатый изъ южно-русскихъ православныхъ патроновъ, князь Константинъ Острожскій, въ его истинно-владѣтельномъ княжествѣ, заключавшемъ въ себѣ 35 городовъ и мѣстечекъ и около 700 селеній и занимавшемъ значительную часть нынѣшней волынской и нѣкоторыя части кіевской и подольской губерній, существовало болѣе 600 православныхъ церквей и нѣсколько монастырей, а рядомъ съ ними—всего лишь *два* костела и *ниодной* уніатской церкви. И что же! Не прошло и 30 лѣтъ послѣ смерти знаменитаго князя, какъ внучка его, извѣстная іезуитская праведница, Анна-Алоиза Ходкевичъ, въ самомъ Острогѣ основала богатую іезуитскую коллегію, построила въ разныхъ мѣстахъ множество костеловъ и ввела принудительный обычай, по которому всѣ безъ исключенія русскіе священники ея державы обязаны были ежегодно съѣзжаться въ Острогъ для участія въ католической процессіи на праздникъ Божьяго Тѣла; а наслѣдникъ другой части имѣній Конст. Острожскаго, князь Владиславъ-Доминикъ Заславскій, издалъ въ 1630 г. распоряженіе о насильственномъ присоединеніи къ уніи всѣхъ православныхъ священниковъ въ предѣлахъ его имѣній, приказавъ своимъ старостамъ и урядникамъ строго карать тѣхъ изъ духовныхъ, которые явились-бы ослушниками его воли [1]). Это было естественное примѣненіе jus patronatus, выражавшееся въ формулѣ: cujus regio, hujus religio. Само правительство польское, если-бы даже и хотѣло, не имѣло ни силы, ни

---

[1]) № CCXLVI настоящаго тома.

власти ограничить этотъ дикій, но de jure законный произволъ владѣльцевъ по отношенію къ дѣламъ совѣсти ихъ подданныхъ. Во время переговоровъ, предшествовавшихъ провозглашенію уніи, митрополитъ Михаилъ Рогоза и единомышленные съ нимъ архіереи потребовали отъ польскаго правительства, чтобы впредь „монастыри и церкви руские на костелы оборочаны не были.“ Король охотно далъ требуемое обѣщаніе относительно церквей и монастырей, находившихся въ его собственномъ распоряженіи, но откровенно признался, что „въ маетностяхъ шляхетскихъ того учинити не можемо“ [1]).

Конечно, не всѣ западно-русскіе паны въ XVI в. относились такъ деспотически къ православнымъ священникамъ, какъ поступалъ съ ними въ XVII в. князь Заславскій; но вообще положеніе сельскаго православнаго духовенства со времени люблинской уніи становится довольно жалкимъ. Это были по большей части бѣдняки, принужденные обработывать землю собственными руками, такъ какъ прежніе церковные фундуши, обезпечивавшіе ихъ матеріальное существованіе, часто были отнимаемы владѣльцами. Лишь немногіе изъ этихъ послѣднихъ, найболѣе благочестивые, относились къ своимъ духовнымъ пастырямъ съ подобающимъ уваженіемъ; у большинства же пановъ сельскіе причты стояли на одной линіи съ крестьянами. Староста или помѣщикъ заставлялъ приходскаго священника ѣхать съ подводами, бралъ къ себѣ въ услуженіе его сына, располагалъ деспотически его семьею и обиралъ его настолько, на сколько заблагоразсудится. Не лучше обращались съ духовенствомъ и сами епархіальные архіереи, остававшіеся на дѣлѣ такими же шляхтичами, какъ и ихъ пасомые: они держали себя со священниками крайне грубо, облагали ихъ произвольными на-

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 79.

логами и безъ всякаго отчета кому-бы то ни было наказывали тюремнымъ заключеніемъ или побоями. Впрочемъ, священники мало и знали своихъ владыкъ и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ имѣли съ ними дѣло: получая изъ рукъ помѣщиковъ приходскія мѣста, они привыкли подчиняться имъ и въ такихъ дѣлахъ, которыя выходили изъ сферы собственно подданническихъ отношеній и касались прямо ихъ пастырскихъ правъ и обязанностей. И въ обществѣ, и въ средѣ самого духовенства скоро выработался принципъ: чье подаванье, тому и послушаніе поповъ [1]). На этомъ основаніи помѣщики или даже ихъ урядники весьма часто сами судили священниковъ, сажали ихъ въ свои тюрьмы, брали съ нихъ судебныя пошлины, приказывали имъ по произволу вѣнчать или расторгать браки и т. под. [2]). Не удивительно, что, при такихъ условіяхъ быта сельскаго духовенства, самое званіе православнаго пресвитера низошло до того, что, по свидѣтельству извѣстнаго православнаго писателя Захарія Копыстенскаго, порядочный человѣкъ стыдился вступать въ него, и только „одно сметье людское, голодные и неукове тиснулись“ въ его ряды, понижая и безъ того невысокій нравственный его уровень до такой степени, что „южъ трудно было розознати, где былъ частшій пресвитеръ: въ корчмѣ, чили въ церквѣ“ [3]).

Совсѣмъ иное сдѣлалось теперь положеніе высшаго западно-русскаго духовенства. Въ его ряды „тиснулись“ вовсе не „сметье людское, голодные и неукове“, а напротивъ— знатные и богатые шляхтичи, весьма часто представители

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. I, № 238.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. II, № 230. Насколько вообще было безправно и беззащитно положеніе низшаго прав. духовенства въ ту пору, объ этомъ отчасти свидѣтельствуютъ документы настоящаго тома, №№ XXIX, XXXVII, XXXVIII, XLIX, CIII и др.

[3]) Палинодія Зах. Копыстенскаго—Русск. Ист. Библ., т. IV, ст. 1057.

именитыхъ фамилій. Такъ было въ то время и въ Польшѣ, гдѣ высшія духовныя должности нерѣдко служили предметомъ искательства для знатныхъ вельможъ и государственныхъ сановниковъ. Есть извѣстіе, что знаменитый Янъ Замойскій, будучи уже подканцлеромъ и гетманомъ короннымъ, одно время колебался, добиваться-ли ему далѣе канцлерства, или же бискупства краковскаго [1]). Тѣмъ болѣе это должно было случиться въ юго-западной Руси, высшія сословія которой переживали въ то время экономическій кризисъ. Вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-русскіе шляхтичи начинаютъ испытывать недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и стараются отыскать новые. Въ этихъ видахъ они постепенно оставляютъ преобладавшую доселѣ систему лѣсныхъ хозяйствъ и обращаютъ преимущественное вниманіе на развитіе земледѣлія, для чего оставляютъ лѣсныя имѣнія Полѣсья и стремятся пріобрѣсти права на черноземныя степныя пространства въ южной Волыни, Подольи и Украинѣ; вмѣстѣ съ этимъ они всѣми мѣрами стараются выпрашивать у короля грамоты на разныя прибыльныя должности—староства, войтовства, тіунства и др. бенефиціи. Такъ какъ православныя епархіи въ юго-западной Руси и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, пожалованными имъ древними русскими и литовскими князьями и другими благочестивыми лицами, то отсюда становится понятной охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за „духовнымъ хлѣбомъ,“ т. е. епископіями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достиженію этихъ достоинствъ, т. е. всенародное избраніе для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ непосред-

---

[1]) Listy Żołkewskiego, стр. 5.

ственно къ „верховному подавцѣ столицъ и хлѣбовъ духовныхъ“ т. е. королю и наперерывъ другъ передъ другомъ выпрашивали у него жалованныя грамоты на духовныя должности—кто за прежнія службы, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство—прямо за деньги. Въ короткое время возникла и развилась сложная система происковъ, выпрашиваній и подкуповъ. Въ 1569 г. бывшій подстароста луцкій, владѣлецъ Берестечскаго имѣнія, панъ Андрей Русинъ, не довольствуясь выхлопотаннымъ уже имъ раньше титуломъ нареченнаго владыки пинскаго и туровскаго, захотѣлъ еще получить богатую архимандрію Жидичинскую. Съ этою цѣлью онъ послалъ „до двора его королевской милости“ молодого п. Загоровскаго и снабдилъ его тремя именными вексельными бланками, съ полномочіемъ написать на нихъ, въ случаѣ нужды, отъ его лица денежныя обязательства тѣмъ изъ членовъ королевской рады, которые возьмутся исходатайствовать для него у короля „тотъ хлѣбъ духовный, архимандритство Жидичинское.“ Но Загоровскій почему-то „ничого доброго не выправилъ и того хлѣба духовного у его королевской милости и въ пановъ радъ не зъедналъ,“ а между тѣмъ вексельныхъ бланковъ назадъ не привезъ. Чтобы обезпечить себя на всякій случай отъ напрасной расплаты по этимъ бланкамъ, п. Русинъ внесъ въ гродскія луцкія книги заявленіе, что такъ какъ его попытка выхлопотать архимандритство не удалась, то поэтому онъ не считаетъ себя „виннымъ якъ самому его королевской милости, такъ и панамъ радамъ, никому ничого и никоторое сумы пенезей“ [1]). Практиковался и другой способъ расплаты за полученіе іерархическихъ мѣстъ—не деньгами, а какъ-бы натурою. Служившій первоначально въ военной службѣ, а потомъ выбранный въ архимандриты Кіево-печерскаго монастыря, Мелетій

---

[1]) № XXVIII настоящаго тома.

Хребтовичъ, въ 1579 г. заключилъ съ престарѣлымъ владимірскимъ епископомъ Ѳеодосіемъ Лазовскимъ выгодную сдѣлку, по которой тотъ согласился уступить ему свою каѳедру. Оставалось только выхлопотать подтвердительную грамоту королевскую, которая и была скоро получена; но за услуги и хлопоты по этому дѣлу Хребтовичъ долженъ былъ выдать, съ согласія, впрочемъ, самого короля, двѣ записи: одну коронному канцлеру Яну Замойскому на право пожизненнаго пользованія принадлежавшимъ владимірской епископіи имѣніемъ м. Квасовомъ съ его принадлежностями, а другую—королевскому дворянину Петру Черниковскому на право такого-же пользованія другимъ церковнымъ имѣніемъ, с. Яновичами [1]). Случалось иногда, что король выдавалъ жалованныя грамоты на одну и туже церковную должность разомъ нѣсколькимъ лицамъ. Тогда, если то были люди миролюбивые, то они входили другъ съ другомъ въ извѣстныя соглашенія, при чемъ одна изъ сторонъ отказывалась отъ своихъ правъ въ пользу другой за денежное вознагражденіе [2]); въ противномъ же случаѣ между ними открывалась настоящая война. Такая война произошла, наприм., въ 1565 г. между двумя претендентами на владимірскую епископію: шляхтичемъ Иваномъ Борзобогатымъ-Красенскимъ и холмскимъ епископомъ Ѳеодосіемъ Лазовскимъ, при чемъ побѣда досталась послѣднему послѣ того, какъ онъ, обложивъ епископскій замокъ двухтысячнымъ отрядомъ вооруженныхъ людей и расположивъ пушки на городскихъ зданіяхъ, открылъ пальбу по замку и соборной церкви, шесть разъ посылалъ свое войско на штурмъ, велѣлъ подложить огонь подъ стѣны замка и этимъ способомъ принудилъ къ бѣгству своего соперника [3]).

---

[1]) № XXXV настоящаго тома.

[2]) Образецъ подобнаго соглашенія см. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи,“ ч. 1, т. I, № 24.

[3]) Ibidem, № 4.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше безобразія было въ подобной раздачѣ іерархическихъ мѣстъ въ западно-русской церкви. Особенною неразборчивостью въ этомъ дѣлѣ отличался король Стефанъ Баторій, жаловавшій епископскія каѳедры и архимандріи разнымъ ротмистрамъ въ награду за военные подвиги и даже однажды назначившій (правда, по ошибкѣ) архимандритомъ минскаго православнаго монастыря явнаго католика [1]. Конечно, при такомъ способѣ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей не было вовсе обращаемо вниманіе на нравственныя качества претендента, на его призваніе и подготовку къ пастырскому служенію; отчего нерѣдко случалось, что въ составъ западно-русской іерархіи, вопреки каноническимъ постановленіямъ, попадали, наприм., второженцы, какъ Онисифоръ Дѣвочка, митрополитъ кіевскій, и даже лица, повинныя въ убійствахъ и другихъ уголовныхъ преступленіяхъ, какъ Тимоѳей Злоба, архимандритъ супрасльскій, и другіе.

Получивъ королевскую грамоту, шляхтичи не особенно спѣшили принимать церковное посвященіе: иногда они по нѣскольку лѣтъ управляли пожалованными имъ епархіями или монастырями, оставаясь въ мірскомъ званіи и нося титулъ нареченныхъ владыкъ или архимандритовъ, и часто нужны были со стороны митрополита чрезвычайныя побудительныя мѣры, въ родѣ неблагословенной грамоты или жалобы королю, чтобы заставить подобныхъ своевольцевъ принять посвященіе [2]. Нѣкоторые вступали въ управленіе епархіями и

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 110.

[2]) Для примѣра укажемъ на шляхтича Марка Жоравницкаго, который съ 1564 по 1567 годъ, т. е. до самой смерти своей, управлялъ луцкой епархіей, оставаясь въ мірскомъ состояніи; а также на его преемника Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, который лишь на четвертомъ году своего управленія епархіей, да и то вынужденный крайними мѣрами митрополита, принялъ посвященіе подъ именемъ Іоны. Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть 1, т. I, стр. XXV—XXVI.

монастырями, имѣя живыхъ женъ, и посвятившись не разводились съ ними, но продолжали вести прежнюю семейную жизнь; такъ въ 1585 г. галицко-русскіе православные дворяне упрекали митрополита Онисифора Дѣвочку въ томъ, что, благодаря его небреженію о порядкахъ церковныхъ, на епископскихъ каѳедрахъ сидятъ такія лица, которыя „съ жонами своими кромъ всякаго стыда живутъ и дѣтки плодятъ, а въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ жонами и дѣтми живутъ" [1]). Въ другой разъ львовское братство доносило константинопольскому патріарху Іереміи, что епископы—холмскій Діонисій Збируйскій и пинскій Леонтій Пельчицкій „со женами живутъ, еще же и перемышльскій владыка (Михаилъ Копыстенскій) со женою на епископство възведенъ" [2]).

Достигнувъ цѣли своихъ искательствъ, шляхтичи—іерархи становились обладателями многочисленныхъ церковныхъ помѣстій и могли теперь по богатству равняться съ знатными вельможами, у которыхъ иные изъ нихъ нерѣдко состояли нѣкогда на службѣ. Они имѣли укрѣпленные замки съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; ихъ окружала многочисленная толпа слугъ, въ числѣ которыхъ иногда встрѣчались потомки захудалыхъ княжескихъ родовъ; сундуки въ ихъ „коморахъ" были переполнены „шатами златоглавыми," „сукнами фалендышевыми," „оксамитами и едвабами," мѣхами куньими и собольими, а также „мисами" червонцевъ, ефимковъ и талярей, сребромъ и золотомъ, „перлами уріанскими" т. е. жемчугомъ и иными драгоцѣнностями; въ ихъ кладовыхъ постоянно хранился неистощимый запасъ, цѣлыми бочками, винъ: мальвазіи, рейнскаго, аликонте и др. напитковъ; а въ главномъ замкѣ всегда былъ наготовѣ многочисленный и хорошо вооруженный отрядъ

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 146.
[2]) Ibidem, т. IV, № 33.

гайдуковъ, которыхъ они содержали будтобы для отраженія набѣговъ татарскихъ, но услугами которыхъ гораздо чаще пользовались для наѣздовъ на чужія имѣнія [1]). Эти непризванные владыки менѣе всего склонны были заботиться о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ, а многіе едвали даже имѣли ясное понятіе, въ чемъ они заключаются. Все вниманіе и всѣ ихъ помыслы были поглощены одной заботой о возможно быстромъ обогащеніи. Они устранили крылошанъ отъ права участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершенно безъ всякаго контроля: раздавали цѣлыя помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ, родственникамъ и пріятелямъ, отдавали въ приданое за своими дочерьми, продавали, обмѣнивали, сдавали въ аренду на десятки лѣтъ, закладывали и вообще располагали какъ своею личною собственностью. Такъ же самоуправно распоряжались они и церковною движимостью: разоряли монастыри и церкви, разбирали изъ укрѣпленныхъ замковъ пушки и другое оружіе и развозили его по своимъ собственнымъ имѣніямъ, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари, „съ крестовъ великихъ малые чинили и собѣ поесы, ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справовали, изъ ризъ (чини-

---

[1]) Всѣ эти подробности заимствованы нами изъ множества различныхъ документовъ, изданныхъ и неизданныхъ, перечень которыхъ занялъ-бы слишкомъ много мѣста. Укажемъ главнѣйшіе изъ числа изданныхъ: Арх. Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. I, №№ 9, 76, 88 и др.; въ настоящемъ томѣ №№ LXV, LXXI, XCI, CLXII и др.; наконецъ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. I, № 128, въ которомъ находится опись имущества Кир. Терлецкаго, отданнаго имъ на храненіе пинскому мѣщанину Григорію Крупѣ, съ обозначеніемъ стоимости каждаго предмета. Если перевести тогдашнюю монету на нынѣшнюю, то окажется, что общая цѣнность одной этой части его имущества, вмѣстѣ съ долговыми росписками разныхъ лицъ, простиралась на сумму свыше 22,000 рублей.

ли) саяны, съ петрохилевъ—брамы“ [1]). Не довольствуясь богатыми доходами съ церковныхъ имѣній, владыки произвольно налагали усиленные поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не могли удовлетворять ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви; такъ въ 1583 г. было запечатано въ Луцкѣ семь церквей, по распоряженію мѣстнаго епископа Іоны Борзобогатаго-Красенскаго [2]). Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквами, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они просто сдавали такія церкви въ аренду, наравнѣ съ мельницами и винокурнями; такъ въ 1585 г. мѣщане могилевскіе жаловались королю, что ихъ владыка, полоцкій архіепископъ Ѳеофанъ, будучи патрономъ церкви св. Спаса въ Могилевѣ, отдалъ эту церковь въ аренду и тѣмъ совершенно разорилъ ее; поэтому мѣщане просили короля, чтобы онъ передалъ эту церковь въ ихъ завѣдываніе, ибо владыка „онои не оправуетъ и только пожитковъ своихъ, а не хвалы Божое стережетъ“ [3]). Нажившись такими путями, нѣкоторые владыки, съ цѣлью еще большаго обогащенія, нерѣдко пускались въ комерческія предпріятія: брали подряды на поставку въ Данцигъ тамошнимъ купцамъ хлѣба и лѣсныхъ товаровъ и отдавали въ ростъ деньги панамъ, купцамъ и мѣщанамъ, не только христіанамъ, но часто и евреямъ, обезпечивая ихъ долги залогами соотвѣтственной цѣнности: землями, имѣніями или цѣнными вещами [4]).

---

[1]) Слова жалобы галицкихъ дворянъ 1585 г. митрополиту на своихъ епископовъ и архимандритовъ—Акты Зап. Р., т. Ш, № 146. См. также Арх. Юго-зап. Рос., ч. 1, т. I, стр. XXX. *Саяны*—особый родъ тогдашняго платья, а *брамы*—нашивныя каймы, какими любили тогда отдѣлывать платья.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. I, № 33.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 152.

[4]) О ростовщичествѣ высшаго духовенства—см. Архивъ Юго-запад. Россіи, ч. 1, т. I, № 9; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. I, № 128; Ви-

Нечего и говорить о томъ, что, выросшіе и воспитанные въ нравахъ и привычкахъ тогдашней шляхетской среды, западно-русскіе владыки и архимандриты, вопреки иноческимъ своимъ обѣтамъ, и въ новомъ званіи нисколько не измѣняли прежняго образа жизни. Особенность положенія тогдашнихъ іерарховъ въ томъ именно и состояла, что, по общему понятію, выработанному раньше въ Польшѣ въ примѣненіи къ высшему католическому духовенству и даже усвоенному польскимъ законодательствомъ, они, внѣ круга своихъ спеціально-церковныхъ обязанностей, ничѣмъ не выдѣлялись изъ рядовъ того сословія, изъ среды котораго прямо и непосредственно восходили на іерархическія каѳедры: подобно всѣмъ шляхтичамъ, они владѣли личною поземельною собственностью и крестьянами, имѣли право покупать, продавать, брать и самимъ отдавать въ залогъ имѣнія, отправляли всѣ земскія и государственныя обязанности, участвовали въ сеймикахъ, посылали своихъ ополченцевъ на войну и въ „посполитыя рушенья",—однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ были и считались такими же шляхтичами, какъ и остальные ихъ братья, только „духовного стану". Весьма естественно, поэтому, что и въ частномъ быту западно-русскіе духовные ничѣмъ не отличались отъ своихъ пасомыхъ; владѣя же огромными матеріальными средствами, они старались во всемъ походить на знатныхъ вельможъ и подобно имъ вели праздную, роскошную и веселую жизнь, ничѣмъ въ своихъ поступкахъ не отличаясь отъ богатыхъ мірянъ. А надо замѣтить, что нравственный уровень тогдашняго шляхетно-русскаго общества былъ весьма невысокъ, какъ это вообще замѣчается въ исторіи относительно обществъ,

---

ленскій Археографич. Сборникъ, т. I, № 70. Въ двухъ послѣднихъ документахъ можно найти именной списокъ должниковъ луцкаго епископа Кир. Терлецкаго, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и такіе магнаты, какъ воевода кіевскій князь Константинъ Острожскій.

переживающихъ такъ называемую переходную эпоху. Рядомъ съ усвоеніемъ новыхъ понятій и формъ болѣе цивилизованной жизни, въ обществѣ высшихъ западно-русскихъ сословій быстро исчезала простота и патріархальность старыхъ предковскихъ обычаевъ и соединенная съ нею строгость и чистота нравовъ. Въ этомъ отношеніи гибельнѣе всего вліяло на общественные нравы юго-западной Руси сближеніе съ Польшею, гдѣ въ средѣ высшей шляхты, а особенно при дворѣ тогдашнихъ польскихъ королей, нравственная распущенность достигла высшаго развитія. Литовско-русскіе писатели XVI вѣка единогласно жалуются на упадокъ нравовъ въ современномъ имъ обществѣ, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ литовскаго Статута замѣчается все большее усиленіе строгости по отношенію къ цѣлому ряду преступленій, о которыхъ въ первой редакціи Статута совсѣмъ не упоминается. Найболѣе распространенными пороками тогдашняго общества были: пьянство, разнаго рода противо-семейныя преступленія, тайныя убійства при помощи ядовъ и отравы [1]), страсть къ поединкамъ и особенно склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ отнятіи чужой собственности, буйствахъ и убійствахъ. Общая нравственная распущенность коснулась и высшаго католическаго духовенства, которое въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, какъ и во всей западной Европѣ, необузданно предавалось страсти къ обогащенію, заботилось лишь о суетѣ мірской и утопало въ разнаго рода пресыщеніяхъ и открытомъ развратѣ, что и способствовало болѣе всего распространенію реформаціи. Современный писатель, литвинъ Михалонъ, въ запискѣ, составленной имъ въ 1550 г. для молодаго короля Сигизмунда-Августа, такъ

---

¹) По свидѣтельству современныхъ польско-литовскихъ писателей, порокъ этотъ былъ занесенъ въ Польшу и Литву при Сигизмундѣ I королевой Боной, италіанкой, и ея дворомъ.

отзывался о своихъ латинскихъ духовныхъ: что они жили, какъ изнѣженные сибариты, держали наложницъ, одѣвались великолѣпно, предавались праздности и пиршествамъ, слагая всѣ обязанности на своихъ викаріевъ, и не довольствуясь доходами съ своихъ богатыхъ имѣній и обильными приношеніями отъ прихожанъ, домогались еще управленія многими церквами разомъ, которыя и отдавали въ наемъ мірянамъ и торговцамъ [1]). По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ актовъ виленской капитулы, развратъ среди столичнаго литовско-католическаго духовенства одно время дошелъ до такой степени, что загородныя дачи и фольварки виленскихъ канониковъ и даже прелатовъ сдѣлались чуть не публичными домами, а въ 1629 г. виленская капитула, стараясь хоть чѣмъ-нибудь удержать отъ распутства своевольное духовенство, вынуждена была изгнать изъ предѣловъ епархіи всѣхъ развратныхъ женщинъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что примѣръ католическаго духовенства оказывалъ сильное вліяніе на жизнь западно-русскихъ владыкъ, почти отрѣшившихся отъ древне-русскихъ церковно-іерархическихъ преданій и всѣми силами стремившихся достигнуть такого же независимаго и вліятельнаго положенія, какимъ пользовались въ обществѣ и въ правительствѣ члены католической іерархіи. Есть извѣстія, что нѣкоторые православные владыки не только водили знакомство, но были лично близки съ представителями высшаго католическаго духовенства. Такъ о омъкіевск митрополитѣ Сильвестрѣ Бѣлькевичѣ свидѣтельствуютъ, что онъ велъ дружбу съ кіевскимъ бискупомъ Николаемъ Па-

---

1) Сочиненіе Михалона носитъ названіе: *О правахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ*. Отрывки изъ этого сочиненія, въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, напечатаны въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, кн. 2, от. V.

2) Jaroszewicz, Obraz Litwy, т. III, стр. 10 и 161.

цемъ. А этотъ Пацъ былъ самымъ типичнымъ представителемъ тогдашнихъ латинскихъ прелатовъ: аристократъ по рожденію, блестяще образованный, онъ получилъ бискупство за гражданскія заслуги, велъ жизнь роскошную, любилъ музыку, потомъ увлекся протестантствомъ, сложилъ санъ, женился и получилъ отъ короля почетную должность —каштелянство мстиславское. Конечно, ренегатство Паца было фактомъ исключительнымъ, но во всемъ остальномъ онъ былъ совершенно похожъ на другихъ прелатовъ, вельможное положеніе которыхъ и нестѣсняемая никакими требованіями долга жизнь не могли не дѣйствовать заманчиво и на православныхъ іерарховъ. Все, что было выше сказано нами о частной жизни западнорусскихъ архіереевъ—объ ихъ сибаритствѣ, алчности и страсти къ обогащенію,—все это было лишь копіей съ католическаго оригинала, а усвоенный владыками обычай отдачи въ аренду церквей можно считать прямо перенятымъ у латинскихъ прелатовъ. Сходство это можно бы провести и далѣе, относительно другихъ пороковъ высшихъ представителей обоихъ исповѣданій. Извѣстный ревнитель древне-русскаго благочестія, православный инокъ Іоаннъ изъ Вишни (въ Галиціи), жившій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., не находилъ достаточно выразительныхъ словъ, когда обличалъ современныхъ ему владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ въ любостяжательствѣ, сребролюбіи, корыстолюбіи, пьянствѣ, чревоугодіи и другихъ пресыщеніяхъ; тѣ же обличенія повторяются почти всѣми южно-русскими писателями того времени. Развратъ среди высшаго духовенства въ юго-западной Руси, правда, не доходилъ до такой степени или, по крайней мѣрѣ, не совершался такъ открыто, какъ то бывало у католическихъ канониковъ и прелатовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилось нѣсколько судебныхъ актовъ, изъ которыхъ можно заключать, что и западно-русскіе пастыри были не вполнѣ

чужды этому грѣху. Такъ въ 1594 г. луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій формально на судѣ былъ обвиняемъ въ изнасилованіи нѣкоей крестьянки Палажки [1]); а въ одной актовой книгѣ мы находимъ декретъ митрополичьяго суда по дѣлу объ архимандритѣ Жидичинскаго монастыря Никодимѣ Мокосіи-Шибинскомъ, обвиненномъ въ убійствѣ, растратѣ монастырскихъ имѣній и наконецъ въ томъ, что онъ, разогнавъ братію, „в монастырѣ своемъ наложницъ ховалъ и зъ ними справу Богу и людямъ добрымъ мерзкую мѣвалъ" [1]). Примѣры подобной распущенности еще чаще встрѣчались въ средѣ низшаго православнаго духовенства; такъ въ 1591 г. львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, въ окружномъ посланіи къ духовенству перемышльской епархіи, открыто укорялъ его въ томъ, что многіе священники „по малжонкахъ (женахъ) своихъ, зъ сего свѣта зошлыхъ, блудницъ собѣ держатъ безпечно, безъ сорому и боязни Божой" [3]). Можно думать, что такъ бывало тогда не въ одной перемышльской епархіи.

Но самыми распространенными среди высшаго западнорусскаго духовенства пороками, безъ сомнѣнія, нужно признать тѣ, которые болѣе всего господствовали въ тогдашнемъ русско-шляхетскомъ обществѣ: то были—склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ безпрестанныхъ наѣздахъ на имѣнія сосѣдей и сопряженныхъ съ этимъ безчинствахъ, насиліяхъ, буйствахъ и грабежахъ, и страсть къ нескончаемымъ тяжбамъ. Отъ перваго изъ этихъ пороковъ долго еще не могли освободиться даже лучшіе изъ православныхъ іерарховъ XVII в., подобныхъ Петру Могилѣ, Іову Борецкому, Аѳанасію Пузынѣ, Сильвестру Гулевичу и

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть 1, т. I, №№ 94—100; въ настоящемъ томѣ актъ № CXXXI.

[2]) № CCXXVII настоящаго тома.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 29.

др. [1]); что же и говорить о такихъ недостойныхъ владыкахъ, какими были въ XVI в. Іона Борзобогатый-Красенскій, Ѳеодосій Лазовскій, Кириллъ Терлецкій et tutti quanti! Владѣя громадными средствами, получаемыми изъ церковныхъ доходовъ, они содержали многочисленные отряды слугъ, гайдуковъ и ратныхъ людей, вооружали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, даже пушками, и часто лично предводительствовали ими въ наѣздахъ, разбояхъ, штурмомъ брали и отнимали чужія имѣнія, мѣстечка и села, и въ свою очередь нерѣдко выдерживали въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ и монастыряхъ настоящія осады со стороны такихъ же самоуправцевъ. Случалось, что владыки иногда отказывались подчиняться невыгоднымъ для нихъ распоряженіямъ правительства и въ такихъ случаяхъ, при помощи своихъ ратныхъ людей, силою отражали посылаемыя противъ нихъ, по приказу короля, повѣтовыя ополченія [2]). А въ промежутки между этого рода военными занятіями они разъѣзжали по гродамъ и трибуналамъ, заносили въ судебныя книги протестаціи, манифестаціи, позвы и аппеляціи, требовали возныхъ, являлись на рочки [3]), подвергались банниціямъ, инфаміи и т. под. Такимъ образомъ знаменитый Іоаннъ Вишенскій былъ совершенно правъ, когда обличалъ современныхъ ему владыкъ въ томъ, что они, „вмѣсто правила, книжного чтенія и изученія закона Господня, день и ночь надъ статутомъ и лжею (т. е. составленіемъ аппелляцій и репротестацій) весь вѣкъ свой упражняются“. Свидѣтельство Вишенскаго вполнѣ подтверждается судебными документами того времени. Всякій, кому случалось знакомиться съ древними актовыми книгами, наприм. хранящимися въ Кіевскомъ

---

[1]) См., напр., въ настоящемъ томѣ № CCXLIII, CCXLIX и CCL.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. I, т. I, стр. XXIII.

[3]) *Рочки*—сессіи тогдашнихъ судовъ.

Центральномъ архивѣ, безъ сомнѣнія былъ поражаемъ обиліемъ судебныхъ процессовъ, которые ведены были тогдашними духовными лицами; иной разъ кажется, будто гродскіе и земскіе суды того времени ничѣмъ инымъ и не занимались, какъ только процессами православныхъ владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ [1]). И нельзя не замѣтить, что въ веденіи большей части этихъ процессовъ видна знающая и искусная рука, навыкшая къ юридической практикѣ и при случаѣ не чуждая казуистическихъ фортелей. Оно и понятно, если принять во вниманіе, что нѣкоторые изъ православныхъ владыкъ въ предшествовавшій, мірской періодъ своей жизни занимались профессіонально адвокатурой; такъ о холмскомъ епископѣ Діонисіи Збируйскомъ упомянутый І. Вишенскій свидѣтельствуетъ, что онъ, до вступленія на епископскую каѳедру, „коли в Луцку жилъ, Саксономъ и майдебургскимъ правомъ свое черево кормилъ“ [2]). Поэтому весьма многіе изъ упомянутыхъ процессовъ тянулись десятки лѣтъ, восходили по аппелляціямъ на рѣшеніе трибуналовъ и королевскихъ или даже сеймовыхъ судовъ и часто прекращались лишь за смертью тяжущихся. Иные изъ владыкъ и умирали баннитами, т. е. приговоренными къ лишенію защиты законовъ и къ изгнанію изъ отечества [3]).

---

[1]) См., напр., подъ № LXX перечень находившихся въ гродскихъ владимірскихъ книгахъ документовъ, касающихся до судебныхъ дѣлъ луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго за недолгій относительно періодъ времени—съ февраля 1586 по октябрь 1597 года. Ихъ оказалось 70! Но вѣдь это – въ однихъ лишь *гродскихъ* книгахъ одного повѣта; а были еще книги земскія и подкоморскія, въ которыхъ также находятся судебныя дѣла о Терлецкомъ. При томъ же, его епархія обнимала не одинъ Владим. повѣтъ, но также Луцкій и Кременецкій повѣты, въ судебныя мѣста которыхъ онъ столь же часто обращался. А сколько еще дѣлъ велъ онъ въ трибуналѣ люблинскомъ и въ задворномъ королевскомъ судѣ!

[2]) Акты Ю. и Зап. Россіи, т. II, стр. 231.

[3]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. I, т. I, стр. XXVIII.

Такова была западно-русская церковная іерархія въ періодъ непосредственно предшествовавшій уніи. Съ той поры, когда были нарушены основныя черты древняго, соборнаго строя западно-русской церкви, когда старинный обычай всенароднаго избранія духовныхъ пастырей мало по малу уступилъ мѣсто королевскому и иному „подаванью“, когда паства была устранена отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ,—съ тѣхъ поръ духъ жизни сталъ угасать въ живомъ дотолѣ и дѣятельномъ организмѣ церковномъ, и не прошло полувѣка, какъ въ немъ обнаружились печальные признаки внутренняго разложенія: всѣ духовныя должности, отъ высшаго предстоятеля церкви—митрополита до приходскаго священника, стали считаться не болѣе, какъ доходными мѣстами или, какъ тогда говорили, „хлѣбомъ духовнымъ“, который можно было выслужить у короля за разныя услуги или даже купить за деньги; на святительскихъ каѳедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ всякаго призванія и подготовки къ пастырскому служенію, не рѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, „волки несытые“, заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся всякимъ порокамъ и безнаказанно нарушавшіе каноническія правила и церковные обычаи; исчезла самая тѣнь церковной дисциплины: всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица, опозоренныя тягчайшими преступленіями, спокойно оставались на своихъ мѣстахъ; священники не хотѣли слушаться своихъ пастырей, предавались пьянству и больше заботились о томъ, чтобы угодить своимъ патронамъ-помѣщикамъ и ихъ управляющимъ или арендаторамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ; наконецъ, сами пасомые, лишенные духовнаго руководительства и потерявшіе послѣднюю тѣнь довѣрія и уваженія къ своимъ недостойнымъ пастырямъ, измѣняли отеческой вѣрѣ и толпами переходили въ чужія вѣры и секты. При созерцаніи всего этого по истинѣ было отъ чего прійти

въ отчаяніе, о которомъ львовскіе братчики писали въ 1592 г. патріарху константинопольскому, что многіе „смущаются недоумѣніемъ: не настоитъ-ли время погибели?"

Къ счастью, большинство тогдашняго западно-русскаго общества слагалось не изъ такихъ малодушныхъ: въ немъ еще были люди, которые, вѣрнѣе постигая духъ православія, вовсе не отождествляли церковь съ іерархіей и потому, признавая крайній упадокъ послѣдней, не отчаявались, однако, въ возможности возстановить благоустройство въ первой. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, въ обществѣ росло и зрѣло сознаніе ненормальности существовавшихъ церковныхъ порядковъ и отношеній и необходимости положить, наконецъ, предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ. Мысль о реформѣ церковной скоро сдѣлалась общею; не доставало лишь соглашенія относительно того, какими средствами и во имя какихъ началъ должна быть предпринята эта реформа. Князь Константинъ Острожскій, наприм., полагалъ, что главная причина зла коренится въ невѣжествѣ западно-русскаго православнаго духовенства и что благоустройство церковное скорѣе всего можетъ быть возстановлено, если будутъ основаны школы и на Руси распространится просвѣщеніе; для того же, чтобы въ будущемъ предотвратить поступленіе на іерархическія мѣста лицъ недостойныхъ, князь въ 1592 г. испросилъ у короля особую грамоту, въ которой Сигизмундъ III обѣщалъ впредь предоставлять высшія духовныя мѣста въ церкви православной только такимъ лицамъ, которыя будутъ рекомендованы ему самимъ княземъ Острожскимъ [1]). Обстоятельства не замедлили во-очію показать, как мало дѣйствительна была эта послѣдняя мѣра: ибо не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, князь Острожскій, пользуясь

[1]) Апокрисисъ—Русск. Истор. Библ., т. VII, стр. 4294.

предоставленнымъ ему правомъ, провелъ на владимірскую епископскую каѳедру Ипатія Потѣя—одного изъ главнѣйшихъ столповъ замышляемой уже тогда уніи. Вѣрнѣе разумѣли положеніе дѣлъ и прямѣе стремились къ цѣли тѣ изъ сторонниковъ реформы церковной, которые понимали ее въ смыслѣ возстановленія старинныхъ основъ древне-русскаго церковнаго строя: избирательности духовенства и широкаго участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Такихъ людей было не мало въ разныхъ слояхъ тогдашняго западно-русскаго общества и даже въ средѣ шляхетскаго сословія, болѣе другихъ оторваннаго отъ древне-русскихъ преданій. Принимая на себя, въ качествѣ единственнаго политически-полноправнаго сословія, защиту и охрану правъ своей церкви предъ лицемъ государственной власти, православные дворяне тѣмъ самымъ пріобрѣтали возможность вліять на внутренній ходъ церковныхъ дѣлъ и такимъ образомъ фактически содѣйствовали возстановленію прежняго, не вполнѣ еще забытаго порядка, когда высшее попеченіе о церковномъ благоустройствѣ и вмѣстѣ контроль надъ дѣйствіями самихъ пастырей принадлежали всѣмъ членамъ церкви, а не однимъ духовнымъ. Эта тенденція довольно ясно выступаетъ, наприм., въ извѣстномъ сеймовомъ посланіи южно-русскихъ дворянъ къ кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ (въ 1585 г.), въ которомъ они рѣзко упрекаютъ его въ нерадѣніи о дѣлахъ и нуждахъ церкви православной, ставятъ ему на видъ крайніе безпорядки и злоупотребленія въ церковной іерархіи и настоятельно требуютъ, чтобы онъ не посвящалъ на высшія іерархическія мѣста такихъ лицъ, коихъ они аттестуютъ предъ нимъ, какъ людей недостойныхъ; болѣе же всего они укоряютъ митрополита въ слѣдующемъ: „што еще горшаго—ваша милость рачишъ поставляти *самъ* одинъ епископы, безъ свидѣтелей (т. е. лицъ, свидѣтельствующихъ о годности кандидата) и *безъ насъ*, братьи своее, чого вашой

милости и правила забороняють; и за такимъ зквапнымъ (необдуманнымъ) совершеніемъ негодные ся въ такий великий станъ епископский совершають, къ поруганію закону святого“ [1]). Безспорно, что авторы этого обличительнаго посланія, ратуя за возстановленіе церковнаго благоустройства, пока еще выступаютъ болѣе какъ охранители правъ своего сословія, нежели какъ представители вообще мірскаго элемента въ союзѣ церковномъ; но все же въ ихъ требованіяхъ нельзя не видѣть возвращенія къ соборнымъ преданіямъ православной церкви, которыя къ тому времени въ большей чистотѣ сохранились въ другихъ классахъ западно-русскаго населенія, менѣе подвергшихся вліянію идей польскаго общественнаго строя. Такими классами въ то время были: мѣщане и масса простаго народа, включая въ нее и козаковъ. Нечего и упоминать о томъ, что сельскія, крестьянскія „громады“ всегда съ большою настойчивостью старались удержать въ своихъ приходахъ старинные обычаи и не только въ то время, но и гораздо позже, въ самый разгаръ уніатскихъ преслѣдованій, гдѣ только представлялась къ тому возможность, сами избирали и содержали приходскихъ священниковъ и завѣдывали дѣлами своей церкви и прихода; но, лишенные всякихъ гражданскихъ правъ и изнемогавшіе подъ бременемъ помѣщичьяго гнета, крестьяне не могли, конечно, и думать о томъ, чтобы принять на себя починъ въ дѣлѣ реформированія общихъ порядковъ церковныхъ. Въ лучшихъ, сравнительно съ ними, условіяхъ находились тогда мѣщане, особенно тѣ, которые жили въ большихъ городахъ и пользовались самоуправленіемъ по магдебургскому праву. Мы уже раньше упоминали, что мѣщанскія общества нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ до временъ самой уніи удержали право завѣдыванія своими

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 146.

церквами и выбора къ нимъ священниковъ, очень дорожили этимъ правомъ, энергично отстаивали его отъ посягательствъ со стороны своихъ же высшихъ духовныхъ пастырей и старались, при помощи выпрашиваемыхъ у короля грамотъ, распространить свое право и на другія церкви, находившіяся подъ патронатствомъ королевскихъ урядниковъ или же самихъ владыкъ. Къ этому нужно прибавить, что мѣщане, по условіямъ быта и по самому свойству торгово-промышленныхъ занятій своихъ, представляли собою сравнительно съ крестьянствомъ и болѣе обезпеченное, и несравненно болѣе развитое сословіе: многіе изъ нихъ вели торговлю съ заграничными городами и сами часто бывали въ чужихъ земляхъ; между ними была широко распространена грамотность и кое-какое книжное образованіе, а въ средѣ мѣщанъ такихъ крупныхъ городовъ, какъ, напр., Львовъ, Вильна и др., нерѣдко встрѣчались лица, обладавшія настоящею европейскою образованностью. При всемъ этомъ западно-русское мѣщанство отличалось строгимъ консерватизмомъ во всемъ, что касалось его народности и вѣры, и не смотря на то, что мѣщане, въ силу указанныхъ условій ихъ быта, ничуть не менѣе шляхтичей подвергались дѣйствію протестантской пропаганды, между ними были довольно рѣдки случаи оставленія отцевской вѣры. Мы готовы даже допустить, что проповѣдь реформаціи нѣкоторыми своими сторонами, какъ, наприм., отрицаніемъ безусловности авторитета іерархической власти, обличеніемъ злоупотребленій католическаго духовенства, а также ученіемъ о правѣ вѣрующихъ самостоятельно завѣдывать дѣлами церковныхъ общинъ и т. под.,—скорѣе могла оказывать полезное вліяніе на западно-русскихъ мѣщанъ, развивая и укрѣпляя въ ихъ сознаніи соотвѣтственныя начала православнаго ученія, столь же противоположныя началамъ католическимъ, и пріучая ихъ критически относиться къ дѣйствіямъ и поступкамъ своихъ соб-

ственныхъ, недостойныхъ іерарховъ. Какъ бы то ни было, но нельзя не признать, что западно-русское мѣщанство обладало достаточными средствами къ тому, чтобы взять на себя починъ въ дѣлѣ обновленія православной церкви, доведенной злоупотребленіями владыкъ и дворянъ-патроновъ до крайней степени упадка и конечнаго разстройства,—тѣмъ болѣе что оно имѣло у себя готовыя учрежденія, могшія стать первыми очагами церковнаго возрожденія: разумѣемъ церковныя братства.

Не будемъ останавливаться на вопросѣ о происхожденіи южно-русскихъ братствъ и первоначальной ихъ исторіи; для нашей цѣли достаточно лишь въ общихъ чертахъ представить роль и характеръ дѣятельности церковныхъ братствъ съ той поры, когда они силою вещей становятся органами преобразовательнаго движенія въ западно-русской церкви. Еще съ половины XV в., а можетъ быть и раньше, въ средѣ мѣщанъ нѣкоторыхъ западно-русскихъ городовъ существовали братскіе союзы, по своему устройству и роду дѣятельности носившіе двоякій характеръ: отчасти религіозныхъ и отчасти цеховыхъ корпорацій. Они заботились о нуждахъ своихъ приходскихъ церквей и богодѣленъ, погребали умершихъ и совершали другія дѣла благотворенія, устраивали въ извѣстные праздники общіе обѣды и пиры, доставляли своимъ членамъ возможность сходиться въ братскій домъ, совѣтоваться о своихъ частныхъ дѣлахъ и вмѣстѣ проводить пріятно время, и наконецъ, въ духѣ братской любви разрѣшали всѣ возникавшія между братчиками ссоры и несогласія. Въ первой половинѣ XVI в. число церковныхъ братствъ, вообще говоря, увеличивается очень слабо, причемъ они попрежнему сосредоточиваются лишь въ большихъ городахъ: Львовѣ и Вильнѣ, и только съ половины того же столѣтія возникаютъ мѣщанскія братства и въ другихъ городахъ и даже въ нѣкото-

рыхъ мѣстечкахъ [1]). Но съ наступленіемъ послѣдней четверти XVI ст. картина вдругъ перемѣняется: церковныя братства одно за другимъ появляются въ большихъ, и малыхъ городахъ и мѣстечкахъ и въ какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ образуютъ довольно густую сѣть на пространствѣ отъ Львова до Вильна и Мстиславля. Чему приписать это неожиданно-быстрое размноженіе братскихъ союзовъ? Наши историки объясняютъ это явленіе пробудившимся къ тому времени у православныхъ сознаніемъ необходимости тѣснаго сплоченія для противодѣйствія усилившейся протестантской и католической пропагандѣ и особенно для защиты православія отъ посягательствъ на него со стороны іезуитовъ. Заботы о защитѣ православной церкви отъ притѣсненій иновѣрцевъ, собственно лишь католиковъ и уніатовъ, дѣйствительно составляли одну изъ главныхъ задачъ дѣятельности братствъ, но не теперь, а впослѣдствіи, именно со времени провозглашенія уніи, когда собственно и наступила эпоха открытаго преслѣдованія православія въ польско-литовскомъ государствѣ. Просматривая же уставы церковныхъ братствъ, возникшихъ до уніи, мы не только не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы братства открыто ставили своей задачей борьбу съ иновѣріемъ, а встрѣчаемъ нѣчто совсѣмъ противоположное: многія братства принимали въ свой составъ и въ свои собранія лицъ и другихъ исповѣданій кромѣ православнаго, въ томъ числѣ и латинянъ, даже духовнаго сана [2]). Фактъ этотъ находится въ полномъ согласіи съ тою вѣротерпимостью, которая вообще свойственна была взаимнымъ отношеніямъ православнаго и

---

[1]). См., напр., уставъ братства въ м. Вишнѣ (въ Галиціи) 1563 г. —№ XXII настоящ. тома.

[2]) Акты Зап. Р., III, № 131. Исторія Р. Церкви, митроп. Макарія, IX, 260. Подобнаго содержанія параграфъ встрѣчается даже въ уставѣ братства Могилевскаго, основаннаго въ 1589 г., почти на канунѣ уніи. А. Ю. и З. Р., т. I, № 188.

католическаго населенія въ юго-западной Руси почти до временъ уніи и которая простиралась до такой степени, что православные священники часто были приглашаемы въ католическія семейства для крещенія дѣтей, погребенія умершихъ и совершенія другихъ церковныхъ требъ, на что въ 1579 г. луцкое католическое духовенство жаловалось даже королю[1]). Все это видимо противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, будто именно борьба противъ католичества была главною причиною, вызвавшею быстрое размноженіе братствъ въ началѣ послѣдней четверти XVI вѣка. Не будетъ-ли проще предположить, что и это явленіе, какъ и многія другія, было вызвано не внѣшними, а внутренними условіями тогдашняго состоянія западно-русской церкви? Мы видѣли, до какого крайняго упадка эта церковь была доведена тогда злоупотребленіями высшаго духовенства, благодаря равнодушію дворянства, подвергшагося польскому вліянію, и порабощенному положенію духовенства низшаго. Настояла нужда ревниво оберегать даже видимую народную святыню—православные храмы, которые шляхтичи превращали въ костелы, кирхи или же сектантскія молельни, а свои же православные владыки отдавали въ аренду. Это и было первоначальнымъ побужденіемъ для православныхъ мѣщанъ организовать изъ своей среды братскіе союзы въ видахъ болѣе успѣшнаго попеченія объ интересахъ приходскихъ церквей, изъ-за которыхъ мѣщанамъ часто приходилось входить въ столкновеніе съ духовными пастырями по вопросу о правѣ патронатства. Скоро, однако, обнаружилась недостаточность одного попеченія о матеріальныхъ нуждахъ церквей, и многіе изъ мѣщанъ стали убѣждаться въ необходимости такихъ учрежденій, которыя имѣли-бы задачей служить не своимъ только приходскимъ церквамъ, а всей церкви православной,

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть 1, т. I, № 18.

для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, о которыхъ некому было тогда заботиться. Этимъ путемъ возникла мысль о непригодности прежней организаціи церковныхъ братствъ и о необходимости рефирмовать ихъ внутренній строй съ цѣлью приспособить ихъ къ служенію болѣе широкимъ задачамъ. Эта мысль и была осуществлена въ 1586 г. по почину, предпринятому старѣйшимъ изъ южно-русскихъ братствъ, издавна существовавшимъ при львовской Успенской церкви. Воспользовавшись пріѣздомъ въ Львовъ антіохійскаго патріарха Іоакима, львовскіе мѣщане представили на его утвержденіе выработанный ими новый братскій уставъ, служившій послѣ того образчикомъ для всѣхъ западно-русскихъ братствъ. Въ этомъ уставѣ нѣтъ и помину ни о покупкѣ меда, ни о братскихъ пиршествахъ въ извѣстные праздники, о чемъ подробно говорится въ уставахъ стараго братскаго типа. По смыслу новаго устава, братство не есть болѣе ограниченный кружокъ лицъ, преслѣдующихъ частныя религіозно-благотворительныя цѣли, но является обще-церковнымъ учрежденіемъ, задача котораго—всестороннее служеніе пользѣ и интересамъ всей западно-русской православной церкви. Соотвѣтственно этому, братство, во-первыхъ, теряетъ свой прежній полуцеховой характеръ и становится всесословнымъ союзомъ, въ составъ котораго могутъ вступать и мѣщане, и шляхтичи, и „посполитые“ и вообще „люди всякого стану, якъ тутешніе, такъ и сторонніе“, и притомъ не одни мущины, но и женщины [1]); во-вторыхъ, не отказываясь отъ преслѣдованія тѣхъ же благотворительныхъ цѣлей, къ какимъ стремились и прежнія братства, т. е. отъ вспомоществованія церквамъ и „шпиталямъ“ (богодѣльнямъ) и вообще бѣднымъ и несчастнымъ, братство глав-

---

[1]) См., наприм., списокъ лицъ, вписавшихся въ составъ львовск. братства, гдѣ встрѣчается и нѣсколько женскихъ именъ.

нѣйшимъ своимъ дѣломъ считаетъ: открытіе и содержаніе училищъ, заведеніе типографій, воспитаніе юношей и приготовленіе изъ нихъ ученыхъ слугъ и защитниковъ вѣры и церкви, и наконецъ, изданіе потребныхъ книгъ; и въ третьихъ, въ видахъ достиженія единства и солидарности дѣйствій всѣхъ церковныхъ братствъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ южной и западной Руси, они организуются въ одинъ общій союзъ, въ которомъ львовскому братству дается первенство и старѣйшинство между всѣми братствами, какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть, и даже право нѣкотораго контроля надъ ихъ дѣятельностью, при чемъ всѣ они должны подчиняться ему и сообразоваться съ его правилами [1]).

Вселенскій патріархъ, имѣвшій возможность лично ознакомиться съ бѣдственнымъ состояніемъ западно-русской церкви, хорошо понималъ, какую великую пользу могутъ принести ей преобразованныя по новому типу церковныя братства, и потому не только утвердилъ новый уставъ братства львовскаго, но и съ своей стороны даровалъ ему самыя широкія права и полномочія. Это было необходимо, ибо патріархъ видѣлъ, что, по выраженію современника, „на тыхъ (братствахъ) только теперь благочестіе уже зостало“ [2]); а съ другой стороны, было также очевидно, что какъ только братства разширятъ сферу своей полезной дѣятельности, они несомнѣнно будутъ встрѣчать противодѣйствія со стороны равнодушныхъ къ благу церкви, но властолюбивыхъ іерарховъ, у которыхъ доселѣ братства находились въ полномъ подчиненіи. Теперь въ лицѣ братствъ возникала на Руси новая церковно-общественная сила, которая могла внутренно

---

[1]) Памятники Кіевск. Коммиссіи, т. III, отд. I, №№ I—V.

[2]) Слова автора «*Перестороги*», помѣщ. въ IV т. Актовъ Западной Россіи.

возродить западно-русскую церковь, возстановить ея древнее благоустройство и благотворно влiять на исправленiе самой iерархiи. Такъ понималъ задачу церковныхъ братствъ и патрiархъ вселенскiй. Въ благословенной грамотѣ, данной имъ львовскому братству 1 января 1586 г., прямо говорится, что цѣль братства—„обличати противныя закону Христову и всякое безчинiе отъ церкве отлучати“. Власть братскую патрiархъ приравниваетъ къ власти и авторитету самой церкви, которая, по его выраженiю, есть также „соборъ людемъ, церковное братство“, причемъ примѣняетъ къ братству извѣстныя евангельскiя слова: „повѣждь церкви“... Соотвѣтственно этому, братству предоставлялось право церковнаго суда надъ лицами, входившими въ его составъ, и власть подвергать виновныхъ церковному отлученiю черезъ посредство братскаго священника, послѣ чего ни протопопъ, ни самъ епископъ не имѣли права благословить отлученнаго, пока онъ не покорится братству. Далѣе, братству предоставлялась власть и по отношенiю къ лицамъ стороннимъ, не входившимъ въ составъ его, и при томъ не только мiрянамъ, но и духовнымъ: а) „если братiя увидятъ или услышатъ, что при какой-либо церкви въ своемъ или въ иномъ городѣ живутъ не по закону мiряне или духовные—протопопы, попы, дiаконы или причетники, то должны напомнить таковымъ словесно или письменно, а въ случаѣ ихъ неисправленiя, донести о нихъ епископу“; б) точно также и „всякое другое законно-учрежденное братство обязано имѣть надзоръ за жизнью священниковъ и мiрянъ какъ своего города, такъ и окрестныхъ городовъ и селенiй, и замѣчая отступленiя отъ закона, не скрывать, но доносить о томъ епископу“; в) „если и епископъ пойдетъ противъ закона истины и станетъ править церковью не по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, совращая праведныхъ въ неправду и поддерживая беззаконниковъ, то такому епископу да противятся всѣ, какъ врагу

истины". Чтобы обезпечить братчиковъ отъ мести и преслѣдованія со стороны епископскаго суда, было постановлено правило, что еслибы кто изъ братства былъ обвиненъ предъ епископомъ, то онъ не долженъ былъ являться на его позовъ, пока не станетъ съ нимъ братство: и тогда братья вмѣстѣ, при епископѣ, должны изслѣдовать обстоятельства обвиненія и судиться по правиламъ св. отцевъ. Въ заключеніе устава патріархъ написалъ: „этому праву, данному нами во вѣчные роды, епископъ не долженъ противиться, ни противопоставлять ему какія-либо права, пріобрѣтенныя отъ царства земнаго, но долженъ повиноваться ему безъ всякаго прекословія. А еслибы кто воспротивился сему и нарушилъ сіе духовное право, архіепископъ-ли, или епископъ, или попъ, или кто изъ князей и простыхъ людей, то на таковомъ да будетъ клятва всѣхъ четырехъ патріарховъ вселенскихъ". Ту же самую угрозу повторилъ въ 1588 г. и патріархъ константинопольскій Іеремія, лично посѣтившій Русь въ это время [1]). Своими дѣйствіями и распоряженіями онъ съ одной стороны оказалъ новую поддержку церковнымъ братствамъ, а съ другой—сильно поколебалъ укоренившуюся среди своевольной іерархіи увѣренность въ безконтрольности ея дѣйствій и безнаказанности ея проступковъ. Извѣстно, что патріархъ низложилъ супрасльскаго архимандрита Тимоѳея Злобу, повиннаго въ убійствѣ, издалъ декретъ о низложеніи всѣхъ двоеженцевъ и троеженцевъ-священниковъ и самъ низложилъ за то же кіевскаго митрополита Онисифора. Это произвело сильное устрашающее дѣйствіе на привыкшее къ распущенности духовенство. Въ то же время патріархъ даровалъ право ставропигіи братствамъ львовскому и виленскому, т. е. изъялъ ихъ совершенно изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ, и снова изрекъ свое неблагословеніе

---

[1]) Памятники К. Коммиссіи, т. III, отд. 1, №№ I—III.

на всякаго, кто дерзнетъ разорять братство, или клеветать на него, или вносить въ него несогласіе и раздоръ: будетъ-ли то архіепископъ, или епископъ, или кто-либо иной изъ духовенства [1]).

Извѣстно, въ какія враждебныя отношенія къ церковнымъ братствамъ тотчасъ же послѣ того стали нѣкоторые изъ западно-русскихъ архіереевъ, уже достаточно усвоившіе шляхетно-католическую теорію о непререкаемости авторитета власти епископской и о невмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла. Давно отвыкшіе подчиняться какому бы то ни было контролю, они всего менѣе склонны были сносить надъ собою контроль церковныхъ братствъ, которыя въ ихъ шляхетныхъ глазахъ были не болѣе, какъ сборищемъ „хлоповъ, шевцовъ, сѣдельниковъ и кожемяковъ“. Однакоже эти „хлопы“, по силѣ дарованныхъ имъ вселенскими патріархами полномочій, являлись законными органами высшей церковной власти и могли доносить имъ о каждомъ проступкѣ своихъ архіереевъ, какъ то и дѣлало неоднократно братство львовское. Это опасеніе сдерживало до поры до времени своевольныхъ владыкъ и заставляло ихъ кое-какъ мириться съ братствами, сила и вліяніе которыхъ росли съ каждымъ днемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на ихъ сторону стали переходить православные дворяне, увлекаемые примѣромъ знатнѣйшихъ князей и вельможъ, въ родѣ Острожскихъ, Вишневецкихъ, Скуминовъ, Мстиславскихъ, Соколинскихъ, Масальскихъ и многихъ другихъ [2]). Обезпеченные поддержкой и содѣйствіемъ столь именитыхъ покровителей, братства постепенно, но настойчиво стараются простереть свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами всей западно-русской

---

[1]) Исторія Р. церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 459.

[2]) См., напр., Реестръ лицъ, вписавшихся въ 1594 г. въ число членовъ виленскаго братства.—Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1859 г. III, отд. 3, 29--40.

церкви, побуждаютъ архіереевъ ежегодно собирать общіе съѣзды или соборы, сами посылаютъ на эти соборы своихъ уполномоченныхъ и вносятъ предложенія, направленныя къ коренной реформѣ церковной и къ возстановленію прежняго ея благоустройства. Чтобы видѣть, въ чемъ состояли эти предложенія и насколько они были авторитетны въ глазахъ іерархіи, разсмотримъ дѣйствія собора, происходившаго въ Брестѣ въ іюнѣ 1594 года. Къ его засѣданіямъ прибыли многочисленные „послы" или депутаты отъ братствъ: львовскаго, виленскаго, брестскаго, красноставскаго, гольшанскаго городецкаго, галицкаго, бѣльскаго и „прочихъ многихъ", какъ сказано въ соборномъ актѣ; нѣкоторыя братства снабдили своихъ пословъ особыми инструкціями, „подъ печатьми и съ подписами рукъ пановъ сенаторовъ и рыцерства". Подъ давленіемъ столь многочисленныхъ братскихъ представителей, соборъ прежде всего узаконилъ права церковныхъ братствъ и обычный кругъ ихъ дѣйствій по завѣдыванію братскими монастырями и церквами, устройству школъ и типографій, съ угрозою строгаго „каранья" тѣмъ, кто явился бы „противнымъ тѣмъ благословеннымъ братствамъ церковнымъ"; затѣмъ была разсмотрѣна жалоба львовскаго братства о преслѣдованіяхъ его со стороны мѣстнаго епископа Гедеона Балабана, и сдѣлано постановленіе: подвергнуть лишенію святительскаго сана этого самоуправнаго владыку. А депутаты братства виленскаго внесли по этому поводу предложеніе, чтобы для устраненія на будущее время подобныхъ столкновеній братствъ съ епископами, а также и вообще въ видахъ устроенія лучшаго церковнаго порядка, учредить въ юго-западной Руси постоянное мѣстопребываніе патріаршаго экзарха или намѣстника. Послѣ того духовнымъ отцамъ собора пришлось выслушать укоризны со стороны братскихъ пословъ относительно допущенныхъ архіереями безпорядковъ въ церкви, нарушенія духовенствомъ правилъ и каноновъ

церковныхъ, самовольнаго расторженія священниками браковъ и другихъ злоупотребленіяхъ. Наконецъ, братчики внесли требованіе объ измѣненіи существующихъ порядковъ по замѣщенію высшихъ церковныхъ должностей и о возстановленіи древняго обычая замѣщать эти должности путемъ избранія. И митрополитъ, вмѣстѣ съ другими духовными членами собора, уступая этому требованію, постановили: „что касается желанія относительно того, чтобы мы, митрополитъ и епископы, снеслись съ сеймиками по вопросу объ избраніи кандидатовъ на митрополичью и архіерейскія каѳедры, то мы одобряемъ это желаніе и каждый изъ насъ будетъ стараться объ этомъ въ своемъ повѣтѣ на сеймикахъ, какъ равно и о томъ, чтобы послѣдовало утвержденіе на это со стороны короля,—согласно съ тѣмъ, какъ мы и раньше добровольно согласились на таковое желаніе“ [1]). Послѣднія слова указываютъ на то, что послы братскіе и раньше, на прежнихъ соборахъ, высказывали подобное же требованіе.

Но братства не ограничивались однимъ этимъ. Они близко знали своихъ владыкъ, видѣли ихъ равнодушіе къ интересамъ церкви и очевидную неохоту и неспособность ввести требуемыя улучшенія и не ждали болѣе отъ нихъ ничего добраго. Да и можно-ли было достигнуть какого-нибудь улучшенія церковныхъ порядковъ, когда владыки своею безнравственною жизнью и грубымъ нарушеніемъ церковныхъ каноновъ сами же подавали дурной примѣръ остальному духовенству и пасомымъ? Поэтому братства практиковали и другую систему дѣйствій: все чаще они обращались къ содѣйствію константинопольскаго патріарха и требовали отъ него рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію церковнаго безчинія. Въ 1592 г. львовскіе братчики писали патріарху,

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 48. Кояловичъ, Литовская церк. Унія, т. I, стр. 112—113. Исторія Р. церкви, митроп. Макарія, IX, 542—545.

что, присутствуя всегда на соборахъ и „ищуще исправленія" церковнаго, они доселѣ ни въ чемъ не могли успѣть отчасти потому, что соборы часто бываютъ „безчинные", а болѣе всего потому, что „мнящіеся у насъ быти святители суть поистиннѣ сквернители: иночествовати обѣщавшеся, со женами невозбранно живутъ, нѣцыи же многобрачни святительствуютъ, прочіи же съ блудницами чада родиша. Аще сицевы святители, священникомъ таковымъ мнится пребыти. Егда обличаше ихъ на соборѣ явѣ предъ всѣми митрополитъ, дабы священницы (многобрачные и блудники) престали священства, священницы отвѣчаша: „да престануть первѣе святители своего святительства и послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ"! Міру же горе отъ соблазнъ"! Описавъ далѣе въ подробностяхъ пороки и злоупотребленія своихъ владыкъ и представивъ мрачную картину конечнаго упадка западно-русской церкви, братчики умоляютъ патріарха, чтобы онъ „еже на пользу церкви не закоснилъ устроити и всяко законопреступленіе до конца истребилъ". Они указываютъ и путь къ этому: „сего ради молимся, да будетъ *совершенный соборъ* на прійдущее лѣто пособіемъ твоей святыни и *да послеши экзарха своего*, мужа изрядна: нѣсть бо можно *осуженикомъ* (владыкамъ) *на судѣ сидѣти; вси же суду ожидаютъ*" [1]). Такимъ образомъ братства пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что возстановленіе благоустройства въ западно-русской церкви можетъ быть достигнуто только при помощи такой рѣшительной мѣры, какъ присылка патріархомъ въ Русь своего экзарха и открытіе подъ его предсѣдательствомъ чрезвычайнаго собора, который прежде всего долженъ подвергнуть строгому суду самихъ западно-русскихъ владыкъ: такого именно суда братства и требовали отъ патріарха именемъ всей западно-русской церкви.

---

[1]) А. З. Р., т. IV № 33.

Что же дѣлали тѣ, на главы которыхъ этотъ судъ призывался, т. е. западно-русскіе іерархи? Они хорошо сознавали затруднительность своего положенія и съ своей стороны искали выхода изъ него. Прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ они не имѣли покоя. Съ одной стороны—двукратное посѣщеніе Руси патріархомъ (первое посѣщеніе со временъ св. Владиміра), низложеніе имъ митрополита и другія рѣшительныя мѣры, направленныя къ искорененію безпорядковъ въ западно-русской церкви, а съ другой—постоянный контроль надъ ихъ дѣйствіями со стороны братствъ, вмѣшательство послѣднихъ въ церковныя дѣла, настойчивыя требованія преобразовательныхъ мѣръ—все это рѣзко измѣнило прежнюю безмятежную жизнь русскихъ владыкъ и внесло въ нее тревогу и вѣчное безпокойство. Прежде они знали одно: заслужить благосклонность у короля и заручиться покровительственнымъ расположеніемъ со стороны кого-нибудь изъ сенаторовъ или другихъ близкихъ ко двору лицъ,—и за тѣмъ могли безнаказанно дѣлать, что хотѣли; а теперь того и гляди братство пошлетъ донесеніе патріарху, а тотъ нарядитъ строгій судъ надъ обвиненнымъ, или же прямо пришлетъ грамоту о низложеніи. А много ли между тогдашними владыками было такихъ, которые съ спокойною совѣстью могли-бы предстать предъ этимъ судомъ и въ жизни которыхъ не нашлось бы каноническихъ поводовъ къ низложенію? Владыки холмскій и пинскій святительствовали, живя открыто съ женами и укрывая въ своихъ епархіяхъ священниковъ-двоеженцевъ и троеженцевъ, за что послѣдній уже и получилъ однажды отъ патріарха строгое замѣчаніе съ угрозою отлученія; владыка перемышльскій Михаилъ Копыстенскій также вступилъ на каѳедру въ женатомъ состояніи и не разведшись съ женою; новопоставленный въ 1593 г. владимірскій владыка Ипатій Потѣй имѣлъ еще болѣе важное каноническое препятствіе къ возведенію въ епископскій санъ,

такъ какъ онъ въ молодости нѣкоторое время былъ открытымъ послѣдователемъ протестантства (а по другимъ—и аріанства и притомъ его крайняго, полужидовствующаго толка); львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ два раза уже подвергался патріаршему декрету о низложеніи за причиняемыя имъ насилія братству львовскому; что же касается луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, то не было такого тяжкаго преступленія, въ которомъ онъ не былъ обвиняемъ современниками, а не далѣе какъ въ началѣ 1594 года во владимірскомъ судѣ возбуждено было скандальнѣйшее дѣло по обвиненію этого владыки въ неслыханно-позорномъ преступленіи —въ изнасилованіи проѣзжей крестьянской дѣвушки. Спрашивается, могли-ли эти владыки оставаться спокойными въ виду требуемаго львовскимъ братствомъ суда надъ ними? Да и вообще, могли-ли они примириться съ новыми явленіями, лишь незадолго предъ тѣмъ возникшими въ западно-русской церкви: съ братствами новаго типа, съ ихъ правомъ надзора за жизнью духовенства, вмѣшательствомъ въ дѣла церковнаго управленія, требованіями преобразовательныхъ мѣръ въ церковномъ строѣ, съ ихъ постоянными апелляціями къ суду патріарха? Современный писатель, анонимный авторъ „Перестороги" влагаетъ въ уста луцкому епископу Кир. Терлецкому слѣдующую характерную рѣчь, которую онъ якобы держалъ къ своимъ собратьямъ-владыкамъ и которая лучше всего рисуетъ тогдашнія ихъ тревоги: „Теперь восточные патріархи, имѣя свободный путь въ землю Московскую, станутъ часто ѣздить туда для сбора милостыни и, ѣдучи въ Москву и назадъ, не будутъ миновать и насъ; имѣя же королевскія разрѣшительныя грамоты на право чинить судъ и распоряженія въ нашей церкви, не преминутъ всякій разъ пользоваться своимъ правомъ и станутъ снова мутить между нами. Вѣдь вотъ Іеремія низложилъ уже одного митрополита, и какое безчестье учинилъ ему этимъ! притомъ

же и братства утвердилъ, которыя будутъ и теперь уже суть нашими гонителями: хотя чего и не будетъ, то они взведутъ на насъ и обжалуютъ патріарху; а за тѣмъ, сохрани Богъ, низложатъ-ли кого изъ насъ съ епископіи, то сами посудите, какое то будетъ безчестье! Господарь король жалуетъ намъ достоинства наши пожизненно и не отнимаетъ ихъ ни у кого иначе, какъ только за тяжкія преступленія, караемыя смертью; а патріархъ по пустымъ оговорамъ можетъ каждаго изъ насъ обезчестить лишеніемъ сана! Посудите же сами, какая это тяжкая неволя!“ [1]) Чтобы освободиться отъ этой „неволи“, владыки были готовы рѣшиться на всякое средство и прежде всего попытались бороться противъ ближайшихъ своихъ противниковъ—братствъ. Съ найбольшимъ ожесточеніемъ повелъ такую борьбу львовскій владыка Гедеонъ Балабанъ противъ мѣстнаго братства: онъ предпринималъ вооруженные наѣзды на братскіе монастыри и церкви, разгонялъ ихъ учителей и священниковъ, публично предавалъ братчиковъ церковному отлученію, интриговалъ противъ нихъ у патріарха; но всѣ эти средства не достигали цѣли и Балабану такъ и не удалось сломить своихъ противниковъ, между тѣмъ какъ самъ онъ въ теченіе этой борьбы два раза подвергался опасности потерять святительскій санъ и въ припадкѣ безсильной злобы доходилъ до такого изступленія, что однажды пріѣхалъ къ львовскому католическому арцибископу и, будто-бы, повергаясь къ его ногамъ, со слезами просилъ освободить его, владыку, изъ неволи патріарховъ, обѣщаясь быть въ послушаніи папѣ римскому [2]); а по выраженію другаго современника, Балабанъ, томимый отъ братства, доходилъ до такого состоянія,

---

[1]) Акты Зап. Р., т. IV, № 149, стр. 211.

[2]) Объ этомъ поступкѣ Балабана свидѣтельствовалъ впослѣдствіи Ипатій Потѣй. Supplem. ad. Histor. Russ. Monum. № 186.

что былъ-бы радъ взять въ помощь себѣ самого діавола, а не то что римлянъ [1]). Примѣръ Балабана долженъ былъ убѣдить владыкъ въ безплодности борьбы съ противниками, обладавшими столь несокрушимою энергіею. Подобная борьба была бы легка въ прежнее время, пока еще братства были чисто мѣщанскими дружествами, во всемъ подчиненными власти епископской; но теперь они уже вышли изъ этого положенія и дѣйствовали на правѣ институцій, признанныхъ и утвержденныхъ высшею церковною и государственною властью. Ктому же, братства стояли за правое и всѣми одобряемое дѣло: стремились ввести лучшій порядокъ церковный, открывали школы, какихъ доселѣ и не было на Руси, заводили типографіи, умножали ученыхъ людей, и этими дѣйствіями съ каждымъ днемъ завоевывали все большія симпатіи во всѣхъ слояхъ западно-русскаго общества и привлекали на свою сторону даже князей и знатныхъ дворянъ, съ охотою записывавшихся въ братскіе реестры и оказывавшихъ братствамъ помощь и защиту. Понятно, что борьба съ такими противниками еще болѣе дискредитировала архіереевъ въ глазахъ ихъ пасомыхъ, и безъ того потерявшихъ уже давно всякое уваженіе къ своимъ недостойнымъ пастырямъ, и лишала ихъ послѣднихъ союзниковъ даже въ найболѣе близкой имъ, шляхетской средѣ.

Повидимому, владыкамъ оставалось одно: покориться силѣ обстоятельствъ и постараться по мѣрѣ возможности приспособиться къ новому порядку вещей и его требованіямъ. Нѣкоторые симптомы такой перемѣны отчасти уже и начали обнаруживаться въ поведеніи нѣкоторыхъ архіереевъ, наприм. митрополита Рогозы и еще болѣе перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго, видимо искавшаго расположенности у львовскихъ братчиковъ и дорожившаго

---

[1]) Акты Зап. Р. т. IV, № 65.

ихъ добрымъ мнѣніемъ [1]). И кто знаетъ! если бы западно-русскіе іерархи не встрѣтили тогда поддержки извнѣ, то весьма легко могло случиться, что, не имѣя никакой нравственной опоры въ своихъ стремленіяхъ отстоять старый, всѣми осужденный порядокъ дѣлъ и лишенные всякаго сочувствія въ средѣ своихъ пасомыхъ, они не долго упорствовали бы въ противодѣйствіи преобразовательному движенію въ западно-русской церкви, и тогда церковная реформа совершилась бы мирно, безъ потрясеній. Но по мѣрѣ того, какъ ихъ противодѣйствіе встрѣчало все болѣе единодушное осужденіе въ рядахъ лицъ, оставшихся вѣрными православной церкви, за ея предѣлами все громче раздавались голоса, поддерживавшіе властолюбивыя стремленія православныхъ іерарховъ и выражавшіе открытое сочувствіе ихъ якобы угнетенному положенію: то были голоса представителей католическаго клира и особенно іезуитовъ. Разсматривая съ своей точки зрѣнія порядки и обычаи православно-русской церкви, католическіе богословы, разумѣется, не могли одобрять многихъ особенностей ея соборнаго строя, наприм. избранія духовенства мірянами и права участія ихъ въ церковныхъ дѣлахъ, и потому давно уже твердили о порабощенномъ якобы положеніи русскаго духовенства. Еще въ 1577 г., въ первомъ изданіи своей книги „О единствѣ церкви Божьей“, іезуитъ Скарга, разсуждая о коренныхъ причинахъ слабости и неустройства западно-русской церкви, съ особеннымъ злорадствомъ указывалъ на фактъ порабощенія русскими мірянами своихъ пастырей и управленія ими даже, будто-бы, въ дѣлахъ вѣры. Явленіе это Скарга считалъ справедливымъ Божьимъ наказаніемъ, постигшимъ

---

[1]) См. его письмо къ нимъ отъ 22 дек. 1592 г., въ которомъ онъ старается оправдать себя по поводу какихъ-то невыгодныхъ о немъ слуховъ. Акты Зап. Р., IV, № 42.

православную іерархію за ея отступленіе отъ власти римскаго первосвященника: „кто, говоритъ онъ, не хочетъ слушаться старшаго, тотъ долженъ поклониться младшему“ [1]). Съ тѣхъ поръ мысль о подчиненности русскаго духовенства мірянамъ сдѣлалась общимъ мѣстомъ у католическихъ духовныхъ и ее на всѣ лады повторяли они какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ еще болѣе въ личныхъ сношеніяхъ съ представителями западно-русской іерархіи, со многими изъ коихъ они находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Можно легко представить, какое дѣйствіе ихъ рѣчи оказывали на мало образованныхъ богословски, но привыкшихъ къ властолюбію и своеволію русскихъ архіереевъ, столь сильно тяготившихся вмѣшательствомъ братчиковъ въ церковныя дѣла и надзоромъ за ихъ дѣйствіями! Въ аргументаціи католическихъ богослововъ, любившихъ съ особеннымъ стараніемъ развивать тезисъ о достоинствѣ и предѣлахъ іерархической власти, западно-русскіе владыки находили ту именно точку опоры, которой имъ не доставало для принципіальнаго обоснованія ихъ противодѣйствія церковнымъ братствамъ и даже распоряженіямъ патріарха константинопольскаго. А надо знать, до какихъ крайностей договаривались тогдашніе католическіе богословы, особенно іезуиты, защищая и развивая свой любимый тезисъ. Если простой священникъ, по ложно понимаемому ими ученію о пресуществленіи, являлся „творцомъ самого Творца“, то какова же была высота и достоинство власти епископской! Авторитетъ пастырей въ дѣлахъ вѣры признавался безусловнымъ, людямъ же свѣтскимъ вмѣнялось въ обязанность слѣпо и безпрекословно слѣдовать за ними, какъ овцамъ за пастухомъ. Понятно, что эта клерикальная теорія была вполнѣ по сердцу

---

[1]) Сочиненіе Скарги помѣщ. въ VII т. Русск. Историч. Библіотеки, loc. citat. p. 487—488.

русскимъ владыкамъ, и наоборотъ: ихъ умъ, насквозь пропитанный шляхетскими предразсудками, рѣшительно не былъ способенъ вмѣстить соборный принципъ православной церкви, въ силу котораго они, „творцы самого Творца“, должны были въ извѣстныхъ предѣлахъ подчиняться мірянамъ и притомъ не однимъ князьямъ и знатнымъ шляхтичамъ, но и простымъ „хлопамъ, шевцамъ и кожемякамъ“. Съ клерикальной точки зрѣнія и дѣйствія самого патріарха, даровавшаго братствамъ столь широкія полномочія и подчинившаго надзору ихъ все духовенство, представлялись произвольными, даже противозаконными, и впослѣдствіи нѣкоторые изъ владыкъ открыто лгали, будто патріархъ „ради прибытковъ своихъ, новыя, неслыханныя и канонамъ противныя братства людямъ простымъ подавалъ“ [1]). Но, приравнивая іерархическія права свои къ правамъ католическихъ бискуповъ, русскіе владыки тѣмъ сильнѣе чувствовали неравенство съ ними въ другихъ, житейскихъ отношеніяхъ. Католическіе прелаты и бискупы не имѣли и понятія о тѣхъ стѣсненіяхъ, какимъ подвергались они, русскіе архіереи, называвшіе свое положеніе „тяжкой неволей“. Первые сами любили хвалиться, что ихъ пасомые—міряне не только не управляютъ ими, какъ то дѣлается у православныхъ, но напротивъ отдаютъ имъ слѣпое послушаніе въ духовныхъ и даже въ мірскихъ дѣлахъ, что они почитаютъ ихъ и щедро даютъ имъ все нужное,—причемъ всегда намекали, что такое же положеніе было бы удѣломъ и православнаго духовенства, еслибы оно признало главенство папы. Русскимъ владыкамъ было извѣстно, что католическіе бискупы имѣли мѣсто въ сенатѣ и оказывали сильное вліяніе на государственныя дѣла; что они равнялись съ высшими сановниками въ государствѣ, носили титулъ „князей“ и вездѣ пользова-

---

[1]) Акты Зап. Р., т. IV, стр. 80 и 222.

лись высокимъ почетомъ; что они ни отъ кого не зависѣли, кромѣ папы и отчасти короля, но и эта зависимость была болѣе номинальною; что они вели праздную и роскошную жизнь, предавались излишествамъ—и никто не вмѣшивался въ это, никто не угрожалъ имъ за это судомъ и низложеніемъ; что они чинили свѣтскимъ людямъ насилія, часто совершали преступленія—и оставались безнаказанными, потому что не хотѣли признавать надъ собою власти свѣтскихъ судовъ и всегда могли обратить въ ничто ихъ декреты, потребовавъ перенесенія дѣла въ Римъ на судъ папы. Это вельможное положеніе католическаго духовенства давно уже составляло для многихъ западно-русскихъ іерархов предметъ зависти: они и сами стремились къ такому же положенію, старались во всемъ подражать латинскимъ собратьямъ, перенимали ихъ образъ жизни, привычки, даже пороки, но достигнуть полнаго уравненія съ ними никакъ не могли. Что же препятствовало этому? Разность обряда или, точнѣе, іерархическая зависимость отъ восточнаго патріарха. Въ глазахъ большинства русскихъ владыкъ этотъ пунктъ не представлялъ существенной важности, и они давно были бы готовы промѣнять эту зависимость на подчиненіе римскому первосвященнику; но доселѣ ихъ удерживало сознаніе рискованности подобнаго шага, и потому они предпочитали вѣрное настоящее невѣрному будущему, тѣмъ болѣе, что до весьма недавняго времени власть патріарха совсѣмъ не была для нихъ ощутительной, а дома, на Руси, некому еще было вмѣшиваться въ ихъ жизнь и обуздывать ихъ своеволіе. Но теперь, когда владыки считали свое положеніе „тяжкой неволей“, когда они ежеминутно чувствовали надъ собою грозу патріаршей власти, когда вооруженныя патріаршими полномочіями братства зорко слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ, требовали ихъ исправленія и безпрестанно жаловались на нихъ патріарху, когда міряне

предприняли коренную реформу церковныхъ порядковъ, подняли вопросъ о возвращеніи къ прежней системѣ избирательности іерархическихъ должностей, проэктировали учредить на Руси постоянное мѣстопребываніе патріаршаго экзарха, когда, наконецъ, братства стали побуждать патріарха къ созыву чрезвычайнаго собора для суда надъ дѣйствіями своихъ іерарховъ, упорно противившихся церковнымъ преобразованіямъ,—теперь ничто не удерживало ихъ болѣе отъ рѣшимости свергнуть съ себя зависимость отъ константинопольскаго патріарха, въ которой они видѣли главный источникъ своихъ бѣдствій, и подчиниться римскому престолу, лишь бы только король согласился обезпечить ихъ отъ тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какія грозилъ навлечь на нихъ этотъ рѣшительный шагъ. Теперь и этотъ шагъ представлялся имъ менѣе рискованнымъ, нежели въ прежнее время; ибо, оставаясь въ православіи, многіе изъ владыкъ, въ случаѣ созыва требуемаго братствами собора, подвергались несравненно большей опасности. Что же за тѣмъ еще могло удерживать западно-русскихъ архіереевъ отъ принятія уніи? Чувство духовнаго единенія съ своими пасомыми? или же, можетъ быть, сила и искренность православныхъ убѣжденій? Но пасомые давно потеряли къ нимъ послѣднее уваженіе и въ то время требовали соборнаго суда надъ ними. Что же касается убѣжденій, то изъ всего, что извѣстно намъ о характерѣ вѣрованій той шляхетской среды, изъ которой западно-русскіе владыки прямо и непосредственно восходили на іерархическія каѳедры, а еще болѣе изъ оцѣнки ихъ личныхъ качествъ, поступковъ, отношенія къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ и т. под., можно, кажется намъ, вывести безошибочное заключеніе, что между тогдашними представителями высшаго западно-русскаго духовенства совсѣмъ не было искренно и глубоко вѣрующихъ людей, сознательно преданныхъ православію. Большинство изъ нихъ были люди

безразличные въ религіозномъ отношеніи, въ родѣ, наприм., луцкаго владыки Кир. Терлецкаго, о которомъ современники съ ироніей отзывались, что они нимало не были бы удивлены, еслибы этотъ владыка даже потурчился [1]); у другихъ, мало образованныхъ, чувство вѣры не шло далѣе привычки къ церковной обрядности; наконецъ, третьи, обладая достаточнымъ богословскимъ образованіемъ, были лишены теплоты вѣры и въ сильной степени заражены мнѣніями, несогласными съ строгимъ православіемъ; таковъ, наприм., былъ самый ученый изъ тогдашнихъ архіереевъ Ипатій Потѣй, который въ молодости перебывалъ въ различныхъ протестантскихъ сектахъ и затѣмъ, хотя снова возвратился въ православіе, но никогда не мирился съ его соборнымъ началомъ и всегда выступалъ горячимъ поборникомъ католической идеи церковнаго единовластія. Онъ былъ принципіальнымъ противникомъ церковныхъ братствъ, видѣлъ въ нихъ выраженіе начала не православнаго, а протестантскаго, и считалъ еретическимъ самое мнѣніе о правѣ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. „Не думаю, негодовалъ онъ, чтобы нашелся человѣкъ-христіанинъ, который бы не тронулся той горькой обидой, какую терпимъ мы, русскіе владыки,—и отъ кого же? Отъ простыхъ, посполитыхъ людей, ремесленниковъ, которые, покинувъ свое ремесло: дратву, ножницы и шило и присвоивъ себѣ власть, приличную въ церкви однимъ лишь пастырямъ, неуважительно обращаются съ самимъ словомъ Божьимъ; по-своему его переиначиваютъ, извращаютъ и на свои богохульныя и еретическія выдумки выворачиваютъ, своихъ законныхъ пастырей безчестятъ, позорятъ и клевещутъ на нихъ“ [2]). Въ исходившемъ отъ братствъ и вообще мірянъ церковно-преобразовательномъ движеніи Потѣй ви-

---

[1]) Апокрисисъ—Русск. Ист. Библ., т. VII, стр. 1246.

[2]) Русск. Истор. Библіот., т. VII, стр. 115—117.

дѣлъ начало ересей, которыя, по его мнѣнію, угрожали потопленіемъ западно-русской церкви волнами протестантства; и вотъ почему онъ такъ ревностно заботился о соединеніи ея съ церковью римскою, въ которой видѣлъ „лѣпшій порядокъ и справу“. Мнѣнія Потѣя въ большей или меньшей степени раздѣляли тогда весьма многіе изъ западно-русскаго духовенства, не только владыки, но также архимандриты, игумены и протопопы: имъ тоже казалось, что, благодаря дарованнымъ патріархами „межи люди посполитые листамъ-привилегіямъ, якъ на братства, такъ тежъ на розмаитые справы“, не мало различныхъ сектъ и ересей размножилось [1]). Мнимыя опасенія ересей, будтобы угрожавшихъ православію со стороны церковныхъ братствъ и вообще вслѣдствіе вмѣшательства мірянъ въ церковныя дѣла, служили нѣкоторымъ самооправданіемъ для тѣхъ іерарховъ, которыхъ еще смущала сколько-нибудь предстоявшая измѣна отеческой вѣрѣ, и они намѣренно какъ-бы закрывали глаза на коренныя различія между православіемъ и латинствомъ; другіе видѣли эти различія въ одной лишь церковной обрядности, которая для нихъ составляла самую сущность религіи. До какой степени всѣ они были равнодушны къ догматамъ православнаго вѣроученія, видно изъ того, что, договариваясь неоднократно съ польскимъ правительствомъ и высшимъ католическимъ духовенствомъ объ условіяхъ уніи, владыки хотя и старались выговорить неприкосновенность обрядовъ и церемоній западно-русской церкви, но ни однимъ словомъ не упоминали о ея вѣроученіи, о тѣхъ догматахъ, которые существенно отличаютъ ее отъ латинской церкви; за то въ этихъ „артыкулахъ“ или условіяхъ уніи много говорилось о правахъ владыкъ, о мѣстѣ для нихъ въ сенатѣ и вообще о предоставленіи имъ со стороны короля такихъ-

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 55.

же вольностей, какими пользовались въ государствѣ арцибискупы, бискупы, прелаты и все римское духовенство [1]). Правда, посылая своихъ уполномоченныхъ въ Римъ и вручая имъ, для представленія папѣ, текстъ окончательныхъ условій уніи, митрополитъ и владыки внесли въ эти условія пунктъ относительно дозволенія удержать и въ уніи неизмѣненнымъ православный догматъ объ исхожденіи св. Духа, а въ соборномъ посланіи къ папѣ Клименту VIII они просили, чтобы дозволено было остаться имъ „при *вѣрѣ*, таинствахъ и всѣхъ церемоніяхъ и обрядахъ восточной церкви". И не было сомнѣнія въ томъ, что, будь это требованіе поддержано сколько-нибудь настойчиво, въ Римѣ не затруднились бы удовлетворить его, хотя отчасти, какъ то предполагалъ ранѣе и папскій нунцій, предварительно просматривавшій составленныя владыками условія уніи. Но какъ-же поступили уполномоченные западно-русскихъ іерархов, епископы Потѣй и Терлецкій? Принимая отъ лица своихъ довѣрителей унію въ Римѣ, они *совершенно отверглись православія*, осудили всѣ тѣ пункты вѣроученія, по коимъ они до сего времени отдѣлялись отъ римской церкви, и прокляли всѣ, по ея понятіямъ, схизмы и ереси, осужденныя и анаѳематствованныя папою, а съ другой стороны—*вполнѣ приняли римскую вѣру* со всѣми ея ученіями и постановленіями, какъ они изложены не только на флорентинскомъ, но и на тридентскомъ соборахъ. Самые даже обряды и церемоніи восточной церкви, о неприкосновенности которыхъ владыки хлопотали, повидимому, болѣе настойчиво, были дозволены папою лишь въ видѣ крайняго снисхожденія и то не всѣ, но лишь тѣ, которые на его взглядъ окажутся не противными ученію католической церкви и не препятствующими общенію съ нею русскихъ уніатовъ [2]). И что-же? Ни митрополитъ, ни

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, №№ 54 и 55.

[2]) Исторія Р. Церкви митроп. Макарія, IX, стр. 371, 377, 598 и 632.

другой кто-либо изъ владыкъ и не подумали протестовать противъ того, что ихъ уполномоченные переступили границы, указанныя имъ довѣрителями въ посланіи къ папѣ и въ „артыкулахъ“ уніи. По этому можно судить, какова была искренность православныхъ вѣрованій западно-русскихъ владыкъ, и могла-ли она удержать ихъ отъ измѣны отеческой вѣрѣ, когда цѣною этой измѣны они разомъ достигали двухъ цѣлей: вопервыхъ, благополучно выходили изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ они очутились въ послѣднее время, благодаря наступившей эпохѣ преобразовательныхъ мѣръ въ западно-русской церкви, дѣятельности братствъ, подчиненію ихъ надзору мірянъ и безпрестаннымъ жалобамъ на нихъ патріарху; а во вторыхъ, пріобрѣтали вмѣстѣ съ тѣмъ и положительныя выгоды въ видѣ королевской расположенности, опираясь на которую, они надѣялись теперь сломить непокорныхъ братчиковъ и принудить своихъ пасомыхъ безпрекословно подчиняться ихъ пастырскому авторитету; наконецъ—надѣялись достигнуть и другой завѣтной цѣли своей—уравненія въ правахъ и вольностяхъ съ польско-католическимъ духовенствомъ. И вотъ, какъ только начаты были переговоры объ уніи, владыки прежде всего потребовали, чтобы король выдалъ универсалъ объ уничтоженіи силы и дѣйствительности грамотъ, дарованныхъ патріархами церковнымъ братствамъ, и о подчиненіи послѣднихъ власти епископовъ, а также чтобы его именемъ было объявлено запрещеніе мірянамъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла; и когда король издалъ подобное запрещеніе, то владыки, съѣхавшись вмѣстѣ, составили съ своей стороны якобы соборное опредѣленіе о преданіи анаѳемѣ всякаго, кто, будучи свѣтскимъ, дерзнетъ „въ справы духовные вдаватись“ и противиться ихъ пастырскимъ постановленіямъ [1]). Это

---

[1]) Акты Зап. Р., т. IV, №№ 55 и 82.

была давняя задушевная мысль западно-русскихъ іерарховъ, только что доселѣ, оставаясь въ православіи, они не смѣли высказать ее столь открыто и въ такой повелительной формѣ.

Но напрасно владыки надѣялись, что, пріобрѣвъ цѣною вѣроотступничества поддержку государственной власти, имъ удастся осуществить властолюбивые замыслы свои и при помощи внѣшнихъ мѣръ привести своихъ пасомыхъ къ покорности и послушанію: опасность, грозившая вѣрѣ и церкви отъ владыкъ-отступниковъ, заставила мірянъ взять исключительно на себя защиту православія и такимъ образомъ владыки сами подали поводъ къ еще болѣе рѣшительному вмѣшательству свѣтскихъ людей въ церковныя дѣла. Лишь только переговоры владыкъ съ польскимъ правительствомъ относительно уніи сдѣлались окончательно извѣстными, князь Константинъ Острожскій издалъ окружное воззваніе ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши „отъ найбольшаго и до найменьшаго стану", духовнымъ и свѣтскимъ, въ которомъ объявлялъ, что „злохитрыми кознями вселукаваго діавола, прельстившись славою свѣта сего и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополитъ съ епископами, претворились въ волковъ и, отвергшись единой истиной св. восточной вѣры, тайно согласились между собою окаянные, подобно христопродавцу Іудѣ, отторгнуть и всѣхъ насъ, правовѣрныхъ, будто безсловесныхъ, отъ истины и низвергнуть съ собою въ пагубу"; въ виду этого благочестивый князь убѣждалъ всѣхъ и каждаго твердо стоять за отеческую вѣру противъ отступниковъ и предателей и общими силами противиться ихъ злымъ замысламъ [1]). Воззваніе князя Острожскаго послужило сигналомъ къ общему взрыву негодованія противъ іерарховъ, опозорившихъ себя вѣропредательствомъ: заволновались православные мѣщане и

---

[1]) Акты Зап. Р., т. IV, № 71.

стали вносить въ актовыя книги разныхъ судовъ протесты свои противъ дѣйствій іерархіи; то же учинили и нѣкоторыя церковныя братства, при чемъ члены братства львовскаго заявили въ своемъ протестѣ, что они не признаютъ болѣе іерархической власти митрополита-отщепенца; братство брестское также отказалось повиноваться своему владыкѣ Ип. Потѣю и вскорѣ подверглось его отлученію, а проповѣдники виленскаго братства съ церковной каѳедры и путемъ печатныхъ брошюръ рѣзко осуждали поведеніе митрополита и его единомышленниковъ-владыкъ и открыто возбуждали противъ нихъ православное населеніе города. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ слѣдующаго 1595 года, земскіе послы отъ воеводствъ: кіевскаго, волынскаго, минскаго, новогродскаго, полоцкаго и другихъ, прибывъ въ Варшаву на генеральный сеймъ, подали отъ имени своихъ избирателей просьбы королю, чтобы епископы Потѣй и Терлецкій были лишены духовнаго сана за то, что безъ вѣдома православныхъ и своихъ духовныхъ начальниковъ—патріарховъ ѣздили въ Римъ и самовольно отдались подъ власть папы; а затѣмъ тѣже послы, съ княземъ Конст. Острожскимъ во главѣ, заявили торжественно, предъ лицемъ сейма, что они и весь русскій народъ не будутъ болѣе признавать означенныхъ владыкъ своими епископами и не станутъ допускать ихъ духовной власти въ своихъ имѣніяхъ [1]). Чтобы успокоить эти волненія, король, по настояніямъ отступниковъ-владыкъ, издавалъ въ защиту ихъ разныя грамоты, угрожалъ мѣщанамъ и низшему духовенству строгимъ наказаніемъ, если они не будутъ повиноваться своимъ архипастырямъ и не перестанутъ чинить „бунты“ противъ нихъ, а виленскихъ братскихъ проповѣдниковъ (Стеф. Зизанія и двухъ священниковъ), за открытое

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 123. Апокрисисъ, стр. 1123—1131.

возмущеніе народа противъ іерархіи, даже приговорилъ къ изгнанію изъ предѣловъ государства. Въ тоже время король болѣе мягкими мѣрами старался дѣйствовать на представителей православно-русскаго дворянства: писалъ письма къ князю Конст. Острожскому и другимъ, стараясь внушить имъ ту мысль, что они, какъ люди свѣтскіе, не имѣютъ права даже обсуждать, а тѣмъ болѣе отвергать то, что учинено ихъ архипастырями, ибо, писалъ король, „право распоряженія въ вещахъ, касающихся вѣры и спасенія, принадлежитъ единственно власти пастырей, а мы обязаны идти за ними, не испытывая, чему учатъ тѣ, которыхъ Духъ святой далъ намъ въ вожди до конца жизни“ [1]). Но православные не могли руководствоваться этимъ чисто католическимъ принципомъ и дѣйствовали на основаніи совершенно противоположнаго ему принципа православнаго: именно, они утверждали, что „безъ вѣдома и дозволенія восточныхъ патріарховъ, безъ совѣщаній духовнаго *собора*, а также безъ воли и согласія *свѣтскихъ сословій*, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей“, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ религіи [2]). Замѣчательно, что въ такой формѣ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ высказывали это положеніе представители различныхъ слоевъ православно-русскаго общества: князья и знатные дворяне, мѣщане и тѣ изъ духовныхъ, которые не пошли въ слѣдъ за отступниками іерархами; фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о значительномъ ростѣ православно-соборной идеи въ тогдашнемъ западно-русскомъ обществѣ, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія церковныхъ братствъ. Вскорѣ наступило событіе, въ которомъ эта идея нашла для себя

---

¹) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 76.

²) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 109. Виленск. Археогр. Сборн., т. VII, № 140.

самое широкое примѣненіе. Въ октябрѣ 1596 года былъ созванъ знаменитый Брестскій соборъ, представляющій небывалое ни предъ тѣмъ, ни послѣ того явленіе въ церкви русской. Онъ состоялъ изъ двухъ „колъ" или отдѣленій: духовнаго и свѣтскаго, собиравшихся, однако, вмѣстѣ и разсуждавшихъ съобща. „Коло" свѣтское было несравненно многочисленнѣе духовнаго: въ его составъ входили князья и простые дворяне и даже мѣщане, государственные сановники и частныя лица, и кромѣ того многочисленные „послы" или депутаты отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, а также депутаты отъ церковныхъ братствъ и нѣкоторыхъ городскихъ общинъ. Многіе послы имѣли инструкціи отъ своихъ избирателей, сходныя между собою въ слѣдующихъ главныхъ требованіяхъ: чтобы митрополитъ и владыки, самовольно подчинившіеся римскому папѣ, были низложены съ ихъ достоинствъ и лишены духовнаго сана, и чтобы затѣянная ими унія была отвергнута [1]). Въ такомъ именно смыслѣ состоялся и самый актъ соборный, который и былъ изданъ отъ имени лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, какъ членовъ собора.

Такъ совершился расколъ въ западно-русской церкви, извѣстный подъ именемъ уніи. Онъ былъ неминуемымъ слѣдствіемъ глубокаго внутренняго разлада, который съ давняго времени возникъ и укоренился въ этой церкви между пастырями и пасомыми; ближайшимъ же поводомъ къ обнаруженію этого раскола послужило церковно-преобразовательное движеніе, предпринятое по иниціативѣ братствъ и вообще мірянъ, а далѣе—борьба, возникшая вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія такому движенію со стороны высшей іерархіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи унія можетъ быть поставлена въ довольно близкую аналогію съ великорус-

[1]) Исторія Р. Церкви, митр. Макарія, IX, стр. 653—673.

скимъ расколомъ, съ тѣмъ однако различіемъ, что въ сѣверо-восточной Руси церковное преобразованіе шло въ направленіи сверху внизъ и породило отпаденіе отъ церкви въ средѣ низшихъ и найболѣе невѣжественныхъ слоевъ общества, а въ юго-западной Руси оно шло снизу вверхъ и привело къ отпаденію высшую іерархію. Чтобы судить о дѣйствительныхъ размѣрахъ западно-русскаго раскола, нужно имѣть въ виду, что, хотя на Брестскомъ соборѣ партія открытыхъ приверженцевъ уніи оказалась крайне малочисленной, именно ее составляли: митрополитъ, пять епископовъ и при нихъ всего три архимандрита, тогда какъ на сторонѣ православной находились: два епископа (львовскій и перемышльскій), девять архимандритовъ, два игумена и при нихъ болѣе ста священниковъ и монаховъ,—но еще за годъ предъ тѣмъ численное отношеніе обѣихъ партій было нѣсколько иное: въ періодъ съ 1591 по 1595 гг., когда унія только подготовлялась, на ея принятіе изъявили формально свое согласіе *всѣ* западно-русскіе архіереи и усерднѣе другихъ хлопоталъ о ней тотъ самый львовскій владыка Гедеонъ Балабанъ, который впослѣдствіи столь энергично осуждалъ ее на Брестскомъ соборѣ; сверхъ того, сохранился документъ 1595 года—клятвенное обязательство на унію, подписанное пятью архимандритами и игуменами и болѣе нежели сорока протопопами, монахами и священниками,—и опять между ними встрѣчаются лица, впослѣдствіи выступавшія въ роли поборниковъ православія, каковы, напр., кіево-печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ, супрасльскій архимандритъ Иларіонъ Масальскій и др. [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что партія сторонниковъ уніи въ средѣ духовенства на самомъ дѣлѣ была гораздо многочисленнѣе, но въ рѣшительную минуту ряды ея сильно порѣдѣли подъ вліяніемъ друж-

---

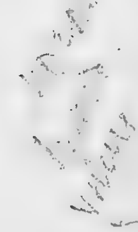
[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 58.

наго отпора, встрѣченнаго уніей со стороны мірянъ, причемъ, конечно, не всѣ, отступившіеся отъ уніи, учинили это по чувству искренняго убѣжденія. Благодаря именно этой шаткости убѣжденій и было возможно то, что впослѣдствіи многіе изъ духовенства съ необыкновенною легкостью измѣняли православію и переходили въ унію.

Брестскій соборъ былъ актомъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначившимися внутри западно-русской церкви: клерикально-іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ несогласное съ духомъ православія, теперь выдѣлилось изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику—латинству, разсчитывая при его помощи рано или поздно достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ. Таковъ, по нашему мнѣнію, внутренній смыслъ событій, наступившихъ въ Литвѣ и юго-западной Руси тотчасъ послѣ Брестскаго собора и характеризуемыхъ общимъ именемъ—эпохи борьбы между уніей и православіемъ. Правда, характеръ этой борьбы по временамъ осложнялся вмѣшательствомъ въ нее польскаго правительства, которое смотрѣло на унію съ своей, государственной точки зрѣнія и проводило ее какъ политическую мѣру, обѣщавшую въ будущемъ привести населеніе западно-русскихъ областей къ религіозному, а чрезъ то и къ національному объединенію съ господствующею, польскою народностью. Но если мы, оставя въ сторонѣ польско-католическое вмѣшательство, обратимъ исключительное вниманіе на внутреннія отношенія боровшихся сторонъ—уніатской и православной, то въ ихъ взаимныхъ распряхъ увидимъ продолженіе борьбы, начатой задолго до происшедшаго между ними окончательнаго разрыва, когда обѣ стороны представляли не болѣе, какъ два различныя направленія внутри одного и того же церковно-общественнаго организма. Раздѣленіе на два исповѣданія способствовало

лишь тому, что обѣ стороны рѣзче разграничили точки взаимнаго соприкосновенія и съ большею опредѣлительностью формулировали свои основныя начала. Унія стала теперь внѣшнимъ символомъ, знаменующимъ собою систему строгаго іерархическаго полновластія въ церковныхъ отношеніяхъ, совершенно исключающаго право пасомыхъ на самоопредѣленіе въ дѣлахъ вѣры и самоуправленіе въ дѣлахъ церкви, какъ религіозно-общественной организаціи. Эта система была не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ сферѣ церковныхъ отношеній общаго олигархически-шляхетскаго принципа, издавна господствовавшаго въ польскомъ общественномъ быту и съ успѣхомъ прививаемаго тогда на литовско-русской почвѣ; вотъ почему унія, не смотря на первоначальную малочисленность ея открытыхъ приверженцевъ и то всеобщее негодованіе, съ какимъ встрѣчено было въ западно-русскомъ мірѣ ея появленіе, не погибла преждевременною смертью, какъ того опасались сами католики, сознававшіе ея видимую безпочвенность, но мало по-малу начала пріобрѣтать сочувствіе и поддержку въ средѣ той самой русской шляхты, которая такъ не давно еще клялась на Брестскомъ соборѣ оказывать ей всевозможное противодѣйствіе. Наоборотъ, православіе осталось знаменемъ церковно-соборнаго строя, основаннаго на евангельской идеѣ всеобщаго равенства вѣрующихъ, какъ членовъ церкви, безъ различія ихъ званій и положеній въ ней, и по духу весьма близкаго къ тому безсословно-общинному порядку, который нѣкогда составлялъ основу общественныхъ отношеній въ юго-западной Руси и въ то время подвергался окончательному вытѣсненію со стороны чуждаго, польско-шляхетскаго порядка; вотъ почему истинные поборники православія, полагавшіе за него свое достояніе, свободу и самую жизнь, выходили не столько изъ среды западно-русскихъ пановъ, любившихъ болѣе хвалиться титуломъ защитниковъ право-

славной церкви, нежели въ дѣйствительности ее защищавшихъ, сколько изъ среды низшихъ сословій: мѣщанъ, низшаго духовенства и простаго народа въ лицѣ его представителей—козаковъ. Чтобы иллюстрировать наши положенія съ надлежащею полнотою, намъ слѣдовало бы подробно разсмотрѣть дѣйствія уніатскихъ іерарховъ на поприщѣ распространенія уніи, ихъ возмутительныя насилія надъ прежними своими противниками—церковными братствами, мѣщанами, православными священниками, и вообще тѣ чисто внѣшнія, принудительныя мѣры, къ какимъ любили прибѣгать они съ цѣлью подчиненія всякаго, кто не принадлежалъ къ шляхетскому сословію и не хотѣлъ признавать надъ собою ихъ іерархической власти; но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, а потому мы ограничимся ссылками на полемическую литературу того времени, уніатскую и православную, такъ какъ въ ней яснѣе формулированы тѣже основные принципы, какими обѣ стороны руководились и въ своихъ дѣйствіяхъ. Какіе же то были принципы? Если выключить изъ полемической литературы богословскіе трактаты о догматическихъ разногласіяхъ между православіемъ и уніей, а равно историческія разслѣдованія о судьбѣ флорентинской уніи на Руси въ XV—XVI вв., то окажется, что остальная часть полемики сводится главнымъ образомъ къ спорамъ о предѣлахъ церковно-іерархической власти и о правѣ участія міранъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Такъ, въ первомъ полемическомъ сочиненіи, написанномъ въ защиту уніи и направленномъ противъ дѣйствій православнаго Брестскаго собора, отвергшаго эту унію и низложившаго ея виновниковъ-іерарховъ, проводятся слѣдующія воззрѣнія: что соборъ есть трибуналъ только однихъ епископовъ и кромѣ нихъ никто другой не долженъ имѣть на немъ голоса; что право разсуждать объ ученіи вѣры принадлежитъ единственно высшей духовной власти, а отнюдь не міранамъ, кото-

рые обязаны слѣпо вѣровать всему, чему учатъ ихъ пастыри; что міряне ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть судьями дѣйствій своихъ пастырей, даже и тогда, когда бы послѣдніе сами заблуждались, ибо и въ этомъ случаѣ пасомые не освобождаются отъ обязанности безусловнаго повиновенія имъ; и что, наконецъ, низшее духовенство, священники и монахи, подобно мірянамъ, не могутъ участвовать въ соборахъ и обсуждать поступки своихъ архипастырей [1]). Въ отвѣтномъ сочиненіи православныхъ, знаменитомъ „*Апокрисисъ*", съ замѣчательнымъ искусствомъ опровергаются эти папистическія воззрѣнія и энергично защищаются противоположныя имъ соборныя понятія православной церкви. Съ особенною смѣлостью авторъ „Апокрисиса" развиваетъ и защищаетъ тезисъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ вѣры. Ссылаясь на свящ. писаніе и основываясь на преданіи и практикѣ вселенской церкви, онъ усвояетъ мірянамъ въ самыхъ широкихъ границахъ право участія не только въ избраніи и судѣ надъ всѣми духовными лицами, но и въ сужденіи о догматахъ вѣры, съ правомъ голоса на соборахъ, производящихъ церковный судъ и постановляющихъ церковныя вѣроопредѣленія. Ученіе противниковъ объ обязанностяхъ пасомыхъ безъ разсужденія вѣровать всему, чему учатъ пастыри, авторъ „Апокрисиса" остроумно называетъ жидовскимъ ученіемъ, говоря, что „такое приказаніе могло выйти не отъ христіанскихъ учителей, а развѣ отъ жидовскихъ раввиновъ, которые, написавъ въ талмудѣ множество глупыхъ и нелѣпыхъ выдумокъ, приказали жидамъ безъ разсужденія вѣрить всему этому подъ угрозою проклятія"; напротивъ, по его взгляду, пасомые имѣютъ несомнѣнное право испытывать,

---

[1]) „Описанье и Оборона събору руского Берестейского". Русскій текстъ этого соч. былъ изданъ въ Вильнѣ, въ 1597 г. Авторомъ его былъ извѣстный проповѣдникъ и ученый, іезуитъ П. Скарга, хотя книга была издана безъ обозначенія имени автора.

согласно ли съ словомъ Божьимъ то, чему учатъ пастыри, предостерегать и вразумлять послѣднихъ, когда они заблуждаются или поступаютъ беззаконно, а въ случаѣ нужды подвергать преступныхъ іерарховъ соборному суду и приговаривать къ низложенію; ибо кто имѣетъ право избирать духовныхъ властей, тотъ можетъ и низвергать ихъ [1]. Уніатскіе писатели объявили автора „Апокрисиса" еретикомъ, а его взгляды протестантскими; но тѣже воззрѣнія, съ большею или меньшею опредѣлительностью, были повторяемы и другими, несомнѣнно православными полемистами, какъ современными, такъ и послѣдующими, отъ неизвѣстнаго автора „Перестороги" до „Палинодіи" Захаріи Копыстенскаго. Наконецъ, мы имѣемъ сочиненія одного православнаго писателя той же эпохи, котораго никакъ уже нельзя заподозрить въ склонности къ протестантскимъ мнѣніямъ: разумѣемъ южно-русскаго монаха Іоанна Вишенскаго, подвизавшагося въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв. въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и оттуда присылавшаго въ Малую Русь свои по истинѣ „соборныя" посланія. Онъ не былъ ученымъ богословомъ, писалъ свои посланія въ простонародномъ духѣ и, безъ сомнѣнія, вѣрнѣе другихъ писателей выражалъ мнѣнія и настроеніе среднихъ круговъ тогдашняго православнаго общества: мелкой шляхты, мѣщанъ и низшаго духовенства. Зорко слѣдя съ далекаго Аѳона за всѣмъ, что происходило тогда на его родинѣ, Вишенскій прочелъ книгу Скарги „Оборону Брестскаго (уніатскаго) собора" и, опровергая клерикальныя тенденціи ея автора, старался прово-

---

[1] „Апокрисисъ альбо отповѣдь на книжки о съборѣ Берестейскомъ, чрезъ Христофора Филалета (псевдонимъ) врихлѣ дана". Это сочиненіе также было издано на двухъ языкахъ: на польскомъ въ 1597 году, въ Вильнѣ, и на западно-русскомъ безъ обозначенія года и мѣста изданія. Предполагаютъ, что русскій текстъ былъ напечатанъ въ г. Острогѣ, не позже 1598 г.

дить въ своихъ посланіяхъ тѣже воззрѣнія, что и авторъ „Апокрисиса“, но формулировалъ ихъ съ большею еще смѣлостью и рѣзкостью. Защищая право мірянъ на самоопредѣленіе въ дѣлахъ вѣры, онъ такъ обращается къ владыкамъ-отступникамъ: „Видите ли, чого ради Русь хулите, а Латину хвалите: яко Русь если и малое порохно ереси въ своей церкви отъ лжеименныхъ пастырей оцупаютъ, заразъ очищаютъ и вонъ измѣтуютъ; а у Латины лжеименные пастыри цѣлымъ бревномъ вымысловъ новыхъ зѣницу спасенія людского завалили, а прописнути и промовити за истину немашъ кому. А то чому? Для того, ижъ (что) якъ мертви всѣ овцы въ той долинѣ костельного безсловесного послушенства бревномъ власти пастырское привалени суть и въ нечювствѣ и безгласіи сидятъ и о спасеніи своемъ, збавени ли будутъ, или ни, не вѣдаютъ, только якъ ся кому трафитъ (случится) безмыслно и скотски умираютъ. Пытаю васъ, добре ли въ томъ латинскіе овцы чинятъ, што пастыремъ своимъ о правдѣ евангельской молчатъ?“ Далѣе, по поводу того, что владыки высокомѣрно относились къ церковнымъ братствамъ, какъ „хлопскимъ“ учрежденіямъ, и кичились своею якобы неподсудностью голосу всей церкви, Вишенскій укоряетъ ихъ: „Якъ же вы духовными, а не только духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего подлѣйшимъ себе чините, уничижаете, хлопомъ, кожемякомъ, сѣдельникомъ, шевцомъ на поруганіе прозываете? Добре, нехай будетъ хлопъ, але вспомните, яко братъ вамъ во всемъ ровный есть, а подвигомъ и вѣрою дѣятельною можетъ быти кожемяка отъ васъ лѣпшій и цнотливѣйшій. И хвалитеся тымъ титуломъ епископскимъ, мовячи, яко не маютъ власти попы православные васъ низлагати, извергати и кляти. Такъ вѣдайте: не только очи здоровые (т. е. духовенство) ока гнилого усмотрѣти и осудити могутъ и власть имаютъ, але и само тѣло церковное, то есть простые христіане, по Хри-

стову гласу, скверно-начальника (архіерея) извергти, осудити и прокляти власть имаютъ, да не съ тымъ блазненнымъ окомъ или пастыремъ въ геену внійдутъ". А обращаясь ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Руси, Вишенскій писалъ: „Всякаго такого, который на священническій степень не по правиламъ св. отецъ въсходитъ, але похоти плотскія ради, имѣнія и панства самъ наскакуетъ, не пріймайте и отъ короля даного, безъ вашего избранія, изжденѣте и прокленѣте. Не въ королеву бо власть вы крестилися, да вамъ даетъ волки и злодѣи, разбойники и антихристовы таинники. Лѣпше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкве ходити и православіе хранити, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, у церкви быти и съ тои ся ругати и православіе попирати. Не попы бо насъ спасутъ или владыки или митрополиты, но вѣры нашея таинство съ храненіемъ заповѣдей Божьихъ—тое насъ спасти маетъ" [1]).

Вотъ какія понятія проповѣдывались тогда въ западно-русскомъ обществѣ ревнителями православія въ противовѣсъ клерикальнымъ тенденціямъ латино-уніатской партіи и властолюбивымъ притязаніямъ іерарховъ-уніатовъ. Говоря безпристрастно, нельзя не замѣтить, что никогда еще соборный принципъ православной церкви не формулировался съ такою опредѣлительностью, широтою и смѣлостью, какъ то мы видимъ у цитированныхъ выше западно-русскихъ полемистовъ, особенно у православнаго инока Вишенскаго, доходившаго почти до отрицанія церковной іерархіи. Латино-уніатскіе писатели признавали подобныя мнѣнія еретическими, т. е. протестантскими; такими же отчасти признаются нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній и нынѣшними православными

---

[1]) Посланія І. Вишенскаго помѣщены въ приложеніи ко II т. Актовъ Ю. и Зап. Россіи.

богословами[1]). Не намъ, конечно, защищать ихъ ортодоксальность. Одно лишь замѣтимъ, что, если въ этихъ мнѣніяхъ и были крайности, несогласныя съ православнымъ ученіемъ, то нѣтъ нужды видѣть въ этомъ непремѣнно протестантское вліяніе. Мы не отвергаемъ совсѣмъ этого вліянія и вполнѣ признаемъ, что, благодаря тогдашнему сближенію православныхъ съ протестантами, какъ естественными ихъ союзниками въ борьбѣ противъ общаго врага-латинства, весьма многіе изъ образованныхъ западно-русскихъ людей, свѣтскихъ и даже духовныхъ, знакомясь съ протестантскими сочиненіями, а нѣкоторые, быть можетъ, получая даже образованіе въ протестантскихъ школахъ, невольно усвояли тѣ или другія воззрѣнія, не чуждыя оттѣнковъ протестантства, какъ то случилось, наприм., съ извѣстнымъ богословомъ и проповѣдникомъ виленскаго братства Стефаномъ Зизаніемъ, отвергавшимъ частный посмертный судъ и не хотѣвшимъ признавать Христа ходатаемъ[2]). Но вѣдь нельзя же предположить, чтобы простой православный инокъ, да еще подвижникъ Аѳонской горы, Іоаннъ Вишенскій, нена-

---

[1]) Напр., столь часто цитируемый нами авторъ Исторіи Р. Церкви, бывшій московск. митрополитъ Макарій прямо выражается объ авторѣ „Апокриспса", что онъ въ своемъ сочиненіи „кое-гдѣ допускаетъ *протестантскія* мнѣнія, наприм., относительно неумѣреннаго участія міранъ въ дѣлахъ вѣры". (Ист. Р. Церк. т. X., стр. 290). Таже мысль проскальзываетъ и въ предисловіи къ русск. переводу „Апокрисиса", изданному въ 1870 г. Кіевск. Дух. Академіей. Правда, о сочиненіяхъ Вишенскаго подобнаго замѣчанія намъ не приходилось встрѣчать у нашихъ богослововъ, но, думается намъ, это потому только, что его посланія и характеръ выраженныхъ въ нихъ воззрѣній доселѣ не подвергались надлежащему изслѣдованію.

[2]) Исторія Р. Церкви, митр. Макарія, IX, стр. 614—615. Объ авторѣ „Апокрисиса" Христофорѣ Бронскомъ мы уже не упоминаемъ здѣсь, такъ какъ, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, приходится признать, что онъ былъ протестантъ, именно социніанинъ, и написалъ свое сочиненіе по заказу со стороны князя Конст. Острожскаго.

видѣвшій школьную науку и заклинавшій православныхъ бѣгать, какъ огня, протестантскихъ „ересей“,—могъ самъ подвергнуться той же заразѣ, отъ которой предостерегалъ своихъ соотечественниковъ; а между тѣмъ его воззрѣнія на степень участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры и отношенія къ іерархической власти близко совпадаютъ съ воззрѣніями автора „Апокрисиса“, превосходя ихъ, однако, рѣзкостью своего выраженія. На нашъ взглядъ это доказываетъ лишь то, что въ тогдашнемъ западно-русскомъ обществѣ, подъ вліяніемъ тяжкихъ преслѣдованій и возмутительныхъ насилій, совершаемыхъ во имя латино-уніатской іерархической идеи, развитіе противоположной идеи пріобрѣтало иногда, по закону реакціи, характеръ напряженности и нѣкоторой какъ-бы страстности, что́ и порождало крайности, всегда почти неизбѣжныя при подобныхъ условіяхъ, хотя, быть можетъ, въ этомъ была извѣстная доля и протестантскаго вліянія, по крайней мѣрѣ относительно высшей, образованной части общества. Крайности эти тѣмъ болѣе понятны, что православные не имѣли тогда собственной іерархіи и въ своихъ рѣзкихъ приговорахъ и сужденіяхъ объ іерархической власти имѣли въ виду жестокихъ гонителей своихъ—владыкъ, предавшихся уніи. Вся тяжесть защиты православной церкви, оставшейся безъ іерархіи, лежала теперь исключительно на мірянахъ, у которыхъ право на это было упорно оспариваемо противной стороной; и вотъ, чтобы защитить это право, православнымъ оставалось держаться за соборный принципъ, какъ за якорь спасенія, и поднимать свое знамя во всю высоту его. Безспорно, это былъ весьма скользкій пунктъ, приведшій къ паденію между прочимъ одного изъ талантливѣйшихъ слугъ и защитниковъ православія, Мелетія Смотрицкаго, который, послѣ цѣлаго ряда литературныхъ и другихъ трудовъ, совершенныхъ имъ на пользу православной церкви, будучи уже въ санѣ архіепископа полоцкаго, не-

ожиданно для всѣхъ сталъ соблазняться мыслью, что въ церкви этой „зъ покараня Божого, отъ давного часу духовные за волею и зданьемъ людей свѣтскихъ пошли и не духовные въ справахъ духовныхъ радятъ (управляютъ), але свѣтскіе, а духовные только pro forma",—и это сознаніе произвело столь рѣзкій переломъ въ его убѣжденіяхъ, что онъ осудилъ свой прежній образъ мыслей, признавъ въ немъ „лютерскую и кальвинскую ереси", и перешелъ въ унію [1]). Но не такъ думали объ этомъ предметѣ другіе православные іерархи, видѣвшіе въ широкомъ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви единственный прочный залогъ ея спасенія среди обуревавшихъ ее со всѣхъ сторонъ бѣдствій и потому заботливо поощрявшіе такое участіе.

Дѣйствительно, широкое примѣненіе соборнаго принципа не только не потопило западно-русской церкви волнами протестантизма, какъ то предрекалъ когда-то Ипатій Потѣй и чего опасался, кажется, Смотрицкій, но принесло ей большую пользу и сохранило ее невредимою въ то опасное время, когда она въ теченіе почти сорока лѣтъ была лишена защиты государственныхъ законовъ, подвергалась всевозможнымъ преслѣдованіямъ и долгое время не имѣла высшей іерархіи. Терпя внѣшнія потери, вслѣдствіе отпаденія въ унію или въ латинство слабыхъ и малодушныхъ, православіе крѣпло внутренно, умножая и развивая духовныя силы свои и объединяя ихъ для цѣлей самопомощи и служенія общественнымъ нуждамъ. Церковное просвѣщеніе, начало которому было положено братствами еще до уніи, замѣтно упрочивалось, не смотря на всевозможныя препятствія, и соотвѣтственно съ тѣмъ увеличивались ряды ученыхъ и способныхъ слугъ и защитниковъ вѣры и народности. Прежнія церковныя братства неутомимо продолжали свою

---

[1]) Голубевъ С., «Кіевск. митроп. Петръ Могила» прил. №№ LVI и LVII.

полезную дѣятельность, а въ тоже время основывались и новыя братства, изъ числа которыхъ нельзя не упомянуть о двухъ, особенно много потрудившихся на пользу церкви и общества: братствѣ луцкомъ, открытомъ въ 1617 г. и скоро устроившемъ у себя греко-латино-славянскую школу и типографію, и кіево-богоявленскомъ братствѣ съ его знаменитымъ впослѣдствіи училищемъ. Въ этой плодотворной дѣятельности принимали участіе представители всѣхъ сословій западно-русскаго общества: дворяне, мѣщане, низшее духовенство и „посполитый“ народъ. Вскорѣ на защиту православія выступила новая, народная сила—козачество и сразу же оказала ему неоцѣнимую услугу своимъ содѣйствіемъ въ дѣлѣ возстановленія (въ 1620 г.) православной іерархіи. И достойно вниманія, что, когда нововозстановленная іерархія вступила во всѣ каноническія права свои, она и не подумала ограничивать участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, а на первомъ же соборѣ своемъ, происходившемъ въ Кіевѣ въ 1621 г., приняла въ руководство себѣ слѣдующее постановленіе: „не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, еслибы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали, напротивъ—позволить имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться; не слѣдовать безбожному папскому правилу, по которому, хотя бы папа тму людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: стой, что ты дѣлаешь! Ипатій Потѣй, Рогоза и другіе ихъ единомышленники были не малыя головы; не смотря на то, предки наши, и многіе изъ нихъ совсѣмъ простые, дерзали обличать ихъ безбоязненно. То же подобаетъ творить и всѣмъ православнымъ“ [1]).

---

[1]) «Совѣтованіе о благочестіи». Памятн. Кіевск. Ком., т. I, отд. I, № 32.

Съ той поры въ исторіи южно-русской церкви наступила эпоха возрожденія, украшенная именами Іова Борецкаго, Петра Могилы и цѣлаго ряда другихъ іерарховъ, сіявшихъ чистотою жизни, преданностью пастырскому долгу и самоотверженною ревностью о церковно-общественномъ благѣ.

II.

Слѣдя за развитіемъ внутреннихъ условій, содѣйствовавшихъ крайнему упадку западно-русской церкви во второй половинѣ XVI вѣка, мы приняли исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія тотъ поворотный моментъ въ исторіи Литовской Руси, когда въ жизни высшихъ ея классовъ обнаружился рѣзкій переломъ, отразившійся измѣненіемъ ихъ прежнихъ національныхъ, религіозныхъ и сословно-общественныхъ понятій и отношеній. Причины этого перелома мы указывали въ томъ, что литовско-русское государство въ половинѣ XVI в. подверглось, съ одной стороны, вліянію польской общественности, а съ другой—неменѣе сильному вліянію идей нѣмецкой реформаціи. Какими послѣдствіями въ исторіи общественнаго и политическаго быта юго-западной Руси сопровождалось польское вліяніе—объ этомъ много было говорено въ нашей исторической литературѣ, имѣющей не мало изслѣдованій, посвященныхъ рѣшенію этого вопроса. Гораздо менѣе изслѣдованъ вопросъ о вліяніи на южную и западную Русь нѣмецкой реформаціи, широко распространенной здѣсь въ XVI и XVII в. и имѣвшей множество правильно устроенныхъ протестантскихъ общинъ, изъ которыхъ большая часть погибла въ эпоху козацкихъ войнъ, а другія сохранились, напр. въ Бѣлоруссіи, до конца XVIII в. [1]). Въ нашей литературѣ и понынѣ нѣтъ

[1]) Весьма немногія изъ такихъ общинъ существуютъ даже и въ настоящее время, какъ напр., въ Слуцкѣ, Копылѣ, Копысѣ и др.

ни одного сочиненія, посвященнаго исторіи западно-русской реформаціи, и мы ограничиваемся доселѣ лишь тѣми, далеко неполными, свѣдѣніями о ней, какія находимъ въ сочиненіяхъ польскихъ и другихъ иноземныхъ писателей. Между тѣмъ протестантское движеніе на Руси представляетъ неоспоримый историческій интересъ какъ само по себѣ, такъ еще болѣе по тому вліянію, какое оказывало оно въ свое время на западно-русское общество. Не говоримъ уже о прямомъ ущербѣ, причиненномъ православію вслѣдствіе совращенія въ протестантство массы дворянскихъ русскихъ родовъ: Ходкевичей, Воловичей, Сопѣгъ, Горскихъ, Вишневецкихъ и многихъ другихъ; но кромѣ того, было время, когда протестантское движеніе стремилось усвоить національно-русскія формы, когда въ Литвѣ и Бѣлоруссіи были дѣлаемы попытки къ изданію протестантскихъ книгъ „для простыхъ людей языка руского“ на ихъ народномъ языкѣ и когда во многихъ протестантскихъ общинахъ на этомъ же языкѣ совершалось самое богослуженіе. Съ другой стороны, мы знаемъ, что протестанты являлись постоянными союзниками православныхъ, оказывали имъ всегда дружеское расположеніе и услуги, поддерживали ихъ на сеймахъ и вмѣстѣ съ ними защищались противъ общаго врага—латинства. Католики неоднократно жаловались, говоря, что православные придавали охоту протестантамъ въ ихъ борьбѣ съ папизмомъ, а послѣдніе поддерживали первыхъ въ той же борьбѣ, и что тѣ и другіе оглядывались другъ на друга въ изысканіи средствъ ко вреду католичеству. Ко времени уніи, это объединеніе религіознаго интереса православныхъ и протестантовъ скрѣпилось до такой степени, что у нихъ возникла мысль о возможности соединенія обоихъ исповѣданій, о чемъ и начаты были сношенія и переговоры между православными и протестантскими богословами, при посредничествѣ князя Конст. Острожскаго, а вслѣдъ за тѣмъ предпринята была

еще болѣе рѣшительная попытка къ такому соединенію во время бывшаго въ 1599 г. виленскаго съѣзда православныхъ съ протестантами. Наконецъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что протестантство однимъ появленіемъ своимъ вызвало въ западной Руси извѣстное умственное движеніе, породило стремленіе къ школѣ и наукѣ и этимъ отчасти способствовало возникновенію просвѣтительнаго движенія, наблюдаемаго здѣсь съ конца XVI вѣка.

Тѣ архивные матеріалы, какими располагали мы при составленіи настоящаго тома, даютъ весьма недостаточныя данныя для исторіи существованія на Руси главныхъ протестантскихъ исповѣданій: кальвинскаго и лютеранскаго; за то намъ посчастливилось разыскать не мало документовъ, заключающихъ весьма интересныя свѣдѣнія о распространеніи въ юго-западной Руси одной изъ крайнихъ, раціоналистическихъ протестантскихъ сектъ — *антитринитаризма* или *социніанства*, исторія существованія котораго здѣсь еще менѣе изслѣдована, нежели исторія другихъ, родственныхъ ему исповѣданій. Пользуясь этими данными и дополнивъ ихъ свѣдѣніями, почерпнутыми у социніанскихъ писателей XVII вѣка, мы намѣрены изложить въ краткомъ очеркѣ исторію распространенія въ юго-западной Руси социніанской секты, ея успѣховъ и послѣдней судьбы, предпославъ необходимыя предварительныя свѣдѣнія о происхожденіи антитринитаризма и о сущности этого ученія [1]).

Антитринитаризмъ (буквально: противотроичность) возникъ изъ общаго реформаціоннаго движенія въ западной Европѣ въ XVI в. Родиной его считается Швейцарія, а основателемъ этого ученія былъ испанскій врачъ Михаилъ

---

[1]) Въ этомъ очеркѣ намъ прійдется повторить очень многое изъ нашего же изслѣдованія «Социніанство въ Польшѣ и Юго-зап. Руси въ XVI—XVI в.», помѣщеннаго въ «Кіевск. Старинѣ» 1882 года.

Серветъ, извѣстный въ исторіи медицины открытіемъ хода кровообращенія. Еще въ 1531 г. онъ напечаталъ въ Базелѣ книгу „De trinitatis erroribus“, въ которой провозгласилъ, что догматъ о св. Троицѣ есть злоупотребленіе римской церкви, ниспосланное Богомъ въ наказаніе человѣчеству. Болѣе двадцати лѣтъ Серветъ пропагандировалъ свое ученіе въ Швейцаріи, Германіи, Франціи и Италіи, издалъ въ защиту его множество сочиненій, вступалъ въ полемику съ Кальвиномъ, но въ 1553 году былъ имъ схваченъ, преданъ суду за еретическій образъ мыслей и по приговору этого мрачнаго фанатика сожженъ на кострѣ. Идеи Сервета отчасти были усвоены многими изъ нѣмецко-голландскихъ анабаптистовъ, придавшихъ имъ мистическую окраску, и въ то же время онѣ проникли въ Италію, въ которой среди высшихъ, образованныхъ сословій, подъ вліяніемъ знакомства съ литературой древнихъ классическихъ народовъ, давно уже распространены были сѣмена философскаго невѣрія. Здѣсь ученіе Сервета было сочувственно принято гуманистами и другими свободными мыслителями, которые скоро выработали изъ него цѣльную религіозную доктрину съ преобладающимъ раціоналистическимъ направленіемъ. Въ числѣ этихъ свободныхъ мыслителей особенно выдавался Лелій Социнъ, образовавшій около 1546 г. въ Венеціи тайный кружокъ послѣдователей Сервета, на сходкахъ и совѣщаніяхъ котораго и было выработано основное положеніе антитринитаризма, т. е. отрицаніе ученія о св. Троицѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предвѣчнаго божества I. Христа и всего таинства искупленія. Но скоро римская инквизиція открыла дѣйствія этого кружка, и одни изъ его членовъ были преданы казни, другіе заключены въ тюрьму, а остальные бѣжали изъ Италіи. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Лелій Социнъ. Четыре года онъ скитался по разнымъ концамъ Европы и въ 1551 г. посѣтилъ Польшу, гдѣ, впрочемъ, оставался не долго, а возвра-

тился въ Швейцарію и занялся составленіемъ богословскихъ трактатовъ въ защиту новаго ученія. Около 1558 г. Лелій Социнъ вторично посѣтилъ Польшу, а оттуда свою родину, но скоро снова возвратился въ Цюрихъ, гдѣ и жилъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1562 году [1]).

Двукратное посѣщеніе Л. Социномъ Польши не мало способствовало укорененію здѣсь антитринитаріанскаго ученія, сѣмена котораго занесены были сюда раньше отчасти его соотечественниками, наполнявшими дворъ польской королевы Боны, италіанки, отчасти заходившими въ Польшу голландскими анабаптистами. Когда въ 1553 г. въ Женевѣ послѣдовала казнь Сервета, его несчастный конецъ ясно показалъ антитринитаріямъ, кружившимся тогда по всей Европѣ, насколько они были небезопасны даже въ протестантскихъ странахъ, не говоря уже о странахъ католическихъ, гдѣ за каждымъ ихъ шагомъ зорко слѣдила „священная“ инквизиція и гдѣ многіе изъ нихъ уже поплатились жизнью за свои вѣрованія. Спасаясь отъ преслѣдованія, выдающіеся представители гонимаго ученія безпрестанно разъѣзжаютъ въ это время по разнымъ европейскимъ государствамъ и чаще всего ищутъ безопасности въ Польшѣ, которая въ то время дѣйствительно представляла найболѣе безопасное для нихъ убѣжище. И вотъ съ половины XVI в. начался широкій наплывъ въ Польшу антитринитаріевъ изъ Италіи, Швейцаріи, Франціи, Голландіи, Германіи и другихъ мѣстъ, не прекращавшійся затѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Въ Польшѣ и Литвѣ представители антитринитаризма застали въ полномъ разгарѣ протестантское движеніе, успѣвшее уже пошатнуть господствующее положеніе римско-ка-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Л. Социнѣ можно найти во многихъ социніанскихъ сочиненіяхъ, наприм. Bibliotheca Antitrinitariorum, Biblioth. Fratrum Polonorum и друг.

толической церкви, но само еще колебавшееся въ выборѣ и предпочтеніи той или другой протестантской системы. Антитринитаріямъ оставалось лишь примкнуть къ общему реформаціонному движенію и подъ его покровомъ предпринять пропаганду своего вѣроученія. Не сразу они выдѣляются въ отдѣльную секту, но продолжаютъ нѣкоторое время идти объ руку съ кальвинистами, участвуютъ въ протестантскихъ съѣздахъ или синодахъ, помогаютъ протестантамъ организоваться, стараясь, однако, дать ихъ организаціи направленіе въ духѣ идей антитринитаризма. Въ первый разъ антитринитаріи выступили открыто съ своимъ ученіемъ о св. Тройцѣ лишь въ 1556 г. на синодѣ польско-литовскихъ протестантовъ, бывшемъ въ Сециминѣ, въ сендомирской области, а за тѣмъ они выступаютъ на каждомъ почти синодѣ съ апологіей своего вѣроученія. Правда, ни одинъ изъ такихъ синодовъ не принялъ ученія антитринитаріевъ, но эта открытая проповѣдь привлекала къ нимъ все большее число новыхъ послѣдователей, между которыми скоро нашлись могущественные покровители новаго вѣроученія. Такъ въ 1562 г. антитринитаріямъ удалось привлечь на свою сторону знатнаго шляхтича Николая Олесницкаго, владѣльца м. Пинчова (въ сандомирскомъ воеводствѣ), служившаго до того времени центромъ протестантскаго движенія въ Польшѣ. Онъ изгналъ отсюда кальвинистовъ и пригласилъ на ихъ мѣсто своихъ единовѣрцевъ, отдавъ въ ихъ распоряженіе находившіеся въ Пинчовѣ храмъ, школу и типографію. Это былъ первый, такъ сказать, стратегическій пунктъ, съ котораго новое ученіе стало побѣдоносно распространяться во всѣ концы Польши и Литвы и гдѣ оно начало свою самостоятельную организацію. Антитринитаріи приложили всѣ мѣры къ процвѣтанію пинчовской школы и дѣятельно пользовались предоставленной въ ихъ распоряженіе типографіей для распространенія своихъ сочиненій. Теперь они гораздо

рѣшительнѣе стали выступать съ открытою пропагандою своего вѣроученія среди кальвинистовъ польскихъ, поднимая горячія пренія на синодахъ съ ихъ пасторами; а въ 1565 г. въ Петроковѣ, во время происходившаго тамъ сейма, они устроили публичный диспутъ съ кальвинистами, окончившійся тѣмъ, что кальвинисты объявили окончательный разрывъ съ антитринитаріями и, побуждаемые самимъ Кальвиномъ, запретили общеніе съ ними, какъ съ еретиками, подобными древнимъ: Эвіону, Павлу Самосатскому, Арію и др. Послѣ этого антитринитаріи увидѣли, что имъ нечего болѣе думать о союзѣ съ кальвинистами, а надобно собрать и объединить собственныя силы и организоваться въ секту совершенно самостоятельную. Съ этой цѣлью, начиная съ 1566 г., они стали созывать свои особые соборы, на одномъ изъ которыхъ предпринята была попытка къ соглашенію разногласій въ средѣ самихъ антитринитаріевъ по вопросу о предвѣчномъ существованіи Сына Божія и другихъ догматахъ. Хотя такое соглашеніе и не было достигнуто, однако было постановлено: не нарушая согласія изъ-за разности мнѣній, продолжать изслѣдованіе спорныхъ вопросовъ въ духѣ братской любви и мира и прежде всего заняться исправленіемъ библіи и переводомъ ея на польскій языкъ [1]). Переводъ этотъ былъ скоро оконченъ и изданъ въ Несвижѣ, въ 1570 г. Съ этого времени началась усиленная учено-литературная дѣятельность въ средѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ. Секта пріобрѣтаетъ нѣсколько новыхъ центровъ и между ними г. Раковъ въ сандомирск. области, скоро затмившій славу Пинчова; въ ея рукахъ находится множество видныхъ общинъ: въ Краковѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и другихъ значительныхъ городахъ, много школъ и нѣсколько типографій. Цѣлый рядъ знатныхъ дворянскихъ фамилій становится въ

---

[1]) Lubienicci, Historia Reformationis, Lib. III, p. 218. Freistadii, 1685.

ряды ея послѣдователей. Многочисленныя протестантскія общины съ лучшими и найболѣе учеными пасторами то и дѣло отрывались отъ кальвинизма и переходили въ новую секту. Словомъ сказать, во всемъ польско-литовскомъ государствѣ открылось движеніе въ пользу новаго вѣроученія, отчасти напоминающее по своей стремительности тотъ разливъ, съ какимъ недавно еще распространялась здѣсь реформація.

Но преуспѣвая въ ростѣ, антитринитаріанство было слабо внутренно и еще болѣе, чѣмъ протестантство, страдало недостаткомъ внутренней организаціи и отсутствіемъ строго выработанной системы вѣроученія, такъ какъ новая секта слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Кромѣ италіанскихъ выходцевъ, придерживавшихся раціоналистической системы Лелія Социна и представлявшихъ собою *чистыхъ антитринитаріевъ*, въ Польшу нахлынули изъ Германіи и Голландіи многіе анабаптисты, усвоившіе ученіе Сервета и привнесшіе въ него многія мистическія черты ихъ прежнихъ вѣрованій. Они отличались отъ чистыхъ антитринитаріевъ нѣкоторыми особыми мнѣніями и составляли изъ себя *крайнюю* или *полужидовствующую* партію въ сектѣ. Изъ этихъ особыхъ мнѣній отмѣтимъ главнѣйшія: 1) вѣрованіе въ имѣющее открыться обновленіе всего міра, послѣ чего наступитъ тысячелѣтнее царство Христово, земное и чувственное, исполненное силы и величія, подобно мессіанскому царству іудеевъ, которые тоже должны войти въ это царство и соединиться съ христіанами; и 2) мнѣніе о пользованіи властью и употребленіи оружія: въ то время, какъ партія чистыхъ антитринитаріевъ, исходя изъ новозавѣтныхъ принциповъ христіанской любви, кротости и братскаго равенства, объявляла недозволеннымъ для своихъ послѣдователей пользоваться властью и оружіемъ, т. е. занимать въ государствѣ правительственныя должности, вести войну и казнить пре-

ступниковъ,—представители крайней партіи энергично настаивали на противномъ, ссылаясь на ветхозавѣтныя представленія о Богѣ крѣпкомъ и сильномъ, Царѣ и Судіи міра, имѣющемъ возвеличить свое царство и сокрушить враговъ его.—Кромѣ этихъ двухъ главныхъ партій, въ составѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ было много такихъ лицъ, которыя и по вступленіи въ секту продолжали придерживаться нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ вѣрованій—протестантскихъ, анабаптистскихъ и другихъ и настаивали на ихъ признаніи всѣми. Наконецъ мы должны обратить вниманіе на крайне интересный фактъ существованія въ то время въ Литвѣ своего *мѣстнаго* антитринитаріанства. Это литовско-русское антитринитаріанство, зародившееся здѣсь еще въ XV ст., первоначально проявилось, однако, не въ Литвѣ, а въ сѣверной Руси: въ Новгородѣ и Москвѣ, подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Ересь эта заключала въ себѣ элементы жидовства, но также и элементы самороднаго раціонализма, очень сходнаго съ ученіемъ крайнихъ антитринитаріевъ. Подавленная суровыми казнями, ересь эта и въ XVI в. не разъ вспыхивала отдѣльными искрами и всякій разъ по возбужденію изъ Литвы; но въ половинѣ этого столѣтія она, съ небольшими видоизмѣненіями, снова ожила въ ученіи московскихъ вольнодумцевъ: Матвѣя Башкина, игумена Артемія и особенно Ѳеодосія Косого, Вассіана, Игнатія и другихъ старцевъ. Преданные суду и заточенію, нѣкоторые изъ этихъ вольнодумцевъ успѣли бѣжать въ Литву и, очутившись на свободѣ, скоро разошлись по разнымъ дорогамъ, сообразно различію ихъ направленій. Болѣе умѣренный и разсудительный изъ нихъ, Артемій, удалился въ Слуцкъ къ князю Юрію Слуцкому и, живя подъ его покровительствомъ, скоро пріобрѣлъ репутацію ученаго защитника православія; другіе пристали къ протестантству. Но Ѳеодосій Косой и Игнатій съ нѣкоторыми сообщниками энергично выступили съ про-

повѣдью антитринитаріанства и притомъ въ смыслѣ его крайняго полужидовствующаго направленія. Ѳеодосій, напр., проповѣдывалъ монотеизмъ въ іудейской формѣ и ставилъ Моисеевы книги выше евангелія. Онъ отрицалъ таинство св. Тройцы, божество Іисуса Христа, воплощеніе, искупленіе, всѣ таинства, призываніе святыхъ, преданія церкви и писанія св. отцевъ, отвергалъ іерархію и монашество, обряды называлъ идолослуженіемъ, иконы—идолами, храмы—кумирницами, и проч. Отвергая церковную власть, Ѳеодосій и его послѣдователи отвергали и всякую мірскую власть, утверждая, что не нужно ни царей, ни властей гражданскихъ и воинскихъ, ни самой войны, ни господъ, ни рабовъ, ни податей, ибо все это не совмѣстно съ понятіемъ о христіанствѣ, какъ братскомъ союзѣ людей; не нужно почитать родителей, ибо одинъ у всѣхъ отецъ—Богъ; не слѣдуетъ презирать чужія вѣры, ибо всѣ вѣры равны и всѣ люди одинаковы предъ Богомъ: татары, евреи, нѣмцы и всѣ другіе народы. Ѳеодосіяне требовали, чтобы ихъ послѣдователи дѣлали имъ матеріальныя приношенія за ихъ духовный разумъ, слѣдуя примѣру первыхъ христіанъ, полагавшихъ свои имѣнія у ногъ апостоловъ.

Не смотря на абсурдность и грубость ихъ проповѣди, ѳеодосіане очень скоро пріобрѣли громадное число послѣдователей по всей Литвѣ и югозападной Руси. Тайна быстраго распространенія ученія Ѳеодосія заключается именно въ томъ, что сѣмена этого ученія давно уже существовали въ томъ мѣстномъ литовско-русскомъ антитринитаріанствѣ, о которомъ было упомянуто раньше. Вотъ почему и польскій иноземный антитринитаризмъ, проникнувъ въ Литву и западную Русь, распространился и первоначально утвердился здѣсь именно въ формѣ крайняго полужидовствующаго направленія, съ которымъ скоро слились и сами ѳеодосіане съ своими послѣдователями.

Такое разномысліе мнѣній и направленій въ польско-литовскомъ антитринитаріанствѣ не могло долго продолжаться, такъ какъ оно угрожало самому существованію секты, нуждавшейся въ объединеніи своихъ силъ въ виду напора внѣшнихъ враговъ. Это прекрасно сознавали сами антитринитаріи, и вотъ со времени скринскаго собора 1567 года въ ихъ средѣ оказалось сильное движеніе въ пользу объединенія различныхъ партій секты и примиренія существовавшихъ между ними разногласій. Инціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала представителямъ партіи чистыхъ антитринитаріевъ, старѣйшей и наиболѣе многочисленной, имѣвшей свои общины въ краковской, люблинской, сандомирской, самборской, перемышльской и другихъ областяхъ Малой Польши и Червоной Руси. Въ числѣ этихъ общинъ особеннымъ значеніемъ пользовались пинчовская и потомъ раковская общины. Здѣсь находились лучшія антитринитаріанскія школы и типографіи, здѣсь жили ученѣйшіе представители секты и отсюда распространялись по всей Польшѣ, Литвѣ и даже западно-европейскимъ странамъ антитринитаріанскія сочиненія. Естественно, что партія, располагающая такими силами, рано или поздно должна была достигнуть преобладанія надъ остальными, тѣмъ болѣе, что она продолжала получать новыя подкрѣпленія извнѣ, въ лицѣ постоянно прибывавшихъ изъ Италіи ученыхъ антитринитаріевъ.

Въ числѣ этихъ выходцевъ явился наконецъ человѣкъ, которому суждено было стать преобразователемъ антитринитаріанской секты и дать ей свое имя: то былъ Фавстъ *Социнъ*, родной племянникъ Лелія Социна (1539—1604). Съ дѣтства воспитанный въ началахъ новаго ученія, молодой Социнъ рано долженъ былъ бѣжать изъ отечества вслѣдствіе тѣхъ гоненій, какимъ подверглась вся ихъ фамилія, подозрѣваемая въ ереси. Послѣ нѣскольких странствованій по разнымъ мѣстамъ Европы, Фавстъ Социнъ прибылъ въ

1579 г. въ Польшу, гдѣ и жилъ до конца своей жизни. Познакомившись съ польскими антитринитаріями, онъ даже въ пинчовской и раковской общинахъ нашелъ примѣсь мнѣній и обычаевъ кальвинскихъ и сразу не сошелся съ ними, а поселился въ *Лукдавицахъ*, близь Кракова, и скоро предпринялъ жаркую полемику съ представителями крайней полужидовствующей антитринитаріанской партіи, какъ самой раскольнической въ сектѣ. Болѣе двадцати лѣтъ Социнъ велъ энергическую борьбу съ представителями разныхъ оттѣнковъ антитринитаризма въ Польшѣ и Литвѣ, устраивалъ частые диспуты съ ними, издавалъ множество полемическихъ и символическихъ сочиненій и наконецъ таки добился того, что одни изъ противниковъ пристали къ его мнѣніямъ, другіе удалились въ Венгрію и Трансильванію, гдѣ съ тѣхъ поръ надолго утвердилось полужидовствующее антитринитаріанство, остальные, наконецъ, сошли со сцены, потерявъ своихъ послѣдователей. Такимъ образомъ въ Польшѣ къ концу XVI вѣка окончательно утвердилось чистое антитринитаріанское ученіе, возведенное Фавстомъ Социномъ на степень опредѣленной и послѣдовательно развитой доктрины, получившей впослѣдствіи отъ имени своего преобразователя названіе *социніанства*; самъ же Социнъ и его послѣдователи называли себя *unitarii* [1]), *fratres poloni* (польскіе братья), а въ народѣ и въ устахъ послѣдователей другихъ исповѣданій они всегда слыли подъ именемъ *аріанъ*.

Въ чемъ же состояла социніанская доктрина?

Въ послѣдній годъ своей жизни Социнъ занялся составленіемъ катихизиса, оконченнаго уже послѣ его смерти, въ которомъ кратко изложилъ сущность своей доктрины. Въ основаніе ея онъ поставилъ провозглашенное еще нѣкогда

---

[1]) Буквально: единобожники или единоличники, т. е. признававшіе изъ трехъ лицъ св. Тройцы лишь одно, Бога Отца.

Виклефомъ положеніе, что Богъ не требуетъ, чтобы люди вѣровали въ то, чего они не въ состояніи понимать; поэтому хотя источникомъ социніанскаго вѣроученія объявлялось единственно священное писаніе, но высшимъ критеріумомъ его признавался разумъ человѣческій. Затѣмъ собственно догматическое ученіе социніанъ заключалось въ слѣдующихъ главнѣйшихъ чертахъ. Одинъ Богъ, отецъ Господа І. Христа, Богъ Израилевъ. І. Христосъ по своей природѣ былъ обыкновенный человѣкъ, получившій свое бытіе въ извѣстное историческое время, хотя и зачатый отъ Духа св. и рожденный Маріею Дѣвою. Но такъ какъ Христосъ принесъ съ неба людямъ волю Божію, запечатлѣвъ истинность ея своею почти божескою праведностью, чудесами и самою смертью, то, воскрешенный Богомъ, онъ получилъ божескую власть на небѣ и на землѣ и сдѣлался навѣки истиннымъ Сыномъ Божіимъ. Духъ же святой есть не личность, а только сила Божія. Всѣ остальные христіанскіе догматы о лицѣ І. Христа были отрицаемы социніанами. Точно также они отрицали христіанское ученіе объ искупительной жертвѣ, принесенной Христомъ за грѣхи людей, утверждая, что такое ученіе не только ошибочно, но и опасно тѣмъ, что отнимаетъ у человѣка побужденіе къ нравственному самоусовершенствованію и можетъ служить какъ-бы нѣкоторымъ попустительствомъ къ грѣху. Миссія Христа, по ученію социніанъ, единственно состояла въ томъ, что Онъ былъ посредникомъ въ заключеніи новаго завѣта между Богомъ и людьми и объявилъ людямъ путь ко спасенію въ исполненіи воли Божіей. О человѣкѣ социніане учили, что онъ созданъ смертнымъ, но вѣруя во Христа и исполняя волю Божію, онъ становится участникомъ безсмертной жизни въ будущемъ вѣкѣ, когда всѣ вѣрные будутъ жить на небѣ въ качествѣ сыновъ Божіихъ. Человѣкъ одаренъ свободной волей, которой онъ не лишился и послѣ грѣхопаденія. Существованіе перво-

роднаго грѣха и вообще порчу нравственной природы человѣка чрезъ грѣхопаденіе первыхъ людей социніане совсѣмъ отрицали. Съ особенной силой они отвергали ученіе Кальвина о предопредѣленіи, а въ противность Лютеру учили, что одна вѣра безъ добрыхъ дѣлъ не ведетъ ко спасенію. Далѣе социніане отвергали: священное преданіе, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ, вообще всю внѣшнюю церковную обрядность, и наконецъ всѣ таинства. Правда, они совершали причащеніе или, какъ они называли, „вечерю Господню“ (coenam Domini), но считали это простымъ религіознымъ обрядомъ, установленнымъ въ воспоминаніе смерти Христовой, не связывая съ нимъ никакой духовной силы и значенія. Точно также они допускали крещеніе, но разсматривали его какъ простой внѣшній обрядъ и совершали его только надъ взрослыми.

Такимъ образомъ догматическая часть социніанскаго ученія представляетъ, какъ мы видѣли, чистѣйшій *раціонализмъ*, хотя и основанный на евангеліи. Въ своемъ ученіи о церкви социніане хотя и признавали начальствующихъ: сеньеровъ, пресвитеровъ и даже епископовъ, но не соединяли съ этими должностями никакого іерархическаго значенія, а одно дисциплинарное: заботиться о порядкѣ церковномъ и служить нуждамъ церкви, особенно нуждамъ бѣдныхъ. Учить въ церкви, по ихъ мнѣнію, можетъ всякій, кто обладаетъ чистотою нравственной жизни и способенъ къ учительству; для этого не требуется никакого особеннаго призванія.

Въ отдѣлѣ нравственнаго ученія социніанскій катихизисъ предписывалъ обыкновенныя правила христіанской нравственности, основанныя на евангельскихъ заповѣдяхъ и Моисеевомъ десятисловіи. Оригинальная сторона этого ученія заключалась лишь въ социніанскихъ предписаніяхъ касательно празднованія седьмаго дня и вопроса о пользованіи

властью и употребленіи оружія. По первому предмету социніане учили, что Христосъ не установлялъ замѣны дня субботняго днемъ воскреснымъ, и апостолы не отмѣнили субботы, которую и сами праздновали; но такъ какъ и воскресеніе (dies dominica) было празднуемо съ древнѣйшихъ временъ христіанства, то каждому предоставляется въ этомъ отношеніи полная свобода. По вопросу о правѣ пользованія властью социніане, въ видѣ какъ-бы уступки, допускали, что, такъ какъ всякая власть отъ Бога, то поэтому истиннымъ христіанамъ не предосудительно нести обязанности правительственныя, только бы не вопреки законамъ и заповѣдямъ Христовымъ. Но за то они горячо вооружались противъ права пользованія оружіемъ, разумѣя подъ этимъ веденіе войны и право смертной казни. Они доказывали, что смертная казнь рѣзко противорѣчитъ духу христіанской любви и братской снисходительности къ проступкамъ ближнихъ, и приводили въ примѣръ Христа, отказавшагося осудить на смерть явную блудницу.

Разсматривая человѣческія отношенія исключительно съ точки зрѣнія евангельскихъ принциповъ любви и братскаго равенства, социніанство, казалось бы, не должно было оставить безъ вниманія такого явнаго попранія этихъ принциповъ, какимъ всегда и вездѣ былъ институтъ рабства или закрѣпощенія одного сословія въ пользу другихъ. Дѣйствительно, вопросъ о правѣ истинныхъ христіанъ имѣть подданныхъ или рабовъ былъ возбуждаемъ въ средѣ социніанъ еще въ 70-хъ годахъ XVI в. и, какъ кажется, рѣшался партіею чистыхъ антитринитаріевъ въ отрицательномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, въ катихизисѣ социніанскомъ мы не находимъ никакихъ указаній о взглядахъ самого Социна на этотъ вопросъ. Можно думать, что социніане находили практически неудобнымъ выступить рѣшительно съ своимъ ученіемъ о правѣ содержать рабовъ, такъ какъ это ученіе

должно было поколебать самую основу соціальнаго строя въ тогдашней Польшѣ.

Въ практической жизни одной изъ привлекательныхъ чертъ сociніанства была заботливость его послѣдователей о школахъ и образованіи. Лишь только гдѣ-либо основывалась новая социніанская община, первое, о чемъ заботились ея сеньеры, было: постройка молитвеннаго дома и школы и снабженіе послѣдней хорошими учителями. Быть можетъ, никто въ Польшѣ не сдѣлалъ такъ много для образованія въ XVI и XVII вѣкакъ, какъ именно социніане. Но за то ни въ одномъ исповѣданіи не было столько ученыхъ сеньеровъ или пасторовъ и такихъ образованныхъ учителей, какъ у соціанъ же. Вотъ почему къ нимъ часто перебѣгали ученѣйшіе протестантскіе пасторы. Изъ множества социніанскихъ школъ особенно славилась Раковская, основанная въ 1602 году и скоро везведенная на степень академіи. Слава объ учености ея профессоровъ, вызванныхъ изъ разныхъ странъ Европы, и объ успѣшности ихъ преподаванія распространилась повсюду, такъ что въ короткое время число учениковъ въ Раковской академіи достигло тысячи человѣкъ, изъ коихъ около трехсотъ принадлежали къ шляхетскому сословію. Въ числѣ ихъ были не одни дѣти социніанскихъ семействъ, но и молодые шляхтичи изъ католиковъ, протестантовъ и даже православныхъ изъ южной Руси. Въ Раковской академіи практиковалось прекрасное правило, чтобы всякій ученикъ, какого-бы званія онъ ни былъ, изучалъ сверхъ общеобразовательныхъ предметовъ еще и какое-либо ремесло. Это весьма цѣнилось родителями средняго класса и особенно трудолюбивымъ и предпріимчивымъ населеніемъ самого Ракова. Вообще исторія Раковской общины крайне интересна: она даетъ наглядное понятіе о характерѣ и направленіи социніанской секты, ибо здѣсь она достигла найболѣе полнаго своего обнаруженія. Основанный въ 1569 г.,

среди песчаныхъ пустырей, Раковъ былъ заселенъ разновѣрцами и преимущественно антитринитаріями, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ города Янъ Сенинскій. Пользуясь предоставленной имъ полною свободой, сектанты, сильные духомъ братства и свойственнымъ всякой религіозной корпораціи воодушевленіемъ, энергично взялись за дѣло, и въ короткое время новая колонія стала цвѣтущимъ и многолюднымъ городомъ, съ прекрасными домами, отлично обработанными полями и огородами, съ развитой торговлей, ремеслами, промыслами и фабриками. Съ 1575 года здѣсь появляется типографія, для нуждъ которой заводится значительная бумажная фабрика. Съ открытіемъ академіи Раковъ вступаетъ въ періодъ высшаго своего процвѣтанія и съ этого времени окончательно пріобрѣтаетъ значеніе главной, какъ бы центральной социніанской общины. Социніане усваиваютъ ему громкое названіе „*сарматскихъ Аѳинъ*“, указывающее на высокое развитіе здѣсь научной и литературной дѣятельности.

Кромѣ Ракова, социніане имѣли въ разныхъ мѣстахъ Польши и Литвы множество и другихъ общинъ, коихъ они въ началѣ XVI в. насчитывали до 150-ти; но мы не будемъ перечислять ихъ, а перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о распространеніи и судьбѣ социніанства въ собственно русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой и особенно на Волыни и Украйнѣ.

Мы уже упомянули, что въ Литвѣ и прилегавшей къ ней западной Руси проповѣдь антитринитаріанства во второй половинѣ XVI вѣка шла одновременно съ двухъ сторонъ: въ Бѣлоруссіи и другихъ западно-русскихъ мѣстностяхъ ученіе это было распространяемо московскими выходцами ѳеодосіанами и ихъ дружиной, а изъ внутренней Литвы такая же пропаганда шла со стороны польскихъ и другихъ захожихъ антитринитаріевъ. Проповѣдь ѳеодосіанъ, совер-

шаемая русскими людьми и на русскомъ языкѣ, имѣла необыкновенный успѣхъ среди западно-русскаго населенія. Одинъ изъ тогдашнихъ православныхъ апологетовъ (Зиновій Отенскій) съ прискорбіемъ признается, что еретики пріобрѣли многихъ послѣдователей не только изъ людей небоящихся Бога и грѣхолюбивыхъ, но и богобоязненныхъ и смиренныхъ, въ числѣ коихъ были даже православные священники и другія духовныя лица. „По истинѣ, восклицаетъ онъ, какъ Магометъ развратилъ своимъ ученіемъ востокъ, Лютеръ западъ, такъ Ѳеодосій Литву“! Но и заносное антитринитаріанство имѣло неменьшій успѣхъ въ Литвѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно пріобрѣло здѣсь могущественнаго патрона въ лицѣ каштеляна виленскаго Яна Кишки, богача, владѣвшаго 70-ю мѣстечками и 400 селами. Это былъ потомокъ старинной литовско-русской фамиліи, получившій заграницей блестящее образованіе [1]) и женатый на дочери князя Константина Острожскаго. Сдѣлавшись усерднымъ послѣдователемъ антитринитаріанства, Кишка собиралъ у себя учителей этой секты, отдавалъ имъ находившіяся въ его имѣніяхъ протестантскія и даже католическія и православныя церкви, созывалъ соборы. устраивалъ школы и заводилъ типографіи, въ коихъ съ 1574 года начали во множествѣ издаваться антитринитаріанскія сочиненія. Таковы были типографіи: въ Лозкахъ (ошмянскаго уѣзда, виленск. губ.), Любчѣ (новогрудск. уѣзда, минской губ.), Заславѣ (минскаго уѣзда) и въ Несвижѣ [2]) (слуцк. уѣзда, минской губ.), гдѣ въ 1570 г. былъ напечатанъ социніанскій переводъ библіи, совершенный при главномъ участіи извѣстнаго соци-

---

[1]) Янъ Кишка былъ ученикомъ и восторженнымъ почитателемъ извѣстнаго Кастальона, которому онъ по его смерти поставилъ богатый монументъ. Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 82.

[2]) Послѣдній городъ находился въ числѣ имѣній князей Радзивиловъ.

ніанскаго ученаго Симеона Буднаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ могущественныхъ средствахъ пропаганды, антитринитаріанство съ поразительной быстротой охватило всю Литву и западную Русь и причинило немалый ущербъ православію въ этихъ странахъ. О размѣрахъ этого ущерба мы можемъ отчасти судить по одному свидѣтельству извѣстнаго іезуита Петра Скарги, который въ своемъ сочиненіи о Брестскомъ соборѣ 1596 года, упрекая православныхъ за дружбу съ аріанами, говоритъ, что эти мнимые друзья, а на самомъ дѣлѣ волки, въ одномъ новогрудскомъ воеводствѣ отняли до 650 православныхъ церквей и упразднили въ нихъ службу Божію, и что изъ 600 дворянскихъ фамилій этого воеводства едвали осталось *шестнадцать* такихъ, которые ушли отъ еретической новокрещенской, т. е. антитринитаріанской, заразы. Конечно, въ словахъ Скарги есть извѣстная доля преувеличенія; но что православіе несло въ Литвѣ и западной Руси большія потери со стороны антитринитаріанской пропаганды, это фактъ несомнѣнный. Кромѣ новогрудскаго воеводства [1]), тоже самое можно сказать о воеводствахъ: брестскомъ, въ коемъ раньше и быстрѣе всего распространилась секта, минскомъ, виленскомъ, витебскомъ и другихъ мѣстностяхъ западно-русскаго края.

Мы сказали уже, что въ Литвѣ антитринитаріанство первоначально утвердилось въ формѣ его крайняго или полужидовствующаго направленія, почвой для котораго служили издавна таившіяся здѣсь сѣмена мѣстнаго раціоналистически-жидовствующаго вольномыслія, оживленнаго проповѣдью ѳеодосіанъ. Но съ конца XVI в. оно и здѣсь постепенно смѣняется чистымъ социніанствомъ, на сторону кото-

[1]) Въ Боркулабовской хроникѣ подъ 1592 г. есть такая замѣтка: «Въ Новогородку—рѣчка Братянка, где ся новокрещенцы понуряютъ (т. е. совершаютъ свое крещеніе). Тамъ же пани Жабиная понурила съ челядью своею». (Матер. для Истор. Возсоед. Руси, Кулиша т. I. стр. 60).

раго одинъ за другимъ переходятъ выдающіеся вожаки секты, наприм, Симеонъ Будный, Мартинъ Чеховичъ и др. При этомъ наблюдается слѣдующее любопытное явленіе: въ то время, какъ въ Польшѣ, южной Руси и другихъ мѣстностяхъ реформа Фавста Социна способствовала лишь большему укрѣпленію и распространенію секты, въ литовской Руси замѣчается какъ будто обратное явленіе. Въ XVII в. антитринитаріанство далеко не имѣло здѣсь такой силы, какъ въ предшествовавшемъ столѣтіи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже встрѣчаются о немъ извѣстія. Раньше всего социніанство исчезаетъ въ Бѣлоруссіи. Долѣе всего держится оно въ предѣлахъ Вильны и Новогрудка; но и здѣсь въ одномъ лишь Любчѣ социніанская община удерживается до 1655 г., остальныя же гораздо раньше прекращаютъ свое существованіе: несвижская около 1586 года, лозская также въ концѣ XVI ст., а въ Новогрудкѣ социніанская община была закрыта въ 1618 году, по распоряженію короля Сигизмунда III. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ другихъ причинъ, способствовавшихъ упадку социніанства въ Литвѣ, много значила смерть могущественнаго покровителя секты Яна Кишки (въ 1592 г.) и переходъ его богатыхъ помѣстій къ членамъ католическихъ и протестантскихъ фамилій.

Изъ Литвы и Бѣлоруссіи перейдемъ въ другую южнорусскую область, въ которой социніанство надолго свило себѣ теплое гнѣздо: разумѣемъ старинный центръ южнорусской культуры—Волынь. Когда въ концѣ первой половины XVI в. потоки реформаціи достигли южной Руси, волынцы заплатили обильную дань вѣку и, по словамъ современника, „охотно ринулись въ пространный и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и другихъ различныхъ сектъ“ [1]); но протестанство, съ его холоднымъ формализмомъ, не надолго

[1]) Сказанія князя Курбскаго, I, 84.

удовлетворило ихъ, и лишь только возникло болѣе радикальное антитринитаріанство, волынцы съ такою же охотою ринулись въ пространный и широкій путь новаго ученія. Извѣстный московскій выходецъ князь Андрей Курбскій, жившій здѣсь съ 1564 по 1586 г., съ прискорбіемъ признавался, что въ его время язвою этого ученія была заражена мало не вся Волынь [1]). Проповѣдь антитринитаріанства одновременно направлялась сюда съ двухъ сторонъ: съ Литвы и Польши. Съ литовской Руси новое ученіе было принесено сюда, между прочимъ, извѣстными уже намъ ѳеодосіанами, а около 1575 г. мы встрѣчаемъ здѣсь и самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ. Послѣдній нашелъ здѣсь пріютъ и покровительство въ домѣ знатнаго пана Кадьяна *Чаплича-Шпановскаго*, потомка старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей на Волыни громадными имѣніями; а Ѳеодосій Косой жилъ у какого-то другаго волынскаго пана. Изъ переписки князя Курбскаго съ Чапличемъ видно, что послѣдній сильно склонялся въ сторону антитринитаріанскихъ мнѣній и, бывая въ гостяхъ или на съѣздахъ въ обществѣ волынскихъ пановъ, любилъ заводить вольнодумныя бесѣды, состоявшія въ еретическихъ толкованіяхъ разныхъ мѣстъ свящ. писанія, въ кощунственныхъ отзывахъ о догматахъ и святыняхъ христіанскихъ, въ нападкахъ на епископовъ и монаховъ за ихъ корыстолюбіе и сластолюбіе, въ неуважительныхъ отзывахъ о твореніяхъ св. отцевъ и т. под. Бесѣды эти велись „съ жартами и шутками“, чаще всего за веселой пирушкой, съ кубками мальвазіи въ рукахъ [2]). Одновременно съ Кадьяномъ Чапличемъ жилъ на Волыни и другой Чапличъ, родственникъ перваго, котораго социніанскіе писатели называютъ патрономъ антитринитаріанской секты: то былъ Иванъ Чап-

---

[1]) Сказ. князя Курбскаго, II, 224.

[2]) Тамъ-же, I, стр. 183—190.

личъ-Шпановскій, сначала войскій луцкій, а потомъ каштелянъ кіевскій. Онъ пользовался репутаціею образованнаго человѣка и знающаго юриста и потому былъ выбранъ въ 1589 году депутатомъ отъ воеводства волынскаго въ коммисію для исправленія статута, „яко человѣкъ до того годный и права умѣетный“ [1]). Замѣтимъ, что съ этихъ двухъ лицъ начинается цѣлый рядъ антитринитаріевъ въ фамиліи Чапличей, съ которыми мы еще встрѣтимся позже.

Кромѣ Игнатія и Косого, въ письмахъ Курбскаго сообщаются свѣдѣнія еще объ одномъ волынскомъ проповѣдникѣ антитринитаріанства—*Мотовилѣ*, который служилъ у князя Константина Острожскаго и пользовался его благосклонностью. Изъ характеристики его ученія, сдѣланной Курбскимъ, видно, что этотъ Мотовило, по происхожденію очевидно южноруссъ, принадлежалъ къ партіи чистыхъ антитринитаріевъ. Онъ отвергалъ предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца и полагалъ начало бытія Его отъ Маріи, не вѣря пророческимъ и апостольскимъ рѣчамъ о предвѣчномъ рожденіи Его, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придерживался и нѣкоторыхъ полужидовствующихъ мнѣній, напр. о томъ, что Христосъ еще прійдетъ на землю и установитъ тысячелѣтнее царство вѣрнымъ своимъ, въ которомъ они будутъ ѣсть, пить и веселиться подъ лозами виноградными. По всему видно, что, независимо отъ своихъ еретическихъ вѣрованій, Мотовило былъ знающій и образованный человѣкъ, и князь Острожскій пользовался услугами его какъ писателя. Такъ, когда въ 1577 года іезуитъ Петръ Скарга издалъ посвященную князю Острожскому книгу „О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства“, въ которой излагался проэктъ уніи, то Мотовило, по желанію князя, написалъ ея опроверженіе.

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. II, т. I, 32.

Сочиненіе Мотовила было одобрено княземъ Острожскимъ и онъ послалъ экземпляръ его строгому ревнителю православія князю Курбскому въ подарокъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе: „Я уже не могу понять, отвѣчалъ онъ князю: откуда пришла вашему величеству мысль прислать мнѣ книгу, сочиненную сыномъ діавола, явнымъ врагомъ Христа, вѣрнѣе сказать, помощникомъ и прямымъ слугою антихриста! О бѣда, достойная плача! О горе, злѣйшее всякаго другаго! Въ такую дерзость и глупость („стултицію“) вдалися вожди христіанскіе, что не только не стыдятся держать и кормить въ своихъ домахъ этихъ ядовитыхъ драконовъ, но берутъ ихъ въ защитники и помощники себѣ и, что еще удивительнѣе, этимъ духовнымъ бѣсамъ поручаютъ охранять церковь Божію и велятъ имъ писать книги противъ полувѣрныхъ латинянъ. О слѣпота и безуміе! Кто слышалъ, кто видѣлъ отъ вѣка, чтобы волка поставлять стражемъ овецъ и ядовитаго аспида дѣлать опекуномъ дѣтей? А тутъ дѣлается нѣчто болѣе удивительное и тысячу разъ худшее: ставятъ защитниками православной церкви учениковъ Павла Самосатскаго, Фотина и Арія... Государь мой возлюбленный! И ты еще не стыдишься дружиться и имѣть общеніе съ подобными людьми! Или ты уже пересталъ слушать и отвергся пророковъ и апостоловъ, которые запрещаютъ вѣрнымъ имѣть общеніе съ еретиками, какъ врагами Божіими“ [1]). Таковъ былъ взглядъ сѣвернорусса Курбскаго на отношенія къ еретикамъ-иновѣрцамъ. Но князь Острожскій совсѣмъ не раздѣлялъ этого взгляда. Не смотря на мольбы и убѣжденія Курбскаго, онъ не прекращалъ сношеній съ антитринитаріями и продолжалъ пользоваться ихъ литературными услугами; такъ, извѣстный „Апокрисисъ“ Христофора Филалета (псевдонимъ), изданный въ защиту православнаго брестскаго

---

[1]) Сказаніе Курбскаго, II, 216—226.

собора 1596 года противъ книги іезуита Скарги о томъ же соборѣ, по свидѣтельству латино-уніатскихъ и частью нѣкоторыхъ православныхъ писателей, былъ составленъ антитринитаріемъ Христофоромъ Бронскимъ, за что князь Острожскій подарилъ автору одно изъ своихъ многочисленныхъ имѣній на Волыни. Того же взгляда держались и другіе южнорусскіе паны, какъ православные, такъ и католики, цѣнившіе въ иновѣрцахъ прежде всего образованныхъ людей и поручавшіе имъ не рѣдко даже воспитаніе своихъ дѣтей. Извѣстный своею преданностью католицизму канцлеръ коронный Янъ Замойскій приглашалъ для основанной имъ въ Замостьи академіи учителей изъ разныхъ исповѣданій и въ числѣ ихъ—антитринитаріевъ. Даже православныя братства приглашали иногда преподавателями въ свои школы иновѣрцевъ, какъ поступило напр. виленское братство, получившее за это упрекъ со стороны членовъ братства львовскаго.

Впрочемъ, что касается личныхъ отношеній князя Константина Острожскаго къ социніанамъ, то не одинъ Курбскій находилъ эти отношенія непозволительно-дружественными. Сами социніанскіе писатели считали князя Острожскаго покровителемъ и даже тайнымъ послѣдователемъ ихъ секты [1]), и на этомъ основаніи одинъ изъ писателей-социніанъ Эразмъ Отвиновскій посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій [2]). Конечно, князь Острожскій не могъ раздѣлять основныхъ социніанскихъ догматовъ, ибо они рѣзко противорѣчили его православнымъ убѣжденіямъ; но что онъ очень благоволилъ къ социніанамъ и симпатизировалъ имъ преимущественно предъ другими протестантами, къ которымъ вообще онъ былъ расположенъ,—это фактъ несомнѣнный. Я

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum. p. 283.

[2]) Ibid., p. 83. Это были притчи Христовы, изложенныя польскими стихами.

не стану ссылаться на близкое родство Острожскаго съ извѣстнымъ патрономъ социніанской секты въ Литвѣ, Яномъ Кишкой, женатымъ на его дочери, а укажу на одно письмо къ нему епископа владимірскаго Ипатія Потѣя отъ 25 марта 1595 года[1]). Изъ этого письма видно, что князь Острожскій упрекалъ православныхъ іерарховъ въ томъ, что они не заботятся о просвѣщеніи церковномъ, что неоднократныя постановленія соборовъ объ открытіи въ юго-западной Руси школъ, типографій и проч. не приводятся ими въ исполненіе, и наконецъ съ укоризной указывалъ имъ на примѣръ иновѣрцевъ и именно *социніанъ*, у которыхъ есть и школы, и типографіи, и хорошіе проповѣдники. Дѣйствительно, всѣмъ этимъ славились социніане и превосходили въ этомъ отношеніи даже протестантовъ. Но спрашивается: гдѣ видѣлъ эти порядки социніанскихъ общинъ князь Острожскій? Неужели только въ Польшѣ или въ Литвѣ? Но то были слишкомъ далекіе примѣры для волынскихъ іерарховъ; между тѣмъ въ указаніи князя какъ-бы слышится ссылка на такіе образцы для подражанія, которые находились у каждаго предъ глазами. Поэтому невольно возникаетъ предположеніе: не было-ли въ то время социніанскихъ общинъ на самой Волыни? Если, по свидѣтельству Курбскаго, еще въ 60-хъ годахъ XVI вѣка мало не вся Волынь была заражена антитринитаріанскимъ ученіемъ, то невозможно предположить, чтобы въ теченіе послѣдующихъ 20—30-ти лѣтъ послѣдователи этого ученія не организовались въ правильныя общины и не имѣли молитвенныхъ домовъ. Въ 1599 году уніатскіе священники луцкой соборной церкви жаловались въ судъ, что панъ Станиславъ Кандыба, писарь гродскій владимірскій и вмѣстѣ слуга князя Константина Острожскаго, отнялъ церковное имѣніе с. Водырады (луцкаго у. волынск. губ.) и,

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 93.

будучи самъ аріаниномъ т, е. социніаниномъ, опустошилъ находившуюся тамъ церковь: утварь церковную, книги, звоны и образа „побралъ и попсовалъ и хвалу божую въ нивечъ обернулъ“, т. е. обратилъ ее въ молитвенный социніанскій домъ[1]). Если въ 1599 г. волынскіе социніане пріобрѣтали такіе дома даже путемъ насилія, то раньше они могли просто строить ихъ или пріобрѣтать инымъ, мирнымъ путемъ. А разъ социніанскія общины на Волыни имѣли молитвенные дома, необходимо допустить, что у нихъ были и школы. Правда, первое опредѣлительное указаніе о существованіи здѣсь социніанскихъ школъ мы встрѣчаемъ лишь около 1614 года, но это не исключаетъ возможности предполагать, что онѣ существовали на Волыни и раньше, еще въ XVI столѣтіи. Нѣкоторое подтвержденіе этому предположенію надѣемся найти въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Недавно въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей найдена рукопись, заключающая въ себѣ малорусскій переводъ всего Новаго Завѣта. По внимательномъ разсмотрѣніи текста и многочисленныхъ примѣчаній къ нему, сдѣланныхъ переводчикомъ, а равно изъ составленнаго имъ обстоятельнаго предисловія, стало яснымъ, что переводъ сдѣланъ въ духѣ социніанскаго вѣроученія и оригиналомъ для него послужилъ, какъ кажется, польскій социніанскій же переводъ Мартина Чеховича, изданный въ Раковѣ въ 1577 году, хотя малорусскій переводчикъ и увѣряетъ, что онъ сверхъ того имѣлъ подъ рукою старинные греческіе и латинскіе тексты. Имя этого переводчика—*Валентинъ Негалевскій*, а совершилъ онъ свой замѣчательный трудъ *въ 1581 году*, въ с. *Хорошовѣ*, нынѣ острожскаго уѣзда волынской губерніи. По всему видно, что этотъ Негалевскій, очевидно южнорусскій дворянинъ, былъ очень образованный человѣкъ, знавшій хорошо латинскій и греческій языки и

---

[1]) См. въ настоящемъ томѣ документъ № CI.

знакомый съ правилами библейской экзегетики и научными критическими пріемами. Но при всемъ этомъ трудно повѣрить, чтобы такой важный трудъ, какъ переводъ всего Новаго Завѣта, могъ быть предпринятъ *однимъ* лицемъ и притомъ заброшеннымъ въ какое-то глухое и малоизвѣстное село на Волыни. Въ своемъ предисловіи „до ласкавого чителника“ самъ Негалевскій, упоминая о трудности предпринятаго имъ дѣла, говоритъ, что онъ „не самъ з своеи властное хути“, полагаясь лишь на „розумъ свой и умиетность“ отважился „съ польского языка на речь рускую письма нашого нового тестаменту пореложити, а учинилъ то за намовою и напоминанемъ многихъ учоныхъ, богобойныхъ а слово Божее милуючихъ людей, которые писма полского читати не умеютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣютъ“. Признавая за своимъ трудомъ извѣстную степень несовершенства, вслѣдствіе трудности самаго дѣла, онъ отдаетъ свою „працу на разсудокъ иншихъ, ученшихъ од мене людей“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что во время Негалевскаго на Волыни было уже много его единовѣрцевъ-социніанъ, не знавшихъ другаго языка, кромѣ южнорусскаго, по просьбамъ и настояніямъ которыхъ былъ предпринятъ и самый переводъ Новаго Завѣта; а во вторыхъ, что переводчикъ, какъ образованный социніанинъ, былъ здѣсь далеко не одинокъ: при немъ должны были находиться способные и образованные помощники, на судъ которыхъ онъ отдавалъ свою „працу“; ибо только въ кружкѣ такихъ лицъ могла зародиться и быть приведена въ исполненіе смѣлая идея перевода на народный языкъ всего Новаго Завѣта [1]). А такую коллегію ученыхъ социніанъ

---

[1]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что малорусскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1581 г. Негалевскимъ, представляетъ далеко не первый и не единственный опытъ въ этомъ родѣ. Со времени изданій доктора Скорины, мысль о переводѣ священныхъ книгъ на общенарод-

трудно и представить въ с. Хорошовѣ иначе, какъ въ роли учителей долженствовавшей находиться тамъ или гдѣ-либо по близости социніанской школы. Объ этомъ можно заключать отчасти изъ того, что Хорошовъ состоялъ тогда въ числѣ имѣній богатыхъ южнорусскихъ пановъ Сенютъ-Ляховецкихъ, которые становятся извѣстными въ началѣ XVII в., какъ ревностные покровители социніанской секты, создавшіе для нея видный центръ на Волыни въ своей резиденціи, мѣст. Ляховцахъ, недалеко отъ Хорошова.

Такимъ образомъ въ новооткрытомъ малорусскомъ переводѣ евангелія мы имѣемъ новый литературный памятникъ социніанской пропаганды въ средѣ южнорусскаго населенія [1]).

ный языкъ никогда не умирала въ юго-западной Руси. Литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568 г. «Учительному Евангелію», сознается, что онъ имѣлъ намѣреніе переложить эту книгу «вырозумѣня ради простыхъ людей», на «простую мову», но не рѣшился только изъ опасенія ошибокъ. А раньше его въ 1556—1561 гг. пересопницкій архимандритъ Григорій перевелъ полное четвероевангеліе «на мову русскую изъ языка болгарского», т. е. съ церковнославянскаго языка на ту малорусскую рѣчь, какою говорили въ то время. Переводъ этотъ предназначался не только для частнаго чтенія, но и для церковно-богослужебнаго употребленія. (См «Описаніе пересопницкой рукописи XVI в.» въ «Трудахъ III Археологическаго Съѣзда» 1874 г.). А спустя лѣтъ двадцать, около 1580 г., т. е. въ то самое время, когда Негалевскій трудился надъ своимъ переводомъ, какое-то малорусское евангеліе было даже напечатано, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, въ два столбца, въ типографіи Василія Тяпинскаго (Исторія Русс. Церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 475). Кромѣ того намъ извѣстны указанія о существованіи двухъ рукописныхъ южнорусскихъ переводовъ евангелія—въ рукописномъ отдѣлѣ виленской публичной библіотеки и въ Москвѣ, въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея. Послѣдняя находка рукописи Негалевскаго даетъ основаніе думать, что періодъ подобныхъ открытій у насъ далеко еще не законченъ.

[1]) Другимъ литературнымъ памятникомъ такой же пропаганды можетъ служить составленное социніанами подложное «Письмо половца Ив. Смеры» къ велик. князю Владиміру св., будто бы найденное около 1567 г. въ церкви св. Спаса въ области перемышльской, неподалеку

Что переводчикъ имѣлъ въ виду и православныхъ читателей, видно изъ того, что, кромѣ дѣленія текста на главы, онъ удержалъ и церковное дѣленіе по зачаламъ. Изъ надписей же, сохранившихся въ рукописи, видно, что она преимущественно ходила по рукамъ православнаго духовенства. Есть также подпись конца XVI или начала XVII вв. какого-то „раба Божія Леонтія Сидоровича“, очевидно грамотѣя—мѣщанина; и наконецъ въ 1610 г. въ книгѣ своеручно расписался бывшій запорожскій гетманъ „Гавриел Крутневичъ, козакъ запорожский, мешкаючий в Каневѣ“.

Чтобы покончить съ XVI вѣкомъ, намъ остается замѣтить, что, какъ въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ, такъ и на Волыни, въ этомъ столѣтіи было распространено раньше антитринитаріанство крайняго или полужидовствующаго направленія, но къ началу XVII вѣка оно и здѣсь смѣнилось чистымъ социніанскимъ ученіемъ. Грубыя измышленія невѣжественныхъ ѳеодосіанъ, не смотря на проживательство на Волыни самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ, имѣли здѣсь наименьшій успѣхъ. Патронъ Игнатія, Кадьянъ Чапличъ, въ спорахъ съ Курбскимъ энергично отстаивалъ авторитетъ Лютера и ссылался на какихъ-то „инославныхъ“ богослововъ; а его внуки выступаютъ уже какъ чистые социніане. Дольше всего ученіе ѳеодосіанъ удержалось въ сосѣднемъ съ Волынью Полѣсьи, куда оно было занесено, быть можетъ, самимъ Игнатіемъ. Здѣсь представителемъ ѳеодосіанскихъ идей является нѣкто Стефанъ Григорьевичъ Лованъ, земскій судья въ Мозырѣ. По жалобѣ мозырскаго маршалка Стефана Лозки, онъ въ 1591 году былъ позванъ въ трибунальскій судъ за то, что отрицалъ таинство св. Троицы, божество Іисуса Христа и св. Духа и

г. Самбора, гдѣ похороненъ славный галицкій князь Левъ. См. изслѣдованіе объ этомъ Письмѣ г. Малышевскаго, въ Трудахъ Кіевск. дух. Академіи» 1876 г.

вообще хульно говорилъ о Богѣ, отвергалъ безсмертіе души, рай, адъ, судъ и будущую жизнь [1]). Здѣсь мы видимъ религіозное вольномысліе, доведенное до самой крайней степени отрицанія, до котораго оно не доходило ни у одного изъ антитринитаріанскихъ учителей, но почти доходило у Θеодосія Косого и его дружины.

Первая четверть XVII ст. была временемъ высшаго процвѣтанія социніанской секты, какъ вообще во всемъ королевствѣ польскомъ, такъ и въ частности на Волыни. Здѣсь въ это время возникаетъ рядъ социніанскихъ общинъ, съ школами и знаменитыми учителями и проповѣдниками. Секта пріобрѣтаетъ многочисленныхъ послѣдователей и покровителей среди южнорусскихъ пановъ, представителей весьма извѣстныхъ фамилій. Первое мѣсто среди такихъ патроновъ безспорно принадлежало фамиліи дворянъ *Чапличей-Шпановскихъ*. Сынъ извѣстнаго уже намъ Кадьяна Чаплича, Θедоръ, судья земскій луцкій, былъ человѣкъ православный. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и вмѣстѣ съ другими православными волынскими депутатами подписалъ соборный протестъ противъ дѣйствій представителей уніатской партіи [2]). Но изъ четырехъ его сыновей старшіе два, Мартинъ и Юрій являются ревностнѣйшими послѣдователями социніанской секты. Можно предполагать, что они учились въ открытой не задолго предъ тѣмъ раковской социніанской академіи; по крайней мѣрѣ уже въ ранней молодости они состояли въ связи съ выдающимися представителями социніанства и исполняли важныя порученія въ интересахъ секты [3]).

---

[1]) Чтенія въ Императ. Моск. Общ. исторіи и древн. рос., 1846 г., № 1, стр. 11.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, т. I части 1-й, стр. 516.

[3]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 270.

Это показываетъ, какою извѣстностью и довѣріемъ въ сектѣ пользовались уже въ то время молодые Чапличи.

Вступивъ по смерти отца во владѣніе богатѣйшими имѣніями на Волыни, Чапличи не замедлили воспользоваться своимъ состояніемъ, чтобы принести найбольшую пользу дѣлу социніанства, и съ жаромъ принялись за насажденіе и распространеніе секты на своей родинѣ. Особенною энергіей въ этомъ отношеніи отличался въ теченіе всей своей жизни младшій братъ, Юрій, владѣлецъ Шпанова, Киселина и многихъ другихъ богатыхъ помѣстій. Онъ основалъ въ своей резиденціи мѣст. *Киселинѣ* [1]) социніанскую общину, построилъ для нея богатый каменный храмъ, обращенный впослѣдствіи въ католическій костелъ, и завелъ школу. Однимъ изъ первыхъ пасторовъ киселинской общины былъ южноруссъ Матвѣй Твердохлѣбъ, около 30 лѣтъ занимавшій эту должность. Скоро послѣ того, именно около 1614 года, въ Киселинѣ было открыто Чапличемъ высшее социніанское училище, первымъ ректоромъ котораго состоялъ весьма долгое время волынскій дворянинъ Евстафій Кисель. Это былъ ученый и хорошо знавшій языки человѣкъ, занимавшійся и литературными трудами. Такъ онъ перевелъ на греческій языкъ извѣстную книгу Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“ и напечаталъ свой трудъ въ 1626 г. во Франкфуртѣ на Одерѣ; а въ 1631 году, скоро послѣ выхода въ свѣтъ изданной Мелетіемъ Смотрицкимъ „Апологіи“, въ которой послѣдній упрекалъ православную церковь и ея представителей въ сочувствіи къ ученію протестантовъ и другихъ еретиковъ, тотъ-же Евстафій Кисель, подъ псевдонимомъ Геласія Диплица, издалъ и посвятилъ Петру Могилѣ свою „Антипологію“, направленную противъ книги Смотрицкаго. Этотъ фактъ всего лучше обрисовываетъ тогдашнія отношенія между

---

[1]) Въ нынѣшнемъ Владимірскомъ у. Волынск. губ.

православными и социніанами. Изъ преемниковъ Евстафія Киселя по ректорству въ киселинской школѣ сохранились имена: Людвига Hollaisen, Петра Стегмана и Теодора Симонида (иначе называвшагося Филиппъ Cosmius), родомъ изъ Голштиніи, написавшаго какое-то сочиненіе о папствѣ [1]) въ то-же время братъ Юрія, Мартинъ Чапличъ, основалъ социніанскую общину въ своемъ имѣніи *Берескѣ*, неподалеку отъ Киселина, гдѣ также была устроена социніанская школа, хотя и ниже киселинской. Можно предполагать, что социніанскія общины были и въ другихъ имѣніяхъ Чапличей, напр. въ *Галичанахъ*, гдѣ подобная община встрѣчается впослѣдствіи. Въ той же мѣстности (въ теперешнемъ владиміръ-волынск. уѣздѣ) проживалъ еще одинъ социніанскій патронъ, земскій владимірскій судья Гавріилъ *Иваницкій*, въ имѣніи котораго с. *Иваничахъ* также существовала община социніанская съ молельней.

Другой центральный пунктъ социніанства на Волыни находился въ нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ, въ м. *Гощѣ*. Владѣльцы этого мѣстечка, Гавріилъ Гойскій, каштелянъ кіевскій, и его братъ Романъ были лица православныя, но, подобно князю Острожскому, покровительственно относились къ социніанамъ, особенно Романъ, староста владимірскій, котораго социніанскіе писатели включали, наравнѣ съ кн. Острожскимъ, въ число тайныхъ послѣдователей секты. Въ Гощѣ съ самаго начала XVII (а можетъ быть даже съ конца XVI) столѣтія прочно утвердились социніане и завели здѣсь свои школы, подобныя киселинской, существовавшія до 1639 г. Изъ профессоровъ этихъ школъ извѣстны: Теофилъ Молиторъ, Даніилъ Durossius, Войтехъ Caperius и славный докторъ медицины Соломонъ Палюдіусъ [2]). А недалеко отъ Гощи,

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143. — Любенецкій, Historia Reform. Polon., p. 227.

[2]) Любенецкій, Historia Reform. Polon., p. 276.

въ с. *Бабинѣ*, жилъ панъ Василій *Бабинскій*, который, изъ православія перейдя въ социніанство, отобралъ старожитную православную церковь въ с. Бабинѣ, въ которой были погребены тѣла его предковъ, и обратилъ ее въ молитвенный домъ для своихъ единовѣрцевъ [1]). Тамъ-же неподалеку лежали помѣстья какого-то п. *Ягодинскаго*, социніанина, на котораго въ 1639 году была подана жалоба, что онъ съ кощунственною цѣлью приказалъ подрубить крестъ съ распятіемъ, стоявшій на выгонѣ м. Гощи [2]).

Въ томъ-же нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ волынск. губ. находился третій выдающійся центръ социніанскій, именно м. *Ляховцы*. Здѣсь еще во 2-й половинѣ XVI в. утвердились протестанты, какими были и владѣльцы мѣстечка паны *Сенюты*, представители старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными помѣстьями въ повѣтахъ луцкомъ и кременецкомъ. Одинъ изъ нихъ, именно Павелъ-Крыштофъ Сенюта, принявъ католицизмъ, выгналъ изъ Ляховцевъ протестантовъ и началъ въ 1612 г. строить костелъ доминиканскій. Отправившись затѣмъ съ паломническою цѣлью въ Римъ, Сенюта вернулся изъ-заграницы ревностнымъ социніаниномъ, основалъ въ Ляховцахъ социніанскую общину, пригласилъ для нея пастора и до конца жизни былъ усерднымъ покровителемъ секты. Можно думать, что совращеніе Сенюты въ социніанство совершилось не безъ вліянія его родственника Мартина Чаплича, женатаго на его родной сестрѣ Катеринѣ Сенютиной; при томъ же самъ Павелъ Сенюта былъ женатъ на Катеринѣ Немиричовнѣ, дочери кіевскаго подкоморія Стефана Немирича, извѣстнаго социніанина. Такимъ же усерднымъ покровителемъ социніанской секты былъ и братъ Павла, Петръ Сенюта, владѣвшій на Волыни м. Ка-

---

[1]) Книга актовая кіевскаго центр. архива 1633 года, № 2465, л. 148.
[2]) Такая-же книга 1639 года, № 2475, л. 516.

менемъ и Радогощей. Можно думать, что въ Ляховцахъ существовала и школа социніанская. Неподалеку отъ Ляховцевъ находится с. *Тихомль*, которымъ тогда владѣлъ племянникъ Павла, Аврамъ Сенюта, также социніанинъ. Здѣсь на горѣ, за окопомъ, сохранилась и по-нынѣ четырехугольная каменная башня или каплица, прозываемая въ народѣ *аріанскою* и служившая когда-то молитвеннымъ домомъ для тамошней социніанской общины [1]). Наконецъ, въ той же мѣстности лежитъ и с. *Хорошовъ*, гдѣ еще въ 1581 г. социніанинъ Негалевскій совершилъ свой малорусскій переводъ Новаго Завѣта.

Мы перечислили здѣсь только болѣе выдающіеся пункты социніанской секты на Волыни въ первой четверти XVII в., о которыхъ сохранились сколько-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія; но можно полагать, что число социніанскихъ общинъ въ то время было здѣсь гораздо больше. Къ 30-мъ годамъ того же столѣтія социніанская пропаганда на Волыни замѣтно разширилась и число послѣдователей секты увеличилось. Кромѣ перечисленныхъ уже нами лицъ, вотъ списокъ

---

[1]) Эту каплицу мы имѣли случай лично осмотрѣть лѣтомъ 1882 г. Въ мѣстномъ населеніи сохранилось слѣдующее темное воспоминаніе о Сенютахъ—социніанахъ. Въ окрестности Ляховцевъ встрѣчается множество отдѣльно разбросанныхъ кургановъ. Народъ утверждаетъ, что *«то все лежатъ Сенюты»*. Точно-ли то социніанскія могилы—объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, пока не будутъ произведены археологическія разысканія. Дѣйствительно, у социніанъ былъ обычай хоронить своихъ покойниковъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, большею частію на горѣ, и насыпать надъ ихъ могилами высокіе курганы или ставить каменныя башни. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одной особенности похоронныхъ социніанскихъ обычаевъ. Въ окрестностяхъ Пинчова польскій археологъ Тадеушъ Чацкій раскопалъ нѣсколько могилъ социніанскихъ и у каждаго покойника нашелъ въ рукахъ металлическую дощечку съ надписью: «scio, cui credidi», т. е. знаю, чему я вѣрилъ, а при боку закупоренную стеклянную бутылку, въ которую было вложено краткое жизнеописаніе умершаго. (Балинскій, Starożytna Polska, т. II, 357).

волынскихъ дворянъ того времени, о социніанствѣ которыхъ сохранились болѣе или менѣе опредѣленныя извѣстія: Адамъ Гулевичъ-Воютинскій, поборца воеводства волынскаго, и его братъ Александръ; Линевскій Стефанъ, судья гродскій, и его братъ Михаилъ, депутатъ люблинскаго трибунала отъ воеводства волынскаго въ 1638 г.; Иваницкіе—Товія, женатый на дочери Мартина Чаплича, Матвѣй и Павелъ,—сыновья извѣстнаго уже намъ подстаросты владимірскаго Гавріила Иваницкаго; Самуилъ Холоневскій [1]) и Александръ Чеховичъ, жившіе въ с. Холоневѣ, нынѣ владим. уѣзда волынск. губерніи; Яковъ Любенецкій, Василій Рогозинскій, Веспасіанъ Бѣневскій, Петръ Фалибовскій, Янъ Стремескій, Андрей Суходольскій, имѣнія котораго: Фусовъ, Шпиколосы и Княже находились во владим. повѣтѣ, и Ярошъ Мошенскій, жившій въ м. Полонной, новградъ-волынск. уѣзда [2]). Секта имѣла послѣдователей не только среди дворянства, но и въ средѣ мѣщанъ болѣе значительныхъ мѣстечекъ на Волыни. О мѣщанахъ м. Киселина есть основаніе думать, что они почти поголовно принадлежали къ социніанской сектѣ; такъ въ актовыхъ книгахъ гродскаго владим. суда подъ 1643 годомъ встрѣчается декретъ по дѣлу о бурмистрахъ, мѣщанахъ и предмѣщанахъ киселинскихъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они,

---

[1]) Не извѣстно, ему или другимъ *Холоневскимъ* принадлежало тогда м. *Грицовъ* (нынѣ заславск. у.), въ которомъ доселѣ уцѣлѣли остатки древняго кладбища, по преданію, социніанскаго, въ двухъ верстахъ за мѣстечкомъ. Тамъ же находятся обширные каменные погреба, о которыхъ гласитъ мѣстное преданіе, будто въ нихъ укрывались социніане отъ преслѣдованій. (Вол. Губ. Вѣдомости 1868 г., статья Вас. Переговскаго о мѣстечкахъ Заславск. у.).

[2]) Свѣдѣнія о принадлежности всѣхъ этихъ лицъ къ социніанской сектѣ взяты изъ социніанскаго писателя XVII в. Станислава Любенецкаго «Vindiciae pro unitariorum in Polonia religionis libertate» и дополнены по даннымъ, разысканнымъ нами въ актовыхъ книгахъ кіевск. центральнаго архива.

„ничого не дбаючи на кровъ хрестиянскую, *сами будучи арiянское секты*“, напали на прохожаго мѣщанина—„кравца“ изъ с. Затурецъ и убили его, а затѣмъ, вытащивъ за ворота мѣстечка тѣло убитаго, похоронили его „не якъ хрестиянина, але якъ якого ариянина: толко трохи яму выгребши, укинули“. Кромѣ того есть извѣстiе, что значительная часть мѣщанскаго населенiя мм. Гощи и Рафаловки также принадлежала къ социнiанской сектѣ; то-же самое можно сказать о мѣщанахъ мм. Ляховцевъ, Полоннаго и др. О социнiанствѣ мѣщанскаго населенiя волынскихъ городовъ: Луцка, Владимiра, Кременца и Острога у насъ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣнiй; но если секта имѣла многочисленныхъ послѣдователей среди населенiя мѣстечекъ, то еще бóльшее число она могла имѣть ихъ среди городскаго населенiя. Ниже мы будемъ имѣть случай упомянуть о попыткахъ къ распространенiю социнiанства на Волыни даже среди крестьянскаго населенiя.

Болѣе полустолѣтiя прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ утвердилась антитринитарiанская или социнiанская секта, и за все это время она ни разу еще не подвергалась открытому преслѣдованiю со стороны правительственной власти. Правда, у социнiанъ, какъ и у всѣхъ польскихъ диссидентовъ, были непримиримые враги среди сторонниковъ ультра-католической партiи въ Польшѣ и ея руководителей—iезуитовъ, которые громили ихъ въ своихъ проповѣдяхъ, вызывали ихъ на публичные богословскiе диспуты и вели съ ними жаркую литературную полемику. Но эти средства не всегда достигали предположенной цѣли: социнiане не только не уклонялись отъ диспутовъ, а еще сами вызывали на нихъ своихъ противниковъ и не оставляли безъ надлежащаго отвѣта ни одной направленной противъ нихъ книги или брошюры. Iезуиты видѣли, что однимъ этимъ оружiемъ имъ не сломить своихъ враговъ, и повели противъ

нихъ атаку съ другой стороны: они подущали своихъ студентовъ, а также городскую чернь, нападать на социніанскія общины, разрушать ихъ школы и молитвенные дома и разгонять учителей и пасторовъ. А въ 1627 г. іезуиты обвинили люблинскихъ социніанъ въ измѣннических сношеніяхъ съ трансильванскимъ княземъ Гавріиломъ Бетеліемъ, покровителемъ социніанъ, и шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, считавшимся защитникомъ всѣхъ вообще гонимыхъ папистами. Послѣдовалъ грозный декретъ, которымъ люблинскіе социніане, особенно ихъ главные вожаки, присуждались къ строгимъ наказаніямъ, а ихъ община подлежала закрытію. Но студенты іезуитскаго коллегіума не стали даже дожидаться этого декрета: они еще раньше разорили до основанія социніанскую—да за одно уже съ этимъ и протестантскую—молельни и школы въ Люблинѣ и разогнали ихъ пасторовъ и учителей.

Люблинская катастрофа не замедлила отразиться на Волыни, хотя и далеко не въ такой сильной степени. Въ томъ же 1627 г. пріоръ доминиканскаго монастыря въ м. Ляховцахъ позвалъ на судъ трибунальскій пастора тамошней социніанской общины, извѣстнаго ученаго и писателя социніанскаго, Петра Моршковскаго, [1]) обвиняя его въ томъ, что онъ открыто проповѣдуетъ и распространяетъ въ Ляховцахъ „науку и секту аріанскую, приводитъ и наворочаетъ въ нее многихъ людей християнскихъ, такъ *зъ религіи греческое*, якъ и католицкое“, и совершаетъ надъ ними „понураня“ (социніанское крещеніе) [2]). Это былъ первый случай привлеченія къ суду за пропаганду социніанства. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно окончаніе этого процесса. Кажется, однако,

---

[1]) Перечень сочиненіе Моршковскаго—см. въ Bibliothek. Antitrinitariorum, p. 141.

[2]) Настоящаго тома документъ № CCXXXIV.

что Моршковскій вынужденъ былъ оставить Ляховцы; по крайней мѣрѣ около 1635 г. мы встрѣчаемъ его уже пасторомъ сociніанской общины въ Крыловѣ, въ холмскомъ повѣтѣ, а затѣмъ въ Чарнковѣ, въ Познани. Удаленіе Моршковскаго, однако, не повело за собою закрытія въ Ляховцахъ общины социніанской. Есть извѣстіе, что владѣлецъ Ляховцевъ Павелъ Крыштофъ Сенюта до конца своей жизни оставался усерднымъ социніаниномъ и умирая завѣщалъ торжественно похоронить его по социніанскому обряду и пригласить братьевъ своего исповѣданія на церемонію его погребенія.

Начавшіяся было преслѣдованія социніанъ скоро были пріостановлены. Въ 1632 г. умеръ король-фанатикъ Сигизмундъ III. Польскіе диссиденты всѣхъ исповѣданій подняли голову и задумали воспользоваться наступившимъ моментомъ безкоролевья, чтобы возстановить свои права, столь часто нарушаемыя въ мунувшее царствованіе. Въ громадномъ числѣ прибыли въ Варшаву на конвокаціонный сеймъ депутаты православные, протестанты и социніане и, вступивъ въ соглашеніе между собою, объявили, что они не приступятъ ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, ни даже къ избранію новаго короля, раньше, чѣмъ будетъ обѣщано, что свобода вѣры для всѣхъ и вездѣ будетъ обезпечена ясными законами, которые вновь избираемый король обязанъ будетъ подтвердить личною присягою. Тоже самое повторилось и на избирательномъ сеймѣ, на который отъ трехъ южнорусскихъ воеводствъ: волынскаго, кіевскаго и брацлавскаго прибыло 185 депутатовъ и въ числѣ ихъ болѣе десяти человѣкъ однихъ социніанъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе членовъ высшаго католическаго духовенства, требованія диссидентовъ въ общемъ были удовлетворены, при чемъ болѣе подробная выработка требуемаго ими закона была возложена сеймомъ на особую коммисію. Но черезъ мѣсяцъ

по закрытіи сейма, въ варшавскія гродскія книги была внесена манифестація отъ имени ультра-католическихъ членовъ сейма о томъ, что принятое ими сеймовое постановленіе о правахъ диссидентовъ ни въ какомъ случаѣ не должно распространяться на послѣдователей сектъ, отвергающихъ божество Іисуса Христа, каковы: аріане, новокрещенцы, саббатисты и др., такъ какъ послѣдователи этихъ сектъ незаконно прикрываются именемъ христіанъ [1]). Тогда за социніанъ вступились сеймовые депутаты другихъ диссидентскихъ исповѣданій и внесли въ судебныя книги протестъ противъ означенной манифестаціи, въ которомъ заявляли, что такое ограниченіе смысла сеймоваго постановленія, направленное противъ одной части диссидентскаго союза, можетъ угрожать и цѣлому союзу и служить предлогомъ къ нарушенію самаго постановленія; притомъ же ограниченіе это не только сдѣлано безъ согласія сейма, но о немъ не было тамъ и рѣчи, и потому означенная манифестація, какъ выраженіе частныхъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ, не должна имѣть никакой обязательной силы. Протестъ этотъ подписали: тогдашній предводитель протестантской партіи въ Польшѣ, литовскій гетманъ князь Крыштофъ Радзивиллъ и его единовѣрецъ Рафаилъ Лѣщинскій, воевода белзскій, а изъ южнорусскихъ социніанъ: Мартинъ Чапличъ-Шнановскій, Матвѣй Иваницкій, Василій Рогозинскій и посолъ отъ воеводства брацлавскаго Николай Ободенскій. Наконецъ, подъ этимъ-же протестомъ мы находимъ подписи нѣкоторыхъ волынскихъ дворянъ, извѣстныхъ своею горячею преданностью православной вѣрѣ и энергическою защитою ея правъ и интересовъ, каковы: Лаврентій Древинскій, ловчій волынскій Юрій Пузына и князь Николай Четвертинскій [2]).

---

1) № CCLXIII.

2) № CCLXIV.

Первыя пять лѣтъ царствованія умнаго и вѣротерпимаго короля Владислава IV прошли для социніанъ совершенно спокойно, но въ слѣдующемъ году ихъ постигло страшное и неожиданное бѣдствіе, виновниками котораго были отчасти они же сами. Въ 1638 г. студенты раковской социніанской академіи, подражая на этотъ разъ студентамъ іезуитскимъ, оскорблявшимъ святыни другихъ исповѣданій, опрокинули и разбили камнями стоявшій за городомъ крестъ съ изображеніемъ распятія. Родители и учители поспѣшили наказать школьниковъ; но дѣло этимъ не могло окончиться. Когда вѣсть о раковскомъ происшествіи достигла Варшавы, тамъ въ это время засѣдалъ сеймъ. Католическое духовенство, давно уже искавшее способовъ къ искорененію главнаго гнѣзда социніанской секты, Ракова, этихъ „Аѳинъ Сарматскихъ“, столь вредившихъ славѣ и процвѣтанію школъ іезуитскихъ, воспользовалось представившимся къ тому случаемъ и подняло страшный вопль на сеймѣ о томъ, что поступкомъ раковскихъ школьниковъ нанесено оскорбленіе Богу и королевскому величеству. Была назначена чрезвычайная коммисія для разслѣдованія происшествія на мѣстѣ, по докладу которой всѣ раковскіе пасторы и профессора были обвинены въ подущеніи школьниковъ къ преступленію. Въ апрѣлѣ 1638 г. послѣдовалъ грозный сеймовый декретъ, которому тщетно противились не одни социніане, но и многіе изъ южнорусскихъ православныхъ депутатовъ (напр. князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій), а также протестантовъ и даже изъ либеральныхъ католиковъ. По этому декрету объявлялись навсегда закрытыми въ Раковѣ молитвенные дома, типографія и академія социніанскія, подъ угрозой взысканія 10,000 червонцевъ за всякую попытку къ ихъ возстановленію; пасторы и профессора были приговорены къ лишенію чести и удаленію изъ Ракова. Скоро послѣ того Раковъ перешелъ въ руки владѣльцевъ-католиковъ, которые совсѣмъ

изгнали социніанъ и возстановили въ немъ католическое благочестіе. „Такъ разрушенъ былъ, по выраженію социніанскихъ писателей, этотъ свѣточъ Польши, это убѣжище изгнанниковъ, святилище вѣры и наукъ!“ Съ того времени въ Раковѣ поселились евреи, скупившіе за безцѣнокъ имущества изгнанниковъ, и Раковъ, когда-то цвѣтущій городъ, видный центръ промышленности и просвѣщенія, представляетъ нынѣ жалкое, кишащее евреями мѣстечко.

Ударъ, постигшій социніанство въ Польшѣ, не сразу отразился на Волыни; напротивъ, въ первое время онъ способствовалъ еще большему процвѣтанію здѣсь секты. Дѣло въ томъ, что социніане, лишившись своего центра въ Польшѣ, задумали снова создать его на Волыни, гдѣ у нихъ было столько единовѣрцевъ и знатныхъ покровителей. Главное вниманіе было обращено на Киселинъ, въ которомъ, кажется, хотѣли создать новые „Аѳины Сарматскіе“. Здѣсь еще живъ былъ старикъ Юрій Чапличъ, съ взрослымъ сыномъ Александромъ, столь же ревностнымъ социніаниномъ, какъ и его отецъ; а въ Берескѣ, послѣ смерти Мартына Чаплича, находились его сыновья Андрей и Александръ, учившіеся за границей и подобно отцу преданные интересамъ секты. Сюда были вызваны изгнанные изъ Ракова и Люблина ученые социніанскіе пасторы и профессора: Матвѣй Твердохлѣбъ, Якубъ Гриневичъ-Гижановскій, переименовавшійся въ Яна Трембицкаго, и Лука или Іоахимъ Рупневскій; послѣдніе оба—извѣстные социніанскіе писатели. Стараніемъ этихъ ученыхъ киселинская школа была немедленно возведена на степень *академіи*, съ открытіемъ при ней спеціальнаго богословскаго отдѣла для приготовленія социніанскихъ пасторовъ; другое ея отдѣленіе было открыто въ Берескѣ, подъ ректорствомъ Рупневскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени въ Киселинѣ появилась-бы и типографія и закипѣла-бы здѣсь прерванная раковскою катастрофой научная и литератур-

ная работа... Но въ Луцкѣ сидѣлъ католическій бискупъ, а еще ближе, во Владимірѣ, плебанъ и деканъ Станиславъ Урбановичъ. Въ 1640 г. эти духовные сановники позвали на судъ Юрія и его племянниковъ Андрея и Александра Чапличей-Шпановскихъ, обвиняя ихъ въ укрывательствѣ изгнанныхъ изъ Ракова аріанскихъ пасторовъ и учителей, самовольномъ открытіи аріанскихъ академій и другихъ школъ „на заразу людей молодыхъ и хрестиянскихъ дитей", въ устройствѣ сектантскихъ съѣздовъ или соборовъ и вообще въ распространеніи „декретами сеймовыми трибунальскими забороненной, а правомъ посполитымъ и одностайнымъ голосомъ за чортовскую деклярованой (объявленной) секты аріанской"; вмѣстѣ съ Чапличами были позваны къ суду и всѣ киселинскіе и бересцскіе „министры, предиканты, магистры и бакаляры" социніанскіе. Кромѣ уголовной отвѣтственности, о которой взывали обвинители, они сверхъ того претендовали къ обвиняемымъ о вознагражденіи „шкодъ" или убытковъ, якобы понесенныхъ ими вслѣдствіе распространенія секты въ ихъ епархіи; убытки эти они оцѣнивали ровно въ 200,000 золотыхъ польскихъ [1]). Было произведено судебное слѣдствіе, которое обнаружило, что въ киселинской и бересцской школахъ училось великое множество юношей и дѣтей разныхъ сословій, что устраиваемые здѣсь сектантскіе съѣзды или соборы бывали необыкновенно многочисленны (случалось, что число съѣзжавшихся доходило иногда до трехъ тысячъ человѣкъ, собранныхъ не только изъ разныхъ мѣстъ Польши и Литвы, но даже изъ-заграницы) и что Чапличи успѣли обратить въ ересь многихъ православныхъ священниковъ въ своихъ имѣніяхъ и даже *крестьянъ*, которые за это были освобождаемы отъ всякихъ повинностей и работъ на помѣщика. Дѣло Чапличей тянулось четыре года и только въ 1644 г. послѣ-

---

[1]) №№ CCCVII и CCCVIII.

довалъ трибунальскій декретъ о закрытіи въ Киселинѣ и Берескѣ социніанскихъ школъ и молитвенныхъ домовъ, причемъ Чапличи обязаны были разрушить и самыя ихъ зданія и изгнать отсюда всѣхъ еретиковъ; сверхъ того Юрій Чапличъ, признанный болѣе виновнымъ, нежели его племянники, уплатилъ въ видѣ штрафа 1000 червонцевъ, половина которыхъ была вручена обвинителямъ, и обязывался подъ угрозою лишенія чести представить на судъ киселинскихъ пасторовъ и учителей [1]). Но приговоръ этотъ не былъ приведенъ Чапличемъ въ исполненіе: школы и молельня въ Киселинѣ не были разрушены, социніане не были удалены, а ихъ пасторы и учителя бѣжали въ другія мѣста. Поэтому Юрій Чапличъ былъ присужденъ къ инфаміи и къ вторичному штрафу въ 10,000 червонцевъ; бѣжавшіе изъ Киселина пасторы и ученые были также приговорены къ лишенію чести.

Съ тѣхъ поръ начался на Волыни цѣлый рядъ социніанскихъ процессовъ, возбуждаемыхъ обыкновенно по инициативѣ католическаго или уніатскаго духовенства. Одновременно съ разгромомъ киселинской общины наступили трудныя времена и для социніанъ ляховецкихъ, противъ которыхъ давно уже начали войну тамошніе доминикане. Еще въ началѣ XVII ст., когда Павелъ-Крыштофъ Сенюта обратился было на короткое время въ католицизмъ, онъ пригласилъ въ Ляховцы доминиканъ и построилъ для нихъ костелъ, причемъ имѣлъ неосторожность внести въ свой фундушъ такое условіе, что если бы кто изъ его наслѣдниковъ отступилъ отъ католичества, то всѣ имѣнія завѣщателя должны принадлежать ордену. Извѣстно, что скоро послѣ того самъ Крыштофъ Сенюта сталъ социніаниномъ, и пока онъ былъ живъ, доминикане волей-неволей мирились съ вѣроотступничествомъ его и лишь время отъ времени звали на судъ

---

[1]) № CCCXIX.

покровительствуемыхъ имъ социніанскихъ пасторовъ, какъ поступили они въ 1627 г. съ Петромъ Моршковскимъ. Но въ концѣ 30-хъ годовъ XVII в. Павелъ-Крыштофъ Сенюта умеръ, а ляховецкія имѣнія перешли къ его брату Петру, также социніанину. Тогда наступили большіе и продолжительные споры и раздоры между наслѣдникомъ и доминиканцами, которые, ссылаясь на фундушъ Крыштофа Сенюты, оспаривали его наслѣдственныя права и требовали, чтобы онъ принялъ католичество и изгналъ изъ Ляховцевъ еретиковъ. Сторону доминиканцевъ поддерживало высшее католическое духовенство, а за Петра Сенюту вступились волынскіе дворяне и, отправляя въ 1645 г. своихъ пословъ на варшавскій сеймъ, между прочимъ поручили имъ потребовать на сеймѣ отъ имени всего волынскаго воеводства, чтобы претензіи доминиканцевъ къ Петру Сенютѣ и послѣдовавшіе въ ихъ пользу судебные декреты по этому дѣлу были признаны недѣйствительными, такъ какъ фундушъ Крыштофа Сенюты не можетъ служить ограниченіемъ наслѣдственныхъ правъ его брата [1]). Тѣмъ временемъ доминикане не прекращали дѣлать попытки къ обращенію своего противника въ католичество и въ 1641 году имъ едва не удалось это дѣло. Въ то время Петръ Сенюта опасно заболѣлъ, и когда лѣчившіе его врачи перестали уже надѣяться на его выздоровленіе, одному ксендзу удалось какъ-то пробраться къ больному и поколебать его социніанскія убѣжденія. По его словамъ, Сенюта выражалъ горькія сожалѣнія объ отступничествѣ своихъ предковъ отъ католической церкви и о своихъ собственныхъ заблужденіяхъ, раскаивался въ своей женитьбѣ на завзятой аріанкѣ, [2]) подъ вліяніемъ

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 2, т. I, стр. 309.

[2]) Онъ былъ женатъ на полькѣ Ядвигѣ Виллъямовнѣ съ Калишанъ. Niesiecki, Herbarz Polski, VIII, 362.

которой онъ и самъ изъ кальвиниста сталъ социніаниномъ, исповѣдалъ всѣ догматы католической вѣры, поручалъ душу свою заступничеству Божіей Матери и передъ образомъ Ея далъ клятвенное обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, торжественно исповѣдать въ костелѣ свое обращеніе къ католической вѣрѣ. Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ выздоровѣлъ; но когда пріоръ ляховецкаго кляштора вздумалъ навѣстить новообращеннаго, то его не пустили даже въ дворъ и пригрозили вытолкать въ шею, если онъ вздумаетъ силой проникнуть въ замокъ. А въ замкѣ Сенюты въ то время социніанскій пасторъ Цяховскій публично отправлялъ богослуженіе и говорилъ проповѣдь въ присутствіи хозяина и его пріятелей—единовѣрцевъ: Павла Иваницкаго и какихъ-то пановъ Куроса и Вишоватаго, подъ вліяніемъ которыхъ Сенюта совершенно оставилъ свое прежнее намѣреніе относительно перехода въ католицизмъ. Здѣсь же находился дядя Сенюты, каштелянъ белзскій, Андрей Фирлей, горячій протестантъ, экстренно вызванный въ Ляховцы здѣшними социніанами для предупрежденія грозившей опасности перехода въ католичество его племянника. Съ тѣхъ поръ Петръ Сенюта сталъ держать при себѣ уже не одного, а двухъ социніанскихъ пасторовъ, которые свободно отправляли сектантское богослуженіе и распространяли въ его имѣніяхъ свое ученіе; самъ же онъ гораздо дѣятельнѣе сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ патрона секты и щедро раздавалъ своимъ единовѣрцамъ земельные участки и другія бенефиціи. Обо всемъ этомъ доминикане въ томъ же 1641 г. подали въ земскій кременецкій судъ пространную жалобу [1]), а спустя нѣсколько времени они возбудили противъ Сенюты новое обвиненіе—въ укрывательствѣ изгнаннаго изъ Ракова уче-

---

[1]) Эта жалоба, изъ которой мы заимствовали все вышесказанное, напечатана въ книгѣ Лукашевича: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce, стр. 354—459.

наго социніанскаго пастора и писателя Яна Стоинскаго. Оба эти дѣла были разсмотрѣны люблинскимъ трибуналомъ и въ 1644 г. по нимъ послѣдовалъ трибунальскій декретъ, по которому социніане изгонялись изъ Ляховцевъ, пасторъ ляховецкой общины Янъ Стоинскій былъ объявленъ лишеннымъ дворянства и приговоренъ къ инфаміи, самъ же Петръ Сенюта былъ подвергнутъ штрафу въ 1500 гривенъ [1]).

Такъ одновременно были разгромлены двѣ найболѣе видныя социніанскія общины на Волыни, киселинская и ляховецкая. Третій выдающійся здѣсь социніанскій пунктъ, м. Гоща, еще раньше былъ утраченъ социніанами, хотя и по другимъ причинамъ. Въ 30-хъ годахъ XVII ст. умеръ ихъ покровитель, кіевскій каштелянъ Романъ Гойскій, передавъ Гощу въ наслѣдство своей дочери Регинѣ Соломирецкой, каштелянкѣ смоленской. Новая владѣлица Гощи оказалась горячей поборницей православной вѣры и не могла допустить дальнѣйшаго процвѣтанія здѣсь социніанства и его школъ. Для противодѣйствія имъ она основала въ 1638 г. въ Гощѣ монастырь св. Михаила и заложила при немъ высшую православную школу, „абы еретические науки надъ каѳолическою религіею болшъ не триумфовали“. Главнымъ опекуномъ надъ этой школой она назначила кіевскаго митрополита Петра Могилу, а первыми ректорами ея были: Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ и знаменитый впослѣдствіи ректоръ кіево-могилянской коллегіи Иннокентій Гизель. Въ слѣдующемъ 1639 г. Регина Соломирецкая выдала игумену гощскаго монастыря отъ себя и отъ имени своихъ наслѣдниковъ формальное обязательство: не дозволять аріанамъ и другимъ еретикамъ въ Гощѣ отправлять свое богослуженіе и основывать аріанскія школы и не терпѣть здѣсь мѣщанъ—

---

[1]) Starożytna Polska, II, 928. Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, стр. 294.

послѣдователей аріанской секты; вмѣсто закрытыхъ ею сектантскихъ училищъ, она устроила въ Гощѣ нѣсколько первоначальныхъ православныхъ школъ, право обученія въ коихъ предоставила исключительно лицамъ, назначаемымъ на то самимъ игуменомъ и подчиненнымъ его надзору [1]). Но эти строгости продолжались не долго. Спустя два года гощское имѣніе пріобрѣлъ извѣстный Адамъ Кисель, впослѣдствіи воевода кіевскій. Хотя онъ въ преданности къ православію не уступалъ своей предшественницѣ, но въ отношеніяхъ къ социніанству руководствовался взглядами Романа Гойскаго и другихъ образованныхъ южноруссовъ. Въ 1644 г. сосѣдъ Киселя, панъ Вильгорскій, обвинялъ его въ томъ, будто онъ „маетъ раду и сполную намову зъ паномъ Криштофомъ Стоинскимъ, министромъ (пасторомъ) ариянскимъ [2]), которого онъ въ маетности своей Гощи, мимо декрета трибунальские, на заразу вѣры правдивое католицкое, подъ протекциею своею ховаетъ“ [3]). Въ этомъ извѣтѣ справедливо было только то, что Крыштофъ Стоинскій дѣйствительно одно время состоялъ слугою у Адама Киселя. Можно думать, что, бла-даря вѣротерпимости новаго владѣльца, гощскіе социніане успѣли возстановить кое-что изъ того, что потеряли при Со-ломирецкой, но періодъ цвѣтущаго состоянія секты временъ Гойскаго не повторился болѣе никогда.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волыни процессы противъ социніанъ не прекращались и секта несла все новыя и новыя потери. Въ 1646 г. были позваны на судъ двор. Веспасіанъ Бѣневскій и войтъ м. Рафаловки Даніилъ Бальцеровичъ по обвиненію въ томъ, что они устроили социніанскія общины и открыли молитвенныя собранія въ

---

[1]) № СССІІІ.

[2]) Роднымъ братомъ извѣстнаго уже намъ ляховецкаго социніанскаго пастора Яна Стоинскаго.

[3]) Книга гродск. Луцкая 1644 г., № 2483 л. 1233.

имѣніяхъ воеводы дербскаго Андрея Лещинскаго: м. *Рафаловкѣ* (луцкаго уѣзда) и въ сосѣднемъ с. *Собѣщинѣ* и пригласили ревизовавшаго тогда социніанскія общины на Волыни пастора Андрея Вишоватаго совершить у нихъ богослуженіе [1]). Сверхъ того, тотъ-же Веспасіанъ Бѣневскій обвинялся еще и въ томъ, что, ворвавшись въ домъ рафаловскаго священника, учинилъ поруганіе надъ св. иконами, именно — прокололъ ихъ саблею и называлъ „болванами и псами“ [2]). Въ томъ-же году уніатскій жидичинскій архимандритъ Никифоръ Лосовскій позвалъ на судъ Андрея Чаплича за укрывательство двор. Яна Стремескаго, социніанина, приговореннаго въ 1644 г. трибунальскимъ судомъ къ инфаміи за то, что въ бытность его арендаторомъ имѣній жидичинскаго монастыря Стремескій одну изъ монастырскихъ церквей превратилъ въ складъ разныхъ хозяйственныхъ запасовъ и даже загонялъ въ нее охотничьихъ собакъ и свиней [3]). Въ слѣдующемъ 1648 г. привлечены были къ суду дворяне Товія Иваницкій и Якубъ Любенецкій по обвиненію въ распространеніи аріанской секты, въ открытіи въ с. *Иваничахъ* молитвеннаго дома и въ публичномъ совершеніи аріанскаго богослуженія и обрядовъ, въ укрывательствѣ осужденныхъ трибуналомъ пасторовъ и проповѣдниковъ секты и наконецъ въ устройствѣ многолюдныхъ аріанскихъ съѣздовъ и сборищъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ возбужденію обвиненія послужило то обстоятельство, что иваницкіе социніане въ праздникъ Рождества совершили какое-то нарочито торжественное богослуженіе, при чемъ былъ крещенъ, посредствомъ погруженія въ прудѣ, по социніанскому обряду, одинъ новообращенный знатный католикъ и похоронена въ саду жена

---

1) № CCCXXII.

2) № CCCXXIV.

3) Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2977, л. 265, а также въ наст. томѣ № CCCI.

Любенецкаго [1]). Въ томъ-же году снова подвергся суду известный намъ Юрій Чапличъ за то, будто онъ разрушилъ каменный крестъ съ распятіемъ, стоявшій при въѣздѣ въ с. Молчановъ; а спустя короткое время послѣдовала жалоба на его сына Александра за кощунственные отзывы о пресв. Богородицѣ и за нанесеніе побоевъ п. Ивану Козикѣ, который хотѣлъ удержать его отъ богохульства [2]).

Приговоры по всѣмъ этимъ дѣламъ въ точности не извѣстны, такъ какъ подобныя дѣла восходили на рѣшеніе высшаго уголовнаго судилища, люблинскаго трибунала, архивъ котораго хранится нынѣ въ Варшавѣ; но эти приговоры легко угадать: то были тяжкіе денежные штрафы, лишеніе дворянства, инфамія и банниція (т. е. лишеніе покровительства законовъ и изгнаніе изъ отечества). Въ то время польскіе клерикалы успѣли превратить трибуналъ въ послушное орудіе ихъ воли, посредствомъ котораго они щедрою рукою метали перуны на своихъ враговъ. Замѣчательно, однако, что всѣ эти религіозныя преслѣдованія возбуждали чувства глубокаго негодованія среди всего сословія южнорусскихъ дворянъ безъ различія ихъ исповѣданій. Не было того сейма, на которомъ южнорусскіе депутаты, отъ имени своихъ избирателей, не протестовали бы противъ фанатическихъ дѣйствій клерикальной партіи и всякій разъ настоятельно требовали, чтобы всѣ диссиденты были признаны въ правахъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ и содержанія школъ, чтобы прекращены были всякаго рода преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, чтобы правительство обуздало трибуналъ въ его жестокихъ приговорахъ по дѣламъ вѣры и изъяло подобныя дѣла изъ подсудности ему, передавъ ихъ на сеймы, и чтобы въ законахъ положено было

[1]) № CCCXXVI.

[2]) Книга гродск. владимірская, № 1016, л. 426.

строгое наказаніе тѣмъ духовнымъ особамъ, которые, подъ предлогомъ якобы охраненія вѣры, по всякимъ пустякамъ тащатъ шляхтичей къ суду и взводятъ противъ нихъ дутыя обвиненія. Въ частности на сеймахъ 1645, 1646 и 1648 гг. южнорусскіе дворяне, при поддержкѣ диссидентскихъ депутатовъ изъ другихъ областей Польши, требовали отмѣны трибунальскихъ рѣшеній по дѣламъ: Петра Сенюты, Яна Стоинскаго, Юрія Чаплича, Юрія Немирича и другихъ социніанъ [1]). Но всѣ подобныя требованія южнорусскихъ дворянъ какъ о каменную стѣну разбивались о фанатизмъ польской католически-клерикальной партіи, руководимой на сеймахъ самимъ примасомъ и другими высшими духовными сановниками королевства.

Таково было положеніе социніанской секты на Волыни на канунѣ грознаго переворота, который готовилъ для Польши Богданъ Хмельницкій. Не лучше оно было и въ сосѣдней съ Волынью кіевской Украинѣ.

Какъ рано появилось социніанство на Украинѣ, объ этомъ не имѣется опредѣленныхъ свѣдѣній. Имѣя въ виду постоянныя близкія связи между Волынью и Кіевомъ, можно думать, что украинское социніанство возникло одновременно съ волынскимъ. Въ одномъ полемическомъ сочиненіи, изданномъ въ Краковѣ въ 1597 г., авторъ, іезуитъ Жебровскій, говоритъ, между прочимъ, что „излишне охранять границы государства со стороны турокъ, когда новокрещенцы, эти внутренніе турки, осѣли Подгорье и Волынь и уже *достигаютъ самого Кіева* [2]). Припомнимъ, что въ эти годы должность каштеляна кіевскаго занималъ извѣстный уже намъ социні-

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, №№ XII, XIII, XIV, XVI, XVII, XXII, XXIII, XXVI. Лукашевичъ, Dzieje kościołów wyznania helw. w Małej Polsce, стр. 283—285.

[2]) Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, przez Adama Iochera, t. II, p. 133.

анинъ Чапличъ-Шпановскій. Раньше всего социніанство возникло и утвердилось въ той части Украины, которая лежала въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Волынью, именно въ житомирскомъ повѣтѣ. Здѣсь въ концѣ XVI и началѣ XVII в., въ числѣ послѣдователей новой секты, мы встрѣчаемъ дворянина Петра Ивановича *Пересѣцкаго*, имѣвшаго въ Житомирѣ домъ и фольварокъ. Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, Пересѣцкій въ 1611 г. внесъ въ гродскія житомирскія книги духовное завѣщаніе, составленное имъ въ духѣ социніанскаго исповѣданія. Въ немъ онъ завѣщалъ своему сыну Андрею похоронить его, по социніанскому обыкновенію, „у садку на фольварку“ и внести отъ его имени „до *збору* (т. е. социніанской общины) *Черneховскаго* на убозство и потребы зборовые грошей копъ литовскихъ 30, а на зборъ Любелскій зособна копъ литовскихъ 30“ [1]). Отсюда мы узнаемъ, что уже въ 1611-мъ году въ м. *Черняховѣ* (житом. уѣзда) существовала правильно организованная социніанская община, имѣвшая попеченіе о бѣдныхъ единовѣрцахъ и получавшая на это, а равно и на другія церковныя нужды, матеріальныя пожертвованія со стороны болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ. Скоро послѣ того м. Черняховъ становится такимъ-же виднымъ центромъ социніанства на Украинѣ, какимъ былъ Киселинъ на Волыни, а его владѣльцы—паны *Немиричи* являются столь-же ревностными покровителями секты, какъ и волынскіе Чапличи. Немиричи были потомки древней южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными имѣніями въ кіевскомъ и волынскомъ воеводствахъ; многіе изъ нихъ извѣстны какъ ревностные защитники православія и члены-основатели церковныхъ братствъ. Первымъ послѣдователемъ и покровителемъ социніанства изъ фамиліи Немиричей является Стефанъ Андреевичъ Немиричъ, подкоморій

---

¹) Книга гродская житомирская 1611 г., № 12, л. 205.

кіевскій и староста овруцкій, жившій въ первой четверти XVII столѣтія. Онъ состоялъ въ родственныхъ связяхъ почти исключительно съ социніанскими фамиліями: его жена Марта Войнаровская происходила изъ рода украинскихъ дворянъ Войнаровскихъ, послѣдователей социніанской секты; одна изъ его дочерей Катерина была замужемъ за извѣстнымъ уже намъ Павломъ-Крыштофомъ Сенютою-Ляховецкимъ, а другая Елена—за Николаемъ Любенецкимъ, членомъ весьма извѣстной социніанской фамиліи въ люблинскомъ воеводствѣ. Въ политической исторіи Малороссіи Стефанъ Немиричъ извѣстенъ по своему участію въ коммиссіи, назначеннной польскимъ правительствомъ въ 1625 г. для устройства козаковъ, послѣ пораженія ихъ подъ Куруковымъ. Вѣроятно, ему была обязана своимъ основаніемъ социніанская община въ Черняховѣ.

У Стефана Немирича было три сына: Юрій, Владиславъ и Стефанъ, съ дѣтства воспитанные въ социніанскихъ вѣрованіяхъ и подобно отцу много сдѣлавшіе для пользы секты. Изъ нихъ старшій, Юрій, впослѣдствіи пріобрѣлъ громкую извѣстность по тому участію, какое онъ принималъ въ политическихъ дѣлахъ Малороссіи при Хмельницкомъ и его преемникѣ. Въ молодости Юрій Немиричъ, какъ кажется, учился въ раковской социніанской академіи, гдѣ сдружился съ внукомъ Фавста Социна Андреемъ *Вишоватымъ*, впослѣдствіи знаменитымъ дѣятелемъ и писателемъ социніанскимъ. Въ 1631 г. Юрій Немиричъ, въ сопровожденіи своего друга Вишоватаго, а также Александра Чаплича, Николая Любенецкаго, Петра Суходольскаго и другихъ товарищей-единовѣрцевъ, предпринялъ путешествіе заграницу для довершенія образованія. Черезъ Данцигъ молодые люди пустились въ Голландію, посѣтили университеты въ Лейденѣ и въ Амстердамѣ и встрѣтились здѣсь съ польскимъ социніаниномъ Христофоромъ Арцишевскимъ, который чуть было не угово-

рилъ ихъ отправиться въ Америку, чтобы тамъ основать социніанскую колонію. Арцишевскій такъ и поступилъ на самомъ дѣлѣ, а наши путешественники отправились въ Англію, отсюда во Францію, гдѣ въ Парижѣ посѣщали Сорбону и слушали знаменитаго Гуго Гроція [1]). Возвратившись на родину, Юрій Немиричъ заявилъ себя ревностнымъ покровителемъ социніанства и немало способствовалъ распространенію его на Украинѣ. Социніанскіе писатели не находятъ словъ, чтобы достойно восхвалить его заслуги въ отношеніи ихъ секты. Одаренный отъ природы живымъ, энергическимъ характеромъ, владѣя природнымъ умомъ и блестящимъ образованіемъ, къ тому же опираясь на свое положеніе богатаго пана и на свои обширныя связи въ сенатѣ и при дворѣ, Немиричъ явилъ собою образъ могущественнаго патрона социніанской секты, въ родѣ тѣхъ, какимъ былъ когда-то Янъ Кишка для литовскихъ социніанъ, а Юрій Чапличъ для волынскихъ. Онъ сразу-же занялъ видное положеніе въ средѣ украинскихъ дворянъ и на него неоднократно были возлагаемы разнаго рода общественныя и политическія порученія, при исполненіи которыхъ Немиричъ не забывалъ и интересовъ секты. Когда въ 1638 году случилась извѣстная раковская катастрофа, Немиричъ, бывшій въ то время депутатомъ на варшавскомъ сеймѣ, при помощи своего друга Андрея Вишоватаго и другихъ единовѣрцевъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ударъ, постигшій тогда раковскую общину, и когда его старанія оказались безуспѣшными, онъ громко протестовалъ противъ нарушенія сеймомъ основныхъ государственныхъ законовъ, обезпечивающихъ свободу религіозныхъ убѣжденій каждаго, и свой протестъ внесъ въ судебныя книги [2]). Послѣ того онъ съ особенною

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 231—233.

[2]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 278.

энергіею занялся устройствомъ дѣлъ секты на Украинѣ, и въ то время, когда Чапличи и другіе социніанскіе вожди думали вознаградить на Волыни то, что секта потеряла въ Раковѣ, Немиричъ тоже самое задумалъ на Украинѣ. Оставшись послѣ смерти отца опекуномъ младшихъ братьевъ, онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе многочисленными имѣніями своего рода и имѣлъ возможность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ оказывать помощь и покровительство своимъ единовѣрцамъ. Независимо отъ существовавшей уже въ его родовомъ центрѣ, м. Черняховѣ, социніанской общины, онъ основалъ нѣсколько такихъ же общинъ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ на Украинѣ. Послѣ раковскаго разгрома, Немиричъ пріютилъ у себя изгнанныхъ оттуда социніанскихъ пасторовъ и ученыхъ и въ числѣ ихъ—трехъ братьевъ Статоріусовъ или *Стоинскихъ*, изъ коихъ старшій Янъ впослѣдствіи состоялъ пасторомъ въ м. Ляховцахъ у Петра Сенюты и, какъ мы упоминали, былъ приговоренъ трибуналомъ къ лишенію дворянства и инфаміи. Другой Стоинскій, Крыштофъ, съ этого времени надолго остался на службѣ у Немирича и былъ его правою рукою въ устройствѣ дѣлъ секты. За его вѣрную службу Немиричъ подарилъ ему одно изъ своихъ имѣній—с. Минийки (нынѣ деревня радомысльскаго уѣзда).[1]).

Были у Немирича и другіе сотрудники въ дѣлѣ распространенія социніанства на Украинѣ и организаціи здѣсь сектантскихъ общинъ. Ближайшимъ изъ нихъ былъ его родственникъ Стефанъ *Войнаровскій*, ловчій воеводства кіевскаго, въ имѣніи котораго м. *Шерпняхъ* (радомысльск. уѣзда), принадлежавшемъ раньше Стефану Немиричу и имъ же населенномъ, существовала социніанская община, быть можетъ, основанная еще при прежнемъ владѣльцѣ. Въ тоже время

---

[1]) Книга гродская житомирская 1646 г., № 17, л. 226.

проживалъ на Украинѣ человѣкъ, весьма знаменитый въ исторіи социніанской секты, посвятившій всѣ силы свои и способности на служеніе ея интересамъ и окончившій жизнь въ изгнаніи: то былъ нѣкто Самуилъ *Припковскій.* Судя по его дѣятельному участію въ сеймиковыхъ дѣлахъ кіевскаго воеводства, необходимо заключить, что онъ принадлежалъ къ числу дворянъ-обывателей этого воеводства и имѣлъ здѣсь земельную собственность [1]). Самуилъ Припковскій былъ весьма ученый человѣкъ и плодовитѣйшій писатель, оставившій послѣ себѣ болѣе 50 сочиненій, имѣющихъ предметомъ разъясненіе или защиту социніанской секты и ея ученія [2]). Литературная дѣятельность Припковскаго начинается еще съ 1628 г.; въ этомъ году онъ издалъ въ Голландіи, подъ псевдонимомъ Иринея Филалета, свое сочиненіе „De pace et concordia ecclesiae", вторично напечатанное въ 1630 г. и скоро послѣ того переведенное на нѣмецкій языкъ. Кромѣ Припковскаго, не чуждъ былъ литературнымъ занятіямъ и самъ Юрій Немиричъ: ему приписываютъ сочиненіе, заглавіе котораго социніанскій библіографъ Сандъ передаетъ полатыни: „Periphrasis et paraphrasis Panopliae christianorum", а также *молитвы* и *гимны,* составленные имъ конечно для мѣстныхъ социніанскихъ общинъ и изданные впослѣдствіи въ 1653 году, и другія [3]). Эти факты какъ-бы указываютъ на зарождавшееся въ то время литературное движеніе среди

---

[1]) Имя Самуила Припковскаго встрѣчается въ числѣ дворянъ воеводства кіевскаго, подписавшихъ въ 1645 г. протестъ противъ постановленій провинціальнаго сейма, бывшаго въ томъ же году въ Житомирѣ. Архивъ югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 279. Нѣсколько раньше, именно въ 1643 г. мы встрѣчаемъ Припковскаго даже въ роли маршалка или предсѣдателя житомирскаго сеймика. № CCCXI.

[2]) Полный перечень сочиненій Припковскаго см. у Санда, въ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 123—126.

[3]) Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 145.

украинскихъ социніанъ, параллельное такому же движенію, возникшему нѣсколько раньше на Волыни.

Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. социніанство въ кіевской Украинѣ достигло высшаго своего процвѣтанія. Среди здѣшняго дворянства было такъ много послѣдователей секты, что они иногда одни наполняли собою мѣстные провинціальные сеймы и представляли здѣсь преобладающую партію. Социніанство было настолько замѣтнымъ явленіемъ въ тогдашней общественной жизни на Украинѣ, что толки и сужденія о немъ составляли предметъ обычныхъ разговоровъ въ обществѣ. При этомъ часто возникали жаркіе споры, приводившіе къ ссорамъ и дракамъ, а иногда подобные диспуты оканчивались даже убійствомъ. Такъ въ актовыхъ книгахъ подъ 1643 г. встрѣчается жалоба дворянъ-католиковъ Яна и Мартына Крентовскихъ на дворянъ Яна и Якуба Богуцкихъ о томъ, что когда братъ жалобщиковъ Николай былъ однажды въ гостяхъ въ домѣ Богуцкихъ въ с. Некрашахъ [1]), то хозяева между прочимъ завели разговоръ о сектѣ социніанской, при чемъ они усердно хвалили ее, доказывали ея превосходство предъ католической религіей и въ неприлично-кощунственныхъ выраженіяхъ порицали послѣднюю. Крентовскій въ свою очередь старался защитить свое исповѣданіе и наконецъ, не желая слышать богохульныхъ рѣчей хозяевъ, хотѣлъ было уйти изъ дома; но тутъ споръ достигъ крайней степени горячности и неожиданно перешелъ въ ссору и драку. Хозяева схватились за сабли, позвали на помощь своихъ слугъ и такъ жестоко избили и поранили своего гостя, что онъ черезъ недѣлю умеръ [2]). Подобные случаи естественно порождали въ католической средѣ извѣстное раздраженіе противъ социніанъ и давали поводъ

---

[1]) Нынѣ—деревня кіевскаго уѣзда, около м. Ясногородки.
[2]) CCCXVIII.

католическому духовенству возбудить преслѣдованіе ихъ, что скоро и случилось на самомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ на помощь украинской группѣ социніанъ явился новый дѣятель, считавшійся однимъ изъ ученѣйшихъ представителей секты: то былъ извѣстный уже намъ внукъ Ф. Социна Андрей Вишоватый, назначенный теперь, по опредѣленію церковно-социніанскаго синода, главнымъ пасторомъ социніанскихъ общинъ на Украинѣ. Въ 1643 году онъ прибылъ на мѣсто новаго своего назначенія и первоначально поселился въ м. Шершняхъ, у Стефана Войнаровскаго. Между тѣмъ Вишоватаго давно уже звалъ къ себѣ другъ его молодости и спутникъ въ заграничномъ путешествіи, Юрій Немиричъ, и теперь нетерпѣливо желалъ видѣться съ нимъ. Въ эту минуту онъ отправлялся въ свои Орельскія имѣнія [1]), куда пригласилъ съ собою и Вишоватаго. Переправляясь черезъ Днѣпръ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „преданіе гласитъ, что соименный тебѣ св. апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ этихъ странахъ евангеліе скиѳамъ и сосѣднимъ народамъ. Иди и ты со мною въ эти страны и дѣлай тоже" [2]). Не извѣстно, дѣйствительно-ли Вишоватый проповѣдывалъ въ лѣвобережной Малороссіи социніанское евангеліе, но въ кіевской Украинѣ онъ оставался не долго: въ слѣдующемъ же 1644 г. онъ получилъ новое назначеніе—обозрѣть социніанскія общины на Волыни. Здѣсь оставался онъ до 1648 года и проживалъ попеременно въ Киселинѣ, Берескѣ, Галичанахъ, Иваничахъ и другихъ мѣстахъ, утѣшая и ободряя своихъ единовѣрцевъ, которые именно въ эти годы подвергались самымъ упорнымъ преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства. Въ 1646 г. Вишоватый былъ позванъ на судъ

---

¹) На южной границѣ нынѣшней Полтавск. губ.

²) Bibliofh. Antitrinitariorum, p. 236.

за то, что публично совершилъ богослуженіе въ м. Рафаловкѣ, и чуть было не подвергся декрету банниціи, т. е. изгнанія изъ отечества. Въ это же время онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью бересцскаго пастора Александрой Рупневской, сестра которой была замужемъ за волынскимъ социніаниномъ Адамомъ Гулевичемъ-Воютинскимъ. Свадьба была отпразднована въ с. Галичанахъ, въ домѣ Александра Чаплича, причемъ, по словамъ біографа Вишоватаго, было совершено нѣчто въ родѣ вѣнчанья „по обычному священному обряду церкви", изъ чего можно заключить, что у социніанъ существовалъ какой-то особый вѣнчальный обрядъ. Въ 1649 г. Вишоватый былъ назначенъ главнымъ пасторомъ люблинской области.

Одновременно съ удаленіемъ Вишоватаго изъ Украины, для здѣшнихъ социніанъ наступила тревожная пора. Ярые католики давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣли на возраставшее преуспѣяніе секты на Украинѣ и съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ относились къ главному патрону ея Юрію Немиричу. Когда въ началѣ 1640-хъ годовъ Немиричъ началъ хлопотать о предоставленіи ему должности кіевскаго подкоморія, противъ него выступили съ открытымъ протестомъ кіевскій бискупъ Александръ Соколовскій и извѣстный своимъ фанатизмомъ воевода кіевскій и староста житомирскій Янъ Тышкевичъ и во имя интересовъ католической церкви настаивали, чтобы урядъ подкоморія не достался явному безбожнику-аріанину. Король, однако, не уважилъ ихъ настояній и предоставилъ Немиричу просимую должность, хотя послѣдній при этомъ будто-бы далъ обѣщаніе принять католичество. По существовавшимъ обычаямъ, Немиричъ обязанъ былъ принести торжественную присягу на новую должность въ засѣданіи кіевскаго земскаго суда; вмѣсто того онъ предпочелъ исполнить этотъ обрядъ въ Житомирѣ, въ отсутствіе старосты, во время засѣданія тамъ реляціон-

наго сеймика, который состоялъ почти изъ однихъ социніанъ и предсѣдателемъ или маршалкомъ котораго былъ извѣстный Самуилъ Припковскій. Сознавая себя въ обществѣ друзей, Немиричъ позволилъ себѣ при этомъ легкомысленную выходку, которая впослѣдствіи причинила ему много хлопотъ. Когда кто-то изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ замѣтилъ ему: какъ-же это онъ, будучи социніаниномъ, станетъ присягать по обычной формулѣ во имя св. Тройцы?—то Немиричъ, въ слухъ цѣлаго сеймика, произнесъ будто-бы слѣдующій богохульный каламбуръ: что для достиженія своей цѣли онъ готовъ охотно поклясться не только тройкой, но хотя-бы и четверкой. Объ этомъ немедленно донесли старостѣ Тышкевичу, который тотчасъ опротестовалъ поступокъ Немирича и потребовалъ, чтобы его протестъ былъ внесенъ въ акты сеймиковые. Маршалокъ сеймика Припковскій отказался исполнить требованіе старосты. Тогда Тышкевичъ обратился съ жалобой на Немирича и на Припковскаго въ люблинскій трибуналъ [1]). Туда-же представилъ онъ и какое-то сочиненіе Немирича, ходившее по рукамъ на Украинѣ и заключавшее въ себѣ какія-то страшныя богохульства. Трибуналъ отнесся къ этому дѣлу весьма серьезно и поручилъ кіевскому бискупу строго разслѣдовать его. Немиричъ понялъ опасность своего положенія и при посредствѣ своего родственника, короннаго референдарія ксендза Вацлава Лещинскаго, поспѣшилъ расположить въ свою пользу бискупа-слѣдователя: онъ удовлетворилъ какія-то давнія его претензіи и подалъ ему надежду на счетъ своего перехода въ католичество Задобренный этимъ бискупъ Соколовскій представилъ въ трибуналъ и къ королю отзывъ, благопріятный для Немирича. Онъ совсѣмъ отвергалъ фактъ произнесенія Немиричемъ богохульныхъ словъ о св. Тройцѣ; отно-

---

[1]) № CCCXII.

сительно же написаннаго имъ сочиненія бискупъ высказалъ такое мнѣніе, что Немиричъ составилъ это сочиненіе безъ всякаго умысла оскорбить католическую религію, а единственно съ тою цѣлью, чтобы узнать, чѣмъ могутъ быть опровергнуты со стороны католическихъ богослововъ подобныя еретическія заблужденія [1]). Отзывомъ этимъ Немиричъ былъ избавленъ отъ большой бѣды, къ великому неудовольствію его противника Яна Тышкевича, который не стѣснялся явно поносить бискупа за его якобы человѣкоугодничество и недостатокъ ревности къ славѣ Божіей. Менѣе благопріятный исходъ имѣло для Немирича другое дѣло. Одновременно съ обвиненіемъ въ богохульствѣ онъ позванъ былъ къ суду за укрывательство изгнанныхъ изъ Ракова пасторовъ и ученыхъ социніанскихъ, трехъ братьевъ Стоинскихъ, а также за устройство новыхъ социніанскихъ общинъ въ его имѣніяхъ, въ старостве житомирскомъ, и вообще за пропаганду ереси. Обвинителями въ этомъ дѣлѣ выступили: плебанъ житомирскій ксендзъ Себастіанъ Жебровичъ и дворяне Николай Вышпольскій и Крыштофъ Унитовскій; но нѣтъ сомнѣнія, что главная пружина настоящаго процесса находилась въ рукахъ того же Тышкевича, старосты житомирскаго. Вмѣстѣ съ Немиричемъ были позваны къ суду и братья Стоинскіе, изъ коихъ старшій Янъ немедленно укрылся въ Ляховцахъ, а два другіе принуждены были искать безопасности въ иныхъ мѣстахъ. Дѣло первоначально разбиралось въ іюлѣ 1643 г. въ кіевскомъ гродскомъ судѣ, но не было здѣсь окончено и поступило на рѣшеніе люблинскаго трибунала. Въ качествѣ свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано въ судъ болѣе сорока человѣкъ мѣстныхъ дворянъ, между которыми немало находилось и социніанъ. Отъ строгости три-

---

[1]) См. письма къ Немиричу кіевскаго бискупа Соколовскаго и референдарія Лещинскаго. № CCCXVI.

бунальскаго суда не спасли Немирича ни могущественныя связи его въ сенатѣ и при дворѣ, ни даже личная расположенность къ нему самого короля Владислава, и въ 1646 г. Юрій Немиричъ былъ приговоренъ къ уплатѣ штрафа 10,000 червонцевъ и къ закрытію сектантскихъ общинъ въ своихъ имѣніяхъ [1]).

Не извѣстно, было-ли исполнено въ точности Немиричемъ трибунальское постановленіе относительно закрытія сociніанскихъ общинъ въ м. Черняховѣ и другихъ его имѣніяхъ; но знаемъ, что одинъ изъ Стоинскихъ (Крыштофъ) скоро снова появляется на Украинѣ и даже предпринимаетъ въ 1646 г. наѣздъ на имѣніе подстаросты житомирскаго Крыштофа Цисовскаго [2]), а въ 1648 г. мы встрѣчаемъ его состоящимъ на службѣ у Стефана Немирича, съ которымъ онъ разъѣзжаетъ на Волыни и отнимаетъ чужія имѣнія [3]). У самого Юрія Немирича съ 1647 г. появляется на службѣ новое лице изъ числа родственниковъ Вишоватаго, какой-то дворянинъ Венедиктъ Вишоватый [4]). Очевидно, что сеймовые и трибунальскіе декреты не очень-то переполошили социніанъ на Волыни и Украинѣ и они вовсе не думали слагать оружіе. А между тѣмъ дни существованія здѣсь секты были уже сочтены, хотя этого не могли предвидѣть и сами враги ея, жаждавшіе ея гибели. Они обращали очи свои къ Варшавѣ и Люблину и ждали, что оттуда прійдетъ когда-нибудь гибель ихъ противниковъ; но она пришла совсѣмъ не оттуда и раньше, чѣмъ они надѣялись. Въ 1648 г. на Украинѣ вспыхнуло извѣстное народное возстаніе, потрясшее до основанія государственное зданіе шляхетско-

---

[1]) №№ CCCXIII, CCCXIV и CCCXV; а также Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 285.

[2]) Книга гродск. житом. 1646 г., № 17, л. 226.

[3]) Книга гродск. луцкая, № 2951, л. 157.

[4]) Книга гродск. житом. 1650 г., № 19, л. 595.

католической Польши. Катастрофа эта была направлена отнюдь не противъ социніанъ, а именно противъ ихъ же враговъ; но случилось такъ, что въ пламени вызваннаго ею разгара народныхъ страстей южнорусское социніанство нашло свое конечное аутодафе: ибо, какъ мѣтко выразился вождь возставшаго тогда украинскаго народа, „при сухихъ дровахъ горятъ и сырыя".

Лишь только распространилась вѣсть о пораженіи поляковъ на Жовтыхъ-Водахъ и особенно подъ Корсунемъ, народное возстаніе разомъ охватило всю Украину, Волынь, Подолье и Червоную Русь и даже отозвалось въ далекой Бѣлоруссіи. Все, что находилось здѣсь не русскаго и не православнаго, или вѣрнѣе—все, что стояло въ общественномъ положеніи надъ массой народной—все это объято было паническимъ страхомъ и бѣжало безъ оглядки въ предѣлы коренной Польши и Литвы. Южнорусскіе социніане, наравнѣ съ дворянами другихъ исповѣданій, также спасались бѣгствомъ и наравнѣ съ ними же погибали отъ козацкихъ рукъ. Особенно много ихъ погибло при осадѣ и взятіи Хмельницкимъ Староконстантинова, куда укрылись было, въ числѣ другой шляхты, и социніане, бѣжавшіе изъ Украины. Такому же разгрому подверглись и болѣе отдаленныя социніанскія общины въ коренныхъ польскихъ областяхъ: люблинской и сандомирской, откуда въ числѣ другихъ бѣжалъ на границу Пруссіи и Андрей Вишоватый. Біографъ его передаетъ ходившій тогда слухъ, будто козаки съ особенною жестокостью расправлялись съ социніанами изъ-за ихъ вѣроисповѣднаго различія съ ними, но послѣдующіе социніанскіе писатели ни однимъ словомъ не жалуются на южнорусскихъ людей, какъ на гонителей ихъ секты и агитаторовъ народной или правительственной расправы надъ нею; напротивъ, они постоянно заступаются за православныхъ и въ войнахъ Хмельницкаго, сопровождавшихся столькими несчастіями для са-

михъ же социніанъ, видятъ справедливое отмщеніе Польшѣ за нарушеніе ею законовъ, попраніе гражданскихъ и религіозныхъ правъ и посягательство на свободу вѣры. Какъ бы то ни было, но всѣ социніанскія общины были сметены съ лица южной Руси козацкимъ движеніемъ и уже никогда болѣе не возстановлялись въ ней. Въ тревожную пору козацкихъ войнъ многіе изъ южнорусскихъ социніанъ передались шведамъ, занявшимъ тогда значительную часть польскаго королевства, а затѣмъ пристали къ козакамъ. Такъ въ числѣ прочихъ поступилъ и патронъ украинскихъ социніанъ Юрій Немиричъ, о которомъ социніанскіе писатели передаютъ, будто Богданъ Хмельницкій сдѣлалъ его даже козацкимъ полковникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что знатное имя, блестящая образованность и извѣстная опытность Немирича въ веденіи политическихъ дѣлъ сразу же доставили ему видное положеніе среди козацкой старшины, окружавшей гетмана, и Хмельницкій, вѣроятно, не разъ пользовался его услугами, напр. при дипломатическихъ сношеніяхъ съ шведскимъ королемъ. Но въ болѣе видной политической роли Немиричъ выступаетъ въ гетманство преемника Хмельницкаго, Ивана Выговскаго. Еще при Хмельницкомъ среди козацкой старшины и приставшихъ къ козацкому войску православныхъ дворянъ усилилась партія автономистовъ, стремившихся къ образованію изъ Малороссіи самостоятельнаго государства. Представителемъ этой партіи, пытавшимся на дѣлѣ осуществить ея стремленія, былъ самъ Выговскій, но душей этой партіи и творцемъ ея политической программы слѣдуетъ по всей справедливости считать Юрія Немирича, бывшаго правой рукой Выговскаго. Еще въ бытность свою въ Голландіи онъ усвоилъ тамошнія республиканскія понятія, составилъ себѣ идеалъ федеративнаго союза республикъ и теперь задумалъ примѣнить его къ своему новому отечеству. Лучшимъ выраженіемъ этого идеала могутъ служить условія

Гадячскаго договора Выговскаго съ Польшей въ 1658 г., составленныя самимъ Немиричемъ. По смыслу этого договора, Малороссія соединялась съ Польшею на правахъ самобытнаго государства подъ названіемъ „Великаго Княжества Русскаго“, долженствовавшаго имѣть свой верховный трибуналъ, своихъ государственныхъ сановниковъ, свое казначейство, свою монету и свое войско. Въ этомъ княжествѣ проэктировались двѣ академіи съ университетскими правами— въ Кіевѣ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ окажется удобнымъ,— множество другихъ школъ съ свободнымъ преподаваніемъ и совершенно вольное книгопечатаніе. Со всею страстностью своей склонной къ увлеченіямъ натуры Немиричъ занялся осуществленіемъ этого грандіознаго политическаго проэкта и среди новыхъ заботъ совсѣмъ позабылъ о своихъ прежнихъ сектантскихъ увлеченіяхъ. Самъ онъ давно уже принялъ вѣру своихъ предковъ — православіе, конечно съ цѣлью полной, такъ сказать, натурализаціи въ новомъ отечествѣ, и даже задумалъ призвать на служеніе ему прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, тѣснимыхъ тогда въ Польшѣ. Въ этихъ видахъ онъ составилъ особое воззваніе, адресованное ко всѣмъ польскимъ диссидентамъ и преимущественно къ социніанамъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ обратиться въ лоно православной церкви, чтобы тѣмъ самимъ слиться съ вольнымъ козацкимъ народомъ и войти въ составъ добрыхъ гражданъ „Великаго Княжества Русскаго“. Можно полагать, что это воззваніе нѣкогда знаменитаго социніанскаго дѣятеля произвело въ средѣ социніанъ сильное впечатлѣніе, если такой авторитетный писатель, какимъ былъ извѣстный намъ Самуилъ Припковскій, проживавшій тогда въ Пруссіи изгнанникомъ, нашелся вынужденнымъ обнародовать свой отвѣтъ на воззваніе Немирича [1]).

---

[1]) Отвѣтъ этотъ, вышедшій разомъ на двухъ языкахъ: польскомъ

Но послѣднему некогда было вступать въ полемику съ социніанскими богословами: весной 1659 г. онъ спѣшилъ съ козацкими послами въ Варшаву на сеймъ, созванный для подтвержденія договора Гадячскаго. Здѣсь Немиричъ произнесъ большую рѣчь, о которой социніанскій библіографъ упоминаетъ въ числѣ другихъ его сочиненій. Договоръ былъ утвержденъ; король ласково принялъ Немирича и, по ходатайству Выговскаго, выдалъ ему привиллегію на должность канцлера „Великаго Княжества Русскаго". Но самое-то „княжество" оказалось блестящимъ проэктомъ, не легко осуществимымъ въ дѣйствительности: лишь только въ Малороссіи узнали о совершившемся союзѣ Выговскаго съ Польшею, народъ поднялъ возстаніе и принялся избивать стоявшіе на Украинѣ польскіе отряды. Юрій Немиричъ, начальствовавшій надъ однимъ изъ такихъ отрядовъ, хотѣлъ было усмирить толпу, но его самого окружили подъ с. Свидовцемъ (черниговск. губ., козелецк. уѣзда) и изрубили въ куски. Таковъ былъ несчастный конецъ этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка.

Изъ числа волынскихъ социніанъ объ одномъ лишь Александрѣ Чапличѣ, владѣльцѣ Киселина, сохранились нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Кажется, что положеніе, занятое имъ въ тревожный періодъ козацкихъ войнъ, въ общихъ чертахъ сходно съ такимъ же положеніемъ его школьнаго товарища, Юрія Немирича. Подобно ему, онъ передается на сторону шведовъ и за тѣмъ присоединяется къ запорожскому войску. Когда на сеймѣ варшавскомъ 1659 г. шло дѣло объ утвержденіи гадячскаго договора, то въ числѣ лицъ, о награжденіи которыхъ ходатайствовалъ предъ сеймомъ Выговскій, мы находимъ имя и Александра Чаплича [1]).

и латинскомъ, упоминается въ перечнѣ сочиненій Припковскаго. Biblioth. Antitrinitar. p. 125.

[1]) Памятн. Кіевск. Коммисіи, т. III, отд. 3, стр. 328.

О судьбѣ другихъ представителей южнорусскаго социніанства мы не находимъ въ нашихъ источникахъ никакого даже упоминанія. Очевидно, одни изъ нихъ погибли въ войнахъ козацкихъ, другіе удалились во внутреннія области Польши и Литвы, а третьи просто сошли со сцены. Такимъ образомъ войны Хмельницкаго можно считать конечнымъ періодомъ существованія социніанской секты въ югозападной Руси. Намъ остается теперь прослѣдить послѣднюю судьбу социніанства въ самой Польшѣ.

Эпоха войнъ козацкихъ была годиною бѣдствій не для однихъ южнорусскихъ социніанъ, но также и для ихъ польскихъ собратьевъ, и не потому только, что козацкіе отряды, врываясь въ Польшу, изгоняли или истребляли ихъ наравнѣ съ остальной шляхтой, но и по другимъ причинамъ. Страшныя политическія бѣдствія, постигшія тогда Польшу со стороны шведскаго, русскаго и козацкаго оружія, возбудили въ ея населеніи религіозно-патріотическое воодушевленіе, которымъ клерикалы воспользовались для того, чтобы совсѣмъ покончить съ социніанскою сектою. Они откопали забытый всѣми статутъ короля Владислава-Ягелла 1424 года, заключавшій въ себѣ постановленіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Польши еретиковъ-гусситовъ, и въ 1658 году предъявили на сеймѣ требованіе, чтобы дѣйствіе этого статута было примѣнено къ социніанамъ; требованіе это они основывали на обвиненіи ихъ въ измѣнѣ отечеству и передачѣ на сторону шведовъ во время недавняго занятія послѣдними королевства польскаго. Хотя въ такомъ предательствѣ социніане повинны были ничуть не больше, нежели протестантскіе и даже весьма многіе католическіе паны, сдававшіе шведамъ укрѣпленные города и цѣлыя области, но нужно было, чтобы кто-нибудь одинъ понесъ наказаніе за грѣхи многихъ, и роль такой очистительной жертвы пала на долю социніанъ. Какъ ни чудовищно было требованіе клерикаловъ, оно не встрѣ-

тило, однако, на сеймѣ почти никакого сопротивленія: всегдашніе союзники социніанъ—протестанты и другіе диссиденты, видя настроеніе большинства, теперь сами дрожали за свою судьбу и не смѣли открыто вступиться за нихъ, опасаясь подвергнуться той же участи. Затѣмъ послѣдовала сеймовая конституція, въ которой объявлялось, что всякій, о комъ будетъ дознано, что онъ исповѣдуетъ или распространяетъ ученіе аріанской секты и вообще какимъ-бы то ни было образомъ покровительствуетъ ей въ предѣлахъ Польши, Литвы и соединенныхъ съ ними земель и областей, долженъ быть предаваемъ суду и затѣмъ смертной казни, подъ угрозой отнятія должностей у тѣхъ урядниковъ, которые недостаточно ревностно станутъ исполнять это постановленіе. Но, продолжаетъ декретъ, изъ милосердія къ тѣмъ, которые станутъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и не захотятъ добровольно присоединиться къ католической церкви, дается имъ трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго они могутъ распорядиться своимъ имуществомъ, и затѣмъ должны оставить предѣлы государства; по истеченіи же льготнаго срока всякій изъ еретиковъ, кто окажется въ Польшѣ, подпадетъ силѣ декрета [1]).

Сектанты впали въ уныніе. Болѣе малодушные изъ нихъ начали обращаться въ католичество, но много было и такихъ, которые любовь къ родинѣ принесли въ жертву своимъ убѣжденіямъ и стали готовиться къ изгнанничеству. Между тѣмъ предоставленный социніанамъ для устройства ихъ частныхъ дѣлъ трехлѣтній срокъ, по проискамъ іезуитовъ, неожиданно былъ сокращенъ на годъ и 10-е іюля 1660 г. объявлено послѣднимъ днемъ пребыванія ихъ въ Польшѣ. Послѣдовали новыя отреченія отъ секты; оставшіеся же вѣрными ей стали поспѣшно и за безцѣнокъ распродавать свои имущества и готовиться въ далекій и не-

[1]) Volumina Legum, IV, f. 515.

вѣдомый путь. И потянулись одинъ за другимъ несчастные изгнанники искать пріюта въ чужихъ краяхъ: въ Венгріи, Трансильваніи, Силезіи, сѣверной Германіи, Пруссіи, Голландіи и Англіи. Всюду, куда ни появлялись они, клевета враговъ предшествовала имъ на каждомъ шагу, и потому худо приняли ихъ въ большей части европейскихъ странъ; только въ Венгріи и Трансильваніи, гдѣ издавна существовали ихъ единовѣрцы, а равно въ Пруссіи и особенно въ Голландіи, игравшей тогда роль современной Швейцаріи, социніане нашли спокойное убѣжище. Въ Амстердамѣ осѣлись преимущественно главные вожди и ученые социніанскіе и прозвали этотъ городъ *мѣстомъ упокоенія*, которое избралъ Богъ для вѣрныхъ своихъ. Съ тѣхъ поръ Амстердамъ, вмѣстѣ съ Клавдіополемъ въ Трансильваніи, становятся главными центрами разсѣянныхъ на чужбинѣ социніанъ.

Оторванные отъ родной почвы и поглощенные заботами о самосохраненіи, польскіе социніане уже не задаются широкими планами новой пропаганды секты и сосредоточиваютъ всѣ лучшія силы свои на единственной, вполнѣ доступной для нихъ сферѣ дѣятельности—литературной. Дѣйствительно, время изгнанничества социніанъ было періодомъ высшаго процвѣтанія и обогащенія социніанской литературы, на поприщѣ которой въ это время подвизались талантливѣйшіе представители секты. Центромъ литературно-издательской дѣятельности ихъ была избрана свободная Голландія, въ которой преимущественно осѣлись ученые вожди секты и въ которой они находили найбольшій просторъ для своей дѣятельности. Характеромъ времени опредѣлялись и главныя задачи тогдашнихъ социніанскихъ писателей. Преимущественное вниманіе ихъ было обращено на разработку исторіи секты, уясненіе ея отношеній къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ и указаніе на ея заслуги для общества и государства польскаго. На ряду съ капитальными

изслѣдованіями въ этой области, была предпринята кропотливая работа по собиранію памятниковъ и преданій всей прошлой жизни секты, свѣдѣній о дѣятельности главныхъ учителей ея, пасторовъ и писателей, съ перечнемъ всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ ихъ сочиненій, и т. п. Еще большую потребность сознавали социніане въ защитѣ себя отъ того позора, какимъ покрывалъ ихъ фактъ изгнанія изъ отечества, и тѣхъ обвиненій, какимъ подвергались они со стороны своихъ враговъ. Отсюда—преобладаніе въ ихъ тогдашней литературѣ полемическихъ и апологическихъ сочиненій, въ которыхъ социніане стараются оправдать себя какъ сектантовъ и какъ гражданъ, показать всю несправедливость обрушившихся на нихъ преслѣдованій и вызвать участіе къ постигшимъ ихъ несчастіямъ. Часто такая защита выражалась въ формѣ воззваній и писемъ, обращенныхъ къ прежнимъ соотечественникамъ, съ горькими упреками въ забвеніи и нарушеніи ими старинныхъ завѣтовъ польской свободы и вѣротерпимости и съ горячей мольбой подумать о будущей судьбѣ ихъ отечества и не поддаваться внушеніямъ партіи фанатиковъ, которые готовы ввести въ Польшу испанскую инквизицію и австрійскій деспотизмъ, попираютъ ея стародавніе обычаи и законы и тѣмъ ведутъ ее къ вѣрной гибели. Наконецъ, кромѣ историческихъ и апологическихъ сочиненій, социніане и въ этотъ періодъ не прекращали догматической разработки своей доктрины и издали не мало новыхъ богословскихъ трактатовъ. Эта оживленная литературная дѣятельность ихъ не прекращалась до конца XVII в. и, хотя съ меньшей энергіей, продолжалась даже въ слѣдующемъ столѣтіи.

Не смотря на повсемѣстныя преслѣдованія въ XVII и XVIII вв., социніанская доктрина отнюдь не подверглась забвенію и тѣмъ паче насильственному истребленію; отчасти она сохранилась въ чистомъ видѣ своемъ до нашихъ дней,

отчасти послужила матеріаломъ для выработки новыхъ философскихъ и религіозныхъ системъ и ученій. Въ Европѣ социніанство и до сихъ поръ продолжаетъ свое существованіе въ одномъ религіозномъ обществѣ въ Трансильваніи, члены котораго удержали старинное названіе *унитаріевъ*. Не смотря на свою малочисленность, трансильванскіе унитаріи признаются государственными законами Австріи въ равныхъ правахъ съ другими христіанскими исповѣданіями и имѣютъ своего суперъ-интендента, мѣстопребываніемъ котораго служитъ г. Клаузенбургъ. Кромѣ того, въ Америкѣ въ настоящее время насчитывается болѣе полумилліона лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіознымъ обществамъ, исповѣдующимъ основныя положенія антитринитаризма. Съ другой стороны, тѣже идеи социніанства, подвергшись дальнѣйшей философской разработкѣ, привели многихъ къ *деизму* и особенно къ *раціонализму*. Наконецъ, многія стороны ученія социніанскаго были приняты нѣкоторыми прежними и вновь образовавшимися религіозными сектами, какъ напр. шведенборгіанами, менонитами, а чрезъ нихъ и нашими штундистами.

Орестъ Левицкій.

I.

Фундушевая запись князя Луцкаго и Владимірскаго Любарта Гедиминовича на села: Рожище, Теремное, Бущу, Мезочъ и проч. въ пользу соборной церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ. 1322 года, декабря 8.

Żygmunth III etc. Oznaimuiemy etc. Podany był list y przywilei do xiąg cancelariei naszei większei, na pargaminie ruskim ięzykiem pisany, zawieraiący w sobie confirmatią Alexandra, xiązęcia jego mosci Lithewskiego, nadania dobr pewnych Rożyscz y wsi inszych, do niego należących, na cerkiew S. Iana Bohosłowa, w zamku Łuckiem wyssem stoiącą, czasy wiecznemi, pieczęcią tegoż xiążęcia Alexandra wiszącą woskową obwarowany, cały, zupełny y nienaruszony; y proszono nas, abysmy ten list do act cancellariei naszey mianowânych przyiąć y wpisać roskazali, ktorei listu confirmatiey te są słowa: Александеръ, милостию Божею великий князь Литовъский, Русъкий, Жомоитский и прочая, панъ и дедичъ. Билъ намъ чоломъ богомолецъ нашъ Ефремъ, владыка Луцкий и Острозский, и покладалъ передъ нами листъ данины певныхъ маетностей на Волыню, ку церкви соборной Луцкой святого Иоанна Богослова, отъ князя Луцкого и Володимерского Люберта Кгедиминовича, который такъ се въ собе маетъ: „Милостию Божею и светое его Богоматери, и светого Иоанъна Богослова, я Любартъ Кгедеминовичъ, Луцкий и Володимерский князь, изгадалъ есми самъ о своюй души, будучи своимъ целымъ розумомъ, хотечи душу спасти, записалъ есми и далъ село свое Рожысче святому Иоанну Богослову на веки вечъные соборной церкви у Луцку, зъ людми данными и бобровыми

гопы по Стыру, противъ островов нашихъ: Переделокъ и Струги, Глименца и Высчопа, и Тополного, и Мошонки, и Свинки, противъ острова Кобуча до Белое горы, Стыромъ подъ Вишенки, зъ пусчами, зъ лесы и болоты подъ лесомъ, зъ ловы, погонными и осочъными нашими Жолобовомъ а Чудановомъ, (што) надъ Стыромъ седятъ а стерегутъ пущы нашое Ретовское, почонъ отъ Песчанъки бродку, одъ граници Сениковъ, дорогою звечыстою до Любецкого мосту на болоте речъки Лютыцы, по половине зъ Любчемъ грань, куды речъка идетъ, лесы, урочысчы до Колодезыковъ, пусчею, болоты голыми до Каменя леса, зъ леса Лютыцею подъ задний островъ нашъ Росохи въ стависче бобровое, къ Соколю, делечи по половине дороги Чорторыское, черезъ пусчу нашу и ловисча, подъ Чорный лесокъ нашъ, Бродницею берегъ леса подъ Белую гору, Стыромъ, за монастыръ Дубинский, а отъ монастыра речкою Чолницею до мосту, на дорозе зъ Дубисчъ до Своза, где се Чолница зъ Ретовкою сходитъ, а Ретовкою до Чыжовки, а потомъ, пустивъши Чыжовку въ право, а въ лево Ретовъкою поступуючи, недалеко села нашого Своза, ажъ ку Пруднику идучи, увесь лесъ Ретовъ, за Ретовъкою къ Рожысчомъ, на западъ слонца, — до церкви Божое со всякими пожытками прыдаемо; к тому село нашое Теремъное подъ Луцкомъ, почонъ отъ того копъца при дорозе, грани Тереме́ньское, и отъ того копъца къ великому копъцу Грицевы могилы, на дорогу Жуковецкую, къ Бакшиной горе, на всходъ слонца зимный грани Лисчынъское, а отъ Бакъшыны горы до дороги Лисчинъское, а тою дорогою до перереского гостинца съ Луцка до Олыки, а покинувъши гостинецъ Олышский въ право, а другую дорогу до Поддубецъ, поехати гостинцомъ, который идетъ до Колковъ ку полуносчы; у того гостынца кгрунтъ Тереме́нский по левой руце, а по правой Поддубецъкий, просто ку гостинцу до Жыдичына отъ Олыки, а покинувъши гостинецъ Колковъский, взяти въ лево гостинцемъ до Жыдичына на западъ летний, по левой руце Тереме́нский, а едучи дорогою зъ полмили на западъ зимный на гостинецъ Луцкий—полеский, а оттоль до дороги, которая идетъ зъ Жыдичына до Крупой, прозываемое Острозское, по половицы зъ Яровицею—по левой стороне Тереме́нское. Паки же, снаднейшого ради отправованя хвалы Божое пры церкви соборной, даемо надто подъ Острогомъ тому господину отцу владыце и воспрыеминикомъ его село наше Бусчу, зъ дво-

рысчомъ Борсчовскимъ, Мезочъ Малый и Великий, Будорожъ, Пичеви Точывско, какъ се въ собе шыроко и долго маетъ, до Чудовы могилы, зъ лесами, подъ Дубно на две мили и ку Дерманю, зъ гаями, ловами и зо всякими пожытками. Тые вси села, отъ насъ ку церкви Божой прыданые, маетъ держати господинъ богомолецъ нашъ Климентый, владыка Луцкий и Острозский, и вси наступъники его вечъно и непорушоно, а за насъ и чада наша Господа Бога молити и о добромъ посполитомъ, вкупе зъ сынъклитомъ нашимъ, во первыхъ яко пастырь и отецъ нашъ, пры насъ и пры советахъ князевъ и бояръ нашихъ, радити и советовати, а всими церквями и ихъ свесченъниками, нищихъ обителми, болницами, странноприемницами радити, благихъ миловати, а злобныхъ казнити, яко самъ отъ Христа Спаса власть господинъ отецъ владыка маетъ; архимандрыты благословити, игумены наставляти, попы и дьяконы совершати, какъ въ нашой области, въ богоспасаемыхъ городахъ въ Луцку и въ Острозе, и въ селахъ до нихъ прислухаючихъ, такожде и бояръ и земянъ нашихъ; а соблазны творясчыхъ извержати, церкви освесчати, антымисы благословити, еретыковъ и непослушныхъ клясти, никакоже паче благословеня его церкви созиждати, или самовласте разорити, или свесченъниковъ отъ него благословенныхъ отъ церкви отганяти, или дидаскалию основати, мети ставропию, но во всемъ ему, яко настоятелю, повиноватись и все со благословениемъ его творити. А по семъ ненадобе вступоватись ни детемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до века, ни въ люды церковъныя, ни во вся суды ихъ, — то все далъ есми церкви Божой. Ктому и куницы отъ поповъ по всемъ городомъ и погостомъ и по свободамъ, где суть хрестиане, и своимъ тывуномъ приказуемъ судовъ церковъныхъ не судити, ибо мирскимъ не просчено отъ закона Божыя доступоватыся въ тые рады. Аще ли хто подъ областию нашою въ епархией Луцкой и Острозской, гординею превознесяйся, сия предания отческая и повеления княжения нашего переступитъ дерзнетъ, десять тисечей рублей на насъ и на епископа да казнится и отъ Бога проклятъ будетъ. И на то есми далъ господину отцу владыце сию грамоту мою. Писанъ въ великомъ Луцку, лета отъ создания мира 6830, индикта семого, месеца декабря 8 дня.“ — И просилъ насъ, абысмо ему тые наданя потвердили; ино мы, зъ ласки нашое господарское, згадавши зъ паны радами нашими,

тую данину во всюмъ ему и наступъникомъ, епископомъ Луцкимъ и Острозскимъ, потвержаемъ, а для болшое твердости печать нашу завесити росказали есмо. Писанъ въ Городне, въ день святого Валентина, року тисеча чотырысто деветдесятъ осмого. Correxit cum originali Budn.... Do ktorei prosby my się przychilaiąc, mianowany list przywilei do act cancellariei naszei większei przyiąć i do nich go spisać roskazalismy, na co, dla lepszei wiary, pieczęć coronna do listu tego iest przycisniona. Dan w Warszawie, dnia XXXI miesiąca Decembra, roku pańskiego MDCXXIX, panowania naszego polskiego XXXXI, szwedskiego XXXVI roku.

Za przełozeniem jasnie wielebnego w Bogu jego mosci xiędza Jakuba Zadzika, Biskupa Chełmskiego y Pom..., kanclerza wielkiego koronnego.

Книга Метрики Коронной 177, 1628 — 1629 годовъ, листъ 449 *)

II.

Листъ Исидора, митрополита Кіевскаго и легата папскаго, къ урядникамъ г. Холма, въ которомъ, ссылаясь на совершившееся якобы на Флорентинскомъ соборѣ соединеніе церквей, увѣщеваетъ ихъ не дѣлать обидъ священнику Холмскому Вавилѣ и не отнимать у него церковнаго сада. 1440 года, іюля 27 дня.

Vladislaus IV etc. Significamus etc. Oblatas esse ad acta cancellariae nostrae minoris, per manus venerabilis Methodi de Terlo Terleski, episcopi seu vladicae Chelmensis et Bełzensis, ritus Graeci, in unione sacrae matris ecclesiae catholicae Romanae existentis, die XXIII mensis februarii, anno Domini MDCXXXVII, literas pargameneas, idiomate rutenico scriptas, manu Isidori, mitropolitae Kiioviensis et per totam Russiam magnumque ducatum Lithvaniam et Germaniam

*) Примѣч. Запись эта въ послѣдствіи, именно въ 1738 году, внесена была въ Луцкую гродскую книгу, но въ переводѣ на польскій языкъ, въ каковомъ видѣ текстъ ея напечатанъ въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. 1, въ подстрочномъ примѣчаніи къ акту № 46.—Ред.

legati Apostolici, subscriptas et sigillo ipsius appenso communtas, sanas, salvas illaesas omnique suspicionis 'nota carentes; et alias versionem earundem literarum in sermonem polonico Rutenicum, tertiasque translationem in idioma polonicum in se continentes. Supplicatumque nobis est, ut easdem ad acta cancellariae nastrae suscipi, eisdem inseri et authentice extradi mandare dignaremur, quarum literarum tenor sequitur talis: „Благословенье Ісидора, митрополита Киевского и всея Руси, легатоса и отъ ребра апостолского сѣдалища Лятъского и Литовъского и Немецъкого, въ Холъмѣ о святемъ дусѣ сыномъ нашего смѣрения старостамъ Холмъскимъ и воеводамъ, кто коли ни естъ, такъ-же и заказникомъ и всимъ православнымъ. Пишемъ вашей милости, ижъ билъ намъ чоломъ попъ Вавила отъ светого Спаса отъ Столъпа, а сказываетъ, что же дей обидъ чинитъся ему велъми много, да и садъ дей церковный у него обираютъ, а пимъ то онъ у тое церькви жыветъ и Бога молитъ о всемъ християнстве. И благословляю вашу милость, что-бы есте о томъ опѣканье имѣли, какъ бы церковь Божая и тотъ попъ никимъ были необидны и садовъ бы церковныхъ у него не обивали и ничего церъковного не брали, занъ же дей изстарины тои Божей церкви и попомъ ее ни отъ кого обидъ не чинилося, и что-бы и нынѣ вашимъ опѣканемъ та богомолъя стояла с покоемъ, а тотъ бы попъ отъ нее прочь къ иной церкьви не шелъ, жилъ бы туто и молилъ Бога, никимъ не обиженъ. Занъ же кто обидитъ церковь Божую, тотъ самому Божью закону противляетъся; а намъ сущимъ православнымъ християномъ Ляхомъ и Руси достоитъ исполняти Божия церкви и ихъ свещенъниковъ, а не обидети; есмо бо нини, далъ Богъ, одино братя християне Латыни и Русь. И того ради приймете отъ вседерьжителя Бога благодать и милость, а отъ нашого смиреня благословенье и молитву. А писанъ листъ въ Холъмѣ, месеца июлия во 27 день, въ лѣто 6948, инъдикта во 3. Исидоръ митрополита“.—Versionis vero polonico rutenice tenor talis: Błahosłowienie Isidora, metropolita kiiewskoho y wseia Russi, legatosa y ot rebra apostolskoho sedalisza Latskoho y Litowskoho y Nemeckoho, w Chołmi o swietim Dusie sinom naszoho smirenia, starostom Chołmskim y wojewodom, kto koli ni iest, także y żakaznikom y wsim prawosławnim. Piszem waszey miłosti, iz bił nam czołom pop Wawiła ot swetoho Spasa ot Stołpa, a skazywa-

iet, czto że dey obid czynitsia iemu wielmi mnoho, da y sad dey cerkowny w neho obiraiut, a nym to on w toie cerkwi żywet y Boha molit o wsem chrestiânstwi. I błahosłowiaiu waszu miłost, cztoby ieste o tom opikaniey mieli, kakby cerkow Bożaia y tot pop nikim byli nie obidni y sadow by cerkownych u nieho nie obiwali y niczoho cerkownoho nie brali, zanże dey yz staryny tojey Bożei cerkowi y popom ieie ni ot koho obid nie czyniłosia i cztoby i nyni waszym opiekaniem ta bohomolia stoiała s pokoem, a tot by pop ot nieji procz k inoy cerkwi ne szeł, żyłby tuto y molił Boha, nikim neobyżen. Zanże kto obidit cerkow Bożuju, tot samomu Bożyiu zakonu protiwlaietsia; a nam suscsym prawosławnym chrestianom Lachom y Rusi dostoit yspołniaty Bożyja cerkwi y ich sweszczennikow, a ne obideti: iesmo bo nyni, dał Boh, odyna bratia chrestiane Latyni y Rus. I toho rady prymete od wsederzytela Boha błahodat y miłost, a ot naszoho smerenia błahosłowienie y molitwu. A pisan list w Chołmi, mesiaca iulia wo 27 den, w lito 6948, indicta wo 3. Isidor metropolita".—Translationis vero in idioma Polonium serius ejusmodi: „Błogosławienstwo Jsidora, metropolity Kiiowskiego, y wszystkiey Rusi, legata od boku apostolskiey stolicy Korony, W. X. Litewskiego y Niemieckiego, w Chelmie w Duchu S. synom naszey pokornosci, starostom Chełmskim y woiewodom, y ktokolwiek iest z urzędnikow, y wszystkim prawosławnym. Piszemy waszmościam, isz bił nam czołem pop Wawiła od swiętego Spasa od Stołpia, opowiadaiąc, że krzywdy cierpi wielkie y sad cerkiewny obrywaią, s ktorego on przy tey cerkwi żyje y Bogu się modli o wszystkiem chrzescianstwie. Żądamy tedy przy błogosławienstwie naszym waszmosciom, ażebyscie o tem pieczołowanie mieli, zaczem by cerkiew Boża y ten pop od żadnego nie bili krzywdzeni y sadow cerkiewnych onemu nie obiiali i nic cerkiewnego nie brali; ponieważ z starożytności to było tey cerkwie y popom jey od żadnego krzywda nie czyniła się, tosz y na ten czas waszym pieczołowaniem ta cerkiew aby stała spokoiem, przez co by ten pop od tey cerkwie precz do drugiey cerkwie nie przechodził, a żyjąc tu, modlił Boga, nie maiąc krzywdy. Poniewasz kto skrzywdzi cerkiew Bożą, ten samemu Bożemu zakonowi przeciwisię; a nam będącym prawosławnym chrzescianom Lachom y Rusi należy ta rzecz napełniać cerkwie Bożę y ich swieszczenniki, a nie prze-

sladować: jestesmy bowiem teraz, za łaską Bożą, ziednoczeni bracia chrzescianie Lacennicy y Rus. Y dla tego przymicie od wszechmogącego Boga łaskę y miłosć, a od naszey pokornosci błagosłowieństwo y modlitwę. A pisan list w Chełmie, miesiąca iulii dwudziestego siodmego dnia, roku od stworzenia swiata szesć tysięcy dziewięcset czterdziestego osmego, indicta trzeciego. Isidor metropolita".—Cui supplicationi son benigne suscipi iis inseri atque authentice extradi mandavimus, in cujus rei fidem praesentibus sigillum Regni nostri est appressum. Datum Varsaviae, die XXIII mensis februarii, anno Domini MDCXXXVII, regnorum nostrorum etc.

Relatio reverendi in Christo patris ut supra.

Книга Метрики Коронной 132, годовъ 1635, 1636, 1637 и 1638.,—листъ 179 на оборотъ *).

III.

Грамота великаго князя Литовскаго Свидригайла Ольгердовича, въ которой онъ подтверждаетъ древніе фундуши на церковь Успенія Богородицы въ г. Владимірѣ, именно: запись князя Романа Мстиславича на с. Купечовъ и великаго князя Литовскаго Любарта Гедеминовича на с. Сусично. 1444 т.

Року тисеча шестсотъ тридцетъ пятого, месеца августа десятого дня.

Передъ судомъ нинешнымъ головнымъ трибуналскимъ коронnымъ Любелскимъ, постановившысе очевисто, шляхетный панъ Ерий Божкевичъ, именемъ превелебного въ пану Богу его милости отца Юзефа Мокосия Баковецкого, епископа Володимерского и Брестского, и капитулы, яко дня оногдишнего, при отправованю справы о забране кгрунтовъ Сушъчанскихъ и о сажене воли Карасина, у суду нинешнего покладалъ, такъ и теперь, для вписаня до книгъ трибуналскихъ, перъ

---

*) Примѣч. Хотя документъ этотъ былъ уже напечатанъ въ нѣкоторыхъ Галицкихъ изданіяхъ, но мы помѣщаемъ его, такъ какъ здѣсь впервые указанъ настоящій его источникъ а также время и имя лица, внесшаго его въ Метрику Коронную.—Ред.

облятамъ, подалъ привилей великого князя Свидригайла, съ печатю завесистою, на паргамине писаный, на маетность Сусично, къ церкви Володимерской соборной належачий, о чомъ тотъ привилей ширей въ въ собе маетъ, которого передъ нами положившы, просылъ, абы принятъ и у книги уписанъ; а такъ мы судъ, оный приймуючи, передъ собою читати казали есмо, и такъ се въ собе писмомъ рускимъ писаный маетъ: „Приказъ великий князь (sic!). Милостю Божею мы Швидрикгайлъ великий князь Олкгилдовичъ чынымъ знаменито сымъ нашимъ листомъ кождому, кто на него посмотритъ, нынешнымъ и потомъ будучимъ, кому колвекъ будетъ потребно: иже осмотрили есмо у святого еванъгелей, которие села придали наши продкове ко пречистой Божой матере церкви Володимерское и здавна и звека тягли; и мы, дорадившисе изъ нашою княгинею, и зъ нашими князы и бояры, подлугъ даня продковъ нашихъ, што былъ придалъ великий князь Любартъ Кгидоминовичъ Сушичьно и зъ данью медовою и грошовою, и со всею стратбою и землею ловною и пашною, и озеро Стобуховъ и съ инными озери, и бобровыми гоны, и со всѣми доходы; а хто бы то порушилъ после его живота и начнетъ уступатисе у тую данину, да судитсе зъ нымъ передъ милостывымъ Богомъ и да будетъ на немъ клятва святыхъ триста и осмнадесятъ отецъ иже въ Никеи, — такъ написалъ въ святомъ евангелие. И мы, великий князь Швыдригайло Олкгердовичъ, сее осмотрилъ у светомъ евангелиеи Влодимерское церкви тые записы и обыскали есмо съ нашою княгинею а съ нашими князми и и бояри: которое какъ было село и земли пашнее и ловы и сеножати и озеро Стобуховъ и зъ инными озеры приданы святой церкви Володимерской епископии, подлугъ записовъ продка нашого, опять церкви Божей потвердили есмо. Тыми жъ разы а другий записъ Романа Мстиславовича, на Купечовъ и инные села наданье святой Пречистой Володимерское епископии, осмотрели въ томъ светомъ евангелии, и то такъже потвержаемъ вѣчне и на вѣки; еще надто, про лепшое сведоцство и твердость, и печать нашу казали есмо привесити къ сему нашому листу. А при томъ были сведки наши верная рада: панъ Немира, староста Луцкий, а панъ Федорко Малинский, а панъ Козаринъ а панъ Суринъ писаръ, и панъ Федоръ дякъ, и старецъ Грецко и инныхъ людий досыть. Дѣялось въ Луцку, подъ лѣты Ісусова рож-

ства тысяча четыреста сорокъ четвертого, индикта тринадцатого (sic!).— У того листу привилею печать великого князства Литовского на шнуре едвабномъ червономъ завесистая, въ воску вытисненая; который жъ то листъ привилею увесь с початку до конца до книгъ головныхъ трибуналскихъ есть уписанъ.

Книга Главн. Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1635 г.; справа 133.

IV.

Рѣшеніе воеводы Кіевскаго Юрія Монтовтовича по жалобѣ винограднички Ѳеодосіи и другихъ виноградниковъ Кіевскихъ о присвоеніи игуменомъ и братьей Никольскаго монастыря нивъ Плоской и Клиноватой. 1507 года, іюля 20 дня.

Я Юрій Михайловичъ Монтовтовичъ, воевода Киевскій, староста Крымянецкій. Жаловала намъ винограднична на имя Ѳеодосія из зятемъ своимъ Захаркою и з иншими виноградники на игумена святого Николи Пустинского и на ихъ братію: „отняли де в насъ двѣ нивы, Плоскую и Клиноватую". И мы тамъ выездили на тии нивы; игуменъ з братією покладалъ перед нами листъ господарьскій, што имъ господаръ король далъ тіи ниви; и мы тихъ виноградниковъ опитовали: чіи пак тіи ниви? Они перед нами сознали, що тіи ниви господарьскіи къ городу. И мы, подлугъ листу господарьского и ихъ сознаня, дали есми тіи двѣ ниви Плоскую и Клиноватую къ манастиру святого Николи Пустынского игумену и всей братіи, и границу есми положилъ: Плоской ниви подлѣ дороги великои, которая идет отъ Печерского манастира къ Либеди къ реце, а отъ дороги направо межею великою по конецъ Воздвиженскои нивы, да в долину стежкою просто на взгорокъ Клиноватой ниви, а Клиноватои ниви границу положили есми уверхъ подле малой долини и замежокъ малой нивки, которая посполита с Клиноватою, то есми привернулъ до Клиноватой, и грань тоей ниви положили есми зъ Софѣйскою землею; а которие ниви въ долинѣ и долина самая, и за долиною нивки от тоей же нивки Клиноватой, то есми все прилучили. А при томъ были: панъ Данило Дедковичъ, Янъ Выдра, тивунъ Киевскій, а Лоза, а мещанинъ Киевский Ганко, а

Филипъ Стрелниковичъ, а Новаша, и иныхъ было людей добрих полно; а на то есми имъ далъ сей нашъ листъ подъ нашою печатю. Писанъ у Киеве, юля 20, индиктъ 10.

(мѣсто печати)

Изъ книги документовъ Никольск. монастыря, находящейся въ библ. К. Дух. Академіи, № 219, л. 42 на об.

V.

Духовное завѣщаніе п. Семена Романовича на половину им. Шепеличъ на р. Припети въ пользу Никольскаго монастыря. 1507 года, сентября 1 дня.

Во имя святыя и живоначалныя Тройцы, Отца и Сына и св. Духа, Я Семенъ Романовичъ из женою своею Татяною, будучи у полном свемъ здоровіи и у цѣломъ своемъ розумѣ и у доброй памяти, чиню знаменито симъ моимъ листомъ, кому ся его ускощеть видети, чили чтути слышати. Записалъ есми отчину свою половину имѣнія Шепеличь, свою часть, на Припяти, святому великому Архіерею чудотворцу Христову Николѣ Пустинскому монастыру, игумену Пустинскому и всей еже о Христе братіи старцемъ Пустинского монастыра, котораяжъ часть на мене перешла, коли есмо дѣлилися з братомъ своим с паномъ Волчкомъ Романовичемъ, отчизныи свои властныи не похожіи люди на имя: отамана Василя Гридковича, а Семена Микитича, а Отрохима Семеновича прозвище Курвеля, а Семена Шурмановича, а землю бортную Петрову. Ино хто будетъ тую землю держати, тотъ маетъ тую дань св. Николе давати, а не будетъ человѣка на Петрову землю, ино тую дань Петровы земли всю тымъ людемъ исполняти, а тую землю самымъ ходити. А тыи мнѣ люди давали осмъ вѣдеръ меду кіевское мѣры, а пятъ-десятъ грошей грошми, а с тыхъ же людей подати: обѣсткы идеть кузня меду, а ловчому куниця да корчага меду, а бобровнику куниця да корчага меду, а на господаря полюдье, а дару куниця, а на слуги десять грошей; а если игуменъ а любо братя которое осѣни не пойдутъ к ним полюдовати, ино имъ за тсе привезти к монастиру кораманъ меду и тыи подарки и што на слуги идеть; а чоловѣка маютъ на лѣто съ

топоромъ давати на монастирскую роботу от снѣгу до снѣгу, а маютъ косити пять стоговъ сѣна а полтретьи, подымщины на нихъ по дванадцати грошей, а сани дровми зима имъ давати, а зима не давати. А записалъ есми ихъ святому Миколи вѣчно и непорушно с тою медовою данью и съ ихъ бортними землями, и из лѣсы, и з дубровами, и с пашными землями, из луги, и со сѣнокожатми, и с озеры, и на Припети со ѣзы и лукы, што сѣти на осетри кладутъ, и з рѣчками, и с криницами, и зъ бобровыми гоны, и изъ звеpинными ловы, со всѣми тыми входы и приходы, и с пошлинами, как есми самъ роздѣлився зъ братом своим, с паномъ Волчкомъ Романовичомъ, наполы держалъ. А еще к тому приписываю свою вѣрную выслугу, што есми выслужилъ на господари великомъ короли Александре, озеро Вѣропутъ а Долгую тоню; а тое озеро котятъ тыи жъ люде Шепеляне и стерегутъ, покуля его изволочатъ. А тепере еще при своемъ животѣ хочу тое имѣти все ку своему пожитку; а как скоро по моему животѣ, ино игуменъ Пустинского монастыра со всею о Христѣ братьею мают ся въ тыи Шепеличи увязати и во вси тыи верху писаныи пошлины, какъ у семъ у моемъ листу стоитъ; а за тое все имѣнье маютъ уписати шесть душъ у вѣчное поминане, у служебникъ: Романа, Еуфимію, Симеона, Татяну и Ивана, Стефана; и которіи игумены у св. Николы у Пустынце будутъ и вся яже о Христе братя, абы вѣчно тымъ душамъ нашимъ память дѣлали. А по моему животѣ у тое имѣніе и у тые пошлины и у тые люди не надобѣ никому ся уступати, моему роду и племени, а ни моимъ близкимъ; ахто бы хотѣлъ у тое ся уступити, а нашимъ душамъ память зaронити, тот ся с нами розсудитъ пред милостивымъ Богомъ на страшномъ судѣ. А при томъ былъ господинъ отецъ нашъ архимандритъ Печерскій Прокопіе, а князь Василей Даниловичъ Глинскій, староста Черкаскій, а братанич мой Юхно Обернѣевичъ, а мѣщанъ кіевскихъ: Ганко, а Берендѣй толмачь, а Солтанъ толмачь. А про лѣпшую твердость, бил есми чоломъ господину нашому князю Івану Лвовичю Глинскому, воеводѣ Кіевскому, абы его милость к сему моему листу печать свою приложилъ; и тежъ просил есмы князя Василя Даниловича, старосты Черкаского, абы и его милость къ сему моему листу печать свою приложилъ; и ихъ милость к сему листу печати свои приложили, и свою есмы печать приложилъ къ сему моему листу и дал есмы его у мона-

стиръ св. великаго архіерея чудотворца Христова Николы у Пустинку навѣки вѣкомъ. Писанъ у Киевѣ, в лѣто 7015, месяца сентебря 1 дня, индиктъ 10.

(Мѣсто печати).

При игуменѣ Матѳеи Маломъ и при ченци Пустинскомъ Ефрѣме Салчѣи.

Изъ книги документовъ Пустынно-Никольскаго монастыря, находящейся въ библ. К. Дух. Академіи, № 219, л. 48.

VI.

Духовное завѣщаніе п. Сенка Гридковича Никольскому монастырю на с. Гридково. 1507 года, сентября 1 дня.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я рабъ Божій, Сенко Гридковичъ, явно чиню сеею моею духовницею нинѣшнимъ и напотимъ будучимъ, кому то будетъ потреба видити, или чтучи слишети, ижъ што есми выслужилъ на его милости Жигимунте Олбрыховичу, старосте Житомѣрскомъ, и у жены его милости панеи Ганны, село, лежачое въ новѣте Кіевскомъ, на име Гридково, у полѣ, наверху Олшаницы, а на низъ зъ моимъ грунтомъ суграпь грунтъ Чуменовскій; а не маючи я по себѣ потомства, записалъ есми на церковъ Божію св. Николѣ Пустинскому Кіевскому монастиру и игумену и его братіи тое село, выше помененое, Гридково, у полѣ, наверху Олшаницы, со всѣми доходы, што к тому селу принадлежитъ, якъ самъ державъ, то есми записавъ вѣчно и непорушно, отдаляючи отъ всѣхъ кревныхъ, близкихъ и повинныхъ моихъ; а они мнѣ уписали у вечистый поминникъ шесть душъ: отца моего Гридка, матку Татіяну, дядка Семіона, брата Трохима, сестру Настасію, и самого мене Сенка. А хтобы хотѣлъ отъ церкви Божой отънят, тотъ розсудится со мною на страшномъ суде Христовомъ. А при томъ былъ архимандритъ печерскій Прокопей, а князь Василь Даниловичъ Глинскій, староста Черкаскій, а мещанинъ Кіевскій Ганко, а Берендей толмачъ. А про лѣпшую твердость, билъ есми чоломъ го-

сподину нашому князю Івану Львовичу Глинскому, воеводе Кіевскому, штобъ его милость къ сей моей духовницы печать свою привѣсилъ, и его милость печать свою привѣсилъ; и на то есми далъ сюю духовницу, штобъ было вѣчно и непорушно на веки векомъ. Писанъ в Кіеве, въ лѣто отъ сотвореня 7015, месяца септемврія 1 дня, индиктъ 10.

(Мѣсто печати).

Изъ книги документовъ Пустынно-Никольскаго монастыря, находящейся въ библ. К. Дух. Академіи, № 219, л. 78.

VII.

Листъ архимандрита и братіи Печерскаго монастыря, въ коемъ они отказываются въ пользу Никольскаго монастыря отъ поля и двора Кононовскаго, на основаніи показаній старыхъ людей, что это поле и дворъ съ давнихъ временъ составляли собственность послѣдняго монастыря. 1508 года, августа 8 дня.

Милостію Божію я Васиянъ, архимандритъ Печерского монастира, чиню знаменито симъ моимъ листомъ, кому ся его всхощетъ видети или чтучи слишети: штожъ бивали ми чоломъ многажды мужи заманастирскіи Печерского манастира, жалуючи на святого Николы старцовъ Пустинского монастыра о Кононовскій дворъ, што водле ихъ саду, и о тое полко, што они, витеребивши, въспахали, а повѣдаючи мнѣ, што тот дворъ и тое полко извѣчное Пречистои Богородици Печерского манастира; а Пустынскіи старци намъ повѣдали, што то есть извѣчное св. Николи Пустинского манастыра. И хотѣли есмо с ними о тое право мѣти, нездоки повести (sic!), а затимъ довѣдалися есмо гораздо в своихъ старих мужей и у сторонних, а найболѣй опитовалъ есми духовно Матѳея Малого, игумена Пустинского, и онъ ми виписалъ девять архимандритовъ Печерского манастира, а мене десятого, почовши от Ігнатія Волинця: при томъ нрійшовъ молодъ з Новагорода Великого еще до Микули архимандрита, запомънитъ; и повѣдалъ мнѣ, штожъ много жилъ у св. Николи у Пустинскомъ манастирѣ, и выписалъ ми на имя болше двадцети игуменовъ Пустинского манастира, а тое дворище и тое полко извѣчно св. Николи Пустинского манастыра; и инніе старіе люде так-

же посвѣдчили. И мы, тому порозумѣвши, старцемъ Пустинскимъ дали есмо в томъ имъ внокой: незамай они тое дворище и тое поле держать вѣчно и непорушно; а иншая наша братія, по насъ будучи архимандрити печерскіи, штоби ихъ въ томъ не рушали, а и никому ненадобе подъ ними того искати; а хто иметъ въ томъ ихъ дворѣ Кононовскомъ жити, тотъ маетъ давати третій грошъ пословщини нашимъ Печерскимъ людемъ в помощь. А про лѣпшую твердость и свѣдителство, далъ есми старцомъ Пустынскимъ у манастирь св. Николы сесь нашъ листъ с нашею печатію. А при томъ у насъ были: намѣсникъ Премудрости Божія святыя Софѣи Антоніе Крицкій, а бояре Киевскіи: панъ Яцко Лозичъ, а панъ Богданъ Василиевичъ Тулятицкій, а старцовъ Печерскихъ от крилошанъ: Серапѣонъ, а Лаврентей, Богданъ Берестянинъ, а бояръ нашихъ: Василей Псковитинъ, а Іванъ Кобизевичъ, а Волинецъ; а писалъ дякъ архимандричъ Богданъ. А просили старци Пустинскіи намѣсника Софѣйскою Антонія, штоби его милость к сему нашому листу и свою печать приложилъ, и его милость на ихъ прозбу печать приложилъ к сему нашему листу. Писанъ в лѣто 7016, индиктъ 11, месяца августа 8 день.

(Мѣсто печати Печерской). (Мѣсто печати Софѣйской).

Изъ книги документовъ Пустынно-Никольскаго монастыря, находящейся въ библ. К. Дух. Академіи, № 219, л. 74.

VIII.

Дарственная запись дворянина королевскаго Остафія Дашкевича Пустынно-Никольскому монастырю на селище Сарклановъ, подъ Кончею. 1510 года, февраля 9 дня.

Я Остафей Іванович Дашкевич, дворянинъ господаря его милости нашого великого короля Жикгмунта, визнаваю сим моим листом самъ на себе кождимъ добримъ людем, хто хочетъ его вѣдати, або чтучій слышати, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, штожъ я, самъ своею доброю волею умысливши, а души своей помагаючи, выслугу мою, што есьмо выслужилъ на господари великомъ короли Жикгмонте, на кони моемъ

седечи а горла моего не жалуючи на господарьской службе, селище на имя Соркланов, даю и записую со всими с тыми доходы, какъ ся въ собѣ маетъ, ничого собѣ не оставуючи, какже самъ есьмъ выслужилъ на господари его милости, на монастырь великого Чудотворца архіерея Христова Николы Пустынского, ижъ есть в Киеве, игумену Макарію и со всею еже о Христе братіею на вѣчность, и не надобѣ ся в тое селище, выслугу мою, никому уступати моимъ прироженымъ. А при томъ были и тому свѣдоми тыи люде добріи: дворянинъ господара нашого великого Жикгимонта панъ Петръ Епимаховичь и Сенко Михайловичь, старшій войтъ мѣста Киевского. А для лепшого вѣдома и я, въ верху писаный, Остафей, просилъ есмы тых людей добрыхъ, которіе въ листе моемъ стоятъ, абы ихъ милость печати свои приложили; ихъ милость то на прозьбу мою учинили и печати свои приложили поспολу з моею печаттю к сему моему листу. Писанъ въ Киевѣ, февраля 9 дня, индиктъ 13.

(Мѣсто печатей).

Изъ книги документовъ Никольск. монастыря, находящейся въ библіот. К. Д. Академіи, № 219, л. 6 наоб.

IX.

Рѣшеніе воеводы Кіевскаго Юрія Александровича Голшанскаго по дѣлу о спорной нивѣ между монастырями Печерскимъ и Никольскимъ. 1510 г., іюля 20 д.

Я князь Юрій Александровичъ, воевода Киевскій, кравчий господаря нашого великого короля Жигимонта, смотрѣли есмо того дѣла. Жаловалъ намъ игуменъ Макарей и со всими старци монастиря св. Николи Пустинного на архимандрита Печерского, на Протасия, и мовили тимъ обичаемъ: „лежитъ дей нива пашная монастыра Печерского надъ св. Николи монастиремъ Пустинского, ино дей архимандритъ Протасей с тои нивы около кургана и около гумна, дереве порубавши, извѣчную целину Николскую пооралъ, и гумно хотѣлъ зметати, мене в томъ не обсылаючи и жадного права зо мъною не маючи“. И я тамъ висилалъ на тую землю того промежку ихъ досмотрѣти пановъ ихъ милостей

земянъ киевскихъ: пана Михайла Павшу, а пана Дмитра Івашенцовича, а пана Юхна Обернѣевича, а пана Яцка Лозу, и они тамъ ездывши и справедливий конецъ промежку ихъ нашовши, мнѣ отказали: штожъ архимандритъ монастыра Печерского Протасій, довѣдавши певности гораздо в старихъ старцовъ, у право не вступаючи з игуменомъ Макариемъ и старци Пустинскими, того гумна и тое целини ораное поступился св. Николе монастиру Пустинскому вѣчно непорушно, по тому, коли продокъ его Филаретъ, архимандритъ Печерскій, тоениви пашное доискался под ними, тогди ку тои цѣлинѣ и къ тому гумну Никол-скому жадного припоминання не имѣлъ. И панове ихъ милость межу промежку ихъ положили: от кургана просте у густую липу, што стоитъ повижше гумна в заломе; и тежъ, што имъ били с тое жъ ниви подле монастыра Печерского дорогу заорали, што идетъ отъ Пустинки на великую дорогу городскую, и архимандритъ Протасій и тую дорогу имъ очистилъ ездити имъ по роллѣ, озле ровка, по томужъ вѣчно и непорушно. И просили мене игуменъ изъ старци Пустинскими, абихъ имъ на то листъ свой далъ потвержоний; и я тому врозумевши, водле судового листу пановъ земянъ ихъ милости, далъ есми имъ на то сесь нашъ листъ подъ нашею печатію.

Писанъ в Киеве, июля 20 дня, индиктъ 13.

(Мѣсто печати воеводы Кіевскаго).

Изъ книги документовъ Никольск. монаст., находящейся въ библ. К. Дух. Академіи, № 219, л. 75 на об.

X.

Дарственная запись п. Михайла Павши Пустынно-Никольскому монастырю на селище Климятинъ, на Днѣпрѣ, въ Черкасскомъ повѣтѣ. 1512 года, августа 25 дня.

Во имя светыя, живоначалныя, нераздѣлимыя Троицы Отца и Сына и святого Духа. Я Михайло Павша, посполито с моею жоною Өеклою, будучи у полномъ своемъ здоровьи и у цѣломъ своемъ розумѣ и у доброй памяти, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кому ся

его усхоцетъ видети, или чтучи слышати: записалъ есми свою вѣрную выслугу, што есми выслужилъ на господары великомъ короли Жикгимонте, селище Климятинъ у Черкаскомъ повѣте, на Днепрѣ, нижей Черкасъ, святому великому архиерею чудотворцу Христову Николе Пустынскому манастырю, игумену Пустынскому Макарею и всей о Христе братьи старцомъ Пустынского монастыря, што есть у Киеве, по отца своего души и матки своее души, и по своимъ родителемъ и по своей души, и по души жоны моее Ѳеклы, с пашными землями, и ис сеножатмы, и з звериными ловищы, и с озеры, и из затоны, и з бобровыми гоны, и с осетрими луками, и с езы и съ езовищы, с пасеками и с пасечищы, и с Сулскимъ входомъ, што в Сулѣ рецѣ, Климятинские входы, ези или боброви гоны, или по томужъ озера и затоны, со всими входы и приходы, какъ што из старынны к тому Климятину тягло и прислухало, собѣ ничого не оставлюючи; от сых мѣстъ почепши, игумену Пустынскому и всей о Христе братьи старцомъ Пустынского манастыря тамъ имъ своих людей с неводы посылати, озеръ волочити, и иншимъ людемъ, которіи в ныхъ пожадаютъ в тіи добитки ходити, и имъ с своее руки давати. А записалъ есми тыи вси верху писанныи рѣчи святому великому архиерѣю чюдотворцу Христову Николе Пустынскому монастырю вѣчно и непорушно, мнѣ вже самому не взрушивати, а ни искати, а ни моей жонѣ, а если Богъ милосердий отдаритъ насъ дѣтками, и дѣтямъ нашимъ того не искати, а ни нашому роду и племени, а ни нашимъ близкимъ, што записано къ Божеи церкви. А которіи есмо души родителей своихъ и сами себе уписали у поминникъ святого Николы, ино игумену Пустынскому и всей о Христе братьи старцамъ Пустынского монастыря тымъ душамъ вѣчно память дѣлати за тое приданье наше; а хто бы мѣлъ в тое ся вступити а нашимъ душамъ память заронити, тот ся с нами розсудитъ передъ милостивымъ Богомъ, на страшномъ суде. А при томъ были Михайло Михайловичъ Халецкій, а Юхно Обернѣевичъ, а Тимохвѣй Проскура. А про лѣпшую твердость, просилы есмо Михаила Халецкого а Юхна Обернѣевича, абы ихъ милость свои печати приложили к сему моему листу, и их милость к сему листу печати свои приложили, и свою есми печать приложилъ к сему моему листу и далъ есми его в монастыръ святого великого архиерѣя чюдотворца Христова Николы у Пустынку на вѣки вѣкомъ.

Писанъ в Киеве, в лѣто 7020, мѣсяца августа 25 дня, индикта 15.

При той духовной на снурахъ три вощаные печати вислые.

Изъ сборника документовъ Никольскаго монастыря, хранящагося въ Кіевск. Центр. Архивѣ, № 5874, л. 76 на об. *)

XI.

Подтвердительная грамота короля Сигизмунда I Владимірской епископіи на землю Квасовскую, съ разрѣшеніемъ основать на ней мѣстечко съ Магдебургскимъ правомъ, а также на имѣнье Лѣшнюю, ставъ и десятину съ мѣщанъ Владимірскихъ за пользованіе землей церковной. 1513 года, генваря 30 дня.

Року тисеча шесть сотъ тридцеть пятого, месеца июля девятого дня.

Передъ судомъ нинешнымъ головнымъ трибуналскимъ коронным Любелскимъ, постановившысе очевисто, превелебный въ Бозе его милость отецъ Иосифъ Мокосий Баковецкий, епископъ Володимерский и Берестейский, ку уписаню до книгъ головныхъ трибуналскихъ подалъ перъ облятамъ привилей, на паркгамине писаный, съ печатю его королевское милости великого князства Литовского и съ подписомъ руки писарское, конфирмации светое памяти короля его милости полского Жикгимонта Першого, владицтвю Володимерскому на землю церковную, на имя Квасовскую, до церкви Володимерское Пречистое Богородицы дѣвы Марии, презъ короля его милости Полского светое памяти Казимера и презъ пана Михайла, старосту Луцкого, и тежъ некоторыхъ князей и пановъ присужоную; такъже на плацъ певный зъ ставомъ, до кгрунту церковъного Квасовского засыпанымъ, и на имене церковное Лѣшнюю, и на десятину, зъ поль церковныхъ мещанъ Володимерскихъ приходячую, яко о томъ всемъ тотъ привилей въ собе объмовляетъ, просечи, абы принятъ и у книги нынешные уписанъ былъ. А такъ

---

*) Примѣч. Запись эта была подтверждена грамотой короля Сигизмунда I, данной въ Вильнѣ 6 декабря 1516 года. Копія послѣдней находится тамъ же, л. 77 на об.

мы судъ, оный для вписаня до книгъ приймуючи и видечи быть автентичный, целый и ни въ чомъ не подойзреный, передъ собою читати казали есмо, который такъ се въ собѣ писмомъ рускимъ писаный маетъ: „Самъ Жикгимонтъ, Божею милостю король Полский, великий князь Литовский, Русский, княжа Пруское, Жомоитский и инныхъ. Билъ намъ чоломъ владыка Володимерский и Берестейский Пахнотый и покладалъ передъ нами листъ отца нашего Козымера, короля его милости, што его милость смотрелъ предка его, владику Демяна, зъ земениномъ Волынскимъ зъ Барсаномъ о землю церковную, на имя о Квасовскую, въ которомъ же листе стоитъ, ижъ первей того небожчикъ панъ Михайло, староста Луцкий, зъ некоторыми князи и паны тогожъ предка его съ тымъ Барсаномъ о тую землю смотрелъ и въ томъ предка его правого знашолъ и тую землю таки ему присудилъ, подле которого жъ суда и отецъ нашъ его милость предка его въ томъ правого знашолъ и тую землю ему присудилъ. И тежъ покладалъ передъ нами листъ отца нашего, што его милость дозволилъ предку его, владице Никифору, на той земли Квасовской мѣстечко садиты и право немецкое тамъ мети. Также покладалъ передъ нами листъ пана Михайловъ Молтовтовича, старосты Луцкого, а пана Олизаровъ, старосты Володимерского, на то, што земяне Волынские Мушата а Барсанъ засыпали ставы къ земли церковной и не хотели ему съ тыхъ ставовъ своихъ ничого давать, а потомъ, съ права съ предкомъ его, владыкою Демяномъ, передъ ними вмовили, што съ тыхъ ставовъ къ церкви Володимерской Пречистой Богоматери, почонъ отъ Покрова светого, на третый годъ, хотя бы ихъ не спускали, маютъ давать Мушата двѣ копѣ грошей, а Барсанъ полтори копы грошей. И тежъ покладалъ передъ нами записъ земенина Волынского Юшковъ Камчинъ, въ которомъ же листе есть выписано, ижъ предокъ его, некоторый земенынъ Митко, упросылъ былъ у великого князя Швитригайла имѣне звечное церковное на имя Лѣшнюю, и онъ, достаточне доведавшисе, ижъ то есть имене церковное, за ся тое имѣнье Лѣшнюю привернулъ и записалъ къ церкви Володимерской на вечность. При томъ положилъ передъ нами листъ небожчика пана Янушовъ, въ которомъ же листе его выписано, што жъ которые поля пахивали месчане и люди Володимерские и зъ того на церковь светыхъ Якима и Анны, што въ замку Володимерскомъ, десятину даивали, ижъ

нѣкако хотелъ былъ тую десятину привернуты на замокъ нашъ, а потомъ, доведавшисе, што жъ съ того звѣчно хоживала десятина на тую церковъ, и онъ за ся тую десятину казалъ къ той церкви Божой святого Якима и Анны давати. И билъ намъ чоломъ владыка Пафнотей, абыхмо то все потвердили къ церкви Божой нашимъ листомъ на вечность. Ино мы, тымъ всимъ листомъ выше писанымъ, которие онъ на то на все передъ нами покладалъ, достаточне выслухавшы, напередъ для церкви Божой и зъ особливое ласки нашое, на его чоломбите то вчинили: тую землю Квасовскую маетъ онъ держати къ церкви Божой со всимъ, какъ ся въ собе маетъ, и людей волныхъ у право немецкое на тую землю зваты, и мистечко садити, и право немецкое тамъ мети, подле того листа отца нашого; а Мушатичы и тежъ Барсановичы и ихъ наслидки маютъ ему и потомкомъ, будучимъ епискупомъ, почонъ отъ Покрова Пречистое на третий годъ, съ тыхъ ставовъ своихъ, которие къ церковной земли засыпаны, давати—Мушатичи по двѣ копѣ грошей, а Барсановичи полтори копы грошей, хотя-бы по тые лѣта тыхъ ставовъ своихъ и не спускали. И то все выше мѣненое, и тую десятину къ церкви святой Якима и Анны, што въ замку, и тое имене Лѣшнюю зо всими пожитки потвержаемъ сымъ нашимъ листомъ къ церкви Божой вѣчно и на вики непорушно, ему и напотомъ будучимъ епискупомъ Володимерскимъ; и на твердость того и печать нашу казали есмо приложити къ сему нашому листу. Писанъ въ Вилне, лѣта Божого тисеча пять сотъ третего надцеть, месеца генваря тридцатого дня, индикта второго".—У того листу конфирмации печать его королевское милости великого князства Литовского притиснена, а подписъ руки писарское тыми словы: Богушъ Богувитеновичъ писаръ. Который-же то привилей конфирмации, за поданемъ особы верху писаное а за принятемъ нашимъ судовымъ, увесь до книгъ головныхъ трибуналскихъ есть уписанъ.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1635 г., справа 67.

XII.

Дарственная запись п. Ивашка Федковича Полозовича Пустынно-Никольскому монастырю на островъ Кучуковъ на р. Днѣпрѣ и на бортную землю Мутишинскую на р. Трубежѣ. 1517 года, февраля 26 дня.

Во имя светыя животворящія, нераздѣлимыя Тройцы Отца и Сына и святого Духа. Я Ивашко Федковичъ Полозовича из моею жоною Стефановною Мутишича Настасьею и з нашимъ сыномъ Андрѣемъ, будучи у полномъ нашомъ здоровьи и в добромъ нашомъ розуме и в цѣломъ смысле, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить, або чтучи его услышить, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потреб того вѣдати. Записали и дали есмо вѣчно и непорушно светому великому архіерею чудотворцу Христову Николе Пустынскому монастырю, который же есть в Киеве, отчизній нашъ островъ на реце на Днепре, на имя Кучуковъ, и с пашною землею, и з сеножатмы, и с озеры, и с криницами, и зъ езы и зъ езовищы, и с осетримы лукамы, и из бобровимы гоны; а еще к томужъ святого Николы Пустынскому монастырю придали и записали есмо землю нашу бортную на имя Мутишинскую по реце по Трубешу, по той стороне и по сей стороне Трубеша, у верхъ и в низъ, а тая наша земля Мутишинская держится своимъ знаменемъ судеревъ с пана Яцковою землею Лозкиною и с Остролучаны, и куды тое знамя ее поведетъ, потому жъ со всѣмъ с тымъ, какъ и предки наши передъ тымъ с стародавна тотъ островъ Кучуковскій и тую землю бортную Мутишинскую держали и какъ есмо и самы, после ихъ живота, тое все на себе держали. А записали есмо тое к тому Пустынскому монастырю намъ самимъ и родителемъ нашимъ на вѣчную память, тимъ, которіи жъ уписаны у служебникъ и в поминникъ; а игумени Пустынскіи со всею о Христе братьею за тое наше придане маютъ тымъ родителемъ нашимъ вѣчно память дѣлати и намъ самимъ. А од сихъ мѣстъ вже намъ самимъ в тотъ верху писаный островъ Кучуковскій и в тую землю бортную Мутишинскую не вступатися, а ни нашому роду племени, а ни нашимъ близкимъ; маютъ вже тое держати к своимъ рукамъ игуменъ Пустынскій со всею еже о Христе братьею; а если бы хто хотѣлъ тое узрушивати, а тымъ нашимъ родителемъ и намъ самимъ вѣчную память заронити, тот ся розсудитъ передъ

милостивымъ Богомъ с намы и с тымы уписыванными душамы. А при томъ были господинъ а отецъ нашъ Іона, епископъ Туровскій и Пинскій, а господинъ отецъ нашъ Варламъ, игуменъ Лещинскій, а панъ Юхно Обернѣевичъ, земянинъ Киевскій, а дворянинъ господаря короля его милости Жикгимонта Оникей Горностаевичъ, а панъ Олизаръ Ивановичъ Любелскій, а мещанинъ мѣста Киевского Селивестръ Поповичъ. И для лѣпшое твердости челомъ былъ есмы и просилъ господина отца нашего Іоны, епископа Туровского и Пинского, и отца Варлама, игумена Лещинского, и тыхъ почестныхъ людей здѣ вышеписанныхъ, абы и их милость печати свои к сему моему запису приложили, и их милость на мою прозьбу вчинили и печати свои приложили; и на то и свою есмы печать приложилъ к сему моему запису.

Писанъ в Пинску, в лѣто 7025, месяця февраля 26.

Изъ сборника документовъ Никольскаго монастыря, хранящагося въ Кіевск. Центр. Архивѣ, № 5874, л. 66.

XIII.

Судебное рѣшеніе по тяжебному дѣлу архимандрита Жидичинскаго Варсонофія съ княземъ Богушемъ Корецкимъ о землѣ Рудлевской и о десятинѣ въ пользу монастыря съ имѣнія князя Корецкаго Торговицы. 1537 года, ноября 30 дня.

Я Ѳедоръ Михайлович Чорториский, староста Луцкий, даем вѣдати симъ нашим листомъ: яко будучи нам первей сего в замку господарском Луцку, месяца ноября первый ден, индикт десятый, смотрели есмо того дела. Мовили перед нами очевисте: жаловал нам архимандрыт Жидичинский светого Николы, отецъ Варсоноф его милость, на князя Богуша Ѳедорович Корецкого о том, штож дей князь Богуш моцне кгвалтом земли имени церковного Рудлевского, як поле, так дубровы забрал и кажетъ на себе пахати, и збоже людей церковныхъ с тых пол моцне кгвалтомъ забирает, через границу, через вал, который ж вал идет от реки Иквы, промеж имени церковного Рудлева и промеж имени Торговицкого берега, гдеж вже о тую землю верху помененую тая реч была

перед небожчикомъ воеводою Троцкимъ, гетманом великимъ, старостою Браславским и Вѣницкимъ, князем Костентиномъ его милостю Ивановичомъ Острозским, и лист на он час князя Костентина его милость перед нами оказувал, в котором же листе описует, иж князю Костентину его милости будучи в Жидичине, по смерти архимандрита Жидичинского Ионы, на першии его частократныи жалобы отца архимандрита его милости, того смотрел промеж княгини Корецкое и архимандрита, и выроком своимъ его милость рачил так знайти: иж архимандрит Жидичинский с княгинею Корецкою тыи земли верху писаные мают розделити и, розделивши, на полы мают держати до права; а то для тое причины, иж на он час княгиня Корецкая не хотела о то ся наконецъ правовати, иж она сынов своих мѣла лѣтъ не дорослых, и до лет сынов ее тыи земли верхуписаныи княз Костентин его милость по половине дал в держане до того часу, поки ся конечная справедливость станет отцу архимандриту Жидичинскому с княгинею Корецкою и з сынми ее. А предся с тое половины тых земль верхуписаных его милость князь Костентин небожчик выроком своим всказалъ княгини Корецкой: до права ма кождого лѣта на церковь светого Николы десетина давана быть. И ку тому теж отец архимандритъ Варсоноф нам то оповѣдил и жаловал, иж князь Богуш, по смерти матки своеи, тыи земли верхуписаныи обе половици моцне кгвалтом держит и вживает аж до сих часов, през вырок и всказане князя Костентина его милости; як же на он час перед нами и перед князи и паны их милости, которыи на он час при нас были, тот листъ, который под печатю князя Костентина его милости отецъ архимандрит мает, тот листъ перед нами: чтен и тому есмо добре зрозумене взяли, водлуг жалобы отца архимандрита его милости; и ку тому отецъ архимандрыт мовилъ перед нами, иж дей и предкове мои архимандриты Жидичинскии первей сего не однокрот о том мовили, и листы господарскими князя Богуша навпоминали, и заруками господарскими через листы господарскии заручали, абы он тым землямъ верху писаным дал покой; то пак дей князь Богуш, не дбаючи о заруки его милости господарскии, предся тыи земли безправне, моцне, кгвалтомъ держить, и того ся церкви Божей и мнѣ поступити не хочетъ; и десятина дей, которая з ымення его Торговицкого берега, с пол и сеножатей и с огородов, з давных часов

з вѣку приходит на манастыр Жидичинский, тую дей десетину моцне кгвалтом отнялъ и выдати ее не хочет, и пасеку церковную отнял и того ся поступити не хочет, и ку тому и о иншии многии крывды на князя Богуша и слуг людей его отець архимандрыт нам о том жаловал, которая ж жалоба его в припоминалных листех господарских именито описана и в книгах наших записана. А князь Богуш противку того мовил: „я дей, архимандрите, тобѣ отказувати не буду, бо вже Торговицу променял князю Ивану Масалскому“. И тут же перед нами и перед князи и паны княз Иван Масалский напротивку того рек князю Богушу: „я дей, княже Богушу, о тое имене Торговицу с твоею милостю умолву маю меняти: подле ж которых имений архимандрит именует землю Рудлевскую и с тобою позывает, тых я имений твоихъ Торговицких еще у своеи моци не маю, еще есми с тобою имений не менял, а коли буду с тобою тыми имени меняти, тогды ты мни маеш тыи именя Торговицкии завести и, ото всих кривдъ выправивши, мнѣ подати“. И архимандрыт ку тому рек: „княже Богушу, коли твоя милость будеш заводити князю Ивану тыи имения Торговицкии, подлеж которых имѣней землю церковную Рудлевскую посягаеш черсз вал, твоя милость дай мнѣ вѣдати: я маю выехати, або кого выслати на мое местце на тот рок и оказати тое зѐмли Рудлевское границу, и через которую ж границу твоя милость тую землю Рудлевскую кгвалтомъ посягаеш“. И князь Богуш рек: „Я маю землю моих властных имений заводити князю Ивану завтра, в пятницу, декабря первый ден, а чужих я земель не завожу“. И архимандрыт ку тому рек: „княже Богушу, твоей милости волно заводити свою землю, а Рудлевское земли твоя милость не заводи, которую кгвалтомъ посягаеш черезъ границу от реки Иквы по вал“. И на то отець архимандрыт его милость взял в нас вижем служебника нашого Бѣлецкого, перед ким бы мел гран оказати, коли князь Богуш будет землю князю Ивану заводити. Князь Богуш напротивку того рекъ: „княже старосто, рачи ми твоя милость то дати до первого сойму, як вашое милость воспол будете с князем маршалком земли Волынское и зо всими князи и паны их милостью земли Волынское в замку господарскомъ Луцку, и я тот час хочу архимандрыту, якже то на завитом року, в отказе быти“. А так мы на он час князи и паны, обмовивши, и при том конци тую реч зоставили и

до першого сойму имъ то дали: мѣлъ князь Богуш отцу архимандрыту во всемъ в отказе быти; которая ж вся реч—жалоба отца архимандрита и отказ князя Богуша Корецкого—есть в книгах наших описана. Гдеж вже на он час, будучи на сойму въ замку господарском в Луцку князю Юрю его милости Фалчовскому, бискупу Луцкому и Берестейскому, так теж и мнѣ вряднику господарскому и маршалку земли Волынское, старосте Володимерскому князю Ѳедору, и старосте Кремянецкому пану Дахну Василевичу и всим князем и паном земли Волынское, водлуг росказаня господаря короля его милостя, ино отець архимандрыт его милость перед нами жалобу положил на князя Богуша Ѳедорович Корецкого, иж князь Богуш, первей сего за позыванем его ему о посягане земль и о многих кривдах и шкодах, о што отець архимандрыт позвы нашими его перед нас позывал, у праве не ставши, отозвался до сейму, а ему быти ув отказе не хотел, а тот час дей уволокаючи права, князь Богуш, не хотечи быти мнѣ у вотказе, и на сьем не ехал. А так мы казали книги отворит и тое речи, яко первей князь Богуш из отцем архимандрытом перед нами мовил, и то казали есмо знайти и перед его милостью владыкою Луцким Арсенемъ, и перед маршалкомъ земли Волынское, старостою Володимерскимъ, и перед князи и паны их милостю вычести, которым ся обычаем князь Богуш из отцем архимандрытомъ записали, гдеж . . . . князь Богуш сам ся к тому брал и на то ся зволил, хотечи архимандрыту его милости на сьем першей в той речи в отказе быти, и за тым на он час конца тая реч не взяла. А так мы з отцем владыкою Луцким его милостью Арсенемъ, и з маршалком земли Волынское, старостою Володимерскимъ, и старостою Кремянецкимъ, князем Василем Четвертинским и князи и паны порузумене съ того взяли и так есмо знашли: гдеж князь Богуш сам ся первей сего перед нами зволил, як тая реч их в книгах описует, иж мел князь Богуш на сьем прийдучий во всяких речах в отказе быти отцу Варсонофю, архимандрыту его милости, и на сьем к замку господарскому приехати и архимандрыту в отказе быти не хотел, и углянувши есмо у статут, права писаные, за нестатемъ князя Богушевымъ, отцу архимандрыту тыи земли и дубровы, поля и десятина (sic), з ымення его Торговицкого Берега, и пасеку церковную в держане до права мѣти вказали и увязане есмо дали, водлуг обы

чаю прав господарских, всему панству Великому Князству даных; а што ся дотычет иншихъ кривдь и шкодъ, о которыи отець архимандрыт нам жаловал, менил быти поделаны от князя Богуша и слуг и людей его, так есмо знашли: кды в том очевисте будут мовити а право и на землю выехане будет, там ся на тот час кождыи речи мают кончити, водлугъ поступу земского права. А в тыи земли верху писаныи и в збожя, которыи на той земли есть, которыи архимандрыту его милости Жидичинскому мы до права в держане мѣти присудили, княз Богуш его милость не мает ся безправне ничимъ уступати. И на то дали есмо отцу Варсонофю, архимандрыту Жидичинскому, сес наш лист судовый з нашими печатми.

Писан в Луцку, под лѣт Божого нароженья 1537, ноября 30 ден, индикт 10.

На подлинномъ документѣ находится шесть печатей.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря, хранящихся въ Коммиссіи, № 29.

XIV.

Листъ коммисаровъ, назначенныхъ справцой воеводства Кіевскаго, княземъ Владиміромъ Юрьевичемъ Дубровицкимъ Голшанскимъ, для рѣшенія дѣла о спорной нивѣ между игуменомъ Кирилловскаго монастыря Симеономъ съ одной стороны, а архимандритомъ Печерскимъ Іосифомъ и священникомъ Николо-Притисскимъ и Васильевскимъ Яковомъ Лызой—съ другой. Обводъ границъ земель Кирилловскаго монастыря подъ г. Кіевомъ. 1539 года, декабря 2 дня.

Року тысеча шестьсотъ восемнадцатого, месяца июня шостого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любелского, зо всихъ воеводствъ короны Полское на рокъ теперешный тисеча шесть сотъ осмънадцатый обраными и высажоными, постановившисе очевисто шляхетный панъ Самоель Володковичъ для вписаня въ книги головные трибуналские подалъ перъ облятамъ листъ—записъ описаня границъ кгрунту монастыря светого Кирила Киевского, черезъ высланыхъ отъ зо-

шлого справци воеводства Киевского, князя Володимера Юревича Дубровицкого Голшанского, презъ Собестияна Яблонского, маршалка воеводы Киевского, Ивана Вянковича, наместника Киевского, и Василя Панкевича, земенина господарского повету Киевского, на папире писмомъ старымъ написаный и печатми запечатованый,—просечи, абы до книгъ принятъ и уписанъ былъ; которого мы огледавши, а видечи его быть во всемъ водле права справленый, для вписаня въ книги примуючи, передъ собою читати есмо казали, и слово отъ слова такъ ся въ себе маетъ: „Я Собестианъ Яблонский, маршалокъ его милости князя Януша Юревича Голшанского, воеводы Киевского, а я Иванъ Вялковичъ, наместникъ Киевский, а я Василей Панкевичъ, земенинъ господарский повету Киевского, зъ роскезаня его милости князя Володимера Юревича Дубровицкого Голшанского, справци воеводства Киевского, ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ. На чоломъбитя и жалобу игумена Кирилского отца Семиона, выехавши намъ на ниву, неподалеку отъ Киева, за валкомъ и узъ валокъ старожитный, у глинищу, по обеюхъ сторонъ двохъ дорогъ, едучи зъ места Киева ку светому Кирилу, на обедве стороне перегороды и при церкви святого Николы Ерданьского, смотрили есмо того дела: где игуменъ жаловалъ на попа подгородского Николского и Василевского Якова Лызу и архимандрыта Печерского отца Иесифа Ревута, ижъ дей попъ подгородский въ тую ниву Ерданскую, а отецъ архимандрытъ въ ниву Кирилскую и въ сеножати на Пунисчехъ уступуется и въ дуброве Кирилской черезъ речку Сырецъ свепета монастырские рубаютъ и земли пустошатъ. Где отецъ Яковъ, попъ подгородский, ставши противъ жалобы игумена Кирилского, поведилъ: же дей „и продкове мои, бывшие попы, съ тое нивы десетину бирали, и есть то нива светого Николы Притиского и Василевского, а не Ерданъского“. А игуменъ Кирилский мовилъ: „которыми бы то обычайми тая нива сама одна межи кгрунты Кирилские и Ерданские вмешатисе мела? Якое надане на тую ниву есть, нехай свесченникъ подгородский показуетъ, або нехай присягнетъ—и уживаетъ“. И пытали есмо того попа: если иншие кгрунты або сеножати церкви Николское-Притиское або Василевское прилегли, и по чому то онъ тую ниву собе привласчаетъ, право и доводъ слушный на то ижъ бы показалъ. А попъ поведилъ: „много дей того живетъ и межи коро-

левскими, князскими, панскими, земянскими полями, нивъ, озеръ, сеножатей и входовъ, а кождый своего съ покоемъ уживаетъ; ачъ дей иншая земля светого Николы Притиского и Василевская ку той ниве не прилегла, але неподалеку, на гору узехавши, вышъ Кудрявца, промежъ дорогъ съ Киева къ Святошицкому бору и у другое узъ Лыбедь, ку Борщовце лежачихъ, земля святого Николы Притиского и Василевская; а присегати мнѣ дей не надобе: бо дей не отчизна моя, одно што продкове мои вживали; и я того постерегаю" А игуменъ поведилъ: „могли дей продкове зъ десетины тую ниву пахати, або съ куницы ее уживали; але то есть нива власная Ерданская, и около кгрунты, сеножати и озера Ерданские и Кирилские у одномъ обрубе; нихто ся въ ниву тую не вступовалъ", И отецъ игуменъ, оказуючи границу земли своее, почавши на Болони и зъ озера Ерданъского, смуговиною долиною, прозываемою Турецъ, а зъ долины Турца ку валку старожитному, а тымъ валкомъ у Юрковъ ставокъ и у верхъ того ставку у Шковицу, долиною на гору, узъ Долгое нивки замковое, черезъ дорогу, въ Чортову долину; долиною въ Кудрявецъ, верхомъ Кудрявца въ долину Хвосчову, и съ тое долины на дорогу, которая съ Киева ку Святошицкому бору идетъ, и тою дорогою едучы—поправе Кирилская и Ерданьская земля, а полеве—светого Николы Притиского и Василевская земля, до дороги Бирковецкое въ долину, съ которое долины Рудка устала, съ тое Рудки и верхъ речки Сырца устала речка Сырецъ узъ ниву Плоху, тою речкою Сырцемъ на низъ, на Болонье, ку Днепру едучы—по правей Кирилская и Ерданская земля, а по левей черезъ речку Сырецъ светого Николы Притиского Рогостицкая земля и монастыря Печерского Киевского земля Сырезсчина, ажъ ку дорозе и черезъ дорогу, которая съ Киева мимо светого Кирила ку Вышъгороду идетъ, подле нивы Пунисчъское. И въ тое нивы застановшися, тотъ же игуменъ Кирилский жаловалъ на отца архимандрыта Печерского Иесифа Ревута, оказуючи тую ниву и сеножати Пунищские, ижъ дей черезъ Сырецъ въ тую ниву и въ сеножати Пунищские, въ дуброву и въ борокъ подданые монастырские, безъ докладу и безъ ведомости моее, свепета рубають, землю пустошать. Якожъ отецъ Есифъ, архимандрытъ Печерский, тутъ-же стоячи, поведилъ: же дей „въ дуброву и въ борокъ и въ сеножати Кирилские я самъ а ни подданнымъ монастырскимъ

уступоватисе не велю; свое нивы и сеножатей подданые монастырские уживали". А игуменъ поведилъ: „зъ десятины, которую на светого Кирила давали, а зъ сеножатей Пунисчъскихъ закосное платили и уживали, а теперь отъ трехъ лѣтъ давати не хочутъ; же дей ваша милость отче архимандрыте, подданымъ своимъ десетыни давати заказуешъ и въ сеножати Пунищские, въ дуброву и въ борокъ вступоватисе велишъ, бо дей тая речка Сырецъ граничитъ, — никгды вступованя жадного, якъ въ тую ниву, и въ сеножати, отъ земли монастырское черезъ Сырецъ речку не бывало". А потомъ отецъ архимандрытъ поведилъ: же дей „то не великая речъ: мни а ни тобе не дедизна, але церкви Божей прислушаетъ; а я, якомъ обачилъ, ведлугъ оказованя, тыхъ границъ слушные знаки, тегатися не хочу: везде нехай Господу Богу хвала будетъ. Што ку церкви святому Кирилу прислушаетъ, и въ тую ниву и въ сеножать вступоватися и подданымъ монастырскимъ черезъ живецъ (?) тую речку Сырецъ безъ дозволеня твоего уходити и ни въ який кгрунтъ не кажу". А ижъ отецъ архимандрытъ доброволне се вырекъ и поступилъ тую ниву и зъ сеножатми игумену Кирилскому, тое есмо ему присудили и покуль конецъ и пята тое земли Кирилское и Ерданское,—оказовати есмо велили. И отъ тое нивы и сеножатей Пунисчъскихъ, тоюжъ речкою Сырцемъ, черезъ лозу, промежъ борковъ ручаемъ у озеро Долгое, зъ давныхъ часовъ называемое озеро Кирилское, которое озеро прилегло концемъ ку Почайне речце, где и другая речка Кривая Почайна зышлася; съ тое речки Почайны у озеро Ерданское, и съ того озера смоговиною долиною, называемою Турецъ, а съ Турца черезъ Болоне просто ку валку старожитному; тымъ валкомъ у Юрковъ ставокъ,—то все, яко се вышъ описало, тыми врочисчами, и все у одномъ обрубе и въ объезде игуменъ Кирилский землю Кирилскую оказалъ. Бачечи мы, ижъ тая нива подле валка, по обудву сторонахъ дорогъ у глинищъ и на обудвухъ сторонъ перегороды, которую попъ подгородский своею церкви святого Николы Притиского и Василевское менилъ середъ земли Ерданское, и тую ниву отцу Семеону игумену, ку церкви светого Кирила и светого Николы Ерданьского, присудили есмо вечными часы; на што и сесь листъ подъ печатми своими отцу Семиону дали есмо, и тую справу и судъ свой его милости князю Володимеру оказали есмо. Писанъ у Киеве, подъ леты Божого

нароженя тисеча пятсотъ тридцать девятого, мѣсяца декабря второго дня". У того листу граничного печатей притисненыхъ три. Который же то листъ граничный, за поданемъ пречоного Самоеля Володковича а за принятемъ нашимъ, до книгъ головныхъ трибуналскихъ увесь спочатку ажъ до конца слово отъ слова есть вписанъ.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго, 1618 г., стр. 878—880.

XV.

Грамота короля Сигизмунда I, которой онъ подтверждаетъ болѣе ранніе фундуши въ пользу Выдубицкаго монастыря, а именно: 1) разрѣшеніе бывшаго воеводы Кіевскаго Андрея Немировича ня постройку монастырской мельницы на Проточку; 2) листъ урядника Мозырскаго п. Скумина Львовича о присужденіи имъ въ пользу монастыря острова Котовли (или Котешли) въ Мозырской волости; 3) дарственную запись бывшаго старосты Черкасскаго и Каневскаго Евстафія Дашкевича на селище Игнатковцы на р. Стугнѣ, и 4) такую же запись паніи Зѣновьевой Егелдаевой Елцевичевой на селище Игнатово тамъ же. 1541 года, марта 5 дня.

Року 1613, месяца августа 13 дня.

Передъ нами, депутаты суду головного трибуналу Любелского, зо всихъ воеводствъ короны Полское на рокъ теперешній вышей менованый обраными и высажоными, постановивъшися очевисто у суду урожоный его милость панъ Лукашъ Сапѣга, для вписаня въ книги нинешъние головъные трибуналские перъ облятамъ подалъ привилей его королевъское милости святое памяти Жикгимонъта Старого, на папире писмомъ рускимъ писаный, подъ датою року тисяча пятсотъ сорокъ перъвого, мѣсяца марца пятого дня, инъдикта четвертогонадцать, съ печатю великого князства Литовского запечатованый и съ подписомъ руки пана Ивана Горностая, подскарбего и маршалка и писара его королевское милости, манастырови Киевскому святого архангела Михаила

Выдубицкому служачий; и просилъ, абы тотъ привилей до книгъ уписанъ былъ. Который привилей, передъ судомъ нинешнимъ положоный и перъ облятамъ поданый, мы судъ принявъши, до книгъ уписати казали, и тые суть его слова: „Жикгимонтъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецъкий и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Билъ намъ чоломъ игуменъ монастыра святого Архангела Михаила Выдубицъкого Ефремъ и поведилъ передъ нами, ижъ воевода Киевский, державъца Вручский и Свислочский, небожчикъ панъ Анъдрей Якубовичъ Немировича, дозволилъ ему греблю засыпати и млынъ збудовати на Поточъку; ктому тежъ врядникъ Мозырский Скуминъ Лвовичъ присудилъ имъ на тотъже монастырь островъ на имя Котешълю, у волости Мозырское, у Богутицкой недели, на што имъ и листъ свой судовый далъ, который-же листъ воевода Виленъский, канцлеръ нашъ, небожчикъ панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ, листомъ своимъ тотъ судъ его потвердилъ, на што и листъ свой особъливый ему далъ; тежъ староста Черкаский и Каневский, небожчикъ панъ Остафей Дашъковичъ, на той же монастырь святого Архангела Михайла придалъ выслугу отца своего, небожчика пана Ивана Дашъковича, селищо на имя Игнатковцы, подле речъки Стугъны, а Зеновъевая Егелдаевая Яцковича придала къ томужъ монастыру Выдубицъкому селищо на Стугъне, на имя Игнатово, на штожъ они и листы свои подавали. И тыежъ всѣ листы игуменъ святого Михайла передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ и тые всѣ вышей описаные листы, наданъя што къ тому монастырю надано, потвердили на тую церковъ нашимъ листомъ. Ино кгдыжъ воевода Киевский, небожчикъ панъ Анъдрей Якубовичъ Немировича, дозволилъ къ тому монастыру на Поточку млынъ збудовати, а оный островъ врядникъ Мозырский Скуминъ Лвовичъ на тотъ монастырь присудилъ, и тотъ судъ его воевода Виленский, небожчикъ панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ, уфаливъши, на то особливый листъ свой далъ, а староста Черкаский и Каневъский, небожчикъ панъ Остафей Дашковичъ, селищо Игнатковъцы, выслугу отца своего, на тотъ монастырь Выдубицъкий записалъ, а Зеновъевая Егoлдановъна Яцковича Елцевича придала на тотъ-же монастырь селищо на Стугъне на имя Игнатово, и на то на все они листы свои

подавали: мы, хотечи то мети, абы въ томъ монастыри завжды хвала Божая бывала, а за насъ господаря Бога прошоно, зъ ласки нашое на чоломъбите его то вчинили и оныи всѣ листы наданя, што къ тому манастыру святого Арханъгела Михайла надано: и тотъ островъ Котовлю въ Мозирской волости въ Богутицькой недели, и тое селищо Игнатковъцы, зъ водами и зъ реками, и зъ сеножатми, зъ бобровыми гоны, и зъ дубровами, и со всѣмъ, какъ ся оные селища зъдавъна въ собе маютъ, ку той церкви Божей потвержаемъ симъ нашимъ листомъ на вечность; маетъ то теперешний игуменъ и по немъ будучии игумены къ тому монастырю держати и того уживати со всѣмъ, ведле наданя листовъ тыхъ, которыи они на то у себе маютъ; и на то даемъ тому монастырю сесь нашъ листъ зъ нашою печатю. Писанъ у Вилни, подъ лѣтъ Божого нароженя тысяча пятсотъ сорокъ первого, мѣсяца марта пятый день, индикътъ четвертыйнадцать."—У того привилею короля его милости печать великого князства Литовского, а подпись руки писарское въ тые слова: Иванъ Горностай, подскарбий земский, маршалокъ и писаръ.—Который же то привилей короля его милости, за покладанемъ и прозбою его милости пана Лукаша Сапѣги а за принятемъ нашимъ, увесь слово отъ слова до книгъ головныхъ трибуналскихъ есть уписанъ.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго, 1613—1666 г. стр. 996.

XVI.

Декретъ маршалка Волынской земли и старосты Владимірскаго, князя Θеодора Сангушковича, по жалобѣ архимандрита Жидичинскаго Варсонофія на князя Ивана Масальскаго объ отнятіи церковной земли Рудлевской и неотдачѣ въ пользу монастыря десятины съ его имѣнія Торговицкаго-Берега. 1542 года, марта 2 дня.

Я Θедор Андрѣевич князь Санкгушковича, маршалокъ Волынскои земли, староста Володимерский, а при мнѣ были князь Александро Θедорович Збаразкий, князь Василей и князь Михайло Ивановичи Курцевича, а князь Андрей Михайлович Козѣка, а пан Петръ Калу-

совскій, а пан Тихно Кисел, смотрѣли есмо того дѣла. Стояли перед нами очевисте: што жаловал господарю королю его милости отец архимандритъ его милость Жидичинский Варсонофей на князя Ивана Василевича Масалского о то, штож дей он отнял моцно, кгвалтом, землю именя церковного Рудлевского, яко поля, такъ и дубровы, и десетину именя Торговицкого Берега, о которыи ж дей земли и десетину именя Торговицкого Берега с князомъ Богушем Корецкимъ право ему было перед владыкою Луцким Арсенемъ а старостою Луцкимъ князомъ Өедоромъ Михайловичем Чорторыскимъ и перед иншими князи и паны земли Волынское; якож дей за нестанемъ князя Богуша Корецкого, яко на завитом року, присудили ему тыи земли и десятину в держане до права. Гдеж господар корол его милост рачил писати до мене, абых я отцу архимандриту изъ князомъ Иваном Мосалскимъ конецъ и справедливост в томъ вчинил, ино я, ведлуг росказаня и листу господарского, по князя Ивана архимандриту позвы мои дал; гдеж архимандрит его позвы моими перед мене ку праву до Володимера, вступивши у великий постъ, за тыйден, позвал, яко князь Масалский за позвы моими на рок позваный о зборе стал, на который час при мне князей и панов земли Волынской было досыт. Кгдыж они обоя сторона, яко отец архимандрит, так князь Масалский, перед нами стали. Отець архимандритъ жалобу противку князя Масалского широко положил, иж князь Иван Масалский землю Рудлевскую и десятину именя Торговицкого Берега, через листы и заруки господарские, кгвалтом отнял. Князь Масалский на то отпор чинил тымъ обычаемъ: „я дей у тебе, отче архимандрите, земли а ни десятины не отнимал, одпож дей-я держу земли Торговицкие по тому, якъ и князь Богуш Корецкий держал, и якъ мнѣ теж подал, и границы мнѣ завел и вказал“. Архимандрит ку тому мовил: „тая земля от немалого часу ку церкве Божей монастыру Жидичинскому въ держане присужена, яко ж дей тая рич о тые земли и десетину была перед небожчикомъ князомъ Костентиномъ его милостью в Жидичине, по смерти предка моего, небожчика архимандрита Жидичинского Ионы, гдеж княз Костентин его милость тыхъ земль половицу присудил в держане до права, а половицу другую тых земль Рудлевских его милость подал княгини Өедоровой Ивановича Корецкой до лит ее детей, а предся его милость и ис тое половици казал княгини Корецкой,

абы десятину на церков Жидычинскую с тых пол давано было, на штож дей я и лист князя Костентинаего мил ости въ себе маю"—который же лист архимандрит перед нами положил; „а потомъ, кгды дей вже княз Богуш Корецкий ку летомъ своимъ пришол после матки своей, и тыи земли Рудлевскии был посяг и на себе ихъ повернул и десятины не выдавал колко лет, о которые ж я земли и десятины много трудности из княземъ Корецкимъ принял, позываючися з пим на соймы до Луцка; кгдыж дей я князя Богуша позвал до Луцка перед князя старосту Луцкого, и князь Богуш, ставши перед княземъ старостою Луцким, жалобы моеи выслухавши, упросил собѣ то в князя старосты его милости Луцкого на инший час, до первого сойму, як мѣли быти на соймѣ в Луцку князь маршалок земли Волынскои и вси князи и паны Волынские, в тот час хотячи мнѣ о тыи земли и о десятину отказати; князь староста его милост Луцкий, обмовивши с князи и паны, которыи на он час при его милости были, дали то ихъ милост намъ до сойму; которая ж жалоба моя и отказ князя Богуша Корецкого и тепер есть в книгах князя старосты его милости Луцкого записано. А так, кгдыж вже на сойме в Луцку было, на которомъ сойме и княз бискуп его милост Луцкий теперешный, князь Юрей Фалчевский, и князь маршалокъ его милости земли Волынской, и князь староста его милость Луцкий, и пан Дахно Василевич, староста Кремянецкий, а вси князи и паны земли Волынской были, ино я на он час перед их милостью жалобу положил на князя Корецкого, иж он, за первым позвомъ моим о посягане земль и обо вси кривды и шкоды, зникаючи права, в отказе быти не хотел а отозвался до сойму; а кгды ся на сеймъ панове зьехали, он и на сьем не посхал; а такъ панове их милость в книгах записных первое жалобы моей и отказ князя Богушова смотреть велили и то перед собою их милость вычести казали, которым ся обычаемъ я и князь Богуш в книги были записали, и выслухавши того запису, и такъ ихъ милость на он час обмову вчинивши и пораду взявши, так знашли: иж князь Богуш самъ первей так на то зволил, абы тая рич на сойме была в Луцку, и отозвался на сьемъ, а кгды сьемъ пришел, он на сьемъ не приехал и в отказе быти не хотел. Углянувши их милость в статут прав . . *) за пестанемъ князя

*) Окончаніе строки въ актѣ истлѣло.

Богушевым, отцу архимандриту тыи земли и дубровы, поля и десятину з ымения его Торговицкого Берега, и пасеку церковную, в держане до права вказали и увязане их милость дали, водлуг обычая прав господарских; якож дей я и лист их милости судовый на то в себе маю, который и теперь перед вашою милостью покладам. А кгдыж дей Торговица от князя Богуша отошла, князь Богуш листом своим с тых поль и дубров ся вырек, а о десятину мнѣ с тобою мовити велел и лист княз Богуш на то дал, иж до тое земли вжо ничого не мает; а кгды ся тобе, княже Масалский, Торговица остала(сь), ты дей у мене тую землю отнимати почал и десятины давати не велел; я дей посылал до господаря его милости, о то жалуючи на тебе; господарь его милость рачил мне листы свои господарские под заруками и дворянина до тебе дати рачил, который дворянин господарский Грицко Ѳедорович до тебе из листомъ господарскимъ ездил и тыи земли и збожя на тых землях забирати и зъваживати их до права не велел, под зарукою господарскою пятма сты копами грошей, абы еси тое збоже на тых же землях до права поставил, якож и князя старосты его милости Луцкого листомъ и служебникомъ тебе есми обсылал, абы еси в тыи земли церковныи и в десятину ничимъ ся не уступал; а ты дей яко о листы и заруки дворянина господарского, так теж и о листы врядовые князя старосты Луцкого ничого не дбаючи, предся тыи земли и дубровы кгвалтом отнял и збоже черезъ заруку с тых пол повозити людем своим велил, а десятину еси загамовал и по шест лет еи на церковъ Божию не давал, в чомъ собѣ шкодую о шестсот коп збожя". Ино мы пытали князя Масалского: штобы к тому молвил? И князь Масалский отказъ чинил: „я дей после заруки земли не отнимал и збожя с тых земль не возил"; а отец архимандрит хотел того на князя Ивана переводити, иж земли и дубровы через заруку кгвалтомъ отнял и збоже с тых земль возилъ. Ино мы, выслухавши листов, яко небожчика князя Костентина его милости, так теж и князя старосты его милости Луцкого листа судового, которымъ листомъ ему тыи земли на сойме въ Луцку присудили, так теж и того листа князя Богушова, которым ся листомъ с тое земли вырек,—отца архимандрита его милость ведлугъ листа князя Костянтинова и листа судового князя старосты Луцкого и князя Корецкого листа вырочного, при той земли зоставили и в держане подали

до права всю тую землю и дуброву, которая земля от Рудлева по вал, который вал идет от реки Иквы до Подгаецкой земли до церковной, промеж Рудлева берега, которую ж землю маетъ архимандрит Жидичинский держати во впокои до лет дитей князя Ивановыхъ. А што ся дотычет десятины с пол Березскихъ, ино князь Иванъ и самъ то вызнал, иж з Березких нив десятина давана была, а так, ведлуг его вызнаня, и тепер и на вечныи часы мает князь Иван и его подданыи и вси потомки их с тых пол Березких десятину в кождый рок на манастыр Жидичинский давати. А если бы князь Иван мовил, иж не ест так далеко нивы берега . . . . Торговици, тогды они обоя сторона мают взяти по человеку: отецъ архимандрит из своей руки кого похочет, а князь Иван так же из своей руки кого похочет, и тамъ выехати и того досмотрети, и покол будут нивы Березкие, потол з них мает десятина на вечныи часы давана быти. А што ся дотычетъ збожя, которое архимандрит поведил, иж люди князя Ивановы через заруку с пол збоже возили,—князь Иван сам попустил, иж врядник его Торговицкий Васко а два человеки Торговицкие Ермол Бугаевич а Зенко Михайлович на том присягнути мают, як с тых пол збоже после заруки люди князя Ивановы не возили. Што ся теж дотычет, иж по шест лет десятина не даивана, чим собѣ менил архимандрит о шест сот коп збожя, ино князь Масалский отца архимандрита его милость за то просил, абы ему тое пустил, а того збожя вже бы на нем прошлых лет не поисковал; ино отецъ архимандрит ему то, за жаданемъ его, отпустил и вже того збожя на князи Ивани и на его подданыхъ поискивати не мает на вечныи часы. А при том были: князь Роговицкий, князь Юрей Вороницкий, пан Юрей Хребтович, пан Семен Ляховский и инъших земян шляхты земли Волынское было досыт. И на то есмо дали господину отцу архимандуриту его милости сес наш лист судовый под нашими печатми. Писан у Володимери, под леты Божого нароженя тысяча пят сот 42-го, месяца марта 2 ден, индикт 15-й.

Изъ связки подлинныхъ документовъ монастыря Жидичинскаго, хранящихся въ Коммиссіи, № 11.

XVII.

Королевскій листъ мѣщанамъ Каневскимъ о томъ, чтобы они не присвоивали земель Колтогаевскихъ, принадлежащихъ Никольскому монастырю по завѣщанію Евстафія Дашкевича. 1542 года, марта 3 дня.

Жикгимонт, Божю милостю корол Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жмодский, Мазовецкий и иных. Ко всим мещанам места нашего Каневского. Тыми разы приходилъ до нас игумен Варламей манастыра святого Николы Пустынского з Киева и з иншими чернцѣ братіею своею того манастыра, жалуючи о томъ, што ж дей которое имене на имя Колтогаево небожчикъ панъ Остафей Дашковичъ на тотъ монастыръ записалъ, и за дозволенемъ его передъ тымъ вы некоторіе земли селища Колтугаевскии на имя Черленкова и Ярилова паховали и с того дей десятину на тот монастыръ есте давали, а теперь дей вы з тыхъ селищъ землъ Колтогаевскихъ десятины на тотъ монастыръ давати не хочете, але дей и селища оние отчизною своею собе быти менуете, а перед тымъ дей, якъ за першихъ старостъ нашихъ тамошнихъ, такъ теж и за теперешнего державцу нашего з тых же селищъ завжды на тотъ монастыр десятина выдавана была и з давных дей часов оные селища ку тому монастырю бывали, толко дей вы, за дозволенемъ ихъ, тіи селища паховали, якожъ и державца нашъ Каневский панъ Бобоеде (sic) Василевичъ, о томъ поведаючи, к намъ писалъ, ижъ онъ некоторыхъ людей старихъ тамошнихъ, которіи бы тому сведоми были, о тыхъ селищех опытовал, они перед нимъ то сознавали, ижъ оные селища завжды ку тому монастырю бывали и з тых селищъ вы здавна десятину на тотъ монастир выдавали; ино ведже, коли онъ о томъ ведомость от тамошних людей взялъ и ихъ о тыхъ селищах опитовалъ, а они перед нимъ сознавали, ижъ оные селища Колтогаевские здавна к тому монастырю бывали, намъ то дивне есть, ижъ он, яко врадникъ нашъ булучи тамъ на томъ замку нашом, сам конца тому уделати не хотел, а водле сознаня оныхъ людей, которие перед ним о тых селищахъ сознавали, про што бы онъ тыхъ селищ Колтугаевских земл ку тому монастиру въ супокойное держане имъ, водлугъ давного обычая, вказати не мелъ, але гдыж то онъ на розы-

знане и волю нашу господарскую здал и намъ о том в листе своемъ знати дал. И естли тая речь так се в собе мает, яко онъ в томъ намъ справу дал об тые селища Колтогаевскии, будут ли перед тым здавна к тому монастырю бывали, а вы толко оные селища, за дозволенемъ их, паховали, и тепер приказуемъ вам, под зарукою нашею под сто рубли грошей, аже бы есте ув оные селища церковные вышей мененые ничим ся не вступовали и земл Колтогаевских нѣкоторыхъ церковныхъ подъ себе безправне не забирали; а ведже если бы вамъ до тихъ чернцовъ которое дело было, вы бы ся з ними правомъ обрадили. Писанъ у Вилни, под лето Божого нарожденя тысяча пят сот чотыредесят второе, месяца марта 3 дня, индиктъ 15.

Изъ книги документовъ Никольск. монастыря, находящейся въ библ. К. Дух. Академіи, № 219, л. 11.

XVIII.

Судебное слѣдствіе и рѣшеніе воеводы Кіевскаго Фридриха Пронскаго по дѣлу между земянами Ленковичами и Кіевскимъ митрополитомъ Макаріемъ о спорныхъ озерахъ: Татинцѣ, Миничевѣ, Романовой-Калитѣ и др. 1545 года, августа 21.

З росказаня господара нашого короля и великого князя его милости Жикгимонта Августа, я Фредрихъ Глѣбович Пронский, воевода Киевский, державца Острицкий, а Иванъ Василевич Соломирицкий, державца Каневский, а Иванъ Григоревич Служчичъ, городничий Киевский, а Петръ Исуцкий, ротмистръ Киевский короля его милости, смотрели есмо того дѣла. Стояли перед нами очевисто: жаловала намъ земянка Киевская Настасья Ленковая из сынами своими Ѳедоромъ а Олехномъ Ленковичи на митрополита Киевского и Галицкого и всея Руси Макарея в томъ, штожъ дей намѣсникъ его милости Софейский Василей Пацкевичъ вступается и волочитъ моцно кгвалтомъ озера наши властныи имѣнья нашого Вишенского, на имя Татинецъ, Миничовъ,

Романову Калиту, а ктому дей игуменъ светого Михайла Выдубицкого озера наши властныи тогожъ имѣнья нашого Вишенского, на имя Гачища, Бернвища, Калное, моцно, кгвалтомъ волочитъ, а нам ся в томъ кривда и шкода великая дѣеть; а Олександръ дей король его милость предку нашому тое имѣнье Вишенки, якъ с озеры, так з ловы и зо всим на все, як ся в собѣ Вишенки маютъ, на вѣчность далъ; а король его милость Жикгимонтъ, господаръ нашъ, тое своимъ привилеемъ намъ потомкомъ потвердилъ. Гдежъ Ленковая из сынми своими положила перед нами листъ короля его милости комисарский, в котором его милость господарь пишетъ до насъ, поведаючи, ижъ жаловала его королевской милости земянка его милости Киевского повѣту Ленковая Настасья, з сынми своими, Ѳедоромъ и Олехномъ Ленковичи, на митрополита Киевского и Галицкого и всея Руси Макария, в том, яко бы, з росказаня его милости, врядник его Софейский Киевский Василей Пацкевичъ мѣлъ шесть озеръ ихъ власныхъ отчизныхъ Вишенскихъ моцно, кгвалтомъ, от колкась лѣтъ отняти и держати три озера на имя Татинецъ, Романову Калиту а Миничовъ на церковъ светого Софея, а другии три озера, на йма Гачища а Бернвища а Калное, на манастыр светого Михайла Выдубицкого, в котором листе своем комисейномъ его милость господарь пишеть до нас, ознаймуючи, ижъ тая Ленковая изъ сынми своими росправу з митрополитомъ его милостю Макариемъ под страченемъ права принела, и какъ тот рок положеный придетъ, его милость господаръ пишетъ до насъ, приказуючи, ижъ быхмо им неотволочную а конечную справедливость на обе сторонѣ на тотъ рокъ положеный завитый вчинили. А так Василей Пацкевичъ, намѣсникъ митрополита его милости, именемъ митрополимъ, пана своего, на жалобу Ленковое и сынов ее почал былъ отказъ чинити, нижли Ленковая из сынми своими Ѳедоромъ о Олехном на то повѣдили: „мы, враднику митрополий, Василей, не маемъ ни которого права с тобою, нижли маемъ мы право мѣти о тые озера наши верху мененые, на теперешний рокъ завитый, положеный отъ господаря короля его милости, с паномъ твоимъ, митрополитомъ Киевскимъ Макариемъ, а тут его на праве не видимъ. Нехай митрополитъ станетъ и зъ нами о тыи озера в праве мовит, а мы к тобѣ ничого не маемъ а ни съ тобою о то мовити будемъ; бо ты есть слуга его, а жадное моци въ томъ не

маеш“. А такъ Василей положил перед нами лист митрополита его милости, ему дозволеный о тые озера съ Ленковою и сынми ее право мѣти и имъ ув отказе быти, через который листъ свой моцованый митрополитъ его милость далъ ему моц тые озера зыскати и втратити; и выслухавши того листу моцованого, Ленковая и сынове ее Ѳедор а Олехно з Василемъ Пацкевичомъ, намѣсникомъ митрополита его милости, доброволне право мѣти позволили и в право вступили. И положили перед нами листы славное памяти короля его милости Олександра, в которых есть описано, ижъ дѣду и дядку их тое имѣнье Вишенки на вечность дано за службу ихъ, зо всимъ с тым, як ся тое имѣнье само в собѣ маеть, а третій привилей короля его милости Жикгимонта потверженый мужу Ленковое, небожчику Ленку, на тоежъ имѣнье Вишенки; нижли в тых привилеях тые озера, о которые они на митрополита его милость жаловали, ни одного з них меновите не есть описаны, и ктому Ленковая и сынове ее покладали листъ пана Ивана его милости Горностаевъ, маршалка дворного, вызнаный, иж Ленковичи, по смерти небожчика пана Андрѣя Якубовича Немировича, у его милости тые Вишенки окупили, и листъ увяжчий короля его милости, за которым их у тое имѣнье увязано; и тежъ лист короля его милости, писаный до митрополита, под зарукою, ижъ бы в тые озера намѣснику своему Софейскому ничимъ вступати не казалъ, перед нами вказивали. И кгды тые привилея и листы короля его милости перед нами были вычтены, пытали есмо Василея Пацкевича: естли бы якие листы были або твердости на тые озера, або што к тому мѣлъ напротивку Ленковое и сынов ее Ѳедора а Олехна мовити? Онъ на то отповѣдил тымъ обычаем: ижъ то суть озера звечистыи церковныи, з наданья предковъ господаря нашого короля его милости: Татинецъ, Миничовъ, Романова Калита—церкви Божоей святого Софея, а тые три озера: Гачища, Бернвища а Калное суть звечистыи церкви Божоей святого Михайла Выдубицкого , якожъ тые озера з давных часов за колкось воевод и митрополитов Киевских зупокойне были держаны и волочиваны на тые церкви Божи; и были на то листы, привилея, твердости старые предков господарей наших королей ихъ милости, которые тыми озеры, так и иншими имѣньями многими, селы всими, церкви святого Софеи и святого Михаила Выдубицкого надали, нижли згинули въ тот часъ,

коли Киев был отъ неприятеля господарского по нѣколко крот збурен; але маю на то слушный довод людей добрых а вѣре годных, тутошнии осѣлыи сумежники, котории суть того добре свѣдоми. Иж коли ачъ колвек на он часъ славное памяти Александръ король его милость тое имѣнье свое замковое Киевское, за князя Дмитрея Путятича, якъ от его милости князь Дмитрей Путятичъ Киев держал, предку их з ловы и с озеры и зо всим тым, с чим колвек в тот час ку замку на господаря его милость тые Вишенки держаны были, на вѣчность далъ, але церковних озер, которих они тепере под митрополитом его милостю и манастырем светого Михайла Выдубицкого подискивають, им не дал, а ни того въ привилеях их не есть вписано; бо есть в них у Вишенках свои особливые озера, а панъ мой митрополитъ его милость и манастыр светого Михайла Выдубицкий, як у Вишенки, так в земли, в ловы и в озера их ничим ся не вступуеть; одонж тые озера выше мененые церковные, которих они теперешнего часу поискивают, з вѣчных часов за колко господарей, перед тим поки еще и Вишенки предку их не были даны, а от того часу и до сихъ часов завжды супокойне ку церкви Божей светого Софея, а другии ку светого Михайла Выдубицкого держаны были; однож Ленковая из сынми своими тыми разы, от чотырех або от пети лѣтъ, невинне, спрожне почала о то вспоминати; якожъ такового звечного а давного держаня, ижъ тые озера здавна на тые церкви Божи супокойне суть держаны, готовъ есми довести доводомъ добрым, водлугъ обычаю и статуту прав земских" А Ленковая з сынми своими поведала тым же обычаемъ: „ачколвек тых озер не маем на листех и привилеях наших меновите описаных, але на то маем довод слушный, которые добре того сут звѣдоми, иж то суть озера влостныи имѣнъя нашого Вишенского, окром одно озеро Брызнѣл, которое князь Дмитрей Путятичъ, з волею предка мужа моего, надал на церков Божю,—то есть церковное митрополе, а болши того ниодного церков Божая и митрополит там не мает". А так мы выехали на огледане тых озер. И привели нас Ленковичи з Василем напервей до озера Брызнеля, которое есть посредку земли их Вишенское. Мы пытали: чие то озеро? Василей повѣдил, ижъ то есть озеро звечистое церковное Брызнѣл и з забочю того озера и з залозным, а есть то за одною закотою жерела Брызнеля аж до Золотчи. А Ленковичи по-

вѣдили: „мы в тое озеро, и в жерелѣ и в закоты, и въ залозное не вступуемъ, бо то есть наданое на церков Божю светого Софея". Потомъ нас привели до озера Татинца, и до озера Романовы Калиты, а потом привели нас до озера Миничова и до жерела Миничевского; тое дей жерело пошло в Татинец озеро; и повѣдил Василей, якобы на том жерелѣ и котци ставливали митропольи люди аж до сих часов. Мы в кождого озера з особна пытали обѣюх сторон: чие бы то озера были? А так Ленковичи отповѣдили: ижъ то суть озера наши отчизные; а Василей повѣдил: иж то суть озера звечистыи церковныи. И коли было на завтреи, Ленковая з сынми своими предся допиралас скончаня права о тые вси озера, яко о тые, што меновал их Василей Пацкевич церковными Софейскими, так теж и о тые, которие меновали быти св. Михайла Выдубицкого, и повѣдили Ѳедор а Олехно Ленковичи, иже то озера Татиноц, Романова Калита, Миничов, Гачища, а Бернвища, а Калное сут ихъ властные отчизные Вишенские. А врядник Софейский митрополита его милости Василей Пацкевич повѣдил, иже то есть властные звечистые озера церковные: три озера церкви светого Софея, а три озера светого Михайла Выдубицкого. А так мы тому порозумевши, иж гды Ленковая з сынми своими тых озер, которых под митрополитом его милостью и манастырем светого Михайла Выдубицкого ищуть, на привилеях своих меновите описаных не мают и сами теж то сознали, ижъ одно озеро Брызнѣл в земли их Вишенское ест митрополье церковное, а Василей Пацкевич при том озере Брызнели и другии тые озера вышемененые менит быти церковными, водлуг обычая статуту прав смотрѣли есмо слушного а лѣпшого доводу свѣтковъ межи ними з обеюх сторон, и росказали есмо им обѣма стороны по осмнадцати свѣтков перед нами поставити. И кгдыж Ленковая и сынове ее перед нами поставили свою осмънадцат свѣтков, пытали есмо, водлугъ обычая права, по три светка к собе взиваючи, кождих з особна, естли бы того свѣдоми, чие то озера суть? Они розными словы поведили, иж некоторие у Вишенках на входех от Берендѣя и от небожчика Ленка бывали и озера волочивали, одно того не свѣдоми а ни вѣдают, як которое озеро зовутъ, бо теж жаден з них не был тутошним отчичомъ: одни были з Смоленска, иншии з Лук Великих заполоненыи, а нѣкоторые были з Арнаутское земли, а дру-

гии з Мозыря и з Чернобылья, и з ынших замков, а нѣкоторые з них повѣдили, иж бывали есмо в тыхъ Вишенках на входех и слыхали есмо от Берендѣя и от Ленка, иж вси озера они повѣдали у Вишенках их, одно озеро митрополье менили быти Брызнел, а сами болше того не вѣдаем. А по тому, выслухавши оных всих свѣдков Ленковичов, росказали есмо Василю Пацкевичу з стороны митрополита его милости и церкви светого Михайла Выдубицкого свѣтки перед нами ставити, и кгдыж Василей поставил осмънадцать светков, пытали есмо их, откуль бы который был. Нѣкотории повѣдили, иж сут тутошные отчичи Киевскии, некотории отчичи манастыря Печерского, а некоторыи манастыря светого Николы Пустынского, а иншие з мѣста Киева. И мы также кождыхъ зособна пытали: есть ли бы того свѣдоми были, чии то озера, о которыи межи тыми сторонами право идетъ? Они вси восполок у в одно слово повѣдили, иж тые озера Брызнел, Миничев, Татинецъ, Романову Калиту, на церков светого Софея митрополью, а Гачища, Бервища, Калное на манастыръ св. Михайловский Выдубицкий волочивали за колкось воевод и митрополитов киевскихъ, и будучи тутошные отчичи, того суть добре свѣдоми, иж то звечистые властные церковные озера. Якож мы сознаня кождного светка меновите записати казали, и выслухавши с обу сторон свѣтков, вырозумѣли есмо тому, иж ачколвекъ Ленковая и сынове ее маютъ привилея и листы короля его милости на Вишенки, але тых озеръ меновите на твердостях их нѣтъ, а ктому довод церковный и намѣсника Софейского митрополита его милости лѣпший и слушный, бо вси свѣтки тутошнии отчичи и сумежники, дали есмо на повод свѣдоцства свѣткомъ митрополита его милости, межи которих осмнадцати свѣтковъ дозволили выбирати Ленковои и сыном ее Федору а Олехну шести свѣтков, которым бы они вѣрили, и кгды Ленковая из сынми своими обрали собѣ шесть свѣтков и на тых шести свѣтков и на семого самого наместника митрополего Василея Пацкевича присягу призволили, мы послали с тыми свѣтки и з Василемъ земянина киевского пана Олизара Волчковича, а пана Матвея Заторенка, а пана Ивана Песляка, иж бы тые озера объехали, а приехавши до остаточного озера, аж бы тые шесть светков, а семий Василей, присягу вчинили. Якож тые посланцы с посланя нашого с тыми свѣтками тые озера Миничевъ, Татинец, Романову Калиту, Гачища, Бернвища, Калное объ-

ехали, и укождого озера особливе тыхъ свѣтков пытали: чии бы то озера были? они повѣдили, иж тые три озера: Миничев, Татинецъ, Романова Калита звечистыи церкви Божей светого Софея, а тыи три озера: Гачища, Бернвища, Калное суть звечистые манастыря светого Михаила Выдубицкого. И приехавши до остаточного озера Калного, тыи шесть свѣтковъ на имя: Алексѣй Кувязевъ, маршалокъ манастыра Печерского, а Ходко Дегтяренко, слуга церковный печерский отчизный, а Олешко, лучникъ св. Николы Пустынского, а Мазало, отаманъ Неводицкий, муралъ замку Киевского, а Тимошко, архимандричий печерский чоловекъ, а Василь, лучникъ Киевский, а семый Василей, Софейский намѣсникъ, на том присягу учинили, ижъ то суть властные звечистые озера церковные, к чему Ленковичи и сами их привели и того имъ допустили. А так мы, водлугъ сознаня и присяги телесное тых свѣтковъ, ту тежъ водлугъ присяги самого того Василея Пацкевича, намѣсника митрополита его милости, присудили есмо тии озера, на имя: Брызнѣл, Миничев, Татинец, Романову Калиту—церкви Божей светого Софея, а тыи три озера: Гачища, Бернвища, Калное присудили есмо церкви Божей монастыря светого Михайла Выдубицкого на вѣчность; маетъ митрополитъ его милость Макарей и потомки его иншии митрополиты Кивские тые озера и з жерелы, и с полои, и з крыницами, и з закоты тых озер, ку тымъ церквам Божим держати и их вживати, по тому, яко и перед тым здавна бывало. И на то есмо митрополиту его милости Киевскому и всея Руси, Макарю, дали сесь нашь листъ судовый, под нашими печатми. Писан у Киеве, под лето Божего нароженя 1545, месеца августа 21 ден, индикт 3.

(*Мѣсто четырехъ печатей*).

Fredrych Hlebowicz Pronski, W. K.	Иван Григоревич Служчичъ, Г. К.
Иван Василевич Соломирицкий, Д. К.	Петр Псуцкий, Р. К.

Подлинникъ хранится въ сборникѣ документовъ Кіевопечерской Лавры.

XIX.

Рѣшеніе коммиссіи, составленной, по приказанію короля, изъ бискупа Луцкаго Юрія Фальчевскаго и владыки Луцкаго Θеодосія для разсмотрѣнія жалобы архимандрита Жидичинскаго монастыря Макарія на князя Ивана Масальскаго о присвоеніи монастырскихъ земель и другихъ его обидахъ монастырю. 1545 года, октября 8 дня.

Выпис с книг князя Юря его милости Фалчевского, бискупа Луцкого и Берестейского.

Под леты Божого нароженя 1545, месяца октебря 8 дня, индикт 4-й.

Што первей того господарь король его милость рачил до нас писати на жалобу архимандрыта Жидичинского Макарея, яко бы ся ему от князя Ивана Масалского мели кривды и шкоды великие дѣяти, яко въ кгвалтех, въ боех, въ грабежох, и в невыдаваню от давных часов з ыменя его Торговицы на церковь Жидичинскую десятины, и в ынших многих рѣчах, што на оных комисиях господарских есть широко и достаточне описано; за которыми ж мы листы господарскими комисийными, до нас и до владыки его милости Луцкого, отца Θеодосия, писаными, на он час зложили есмо были им рок з обу сторон на оныи земли пенныи выехати и справедливости своее одному от другого, в чом бы кому з нихъ от которого кривда дѣяла, доводити. То пак они на он час з обу сторон, не ждучи оного року, им от нас зложоного, просили нас, абыхмо их около того угодили. Мы, за зволенемъ и прозбою их на том, весполок з владыкою его милостью Луцким седѣвши, и которое есмо постановене промежку них вчинили, то есмо имъ обѣюм сторонам на писме дали. Нижли што ся ткнеть, яко архимандрит менил собѣ в земли и в дуброве манастырской именя Буремецкого, села Рудлевского, за валомъ, от князя Ивана Масалского кривды мѣти, мѣнячи оныи земли и дубровы быти властныи звечистыи манастырскии, именя Буремецкого, села Рудлевского,—тую рѣчъ на он час есмо были на том зоставили и рок им там выехати зложивши, приятелей своих вывести, которыи на оный рок там выехавши, мели то межи ними при-

ятелским обычаем угодити; а естлибы того межи ними не угодили, мели им то дати до вышшого права. Который рок им от нас зложоный кгды припал, архимандрит Жидичинский, взявши съ своее руки владыку ж его милость Луцкого отца Θеодосия, который и в комисіи господарской поспол с нами в той рѣчи судити описан, а князя Матθея Четвертенского, а княз Масалский съ своее руки—князя Александра Вишневецкого, а пана Грицка Привередовского, на оный рок там на тыи земли и дубровы пенныи выеждчавши и их рѣчей и споров выслухавши, а которым ся обычаем тая рѣчъ их перед ними точила, и не могучи их о то згодити, владыка его милость Луцкий, весполокъ с князем Матθеем Четвертенским, которыи были з руки архимандритовое, а княз Вишневецкий весполокъ с паном Привередовским, которыи были съ стороны князя Масалского,—листы свои о той рѣчи до нас писали, которых же листов их выслухавши и наперед з листу владыки его милости и князя Матвеевого вырозумѣвши, иж люди князя Масалского сами ся сознали, штож тая земля и дубровы за валом, о которую ся они межи собою спирают, есть земля манастырская, именя Бурецкого, села Рудлевского, а они то з десятины за перших архимандритов пахивали и за упросом своим в доброву манастырскую, з волею первшихъ архимандритовъ, уеждчали, а иж ся теж напотом и самъ князь Масалский созналъ, иж был тую землю манастырскую на себе пооралъ и просом посѣялъ, а кгды они оныи земли и дубровы, гдѣ архимандрит собѣ от него кривду быти менил, об(ъ)ехати и видети хотели, а иж князь Масалский там с ними ехати не хотел, а напотом теж вырозумевши есмо и з листу князя Вишневецкого и пана Привередовского, иж князь Масалский, там на тыи земли выехавши, ни за чим иншим ся не угодил, одно иж сынов своих при собе не мел, которых тое имене материстое быти менил,—вырозумевши оному их до нас с обу сторон писан(ь)ю, иж то далъ на розсудок и вырок нашъ, што ся нам в том видело, же быхмо так вчинили: росказали есмо архимандриту князя Масалского ку вироку нашому позвати. Кгды архимандрит ку тому выроку нашому князя Масалского перед нас припозвал, покладали есмо ему рок слушный, жебы он сына своего старшого, которого менил быти на дворѣ у княжати Пруского, и инших сынов своих поставил, а на оный рок весполок с ними в том ся ар-

химандриту усправедливил и собѣ своее съправедливости доводил; нижки кгды он того року от нас приняти не хотел, мы, ведле оного поступку архимандритового, яко владыка его милость с князем Матѳеемъ до нас выписали, а иж теж он року ку поставенью сынов своих ку тому праву своему от нас приймовати не хотел,—за тыми причинами всказали есмо тыи земли и дубровы пенныи, за валом, отцу архимандриту Жидичинскому Макарию до права в держане; а будет ли ся в том князю Масалскому и сыном его кривда видети, они, архимандрита позвавши, мают о то с ним мовити. Яко ж есмо то в книги записати казали, и на то архимандриту выпис с книг наших дали под нашою печатю. Писанъ в Луцъку.

Печать бискупа Луцкаго.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря, хранящихся въ Коммисіи, № 21.

XX.

Рѣшеніе старосты Луцкаго по жалобѣ архимандрита Жидичинскаго монастыря Іоны на князя Ивана Масальскаго о наѣздѣ на монастырскую землю Рудлевскую, а также о побояхъ и грабежѣ крестьянъ монастырскихъ. 1547 года, сентября 1 дня.

Под лето Божого нароженья 1547, месяца сентября 1 ден, индикт 5-й.

Выпис с книг Андрея Михайловича Санкгушковича Кошерского, старосты Луцкого, маршалка господарского, ключника, городничого, мостовничого Луцкого. Што перво сего жаловал нам его милост архимандрит Жидичинский светого великого отца Николы, отецъ Иона, на дворянина господарского, князя Ивана Василевича Масалского, о том, иж дей его милость сам и с слугами, и з некоторыми помочниками своими, в пятницу рано, перед мясопусты светого Спаса, вмыслне наехавши моцно, кгвалтомъ, на влостную землю его милости церковную

Рудлевскую, именя его милости Буремецкого, служебников и поданных его милости побил и поранил, на имя служебников его милости: Петра, а Степана, а Ѳедину, а Ивана, а Ониска, а подданных его милости церковных: врядника Буремецкого Грицка, а тивуна Буремецкого Иева, а Селивона, а Занца Палчика, а Новинку, а Романца, Пилипа, а Кузму, а слуг путных: Ивана Жедневича, а Харка Гацковича, а Тимка Татариновича, а Нелюба; и в тот дей час взято в тых подданных его милости коней двадцатеро и з возы и с хомутами, то есть: в Селивона коня серого и з возом, дал за него двѣ копѣ грошей и десят грошей, и сермягу и сокѣру взяли; в Мартина Палчика—свирѣпу вороную доморослую з возомъ, сермягу и шапку взяли; в Романца Чоботаря—коня серого доморослого с возомъ, сермягу, поес с калитою, а в калите десят грошей; у Пилипца—коня вороного доморослого з возомъ взяли, сокѣру и шапку отняли; в Каленика—коня гнедого, дано за него полторы копы грошей, и з возомъ, и сермягу взяли; в Костюка—свѣрѣпу рыжую доморослую з возомъ взяли; в Кузмы Муравчича—свирѣпу вороную доморослую з возом и сермягу взяли; в Мелеха коня з возомъ доморослого, сермягу, сокѣру взяли; в Грицыны Карантышевича—коня гнедого доморослого и з возомъ и сермягу взяли; в Новинки—свирѣпу вороную доморослую з возом и сокѣру взяли; в Дордала бортника—коня гнедого, дано за него двѣ копѣ грошей, и з возомъ взяли; в Зенка Ковалевича—свирѣпу вороную, дано за нее полторы копы грошей, и з возом взяли; в Метенки—свирѣпу рыжую доморослую и сермягу взяли; в Мордыша—коня бурого, дано за него двѣ копѣ грошей, того и з возомъ взяли; ув Опанаса Трухановича— коня рыжого доморослого з возомъ и сокѣру взяли; в Конаша—свирѣпу рыжую доморослую з возомъ и сокеру и сермягу взяли; въ Степанца Приступы—свирѣпу вороную доморослую и з возомъ, сермягу, шапку и сокеру взяли; в Пирога—коня вороного доморослого з возом, сермягу и сокеру взяли; в Карпа—коня гнедого, дано за него полторы копы грошей, з возомъ, сермягу и сокѣру взяли. Яко ж дей его милост о вси тыи кривды и шкоды свои позвы нашими врядовыми позывал, он за позвы на рок не стал; а потом и децким позвал—он и на тот рок, от децкого положеный, перед нами ку праву не сталъ и никого на свое мѣстце не присылал. А так мы,

осумовавши вси шкоды его милости, водле позву и рейстру, яко за кгвалт, так и за бой служебниковъ дворных и слуг путных и людей тяглых и вси шкоды подданым его милости, всего сумою сто коп грошей, двадцат коп и чотыри копы грошей и семъ грошей, и заховываючи отца архимандрита его милост водле статуту и посполитого права, и тую суму пѣнязей присудили и въсказали есмо его милости на князи Ивану Масалскомъ, за нестанемъ его за позвы и за децкимъ на роки ку праву, и в той сумѣ пѣнязей отцу архимандриту его милости ма дано быт от нас увязане вы ймени князя Иванове водле важности оное сумы пѣнязей до права; и то есмо казали в книги замковыи записати и выпис с книг того сказаня нашого на тую суму пѣнязей отцу архимандриту Жидичинскому отцу Ионе на то есмо дали. Дан з Луцка.

Печатъ старосты Луцкаго.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря, № 27.

XXI.

Листъ королевскій Θеодосію, епископу Луцкому, о томъ, что бы онъ не смѣлъ посылатъ своихъ слугъ для сбора серебщизны въ имѣніяхъ Жидичинскаго монастыря, но, согласно давнему обычаю, оставилъ бы это право архимандриту Жидичинскому. 1547 года, іюля 10 дня.

Жикгимонт Август, Божю милостю корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мозовецкий и иных.

Владыце Луцкому и Острозскому Θедосю. Присылал к намъ архимандрыт манастыря светого Николы Жидичинского Иона, жалуючи о томъ, штож ты хочешъ усылати служебниковъ своихъ бирчих в ыймeня манастырские, серебщизны з людей того манастыря Жидичинского выбирати, а перед тымъ дей здавна того николы не было, жебы владыки

Луцкие бирчих своих в ыменя манастырские для выбираня серебщизны всылати мели, нижли сами предкове его, архимандриты Жидичинские, серебщизну з людей своих манастырскихъ бирчимъ своимъ выбирати казывали, а выбравши, через служебниковъ своих до скарбу нашого отсылали; якож ведаеш и самъ, иж то есть манастыръ особливое подаване наше господарьское, и ты до того монастыря ничого не маешь, и не мелъ бы еси над обычай стародавный новын увводити и в справы манастырские вступоватися. Для чого ж приказуем тобѣ, аж бы твоя милость служебниковъ бирчих своих в ыменя манастырские не всылал и серебщизны з людей церковныхъ выбирати не казалъ, и в то ся ничимъ не вступовал, и новины не уводил и дал тому покой; нехай бы архимандрыт самъ по йменьямъ манастырскимъ бирчихъ своих посылал и тую серебщизну з людей церковных выбирал и до скарбу нашого через служебниковъ своихъ отсылалъ, ведле давного обычаю, конечно, абы то инак не было. Писан у Вилни, под лет Божого нароженя 1547, месяца июля 10 ден, индикт. 5.

(Печать королевской канцеляріи).

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря хранящихся въ Коммиссіи, № 24.

XXII.

Грамота Антонія Радиловскаго, епископа Премышльскаго и Самборскаго, на учрежденіе православнаго церковнаго братства въ г. Вишнѣ, при церкви св. Троицы. Уставъ этого братства. 1563 года, августа 18 дня.

Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Стался ку вѣчнои памяти, кому есть потреба, и нынѣшнимъ и потомъ будущимъ. Мы, смиреный Антоний Радиловскый, епископъ Богомъ спасаемыхъ градовъ Премышля и Самьбора, з вѣдомостію всего крылоса и духовенства нашего столечнои церкве святого Іоана Крестителя, яко есть лѣпо свято

закону гръческого, наученно Богомь и положено святыми апостолы и святыми отци любовь духовную и братскую имѣти намъ сполна, мѣщане и предмѣщане, ктож будет хотѣль, прислухаючи къ храму церкве святыя и животворящіа и нероздѣлимыя Троици до мѣста Вишнѣ, хотячиих присвоеніа и теплѣйшего моцне у вѣрѣ къ милостивому Богу и Пречистей Его Матере и святыя Тройци, для душевного избавленія и по съмерти покоя и на памят вѣчную предкомь и родителемь их; яко изволили доброю волею и умыслом правдивымъ, пришли и жадали насъ, абысмо имъ дали листъ ку братьству всѣмъ посполите вышеписанымь и потомкомь их. Ино мы, съ благословеніемь Божіимь, обачилши рѣчь слушную и Богу подобнүю, сгадалшися, дозволили и дали сей листъ, под печатею столечности нашеи. И заповѣдаем таковым, под казнію душевною и клятвою Божію и святыхъ отець 318 иже въ Никеи, абы дръжали единь съ другымь братство сполон; а если бы кторыи выступаль и не хотѣль послушнымъ быти, того отлученіемь закону святого и клятвою карати и съборнои црковь, мають быть караны винами ниже писаными. И сходитися уреченого дне до брата старшого цехмистра, къторого събѣ выберуть, послушнымь его быти и в почтивости мѣти, як залежить старшому; а о што имь потреба къ закону святому душевнои помочи, такову пораду имѣти, а не послушного и выступного межи собою карати.—А се мы мѣщани у Вишни закону гръческого зволилися есмо вшитци въсполокъ братство имѣти. Ꙁто хочеть пріяти з доброи волѣ, пръвѣе мает дати 6 грош личбы полскои, а пріемши братство, мают ся сходити у громаду въ 4 неделѣ. А зышедшися в братство, мают класти до скрынькы по грошику; а которого застанеть знакъ братскый цѣха а не поидеть за нимъ, якъ обышлють, на томъ вины грошикъ. А то братство для того вчинено: на кого Богъ изволить преставитися от сего свѣта, кто его дръжит, повинень за тѣломь до гробу поити, под виною фунтом воску, едно еслибы в небытности и причиною явною под свѣдоцьствомъ. Як ся зыидут до братьства, маетъ другь друга в почтивости мѣти, не примовляти собѣ, в лавѣ сѣдячи. Хто бы ся тгнуль словомъ на кого не почтивымь, на того вины црковныи фунтъ воску без отпусту. Если будеть выступнымь, маеть уступити, за росказанемь братьскимь; а не эхочет ли выступити, много разь будут ему казати, толко вины дати

грошиковь. А если не умѣеть справовати што ему потреба, маеть просит братовь на пораду: повинни ему порадни быти правдиве, а вшедши с порады, маеть дяковати вшиткымъ братомь. А кторыи бы мѣль обмовляти братство и цехмистра, досвѣдчать на него в поли 1, в мѣстѣ 2,—на томь вины церковнои фунтъ кадила без жадного отпусту. Якъ же будуть выбирати межи собою старшого брата цехмистера, на кого зволять, не мает ся с того вымовляти, под виною фунтъ кадила; едно еслибы немощнимь быль, и то слушне, если его братя выпустять, змовившисе, то можеть быти воленъ с того. А скрынька маеть быти справне у цехмистра, а ключь по кождого брата рядомь дръжати.—Сіе писаніе написах вамь от заповѣдеи святыхъ апостол и богоносныхъ отець, изложивших чинъ црковныи. Аще ли съхраните, блажени будете; аще ли преступите или в нераденіе обернете, то и сами узрите и отвѣть дасте пред Богомь въ день судныи. Благодатію Господа нашего Іисус Христа, ему же есть хвала съ Отцемь и Сыномь и святымь Духомь, нынѣ и всегда и въ вѣкы вѣковь, аминь.—Дата въ градѣ Премышли, мѣсяца августа 18 день, лѣта Божія по рожьдествѣ Христовѣ 1563. А при томь были крылошане наши и священици Премысціи: намѣсникъ Василій, Лазар, Василій, ермонахъ Өеофань, Заленьскыи, Негребецкыи, Ясманицкыи, Юровскыи, діакони: Іоан, Стефань, мѣщаны и много инших добрых людій и служебников наших шляхетных и вѣры годныхъ.

Подлинникъ на пергаментѣ хранится въ архивѣ при церкви св. Іоанна въ Перемышлѣ. Копія доставлена С. Т. Голубевымъ.

XXIII.

Жалоба земянъ Тихна Хомяка и Орины Петровой Хомяковой о томъ, что панъ Гуринъ Хомякъ, ворвавшись съ вооруженными людьми въ церковь во время богослуженія, поносилъ ихъ бранными словами, покушался лишить ихъ жизни и избилъ ихъ слугу, каковымъ буйствомъ навелъ такой страхъ на присутствовавшихъ, что священникъ и діаконъ, прекративъ богослуженіе, бѣжали изъ церкви. 1564 года, февраля 5 дня.

Лета Божого нароженя 1564, месяца февраля 5 дня.

В небытности пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, на тот час будучи на местцы его Федоръ Русинъ, писар замку Луцкого. Писал и присылал до мене земянин господарский панъ Тихно Иванович Хомяк Смордовский, восполон с панею Петровою Хомяковою панею Орынею, жалуючи обтяжливе на пана Гурина Масковича Хомяка, оповедаючи тымъ обычаемъ, иж дей „онъ намъ самымъ, слугамъ и подданнымъ нашимъ Смордовскимъ кгвалты, бои, грабежи, кривды и шкоды не малые чинит; а теперешнихъ дей часов, у неделю прошлую, месяца генвара тридцатого дня, панъ Гуринъ, собравшися умыслне з слугами и с помочниками своими яко на одного неприятеля, з ручницами, з луки, з мечи, з рогатинами и з ыншимъ оружемъ, пришодчи до церкви праве по переносе, втиснувшися в церков, стал брони добывати, хотячи мя забити, с которого дей страху свещенник и дякон от престола и от службы Божое с церкви выступили, а он дей мене самого и панюю Петровую словы непочтивыми зсоромотил и там же дей у церкви при дверехъ церковных слугу пана Петрова, Миска Поповича, самъ рукою своею сбилъ, скровавилъ, и моцне а кгвалтовне его перед панею Петровою взявши, до двора своего отвел, и тамъ дей его повторе збил и мордерство а окрутенство над ним великие чинил, и еще дей надто самъ своею рукою взял в него с калиты перстен золотый и иншихъ шкодъ на тот час ему не мало поделал;“ которых дей всихъ шкодъ поделаныхъ реестръ меновите написаный в себе маетъ. И просили, абы то было записано; а так я тую жалобу и оповедане ихъ до книгъ замковыхъ записати казалъ.

Книга Луцкая замковая 1564 г. № 2038, л. 14 на об.

XXIV.

Жалоба нареченнаго епископа Луцкаго Марка Жоравницкаго на мѣщанъ Луцкихъ о самовольномъ арестѣ и заключеніи въ тюрьму протопопа Луцкаго. 1565 года, генваря 23.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца генваря 23 дъня, у волторок.

Писал и присылал до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, его милость панъ Марко Жоравницкий, владыка Луцкий и Острозский, оповедаючи и обтежъливе жалуючи на мещанъ Луцких, то есть на Федора Скрипицу, на Андрея Боруха и на Тараса, о томъ, штож дей они с помочниками своими дъня вчорашнего у понеделокъ, генвара двадцат второго, перенемши богомолца его милость протопопу Луцкого, священника Дмитровского, отца (пропускъ въ подлинникѣ) на мести Луцкомъ, не маючи до него жадное причины, толко наполнившися воли своее, его сторъсовали и, поймавши, до везеня в казнь местскую на вежу осадили, въ которой дей вежи часъ не малый на великой студени седел и везене терпѣлъ; ажъ дей потомъ лантвойтъ Луцкий Сабостянъ Хоревский з бурмистромъ Луцкимъ Григоремъ Посолейкомъ, сами к нему пришодчи, его с тою везеня взяли и доброволне выпустили; якож то заразомъ священникъ Дмитровский, протопопа Луцкий, дъня вчерашнего в понеделокъ, скоро вышодчи з везенъя, сам то на вряде замковомъ плачливе предо мною оповедал; и не хотячи его милость панъ Марко Жоравницкий, владыка Луцкий и Острозъский, такого жалю своего а зелживости свещеника Дмитровского занехати, а онымъ своволникомъ того терпѣти, жедалъ, абы то было записано. А так я тое оповедане его милости и жалобу свещенника Дмитровского, протопопы Луцкого, в книги замковые записати казалъ.

Книга замков. Луцкая 1565 г. № 2039, л. 17 на об.

XXV.

Жалоба нареченнаго игумена Красносельскаго монастыря Богдана Шашка о томъ, что урядникъ епископа Луцкаго Марка Жоровницкаго, панъ Петръ Немецкій, пріѣхавъ въ монастырь и встрѣтивъ его въ притворѣ церковномъ, сталъ бранить его за то, что онъ осмѣливается отправлять въ монастырѣ церковныя службы, вопреки запрещенію владыки, затѣмъ нанесъ ему тяжкіе побои и, вынувъ саблю, хотѣлъ его убить. 1566 года, апрѣля 1 дня.

Лѣта Божого нароженя 1566, месяца априля 1 дня.

Присылал до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, в тот час будучого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, нареченый игуменъ Красноселский светого Спаса, панъ Богданъ Шашъко, жалуючи и оповедаючи великообтяжливе а плачливе на врядника его милости отца владыки Луцкого и Острозского, пана Марка Жоравницкого, Кочкаровского, Петра Немецкого: иж дей он, нинешнего дня месяца априля первого, ехал дей з места господарского Луцкого умысльне моцно, кгвалтомъ, просто до монастыра Красноселского светого Спаса,—а я дей на тот часъ у церкви у павечерни был;—и зеедши с коня, шолъ просто до церкви; ино дей я, почувши о немъ, вышолъ есми с церкви против него, хотячи ся з ним привитати; и скоро дей сустритився з нимъ у притворе, он, не чинячи зо мною жадное розмовы, заразъ ми поведил: „нецнотливый псе, чому то служишъ павечерню? бо тебе не благословил его милость отец владыка обедни а павечерни служити". И вымовивши то, вдарил дей мя по виденю и окрутне збилъ, и доставшы шабли, хотел мя до смерти забити, аж дей есми заледве перед нимъ у церковъ уфатился и потомъ былъ у церкви; зачимъ онъ проч одышолъ, и идучи от мене, покинулъ коня своего вороного з седломъ, з опанчею и саблю на седли; и того коня с тыми речми на манастыри покинувши, сам прочъ пошол; который дей конь с тыми речми вышей поменеными и теперь у мене есть." И хотячи пан Богданъ Шашко о то мовити, просилъ, абы то было записано. А так я тую жалобу оповедане его в книги замковые записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1566 г., № 2040, л. 79.

XXVI.

Жалоба урядника епископа Луцкаго Марка Жоравницкаго, пана Петра Либицкаго (Немецкаго?) о томъ, что когда онъ отправился къ нареченному игумену Красносельскаго монастыря п. Богдану Шашку съ просьбой о запрещеніи монастырскимъ крестьянамъ дѣлать притѣсненія подданнымъ владыки, то игуменъ вмѣсто удовлетворенія его просьбы, жестоко избилъ его и отнялъ у него коня, саблю и другія бывшія при немъ вещи. Донесеніе вижа, осматривавшаго слѣды побоевъ на тѣлѣ жалобщика. 1566 года, апрѣля 2 дня.

Лѣта Божого нарожения 1566, месяца априля 2 дъня.

Пришодчи на вряд его кролевское милости, до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, в тот час будучого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, врядникъ его милости пана Марка Жоравницкого, владыки Луцкого и Острозского, Кочкаровский, Петръ Либицкий (sic), жаловал отяжливе на пана Богдана Шашка, нареченого игумена Спаского Красноселского, оповедаючи тымъ обычаем: иже дей он самъ, з слугами и с поддаными своими церковными, подданымъ его милости пана моего Кочкаровскимъ кгвалты, бои, грабежи, кривды, втиски и шкоды непомерные чинит; такъ жемъ дей я вчорайнего часу, месеца априля первого дня, в понеделокъ, ездил до него в манастыр, просячи его за то, абы таковыхъ збытковъ, кривдъ и шкод подданымъ его милости пана моего Кочкаровскимъ не чинилъ, слугамъ и подданымъ своимъ чинити не допускалъ; то пакъ дей панъ Богданъ Шашко, не чинячи ми на то жадного отказу слушного, толко заразомъ стал мя поличковати, а потомъ, порвавшися до кия, мене окрутне збил, змордовалъ и зранил, и ещей дей надто взял в мене коня моего вороного, з седломъ, з опанчею и со всимъ на все, к тому саблю,—то все отъ мене кгвалтовне побрал, в чомъ собе пан Петръ Либицкий, врядникъ Кочкаровский, от него жаль, зелживост, кривду и шкоду быти менит. Якож на огледане и на осветчене збытя и ранъ своих брал у мене вижомъ з уряду замку Луцкого служебника замкового Остапа, который виж тут же на вряде его огледал, и ставши передо мною; до книгъ замковыхъ тыми словы созналъ: иж видел в него на правой реце рану розбитую, кривавую, а за плечима две раны

битых, синекривавыхъ, на голове рана битая, опухлая, на левой руцѣ пят ран битыхъ, синих, а на нозе левой рана битая, синяя. И хотечи пан Петръ, врядникъ Кочкаровский, о томъ мовити, просилъ, абы то было записано. А так я тую жалобу оповедане его, и вижово сознане, в книги замковые записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1566 г. № 2040, л. 80.

XXVII.

Жалоба архимандрита Зименскаго монастыря Порфирія о разнаго рода обидахъ и притѣсненіяхъ, чинимыхъ ему справцой того же монастыря, Аврааміемъ Янчинскимъ. 1567 года, октября 6 дня.

Лет Божого нароженя. 1567, месеца октября 6 дня.

Оповедал и жаловал мнѣ Якиму Василевичу, на тот час будучому на местцу пана Михайла Привередовского, подстаростего Володимерского, богомолецъ господаръский, архимандритъ Перфирей, жаль, легкость и шкоду свою: „будучи дей мне у манастыри Земенскомъ у кели моей форобою затрудненому, то пакъ дей, не ведаю, у который обычай новый, справца манастыря Земенского Аврамей Янчинский, ушедчи до моей коморы, кгвалтомъ, не маючи до мене жадного дела, а ни дворанина его милости князя воеводы, а ни листу его милости,— взял скрыню мою власную, в которой скрыни мелоѵъ речей не мало: сто таларей, пятдесят золотых чирвоных, святост сребром обложена позлотиста, то есть крестъ и камень у немъ, инших дей речей не мало, клунок из речами, шаты, которые у моемъ убогомъ упокойци были, постель, инше речи от мала до велика, так много, яко на триста золотых всее шкоды, што было в комори моей, тое все побрал, а мене зоставил нага, у в одиной кошули а у сукманине падзной,

болна, гладна и студена; просилем о дрыва затопить келью и того ми не дал. Я, видечи свою великую кривду и беду а так великую зелживость, уставши до дня рано, боячися, абы ми и самому чого не въбредилъ, ехалемъ—взял мя челядник на кон и допровадил до фолварку преорского и там мя положил; потом дано знати отцу преору Володимерскому: его милост, яко брат, взял з собою брата преора Городелского и пришли до мене до Шистова до фолварку наведати. И просил есми их милост о пораду; они ми порадили оповедить на вряде кролевском замку Володимерскомъ и записати кривды свои и шкоды немалы и зелжене, легкость великую, которая ся стала от отца Аврамия Янчинского; и взяли мя отецъ преоръ Володимерский и отецъ преоръ Городелский весполок з собою и шлисмо до враду кролевского на замок, а кони есми казал поставити у приятеля своего, у отца Илинского. Будучи мне у враду о великий свой жаль и о шкоду, возничка мой, который при конехъ былъ, и вел кони до воды; то пакъ тот же Аврамей Янчинский, мало на томъ мелъ, переехавши того то моего возничку, кгвалтом без жадного враду збил, змордовал и кони мои власные отобрал, и ключи, которые были от тое скрыни и от клунка, которую скрыню мою власную взял с талерми и з золотыми,—от тоеи скрыни у хлопца и ключи побрал у вознички и от коморы, тое все побрал, пограбилъ. Мало на томъ мел,—еще и на мне самомъ помстою неякою, зелживостю, межебойствомъ ся похвалялъ и забити искалъ: бы мя не ретовали приятели, подобно и волю свою пополнити мел“. И просилъ мене тот архимандрит Перфирей, абы тое оповедане и жалобу его в книги замковые было записано, и я то в книги замковые записати казалъ.

Книга гродск. Владимірская 1567 г., № 934, л. 175 на об.

XXVIII.

Заявленіе п. Андрея Русина, нареченнаго Владыки Пинскаго и Туровскаго, о томъ, что, по смерти Жидичинскаго архимандрита Іоны, онъ посылалъ къ королю Ивана Загоровскаго хлопотать о представленіи ему архимандритства Жидичинскаго, уполномочивъ его выдать отъ его лица денежныя обязательства тѣмъ изъ членовъ королевской рады, которые согласятся ходатайствовать за него, для чего снабдилъ его именными бланками; но посланный не имѣлъ успѣха въ возложенномъ на него порученіи и даже не возвратилъ врученныхъ ему бланковъ. Поэтому Андрей Русинъ заявляетъ, что такъ какъ его попытка не удалась, то онъ не считаетъ себя должнымъ ни королю, ни панамъ радамъ. 1570 года, генваря 28.

Лета Божого нароженя 1500 семъдесятого, месяца генваря 28 дня.

Пришедшы на вряд его кролевское милости, до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, его милость панъ Андрей Иванович Русинъ Берестецкий, нареченый владыка Пинский и Туровский, оповедилъ тымъ обычаемъ: иж дей року прошлого шестдесятъ девятого, месяца декабра двадцат второго дня, у середу, скоро по смерти небожчика отца Ионы, архимандрита Жидичинского, упросивши есмы его милость пана Петра Загоровского, маршалка его кролевское милости, выправилъ есми былъ сына его милости пана Ивана Загоровского до двора его королевское милости, давши ему мамрамовъ три отвороныхъ, два на полуаркушу, а третий на аркуши, а три мамрамы зашитые на листы, под печатью и с подписомъ руки своее, под титуломъ владыцства Пинского и Туровского, на которыхъ мамрамех зашитых до некоторых панов рад его кролевское милости, просячи о причину, абы ся их милость до его кролевское милости о архимандритство Жидичинское причинити и ему в томъ допомогати и мне тот хлеб духовный у его кролевской милости архимандрицство Жидичинское зъеднати и упросити рачили, панъ Иванъ Загоровский написати мелъ. А так дей панъ Иванъ Загоровский, у двору его кролевское милости мне ничого доброго не вправивши и того хлеба духовного архимандрицства Жидичинского у его кролевское милости и в пановъ радъ не зъеднавши, и

што был, за дозволенемъ пана отца своего а за прозбою моею, до двору его кролевское милости послан, ни щимъ приехал, и тых мамрамовъ, которыи в мене побрал, мне ни одного нет ведома для которое причины не оддал и отдати не хочет; а ям дей якъ самому его кролевской милости, так и паномъ радамъ, никому ничого а ни которое сумы пенезей не виненъ. И перестерегаючи в том невинное шкоды своее, панъ Андрей Русинъ просил, абы было записано. А такъ я тое оповедане его милости до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1570 г., № 2044, л. 49.

XXIX.

Жалоба Луцкаго Покровскаго священника Григорія о томъ, что панъ Станиславъ Граевскій, приказавъ слугамъ поймать его, спокойно ѣхавшаго по улицѣ, схватилъ его за волосы и началъ ножницами стричь ему плѣшь на головѣ; когда же священникъ хотѣлъ вырваться изъ рукъ Граевскаго, то послѣдній нанесъ ему побои и грозилъ убить его. 1574 года, іюля 2.

Року 74, месяца июля 2 дня.

Пришодчи на врядъ кгродский, в замокъ Луцкий, передъ мене Михайла Вилгорского, подъстаростого Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, свещенъникъ Покровский Луцкий, отецъ Григорей, жаловалъ и оповедалъ великообтежливе на пана Станислава Кграевского: иж дей дня вчорашнего, в четвергъ, месяца июля первого дня, едучи мне з дому моего з места Луцкого межо домъ мещанина Луцкого Саска Макъсимовича, в которомъ панъ Кграевский пилъ, и тамъ же дей мене самъ панъ Кграевский обачивши, нетъ ведома для которое причины, едно наполнившися злое а непристойное воли и мысли своее, первей рикнул на возницу своего, жебы мя загамовалъ, который дей возница, заразъ чинечи воли и росказаню его досыть, почал подо мною коня моего бичем бити и от броны Глушецкое забегати;

а потомъ дей панъ Кграевский, выславши з оного дому Саскового двохъ служебниковъ своихъ, мене, яко чоловека духовного, спокойного и никому ни в чомъ не винного, поймати и до себе привести казал. Кгды мя до него привели, тогды панъ Кграевский, заразомъ порвавши мене за волосы, почалъ мне ножичками плѣшъ стрычи; ямъ дей коли од него з рукъ вырывати ся почал, ино дей онъ самъ рукою своею мене збил и змордовал и до корда ся на мене порывалъ, поведаючи, ижъ дей „еще я тобе, попе, и шию утъну!“ въ чемъ собе священник Луцкий Покровский от пана Станислава Кграевского жаль, кривду и зелъживость немалую быти менитъ. И просилъ, абы было записано; а такъ я тую жалобу и оповедане его до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1574 г., № 2048, л. 177.

XXX.

Универсалъ короля Стефана Баторія, опредѣляющій количество податей въ королевскую казну, коими должны быть обложены православныя церкви въ королевствѣ Польскомъ. 1576 года, августа 30.

Declaratio de contributione ex sinagogis Rutenicis pendenda.

Stephan, z łaski Bożej krol Polski, wielkie etc. Wszystkim wobecz y każdemu zosobna poddanym naszym, ktorego sz kolwiek stanu y zawołania będączym, gdzie sz kolwiek w krolewstwie naszym przemieszkawającym, zwłaszcza obywateliom ziemie Przemyslskiej, a Sanoczkiej, y wszystkim innym, komu by kolwiek tho należalo. Oznajmujem them listem naszym: isz jako jest nam oznajmiono, że się wiele najduje poddanych naszych tych, ktorzy są religiey Greckiey albo Ruskiei na niektórzych miejszczach w Sanoczkiej zwłaszcza y Przemyslskiej ziemi, ktorzy uchwalę okolo płaczenia poboru od ruskich popów w wątpliwoszcz przywodzą y wedle opisanja uniwersału y zgodney wszystkich uchwały, poborow od popów płaczicz upornie nie chczą,

przyczynę tę zekładającz y tym się szczyczącz, iż w uniwersalie poborowym, ktory jest dany na blizko przeszłym sejmie coronaciei naszey w Crakowie, expresse y mianowiczie nicz nie jest opisano około popow ruskich, po czemu by płaczicz mieli. My thedy, chcąc wątpliwoszcz thę roztrzygnącz i szkodzie, ktorą by ztąd niemałą Rzeczpospolita odnieszcz musiała, zabieżecż, tak tho declarujemy y skazujmy: że chociaż mianowicie w uniwersalie Crakowskim nie jest opisano, po czemu by popi ruszczy płacicz poboru mieli, ale isz w uniwersalie na sejmie Jędrzejowskim przed przyjechaniem naszem do corony, okolo poborow uczynionym (na ktory się thesz Crakowski uniwersal referuje y nie nowy pobor, ale ten, ktory w Jęndrzejowie był postanowiony, jest w Crakowie na coronaciej naszey przyjęth y potwierdzon) jest dostatecznie opisano y dołożono, że popi ruszczi, wedle Warszawskiego uniwersału, płacicz pobor powinni bendą, isz thedy w Warszawie uchwaliono bylo, że z każdei cerkwie albo koszczoła ruskiego miało bydz płaczono po dwa złothe polskie, thedy my, tho postanowienie w całoszczi zachowującz, gdysz się go thesz odmianiacz niegodzi, wszyskim wobecz rozkazujemy y koniecznie tho miecz chczemy, aby od wszystkich popow ruskich, gdzie sz kolwiek będączych, nie inaczey pobor był płaczony, jedno wedlie ustawy Warszawskiej, tho jest: po dwa złothe zwykłe polskie od koszczoła albo czerkwie ruskiej; a od płaczenia poboru thego żaden wymawiacz a ni thesz zchraniacz się ma ktorym kolwiek sposobem. A gdzie by wiencz kto się takowy, bądz tho z popow, albo thesz z jakich kolwiek poddanych naszych, naydował, ktory by, wedlie opisania tak uniwersału poborowego, jako thesz y teraznieyszey declaratiej naszei, płacicz poboru thego nie chcział, starostowie naszy miejscz onych, gdzie by się taczy najdowali, albo thesz podstarostowie y inszy na miejsczu ich będączy, nicz nie mieszkającz, wedlie nauki w uniwersalie opisaney, z powinnoszczi urzendu swego, przeczіwko takowym postempowacz y nad niemi exekucją czynicz mają, a tho pod karaniem i winą na niedbałe starosty w thej mierze postanowioną, ktore takowe niedbałe starosty poborcza nasz do nas deferowacz ma nieodwłocznie, żebyszmy przecziwko niemu tak postąpili, jako prawo pospolithe uczy. Krorą tho declaratią therazniejszą naszę poborczy naszi powinni będą do grodow oddacz dla obwołania y do wiadomosci wszyst-

kich przywiedzenia, żeby potem nikt nie miał przyczyny wymawiacz się niewiadomoszczią. A dla wiary thego wszystkiego ten list ręką naszą podpisalismy i pieszęszią zapieczętowali. Dan w Toruniu, dnia XXX miesiącza augusta, roku panskiego MDLXXVI, panowania naszego roku pierwszego.

Акты Метрики коронной 1576 г., № 114, листъ 186 на оборотъ.

XXXI.

Листъ короля Стефана архимандриту Печерскому Мелетію Хребтовичу, запрещающій ему подчинять своему вѣдѣнію Никольскій монастырь и вмѣшиваться въ управленіе его имѣніями. 1578 года, іюля 2 дня.

Стефанъ Божею милостю корол Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жмодский, Киевский, Волинский, Подляский, Инфлянский, княжа Семикгродское и иннихъ. Архимандриту Печерскому монастыра светое Пречистое в Киеви, Мелетию Хребтовичу Богуринскому. Присилалъ до насъ игуменъ манастира светого Николи Пустинского з Киева Давидъ со всею братею черцями того монастыра, обтяжливе жалуючи намъ на тебе, ижъ дей ты, не заховуючися ведлугъ звичаю стародавного продковъ своихъ першихъ архимандритовъ Печерскихъ, без жадного права, над привилея и волность ихъ, наданя и фундуши, от королей пановъ милостивых, великих князей, светобливое памети, продковъ нашихъ, монастиру Пустинскому надание, в тотъ монастир вступуешся и в повинность владзи и послушенства своего их мѣти, о скарбехъ наименших и о всякихъ пожитках их вѣдати хочеш; а они дей николи в такомъ послушенстве архимандритовъ Печерскихъ не били и толко тую повинность—благословене от него брати полнили, чому и тепер досыт чинять. А в том собе великое от тебе уближене и знищене оного монастира быти менуючи, били намъ чоломъ, абихмо имъ, над право и привиля ихъ и волность, которие у себе быти менуючи показуют, того терпѣти не до-

пустили и листъ имъ нашъ до тебе дати велѣли. Ино, будетъ ли такъ, яко они намъ жаловали, тогди намоминаемъ и приказуемъ тобе, абы еси, над право, привиля и волность ихъ, въ тотъ монастир светого Николи Пустинского ничим ся не вступалъ и перекази нѣкоторое в немъ имъ не дѣлалъ, але толко благословенства своего, ведлугъ стародавного звичаю продковъ своихъ, над ними уживалъ; такъ якобы они надъ права свои и звичаи стародавнии, уближеня нѣкоторого не терпели и намъ господарю повторе о то жаловати причини слушное не мѣли конечно. Писанъ ве Лвове, лѣта Божого нароженя тисеча пятсот семдесят осмого, месяца июля 2 дня, панованя нашого року 3. Навласное росказане короля его милости Ioannes Borzykowsky, Ławrin Piesoczynsky.

Печатъ королевская.

Изъ книги документовъ Никольск. монаст., находящейся въ библ. К. Дух. Академіи, № 219, л. 49.

XXXII.

Донесеніе вознаго о результатахъ произведеннаго имъ дознанія по дѣлу о нападеніи пана Михайла Пузовскаго на церковь въ селѣ Пузовѣ и разграбленіи церковнаго имущества, а также о нападеніи на домъ священника при той же церкви. 1579 года, мая 7 дня.

Року 1579, месяца мая 7 дъня.

Передо мною Василемъ Павловичем, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши очевисто возный повету Володимерского, пан Михайло Голуб Сердятицкий, ку записанью до книгъ кгродскихъ вызнал тыми словы: ижъ будучи мне от твоей милости з уряду приданым на потребу пана Семена а пана Аврама Пузовских, то есть на огледане кгвалтовного нахоженя на церков их Пузовскую и на домъ попа ихъ Пузовского, которое кгвалтовное нахоженье менятъ быти от пана Ми-

кайла Тимошевича Пузовского,—а так я, маючи при собе шляхту: пана Олекшого Хибовского, а пана Бартоша Братка, року тепер идучого семъ десятъ девятого, месяца мая четвертого дъня, огледал есми, за оказанемъ пана Семена а пана Аврама Пузовскихъ: видел есми у попа в коморе замок отбитый, якож и попъ поведилъ, ижъ „мне тут в тое коморе добывалъ панъ Михайло Тимошевичъ Пузовский, с подданымъ отца своего, Павломъ Назарковичом, а с горчарчиком, который у гончара панеи Уменское за товариша мешкаетъ, и з ыншими помочниками своими, которых иншихъ не знаю, ажъ дей есми перед ними за стугою в коморе крился, а потомъ дей, от мене пошедши до церкви, тамъ дей не видаю якимъ обычаемъ у церковь уломився, и тамъ што хотел, то броилъ; я дей, видячы таковый кгвалтъ от пана Михайла Тимошевича на церковъ и на домъ свой, дал есми знати пану Авраму; панъ Аврамъ дей посилалъ до него пана букграбу, напоминаючы пана Михайла, абы кгвалту церкви не чинилъ; онъ дей и того збил и зранилъ.“ А потомъ я возный, съ тоюж шляхтою, шли есми до церкви; у церкви видели есмо на замъку знакъ рубаный, половица прибою отломлена, а въ церкви видели есмо крилос порубаный, и стены на колконадцатъ местцахъ порубаны, и образы на земли лежачые, и скрипица подданого пана Тимоша Пузовского Назарковича тамъ же в той церкви нашли. И стоячи попъ повидил, иж дей, „за такимъ кгвалтовнымъ нахоженемъ, не знашол есми в церкви еванселия зо срибромъ и рыз двоих: одных коленских белыхъ, в которыхъ на плечах и на подолку окладки отъласу чирвоного и шнуркованя в одное из золота а крижи два перлы сажоные, которые дей коштовали шести копъ грошей, а другихъ выбойковыхъ чирвоных, штихар из зарукавемъ, и моих дей власныхъ пенезей на жертовънику грошей двацатъ взято, яко дей уже, слышал есми, признаваютъ двадцать грошей.“ А потомъ с церкви зо мною вознымъ и с стороною пан Семен и панъ Аврамъ шли до пана Тимоша Пузовъского, хотячы просит справедливости на сына его, пана Михайла, ино дей его дома не сказали; а кгды есмо шли з двора, поп повидил: „ижъ дей есми, панове, учора у недилю рано пришолъ к церкви и засталъ дей есми тамъ жонку Ганицу Романчую; кгды дей есми запыталъ: што тут чинишъ? она дей повидила, ижъ дей есми нашла церковъ не затвореную в ночы, и я дей затворила и своимъ

замъкомъ замъкнула, а тепер дей, милый батку, и мой замокъ изгинулъ!“ Што мною вознымъ и стороною пан Семен и пан Аврамъ светчилъ. Которое жъ сознане возного до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1579, № 941, л. 152 на об.

XXXIII.

Подтвержденіе королемъ Стефаномъ запродажной записи старосты Городельскаго Яна Лесневскаго священнику Василію Хилковичу на потомственное право священства въ селѣ Кальной и пользованія частью земли въ томъ же селеніи, съ освобожденіемъ отъ нѣкоторыхъ даней и повинностей, но съ обязательствомъ, однако, платить ежегодный чиншъ. 1579 года, декабря 14.

Stephanus etc. Significamus etc. Exhibitas esse nobis per certos consiliarios nostros nomine religiosi Wassil Chyłkowicz, ex villa Bratkowicze, ritus graeci poponis, literas papyreas, polonico idiomate scriptas, sub titulo et sigillo generosi Joannis Liesniowski, cepitanei nostri Horodlensis et Dolinensis, manuque ejusdem propria subscriptas, sanas, salvas et illaesas, omnique nota suspicionis carentes, continentes in se venditionem poponatus in villa Kalna, ad capitanatum Dolinensem nostrum pertinentis, cum agris aliisque ad eadem pertinentibus, pro certa pecuniae summa; supplicatumque est nobis humiliter praefati poponis nomine, quatenus eas authoritate nostra regia approbare, confirmare et ratificare dignaremur, quarum quidem literarum tenor de verbo ad verbum sequitur et est talis: Jan Leśniowski, Hrodelski, Dolinski starosta etc. Czynię wszem wiadomo, żem zaprzedał nabożnemu Wassillowi popowi Chilkowiczowi z Bratkowicz połłanu ziemie i z czerkwią we wsi Kalnej krola jego mośći starostwa Dolinskiego za złotych sześćdziesiąt liczby monety polskiej, ktory to pop Waszil Chilkowicz bendzie wolien za tą summą od dsiesięczine pczelney, baraniey, swiniey, także i od miarki młyńskiey na jego domową i własną potrzebę; do ktorego połłanu przydaję mu

gromadzkie sienożęczi na rzecze Putney. W ktorey to summie sześćdsiesiąt złotych ten to przerzeczony Wassil Chilkowicz bendzie te popowstwo, wespoł z tym gruntem wyszey mianowanym, trzymał, dzierzał czasy wiecznemi i potomkowie jego. A gdzieby więcz bądź ja, albo potym drugi po mnie starosta Dolinski, ruszyć go chciał z tego popostwa, tedy pierwey ma jemu albo i potomkom jego wroczić summę wyszey mianowaną sześćdziesiąt złotych monety. Pisan w Dolinie, xiężycza czerwca dnia piątego, w roku Bożym 1579. Czynsz doroczny tenże pop Wassil powinien będzie po złotemu jednomu dawać i potomkowie jego. Jan Lessniewski, Horodelski, Dolinski starosta, supscripsit.—Nos itaque Stephanus, rex praenominatus, supplicationibus supramemoratis, ut justis et legitimis, benigne annuentes, praeinsertas venditionis literas et omnia in eis contenta in omnibus earum punctis, clausulis, articulis et conditionibus approbandas, confirmandas diximus, prout aporobamus, confirmamus et ratificamus praesentibus hisce literis nostris, decernentes easdem, si et in quantum sine diminutione proventuum capitaneatus praefati sunt, robur debitae firmitatis obtinere debere. Jn cujus rei fidem etc. Datum Varschoviae, in conventu generali regni, die quatuordecima mensis decembris, anno ut supra 1579. Stephanus rex subscripsit.

Акты метрики коронной 1578—1580 г., № 122, л. 489.

XXXIV.

Рѣшеніе короля Стефана Баторія по дѣлу между Антоніемъ Радзиловскимъ, православнымъ владыкой Премышльскимъ и Самборскимъ, и мѣщанами Самборскими: владыка жаловался, что мѣщане вмѣшиваются въ его духовную юрисдикцію, незадолго передъ тѣмъ самовольно схватили и посадили въ тюрьму его намѣстника и разрушили выстроенную имъ на церковной землѣ каменную башню; мѣщане же обвиняли епископа въ присвоеніи городской земли. 1579 года, декабря 17 дня.

Stephanus etc. Significamus etc. Datum fuisse a nobis anno superiore inter venerabilem Antonium Radzilowski, vladicam ritus et religionis grecae Praemisliensis Samboriensisque, et consules atque

cives Samborienses decretum occasione quarundam injuriarum et controversiarum, cuius est tenor ejusmodi: Stephan z Bożey łaski król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie y Siedmiogrodzkie. Oznajmujemy them listem naszem, którym tho wiedziecz należy. Jsz gdysmy do Sambora prsyjachawszy zastali niemałą różniczę, która była thu przed nami przełożona, miedzy xiędzem Radziłowskim, władiką ruskiem Przemyskiem y Samborskiem, a miedzy rayczami y mieszczany Samborskiemi, około tego, isz się xiądz władica na the tho raycze y mieszczany Samborskie uskarzywał, że się mu w jego jurisdiciią wmixtują y na osoby duchowne i na inne sługi koscziełne, ku czerkwi iego u mieszczie Samborskiem postawione, przeciwko prawom, przywilejom y wolnoszciam, od przodków naszych jemu i koszczołowi jego nadanich, wtargiwają; a zwłaszcza, isz mu nie dawnysh czasow, namiestnika jego Samborskiego moczą y gwałthem wziawssy, do więzienia swego mieszczkiego wsadzili i przez niemały czasz u więzieniu jego chowali; y ktemu jeszcze, że mu budowanie jego na wale, miedzy parkanem i domki jego postawione, na którym był dzwony postawił, moczą a gwałtem wszyszczy zebrawszy szię, rozrzucili, a to broniącz mu wolnego używania placzów jego, do koszczioła jego nadanych, i czynsz ludzi z domków na placzach jego koszczielnych posadzonych wyciągającz. Na które jego skargi, gdy thesz raycze y mieszczanie Szamborszczy, przed nami stanąwszy, wywody czynili, mieniącz bydź the placze y thy domki, przez xiędza władikę zbudowane, w ich jurisdiciey mieszczkiej. My, chcącz lepiej the sprawę wyrozumiecz, tamże w Samborze bendącz, zesłalismy na oglądane tych mieszcz y placzów niektóre z panow Rad naszych, na then czasz przy nasz bendączych, aby szię oczyma przypatrzywszy, dostatecznie o wszystkim them wywiedzieli y nam sprawę dali. Który tho panowie, przesz nasz na the mieszcza zesłani, przy bytnoszci tam obudwu stron, przypatrzywszy szię wsytkiemu, the nam sprawę dali, że xiądz władika, otrzymawszy prawo na the tham placze koscziełne od inszych różnych osob, otrzymał thesz wolnoszcz od przodków naszych na the tam placze y wyjęczie od jurisdiciey mieszczkiej tym sposobem, ze miał murem the placze obwieszcz, pokiby tych placzów stawało; za czem thesz potym zaczął y założył niemałą stukę muru

za themi placzami, ku wielkemu pożytku y obronie tego miasta. My thedy, wziąwszy sprawę od tych to panow Rad naszych, na tho od nasz zesłanych, y po częszci thesz y sami, tham tedy blisko jadącz, obaczywszy, że tho zaczęczie muru przez xiędza władikę, gdyby było thak dokonane, jako jesth poczęthe, było by ku niemałemu pożytku y obronie miasta tego, a bacząc tesz, że stąd miastu mało albo nicz uyszcz może, wziąwszy thesz sprawę o tym, że thesz także tymże sposobem xiędzu władicze y koszczziołowi iego w mieszczie Przemyslkiem wolnoszczi takowe są nadane, za któremi on obtoczył murem placze swe koszczielne w Prsemyslu,—a thak jasznie tho widzącz y bacząc bydz ku większemu pożytku y obronie miąsthâ naszęgo Samborskiego, zostawilismy jego ze wszitkimi themi placzami koscielnemi przy wszytkich wolnosciach takowych, jakich kolwiek koszciol ruski Przęmyski, ze wszytkimi placzami ku jemu należączemi, nadanie ma, tak, że jusz od tych miast rayczs y mieszczanie Samborszczy nie mają się w żadne wżywanie a ni w żadną jurisdicią do tych placzów i domow koszczielnich y do domow wselakich, na tych placzach zbudowanych, y do ludzi i osób w nich mieszkajączych, tak duchownych, jako szwieczkich, w niwczym wdawacz a ni mu ni w czym przekazowacz, ale tego wszystkiego tak wolnego używania y pożytkow y iurisdyciey ma xiądz władika, terasz y napotym bęndączy, nad niemi wiecznie wolno używać z takowem wszytkiem prawem y takimi wolnoszciami, jakie kolwiek do koszcziola swego w Przemyslu ma nadane; wszakże tym sposobem, isz tego muru w Samborze zaczętego, tak jako począł, dokoniwacz ma, a ktemu ma zostawicz miastu wolną przestroną drogę między murem a miedzy placzami y domkami swemi, tak, że by miasto pod murem wolny objazd wszendzie miało; a gdy thesz tego muru dokona, then ma bycz we władzey y iurisdiciey mieszcziej. A czo się tycze przewodow prawa y przezysków, które xiądz władika na mieszczanach około tych skarg, wyszey opisanych, w grodzie Prsemyskiem przewodził, ma im jusz o tho dacz pokoy, zwłaszcza, isz ie thesz y on sam przed nami, przy them dekreczie naszem, z tych wszytkich przewodow dobrowolnie wypuszcził. Na których rzeczy y sprawe pewną istotę y swiadeczstwo pieczęcz koronną do tego listu przyłożycz rozkazalismy. Działo się w Prsemyslu, dnia wtorego, miesiącza

octobra, w roku Bożem tysiącznem pięczsetnym siedmdziesiątym osmym, królowania naszego w roku trseciem. Joannes Borukowski, regni Poloniae vicecancellarius, subscripsit. Relatio reverendi Joannis Borukowski de Bylino, regni Poloniae vicecancellarii, praepositi Lanciciensi decani Varschoviensis.—Jn quo quidem decreto nostro quoniam particula de muro, quo per eundem vladicam civitas munitur, non dilucide sit explicata atque perscriptum habeatur murum illum, ubi a vladica praefectus fuerit, in potestate et jurisdictione civium esse debere, cum tamen non esse aequum videatur, ut quam ille in rem sumptus fecerit maximos et curam impenderit ea, alienae demum potestati subjiciatur. Quare hunc ipsum articulum, ita explicandum et declarandum esse diximus explicamusque et declaramus, ut ad bellicum tantum tumultum referatur, hoc est belli vel alicujus hostilis incursionis et tumultus tempore muri illi in civium sint potestate et jurisdictione, caeterum tempore pacis et ubi nullus adsit periculi metus, in ejus, a quo sunt constructi, vladicae nimirum. Jn reliquo vero hoc nostrum decretum ratum atque firmum esse volumns illudque in robore suo conservamus. Jn cujus rei fidem etc. Datum Varschoviae in conventu Regni generali, die decima septima mensis decembris, anno Domini millesimo quingentessimo septuagesimo nono, regni vero nostri quarto.—Stephanus Rex.

Акты метрики Коронной 1578—1579 годовъ, № 119 листъ 343.

XXXV.

Запись Мелетія Хребтовича, епископа Владимірскаго и Брестскаго и архимандрита Печерскаго монастыря, Яну Замойскому, канцлеру коронному, старостѣ Бѣльскому и пр. на право пожизненнаго владѣнія принадлежащимъ епископіи Владимірской мѣстечкомъ Квасововъ, въ благодарность за покровительство и разныя услуги его въ дѣлахъ церковныхъ. Подтвержденіе этой записи королемъ Стефаномъ Баторіемъ. 1580 года, марта 17 дня.

Stephan, z Bożey łaski król Polski etc. Oznaimujemy tym listem naszym etc. Powiedzial przed nami w Boze wielebny Melenti

Chrebtowicz, władyka Władymirski i Brzeszczki, archimandryt Kijowski, że z pewnych przyczyn, zwłaszcza znając wielką łaskę a w sprawach i potrzebach czerkiewnych pomocz jaśnie wielmożnego pana Jana Zamojskiego, kanclerza koronnego, starosty Bielskiego, Kniszyńskiego i Zamechskiego, a chcząc i wprzód jego łaske do potrzeb obrony czerkiewney pozyskać, puszcił i listem swojm zapisał i postąpił prcerzeczonemu wielmożnemu Janowi Zamoyskiemu jmiemie władycztwa Władzimirskiego, w powiecie Łudzkim leżącze, miasteczko Kwassow z dworem, liudzmi, grunty, ziemiami, ze wszystkiemi przyległosciami i pożytki, na czo jemu list zapis swoy z pieczęcią i s podpisem ręki swey i s pieczęczmi ludźi dobrych dał, który przed nami pokładał y prossił nas za tho, abysmy na to pozwoliwszy i ten zapis jego przy moczy zostawiwszy, listem naszym potwierdzili, który list my oglądawszy, kazalismy go słowo od słowa w ten nasz list wpisać, i tak się u sobie ma: „Já Melenty Chreptowicz, ź Bożey łaski episcop władyka Włodzimirski i Brzeski, archimędryt Kijowski, czynię jawno i zeznawam tho tym listem mojm, każdemu, komu by tego potrzeba było wiedzieć, iż s pewnych a słusznych prszyczyn, zwłaszcza znającz wielką a miłoszciwą łaskę i w sprawach albo potrzebach czerkiewnych pomocz iego wielmożnego mosci pana Jana Zamoyskiego, canclerza koronnego, starosty Bielskiego, Knyszyńskiego i Zamcihskiego, a chcącz i wprzod miłoszciwą łaskę jego mosci do potrzeb i obrony czerkiewney pozyskać, z wolią i wiadomoszcią jego mosci królia, naszego miłosciwego pana, puszcziłem i tym listem mojm zapisuię, puszczam i postępuię jego mosci panu kanclerzowi do żywota jego mości imienie władyczstwa Włodżimirskiego, w powiecze Łudzkim liezącze, miasteczko Kwaszow, z dworem, z ludzmi, grunty, ziemiami z stawami, młynami, gajami, dąmbrowami, zapustami, ze wszytskiemi onego jmienia przynaleznosciami i pożytki: ma i wolien będzie jego mość pan Jan Zamoyski, canclerz koronny, ono jmienie Kwassow, ze wszystkim, jako się w sobie ma, do żywota swego spokojnie dzierzeć i onego wżywać; a ja sam i po mnie inni jchmosć władykowie do żywota jego mości w to jmienie Kwassow niczym się nie wstępować, szkody, przenagabania i zatrudnienia żadnego jego mości czynić nie mam i nie mają, pod zakładem na jego mości pana canclerza pią-

cziszeth złotych polskich, który zakład będącz ja pozwany do jakiego kolwick prawa i sądu, ziemskiego albo grodzkiego Wlodymirskiego, tedy za pierwszym pozwem i na pierwrzym roku, jako na zawitym, nie zakładającz się żadnemi przyczynami prawnemi i nieprawnemi, stawać i usprawiedliwić się i zakład płacić tylie kroć, ilie był pozwan, powinien będę. J na tom dał jego mosci panu kanclerzowi ten list zapis, z moją pieczęcią i z podpisaniem własney ręki mey. A przsy tym byli i tego dobrze swiadomi i za prosbą moją k temu listowi pieczęczi swoje przyłożyć raczyli panowie a przyjacielie moi: jego mosć pan Dominik Aleman, kuchmistrz jego krolewskiej mosći, a brath moy rodzony pan Conrad Chreptowicz. Dan w Grodnie, dnia siodmnastego miesiącza marcza, roku 1580. Melenthy Chreptowicz, episkop Włodymirski i Brzeski, archimendryt Kijowski, reką swą subscripsit. A tak my, widzącz w tym bydź słuszną prosbę wielebnego Melenteia Chrebtowicza, władyki Włodymirskiego, list pomieniony i w ten list nasz wysszey wpisany wszytek jako w sobie jest, we wszytkich punktach, clausulach i artikułach, potwierdzić umysliliszmy, jako potwierdzamy i umoczniamy tym niniejszym listem naszym, pozwalającz przerzeczonemu wielmożnemu Janowi Zamoyskiemu pomienione miasteczko Kwassow, ze wszystkiem, jako na tym liscie władycznicm jest opisano, dzierżeć i używac aż do żywota swego. Na czo dla większego swiadecztwa etc. Dan w Grodnie, dnia osmnastego marcza, roku 1580, krolowania czwartego. Stephanus Rex subscripsit.

Акты метрики Коронной, № 125, годы 1580—1582, л. 120.

Примѣчаніе. Въ той же Коронной Метрикѣ встрѣчается и другая, совершенно такого же содержанія запись Мелетія Хребтовича отъ 24 марта 1580 г. дворянину королевскому Петру Черниковскому на право пожизненнаго владѣнія церковнымъ селомъ Яновичами въ благодарность за разныя его услуги въ дѣлахъ церковныхъ, и королевское подтвержденіе этой записи. № 125, л. 131 на об.).

XXXVI.

Заручный королевскій листъ архимандриту Печерскаго монастыря и нареченному владыкѣ Владимірскому, Мелетію Хребтовичу, съ приказаніемъ не дѣлать никакихъ притѣсненій братіи и крестьянамъ Никольскаго монастыря и не чинить угрозъ ихъ здоровью и жизни. 1581 года, марта 22 дня.

Стефанъ Божю милостю корол Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жмодский, Інфлянский, княжа Седмикгродское.

Велебному Мелетию Хребтовичу, нареченному владице Володимерскому и Берестейскому, архимандрите Киевскому Печерского манастира. Жаловали намъ Иона Золотый а Иона Федоровичь, черци монастыра светого Николы Пустинского с Киева, сами от себе иименемъ игумена своего Филатея и всее братіи черцовъ того монастыря, ижъ дей ты, през зване свое духовное, безвинне зваснившися на нихъ, самъ черезъ себе, врадниковъ, слугъ и поданихъ своихъ монастыря Печерского, отповеди и похвалки имъ самимъ, также слугамъ и подданимъ ихъ монастырскимъ. чинишъ, на здорове ихъ стоишъ, хотячи ихъ о горла приправовати; для которых дей они отповедей и похвалокъ твоихъ здоровя своего не будучи безъпечни, били намъ чоломъ, абыхмо имъ через листъ закладомъ нашимъ оборону вделали, за чимъ бы они от тебе покой мети и здоровя своего безъпечни быти могли. Прото, будет ли так, яко они намъ жаловали, тогди приказуемъ тобе, абы еси самъ черезъ себе, врядниковъ, слугъ и поданихъ своихъ монастыра Печерского, имъ самимъ, также врадникомъ, слугамъ и подданимъ ихъ монастира Пустинского, никоторыхъ отповедей и похвалокъ не чинилъ, на здорове ихъ ничимъ не стоялъ, слови неучтивыми а ни рукою на ихъ не сягалъ и во всемъ ся ку нимъ спокойне заховалъ, подъ закладомъ нашимъ двема тисячми копами грошей; а было бы тобе которое дѣло, и ты бы ся в томъ з ними правомъ обходилъ конечно. Писанъ в Варшаве, дня 22 месяца марта, року 1581, а королевання нашого року 5.— На власное роскazане короля его милости Joannes Borszykowsky, Lawrin Piesoczyñsky.

(Мѣсто печати королевской канцеляріи.)

Изъ книги документовъ Никольск. монастыря, находящейся въ библ. К. Дух. Академіи №. 219, л. 44 на об.

XXXVII.

Жалоба Владимірскаго епископа Өеодосія о томъ, что, когда священникъ церкви св. Василія во Владимірѣ Прокопій отправился къ судьѣ земскому Владимірскому Богдану Костюшковичу Хоболтовскому съ жалобой на его сына о грабежѣ сѣна, то Костюшковичъ оборвалъ ему бороду и приказалъ жестоко избить его кіями. Дознаніе вознаго и осмотръ ранъ на избитомъ священникѣ. 1582 года, іюня 24.

Лѣта Божого нароженя 1582, месяца июня 24 дня.

Передо мною Иваномъ Чернъчицкимъ, на тот час будучим на местцу пана моего, его милости князя Федора Курцевича, подстаростего Володимерского, в небытности его милости у Володимери, ставши очевисто возный повету Володимеръского, панъ Ждан Чирский, ку записанью до книгъ кгродских вызнал тыми словы: иж за приданемъ твоей милости был есми на потребе его милости отца Феодосия, владыки Володимерского и Берестейского, року теперешнего тисеча пят сот осмъдесят второго, месеца июня двадцать третего дня, маючи я при собе шляхту: пана Олихвера Шишковского а пана Шимона Лозовского, оповедал мне и той шляхте звыш помененой его милость отецъ владыка Володимерский и Берестейский то, иж дей дня вчорашнего того ж месяца июня двадцат второго дня, его дей милость панъ Богданъ Костюшкович Хоболтовский, судья земский Володимерский, умыслне наславши сына своего, на йме пана Уласного, и с помочниками своими на дом свеценика парахвеи моее Володимерское у Володимеру, до попа на ймя Прокопея, цекви заложеня святого Василя, на влосном кгрунте его церковном ув огороде сино кошеное побрати и до двора своего перевозить казал, в чом дей его кгвалтовне пограбил; то пак дей тот священник Прокопей Василевский, пришедъши дъня сегоднешнего до его милости пана суди, упоминаючи его милость, абы его милость пан судя таковое кривды и шкоды чинити болше того не казал, и за то што учиненая шкода, абы ему за то досыть учинено было, то пак дей пан судя Костюшковичъ, препомневши Бога и справедливости светое, сам дей особою своею того попа за бороду порвавши и служебнику

своему за ноги его дей взяти казал, и сыну своему пану Власному казал его лежачого кием бити. Якож я за оказованем у того попа звыш-помененого видел еми бороду с правое стороны вырваную, на носе рану збитую, спухлую, на хрибте ран чотыри битых и барзо спухлых и кровю натеклых, так теж на нозе левой рана штыхомъ пробитая на подошъве, при котором збитю и зраненю своем менил быти собе шкоды, иж дей му на тотъ час поясъ оборвано с калитою, в которой дей калите было золотых пятнадцать и сыкнет сребръный, за таляръ купленый, хустка за шесть грошей, поясъ за чотыри гроши, калита за тринадцат грошей. Которое збите и пограбене и кгвалтовное нахоженье на дом его, так теж и сгинене калиты с пинезми, менил собе быт от его милости пана Богдана Костюшковича Хоболтовского, суди повету Володимерского, што мне возному и той шляхте тот свещенник светчил.—Которое ж я сознане возного до книгъ кгродских записати кязал.

Книга гродск. Владимірская, 1582 г., № 960, л. 276.

XXXVIII.

Жалоба Матеея, игумена Луцкаго Пречистенскаго монастыря, о нападеніи жида Брестскаго Шая, арендаря Луцкаго, на монастырь и грабежѣ имущества. 1583 года, марта 2 дня.

Року 1583, месяца марта 2 дня.

Приходилъ на врядъ кгродский Луцкий, до мене Фалелѣя Бережецкого, будучого на местцу пана Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, игуменъ Пречистое Богородицы в Луцку, отецъ Матфей, жалуючи и оповедаючи тыми словы: ижъ дей дьня сегоднешнего жидъ Берестецкий, арендар тутошный луцкий, Шая, и з иншими помочниками своими, которых он самъ лепей знает и имена их ведаетъ, в небытности моей нашедши моцно кгвалтомъ на монастыр святое Пречистое, не маючи

жадное потребы тамъ, до светлицы моее, где я мешкаю, и до коморы, замъки поотбивалъ и тамъ што убогое маетности моее было побралъ и пограбилъ, а то естъ меновите: грошей готовых пятдесятъ коп литовских, червоныхъ золотыхъ сто, питье, которое было для потребы моее зготовано, горелки квартъ двадцат; а иншого и самъ не видаю, если што згинуло або нѣтъ, бомъ тамъ мало еще и былъ и добре ся не розгля дѣлъ. Которое же то оповедане вышей менованого игумена до книгъ гродскихъ Луцкихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1583 г. № 2063, л. 269 об.

XXXIX.

Приказъ Сильвестра Ерусалимца, справцы монастыря Печерскаго, уряднику и отаману Тетеревской волости объ исправной выдачѣ священникамъ Кіевскимъ замковымъ дани медовой, согласно стародавнему обычаю и королевскимъ привилегіямъ. 1584 года, марта 2 дня.

Силивестръ Ерусолимецъ, справца манастыра Печерского, зо всею еже о Хрысте братьею. Врадннку Радомышскому Гордею, отаману Вышевскому Семену и всимъ мужомъ волости тамошнее. Ознаймуемъ вамъ, ижъ се зде жаловали въ суду кгродского Киевского на васъ богомолцы господарские, свещеники Киевские замкового крилосу, отецъ Иванъ протопопа съ товариши своими, ижъ они вже поколко кротъ тамъ до васъ сами ездять и посланцовъ своихъ по дань Кирилскую посылають, которая з давнихъ вековъ съ тое волости Тетеревское на светого Кирила хоживала, теперъ, водле стародавного звычаю, двухъ кадей за осень прошлую въ року осмьдесятъ четвертомъ не вемъ для чого есте имъ не выдали, которую они за привилемъ и ласкою господарьскою маютъ, и въ томъ собе немало шкодують; для которого гамованя вашого, за нагабанемъ ихъ, манастыру Божему и намъ врядъ замковый велми есть не зычливый, также часомъ на великоважные потребы манастырские и возныхъ отъ вряду мети не можемъ. Про то абы есте

за симъ листомъ нашимъ вже заразомъ тотъ медъ пресный, водле стародавнего звычаю, тымъ свещеникомъ отдали все сполна, якобы они черезъ то болшое волокиты и шкодъ за несправою вашою не вживали и вряду на насъ, до которого манаст ырьБожий уставичне маетъ потребу, не ятрили. А гдебы, за небдданемъ вашимъ, який грабежъ и шкоды манастыру болшие и нагабане далшое за то ся стати мело, тогды то ни на комъ иншомъ, толко на васъ самыхъ нагорожатися мусить конечъно. Писанъ у Киеве, року Божего нароженя тисяча пятьсотъ осмьдесять четвертого, месяца марта второго дня. Селивестръ Ерусолимецъ рукою.

(На подлинномъ печать восковая монастыря Печерскаго.)

Подлинникъ находится въ собраніи Коммиссіи *)

XL.

Показаніе Житомирскихъ мѣщанъ, сдѣланное по требованію Покровскаго священника Григорія изъ Блудова. о томъ, что въ Житомиръ пріѣхалъ изъ Межиричья Никольскій священникъ Θедоръ Безсонъ для полученія мѣста при церкви Житомирской, что мѣщанинъ, у котораго онъ остановился на квартирѣ, видѣлъ въ сундукѣ его какіе то книги, а другой мѣщанинъ видѣлъ этого священника на рынкѣ, ходящимъ съ книгой. 1586 года, мая 23.

Року 1586, месяца мая 23 дня.

Постановившися на вряде в замку господаръскомъ Житомирскомъ, передо мною Андремъ Стефановичомъ Пилиповскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, подданые господаръские мещане Житомирские, на имя Мойсей Манкевич очевисто и доброволно вызнал на вряде: „иж дей року тепер идучого тисеча пят сот осмъдесятъ шостого, у великий пост,

---

*) **Примѣчаніе.** На оборотѣ акта имѣется слѣдующая надпись; „Листъ Силвестра Ерусалимца, архимандрити Печерского, до урядника Радомиского и отамана Вышевского, што бы дань Кирилскую давали“.

перед Великоднем, приехал до дому моего священникъ Николский на ймя Федоръ Безсонъ з Межиречя зъ Заставя, маючи з собою возов з речами, з борошномъ, три, и сталъ господою в дому моемъ; и ходил дей я с тымъ священникомъ звышменованымъ до пана Каменского, подстаростего Житомирского, и тот священникъ у пана Каменского просилъ о церковъ, которая на тотъ час была без попа; пан Каменский дей то одложилъ до приеханя зде пана старосты. А потом тот священникъ, пришедши до господы своее, до дому моего, скрынку свою одомкнул, и видел есми у него у тои скрынце книг зо три або и болшей, одна у десть и у полдести и меншие". А потом, ставши передо мною Гринецъ Голенъченя, мещанинъ Житомирский, такъ же доброволне вызналъ: „ижъ дей кгды тот священникъ на йм̆я Федоръ Безсонъ року теперешнего перед Великоднемъ, у великий постъ, стоял на рынку у месте Житомери из священникомъ Николскимъ и держал книгу под пахою под сукманом, и кгды дей вѣтер сукман одвѣял, и я видел у того священника книгу яко бы у полдесть". Яко жъ слышечи священник Покровский Григорей з Блудова, з ыменя пана Гоского, тых мещан Житомирскихъ звышъ менованых Мойсея Манковича а Гринца Голенченя доброволное сознане, просил, абы тое сознане ихъ в книги замковые Житомирские записано было; штомъ записати казалъ.

Книга замковая Житомирская, 1586 года, № 8, л. 60.

XLI.

Позовъ къ Трибунальскому суду старосты Луцкаго Александра Семашка по дѣлу о насильственномъ вторженіи въ Жидичинскій монастырь, присвоеніи монастырскихъ доходовъ, побояхъ и грабежѣ. 1591 года, іюня 7 дня.

Жикгимонт Третій, Божою милостию корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Иөлянский, Киевский, Волынский, Подляский и иншихъ власный дедич и пришлый король.

Велможному Александру Семашку на Хупкове, кашталяну Браславскому, старосте нашому Луцкому. З особы и з уряду верности твоее старосты Луцкого, которое верность твоя, з ласки нашое господарское и з добродейства права посполитого, маеш, приказуемъ, што бы верность твоя перед судом нашим головнымъ енералнымъ коронным в Люблине, на тот час, кгды воеводство Волынское сужоно быти мает, в року теперешнемъ, тисеча пятсот девятъ десят первомъ, сам завите стал на жалобу и правные поступки в Бозе велебного Гедиона Болобана, епископа Лвовскаго и Галицкого и Каменца-Подолского, архимандрита Жидичинского, и крилошан того архимандритства Жидичинского, усправедливил, который жалует на верност твою о то, иж в року теперешнемъ, тисеча пятсот девет десят первомъ, месяца мая девятогонадцать дня, в ярмарок Жидичинский, наславши верност твоя моцно, кгвалтом, подстаростего своего Луцкого пана Щасного Кгаленэского, з не мало слугами и помочниками своими, которымъ верность твоя и он сам лепей имена и назвиска ведает, то ест: з Лавреномъ Велятицкимъ, а Филипомъ Верпетою, и з иными не мало, з бронями, то ест: з пулгаками, з луками и з ыншимъ не мало оружемъ, войне належачимъ, на манастыр або кляштор, на цвинтар заложеня светого Николы в Жидичине, тамъ же кгвалтовне въехавши в кляштор албо манастыр Жидичинский, ач в небытности на тот час епископа Лвовского, мимо его власное право и привилие, на то от продка нашого даное, тамже сторожу одбивши от той брамы и проч розогнали и слугу манастырского Миска Стрыбеля через твар ранили, а ворота отрубавши и колодку от тых ворот стовкши, и въехавши в манастыр, занявши собѣ кгмах албо дом, и не вѣдати якиесь суды в томъ манастыру засажалес и судилесь, противко праву и волностямъ их, листомъ и привилеомъ; в чомъ верност твоя оным кгвалт, безправье, нарушене привилеомъ учинил, и иншие шкоды в онь ярмарокъ починил, што собѣ на двѣсти копъ грошей литовских менуетъ; што ширей и достаточней на протестации противко верности твоей ся на року, яко на завитомъ, покажет достаточней. Прото верности твоей приказуем, абы еси сам сталъ и того подстаростего своего ставил и сторонѣ во всюмъ ся усправедливилъ, вѣдаючи о том верност твоя: хоть станешъ, хоть не ста-

нешъ—мы, што с права прийдетъ, поступовати будемъ. Писанъ в Луцку, року тисеча пять сот деветъ десят первого, мѣсяца июня семого дня.

Печать.

Михайло Корытенский, писар.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря, хранящихся въ Коммиссіи, № 32.

XLII.

Декретъ Трибунала Люблинскаго по жалобѣ п. Александра Вороны Боротынскаго о томъ, что епископъ Луцкій Кириллъ Терлецкій отнялъ у него землю, избилъ его работниковъ и велѣлъ изрубить плуги. 1591 года, июля 17 дня.

Лѣта Божого нароженя тисяча пятъ сотъ деветдесятъ первого, мѣсяца июля семогонадцать дъня.

Передъ нами депутаты суду головного трыбуналу Любельского, на рокъ теперешний тисяча пять сотъ деветдесятъ первый зо всихъ воеводствъ обраными и высажоными, кгды приточилася справа передъ судъ нинешний головный трибунальский, за апеляцыею отъ суду кгродского Луцкого, зъ рочковъ кгродскихъ Луцкихъ, въ року тисяча пять сотъ осмдесятъ шостомъ, мѣсяца сентября третегонадцать дня, отправованыхъ, межи Александромъ Вороною Боротинскимъ зъ одное стороны, а межи велебнымъ отцемъ Кириломъ Терлецкимъ, епископомъ Луцкимъ и Острозскимъ—зъ другое стороны, то есть: о выбитье спокойного держанья кгрунту его Боротинского урочисчемъ Завальное и о позбиване паробковъ его дворныхъ и о порубанье плуговъ его, яко ширей жалоба его въ собе объмовляетъ, на которыхъ то рочкахъ кгродскихъ Луцкихъ ставши, велебный отецъ епископъ Луцкий, черезъ умоцованого своего Яна Плисковского, поведилъ, ижъ на тотъ позовъ Воронинъ отповедать не повиненъ, кгдыжъ ся въ томъ водлугъ права

не заховалъ, то есть ижъ толко самого, безъ капитулы албо безъ крилошанъ, позвалъ, безъ которыхъ кгрунтовъ церковныхъ яко выйгравать, поготову менованыхъ добръ утрачати не маетъ,—и просилъ вольности; а сторона поводовая водле жалобы своее просилъ о учиненье справедливости. А судъ кгродский Луцъкий, припатрившися праву посполитому, а видечи то, ижъ тымъ добромъ, о которыхъ сторона поводовая кривду собе быти менитъ, его милость отецъ владыка не дедичнымъ паномъ есть, але только доживотнымъ, яко сторожъ ихъ для вшелякого постереганя порядку зъ владычествомъ Луцкимъ держитъ и вживаетъ и ничого граничити и дать кроме крилошанъ не можетъ, тогды сказалъ декретомъ своимъ, абы панъ Ворона его милость отца владыку Луцкого и крилошанъ сполечне при его милости позвалъ; отъ чого Ворона, розумеючи собе съ кривдою, до его королевское милости апелевалъ. На року тогды нинешнемъ, за тою апеляцыею припаломъ, постановившися очевисто у суду нинешнего обоя сторона—Александеръ Ворона поводъ черезъ умоцованого своего Яна Весчицкого, а велебный епископъ Луцкий самъ черезъ умоцованого своего Ивана Бобриковича,—на перве умоцованый стороны поводовое вносилъ обмовы свои надъ контроверсыю, въ декрете кгродскомъ Луцкомъ описаную, ижъ дей владыкове и духовенство закону руского не толко безъ капитулы, которое, яко духовенство рымское релѣи, не маютъ и порядку такового мети не могутъ, але и межи справами духовенства рымского закону справы ихъ въ духовномъ суду сужоны быти не могутъ, бо таковыхъ правъ и волностей, яко рымского закону духовенство, не маютъ,—толко межи справами светскими и въ суде светскомъ а не духовномъ отказовать повинни. А умоцованный стороны отпорное, доводечи того, ижъ духовенство закону руского до однакое вольности, свободъ и правъ духовныхъ есть прыпусчоно и привилеями королевъ ихъ милости полскихъ то имъ надано и утвержоно, показалъ: привилей Владислава, короля Полского и Венгерского, подъ датою року тисяча петсотъ четвертого*); привилей Жикгимонта Августа, короля Полского, подъ датою року

*) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, жалованная православно-русскому духовенству грамота короля Владислава 1443 года, марта 22, впослѣдствіи подтвержденная грамотой короля Александра 1504 года марта 15. Обѣ эти грамоты напечатаны въ Архивѣ Югозап. Р., ч. I, т. I, № 105.

тисяча пять сотъ шестдесять четвертого; привилей тогожъ Жикгимонта Августа, короля Полского, подъ датою року тисяча пятсотъ шестьдесять девятого; показалъ тежъ конституцыю на сойме Варшавскомъ, въ року тисяча пятсотъ осмедесятъ осмого, о добрахъ костельныхъ уфаленую; и тежъ показалъ привилей его королевское милости теперешнего пана нашого Жикгимонта Третего подъ датою року тисяча пять (сотъ) осмдесятъ девятого; въ которыхъ меновите есть доложоно и объяснено, ижъ духовенство руского закону до таковыхъ же свободъ, правъ и волности и порядку есть прилучоно и то имъ надано, яко духовенству закону римского; и просили, абы пры тыхъ правахъ и волностяхъ своихъ захованы были. А судъ нинешъний головный трибунальский, бачечи то, ижъ ихъ милость духовные депутаты судятъ духовенство якъ рымского, такъ и руского набоженства, черезъ всѣ трибуналы прошлые, прото и на тотъ часъ наказуютъ въ той справе быть належность суду въ справе духовной, и наказуютъ, абы стороны ся въ справе роспирали; а въ дальшомъ поступку стороны менованые тыежъ обороны вышей менованые стороны капитулы вносили. А такъ судъ нинешний головный трибунальский тотъ декретъ суду кгродского Луцкого въ той справе межи Александромъ Вороною (и) велебнымъ епископомъ Луцкимъ, яко слушный и водле права учиненъ, при моцы зоставуетъ и его во всемъ утвержаетъ вечными часы. Што все для памети до книгъ головныхъ трибунальскихъ есть записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1591 г. справа 45.

XLIII.

Декретъ трибунала Люблинскагѳ по дѣлу объ обвиненіи старостой Луцкимъ Александромъ Семашкомъ епископа Кирилла Терлецкаго въ томъ, будто онъ входилъ съ толпой вооруженныхъ людей въ замокъ Луцкій. 1591 года, августа 7 дня.

Року тисеча пятьсотъ деветдесятъ первого, мѣсяца августа семого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трыбуналу Любелского, на рокъ теперешний тисеча пятсотъ деветдесять первый зо всихъ воеводствъ короны Полское обраными и высажоными, кгды приточиласе справа межи велебънымъ отцемъ Кириломъ Терлецъкимъ, владыкою Луцкимъ, и Острозскимъ,—поводомъ, а межи велможнымъ паномъ Александромъ Семашкомъ, кашъталяномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, позванымъ, за поднесенемъ позву протиивко пана Браславского отъ отца владыки, зъ стороны сказанъя якихсь винъ на отцу владыце, отъ сорока и пяти ручницъ, на рочкахъ кгродскихъ Луцкихъ въ року теперешнемъ деветдесять первомъ, мѣсяца мая трицатого дня, сужоныхъ, и о недопущене апеляцыи, также и невыданье декрету въ той справе, што ширей позовъ объмовляетъ; тогды его милость панъ Александеръ Семашко, кашталянъ Браславский, староста Луцкий, ставши очевисто передъ судомъ нинешнимъ трибуналскимъ, зозналъ, же отступуетъ того поступку всего, который былъ одержалъ зъ стороны ношеня ручницъ, и тотъ поступокъ умораетъ и касуетъ. Про то судъ нинешний трибуналский пана владыку Луцкого отъ того поступку ношеня ручницъ и отъ винъ вшелякихъ, а пана старосту Луцкого отъ шкодъ зъ стороны невыданя выпису книгъ—волныхъ обудвухъ сторонъ чинить; што для памети до книгъ справъ суду трибуналу Любелского записано.

Книга Главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго, 1591 года, справа 269.

XLIV.

Судебное преніе и декретъ трибунала Люблинскаго по жалобѣ епископа Кирила Терлецкаго о томъ, что въ праздникъ Пасхи староста Луцкій Александръ Самашко не пустилъ въ соборную церковь священниковъ и прихожанъ, морилъ епископа голодомъ, билъ его слугъ и приказалъ гайдукамъ своимъ стрѣлять въ церковь. 1591 года, августа 7 дня.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ первого, мѣсяца августа, семого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трыбуналского, зо всихъ воеводствъ короны Полское на рокъ теперешний тисеча пятсотъ деветдесятъ первый обраными и высажоными, кгды приточиласе справа межи велебнымъ отцемъ Кириломъ Терлецкимъ, епископомъ Луцкимъ и Острозскимъ, а велможнымъ паномъ Александромъ Семашкомъ на Хупкове, кашталяномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, за позвомъ отца епископа Луцкого по пана Браславскаго выданымъ, съ которого позву жаловалъ отецъ епископъ черезъ умоцованого своего пана Миколая Бродавского, же панъ Браславский, маючи якуюсь васнь противко владыце его милости Луцкому, спокойной и духовной особе, чинечи зрушене покою посполитого у вѣре и релии хрестянской закону стародавного греческого, надъ звычай и волность права посполитого, року теперь идучого тисеча пятсотъ деветдесятъ первого, мѣсяца априля двадцатого дня, кгды его милость отецъ владыка Луцкий до замку вишнего Луцкого, до двора своего епископьего стародавного, который есть при церкви головной Луцкой, приехалъ, тогды дей панъ староста Луцкий толко самого отца владыку зъ однымъ хлопцемъ до двора его въ замокъ пустилъ, а духовенства, презвитеровъ церкви головное Луцкое, также слугъ и иныхъ речей его милости а ни вшелякихъ живностей не пустилъ и прийштья волного для отправованя хвалы Божое въ церкви головной Луцкой, водле звычаю стародавного а повинности того духовенства, отправовати заборонилъ, и самого его милость отца владыку черезъ два дни въ томъ дворе яко у везеню держалъ, презвитеровъ а ни слуги ни одного ку его милости отцу

владыце, также жадное ведомости, а ни хлеба и воды въ дворъ его не допустилъ, голодомъ морилъ, зъ ручницъ на церковъ Божую стрелялъ, слугъ его милости, которые хотѣли увойти до замку, до двора его милости, бить и поранить казалъ; за которымъ недопущенемъ духовенства въ замокъ до церкви головное, у которой церкви тѣла зошлыхъ господарей хрестиянскихъ, великихъ княжатъ руских, лежать и гробы ихъ суть, хвала Божия черезъ два дни, въ суботу и въ недѣлю, то есть двадцатого и двадцать першого мѣсяца априля, не была; яко то все по достатку ширей съ позву оказовалъ, и на доводъ того всего покладалъ выпись съ книгъ кгродскихъ Володимерскихъ, подъ датою руку тисеча пятсотъ деветдесятъ первого, мѣсяца априля двадцеть четвертого дня, оповеданя жалобы его милости отца владыки на пана Браславского и сознане двохъ возныхъ повету Луцкого, также и листъ съ печатми и съ подписомъ рукъ не мало пановъ шляхты, обывателей воеводства Волынского, которые такъ возные, яко и панове шляхта, посветчаютъ, же ся то все отъ пана Браславского, старосты Луцкого, его милости отцу владыце Луцкому и духовенству презвитеромъ церкви головное Луцкое дѣяло; и просилъ, абы съ пана Браславского, яко зъ винного, справедливость чинена и вины въ праве описаные, такъже шкоды, ведле позву сказаны были. А панъ Браславский, будучи очевисто у суду нинешнего, тутъ же, черезъ умоцованого своего, пана Яна Прилепского, поведилъ, ижъ тая справа, яко ся съ позва отца епископа Луцкого оказуетъ, розсудку суду головного не подлегаетъ и есть криминалисъ, бо отецъ владыка поменилъ на позве зрушене покою посполитого и вѣры закону ихъ грецкого, стрѣляне на церковъ, недопущене хвалы Божое, везене свое, бите и раненье слугъ своихъ и иные речи, въ чомъ есть панъ Браславский не виненъ, и домовялся, абы тая справа на сеймъ отослана была. Умоцованый его милости отца епископа Луцкого мовилъ, же тая справа суду головному слушне судить належитъ, кгдыжъ почтивости ся не тычетъ а ни его милость владыка того прягнетъ, и такъ того деклярує и о то позываетъ, же панъ Браславский хвалы Божое въ церкви головной, такъ же и пришьця волного завжды до двора его милости стародавного епископъего, забороняетъ, духовенства, презвитеровъ, слугъ въ замокъ ку церкви не пущаетъ, самого его милость владыку черезъ два дни, власне

якобы у везеню, держалъ, никого до него также и живности не пустилъ, голодомъ морилъ; прето нигде инде, толко у суду головного повиненъ ся справити, кгдыжъ то подъ претекстомъ уряду своего все чинилъ. Судъ нинешний головный трибуналский найдуетъ быти належность суду и наказуетъ позваному далей поступовати. Умоцованый пана Браславского поведилъ, ижъ панъ Браславский, будучи замку того Луцкого, яко украинного, отъ короля его милости старостою, тогды того повиненъ стеречи, абы замокъ завше въ завартю былъ, и если не пущоно до церкви и до двора владыки его милости, же не ведле часу увойти бы хто хотелъ, тогды жадныхъ боевъ а ни того всего и жадное речи, што есть въ позве написано, панъ Браславский не чинилъ и чинити не казалъ, и съ того всего черезъ шкрутинѣю выправитися хочетъ, о которую домовлялся и просилъ, абы ему допущона была. Умоцованый его милости отца епископа Луцкого на то поведилъ, ижъ тотъ замокъ его королевское милости Луцкий не есть украинымъ и жадное небезпечности отъ неприятели повсторонныхъ не маешъ, а хочъ бы чого, Боже уховай, и заходило, теды не толко пану старосте, але и епископу и кождому обывателю того на онъ часъ постерегать бы годилося; але есть замки украинные: Киевъ, Каменецъ-Подолский, Черкасы, Каневъ и иные замки, у которыхъ есть церкви Божие: хочъ же тамъ небезпечность уставне отъ неприятелей коронныхъ, а предъ ся панове старостове духовенству хвалы Божое мети не перекажаютъ и таковыхъ утисковъ не чинятъ и загоровно въ згоде мешкаютъ; и шкрутинѣи пану старосте о то выводить не есть потреба: же его милость менитъ, якобы таковыхъ утисковъ не чинилъ, теды то значне отъ стороны мое оказалося черезъ певные доводы и высветченья, же ся его милости отцу владыце и духовенству церкви головное Луцкое въ томъ всемъ, яко въ позве написано, великое уближенье отъ пана Браславского деялося; и просилъ о декретъ въ оныхъ кривдахъ своихъ. Судъ нинешний головный въ далшомъ поступку въ той справе пана Браславского, старосту Луцкого, зъ владыкою Луцкимъ отсылаетъ на шкрутиниумъ до вряду кгродского Володимерского, передъ которымъ то врядомъ они обоя сторона маютъ и будутъ повинни на рочкахъ пришлыхъ Володимерскихъ, которые першие по выштью шести недель отъ даты того декрету сужоны будуть, на вряде кгродскомъ Володимерскомъ стати и

тамъ шкрутиниумъ и сведецство въ той справе передъ тымъ урядомъ вывести. А што ся дотычетъ волности хоженя духовенству рускому и самымъ слугамъ ихъ и вшелякого стану людемъ того набоженства до церкви Луцкое светого Иоана, которая есть въ замку вышнемъ Луцкомъ, также и мешканя въ дворе владыки Луцкого въ замку Луцкомъ, тогды судъ найдуетъ, же бы ся въ томъ панъ староста заховалъ ведле давного и старожитного звычаю, а оному духовенству и ихъ слугамъ и вшелякого стану людемъ веры греческое до тое церкви ходить не заборонялъ кождого часу ку набоженству ихъ належачого. А по выведенью таковое шкрутинии и сведецства въ той справе передъ помененымъ урядомъ кгродскимъ Володимерскимъ, будутъ мѣти они обоя сторона рокъ певный и завитый на пришломъ трыбунале. И то все для памети до книгъ трибуналскихъ записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1591 г., справа 266.

XLV.

Заявленіе старосты Луцкаго Александра Семашка и епископа Кирилла Терлецкаго о томъ, что всѣ возникшія между ними тяжбы они согласились отдать на рѣшеніе пріятельскаго суда. 1591 года, 7 августа.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ первого, мѣсяца августа семого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трыбуналу Любелского, на рокъ теперешний тисеча пятсотъ деветдесятъ первый зо всихъ воеводствъ короны Полское обраными и высажоными, постановившися обличне обоя сторона, то есть поводовая его милость въ Бозе велебный отецъ Кирилъ Терлецкий, епископъ Луцкий и Острозский, а позваная его милость панъ Александръ Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, староста Луцкий сознали тыми словы: ижъ што его милость отецъ епископъ Луцкий позвалъ на трибуналъ теперешний Любельский, который ся судити зачалъ въ понеделокъ перший по недѣли проводной, въ року теперъ идучомъ

тисеча пятсотъ деветдесятъ первомъ, его милость пана Браславского и писара его милости кгродского Луцкого, пана Собестыяна Лапчинского розными позвы и о розные кривды и долеглости свое, а меновите: однымъ позвомъ менечы быть облежене якесь его милость отецъ епископъ Луцкий въ рочки кгродские Луцкие, при справе, которую его милость мелъ съ попомъ Лавровскимъ, такъ тежъ и соромоченье у суду умоцованого его милости Сасина Русина и о шарпане его; другимъ позвомъ—о недопущене волного отправованя фалы Божое въ церкви соборной въ замку вышнемъ Луцкомъ и о заборонене волного приштья, водлугъ звыклого обычаю, и мешканя у дворе его милости отца епископа Луцкого въ томъ же замку вышнемъ Луцкомъ, о збите и поранене слугъ и о запертье его милости отца епископа Луцкого самого въ замку вышнемъ Луцкомъ якобы въ обложеню або у везеню, яко и о иншие долеглости въ томъ позве поменене, за которыми обема позвы декрета суду головного трибуналского сталися; третимъ позвомъ—якобы о невыдане декрету въ справе съ попомъ Лавровскимъ, и о тое жъ невыдане декрету позванъ есть и писаръ кгродский Луцкий; четвертый позовъ—якобы о недопущенье волного впроваженя въ замокъ матереи на поправу муру и покрыте церквы соборное Луцкое и о побране дерева въ замку Луцкомъ, на поправене тоежъ церкви упроваженого; пятымъ позвомъ—якобы о бране якогось мыта отъ поповъ и отъ слугъ отца епископа Луцкого и иншихъ особъ у форты замку вышнего Луцкого; шостымъ позвомъ—о неправный якись вказъ зъ Адамомъ Красоцкимъ, за чимъ до шкоды его милость отецъ епископъ Луцкий пришолъ; семымъ позвомъ—о неправный якись декретъ въ справе съ паномъ Федоромъ Шимковичомъ Шкленскимъ о збега; осмымъ позвомъ—также якобы о неправный вказъ въ справе съ панею Несвецкою о збега одного, за чимъ тежъ его милость отецъ епископъ Луцкий до шкоды великое пришолъ,—яко то все ширей и меновите на тыхъ всихъ позвехъ и поступку правномъ его милости отца епископа Луцкого написано и доложоно есть. За которыми позвы, кгды се тые справы передъ судъ головный трибуналский приточили и вже на два позвы декрета суть учинены, которые декрета во всемъ при зуполной моцы зъ обудвухъ сторонъ заховуютъ, толко зъ стороны самое присеги, его милости пану Браславскому вказаное, также и отосланье обудвухъ

сторонъ на выведенье шкрутинѣй въ певныхъ речахъ, меновите въ декретахъ суду головного трыбуналного написаныхъ, и о иншие розницы и справы за позвы теперешними, которые еще черезъ судъ трыбуналский розсужоны и узнаваны не были, за вложенемся въ то ихъ милости велможныхъ пановъ пана Костентина кнежати Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, а пана Януша княжати Збаразского, воеводы Браславского, старосты Кремянецкого, не кончечи черезъ розсудокъ правный, застановили такимъ способомъ: зъехавши съ трыбуналу, мают ся обослати рокъ и часъ собе зложити и все зъ обу сторонъ приятелски межи собою застановити и померковати, а часу того зложене до зьеханья приятелского до покоштованя угоды маетъ быть на зданью ихъ милости пановъ пана воеводы Киевского и пана воеводы Браславского; а где бы зъ якихъ колвекъ причинъ тая справа обычаемъ приятелскимъ не скончила се, тогды на часъ, въ декрете трибуналскомъ назначоный, обоя сторона у суду кгродского Володимерского шкрутинию выводити маютъ и рокъ водле сказу трыбуналского также и за позвы звышъ поменеными, на пришломъ трыбунале въ року тисеча пять сотъ деветдесятъ второмъ мети будутъ, а присягу его милость панъ Браславский, водле декрету теперешнего головного трыбуналского, на трибунале пришломъ, въ року тисеча пятсоть деветдесятъ второмъ, въ Люблине, кгды справы воеводства Волынского судитися будутъ, учинити будетъ повиненъ, также его милость панъ Браславский самъ и писарь его милости кгродский Луцкий, за тыми жъ всими позвы теперешними, его милости отцу епископу Луцкому на томъ же пришломъ трыбунале, въ року деветдесятъ второмъ, водле порядку реестрового, яко на року завитомъ, отказовати и усправедливитися будетъ повиненъ, на тотъ часъ, кгды справы воеводства Волынского сужоны будутъ; на што обоя сторона доброволне позволивши, просили, абы тое сознане ихъ до книгъ трыбуналскихъ записано было, што мы записати казали.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1591 г. справа 262.

XLVI.

Фундушъ князя Константина Острожского на основаніе подъ г. Дубномъ, на островѣ Дубовцѣ, женскаго монастыря. 1592 года, апрѣля 8 дня.

Костанътинъ кнежа Острозское, воевода Киевский, маршалокъ земли Волынское, староста Володимерский. Ознаймуемо симъ нашимъ листомъ, ижъ мы, маючи баченье на пелгримокъ тыхъ, которые отъ свицкихъ роскошей на духовные, отъ земли на небо, отъ смерти на животъ, а звлаща в народи нашомъ Славенскомъ, виры восточное церкви, идутъ и на той дорози биды и напасти в удрученю тила приймовати, звытяжаючи грѣхъ, изволяютъ, домы своя, иминя, маетности, любовь тила, роскошъ свита сего и всякое прагнене отъ дочасныхъ, наслидуючи самого наставника Спаса Исуса Христа, Господа Бога и владыки нашого, который тежъ пелгримовалъ отъ небеси на землю для збавеня всихъ насъ, оставуютъ; паметуючи тежъ и на то, яко Петръ апостолъ пише, же и мы пелгримове и приходки на земли: мешкавши часъ який тутъ, отыйти и иншимъ тое мешканье поступити мусимо; абы таковые люди подъ прикрытемъ отчизного кгрунту нашого мешкати и за обороною нашою в покою спасене соби позысковати могли,— в мести моемъ Дубни, подъ самымъ местомъ, на стави, островъ увесь называемый Дубовецъ с полемъ и зо всимъ, якъ ся в собе маетъ, поки его вода кругомъ обошла, на иноческое житие инокинямъ побожнымъ, для отчизны и заплаты сторичное будущого вику, вечне отдаемо и на тое затишное, безмолвное и безпечалное житие иноческого чину людемъ записуемо, в што ся а ни сынове наши вступовати и розоряти воли добрымъ сумненемъ пошлюбеня нашого Богу не маютъ. А еслибы хто з державцовъ Дубна, кому бы се то держати в руки достало, розоряти или отнимати тое надане наше смилъ, таковый буди проклятъ и непрощенъ отъ Отца и Сына и Светого Духа в нинешний викъ и въ будучий. На што даемъ на сесь часъ инокинямъ, а по нимъ инокомъ, сесь нашъ листъ с печатью и с подписомъ власное руки нашое. Писанъ в Дубни, року отъ Божого нароженя тисеча пятсотъ деветдесятъ второго, месяца априля осмого дня, водлугъ старого календару. Власная рука.

Книга земская Луцкая 1630 года, № 2826, л. 1007 и далѣе.

XLVII.

Жалоба земянина Петра Гижевскаго о томъ, что епископъ Кириллъ Терлецкій, собравъ вооруженный отрядъ, неожиданно напалъ ночью на с. Фалимичи, гдѣ случайно находился жалобщикъ. При этомъ слуги Терлецкаго, напавъ на него въ постели, нанесли ему стрѣлой изъ лука тяжелую рану и отсѣкли правую руку, послѣ чего Терлецкій приказалъ посадить его въ тюрьму, морилъ холодомъ, запретилъ допускать къ нему кого либо для оказанія врачебной помощи и продержалъ въ заключеніи около 12 недѣль. Показаніе вознаго, свидѣтельствовавшаго раны на жалобщикѣ, и перечень отнятаго Терлецкимъ имущества. 1592 года, мая 28.

Року 1592, месяца мая 28 дня.

На вряде кгродскомъ Володимерскомъ, передо мною Григоремъ Обухомъ Вощатинскимъ, на тот час будучимъ на местцу его милости пана Федора Загоровского, подстаростего Володимерского, постановившися обличне урожоный панъ Петръ Кгижевский, шляхтичъ воеводства Любелского, на его милость в Бозе велебного отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, светчилъ и оповедалъ ся жалобливе, ижъ дей року минулого тисеча пять сотъ деветъдесятъ первого, месяца ноября двадцать семого дня, не ведати якимъ духомъ и умысломъ будучи приведеный, напрод Пана Бога и милости ближнего занехавши, лекце поваживши права и конституцыю, покой посполитый которые варуютъ, стану своего ничого не поважаючи, на добра его королевское милости Фалимичи, на тотъ час спокойного держанья за правомъ и привилейми его королевское милости его милости пана Мартина Броневского, секретара его королевское милости, на тот часъ на послузе речи посполитое будучого, великий оршакъ людей розмаитых: пана Ивана Велятицкого, а пана Гаврила Наврятинского, слугъ, бояръ и подданыхъ своих, которых онъ имена и прозвиска вѣдаетъ и самыхъ знаетъ, з розмаитымъ оружьемъ войне належачимъ: з ручницами, луками и иншими стрелбами, въ ночи часу помененого наслалъ. Которые дей слуги а посланцы того то помененого владыки Луцкого на первей кгвалтомъ великимъ ворота двери двора Фалимицкого добывши, выбивши, стреляючи з пулгаков, ручниц, луков, мене чоловека

спокойного, шляхтича волного, ничого дей оному невинного, на тотъ часъ в маетности его милости пана Мартина Броневского къ воли потребам пилным своимъ будучого, покоем посполитым упевненого, вже спячого, на первей з луку пострелили.—И просилъ мене панъ Петръ Кгижевский о придане возного на огледане ран. Ямъ возного Михайла Шабана Гноенского придал, который огледавши тых ран у пана Петра Кгижевского, которые собе быти менит от приятел, слуг, за властным росказаньемъ отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого, созналъ: ижъ маючи я при собе шляхту, людей добрых, пана Якуба Папроцького а пана Яна Адамовского, видилемъ рану з лука стрелою пострелену под рукою правою, потомъ дей видилем руку правую одтятую прочъ по самую запясть, потомъ дей передо мною вознымъ оповедалъ речи и всю маетность, которую у него за властным росказаньемъ помененого владыки Луцкого взято.—А тымъ дей не будучи натешенъ, мене дей, чоловека так утрапеного, змордованого, для зыстъя крви зомдлелого, балверови мене з росказаня того владыки опатрить а ни оного припустить до мене, также а ни жадного с приятелъ заказалъ, але мне дей в везеню в селе Фалимичахъ, яко дей и на инъшихъ розмаитыхъ местцахъ, перевозечи мене дей, чоловека утрапеного, где дей а ни опатреня слушного и леченъя дей так срокгихъ ранъ в такомъ зимне и невчасе не было, такъ дей, ижъ мало дей о горло не приправили, ночами дей толко (?); где дей о мне нихто з людей добрыхъ а ни приятелъ моих не ведал, а ни ся дей допытати могъ. И въ везенъю дей своимъ черезъ неделъ дванадцать держалъ. Для которого такъ дей долгого везеня, ранъ собе од них заданых, также и везеня такого, ни которому урядови водле бегу права посполитого засвежа, ажъ теперъ скоро вышовши зъ его везенья за помочю Божею. При которомъ дей збитъю и зраненъю, кгвалтовнымъ насланъю од его милости отца владыки Луцкого помененого тые речи, которыем при собе мел, так мое власные, яко теж его милости пана Войтеха Лешневского, отца жоны моей, напервей дей в мене взято: тринадцать сотъ золотых полскихъ монеты полское; моихъ дей власных двесте чирвоных золотых; коний два шпаковатых,—тые дей коштовали золотых пятдесятъ; коберъцовъ три, которые коштовали дватцать золотыхъ и семъ полскихъ; возъ котчий,—коштовалъ шестнадцать золотых полскихъ; шаты вси, так

жонины дей, яко и мои вси, коштовали . . ланцушки злотые, пасы серебраные, перстени золотые с каменьми дорогими, брамки перловые, скрынки с справы и привилейми, такъ своими, яко и приятелскими, вси побрано; што все онъ собе шацуетъ на осмъ тисечи золотых полскихъ. Которые дей вси речи помененые от мала до велика при собе дей задержалъ. Якожъ о кгвалтовное наехане и о выбитье с Фалимичъ панъ Петръ Кгижевский волное право пану Мартину Броневскому заховавши, толко о збитье и зъраненье и о вязенье и побране всее маетъности своей правомъ дей з отцемъ его милостью Кириломъ Терлецкимъ, владыкою Луцкимъ, чинити дей хочетъ, и просилъ абы тая протестацыя его до книгъ записана была; што я записати росказалъ.

Книга гродская Владимірская 1592 г., № 947, л. 404.

XLVIII.

Фундушъ князя Константина Острожскаго на преобразованіе Дубенскаго Спасскаго монастыря въ общежительный. 1592 года, декабря 18 дня.

Константинъ кнежа Острозское, воевода Киевский маршалокъ земли Волынское. Ознаймуемъ симъ листомъ и доброволнымъ постановенемъ нашимъ нинешнимъ потомъкомъ нашимъ и по нихъ будучимъ дедичомъ и державцомъ того имени нашого отчизного Дубна, ижъ насъ просилъ отець Василий, игуменъ монастыра нашого Дубенского светого Спаса посполу зо всею братею своею, абысмо имъ въ томъ монастыре объщее житие по законоположеню Великого Василия и светыхъ богоносныхъ отецъ, на собори потвержоному, устроили и писанемъ нашимъ змоцнили, для которого они все позоставовавши житейское, в слѣдъ Христовъ пошли и жити се в общизни присягали, не хотечи не толко што инъшее отъ имѣний и маетности своее мити, але и до самое иглы и еще до мѣншихъ не мити своего, але што колвекъ есть или будетъ, всимъ все и самое воли не мити своее, але што божественъное писание учитъ и повеливаетъ, соглашаючи се и згожаючи з мышлями и волями всихъ

братей, по реченому в Дияниихъ: „и бѣ вировавшихъ серце и душа едина и ни единъ помышляше што свое быти, но бяша имъ вся обща“; обовязали ку тому тежъ порядокъ послушенства, караня выступныхъ и во всемъ подлегаючи тисно и прискорбно по перших святыхъ и самой науце Христа, избавителя нашого, и по законоположеню Василия Великого житие проходити, не уклоняючися а ни надесно, а ни наливо, але путемъ царскимъ евангелскимъ шествовати, изволили. Мы тогды, маючи баченье на фунъдоване продковъ нашихъ монастыра того Дубенского светого Спаса, абы тотъ манастырь во всимъ порядку своемъ монастырскомъ закона иноченъского виры восточное, такъже и при томъ наданю и доходехъ своихъ, то есть зъ селомъ Мнятиномъ, Загорцами и в грунте месцъскомъ, в ставкахъ, з десетинами и зо всими пожитками, манастыру належачими, што едно здавна манастырь тотъ пожитковъ з миста и з селъ уживати звыкъ, зосталъ, а по насъ и за потомковъ нашихъ вцале захованъ былъ, симъ писанемъ нашимъ тое житие объщее манастыра Дубенского светого Спаса вичными часы стверждаемо и змоцняемо. Маетъ отецъ Василий и по немъ будучии игумены посполу зо всею братею своею, водлугъ поволаня своего закона Христова и описаныхъ обычаевъ Василия Великого, в томъ манастыри житие проходити и объще зо всими жити, о мисцу томъ светомъ старане пилное мати, фундовати, будовати и всякими окрасами церковными осмотряти, яко верные строители манастырей божихъ. До которого манастыра объщого светого Спаса придали есмо увесь кгрунтъ Дубовецъ противъ того жъ манастыра на житие мнишокъ и манастырь для нихъ збудовати есмо казали; а до того позволили есмо имъ, если хто схочетъ пустынствовати въ Объчовскомъ лисе, скиты мити, где едно собе мисце якое оберутъ, водлугъ потребы своее. Маетъ тогды отецъ Василей того объщого жития светого Спаса и по немъ будучии игумены, водлугъ порядку и закону объщого жития, тыми манастырми светымъ Спасомъ, Дубовецкимъ и скитомъ строити, о нихъ промышляти, всими доводствы осмотряти, законъ же водле права святыхъ богоносныхъ отецъ, ничого с тыхъ не выкрочаючи, правити и ничого соби пожитковъ надъ инъшихъ братей объщого жития не привласчати, яко тамъ ширей есть доложоно, подъ винами и клятвами в правилахъ описаными. Мы тежъ, а ни потомкове и врядники наши, гды ся тамъ

ховати и тамъ житие законъне ажъ и до конца проходити будутъ, в тые монастыри светого Спаса Дубенского и скитского, такъ порядка объщого жития, яко и в пожитки тыхъ монастырей, вступовати не маемъ и обецуемся вцале во всемъ, ведлугъ того нашого постановеня, заховати. До того тежъ даемъ мы имъ власть, водлугъ порядку объщого жития, по скончаню игумена настоятеля, ни отколя инуду, кром с посродку себе, своего объщого жития, по законоположеню Великого Василия и правилъ светыхъ богоносныхъ отецъ, игумена обирати, чоловека искусного в житии и в науце, во всемъ добре свидителствованого, постановити, который то игуменъ не строитель имений и маетности толко быти, але пастыръ душъ братскихъ быти и сее же строение розсудивый, яко пастыръ, искусно братии вручати маетъ, опослушенствованый всими, емуже братия о Христе не розсужъдая всю волю свою послушения отдати маютъ. Што все, яко они в своемъ житии исполнити, такъ и мы водлугъ того нашого листу и постановеня заховати, под неблагословенъствомъ Божимъ, повинни есмо; и хтобы едно хотилъ тое постановене наше по насъ нарушити, на таковогo абы пришло неблагословене Божее, в закони описаное, и клятва светыхъ богоносныхъ отецъ. На што для лепшое видомости даемо отцу Василию, игумену, посполу з братиями и по немъ будучими игумены манастыра Дубенского светого Спаса объщого жития сесь нашъ листъ с печатью и подписомъ власное руки нашое. Писанъ в Дубни, року отъ нарожения Исуса Христа Сына Божия тисеча пятсотъ деветдесятъ второго, месяца декабра осмнадцатого дня. Власною рукою.—Якожъ то все они ся подъ присягами обецали и обовезали тому светому чину досыть чинити, подъ утратою самого того права.

Книга земская Луцкая 1630 года, № 2826, листы 1005 и далѣе.

XLIX.

Жалоба священника Михайла о томъ, что когда онъ оставилъ свой прежній приходъ въ с. Пашевѣ, въ Кременецкомъ повѣтѣ, и намѣревался перейти на другое мѣсто, то владѣлецъ Пашева п. Лавретій Древинскій, не желая отпустить его изъ своего села, арестовалъ его самого, жену его и все имущество. Подробнѣйшій перечень домоваго имущества священника, съ обозначеніемъ цѣнъ почти каждаго предмета. 1593 года, апрѣля 14 дня.

Року 1593, месяца апреля 14 дня.

Пришедши на вряд кгродский Кремянецкий, перед мене Ярмолу Олехновича, бургкрабего замку Кремянецкого, будучого на местцу его милости княжати Януша Збаразского, воеводы Браславского, старосты Кремянецкого, попъ Михайло плачливе жаловал и оповедал, который перед тымъ былъ вы йменю его милости князя воеводы Киевъского Трестенъцы и шукалъ собе полепъшеня, то пакъ, за уприймымъ жаданемъ небожчика пана Базилиуша Дрывинского, писаря короля его милости, до йменя его милости Пашевы, до церкви святое Покровы, хотячи тамъ богомолцемъ быти, и оферуючися на мене ласкавымъ паномъ быти, где я, яко за жаданемъ того пана зешлого, мешкалем в него часъ немалый въ томъ имению Пашеве, при церкви тамошней. И кгды было, по смерти небожчика пана Безалиуша Дрывинского, сынъ его милости панъ Лавринъ Дрывинский, зоставши паномъ на томъ имению по отцу своемъ, мене уставичне кривдил, где я, будучи собе чоловекомъ волнымъ, на иншомъ местъцу хлибопокормленя нашедши, приказавшися ее милостя княжни Маруши Збаразской панеи Василевой Загоровской, кашталяновой Браславъской, зосталомъ тепер вы йменю ее милости Подлесцох, при церкви светого Благовещения, слугою и богомолцемъ ее милости быти. Где ж я тых часовъ от ее милости панее кашталяновое Браславское з листомъ ее милости панее своее до его милости пана Лаврина Дрывинского приехалъ, абы мя его милость доброволне зовсимъ зы йменя своего выпустилъ. То пакъ панъ Дрывинский, не тыле так выпустити, але еще мене самого словы неучтивыми насоромотивши, и до везеня осадити дал; потом по колко дни мене выпустивъши и поведилъ: „я дей тебе зы йменя своего вы-

пустити не хочу!“ Я заразомъ до ее милости княжны, яко панее своее, в той кривъде своей вдалъ. А в томъ часе, в небытъности мое, его милость панъ Дрывинский, пришедши в домъ мой самъ, восполонъ с панею малжонкою своею, вряднику своему Пашевскому Миколаю Стахорскому жону мою казавъши до двора своего взяти и ув окрутное везене осадити . . . . . . всю маетность мою отмала до велика . . . до двора своего побрати казалъ, то есть меновите: . . . волов осмь, кождый вол по осми золотых . . . . коров шесть дойныи с теляты—по две копе грошей стоили, коз с козяты дойными,—коза по золотому; набелу осмъ горщковъ, масла,—горщокъ масла по золотому; сыров коп две,—сыр по полтора гроша; яловицъ чотыри; яловица по две копе грошей; быков чотыри—по пяти золотых; сверепа зъ жеребъям неходая, которая мене коштуетъ копъ десятъ грошей; инорозовъ чотыри—инороз по три золотыхъ; свиней дворных с поросяты осмь—свиня по копе грошей; гусей тридцятеро и пятеро—дви копы грошей стояли; кур старых з молодыми осмъдесятъ—дви копы грошей стояли; жита молоченого мацъ дванадцать,—маца жита по петидесятъ грошей; муки житное мац чотыри—по копе грошей; пшеничнои мацъ чотыри—по две копе грошей; овса шесть мацъ,—маца по золотому; ячменю мац дви,—маца по полкопы грошей; гречки дви маци,—маца по сороку грошей; проса две мацы—маца по копе грошей; пшона о полторы мацы,—маца по копе грошей; семеня прядивного мацъ дви,—маца по полторы копы грошей; конопного насеня маца, стояла сто грошей; полтей мяса свиного девят,—полот по полкопы грошей; сал свиних шесть,—сало по золотому; соли чотыри тисечи,—тисеча по десяти грошей; сукон музских дви, одна муравъская шарая за полтрети копы грошей, другая лунская синяя копъ за три и за сорок грошей купленая; невистий ермякъ чорный утерфиновый, за семъ талярый купленый, такъ теж невистих суконь дви лунских з оксамитомъ, одна чирвоная, а другая лазоровая,—копъ за осмъ купленые; шапка невестяя окъсамитная, куницею и бобромъ чорнымъ (подшитая), коп за дви купленая; пояс невистый срибрыный, гривна сребра на немъ; шубка лисяя з бобромъ, чорнымъ сукномъ крыта—копъ за десять грошей куплена; перстенковъ чотыри сребряных, в которых таляр важитъ, . . . (здѣсь строка истлѣла) . . . купленая; убране каразиевое белое, за два червоных купленое; горщковъ мидя-

ных два, — горщок по полкопы грошей; панвей дви — по полкопы грошей; узголовий скураныхъ мишцовых дви — за копу грошей купленые; ложниковъ домовое роботы шесть — ложник по двадцати грошей; кожуховъ бараних повых пять — кожух по пятдесят грошей; плахот черчатых шесть — плахта по полкопы грошей, а чорных плахот чотыри — плахта по дванадцати грошей; книга псалтира, за сорок грошей купленая; Шестоденец книга, за копу грошей купленая; книга Треод цвитная, за две копе грошей купленая; книга Требникъ, за копу грошей купленая; кошул женских ткацких чотыри — кошуля по золотому, а простыхъ кошуль шесть — кошуля по дванадцати грошей; музскихъ кошуль тонкихъ пят — кошуля по дванадцати грошей; рантухов ткацких шесть — рантухъ по двадцати грошей, — а простых рантуховъ три — рантух по девяти грошей; перин дви — по копи грошей; подушокъ пять — подушка по золотому; опанча московская за два золотых; обрусов ткацких чотыри — обрус по полкопи грошей, простых обрусов пятдесят локот, по чотыри гроши локотъ; основы з утъкомъ локотъ пятдесят — грошей осмъдесятъ стояло; прядива готового чотыриста — сто по десяти грошей; чепцовъ десятъ — чепец по чотыри грошей; чепецъ шитый — за двадцать грошей; сокер три — полкопы грошей; кос три — за золотый; серповъ десять — шестнадцать грошей коштовали; миховъ осмъ — мих по чотыри гроши; седло зо всимъ — за сто грошей купленое; возокъ и два коши, далем за них сорок грошей; збожя засеяного моего нажал жита двесте копъ; пшеницы пятдесятъ копъ, овса сто и двадцать копъ, гречки шестдесятъ копъ, проса десятъ копъ, прядива шестъ копъ; такъ тежъ ктому еще и в дому начиня домового, яко в гумни и на огородех, живностей всяких — того всего шкодую собе золотых на пятдесятъ. Яко ж и первей сего року осмъдесятъ семого, месеца сентебра осмого дня, тотъ Лавъринъ Дрывинский, приславши служебника своего Валентия Залунского, взял в мене коня, за которого мни в Берестю на ярмарку давали пятнадцать золотых. Зась року девятдесятъ первого, месяца июня семого дня, панъ Лавринъ Дрывинский взялъ в мене готовых пинязей золотых пятънадъцатъ. Тогож року девятдесятъ первого, месяца июня двадцатого дня, пан Лавринъ Дрывинский, наславъши силою моцю на домъ мой врядника своего Пашевъского Миколая Стахурского а тивона того ж села Андрея

Рудого, взяли в мене с коморы пят мац жита а две маци пшеници, мац дви ячменю, овса полторы мацы,—в тот час пшеница была по чотыри копы, жито было по три копы грошей, ячмень был по три золотых, овес был по два золотыхъ. А при томъ нахоженю их згинула в мене скрынъка, в которой скрынцы было готовых пенезей двадцать золотых и тканка перловая, которая тканка панее Федоровое Русиновое была в мене в заставе в десяти золотых. Тогож року девятдесят первого, месяца декабря пятогонадцатъ дня, пан Лавринъ Дрывинский, наславъши на домъ мой служебника своего Якуба Елинского а шинкара своего Пашевского Ярмолу Бугая, взяли в мене с коморы пятъ мац солоду и дви мацы хмелю,—въ тотъ часъ маца солоду была по два золотых и хмель былъ по полкопы. Того ж року девятдесят первого, месяца апреля второгонадцатъ дня, панъ Лавринъ Дрывинский, наславши на домъ мой тивона своего Андрия Рудого и подданого своего Стецка Кудерку, взяли въ мене коня за семъ золотых. И просил, абы тая жалоба и оповедане его до книгъ кгродских Кремянецких записано было; што я записати казалъ.

Извлечено изъ отрывковъ гродскихъ Кременецкихъ книгъ 1593 г., хранящихся въ собраніи Коммиссіи.

L.

Судебное преніе между земяниномъ Петромъ Гижевскимъ и епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ по дѣлу о наѣздѣ послѣдняго на с. Фалимичи, нанесеніи Гижевскому тяжкихъ ранъ и побоевъ, заключеніи его въ тюрьму и грабежѣ его имущества. 1594 года, генваря 31.

Року 94, месеца генвара 31 дня.

На рочкахъ кгродских Володимерских, дня двадцат семого месеца генвара, в року деветдесят четвертом припалых и судовне отправовати зачатых, перед нами Федором Загоровскимъ подстаростим, а Демяном Павловичом судею, врядниками кгродскими Володимерскими, постановившисе очевисто врожоный пан Петръ Кгижевский, земянинъ

повету Любелского, через умоцованого своего пана Яна Островского жаловалъ с позву кгродского Володимерского на его милость въ Бозе велебного отца Кирила Терлецкого, владыку Луцкого и Острозского, о том, штож дей в року прошломъ тисеча пят сот деветдесят первомъ, месяца ноября двадцат семого дня, его милость не ведати якимъ духомъ и умысломъ будучи приведеный, напрод пана Бога и милость ближнего занехавши и легце поваживши права и констытуцыи, покой посполитый которые варуютъ, и стана своего духовного ничого не поважаючи, наславши моцно кгвалтомъ приятелей своих пана Ивана Велятицкого а пана Гаврила Наврятинского и при них слугъ, бояр и подданных своих, также и иныхъ помочников не малый оршакъ людей разное нацыи, которых дей его милость имена и прозвища ведаетъ, з розною броню, войне належачою, яко против якого неприятеля, ночнымъ а потайнымъ обычаемъ на люд вже обезпечоный и спалый, на имене и двор Фалимичи, въ котором он дворе Фалимицкомъ на тот час, будучи тутъ на Волыню в потребах своих, за позволенемъ приятеля своего его милости пана Мартина Броневского, секретара его королевское милости, держалъ перемешкиване, — чинечи штурмы до двора Фалимицкого стрелбою розною и моцнымъ усилствомъ, добывши се в оный двор Фалимицкий, его дей тамъ заставши, окрутне збили, зранили и руку правую по самое запяте проч оттяли, и з ручниц также из луков его постреляли; о которую дей кривду я собе волное право у суду належного заховую, одно тепер его милость позываю. Иж дей тые верху менованые особы зъ слугами, бояры и поддаными его милости, пана Кгижевского збивши, зранивши и пострелявши и наполы юж якобы умерлого, за власнымъ насланемъ, росказанемъ, радою и помочю его милости, у везеню своемъ час немалый шляхтича учтивого над право посполитое везенемъ, по розныхъ местцахъ отсылаючи, по именяхъ своих, немилостиве, не хрестянски, litrознымъ а неприятелскимъ везенемъ трапили и мордовали, и самъ дей его милость оного Кгижевъского при очох своих мордовати казалъ. При которомъ насланю его милости тые помененые приятели его милости зъ слугами, бояри и помочниками его милости побрали и пограбили у мене, то ест напервей: отца малжонки моеи пана Войтеха Лешцевского тринадцат сотъ золотых полских, которые дей при мне был зоставил, а моихъ дей власных двесте чирво-

ных золотых; коней два шпаковатыхъ—коштовали золотых петдесятъ, коберъцовъ три—коштовали дей двадцать семъ золотых полских; воз котчий—коштовал шестнадцать золотых; шаты дей вси, так мое, яко и жоны моее, также ланцушки золотые, пасы сребреные, перстени золотые с каменми дорогими, брамки перловые, привиля и справы на именя его належачие; которых побраных и пограбленых речей менил собе на осмъ тисечей золотых полских, што ширей в позве доложоно есть. А по поднесеню позву своего, преречоный повод через тогож умоцованого своего пана Яна Островъского, доведши позваному вынесеня позву и хотечи довести того всего, што в позве естъ написано, просилъ, абы судъ позваного до судового отказу примусилъ, вси обороны правные в моци собе заховаючи. А потом, за приволанемъ через возного до права стороны позваное, отозвавшисе шляхетный пан Анъдрей Дахновичъ, за моцью зуполною, ему у суду очевисто злецоною, слушности повода и самое справы ни в чом не признаваючи, заховавши стороне своей, его милости пану владыце, во всем вшелякие обороны правные вцале, поведилъ, иж его милость пан владыка перед тым судомъ, яко особе его милости взглядом мниманое справи неналежным, становити, поготову в жадную справу вдавати не повиненъ с тое причины: же мниманая поводовая сторона не жадное маетности, не жадное вины пенежное, о шъто толко духовного право посполитое до права свецкого позвати позволяетъ, але караня самое особы духовного зыскуетъ, которая въ посвеценю своемъ ни в чомъ з жадного права свецкого нарушона быти не можетъ дотул, поки знятя з особы его оного посвеценя капланского у зверхности духовенства, которое то на особу его милост вложило, правом хто не выграетъ; которымъ теж достаточне то естъ варовано, же яко нихто з особъ свецких о речи свецкие до права духовного никого позывати, так особа духовная в речи, тыкаючоеся самое особы духовного, перед суд свецкий потегана быти не может. Приводил тежъ на то констытуцыю Краковскую року осмъдесят осмого, иж справы духовные от декретов судей каптуровых, яко неналежных, волные зостали. Абы теж дей добре самъ его милость пан владыка, яко чоловекъ добрый, невинный, минувши таковые добродейства, правомъ посполитымъ вароване, хотел се до оказаня невинности своее под суд особе его милости духовной неналежный доброволне поддати, тогды того учинит

не може: кгдыж особа духовная если бы се поддала под суд свецкий, духовенство тратитъ и стану своего оного посвеценя отпадываетъ, чого с каноновъ, то ест с правил светыхъ отец, и иншими тому подобными писми достаточне доводил; и просил, абы его милость панъ владыка при праве посполитомъ и уставах духовных был зоставленъ, а тая справа, яко от судей ей неналежных, до суду духовного, яко власне належного, отослана была. А повод зас през тогож умоцованого своего судови доводил належный быт тут суд в той справе позваному, приточаючи право посполитое, ясно писаное, на коронацыи короля его милости теперешнего, в року тисеча пят сот осмъдесят осмого утвороное, тымъ способомъ, иж шкрутинии маютъ быти выправованы в кгроде оного повету, где ся учинокъ станетъ; а ижъ ся в тутошнем повете учинокъ сталъ, теды тежъ тутъ в тымъ повете тая справа перед судом кгродскимъ, водле розделу первогонадцать, артикулъ первый, узнавана быти маетъ. А што сторона позваная поведает, иж а ни взглядом особы своее подлегала судови тому, считечися якимсь правом духовным, же взглядом учинку якого колвек праву духовному подлегает, на то повод поведил, иж панъ владыка до суду тутешнего не подлегает з особы своее, кгды што выступитъ противко вызнаню веры своее, албо повинности уряду своего взглядомъ капланства; але ижъ ему тутъ до суду инакшимъ способомъ, не взглядомъ выступку якого духовного, але взглядомъ учинку хотечи доброволне, умыслне, светско пополненого з особы его справа ест дана, теды теж он тут в суде тутошнемъ повинен ся о тот учинокъ светский взглядом особы своее справити, бо если же о кривды, добромъ кгрунту духовного належачие, шляхтич духовному повинен ся справит, так теж духовъный о кривды, кгрунтови шляхетскому належачие, повинен ся справити, также теж и о простые кривды далеко болший учинокъ, который ся особы его светское дотыкает се, повинен в суде тутошнемъ справит. А што есче поведает, иж суды каптуровые з духовных ест знесены, хотечи тежъ за тымъ тое справы улечи, тое повод ему так заплатил, иж до тое справы то ничого не належитъ: абовемъ светские каптуръ на духовных, кгды они на него не зезволяли, силоватъ не могли, зачимъ теж и судов его терпети не повинны были; а теж тепер суд не каптуровый ест, але моцю раменя короля его милости от пана старосты суды отправуетъ,

зачимъ сторона также з вышъ помененых раций своих повинна ся възглядом того выступъку своего з особы своее перед судом теперешнимъ справовати; просечи сторона поводовая, абы судъ, узнавши форумъ, сторону позваную ку отказу примусилъ, иншие вси обороны вцале собе заховавши. А умоцованый стороны позваное, осветъчивши се нами судомъ и возными при суде будучими, иж се з мнимакою стороною в жадную контроверсию не вдаеть, толко, выймуючи особу позваную от суду яко неналежного, обороны свое вноситъ, при перъшихъ алекгацияхъ и оборонахъ своихъ стоячи, поведилъ, иж не взглядомъ справы неналежный судъ на тымъ пляцу быт указую, которое собе обороны на местьци своемъ заживать не опускамь, але взглядом особы позъваного духовного до права светского, которая в таковои справе належность нигде индей, толко в суде духовномъ маетъ, кгдыжъ не идеть о кгрунътъ, не идетъ о кривду легъкую, не идеть о вину пенежную, але о каране самое особы духовъное, чого у права светъского зысковать не може. А с того артикулу двадъцатого в розделе четъвертомъ и конъстытуцыи, которыхъ сторона на помочь уживаетъ, належный суд кгродский не особамъ, которой я неналежный суд с права вывожу, але толко некоторым справамъ з описаня ихъ ясного значитъ се, про то дей обороне моей правной ничого не шкодить, а ни тымъ правомъ под судъ неналежный особы духовное поддати не можетъ; кгдыжъ инша належность суду справы, а инша належность особы, которая възглядомъ належности справы до суду ий неналежного потягана быти не можетъ. И просилъ, абы стороны поводовое выводы словъ голыхъ, яко неслушные, на сторону были отложоны, а позваный до суду належного духовного отослан был, вшелякие обороны, доводы и отводы правные стороне своей вцале заховавши. Мы судъ знайдуемъ, же его милость отецъ владыка Луцкий в таковой справе суду свецкому подлегает. А умоцованый стороны позваное, не приймуючи того декрету нашого, до суду головного трибуналу Любелского апелевал. Мы ему тое апеляции допустили и рокъ обеюмъ сторонамъ перед судом головнымъ трибунальнымъ в Люблине в року теперешънемъ тисеча пят сот деветдесят четвертомъ, кгды справы воеводства Волынского сужоны будут, стати зложили есмо; што для памяти до книгъ кгродских ест записано.

Книга гродская Владимірская 1594 г., № 949, л. 56 об.

LI.

Грамота митрополита Кіевскаго Михайла Рагозы мѣщанамъ Люблинскимъ на учрежденіе братства при церкви Преображенія въ г. Люблинѣ 1594 г., іюня 28. Подтвержденіе этой грамоты королемъ Сигизмундомъ III 22 апрѣля, 1596 года.

Року тисеча шестсотъ третего, месяца мая двадцать второго дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любелского, на рокъ теперешній тисеча шестьсотъ третий зо всихъ воеводствъ короны Полское обраными и высажоными, постановившися очевисто у суду нынешнего, славетные а учтивые мещане Любелские, православия греческого, шесть ихъ зъ братей, которые въ томъ року зъ-межи братства отъ всихъ згодне порядкомъ своимъ были за старшихъ обраными, яко ктиторы и подавцы церкви Преображеня Господня въ месте Любелскомъ, на Чвартку, на горѣ, при гостинцу Литовскомъ и Рускомъ стоячое, меновите: Леонтей Афанасовичъ, Стефанъ Железховский, Трохимъ Олешковичъ, Олекший Молмоцкий, Андрей Лукъяновичъ, Олекший Васковичъ, сами отъ себе и отъ всего братства, которыхъ имена въ реестре ихъ братскомъ суть написаны, покладали привилей короля его милости, нашого милостивого пана теперешнего, рускимъ писмомъ на паркгамине писаный и зъ завесистою печатью и съ подписомъ руки королевское, который то привилей есть братству церкве преречоное Любелское на часы вечные даный, ку розмноженю и розширеню въ ней хвалы Божое и ку примноженю оной вшелякихъ добръ, даючи имъ въ моцъ и посесию о пречеченой церкви и фундованю при ней братства духовного, звычаемъ иншихъ братствъ духовныхъ православия греческого, въ местахъ короля его милости находечихся, старане ведле найболшого преможеня своего чинити, такъже и на выхованье священниковъ богобойныхъ и всихъ слугъ або клериковъ церковныхъ. И положивши менованый привилей, просили суду, абы до книгъ справъ головныхъ трибуналскихъ былъ вписанъ; которого судъ, для вписованя приймуючи, читати его казалъ, и такъ ся слово отъ слова въ собе маетъ:—Жикгимонтъ Третий, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянтский, король дедичный Шведский. Ознаймуемы тымъ листомъ нашимъ всимъ

вобецъ и каждому зъособна, которымъ то ведати належитъ, нынешнимъ и на потомъ будучимъ. Покладали предъ нами месчане Любелские, подданые наши вѣры греческое, на имя Дмитръ Статвичичъ, Леонтей Афанасовичъ, Андрей Лукъяновичъ, сами отъ себе и отъ всего братства подавцовъ церкве Преображеня Господня Спаса нашего Исуса Христа зъ кгрунтами ее, стячое на горѣ, при гостинцу, въ Люблине, листъ на перкгамине писаный отъ велебного Михаила, митрополита Киевского, Ґалицкого и всея Руси, собе на братство духовное, по обычаю братства въ иныхъ церквахъ маючи наданое, яко о томъ ширей и достаточней въ томъ листе братства принятого пречечоныхъ месчанъ Любелскихъ описано и доложоно есть; и били намъ чоломъ тые то месчане подданые наши, абыхмо имъ таковое братство листомъ нашимъ потвердили и до книгъ канцлерие нашое листъ митрополий вписать казали, которого мы огледавши и читаного выслухавши, до книгъ канцлерии нашое и въ сесь листъ нашъ вписати-смо велели, и такъ се въ собе слово въ слово маетъ: Мы смиренный Михаилъ Рогоза, архиепископъ митрополитъ Киевский и Галицкий и всея Руси, будучи намъ на тотъ часъ на зезде нашомъ духовномъ, ведлугъ ухвалы и постановеня нашого, на день уреченный Рожества святого пророка и предтечи крестителя господня Иоанна, въ богоспасаемомъ граде места господарского Берестейского, при бытности ихъ милости честныхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и не мало священнического чину по имени ихъ, въ року теперешнемъ тисеча пятсотъ деветдесятъ четвертомъ, ознаймуемы и възвещаемъ всимъ благочестивымъ православия закону нашого святого греческого о томъ, ижъ молиша насъ свещенный ерей Сава Петровичъ, съслужитель церкве Преображеня Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, и при немъ благочестивые и христолюбивые гражане места господарского Любелского, сыны по духу послушные звирхности пастырства нашого, епархии епископии Холмъское, благословитися имъ отъ нашего смиреня приняти чинъ братства святого, святѣйшимъ патриархомъ Кир Іеремеемъ даного, по чину братства духовного Лвовского храму Успения святыя Богородицы, а Виленского — храму святыя живоначалныя Тройца, также и Берестейского — храму святого чюдотворца Христова Николая соборное церкве, и о семъ молиша насъ месчане релии закону святого греческого, жебысмо имъ, яко парафіа-

номъ церкве тамошнее Любелское светого Спаса Преображеня господня, мѣти позволили въ заведанье и опатренье ихъ тую церковь, зо всѣми кгрунтами и пожитками, той церкве Любелской належачими, на выхование священника ихъ, которые то братя, гдебы ся отъ когожъ колвекъ якие кривды въ добрахъ церковныхъ деяли, маютъ боронити и заступовати, водле правъ наданыхъ тои церкви и артикуловъ въ порядкахъ братскихъ описаныхъ, заховатися маютъ. Што мы архиепископъ, сполечне зъ ихъ милостю епископы, на тотъ часъ при мне будучими, а меновите: при бытности его милости отца Киръ Ипатея, епископа Володимерского и Берестейского, и его милости отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, и иныхъ архимандритовъ игуменовъ, въ небытности на тотъ часъ господина отца Дионисіа Збируйского, епископа Холмского и Белзского, нарадившися зо всимъ священнымъ соборомъ нашимъ и то добре усмотревши къ намъ пастыремъ своимъ моление ихъ зело честно и Богу угодно, месчанъ Любелскихъ при той церкви еже о Христе братство духовное мети, рядити, справовати и добрами церковными опекатися и отъ вшелякихъ кривдъ боронити, заступовати маютъ, по чину и устроенію братства вышеречоного, въ которой то церкви братству и всимъ порядкамъ ихъ нихто жадное переказы чянити не маетъ, такъ я самъ архиепископъ, яко и епископъ ихъ теперешний Холмъский и по немъ будучие наместники того престола и церкви, сиречъ епископи и протопопи и вси причетники церковные, вечными часы заховаючи, а благословение настоящого пастыра епископа Холмского, такъже на вси порядки духовные, церкви Божой потребные, благословляемъ и въ всемъ соединяемъ сему вышъменованому братству единочестно и единомыслено и правовѣрно жити, ведлугъ взаконенія светое апостолское кафолическое сиречь соборное церкве, матере нашее, седми соборы вселенскими утвержоное, ничимъ неотлучно и послушно, съ смиреномудриемъ, въ любви нелицемѣрной во вся вѣки строити, по обычаю речонного братства, о Господи всегда съ любовию и кротостию собирающеся, священниковъ же богоугодныхъ, честныхъ, православныхъ и достовѣрныхъ, некорчемныхъ, отколь же колвекъ бы трафити и збирати могли собе, при которомъ священнику и наука школная чадомъ своимъ мети, пришелцовъ убогихъ по чину школному приймовати, болницу, шпиталь убогихъ своихъ любезно и

праведно строити, церковное благолѣпие по силе своей честно украшати, зобранное наданное маетности отъ кого ж колвекъ боголюбца въ влагалищи своемъ и шпиталными братскими праведно справовати и рядити маютъ, въ напастехъ, въ бѣдахъ и въ недузехъ брати своей сановнымъ помогати и до гробу равночестно провожати нищихъ, по преставлении брати своей сиротами жъ и вдовами елико мощно пещися; а между братею своею кротостию и терпеніемъ нелицемѣрно праведно розсужати, аще ли жъ въ нѣкоей вещи недоумѣются, да испытаютъ о семъ испытнѣйшого розсуженя иншого братства вышъпомененого, и по увещанию правиломъ всѣмъ любовию смиряти. Аще ли жъ кто не будетъ жити зъ братствомъ въ единой мысли, но противно мысля творити будетъ соблазнъ межи братьею и не престанетъ ли, таковогo теды епископъ и пастырь епархии тамошнеи съ розсуженіемъ да отлучитъ отъ общаго братства къ целомудрию, а въ небытности епископа, ино намесникъ его зъ ихъ священикомъ братскимъ да изженутъ изъ церкве. И аще бы кто собе иного искалъ безчинного братства, къ уничиженію сему святому братству, таковые да не имѣютъ ни единыя власти въ всемъ строеніи церковного братства; ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ рече: „иже нѣстъ со Мною, на Мя есть, и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ“. Сего ради отъ нашего смиреніа и соборного сего собраня завещевается и въ светомъ Духу повелевается быти братству сему неразрушно и неподвижно въ вѣки, ниже отъ единаго по временемъ пришлыхъ по нихъ обрѣтаемого епископа, нижъ отъ князей, пановъ или священиковъ или мирскихъ, подъ запрещеніемъ непрощеннымъ и отлученемъ нерозрешенымъ отъ светое восточное кафолическое божое церкве светого православия нашого греческого. И аще кто явится разоряя сия, яко соблазнитель и разоритель и злотворецъ и диѧволу другъ, а врагъ Христу, да будетъ отлученъ отъ Отца и Сына и Святого Духа и проклятъ и по смерти не розрешенъ и да имѣетъ клятву 318 святыхъ отецъ иже въ Никеи и прочихъ святыхъ. Богъ же всякоя благодати той да совершитъ ихъ, да утвердитъ, да укрепитъ, сохраняя отъ всякого вреда. Сего ради и сие писание смирения нашого пастырского даемъ имъ, утвержаючи ихъ благочестно евангельски жити, отъ ныне и въ вѣчные роды. Писанъ въ богоспасаемомъ граде Берестейскомъ, въ лето отъ созданія мира семъ тисечей сто першого, а отъ воплощенія

Господа Бога и Спаса нашого Іисуса Христа изъ преблагословенное дѣвы Марии тисеча петсотъ деветдесетъ четвертого, месеца июня двадцать осмого дня.—Въ которого то листу паркгаминого вышей описаного печать митрополяя и подпись руки тыми словы: Михаилъ, митрополитъ Киевский и Галицкий и вся Руси рукою власною.—А такъ мы король, прозбе пречечоной, яко слушной, ласкаве ся прихиляючи, листъ братства мещанъ Любелскихъ вышей омененыхъ, если они его суть въ уживаню, тымъ нынешнимъ листомъ нашимъ потвержаемъ и во всѣхъ его артикулехъ, члонкахъ и кондицияхъ умоцняемъ и въ зуполной моцы тыле, иле право посполитое допустити можетъ, оный заховуемъ вечными часы; до которого то потверженя нашого, для болшое веры, рукою нашею королевскою подписавшися, и печать нашу коронную притиснути-смо казали. Писанъ у Варшаве, на сейме волномъ короннюмъ, року тисеча петсотъ деветдесетъ шестого, месеца априля двадцеть второго дня, а нанованя королевствъ нашихъ—Полского деветого, а Шведского третего. У того привилею его королевское милости печать коронная меньшое канцелярие привесистая, а подпись рукъ въ тые слова: Sigismundus Rex. Florian Oleszko, sekretarz i pisarz. Который то листъ привилей его королевское милости, на паркгамине писаный, за прозбою преречоныхъ особъ, тотъ привилей подаваючихъ, увесь съ початку ажъ до конца до книгъ справъ головныхъ трибуналскихъ воеводства Волынского есть уписанъ.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1603 года, справа 526.

LII.

Сознаніе вознаго о томъ, что мѣщане Кіевскіе отобрали у игумена Михайловскаго монастыря Софронія церковную серебряную утварь, пожертвованную княгиней Масальской. 1594 года, ноября 6.

Я Марекъ Барановский, енерал и возный земский, симъ вызнаваю, иж року тепер идучого тисеча пятсот деветдесять четвертого, месяца

ноября шостого дня, будучи мнѣ приданнымъ от пана Кгрикгера Мечковского, на тот часъ будучого на местъцу отъ его милости пана Яна Оксака, подвоеводего Киевского, на справы и потребы его милости отцу игумену Софронию и всей капитуле светого Арханъгела Михайла Золотоверхого и при отданю сребра церковного, надания небожчици княгини Масалской, мещаномъ Киевскимъ, то есть на йимя Семену Конашъкевичу, Андрею Смолязѣ бурмистру, Дашку Дынце радскому, то есть на первей: евангелие крыто оксамитомъ чорнымъ, сребромъ оправно, позлотисто на обудвух сторонах; другое евангелие крыто камкою рябою, оправное сребромъ по обудвух сторонах; третее евангелие крыто оксамитомъ чорнымъ, оправное сребромъ по обудвух сторонах, распятие Христово позлотистое; четвертое евангелие крыто отласомъ гвоздиковымъ, оправно сребромъ позлотистымъ по обудвухъ сторонахъ; келихи три срѣбрьных, мисокъ три срѣбрьных, звезды три срѣбрьных, лыжок три срѣбрьных,— один келих и миска и звезда и лыжка позлотиста, келихи два сребраных непозлотистых з мисками и з звездами и з ложками; крестъ сребраный с каменемъ и с перлами, а на немъ распятие Христово позлотистое. Тое усе надане церковное у отца Софрония, игумена Михайловского, и всей капитулы перед урадомъ кгродскимъ Киевскимъ Семенъ Конашкевичъ и мещане Киевские бурмистръ и радцы у цалости все побрали до рук своих, не ведаю за чиимъ росказанемъ, с церкви Божий побрали, што я енерал видел и слышал, то на квите моемъ (?) дал сесь мой квитъ отцу игумену Софронию и всей капитуле с подпечатью моею и с подписомъ власное руки. Месяца ноябра 6 дня, року 1594. Марек Барановский, енералъ, рука власная.

(На подлинномъ именная печатъ вознаго).

Подлинникъ въ собраніи Коммиссіи.

LIII.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ доставилъ Григорію Балабану напоминальный листъ отъ епископа Кирилла Терлецкаго съ требованіемъ, что бы Балабанъ оставилъ Жидичинскій монастырь или же поспѣшилъ къ Терлецкому для принятія церковнаго посвященія. Отвѣтъ Григорія Балабана. 1596 года, августа 5.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ шостого, месяца августа пятого дня.

На рочках кгродских Луцких, дня первого месяца августа, в року звышъ написаном припалыхъ и судовне отправованыхъ, передо мною Александромъ Семашкомъ на Хупкове, каштеляномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, постановившися очевисто возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Андрей Дубницкий, ку записаню до кницъ кгродскихъ Луцкихъ сознал тыми словы: иж дей року тепер идучого тисеча пятсот деветдесятъ шостого, месяца августа четъвертого дня, маючи я при собе двох шляхтичовъ людей добрых, пана Павла Лозицкого а пана Лукаша Кгрота, ездилъ есми з листомъ его милости в Бозе велебного отъца Кирила Терлецкого, ексархи, епископа Луцкого и Острозского, отвореныъ навпоминалнымъ, до йменя и манастыра Жидичина, до пана Григоря Болобана, яко до чоловека светъского, навпоминаючи его, абы он, яко чоловекъ светъский, в томъ манастыру, ему отъ его милости отъца владыки Лвовского подаломъ, посвеценья жадного на собе не маючи, не мешкалъ и тых добръ не уживалъ, але жебы посвеценье на себе порядкомъ звыклымъ отъ его милости отъца епископа Луцкого принялъ и о лепшомъ порядку въ семъ манастыру промышлялъ и старалсе, яко ширей тот листъ его милости отъца епископа Луцкого въ собе обмовляетъ. Которого-мъ то засталъ пана Болобана у монастыру, и тотъ листъ прочитавши перед нимъ, копею з него списавши, под печатю моею даломъ. Которую копею панъ Григорей Болобанъ отъ мене взявши, мне возному и той шляхте так поведилъ: иж хочь я тутъ в томъ манастыру, яко чоловекъ светъский и посвеценья жадного отъ старших на собе не маючи, мешъкаю, але

предсе не ку згоршеню фалы Божое; а владыце дей Луцкому по то ничого, абы мя с того упоминалъ.—Которое очевистое сознане возного до книгъ кгродскихъ Луцъскихъ есть уписано.

Книга гродская Луцкая 1596 года, № 2082, листъ 585 на оборотъ.

LIV.

Запись епископа Львовскаго Гедеона Балабана объ уступкѣ имъ монастыря Жидичинскаго своему племяннику Григорію (въ иночествѣ Гедеону) Балабану. 1596 года, августа 15.

Року 1596, месяца сенътебря 12 дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ, передо мною Костентиномъ Острозскимъ, воеводою Киевскимъ, маршалкомъ земли Волынское, старостою Володимерскимъ, постановившися очевисто в Бозе велебный его милость отецъ Гедионъ Болобанъ, епископъ Лвовский, Галицкий и Каменца-Подолского, архимандрытъ Жидичинский, ку записаню до книгъ созналъ, водлугъ листу запису своего, которого от себе далъ в Бозе велебному Гедионови Болобану, архимандриту Жидичинскому, сыновцу своему, спущаючи и уступаючи ему архимандрыцство Жидичинское зо всимъ на все, яко ширей в томъ листе его милости есть описано и доложено. Который листъ свой его милость отецъ епископъ Лвовский, передо мною на вряди положивши, просил; абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ; которого я перед собою читати казал, и так се в собе маетъ: Я Гедионъ Болобанъ, епископъ Лвовский, Галицкий, Каменецкий, архимандрит Жидичинский, ознаймую и чиню видомо, кому одно того потреба належати будет видати, на себе симъ моимъ листомъ, также и читаючи, у вшелякого суду и права слышачи: иж што есми милъ з Божое и милостивое ласки его королевское милости, славное памети короля его милости Стефана, манастыр светого Мыколы архимандрыцство Жидичинское, мни

за привилеемъ от его королевское милости на то данымъ; а потомъ я, будучи в старости литъ моихъ зошлыхъ и презъ великие мое трудности за дохоженемъ добръ того манастыра Жидичинского, которые то добра преречоные, за небожчика продка моего бывшого Ионы Красинского, отъ манастыря Жидинского тые добра в розных повитех поотрывано и погублено, а от церкви Божое отдалены, и теж в ынших розных местцах кгрунтовъ церковных не мало побрано и кривдъ починено туй церкви Божой, и притомъ тежъ иных трудностий старости моей немало на себе поносячи, для которых вышпомененых причинъ и трудностей моих тому я досыт не могучи спростати и досыт тому всему чинити,—а так я, усмотривши человека годного, богобойного и до стану духовного ся прихиляючого, сыновца моего Григоря Болобана, на местце мое ис тых вышей помененых причинъ певных усмотревши тую особу вышъменованую и в томъ залецивши уперед до короля его милости теперешнего пана нашого милостивого, хотечи я оному тотъ преречоный монастыр архимандрыцство Жидичинское, для тых трудностий помененых, спустити и право свое на него влити и ему с того уступити, о чомъ я кгды наперед ознайнивши его корол. милости пану нашему милостивому, за которымъ то моимъ ознайменемъ его корол. милост все подостатку вырозумевши добровольному тому моему спущенъю того манастыря Жидичинского, теды его корол. милость, з милостивое и щодробливое ласки своее господарское, консенсъ свой рачилъ выдати, позволяючи на тое спущенье того манастыря архимадрицтва Жидичинского сыновцови моему Григорию Болобану. За которымъ позволенъемъ и данъемъ отъ его королевское милости привилъя на спущенъе и поданъе того монастыря архимандрицства Жидичинского и ктому теж за листовнымъ до мене писанъемъ от архиепископа Михайла Рогозы, митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, абы-мъ на тотъ станъ духовный вышей преречоную особу в архимандрицтво поставилъ и совершилъ,—за которою яко даниною его королевское милости, так и за писанъемъ митрополимъ до мене, абымъ оного Григория Болобана посветивши, совершивши и поставивши в архимандриты, яко ж водле духовенства его менованъ есть Гедионъ, и на тотъ станъ вже есть поставленъ и посвечонъ. Которому то Гедиону Болобану тое архимандрыцтво Жидичинское симъ листомъ моимъ зараз пускаю, подаю и поступую

изо всемъ доживотя и титулу своего архимандрычего зрекаю тепер и на вси пришлые часы; волно будет менованому сыновцови моему тое архимандрицтво Жидичинское через которого колвек возного в посессию свою взяти и оного до живота своего зо всимъ на все, яко ся самъ в собе здавна в пожитках своих маетъ, держати и уживати. И на то есми дал сей мой листъ с моею печатю [епископскою и с подписомъ руки моее властное. А при томъ были и того добре сведоми их милость панъ Прокопъ Рашко, подкоморий Галицкий, панъ Янъ Высоцкий з Скуран и пан Михал Тесаровский, до которого сего листу моего, за уступною прозбою моею, руки подписати и печати свое приложити рачили. Писанъ в крылосе, року от нароженъя Христова тисеча пятсот деветдесят шостого, месяца августа пятогонадцеть дня. У того листу печатей чотыри и подписи рук особъ менованыхъ.—А так я тотъ листъ и очевистое сознане отца епископа Львовского до книгъ Володимерских записати казалъ.

Книга гродская Владимірская, 1596 г., № 950, л. 336.

LV.

Жалоба митрополита Михаила Рагозы на епископа Львовскаго Гедеона Болобана и его племянника Григорія объ удержаніи ими съ неизвѣстной цѣлью бланковыхъ листовъ съ подписью и печатью митрополита, порученыхъ имъ для веденія церковнаго дѣла. 1596 года, октября 16.

Року тисеча пятсот деветдесят шостого, месяца октебра шостогонадцат дня.

Присылал на врядъ кгродский, в замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Юря Кошиковского, буркграбего и наместъника подстароства Луцкого, въ Бозе велебный и освещенный его милость отец Михаил Рогоза, архиепископъ митрополитъ Киевский, Галицкий и всея Русии, служебника своего пана Саву Максимовича, оповедаючи и обтежливе жалуючи на велебного Гедиона Болобана, владыку Львов-

ского, и на пана Григоря Болобана, тыми словы: иж дей в року прошломъ, тисеча пятсот девятдесят пятом, будучи тые помененые особы отец владика Львовский и пан Григорей Болобан в Новогородку, там же его милость отецъ митрополит, пан мой, поверил и дал до рук их два мамрамы голых неписаных, под печатю своею и с подписом руки самого его милости отца митрополита, злецивши им в певных справахъ о братство Львовское становити, на што отецъ владыка Львовский на поверене тых мамрамов и обликгъ свой с печатью и с подписом руки своее его милости отцу митрополиту дал. А иж тые особы, владыка Львовский и пан Григорей Болобан, в той справе жадного доконченья не чинечи, а тые мамрамы его милости отца митрополита пана моего не вем для якое причины при собе задержали и его милости и за теперешнимъ писанемъ не вернули, хотечи снат собе што к воли на нихъ написать; и постерегаючи того, абы его милость отецъ митрополитъ якого небезпеченства за тыми мамрамами не мел, также абы до якое шкоды церкви Божой и его милости самому не приносило, протестацыю свою до книт през мене слугу своего вносит, хотечи о то на местцу своем мовити. И просил, абы то было принято и до книгъ записано. А такъ я тое оповедане его милости учиненое принявши, до книг кгродских Луцких записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1596 г., № 2104, л. 803.

LVI.

Жалоба пана Өедора Шимковича Шкленскаго о томъ, что епископъ Кириллъ Терлецкій, получивъ отъ него долгъ и не возвративъ бланка его долговой записи подъ предлогомъ, что онъ сгорѣлъ у него или былъ украденъ слугой, продалъ потомъ этотъ бланкъ пану Станиславу Кандыбѣ, который, написавъ на немъ произвольную сумму въ 2000 копъ гр. литовскихъ, представилъ его въ судъ ко взысканію. 1597 года, генваря 11.

Року тисеча пятсот деветдесят семого, месяца генвара оденнадцатого дня.

На роках земскихъ Луцких, от дня Трех Кролей, римского света, в року теперешнемъ деветдесят семом припалыхъ, при отвореню книг

земскихъ, перед нами Федоромъ Чапличомъ Шпановским судею, а Иваном Хренницким подсудком, врядниками судовыми земскими Луцкими, ставши обличне, урожоный пан Федор Шимкович Шкленский оповедалъ и обтяжливе жаловалъ на велебного в Бозе его милость отца Кирила Терлецкого, владыку Луцкого и Острозского, ексарху, о то, ижъ его милость панъ Шкленский дал был отцу владыце мамрам свой на сорок таляров и на три портукгалы, на котором мамраме не было ничого а ничого написано, уфаючи его милости отцу владыце; за которым обликгом его милость пан Шкленский досыть учинил и заплатил, нижли предсе его милость отец владыка того мамраму не отдал, поведаючи, иж ему згорел, албо, - поведает, же ему слуга укралъ; и квитовавши его милость пана Шкленского с тое сумы, а того ему мамраму не ворочаючи, продал его пану Станиславови Кандыбе, писарови кгродскому Володимерскому, за которым-то мамрамомъ панъ Кандыба, маючи васнь на его милость пана Шкленского, направивши ниякого приятеля своего, и написавши на том мамраме, презыскал на его милости пану Шкленском на трибунале в Новогородку, в року прошлом деветъдесятъ четвертомъ, в небытности самого пана Шкленского на тот часъ въ великомъ князстве Литовскомъ, суму пенезей две тисечи копъ литовских, и на отправу за тым листом фалшивымъ отославши вказ и листы отправчие, до именя его милости Кулбачина, лежачого в повете Лидскомъ, ездил, але увязаня не допусчоно; о которое спротивенство позвано было его милость пана Шкленского до суду головного трибуналского на термииъ Виленский, в року прошломъ деветъдесят пятомъ; нижели предсе его милость панъ Шкленский тому листу задалъ фалшъ, и што былъ позвал приятеля его милости пана Шкленского до суду головного трибуналского, того-то Андрѣя Петровича Радивоновского о тотъ фалшъ, нижли через выналязокъ и померкованье приятел зобополныхъ помяркованье о тые розницы за тот фалшъ межи их милостями дошло; за которым то проданем того мамраму от отца владыки, и за презысками за тым листом, так теж за потяганемъ и омешканемъ оных справъ его и преездъ в так далекий край, опустивши потребы свое великие, мает шкод его милость панъ Шкленский на чотыри тисечи копъ грошей литовскихъ, ни от кого иншого, толко од его милости отца владыки Луцкого, за проданем того мамраму пану

Кандыбе, просил, абы тое оповедане его до книгъ земских Луцких записано было, што мы суд записать есмо казали.

Книга земская Луцкая 1597 г., № 2085, л. 44.

LVII.

Листъ Сигизмунда III къ Александру Семашку, старостѣ Луцкому, объ отобраніи монастыря Жидичинскаго отъ Гедеона и Григорія Балабановъ, проклятыхъ на Брестскомъ соборѣ. 1596 г., декабря 24.

Року тисеча пять сотъ деветьдесять семого, мѣсяца мая перъвого дня.

Его милость вельможный панъ Алексанъдеръ Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, староста Луцкий, подалъ до актыкованья до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ листъ его королевское милости, до его милости писаный, абы его милость манастыръ Жидичинский, зо всимъ на все, отъ Григоря Болобана взялъ и до замку Луцкого привернулъ. Который то листъ его королевское милости так ся въ собе маеть: Жикгимонтъ Третій, Божю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянтский, Кготский, Вандалский, дедичьный король. Велможному Александру Семашку на Хупкове, кашталяну Браславскому, старосте нашому Луцкому, упрейме намъ милому, ласку нашу королевъскую. Упрейме и верне намъ милый! Ознаймуемъ верности вашой, ижъ што Григорей Болобанъ, за спущеньемъ одъ владыки Лвовъского, маючи, зъ ласки нашое господарское, манастыръ Жидичинский светого Николы, который отъ старшихъ духовныхъ своихъ, за частымъ напоминаньемъ ихъ, взять на себе посвеценья не хочетъ, але, светъскимъ будучи, колко лѣтъ въ томъ манастыру мешкаеть, за што велебный в Бозе отецъ Михайло Рагоза, архіепископъ митрополитъ Киевский, зъ епископами на соборе Берестейскомъ, року теперешнего тисеча пять сотъ деветьдесять шостого, будучи, водлугъ каноновъ своихъ осудивши его с того достоенства и того владыку

Лвовского, съ того стану ихъ зложили, и анатеме ихъ предавши, съ церкви Божое выкляли, о чомъ ширей то все на декрете ихъ описано и выображоно есть. И будучи у насъ господаря архиепископъ митрополитъ Киевъский, донесши то до ведомости нашое, жедалъ насъ, абысмы надъ права и привилее ихъ, отъ продка нашого светое памети Жикгимонта Августа имъ даного и отъ насъ потвержоного, ихъ заховали, а такихъ светскихъ и выклятыхъ на маетностяхъ церковныхъ не терпели и то отъ нихъ поотбирати велели. Которой прозбе помененого архиепископа митрополита Киевъского, старшого въ законе греческомъ, яко слушной, прихилившися а заховываючи права ихъ имъ вцале, верности вашой злецами, росказуемъ и конечне то мети хочемъ, абысь верность ваша добра преречоные, манастыръ Жидичинский зо всими къ нему приналежностями, яко вакуючие, отъ Григоря Болобана, яко отъ чоловека светского, взялъ и до замку нашого Луцкого привернулъ, и до иншое науки нашое в держанью своемъ то мелъ конечне. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя тисеча пять сотъ деветьдесятъ шостого, мѣсяца декабра двадцать четвертого дня. У того листу печать его королевское милости, а подпись руки короля его милости въ тые слова: Sigismundus rex. Который же то вышей менованый листъ его королевское милости слово въ слово до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая съ 1595 по 1597 годъ, № 2102, листъ 86.

LVIII.

Листъ Александра Семашка, старосты Луцкаго, Григорію Балабану съ приказаніемъ удалиться изъ монастыря Жидичинскаго. 1597 года, мая 15.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесять семого, мѣсяца мая пятогонадцать дня.

Его милость вельможный панъ Александеръ Семашко на Хупкове, каштелянъ Браславский, староста Луцкий, подалъ до актыкованья до

книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ листъ свой, которымъ листомъ пану Григорю Болобану рокъ и часъ румацыи на вывезене маетности его зъ манастыра Жидичинского зложилъ, который въ тые слова есть: Александеръ Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, староста Луцкий. Тобе Григорю Болобану ознаймую, ижъ его королевская милость, панъ нашъ милостивый, черезъ листъ свой королевъский, росказати мне, яко старшому своему Луцкому, рачилъ, абыхъ я манастыръ Жидичинъский, зо всими его приналежностями, отъ тебе, яко отъ чоловека свецкого, а до того же посполъ зъ владыкою Лвовскимъ, докретами велебного отца митрополита, старшого вашого, пресужоны, выклятый и анатеме преданы естесте,—яко вакуючие, взявши, до замку его королевское милости староству моему Луцкому привернулъ и до иншое науки его королевское милости въ заведанью своемъ мелъ и держалъ, яко о томъ листъ его королевское милости ширей светчитъ. А такъ я, съ повинности вряду своего, не скваплаючися въ томъ заразъ до взятья того манастыра Жидичинского, первей тебе, черезъ листъ мой и врядовне черезъ возного, о таковой воли и росказанъю короля его милости ознаймую и румацыю на выпроваженье маетности, если бы якую въ томъ манастыру Жидичинскомъ мелъ, дванадцать недель тобе покладаю, отъ поданья тобе того листу моего и данья зъ него копіи, о чомъ абысь ведаючи, зъ маетностью своею съ того манастыра Жидичинского вырумовалъ и выпровадилъся, непротивечися воли и росказаню его королевское милости ни въ чомъ. Писанъ у Луцку, року тисеча пять сотъ деветьдесять семого, месяца мая пятогонадцать дня. У того листу печать его милости пана старосты Луцкого, и подпись рукъ въ тые слова: Александро Семашко, кашталянъ Браславский, староста Луцкий, власною рукою. Сасинъ Русиновичъ Берестецкий, Луцкий кгродский писаръ. Который же то вышей писаный листъ слово въ слово до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая съ 1595 по 1597 г., № 2102, листъ 99.

LIX.

Просительный листъ митрополита Кіевскаго Михаила Рагозы, данный Ивану Билинскому на испрошеніе подаяній для выкупа изъ Татарскаго плѣна. Протестъ Ивана Чаплича-Шпановскаго противъ митрополита Михаила Рагозы объ укрывательствѣ бѣглаго слуги его. 1597 года, мая 17.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ семого, месеца июня тридцатого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любельского, на рокъ теперешний тисеча пятъсотъ деветъдесятъ семый обраными и высажоными, постановившися обличъне шляхетъный панъ Иванъ Билинъский, который въ року тисеча пятсотъ деветъдесятъ третемъ былъ отъ Татаръ пойманъ изъ сыномъ своимъ, тамже ув орде сына своего на окупе осадившы, въ панства его королевское милости о вспоможене до пановъ шляхты, обывателей короны Полское и великого князства Литовского и панствъ до нихъ належачихъ, пошолъ, абы могъ, способившися на той окупъ, на которомъ сына своего засадилъ, оного и себе самого окупить. И кгды ся ему трафило быть з розными листы, которие одержал отъ ихъ милости пановъ обывателей короны Полское и панствъ до нее належачихъ, у отца Михайла Рогозы, митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, просечи о вспоможене и ратунокъ на окупъ сына своего, тамъже дей его милость, панъ митрополитъ Киевский, будучи паномъ хрестиянъскимъ, не толъко мене на окупъ и сына моего вспомочи, але и листъ отъ себе причынный до розныхъ ихъ милостей короны Полское шляхты рыцерства дать рачылъ, который листъ передъ нами положивши, просилъ, абы былъ до книгъ головныхъ трибуналу Любельского уписанъ, которого мы достаточъне огледавшы и до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали, который такъ ся въ собе маетъ: Волею Божею Михалъ, архиепископъ митрополитъ Киевский, Галицкий и всея Росии. Всѣмъ вобецъ и каждому зъ особна, такъ духовнымъ, яко и светъскимъ, преложонымъ и инымъ которого колве стану и поволанья будучимъ, до которыхъ бы сесь листъ нашъ показанъ былъ, по одданью хути и поволностей своихъ въ ласку ва-

шихъ милостей, вѣдомо чыню и ознаймую, ижъ отдавца листу того на имя Иванъ Билинский, маючи отъ певныхъ и зацныхъ особъ листы сведочъные о томъ, ижъ, за допущенемъ Божымъ, былъ пойманый отъ Татаръ а потомъ и въ неволю Турецъкую запроданъ, где и сына своего еще въ неволи маетъ, просилъ тежъ и насъ, абыхмо таковое жъ сведецство за нимъ учинили. Теды мы, прихиляючися до вѣдомости помененыхъ особъ, которие о таковомъ припадку его высветчаютъ, просимо теды за нимъ пилно, абысте ваша милость, зъ милости хрестиянской, оного на окупъ сына зъ рукъ поганскихъ ратовати и подпомогаты рачили, вѣдаючи то, ижъ всѣ подъ припадкомъ естесмо; што Богъ всемогущий отъплатою стокротною за то вашимъ милостямъ будетъ, которихъ ся ласце повторе отдавамъ. Писанъ у Вилни, року Божого нароженья тисеча пятъсотъ деветдесятъ семого, месеца мая семогонадцать дня. У того листу печать митрополя и подпись рукъ въ тые слова: рукою власною.—А по вычитаню таковогo листу, велможный его милость панъ Иванъ Чапличъ-Шпановский, кашталянъ Киевский, депутатъ воеводства Волынского, седечи на судехъ нинешнихъ головныхъ трибуналу Любелского, будучи колекгою межи нами депутаты короны Полское и панствъ до нее належачихъ, оповедался въ тые слова: ижъ дей року прошлого тисеча пятсотъ деветьдесятъ пятого, служилъ у мене выростокъ именемъ Ермогенъ Полюховичъ, который, много зашкодивши и покрадши у слугъ моихъ маетность мою а мене израдивши, отъ мене прочъ утекъ, о чомъ процесъ права, противко нему учыненый, на уряде, ширей въ собе объмовляетъ. О которомъ то зрайцы моемъ помененомъ Ермогену взявши ведомость, ижъ служитъ у его милости пана митрополита Киевского, а такъ дей я, для выйсканя его самого и тое маетности, черезъ него ускоженое, слугу моего до Литвы до пана митрополита посылалъ. Якожъ слуга мой, за посланемъ моимъ, року прошлого тисеча пятьсотъ деветдесятъ шостого, панъ Федоръ Волынецъ былъ; нижли того Ермогена, зрайцу моего, скрылъ, и его при митрополите засталъ, и урядовне приручить, до скончeнья права и доштья справедливости, не могъ. Ведже, вѣдаючы, ижъ предъся тотъ Ермогенъ Полюховичъ, зрайца мой, отцу митрополиту служилъ и при немъ на тотъ часъ у дворе пана митрополита въ Новогородку былъ, пыталъ: еслибы при немъ тотъ Ермогенъ былъ? нижли панъ митрополитъ

оного зрайцу моего, ку великой шкоде и кривде моей, надъ слушность права посполитого, у себе въ дому своемъ затаилъ и переховалъ, и теперь того Ермогена, шкодци и зрайцы моего, писмо того листу митрополего, власное руки писане, подъ датою року теперешнего тисеча пятсотъ деветдесятъ семого, мѣсяца мая семогонадцать дня, у того шляхтича, который тотъ листъ тутъ до книгъ активовать далъ передъ судомъ нинешнимъ, вижу и такъ ся противъ пану митрополиту протестую, ижъ якомъ на тотъ часъ, кгдымъ до пана митрополита по того зрайцу моего посылалъ, которого онъ, надъ слушность права посполитого, при собе затаилъ и переховалъ; такъ и теперь, вже ведаючи отъ мене, ижъ есть шкодца и зрайца мой, у себе въ дому своемъ ку кривде и шкоде моей ховаетъ, надъ слушность права посполитого. О што съ паномъ митрополитомъ хотечи правне чинить, просилъ, абы тое оповедане его милости было до книгъ записано; што судъ головный трибуналский для памети до книгъ записать казалъ.

Книга Главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1597 года, справа 307.

LX.

Жалоба священника Воздвиженской церкви въ с. Щуровцахъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, Марка Захаревича Берестянича, на мѣщанъ Щуровицкихъ о томъ, что они, вопреки уговору съ нимъ при поступленіи его на ихъ приходъ, тайно пригласили къ своей церкви другаго священника и тѣмъ ввели его въ большіе убытки. 1597 года, мая 23.

Лѣта Божого нароженя 1597, месяца мая 23 дня.

Пришедши на вряд кгродский Кремянецкий, перед мене Ярмолу Подгаецкого, буркграбего замку Кремянецкого, будучого не местцу подстаростего Кремянецкого, Марко Захаревичь Берестяничь, священик Чеснохрестский Счуровецкий, жаловал и оповедал на мещане Щоровицкие на всю громаду о томъ: иж кгдым еще мешкалъ в Теслугове, оные мещане

Счуровицкие за прозбою ихъ взяли мя з местца певного и пожиточного на парафею церкви Щуровицкое и обецали ми ся от всих кривдь моих стороны церкви и парафеи Щуровицкое мене боронит. Ям ся имъ вымовлял, боячися якого подступку спромежку их; они ми прирекши слово и руки давши, смовили: „мы тобѣ в томъ, еслибы еси мел што шкодовати и накладати от нас которого-колвекъ стороны церкве и парафеи грош един, теды повинны будемъ тобѣ на твой грош еден десет грошей нагородей нагородити.“ И мене тым словомъ упевнивши и пляц пустый мнѣ придавши, будоватся казали и до акть записати казали. Я, за их упевненемъ, своимъ властнымъ коштомъ и накладомъ будоваломся, огородил садовины, счепы росплодил, привлащил, роспирилъ, слодовню окупилъ и там еще ведле слодовнѣ иншую свѣтлонку впоконью збудовал, и церков Божю коштовне приоздобилъ так образами, яко и звонои. Мешкал лѣт осмь, але з великою трудностью; а тоеи трудности ни от кого есми не подиял, тылко с тых же мещан: отступивши громады, два чоловики на ймя Панас Дацевичь а Дмитрь Крамар потаемне попа иншего были до церкве Щуровицкое поставили; который попъ, за причиною их и позволенемь насадившися на мене, весполон з ними неоднокрот позывали мя на розные местца до розных врядов, так духовных, яко и свецких: до Бузка, до Подтелиня, до Сокаля, до Холма, где и везене не пооднокротно терпѣлъ, и так мя до шкод великих приправили; на што и минуты з акть местьцких, и духовное владычнее право, и лист громадский вызнане маю. А тепер зась знову тых святъ прошлых тые ж два чоловеки Панас а Дмитрь, кром жадное причины, громади ся спротививши, иншого попа з Рыпнова потаемне привезши и вряд лантвойта запосуливши, черков Щуровицкую громадскую, до которое ничого не мели а ни накладали, кгвалтомъ отнявши, оному попу Репновскому через посулы отдали, а мене и тепер до шкод и утрат великих приправили, которых шкод и утратъ собе маю от них так много през тую осмъ лѣт тисячу золотых полских.—И просилъ, абы тое оповедане его до книгъ кгродских Кремянецких записано было, што я записати казалъ.

Извлечено изъ хранящихся въ собраніи Коммиссіи отрывковъ гродскихъ Кременецкихъ книгъ 1597 г., л. 85.

LXI.

Заявленіе о. Іоны Осташевича Гулялницкаго, игумена Уневскаго Пречистенскаго монастыря, о томъ что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, уступаетъ означенный монастырь ротмистру королевскому Григорію Гулялпицкому. 1597 года, іюня 24.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ семого, месяца июня двадцать четвертого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Стефаномъ Железовичемъ, подпискомъ кгродскимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, и у книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ, постановившися обличне отецъ Иона Осташевичъ Гулялницкий, игуменъ манастыра Уневского светое Пречистое, ку записованю до книгъ созналъ тыми словы: ижъ штомъ мелъ зъ ласки его королевское милости манастырь тотъ Уневский, зо всеми въ немъ владзами, именьи, пожитками и всими до того манастыра приналежностями, до живота моего, што ми было зъ ласки его королевское милости привилеемъ на папѣрѣ писанымъ, съ подписомъ его королевское милости и съ печатю коронною, умоцнено и утвержоно, што я маючи зъ ласки его королевское милости, былемъ килка летъ въ держаню того манастыра и въ уживаню всихъ пожитковъ до него приналежачихъ. А ижъ я, будучи чоловѣкомъ летнимъ и не могучи тому, а звлаща въ обходехъ церковныхъ, ведле повинности духовныхъ людей нашого закону светого Греческого, през старость свою, досытъ учинити, теды уступилъ есми и заразъ въ держанье и во владзу зо всимъ правомъ и тымъ привилеемъ, мне на то отъ его королевское милости данымъ, подалъ пану Григорю Гулялницкому, ротмистру его королевское милости, а самъ, яко чоловѣкъ лѣтний, ничого жаднихъ маетностей манастырскихъ а ни потребъ церковныхъ при собе не оставилъ. А такъ я тое очевистое сознане отца Ионы Гулялницкого до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1597 года, № 2083, листъ 457 на оборотъ.

LXII.

Судъ трибунала Люблинскаго надъ княземъ Флоріаномъ Гедройтемъ, грабившимъ, вмѣстѣ съ толпою козаковъ, имущество епископа Кирилла Терлецкаго. 1597 г., іюля 24.

Року тисеча пятъсотъ деветдесятъ семого, месеца июля двадцать четвертого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любелского, на рокъ теперешний деветдесятъ семый зо всихъ воеводствъ короны Полское обраными и высажоными, кгды ся приточила справа, за одосланьемъ на выволанье декретомъ суду кгродского Луцкого, на рочъкахъ кгродскихъ, въ року прошломъ деветъдесятъ шостомъ, месеца декабра четвертогонадцать дня сужоныхъ, учиненымъ, межи урожонымъ паномъ Ярошомъ Терлецкимъ, яко поводомъ, зъ одное, а княземъ Флорияномъ Кгедройтемъ позванымъ зъ другое стороны, выданымъ, о то, ижъ тотъ Флориянъ Кгедройтъ, будучи власнымъ руководанымъ слугою его милости отца епископа Луцкого, брата рожоного того повода, не учътивши его милости и маючи въ себе въ моцъ маетности его милости не мало, оное зъ рукъ своихъ не здавши, его милости не оповедивши, учинивши шкоду немалую, потаемне отъ того велебного отца епископа Луцкого отехалъ и, укрываючися часъ немалый, зобравши менованый Кгедройтъ собе ровныхъ въ справе злыхъ людей оршакъ немалый, наехалъ розбойнымъ обычаемъ въ ночи, въ первоспы, на имене и дворъ того велебного его милости отца епископа Луцкого Будорожъ; тамъ, повезавши челядь дворную, другихъ побивши, поранивши, шкоду великую, за пограбенемъ маетности власное его милости и служнее, учинилъ, и заразъ, уникаючи того зъ лотровствомъ козацкимъ, которое своволне скупившися въ панъствахъ его королевское милости, краевъ тутошнихъ людемъ народу шляхетъского небезпеченства и утиски великие, наежчаньемъ на домы, лупеньемъ маетности ихъ, чынили, скупилъ и стоваришился, и того имъ завжды помагаючи, не паметаючи на Пана Бога, на пристойность свою шляхетъскую, на срокгость права посполитого и овшемъ то все зневаживши, а своволи и злого непри-

стойного умыслу наполнившися, способивши собѣ зъ гултяйства козацкого товаришовъ своихъ, въ року прошломъ тисеча пятсотъ деветдесятъ шостомъ, месеца февраля четвертогонадцать дня, наехалъ въпередъ на именье и дворъ того повода пана Ярошa Терлецкого Дубую, где маетность его самого и его милости отъца епископа Луцъкого рухомая, часу отеханя его милости до Риму, спроважона была, коморы и скрыни его милости и того повода, пана Ярошa Терлецъкого, поотбивавши, полупивши, всю вылупилъ и забралъ; а потомъ заразъ на другое имене и дворъ тогожъ пана Ярошa Терлецкого Отавчицы кгвалтовне наехавши, урядника тамошнего, шляхтича учътивого, збивши, зранивши и всю челядь дворную роспрошивши и оныхъ повезавши, полупившы, также тамъ маетность его милости отца владыки и того повода рухомую немалую, коморы, скрыни полупавши, выбралъ и вылупалъ, яко розбойникъ и лупезца; и еще на томъ мало маючы, приехавши до мѣста Пинского, змовившися и спрактиковавшися зъ некоторыми тамъ особами, маетность его милости отца епископа Луцкого власную, злото, сребро, клейноты, шаты, уберы церковные, грошы готовые, листы, привиля, справы розные, мамрамы на долги немалыхъ сумъ пенезей, тамъ у Григоря Крупы, мещанина Пинъского, въ схованью будучие, зъ схованя поотбиявшы, скрыни вылупавшы, вылупалъ и побралъ, и одну тамъ въ мѣсте, а другую межы свое повинные роспрошилъ розбойнымъ и зрадецкимъ обычаемъ, а иную зъ собою, едучи до тогожъ лотровства козацкого, съ товаришами своими зобралъ и неведати где обернулъ, того велебного отца епископа Луцкого и тежъ помененого повода во вси маетности незбожне, нецнотливе, розбойне, съ помочъниками своими, злупившы, съ которыми онъ, илебы ихъ где вѣдати и досягнути могъ, целое право собе зоставилъ, а того помененого Кгедройтя, яко принцыпала того розбою и лупу, при вызнанью его хотечи правне поконати, о то его все до суду кгродского Луцкого, на рочки вышей помененые позывалъ, заховуючи его милости отцу епископу Луцъкому, о маетъность его милости, отъ того Кгедройта полупленую, волное право. На которыхъ рочъкахъ сторона поводовая, позву и року, за нимъ зложоного, слушне и правне, выписомъ съ книгъ, сознаньемъ возного, доведъшы, и того Кгедройтя по три дни, водле права и статуту, до права приволывалъ; нижли оный Кгедройтъ, вѣ-

даючы о позве и року, не сталъ; про то домовлялся поводъ, абы тотъ Кгедройтъ, яко розбойникъ, зрадца и лупезца, скараньемъ на горло всказанъ былъ, а ижъ не сталъ, абы на выволанье до суду головного трыбунальского былъ отосланъ. Въ которой справе судъ оный кгродский Луцкий бачилъ то, ижъ тотъ Флориянъ Кгедройтъ, будучы по три дни отъ зачатья рочьковъ приволайный, ку праву самъ а ни черезъ умоцованого своего не сталъ, вѣдомости судови о томъ не учынилъ и того учынъку, о которкй былъ позванъ, не справилъ: оного, яко непослушного права, поводови на упадъ здать у винахъ правныхъ, на таковыхъ своволниковъ описаныхъ, допустилъ, а въ далшомъ поступку вину караня на горло, за той его учинокъ розбойства и лупезства, сказалъ. А ижъ до права не сталъ, теды того Кгедройтя, яко осужоного на горле въ тыхъ его учинъкахъ, судъ оный кгродский на выволанье зо всѣхъ панствъ его королевское милости до суду нинешнего головного трибуналского декретомъ своимъ одослалъ, яко шырей той декретъ одосланья въ собе объмовя. На року теды нинешнемъ, за тымъ одосланемъ декретовымъ припаломъ, кгды тая справа зъ реестру судового припала, постановившися очевисто у суду нинешнего головного трибуналского сторона поводовая, урожоный панъ Ярошъ Терлецъкий, давшы сторону позваную, Флорияна Кгедройтя, черезъ возного енерала, опатръного Станислава Троянъка съ Кармановичъ, ку праву приволать, который возный по три дни сторону позваную по трикротъ до права приволывалъ; нижли позваный Флориянъ Кгедройтъ, а ни самъ черезъ себе, а ни презъ умоцованого своего, не сталъ и жадное вѣдомости о собѣ не учинилъ: про то домовлялся поводъ, абы декретъ кгродский Луцкий утвержонъ былъ, а на позваномъ вина выволаня и тежъ каранье на горле его сказано было. А такъ судъ нинешний головный трибуналский, бачачи то, ижъ позваный Флориянъ Кгедройтъ самъ не сталъ, судови нинешнему и стороне жадное вѣдомости о нестаню своемъ не далъ: про то, за нестаньемъ его, судъ нинешний декретъ кгродский Луцкий во всемъ утвержаетъ, а позваного на упадъ въ зыску поводови въздать допуща, а по отрыманю зыску, на горло всказуе и выволане вѣчъное наказуе, зъ волнымъ орештомъ тое контумацые до звыклое годины. А кгды вже было о године звыклой, теды ижъ позваный Кгедройтъ, будучи черезъ вышъ

помененого возного по трикроть до права привољыванъ, самъ не сталъ, вздания не арештовалъ, а поводъ панъ Терлецкий просилъ, яко и первей, абы позваный зданъ былъ; судъ нинешний головный трибуналский, за домовенемъ стороны поводовое а за нестанемъ стороны позваное, повторе на упадъ здать допустилъ, а въ далшомъ поступку, въ способъ зыску, на горло, яко розбойника, зрайдцу и лупезцу, вскazуе. А ижъ на екзекуцию самъ не сталъ: теды судъ нинешний, прихиляючися въ томъ до права посполитого, помененого Флорияна Кгедройтя, яко права непослушного, на вѣчъное выволане всказуе и оного съ панствъ его королевское милости, такъ короны Полское, яко и великого князства Литовского, и зо всѣхъ земль, до короны Полское и до великого князства Литовского належачихъ, выволаного быть найдуе и тымъ нинешнимъ декретомъ вскazуе, знайдуючы то, ижъ тотъ Флориянъ Кгедройтъ, яко розбойникъ, зрадца и лупезца, вшелякихъ правъ, волности, пророкгативъ шляхетскихъ зажывати не будетъ могъ а ни може. Якожъ судъ нинешний и возного заразомъ, шляхетного Станислава Троянъка, до публикованя того декрету, ижъ помененый Кгедройтъ зо всихъ панствъ выволанъ и вѣчнымъ банитомъ есть, придали есмо. Которому приданю судовому помененый возный досыть чинячи урядови своему, дня двадцать пятого месеца июля передъ судомъ нинешнимъ сознал, ижъ того Флорияна Кгедройтя тутъ у суду, въ замку и мѣсте Любелскомъ, при бытности много людей, обывателей коронъныхъ и Литовскихъ, оного вѣчъне съ короны Полское и великого князства Литовского и зо всѣхъ панствъ его королевское милости выволаного объволалъ, и тое выволане до вѣдомости людское привелъ и ознаймилъ. По которомъ сознаню возного, судъ нинешний головный трибуналский, всѣмъ вобецъ, и кождому зъ особна, и якого колвекъ достоеньства духовного и свецкого стану людемъ, въ короне Полской и великомъ князстве Литовскомъ, до ведомости приводечы, ознаймуемо, а звлаща судомъ, урядомъ кождымъ, земскимъ, кгродскимъ и местскимъ, и инымъ вшелякимъ, абы есте тое вѣчное выволане Флорияна Кгедройтя при брамахъ местскихъ замковыхъ, при ратушахъ, мѣстахъ и мѣстечъкахъ и всюды, карты казавшы поприбияти, и объволати возному казали, и того Кгедройтя, розбойника, зрадцу и лупезцу, за выволаного маючи, жадного сполко-

ваня а ни объцованя мѣти не важилися и не мѣли, въ домахъ своихъ не переховывали и не объцовали; также урядъ кгродский земский, местский и вшелякий иный, кому то належы, колибы где тотъ Кгедройтъ былъ пристигненъ, абы екзекуцию скутечъную а неотволочъную заразъ чинилъ и оного на горле каралъ, а за шкоды абы отъправу на вшелякихъ маетностяхъ его, лежачихъ и рухомыхъ, всѣхъ где колвекъ и въ когоколвекъ будучихъ, не выймуючи ничого, пану Терлецкому учинилъ, подъ винами, въ праве посполитомъ описаными. Што все для памети до книгъ головныхъ трибуналу Любелского справъ воеводства Волынъского есть записано.

Книга Главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1597 года, справа 867.

LXIII.

Жалоба п. Өедора Балабана о вооруженномъ нападенiи неизвѣстныхъ людей на Жидичинскiй монастырь и объ опасностяхъ, угрожающихъ жизни его брата Григорiя Балабана, укрывшагося на церкви монастырской. Просьба о посылкѣ въ монастырь вознаго. 1597 года, августа 21.

Року 1597, месяца августа 21 дня.

Передо мною Григоремъ Обухомъ Вощатинскимъ, наместникомъ подстароства Володимерского, постановившисе очевисто его милость Федоръ Болобанъ, самъ отъ себе и именемъ брата своего, его милости пана Григоря Болобана, оповедаючи и обтежливе жалуючи, ижъ дей року тисеча пять сотъ деветьдесять семого, месеца августа двадцатого дня, зъ середы на четвер, о пулночи, не маючи певное ведомости, хто бы то таковый былъ и речий ниже описаныхъ ся важилъ, што до легшого выведаня собе заховують, зъ немалымъ дей почтомъ людей, збройно, конно, съ пулгаками и сагайдаками и зъ иншимъ оружемъ, войне належачимъ, наехавши дей моцно, кгвалтомъ на манастыръ Жи-

дичинский, на домъ Жидичинский, на Жидичинъ, спокойного мешканя его милости пана Григория Болобана, брата моего рожоного, за певнымъ правомъ его, чоловика зупокойного и никому ничого невинного и правомъ непреконаного и правомъ посполитымъ убезпечного, а вломившися дей черезъ острогъ въ манастыръ, оступивши дей домъ, гдемъ покой свой панъ братъ мой и сховане милъ и тамъ дей на тотъ часъ спалъ, напередъ окрикъ учинивши, стрельбу густую кгвалтовную пустивши, двери дей въ синяхъ и окна въ избе выбивати и тамъ се дей до оного дому вламовати почали; а панъ братъ мой, зо сну порвавшися, не ведаючи, што бы то таковоrо было, тыломъ, черезъ двери сенные, з слугами своими тихо вымкнувьшися, на верхъ церкви мурованое заложеня светого Николы ушолъ и тамъ ся зачинилъ, съ которымъ до того часу Богъ ведаетъ што ся и зъ нимъ самымъ издееть, албо деяти будуть. И просилъ вышъ менованый панъ Федоръ Болобанъ о придане возныхъ на огледане того кгвалтовного наеханя на манастыръ Жидичинский, мешканя брата его милости, также и на застате тыхъ кгвалтовниковъ въ менованомъ манастыру. Ямъ того его милости придане на возныхъ давши, тое оповедане его милости до книгъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1597 года, № 951, листъ 565 на оборотъ.

LXIV.

Донесеніе возныхъ, присутствовавшихъ при отобраніи Жидичинскаго монастыря къ старосту Луцкому, о томъ, что члены капитулы этого монастыря безъ всякаго сопротивленія уступили Луцкимъ урядникамъ какъ самый монастырь, такъ и принадлежащія къ нему имѣнія, между тѣмъ какъ Григорій Балабанъ, скрывшись со своими слугами на церкви монастырской, отказывался сойти оттуда и стрѣлялъ на урядниковъ старосты, отбиравшихъ монастырь; заявленія братіи Жидичинскаго монастыря о дурной жизни Балабана и о грабежѣ имъ церковнаго имущества. 1597 года, августа 23.

Року тисяча пятъсотъ деветьдесятъ семого, месяца августа двадцатъ третего дня.

На вряде кгродскомъ, замку господарьского Луцкого, постановившися у книгъ кгродскихъ Луцкихъ, возные енералове воеводства Волынъского Григорей Вербъский и Станиславъ Яшевский ку записаню сознали тыми словы: ижъ маючи мы при собе чотырохъ шляхтичовъ: пана Ивана Белостоцкого, пана Яна Несвецкого, пана Федора Свищовского а пана Василя Викгуру, за посланъемъ насъ при ихъ милости пану Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростимъ, а пану Сасину Русиновичу Берестецкомъ, писару, врядникахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, а то отъ вельможного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, въ справе, што его королевъская милость, панъ нашъ милостивый, черезъ листъ свой королевъский росказати его милости пану Браславскому, яко старосте своему Луцкому, рачилъ, абы его милость манастыръ Жидичинский зо всими приналежностями отъ Григоръя Болобана, яко отъ чоловека свецъского который, будучи пересужонъ декретами велебного отца митрополита, старшого своего, и выклятый и анатеме преданый естъ, яко вакуючие взявши, до замку его королевъское милости въ заведанъю своемъ то держалъ, яко листъ его королевское милости ширей о томъ светчитъ; а такъ его милость панъ староста Луцкий, съ повинности уряду своего, не кваплячися заразъ до того взятя того манастыра Жидичинъского, перъвей сего черезъ листъ свой урядовне тому Григоръю Болобану о таковой воли и росказаню короля его милости ознаймилъ, ижъ

бы онъ, о томъ ведаючи, зъ маетностъю своею, которую если бы въ томъ манастыру мелъ, вырумовалъ и выпровадилъ, на што и румацыя слушная и правная отъ его милости ему черезъ листъ его милости и черезъ возного врядовне зложона была. А кгды оной румацыи рокъ вышолъ, теды его милость панъ староста Луцкий, чинечи воли и росказаню его королевъское милости досытъ, посылалъ урядъ свой кгродский Луцкий вышей помененыхъ и насъ возныхъ и шляхту вышей помененую, року теперешнего тисяча пятъсотъ девѣтьдесятъ семого, мѣсяца августа двадцать первого дня, давши до рукъ листъ короля его милости и росказавши, абы, ехавши до Жидичина, тотъ манастырь Жидичинский зо всими его приналежностями взявши, ку замку Луцкому привернули. Якожъ урядъ кгродский Луцкий, также мы возные и шляхта, того дня менованого, чинечи досытъ воли и росказанъю его королевское милости и посланю его милости пана старосты Луцъкого, кгды до манастыра Жидичинъского приехали, тамъ же капитула тамошняя, черньцы Мисайло и Иованъ, сами отъ себе и именемъ братъи своее, яко дедичи тыхъ добръ, тотъ манастыръ въ порученъю своемъ маючи, кгды панове врядовые о таковой воли и росказанъю его королевское милости ознаймили и листъ его королевъское милости передъ ними читали и копѣю зъ него дали, теды они заразъ, не противечися воли и росказанъю его королевъское милости, того въеханя и взятъя манастыра Жидичина не боронѣли и овшемъ доброволне уступили, ключи церковные урядови при насъ возныхъ отдали и церковъ сами отворили, аператы церковные, што троха тамъ было, списати допустили, што ихъ милость панове врядовые нами возными и шляхтою светъчили, же того манастыра нихто иный не боронилъ; а потомъ подданымъ Жидичинскимъ у громаду зыйти казали, которые кгды се зыйшли, теды волю и росказанъе его королевское милости имъ оповедили и черезъ насъ возныхъ и шляхту на короля его милости ку замку взяли. А кгды южъ по таковомъ поданю того манастыра было, теды менованые черньцы капитула ихъ милости паномъ урядовымъ то оповедили, же Григорей Болобанъ, будучи свецкимъ чоловикомъ, не маючи жадного посвеценя на собе, своволне и роспустъне у томъ манастыру мешкалъ, ку уближенъю фалы Божое и ку змазе того светого местца, и теперъ дей есть на церкви подъ банею: есть при немъ служалыхъ людей чоловека двад-

цатъ и стрельбы, живности тамъ полно отъ часу немалого зготовавъши, колъко дний, яко тамъ вшедшы на церковъ, седитъ и въходы по собе пооткидать казалъ, маючи тамъ у себе посторонковъ и болинъ не мало для спущенъя, а заказалъ подъ горломъ намъ, абысмы о немъ не поведали, поведаючи: же „кгды се убезпечать, теды помышълю о нихъ, хто тутъ приедетъ“; а аператы и скарбы церковные што налепъшие, съ церкви побравши и все зъ манастыра быдло и иное домовъство выграбивши, до брата своего пана Федора Болобана, до именя его Хорохорина, упровадилъ. За которымъ взятъемъ таковое ведомости, черезъ насъ возныхъ и шляхту помененую врядъ кгродский Луцкий кгды того Григоря Болобона упоминали, ознаймуючи ему о томъ, же южъ тотъ манастыръ естъ доброволне черезъ чернцы тутошние уступленъ и вже въ посесѣи врядовой, подле листу и росказанъя его королевское милости, ку замку Луцкому зосталъ, и тотъ листъ короля его милости голосомъ читали, припоминаючи ему и румацыю, которою былъ обнесенъ, абы зышолъ съ церкви,—тотъ Болобанъ зъ ыншими слугами своими, заразъ поукладавши гаковницы у дири, зъ верху съ церкви на урядъ и на насъ возныхъ и шляхту стреляти началъ, и своволне тамъ зоставъши на бани, зыйти не хотелъ, мовечи, же „я отъ отъца владики Львовского, яко архиманъдрыта тутошнего Жидичинского, стрыя моего, того манастыра бороню и отсель не зыйду, ажъ дей король его милость повторе о томъ писати буде: нехай дей панъ староста шлетъ до короля его милости“, и такъ за колка-кротънымъ упоминанемъ отъ пановъ урядовыхъ зыйти не хотелъ и упорне тамъ на церкви зосталъ; што панове урядовые нами возными и шляхтою вышей помененою осветъчили. А потомъ дня двадцать второго месяца августа, панове врядовые село Боголюбое, село Сапоговъ, село Рукини, село Нювфянъ, ку тому слугъ, бояръ того манастыра, меновите: Юря Гладкого, Василя Гуляницъкого, Остафъя Загорского, Каспра Витуского, Овчину и иныхъ бояръ, которые мешкаютъ на кгрунте того манастыра Жидичинъского, тымъ всѣмъ слугамъ, бояромъ и подданымъ тыхъ селъ оповедивъши волю и росказанъе его королевъское милости, ку замку Луцкому привернули и черезъ насъ возныхъ увезали, которые повинности звыклые ку замку его королевское милости заразъ чинити почали и въ послушенстве зостали. А потомъ дня двадцатъ тре-

тего августа, за росказанъемъ его милости пана старосты Луцкого, урядъ кгродский Луцкий и мы возные и шляхта дворъ, тутъ въ замку Луцкомъ околнемъ будучий, до того монастыра належачий, который праве опустошалый, опалый и пустый, до замку его кролевское милости Луцкого взяли есмо, што все, яко будованъе того манастыра, аператы церковные и церкви, такъ же и села къ тому манастыру належачие, урядъ списавши на инъвентаръ, съ подписомъ рукъ и съ печатьми насъ возныхъ и шляхты помененое, его милости пану старосте Луцкому отъдали. Которое очевистое сознане возныхъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть принято и записано.

Книга гродская Луцкая 1597 года, листъ 642 на оборотъ.

LXV.

Жалоба архимандрита Жидичинскаго монастыря Гедеона Балабана о томъ, что староста Луцкій Александръ Самашко и епископъ Кириллъ Терлецкій, вооруживъ многочисленный отрядъ изъ своихъ слугъ и пріятелей, наслали ихъ на Жидичинскій монастырь, при чемъ все имущество монастырское а равно и лично принадлежавшее жалобщику до конца было разграблено; самъ же Балабанъ спасся, лишь тѣмъ, что успѣлъ съ своими слугами и пріятелями скрыться на кровлѣ церковной, гдѣ и пробылъ въ плѣну около пяти сутокъ. Перечень ограбленнаго имущества въ Жидичинскомъ монастырѣ. Переговоры Балабана съ урядниками старосты Луцкаго о сдачѣ имъ монастыря, и проч. 1597 года, августа 28 дня.

Року 1597, месяца августа 28 дня.

Писалъ и присылалъ на врядъ кгродский Володимерский, до мене Григоря Обуха Вощатинского, наместника подстароства Володимерского, въ Бозе велебный Гедеонъ Болобанъ, архимандрытъ Жидичинский, посполъ съ крылошаны манастыра Жидичинского, протестуючисе и плачливе оповедаючи на вельможного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Брацлавского, старосту Луцкого, яко на принципала, и на помочниковъ его милости то есть: велебного отца Кирила Терлецкого, владыку Луцкого и Острогского, ексарху, на пана Щасного

Кгалезкого, подстаростего Луцкого, на пана Сасина Русиновича Берестецкого, писара кгродского Луцкого, урядниковъ кгродскихъ Луцкихъ, на его милость пана Миколая Семашка, старостича и ключника Луцкого, на пана Ивана Белостоцкого, на Япа Несвицкого, на Василя и на Марка Викгуру, на Ивана Олизоровского, на Василя, Федора, на Ивана Свищовскихъ, а на слугъ его милости пана старостиныхъ на пана Юря Кошиковского, буркграбего Луцкого, на пана Балцера Витовского, на Куца и на иншихъ слугъ его милости пана старостиныхъ, которыхъ его милость панъ староста лишпе знаетъ, имена и прозвиска имъ ведаетъ; такъ тежъ на слугу владыки Луцкого на Василя Коростеля, на Ивана Терлецкого, на Григория Кмиту, урядника Тереденского, на Василя Смоленского, на Мойсея попа Рожицкого и иныхъ многихъ слугъ, бояръ, подданыхъ, помочниковъ ихъ, имъ самымъ лепей знаемыхъ,—о томъ: иж въ року теперешнемъ, тисеча пятьсотъ деветьдесять семого, месяца августа двадцатого дня на двадцать первый день того месяца августа, изъ середы на четвергъ, могло быти о полночи, передъ тымъ колькось дней для того умыслне приехавши зъ ыншое маетности своее до замку Луцкого, староства своего, тамъ же порозумевшисе и способивши зъ многими помочниками и слугами своими, его милость панъ староста Луцкий, маючи умыслную змову и порозумене зо всими вышъ меноваными особами и помочниками своими, не дбаючи ничого на боязнь Божую и на зверхность его королевское милости, на срокгость права посполитого и на покой, который есть правомъ посполитымъ обварованый, такъ домы шляхетские, яко и сами шляхтичове, тогды ничого не огледаючися на тое все его милость панъ староста Луцкий, а носячи на собе, съ повинности своее старостинское, таковую повинность, же отъ кривдъ кождого укривжоного повиненъ будучи боронити, а вместо обороны, зобравши слугъ, бояръ, выбранцовъ гайдуковъ своихъ немало, о килька сотъ чоловека, съ тыми вышъ менованными помочниками, зъ оружми, войне належачими, зъ ручницами, съ пулгаками, зъ луками, зъ ощепами, наславши моцно, кгвалтомъ на тотъ часъ зъвышъ помененый, зъ середы на четвергъ, обычаемъ тиранскимъ у манастыръ Жидичинский, на покой мой, гдемъ я самъ, за певнымъ правомъ и привилеемъ, мне отъ его королевское милости на то данымъ, а одъ него не будучи правне, водлугъ статуту права по-

сполнтого, не толко одсужонымъ, але а ни позванымъ, спокойне при церкви перемешкивалъ,—мене самого на смерть забити и замордовати, маетность мою и манастырскую грабити и розобрати казалъ. Которые то вышъ менованные помочники, зо всимъ съ тымъ людомъ зобраннымъ его милости пана Брацлавского, чинечи досытъ роскazаню его милости пана Брацлавского, наехавши ночю, моцю, кгвалтомъ, зъ великимъ окрикомъ и густымъ стрелянемъ, въ манастыръ Жидичинский, на Жидичинъ, на домъ спокойное мешкане мое при церкви, на цвинтари, яко на чоловека спокойного, правомъ посполитымъ покоемъ обварованого и никому ничого невинного, безпечного, а проломивши въ килку месцахъ остругъ, моцно, кгвалтомъ, одбивши фуртки ув обоюхъ воротъ, впадши оступили думъ, гдемъ перемешкивалъ и схован е свое мелъ; тамъ на тотъ часъ, съ пулгаковъ напервей стрельбу густую и кгвалтовную учинивши, двери до сѣней, окна до избы выбивати и добыватися почали, што я, услышавши такое стреляне и добыване въ домъ, а не ведаючи, што бы ся то дѣять мѣло, на дворъ есми въ тылъ из кгостьми, которые при мни на тотъ часъ были и ночлигъ свой въ манастыри Жидичинскомъ мѣли, тихо-смы вышли, а то есть менoвите: панъ Янъ, войтъ Луцкий, панъ Матфий Лавриновский, панъ Павелъ Лепковский. Кгдымъ уже на цвинтари, зъ избы выпавши, былъ, тогды есми, немалое войско людей обачивши, на церковь головную мурованую заложене светого Миколы, где мисце спокойное и безпечное могло быть, уходиты-мъ почалъ; тамъ же они мене постерюгши або обачивши, одинъ на другого крикнувши великимъ голосомъ тыми словы: „онъ Болобанъ! Бий, забий!“ што я, то услышавши, рѣзвей на церковь уходити-мъ зъ кгостьми своими мусилъ; а у ономъ часѣ мене съ пулгаку въ левую ногу нижей колина пострелили, такъ тежъ Григоря Ступницкого, слугу моего, въ руку правую такъ же съ пулгаку пострелили, домъ и манастыръ Жидичинский, мешканя моего спокойного, и церковь светого Николы моцно, кгвалтомъ окрьвавили и надъ право посполитое зкгвалтили, за чимъ хвала Божая въ церкви Жидичинской, водлугъ обычаю церковного, отправоватися не можеть. А потомъ на церковъ, гдемъ я былъ ся зачинилъ, до мене штурмуючи, съ пулгаковъ стриляли, баню на церкви, бляхами побитую, и муръ побили, такъ и звоницу попсовали и пострѣляли; а потомъ сходу отъ церкви одкинули, церковь кругомъ облегли, мене пять день, почавши

одъ двадцать первого ажъ до двадцать пятого дня августа, на церкви съ тыми гостями шляхтичами и слугами моими везенемъ, голодомъ и вшелякими утисками и небезпеченствомъ трапили. А потомъ, выбивши и вырубавши двери до церкви, скарбы церковные, серебро, золото, книги, образы оправные, ризы, стихари, свѣчи великие, тое все кгвалтовне побрали, пограбили, сторожа церковного, на имя Гарасима Цигольниковича, въ руку правую надъ луктемъ ранили, а потомъ до вънокою моего, гдемъ сховане милъ, и до инших комуръ и спижарне двери повыбиявши и повырубавши, замки поодиравши, маетность мою всю от мала до велика вылупили, побрали и пограбили и где хотечи, водле воли и умыслу своего, поотвозили, а меновите: на вънокою моемъ маетности моей, то есть: шкатулу зъ готовыми грошами, въ которой было пятъ сотъ чирвоныхъ золотыхъ, монеты триста золотыхъ и двадцать, а скринку чирвоную малованую зъ листами, меновите: зъ декретами трибуналскими, земскими и кгродскими, зъ мембрамами на моцы, на долги на розные особы; книгъ отеческихъ, которыхъ милъ на вънокою моемъ мое власные а не церковные, то есть меновите: книга першая Василя Великого, Григрия Богослова, Иона Златоустого, Маркгаритъ, Апостолъ толковый, Евангелие учительное, правила апостолские и отеческие, бибдя друку Острозского, тастаментъ, служебникъ, серебромъ оправные, которыи мне коштовали сто и пятьнадцать золотыхъ полскихъ; лыжокъ серебныхъ тузинъ, купленыхъ за шестьдесятъ золотыхъ; шабля сребромъ съ туркучами оправная позолотистая, которая куплена за осмьдесять золотыхъ полскихъ; седло зъ рядомъ срѣбрьнымъ позлотистымъ козацкое, сагайдакъ зъ лукомъ, серебромъ оправные, за што все дано шестьдесять золотыхъ полскихъ; пулгаковъ десеть зъ острами и съ порохувницами, за шестьдесять золотыхъ купленые; панцировъ шесть за семьдесять золотыхъ полскихъ купленые; шатъ бурнатныхъ фалендышовыхъ пара, коштовали шестьдесять золотыхъ полскихъ; фунтро кунее за шестьдесять золотыхъ полскихъ купленое; делия зеленая фалендышовая, лисами подшитая, которая коштовала сорокъ золотыхъ полскихъ, жупанъ канавацовый, делея кгранатовая, дуплею подшита, которые коштовали пултораста золотыхъ полскихъ; шлыкъ мармурковый, за которого дано сорокъ золотыхъ полскихъ; делѣя шарая муравская, лисами подшита, и курта тогожъ сукна, которые коштовали тридцати

золотыхъ полскихъ; жупанъ мухояровый чорный и плащъ фалендышовый чорный, которыи коштують сорокъ золотыхъ полскихъ; жупан и чуга чорные фалендышовие и убране тогожъ сукна,—то все коштовало золотыхъ сорокъ полскихъ; седелъ десеть зъ волоками и зъ опанчами, то все за сорокъ золотыхъ полскихъ куплено; скуръ сафияновыхъ жолтыхъ три, за пятнадцать золотыхъ купленые; скура лосяя, за дванадцатъ золотыхъ купленая; тлумоковъ пять скураныхъ, за десеть золотыхъ купленые; уздъ и кантаровъ осмь, мунштуковъ три, — тое все коштовало осмь золотыхъ; скуръ чирвоныхъ на шесть коней, зъ уздами и зъ лѣцами, за петнадцать золотыхъ купленые; хусть билыхъ, кошуль полотна ткацкого, хустокъ едвабомъ шитыхъ, зе злотомъ и бѣлю, сервитьтоваленъ, ручниковъ простыхъ и ткацкихъ, обрусовъ простыхъ и ткацкихъ, простираделъ, наволочокъ,—тое все коштовало пултораста золотыхъ полскихъ; постѣль съ колдрою, которая коштовала семнадцать золотыхъ; коберцовъ осмь чирвоныхъ, а чтыри билыхъ, за которые дано пултораста золотыхъ полскихъ; мережа одна, неводовъ два, заячихъ сетей три, тетерячихъ двѣ, качинныхъ три, куропатвеныхъ чотыри, вагъ дви, ливъ осмь,—одны по семьдесять сажней, а другии по сту сажений; потаржий шесть, постронковъ пятьдесять, стрилковъ тридцать,—тое все коштовало двѣсти золотыхъ и тридцать золотыхъ полскихъ; желѣза, шинъ, гвоздя кгонтового, подковы конские, кухонныи вальки и обложины, от дверей ретязы, скобли, желѣза плуговые и иныхъ желѣзъ немало,—тое все коштовало двадцетъ золотыхъ; котелъ броварный, за пятнадцать золотыхъ, бань двѣ а котлувъ два горѣлочаныхъ, купленые за двадцать пять золотыхъ; котлувъ кухонныхъ шесть, панвей двѣ, рожновъ чтыри желизныхъ, келепъ двѣ, секачовъ два, друшлякъ одинъ, варешокъ желѣзныхъ двѣ,—тое все тридцать золотыхъ коштовало; цины, мидъ, пулмисковъ, приставокъ, фляшъ, шкатула за пятьдесять золотыхъ куплена. А въ спижарни взяли: муки пшеничнои мацъ пять, а ржанои мацъ пятнадцать, крупъ ячмѣньныхъ мацъ двѣ, грецаныхъ три, пшона мацъ двѣ, гороху мацъ чтыри, меду присного колодъ шесть, солоду пшеницкого марцового мацъ дванадцать, а житного и зъ ячменемъ солодовъ шесть; солонины полтовъ сорокъ, салъ тридцать, вялых осятровъ десять и рыбъ сухыхъ полтораста и иншихъ рыбъ немало; маку полмаци, сѣмена илълняного маца, а ко-

нопного дви маци, соли кадовъ бочекъ чтыри, пива пшеницкого у пивници бочокъ пять, меду пять бочокъ,—три росходного; пива бочокъ дванадцать, вина полъкуфовъ, горилки бочка,—которое то все коштовало семъ сотъ золотыхъ полскихъ. А зъ дворца быдла рогатого: воловъ шестьнадцать, купленые по десети золотыхъ полскихъ, коровъ двадцать и дви, купленые по пулъосма золотого, яловицъ петнадцать, купленые по пети золотыхъ, озимковъ петнадцать, подтилковъ двоенадцетеро,—тые всѣ озимки и подтулки коштовали золотыхъ тридцать пять; овецъ пятьдесятъ, баранувъ педнадцать, ягнятъ сорокъ,—то все куплено за шестьдесять золотыхъ. А въ дворци манастырскомъ: сыра купъ пятнадцать, масла катокъ пятнадцать, свинь пятьдесять, вепровъ кормныхъ десеть, курей осмьдесять, каплуновъ пятьдесять, гусей шестьдесять,—которое то все коштовало сто двадцать золотыхъ полскихъ. А въ стайни манастырской: кони почтовыхъ три—одинъ цескольский тисавый, который коштовалъ сто таляровъ, а другий карый, а третий гнедый, тые два кони коштовали сто золотыхъ полскихъ; возникъ чтыри плеснивыхъ, которые коштовали полтораста золотыхъ полскихъ; котчикъ, который коштовалъ золотыхъ пятнадцать. Въ манастыри въ трехъ домехъ скляные оболоны повыбияли и олово побрали, которыи коштовали золотыхъ тридцать; журавлювъ осмь выхованыхъ, заправленыхъ, съ пирми билыми, которыи собе шацуеть на осмьдесять золотыхъ полскихъ; въ пасече бчолы семьдесять на голову побрали и повыбияли, медъ побрали—шкоды на двѣсти золотыхъ полскихъ учинили; тамъ же въ писеци щепы грушовыхъ и яблуневыхъ добрыхъ о килька десять поломили, попсовали, а въ виногради все вино виламали, видоптали, овощы, груши, яблыка потрясли и попсовали,—шкоды у виногради и въ саду на двѣсти золотыхъ полскихъ учинили; коло, которое воду у сажавки шло, великимъ коштомъ было се збудовано,—тое коло зопсовали, у воду затопили; рыбы изъ сажавокъ одну зловили, а другую безъводя поморили,—шкоды зопсованемъ кола и выморенемъ рыбъ двѣсти золотыхъ собе шкоды шацуеть. Збожа съ поля: пшеницъ купъ полтораста, жита зъ гумна Боголюбского купъ пятьсотъ взяли, такъ тежъ одъ ставу Боголюбского купцовъ, которыи ставъ у мене закупили, оныхъ купцовъ одъ того ставу одстрашили, а въ томъ вода греблю прорвала и вся рыба избѣгла, и млынъ Боголюбский вода

зопсовала и въ нивечъ обернула—въ томъ всемь шкоды на пятьсотъ золотыхъ полскихъ учинили. И иншихъ речей всѣхъ домовыхъ не мало немснованныхъ, кгвалтовне тые всѣ вышъ менованые особы маетность мою всю, менованную и неменованную, которая часу права на реестри подана и словне ширей менованна будеть, то все при звышъменованномъ кгвалтовномъ найеханю на домъ спокойного мешканя моего, на манастырь Жидичинский, въ Жидичине, въ мене пограбивши, тые вышъ менованные помочники его милости пану Брацлавскому, старосте Луцкому, до рукъ оддали, а другую при собе зоставили и на розныхъ мѣстцахъ розвезли и розпровадили, мене до шкодъ на шесть тисечей золотыхъ полскихъ на сто и на деветьдесятъ золотыхъ приправили; кгорла мало не позбавляли, якожъ еще самь Господь Богъ ведаеть, што ся зо мною и зъ слугою моимъ Ступницкимъ отъ ранъ намъ однихъ заданыхъ дѣяти будеть. А по томъ усюмъ, тогожъ месяца августа двадцеть третего дня, пришедши подъ церковь въ суботу, зъ двима возными, Матысомъ Славогурскимъ а Андриемъ Дубницкимъ, панъ писаръ кгродский Луцкий росказалъ напередъ тымъ людомъ, которыи мене въколо церкви лежали и пилновали, абы, одступивши одъ церкви, въ домы покрились и поховали; а кгды ся поховали въ домы тыхъ людей и гайдуки, тогды до мене панъ писар мовити почалъ именемъ его милости пана старостинымъ, абымъ с церкви добровольне на дулъ зышолъ, мовечи, же тотъ манастырь Жидичинский его милость панъ староста на себе взялъ и нихто его не боренилъ; „а кгды не хочешь по доброй воли зыйти, панъ староста роскажеть зо дви бочки пороху подъ церковъ подкопати а васъ достати“. На што я пану писареви одповедилъ, ижемъ его не поступовалъ и не поступую, а моцно боронити буду и бороню, за правомъ своимъ, которое маю одъ короля его милости, пана моего милостивого, и поки ми права и справедливости светои ставати будеть, не поступлю; а ижемъ есть презъ кгвалтовныхъ, одъ пана старосты Луцкого и помочниковъ его, такъ и од васъ уряду его, кгвалтовне на церковь загнанъ и обляжонъ и везенемъ трапенъ, до часу своего мушу терпити и трвати, ажъ Господь Богъ всемогучий надо мною змилуется. А въ тотъ часъ панъ братъ мой, панъ Федуръ Болобанъ, засталъ мне зъ вознымъ, шляхтою, рокуючи съ паномъ писаромъ кгродскимъ Луцкимъ и при нимъ двохъ

возныхъ тыхъ Славогурского и Дубницкого, абымъ Жидичинъ поступилъ пану старосте Луцкому добровольне; а кгды мя панъ братъ обачилъ, жемъ есть на церкви обляжонъ и сходы вшитки од церкви однято, которыи на земли передъ церковью лежали, свѣтчилъ вознымъ Федоромъ Свиридовскимъ и шляхтою будучою и тамътыми возными Славогурскимъ и Дубницкимъ, жемъ есть въ облеженю и увезеню и того манастыра жемъ не поступовалъ и не поступую; и томъ оповилъ пану брату, вознымъ и шляхте, ижъ кгды пана брата панъ писарь постерегъ, же урядовне идеть мене заставати, для тои причины росказалъ людови и выбранцомъ въ домы закритися. И слышачи то одъ мене, панъ братъ хотилъ тотъ людъ въ домехъ закрытыхъ урядовне застати и осветчити. Панъ писарь кгродский Луцкий допустити не хотилъ, поведаючи, ижъ не маете тамъ што чинити. А такъ и тое панъ братъ мой освѣдчившисе вознымъ и шляхтою, зъ манастыра прочь поехалъ. А што ся дотычеть иншихъ кривдь и кгвалтувъ подданыхъ, невѣсть, и побране маетности ихъ, такъ зъ рузныхъ приселковъ Жидичинскихъ, збитя и саженя подданыхъ у везене, яко зъ Жидичина, о незволене ихъ, на сесь часъ протестоватисе достаточне о всюмъ не могу: кгды жемъ есть самъ въ небезпеченстви великомъ здоровя своего, яко одъ самого пана старосты и помочниковъ его, же зъ манастыра яко выйти, такъ выехати не могу, кгдыжъ одъ людей ведомость певную маю, же на мене засадъку у гаю Жидичинскомъ и шпеги завжды мають, и стерегуть, абы мя о горло приправили. О што все, такъ изъ его милостю паномъ Брацлавскимъ, яко съ принципаломъ, и зъ владыкою Луцкимъ и зо всими помочниками ихъ, такъ о кгвалтовное наехане ихъ, о постреленe, такъ тежъ и о везене, іоранене и о пограбенье маетностий моихъ, о кгвалчене и окрвавье церкви и манастыра Жидичинского, дому мешканя моего, и о вси шкоды и грабежи свое, слугъ и подданыхъ манастыра Жидичинского, за таковымъ кгвалтовнымъ наездомъ починеныхъ, правне чинити не занехаю, и кгды до ведомости всей зуполна прийду, и о спустошене всѣхъ имѣней и добрь церковныхъ собе справедъливости доводити буду. И просилъ мене слуга архимандрыта Жидичинъского, абы я тое оповеданъе до книгъ кгродъскихъ Володимерскихъ принялъ и записати казалъ, што есть записано.

Книга гродская Владимірская, 1597 г., № 951, л. 602 на оборотѣ.

LXVI.

Отвѣтъ короля на донесеніе старосты Луцкаго Александра Семашка объ отобраніи Жидичинскаго монастыря и о сопротивленіи Григорія Балабана. 1597 года, сентября 4.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ семого, месяца сентебра первогонадцатъ дня.

Его милость вельможный панъ Александеръ Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, староста Луцкий, подалъ до актыкованья до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ листъ его королевское милости, до его милости писаный, который так ся въ собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянтский и Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный король. Урожоному Александрови Семашку на Хупкове, кашталяну Браславскому, старосте нашому Луцкому, верне намъ милому, ласку нашу кролевскую. Верне намъ милый! Што верность твоя до насъ писалъ, ознаймуючи, же манастыръ Жидичинский, водле воли и росказаня нашого, отъ Григоря Болобана, яко отъ чоловека светского и выклятого, до замку нашого Луцкого привернулъ, теды то отъ верности твоее вдячне приймуемъ; а ижъ верность твоя ознаймуешъ, же тот Григорей Болобанъ, спротивяючися воли нашой господарской, утаившисе на церкви, упорне тамъ перемешкиваеть и зыйти не хочеть, и жедаешъ, абысмы верности твоей далшую науку о томъ дали, теды, ижъ онъ упорне зверхность нашу легце важить, росказуемы теды верности твоей, абы верность твоя противъ оному водлугъ права посполитого поступилъ, што учинишъ то верность твоя для ласки нашое кролевское и съ повинности вряду своего. Писанъ у Варшаве, року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ семого, месяца сентебра четвертого дня, а пнованья кролевствъ нашихъ Полского десятого, а Шведского четвертого року. У того листу его королевское милости печать коронная, а подпись рукъ въ тые слова: Sigismundus rex. Za-

char Jełowicky. Который же то листъ его королевское милости до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1595—1597 г. № 2102, л. 148 на оборотѣ.

LXVII.

Жалоба Юрія Кошиковскаго, урядника старостинскаго въ Жидичинскомъ монастырѣ, о томъ, что Григорій Балабанъ, собравъ при помощи своего брата Өедора и дяди, владыки Львовскаго, многочисленный отрядъ, неожиданно напалъ съ нимъ на Жидичинскій монастырь и овладѣлъ имъ вооруженною рукою, изгнавъ оттуда слугъ старосты. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ раненнаго при этомъ Мишка Шемейка, слуги старосты. 1597 года, сентября 9.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ семого, месяца сенътебра девя того дня.

На вряде кгродскомъ, в замку господарскому Луцкомъ, передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, и у книгъ кгродскихъ Луцких, ставши обличне, урожоный Юрий Кошиковский буркграбий замку его королевское милости, оповедалъ и жалосне ускаржалъ на Григоря Болобана тыми словы: ижъ тот помененый Григорей Болобанъ, будучи пресуженъ декретами духовных старших своихъ, и будучи светскимъ чоловекомъ, на маетности духовной Жидичине, не маючи жадного посвеценья на собе, свободне мешкал, за чимъ король его милость, за прозбою велебного в Бозе отца митрополита Киевского, Галицкого, архиепископа всея Руси, тые добра яко вакуючие, через листъ свой его милости велможному пану Алекъсанъдру на Хупкове, кашталяну Браславскому, старосте Луцкому, до замку его королевъское милости взяти росказати рачилъ; якожъ его милость панъ староста, презъ урядъ свой, возных и шляхту, тотъ манастыръ, зо всѣми селы и приналежностями, за поданьемъ доброволным пресвитера и черньцовъ яко капитулы тамошнее, уступилъ а мене его милость урядникомъ

тамъ зоставил и по увесь тот часъ у спокойномъ держанью ку замку его королевское милости тотъ монастырь Жыдычинъский былъ. То пакъ дей Григорей Болобанъ, змоцнившися и порузомѣвшися з братомъ своимъ, паномъ Өедоромъ, такъ же и з бывшимъ владыкою Лвовскимъ Гедиономъ Болобаны и зъ ынъшими помочъниками своими, которымъ онъ имена и назвиска ведаетъ, торгнувшися на звирхность его королевское милости, будучи выклятым, а власне яко выволаный, сее ночи прошлое, з дня осмого на девятый месяца сентебра, в ночи, з немалым оршакомъ людей збройных, такъ ездных, яко и пешихъ, з розмаитою бронью, гайдуками способленными, стрелцы и выбраницѣ Степанъскими пана воеводы Киевского, нападши моцно, кгвалтом на манастыр Жидичинский, тивона тамошнего, которогомъ былъ на местъцу моемъ зоставилъ, Лавриша с Красного, боярина короля его милости, и при немъ двохъ слугъ его милости пана Браславского, Лукаша Оранского и Мишка Шемейка у руку левую над локътим окрутъне ранили, тотъ манастыръ, мешкане спокойное, окрывавили и того тивона его милости и возного Григорья Лемешовского, которий тамъ при нихъ мешкал, от всего выгнали и тотъ манастыр опановали, легце собѣ важачи звирхность короля его милости и право посполитое. Яко жъ и возный помененый Григорий Лемешевский, становши передо мною, то жъ вызналъ; где жъ, за приданьемъ моимъ, тотъ же возный огледалъ того служебника его милости пана Браславского, который сознал передо мною, же виделъ рану окрутъне тятую, над локтемъ, у руки левое, у того слуги его милости пана Браславского.—Которое оповеданье, жалоба и сознанье возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть записано.

Книга гродская Луцкая 1597 г., № 2083, л. 695.

LXVIII.

Жалоба отъ имени епископа Кирилла Терлецкаго о наѣздѣ земянъ Костюшковичей-Хоболтовскихъ и Яковицкихъ на церковное имѣніе и замокъ въ Фалимичахъ, арестѣ тамошняго урядника и грабежѣ всего имущества, а также о вооружонномъ нападеніи изъ засады, въ дорогѣ, на самого Кирилла Терлецкаго, намѣреніи лишить его жизни и нанесеніи ему ранъ. Донесеніе вознаго и осмотръ ранъ на владыкѣ и на его слугахъ. 1597 года, сентября 24.

Року тисяча пятьсотъ деветьдесятъ семого, месеца сентебра двадцатъ четвертого дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, въ замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, въ Бозе велебный его милость отецъ Кирилъ Терлецкий, Божю милостю ексарха и епископъ Луцкий и Острозский, и крилошане капитула Луцкая церкви головное Луцкое светого Иоанна Богослова, служебника своего пана Александра Шишку, жалосне оповедаючи и ускаржаючися тыми словы: ижъ дей року теперешнего деветьдесятъ семого, месеца сентебра двадцатъ третего дня, земяне повѣту Володимерского панове Федоръ, Власный и Гневошъ Костюшковичы Хоболтовские, а панове Давыдъ и Янъ Яковицкие, которые то особы, пропомневшы боязни Божое и срокгости права посполитого, зобравши немалый почотъ людей, слугъ и помочниковъ своихъ, зъ рознымъ оружемъ, войне належачимъ, обычаемъ неприятеля коронного, наехали моцно, кгвалтомъ на имене его милости пана моего церковное, до епископии Луцкое належачое, на ело и замокъ Фалимицкий и на иншие села, къ тому замочку належачие. Тамъ же, добывшися до замочку Фалимицкого, врядника его милости отца владыки, пана моего, Фалимицкого Федора Красовского, шляхтича учтивого, оного невинне збили, зранили и покое, мешкане его милости, окрывавили, и ключи въ него одъ замочку и отъ всего схованя моцно однявши, и самого до везеня въ колоду всадили и оного черезъ день и черезъ ночь окрутнымъ везенемъ и мордованемъ трапили, а маетность всю, которая въ томъ замочку была, одъ мала до веля побрали, стрелбу, порохи вывезли и вси схованя и живности съ ко-

моръ выбрали и вылупили и то все до имени своего панове Костюшковичове до Хоболтова, до дворовъ своихъ вывезли и упровадили; которымъ кгвалтовнымъ наеханемъ и побранемъ тое маетности его милости пана моего и капитулу Луцкую тые вышъ помененые особы шкоды на шесть тисячей копъ грошей Литовскихъ учинили. А тотъ замочокъ и добра Фалимицкие якъ одны неприятелѣ на всемъ спустошыли и злупили и тую всю маетность зъ Фалимичъ водою, човнами, черезъ ставъ до Хоболтова въ домы свое, а другую возами на селце выпровадили. А маючи надъ его милостю шпекги, везде по дорогахъ, стараючися о здорове его милости, стерегли и заседки на его милость чинили, и кгды року теперешнего деветьдесять семого, месеца сентебра двадцать четвертого дня, его милость отецъ епископъ Луцъкий, едучи для пилныхъ справъ до его королевское милости до Варшавы, хотелъ вступити для отпочненя коней и собе до Фалимичъ, до маетности власное свое церковное, и кгды его милость, не ведаючи ни о чомъ, яко особа духовная, спокойная, не будучи ни кому ни въ чомъ не винный, спокойне до маетности свое Фалимицкое ехалъ просто до замочку, и кгды на гребълю Фалимицкую на половицу зъехалъ, тамъ-же тые звышъ помененые кгвалтовникы, умыслне чигаючи на здорове его милости пана моего, и хотечи оного позбавити горла, заседши дорогу доброволную, учинивши собе хацъ изъ соломы и зъ дерну, въ которомъ ся были покрыли, обаполъ коло гребли, подъ вербами, тамъ же тые вышъ помененые кгвалтовники панове Костюшковичове, панове Яковицкие и спомочники ихъ, припустивши его милость отца епископа на середъ гребли, а сами особами своими зъ многими помочниками своими неодповедне, непристойне, обычаемъ розбойнымъ, яко ся добрымъ не годить чинити, на его милость отца епископа Луцъкого, пана моего, и на насъ слугъ его милости, кгвалтовне выпадши, зъ ручницъ, зъ гаковницъ и зъ луковъ стреляли, тамъ же его милость отца епископа Луцкого, пана моего, на томъ местцу у ногу левую непристойне, неодповедне, постреляли и коня подъ его милостю возника застрелили, слугъ и его милость мало на смерть не позабияли и поранили, жесмы ледво, за помочю Божю, его милость за греблю назадъ кровю зошлого одътолъ спровадили. И кгды его милость, будучи постреленый и обелжоный, для опатреня здоровя своего, до подданого своего Тимоша былъ упроважонъ

и господою сталъ, тамъ-же тые вышъ помененые особы, знову нашедши на конецъ гребли и на домъ того подданого, на господу его милости, густо зъ гаковницъ и зъ ручницъ стреляли и тамъ-же мало его милости остатка здоровя не позбавили, же ажъ до другого подданого изъ остаткомъ здоровя его милости ледво есмо упровадили, и тому всему умыслу своему досытъ учинили и то все, што умыслили, зробили и одътолъ съ помочники своими прочъ розъехалися. И просилъ панъ Александеръ Шишка, служебникъ его милости отца епископа Луцкого, именемъ его милости и капитулы Луцкое, о придане возного на огледане ранъ, таковыхъ злыхъ кгвалтовныхъ знаковъ; я его милости отцу епископу Луцкому листовне придалъ возного енерала, шляхетного пана Анъдрея Дубницкого, который тамъ бывши и того всего огледавши и передо мною въ замку Луцкомъ очевисте дня двадцать семого месеца сентебря, року тисеча пять сотъ деветьдесятъ семого, на вряде ставши, ку записаню до книгъ кгродскихъ Луцкихъ созналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего деветь десятъ семого, месецея сентебра двадцать пятого дня, маючи я при собе шляхту, пана Павла Лозицъкого а пана Павла Кузминъского, былъ есми на справе и потребе его милости отъца епископа Луцкого, за приданемъ вашмости врядовымъ, во йменю Фалимичохъ; тамъже видиломъ у его милости отъца епископа Луцъкого, въ господе его милости у подданого Фалимицкого Тимоша лежачого, рану съ полгаку на нозе левой нижей голени постреленую, кривавую, видиломъ тежъ на его милости шубку куню удвое съ полгаку постреленую, убране на обе стороне на левой нозе куля навылетъ вырвала; видиломъ тежъ коня его милости, возника цудного, шерстью темногнедого, съ полгаку въ чоло постреленого, который живъ быть не може; а на слугахъ его милости, то есть: на пану Григорю Кмити виделомъ жупанъ съ полгаку на обе стороне прострелений и кафтанъ по конецъ бруха мало не наскрозь пробитый, же куля, одъ кафътана похопъ взявъши, ажъ кошули зарвавши, прочъ выпала; а на слузе его милости Ивану видиломъ рану съ полъгаку скелзомъ въ руку правую постъреленую; которое постъреленъе его милость отецъ епископъ Луцкий себе самого и слугъ своихъ менилъ быти одъ пановъ Костюшъковичовъ, одъ пановъ Яковицъкихъ и одъ инъшихъ зъ ними будучихъ, въ невинъности его милости, на доброво-

ной дорозе, заседъкою на гребли Фалимицкой, сталое; а потомъ я возный, съ тою вышъпомененою шляхтою, ходиломъ до замочъку Фалимицъкого, по выезде тыхъ помененыхъ особъ, и видиломъ подле гребли, подъ вербками, хащъ зъ дерну и зъ соломы не значне учиненый, въ которомъ тые особы были; а потомъ пришедши до замочку, видиломъ урядника Фалимицъкого пана Федора Красовского збитого, зраненого, у колоде въ везеню седячого, которого заразъ зъ везеня выпустилисьмы; на ономъ, за оказаньемъ его, видиломъ рану на голове зъ левое стороны тятую, кривавую, на шыи и по всихъ шатахъ криви велми много, а на хрыбъте раны синие битые, которое зранене свое менилъ быть сталое отъ особъ вышъ помененыхъ, за кгвалътовнымъ наеханьемъ на замочокъ Фалимицкий; и видиломъ тежъ въ коморахъ, въ светълицахъ замки поодбивано, зашчепъки поламано, и во въсемъ замочъку ничого нѣтъ—всю маетъность побърано, все пустъками учынено, и тамъ жадъное маетъности не нашъли есмо. И просилъ помененый служебъникъ его милости отца епископа Луцъкого и капитулы Луцъкое, панъ Алексанъдеръ Шышъка, абы то все было принято и записано. А такъ я тое оповеданъе служебника его милости отца владыки Луцъкого и возного помененого Анъдрея Дубъницъкого очевистое созънанье до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ записати есъми казалъ; што есть записано.

Книга гродская Луцкая, 1597 года, листъ 577—579.

LXIX.

Перечень находящихся въ гродскихъ Владимірскихъ книгахъ актовъ, касающихся до судебныхъ процессовъ епископа Луцкаго, Кирилла Терлецкаго, съ февраля 1586 г. по сентябрь 1597 года, составленный его слугой Александромъ Шишкой въ присутствіи вознаго Андрея Дубницкаго. 1597 года, сентября 27.

Року 1597, месяца сентебра 27 дня.

Передо мною Григоремъ Обухомъ Вощатинскимъ, наместъникомъ подстароства Володимерского, постановившисе очевисто на вряде в замъку

Володимерскомъ, возный енералъ воеводства Волынского, пан Андрей Дубницкий, ку записаню до книг сознал тыми словы: иж дей дня вчорашнего, месяца сентебра двадцат шестого дня, ревидовалом книги кгродские Володимерские из служебникомъ его милости в Бозе велебного отца Кирила Терлецкого, ексархи, епископа Луцкого и Острозского, паном Александромъ Шишкою, почавши от року осмъдесятъ шостого, аж до року теперешнего тисеча пят сот деветдесятъ семого и дня сегоднешнего месяца сентебра 27, шукаючи в тых книгах справ, еслибы ся якие нашли на именя церковныи, а тож на имене Фалимичи; а меновите шукали есмо того, если бы который возный реляцыи якои не учинил взятъя в держанье именя церковного Фалимичи арендою от пана Ивана Велятицкого; теды есми таковое реляцыи у тых книгах не нашли, и жадных записов на Фалимичи а ни поссесии не маешъ, толко певные справы его милости отца епископа Луцкого, которые ся точили за ведомостю урядовою и всѣхъ обывателей воеводства Волынского. Которые справы с книг выписавши на реестръ, до актыкованя до книг кгродских Володимерских подаю, который такъ ся в собе маетъ. Реестръ справ его милости в Бозе велебного отца Кирила Терлецкого, пископа Луцкого и Острозского, которые суть у книгах кгродских Володимерских, и которые я Александер Шишка из возным енералом, паном Андреемъ Дубницкимъ, реведуючи книги, познаходил, почавши от року тисеча пят сот осмъ десятъ шестого, ажъ до року теперешнего тисеча пят сот деветдесят семого, месяца сентебра двадцат семого дня, а то ест меновите: Року осмъдесятъ шостого, месяца февраля шестогонадцать дня, сознане возного въ справе его милости отца Кирила Терлецкого, владыки Луцкого, иж видел сѣно побраное и теж зловенье рыб на озери власномъ его милости на врочищу межи Березовцемъ а Липовцемъ и о збите слуг и подданыхъ его милости, што ся все стало от подданыхъ Житанских кнегини Чорторыское; того ж року месяца марца шестого дня, оповеданье священника Фалимицкого Савы на пана Федора Загоровъского о выбите из Василевъщизны у Володимери и о збите попа; тогож марца десятого дня, сознане возного в тое справе; тогож марца 11 дня подане именей Голешова, Островка и Колчина, през коморника короля его милости, отцу епископу Луцкому; месяца сентебра двадцат второго дня, жалоба Войтеха Рудницкого на

пана Яна Плисковского о взятье мыта; в року осмъдесят девятого, месяца мая шестогонадцать дня, сознане возного, огледанье ран у тивона Фалимицкого и подданых, которые ся им стали через врядника Земенского на кгрунте Фалимицкомъ под гаемъ; тогожъ року месяца июня 23 дня, положене позву панов рад коронных в селе Тернъках в жалобе отца Кирила Терлецкого и капитулы по пана Харлинъского; августа четвертогонадцать дня, оповеданье наместника владыки его милости Луцкого на князя Юря Чорторыйского о насланье кгвалътовное зъ Зѣмна на кгрунтъ Фалимицкий, побите, поранене подданых и побране збожя немало пожатого; месяца августа двадцать шестого дня, положене позву по князя Юря Чорторыского от его милости отца владыки Луцкого депутатского в тое справе о кгвалтовное наехане на кгрунтъ Фалимицкий, о побране збожя; месяца авъгуста двадцать семого дня, протестацыя пана Шклинского о кгвалтовное наехане на кгрунтъ Губинский и побране пшениц копъ сто и сорок; месяца октебра четвертогонадцать дня, протестацыя его милости на князя Юря Чорторыского о вырубане дерева овощового в гаи Фалимицкомъ через врядника его Земенского; месяца октебра семогонадцать дня, релящыя возного, огледанье гаю Фалимицкого в порубаню дерева овощового и выдранье двох свепет через врядника Земенъского; мѣсяца октебра двадцать девятого дня, претестацыя его милости владыки Луцкого на князя Чорторыского о наехане на кгрунтъ Фалимицкий, побите подданых и пограбене у них речей и заняте свиней; месяца ноября второгонадцать дня, протестацыя отца владыки Луцкого на князя Чорторыского о пограбене коней девяти в подданыхъ Сядмерскихъ и иныхъ речей. Року осмъдесятъ осмого, месяца генваря осмого дня, оповедане подданыхъ Земенских на подданыхъ Фалимицких о збите их; тогожъ року месяца марца девятогонадцать дня, оповедане врядника Фалимицкого Савы на княжати Черторыского и малжонку его милости о вырубане гаю; тогожъ року, месяца октебра девятогонадцать дня, сознане возного в той же справе; тогож року, месяца октебря двадцать девятого дня, оповеданье Герасима Вижовского на его милость отца епископа Луцкого. Тогожъ року осмдесятъ девятого, месяца марца двадцать третего дня, оповедане панее Федоровое Загоровское на пана Велятицкого о збите подданого Островецкого; того жъ року, месяца июля второго дня, опо-

ведане пана Григоря Киселя на его милость отца владыку Луцкого и Красовского о выкоченье подданыхъ Низкиницких; тогожъ июля семого дня, привилей всему духовенству на елекцыю даный; тогожъ июня двадцатого, листъ коморника его королевъское милости пана Рокицъкого, ижъ перед нимъ оповедано, же Василевая Борзобогатая ризницу зо всѣми привилями взела; тогож дня оповедане его милости о згинене мишка из сегнетомъ; августа двадцать четвертого дня, оповедане священника Рожищъского именем его милости отца владыки Луцкого на пана Федора Загоровъского о наехане кгвалтовное на Рожища, о збите мещанъ; тогожъ месяца двадцать осмого, сознанье возного в той же справе; месяца октебра девятогонадъцать, оповедане Лозицкого, врядника Фалимицкого, о вырубане гаю Фалимицкого от пана Федора Загоровъского; декабра двадцат семого, оповедане врядника Фалимицкого на пана Костентина Колпытовского о наеханье на Сядмарки. Року девятъдесятого, оповеданье его милости на пана Яцка Марковского о поймане и в везене сажане подданого его милости Колодезского и о грабеж; того ж року, мая десятого дня, ревидоване справ от священника Фалимицкого зъ его милостью отцемъ епископомъ Луцкимъ; тогож мая двадцать шестого дня, сознане возного в справе его милости, якъ панъ Опралек староство Луцкое пану Семашку подавалъ, которому оповѣдено двор епископий в замку Луцкомъ и дѣло; октебра первого дня, запись княжати Коширского на Мѣзов, его милости отцу епископу Луцкому даный; октебра четвертого дня, протестацыя на Броневского о взяте неслушне кгвалтомъ Фалимичъ. Року девятьдесятъ первого, июля десятого дня, положене позвов по пана старосту Луцкого и по писара от его милости отца епископа Луцкого; тогожъ року девятьдесять первого месяца сентебра пятогонадцать дня, сознанье возного в справе отца владыки Луцкого с паномъ Броневскимъ; ноябра двадцать осмого дня, подане именя Фалимичъ отцу владыце Луцкому и капитуле Луцкое за декретомъ кгродскимъ Володимерскимъ. Року деветдесятъ второго, мая осмого дня, оповедане слугъ отца владыки Луцкого на Костюшковича; мая первогонадцать дня, оповедане Власного Костюшковича на его милость отца владыку Луцкого; тогожъ дня, оповедане на Броневского; тогожъ дня, оповедане пана подстаростего Володимерского на слуг отца владыки Луцкого, декретъ с паном старостою Луцкимъ; тогожъ дня,

оповедане Висковского на отца владыку Луцкого; месяца мая шестогонадцать дня, сознане возного в справе его милости отца владыки Луцкого с Костюшковичами; месяца мая двадцать осмого дня справа с Кгижовским; месяца июня двадцать второго декретъ съ Костюшковичомъ; месяца июня двадцать второго, декретъ з Висковскимъ; тогожъ дня, оповеданье Угриновского на его милость; месяца июня пятого дня, оповедане на Чорторыского о вырубанье гаю. Року 93, марца девятогонадцать, оповедане его милости на пана Наврятинского; тогож року, июня двадцать шестого, оповедане врядника Фалимицкого на Федора Костюшковича о выбитье з кгрунъту; июля третего дня, оповедане Костюшковичов на его милость якобы о выбите з кгрунъту; в том же року справы с князем Коширъским о Мѣзов и о Ворокумль, и теж з Кгижовским о збите его, декрета, оповедания, возных сознаня в той же справе. Року деветьдесятъ четвертомъ, месяца генвара двадцать шостого дня, положене позву по владыку Луцкого от пана Петра Кгижовского; месяца генваря тридцать первого дня, декретъ пана Кгижовского с паномъ владыкою Луцкимъ; февраля двадцать первого дня, оповедане пана Липского на пана владыку Луцкого; в том же року, оповеданье Циминского на его милость о Полажку; тогожъ року, протестацыя его милости на Циминского о потвар; месяца марца четвертогонадцать, сознане возного в справе его милости отца владыки Луцкого с паном Шимковичомъ Шкленъскимъ; месяца марца четвертогонадцать дня, декретъ Тиминского с паном владыкою Луцкимъ о потвар. Року деветъдесять пятого, протестацыя владыки Лвовского на его милость отца владыку Луцкого о мамрамы. Року деветдесятъ шестого месяца октебра двадцать третего дня, протестацыя на сеноде Берестейскомъ учиненая; тогожъ року декабря семогонадцать, выпись с книг трибуналских о сенодъ Берестейский; августа девятогонадцать, положене позву у Фалимичох по его милость от Кгуйского о грабежъ подданыхъ Угриновскихъ. Року деветдесятъ семого, априля пятого дня, положене позву от пана Пузовского по его милост отца владыку Луцкого; априля четвертогонадцать дня, положене позву от пана Кгуйского; месяца мая тридцать первого дня, положене позвув трибуналских по подстаростего Любелского от пана владыки Луцкого; месяца августа двадцать осмого дня, оповедане Гедиона Болобана, архиманд-

рита Жидичинского, па пана старосту Луцкого и его милость отца владыку Луцкого.—А по уписаню того реестру пан Александер Шишка свѣтчил мною вознымъ, иж над тое жадных справ у книгах кгродских Володимерскихъ не нашолъ, жадныхъ записовъ а ни реляцый поданья арендъ пану Ивану Велятицкому Фалимичъ, а ни жадной особе инших именей, и то все мною возныиъ освѣтчилъ, ижъ у книгах того не машъ, толко яко ся вышъ поменило; при которомъ подаванью и сознаню тое термины, подписокъ кгродский Володимерский мною тежъ возныиъ светчилъ, же ся ничого нового до книгъ не внесетъ, чого в книгахъ нѣтъ; але за то не ручу, жебы се в чомъ не помылили, шукаючи в книгахъ, або жебы не толко карты, але и цилое секстерни не минули, кгдыжъ на помылце сила належитъ; и то все до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ есть записано.

Книга гродская Владимірская 1597 года, № 951, л. 645 на оборотѣ.

LXX.

Жалоба архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана о наѣздѣ слугъ и пріятелей старосты Луцкаго Александра Семашка и епископа Кирилла Терлецкаго на Жидичинскій монастырь, разграбленіи имущества монастырскаго и проч. Показаніе вознаго о переговорахъ, веденныхъ имъ, а также урядниками старосты, съ сидѣвшимъ на церкви Балабаномъ о добровольномъ уступленіи монастыря. 1597 года, октября 3.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ семого, месяца октебра третего дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, отъ свята римского светого Михала въ року теперешнемъ зъвышъ менованымъ припалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, передъ нами, то есть Федоромъ Чапличомъ Шпаковскимъ судьею, а Иваномъ Хренницкимъ подсудкомъ, врядники судовыми земскими повету Луцького, постановившисе очевисто у суду въ Бозе велебный Гедионъ Болобанъ, архимандрытъ Жиди-

чинъский, посполъ съ крылошаны манастыра Жидичинского, протестуючисе и плачливе оповедаючи на вельможьного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосту Луцкого, яко на принцыпала, и помочниковъ его милости, то есть: велебного отца Кирила Терлецкого, владыку Луцкого и Острозского, ексарху, на пана Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, на пана Сасина Русиновича Берестецкого, писара кгродского Луцкого, урядниковъ кгродскихъ Луцкихъ, на пана Миколая Семашка, старостича и ключника Луцкого, на пана Ивана Бѣлостоцкого, на Яна Несвѣцкого, на Василя Викгуру, на Ивана Олизаровского, на Василя, Федора а Ивана Свищовскихъ, и на слугъ его милости пана старостиныхъ, на пана Юрья Кошековского, буркграбего Луцкого, на пана Балцера Витоского, на Куца и на иншихъ слугъ его милости пана старостиныхъ, которыхъ его милость панъ староста лѣпѣй знаетъ, имена и прezвиска имъ ведаетъ, также на слугъ его милости владыки Луцкого, на Василя Коростеля, на Ивана Терлецкого, на Григоря Кмиту, урядника Теременского, на Василя Смоленского, на Мойсея попа Рожисцкого, и иныхъ многихъ слугъ, бояръ, подданныхъ, помоцниковъ ихъ, имъ самимъ лепѣй знаемыхъ, о томъ . . . *(Далѣе слѣдуетъ буквальное повторенiе жалобы Балабана, приведенной выше, въ актѣ подъ № LXV до словъ: „маетность мою всю отъ мала до велика вылупили и побрали и пограбили, кгде хотечи, водлугъ воли и умыслу своего поодвозили“).* Што верификуючи, ставилъ до суду нинешного возного воеводства Волынского, шляхетного Матыса Славокгурского, который передъ нами въ тые слова созналъ: Я Матысъ Славокгурский, возный енеральный, вызнаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперешнемъ деветьдесять семомъ, месяца августа двадцать первого дня, за росказанемъ и посланемъ отъ его милости пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, маючи я при собе другого возного Андрѣя Дубницкого енерала, ездили есмо до манастыря Жидичинского для одобраня того манастыра Жидичина отъ его милости отца Гедеона Болобана, архимандрита Жидичинского, которого есми на церкви Жидичинской застали, а людей гайдуковъ не мало есмо около церкви видели. Тамъ же кгды есмо до отца архимандрита, за росказанемъ его милости пана старостинымъ, до него мовили, абы

увязыване у Жидычинъ и во всѣ имени намъ поступилъ, а потомъ есмо и копию зъ листу его королевское милости переписаную и печатми нашими возновскими припечатаную его милости есмо подали, которую копѣю его милость отецъ архимандрытъ уцтиве одъ насъ принявши, до себе взяти казалъ, а потомъ зъ великимъ жалемъ оповедалъ намъ и осведчилъ тыми словы: ижъ дей „видите, панове возные, же ми ся стало кгвалтъ и безправе великое сеи ночы отъ его милости пана старосты Луцкого и одъ помощниковъ его, отъ отца Кирила Терлецкого и иншихъ, о которыхъ то помощникахъ его милость панъ староста Луцкий лепѣй знаетъ, имена и прозвиска имъ ведаетъ, не заховуючися ведле права и росказанья его королевское милости, которое, естьли маетъ, абы чинилъ явне, такъ яко того есть звычай ведле права, але учинившы умысльную умову зъ отъцемъ владыкою Луцкимъ, наславши моцно, кгвалтомъ, ночнымъ обычаемъ немало людей ѣздныхъ и пѣшихъ, съ пулъгаками и зъ рознымъ оружемъ, войне належачимъ, въ монастырь Жидычинский, на спокойное мешкане мое духовное, мене забити и замордовати росказалъ и тые имени манастырь Жидычинский и иные хитро, непристойне, през штуки, потаемне взятъ былъ хотелъ; о полночи сей ночы, уломившися моцно, кгвалтомъ у монастырь Жидычинский съ трохъ сторонъ, зъ великимъ окрикомъ и зъ густымъ стрелянемъ, до въпокою моего, на цвинтари, дверѣ, окна повыбивали и мене троха самого не забили, въ ногу левую нижей колѣна съ полгаку мене пострелили, заледве есми на церковъ тутъ передъ ними утекъ; которые то всѣ люде церковъ кругомъ облегли, дверѣ до церкви выломили, скарбы церковные: золото, серебро и всѣ иные церковные маетъности, такъ тежъ и мои маетности, съ коморъ серебро, золото, шаты, мѣдь, цынъ, конѣ, быдло, зъ гумна збожа, съ спижарнѣ вшелякие маетности, ночнымъ обычаемъ побрано, полупено и ввесь монастырь изнищоно". То намъ оповедившы, нами тое все освѣдчилъ и просилъ насъ, абыхмо то при памети мѣли и часу потребы его до книгъ на писме сознане наше тое оповедане его учинили. Што я возный, за осветьченемъ отца архимандричиимъ, видѣлъ есми у домехъ на цвинтару дверѣ и окна повыбияно и въ спижарни повыламавше, оболоны у светлицъ побитые и знаки кгвалтовне починеные. А потомъ усюмъ, отправуючи насъ отецъ архимандритъ, пречитавши оную копѣю, которую есмо его милости подали, намъ тыми словы

отказалъ: „зрозумѣлъ дей есми тую копию зъ листу его королевское милости, ижъ его королевская милость, маючи ведомость таковую отъ его милости пана старосты Луцкого, который то его милость панъ староста, маючи на мене васнь зъ давныхъ часовъ о застя кгрунтовъ церковныхъ, мене умысльне его королевской милости невинне оскарьжилъ и то до ведомости его королевское милости донесъ, яко быхъ я светцкимъ чоловекомъ а не духовнымъ быти мѣлъ, якобы то вакуючые добра были; што дей я вамъ, панове возные, то поведаю, ижъ то добра Жидичинские не вакуючые, але я ихъ за правомъ своимъ, отъ его королевское милости мне данымъ, яко особа духовная, держу и архимандрытомъ есми естъ; съ тыхъ причинъ, якъ вамъ, такъ никому иншому, увязованя жадного не поступилъ и не поступую и моцно бороню“. Съ тымъ есмо отъ его милости отца архимандрыта и зъ манастыря одышли. И скоро есмо одно зъ воротъ манастырскихъ вышли, тамъ же есмо пана Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, и пана Сасина Русиновича Берестецкого, писара кгродского Луцкого, поткали есмо, которые то менованые особы знову насъ изъ собою назадъ у манастыръ Жидичинский верьнули, и зъ собою ити казали; и кгды есмо знову подъ церковь Жидычинскую светого отца Николы мурованую съ паномъ подстаростимъ и съ паномъ писаромъ прийшли и на отца архимандрита закликали, который ся ихъ милостямъ отозвалъ, которого то знову отца архимандрыта упоминали тыми словы: ижъ дей есть на то воля его королевское милости и росказане пану старосте Луцкому, абы тотъ манастыръ отъ вашей милости взятъ былъ и до замъку его королевское милости Луцкого привернутъ, а такъ абысь ваша милость съ церкви зышолъ, воли короля его милости не противилъ и въ вязованя въ тые добра манастырские его милости пану старосте поступилъ. А его милость отецъ архимандрытъ ихъ милостямъ отповѣдилъ: ижь дей я зрозумилъ съ копий листу его королевское милости, ижь мене невинне передъ его королевскою милостью оскаржоно, и тотъ манастыръ ваковнымъ быть поведано, который то манастырь Жидичинский не есть ваковный, але я его за правомъ своимъ, отъ его королевское милости мне даннымъ, держу и оного, водлугъ привилею своего, заживаю, и въвязываня жодного тутъ никому, якъ есми не поступилъ, и не поступаю и моцно бороню, и рачте ся ваша милость зо мною не кгвалтомъ, але ведле

права обьходити, а мене до его королевское милости, яко право васъ научило, одослати, а тые люде, которые тутъ у манастыру сстъ, которыхъ панъ староста въ ночи наслалъ, а ваша милость зъ ними пришли, отъсюля и зъ манастыря Жидичинского тыхъ зведѣте и сами прочъ отъсюлъ пойдите, мнѣ кгвалту и безправя большей не чините!“ Што все нами возными отецъ архимандритъ и повторе тотъ кгвалтъ и безправе, которое отъ его милости пана старосты быти менилъ, нами освѣтчилъ. Которое то очевистое сознане возного до книгъ справъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ записати казалъ; што есть записано.

Книга земская Луцкая, 1597 г., № 2085, л. 187.

LXXI.

Донесеніе возныхъ, свидѣтельствовавшихъ слѣды раззореній и грабежей въ монастырѣ Жидичинскомъ, учиненныхъ во время наѣзда слугами и пріятелями старосты и владыки Луцкихъ. 1597 года, октября 3.

Року тисеча пять сотъ деветьдесять семого, месяца октября третого дня.

На рочкахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, отъ дня светого Михала, свята римского, въ року теперешънемъ вышъ менованомъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Федоромъ Чапличомъ Шпановскимъ судьею, а Иваномъ Хренницъкимъ подсудъкомъ, урядниками судовыми земскими повѣту Луцкого, постановившисе обличне у суду земского господаръского, возные енералные шляхетные, то есть Янъ Валевский а Лавринъ Чорнолезский, ку записованю до книгъ земскихъ Луцкихъ сознали устъне тыми словы: ижъ въ року тисеча пять сотъ деветьдесять семого, месяца августа двадцать семого дня, будучи намъ приданымъ зъ уряду кгродского Володимерского на справу и потребу въ Бозе велебного Гедиона Болобана, архимандрита Жидичинского, также и крилошанъ тогожъ манастыря Жидичинского, то есть на огледане кгвалтовного наеханя и найстя на манастыръ Жидичинский отъ его милости вельможного Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты

Луцкого, яко принципала, и помочниковъ его милости, то есть велебного отца Кирила Терлецкого, владыки Луцкого и Острозского, ексархи пана Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, пана Сасина Русиновича Берестецкого, писара кгродского Луцкого, урядниковъ кгродскихъ Луцкихъ, его милости пана Миколая Семашка, старостича и ключника Луцкого, пана Ивана Белостоцкого, Яна Несведского, Василя и Марка Викгуръ, Ивана Олезаровского, Василя, Федора а Ивана Свищовскихъ, а слугъ его милости пана старостиныхъ—пана Юрья Кошиковского, буркграбего Луцкого, пана Балцера Ритовского, Куца и иншихъ слугъ его милости пана старостиныхъ, которыхъ его милость панъ староста лѣпи ихъ знаеть, имена и прозвиска имъ ведаетъ, такъ тежь слугъ владыки Луцкого—Василя Коростеля, Ивана Терлецкого, Грегоря Кмиту, урядника Теременского, Василя Смоленского, Мойсея попа Рожицкого и иныхъ многихъ слугъ, бояръ, подданныхъ, помочниковъ ихъ, имъ самымъ лепей знаемыхъ, и такъ передъ нами возными оповедали и оказовали намъ: ижъ въ року теперешнемъ, тисеча пять сотъ деветьдесятъ семомъ, месяца августа, зъ середы на четвергъ, могло быти о пулъночи, передъ тымъ колкось дней для того умыслне приехавши зъ ыншое маетности своее до замку Луцкого, староства своего, тамъ же порозумевшися и способивши зъ многими помочниками и слугами своими, его милость панъ староста Луцкий, маючи умыслную змову и порозумене изо всими вышъ меноваными особами и помочниками своими, не дбаючи ничого на боязнь Божую и на зверхность его королевское милости, на срокгость права посполитого и на покой, который есть правомъ посполитымъ обварованъ, такъ домы шляхетские, яко и сами шляхтичове, тогды ничого не огледаючися на тое все его милость панъ староста Луцкий, а носячи на собе с повинности своее старостинское таковую повиность, же отъ кривды кождого укрывженого повиненъ будучи боронити, а вместо обороны, зобравши слугъ, бояръ, выбранцовъ, гайдуковъ своихъ немало, о килька сотъ чоловековъ, з тыми вышъменоваными помочниками, зъ оружъемъ войне належачой, зъ ручницами, съ пулгаками зъ луками, зъ ощепами, наславши моцно, кгвалтомъ, обычаемъ тиранскимъ, ночю, на тотъ часъ зъвышъ помененый изъ середы на четвергъ, въ манастырь Жидычинский на покой мой, гдемъ я самъ, за певнымъ правомъ и привилъемъ, мне отъ его королевское милости на то данымъ,

и одъ него не будучи правне, водлугъ статуту права посполитого, не толко отсужонымъ, а ни позванымъ, спокойне при церкви перемешкивалъ, мене самого на смерть забити и замордовати, маетность мою и манастырскую грабити и розобрати казалъ. Которые то вышъменованые помочники, зовсимъ съ тымъ людомъ, зобранымъ и его милости пана Браславского, чинечи досытъ росказаню его милости пана Браславского, наехавши ночью, моцно, кгвалтомъ, зъ великимъ окрыкомъ и зъ густымъ стрелянемъ въ манастыръ Жидычинский, на Жидычинъ, на домъ спокойное мешкане мое при церкви, на цвинтари, яко на чоловека спокойного, правомъ посполитымъ и покоемъ обвароваyого и никому ничого невинного, безпечного, а проломывши въ кильку местьцахъ острогъ, моцно, кгвалтомъ отбивши фортки ув обоюхъ воротъ, въпадши оступили домъ, гдемъ перемешкивалъ и схование свое мелъ. Тамъ на тотъ часъ, съ пулгаковъ найпервей стрелбу густую и кгвалтомъ учинивши, двери до сѣней, окна до избы выбивати и добыватися почали, што я услышавши такое стреляне и добыване въ домъ, а не ведаючи, што бы се то деяти мело, на дворъ есми въ тылъ и зъ гостьми, которые на тотъ часъ при мне были и ночлегъ свой въ манастыре Жидычинскомъ мели, тихосмы вышли, а то естъ меновите: панъ Янъ войтъ Луцкий, панъ Матфей Лавриновский, панъ Павелъ Ленковский, и кгдымъ уже на цвинтари, зъ избы выпавши, на церковъ головную мурованую заложеня светого Миколы, где местце спокойное и безпечное могло быти, уходитимъ почалъ, тамъ же они, мене постерегши або обачивши, одинъ на другого крикнувши великимъ голосомъ тыми словы: „онъ дей Балабанъ! бий, забий!“ што я то услышавши, рѣзвей на церковъ уходити зъ гостьми своими муселемъ; а въ онымъ часе мене съ пулгаку въ левую ногу нижей колена пострелили, такъ тежъ Григоря Ступницкого, слугу моего, въ руку правую такъ же съ пулгаку пострелили, домъ и манастыръ Жидычинский мешканя моего спокойного и церковъ светого Николы моцно, кгвалтомъ окрывавили и надъ право посполитое зкгвалтили, зачимъ фала божая въ церкви Жыдичинской, водлугъ обычаю церковного, отправоватисе не можетъ. А потомъ на церковъ, гдемъ я былъ се зачинилъ, до мене штурмуючы, съ полгаковъ стреляли, баню на церкви бляхами побитую и муръ побили, такъ и звонницу попсовали и постреляли, а потомъ всходъ от церкви откинули, церковъ кругомъ об-

легли, мене пять день, почавши отъ двадцатъ первого ажъ до двадцать пятого дня августа, на церкви съ тыми гостьми шляхтичами и слугами моими везенемъ, голодомъ и вшелякими утисками и небезпеченствомъ трапили. А потомъ, выбивши и вырубавши двери до церкви, скарбы церковные, серебро, золото, книги, образы оправные, ризы, стихарѣ, свичи великие и малые—тое все кгвалтовне побрали, пограбили; сторожа церковного на имя Гарасима Цегельниковича въ руку правую надъ луктемъ ранили. А потомъ до въпокою моего, гдемъ схованe свое мѣлъ, и до инших коморъ и спижаренъ двери повыбиявши и повырубавши, замки поотдиравши, маетность мою всю отъ мала до велика вылупили и побрали и пограбили и где хотечи, водле воли и умыслу своего подвозили. При томъ оповеданю и оказаню намъ вознымъ и шляхте при насъ будучой, видили есмо у велебного отца Гедиона Болобана, архимандрыта Жидычинского, рану великую кривавую, поперекъ лытки на левой нозе, нижей колѣна, съ полгаку пострелену, также и у слуги его Григоря Ступницкого видили есмо на правой руци на верхъ долони рану великую кривавую, съ полгаку постреленную, такъ же видили есмо у сторожа манастырского церковного, на имя Гарасима Цегельниковича, на руце правой надъ локтемъ рану крывавую глубокую, штыхомъ пробытую; которые то раны оказавши намъ, менили собе передъ возными за тымъ наездомъ кгвалтовне на манастыръ Жидычинский отъ пана старосты Луцкого и помочниковъ его милости быти собе менить сталые. А за оповеданемъ такъ же и оказанемъ архимандричимъ и крылошанъ, видели есмо: напередъ въ церкви мурованой головной заложеня светого Николы двери церковные, на полудень стоячие, порубаные и выбытые, зависы поламаные, за которымъ вырубанемъ и выламанемъ тыхъ дверей церковныхъ скарбы дей церковные повыбирано, то естъ меновите: золото, серебро, образы чтыри, которыи въ серебро съ каменемъ оправные, хрестъ серебъный позлотистый съ каменми дорогими, великий, на локоть; книги оправленые серебромъ и книги не оправленые: напрестольные евангелий чотыри фуньдуши, евангелие серебромъ усе оправное позолотистое, другое евангелие адамашкомъ чирвонымъ прикрытое, и распятие, на рогахъ евангелисты, зъ серебромъ оправные, усе позолотистое; третее евангелие оксамитомъ чорнымъ прикрытое, четвертое тимцемъ крытое; служебниковъ шесть: одинъ серебный аксамитъ чорвоный и

перлами осажоный, а тые пять тимцами крытые; уставъ одинъ, апостоловъ два, офтоевъ два, трефлоювъ два, миней дванадцать, триодъ посная а другая цветная, псалтыръ две, прелоговъ два, евангелие учительное одно, соборникъ оденъ, книга златостроя, книга Златоустъ, книга Василя Великого, книга Никовъ (Номоканонъ?), правила светыхъ отецъ, часословъ два, ермолоювъ два, свѣчи великие поставные и свѣчи малые,—то все вылупили и выбрали. Такъже есмо за оказанемъ видели домъ великий, на цвинтару стоячий, который прозываютъ трапеза, и противъ того дому светлица, и съ тое светлицы комната, въ которой то светлицы и комнате покой архимандричий былъ, и видели есмо въ томъ двери якъ сѣнъные, такъ и трапезные и светличные, комнатные, побито, пощепано, завѣсы, замки нутрные тое усе пооддирано, столы, лавы, якъ у свѣтлицы, такъ у комнате, порубано, потолчоно, попсованыхъ речей немало. попсовано; въ томъ же дому у светлицахъ и комнате виделисмо оконъ скляныхъ семъ повыбияныхъ, потовчоныхъ и в нивопшто оберненыхъ, одно скло лежитъ по земли потовчоное всюды; такъ же и печи въ тыхъ домахъ, одну малованую, а другую поливаную, потовклые и в нивопшто оберненые. И при томъ оповедалъ намъ, ижъ маетность мою усю, которая была при мне въ томъ покою моемъ, побрано отъ мала до велика: золото, зеребро, пенязи, листы, записы, шаты, коберци, хусты белые, книги, цыну, миди и иншихъ немало речей рухомыхъ—все вылуплено и выбрано. Съ тыхъ домовъ видели есмо за оказанъемъ думъ другий, на подрубе стоячи, въ которомъ дому такъ же двери, окна шкляные, столы, лавы и печи потовчели и поп:овали и посѣкли и в нивопшто обернули, скобли, ретязи, защепки поотдирано. На томъ же доми оказивано намъ на верьхъ, где сховане было, то естъ: солонину у пултяхъ, сала, кумпѣ, сыра, масла, рыбы, скуры яловичие и баранѣе, прадива и иныхъ речей немало, то все побрано и пограблено. Подъ тымъ же домомъ видилисмы три подклиты або спижарни, такъ же двери до оныхъ подклитовъ порубано, полупано, замъки, скоблѣ, зависы, ретязи—тое все повидирано и пограблено; въ которыхъ спижарьняхъ оповедано намъ, ижъ побрано муки пшеничную и иржаную, солоды пшеничные и иржаные, крупы, горохи, пшона, маки, семеня ильняные и конупные, проса, суль, меды пуйные—тое все выгромажоно и побрано. Видилисмы за оказанъемъ на вежи або браме схован, которое тамъ было: двери

розламано и розрубано, завѣси и ретязи, прибой съ колодками, тое выдерто и взято; речи схованя на той горѣ было: седла зъ войлоками, зъ опончами, радами козацкими, такъ же и шоры юхьтевыи, сети рыбии, мережи, неводы заячие, качии, лины копировыи, поторжи, линъ до неводовъ, посторонки, стрычки, сокиры, топоры, пилы, латное и кгонтовое гвоздя побрано, котлы и банѣ горѣлчаные, также у кухни: котлы, секачи, рожны, келни, варехви железные, обложины железные— то все побрано; вино медъ, пиво пшеничное и росходное попили, побрали, поросточовали, попсовали; въ стайни ворота виделисмы за оказанъемъ потовъчоно и розломано, и оповедано намъ, же ланцухъ одъ воротъ съ колодкою и зъ ретязами, што стайню замыкано, взято и конѣ на стайни побрано, пограблено. Видилисмы за оказанемъ две дырѣ великие выламаные, которыми дерями кгвалтовницы въ манастыръ шли; такъ же виделисмо ворота, яко у брамы, такъ и у фортки, порубано, поламано, скоблѣ, ретези, замки поодрывано, побрано; на дворци намъ оказано дверы до коморы, до пивницы, до сырника полупано, попсовано, ретязѣ и скобли съ колодками, сыры, масла побрано, молоко зъ горщками потовчоно, и оповѣдено передъ нами, ижъ зъ оборы быдла рогатого, волы, коровы, яловицы, быки, озимки, телята, овцы, бараны, вепрѣ кормные и некормные, свини, куры, каплуны, гуси и жоравлѣ— тое все побрано; пчолы у пасеци видели есмо улъи подрапые, медъ съ пчолами зъ нихъ повыдирано, улѣ полупано, а иншихъ попалено; въ садахъ щепы поламано, попсовано, пообияно, у виноградѣ вина въ корчахъ, въ гронахъ, порубали, поламали, попсовали, в ни во што обернули; увъ огородехъ капусты, морквы, цебули, петрушки, постернаковъ, огорковъ, маки—то все поламали, порвали, покопали, на остатокъ свиней исъ селъ напустили и в нивечъ овощи зъ огородовъ обернули. То тежъ намъ оказано, ижъ коло, которое на Стыру рецѣ коштомъ великимъ направлено было, воду которое мело изъ Стыра до сажавокъ, зопсовали и в нѣвошто обернули, рыбы изъ сажавокъ повыловляли, а иншую зопсованемъ того кола безъводя поморыли, въ чомъ шкоду великую учинили. И то тежъ намъ оповедано и оказано, ижъ съ пулъ Жидичинскихъ пшеницу и жито въ копахъ побрали, порозвозили, то есть: до Киверецъ панъ писаръ кгродский Луцкий, а до Вишнева панъ Кгалезский, подстаростей Луцкий; якожъ видели

есмо за оказанемъ по стертахъ слѣди и колеи великие, што до тыхъ полъ и гуменъ дворныхъ вышъ менованыхъ тые збожа поотвожоно, и гумпо якъ у Киверцахъ, такъ и у Вишневи въ стоги посkладано, которые гумна, за оказанемъ ихъ тыми колями приехавши, намъ оказано и осведчоно; такъ же и съ приселку манастыру Жидичинского въ Боголюбомъ, за оказанемъ стороны и осветченя, видели есмо колеи великие з Опчаръ дворною пашнею поворжено, жита, пшеницы, до Красного надъ Луцко, тые збожа въ стоги и въ стырты, одвезши, знати зложоно, которое, оповедалъ намъ, же съ тыхъ поль Боголюбъскихъ тыми колями тые збожа вожоно и въ томъ гумнѣ знати тые збожа поставлено и зложоно; такъ же и другие збожа зъ гумна Боголюбского, которые въ стогахъ у гумне Боголюбъскомъ стояли, молотечи, пшеницы, жыта, ячмени, овсы, гречки, и то все до Луцка молочоное отпроважували и возили. Такъ же, за оказанемъ и осведченемъ, видели есмо тамъ же въ Боголюбомъ греблю великую прорваную, на которой гребли и млынъ зъ великимъ коштомъ и накладомъ збудованъ былъ, который млынъ зъ кгрунту вода вырвала и вынесла, такъ же и рыбы изъ ставъ, якъ великие, такъ малые, вода все вынесла, которую шкоду меновала собе сторона передъ нами за розорваньемъ того ставу на пятьсотъ золотыхъ полскихъ учиненную,— за насланемъ кгвалтовнымъ и за обляженемъ его у Жидичине ратунку дать не могъ и розогнанемъ сторожовъ и купцовъ отъ ставу того тая се шкода вся стала. Такъже за оказанемъ видели есмо быдло пасучись манастырское на Красномъ, близко Луцка, подле того гумна, которое зъ Боголюбого перевезено есть, и оповедано передъ нами, ижъ тое быдло або животина власная манастырская естъ. Которыхъ шкодъ, за наездомъ кгвалтовнымъ и розобранемъ всее маетности властного зобраня отца архимандрыта Жидичинского, шацуетъ собе на шестъ тисечи на съто и деветьдесять золотыхъ полскихъ, кромъ скарбовъ церковныхъ. Которое то очевистое и усное вызнане возныхъ вышъ менованныхъ до книгъ справъ судовыхъ земъскихъ Луцкихъ записати есмо казали; што есть записано.

Книга земская Луцкая 1597 года, № 2085, л. 208.

LXXII.

Показаніе вознаго, ѣздившаго въ Жидичинскій монастырь вмѣстѣ съ п. Федоромъ Балабаномъ, во время невольнаго сидѣнія архимандрита Гедеона Балабана на церкви Жидичинской. 1597 года, октября 3.

Року тисеча пять сотъ деветьдесятъ семого, месяца октебра третего дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, отъ дня света римского светого Михала въ року теперешнемъ звышъменованымъ припалыхъ и судовне отправоватьсе зачатыхъ, передъ нами, то есть: Федоромъ Чапличомъ Шпановскимъ судьею, а Иваномъ Хреницкимъ подсудкомъ, врядники судовыми земскими повету Луцкого, постановившися очевисто возный повету Луцкого генералный, шляхетный Федоръ Свиридовский, ку записаню до книгъ земскихъ Луцкихъ созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего деветьдесятъ семого, месяца августа двадцать пятого дня, за упрошенемъ пана Федора Балабана а за приданъемъ уряду кгродского Володимерского, маючи при собе шляхту людей добрыхъ пана Данила Оздовского, пана Захаряша Гулельницкого а пана Олехна Михайловича Гулельницкого, ездили есмо съ паномъ Федоромъ Балабаномъ до Жидычина, и кгды есмо тамъ до манастыра Жидичинского приехали, застали есмо тамъ пана Сасина Русиновича Берестецкого, теперешнего судью кгродского Луцкого, и Матыса Славогурского возного; тамъ же панъ Федоръ Болобанъ поведилъ намъ и Матысови Славокгурскому возному, которого есми тамъ застали, ижъ дей, за ведомостью, посланемъ и росказанемъ его милости пана Александра Семашка, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, отца Кирилла Терлецкого, владыки Луцкого, и иншихъ зъ ними одностайне намовеныхъ, помочниковъ ихъ, слуги, боярове и подданные ихъ милости, конно, збройно, зъ рожнымъ оружъемъ, войне належачимъ, кгвалтовне на Жидичинъ наехалшы, брата его отца Гедиона Болобана, архимандрыта Жидычинского, чоловека спокойного, о горло мало не приправили и маетностъ его всю отъ мала до велика побрали, пограбили, передъ которыми ажъ дей заледве на церковъ увошолъ; теды дей они, не могучи его поймати, въколо

церковъ облегшы и обступивши и не могучи его тамъ добить, сходъ отъ церкви откинули и тамъ его замкнули и до сего дей часу отътоль его выпустити не хочутъ и тамъ его у везеню маютъ. Якожъ я, Федоръ Свиридовский и Матысъ Славокгурский, возные, и шляхта при насъ будучая, за оказанемъ пана Федора Балабана, видели есмо отца Гедиона Болобана, архимандрыта Жидичинского, на церкви замкненого, у везеню седячого, который, дверцами съ церкви выглянувши, самъ намъ ся оповедалъ и светчилъ, ижъ его тые кгвалтовники року теперешнего деветьдесять семого, августа двадцать первого дня, зъ середы на четвергъ, въ ночи, кгвальтовне наехавши, скарбы церковные, мастностъ мою власную всю побравши, его самого мало о горло не приправили, тутъ дей на церковъ увогнали и мене замкнули и отъсюлъ выпущать не хочуть, и кгды дей есми сходцами на церковъ утекалъ, тогды дей мене въ ногу левую нижей колѣна пострелили и слугу моего Григоря Ступницкого у руку правую такъже ранили, который дей слуга тутъ же на церковъ зо мною утекъ, и не могучи дей насъ добыти, ходъ отъ церкви откинули и насъ тутъ замкнули; якожъ и тые раны намъ оповедили. А потомъ отецъ Гедионъ Балабанъ оповедилъ и светчилъ, ижъ дей по тыхъ всихъ избехъ, такъже и по садехъ люде тые, которые тутъ кгвалтовне на Жидичинъ наехали и мене звоевали, есть, толкожъ ихъ панъ Русиновичъ порозъсылалъ, не хотечи ихъ вамъ оказати, и не толко дей тутъ у монастыре по избехъ, по садехъ, але и по селахъ ихъ польно, такъ слугъ его милости пана Браславского, яко владыки Луцкого, и иншихъ немало. И кгды панъ Федоръ Балабанъ, хотечи намъ тые люде оказати, до избъ пошелъ, теды панъ Русиновичъ насъ не допустилъ и поведилъ, же „не маете тамъ што чинити, бо тамъ людей немашъ!“ Якожъ видели есмо, кгды тые люде, не хотечи ся намъ оказовати, до изобъ порозхожевали ся. Затымъ, за оказанемъ пана Федора Балабана, видели есмо всходъ отъ церкви откиненый, попсованый и около церкви муръ, такъже и двери попсованые, знаки кгвалъту поделаны, къ тому увъ изобъ окна и двери посечоные, попсованые, оболонье по оныхъ побитые, што все, яко ся вышей поменило, панъ Федоръ Балабанъ нами возными осветчилъ и поведилъ, ижъ то за тымъ кгвалтовнымъ насланъемъ черезъ слугъ его милости пана Браславского, владыки Луцкого и иншихъ помочниковъ, за рос-

казанемъ и ведомостъю ихъ милости, стало. Которое то очевистое и устное сознане возныхъ до книгъ справъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга земская Луцкая, 1597 года, № 2085, л. 219 на обор.

LXXIII.

Судебное преніе архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана съ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ по дѣлу о наѣздѣ на Жидичинскій монастырь. Разногласіе, происшедшее въ составѣ суда, по вопросу о законности требованія отвѣтчика о перенесеніи дѣла въ трибуналъ. 1597 года, октября 10.

Року тисяча пятьсотъ девятдесятого семого, месеца октебра десятого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, отъ дня светого Михала, свята римского, въ року звышъ менованомъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Федоромъ Чапличомъ Шпановскимъ, судею, а Иваномъ Хреницкимъ, подсудкомъ, врадниками судовыми земскими Луцкими, постановшисе очевисто у суду, велебный Гедеонъ Балабанъ, архимандритъ Жидичинский, и крилошане манастыра Жидичинского, яко поводъ, жаловали съ позву своего на его милость велебного Кирила Терлецкого, владыку Луцкого и Острозского, ексарху— позваного, который въ тые слова есть написанъ: Жикгимонтъ Третій Божю милостю король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоидский, Мазовецкий, Ифлянский, Кгодский, Вандалский, дедичный король. Тобе велебному Кирилу Терлецкому, владыце Луцкому и Острозскому, екзарху, зо всѣхъ добръ твоихъ, яко и зъ особы твое, приказуемъ тобе, абы еси передъ судомъ нашимъ земскимъ Луцкимъ въ замку господарскомъ Луцъкомъ, на роки земские Луцъкие, которые припадутъ и сужоны будутъ въ року теперешнемъ, тысеча пятьсотъ деветъдесятъ семомъ, о святомъ Михале, святе римскомъ, и на завтрее того менованого свята судитися почнутъ, яко на року за-

витомъ, очевисто станулъ на жалобу и правное попиране велебного Гедеона Балабана, архимандрыта Жидичинского, весполъ съ крылошаны манастыра Жидичинского, которые тебе припозываютъ ку пилнованю и прислуханю шкрутениумъ, которую онъ выправовати будетъ передъ вышъменованымъ судомъ земскимъ Луцкимъ, на рокахъ близко пришлыхъ земскихъ Луцкихъ, въ замку господаръскомъ Луцъкомъ, въ Луцку, а то въ справе той, въ которой ты отъ звышъ помененого повода певне правдиве и справедливе обжалованъ, яко помоцникъ при принципале нижей помененомъ въ томъ учинку: квалтовне, праву посполитому противное, умыслное порозумене и змову ты взявши зъ велможнымъ Александромъ Семашъкомъ на Хупкове, кашталяномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, будучи ему справы той принципаломъ насланя кгвалтовного на манастыръ Жидичинский, и зъ ведомостю и зъ волею твоею, а меновите съ помочниками: Щаснымъ Кгалескимъ, подстаростимъ Луцкимъ, Сасиномъ Руспповичемъ Берестецкимъ, писаромъ кгродкимъ Луцкимъ, Миколаемъ Семашкомъ, старостичомъ и ключникомъ Луцкимъ, Иваномъ Белостоцкимъ, Яномъ Несвецкимъ, Василемъ и Маркомъ Викгурами, Иваномъ Олизаровичомъ, Василемъ, Федоромъ а Иваномъ Свищовскими, а слугами его милости пана старосты Луцкого, меновите: Юремъ Кошиковскимъ, буркграбимъ Луцкимъ, Балцеромъ Витовскимъ, Куцомъ, также и слугами твоими: Василемъ Коростелемъ, Иваномъ Терлецкимъ, Григоремъ Кмитою, урядникомъ Теременскимъ, Василемъ Смоленскимъ, Мойсеемъ попомъ Рожисцъскимъ и иными многими до того учинку помочниками, которыхъ ты, яко помочникъ при принципале и веспулъ изъ нимъ, лепей знаете, имена и прозвиска ихъ ведаете; а то стороны насланя на манастыръ Жидичинский въ року теперешнемъ, деветдесятъ семомъ, месеца августа двадцатого дня, зъ середы, на двадцать первый день, на четвергъ, на домъ спокойного мешъканя его, за певнымъ правомъ ему отъ насъ господаря данымъ, которые то звышъ менованые кгвалтовники и посланцы, чинячи досыть воли и росказаню его милости пана Браславского, зъ многимъ войскомъ и зъ слугами, бояры, гайдуками, выбранцами и поддаными, зъ рознымъ оружемъ, войне належачимъ, наехавши моцно, кгвалтомъ, часу и дня вышъ менованого, съ середы на четвергъ, могло быти о пулночи, на манастыръ Жидичинский, домъ спокойного мешканя пово-

довогo, а вломившися чрезъ остругъ кгвалтомъ въ килку местцахъ, а потомъ моцно, кгвалтомъ поотбивавши обедве фуртки у воротъ манастыра Жидичинского, наскочивши заразъ на думъ, на цвынтару будучий, покой Болобана, где онъ перемешкивалъ, тамъ же на тотъ часъ зъ гостми своими спалъ, окрикъ и стреляне кгвалтовное учинивши, заразъ до оного дому двери, ѣкна вырубовать и до него ся кгвалтомъ ламати и добывать почали; што онъ зо сну послышавши, тыломъ, дверми сѣнными, зъ гостми своими зъ оного дому уходить и утекать почалъ всходомъ на церковъ головную мурованую заложене светого Миколы, которого кгды скоро оные дей кгвалтовницы зобачили, заразъ до него бить и стрелять густо зъ ручницъ и зъ пулгаковъ почали, а онъ тымъ барзый дей на церковъ ся бралъ, будучи дей онъ въ ногу левую нижей колѣна, и слуга его Григорий Ступницкий въ руку правую, съ пулгаку постреленый, на верхъ оное церкви зъ гостми и съ кулкомъ слугъ своихъ заледве ушолъ и тамъ ся зъ ними зачинилъ; до которого знову моцно, густо и долго стреляючи и оного добываючи, баню на церкви, бляхою белою побитую, также и муръ церковный кулями съ пулгаковъ постреляли, побили, показили и знаки кгвалту помененного тамъ зоставивши, въ манастыру Жидичинскимъ оного дей на церкви въколо неприятелски оточивши и облегши и всходъ откинувши, голодомъ и розмаитыми трывогами презъ колко дней, почавши отъ двадцать первого ажъ до двадцать пятого дня августа, трапили и везили; а тымъ часомъ, што одно маетности его дей тамъ было на впокою его, въ коморахъ, въ спижарняхъ и где одно колвекъ было, то все, замки поодбивавши, моцно, кгвалтомъ побравши и пограбивши, и где хотечи одпровадили; наконецъ въ церкви светого Миколы, што одно въ ней было скарбовъ церковныхъ: сребро, золото, книги, образы оправные, рызы, стихарѣ, свѣчи великие и малые и що ся имъ подобало вылупили и где хотечи оный лупъ отвезли и отпровадили; сторожа церковного на имя Гарасима въ руку правую надъ локтемъ ранено, домъ шляхетского мешканя поводового зкваптили, зкривавили и зо всего злупили; ажъ потомъ, набравшись и налупивши до воли своее, оттулъ зъ манастыра Жидичинского пятого дня пручъ одихали. Што помененый поводъ, взявши зъ уряду певного приданя наколко возныхъ и шляхту при нихъ будучую, все естъ урядовне обведено и околичнымъ

сосѣдомъ кгвалтъ свой и таковый наездъ оповедалъ и знаки кгвалту оного осведчалъ и оказалъ; о чомъ ширей протестация поводовая и реляцие возныхъ въ описаню и ожалованю своемъ ширей сведчитъ. Прото тебе, кгды онъ сведки свое люде добрые, веры годные и того всего добре сведомые, ку положеню и правдивому выданю правдивого въ той справе сведоцтва, за припозванемъ ихъ до шкрутенѣи передъ судъ земский Луцкий, на роки земские Луцкие близко припадаючие вышъ помененые, до суду водити и оныхъ ставити и помененную шкрутенѣю, водлугъ звычаю заховалого и права посполитого, выправовать будетъ, того всего ты прислухалъ и правне свою тежъ другую на оказане, естъ ли можешъ, мниманое невинности помочи и порозуменя при принципале, зъ одного будешъ хотелъ и розумелъ, также будешъ выправовать, которого поводъ также пилновать и прислухать готовъ будетъ, и въ томъ всемъ съ нимъ, што одно ся толко шкрутенѣи самое тычетъ, правне будешъ ты росправовалъ и того пилновалъ. А што ся дотычетъ зъ порозуменя и змовы при принципале до того кгвалту помочниковъ, тогды оный Болобанъ, якъ поводъ, въ той справе и зъ тыми всѣми волное собе право у суду належного заховуетъ. Писанъ въ Луцку, лета Божого нароженя тисеча пятьсотъ деветдесятъ семого, месяца августа тридцать первого дня. Михайло Гулевичъ Воютинский, писаръ.—По вычитаню того позву, просилъ поводъ, абы таковое шкрутиниумъ, до которого его милость панъ Браславский яко принципалъ, а владыка Луцкий велебный Кирило Терлецкий и иные яко помочники, суть позваны, было вывожоно, иншие обороны правные въ речи головной собе вцале заховавши. А позваный, презъ умоцованого своего, шляхетного Войтиха Станишевского, заховавши собе всѣ обороны и добродейства, правне до тое справы належачие, такъ противко неналежности суду, акторови и самой справе, учинку жадного въ той мере не признаваючи, поведилъ, ижъ поводъ не може тое справы до шкрутиниумъ противко его милости отцу владыце попирать, кгдыжъ естъ на зезде або соборе Брестскомъ, презъ старшого костела Божого релѣи Грецкое, яко намененный архимандритъ, который посвеценя на собе не мелъ, за непослушенство и обцоване зъ ариянами, новокрещенцами и иншими отсчепенцы отъ костела Божого, отъ велебного отца митрополита Киевского и иншихъ владыкъ выклятъ, на што показавъ видимусъ съ

книгъ Берестейскихъ декрету синодалного, который декретъ, за очевистымъ однесенемъ митрополитскимъ и иншихъ владыковъ, король его милость ствердивши, добра церковные, которыхъ клятые были въ уживаню, до столу своего привернуть рачилъ; што указавши, просилъ, абы судъ менованого повода, яко того, который отъ обцованя зъ людми есть декретомъ синодовымъ и королевскимъ отстрихненъ, до тое попираня тое мниманное кривды не припустилъ, а позваному на немъ далшого поступку допустилъ. На то повОдовая сторона отповедила, же не покаже позваный того зъ жадного права, абы клятые не мели быть до права припусчани. Его милость отецъ архимандритъ о жадной клятве не ведаетъ: тая, которую показовано у суду, теды не ведле каноновъ одержана есть, кгдыжъ каноны сведчать, же дванадцать владыкъ мають судить, а два мають позывать. До того не можетъ въ земскомъ суде, хоть бы добре былъ клятымъ, задавать клятвы, хиба въ духовнымъ; бо яко баницию на праве сведскимъ задаютъ, такъ въ духовнымъ праве клятву, а тутъ право есть свецкое, не духовное: не можетъ судя свецкий розезнавать, если слушна, албо нѣтъ клятва; кгдыжъ судя земский въ справы судови духовному належачие не маетъ се вдавать, а ни духовный въ свецкие. До того не могъ митрополитъ самъ клясти, кгдыжъ, водле правила першого на сыноде второмъ, артикулъ 15, жадное моцы мети не можетъ, кгдыжъ съ того самъ зступилъ, кгды се подъ зверхность другую вложилъ. Надто жадного процесу, а ни остатнего стопня, водле права духовного, а ни екзекуцыи не покажетъ, конфирмацию его королевское милости толко, до которое не припозывалъ, але толко, на злое лане справы, отъ кроля его милости што хотелъ, то одержалъ. Мимо то все, хотбы добре и клятва добрая была, и своимъ порядкомъ одержана, не покажетъ о томъ жадного права, абы въ справе свецкой передъ судомъ свецкимъ мала быть задавана; и овшемъ поводъ показуетъ констытуцыею року тисеча пятьсотъ шестьдесятъ второго о припусченю клятыхъ до права, которая ачъ передъ унѣею учинена, однакъ же право есть, же чого в праве нашомъ нимашъ, того в другихъ позычать; нехай сторона о томъ свое право окажетъ, а до того, же тая констытуцыя въ справе о релѣю есть учинена, которая служить такъ грецкому, яко и католицкому законови. А умоцованый стороны позваное поведилъ: што се тъкне кон-

ституцыи, чрезъ сторону помененую поводовую до суду вношоное, же могутъ клятые справъ своихъ попирать, теды тая констытуцыя мниманого повода наймней вспомочи не можетъ, кгдыжъ тая констытуцыя не стегаетсе на Волынъ, албо вемъ добре летъ килканасте предъ унѣею уфалена, которая взглядомъ десетинъ неотданя, тылко и то проста клятва бывала, презъ бискупа, официяла и презъ плебаны, за моцею бискупею, въ парафияхъ; але тое выкляте стало се на соборе, всему хрестиянству зложономъ, не о копу жита албо десетъ, але о кривду Бога всемогучого и легкое уважене звѣрхности старшихъ костела Божого и зверхности короля его милости пана нашого; бо яко въ праве свецкомъ суть двоякие албо троякие баниције: суть простые, взглядомъ певныхъ кривдъ и долговъ, которые поточными зовуть; суть другие о справахъ криминалныхъ, которые одно сеймъ чинить, другие тежъ староста,—а жаденъ съ тыхъ, поколь таковое баницыи зъ себе не знесе, будь поточней, будь то криминалней, справы своее жадное попиратъ не може, також и мниманый поводъ, поки тое клятвы и декретовъ духовныхъ зъ себе не знесе (а иначей не може знести, одно за зволенемъ всѣхъ радъ коронныхъ, такъ духовныхъ, яко и светскихъ), поты жадное мниманое кривды попирать и до жадного добродейства правного припусчонъ быти не можетъ; всѣ обороны правные, яко выжшей, вцале собе заховавши. Судъ, заховавши всѣ обороны сторонъ обудву вцале, не уймуючи ничого справе духовной, прихиляючиее до констытуцый, вышейменованого повода до росправы припустилъ, а позваному роспиратъсе наказалъ. Позваный до его королевской милости апелевалъ, которое ижъ не допусчоно, сведчилъ се и до трибуналу апелевалъ. Судъ, заховавши всѣ обороны сторонъ обудву вцале, ничого не уймуючи правомъ духовнымъ, и видечи то, ижъ се жадной стороне уближене не деетъ, и тое апеляцыи не допустилъ. Позваный, розумеючи быть въ томъ утяжене, сведчилъ се; а судъ також се сведчилъ, ижъ тые апеляцыи слушне не мели быть допусчоны. Стоечи теды подъ обороною апеляцыи и осветченя своего, умоцованый стороны позваное, всѣ обороны правние, яко выжшей, вцале собе и не нарушоне заховавши, поведилъ, же судъ земский не може быть належнымъ судомъ тои мнимаиои справы, съ тои причины: кгды жъ король его милость добра, въ которыхъ менитъ се быти наеханымъ, до

столу своего привернуть и оные неотволочне его милости пану Браславскому, яко старости и екзекуторови декретовъ своихъ, одобрать росказати рачилъ; на што указалъ листъ короля его милости, власною рукою подписаный и печатю меншое канцелярыи запечатаный, которымъ король его милость тые добра на тотъ часъ конечне од мниманого повода, яко от человека светского, не мешканне одобрать росказалъ; въ чомъ есть отецъ владыка невинне отъ стороны мниманое поводовое обвиненъ и за помочника быть не може, бо до тое справы не належи; але его милость панъ Браславский, яко се то значи, не съквапливе въ томъ поступилъ, але о такой воли и росказаню короля его милости мниманому поводови урядовне чрезъ листъ свой ознаймилъ, складаючи ему часъ румацыи до дванадцати недель, и кгды тои румацыи рокъ вышолъ, а панъ Браславский не такъ, яко сторона мниманая поводовая удае, поступилъ, жебы мелъ наслать и наехать, и его милость отца владыку невинне до того примешаетъ, але толко, будучи самъ на тотъ часъ хорый, яко жъ и теперъ есть, што всѣхъ ведомость несетъ, на отобране оныхъ добръ, водле росказаня короля его милости, не въ ночи, яко мниманый поводъ указуетъ, але посередъ белого дня урядники свои замковые, урожоныхъ Счасного Кгалезского, подстаростего, а Сасина Русиновича-Берестецького, на онъ часъ писаря, врадниковъ кгродскихъ Луцкихъ, и при нихъ двохъ возныхъ и шляхту водле права послалъ, которые кгды тамъ зъ листы королевскими приехали, тотъ манастырь Жидичинский капитула тамошняя урядови, вознымъ и шляхте подали, не боронили, але и овшемъ доброволне, яко дедичи тыхъ добръ, уступили, ключи церковные отдали и списать все допустили, яко реляцыя урядовая и возныхъ, которую у суду указовано, ширей въ собе о томъ светчитъ; зачимъ тые добра ку замку староству Луцкому суть привернены. А ижъ мниманый поводъ, легце собе важачи росказане короля его милости, на церкви Жидичинской, яко то отъ его милости пана старосты Луцкого указовано, же приготовавши собе живности, людей и стрелбы достатокъ, тамъ се замкнулъ и утаилсе и зыйти, яко се то съ тыхъ доводовъ значи, за напомненемъ урядовымъ, не хотелъ: теды его милость панъ Браславский, яко се то оказало, однакъ не былъ въ томъ скваплнвый, але о таковомъ спротивеню королеви его милости ознамилъ, жадаючи далшое науки, въ чомъ король его милость другий листъ свой при-

слать рачилъ, приймуючи тое отобране тыхъ добръ зъ вдячъностю, а противко мниманому поводови, яко зверхности короля его милости противному, правне поступить росказати рачилъ. Зачимъ тотъ мниманый поводъ везеня тымъ привласчать и отца владыки въ то укладать не може, поневажъ самъ, яко урядъ сведъчитъ, доброволне на церкви замкнувши се, яко упартый тамъ премешкивалъ; ижъ теды о добра иде, которые король его милость въ шафунку своемъ мелъ и о которые никому иншому розсудокъ не належитъ, водле констытуцыи, на сейме головномъ Варшавскомъ въ року тисеча пять сотъ осмъдесятъ девятомъ уфаленое, одно королеви его милости. Къ тому и право посполитое, артикулъ сорокъ пятый, въ розделе четвертомъ уфаленый, учитъ, ижъ если бы староста што выступилъ на уряде своимъ, теды о то нигде инъдей потягненъ быть не може, одно передъ судъ короля его милости. Прото нехъ се съ паномъ старостою о то росъправуе, а его милость отца владыку до того не меша, яко до тое справы не належачого; ижъ се то теды показало, же тамъ жаденъ наездъ не былъ, але екзекуцыя декретовъ и росказаня короля его милости, и отца владыку до того невинне сторона поводовая мниманая примешала; въ чомъ шкрутение, яко въ явныхъ речахъ, до которыхъ се его милость панъ Браславский зна, не бываютъ; для того тежъ и о тую мниманую кривду, яко до слуханя шкрутении, такъ тежъ до вывоженя оное, яко в суде неналежномъ, яко се выжшей поменило, и до того, же южъ справу тотъ мниманый поводъ зъ его милостю паномъ Браславскимъ мелъ, о што ижъ апеляцыи закрочили, позваный неповиненъ; и просилъ, абы судъ, узнавши се быть неналежнымъ судомъ тое справы, позваного волнымъ учинилъ, всѣ обороны правъные такъ противко неналежному поводови, яко и речи самой, вцале и ненарушоне собе заховавши. На то сторона поводовая показала констытуцыю о шъкрутинияхъ, року тисеча пятьсотъ семьдесятъ пятого и до того року тисеча пятьсотъ семдесятъ осмого, и остатнюю—року тисеча пятьсотъ осмъдесятъ осмого, где шкрутения справовать нигде индей, одно передъ судомъ земъскимъ албо кгродскимъ, на рокахъ кгродскихъ албо земскихъ, которые напервей по учинку сужоны будутъ; а што сторона тымъ затрасаетъ, же старостове, кгдыбы кому кривду учинили, передъ королемъ маютъ отповедати, о жадную кривду тутъ не йдетъ, толко о шкрутениумъ, кото-

рымъ окаже учинокъ тотъ: не маетъ сторона поводовая кривды въ кгрунте, але толко до шъкгрутениумъ позвала; есче о то не мовитъ, если яко староста, албо яко приватная особа, тотъ ексцесъ учинила,—не ведаетъ сторона, якою дорогою поводъ того доходити будетъ; прото тежъ въ жадную диспутацыю о томъ сторона поводовая не вдаетъ, толко проситъ, абы ему шкрутиниумъ, такъ яко позвалъ, было наказано выводить, иншие обороны правные вцале захованши. Судъ, ничого не дерекгуючи а ни листомъ его королевское милости, а ни правомъ духовнымъ, належность суду узнавши, сторонамъ далей поступовати казалъ. Позваный апелевалъ до короля его милости за дворомъ, тые причины вточивши, ижъ идетъ о добра его королевское милости, которые вже въ шафунку королевскомъ суть; о которыхъ судъ земский розсудокъ учинилъ и належнымъ судомъ себе узнавъ, судъ апеляцыи не допустилъ. Позваный сведчилъ се о попартье апеляцыи и розумеючи собе быть отъ того утяжене, а ижъ не допусчоно апеляцыи за дворомъ, до трибуналу апелевалъ,—и тое апеляцыи не допусчоно; знову се о попарте апеляцыи и о утяжене сведчилъ, а судъ тежъ сведчилъ, ижъ се жадное утяжене позваному не деетъ. Стоечи теды подъ обороною апеляцыи и осветченя своего, умоцованый стороны позваное поведилъ, ижъ мниманый поводъ не може быть належнымъ поводомъ тое справы съ тое причины, ижъ се пише и менуе быть архимандритомъ Жидичинскимъ, которымъ иле досконалымъ и посвецонымъ николи не былъ и не есть, што розными доводы готовъ довести. На то сторона поводовая поведилъ: ижъ теперъ жадного термину немашъ узнавать о праве а ни о контроверсияхъ, пре то ся тежъ въ жадную контроверсию вдавать не хочу, але толко для информацыи судови указуе, же справа о шкрутиниумъ таковыми екъсцепцыями гамована быть не можетъ съ тыхъ причинъ: першая, учиненна есть через повода протестацыя, которая не одно, якъ сторона позваная розумеетъ, о найстие на домъ, криминалъ, але колко разомъ за собою потегаетъ, то есть: задане ранъ потаемне, невядоме, полупене речей рухомыхъ, затримане въ везеню,—а то все безъ выводженя правъ, буд то будетъ архимандритъ, будь ляикъ, укривжонымъ належитъ; за тымъ тежъ, поневажъ позваный не ведаетъ, которымъ способомъ поводъ зъ нимъ будетъ чинилъ, пре то тежъ тое ексцепъцыи уживать не можетъ; другая—сама толко справа наезду домового того потребуетъ,

жебы тотъ, хто о наездъ чинить, право свое до дому показалъ; але на то, не взглядомъ контроверсый, але информацыи судови, указуе привилей консенсъ короля его милости на архимандрыцтво, потомъ спусчене отъ владыки Львовского, потомъ яко пришолъ до посесыи чрезъ подане возного, съ которыхъ се показуетъ слушность чиненя; третяя— не в часъ тую оборону вносить, поневажъ въ першой инстанцыи, которая была о томъ, если маетъ местце у суду, самъ признавалъ его быть и духовнымъ и архимандритомъ, указуючи, же слушне клятва на него есть одержана, бо сведскому клятва задавана быть не можетъ; четвертая — всѣ его процесы, которыми се при бурению форумъ боронилъ, ничого иншого въ собе не маютъ, одно признанье духовенства и посесыи: по што румацыю складано, если посесыи не мялъ? по што мандаты о екзекуцыю выношоно, если до духовенства не належалъ? пятая, наконецъ,—дедукцые его, которыми хочетъ пробовать, же есть свецкий, до акцый ничого не маютъ, бо бы то ничия иншая кривда была, одно самого повода, которого если яко шляхтича позвано, теды значитъ се, же хоть духовный, теды предъсе значный шляхтичъ. Съ тыхъ теды причинъ просилъ поводовая сторона, абы тые ексцепцые стороны позваное на сторону были отложены, а жебы судъ нинешний поводовую сторону до выведеня шкрутениумъ припустилъ, иншие обороны правные вцале заховавши. А умоцованый стороны позваное, заховавши собе всѣ обороны и стопне правные, иле бы с права ему до тое справы належало, указуючи быть мниманого повода акторомъ не належнымъ, не признаваючи быть жадного учинку, поведилъ: што мниманый поводъ указуетъ позволене короля его милости на спусчене того архимандрытства, вшакъ же то спусчене скутку своего не взело, кгдыжъ южъ въ летъ деветь въ спусченю тримали, на которое потверженя короля его милости было потреба, иначей до него не мелъ приходить, одно за стверженемъ короля его милости, которого ижъ нимашъ, теды тежъ то спусчене аб узу впало, зачимъ и посвецене жадное не было, а ни того архиепископъ митрополитъ не призна, и овшемъ то есть речи якиесь подозреные и новые; также што се ткне интремисии албо въвязаня, которую зъ актъ Володимерскихъ съ повету не належного поводъ указуе, на то указалъ мунименть Луцкий, же тотъ возный того дня чотырнадцатого сентебра, року деветьдесять шостого, власне и потомъ тутъ въ Луцку урядъ свой отправо-

валъ, власне под суженемъ на тотъ часъ рочковъ тутошнихъ кгродскихъ Луцкихъ, коли тую реляцыю у Володимеру зезнавать бы мелъ, а пристойней было тутъ, на вряде належномъ и толко миля отъ Жидичина то сознати, а нижли за десетъ миль для того сознаня ездити; надто, указуючи быть неслушную и новоукнованую тую реляцыю возного и тое новоукнованое спусчене, указалъ выпись съ книгъ Луцкихъ и заразъ книгами у суду нинешнего доводилъ, же по той реляцыи возного, которая есть дня четвертогонадцать, месяца сентебра, року тисеча пять сотъ деветдесятъ шостого, интромисия тыхъ добръ теды засъ дня семогонадцать месяца сентебра тогожъ року, черезъ возного енерала Василя Гулялницкого, Гедионъ Болобанъ, владыка Лвовский, архимандритъ Жидичинский, съ капитулою Жидичинского манастыра, тому Григору Балабану, который се теперъ ново называетъ Гедиономъ, не яко архимандрыту Жидичинскому, але яко свецкому чоловѣку, одно имене отъ манастыра Жидичинского, названое Боголюбое, пустили ему якимъсь правомъ въ держане, а южъ по той Володимерской интромисыи, которая если есть правдива, лацно кождый обачитъ можетъ,— противко которой реляцыи и спусченю того архимандрицтва его милость панъ Браславский, черезъ умоцованого своего, вже явне се сведчилъ, ижъ то ново укновано; а показуючи тожъ умоцованый, же тотъ мниманый поводъ передъ тымъ спусченемъ и по томъ спусченю мниманомъ не былъ никгды досконалымъ архимандритомъ и не вине але фортелне въ той титулъ теперъ свеже ушкробовалъ, показалъ у суду нинешнего мунициментовъ, протестацый, реляцыи возныхъ, декретовъ судовыхъ достатокъ, ажъ до акту роковъ земскихъ нинешнихъ, которыми доводилъ, же се нигде архимандрытомъ тотъ мниманый поводъ не писалъ а ни имъ не былъ, толко сведскимъ чоловекомъ Григоремъ Болобаномъ писалъ и всѣхъ кривдъ, яко урядникъ Жидичинский, именемъ владыки Лвовского, яко архимандрыта Жидичинского, и самъ тотъ владыка Лвовский, яко архимандрытъ Жидичинский, доходилъ, декрета судовые на собе относилъ, также не того Григоря Болобана, который теперъ, ошукиваючи хвалу Бога всемогучого, ново и свежо капицу церницкую на себе фортелне вложилъ, але отца владыки Лвовского, архимандрыта Жидичинского, по у весь тотъ часъ позывано; надто указовалъ протестацыю, на уряде кгродскомъ Володимерскомъ учине-

ную черезъ брата мниманого повода рожоного, пана Федора Балабана, взглядомъ отнятя тыхъ добръ, до акту двадцатого августа въ року нинешнемъ, въ которой не именемъ архимандрыта, але именемъ того Григоря Болобана, яко свецкого, оного пише; къ тому, коли, ведле листу короля его милости, урядъ и з возными на отобрание тыхъ добръ ездилъ, теды не именемъ своимъ, але именемъ владыки Львовского, архимандрыта Жидичинского, вымовлялъ; што всѣхъ ведомость несе и есть явна всему Волыню, же никгды архимандрытомъ Жидичинскимъ не былъ, не есть и посвеценя не мелъ, и на сыноде Берестейскомъ посломъ зъ воеводства Руского яко светский чоловекъ Григоремъ Болобаномъ въ книжки друкованые написалъ се; на остатокъ указалъ то листомъ владыки Львовского, съ подписомъ руки его властное, же на зездъ до Кременца, кгды депутатовъ обирано, пише, ускаржаючисе, тое кривды мниманое своею властною быть менитъ; што все достаточне муниментьі розными и декретами оказовалъ. А ижъ се то теды показало, же тамъ ничого не мелъ и въ держаню жаднымъ слушнымъ не былъ, зачимъ тежъ тое справы вывоженя шкрутениумъ, которая быть въ той мере не можетъ, кгдыжъ толко тамъ быва шкрутения, коли бы ся позваный не зналъ; але ижъ ся его милость панъ Браславский знаетъ, же учинилъ, але не такъ, яко мниманый поводъ удае, але яко нюслъ урядъ свой, водле росказаня короля его милости, и показалося то, же не его кривда, который ся мниманымъ поводомъ удае, але бы чия инша, што се зъ муниментъ достаточне показало, для того тежъ тое мниманое кривды слушнымъ доводомъ быть не можетъ; а што сторона поводовая мнимана указуе, же бы першими оборонами за актора признано, то быть не могло и не може, кгдыжъ всѣ обороны тые вношоны зъ захованемъ въ цалой моцы тое теперешнее обороны; и просилъ, абы судъ, оного узнавши не належнымъ поводомъ, а до того, ижъ съ приципаломъ справа есче не скончила и апеляцые зашли, абы одъ тое справы слуханя и вывоженя шкрутении, которая, водле права въ речахъ явныхъ вывожона быть не може, позваного волнымъ судъ учинилъ, всѣ обороны правные, яко вышей, вцале собе заховавши. Судъ нинешний, ничого не дерекгуючи а ни листомъ его королевской милости, а ни справомъ духовнымъ, такъ тежъ обороны ихъ обудву сторонъ и выводы вцале заховавши а видечи то, же за консенсомъ его

королевское милости архимандрыцтво стороне поводовой есть спусчоно, оного за актора въ той справе узналъ. А умоцованый позваного апелевалъ до короля его милости за дворомъ, а указуючи, же ма быть апеляцыя слушне допусчона, подалъ тые причины: першая, ижъ тымъ узнанемъ належного повода судъ учинилъ кокгницыю о декретехъ королевскихъ и шафунку добръ королевскихъ, бо если же король его милость то узналъ, же онъ тыхъ добръ держать не могъ, але оные до шафунку своего привернулъ, теды тежъ оное кривды, яко не своее, доходитъ не можетъ; другая, же въ той справе вже жадного декрету чинить и въ оной ничого поступовати не можетъ, поколь не будетъ розсудокъ черсзъ его королевскую милость албо черезъ трибуналъ о декретехъ тыхъ, отъ которыхъ апеляцыя, ачь недопусчона зашла, вшакъ же вже осведчене зашло; и просилъ, абы апеляцыя, яко отъ речи головное, была допусчона. А такъ я судя съ писаромъ таковое апеляцыи а ни до его королевское милости, а ни до трибуналу, съ тое причины, же толко о шкрутыниумъ идетъ, а не о головную речь, не допустилъ. А я подсудокъ, обачивши съ контроверсии и выводовъ сторонъ обудвухъ, межи которыми такъ о актора належного, яко и о право пря идетъ, въ чомъ слушне ма быть апеляцыя допусчона, толко ижь колекга мой панъ судя зо мною, яко колекгою своимъ, згодити се на то не хотелъ, теды я, осветчивши се всѣмъ згромаженемъ у суду на тотъ часъ будучихъ, ижъ то, ведле сумненя своего и ведле права посполитого, слушнемъ обачилъ, теды тое апеляцыи стороне позваной до трибуналу допустиломъ и рокъ обеюмъ сторонамъ передъ судомъ головнымъ трибуналъскимъ Любелскимъ, кгды тая справа межи справами воеводства Волынского зъ реестру припадеть, зложилъ. А умоцованый стороны позваное поведилъ: поневажъ судъ есть розрозненый, теды тежъ южъ судя безъ подсудка, яко колекги своего, декретовать и шкрутении слухать не може, што указовалъ с права посполитого; лечъ ижъ панъ судя, мимо колекгу и товариша своего, зъ нимъ се въ той апеляцыи не згодивши, мимо понкъты и стопне правные, до шкрутении сторону мниманую поводовую допусча, сведчилъ се противко пану суди, ижъ надъ право посполитое въ той мере выкрочилъ, оферуючисе зъ нимъ такъ о попарте апеляцый своихъ, яко тежъ и о утяжене и о шкоду, въ суде належномъ правне чинить, ту тежъ и о неважность

шкрутении, яко неслушное, которая въ речахъ певныхъ не быва вывожона, къ тому тежъ только панъ судя, надъ право посполитое, важитъ се тое шкрутенѣи слухати съ писаромъ, которого, ведле права, есть повинность не судити, толко писати, о то сведчилъ се; также и противко пану подсудку сведчилъ, ижъ до трибуналу, а не до короля его милости апеляцыю допустилъ, оферуючи се правне чинить. А я судя съ писаромъ сведчилисмы се, же не упорне, але згожаючисе съ правомъ посполитымъ, тое апеляцыи не допустили. А поводъ противк пану подсудкови засведчилъ, же панъ подсудокъ, будучи на вряде не яко судя, але яко тотъ, который суди радити съ паномъ писаромъ маютъ, таковое апеляцыи, не згодивши се зъ болшою частю суду, ку кривде великой и шкоде поводовое стороны, апеляцыи, иж на часть свою чого чинити не мелъ, допустилъ, прето о таковое утяженъе противко пану подсудкови сторона поводовая, также и о шкоды, которые за тымъ понесетъ, сведчилъ се, оферуючися съ паномъ подсудкомъ правне чинити въ суде належномъ. А я подсудокъ тежемъ сведчилъ, же то сторона поводова невинне на мене вноситъ: я не упорне и не такъ, яко сторона поводова удае, алемъ згожаючисе зъ самою справедливостю и зъ самою слушностю и правомъ посполитымъ, а добрымъ сумненемъ моимъ, тое апеляцыи слушнемъ допустилъ, кгдыжъ я естемъ таковымъ же судею, яко и панъ судя, и не радити пану суди право указуе, але зъ нимъ посполу судити, бо толко то писарска повинность радити, а не судити; прото вже въ той справе далей, яко въ неналежной, поступовать не могу и прочъ съ тымъ одхожу. А сторона засъ поводовая просила у мене суди и писара, абы черезъ возного рота присеги была наказана выдать, якожъ я судя съ писаромъ возного енералного, шляхетного Ивана Бурцевского, для преповеданя таковое присеги ему придалъ, который присегу, яко тыхъ сведковъ, которые ставити будетъ, не пренанялъ и не суть черезъ него корупти, при мне суди и писару сторона поводовая учинила. А я подсудокъ, хочомъ въ той избе былъ, алемъ яко возного не придавалъ, такъ и тое присеги не слухалъ. А сторона поводовая противко пану подсудку сведчиласе, же панъ подсудокъ, што съ повинности вряду своего повиненъ, ачъ апеляцыи с части своее допустилъ, о што ся вже противъ ему сведчоно, отъ суду одшедши, слухать шкрутении не хотелъ, што учи-

нилъ ку великой кривде стороне поводовой, абы се справедливость продлужила, оферуючися зъ нимъ въ суде належномъ о таковое утяжене, также и о шкоды, правомъ чинити. Што все для памети въ книги судовые земские Луцкие записано есть.

Книга земская Луцкая, 1597 года, № 2085, стр. 389—399.

Примѣчаніе. Такого же содержанія преніе Гедеона Балабана въ судѣ земскомъ съ старостою Луцкимъ Александромъ Семашкомъ и его братомъ Миколаемъ Семашкомъ, ключникомъ Луцкимъ, съ Маркомъ Викгурой, Иваномъ Свищовскимъ, Иваномъ Бѣлостоцкимъ, Яномъ Несвецкимъ, Федоромъ Свищовскимъ, Василіемъ Викгурой, Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростой Луцкимъ, и другими участниками наѣзда, по тому же дѣлу,—*Ibid.*, л. 399 на обор., 407, 416, 443, 454 и др.

LXXIV.

Донесенія возныхъ о томъ, что Гедеонъ Балабанъ, архимандритъ Жидичинскій, протестовалъ предъ ними объ утайкѣ отъ него старостою Луцкимъ Александромъ Семашкомъ королевскаго распоряженія относительно отобранія отъ него Жидичинскаго монастыря. 1597 года, октября 13.

Року 1597, месяца октебра 13 дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцких, от дня светого Михала, римского света, в року теперешнемъ деветдесятъ семомъ припалыхъ и на завтрие того менованого света судовне одправовати зачатыхъ, перед нами Федором Кадъяномъ Чапличомъ Шпановским судъею, а Иваномъ Хренницкимъ подъсудкомъ, врядниками судовыми земскими повету Луцкого, постановившися очевисто, возный повету Луцкого, шляхетный Матысъ Славокгурский, ку записаню до книгъ земскихъ Луцких созналь тыми словы: ижъ дей в року теперешнимъ деветъдесят семомъ, месяца августа двадцат первого дня, маючи я при собе другого возного, Андрея Дубницкого, за росказаньемъ и посланьемъ его милости пана Браславскаго, старосты Луцкого, ездили есмо до манастыра Жидичинского до отца Гедиона Болобана, архимандриты Жиды-

чинского; тамъ же в томъ манастыре отца Гедиона Болобана, архимандрита Жидичинского, самого застали есмо на церкви седячого, который то намъ оповедилъ: ижъ дей сее ночи великий кгвалтъ и безъправъе от его милости пана Браславского и иншихъ мне стало, мене дей самого и слугъ моихъ мало не позабияно, передъ которыми ледвемъ дей на церковъ утекъ, и теперъ дей мене гайдуки коло церкви обълегли; показавши намъ гайдуковъ и людей не мало, нами светъчилъ. Потомъ мы подали есмо ему копию з листу его королевское милости подъ печатьми своими, от его милости пана Браславского черезъ насъ посланую, в которой его королевская милость писати рачилъ, абы добра манастыра Жидычинского от отца Гедиона Болобана отобралъ, яко вакуючие, на которых якобы отецъ Гедионъ Болобанъ, архимандрытъ Жидичинский, не хотечи брати и не маючы на собе на станъ духовный посвеценя, мешкаетъ; у которое копии, з листу его королевское милости переписаное и намъ от его милости пана Браславского поданое, которую есмо отцу Гедиону Болобану подали, дата року тисеча пят сотъ деветдесятъ шостого, месяца декабра двадцать четвертого дня. Якожъ отецъ Гедионъ Болобанъ тую копию од насъ взялъ и нами тое светчилъ: ижъ тотъ листъ короля его милости с которогосте мне копию дали, мало не от року с канцлереи его королевское милости, яко ся з даты значитъ, есть выданъ, а ажъ до того часу задержанъ, съ которымъ ся дей его милость панъ Браславский и нихто перед тымъ не оказовалъ, аж тепер, кгды ми его милость панъ Браславский и немало иншихъ зъ его милостью кгвалтъ и безправъе и шкоды незносные учинили, с тым листом ся не оказали, до мене копию прислали. Которое осветченье отца Гедиона Болобана мы принявши, на онъ часъ з Жидычина есмо прочъ отехали; а тепер, за ужитьемъ его милости не иначей, одно такъ, яко наделяло, тое сознанье свое до книгъ подаемо. А потомъ того ж дня на дате вышъ помененой, перед нами жъ у суду земского Луцкого постановившися очевисто, возный повету Луцкого, шляхетный Филипъ Вертепа ку записаню до книгъ сознал тыми словы: ижъ дей я, маючи другого возного, Матыса Славокгурского, весполъ з нимъ року теперешнего девет десятъ семого, месеца сентебра двадцать четвертого дня, за посланьемъ его милости пана Браславского, ездили есмо до монастыра Жидичинского до Жи-

дычина, до отца Гедиона Болобана, архимандрыта Жидычинского, тамъ же приехавши, дали есмо копию з листу от его милости подъ печатьми своими, под датою року деветъдесят семого, месеца сентебра четвертого дня, которую его милость панъ Браславский отцу Гедеону Болобану, архимандриту Жидичинскому, через насъ послалъ, въ которой пишетъ, иж его королевская милость до пана Браславского, за даньемъ справы его милости, писати рачитъ, вдячне то приймуючи, же его милость пан Браславский манастыръ Жидычинский от отца Гедиона Болобана, архимандрыта Жидычинского, яко человека свецкого и выклятого, добра до замку Луцъкого, ведле росказаня короля его милости, привернулъ; якожъ отецъ Гедионъ Болобанъ, архимандритъ Жидычинский, от насъ тую копию взялъ и поведилъ, же его милость панъ Браславский з ынъшими безъправне и кгвалтовне, не обсылаючи мене передъ тымъ жадными листами короля его милости, наехавши на Жидычинъ, маетность мою вылупили, выбрали, и мене самого мало о горло не приправили; а што дей его милость панъ Браславский королю его милости дал такую справу, якобы ся я воли кролеви его милости спротивити мелъ и на церкви утаил, теды дей я, якъ ся не противелъ, и не противлю, и на церквимъ ся не утаевалъ, але дей в жадномъ переводе права, за чимъ быхъ добра свое, данину короля его милости, свого милостивого пана, стратити мелъ, не вемъ, тилко за правомъ своимъ держу; а што се дей дотычетъ, штомъ на церкве былъ, то если превеликий и незносный кгвалтъ, который въ ночи от его милости пана Браславского и иншихъ моцно наехавши, уносечи здорове свое учинилъ, яко ж дей и тамъ, хотечи мене достати, пострелили мене были и облегли и незноснымъ трапенемъ, голодомъ и трывогами трапили. Якож мы слышачи тые слова от его милости отца Гедиона Болобана, архимандрыта Жидычинского, с тымъ есмо з манастыра Жидичинского прочь отошъли. Которое то очевистое сознанье возныхъ вышъпомененыхъ до книгъ земскихъ Луцъкихъ есть записано.

Книга земская Луцкая 1597 г., № 2085, л. 520.

LXXV.

Донесеніе возныхъ о посольствѣ ихъ отъ архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана къ старостѣ Луцкому Александру Семашку, съ вопросомъ о королевскомъ мандатѣ по Балабана. Отвѣтъ старосты. 1597 года, октября 13.

Року 1597, месяца октебря 13 день.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, от дня св. Михаила, римского свята, в року теперешнемъ деветдесятъ семомъ припалыхъ и на завтрие того менованого свята судовне отправовати зачатих, передъ нами Өедоромъ Чапличомъ Шпановскимъ судиею, а Иваномъ Хреницкимъ подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившися очевисто, возные повету Луцкого, шляхетные Иванъ Покощовский а Михайло Жирицкий, ку записанью до книгъ земскихъ Луцкихъ сознали тыми словы: ижъ року теперешнего девятъдесят семого, месяца октобра осмого дня, за очевистымъ приданьемъ суду земского Луцкого, а за ужитьемъ отца Гедиона Болобана, архимандрита Жыдичинского, ходили есмо до замку вышнего Луцкого, до его милости пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосъты Луцъкого, отъ отца архимандрита Жидичинского с цедулою его милости, до его милости пана Браславского писаною, и кгды есмо до его милости пана Браславского в замокъ вышній Луцкий пришли, теди есмо его милости тую цедулу в руки подали, которая написана тыми словы: „Милостивый панъ, старосто Луцкий, естесмы до вашей милости посланы от отца архимандрита Жыдичинского, с тымъ, иж копию, которую ваша милость ему прислати рачилъ з листу его королевъское милости, нашого милостивого пана, через возныхъ енералъныхъ Матыса Славокгурского, а другого Филипа Верпету, в року теперешнемъ деветдесятъ семомъ, месяца сентебра двадьцат пятого дня, и до тои копии тыхъ же возних печати суть притиснены; с которое копии добре зрозумевши отецъ архимандритъ Жидичинский, же его ваша милость до короля его милости, пана нашого, оскаржити и отънести рачилъ въ томъ, ижъ бы ваша милость мелъ привернути монастыръ Жидычинский до замку староства Луцкого, а отецъ архимандритъ ижъ бы ся мелъ в манастыри на церкви утаити и с нее упорне зыйти не хотелъ, а воли его коро-

левской милости в томъ яко бы ся спротивити мелъ; о чомъ поведает отецъ архимандритъ Жидычинский, ижъ я ся не чую, абы противъ воли его королевское милости противенъ мелъ быти, пану своему милостивому, але такъ поведаетъ, ижъ я за правомъ, которое маю от его королевской милости, пана моего милостивого, то есть монастиръ Жыдичинскый держу, о который, поведаетъ, не естемъ ни от кого, ведле права посполитого, позыванъ, а ни в которого права отъ него не естемъ отсужонъ и поконанъ, с тое причины тотъ манастыр держу, а никому его не поступовалъ а ни пускалъ; а ижъ за такимъ оскарженьемъ, поведаетъ, от вашей милости естемъ до его королевское милости неслушне одънесенъ, зачимъ король его милость рачилъ розумети о немъ, яко бы спротивникомъ стати се мелъ, зачимъ его королевская милость вашей милости росказалъ далей з нимъ водле права посполитого поступовати; а ижъ за такимъ отъ вашей милости оскарженемъ и даньемъ справы до двору его королевскои милости, ничого инъшого затымъ водле права посполитого не розумеетъ, едно мандатъ, албо позовъ по него с канцлереи королевское милости ваша милость вынести рачилъ, а ижъ онъ обавяючисе фортелю и ошуканья черезъ возного которого жъ колвекъ, ижъ бы, мандату албо позву по него не кладучи а ни ему давши, абы до книгъ сознанья своего не учинилъ поданья оного мандату албо позву, зачимъ бы у двору короля его милости, за подъступъленнемъ такимъ в неведомости кладенья мандату албо позву, могъ бы зданъ быти, зачимъ отецъ архимандритъ о томъ мандате албо позве черезъ насъ возныхъ отъ вашей милости припытуетъ: ест ли есть тот мандатъ албо позовъ при вашей милости? вашу милость жадаетъ, абы ему данъ былъ черезъ нас возних.“ А потом, кгды его милость панъ Брасълавский тую цедулу, от насъ взявши, вычиталъ, токгды есмо именемъ его милости отца архимандрита пытали его милости: если его милость мандати якие короля его милости на отца архимандрита Жыдычинского, вынесл ихъ, будь на маетности его милости клалъ, будь очевисто в руки давалъ; а естли же якие есть вынесены, теды черезъ насъ просить, абы ваша милость послати рачилъ. Его милость панъ Браславский намъ ни чого на тот часъ не поведилъ и жадного респонсу на цедулу отца архимандрита не вчинилъ, и росказалъ намъ, абы есмо для респонсу по године пришли; а кгды есмо от его милости па-

на Браславского отошли, теды потомъ знову, за посланнемъ его милости отца архимандрыта, до его милости для респонсу ходили; тогды, за другимъ пришстьемъ нашимъ, его милость панъ Браславский намъ поведилъ: ижъ дей „я не возный, абымъ мелъ якую реляцыю на якие мандаты отцу архимандриту, упевняючи его в томъ, если же по него кладены, албо нѣ, чинити.“ И намъ ничого на то болше не отказавши, насъ с тимъ отправилъ. Которое то очевистое сознанье возныхъ вышъпомененыхъ до книгъ земскихъ Луцкихъ есть записано.

Книга земская Луцкая 1597 г., № 2085, л. 548.

LXXVI.

Жалоба архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана о нарушеніи старостой Луцкимъ Александромъ Семашкомъ заручнаго королевскаго листа, выданнаго ему 3 марта 1593 года, въ коемъ король запрещаетъ старостѣ чинить впредь угрозы жизни и здоровью архимандрита и отнимать его имущество, подъ зарукой двухъ тысячъ копъ грошей литовскихъ. Напоминаніе старостѣ отъ уряда земскаго Луцкаго о ненарушеніи королевскаго повелѣнія. 1597 года, октября 13.

Року 1597, месяца октебра 13 дня.

На рокахъ судовыхъ земских Луцких, которие в року теперешнем деветъдесятъ семомъ на день светого Михала, римское свято, припали и судовне отправоватися зачали, перед нами Федоромъ Чапличом Шпановскимъ судею, а Иваномъ Хренницкимъ подсудкомъ, и при бытности его милости пана Михайла Гулевича Воютинского, писара земского Луцкого, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившисе у суду очевисто в Бозе велебный отецъ Гедионъ Болобанъ, аръхимандритъ Жидычинский, оповедал перед нами у тые слова и обътяжливе жаловалъ на его милость велможного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосту Луцкого: ижъ дей „панъ староста Луцкий, звяснившися на мене умыслне отъ колко летъ за тое, же онъ, маючи именья свои изъ именями церковными ма-

настира Жыдичинского о границу, которих то именей церковнихъ хотечи его милость и кгрунти церковные забрати а до своих именей привернути, которие то именя церковные я маючи з ласки Божое и зъ милостивое щодробливости его королевское милости в держаню своимъ, которого то забранья кгрунтовъ церковнихъ отъ церкве Жидичинское отбирати не допустил есми; то пакъ панъ Браславский, взявши за то на мене злый умыслъ, мне самому на здорове мое отповеди и похвалки, то есть мене забить казалъ, што я, не будучи безпечнымъ здоровя своего от пана Браславского, одержалъ есми листъ од его королевское милости до пана Браславского на то, абих от его милости здоровъя своего самъ былъ безпечным, под закладомъ две тисечей копъ грошей литовскихъ. А ижъ его милость панъ Браславский, ничого не дбаючи на тотъ листъ заручный его королевское милости, мене, яко чоловека спокойного, ему и никому ничого невинного, забити, наславши ночнимъ обычаемъ слугъ и приятелей своих не мало в манастиръ Жидичинский, и на смерть замордовати казалъ, маетность мою, золото, серебро от мала до велика, скарби церковные кгвалтомъ ис церкви забрати казалъ и за тимъ в заруки две тисечи копъ грошей литовскихъ попалъ; што дей я тое своволенство и безъправе, которое ся мне отъ пана Браславского, старосты Луцкого, стало, на вряде кгродскомъ Володимерскомъ ширей подостатку оповедалъ, о тоежъ и тутъ дей, панове судовые, и перед вашими милостями на его милость ся светчу, и зъ нимъ о тое все правне чинити буду; а тотъ листъ его королевское милости перед вашими милостями оповедаю и тотъ листъ отновляю“. И покладалъ тотъ листъ его королевское милости перед нами, просечи, абыхмо тотъ листъ вычитавши, в книги земские Луцкие вписать казали, который тотъ листъ вычитать есмо казали, и так се в собе маеть: Жикгимонт Третий, Божою милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Ифлянтский, Шведский, король дедичный. Урожоному Александрови Семашкови на Хупкове кашталянови Браславскому, старосте нашому Луцкому, верне намъ милому, ласку нашу королевскую. Урожоный верне намъ милый! Жаловалъ намъ шляхетный Болобанъ о томъ, яко бы верность твоя, безвинне зваснившися на него, отповеди и похвалки, на здоровье его стоячи, сам черезъ себе, слугъ, бояръ и подданыхъ своихъ чинити мелъ;

и билъ намъ чоломъ, абихмо ему безпечности здоровя отъ верности твоей заклады наши, в праве посполитомъ описаными, уделати велели. Ино мы господаръ, за такимъ даньемъ намъ справы, вырозумевши таковые отповеди и похвалки верности твоей праву и покоеви посполитому быть противные, а хотечи здоровья помененого Григоръя Болобана отъ верности твоей безпечное мети, верности твоей подъ закладомъ двохъ тисечей копъ грошей литовскихъ росказуемъ, абы верность твоя такъ самъ черезъ себе, слугъ, бояръ и подданыхъ своихъ, ни которыхъ отповедей и похвалокъ не чинилъ и во всемъ ся противъ помененому Григорю Болобану, слугамъ, бояромъ и подданымъ его, и тымъ, которие подъ послушенствомъ его теперь суть, скромне ся заховал и слугамъ, также бояромъ и всѣмъ подданымъ своимъ заховати велилъ; а было ли бы верности твоей якое дело до него, в томъ бы ся з нимъ правне и не кгвалтомъ о то чинилъ; подъ такими заруками нашими по верность твою мети хочемъ, для ласки нашое и повинности уряду своего, абы верность твоя иначей не чинилъ. Писанъ у Варшаве, месяца марца девятого дня, року Божого тисеча пятьсотъ деветьдесятъ третего, а панованя нашого року шостого.—А по вычитаню того листу просилъ насъ отецъ архимандритъ Жыдичинский, абихмо тое оповедане его принявши и тотъ листъ королевский его милости заручный до вашей милости писаный у книги актиковавши и его тепер ведомостю своею отновивши, вашу милость, пане Браславский, черезъ тотъ листъ актикованый и отновленый з уряду нашого земского Луцкого напомянули, а то в тое мере, ижъ еще ваша милость и знову отповеди и похвалки на здоровье его, также што шкоды и грабежи во йменьяхъ церковныхъ державы его чинишъ; про то мы вашу милость, пане старосто, навпоминаемъ, абы ваша милость, паметаючи на тотъ листъ его королевское милости и одновенье наше, и на заруку въ немъ описаную, жадного небезпеченства отцу Гедиону не чинилъ, подъ таковымъ закладомъ двохъ тисечей копъ грошей литовскихъ, такъ словомъ, яко и рукою, самъ черезъ себе и черезъ слугъ и приятелей своихъ, конечно. А такъ мы, судъ, то все у книги земские Луцкие записати казали.

Книга земская Луцкая 1597 г., № 2085, л. 549. на об.

LXXVII.

Судебное разбирательство по жалобѣ пана Якима Обуховича о томъ, что епископъ Кириллъ Терлецкій, воспользовавшись смертью жены Обуховича и отсутствіемъ въ то время его самого, забралъ все движимое имущество жалобщика и даже присвоилъ самый домъ его въ Луцкѣ. 1597 года, октября 15.

Року тисеча пятъ сотъ деветъдесятъ семого, месяца окътебра пятогонадцать дня.

На рокох судовых земских Луцъких, в року теперешнем деветъдесят семом о светомъ Михале, римскомъ святе, припалых и судовне отправовати зачатых, перед нами Федоромъ Чапъличомъ Шпановскимъ судею, а Иваном Хренницкимъ подъсудкомъ, врядниками судовыми земъскими Луцъкими, постановившися очевисто у суду, панъ Яхимъ Обуховичъ, поднесъши позов земский Луцкий жалобы своее по велебного в Бозе отца Кирыла Терлецкого, екзарха, епископа Луцкого и Острозского, просил, абы был читан, который такъ ся в собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божею милостью королъ Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский, тою же Божою милостью королевства Шведского власный дедичный и пришлый король. В Бозе велебному отцу Кирилу Терлецкому, Божю милостю ексарху и епископу Луцъкому и Острозскому, и всей капитуле крилошаномъ епископъства Луцъкого церкви соборное головное Луцкое светого Иоанна Богослова. Жаловалъ у суду нашого земского Луцкого шляхетный Яхимъ Обуховичъ на вашу верность, о томъ, иж дей в року прошлом, тисеча пят сот деветдесятъ четвертомъ, месяца априля девятого дня, без бытности того Яхима Обуховича в дому его, в месте Луцком лежачого, жона его власная венченная Палагя, бывшая Кгерецкая, смертью з сего свѣта зошъла, то пакъ дей верность твоя, отче епископе Луцъкий, посъполъ с крилошаны епископъства Луцъкого, нитъ ведома для чого и за якимъ правомъ, не маючи з жоною его жадное повинности, домъ его и жоны его власный, такъ же и маетность его самого и жоны его, то ест золото, серебъро, гроши, шаты, коберцы, колъдры, постелѣ, перины и подушъки, цын, медь, и увесь статокъ до-

мовый, отъ мала и до велика, веръность ваша кгвалтовне а упоръне до собе забравши, и до сего часу у себе держите, и с того дому его пожиток собе привлащаете, которого того забраня оное маетности своее менит собе быти пречоный Яхимъ Обуховичъ на тисечу коп грошей личбы Литовское; такъ тежъ справы его власные, которые первей за живота жоны своее перед верность вашу, отче епископе Луцъкий, мелъ справовал ся, на себе еси на тотъ же часъ забралъ, в чом онъ отъ верности вашое и от крилошан капитулы Луцкое менечи собе жал, кривду и шкоду немалую, и о всемъ томъ з верностью вашою а с капитулою очевисто у права мовити хочетъ; якож дей онъ верность вашу на роки земские Луцкие Михаловские, в року прошъломъ деветдесятъ четвертомъ сужоные, позывалъ; нижъ-ли для певных причин з верностью вашею справедливость ему не стала, такъ же теж и на роки земъские Троецкие, Михаловские, Трикролские, в року прошлом деветдесят пятом сужоные, позывалъ, ниж ли и тых роков с певных причинъ з верностъю вашею справедливости ему не стало, и маючи онъ отъ верности вашое в том кривду, о то верность вашу позыва. Прето приказуемъ, абы верность твоя на роки земские Луцкие, которые в року теперешънемъ деветъдесятъ семомъ, на день светого Михала, света римского, припадут и на завтрее того свята судити се зачнутъ, в замъку нашомъ Луцъкомъ, перед судом нашимъ земъскимъ Луцкимъ сами очевисто и завите стали, и в том всемъ тому поводови наконецъ уистили. Писан в Луцку, року тисеча пят сотъ деветъдесятъ семого, месяца июля двадцет семого дня. Михайло Гулевичъ Воютинский, писар.—А по вычитаню того позву, доведши позву и року слушне водле права, сторона поводовая пан Яхим Обухович просил о возного ку приволаню до суду стороны позваное, на што ему от нас возный был придан, который, тут же очевисто у суду стоечи, сознал, ижъ сторону позваную отца Кирила Терлецкого, владыку Луцкого, и капитулу церкви соборное Луцкое от стороны поводовое три дни по трикрот до права приволывалъ, за которым приволанемъ возного сторона, пан владыка Луцкий и капитула Луцкая, сами черезъ себе, а ни через умоцованого своего у суду до тое справы не стали, нам, судови, и стороне никоторое ведомости о собе не дали; зачим сторона поводовая пан Яхимъ Обуховичъ домавялся, абы сторона позваная, яко несталые и права непослушные, у ви-

не першого нестаня их были зданы. Суд нинешный земский Луцкий, за домовенемъ стороны поводовое, его милость отца Кирила Терлецкого, владыку Луцъкого, и капитулу церкви головное Луцкое, яко несталых и права не послушных, у вине першого нестаня их вздати есмо допустили; а кгды повторе сторона позваная от повода позвани будутъ, тогды вперед судови и стороне, водлугъ статуту, першого нестаня своего заплатити повинни будутъ. Што все для памети до книгъ земских Луцъких записати есмо казали.

Книга земская Луцкая 1597 г., № 2085, л. 625 на об.

LXXVIII.

Декретъ королевскаго суда объ отобраніи Жидичинскаго монастыря отъ Григорія Балабана, какъ отъ человѣка свѣтскаго, упорно отказывавшагося принять посвященіе въ санъ духовный и за то преданнаго церковному отлученію, и передачѣ его епископу Луцкому Кириллу Терлецкому. 1597 года, ноября 21.

Року тисяча пятсотъ деветдесят семого, месяца декабра семогонадцатого дня.

Постановившися у книгъ кгродских Луцких, по зейштью с того свѣта велможного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты тутошнего Луцкого, передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростим тутошним Луцкимъ, в Бозе велебный его милость отецъ Кирил Терлецкий, ексарха, епископъ Луцкий и Острозский, архимандритъ Жыдичинский, покладал до активованья и уписанья до книгъ декретъ его королевское милости одсуженья од Григорья Болобана манастыра Жидичинского, который декретъ слово от слова так ся в собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божою милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянский и Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный король. Ознаймуемъ тым листом нашим, иж приточилася до нас и до суду нашого

справа, за позвомъ инстикгатора нашого—зъ одное, а шляхетного Григоря Болобана, нареченого архимандрита Жидичинского, з другое стороны, о неслушное и противко канономъ и привилеемъ через него держанье того манастыра и добръ до него належачихъ, шафункови нашому подлеглых, на котором року Матей Важинский, на местцу инстикгатора, именемъ скарбу нашого, доведши правне поданя позву и року за ним припалого, по прочитаню того позву, контента его выводечи, покладал перед нами книги албо каноны, называемые правила, в котором описаны суть певные артикулы на порядок и захованье, поволанье и повинности духовные, а при том и привилее светое памети продка и вуя нашого, его королевское милости Жикгимонта Августа, на сойми Городелскомъ, року тисеча пят сот шестдесят осмого, месяца июня двадцать пятого дня, даный, в котором описуеть, иж на прозбу и жадане отца Киръ Іоны, архиепископа митрополита Киевского, упривилеевати и позволити рачилъ, абы так у панстве нашом великом князстве Литовском, яко и в руских, которые ку короне належать, достоенства духовные людем свецкимь не были давани, а кому бы светскому урядъ духовный былъ дан, а онъ далей в трох мѣсяцех стану и вряду духовного на себе приняти не хотелъ, о таковых преложеные их, хто в чией диоцизыи будеть, нам господару без омешканья давати знати мають, а мы отбирати од таковых добра духовные и отдавати маем, водлугъ воли нашое, кому ся годити будеть. Иж тот Григорей Болобанъ, водлугъ того порядку, также правилъ и кановъ, духовенству належачихъ, не заховался, будучи човеком светскимъ, под покривкою духовное особы, ижъ не принялъ на себе уряду духовного в дванадцати недѣлях, од зверхного своего на стан духовный посвеценя не принял, але и потом час не малый, светскою особою будучи, тых добръ церковных, шафункови нашому належачихъ, ку шкоде и уближеню, пожитковъ церковных уживал; тогды епископъ Луцкий и Острозский, в Бозе велебный отецъ Кирилъ Терлецкий, з належности и повинности уряду своего, листомъ своимъ упоминалным, абы посвецене на стан духовный принял, урядовне его обносилъ, а потом, кгды ся в повинности своей почувати посвеценя приняти не хотелъ, тогды о то позвомъ духовнымъ, на попиране инстикгатора духовного, перед себе самого, яко звѣрхнего и преложоного в деоцезыи своей, первей того одным, а потом, за не-

становенемъся его, так же за листом упоминалнымъ митрополимъ, и другимъ псзвомъ позывалъ; за которыми позвы, ижъ сторона позваная, так на першомъ року, за першимъ позвомъ, яко и па другом, за другимъ позвомъ, сам не становился, а ни через умоцованого своего не озвался, отецъ епископъ Луцкий, за домовенемъся инстикгатора духовного, сторону позваную Болобана, яко зверхности уряду своего непослушного, водлугъ права, за нестаного здавшы, оного в клятву подалъ; чого, яко подання листов упоминалных, так и позвовъ, выписами с книгъ духовныхъ доводилъ и декрета суду епископа Луцкого в тое справе, оденъ под датою року тисяча пятсот деветдесят пятого, месеца мая третегонадцатого дня, а другий подъ датою року тисяча пятсотъ деветдесят шостого, июля пятого дня, учиненые, передъ нами покладал. Якож отецъ епископъ Луцкий, показуючи ему в том ласку и милосердые болшое, яко отецъ противко сынови своему, нехотечи таковое срокгости правное, в которую попал, над ним выконать, але жичачи, абы ся у таковом упоре и спротивенству выступку своем обачивши и за оный покутами и ялмужными своими досыть учинивши, посветченье на архимандрицтво од него, яко од старшого пастыра своего, принял, по третій раз листомъ своим упоминалным урядовне относилъ; а иж тот Болобанъ тому досыт учинити и на то ничого дбати не хотелъ, вышей менованый епископъ Луцкий, в непослушенстве и спротивенстве его, до уряду и суду вышшого, Божою милостью архиепископа митрополитъ Киевского, Галицкого и всея Руси, Михайла Рагозы, на диляцыи подал. Зачимъ отецъ митрополитъ, выдавши по него позвы на синод Берестейский, за поданемъ ему их очевисто в руки урядовне, на року за ними припалом, кгды отецъ епископъ Луцкий против ему приповедал се, не чинячи скваплиbе в тое справе жадного декрету, порядком права своего духовного черезъ уставника по три дни приволываный не становился, а ни черезъ умоцованого своего жадное ведомости причины нестанья своего не ознаймилъ, але еще, на взгарду зверхности церкви Божое, и послушенства пастыровъ своихъ, будучи обличне в мѣсте нашом у Берести, отлучившися одъ церкви Божое, з геретиками переставалъ, отецъ митрополитъ з иншою братею своею, з верхности своее духовное, моцю права посполитого, за показанем на писме ясных и правных доводов од инстикгатора духовного, помененого Григоря Болобана,

яко непослушного, водлугъ права, за нестаного на упад здавши, в третее неблагословенство вечное его вложилъ, на третимъ року, за третими позвы, который посвеценя на стан духовный не принялъ и до порядку светого приступити не хотел, с церкви Божое и од вшеляких достоенствъ, также од сполку и обцованя людей, выклялъ вечною клятвою; чого доводечи, покладал перед нами декретъ суду отца митрополита, под датою року тисяча пятсот деветдесят шостого, месяца октебра осмого дня, яко то шырей и достаточней в листех упоминалных, в позвех и декретах епископа Луцкого и митрополита Киевского описано есть. По которых таковых доводах, Матей Важинский, наместникъ инстикгатора нашого, поведилъ, иж с таковых вышей помененыхъ причин, сторона позваная, Григорей Болобанъ, который не толко во дванадцати недѣляхъ, водлугъ правъ и правилъ духовныхъ, будучи не пооднокроть од пастыровь и звирхностий своих напоминаный, посвеценя на архимандритство не принялъ, але мандаты и росказанья ихъ легце поважаючи, в недбалство покладаючи, перед ними через упор свой не становился, зачим в клятву вѣчную есть вложон, и не толко особою духовною быти, але и добръ до архимандрицства Жидичинского належачихъ, которые з наданья и шафунку нашого вышли, мѣти и оных одъ того часу болшей того держати и уживати не можетъ; надто показалъ одослане до насъ господара од велебного отца митрополита о спротивенство и непослушенство преречоного Болобана зверхности их духовное, уживаючи нас, абысмы з владзы нашое господарское, водле правъ стану духовного, кому иншому поряднейшому особе духовной тот манастыр оддали. Мы, видечи слушное одосланье и прозбу велебного отца митрополита, старосте нашому Луцкому, урожоному Александру Семашъку на Хупкове, кашталяну Браславскому, з рук и владзы того Болобана преречоный манастыр Жидичинский взяти и до владзы и рукъ наших привернути, зо всими прилеглостями, зъ селами, доходами и церковными речами рухомыми и не рухомыми, ничого не выймуючи, наказали. Которому то урядови и мандатом нашим преречонымъ Болобанъ во всемъ спротивилъся, и кгвалтовнымъ упором своим и своволным до рукъ и шафунку нашого, яко намъ належачого, подати не хотелъ, але и овшем, способивши собе по мысли своей товариства, моцно, кгвалтом противко урядови и зверхности нашое се обходил и поступовал, противячися воли

нашой, никоторыхъ посланцовъ нашыхъ бил, змордовалъ и на местцу манастырском, посвеценым Богу, роскривавилъ, а инших кгвалтовне повыганял, зачим ся кгвалтовным посесоромъ над волю нашу въономъ манастыру застал; чого всего выписами врядовыми доводечы, просил и домавялся, абыхмо тое архимандрицство Жидичинское зъ селами и зо всими до него приналежностями, з владзы, з держанья и уживанья его взявши, до шафунку нашого присудили, а о пожитки, которые через тот увесь часъ с того архимандрицства на себе бралъ, инстикгаторови нашому волное мовене у права з нимъ о то зоставили. А од преречоного позваного Григоря Болобана, архимандрита Жидичинского, ставши умоцованые его, шляхетные Криштофъ Бялобрыский а Иванъ Чайковский, показавши моцъ до права листовную, собе од позваного на зыскъ и страту даную, под датою в Жидичине, року тисеча пятсотъ деветдесят семого, месеца ноября шостого дъня, поведили, ижъ тот поступокъ, который инстикгаторъ противъ позваному Григорью Болобану заочне, без ведомости позваного, одержал, ему шкодити не можетъ; другая, же естъ не подлугъ канонов и правил духовных переведеный, поведаючи, же ведлугъ синоду Карфаинского, положеня второгонадцатого дня и третогонадцать, не могъ самъ отецъ владыка, также митрополитъ, судити, одно принамний з десятма епископами, ктому же мял быть позваный, подлугъ синоду тогожъ артикулу семдесять четвертого и апостолскихъ правилъ, через двохъ архимандритовъ, яко архимандритъ Жидичинский, а не черезъ попа, яко од инстикгатора показуетъ; над то, подлугъ сеноду тогожъ Карфаинского, положеня девятогонадцать, мялъ быть од инстикгатора духовного позваному назначоный и зложоный рокъ в чотырох недѣлях, к тому мялъ быть по трикроть позваный; до того былъ позваный од инстикгатора духовного о то, якобы он не мел свещенства приняти, а мы показуемъ, же естъ, за позволенемъ митрополита Киевского, черезъ владыку Лвовского посвеценый, и черезъ самого митрополита Киевского на синоде Берестейскомъ, дьня пятого октебра, року Божого тисяча пятсот деветдесят шостого, естъ на архимандритство Жидичинское благословеный, теды и с тое мѣры тот процес, яко неправне, против каноном и правилом духовнымъ, такъ теж неслушне, кгдыжъ естъ позваный посвеценый, одержаный, позваному до обороненъя своее справы напротив инстикгаторови короля его милости ничого

шкодити не можетъ; и просили умоцованые позваного, жебы суд нашъ господарский, зналязши локумъ станди позваному одповедити, на речъ самую головную слухалъ, заховуючи собе о тот поступок волное мовене, так зъ отцем митрополитом, яко и зъ отцемъ владыкою, на прешлом близко синоде. А инстикгатор наш поведилъ: ижъ дей я з вами не маю пляцу о том процесе в праве духовном на принципале вашом одержаном контровертовати, яко у суду не належного, тылко если вы маете якое благословене од епископа своего, албо зачим бы есте ту местце craня мѣти могли, але ижъ не показуете од епископа належного, в которого парафии и благословенстве тот манастыр Жидичинский естъ, жадного блогословенства и тых клятвъ з Болобана знесенья, теды тут у суду мѣстца ку станю яко самъ Григорей Болобанъ, такъ и вы, умоцованые его, мѣти не можете; што ся ткнетъ листов на посвецене, ач колвекъ его розсудокъ судови нашому не належитъ, однакъ, для лепшое информацыи нашое, указалъ инстикгатор протестацыю именемъ отца митрополита перед книгами кгродскими Луцкими учиненую, под датою месяца октебра шостогонадцать, року тисяча пятсот деветдесятъ шостого, указалъ и листъ явный тогожъ отца митрополита, в которых дае знати, же бы отецъ митрополитъ двох мамрамов отцу Гедионови Болобанови, владыце Львовскому, поверилъ для певныхъ справъ церковных, с которых один на тот листъ змышленый ужито, кгды жъ се и то показати може, же отецъ митрополитъ там, где дата того листу, у Берести на тот часъ не былъ; и просили насъ стороны обедве о вырокъ нашъ господарский. А такъ мы, с паны радами и врядниками нашыми, на суды од насъ высажоными, выслухавши мовенья и споров з обудву сторонъ и добре тую справу зрозумевши, бачечи то, ижъ Григорей Болобанъ, упросивши в насъ архимандрицство Жидичинское, будучи чоловеком светъскимъ, посвеценя на стан духовный од преложоного своего не маючи а не беручи, зъ селми и зо всими до него приналежностями через часъ немалый держалъ, и пожитки вшелякые на себе бралъ; о што будучи листами упоминалными урядовне обношоный и позвы до права духовного о таковое своежите над права и правила светых отцов и привилеевъ продка нашого не по однокрот позваный, не становился, и овшемъ на взгарду церкви Божое и старших своихъ послушенъ быти не хотелъ, зачимъ у суду ду-

ховного порядкомъ правнымъ на вѣчную клятву естъ вложонъ, од сполку и обцованя людей оддален и од церкви Божое вылученъ; а иж знесеня зъ себе таковыхъ клятвъ не показуетъ, але в тых клятвах ажъ до того часу трваетъ, а о таковомъ поступку правномъ, од суду духовного переведеномъ, и розсуженье судови нашому не належитъ, про то сказуемы, ижъ позваный Григорей Болобанъ и его умоцование не маютъ местца станю у суду нашого, зачим есмо далшого поступку инстикгаторови нашому допустили. А кгды тот же Григорей Болобанъ былъ знову од инстикгатора нашого шляхетного Крыштофа Чыжовского, возного нашого, приволаный и а ни сам через собе, а ни через умоцованого своего не становилъся, мы с паны радами нашими, за нестанемъ прперечоного Григорья Болобана и на порядное наставанье инстикгатора нашого, того жъ то Григорея Болобана на упад сказали есмы, яко жъ и сказуемы во всей речи, о которую билъ позван, зачимъ право его, которое мѣлъ од насъ на архимандрицство Жидичинское, касуемъ, уморяемъ и в нивошто оборочаемъ, а тое архимандрытство Жидичинское зо всими до него пожитки, яко ся в собе и в приналежностях своих маетъ, от него з держаня его беручи, в шафунок нашъ присудили есмо и тым декретом нашимъ присужаемъ. По котором декрете, велебный отецъ Кирилъ Терлецкий, епископъ Луцкий и Острозский, заразомъ приповедался с правом привилеем своим, ему од насъ на тот манастыр Жидичинский данимъ, которое перед нами покладал, под датою року тисяча петсот деветдесят шостого, месеца октебра двадцать семого дьня, с подписом руки нашое и с печатью коронною, просячи нас при том праве его и данине нашое заховати. Мы, бачечи тое право его, данину нашу слушную ни в чом не нарушаючи, за моцное быть узнавши, отца епископа Луцкого при том праве его заховуючи, тым декретом нашим зоставили есмо и зоставуемъ. А приводечи тотъ декретъ нашъ до скуточъное екгзекуцыи, до велможного Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосты нашого Луцкого, а в небытности его до уряду его кгродского Луцкого одсылаем, который, зъ зверхности нашое королевское, моцью того декрету нашого, тотъ монастыр Жидичинский и всѣ до него приналежности, од даты того декрету нашого за недель чотыри, з моцы, держанья и уживаня од Григоря Болобана взяти и до волного шафунку нашого

привернути маетъ, и тамже заразъ велебному епископу Луцкому тотъ манастыр зо всими его приналежностями, ничого не выймуючи, такъ, яко се в собе самъ и в пожитках своихъ маетъ, в моц, держане и вживаня его, водлугъ данины нашое, ему подати и в то его увезати мает и будетъ повиненъ, моцю того декрету нашого; и росказуемо, абы помененый староста нашъ Луцкий, або уряд его кгродский Луцкий, водлуг належности и повинности своее, порядком и звычаем права посполитого заховуючи в речи осужоное, тотъ декретъ нашъ в скутокъ самый ажъ до конца приводил, з держанья Болобанового тотъ манастыр взял и одправу заразъ чинилъ, под винами в праве посполитомъ описаными. А ижбы ся тому декретови нашому досыть стало, и сторона позваная, Григорей Болобанъ, самъ через собе а ни через кого иного тому декретови нашому ни в чомъ противный не был, а тот манастыр Жидичинский, од него осужоный, зо всѣми селы до него належачими зараз уступилъ, заруку десеть тисячей копъ грошей литовских на него закладамы, которую заруку, где бы тому декретови нашому досыть не учинилъ, тепер заразъ на немъ вcказуемо и на одправу и скутечную екгзекуцыю до урядов належных, под которых бы юрисдициею тотъ Болобанъ добра свое власные мелъ албо перемешкивалъ, одсылаемо, которую одправу вряд каждый на добрах его вшеляких, лежачих и рухомых, где колвекъ в панствах наших будучих, а в недостатку добръ и на особе его власной выконати маетъ, за тымъ декретомъ нашимъ, зараз, не одволочне, под винами в праве посполитомъ противъ недбалых урядниковъ описаными. А што ся тычетъ шкод, которые в том архимандритстве за держанья того Григорея Болобана, стати ся мели, также о скарбы церковные и о личбу с приходовъ, инстикгаторови нашому волное право у суду нашого зоставуемо, моцю того декрету нашого, до которого, для лепшое веры и сведецства, печать наша коронная естъ притиснена. Писанъ у Варшаве, дьня двадцат первого месеца ноябра, року Божого тисяча пят сот деветдесят семого, а пановання королевствъ наших полского десятого, а шведского четвертого. У того декрету его королевское милости печать коронная, а подписъ руки в тые слова: Ioan Tarnowski, nominatus episcopus Pozn. R. P. vicecancellarius,—за справою высоце велебного ксендза Яна Тарновъского, менованого Бискупа Познанского, подканцлерого ко-

ронного. P. Szczerbicz. Который же то декретъ его королевское милости ест до книгъ принятъ и уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1597 г., № 2084, л. 837.

LXXIX.

Листъ королевскій урядникамъ гродскимъ Луцкимъ, повелѣвающій имъ, по истеченіи законнаго срока, немедленно привести въ исполненіе декретъ королевскаго суда объ отобраніи отъ Григорія Балабана Жидичинскаго монастыря и передачѣ его епископу Кириллу Терлецкому. 1597 года, декабря 11.

Року тисеча пятсот деветдесят семого, месеца декабра семогонадцатаго дня.

Постановившеся у книгъ кгродских Луцких, по зейштью с того свѣта велможного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславъского, старосты Луцъкого, передо мною Щаснымъ Галезскимъ, подъстаростимъ Луцкимъ, в Бозе велебный отецъ Кирил Терлецъкий, ексарха, епископъ Луцкий и Остърозский, архимандритъ Жидичинский, подал до актикованя и вписаня до книгъ листъ его королевское милости до уряду кгродского Луцкого писаный, который так се в собе мает: Жикгимонтъ Третий, Божъю милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянтский а Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный корол. Урожоному Щасному Кгалезскому, подстаростему, Сасину Русиновичу Берестенскому, суди, а Ивану Красенскому, писару, врядником кгродскимъ Луцкимъ, ласка наша королевская. Урожоные уприйме намъ милые! Ознаймуемы верности вашой, ижъ року теперешнего деветь десятъ семого, месеца ноябра двадъцать первого дъня, приточилася за позвы нашыми справа передъ судъ нашъ межи инстикгаторомъ нашимъ зъ одное, а шляхетным Григоремъ Болобаномъ з другое стороны, о манастыръ Жыдычинский, и по многихъ контроверсияхъ, с певныхъ причинъ одсудили есмо того Григоръя Болобана од того манастыра, яко

чоловѣка светского и выклятого, и присудили есмо зась к рукамъ нашимъ господарскимъ, в шафунокъ нашъ, и росказали есмо тым же декретомъ нашимъ старосте нашому Луцкому, а в небытности его, вамъ урядникомъ кгродскимъ, одъ даты декрету нашого за чотыри недѣли, абысте тот манастыр Жидичинский зо всими добры к нему прислухаючыми одъ Григорья Болобана в шафунокъ нашъ взяли; а онъ ижъ бы вамъ того одбиранъя ничимъ не боронилъ а ни ся вамъ спротивялъ, положилисмы заруки десять тисячей копъ грошей литовскихъ, што все ширей и достаточней в томъ декрете нашомъ есть описано и выражоно. А иж в томъ часе, по выданю оного декрету нашого, панъ Александеръ Семашко, каштелян Брасълавский, староста нашъ Луцъкий, черезъ смерть с того свѣта зъшолъ, теды постерегаючы мы того, абы надъ декрета наши нихто добр кляшторныхъ собе упорне не привлащалъ, не деръжалъ и спустошенья не чынилъ, и теперъ черезъ тотъ нашъ листъ вамъ приказуемъ и конечно то по вас мѣти хочемъ, абысте ся не вымовляючы смерътью старосты нашого зошлого, моцью зверхности нашое, яко присягали обовязуючы се, на тотъ рокъ в декрете нашомъ описаный конечне тамъ до Жидичина зъехали, а водлугъ декрету нашого той пречоный манастыръ и всѣ добра к нему належачие, з моцы и з державня од Григорея Болобана до волного шафунку нашого взявши, там же заразъ отцю епископу Луцкому Кирилу Терлецкому, право доживотное од насъ на то маючому, в моцъ и в держане его ему подали конечно; а заруки и всѣ поступки в декрете нашомъ описаные, еслибы одсужоный того манастыра, спротивляючися декретови нашому, вамъ од пас тамъ зосланымъ и утвержонымъ не уступилъ, и тое в моцы своей зоставати маетъ, яко и при живом старосте, а не иначей. Данъ у Варшаве, дьня одиннадцатого месеца декабра, року тисяча пятсот девет десять семого, а панования королевствъ наших Полского десятого, а Шведского чотвертого року. У того листу печать коронная притисненая одна, а подпис рукъ его королевское милости в тые слова: Sigismundus rex. Florian Oleszko. Который же то листъ его королевское милости есть до книгъ принятъ и уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1597 г., № 2084, л. 843.

LXXX.

Королевскій листъ капитулѣ и подданнымъ Жидичинскаго монастыря съ извѣщеніемъ объ отобраніи отъ Григорія Балабана права управленія Жидичинскимъ манастыремъ и передачѣ его епископу Кириллу Терлецкому и съ приказаніемъ оказывать новому архимандриту надлежащее повиновеніе. 1597 года, декабря 11.

Року тисяча пятсот деветдесят семого, месяца декабря семогонадцать дъня.

Постановившися у книгъ нинешних кгродских Луцких, по зейштью с того свѣта велможного пана Александра Семашка, кашталяна Браславского, старосты тутешнего Луцкого, передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, в Бозе велебный его милость отецъ Кирил Терлецкий, ексарха, епископъ Луцкий и Острозский, архимандритъ Жидичинский, подалъ до актыкованя и уписаня листъ его королевское милости, писаный до презвитеров капитулы албо крылошан в манастыру Жидичинскомъ будучимъ, который так ся в собе маетъ: Жикгимонт Третий, Божою милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянский и Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный король. Всѣмъ презвитером капитуле албо крылошаном, в манастыру нашомъ Жидичине будучим, также земяном, бояром и всимъ подданым до архимандрыцства Жидичинского прислухаючим. Ознаймуем вам, иж с певных причинъ архимандрыцство Жидичинское од Григорея Болобана, яко од чоловека светского и выклятого, одсудили есмо, право его, которое од нас на тое архимандрыцство мѣлъ, скасовавши, в шафунокъ нашъ господаръский взяти росказали есмо, и з ласки нашое господаръское, дали есмо тое архимандрицство Жидичинское, зо всѣми селы до него належачими, велебному в Бозе отцу Кирилу Терлецъкому, епископу Луцкому и Острозскому; о чомъ вамъ ознаймуемы и росказуемы, абы есте помененого отца епископа Луцкого за властного архимандрита Жидичинского мѣли и ему, яко пану своему, вшелякую повинность оддавали конечно, иначей не чинячы. Писанъ у Варшаве року Божого тисяча пят сот деветдесятъ семого, панованья кролевствъ нашихъ полского десятого, а

шведского четвертого.—У того листу печать коронная прытисненa, а подпись руки его королевское милости в тые слова: Sigismundus rex. Florian Oleszko. Который же тот листъ его королевское милости есть принят и уписанъ.

Книга гродск. Луцкая, 1597 г., № 2084, л. 836 на об.

LXXXI.

Объявленіе урядника князя Константина Острожскаго, пана Григорія Ужовскаго, о безвѣстномъ исчезновеніи священника Чернчицкаго Спасскаго монастыря Стефана Добринскаго и вышедшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Луцка кузнеца Павла. 1597 года, декабря 15.

Року тисеча пятсот деветдесят семого, месеца декабра пятогонадцат дня.

Пришедши на врядъ кгродский, в замокъ господарский Луцкий, до мене Щасного Кгалезского, подстаростего Луцкого, урядникъ ясне велможного пана его милости Костентина княжати Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, Крупъский панъ Григорей Ужовский оповедал тыми словы: ижъ дошла мене ведомость од подданых княжати его милости пана моего Чернчицких, иж дей свещенникъ княжати его милости Спаский, с Чернчицъ, Стефанъ Добрынский, у сюю прошлую суботу, то есть месяца декабра тринадцатого дня, вже у вечоръ позно былъ тутъ у мѣсти Луцкомъ, а упросивши з собою ковалчика тутошнего мѣстского Павла, паробка Томка коваля, для подкованя коня своего, и пошолъ дей сполечне з нимъ до дому своего, до манастыра на Чернчицы; тамъ же дей оный свещенник Спаский и с тымъ Павломъ ковалемъ не вѣдомо где ся подѣли, же и знаку а ни вѣдомости о нихъ мѣти не можемъ, и куды бы ся мели обернути, и ним бы ся якая вѣдомость о них одколя показати могла; просилъ, абы на сей часъ то было записано. А такъ

я тое оповедане пана Григоря Ужовского, врядника Крупского, до книгъ кгродскихъ Луцких записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая. 1597 г., № 2084, л. 834 на об.

LXXXII.

Донесеніе возныхъ о поѣздкѣ гродскихъ урядниковъ Луцкихъ для отобранія монастыря Жидичинскаго отъ Григорія Балабана и передачи его Кириллу Терлецкому. Переговоры у запертыхъ монастырскихъ воротъ съ капитулой и Балабаномъ. Отказъ послѣднихъ уступить добровольно монастырь. 1597 года, декабря 20.

Року тисяча пятсот девятдесят семого, месяца декабра двадцатого дьня.

На вряде кгродском, в замку господарскомъ Луцкомъ и у книгъ кгродских Луцких, передо мною Щасным Кгалезскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, по зейштью зъ сего свѣта велможного его милости пана Александра Семашка, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, постановившися очевисто возные енералове воеводства Волынского, шляхетные Григорей Вербский и Григорей Лемешовский, ку записаню до книгъ кгродских Луцких сознали тыми словы: ижъ што его королевская милость в справе межи инстикгаторомъ своимъ, яко поводомъ, зъ одное, а шляхетным Григорем Болобаном, перве сего нареченым архимандритом Жидичинским, з другое стороны, а то о неслушное и противко каноном и привилеем через его держанье того манастыра и добръ до него належачихъ, шафункови его королевское милости подлеглыхъ, право его, которое мел од его королевское милости на архимандритство Жидичинское, декретомъ своим королевскимъ скасовать, уморить и в нивошто обернуть рачилъ, а тое архимандритство Жидичинское зо всими до него пожитки, яко се в собе и в приналежностях своих мастъ, од него з держаня его беручы, в шафунокъ свой королевский присудити рачил; по которомъ таковом декрете его королевское милости,

который естъ под датою у Варшаве дъня двадцать первого месяца ноября, року тисяча пят сот деветдесятъ семого, велебный его милость отецъ Кирилъ Терлецкий, епископъ Луцкий и Острозский, с правом и с привилеем своим, од его королевское милости на тот манастыр Жидичинский данымъ, которое передъ его королевскою милостью покладалъ и жадалъ его королевское милости, ижъ бы при той данине оного заховати рачилъ; его королевская милость, бачечи тое право его милости и данину слушную, ни в чомъ не нарушаючи, за моцное быти узнавши, отца епископа Луцкого при том праве его заховуючи, декретомъ своим королевским зоставити рачилъ, и приводечи тот декрет до скуточнои екгзекуцыи, до велможного Александра Семашка, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, а в небытности до уряду кгродского Луцкого отослать рачилъ, росказуючи, абы з верхности его королевское милости и моцю оного декрету, тот манастыр Жидичинский и вси до него приналежности, од даты того декрету за недѣль чотыри, з моцы, держанья и уживанья од Григорея Болобана взявши, и до волного шафунку его королевское милости привернути, и там же заразъ велебному его милости епископу Луцкому тот манастыр зо всими его приналежностями, ничого не выймуючи, в моц и в держане его милости подати и в то все его милость увязати, водлугъ належности и повинности своее, порядкомъ и звычаем права посполитого заховуючи се, и тотъ декретъ его королевское милости в скутокъ свой аж до конца приводити росказать рачилъ, под винами в праве посполитомъ описаными. А иж бы тому декретови его королевское милости досыть стало, и сторона позваная Григорей Болобанъ, самъ через себе а ни через кого иного, оному декрету ни в чомъ противенъ не былъ, а того манастыра зо всими его приналежностями уступилъ, теды его королевская милость оным же декретомъ своим заруку десят тисячей копъ грошей литовских на него закладати рачилъ, которую заруку, где бы тому декретови его королевское милости досыть не стало, зараз тым же декретом своим кролевскимъ на немъ всказалъ, и на одправу и скуточную екгзекуцыю до врядов належныхъ, под которых бы юриздициею тотъ Болобанъ добра свое властные мелъ або перемешкивалъ, одсылает, которую одправу вряд кождый на добрахъ его властныхъ лежачихъ и рухомыхъ, где колвекъ в панствах его королевское милости

будучих, а в недостатку и на особе его власное выконати его королевская милость тым же декретом своим росказат рачилъ, яко ширей и достаточней, так в самой речы, яко и во всих кондицыях декретъ его королевское милости в собе обмовляетъ. По котором таковом декрете его королевское милости, ижъ велможный пан Александро Семашко, каштелян Браславский, староста тутошний Луцкий, зъ сего свѣта зышол, теды его королевская милость панъ нашъ, маючы о том зейштью вѣдомост, листъ свой королевский до уряду кгродского Луцкого выдати рачилъ, росказуючи им и конечно то по них мѣти хотечы, абы ся не вымовляючи смертю пана старосты зошлого, моцю зверхности его королевское милости, яко присягами обовезаные, на тот рокъ в декрете описаный и припалый до Жидичина зъехали, и водлугъ декрету его королевское милости, тот пречоный манастыр и всѣ добра к нему належачие з моцы и з держанья од того Григорея Болобана до волного шафунку его королевское милости взявши, там же зараз отцу епископу Луцкому в моц и в держанье его подали, заруки и всѣ поступки в декрете его королевское милости описаные, еслибы одсужоный того манастыра, спротивлаючися декретови его королевское милости, их милостьямъ од его королевское милости там зосланым и утвержоным, не допустилъ, и тии в моцы своей водле декрету его королевское милости зоставати мают, яко и при живом старосте; яко ширей и достаточней тотъ лист его королевское милости в собе в тое справе обмовляет. Теды их милость пан Сасинъ Русинович, судья, а панъ Иванъ Красенский, писар кгродский Луцкий, прихиляючися до того мандату и росказанья его королевское милости, кгды тот рок по дате того декрету в чотыри недѣли, то есть дня девятогонадцат месяца декабра в року теперешнем, тисяча пят сот девет десят семом припал, маючи их милость при собе нас возных и двох шляхтичов, пана Петра Гулялницкого а пана Матея Буйвида, ездили до манастыра Жидичинского, и кгды ку манастыру Жидичинскому приехали, там же до их милости и до нас возных вышли перед браму пят чоловековъ у чернецкомъ оденю и два попы з немалою громадою людей, их милостей и нас у манастыр не допустили; а кгды их милость о пану Болобану Григорю пытали, поведили, же есть у манастыру. Мовили их милость, иж есмы ту приехали, будучи зослаными од его королевское милости,

абысмо тот манастыр, декретом его королевское милости од Григоря Болобана одсужоный, з моцы его взявши, в шафунокъ его королевское милости привернули, а потом зараз его милости отцу епископу Луцкому и Острозскому, яко архимандриту тутошнему, водле права его, подали и в тот манастыр, также во всѣ села и приналежности к тому манастыру належачие увезали, и указавши их милости декретъ его королевское милости, также и листъ до их милостей писаный, упоминали их милость, абы пан Болобанъ, яко будучы тых добръ одсужоный, з них уступил, того увязанья не боронил. Теды тыи чернцы, которые се меновали быть чернцами, и два попы, менуючи ся быт капитулою того монастыра, через Ивана Чайковского, слугу пана Григорья Болобана, подали цедулу, которая ест в тые слова: „Мы капитула, крылошане архимандритства Жидичинского, протестуемысе и оповедаемо перед вашмостями, панове возные, ижъ мы одправы таковое, которое се вашмости упоминаете, мы не допущаемо а ни допустити можем, с тых причинъ: наперед, же не архимандрит самъ в особе своей, але мы капитула естесмо тых добр дедичами, а архимандрит толко на час справца и администраторомъ их бывает, а король его милость болшей справы до тых добръ мѣти не может, толко подаване намъ архимандрита, который же тепер жив естъ, теды оного на тотъ час од его королевское милости не потребуемо; вторая причина—не на отцу архимандрите, але на Григоръю Болобане, яко на особе светское, есть одержаный тот декретъ, бо архимандритъ, яко особа духовная, правом светским подлегат не могъ, бо естъ особою духовною и архимандритомъ Жидичинскимъ и пастыромъ нашим, и нас ни в чом, водле закону праздивого греческого, не одступил и не одступует, и мы теж его не одступуем и моцно при нем стоим и жадного увязанья не поступуемъ, аж бы был судом канонным, од двадцати владыкъ и од митрополита, правне переконаный; третяя причина, если што есть на Болобане, яко на светское особе, одержано, теды тое добрам манастырскимъ шкодити не може и одправа на них чинена быт не может. Для того се и повъторе вашмостямъ сведчимо и оповедаемо и просимъ, иж так яко мы сами, такъ и манастыр, жебы жадного безправья не терпѣлъ“. И мовитъ тот Чайковский, же капитула, яко манастыра Жыдычинского, такъ и всѣ села до него належачих, абыхмо там не ез-

дили, с тых причин и водле тое карты того увязанья не допущаютъ и моцно боронятъ. А их милости, маючи при собе листъ его королевское милости до капитулы, крылошанъ и до всихъ слугъ и земян и подданых того монастыра Жидичинского писаный, выпис с книгъ кгродскихъ Луцких, актыковане того листу, тым чернцомъ и попом подали, обвещаючи им, же иж Григорей Болобанъ естъ того архимандритства и тых добръ одсужон декретомъ его королевское милости, которого актикованя выпис с книгъ их милости им до рукъ оддали; пижли тот Иванъ Чайковский именем тых чернцовъ такъ яко и первей того увязанъя забронилъ и не допустилъ. А потом самъ пан Григорей Болобанъ, будучы на брами над вороты, окном з вежѣ намъ се оказалъ и выслалъ цедулу до их милостей и до нас, которую ихъ милость чытали, и есть в тые слова, стоячи тут же при капитуле Жидичинское, сведчился нами возными и другими своими, тыми словы: „Я вами возными и именем его милости отца архимандрита Жидичинского сведчуся и протестуюся о то, иж тот декретъ в неналежномъ суде есть одержанъ, другая—од неналежного повода, третяя—и поступкомъ праву противным, што его милость отецъ архимандритъ Жидичинский на своем пляцу и часу своего показати будеть готовъ; яко жъ и тые добра, такъ и позваного особа под правомъ седитъ и праву подлегаеть, а не будучи державцою добръ его королевское милости, под тот декретъ такъ его милость сам, як и тые добра не подлегают, с тых причин собе его милость волное право заховуетъ, а вашмостями на тот час, панове вознове, именем его милости сведчуся; с тых причин одправы тое мниманое допущати и посесыи позволяти не може“. А по пречитаню тое цедулы, их милости пану Григорью Болобану мовили и декретъ также и листъ его королевское милости, до их милостей писаный, указовали и упоминали, абы ся декретови и зверхности его королевское милости не противил, и яко одсужоный тых добръ и права своего, тот манастыр Жидичинский зо всими селы к нему належачыми, до которых ехати хотечы, поступилъ и не спротивилъ. А панъ Болобанъ на то поведилъ: „же яко капитула, крылошане, с певных причинъ, якосте слышали, такъ и я, водле тое цедулы, того манастыра и всих добр до него належачых бороню и боронити моцно будем. Кгды же есте не урядовые особы вже по смерти старостиной и едте

дей собе зараз прочъ". А так их милость, видечи таковое спротивене и не досыть учинене декретови его королевское милости, осветчивши тое спротивене их милости нами возными и шляхтою при нас будучою, оного пана Григорья Болобана, декретови и зверхности его королевское милости противного и права посполитого непослушного, их милость на далшую екгзекуцыю до его королевское милости за двором его королевское милости отослали во всей той справе, якож их милость и рокъ назначыли за двором короля его милости од даты листу их милости отосланого за чотыри недѣли, перед королем его милостью становити обудвум сторонам. Котороежъ очевистое сознане возных енералных до книгъ кгродских Луцких естъ записано.

Книга гродск. Луцкая 1597 г. № 2084, л. 849.

LXXXIII.

Позовъ къ сеймовому суду владыки Луцкаго Кирилла Терлецкаго, по аппеляціонной жалобѣ архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана о ложныхъ донесеніяхъ Терлецкаго королю, будто Балабанъ отказывался принять церковное посвященіе и подвергся отлученію на соборѣ Брестскомъ и проч., результатомъ каковыхъ донесеній было то, что Балабанъ несправедливо былъ отсужденъ отъ управленія монастыремъ Жидичинскимъ. 1598 года, генваря 30 дня.

Жикгимонтъ Третий, Божю милостю корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянтъский, Кготский, Вандалский, дедичный король. Тобе велебному Кирилу Терлецкому, епископу Луцкому и Острозскому, ексарху. Жаловалъ намъ в Бозе велебный Гедионъ Балабанъ, архимандритъ Жидичинский, на тебе о томъ, што ж ты, давши намъ справу заочную о томъ, яко бы ты листы навпоминалъные и позвы свое духовные нѣколи по него давал о то, иж якобы он посвеценя отъ тебе, зверхнего своего, на стан духовный принятъ ся зборонялъ, яко бы за одосланемъ твоимъ до велебного Михайла Рогозы, митрополита Киевского, и за припозвы

его от него на сеноде Берестейскомъ выклятымъ быти мел, яко тотъ процесъ вашъ непорядный, неправный, заочне в неведомости его учиненый, ширей в собе объмовляетъ; за которымъ то непоряднымъ миниманымъ выклятямъ, давши намъ злую справу, у суду нашого асесорского, который местца станя помененому архимандриту Жидичинъскому не призналъ и декретесъ о добра Жидичинские против него одержалъ, иж тотъ помененый судъ нашъ асесорский обмову умоцованныхъ помененого архимандрита Жидичинского—одныхъ не приймуючи, другихъ до контроверсии уписатъ не хотячи, протестаций у книги не уводячи, апеляцие до нас господаря допустит не хотячи, ку великой кривде и сказе права посполитого а ку шкоде его, тотъ декретъ суду нашого асесорского, имъ до суженя не належачий, естъ учиненый; до которого скасованя онъ тебе симъ позвомъ позываетъ, хотячи то указати, ижесь ты и декрета, клятву, и всѣ процесы неслушне, неправне, непорядне, въ неналежномъ суде, неналежный поводъ и въ неведомости егось одержалъ. Про то абы еси перед нами, паны радами нашими и всѣми станами сойму належачими, на сойме близко пришломъ, у Варъшаве, который в року теперешнемъ, тисяча пятсотъ деветъдесятъ осмого, месяца марца второго дня отъправоватъся почнетъ, на месцу томъ, где узнаваня справ бываетъ, очевисте и завите станулъ, скасованя тыхъ процессов и непорядныхъ декретовъ прислухалъ и наконецъ се ему во всемъ усправедливилъ. Писанъ у Луцку, року тисеча петьсотъ деветьдесятъ осмого, месяца генваря тридцатого дня.

Михайло Гулевичь

писарь.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря, хранящихся въ Коммиссіи, № 33.

LXXXIV.

Листъ епископа Владимірскаго Ипатія Потѣя объ учрежденіи капитулы при соборной Владимірской церкви по католическому образцу, съ назначеніемъ входящихъ въ составъ ея лицъ и съ опредѣленіемъ ихъ правъ и обязанностей. Запись той же капитулѣ въ пользованіе монастыря во Владимірѣ св. Спаса съ принадлежащими ему селами, землями и крестьянами. Королевское подтвержденіе листа Потѣя. 1598 года, февраля 20.

Року тисеча шестъсотъ одинадцетого, месеца марца 24 дня.

На врядѣ кгродскомъ Володимерскомъ, передо мною Яномъ Прилепъскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, постановившися очевисто, богомысленые отецъ Григорей Лозовицкий, протопопа, а Леонтий Шепелевичъ, дъяконъ и писаръ капитулы владыцтва Володимерского, сами отъ себе и именемъ всее брати крилошанъ церкви соборное Володимерское Светое Пречистое, подали листъ потверъженя его королевское милости, для вписаня до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ, наданя отъ въ Бозе велебного отца Ипатия Потея, архиепископа митрополита Киевского и всея Руси, владыки Володимерского и Берестейского, капитуле церкви соборъное столечное Володимерское Светое Пречистое манастыра Светого Спаса зъ кгрунтомъ и съ поддаными и зъ сельцемъ Яновомъ и зъ кгрунты речоными Подгайци и зо всими до него приналежностями, яко ширей тотъ листъ потверъженя его королевское милости въ собе обмовляетъ, которого предо мною положивши, просили, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ; а такъ я его приймуючи, передъ собою читаты казалъ, и такъ се въ собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божю милостю королъ Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянътъский, а Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный король. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ кожъдому, кому бы о томъ ведати належало, теперъ и напотомъ будучимъ, ижъ велебный въ Бозе отецъ Ипатий Потей, зъ воли Божое прототроней, епископъ Володимерский и Берестейский, покладалъ передъ нами господаремъ листъ, съ печатю и съ подписомъ руки своее, которымъ, водле стародавного права и порадку духовенъ-

ству релии Греческое наданого, утверъжаючи капитулу въ епископии своей Володимерской, певные добра то есть манастыръ Светого Спаса зъ дворцемъ и селцомъ Яневомъ, зъ землями Подгайцы и Радочижомъ и съ поддаными въ месте Володимерскомъ будучими и зо всими приналежностями и пожитками на помененую капитулу надалъ и вечне фундовалъ и певный порядокъ межи духовенъствомъ епископии своее учинилъ; и просилъ насъ господара, абысмо тое право помененой капитуле Володимерской особливымъ листомъ нашимъ утверъдили и умоцнили, которого мы господарь огледавши, въ сесь листъ нашъ слово въ слово уписати казали есмо, и такъ се въ собе маетъ: Ипатей Потей, Божю милостю прототроней, епископъ Володимерский и Берестейский. Ознаймую тымъ моимъ листомъ кождому, кому бы того ведати належало, теперъ и напотомъ будучимь. Ижъ што здавна, водле права и привилеевъ славное и светое памети светобливыхъ королей Владыслава, короля Полского и Венъкгерского, Алекъсанъдра и Жикгмонта Першого, ихъ милости королей Полскихъ, наданы и утвержены сутъ волности, права и порядокъ духовенъству Греческому, такимъ правомъ и порядкомъ, яко духовенъству Римъскому, за которыми привилями всѣ архиепископы и епископы и капитула то есть крылошане при кождой церкви столечной въ уживаню тыхъ правъ, порядковъ и волностей ажъ до того часу бывали, што привилемъ теперешнего господара нашого наяснейшого короля Жикгимонъта Третего утъверъжено есть. А ижъ крилошане при кождой церкви соборной будучие не малые и розные повинъности свое во отправованю хвалы Божое съ працою не малою на собе поносятъ, про то и я въ еписъкопии моей Володимерской, порядкомъ водле давныхъ правъ, прикладомъ духовенъства Римъского, хотечи мети, яко капитулу певные особы назначити, такъ и повинъность ихъ ознаймити умыслилъ есмы, якожъ тымъ листомъ моимъ назначаю, которые капитулою быти и справы имъ належачие отправовати маютъ и повинни будутъ, то есть: протопопа Володимерский кождый, который на тотъ урядъ обранъ и постановенъ будетъ, до того одинъ съ презвитеровъ, чоловѣкъ годный и до таковыхъ справъ умиетный, съ тыхъ же крилошанъ церкви соборное Володимерское черезъ епископа на то обраный, который и писарский урядъ на собе поносити будетъ, а третий аръхидъяконъ, который на тотъ урядъ архидъяконъства

завъжды ставенъ будетъ; а тые три особы, которые на тотъ урядъ уступовать будутъ, напервей присегу на томъ выконывать повинъни будутъ, ижъ верность и вшелякое послушенъство повинное епископу Володимерскому, яко пастыру своему, и церкве Божой завше во всемъ отъдавати, правъ, привилевъ, фунъдушовъ и всѣхъ скарбовъ и наданя церковного, такъ при епископе, яко наболшей по зештью кождого епископа, веръне стеречи; въ церкви соборной межи крилошаны хвалы Божое и всихъ порядковъ пилне догледать; по зештю кождого епископа всѣ справы, привилея, фунъдуши, наданя и скарбы церковные во своемъ опатреню и заведованю мети; церковъ самую и всѣ добра ее, места, фольварки, села, отъ мала до велика, водле привилъевъ имъ на то даныхъ, до рукъ и моци своее взяти и съ тымъ такъ се заховати, яко въ привилъяхъ своихъ описаную науку маютъ, завше то выконывать повинни будутъ; справъ урядовыхъ вшелякихъ у кождыхъ судовъ земскихъ, кгродскихъ, подкоморскихъ, комисаръскихъ, на трибунале и у двору его королевское милости, съ тымъ хто ихъ отправовати будетъ, за накладомъ епископъскимъ, завше такъ всѣ три, або два, або оденъ который зъ ныхъ, ведле важности справы и речи о што идетъ, пилновати, попирати, доводы и отводы въ речахъ правъдивыхъ ку обороне церкви Божое и добръ ее чинити маютъ и повинъни будутъ. А ижъ бы такихъ повинъностий своихъ и того уряду капитулъного пилнейшие были и верность повинъную завше полнили, надалемъ имъ на тотъ урядъ капитулный и симъ листомъ моимъ надаю и фунъдую манастыръ Светого Спаса въ месте Володимерскомъ, который певнымъ привилеемъ его королевское милости на школу и казнодию на церковъ столечную епископий Володимерское есть фунъдованъ, тотъ имъ на врядъ капитулный съ поддаными въ месте Володимеръскомъ, зъ селцомъ и фолваркомъ Яновомъ, зъ кгрунты речоными Подгайци и зъ другими кгрунты, назваными Радочижомъ, и зо всимъ на все даю и фунъдую вечне, съ которого они всѣ пожитки на себе брати и оборочати маютъ вечне, толко на казнодею и урядъ казнодейский завше до рукъ кождого епископа на кождый рокъ по золотыхъ сороку полскихъ давати маютъ. А што се дотычетъ въ манастыръ церкви Светого Спаса, абы хвала Божая, ведле звыклого обычаю, порядне отправована была, то они сами съ тыхъ доходовъ опатровати повинъны бу-

дутъ, которого манастыра и всѣхъ добръ его такъ огуломъ, яко и по части, никоторымъ способомъ утрачати и отъ церкви соборное отдаливати не маютъ и мочи не будуть; а съ тыми добры и съ тымъ урядомъ своимъ капитулнымъ завше подъ владзою и послушенъствомъ епископа Володимерского и подъ послушенствомъ зверхнего пастыря светое апостолъское столици Римское быти маютъ. И на томъ далъ сесь мой листъ, съ печатю моею и съ подписомъ власное руки моее. Писанъ у Володимери, року Божого нароженя тисеча пять сотъ девятъдесятъ осмого, месеца февраля двадцятътого дня. Ипатий, епископъ Володимерский и Берестейский, власною рукою.—А такъ мы господаръ, прозбу велебного Ипатия Потея, епископа Володимерского и Берестейского, и такъже и право тое, которымъ добра помененые на капитулу фунъдовалъ, видечи быть речъ слушную и пристойную, тотъ листъ и право помененой капитуле Володимерской тымъ листомъ нашимъ зъ ласки нашое господарское умоцняемъ и утвержаемъ и тые добра помененые манастыра Светого Спаса въ месте Володимерскомъ, зъ селомъ и дворъцомъ Яневомъ, зъ землями Подгайцами и на Радочижи, съ поддаными въ месте Володимерскомъ и зо всими пожитъки на капитулу Володимерскую фунъдуемъ вечне, которого манастыра речоного и всѣхъ добръ и пожитковъ его за тымъ правомъ и симъ потверъженъемъ нашимъ капитула Володимерская въ держаню и уживаню быти и повинъности своей пилновати, ведле листу имъ на то даного, маютъ, которое право мы во всемъ на кождомъ месцу завше за моцное зоставуемъ и мети хочемъ; и на утверъжене того всего сесь листъ нашъ, рукою нашою подписавши, печать нашу коронъную притиснути есмо казали. Писанъ у Варшаве, на сойме валномъ коронномъ, дня третегонадцатъ месеца априля, року Божого нароженя тисеча пять сотъ деветъдесятъ осмого, а королеваня королевъствъ нашихъ полского первогонадцать, а шведского пятого. У того листу печать коронъная, а подпись рукъ тыми словы: Sigismundus Rex. Florian Oleszko. — Который же то листъ потверъженя его королевское милости, за прозбою особъ вышъ менованыхъ, я врядъ, принявши его, читаного выслухавши, слово въ слово до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ, и есть записано.

Книга гродская Владимірская, 1611 года, № 975, листъ 154—156.

LXXXV.

Декретъ королевскій о выволаньи Григорія (Гедеона) Болобана за то, что онъ отказался подчиниться королевскому распоряженію относительно добровольной уступки Жидичинскаго монастыря для передачи его епископу Кириллу Терлецкому. 1598 года, февраля 21.

Року тисеча пятьсотъ деветдесятъ девятого, месяца июня двадцать второго дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, отъ дня семогонадцать месяца июня в року теперешнемъ вышей менованномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростымъ, а Матиемъ Стемпковскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановши се очевисто шляхетный панъ Войцехъ Станишевский для вписаня в книги кгродские Луцкие подалъ декретъ его королевское милости, подъ печатью коронъною и с подписомъ руки подканцлерего коронного велебного въ Бозе его милости ксендза Яна Тарновского, межи инстикгаторомъ его королевское милости, а его милостью отцемъ Гедиономъ Болобаномъ, архимандрытомъ Жидичинскимъ учиненый, просечи при томъ, абысьмы тотъ декретъ для вписаня в книги кгродские Луцкие приняли и записати казали, который мы для вписаня в книги приймуючи, передъ собою читати казали, и такъ се в собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божою милостию король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Инфлянский и Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный король. Ознаймуемы тымъ листомъ нашимъ, ижъ кгды приточилася до насъ и суду нашого справа, за отосланемъ отъ уряду кгродского Луцкого, в року прошломъ деветдесятъ семомъ, месяца декабра двенадцатого дня, межи инстикгаторомъ з одное, а Григориемъ Болобаномъ, передъ тымъ нареченънымъ архимандритомъ Жидичинскимъ, з другое стороны выданымъ, за декретомъ нашимъ королевскимъ межи тыми сторонами учиненымъ, а то о неслушное противъ каноновъ и привилеевъ презъ того Болобана держанье манастыра Жидичинского и добръ до него належачихъ, шафункови нашому кролевскому подлеглыхъ, который то Григо-

рей Болобанъ, будучи чоловекомъ свецкимъ, до того отъ старшихъ своихъ духовныхъ выклятый, оный манастыръ Жидичинский неслушне держалъ. И кгды о то мандатомъ отъ инстикгатора нашого былъ позванъ, теды на року за тымъ мандатомъ припалымъ, по велю контроверсияхъ обоюхъ сторонъ, с певныхъ и слушныхъ доводовъ и причинъ, в декрете нашомъ выражоныхъ, право его Болобаново, которое отъ насъ на архимандрицтво Жидичинское мелъ, декретомъ нашимъ скасовали, уморили и в нивошто обернули есмо, а тое архимандрыцтво Жидичинское зо всимъ на все, отъ него з держаня его беручи, в шафунокъ нашъ королевский присудили есмы. По которомъ таковомъ декретѣ нашемъ, велебный отецъ Кирилъ Терлецкий, епископъ Луцкий и Острозский, приповедалъ се с правомъ привилемъ своимъ, ему отъ насъ на тотъ манастыръ Жидичинский данымъ, которое передъ нами покладалъ и жедалъ насъ, абыхъмо при той данине оного заховали. Мы, бачачи тое право его и данину слушную, ни в чомъ не нарушаючи, за моцное быти узнавши, отцу епискому Луцкому тотъ манастыръ зо всимъ на все декретомъ нашимъ присудили есмо, и приводечи тотъ декретъ нашъ до скутечное екзекуцыи, до старосты нашого Луцкого отослалисмы, росказуючи имъ, абы они зверхностью нашою королевскою, моцю оного декрету, тотъ манастыръ Жидичинский и вси до него приналежности от даты того декрету за недель чотыри, з держаня Болобановото взявши, до волного шафунку нашого привернули, а привернувши, абы тамъ же заразъ епископу Луцкому тотъ манастыръ зо всимъ на все подали и его в то увезали. А ижъ бы се тому декретови нашому досыть стало и сторона позваная Григорей Болобанъ самъ черезъ себе а ни черезъ кого иного оному декретови нашому ни в чомъ противенъ не былъ а того монастыра зо всимъ на все уступилъ, тедысмы заруку десетъ тисечей копъ грошей Литовскихъ заложили на него, которому декретови гдебы Болобанъ досыть не учинилъ, тедысмы оную заруку заразъ на немъ тымъ же декретомъ нашимъ сказали и на справу до урядовъ належачихъ, подъ которыхъ бы юрисдикцыею тотъ Болобанъ добра свое власные мелъ, отослали, яко ширей тотъ декретъ нашъ в той справе учиненый в собе обмовя. По которомъ таковомъ декрете нашомъ кгды вельможный Александеръ Семашко, каштелянъ Браславский, староста нашъ Луцкий, з сего света зышолъ, теды мы, маючи

о томъ зештью старосты Луцкого ведомость, листъ нашъ королевский до уряду кгродского Луцкого выдали, росказуючи имъ, абысе они, не вымовляючи смертью старосты зошлого, моцю зверхности нашое, яко присегами обовезаные, на тотъ рокъ, в декрете описаный и припалый, до манастыра Жидичинского зъехали и водлугъ декрету нашого тотъ манастыръ зо всимъ на все, з моцы и з держаня отъ того Григорея Болобана до волного шафунку нашого взявши, тамже заразъ епископу Луцкому в моц и в держанье его подали, заруки и вси поступки в декрете нашомъ описаные, если бы Болобанъ, спротивлючисе декретови нашому, онымъ посланцемъ нашимъ урядови кгродскому Луцкому, отъ насъ тамъ зосланымъ и утвержонымъ, того манастыра не допустилъ, теды оные заруки въ моци своей зоставать мели, такъ яко и при животе старостиномъ, яко ширей и достаточней тотъ листъ нашъ в собе обмовя. И кгды по дате того декрету нашого рокъ в чотыри недели дня девятогонадцать месяця декабра в року прошломъ деветдесятъ семомъ припалъ, теды оный урядъ кгродский Луцкий, то есть Сасинъ Русиновичъ Берестецкий, судя, а Иванъ Красенский, писаръ, будучи посланцами нашими, отъ насъ презъ листы наши до тое справе утвержоными, заховуючисе в томъ водле права посполитого и звычаю правного, напродъ посылали до того манастыра возного и шляхту з листомъ нашимъ увязчимъ, до того Болобана писанымъ, абы онъ, ведле декрету нашого, тотъ манастыръ до шафунку нашого пустилъ, и кгды оный возный и зъ шляхтою до манастыра Жидичинского приехалъ и оного увязаня упоминалъ, тамъ же Болобанъ, презъ слугу своего Ивана Чайковского, оного увязаня не допустилъ, для чого в заруку в декрете нашомъ описаную оный Болобанъ ку заплате есть попалъ, а потомъ и сами оные посланцы наши помененый урядъ кгродский Луцкий до того манастыра на увязане ездили, теды тотъ Григорей Болобанъ самъ презъ себе и презъ слуги свое оного увязаня посланцомъ нашимъ не допустилъ и моцне заборонилъ, поведаючи, же подъ тотъ декретъ нашъ онъ самъ и добра манастырские не подлегаютъ; што видечи тые посланцы наши, ижъ тотъ Григорей Болобанъ сталъ се непослушнымъ права посполитого, декретови зверхности нашое противнымъ, прото за тое его противенство на далшую екзыкуцыю, то есть на выволане за дворомъ нашимъ листомъ своимъ одослали и рокъ обудвумъ сторонамъ

отъ даты того отосланя за чотыри недели передъ нами и судомъ нашимъ королевскимъ стати зложили, яко ширей и достаточней на томъ одосланью есть описано и доложоно. На року теды нинешнимъ, за тымъ одосланьемъ отъ уряду кгродского Луцкого посланцовъ нашихъ слушне припаломъ, кгды тая справа з реестру судового припала, за потрикротнымъ по три дни приволанемъ возного нашого дворного Крыштофа Чижовского, постановившеся очевисто у суду нашого королевского обоя сторона, то есть инстыкгаторъ нашъ и при немъ умоцованый отца епископа Луцкого, шляхетный Александеръ Шишка, яко поводове, а отъ позваного Григоря Болобана, который се теразъ недавно Гедиономъ презвалъ, передъ тымъ нареченого архимандриты Жидичинского, умоцованый его шляхетный Василей Гулялницкий, за моцью ему отъ Болобана до тое справы даною и передъ судомъ нашимъ оказаною, не вдаючисе в жадную контроверсию с поводами, поведилъ: ижъ дей Гедионъ Болобанъ не маетъ тутъ жадного року, кдыжъ не есть запозванъ; а што дей инстикгаторъ и тежъ умоцованый отца владыки Луцкого показуе якоесь одослане, теды дей тое отослане не есть важно, ибо вемъ не презъ врядовые, але якобы презъ приватные особы есть выдано: кгдыжъ по смерти старосты Луцкого якобы владза ихъ устати мела; и просилъ за тымъ волности. А инстикгаторъ нашъ и при немъ умоцованый отца епископа Луцкого на то поведили, ижъ дей ведле одосланя отъ уряду кгродского Луцкого выданый есть рокъ слушный и правне обеюмъ сторонамъ передъ судомъ нашимъ стать зложоный и тое одосланье есть слушное, кгдыжъ урядъ кгродский Луцкий, презъ особливые листы наши королевские, до тое справы былъ утвержоный и умоцненый, а хотбы дей и такъ было, чого не признавали, ижъ бы тамъ приватные особы ездили, а з листами нашими господарскими были посланы, теды Болобанъ не яко с приватными особами, але яко с посланцами нашими господарскими слушне обходится а оный манастыръ до шафунку нашого пустить мелъ и повиненъ былъ; але ижъ тотъ Григорей, або яко се онъ зоветь, Гедионъ Болобанъ сталъ се не послушнымъ права посполитого, декретови и зверхности нашой противнымъ, про то инстикгаторъ нашъ домовлялъ се, абы за тое его спротивенство вина баниции сказана была. А такъ мы с паны радами нашими, при насъ на тотъ часъ будучими, выслухавши споровъ обе-

юхъ сторонъ и добре тую справу зрозумевши, а бачачи то, ижъ Григорей, або яко се онъ теперъ зоветъ, Гедионъ Болобанъ, будучи презъ урядъ духовный отъ старшихъ своихъ выклятый, которое клятвы з себе не знеслъ, до того декретомъ нашимъ королевскимъ отъ архимандрытства Жидичинского отсужонымъ, и кгды водле того декрету нашого урядъ кгродский Луцкий, будучи посланцами нашими, отъ насъ до тое справы утвержоные и презъ листъ нашъ, до нихъ писаный, умоцненые, абы се не вымовляючи смертью старосты нашого Луцкого, до манастыра Жидичинского зъехали, и з держаня Болобанового тотъ манастыръ взявши, до шафунку нашого привернули, а привернувши, епископу Луцкому подали и его в то въвезали, заховуючисе в томъ водле права посполитого, на увезанье до того манастыра напродъ возного и шляхту з листомъ нашимъ увяжчимъ посылали, а потомъ и сами особами своими ездили, теды онъ Григорей аболи Гедионъ Болобанъ того манастыра онымъ посланцомъ нашимъ до шафунку нашого не поступилъ и овшемъ самъ през себе и през слуги свое моцно увязаня заборонилъ; што оные посланцы наши, видечи таковое спротивенство, на выволанье за дворомъ нашимъ, водлугъ декрету нашого, одослали и рокъ обеюмъ сторонамъ ку праву слушный зложили. Про то с тыхъ причинъ тутъ на тотъ часъ у суду нашого есть слушный рокъ, такъ тежъ и тое одосланье вряду кгродского Луцкого, отъ насъ до тое справы утвержоного, есть доброе и слушное, кгдыж идетъ о добра, шафункови нашому подлеглые, зачимъ есмо далшого поступку инстикгаторови нашому допустили. А кгды тотъ же Григорей аболи Гедионъ Болобанъ былъ знову отъ инстикгатора нашого през тогожъ возного нашого приволаный, который а ни самъ през себе, а ни през умоцованого своего не становилсе, за которымъ нестаньемъ преречоного Болобана, а на порядное попиранье инстикгатора нашого, на упадъ сказалисмы, якожъ и сказуемо во всей речи. А перший декретъ нашъ в той справе учиненый, во всемъ утвержаемъ и оную заруку в декрете нашомъ описаную, то есть десеть тисячей копъ грошей Литовскихъ, за не досыть учиненемъ тому декретови нашому, отцу епископу Луцкому на Григорю аболи на Гедиону Болобану и на добрахъ его власныхъ лежачихъ и рухомыхъ, где колвекъ в панъствахъ нашихъ будучихъ, сказуемы и на отправу водле тамъ того декрету до урядовъ

належныхъ отсыламы. А ижъ тстъ Болобанъ сталъ се непослушнымъ права посполитого и тежъ декретови и зверхности нашой королевской противнымъ, про то за тое его противенство, ведле статуту, вину выволаня на немъ сказуемо и тымъ декретомъ сказали есмо, яко жъ и возного двору нашого, шляхетного Крыштофа Чижовского, на объволанье и публикованье тое баницыи инстикгаторови нашому придали есмо, который возный, чинечи досыть декретови теперешнему, в моцъ своего уряду, дня нинешнего, месяца февраля двадцать первого дня, ставши передъ судомъ нашимъ, созналь, ижъ оного Григоря, або якось онъ собе зоветь, Гедиона Болобана с короны нашое Полское и з великого князства Литовского и зо всихъ панствъ коронныхъ выволалъ и тое выволане тутъ на дворе нашомъ и тежъ на рынку Варшавскомъ всимъ вобецъ и вшелякое кондыцыи людемъ ознаймилъ и обволалъ. По которомъ сознанью возного, мы господарь всимъ вобецъ и кождому зособна вшелякое кондыцыи людемъ, духовнымъ и свецкимъ, ознаймуемо, абы есте оного Болобана, за выволаного маючи, жадного сполкованья а ни обцованя з нимъ мети не важилисе и не мели, подъ винами в праве посполитомъ описаными, такъ тежъ абы и в домахъ своихъ оного не переховывали и не обцовали; якожъ есмо до урядовъ нашихъ особливые листы наши выдать росказали, абы се с тымъ Болобаномъ, яко з выволанымъ, водле права заховали и оную баницыю всюды в местахъ и в местечкахъ нашихъ през возныхъ обволати и публиковати казали. А на умоцненье и скутечное подане того манастыра зо всими належностями отцу епископу Луцкому до уряду нашого належного, водлугъ права посполитого и констытуцый коронныхъ, отъсылаемъ моцъю того декрету нашого, до которого для лепшое веры и свядецтва печать наша королевска есть притиснена. Писанъ у Варшаве, дня двадцеть первого месяца февраля, року тисяча пятсотъ деветдесятъ осмого, а панованя королевствъ нашихъ полского одинадцатого, и шведского четвертого року. У того декрету его королевской милости печать коронная, а подпись рукъ в тые слова: Jan Tarnowsky, episcopus P. K. P. vicecancellarius. Справа велебного отца пана Яна Тарновского, бискупа Познанского, подканцлерего коронного. Zachar Elowicky. Который же то декретъ его кролевской милости вышъменованый, за

прозбою пана Станишевского, с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая, № 2105, 1599 г., листъ 170 на об.

LXXXVI.

Донесеніе вознаго о врученіи епископу Кириллу Терлецкому сеймоваго позва по жалобѣ на него всѣхъ обывателей Волынской земли о самовольномъ подчиненіи православной Русской церкви папѣ Римскому, о провозглашеніи незаконныхъ клятвъ на лицъ, не согласныхъ пристать къ уніи и проч. 1598 года, февраля 26.

Року 98, месеца февраля 26 дня.

Передо мною Григоремъ Обухомъ Вощатинскимъ, на тотъ часъ будучимъ на местцу его милости пана Федора Загоровского, подстаростего Володимерского, ставши очевисто возный енералъ, шляхетный панъ Матысъ Славокгурский, ку записаню до книгъ кгродскихъ вызналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего тисеча пять сотъ деветъдесятъ осмого, месеца февраля осмого дня, маючи при собе шляхту стороною людей веры годныхъ—пана Яна Лебедского, а пана Кондрата Прушинского, возного, подаломъ въ руки самому въ Бозе велебному его милости отцу владыце Луцкому Кирилу Терлецкому въ замку Луцкомъ позовъ сеймовый, на мамраме земскомъ Луцкомъ писаный, въ жалобе всихъ обывателювъ земли Волынское, а то о отдане послушенства отъ всихъ хрестиянъ веры Греческое отцу папежови и о держане черезъ него неслушное добръ церковныхъ, за отступенемъ отъ старшого своего отца патриархи, и о выклятъе неслушное зъ ыншими людей не мало цнотливыхъ, не позволяючихъ на схизму ихъ, и о зламане тымъ правъ привилевъ на волности церквамъ Греческимъ наданыхъ и конфедерацыи енералное, а за тымъ и о вины въ праве посполитомъ на такихъ описаные, яко то все меновите достаточней а ширей на томъ позве о томъ

естъ описано и доложоно; за которымъ то позвомъ, водле описаня въ немъ року, изложиломъ очевисто его милости отцу епископу Луцкому Кирилу Терлецкому рокъ на сейме валномъ Варшавскомъ близко припадаючомъ, который се в року теперешнемъ тисеча пять сотъ деветъдесятъ осмомъ, месеца марца второго дня отправовати зачнетъ, передъ его королевскою милостю и паны радами ихъ милостю и предъ всими станы сойму належачими ку праву стати отъ поданя сего позву за шесть недиль, а тотъ позовъ въ речи самой въ дате и въ титуле и во всемъ естъ зголдливый съ тымъ, который при стороне ихъ милости панехъ послехъ зъ воеводства Волынского, на соймъ до Варшавы обраныхъ, зосталъ; которое жъ то очевистое сознане возного, урядови нинешнему добре знаемого, я, принявши, до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская, 1598 года, № 952, листъ 57.

LXXXVII.

Донесеніе вознаго о врученіи епископу Кириллу Терлецкому двухъ сеймовыхъ позвовъ: 1) по жалобѣ епископа Львовскаго Гедеона Балабана о незаконности пріобрѣтенія имъ архимандритства Жидичинскаго, и 2) по требованію всего православнаго населенія королевства Польскаго относительно низложенія Терлецкаго съ епископскаго сана за отступничество отъ православія. 1598 года, марта 4.

Року 98, месеца марца четвертого дня.

На вряде кгродскомъ Володимерскомъ, передо мною Федоромъ Загоровскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, постановившися очевисто возный земский, енералъ воеводства Волынского, шляхетъный Конъдратъ Прущинский, ку записаню до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ тыми словы сознпалъ: ижъ року теперешнего тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месеца февраля семого дня, маючи я при собе двохъ шляхти-

човъ—пана Михайла Немѣру Лебедского, а пана Миколая Пашинского, зъ вознымъ енераломъ воеводства Волынъского, Матысомъ Славокгурскимъ, далъ есми очевисто въ руки два позвы земскихъ, то есть подъ печатю земскою и съ подписомъ руки писара земского Луцкого, отцу Кирилу Терлецкому, владыце Луцкому, въ замку вышнемъ Луцкомъ,—одинъ позовъ въ жалобе его милости отца Гедиона Болобана, владыки Лъвовского, Галицкого и Каменца Подолского, архимандрита Жидичинского, ку знесеню декрету его королевское милости противъ отцу владыце Лъвовскому о архимандриство Жидичинское учиненого, а другий позовъ въ жалобе ихъ милости княжатъ, пановъ, шляхты и всее речи посполитое, въ релѣи закону Греческого преставаючихъ, ку зложеню съ него того владыцства Луцкого, яко то все ширей меновите и достаточне въ тыхъ позвехъ описано и доложоно естъ; за которыми позвы зложилъ есми рокъ отцу Кирилу Теръленкому ку праву стати передъ его королевскою милостю и всимъ сенатомъ на сейме близко пришломъ, который се почати маетъ въ року теперешнемъ 98 месеца марца второго дня. Которое жъ то сознане мое подъ печатми и съ подписомъ руки моее ку записаню до книгъ кгродскихъ подаю. Которое жъ то сознане возного до книгъ естъ записано.

Книга гродская Владимірская, 1598 года, № 952, листъ 71 на оборотъ.

LXXXVIII.

Донесеніе вознаго о врученіи епископу Владимірскому Ипатію Потѣю сеймоваго позва по жалобѣ всѣхъ православныхъ князей, пановъ и обывателей королевства Польскаго, требующихъ низложенія его съ епископскаго сана за отступничество отъ православія. 1598 года, марта 4.

Року 98, месеца марца 4 дня.

Передо мною Федоромъ Загоровскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши очевисто, возный земский неералъ Кондратъ Прущин-

ский ку записаню до книгъ зозналъ тыми словы: ижъ року теперешнего тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месеца февраля девятого дня, маючи я при собѣ двохъ шляхтичовъ—пана Михайла Немиру Лебедского а пана Миколая Пашинского, положилъ есми позовъ земский по отца Ипатия Потея, на тотъ часъ владыку Володимерского и Берестейского, въ замочку владыцества Володимерского, при церкви мурованой у Володимери, въ воритъ воткнулъ и слугамъ владычнымъ оповедалъ, въ жалобе его милости княжатъ, пановъ, шляхты и всее речи посполитое, въ релѣи закону Греческого преставаючихъ, ку прислуханю зложенья съ него владыцства Володимерского и Берестейского, яко то все ширей меновите и достаточъне въ томъ позве описано и доложоно естъ; за которымъ позвомъ зложилъ есми рокъ отцу Потею ку праву стати передъ его королевскою милостю и всимъ сенатомъ на сейме близко пришломъ, который се починаетъ въ року теперешнемъ деветъдесятъ осмомъ, месеца марца второго дня. Которое зознанъе возного до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ есть записано.

Книга гродская Владимірская, 1598 года, № 952, листъ 71.

LXXXIX.

Универсалъ короля Сигизмунда III о пріостановленіи, по случаю его отъѣзда въ Швецію, всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ и судебныхъ приговоровъ, возникшихъ вслѣдствіе введенія церковной уніи. 1598 года, апрѣля 13.

Року 98, месеца априля двадцетъ третего дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ Володимерскомъ, передо мною Федоромъ Загоровскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, отданъ есть листъ его королевское милости на врядъ тутошний кгродский Володимерский для актыкованя до книгъ тутошнихъ, съ печатю коронною и съ подписомъ руки его королевское милости, который такъ се въ собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божю милостю королъ Полский,

великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский, Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный королъ. Всимъ вобецъ и кождому зъ особна, радомъ, дикгнитаромъ и врядникомъ нашимъ короны Полское и великого князства Литовского, уприйме и верне намъ милымъ ласку нашу королевскую. Ижъ митрополитъ и никоторые владыкове, также и духовенства и много людей релѣй Кгрецкое съ подданныхъ нашихъ такъ короны Полское, яко и великого князства Литовского, приступили до згоды съ костеломъ Римскимъ католицкимъ, а другие зась тоежъ релѣи Греческое приступити до нее не хочутъ, о што межи ними контроверсие и трудности были, которыи рады быхмо были упрятнули на томъ теперешнемъ сейми, але про навалности справъ, которые намъ были налегли, до того есмо прийти не могли; про то, постерегаючи, абы подъ нашъ тотъ отездъ до королевства нашого дедичного, причины и съ тое мѣры до невпокою и розруху не зоставало, отложили есмо то инъ еодемъ стату, яко теперъ естъ, до другого сейму близко пришлого, росказуючи тымъ листомъ нашимъ, абы и тая и овая сторона въ покою противко другой стороне заховаласе, жадныхъ не чинечи поновъ а ни з добръ, хто теперъ держитъ церковныхъ, изъ церкви и доходовъ ихъ оденъ другого не выпираючы, а ни жаднымъ инымъ способомъ не утискаючи. А ижъ о никоторые добра права на собе переводили, теды яко правные тые поступки, такъ тежъ баницые и екзекуцые ихъ подносимъ и задерживаемъ до пришлого сейму, заказываючи всимъ урядомъ авторитате ностра етъ викгоре конвентусъ, абы тымъ часомъ не важилисе екзекуцые жадное евазионе одержаныхъ ниякихъ декретовъ съ тое мѣры чинити, а звернувшися, дастъ Панъ Богъ, на другомъ сейме старане учинимъ, якобы тая розница упрятнена и скончена была. Данъ въ Варшаве, дня третегонадцетъ месеца квитня, року Божого тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, панованя королевствъ нашихъ Полского одинадцатого, а Шведского пятого року.—У того листу печатъ его королевское милости коронная, а подписъ руки его королевское милости тыми словы: Sigismundus Rex. Который же то листъ его королевское милости вышей менованый я, принявши, до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская, 1598 года, № 952, листъ 146.

Примѣч. Такой же универсалъ, на польскомъ языкѣ, находится въ актахъ Метрики Коронной 1598 г., № 142, л. 111, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

XC.

Жалоба членовъ капитулы соборной Луцкой на слугъ и урядниковъ воеводы Кіевскаго князя Константина Острожскаго, Григорія Ужевскаго, Богдана Омельяновича и другихъ о похищеніи ими съ неизвѣстною цѣлью клирика Демяна и подданнаго церковнаго Клима Силы. 1598 года, іюля 27.

Року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месяца июля двадцать семого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Миколаемъ Чарнацкимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто два с капитулы церкви головное Луцкое светого Иоана Богослова, прозвиторове отец Григорей Офанасовский, а Сымеонъ Николский, сами отъ себе и от всее капитулы протестовали и светчилися о то, иж дей первей сего в часех недавно прошлыхъ, приехавши тутъ до места Луцкого, слуги его милости княжати пана воеводы Киевского, панъ Григорей Ужевский, урядникъ Крупъский, а Стефанъ Ростопча, с килку десят стрелцов, и упатривши на рынъку клирика церковного Демяна, чоловѣка невинъного, до услугованъя при фале Божи посвещенного, оного лагодными словы до господы своее увабивши, з собою кгвалтовне взяли и з Луцка з нимъ уехали, которого, яко маемо ведомость, до Острога привезши, пану Ждану Боровицкому, войскому Луцкому а старосте або урядникови Острозскому, отдали. То пакъ пречоный панъ Боровицкий того клирика Демяна везенемъ окрутнымъ и снат муками трапил, не ведати чому ку воли и для которое причины, а потомъ если тежъ до везенья, чили тежъ на якое затраченье, з Острога до Степаня былъ посланъ, и яко насъ дошла ведомость, же тот клирикъ нашъ церковный в той дорозе утеклъ и до имени нашого церковного до Рожищъ, до двора презвитера Рожистско-

го, пришедши, премешъкивалъ час малый, хотечи отпочинуть а потомъ тот мордъ свой и везенье окрутное, жаль, кривду свою и то, што ся там з нимъ дѣяло, до вряду донести. Нижли, яко маемъ ведомость, же з дня третегонадцать месяца июля на день чотирнадъцатый, то есть с понедилку на вовторок, в ночи, в року нинешнем девятдесятъ осмомъ, Богданъ Омельяновичъ, слуга княжати его милости пана воеводы Киевского, урядник Степанский, з немалымъ оршаком людей и стрелцовъ его милости пана воеводы Киевского, припадъши моцно, кгвалтомъ, яко оден неприятел, на тот двор презвиторовъ, самого презвитера у клети з надъвора замкнувши, того клирика нашого церковного Демяна, чоловека невинного, ув избе спячого, порвавши и дом оного презвитера окривавивши и зкгвалтивши, слугъ и челядь его поранивши, позбивавши, с тымъ клирикомъ, слугою нашимъ церковнымъ, уехалъ и неведомо што ся з ним деетъ, естли есть живъ, албо забитъ. А потомъ дня пятогонадцат месяца июля, тот же Богданъ, з оршакомъ людей припадъши до домъку подданого церковного манастыра нашого светое Пречистое, тутъ в месте Луцкомъ за Глущемъ мешкаючого на имя Петра Сили, оного теж поймал, и звезавши, з собою повезлъ. Про то тую кривду нашу до вряду доносимъ, хотечи часу своего с тым Богданом и с кимъ водле права належати будетъ, и што ся с тыми поймаными далей станетъ, в судех належных правомъ чинити. И просили, абы то было записано. А такъ я тую жалобу и оповеданье капитулы Луцкое до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1598 г., № 2087, л. 79 на об.

XCI.

Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго и капитулы соборной Луцкой объ отнятіи княземъ Константиномъ Острожскимъ церковныхъ имѣній. Перечень находившагося въ отнятыхъ имѣніяхъ движимаго имущества. 1598 года, іюля 27.

Року тисеча пятьсотъ деветъдесятъ осмого, месеца июля двадьцать семого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Миколаемъ Чернацкимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися обличне два съ капитулы церковное столечное Луцкое Светого Иоана Богослова, презвитерове отецъ Григорей Офанасовский а отецъ Семионъ Николъский, именемъ его милости въ Бозе велебного отца Кирила Терлецкого, ексархи, епископа Луцкого и Острозского, и именемъ своимъ и отъ всее капитулы церкви соборное Луцкое, оповедали и явне ся протестовали на ясневелможного пана пана Константина княжати Острозского, воеводу Киевского, маршалка земли Волынское, старосту Володимерского, о то, ижъ его милость, не дбаючи ничого на право посполитое и на констытуцыю сойму прошлого, на одездъ его королевское милости до дедичного королевства Шведского и покой посполитый домовый отъ всехъ становъ постановленую, будучи и ставшися княжа его милость противникомъ згоды светое и не огледаючися на заварте покою зъ стороны тое згоды до сейму пришлого отъ его королевское милости черезъ универсалы лимитованого, одно упорно а кгвалтовне часу не давно прошлого, въ року теперешнемъ тисеча пятьсотъ деветь десятъ осмомъ, месеца июля второгонадцатъ дня, черезъ себе и черезъ слуги свое на то зготованые, его милости самому знаемыми, наехавши моцно, кгвалтомъ на добра епископъства Луцкого церковные, стародавное уживанье до епископии Луцкое прислухаючое, которыхъ епископове Луцкие, продкове его милости, и капитула церкви головное Луцкое Светого Иоана Богослова зъ давныхъ часовъ, и теперешний его милость епископъ, и мы капитула тоежъ церкви головное Луцкое Светого Иоана Богослова въ уживанъю и спокойномъ держанью были есмо, ажъ до дня вышей меновите описаного,—

дворъ и село Будоражъ, село Буще, село Пѣвче, село волю ново осажоную Борщовку, дворецъ и село Точивеки и село Мезочъ Малый и дворъ епископей въ замку околномъ Острозскомъ, который естъ на пляцу стародавномъ церковномъ, черезъ теперешнего его милости отца епископа Луцкого и черезъ насъ власнымъ и немалымъ коштомъ и накладомъ збудованый,——тые все добра, зъ моцы и въладности нашое его княжатская милость вынявши, кгвалтовне зъ спокойного держанья насъ выбилъ и собе ихъ зъ бояры, зъ людми оселыми и зъ маетностями, въ тыхъ дворехъ будучими, неналежне привлащилъ, а то естъ меновите: у дворе Будорозскомъ—маетностъ у гумне, збожя зложоного озимого жита тринадцатъ сотъ копъ, за которое давано намъ огуломъ пятъсотъ копъ грошей литовскихъ, пшеницы триста копъ, за то давано намъ пултораста копъ грошей литовскихъ, ячменю полтораста копъ, овса семъ сотъ и сорокъ копъ, гречки сто десеть копъ, проса копъ осмъдесятъ, гороху стырта, за тые все ярины давано намъ триста и сорокъ копъ грошей литовскихъ; а збожя молочоного у шпихлеру: жита мацъ пятдесятъ, кождая по три золотыхъ полскихъ, пшеницы мацъ десеть, по две копе литовскихъ, быдла ув оборе: воловъ шестьнадцатъ, каждый по чотыри копы грошей литовскихъ, коровъ двадцать чотыри, каждая съ телятемъ по семи золотыхъ полскихъ, яловицъ осмь—по две копе грошей литовскихъ, быковъ одинадцать, каждый по полтрети копы грошей литовскихъ, подтелковъ всехъ осмънадцать, каждый по грошей петьдесятъ литовскихъ, овецъ старыхъ поголовъя сто и тридцать, каждая зъ ягнятемъ по грошей тридцати литовскихъ, барановъ петнадцать—по золотому, козъ двадцатъ чотыри, каждая по грошей двадцати, а козенятъ семнадцать—по грошей дванадцать, козловъ три—по сороку грошей литовскихъ; масла дежъ пять—по три золотыхъ полскихъ, сыровъ копъ одиннадцать, кождый по грошу литовскому; вепровъ старыхъ осмънадцатъ кормныхъ—по копе грошей, кнурозовъ три—по сороку грошей, свиней старыхъ тридцатъ осмь—по грошей двадцатъ чотыре, подсвинковъ пятдесятъ и три—по десети грошей, поросятъ шестъдесятъ—по три грошей литовскихъ, гусей старыхъ поголовъя осмъдесятъ, а молодыхъ шестъдесятъ, каплуновъ сорокъ, куръ сто и петдесятъ, бчолъ у пасеце Будорозской у ульяхъ сто и семнадцатъ, каждый улей зо пчолами и зъ медомъ по две копе грошей литовскихъ, дерева вывезе-

ного, зготованого, выправленого дубового на три церкви семъсотъ, по полъпета сажня—каждое дерево по двадцати грошей литовскихъ; а у Точивецкой пасеце ульевъ зо бчолами полтораста, кождый улей зо бчолами и зъ медомъ по две копе грошей литовскихъ. И съ тымъ дей всимъ и зо вшелякимъ инымъ домовствомъ и статъки домовыми, также зъ ставами, спустами, зъ сажавками, зъ млынами и засевками дворными, корчмамы, зъ мытами, десятинами, садами и гаями овощовыми, зъ робеньемъ подданыхъ, зъ ихъ чинъшами, подводами, повинностями и зо всими немалыми пожитки и прилалежностями, тые у насъ кгвалтовне отнятые и спокойного держанъя и уживанъя выбитые добра и теперъ на себе держить, ку великой кривде церковной и насъ посесоровъ тыхъ добръ ку не малой шкоде; протестуючися такъ отъ него отнятые и зъ нихъ выбитые добра, о маетность побраную, яко и о шкоды за тымъ походячие, въ судехъ належныхъ, иле водле права належати будуть, правъне чинити. И просили, абы то было записано; а такъ я тое оповеданъе и жалобу ихъ принявши, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати есми казалъ.

Книга гродская Луцкая 1598 года, листъ 80 на оборотѣ.

XCII.

Жалоба Хмелевскаго священника Іоанна о нанесеніи ему побоевъ и ограбленіи его жидомъ Беромъ. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ ранъ на избитомъ священникѣ. 1598 года, сентября 8.

Року 1598, месяца сентебра 8 дня.

Приходилъ на врядъ кгродский, в замокъ его королевское милости Володимерский, до мене Григория Обуха Вощатинского, наместника подстароства Володимерского, презвитеръ Хмелевский отецъ Иоанъ, жалосне оповедаючи и жалуючи на жидовъ Свинюскихъ, на йме Бера арендара, подданого его милости пана Марка Собеского, воеводы Лю-

белского, старосты Луцкого, и товаришовъ и помочниковъ того жида учинку вышей менованого, тыми словы: ижъ дей дня вчорашнего сентебра семого, маючи я потребы свое такъ до его милости в Бозе велебного отца владыки тутошнего, яко и до торгу, а кгдымъ се вже отъправилъ, ехаломъ назадъ до дому, яко чоловекъ духовный, спокойне, будучи покоемъ посполитымъ обезпечоный, и кгдымъ приежджалъ противко Сядмарокъ, именя его милости владыки Луцкого, наехалъ есми того то жида и товаришовъ его, же оны подданого пана моего, на йме Миска Шийку, кром жадное причины, з воза знявши, бьютъ, мордуютъ и праве тирански, яко неприятелъ, надъ нимъ пастъвятъ. Я, обачивши того подданого панского и такъ се срокгое мордоване и битъе его, зседши з воза, почалемъ имъ мовити, абы се вже загамовали и до конца его не забивали. То пакъ тотъ то Беръ, пропомнивши боязни Божое и срокгости права посполитого, одъложивши на сторону уцтивъе свое, которого они, яко людъ неверный, мало маютъ, видячи, ижъ у мене ничого в рукахъ нѣтъ, назвавши мене нечистого ложа сыномъ, заразъ до пулгаку порвалъ се, которого за пулгакъ и за руку ухопилъ, а другие зась товариши его, мене за лобъ ухопивши, на землю обаливши, окрутъне и нелитостиве кромъ жадного милосердья збили и зранили; при которомъ битью и зраненю моемъ взяли и пограбили у мене грошей готовыхъ, которыемъ за збожье и одъ должниковъ взялъ, тридцать золотыхъ полскихъ, коберец з воза, купленый за десеть золотыхъ. И просилъ помененый свещеникъ о придане возного ку огляданю збитя и зраненя своего; на што я ему придалъ очевисто возного енерала воеводства Волынского, шляхетного Мойсея Дехтевского, который на той справе бывши, ранъ огледавши, оповеданью прислухавшися и ставши передо мною, ку записаню до книгъ зезналъ тыми словы: ижъ дня верху на дате писаного былемъ на справе и потребе свещеника Хмелевского отца Иоана тутъ у Володимери, и за показанемъ его, виделомъ подданого его милости пана Яна Потея Хмелевского, Миска Шийку, велми збитого и зраненого, в которого раны то есть: в голове на правой стороне рана битая, синяя, на руци правой, подле запястя, рана битая, синяя, шкодливая; хребетъ, плечи и боки, почавши отъ шии ажъ до ногъ, все сине, збито. А у священика виделъ есми: на голове рана битая, кривавая, на хребте, на

плечи ливомъ, рана битая, спухлая, нижей локтя на тойже руце левой рана битая, спухлая, нижей пояса, на клуби, рана битая, синяя, спухлая; на левой руце, на палцу середнемъ, рана битая, кривавая. И оповедилъ передо мною вознымъ отецъ Иоанъ, ижъ тое зранене такъ ему, яко и тому подданому пана его, стало се дня вчорашнего отъ жида Свинюского Бера и товаришовъ его, которыхъ онъ самъ лепей знаетъ и имена и прозвиска ихъ ведаетъ, и побране речей, яко в протестацыи поменено, оповедилъ и осветчилъ. Которое очевистое сознане возного до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ есть записано.

Книга гродская Владимірская, № 952, годъ 1598, листъ 483 на оборотѣ.

XCIII.

Жалоба жида-арендара Бера о нападеніи на него въ дорогѣ, нанесеніи ему побоевъ и объ ограбленіи его Хмелевскимъ священникомъ о. Іоанномъ. Донесеніе вижа объ осмотрѣ слѣдовъ побоевъ на жалобщикѣ. 1598 года, сентября 8.

Року 1598, месяца сентябра 8 дня.

Приходилъ на врядъ кгродский, в замокъ его королевскои милости Володимерский, до мене Григория Обуха Вощатинского, наместника подстароства Володимерского, жидъ Свинюский на йме Беръ, арендарь Свинюский, подданый его милости пана Марка Собеского, воеводы Любелского, старосты Луцкого, оповедаючи и обтяжливе жалуючи на попа Хмелевского отца Иоана тыми словы: ижъ дей дня вчорашняго, сентебра семого, помененый попъ, поткавши мене на доброволной дорозе, которая идетъ з Свинюхъ до Володимера, кгдым ехалъ в потребе пана своего с пинезми поборовыми до Володимера, хотечи ихъ отдати суколекторови пана поборчиному, а не маючи милости Божое в серцу своемъ и овшемъ пропомневши срокгости права посполитого, з немало помочниковъ своихъ, которыхъ онъ самъ знаетъ и имена ихъ ведаетъ,

мене, чоловека ему ничого невинъного, окрутъне а нелитостиве збивши, зранивши, листы и пинези, што колвекъ в возе и в шкатуле было, то естъ: готовыхъ грошей золотыхъ полскихъ двести и листовъ немалыхъ з шкатулою взяли, капелюшъ, который есть коштовалъ червоный золотый, кобзу позлотистую, которуюмъ везъ дитяти панскому, мѣшокъ, въ которомъ было золотыхъ три, и иншихъ речей немало побрали и кгвалтовне пограбили, и мене отъ того всего, бьючи, прочъ отогнали. И просилъ о придане возного на огледане того кгвалтовного збитя и зраненя своего. Я ему придалъ на то возного енералного, шляхетного Щасного Злобоцкого, который его огледавши и передо мною дня на дате вышъ описаного ставши, ку записаню до книгъ созналъ тыми словы: ижъ року теперъ идучого деветъдесетъ осмого, месяца сентября осмого дня; за приданемъ вашей милости врядовымъ, маючи при собе шляхту, пана Яна Дудинского а пана Миколая Кендзирского, былъ есми на справе жида Свинюского Беора, и за оказанемъ его, видилъ есми на немъ рану подъ окомъ левымъ битую, синюю, такъже хребетъ увесь збитый, синий; и оповедалъ мне тотъ жидъ, ижъ дей се мне тое збитъе стало дня вчорашнего отъ попа Хмелевского, на добровольной дорозе, которая идетъ з Свинюхъ тутъ до Володимера, при которомъ збитъю и речей немало тотъ жидъ менилъ собе быти пограбленыхъ. Которое то оповедане и возного сознане до книгъ кгродскихъ есть записано.

Книга гродская Владимірская, № 952, годъ 1598, листъ 484 на обор.

XCIV.

Судебное преніе пана Миколая Добринскаго съ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ по дѣлу объ убійствѣ и утопленіи послѣднимъ священника Чернчицкаго монастыря Стефана Добринскаго и кузнеца Павла. 1598 года, октября 12.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ осмого, месяца октебра дванадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, от дня осмого месяца октебра в року звышъ менованомъ деветъдесятъ осмомъ припалыхъ и судовне отправоватьсе зачатыхъ, перед нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростымъ, а Матеемъ Стемъпъковскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, кгды припала з реестру судового справа за потрикротнымъ приволанемъ через возного Матыса Славокгурского сторон обудвух, теды сторона поводовая, урожоный панъ Миколай Добринский, постановившисе очевисто у суду, подалъ позовъ кгродский Луцкий, просячи, абы былъ читаный, который такъ се в собе маетъ: Марекъ Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Велебному отцу Кирилу Терлецкому, ексарсе, владыце Луцкому. З особы твоее приказуемъ, абы ваша милость на рочкахъ кгродскихъ Луцъкихъ, в року теперешънемъ тисеча пятсотъ деветъдесятъ осмомъ, месеца октебра осмого дня, передо мъною, а в небытности моее перед судомъ моимъ кгродъскимъ Луцкимъ, самъ обличне, правне и завите сталъ и вывоженъе шкрутенѣумъ урожоного пана Миколая Добринъского, брата рожоного небожчика Стефана Добринъского, презвитера Чернецкого, которую онъ, приставуючи до протестацый ув уряде месткомъ Луцкомъ и на вряде кгродскомъ Кремянецкомъ и всему поступку правному, през свещенъника з Острога отца Иева и подданыхъ монастыра Чернъчицкого светого Спаса, Ивана Триля, Матъфея и Охрема, на вашу милость учиненыхъ, противко вашей милости выводити будетъ о забитъе и замордованъе и в реку Стыръ утопенъе через вашу милость и помочниковъ вашей милости в протестацыи менованыхъ того то пречоного брата его, урожоного пана Стефана Добринъского, презвитера манастыра Чернъчицъкого, а то в року прошломъ тисеча пятьсотъ

деветьдесятъ семомъ, месяця декабря третегонадцеть дня, кгды онъ, по никоторой потребе своей бывши у мѣсте Луцкомъ и способивши собе з мѣста коваля на йме Павла для укованя коня, шолъ з нимъ веспол̃ъ до дому своего, до монастыра Чернъчицкого, уже было на другой годинe в ночъ, которымъ ваша милость засевши дорогу доброволную тымъ часомъ ночнымъ, запомневши боязни Божое, срокгости права посполитого и пристойности стану своего духовного, самъ особою своею, зъ многими слугами своими: Иваномъ Белостоцкимъ, Василъемъ Коростелемъ, Войтехомъ кухаремъ и Визкгою Венъгриномъ и иншихъ никоторыхъ такъже слугъ своихъ, которыхъ ваша милость самъ лепей знаешъ, имена и назвиска ихъ ведаешъ,—поймавши того презвитера Чернъчицкого на доброволной дорозе и того коваля, помордовавши, позабивавши, подъ ледъ в реку Стыръ ихъ потопилъ; яко в томъ всемъ противко вашей милости естъ правне поступлено. Кгды вже река Стыръ пустила, тогды тое тело в року нинешънемъ, деветъдесятъ осмомъ, напервей коваля Павла марца четвертогонадъцать дня, а презвитера Стефана апреля девятого дня подъ Миловшами на воде плывучое налезено и вынято. Чого през шкрутению на вашу милость довести хотечи, ку прислуханъю оное вашу милость симъ позвомъ позываетъ; абысь теды ваша милость на помененыхъ рочкохъ кгродскихъ Луцкихъ завите, облычне сталъ, шкрутенѣи, которую онъ в томъ противко вашей милости выводити будетъ, слухалъ и свою, если в той справе потребуешъ, зараз выводилъ. Писанъ в Луцку, року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месяца августа двадцать осмого дня. Иванъ Красенский, писаръ.—А по вычитаню того позву, панъ Добринъский, яко поводъ, черезъ умоцованого своего, по чиненъю жалобы, доведши стороне позваной положеня слушного позву, просилъ, абы судъ позваному одказовати наказалъ. А умоцованый позваного поведилъ, иж невинне и скарадне обжалованый презъ особу якуюсь легкую, который ся поводомъ тое мниманое кривды быти удаетъ черезъ умоцованого своего, поводомъ же о тую мнимаyю кривду, в которой есть невинне обжалованый, форумъ в тутошънемъ суде мети не може с певныхъ причинъ: першая, ижъ есть обжалованый якобы о забитъе попа, особы духовное, през особу духовную жъ, што не судови кгродскому, але духовному належитъ; другая, ижъ ачъ указуетъ право посполитое, же

однакимъ правомъ такъ духовные, яко и свецкие маютъ се судити, то однакъ право встягатсе не може на особу духовную, а толко на добра; а тая кривда добръ не заходитъ, толко особу самую, которая нигде инъде потягънена быти не може, одно до права духовного, и поки бы не былъ пересужоный в праве духовномъ и тотъ урядъ духовный не былъ з него зложоный, поты до права свецъкого потягъненъ быти не можетъ, бо яко-бы мелъ судъ свецъкий екъзекуцыю з духовного чинити, кгды ж то ему не належи, поки не будетъ одосланый отъ суду духовного, по зложеню уряду духовного, до суду свецъкого на екъзекуцыю?—на што показалъ в розделе третемъ артыкулъ двадцать шостый и ктому статутъ светое памети короля Жикгимонта в Кракове в року тисеча пятъсотъ сорокъ третемъ уфаленый, же кгды бы се мужобойство якое межи особами духовными трафило, теды то розсужати судови свецъкому не належитъ, одно судови духовному; вшакъ-же на местцу и в суде належномъ невинность свою показати будетъ готовъ, але тутъ до суду тутошнего кгродского, мимо юриздицию и право свое власное, втягненъ быти не можетъ. А ижъ сторона поводовая мнимана поведа, же толко о шкрутениумъ идетъ, лечъ о то шкрутенѣумъ нигды инде не можетъ быти выправовано, одно в суде духовномъ, кгдыжъ такожъ поступки правные и вывоженя свядецтвъ в суде духовномъ идетъ, яко и тутъ; што показавши с права посполитого, отъ форумъ просилъ волъности.—А панъ Добринъский, поводъ, черезъ умоцованого своего, поведилъ, же позваный форумъ екъсциповати а нѣ тежъ до права духовного в той справе отзыватисе не може с причинъ тыхъ: первшая, иж право Волынское естъ такое, же всѣ особы, такъ свецъкие, яко и духовные, однымъ се правомъ судити маютъ; другая, же справы шкрутенѣи жаднои зволоки не терпятъ, бо в справе шкрутенѣи судъ нинешъный не може быти судею учинъку, толко слухачемъ сведецтва, а сведецъство против кождои особе може быти от кождого вывожено, где хто хочетъ, бо если протестацию чинити в уряде кгродскомъ на духовного може, поготовю и шъкрутенѣю выводити; а што болшая—же от того часу, як право Волынское постановено есть, теды тымъ же правомъ и духовные особы о крвавые речи судятъся, о чомъ есть справъ такихъ немало; артыкулъ тежъ двадцать шостый в розделе третемъ, который собе на помочъ бе-

ретъ позваный, тожъ кгды тотъ артыкулъ есть учиненый на оборонене свецъкихъ, абы не были вытягани до права духовного, але того не маешъ, абы духовный земъскимъ правомъ не мелъ быти сужоный. А што се тычетъ права коронного, которого позваный выводитъ, якобы в таковыхъ справахъ форумъ не мел мети позваный, толко в суду духовного, тогды на то поводъ поведилъ, же и тотъ статутъ коронный, который собе позваный на помочъ беретъ, не ест в уживаню, для того, же на особу духовную о учинокъ таковый муси бытъ двоякая вина: одна водлугъ свецъкого, а другая водлугъ духовного права; бо што се тычетъ плаценья головы, сеженя у веже, сказованя на горло, теды то свецъкий судъ судитъ, а духовный, кгды особа якая духовная будетъ переконана у якомъ учинъку, тоды затымъ о зложене уряду духовного не можетъ судъ свецъкий судити, толко духовный. А яко се вперед поведило, же тепер не идетъ, толко о шкрутению, бо бы тежъ и то такъ быти мело, иж о учинокъ до духовного права позывати, теды шкрутенѣя в томъ уряде, где се учинокъ сталъ, слушне можетъ быти вывожона, бо урядъ урядови веру дати повиненъ, бо яко урядъ духовъный, так и свецъкий присегаетъ на урядъ свой; с тыхъ теды вышеименованныхъ причинъ, доведши поводъ в той справе быти слушный форумъ, просилъ, абы судъ позваному отказовати наказалъ. А урядъ нинешний кгродский Луцкий, выслухавъши и добре вырозумевши сторонъ обудву контроверсие и доводы, которые стороны пречечоные— поводъ самъ черезъ себе, а позваный черезъ умоцованого своего, пана Войцеха Станишовского, до суду вточали, припатрившися справе и праву посполитому и бачечи то в праве посполитомъ ясно, ижъ усѣ станы, почавши одъ княжатъ, пановъ радъ духовныхъ и свецкихъ шляхты аж до низшого стану, еднымъ правомъ сужоны и вшелякие речи, почавши од почтивости, горла, достоенъствъ, маетности, кончоные и узнаваные быти маютъ передъ судомъ земскимъ албо кгродскимъ, до того поглядаючи и на тое, же не о жадную речъ, которая бы ся духовенства дотыкала, але екъсцесъ свецъкий, то есть о утопене од чоловека свецъкого, а не од духовного есть позванъ, ку тому иж о свядецтво идетъ, которое ест потребно такъ до суду свецъкого, яко и духовного, прото с тых причинъ урядъ пречечоный, форумъ в суде своемъ позваному налязши, оному в справе нинешней далей поступовати

наказалъ. Которого декрету сторона позваная не приймуючи од него, до суду головного трибуналского апелевала; которое апеляции урядъ, иж не идетъ о зыскъ албо о страту, толко о сведецтво, не допустилъ, о што се сторона позваная противку урядови нинешнему сведчилася. А в далшомъ поступъку тое справы, по одойстю од суду стороны позваное, прречоный урядъ кгродский Луцкий поводовой стороне шъкрутенѣумъ свое противко позваному выводити наказалъ и присягу на ставене сведковъ поводови выконати наказалъ, которому декретови сторона поводовая досыт чинечи, присягу телесную на непеременятъе сведковъ, ведлугъ конституцыи, зараз выконала, по которомъ выконаню присеги, вышей помененый урядъ кгродский Луцкий, выслухавши шкрутаторовъ, черезъ поводовую сторону поставленыхъ, шъкрутенѣумъ то списавши, завартымъ листомъ стороне поводовой оддалъ. Што все для памети до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга гродская Луцкая 1598 г., № 2088, л. 265 на обор.

XCV.

Судебное преніе между п. Миколаемъ Добринскимъ и дьякомъ Демьяномъ Василевичемъ, обвиняемымъ въ соучастіи по дѣлу объ утопленіи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ священника Стефана Добринскаго. Показаніе Демьяна Василевича. Рѣшеніе суда. 1598 года, октября 16.

Року тысяча пятсотъ деветъдесятъ осмого, месяца октебра шостогонадъцать дня.

На рочкох судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, дня осмого месяца октебра в року теперешнемъ деветъдесятъ осмомъ припалыхъ и судовне отправоваты се зачатыхъ, перед нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростымъ, а Матеемъ Стемъпковскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, кгды справа зъ реестру судового припала, тегды, постановшися очевисто у суду, панъ Миколай Добринъский, братъ рожо-

ный небожчика Стефана Добринъского, а давши сторону позваную урожоного пана Богдана Омеляновича через возного енералного, шляхетного Матыса Славокгурского, приволати, поднесъ позовъ кгродский Луцкий, который былъ читаный, и такъ се в собе маетъ: Марекъ Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Урожоному пану Богдану Омеляновичу. Приказую, абысь ваша милость на рочкахъ кгродскихъ Луцкихъ, которые в року теперешнемъ деветъдесятъ осмомъ, месяца октебра осмого дня припадутъ и судити се будутъ, передо мною, а в небытности моей, передъ судомъ моимъ кгродскимъ Луцкимъ слугъ своихъ Демяна Василевича и Кузму, которые на сесь часъ вашей милости служатъ, а перед тымъ были помочниками велебного Кирила Терлецкого, ексархи, владыки Луцкого, въ справе урожоного Миколая Добринъского, брата рожоного небожчика Стефана Добринъского, презвитера монастыра Чернъчицького, которого тотъ владыка Луцкий с тими помочниками своими вышъ меноваными и иншими, которыхъ онъ самъ лепей знаетъ и имена ихъ ведаетъ, в року прошломъ тисеча пятъсотъ деветъдесятъ семомъ, месеца декабря третегонадъцать дня, кгды тотъ преречоный презвитеръ монастыра Чернъчицкого, по никоторой потребе своей бывши в месте Луцкомъ и способивши собе Павла коваля для укованя коня, шолъ з нимъ до дому, до манастыра Чернъчицкого, вже на другой године в ночъ, на доброволной дорозе поймавши, позабиялъ, помордовалъ и въ рику въ Стыръ потопилъ, которыхъ ажъ тела в року теперешнемъ деветъдесятъ осмомъ на води плываючие, збитые, змордованые сут знайдены; в чомъ правне противъ ему ест поступлено. Прото абысь ваша милость тыхъ слугъ своихъ, яко помочниковъ владыки Луцкого, вышъменованыхъ, подъ винами в конституцыяхъ описаными, передъ урядомъ поставилъ. Писанъ у Луцку, року по нарожденъю Исусъ Христа, сына Божого, тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месяца августа двадцать осмого дня. Иванъ Красенъский, писаръ.—А по вычитаню того позву и учиненю жалобы, поводъ, черезъ умоцованого своего, доведши слушного року пану Богданови, яко позваному, просилъ, абы судъ ему водлугъ позву справоватися наказалъ. А панъ Богданъ Омеляновичъ, яко позваный, водлугъ позву справуючися, ставши очевисто самъ, передъ судомъ ставилъ слугу своего на тотъ часъ на йме Демяна дяка, которому вина дана

отъ повода, яко помочникови владыки Луцкого о утопене попа, а ставивши, просилъ, абы, водлугъ жалобы позву, од тое справы былъ воленъ. А урядъ нинешний кгродский Луцкий, бачачи то, ижъ позваный пречечоный панъ Богданъ Омеляновичъ ставилъ передъ судомъ дяка обвиненого, для того оного позваного одъ справы и речи часы вечными волнымъ учинилъ и нынешнимъ декретомъ своимъ чинитъ и сказуе. А панъ Добринъский, черезъ умоцованого своего, кгды тотъ дякъ Демянъ до справы передъ судомъ очевисто станулъ, тогды тыми словы жалобу противко ему чинилъ: иж „ты, Демяне дяку, былесь и естесь помочникомъ забойства и утопеня попа Чернъчицкого, на йме Стефана Добринъского, брата рожоного моего, а то велебному Кирилу Терлецкому, владыце Луцкому, который владыка, яко принципалъ, о утопенъе попа естъ обвиненый, с помочниками, с которыми я собе заховую волное право. А на тебе тепер се жалую, хотечи тебе водлугъ права в томъ учинку, яко помочника владыки Луцкого, водлугъ жалобы мосе, поконати и вины за тотъ учинокъ поискивати“. Где тотъ же, очевисто передъ урядомъ стоечи, пречечоный Демянъ дякъ явне и доброволне, яко тежъ и в замкненъю будучи достаточне выпытаный, вызналъ тыми словы: ижъ „милъ давный вазнь владыка Луцкий на попа Черъчицкого и заказовалъ, абы жаденъ у него не бывалъ и сакраменту не приймовалъ, и мене не разъ посылалъ, которыи тамъ хоживали, абымъ описывалъ. И часу одного в декабру, в року прешлымъ, здамися дня осмого, на свято святого Миколы руского, панъ владыка Луцкий в пятницю, позно, не вимъ отъкуль до Луцка приехалъ, и назавтрее в суботу сказано ему, же тутъ попъ Спаский Чернъчицъкий ест в месте. Онъ заразъ послалъ мене и другого хлопца Марцинка, абысьмы того попа вышпекговали. И мы его вышпекговавши, бо на тотъ часъ до коваля до Луцка приходилъ, и скоро есмо пану владыце дали знати, заразъ послалъ Войтеха кухара, Василя Коростеля, Вижкгу венгрина и мы з Мартинкомъ хлопцемъ шли есмо за ними. Тамъ же, догонивши того попа с ковалемъ противко церкви Воскресения Христова, мовили есмо попови, абы до владыки шолъ. А было то година в ночъ. Тотъ попъ пяный былъ и не хотилъ ити; оны его, яко пяного, узяли и вели берегомъ Глусца, мимо двора пана воеводы Киевского, на гору, дирею, до замку. Тамъ же кгды его при-

вели, оддали его до рукъ владыце, на покой до него. Тамъ же намъ тылко двомъ хлопятомъ до избы ити не казано, одно они, што его привели, зостали и избу замкнули, а намъ никому поведати казали. А потомъ не вимъ, што се з нимъ дияло. Тылко ж назавтрее, в недилю, кгды руморъ межи людми быти почалъ, же попъ згинулъ, и ему самому сказано у столу, владыка реклъ: „Ото проклятство Берестейске и молитвы наши его побили“! а потомъ самъ реклъ: „Ахъте мни, ахъте мни! Люди змовятъ, же владыка попа втопилъ!“—На которое таковое сознанье свое пречечоный Демянъ дякъ рукою своею подписалъся в тые слова: Демянъ Василевичъ рукою власною подписалъ. А в дальшомъ поступъку тои справы, ижъ пречечоный Демянъ дякъ далей до права мовити не умилъ, просилъ уряду нинешнего, абы ему прокуратора придалъ, которому пречечоный урядъ кгродский Луцкий шляхетного пана Павла Реховского до обороны его придалъ. А панъ Добринъский, поводъ, через умоцованого своего поведилъ, же з вызнанья очевистого досыть значне показуе се быти винъный тотъ дякъ утопеня брата моего, и при томъ самомъ вызнаню дяковомъ просилъ тотъ Добринъский, абы судъ ему, водле права, доводъ присегою наказалъ. А Демянъ дякъ, через умоцованого своего Павла Реховского, поведилъ, же в томъ вызнаню моемъ нимашъ ничого таковего, абымъ причиною быти мелъ утопеня того попа, але то-мъ поведилъ, яко сама речъ есть, и а ни радою, а ни помочю естемъ виненъ в томъ се обжалованью, и на то, водлугъ права, готовъ естемъ отводъ учинити. А панъ Добринъский, через умоцованого поведилъ, же дякъ тотъ не може ся брати до отводу, кгды ж заразомъ пойманъемъ и приведенъемъ до владыки попа, яко онъ до того сознаетъ, попъ братъ его утопленъ естъ из другимъ товаришемъ его ковалемъ, яко о томъ сутъ оповиданя урядовые, просилъ тотъ Добринъский, абы судъ, яко блызщому, при таковомъ вызнанъю того дяка доводъ присегою на него наказалъ. А урядъ нинешний кгродский Луцкий, припатрившисе пилне контроверсиямъ обудву сторонъ, поневажъ показуе се то з самого обжалованья, же тому дякови то задаютъ, же тылко помочникомъ былъ пану владыце и видалъ о тымъ, а не задаютъ ему того, абы то самъ учинилъ, до того ачъ ся показуе зъ самого его сознанья, же при другихъ былъ, кгды того попа поймано и владыце отдано, однакъ же до того ся не

знаетъ, жебы мелъ видати, на што того попа поймати казано и овшемъ розумелъ, же на якуюсь розмову, и береться до отводу, же того втопенья а ни радою, а ни жадною видомостю естъ причиною, протожъ урядъ нинешний, прихиляючися до права посполитого, которое ясне учитъ, же каждый судъ маетъ быти склонънейший ку вызволенъю, а нижъ ку поконанъю, нашедлъ того объвиненого близъшого до одводу и наказалъ ему самотретему, абы на томъ присегу учинилъ, яко того утопенья попа Чернъчицького не естъ причиною и о томъ не видавъ, для чого по него казано и гъде ся подилъ; а кгды присягнетъ, судъ накажетъ, што съ права будетъ. Которого декрету сторона поводовая не приймуючи одъ него, до суду головного трибуналу Любелского, межи справы урядовые, апелевала, которои апеляции урядъ нинешний до воеводства Волынского допустилъ и рокъ завитый сторонамъ обеюмъ на трибунале Любелскомъ близко пришломъ, на тотъ часъ, кгды справы воеводства Волынского порядкомъ иншихъ воеводствъ коронныхъ, отправованы будутъ, ку далшому поступкови в той справе, водлугъ позву стороны поводовое и контроверсый сторонъ обудвухъ, заховалъ и назначилъ, якожъ и нинешнимъ декретомъ своимъ заховуе и назнача. А панъ Добринъский черезъ умоцованого своего о недопущене апеляцыи межи справы урядовые на трибуналъ, затымъ о кграваменъ и о шкоды, противъ урядови и стороне вознымъ Славокгурскимъ сведчилъ, которое осведчене урядъ принялъ.—Што все для памети до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ записано.

Книга гродск. Луцкая, 1598 г., № 2088, л. 414 на обор.

XCVI.

Судебное преніе между паномъ Евстафіемъ Загорскимъ и архимандритомъ Жидичинскимъ Гедеономъ Балабаномъ по дѣлу о вооруженномъ нападеніи урядника, слугъ и крестьянъ Балабана на домъ Загорскаго, при чемъ были нанесены тяжкіе побои его женѣ, дѣтямъ и слугамъ, разграблено имущество и самъ онъ былъ изгнанъ изъ собственнаго дома и имѣнія. 1598 года, ноября 24.

Року тисяча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месяца ноябра двадъцать четвертого дня.

На рокахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, од дня деветогонадцать ноябра в року звышменованомъ деветдесетъ осмомъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростымъ, а Матеемъ Стемъпъковскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, кгды припала з реестру судового справа, и стороны до суду через возного приволаны были, тогды сторона поводовая, урожоный Остафей Загорский, поднесъ позовъ кгродский Луцкий противко велебному в Бозе его милости отцу Гедиону Болобану, архимандриту Жидичинскому, и по капитулу его милости, яко позванымъ, просячы, абы былъ на вряде читаный, который такъ се в собе маетъ: Марекъ Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Велебному Гедиону Болобану, архимандриту Жидичинскому, и капитуле твоей милости, крилошаномъ всимъ церкве головное Жидичинское, естли бы которые до тое справе належат мели. З особъ и зо всихъ добръ вашихъ, лежачихъ и рухомыхъ, росказую, абы есте на рочки пришлые кгродские Луцкие, которые в року нинешнемъ тысяча петъсотъ деветъдесятъ осмомъ, месяца ноябра деветогонадъцать дня припасти и сужоны быти маютъ, в замку Луцкомъ передо мною, а в небытности моей, ино перед судомъ моимъ кгродскимъ Луцкимъ, сами очевисто и завите стали, на жалобу и правное попиране урожоного пана Остафея Загорского скутечне се усправыдливили, который васъ позываетъ о то, ижъ в року нинешнемъ тысяча пятъсотъ деветдесятъ осмомъ, месяца августа двадцат четвертого дня, препомневши дей есте боязни Божое, сроkгости права посполитого и повинности духовенства своего, которое на

сесь часъ на особахъ своихъ носите, наслали дей есте моцно, кгвалтомъ, врядника своего Жидичинского, неякогось Войтеха Борка, и при немъ не мало слугъ, бояръ, гайдуковъ и всихъ подданыхъ своихъ волости Жидичинское, ездно и пешо, из возами и з розными бронями до бою належачими, обычаемъ и способомъ неприятелскимъ, о колко сотъ чоловека, на власный домъ, дворецъ его Загорского, прозываемый на Пещанку, и на его, чоловека спокойного, шляхтыча учтивого, во всемъ безпечного, вамъ николи ничого невинного, покоемъ права посполитого шляхетного обварованого и убезпечоного, неведомо, кгвалтовне, которые кгвалтовныки посланцы ваши, упадши у дворецъ его, оршакъ людей немалый, на людей безпечныхъ, челядь его Загорского побили, помордовали и поранили, домъ его учтивый шляхетский окривавили, малжонку его, шляхтенку учтивую, Еву Топчевского, зшарпали, которая отъ великого окрику и страху, який толко поганцы татарове чинити звикли, такъ же и они учинили, у болото утекаючи, мало у болоте з детятемъ маленкимъ не втонула и детяти не втопила; сына его Загорского Ярошa, детятко теж малое, толко у трохъ летехъ, образили, зранили и перелекли, которое отъ великого перелекненя и теперъ есть барзо хоро; кухарку его Загорского Устимку сокиркою у ногу шкодливе ранили; а самъ дей онъ Загорский отъ тыхъ кгвалтовниковъ заледве утекъ и аж дей до Пещаного-броду за нимъ на конехъ с полгаками гонили. И кгды дей такъ всю челядь з дому проч розогнали, тамъ же у томъ дворцу замки до коморъ поодбиявши, двери и завесы повыламовали, полупивши всю маетность его Загорского шляхетскую, што одно колвекъ ее мелъ, кгвалтовне злупили, побрали и пограбили, а то естъ меновите: взяли дей у свирни скрыню великую белую, железомъ окованую, в которой были вси шаты его самого и малжонки его белоголовские, такъ же и вси хусты белые од мала до велика, то естъ: летниковъ китайковыхъ два, по три брамы чорныхъ оксамитныхъ, с кшталтами оксамитными, коштовали дей золотыхъ осмдесетъ; летниковъ мухоеру турецкого два, пасаманами сребрьными брамованы, коштовали золотыхъ сорокъ пять; сукню фалюндышу брунатного с петми брамами и с кшталтами оксамитными, коштовала копъ пятнадъцать; шубка канавацы чорное, кунами подшитая, коштовала копъ тридцать; смыковицу чамлету чорного без воды, с пасаманами оксамитными, кунами

подшитую, коштовала копъ двадцать грошей; плащикъ оксамиту чорного, с пасаманами сребрными, кунами подшитый, коштовалъ двадцать копъ грошей; плащикъ китайки брунатное, горностайками подшитый, с пасаманами золотыми, коштовалъ золотыхъ осмънадцать; плащикъ мухоеру чорного турецкого, кроликами чорными подшитый, коштовалъ чотыри копы грошей; шубка фаллундышу чорного, лисами подшита, з бобромъ чорнымъ, коштовала двадцать копъ грошей; шапка оксамитная, отласомъ подшитая, з бобромъ чорнымъ, коштовала деветъ копъ грошей; шапка канаፖацы чорное, кунами подшита, з бобромъ, коштовала шесть золотыхъ; хусты белые белоголовские и музкие, кошули, кошулки, бруки, рантухи, обрусы, пошвы постелные, з листвами розмаитыми, и простиры,—того всего было за тридцать копъ грошей; полотна коленского штучка, купленая за дванадцать золотыхъ; полотна простого локот двести, кождый локоть по три гроши полскихъ; жупанъ и делия фалюндышу брунатного, китайкою дуплею подшитые, коштовали копъ двадцать грошей; сукна постав каразые зеленое, купленый за осмънадцать золотыхъ; делию зеленую шифтуховую, лисами подшитую, коштовала дванадцать копъ грошей; копенекъ каразые темноблакитное, керомъ червонымъ подшитый, коштовалъ шесть копъ грошей; скрынка малеваная зеленая, железомъ окованая, въ которой было грошей готовыхъ копъ триста шестдесетъ пятъ, лыжокъ сребрныхъ тузен, гривенъ две, коштовали копъ чотырнадъцать; чарка серебръная позолотистая гривенъ полторы, коштовала золотыхъ двадцать петь; брамка перловая с феретами и пунталами золотыми, коштовала золотыхъ осмъдесятъ; чепецъ золотый с феретами и пунталами, коштовалъ золотыхъ сорокъ; поясъ сребръный позлотистый, з ланцушкомъ сребрънымъ, коштовалъ золотыхъ двадъцать; другий поясъ ланцушковый сребръный позолотистый, коштовалъ золотыхъ дванадъцать; поясъ оксамитный, з ланцушками серебръными и з занкликомъ, коштовалъ золотыхъ три; ланцушокъ золотый с крижикомъ золотымъ и с камыкомъ, коштовалъ золотыхъ червоныхъ осмъдесятъ три. У томъ же свирни мяса вепрового полтей осмъ, коштовали по сороку грошей; сал шестъ, коштовали по петдесетъ грошей; кумпей двадъцать шестъ, коштовали по чотыри гроши; сыровъ копъ пять, кождый сыръ по полтори гроша; масла горшковъ чотыри, коштовали по копе грошей; муки иржаное

мацъ шесть; муки пшеничное мацъ полчварты; жита мацъ пять; пшеницы мацъ три, гороху мацъ три, проса мацъ две, муки греччаное мацъ две, пшона мацъ полторы, солоду мацъ шесть, хмелю вантуховъ два, купленые по осми копъ грошей, кадей капустныхъ дванадъцать, купленые по дванадцать грошей, стуги, коробки, корыта, ночвы, дежы, конвы, ведра, ложки, мисы, талеры, увесь спрятъ домовый,—то все коштовало осмъ копъ грошей; сокыръ пять, купленые по осми грошей; мотыкъ пять, купленые по семи грошей; железъ плуговыхъ двое и плуги два, коштовали золотыхъ три; подковъ конскихъ шестнадъцать, коштовали по два грошей; долота, свердли, пилы и пилки, обцекги,—того всего было за копу грошей; котчый увесь железомъ окованый, купленый за петнадъцать золотыхъ; ланцухъ железный, купленый за копу грошей; коня сивого, купленого за шестдесятъ золотыхъ; клячу мишатую, купленую за пять копъ грошей; возовъ три с хомутами, з дугами, з вожками, з уздами,—кождый возъ коштовалъ по три золотыхъ; седелъ две, коштовали по три золотыхъ; реденъ три, купленые по тринадъцать грошей; меховъ тринадъцать, купленые по чотыри гроши; овса готового, жатого, подъ тымъ же дворцомъ на полю, копъ пятъдесетъ а сами дей кгвалтовне нажали копъ сорокъ осмъ. А до того дей еще женцовъ, роботниковъ его наемныхъ, которыхъ онъ собе на роботу жнива и на вожепя с поля до гумна своего збожа з розныхъ селъ с кони и з возами былъ способилъ, тамъ же подъ тимъ дворцомъ его на полю на жниве, а иншихъ у дворцу, кгвалтовне побили, помордовали и поранили, кони з возами кгвалтовне побрали и пограбили, одежу з нихъ—сермяги, простицы и наметки злупили и пограбили, меновите: у мещанъ Рожищъскихъ, у Федка Шихъвороста пограбили коня плеснивого, купленого за чотыри копы грошей; возъ с хомутомъ и з дугою, купленый за сорокъ грошей; сокиру, купленую за пять грошей. У Мартина Забужанина—клячу тисавую, купленую за чотыри копы грошей; воз с хомутомъ, з уздою, купленый за полкопы грошей; сермягу, купленую за полтори золотого, наметку з жоны его зняли, купленую за чотыри гроши. Ув Олешка Забужанина—коня рыжого, купленого за чотыри копы, воз с хомутомъ, купленый за полкопы грошей, сермягъ две знели, з него и з жоны его, купленые по полъкопы грошей, ложникъ, купленый за десять грошей; а самого

Олешка збили и зранили. У Яцка Харченяти—коня вороного, купленого за чотыри копы грошей, воз з хомутомъ, купленый за полкопы грошей, сермягу, куплену за петнадъцать грошей. У Тимоша Тесли—коня гнедого, купленого за чотыри копы грошей, воз с хомутомъ, купленый за полтори золотого. У Тимоша Лусчича и в сестри его—сермягъ две, купленые по полкопы грошей. У Пашка—жупанъ синий лунский, коштовалъ две копы грошей, а в сына его—сермягу, куплену за десятъ грошей. У Богдана и в жоны его—сермягъ две, купленые по полкопы. У Мироша—сермягу за полкопы грошей, а в жоны его зняли платъ, купленый за чотыри гроши. У Гацка—сермягу куплену за двадцать грошей, а самого збили и зранили. У Максима—сермягу, куплену за полкопы грошей, плахту з жоны его зняли, куплену за полкопы грошей; дѣвку Пашкову Марушку збили и зранили. У Лахтивона и в сына его и в дочки его—сермягъ три, купленые по золотому. Которую дей маетность его Загорского, у томъ дворцу его кгвалтовне побраную и пограбленую, такъже и грабежи тыхъ людей, кгвалтовне учиненые, на возы забравши, до васъ самихъ, до манастыра Жидичинского до Жидичина отъпровадили, а его Загорского з власного дому его, з кгрунтовъ, пол и сеножатей и зо всего будованя его дворного кгвалтовне выбили и вытиснули, и сами дей опановавши, тотъ дворецъ его зо всимъ будованемъ его и теперъ на себе держите и вживаете; которое будоване онъ собе все огуломъ одно з другимъ шацуетъ триста копъ грошей литовскихъ; што все часу права черезъ него Загорского вамъ ширей по достатку обяснено и выведено будетъ. О што дей и первей сего тогожъ часу, скоро по учинку отъ васъ того кгвалту, онъ Загорский на рочки пришлые кгродские Луцкие августовые, которые в семъ же року деветъдесетъ осмомъ, месеца августа двадцать семого дня, припасти и сужоны бытъ мели, о тую ж речъ в семъ позве вышописаную позывалъ; нижли дей тые рочки с причинъ певныхъне дошли и сужоны не были, а такъ онъ Загорский о скровавене дому своего, о зшарпане малжонки, о зранене тежъ детяти маленкого, о побите, помордоване и поранене челяди его и о вины за тымъ в праве посполитомъ на кгвалтовниковъ описаные иншимъ позвомъ васъ позвать не занехалъ, а за симъ позвомъ о выбите кгвалтовное з дому и злупене маетности его и о пограбене роботниковъ его в суду ни-

нешнего кгродского Луцкого з вами очевисто мовити хочетъ. Писанъ в Луцку, року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ осмого, месяца октебра деветогонадъцать дня. Иванъ Красенъский, писаръ.—А по таковой жалобе своей, доведши поводовая сторона вынесеня позву своего, просила, абы стороне позваной поступовать наказано, иншие обороны и доводы вцале собе заховавши. За приволанемъ стороны позваное, озвавши се шляхетный панъ Андрей Дахновичъ, за моцою зуполною ему до тое справы даною, не в способъ жадное контроверсые з мниманою поводовою стороною, толко про информацыоне судови а выняте особъ позваныхъ и справы самое отъ суду неналежного, заховавши стороне своей вшелякие обороны правные, доводы и отводы, иле бы с права належати могли, тутъ и на кождомъ месцу, повиделъ, ижъ а ни позваные з обвиненя особъ ихъ, а ни справа мниманое кривды належности у суду кгродского не маютъ с тыхъ причинъ: што се ткнет особъ позваныхъ, иж сутъ особы духовные, архимандритъ с капитулою, обвинены доткливе достойности ихъ духовной, якобы запомневши Бога, пристойности стану своего духовного и вшелякое повыности хрестиянское, наездъ на домъ якобы его шляхетский учинити, луп маетности пополнити и кров порозливать мели, зачимъ бы уже и урядъ, которого на собе носятъ, отпадати мусели, кгды бы тотъ мниманый поводъ доводити хотелъ, тогды учинку вшелякого таковаго особъ духовныхъ никому иному и жадному свецъкому судови судити не належитъ, толко духовному; бо виннымъ показавши се, первей духовенство тратити, тожъ потымъ, што за тымъ идетъ с права свецъкого, утерпити маютъ; а уряду духовенства нихто з суду свецъкого, толко духовный, который оного подаетъ, правомъ духовнымъ осудивши, здеймоватъ належитъ; зачимъ они з особъ своихъ толко мниманого учинку судови кгродскому подлегати слушне не могутъ. И ач колвекъ мниманый и в той кривде подозреной поводъ того уступуетъ, поведаючи, же цивелитеръ тое мниманое або змышленое кривды своее доходитъ, на чомъ недосыть позванымъ, кгды ж криминалитеръ протыстацыею и през выдане до нее позву обжаловани, тогды они в суде духовномъ, который урядъ духовный на нихъ вложилъ, справитисе хочутъ, цалый и неподозрейный такимъ мниманымъ учинкомъ урядъ свой хотячи мети; уже теж мниманый поводъ, вписавши то в протыстацию и в позовъ, того такою сво-

ею декларациею, невстыдливе обвинивши, отступити не можетъ, а ни на томъ позваные досыть мети могутъ. А што се дотычетъ учинку мниманое и змышленое кривды, якобы выбитя оного спокойного держаня дому, чого се не признаваетъ, тогды для того, же жадного титулу права не показуетъ, жадное посесие, жадное диоцизые, а ни слушне и правдиве ему правне неналежное, показати не можетъ, што все кождый, такое кривды доходячи, водле права, о томъ ясностью показать достаточне повиненъ,—тая справа суду кгродскому не належитъ; до того а ни от мниманого часу выбитя за чотыри недели не выпускаючи ихъ о то запозвалъ, яко былъ водле права повиненъ, тогды вжо и оттолъ власне то суду земскому судитъ не належитъ; и указавши о томъ статутъ достаточный, домовялсе и просилъ умоцованый стороны позваное, абы водле оборонъ его такъ з особами позваныхъ, яко и справу мниманое кривды выбитя, до судовъ ихъ належныхъ, слушне кождой указаныхъ, отосланы были, а за вызване с права належного вина на поводовой стороне была наказана, далшие доводы и обороны до особы неналежного и мниманого повода во всемъ, яко и до всее справы, стороне своей вцале заховавши. На которую таковую оборону позваного повиделъ поводъ, иж се водле права заховалъ, не опущаючы часу запозваня, водле права посполитого, бо не чекаючи интермисые чотырохъ неделъ, того ж дня, которого протестацыю кгвалтовного выбытя учинилъ, позовъ взявши, в канцелярые того ж дня положоно, абы се не упустили ничого рецентис криминисъ; а што се тычетъ прошлыхъ рочковъ, на тые ижъ се не позвано, не упустилося кгвалтовного выбитя акцые, кгдыж поводови волно, запозвавши першимъ позвомъ, в часу поперети своее справы, коли хочетъ предъ презенцию правную. На то, ижъ естъ позваная сторона духовною особою, ексциповати форумъ не можетъ, ижъ поводъ не позыскуетъ того, абы мелъ быти отсужоный добръ духовныхъ, албо духовенства, о што судятъ в духовномъ праве, але позыскую одысканя добръ, с которыхъ мя выгнано кгвалтовне, а о грабежъ мого всего добра, которое ми при кгвалтовномъ выбитю побрано, о што нигде инде, водле права, быть може, одно в кгроде, такъ водле права тутошнего, яко ведле коронного; зачимъ просилъ, жебы панове судовые, налезши форумъ, позваной стороне отповедать наказать рачили, а маетность, с которое есть выгнаный, также иншую всю мает-

ность рухомую, которая ему забрана, абы ему было вернено; вшелякие доводы в цале собе заховавши. На показане реляцые запозваня передъ выштъемъ чотырохъ недель отъ выбитя, умоцованый стороны позваное повиделъ, ижъ естъ вонтпливая, подейзреная и месца мети не можетъ, а то тымъ, ижъ одного дня быти се показуе учинене протыстацые, обдукцие и запозванье на рочки кгродские, по протестацые второго дня припадаючие, а позвы даваны близшимъ рокомъ быть не маютъ заочне, толко за чотыри недили, а очевисто за две, до того ажъ на теперешнихъ по оныхъ рочкахъ кгродскихъ, першого запозваня уже третихъ, при реляцые теперешнего положеня позву, такую мниманую реляцыю уже в полроки возный чинитъ, што есть и противко праву, кгдыж возный, на которой справе будучи, неомешкале до книгъ сознавать то естъ повинненъ, чого иж не учинилъ ажъ теперъ, тогды яко неправдивая реляцыя, а то и с тое меры, ижъ еще панъ староста в томъ часе на староство былъ не наехалъ, поготовью и уряду з раменя своего то есть судего и писара былъ его милость отъ себе на тотъ урядъ кгродский Луцкий не подалъ, а потомъ з стороною тою поводовою змышленая и теперъ справленная, а оттоль барзо подозреная, месца у суду и в той справе слушне мети не можетъ; и просилъ, абы на сторону была отложона, а при иншихъ первыхъ поданыхъ слушныхъ причинахъ, и с тое самое, же се запозване в чотырохъ неделехъ слушное и правдивое показать не могло, тая справа мниманое кривды до суду земского належного отослана была, при чомъ и на возного, который тую реляцыю до книгъ зозналъ, такого позваня, яко и на самую сторону о змылность с такого подойзреня ее пылно се светчилъ, оферуючысе з ними о то, яко с права належати будетъ, чинити. Урядъ нинешний кгродский Луцкий, выслухавши и пилне вырозумевши обохъ сторонъ контроверсые и доводовъ, то обачивши, поневажъ сторона поводовая в чотырохъ недилехъ о выбите позывала, с тое теды причины форумъ у суде своемъ нашодши, позваному в справе нинешней далей поступовать наказалъ и нинешнимъ декретомъ своимъ наказуетъ. Которого декрету сторона позваная не приймуючи, отъ него до суду головного трибуналу Любелского апелевала; на которую апеляцыю албо рушеня повидела поводовая сторона, ижъ в той справе апеляцыя быть не можетъ, иле отъ таковаго декрету в справе той, которая есть

кгвалтовного выбитя, мела се быти тежъ допущона, теды однакъ, водле права и констытуцые прошлого сейму, маетъ быть допущоно, абы, водле права, по первей своее апеляцые, гды буду хотелъ, такъ в Киевскомъ, яко и в Браславскомъ воеводстве, иншие вшелякие доводы собе вцале заховуючи. Которое апеляцые преречоный урядъ кгродский Луцкий на воеводство Волынское допустилъ и рокъ завитый сторонамъ обомъ на грибунале Любелскомъ близко пришлымъ, на тотъ часъ, кгды справы воеводства Волынского, порядкомъ иншихъ воеводствъ коронныхъ, отправованы и сужоны будутъ, ку далшому поступкови в той справе, водлугъ позву стороны поводовое, контроверсыи сторонъ и декрету нинешнего, заховалъ и назначилъ и нинешнимъ декретомъ своимъ заховуетъ и назначаетъ. Што все для памяти до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга гродская Луцкая № 2088, годъ 1598, листъ 540.

XCVII.

Позовъ къ суду вознаго Яна Валевскаго для дачи свидѣтельскихъ показаній по дѣлу объ отравленіи архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана. 1599 г. февраля 21 дня.

Марек Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Тобе шляхетному Яну Валевскому, возному повѣту Луцкого, з уряду и зо всихъ добръ твоих лежачих и рухомых звѣрхностю вряду моего приказую, абы передо мною або судомъ моимъ кгродским Луцкимъ в замку Луцкомъ на рочки кгродские Луцкие, которые в року теперешнемъ тисеча пятсотъ деветдесят девятомъ, месяца марца двадцат пятого дня, сам обличне и завите стал напротивко велебного в Бозе отца Гедиона Балабана, архимандрыта Жидичинского, который тебе позывает ку выданю правдивого сведоцства в справе его з стороны трутизны, которая ся

ему з направы и з причины владыки Луцкого Кирила Терлецкого через слуги его, менowите Василя Коростеля и Павла Спевака, в Жидичине, в року прошлом деветдесят шостом, первей в месяци марци через лист, а потом в месячи априлю в том же року через рукодане стало, которая трутизна так в листе, яко и в руках, влоскими обычайми приправлена была, с которое трутизны Балабан мало не умер и через час немалый хоровал и на сес час здоровя зуполного не мает. И хотечи то на владыку Луцкого показати, тебе ку выданю сведоцства, албо шкрутиниум, позывает, абысь сам стал и сведоцство ведомости албо слышеня своего под сумненем выдалъ, обавлючися плаченя вин, в праве описаных. Писан в Луцку, року тисеча пятьсотъ деветьдесят девятого, месяца февраля двадцат первого дня. Иванъ Красенский, писар.

Печатъ старосты.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря, хранящихся въ собраніи Коммиссіи, № 34.

Примѣч. На оборотѣ этого документа находится слѣдующая надпись, сдѣланная, по всей вѣроятности, возным, которому поручено было доставленіе позва: *„Тые всѣ позвы есми пооддавал, толко сего не оддал. Рад бы давал, да лихо: у Гулялниках ест жолнѣре—боюся, штобъ мя не шарпѣнено. Прошу, милый пане, не рач мѣт за зле на мене, але рач яко панъ мой милостивий выбачити на мене убогого служебника“.*

XCVIII.

Судебное преніе по дѣлу о двукратномъ отравленіи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана. Рѣшеніе суда. 1599 года, марта 29.

Року тисеча пятьсотъ деветъдесятъ девятого, месеца марца двадцать девятого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, дня двадцать пятого месяца марца, в року теперешнемъ вышей написаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростымъ, а Матеемъ Стемпковскимъ, судею; врядниками судовыми кгродскими Луцкими, кгды справа з реестру судового, нижей помененая, припала, постановившися очевисто у суду сторона поводовая, его милость отецъ Гедионъ Болобанъ, архимандрытъ Жидичинский, давши сторону позваную, велебного в Бозе его милость отца Кирила Терлецкого, владыку Луцкого и Острозского, ку праву черезъ возного енералного, шляхетного Матыса Славокгурского, приволати, поднес позовъ кгродский Луцкий, который былъ читанъ и такъ се в собе маетъ: Марекъ Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Велебному отцу Кирилу Терлецкому, владыце Луцкому и Острозскому, ексарсе. З особы твоее, з уряду твоего епископского и зо всихъ добръ твоихъ лежачихъ и рухомыхъ зверхностю уряду моего приказую, абы еси передо мною, або передъ урядомъ моимъ кгродскимъ Луцкимъ, в замку Луцкомъ, на рочки кгродские Луцкие, которые в року теперешнемъ тисеча пятьсотъ деветъдесятъ девятомъ, месяца марца двадцать пятого дня, самъ обличне и завите сталъ напротивко велебного в Бозе отца Гедиона Болобана, архимандрыта Жидичинского, который тебе ку прислуханю правдивого выданя сведецтва позываетъ, албо шкрутиниумъ отъ светковъ его, отъ него припозваныхъ, в справе его, которую маетъ з верностью твоею, а то стороны трутизны, которая ся ему з направы и причины верности твоей первей в року прошломъ деветъдесятъ шостомъ, в месяци марцы черезъ листы твое, отъ тебе до него посланые, а потомъ в месяци априлю в томъ же року черезъ рукодане

слугъ твоихъ, Василя Коростеля и Павла спевака, стала, которая трутизна такъ в листе, яко и в рукахъ тыхъ слугъ, влоскими обычайми приправлена была, с которое трутизны он Болобан мало не умеръ и через часъ не малый хоровалъ и на сесь часъ здоровя зуполного не маетъ; о што онъ верность твою особливымъ позвомъ о речъ самую головную позвати не занехаетъ, а хотечи то на тебе показати, верность твою симъ позвомъ ку прислуханю свядецтвъ позываетъ. Прото абы еси самъ сталъ и тыхъ менованыхъ слугъ своихъ поставилъ, свядецтва албо шкрутиниумъ прислухалъ, и если бы тежъ свядецтво якое еси учинити в той справе хотѣлъ, абы еси выводилъ; што все абы еси выконалъ, обавляючися винъ в праве посполитомъ описаныхъ плаченя. Писанъ в Луцку, року тисеча пятъсотъ деветдесятъ девятого, месяца февраля двадцать первого дня.—А по вычитаню того позву, сторона поводовая, доведши его слушного положеня и року за нимъ припадаючого реляцыею возного, домовялъ се и просилъ, абы судъ стороне позваной в справе нинешней далей поступовати наказалъ. А умоцованый стороны позваное, его милости отца владыки Луцкого, шляхетный панъ Сасинъ Русиновичъ Берестецкий, захова̀вши собе вси обороны правные вцале, иле бы ихъ тая справа потребовала, не признаваючи преречоного мниманого повода за особу духовную, которою не естъ, до того есть банитомъ, который не могъ бы жадное справы не толко тое непристойное и помовное, але и в жадной иншой попирати, поки бы зъ себе тое баницые не знеслъ, што се на своем пляцу покажетъ; однакъ, ижъ тая непристойная и помовная акцыя всчата есть презъ особу якобы духовную, чого се не признаваетъ, а противко особы духовной, што судови кгродскому розсужати не належитъ, одно духовному, чого доводилъ привилеемъ светое памети княжати Витулта, великого князя Литовского, который потомъ королеве светое памети полские Казимеръ, Жикгимонтъ Першний, Августъ и иншие потомъ королеве и теперешний панъ нашъ потвердилъ, и ктому вказалъ з статуту, в розделе третемъ, артыкулъ двадцеть шостый, же свецкие в справы духовные вдаватисе не маютъ, указалъ потомъ и статутъ Жикгимунта Першого, в Кракове уфаленый, в року тисеча пятсотъ сорокъ третемъ, же справъ межи духовными нихто инший розсужати не можетъ, хотьбы се тежъ и криминалъ якый трафилъ, одно духовные. Теды тежъ взглядомъ то-

го мниманого учинку помовное и неслыханое акцыи, которая якобы се мѣла быть летъ колко стати отъ особы духовное якобы духовному, справоватисе и форумъ тутъ мети в кгроде не може, и о такую непристойную и помовную акцыю з мниманымъ поводомъ в суде належнымъ оферуючисе чинити, просилъ, абы судъ форумъ не узнавши, волнымъ обвиненого учинити рачилъ. А умоцованый стороны поводовое, отца архимандрыта Жидичинского, выводилъ, же позваный маетъ передъ судомъ нинейшнимъ форумъ, яко взглядомъ добръ, с которыхъ его позываютъ и о которыхъ позвы кладутъ, такъ взглядомъ кривды самое, такъ тежъ и особы: добра албо вемъ тые, на которыхъ позвы кладено, лежатъ в тутошнемъ повете Луцкомъ; з стороны зась кривды, теды и тая форумъ передъ судомъ нинешнимъ маетъ, бо тая справа есть криминална, духовные не судятъ криминаловъ, одно судъ тотъ, которому то судити поручоно; не идетъ тежъ тутъ ни о што, одно о шкрутиниумъ, до которого коли бы хотелъ позвати шляхтича, теды бы се передъ нимъ не становилъ, и такъ бы за се справедливости нихто не одержалъ; шкрутинии тежъ, водле констытуцыи року осмдесятъ осмого уфаленои, нигде индей, одно в суде земскомъ альбо кгродскомъ отправованы бываютъ; взглядомъ зась особы его преложенства, теды и тымъ форумъ вымовяти не можетъ, бо еслибы хотелъ розумити, же межи духовными правда то, же межи духовными (sic), але межи тыми, которые розное послушенство свое отдаваютъ слушне, теды позваный маетъ передъ судомъ нинешнимъ форумъ; и просилъ, же бы судъ, форумъ позваному передъ судомъ нинешнимъ узнавши, позваному далей поступовати наказалъ, иншие обороны правные во вселякой инстанцыеи в зуполной моцы заховавши. Судъ нинешний кгродский Луцкий, выслухавши контроверсие сторонъ обудвухъ и оные добре зрозумявши, а бачати то, ижъ особа духовная з особою тежъ духовною о тые речи, которые се духовенства тычутъ, позываетъ, для того форумъ той справе в суде своемъ не узнавши, сторону позваную отъ року и позву волнымъ учинилъ и нинешнимъ декретомъ своимъ чинитъ. А сторона поводовая, того декрету не приймуючи отъ него, до суду головного трибуналу Любелского апелевала; которое апеляцыи судъ допустивши, рокъ обудвумъ сторонамъ у меновано суду головного трибуналского на тотъ часъ, кгды справы вое-

водства Волынского, порядкомъ иншихъ воеводствъ коронныхъ, по дате сего декрету нашого напервей припадутъ и сужоны будутъ, стати зложилъ и рокъ заховалъ и нинешнимъ декретомъ своимъ заховуетъ и назначаетъ. Што все для памети до книгъ справъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ есть записано.

Книга гродская Луцкая, № 2090, 1599 г., листъ 422.

XCIX.

Протестъ архимандрита Гедеона Балабана противъ означеннаго рѣшенія Луцкаго гродскаго суда по дѣлу о двукратномъ отравленіи его Кирилломъ Терлецкимъ. 1599 года, марта 31.

Року тисеча пятьсотъ деветъдесятъ девятого, месяца марца тридцать первого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, отъ дня двадцать пятого марца в року деветъдесятъ девятомъ припалыхъ и судитъся зачатыхъ, передъ нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростымъ, а Матеемъ Стемъпковскимъ судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившеся очевисто, в Бозе велебный отецъ Гедионъ Болобанъ, архимандритъ Жидичинский, самъ особою своею и маючи при собе двохъ возныхъ, от насъ з уряду ему приданыхъ, шляхетныхъ пана Василя Гуляницкого а пана Яна Валевского, енераловъ, и шляхтичовъ людей добрыхъ, протестовалсе соленитеръ тыми возными и шляхтою сведъчилъсе противко насъ, врядниковъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, о то: ижъ дей кгды была справа з реестру приточила на тыхъ менованыхъ рочкохъ, марца двадцать девятого дня, року вышъменованого деветъдесетъ девятого, за позвомъ его, стороны поводовое, отца архимандриты Жидичинского, писанымъ по Кирила Терлецького, епископа Луцкого и Острозъского, а то есть ку прислуханю вывоженъя шъкрутиниумъ и светковъ до тое справы отъ архимандриты Жидичинъского

запозваныхъ ку правдивому выданъю сведецътва противко отцу Кирилу Терлецькому, епископу Луцькому и Острозьскому, о стъруте двакротное отца аръхимандърита Жидичиньского, одинъ разъ року деветъдесятъ шостого, в месяци марци, через листъ з Риму присланый, а другий разъ черезъ витанъе руки в року деветъдесятъ шостомъ же в месяци априли, яко то ширей в томъ позве, в протестацияхъ и в иншихъ процесахъ и доводахъ в той справе есть и было описано и выоброжоно, якожъ урядъ кгродский Луцкий, его милости отца архимандриты Жидичинъского до попиранъя далшого в той справе, такъ и сълуханъя запозъваныхъ светковъ, не припустивъши до доводовъ жадныхъ и не слухавъши, въсе на сторону отъложивши, форумъ не узнали, сторону позваную отъ позву и року волнымъ учинили и шкрутиниумъ, будучи до слуханъя имъ належнымъ врядомъ, ку великой кривде и шкоде его, слухати не хотели и тымъ великое утеженъе и зволоку справы учинили; в чомъ отецъ аръхиманъдрытъ Жидичинъский, розумеючи то быти собе з уближенъемъ и немалою шкодою, о то ся протестовалъ и светъчилъ, хотечи о то правне чинити. Урядъ се тежъ тым же возным сведъчилъ, же водлугъ права судилъ и яко розумелъ. Которое ж осведъчене отца архиманъдриты Жидичинъского принявши, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казали.

Книга гродск. Луцкая 1599 года, № 2091, листъ 266.

C.

Судебное рѣшеніе по дѣлу о покушеніи на жизнь епископа Кирилла Терлецкаго со стороны его зятя и дочери Ивана и Анны Велятицкихъ посредствомъ нападенія на него изъ засады, въ дорогѣ, и стрѣлянія въ него, при чемъ онъ былъ раненъ въ ногу и подъ нимъ была убита лошадь. 1599 года, мая 11.

Року тисеча пятсотъ деветъдесятъ девятого, месяца мая первогонадцать дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцъкихъ, от дня шостого месяца мая в року теперешнемъ деветдесятъ девятомъ припалыхъ и судовне отправованыхъ, перед нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростымъ, а Матеемъ Стемъпковскимъ, судею, урядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившися очевисто умоцованый стороны поводовое, велебного в Бозе его милости отца Кирилла Терлецкого, епископа Луцкого и Озстрозкого, урожоный панъ Сасинъ Русиновичъ Берестецкий, при бытности самого повода, давши сторону позваную, шляхетного пана Ивана Велятицкого и малжонку его, ку праву черезъ возного енерала Матыса Славокгурского приволати, за которымъ приволанемъ возного позваные не стали и не отозвалисе; а умоцованый стороны поводовое поднесъ позовъ кгродский Луцкий, по сторону позваную выданый, который былъ читанъ и так се в собе маетъ: Марекъ Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Тобе урожоному Ивану Велятицкому и тобе Анъно Терлецкого Ивановая Велятицкая, зо всихъ добръ вашихъ где колвекъ маючихъ и з особъ вашихъ приказую, абы есте передо мною, а в небытности моей, перед судомъ моимъ кгродскимъ Луцкимъ на рочки близко пришлые, которые припадутъ и сужоны будутъ в року теперешнемъ деветъдесетъ девятомъ, месяца мая шостого дня, сами обличне и завите стали на жалобу и правное попиране велебного в Бозе его милости отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозкого, который ку прислуханю вывоженъя шкрутиниумъ васъ позываетъ, а то о пострелене умыслное от тебе самого, Иване Велятицкий, с полгаку особы его милости в ногу левую в року тисеча пятъсотъ деветдесятъ семомъ, месяца сентебра двадцеть третего дня, за

сполною змовою и радою з жоною твоею, хотечи его милость о смерть потаемне, непристойне и умыслне приправити для посегненя маетности его преречоного отца епископа Луцкого, на которого-сте то были сами и з иншими многими помочниками, собе равными, в протестацыяхъ поменеными, потаемне и непростойне засели в властномъ именю его милости церковномъ, у Фалимичахъ, на гребли, кгды ѐхалъ до замочку своего Фалимицкого, при которо́мъ постреленю о́собы его милости и коня под отцемъ епископомъ на смерть с полгаку забилъ еси. Прото тя его милость с тобою, Анъно Терлецкого, малжонкою его, позываетъ ку оказаню таковового вашего учинку через шъкрутинию людей добрыхъ, тое справы ведомыхъ, абы есте стали и добре се прислухали; а похочете ли свою шкрутинию в той рѣчи выводити, абы есте се на тыхъ же рочкахъ выправовали. Писанъ в Луцку, року тисеча пятъсотъ деветъдесятъ девятого, месяца марца двадцеть девятого дня. Иванъ Красенский, писаръ.—А по вычитаню того позву, умоцованый стороны поводовое, доведши положеня позву и року за нимъ зложоного слушне, ведле права, выписомъ с книгъ сознаня возного, а в далшомъ поступку умоцованый поводовъ оповедалъ у суду, ижъ дей панъ Велятицкий и малжонка его, будучи от повода на сие теперешние рочки запозваны и з реестру судового через возного по три дни приволывани, за которымъ приволанемъ возного сами не стали и никого з моцъю отъ себе не прислали, за которымъ нестанемъ ихъ умоцованый стороны поводовое домовлялсе и просилъ, абы позваные на упадъ вздат допущоны были и оному шкрутинумъ противко позванымъ выводити наказано. А такъ суд нынешний кгродский Луцкий, за домовенемъ стороны поводовое а за нестанемъ позваныхъ, допустивши ихъ яко несталыхъ и права непослушныхъ на упадъ взыску стороне поводовой здати, а в далшомъ поступку тое справы в способъ зыску шкрутиниумъ свое противъко позванымъ выводити наказалъ. А сторона поводовая, сведки до выданя свядецтва водле пърава у суду поставивши, шкрутиниумъ свое противко позванымъ выводилъ, которую мы, по достатку на особливомъ местцу выслухавши и порядне списавши, стороне поводовой в завартомъ листе дли подпоры справы дали. Што все для памети до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати есмо казали.

Книга гродск. Луцкая 1599 года, № 2090, л. 550.

CI.

Жалоба капитулы при церкви соборной Луцкой Іоанна Богослова о томъ, что панъ Станиславъ Кандыба, писарь гродскій Владимірскій, присвоилъ церковное имѣніе въ с. Водырадахъ и, будучи самъ еретикомъ-аріаниномъ, опустошилъ находившуюся тамъ церковь. 1599 года, мая 19.

Року тысеча пятсотъ деветьдесят девятого, месяца мая девятогонадцать дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Миколаемъ Чарноцкимъ, бурграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто два с капитулы церкви головное Луцкое светого Иоана Богослова, отцове пресвитерове Григорей Афанасовский а Семионъ Николский, именемъ всее капитулы протестовалися, яко дедиче добръ церковныхъ, противко пану Станиславу Кандыбе, писару кгродскому Володымерскому, тыми словы: иж помененый панъ Канъдыба часовъ недавно прошлыхъ у мастность нашу церковную, в дворъ и фолварокъ капитулный, в село Водырады, кгвалтовне и своволне, не ведати для которое причины тамъ мешкаючи, з оного именья кгвалтовне з спокойного держаня насъ выбылъ, вытиснулъ, и собе неналежне привлащивши, пожитки вшелякие с подданныхъ, роботъ, чиншовъ, з ставу, млына, с корчемъ, з мытъ, з взасевковъ вшелякихъ и до того часу уживаетъ, которыхъ шкодъ в недерженью того именья, в неуживанью пожитковъ менятъ собе шкоды три тисечи копъ грошей литовскихъ, а притомъ церковъ всю до кгрунту спустошилъ, аператы церковные, книги и звоны, образы попсовалъ, побралъ и фалу Божию, будучи самъ геретыкомъ ариямомъ, въ нивичъ обернулъ, в чомъ шацуемъ шкод чотыриста копъ грошей литовскихъ; о што зособна в судех належныхъ правне чинити оферуемъ. И жадали, абы тая протестацыя ихъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ была записана, што я записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1599 г., № 2091, листъ 442 на об.

CII.

Судебное преніе между архимандритомъ Жидичинскимъ Гедеономъ Балабаномъ и епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ по дѣлу о наѣздѣ на Жидичинскій монастырь въ августѣ 1597 года. 1599 г. іюня 21.

Року тисяча пятсот деветъдесятъ девятого, месяца юня двадцат первого дня.

На рочках судовых кгродских Луцких, дня семогонадцат месяца июня в року теперешнемъ вышъшей менованомъ припалых и судовне отправоватисе зачатых, перед нами Якубомъ Лысаковскимъ, подстаростимъ, а Матеемъ Стемпковскимъ, судею, врядниками кгродскими Луцкими, кгды справа нижей помененая з реестру судового припала, теды постановившися очевисто у суду сторона поводовая, его милость отецъ Гедионъ Болобан, архимандрит Жидичиньский, и давши сторону позваную отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, черезъ возного енералного, шляхетного Матыса Славокгурского, приволат, поднес позовъ кгродский Луцкий жалобы своее, по сторону позваную выданый, который был читанъ и такъ ся в собе маеть: Марекъ Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Тобе велебному Кирилу Терлецкому, епископу Луцкому и Острозскому, ексарсе, з владзы уряду моего старостинского приказую, абы еси ваша милость на рочкахъ кгродских Луцких, в року теперешнемъ тисяча пятсот деветдесятъ девятомъ, месяца юня семогонадцать дня припадаючих, передо мною самымъ, а в небытности моей в Луцку, ино передъ судомъ албо врядомъ моимъ кгродскимъ Луцкимъ, в замку Луцкомъ, обличне, правне и завите сталъ на жалобу и правное попартъе в Бозе велебного его милости отца Гедиона Болобана, архимандрита Жидичинского, и всее капитулы церкви Жидичиньское заложеныя светого Николы, которыи вашу милость яко помочника наеханя кгвалтовного на манастыр Жидичинский през зошлого велможного пана Александра Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосту Луцкого, симъ позвомъ позываютъ, иж в року недавно прошломъ тисяча пятсотъ деветдесят семомъ, месяца августа з двадцатого на двадцат первый ден, з середы на чет-

вергъ, о полночи, порозумевшися и спосибивши собе вашу милость помочникомъ и иныхъ много помочниковъ и слугъ своихъ, в протестацыи и в поступку правномъ меновите описаных, маючи умыслъную згоду и змову из вашею милостью и зо всими помочниками своими, преречоный велможный панъ Александръ Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, староста Луцкий, яко принципалъ, не дбаючи ничого на боязнь Божую и на срокгость права посполитого, з арматою войне належачою на манастыр Жидичинский, домъ и мешканя особы спокойные и учтивые, при церкви Божой з набоженствомъ мешкаючих, през вашу милость помочника своего и иных помочниковъ и слугъ своихъ, окрикъ вынеслымъ а неприятелеви належнымъ голосомъ учинивши, вколо манастыръ Жидичиньский оступили, и с колка сторонъ кгвалтомъ острогъ проломивши, до манастыра впали, стрелбу кгвалтовную учинивши, в домъ мешканя их, окна, двери поломавши, кгвалтовне вшедши и през утечене з него на церковь, звыклую оборону ихъ, тамъ нѣкого не заставши, двери, окна, печи, лавы, столы кгвалтовне посикши, што тамъ колвекъ одно было выбрали; и мало на томъ маючи, доведавшися и порозумевши бытность того повода на церкви Божой, оному местцу и пристойности своей не фолкгуючи и не уважаючи, през них слугъ и помочников своих, яко и през вашу милость, того всего помочника своего, до него на церковъ стреляне кгвалтовне учинили и тамъ на церкви самого архимандрита с полгаку в ногу левую и шляхетного Григоръя Ступницкого в руку правую пострелили, домъ Божий и домъ мешканя ихъ скривавили и зкгвалтили, церковъ всю постреляли, всходы, двери поламали, оного с челядю тамъ на церкви будучого колко дней, облегши неприятелскимъ способомъ, голодомъ морили и в везенъю мели, вшелякими утисками, задаючи сромотные слова, трапили, двери до церкви выломивши, скарбы церковные и вси обряды до службы Божое належачие побрали и сторожа церковного на имя Гарасима въ руку правую ранили, а потомъ до схованя оных всее маетности ихъ кгвалтовне уломившися до будованей, до комор, спижарен, пивниц, стаен, гумен, шпихлиров, поотърубовавши где были замкненья, всю маетность их побрали и ест вся водле волѣ и ведомости преречоного принципала на розные местца ку пожиткови его и вашей милости сполному спроважона, которая на протестацие, иле спомнена на онъ часъ

быти могла, меновите есть описана, которую собе шацуют на шесть тисячей золотых полских на сто и на двадцат золотых полских. Чимъ всимъ церкви Божой и дому мешканья ихъ архимандрита Жидичинского и стану его шляхетному и духовному кгвалтъ учинили, кровю невинною людей уцтивыхъ и местъце светое обляли, пустъками незвычайнымъ, неприятелеви кромъ спаленя належнымъ способомъ увесь манастыр учинили, сплюндровали и зграбили, фалу Божую вынищили, оболженье особе их духовной и всему местцу Божому спустошене кгвалтовное учинили, о чомъ протестацыя и вси поступки правные меновите и достаточней в описаню своемъ обмовляютъ; чого всего през певные сведецства, правомъ посполитымъ в томъ описаные, то есть през шкрутениумъ, в суде земскомъ Луцкомъ против небожчику старосте Луцкому и противъ вашей милости, яко помочникови, выведено, и през вшелякие справы належные и поступки довести хотечи, ку сказаню на вашу милость винъ вшелякихъ, в праве на помочники описаныхъ, которые часу права показаны и доведены будуть, симъ позвомъ, положенемъ его на добрахъ, праву ничиему слушному шкодити не хотечи, вашу милость, яко того всего учинку и пополненья кгвалту помочника, позываютъ, што все у права словы ширей и достаточней объяснено и выведено будет. Абысь теды ваша милость на року вышъ означономъ яко на завитом обличне и завите сталъ и во всемъ ся том усправедливилъ. Писан у Луцку, року Божого пароженья тисяча пятсот деветдесят девятого, месяца юля тринадцатого дня.—А по вычитаню того позву сторона поводовая, доведши оного и року за нимъ припалого релыцыею возного слушне, водле права, домовляся и просилъ, абы сторона позваная на позов ся справовала. А умоцованый стороны позваное, шляхетный панъ Войтехъ Станишовский, всѣ обороны правные так до неналежности суду, яко актора слушного, также и о неналежность справы и вси иные стопнѣ правные, иле бы до тое справы належало, в цалой моцы собе на местцу своемъ заховавши, не в способъ контроверсии, а ни ся затягаючи в справу з мниманым поводомъ, поведилъ, же тотъ мниманый повод местъца у суду мети не можеть, кгды ж ест банитом с контроверсии очевистое через декретъ короля его милости, што зараз указавши декретомъ короля его милости, домовялся, абы яко банит до справы не былъ припусчонъ. А сторона

поводовая показала поднесене через его королевскую милость тое баницыи, которою его королевская милость тую баницыю и вси иншые справы, межи духовными релиѐ греческое зачатые, отложити рачил, и просил, жебы суд, локум станди поводови узнавши, справу прозекwовати наказалъ. А умоцованый стороны позваное поведил, же тот листъ его королевское милости, который тот мниманый поводъ указует, спомочи его не может с певних причинъ: першая, иж не власне в той справе сказует, але межи иншими особами духовными, а тот мниманый поводъ не ест и не былъ духовным, але з нимъ яко з светским о посягнене добр манастырских чинено, што тым же декретомъ короля его милости указалъ; другая, же тот лист с канцелярыи его королевское милости противко праву выданый, бо сублевацыя не мает быти далшая, одно на шесть месяцей, а право есть, што колвек бы было с канцелярии над права выдано, не ма быть важно; а што ся дотычет, же сторона мниманая поводовая удае то, жебы то мело быть реляксацыя, теды водле права посполитого не бывают реляксацые выданы, аж за показаньемъ квиту от стороны, иж тот лист его королевское милости толко взглядомъ юриздицыи духовенства греческого ест выданый, пробоват тымъ не можеть, абы на тую справу меновите, яко право учит, належати мел, чого иж мниманый повод оказат не может, абы яко банит до справы не был принусчон. А сторона поводовая, не в способъ контроверсые якое с позваным, показовал и выводил, же слушне и важне ест поднесене того выволаня: што его королевская милость выволат рачил декретомъ своимъ, то теж и поднеслъ, а поднести рачил на сойме за зезволеньемъ всих станов а попартьемъ кола рыцерского; яко сторона до поднесеня того выволаня от повода запозвана была на соймъ, так теж иж тая справа не приточилася на сойме прошлим, але до другого отложона, поднесене не могло быти инакшое, одно до сейму, и тому волно то было его королевской милости дават докул хотечи, яко найвышшому творителеви справ,—просил теды, же бы суд, слушное поднесене узнавши, справу прозекwоват наказал. Суд нинешний кгродский Луцкий, выслухавши и добре вырозумевши контроверсий сторонъ обудву, поневаж его королевская милость тые баницыи, на поводе отриманые, листомъ своим звирхностю своею и моцю сеймовою межи духовными особами подносит и до близского сойму от-

кладаеть, прото на тот час поводови в суду своем локум станди найдует и декретом своим наказуе поводови противко позваному справу прозекввоват. Которого декрету сторона позваная не приймуючи от него до суду головного трибуналу Любелского апелевала. Суд апеляцыи не допустил, о што ся сторона позваная, также о попартье апеляцыи и утяженье за недопусченьемъ ее и о шкоды противко судови протестовала. А сторона позваная, стоячи при апелацыи и осведченю своемъ, заховавши собе всѣ обороны правные вцале так противко неналежности актора и справы, не опущаючи собе напотомъ всих добродействъ правныхъ и шкрутении в той мере, еслибы было потребно, собе не опущаючи, поведил, же о тую мниманую кривду, о которую криминалитер акцию мниманый повод вщина, позваному тут в суде кгродскомъ справоватися не повиненъ, а ни теж суд кгродский может быти належнымъ судом тое справы с певних причин: першая, иж юж тот, которому яко принципалови вину дано, с того света зшол, с которымъ криминалъ умер; другая, же шкарадный позов выдан ест от мниманогс повода, который семъ криминалов в собе замыкает: наездъ, бое, плюндрованя, лупы, везенья, спустошеня фалы Божое и побранье скарбов церковных, што николи не было а нѣ се показати может,—теды, иж тые артикулы власные криминалные судови кгродскому не належат, одно соймови, а земскому овежене; бо ачъ указуеть якуюсь шкрутениумъ яко бы противко небожчикови годное памети его милости пану Браславскому в суде земскомъ выведена, теды тая на своем пляцу зостатися не может а ни ее мниманый повод собе на помочь брати може, кгды ж от того шкрутениумъ апеляцыа допусчона через колекгу одного судового и другая привата авторитате по допусченю апеляцыи шкрутениумъ слухала, што быти не могло, бо если же судити роков судя без подсудка не можетъ, поготову шкрутениумъ слухати самъ судя не могъ, о чом тепер позваный в контроверсию жадную яко в неналежном суде не вдается; што показавши с права посполитого, просил от форум волности, иншые обороны правные вцале собе заховавши. А умоцованый стороны поводовое показал то с права посполитого, же слушне тут позваный мает форум: позван, або вем, о наяздъ, кгвалты, лупы, грабежи, што все судови кгродскому судит належит, чого статутом права посполитого показалъ, же тые артикулы судови кгрод-

скому до суженя належат; а што ся сторона отзывает до духовного права не потребне, а онъ, кгды хотел ему маетностъ взяти, повода за духовного не признавал, позывает его тамъ: коли его позывает, а добра под нимъ не яко под духовною особою взят хотел, отколь ся значит, же тая ексцепцыя так толко для зволоки, жебы повод николи справедливости не однеслъ; если розумеет, же ничого невиненъ, для чого ся тут справит не маетъ, не одзываючисе до иншого форумъ? До того же право посполитое обваровало то, же духовная особа о раны повинна ся в земстве справит; а если о раны в земстве, для чого в кгроде о наязды справиться не мает? Венцъ и то криминалный выступокъ, а духовенство криминалов не судит, то бы онъ так без караня слушного заслужоного уйти мел. Ктому шкрутениумъ выправено в земстве против нему, а он ся до духовного права отзывает, яко суд духовный шкрутениумъ такового узнават бы мел. Просил теды сторона поводовая, абы тые обороны стороны позваное на сторону отложоны и форумъ той справе въ суду кгродского узнавши, позваному на позов справоваться наказано было. Суд нинешний кгродский Луцкий, выслухавши и добре вырозумевши контроверсие сторон обудву, форумъ той справе слушный у суду своего быт узнавши, стороне позваной далей поступоват наказал. А сторона позваная, не приймуючи того декрету от него, до суду головного трибуналу Любелского апелевала. Суд апеляцыи допустил и рок обеюм сторонам на трибунале Любелскомъ, перед судом головным трибуналским, в Люблине, на тот час, кгды справы воеводства Волынского, порядком иншихъ воеводствъ короных по дате того декрету найпервей сужоны будут, стати зложил и рок заховал и тымъ декретомъ складает и заховует; што все для намети до книг кгродских Луцких ест записано.

Книга гродская Луцкая, 1599 г., № 2090, л. 586 на об.

Примѣчаніе. Такого же точно содержанія судебныя пренія Гедеона Балабана съ другими участниками наѣзда на Жидич. монастырь: съ братомъ умершаго старосты п. Миколаемъ Семашкомъ—ibid. л. 537; съ Русиновичемъ—л. 585; съ Галезскимъ—л. 640; съ Василіемъ и Ѳедоромъ Свищовскими, Ив. Бѣлостоцкимъ, Викгурой, Олизаровскимъ—листы: 520, 616, 624, 643 и 647 на об. По всѣмъ имъ послѣдовало тоже самое рѣшеніе суда.

CIII.

Жалоба священника Владимірской Пятницкой церкви, Михайла Самсацкаго, о томъ, что когда онъ, отправивъ вечерню, возвращался изъ церкви домой, то на него напалъ арендаторъ п. Скретускаго, Петръ Чаплицкій, поносилъ его бранными словами и нанесъ ему тяжкую рану въ голову. Дознаніе вознаго и свидѣтельствованіе имъ раны на жалобщикѣ. 1599 года, іюня 27.

Року 1500 деветъдесятъ девятого, месеца июня двадцать семого дня.

Приходилъ на врядъ кгродский, въ замокъ господаръский Володимерьский, до мене Григорья Обуха Вощатиньского, на тотъ часъ будучого на местьцы подъстаростего Володимерьского, презвитерь церкви святое Пятници, ерей Михайло Самсацький, жалобливе а плачьливе жаловалъ и оповедалъ на ниякого Петра Чаплицького, на сесь часъ аренъдара маетъности пана Уликсея Скретуского, подъ местомь Володимерьскимь лежачое, тыми словы: ижъ дня сегоднешнего, въ неделю, року и месеца на дате вышьменованого июня двадцать семого, будучи дей мнѣ въ церкви своей Пятьници светое на набоженьстве и отправивши вечерню, шолъ есми до господы своее, тамъ где мешкане свое мамъ, до дому бурмистра миста Володимерьского пана Трохима Матьфиевича, и кгдымъ зъ броны за-Пятьницькое вышедши приходилъ есми ку домови подданое костельное Ганьны Мисковое вдовы, помененый Петръ Чаплицький зъ рыньку откулясь съ корчьмы упившися шолъ противко мене, который, маючи на мене ниякуюсь вазнь, мусилъ быть зъ направы або зъ росказанья чиего, и препомневши боязни Божое и срокгости права посполитого, винъ въ нихъ описаныхъ, также и повиньности своее, которую собе быти менить, неотповедне, своволне, непристойне, не мовечи впродъ до мене жадного слова, жебымъ се былъ постерегъ, молчкомъ поровнавшися зо мною на улици подле помененого дому на доброволной дорозе, доставши корьда, мене, чоловика покоемь варованого и спокойного, никому ничимъ а ни ему самому ни в чомъ невинного, не обходячися зо мною правне, естлибымъ што ему виненъ, подобно хотячи мя умыслне забить або до шкодъ якихъ приправити,

на особу мою духовную ничого не помнечи, безъ баченья, и давши поличокъ, въ голову посередь тимепя безборонне, шкодливе а нелитостиве ранилъ, и южъ кгдымъ раненый отъ него отскочилъ, доганяючи на мя, секъ, рубалъ и ударяючи на мя штыхомъ, соромотячи злими а не учтивыми словы, мажучи мя на учтивости моей, ажь мя ледъво люди ратовали, и посохъ ми въ обороне моей посекъ. Который презвитеръ, оказавши ми тое зраненье свое, просилъ мя на огледанье того зраненя своего о приданье возного. На што я ему возного енерала воеводства Волынского придалъ, шляхетьного пана Михайла Шабана Гноенского, который его огледавши и оповеданю прислухавшися, на вряди передо мною очевисто ставши, тыми словы вызналъ: ижъ року теперъ идучого деветьдесять девятого, месеца июня двадцать семого дня, въ неделю, за приданьемъ твоей милости врядовымь, огледалъ есми презвитера Пятницкого, ерея Михайла Самьсацкого, и за оказаньемъ ого виделомъ въ него въ голови, посередъ тименя, рану шкодливе тятую и посохъ порубаный, которое зранене свое помененый презвитеръ Пятницкий быти менилъ сталое ему отъ Петра Чаплинского, арендара маетьности пана Скретуского, подъ местомъ Володимерьскимъ лежачое, на тотъ часъ, кгдымъ дей былъ въ церкви своей Пятницѣ светое на набоженстве, отправивши вечерьню, шолъ есми до господы своее, тамъ где мешкане свое маю, до дому пана Трохима Матьфиевича, бурмистра, и кгдымъ приходилъ ку дому поданое костелное Ганны Мисковое вдовы, тамъже поткавшися зо мною, тотъ истый Чаплицкий зъ рыньку откулясь съ корчмы упившися шолъ противко мене, который, маючи на мене якуюсь вазнь, мусилъ быть зъ направы або зъ росказаня чиегось, неотповедне, своволне, непристойне на улици на доброволной дорозе, не обходячися зо мною правне, естлибымъ былъ што ему виненъ, подобно хотячи мя умысльне забить або до шкодъ приправить, мене, чоловика покоемь варованого и ничимь никому а ни ему самому ни в чомъ невиньного, на особу мою духовную ничого не дьбаючи, не мовечи ми жадного слова, корда доставши, зо мною поровнявшися, давши ми поличокъ, безъ баченя рубалъ, и ударяючи на мя штыхомъ, соромотячи злыми неучтивыми словы, мажучи мя на учтьвости моей, ажъ ме люди ледве ратовали, и тотъ посухъ ми в обороне моей посекъ, который посохъ посечоный въ килка мест-

цахъ знаки мнѣ возному показовалъ. И просилъ мене пречоный презвитеръ Пятницкий, ерей Михайло, абымъ я тое оповеданье жалобы его и очевистое сознане возного енерала принявши, до книгъ кгродскихъ записати казалъ; што есть записано.

Книга гродская Владимірская, 1599 года, № 953, листъ 232 на оборотъ.

CIV.

Дарственная запись князя Юрія Чарторыскаго православному братству Люблинскому. 1599 года, іюля 29.

Року тисеча шестьсотного, месеца августа двадцать четвертого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трыбуналу Любелского, на рокъ теперешний тисеча шестьсотный зо всѣхъ воеводствъ короны Полское обраными и высажоными, постановившися очевисто у суду нинешнего славетные а учтивые мещане Любелские релии закону греческого три ихъ зъ брати старшихъ, ктиторы и опатруны церкви Божее Преображеня Господня въ месте Любелскомъ на Чвартку, зъ вековъ давныхъ уфундованую и збудованую, меновите: Леонтий Офанасовичъ, Андрей Лукяновичъ а Трохимъ Олешковичъ, сами отъ себе и от всее брати своее, покладали у суду листъ велможного княжати Юря Чарторыского, подъ печатю и съ подписомъ руки его милости власное, писмомъ полскимъ подписаного, въ которомъ листе описано есть, ижъ на фундуши и вшелякие права, волности и наданя, на церковъ Любелскую Светого Спаса служачие и на кгрунты церкве здавна належачие, ижъ учинили постановене съ презвитеромъ Любелскимъ ереемъ Савою, жебы церковъ и всѣ фундуши, права и поданья въ моцы и владности а обороне своей мели, на которое постановене ихъ его милость княжа Чарторыское зезволивши на то, и прихиляючися до того

обычаемъ християнскимъ и побожностю живота своего, показуючи а хотячи тежъ тому дому Божому ктиторомъ и обронцею быть, зъ доброе воли своее его милость дать рачилъ на то суму пенезей сто двадцать золотыхъ, яко тотъ листъ его милости княжати Чарторыского ширей в собе обмовляетъ, просячи менованые братя судъ, абы тотъ листъ принятъ и до книгъ справъ головныхъ уписанъ былъ; которого судъ для вписованя приймуючи, и его слово отъ слова читать казалъ, и такъ ся въ собе маетъ: Юрей княжа Чарторыское на Чарторыску. Чиню явно и сознаваю тымъ моимъ листомъ кождому, кому того потреба будетъ ведати, або чтучи его слышати, теперь и напотомъ завжды, ижъ што которые, ведле вшелякого преможеня своего, наданя на церковъ тутешную заложеня Светого Спаса даючи и братство межи собою звычаемъ иншихъ местъ маютъ, учинили постановене зъ священникомъ тутошнимъ Любелскимъ, отцемъ Савою Петровичомъ, которому фундуши и всѣ наданя и иншие справы, до церкви належачие, на его имя належали и ему служили, онъ, то въ моцы маючи, уживалъ, которому то священникови, за тые всѣ фундуши и поданя, абы то въ шафунку ихъ было, съ того постановеня мели дати сто и двадцать золотыхъ полскихъ: про то я, хотячи, абы имя мое за молитвами ихъ въ тутошнее церкви запоминано не было, будучи при томъ постановеню ихъ зъ священникомъ, къ тому тежъ будучи подлеглый релии греческое, тую сто двадцать злотыхъ полскихъ священникови тутошнему, за всѣ фундуши и наданя, на его служачие, своими грошми заплативши и квитацыю одержавшы, мещаномъ братству тутошнему релѣи греческое на имя ихъ зъедналъ и то все симъ моимъ листомъ имъ утвержаю, надаю и суму тую, которуюмъ на тую церковъ надалъ, на ихъ вливаю. Маютъ они яко вси фундуши, отъ священника одержаные, въ моцы своей мети и тымъ шафовати кромъ шкоды церковное, а я и нихто съ потомковъ моихъ въ томъ имъ и потомкомъ ихъ жадное перешкоды чинити не маю вечными часы, але и овшемъ, если бы хто хотелъ оному братству ку оной церкви и правахъ ихъ належачихъ кривду чинити, тогды я ихъ отъ вшелякихъ кривдъ боронить маю и повиненъ буду у вшелякого права; до которогомъ листу моего печать приложилъ и руку свою подписалъ. Писанъ въ Люблине, року тисеча пять сотъ деветдесятъ девятого, месеца июля двадцать девятого дня,

водле старого календару. У того листу печать одна и подпись руки писмомъ полскимъ подписаное въ тые слова: Irzy xiąże Czartoriskie m. pr. Который же то листъ его милости княжати Чарторыского, у суду нинешного чрезъ братю мещанъ Любелскихъ покладаного, до книгъ справъ головныхъ трибуналу Любелского воеводства Волынского есть записанъ.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1600 года, справа 527.—Въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

CV.

Жалоба Гедеона Балабана, архимандрита Жидичинскаго, о томъ, что епископъ Кириллъ Терлецкій помимо того, что раньше двукратно покушался отравить его и, сдѣлавъ нападеніе на Жидичинскій монастырь, завладѣлъ его имуществомъ, но и сверхъ того снова грозитъ ему смертью. Подлинныя угрозы слугъ Терлецкаго. 1599 года, сентября 13.

Року тисеча пятьсотъ деветъдесятъ девятого, месеца сентебра третегонадцеть дня.

Писалъ и присылалъ на врядъ кгродский, замокъ господаръский Луцкий, до мене Миколая Чарноцкого, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, велебный въ Бозе отецъ Гедионъ Балабанъ, архимандритъ Жидичинский, обтежливе жалуючи и оповедаючи на велебного Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, екзарху, ижъ дей первей сего отъ часу недавного отъ летъ килка, звасниввшися на мене, человека спокойного и въ побожности духовенства мешкаючого и никому ничого невинного, нетъ ведома для чого взявши пожадливость такъ на здорове мое, якъ и на маетность державу мою Жидичинскую, найпервей выправилъ собе привилей у его королевское милости на манастырь Жидичинский мимо право мое, которое маю пер-

вей его права зъ ласки его королевское милости, и спокойне тую маетность уживаючи держалъ есми и теперъ держу, однакъже отъ оного часу, яко оный привилей одержалъ, вшелякими и розмаитыми способы старалъ и стараетъся о здорове мое, хотечи мя о горло приправити и въ томъ маетность державы моее Жидичинское осягнути. Промышляючи о томъ, якобы предъсявзятью своему досыть учинилъ, напродъ трутизнами влоскими, въ листъ насыпавши, ко мнѣ посылалъ, потомъ презъ витане рукъ слугъ своихъ Василя Коростеля и Павла Спевака, которые за росказанемъ и посланьемъ его мене были отрутили, о чомъ протестацыи и возныхъ реляцыи въ томъ учинитися не занехали и поступокъ правный о томъ есть зачатый; а ижъ мене Господь Богъ зъ ласки своее святое, за ратункомъ и лекарствы людей побожныхъ и зацныхъ, ку здоровъю, хоть не такъ способному, яко первей, привернути рачилъ, и видячи то онъ владыка Луцкий, ижъ мя тымъ поконати не могъ, чинячи въ томъ умыслу и пожадливости своей о мнѣ болшое старане, ночнымъ обычаемъ наехалъ на манастыръ Жидичиньский, на домъ спокойного держаня моего, въ которомъ наяханью былъ есми пострелений и тамъ на церкви Жидичинской колко дней обленоный, голодомъ и иншими утисками трапеный и зо всее маетности отъ мала до велика злупеный и зобраный, о чомъ протестацыи и поступокъ правный противко принципалови и владыце и всихъ одномыслъныхъ помочниковъ ширей и достаточней въ собе обмовляеть. И еще на томъ мало маючи, черезъ всѣ тые часы пофалки чинить, хотечи се до конца старать и старасть о здоровъе мое, такъ тежъ и маетность державы моее Жидичиньское. А маючи поблизу маетности свое Рожисча, Колчинъ, Теремное и въ Луцку одгранично зъ маетностью моею Жидичиньскою, дъня оногдашнего сентебра семого, року деветъдесятъ девятого, кгдымъ се проеждчалъ по полю своемъ около збожя жатого и нежатого, тамъ же, то есть за стенками Жидичинскими, около гаю Жидичиньского, незвыклымъ гостинцомъ ку Луцку неведати отъколь вышъпомененый владыка Луцкий ехалъ, маючи зъ собою слугъ околкодесятъ чоловековъ; обачивши мя на полю моемъ, неподалеко оного застенка, застановился на рогу гаю Жидичинского, учинивши раду о мнѣ, послалъ ко мнѣ слугъ своихъ, меновите Василя Одинца а Ивана Терлецкого и иншихъ, которые то менованые слуги приско-

чили на конехъ ко мнѣ черезъ збоже жатое, безъ дороги, почали пофалки именемъ владыки Луцкого, пана своего, чинити, и словы соромотными и ущипливыми мя соромотячи, поведаючи, ижъ дей „маешъ щастья теперъ, же люде неподалеку тамъ и сямъ роботниковъ въ поли есть много! але южъ потоль бы еси былъ живъ: заснулъ бы еси тутъ заразомъ на томъ пляцу въ ботехъ, якъ Гулевичи позасыпали; и предъся о томъ ведай, же хоть не теперъ, але часу на то иншого и способнейшого тое тебе поткать муситъ: не толко ты самъ, але и маетность твоя въ рукахъ пана нашого будетъ!“ Што я слышечи отъ нихъ таковые пофалки на здоровье и на маетность мою, што найскромней то на собе зносечи, ку роботникомъ уступить есми муселъ. Для которыхъ пофалокъ и теперъ и николи не естемъ безпечонъ маетности и здоровя моего, и на врядъ кгродский того донести и оповедати не занехалъ. Которое то оповедане принявши, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати есми казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1599 года, №. 2091, листъ 663.

CVI.

Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго о томъ, что незаконно владѣющій Жидичинскимъ монастыремъ и самозванно присвоившій себѣ титулъ архимандрита, Григорій Балабанъ, подаетъ на него ложныя жалобы, распространяетъ о немъ клеветы съ цѣлью повредить его доброму имени и злоумышляетъ на его жизнь. 1599 года, октября 21.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ девятого, месеца октебра двадцать первого дня.

Присылалъ на урядъ кгродский замку господарского Луцького, до мене Якуба Лысаковъского, подстаростего Луцкого, служебьника своего пана Александра Шишку въ Бозе велебный его милость отецъ Кирилъ Терлецкий, ексарха и епископъ Луцкий и Острозский, явне

ся протестуючи и ускаржаючи, ижъ Григорей Балабанъ, который перве́й сего выправивши собе отъ часу давного привилей у его королевское милости на архимандрытство Жидичиньское, водлугъ оного привилю не захову́ючисе, обычаемъ звыклымъ християньскимъ, водле правъ нашихъ духовныхъ, отъ мене епископа своего Луцького, въ которой то дыоцызыи естъ, посвеценья на тотъ станъ не приймуючи, але запомневши боязни Божое, не маючи въстыду намней въ серьцу своемъ, мешкаючи въ томъ манастыре съ позволеньемъ стрыя своего, владыки Львовъского, архиманьдрыта на онъ часъ Жидичинского, не яко духовный, але яко чоловекъ светский, обычаемъ непристойнымъ, не посветившися, своволне жилъ, отъ чого кгды отъ мене епископа, старшого его, частокротъ напоминанъ и позыванъ былъ, а потомъ и до отца архиепископа митрополита Киевского и Галицкого однесенъ и позвы духовными позыванъ былъ, никгды ся ку праву не становилъ и посвеценя на станъ порядкомъ святымъ духовнымъ и ведле привилеевъ королей ихъ милости, духовенству Греческому даныхъ, не совершилъ и послушеньства звыклого повинного старшимъ своимъ не чинилъ; отъ которого мниманого стану кгды черезъ декрета архиепископа его милости отсужонъ, клятве и анатеме отъданъ, за чимъ абы ся екзекуцыя декретов духовныхъ надъ такими своволными людми и непослушными правъ духовныхъ и пастыровъ старшихъ выконована была и абы далей тотъ манастырь, место ку хвале Божей уфонъдованое, такое светьское особы болшей не терьпелъ и не держалъ, до его королевское милости пана нашого отъ отца митрополита отнесенъ былъ, за чимъ его королевская милость, яко фуньдаторъ и сторожъ вѣры хрестияньское, подавца и обороньца добръ церковныхъ, черезъ листъ свой господарский старосте Луцкому зошлому, пану Алексанъдру, кашталяну Браславскому, отъ того Григорья Балабана, яко отъ чоловека светъского, тотъ манастырь яко вакуючий взяти росказати рачилъ ку замку Луцкому до науки отъ его королевское милости, што кгды зошлый его милость панъ Браславский выконывалъ и до его королевское милости о спротивенью оного Балабана ознаймилъ, тогды тотъ преречоный Балабанъ, заживаючи въ томъ хитрости, непобожности, лукавьства, будучий остягненый духомъ лукавымъ на взгарду, яко одинъ противникъ имени Божого, непристойне самъ собе змыслилъ, привлащилъ собе вже

по томъ поступку отъ зошлого пана старосты Луцъкого, за листомъ короля его милости, не хотечи уступити съ того манастыра, титулъ духовный и назвалсе Гедиономъ архимандрытомъ. капицу черьнецкую безъ встыду и боязни Божое на себе потомъ вложивши, а въ серьцу волкомъ губящимъ драпежнымъ будучи, и богатячися на той столицы черезъ фортеле розные, спрактыковавшися зъ незгодными и противными, зъ людми геретицкими, отщепеньцами способившися, розными способы противко той справе, злость свою укриваючи, поступовалъ; и абы еще мене, чоловека почтивого, въ побожности духовеньства стану моего епископьего учтиве мешкаючого, неприятелемъ згоды святое и въ поруганье геретикомъ подалъ, не чтучи уха почтивыхъ людей, спотварилъ мя первей, яко бымъ его черезъ який листъ зъ Риму писаный отрутити мелъ, на чомъ безбожникъ кривду ми значную учинилъ а зле и неправдиве мя славитъ; потомъ повторе неправдиве змыслилъ на мя, яко бымъ я, ведаючи, ижъ черезъ отруту оному або здоровъю его ничого не учинилъ, якобымъ старосту Луцкого направилъ и ему до наеханья на манастыръ Жидичинский помочникомъ былъ, тогды и въ тымъ мя невиньне помовилъ; а теперъ дошла мене ведомость, же тотже неприятель мой Григорей Балабанъ, который есть не толко декретами духовными, але и декретами короля его милости переконаный и отъ того манастыра отсужоный, премышляючи самъ о здоровью моемъ, хотячи мя его позбавити, учинилъ на мене протестацыю до книгъ кгродскихъ Луцкихъ, съ приклады и вспомьненьемъ першихъ неправдивыхъ помовъ и смысловъ своихъ на мя, чоловека невиньного, якобымъ дня семого месеца сентебра, въ року теперешнемъ деветъдесятъ девятомъ, ехати мелъ незвыклою дорогою до Луцка, а обачивши якобы его гдесь тамъ въ полю, которогомъ никгды не бачилъ, якобы проежджаючогося коло роботниковъ, застановившися якобы тамъ гдесь подъ гаемъ Жидичинскимъ, якобымъ раду о немъ учинивши, двохъ слугъ моихъ Василя Одинца а Ивана Терлецкого до него або на здоровье его послати мелъ, которые слуги якобы прискочити мели къ нему н̓ конехъ безъ дороги, черезъ збожье, и пофалки именемъ моимъ на здоровье его чинити и его словы непристойными соромотити мели, чого никгды не было, яко тая его несправедливая протестацыя ширей въ собе о томъ светьчитъ. Про то, яко чоловекъ почтивый и въ побож-

ности стану своего духовного спокойне мешкаючий, видячи таковые частые потвари противко собе отъ того безбожного чоловека въ невинности моей, а будучи жалостенъ таковыхъ помовъ его, же южъ не толко себе самого, але и людий почтивыхъ, ихъ милости пановъ Гулевичовъ утручаетъ въ то, вспоминаючи въ той неправдивой протестацыи своей смерть ихъ милости, на чомъ мнѣ безбожникъ кривду чинитъ, кгдыжъ не толко мнѣ, чоловекови хрестияньскому, духовному, есть пожалосно, але и поганинъ бачный и розсудный хвалити таковыхъ злыхъ речей и припадковъ не можетъ. За чимъ постерегаючи я того всего, абы то у вупахъ неприятелскихъ и невѣдомыхъ людей почтивыхъ не брьмяло и до уверенья жадного, яко речи несправедливые, не приходили и въ книгахъ въ молчанью тые его помовы змышленые неправдивые абы не зоставали, а бачечи, же тая протестацыя съ тыхъ наболшей причинъ есть учинена: гидечи мя первей людемъ почтивымъ и стараючися вшелякимъ способомъ, яко неприятель, абы тыми своволными поступками неправдивыми мене, чоловека невиньного, до чого злого приправити могъ, што ижъ не водле мысли его за помочю Божею поводитъся, теды яко мя и передъ тымъ частокротъ ведомость доходила, чогомъ въ молченъю былъ, же тотъ безбожникъ промышливаетъ вже и о здоровъю моемъ, хотячи мя его позбавити, а покрываючи умыслъ свой злый скрытый и потаемъный, такий щитъ собе за часу зъ своего пространьного сумненья робити ку подпоре злого а скрытого умыслу своего началъ.—Которое оповеданье его милости отца епископа Луцького и Острозского естъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записано.

Книга гродская Луцкая, 1599 года, № 2091, листъ 714.

CVII.

Жалоба пана Ивана Терлецкаго, родственника и бывшаго слуги епископа Кирилла Терлецкаго, о томъ, что послѣдній не только не выдалъ ему условленной платы за его семилѣтнюю службу, но еще поносилъ его бранными словами и приказалъ отобрать у него собственный его хлѣбъ и разное движимое имущество. 1600 года, генваря 23.

Року тисяча шестьсотого, месяца генвара двадцать третего дня.

Пришедши на врядъ кгродский, в замокъ его королевское милости Луцкий, до мене, Миколая Чарноцкого, буркграбего и наместъника подстароства Луцкого, шляхетный панъ Иванъ Терлецкий, обыватель повету Премыслъского, жалосне и обтяжливе оповедалъ и протестовалъся на в Бозе велебного отца Кирила, яко ся менить быть, Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, и брата его Яроша Терлецкого, о то: ижъ они частыми и густыми прозбами своими, такъ през листы, яко тежъ и устъне, обидва сполечне намовивши и упросивши помененого пана Ивана Терлецкого, абы пречоному отцу владыце Луцкому служилъ и при нимъ ся забавилъ, обецуючи му добрымъ цнотливымъ словомъ и упевняючи его у потребахъ его и припадкахъ вшелякихъ, еслибы якие на нь пришли, обычаемъ вшелякимъ ратовать и добре контентовать. Онъ, будучи уведеный и убезпечоный такими обетницами и офериваньемъ ихъ, яко чоловекъ волный, ничого ся злого и жадного ошуканья не сподеваючи, спустившися на такие великие обетницы и прозбы ихъ, заведши очизну свою и маетность всю, у повете Премышълскомъ лежачую, уфаючи доброму слову ихъ, часу жъ давно прошлого, в року тисяча пятъсотъ деветъдесятъ третемъ, посполу з сыномъ Яномъ Терлецкимъ в домъ мешканя того то отца владыки Луцкого до замку Луцкого приехалъ, зачимъ отъ него на тыхъ местъ хутливе и ласкаве былъ принятый, и постановенье певное, по чому пречоному за послуги его мелъ платить, посполу с тымъ то паномъ Ярошомъ, братомъ своимъ, учинилъ, а то мяновите: на кождый рокъ зособна золотыхъ полскихъ шестьдесятъ, барву фалюндишовую и хутро лисее мелъ давать, и надто есче обетницами розмаитыми убезпечилъ и

упевнилъ. Теразъ, року нинешнего, тисяча шестьсотного, месяца генвара двадцатого дня, помененый отецъ владыка Луцкий, пропомнивши слова своего доброго и всихъ обетницъ, которыми преречоного пана Терлецкого, посполу з братомъ своимъ паномъ Ярошомъ, упевнилъ былъ, отъкинувши на сторону послуги и працу его, которые през часъ немалый, то есть литъ семъ, посполу з сыньми своими ему чинилъ и яко ся годило цнотливому слузе выряжалъ, овшемъ взявши передъ себе якийсь злый умыселъ, баченье и дешъкрецию яко на доброго и бачного пана належитъ откинувши, кгды ся преречоный панъ Иванъ Терлецкий слова его и убезпеченства и тежъ заплаты за послуги тоесть затриманя мыта и барвы за пять летъ прошлыхъ, за которые ему ничого не далъ, упоминалъ и просилъ, абы его, яко шляхтича волного, отъ послугъ своихъ волныхъ учинилъ,—место слова своего и нагороды, также место слушное отправы, яко належало на бачного и доброго пана, словы неуцтивыми, на станъ его духовный неприналежачими, золжилъ и злаялъ и здаваня послугъ его и личбы, которую ему хотелъ чинить, хотяжъ на собе жадного уряду не мелъ, слухати не хотелъ, а так того то пана Ивана Терлецкого, шляхтича волного, уцтивого, яко на послуги его небачный, такъ тежъ на старость непамяталый панъ, з нисчимъ отправилъ, зачимъ отъ него безпечне и ведоме, не взявши за послуги свое заплаты, отойти муселъ; о што ся противко нему и о незаплаченье за пять летъ прошлыхъ трехъ сотъ золотыхъ полскихъ, также барвы и футра за тыеж лета соленитеръ оповедалъ, постерегаючи того, абы онъ потомъ якое трудности ему, меначи его быти слугою своимъ, задавать не хотелъ, кгды ж его такъ, яко ся доброму и бачному пану належало и годило, не отправилъ, для того се противко нему и повторе протестовалъ. До того вышей помененый панъ Иванъ Терлецкий на того ж велебного отца владыку Луцкого оповедалъ и протестовался о то, ижъ онъ часу недавно прошлого, в року тисяча пятсотъ деветъдесятъ осмомъ, месяца мая второго дня, приехавши самъ особою своею з возми и поддаными своими до села Теремного и двора тамъ будучого, где на тотъ часъ помененый панъ Терлецкий, за допущеньемъ и дозволеньемъ его, мешкалъ, не маючи до того жадного права и власности, овшемъ кгвалтовне збоже его власное работы и стараня, то есть: овса мацъ двадцать, жита голого пол-

чварты маци, гречки две маци, жита в стырте лежачого его власного шестьдесятъ копъ и осмъ побралъ и на пожитокъ свой обернулъ. Мало на томъ есче маючи, пришодши до коморы, где скриня его з речами была, съ тое скрини речи нижей помененые, то есть: золотыхъ полскихъ двадцать, сукна каразии локтей три, фалюндишу локтей два, ясчикъ меду пресного и иншие речи дробные, што все коштовало копъ тридцать литовскихъ,—побралъ и кгвалтовне отнялъ и на пожитокъ свой такъже обернулъ, чинячи то ку великой шкоде и кривде его. О што ся и повторе противко помененому отцу владыце Луцкому протестовалъ, оферуючися з нимъ о то часу и местъца своего правне чинити. И просилъ пречоный панъ Иванъ Терлецкий, абы тое его оповеданье и жалоба до книгъ кгродскихъ Луцкихъ была принята и записана, што есть записано.

Книга гродская Луцкая, 1599—1600 годовъ, № 2105, л. 399.

CVIII.

Жалоба тогоже пана Ивана Терлецкаго о томъ, что епископъ Кириллъ Терлецкій вырвалъ ему бороду и нанесъ тяжкіе побои, послѣдствіемъ коихъ у жалобщика оказалась хроническая болѣзнь и хромота. Донесеніе вознаго объ освидѣтельствованіи имъ ранъ и болѣзни жалобщика. 1600 года, генваря 23.

Року тисяча шестьсотного, месяца генваря двадцатъ третего дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, предо мною Миколаемъ Чарноцкимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто шляхетный панъ Иванъ Терлецкий, обыватель повету Премыслъского, оповедалъ и протестовался на велебного в Бозе отъца Кирила, яко ся менить быти, Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, о то, ижъ онъ часу недавно прошлого, в року минуломъ, тисяча пятъсотъ деветъдесятъ семомъ, месяца мая второгонадцать дня, в селе Жабчу, пропомнявши боязни Бо-

жее и стану своего духовного, взявши перед себе злый умыслъ, без жадное причины задания, овшемъ кгвалтовне руцившися на помененого пана Терлецкого, человека спокойного, старого, первей словы неуцтивыми, потомъ до него самого порвавшися, бороду ему кгвалтовне вырвалъ и ногою своею якобы якого злочинцу, не памятуючи ничого на его старость, просто в лоно окрутне ударилъ, с которого удареньа заразъ кишки по-за скорю на долъ пошли и теперъ межи удомъ на нозе висятъ, с чого и хромота на ногу левую сталасе, и иншихъ ранъ синихъ битыхъ немало позадавалъ; которое збитье свое помененый панъ Терлецкий вознымъ енераломъ, шляхетнымъ Матысомъ Славокгурскимъ, вырванье бороды указовалъ и тую хромоту оповедалъ, противко тому ж отцу владыце Луцкому осведчилъ. Который возный Матысь Славокгурский, очевисто на уряде ставши, ку записаню до книгъ кгродскихъ Луцкихъ созналъ тыми словы: ижемъ в року тисяча пятьсотъ деветъдесятъ семого, месеца мая двадцатъ второго дня, былъ на справе и потребе пана Ивана Терлецкого тутъ у месте Луцку, на которомъ виделомъ бороду вырваную, и ктому оповедалъ передо мною рану в пасе ноги левое, с которое кишки по-за скорю на долъ пошли, а теперъ в року тисяча шестисотномъ дня звышъменованого и тую хромоту показовалъ мне; которое збитье свое тотъ панъ Терлецкий поведалъ собе быти на пречоного отца владыку Луцкого, а ижъ тое протестацие своее часу давнейшого, такъ же и возный реляции своее, не учинили, то для прозбы и еднанья помененого отца владыки Луцкого. Просечи, абы тое его оповеданя теперешнее и реляция возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записано было; што есть записано.

Книга гродская Луцкая 1599—1600 годовъ, № 2105, листъ 400 на оборотѣ.

CIX.

Донесеніе вознаго о врученіи епископу Ипатію Потѣю сеймоваго позва по жалобѣ всѣхъ православныхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго объ отступничествѣ его отъ православія а также о томъ, что онъ, вопреки всѣмъ правамъ, продолжаетъ оставаться въ санѣ митрополита и епископа и управлять церковными имѣніями. 1600 года, февраля 5.

Року тисяча шестьсотного, месецяʼ февраля пятого дня.

Постановившися очевисто на вряде, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Миколаемъ Чарноцкимъ, бурктрабимъ и наместъникомъ подстароства Луцкого, возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Янъ Валевский, ку записованю до книгъ кгродскихъ Луцкихъ созналъ тыми словы: ижъ въ року теперъ недавно прошломъ тисяча пятьсотъ деветъдесятъ девятомъ, месеца декабра двадцать осмого дня, далемъ очевисто у руки позовъ на соймъ головный Варшавский, въ року теперешнемъ тисяча шестьсотномъ, месеца февраля девятого дня припадаючий, въ Бозе велебному отъцу Ипатею Потею, митрополиту Киевскому, Галыцкому и всея Руси, владыце Володимерскому и Берестейскому, во йменью Рожанци, въ жалобе ихъ милости пановъ обывателевъ великого князства Литовского, воеводства Волынского и иншихъ воеводствъ, такъ духовного, свецкого, рыцерского, яко и посполитого стану людей релии Грецкое, ижъ онъ, кромъ воли, ведомости и позволеня ихъ милости всихъ, отступивши старшого духовного своего церкви Восходное, отъдалъ послушенство старшому костела Заходного, и смиеть, мимо права, привиля и конфедерации, тую митрополию, епископство и добра до него належачие держати и оными шафовати, о чомъ ширей и меновите жалоба ихъ на томъ позве есть описана и доложона; за которымъ позвомъ зложиломъ его милости рокъ становитися передъ его королевскою милостю и паны радами на сойме близко пришломъ Варшавскомъ вышъ менованомъ. И просилъ, абымъ тое сознанье его до книгъ записати велилъ, што есть записано.

Книга гродская Луцкая, 1599 по 1600 годъ, № 2105, листъ 41?.

CX.

Донесеніе вознаго о врученіи епископу Кириллу Терлецкому двухъ сеймовыхъ позвовъ: 1) по жалобѣ всѣхъ православныхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго объ отступничествѣ отъ православія а также о томъ, что онъ, вопреки всѣмъ правамъ, продолжаетъ носить титулъ епископа Луцкаго и пользоваться церковными имѣніями; 2) по жалобѣ на него пана Миколая Добринскаго объ убійствѣ и утопленіи имъ священника Стефана Добринскаго. 1600 года, февраля 5.

Року тисяча шестьсотного, месеця февраля пятого дня.

Постановившися очевисто на вряде, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Миколаемъ Чарноцкимъ, буркграбимъ и наместъникомъ подстароства Луцкого, возный повету Луцкого, шляхетный Кондратъ Прусчинский ку записованъю до книгъ кгродскихъ Луцкихъ озналъ тыми словы: ижъ въ року теперъ недавно прошломъ тисяча пятъсотъ деветъдесятъ девятомъ, месецяя декабра двадцать третего дня, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, пана Якуба Гноеньского а пана Криштофа Поплавского, далемъ очевисто у руки два позвы на соймъ головный Варшавский, въ року теперешнемъ тисяча шестъсотномъ, месецяя февраля девятого дня припадаючий, въ Бозе велебному отцу Кирилу Терлецкому, екзарсе, владыце Луцкому, во именъю его милости Рожисчохъ—одинъ позовъ въ жалобе ихъ милости пановъ обывателевъ воеводства Волынъского и инъшихъ воеводствъ, такъ духовного, свецкого, рицерского, яко и посполитого стану людей релии Грецкое, ижъ онъ, кромь воли, ведомости и позволенья ихъ милости всихъ, отъступивши старшого духовного своего церкви Восходное, отъдалъ послушенство старшому костела Заходного, и смееть, мимо права, привиля и конфедерацыи, тое епископство и добра до него належачие держати и оными шафовати; а другий позовъ на тотъ же соймъ вышей менованый въ жалобе урожоного Миколая Добринъского о утопенье брата его рожоного Стефана Добринъского, презвитера Черпчицкого; о чомъ ширей и меновите жалоба ихъ милости на тыхъ позвехъ естъ описана и доложона; за которыми позвы зложиломъ его милости рокъ становитися передъ его королевскою милостью и паны радами на сой-

ме близко пришломъ Варшавскомъ вышъ менованомъ. И просилъ, абымъ тое сознане его до книгъ записати казалъ, што естъ записано.

Книга гродская Луцкая, 1599 по 1600 годъ, № 2105, листъ 412.

CXI.

Протестъ епископа Кирилла Терлецкаго противъ жалобъ, поданныхъ на него Иваномъ Терлецкимъ о неуплатѣ ему выслуженнаго жалованья и о побояхъ. 1600 года, февраля 12.

Року тисяча шестьсотного, месяца февраля дванадцатого дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, в замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Миколая Чарноцкого, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, в Бозе велебный его милость отецъ Кирилъ Терлецкий, ексарха, епископъ Луцкий и Острозский, протестуючи и ускаржаючи тыми словы: ижъ часовъ прошлыхъ отъ колку летъ, яко о томъ певная ведомость, Иванъ Терлецкий, черезъ збитки и своволенство стративши маетностьку свою в повете Премыслъскомъ, до мене се яко повинный удалъ и пешо, нендзно приволокъ, уживаючи мене самъ прозбами своими и черезъ никоторыхъ людей зацныхъ, абымъ оного яко упадлого пригорнулъ; ино я, с побожности хрестиянское и з зычливости, маючи з отцемъ того Ивана повинность и захованье скревное, оному мешканья при мне не зборонилъ, ласку и добродейство свое ему оказуючи, сподеваючисе, же онъ отъ своволностей вшелякихъ погамоватися мелъ, будучи отъ мене частокрсть напоминанымъ, и далъесми ему былъ урядъ, сполне с капитулою, у маетности церковной Теремномъ, поверивши ему маетности и господарства вшелякого добра, еще предъ отъеханьемъ моимъ до Риму. И приехавши з Риму, кгдым по зничсенью моемъ нерыхло тутъ на Волынь отъ двору его королевское милости прибылъ, тедым оного праве в роспусте и в непорядномъ

житью на томъ уряде засталъ, о приходехъ, пожиткохъ и маетности моей, штомъ ему былъ поверилъ, быдла, коне, збожя в гумнѣх, пытатися почалъ, абы ми с того лычбу учинилъ, где тое поделъ, надто подданыхъ близу двадцати розогналъ, другимъ незмерные шкоды починилъ; а ижемъ оного с того упоминалъ и право на него осадити хотелъ, усиловалъ ме прозбами зацныхъ людей, абымъ в судъ з нимъ не входилъ, и што былъ через опилство и своволность мене и церковъ Божью ушкодилъ, абымъ се хрестиянске з нимъ обшол, даючи причину, якобы оного слуги, покрадши конѣ и пинязи с проданья збожья и з иншихъ пожитковъ моихъ, приходячихъ на мене, поутекати отъ него мели, же се то на него золотыхъ семъ сотъ пораховало, обецуючи и шлюбуючи мне не толко самъ, але з детми своими заслуговати и с того своволенства погамоватися, прирекши то мне зыстити добрым словомъ своимъ. Я сподеваючися, же се то мне отъ него мело заплатить и учтиве послугами оного и зичливостью нагорожати, и абы отъ таковыхъ своволностей моглемъ его погамовати, при собе-мъ его ховалъ, детки его цвиченьемъ, наукою и достатки подпомагалъ и егомъ самого, водле кондиции его, не ку жадному лотровству опатровалъ, отъ збытковъ и опилства оногомъ частокроть не толко самъ, але и черезъ иные приятели мои гамовалъ, упоминалъ, бо штомъ колвекъ пиняжковъ и охандозства ему давалъ, то все на своволность, на опилство оборочалъ. А кгдымъ в тыхъ недавныхъ часехъ, по Нароженю Божомъ, в потребахъ моихъ до Пинска отъехалъ, а то на погребъ тела небожчици пани Андреевое Терлецкое, стриевое моее, тогды тотъ Иванъ Терлецкий, в небытности моей, запомнивши таковыхъ добродействъ и учинностей, откинувши на сторону повинъность свою шляхетскую, взявши злый и непристойный умыслъ, будучи наполненый неправды, досягши якоесь злое рады отъ злого, небачного неприятеля моего, которому Боже помсти, учинилъ на мене, яко ме дошла ведомость, в кгроде Луцкомъ две протестации, счинечи ме на доброй славе моей, якобымъ того Ивана коли самъ рукою моею збити и бороду ему вырвати мелъ, чого никгды не было, способивши собе подобныхъ неприятелей, людей, писара протестации и возного, которые, водле думы и злости своее неправдивое, змышляли и то к воли ему писали и зознавали, и якобымъ ему за пять летъ за службы юркгелтовъ не заплатилъ; на чомъ злый

человекъ кривду мне чинитъ и потворяетъ. И иж таковый подступъ подо мною тотъ Иванъ Терлецкий учинилъ, за добродейства и за хлебъ мой на мене отдалъ, не учтивши мене, пана и добродея своего, якобы ся доброму годило, и не заслуживши того, што мнѣ и церкви Божой завинилъ а ни ся мне и капитуле с тыхъ семисотъ золотыхъ не зыстивши, из иныхъ доходовъ и пожитковъ личбы не учинивши, в небытности моей зникнулъ; и абы его тая потвар и злость тыхъ, которые ему на то радили и помагали, при ныхъ самыхъ зостала, протестуюся с тымъ Иваномъ, иле мнѣ и капитуле Луцкой с права належати будетъ, з нимъ, яко чоловекомъ злымъ, неправдивымъ, шкодникомъ, и с кимъ есче право укажетъ, правне чинити.—Которая протестация его милости отца епископа Луцкого есть до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записана.

Книга гродская Луцкая, 1599—1600 годовъ, № 2105, листъ 421.

CXII.

Жалоба дворянки Марьи Марковичевой Линевской о томъ, что когда она пріѣхала въ церковное с. Рожищи къ тамошнему уряднику съ требованіемъ уплаты долга, то епископъ Кириллъ Терлецкій приказалъ своимъ слугамъ выгнать ее изъ дома, въ которомъ она остановилась, и отобрать бывшее при ней имущество. Перечень отнятыхъ вещей. 1600 года, марта 10.

Року тисяча шестьсотного, месяца марца десятого дня.

Пришедши до уряду замку кгродского Луцкого, до мене Миколая Чарноцкого, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, Марья Линевская, малжонка шляхетного пана Ивана Марковича, слуги ясневельможного пана княжати его милости Констентина Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, оповедаючи и жалуючи на велебного отца Кирила Терлецкого, владыку

Луцкого, о томъ: ижъ дей кдымъ в потребахъ малжонка своего и своихъ ездила до Любомля для справенья долговъ малжонка своего и вже отътоль, справивши, што ми было потреба, ехаламъ до дому до малжонка своего ку Любартову, дня оногдашнего, месяца марца осмого дня, в року теперъ идучомъ тисеча шестьсотномъ, у середу, заехаламъ до именья того владыки Луцкого Рожищъ, хотечи справити на врядfestнику его Федору Мордашевичу долгъ свой; и кгдымъ стала в господе у Рожищахъ у Карпа, подданого владычого, то пакъ дня вышей помененого тотъ врядникъ долгу мужа моего чотырохъ копъ грошей литовскихъ не отдалъ и отдати не хотелъ, але еще за отца владычинымъ насланьемъ, волею и ведомостью его, черезъ слугъ его, которыхъ онъ самъ можетъ лепей ведати и знаетъ, нашедши моцъно, кгвалтомъ на господу мою спокойную, учтивую, з двора его Рожищъ слуги его, меновите: Федоръ Мордашевичъ, врядникъ, и Миколай ключникъ, Мартинъ Кудрявецъ, возница, из иншими гултайми до килкунасту человека, которыхъ они сами лепей ведаютъ и имена ихъ знаютъ, тамже мене самую и челядку мою з господы выстрашивши, упорне, своволне и праве безправне кгвалтовне взяли и пограбили властное маетности малжонка моего, то есть: розбивши шкатулу, взяли золотыхъ червоныхъ триста, монеты литовское копъ пятъдесятъ грошей, перстенковъ золотыхъ три с каменьемъ дорогимъ,—коштовали петдесятъ золотыхъ червоныхъ; поесъ сребреный, в которомъ важило серебра гривенъ чотыри; коберецъ, который коштовалъ золотыхъ осмъ полскихъ; полотна коленского за копъ две грошей; а особливе ланцушокъ золотый взяли и пограбили, который коштовалъ золотыхъ червоныхъ тридцать, ктому церографовъ два с тоеж шкатулы, одинъ на сто золотыхъ полскихъ на жида Любартовского на Рабица, другий на Абрама, жида Любартовского, на пятдесятъ золотыхъ полскихъ; што дей все побравши и пограбивши, врядникъ и слуги владыки Луцкого до двора владычого отпровадили и ку пожитку его милости обернули властному, а мне грабежъ безправный учинили.—И просила пани Марковичовая, абы тая жалоба и оповедане ее до книгъ кгродскихъ было записано; штомъ я записати казалъ.

Книга гродская Луцкая 1599—1600 годовъ, № 2105, листъ 453 на обор.

CXIII.

Королевскій универсалъ ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ въ государствѣ о томъ, чтобы они оказывали свое содѣйствіе епископу Кириллу Терлецкому относительно приведенія въ исполненіе приговора о банниціи и выволаніи Григорія Балабана, осужденнаго за сопротивленіе королевскому повелѣнію о передачѣ Кириллу Терлецкому монастыря Жидичинскаго. 1600 года, апрѣля 23.

Лѣт Божего нароженя тисеча шестъсотъного, месяца августа первого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку господарскомъ Володимерскомъ, и у книгъ кгродских Володимерскихъ, постановившисе очевисто передо мною Григорьемъ Обухомъ Вощатинъскимъ, наместъникомъ подъстароства Володимерского, возъный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Анъдрей Дубъницкий, именемъ его милости в Бозе велебного отца Кирила Терълецкого, епископа Луцъкого и Острозского, оповедалъ, ижъ для незуполности уряду кгродского Луцъкого присяглого и абы листъ короля его милости в нижей описанои справе до ведомости урядовое и людъское, кому бы о томъ ведати належало, пришолъ, подал до актикованъя листъ его королевское милости баниции на Григоря Болобана, который се называетъ Гедиономъ. А такъ я, тотъ лист короля его милости для вписованья в книги приймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ се в собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божою милостию корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлантский, и Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный корол. Всѣм вобецъ и кождему зособна, духовного и свецкого стану, сенаторомъ, дикгнитаромъ, старостомъ, державцомъ, подстаростимъ и их наместникомъ, шляхты, рыцерствъ, так теж войтом, бурмистром и их наместником, обывателемъ панъствъ нашихъ короны Полское и великого князства Литовского, уприйме и верне намъ милымъ, ласка наша королевская. Уприйме и верне намъ милые! Преложоно естъ намъ и певными листами декретами нашими зуполне показано шляхетъного Григоря аболи Гедиона Болобана, пред тымъ нареченого архимандрыта Жидычинъского, на повод и правное попиранъе

инъстикгатора нашого, з деляции велебного в Бозе Кирила Терлецкого, спископа Луцкого и Острозского, в справе о недопущене увязанья в добра духовные манастыра Жидычипского, ведлуг декрету нашого королевского в той справе учиненого и обволованого, который в собе ширей описано и доложоно маетъ, за которымъ декретомъ тотъ Григорей аболи Гедионъ Болобан сталъ се банитом и выволанцемъ, а легце собе важачи право посполитое и з него тую баницию на собе носечи, ни за што ее не маючи, и упустивши собе часъ так до угод и поровнанья, водлугъ констытуцыи, з стороною противною, яко до чиненя о злый на себе перевод права; про то упроймостямъ и верностямъ вашимъ, которымъ то належитъ, а звлаща воеводам, старостамъ и урядникамъ местъ вшелякихъ, до ведомости приводячи, росказуемо, абы верность ваша где бы одно колвек в панствах наших и под которымъ колвек правомъ и урядомъ тот Болобанъ пристигнен и реквированъ был, абы, за тымъ екзекуториалнымъ листомъ универсаломъ нашимъ, епископови Луцкому, приятелемъ и слугамъ его на томъ Болобане самои особе и на добрах его вшеляких лежачих и рухомых екзекуцыю скутечпую и неотволочную, яко в речи декретомъ нашимъ осужоное, водлугъ звычаю права посполитого, учинили и выконали, чинити и выконати росказали конечъне, для ласки нашое королевъское и повинности своей и под винами противъ недбалымъ урядникомъ в праве посполитомъ описаными, иначей не чинячи. Писанъ у Варшаве, дня двадцат третего априля, року тисеча шестъсотъного, а панованя королевствъ нашихъ полъского третегонадъцать, а шведского семого року. У того листу его королевское милости печатъ коронная менъшая, а подписъ рук его королевское милости в тые слова: Sigismundus Rex. Zachari Iałowicky.—Который листъ его королевской милости слово в слово до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ естъ записанъ.

Книга гродск. Владимірская 1600 г., № 956, л. 353.

CXIV.

Донесеніе вознаго о вводѣ Овручскаго священника Василія во владѣніе Заручайскимъ Пречистенскимъ монастыремъ въ г. Овручѣ на основаніи жалованной королевской грамоты. Подробный инвентарь этого монастыря. 1600 года, мая 30.

Року тисеча шестсотного, месеца декабра пятогонадцат дня.

На вряде кгродском, в замку господаръском Луцкомъ, передо мною Адамом Олшановским, буркграбим замковымъ и наместником подстароства Луцкого, постановивишсе очевисто возный енерал воеводства Киевского, Волынского и Браславского, шляхетный Андрей Дубницкий, ку записаню до книг кгродских Луцких вызнал тыми словы: ижъ року тепер идучого тисечного шестсотного, месеца мая тридцатого дня, маючы я при собе шляхту людей добрых, то естъ пана Миколая Гулялницкого а пана Мартина Прилуцкого, за приданем декретомъ его королевское милости, быломъ на справе и потребе смиренного отца Василя, презвитера в месте его королевское милости Овручомъ; там же з умоцованымъ посланцомъ оного отца Василия презвитера, паном Федором Станкевичом и з оною шляхътою звышъ менованою, ходилом до манастыра Заручайского светое Пречыстое Богородицы, и будучы нам в оном манастыре, застали есмо там в том манастыре служебника его милости пана старосты Овруцкого, пана Флорияна Тхорницкого и пана Яна Воронецкого, писара его милости замку Овруцкого, которых я возный пытал: хто бы был владатором в небытности его милости пана Абрама Мышки Варковского, старосты Овруцкого, того манастыра Заручайского Пречыстой Богородицы? Ино пан Флориян Тхорницкий в тый справе озвалсе: „иж я он манастыр от его милости пана старосты Овруцкого, пана своего, маю и оным се опекаю." Тогды я пыталомъ: если же ма позволене от его милости пана старосты Овруцкого, пана своего, же бы тот манастыр отцу Василю, презвитерови, посланцу и умоцованому его, пану Федору Станкевичу, водле данины и декрету его королевское милости, уступити хотел, причом и декретъ его королевское милости оказаломъ, который был читан. Панъ Тхорницкий

поведил: же „тот манастыр зо всимъ, яко се в собе здавна—з селы, з людми, кгрунты пашными, з сеножатми, з лесы, з боры, дубровами, з даню медовою, чыншами грошовыми и зо всими доходы, пожытки, яко се его милости пану старосте Овруцкому, пану моему, по небожчыку пану Павше было в держанье зостало, маючы я в том росказане его милости пана старосты Овруцкого, пана моего, не спротивляючысе ни в чом декретови его королевское милости, тотъ манастыр Заручайский светое Пречыстое Богородицы с тым всим, яко его милость пан староста Овруцкий державъ, именем его милости пана старосты Овруцкого, пана моего, уступую и доброволне отцу Василю презвитерови до спокойного держанья и ужываня подаю.“ Якож я, возный, заховуючы се в томъ водле декрету его королевское милости и повинности уряду моего возновского, в тот манастыр Заручайский светое Пречистое Богородицы, яко се в собе мает, отца Василя, презвитера, водле данины и декрету его королевское милости, увезал и умоцованому посланцови отца Василя, презвитера, пану Федору Станкевичу, зо всим, яко се в собе тотъ манастыр мѣлъ и тепер мает, з селы, з людми, кгрунты, сеножатми, лесы, дубровами, боры, даню медовою и платы грошовыми до спокойного держанья, уживаня и в посесыю подал и то все достатечне при тых же служебниках его милости пана старосты Овруцкого на инвентар списалом. — Который то возный при том же сознаню своим тот инвентар списаня того манастыра, людей, кгрунтов и всих пожытков до актыкованя до книг нинешних на вряде подал, и так се в собе мает: Року тисеча шестъсотного, месеца мая тридцатого дня. Реестръ инвентар увяжчый списаня церкви манастыра Овруцкого Заручайского светое Пречыстое, при месте его королевское милости Овруцком, и всих речей обрядовъ церковныхъ, также фолварковъ, людей, кгрунтовъ, островов и всяких пожытков до того манастыра належачых, через мене, Андрея Дубницкого, енерала возного воеводства Киевского, Волынского и Браславского, при слугах и посланцох его милости пана Абрама Мышки Варковского, старосты Овруцкого, пану Флорияну Тхорницком а пану Яну Вороницком, писару замку Овруцком. Напервей, уходечы у манастыр, ворота с хвортксю вязаные, побито кгонтами; почавшы от тых ворот по правой руце, тыном плоским тот манастыр обгорожан, аж до другого боку левого ворот; подле ворот по левой

стороне межы тыном збудована изба з сенми, покрыто драницами, у ней мешкает дѣдъ, именем Бакун. У манастыри будоване: по правой руце от ворот светлица з сенми, при светлицы прибок и при сенях также прибок—побито драницами, гвоздъем деревеным прибивано; у светлицы стол один великий, лав чтыри, окон чтыри зо оконцами, оконниц три на завесах железных, оболоны паперовые, печ у светлицы з белых кафлев; не подалеко светлицы удовжь стайня збудованая, рубленая, побивана драницами; тутъ же подле стайни пивница з шиею у земли рубленая; против церкви пекарня з сенми; церковъ сама с круглого дерева сосновото с притворомъ; звонницы нет, под дахом звонов два: один великий, а другий маленкий; клепало одно; у церкви у дверей замок угластый великий; а у церкви книг: евангилие напрестолное, на нем бляшок сребряных пят без позлоты, клевзорьки малые и защепки малые ж сребраные, а евангилие адомашком чырвоным крыто; апостол друкованый; охтайки два; трефолой на увес рок старый; образов великих на обох сторонах пят, образов на стябли сем, над враты царскими образы вси простого малеваня старые; крестъ сребраный, позлотистый, невеликий, старой роботы, на нем каменей чотыри; сосуд церковный, миска московское роботы чирвоная; рызы одны чемлету белого, старые, з окладкою адамашку бурнатного, а другие волненые, простые, з окладкою бурнатного бархату, старые ж; стихар цвилиховый, старый; поручы велми ветхии; пояс сукна чорного, сплетеный; свеч две; хорогов две невеликих, малеваных; у волтари окон две, ув однум окне оболона шкляная; в церкви окон две, оболоны шкляные; по правой руце крылас и по левой другий. До того манастыра поля под местом Овручом от Киева, межы дорогами, которые дороги лежат: одна до Гладкович, другая до Киева; нива одна под самым местом; тая нива боком межы тыми дорогами, концами опирается межою поля церкви светое Михайловское и церкви светое Василевское, на которой ниве высевается Овруцкое меры одинадцат ведер; другая нива на Летинской дорозе, на которой ниве засивают ведер шесть; у другом мѣсти нив чтыри посполу поблизку места Овручого, межы дорогами, которые дороги лежат: одна до Сковородина, другая до Мычына, боками тые нивы межы дороги, а концами оперлися до межы до пол подданых королевских Овруцких, до межы Товчениковы и до межы Радивоновы,

другим концом до межы Степановых нив, на которых нивах засевается збожя меры Овруцкое ведер осмънадцат; на другой стороне места поля неподалеку места Овручого, то есть за рекою Норынею, берег дороги, которая идет до Дедкович через волю, которую пан староста на кгрунте церкви Праведницкое ново осажает, поля прозываемые Игуменщызну, концами опираются под самое тое селце Волю, то есть нивы, албо островы с пропашами, з другого боку берег тых же нив от реки Норини сеножати, концами опираются тые поля и сеножати до границы пани Бережецкое и пана Солтановы; на тых нивах засевается збожя меры Овруцкое ведер сорок; сеножат другая удалася от тых границ берег тоеж волки у бокъ болотомъ, на тых сеножатех сина укошается с пятсот возы и далей; на которых тых полях на половицы яко бы тых пол манастырских жыта и гречки засеено пляц немалый, а другие поля на паренину лежат; людей, которые на кгрунтех около того манастыра на пляцах манастырских седят и чиншъ грошовый платят, то ест на первей: Федор з огорода дает грошей дванадцет, пан Ждан Триполский, земянин Овруцкий, з огорода грошей дванадцет, Петръ з огорода грошей дванадцат, Иван Целуйко з огорода грошей дванадцет, Тарас Швец грошей дванадцат, Васко Высоцкий Полозович даеть грошей двадцат, Иван Коренко дает грошей дванадцет, Гарасим Быдыник грошей дванадцет, Остапъ Ополоник грошей дванадцет, Иван Жужал грошей дванадцат, Трохим Наталчыч з огорода дает грошей дванадцат, Иван Мылник дает грошей десет, Микула Копылко дает грошей двадцат, Панас Швец дает з огорода грошей двадцат, Веремей Ерко дает з огорода грошей петнадцат, Денис Тригубъ дает грошей двадцат, Сенко Невгод дает грошей дванадцат, Гарасим Кравчык дает грошей дванадцат, Тимош Колесник и Степан грошей дванадцать з огорода дают, Федор Русак грошей десят, Федор Кизило дает грошей петнадцат, Марко Киговка грошей петнадцат, Богдан Кизило грошей петнадцат, Стасюк с поля и з огорода дает грошей двадцат чотыри, Тарас Ханкович грошей дванадцат, Яцко Целуйко грошей дванадцет, Нестер Чашник грошей дванадцат, Степан Гребышникъ грошей дванадцат, Сморщукъ грошей дванадцет, Мочула грошей дванадцат, Мартинова удова грошей петнадцат з огорода, а с поля полкопы дает и десетину, Остап Ополоник з огорода даетъ грошей дванадцат,

а с поля дванадцат и десетину, Иван Козило з огорода дает грошей петнадцат, а с поля полкопы и десетину дает, Федор Рослин з Данилом Целуйком грошей петнадцат, а с поля полкопы и десетину. Мещане королевские, которые чинш о Велицедни с пол манастырских дают: Демковичы с поля грошей двадцат, Ониско Захарчыч грошей десят, Иван Плесун грошей десят, Хома Плесун грошей десят, Клим Упир грошей двадцат, Гордий Шолуга грошей двадцат, Андрей Лизунович з братею грошей двадцат два; зъ земли тогож манастыра, што черньцы с Киева Миколские чынш дают грошей двадцат чотыри. Село Белка до того манастыра прыналежит; в том селе подданых манастырских, на первей: Скумин Гораинъ, Наум Гораинович, Сенко Гораинович, Артим Чорнышевич, Омелян Чорнышевич, Демко подсуседок дани дают кад меду; другое село Денисковичы, у том селе подданых шест, на первей: Иван Отаман, Лаврин, Степан, Тимош, Юрко, Лазар, з тых подданых кад меду, грошового плату полторы копы; з Белки и з Денискович роботы жадное нет, тылко у пудводу отъехати где кажуть повинны. Дани, што приходять на церковъ з ыменей шляхетских и мещан Овруцких, меновите: Ущапъ з острова своего две ведри меду; з села Хлуплян и земли Закрушиное чотыри ведре меду; з Левкович ведер две меду; з Свистовщины две ведре меду; у Евлашка Основича две ведры меду; у Милочеве, у Ходорца две ведры меду; у Народичох на Митковичах пят ведер меду, а полюдя три дни подымовати и дви ночы, або дви ведре меду дати; у Сингаевичох две куницы шерстю; на Выгове там же у Петровых детей три ведрѣ меду, а у Тимошевих две ведрѣ меду; у Коврыжин две ведрѣ меду; у Голенищова зятя две ведрѣ меду; у Сухоревичах три ведру меду, а ноч полюдя, або ведро меду; у Сидоровичах три ведрѣ меду, а ноч полудя, або ведро меду дати; у Голубиевичах пятипядное лукно меду, а полторы ночи полюдя, або полтора ведра меду; у Гаврилковичах дви пятипядное лукно меду, да чтырипядное лукно да поллукна и дви ночи полюдя, або две ведрѣ меду; у Кусковичох три ведрѣ меду, а ноч полюдя, або ведро меду дати; у Гладковичох пят видер меду; на Митковичахъ чотыри ведрѣ меду; у Бондаров двѣ ведре меду; у Былчини чотыри ведрѣ меду; у Ходоковъ две ведре меду; у Клищовнивицких две ведре меду; на Корчовках у Гришковыхъ сыновъ грошовенъ меду;

у Яцковцах на Грязьли у Гусаревъ три ведрѣ меду; перьшии Зысаевичи две ведри меду даютъ; Ларивонъ с Калиньковичами две ведрѣ меду даютъ; Микуличане с Толкачами две ведре меду дают. Бор тогож манастыра неподалеку Овручого, в том боре бортное дерево ест, приходит при отъбираню тыхъ бортих мед наполы с паном Солтаном на церковъ и воскъ; канун манастырский часу празника волно за грошы давать, або кому арендовать, если сам настоятел не хочеть его выдавать; а россычовано кадей чтыри, або и пят меду.—Который ссь инвентар я, Андрей Дубницкий, енерал, рукою моею подписавшы и печат есми свою приложыл. Писан ув Овручом, у манастыри светое Богородицы, даты вышей писаное. У того инвентару печат одна, а подпис руки тыми словы: Андрей Дубницкий, енерал, рукою власною.—А тот же возный оповедал на вряде нинешним, же про форобу свою, которою его пан Бог наведити от оного року и часу рачыл, не мог того зознаня своего давней на вряде признати, ажъ тепер пришедшы до способнейшого здоровя своего. И просил, абы то было до книгъ кгродских Луцкихъ записано, штом я записати казал.

Книга гродская Луцкая 1600 года, № 2111, листъ 218.

CXV.

Ревокацiонная запись п. Ивана Терлецкаго о томъ, что онъ уничтожаетъ занесенныя имъ раньше жалобы на своего родственника, епископа Кирилла Терлецкаго, объ удержанiи слѣдуемой ему платы за его долголѣтнюю службу, о побояхъ и отнятiи имущества. 1600 года, iюля 1.

Року тисеча шестсотъного, месеца июля перъшого дня.

На вряде кгродскомъ замку господарского Луцкого, передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ замъку Луцкого отъ его милости велможного пана Миколая Семашка на Хупкове, старосты и ключника Луцкого, постановивъшися передо мною и у книгъ нинешнихъ старостинскихъ кгродскихъ Луцкихъ, шляхетный панъ Иванъ Терлецкий, обыватель съ повѣту Премыского, ураду нинешнему добре знаемый, будучи на теле и на умысле здоровый и целый, доброволне и явне оповедилъ и вызналъ тыми словы: иж онъ, будучи его милости отцу Кирилу Терълецкому, епископу Луцкому и Острозъскому, зъ домомъ своимъ Терлецъкимъ во крви повинный и зъ давъныхъ часовъ старожитный фамилѣи зъ одного дому, а другие одного гербу и тытулу уживаючие съ продковъ своихъ, а мешкаючи при его милости, яко при старъшомъ кревномъ своимъ, часъ немалый и заживаючи зъ ласки его милости въ опатреню такъ себе самого, яко и детокъ своихъ, великое доброти и щодробливости, потомъ зъ неуваженъя и зъ необаченя моего а наболъшей съ подущеня въ тыхъ забуреныхъ часехъ неприятелъ его милости, которые дей ми дорогу указали и радили, жемъ на его милость отца епископа Луцъкого и Острозского безъ вшелякое причины повинного и старъшого въ дому нашомъ неуважне и нерозъсудне въ невинъности его милости учиниломъ протестацыю на вряде тутошнемъ кгродскомъ Луцкомъ до книгъ кгродскихъ, за староства на онъ часъ его милости велможного пана пана Марка Собеского, воеводы Любелского, передъ буркграбимъ замковымъ и наместникомъ на онъ часъ подстароства Луцкого паномъ Миколаемъ Чарноцъкимъ, подъ датою року тисеча шестъсотного, месеца генвара двадцатъ третего дня, поменивши на его милость якобы розъные кривъды и жале мое, такъже

незаплачене якобы мне обецаныхъ отъ его милости юръкгелтовъ такъ пенезми, сукны, футры, яко при томъ о якоесь збите, ударене и ображене мое и якобы при томъ о побране маетъности моее, о чомъ ширей тые протестацыи и при том реляцыи возного въ собе и во въсихъ своихъ аръткулехъ и понктехъ обясняютъ, и такъ въ томъ противко его милости за преводомъ неприятелъ его милости, а наболшей зъ направы зошлого пана Боровицъкого, войского Луцкого, въ томъ подступивши, отъ его милости ижъ ся отдалилъ, о чомъ кгды скарга отъ его милости до иныхъ повинныхъ нашихъ на Подгорю въ край Премыский се донесла, которые мя съ того всего, вѣдаючи о невинъности его милости, гамовали и до узнаня приводили; про то я, ижемъ то не самъ зъ себе такъ далеце, яко наболшей съ подущеня неприятелъ его милости таковые протестацыи ку великому жалю и кривде въ невинности его милости учинилемъ, будучи теперъ самъ съ того всего велце жалостенъ а хотечы, абы на потомъные часы жадное моцы, владзы и вырозуменя правдивого во всѣхъ людехъ и у неприятелъ его милости не мѣли и за никчемъные зостали, тымъ теперешнимъ правдивымъ и доброволнымъ сознанемъ моимъ тые протестацыи, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ черезъ мене внесеные, яко никчемне укнованыс, касую, уморяю и оныхъ и всѣхъ кондиций, артикуловъ, паракграфовъ и самое речи въ нихъ описаныхъ отступую и отступилъ есми собѣ самому и потомству своему, вечне до зновеня и верненяся до нихъ и до иныхъ поступковъ правныхъ дорогу завираю, позволяючи и тымъ доброволнымъ вызнанемъ моимъ позволяю его милости отцу епископу Луцкому, старшому повинному и кревъному въ дому нашомъ, до выкасованя и вымазаня ихъ съ книгъ кгродскихъ Луцкихъ мандатъ его королевское милости одержавъши и безъ бытности моее яко никчемъные и непотребные вымазати и покасовати. И просилъ панъ Терлецъкий, абы его таковое доброволное вызнане до книгъ кгродскихъ Луцкихъ старостихъ записано было; што я, ку вѣдомости урядовой принявши, то все для памети до книгъ записатъ казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1598 по 1600 годъ, № 2016, листъ 300.

CXVI.

Инвентарь Пересопницкаго монастыря и села Пересопницы, составленный бывшимъ его игуменомъ Симеономъ Косовскимъ при передачѣ монастыря своему преемнику игумену Макарію Созанскому. 1600 года, октября 25.

Инвентар списаня речий в манастыру Пръвосопъници в року тысяча шестъсотнымъ, месяца ноембрия второго дня от мене Семиона Косовского, в моцъ исъ всею маетностю до него належачою, то естъ напрод з будованием и збожем, в стыртахъ зложоным и на поляхъ засѣяным, з добытком, з поддаными, з корчъмою, з ставом, з мытом проезднымъ и з млином и иншими вшелякыми пожитками, до того именя манастырского належачими, в моцъ и в держане подалъ есми кир Макарию Созанскому и со всеми еже о христѣ братиями, ведле фундушу описанными.

А напръвѣй церковь из звонницею, на которой звонов два и третее клепало желѣзное; потым двери церковные на завесах и з пробоемъ и защепкою и з замком; оболоны две скляные в церкви, в олтари третее скляное круглое.

Сребро церковное то естъ: евангелие тетръ друкованое, атласомъ крытое, на верху блях пят, посродку распятие Господне, а по рогох евангелисты, клевзуры, на сподку пуклов невеликих пят, все з позолотою, а около тых же блях верхних бляшокъ сребра белого дванацатъ; евангелие другое тетръ писаное, атласомъ зеленым крытое, на немъ сребра белого бляшекъ пятъ. Крестъ сребръный позлотистый с каменцем еднимъ и с пятми пуклями невеликими сребра белого; крестъ в древе резаный; келихъ сребраный позлотистый, при нем дискосъ, звѣзда, лыжка; коновок две сребра белого; кадилница сребра белого з трема ланцушками; панагия сребреная позлотистая, на которой образъ пресвятои Богородици в кости резаный.

Цѣна и мосяжь и желѣзо бѣлое: Келих цѣновый, при нем дискосъ, звѣзда, фляшка, коновок два, мисочка, лѣхтарѣ два, все цѣна. Мосяжъ: лѣхтаръ мосяжный, рурок дванадцять, кадилницъ две. Желѣ-

зо: лѣхтаръ желѣза белого, гурок шестъ, лехтарня московская белого желсза оправная, фляшка желѣза белого.

Убыры церковныя: фелонъ адамашкы червоныя, оклад около шие злотоглавовый, а в подоле сереброгловкий, крестъ и звѣзда на нем сереброгловная с пасаманом злотымъ; фелонъ атласу червоного, окладаный около шие и на подоле злотогловом, крестъ и звезда на немъ также; фелонъ мухаиру червоного, окладаный полуатласомъ зеленымъ, с пасаманом сребрънымъ; фелонъ полотна белого, окладаный среброгловом; фелонъ полотна белого, окладаный кытайкою; фелонъ плотеный з окладомъ одамашки брунатное; стыхар дияконскый кытайки жолтогорячое, окладаный около шие и коло рукавов и в подоле все сребрbelieve ловомъ; стыхаръ дияконскый мухаиру турецкого гвоздикового, окладаный коло шие кытайкою зеленою и нараквице злотогловые; стихаровъ дияконъских полотна белого два, одинъ окладанъ кытайкою червоною, а другий барханом чорным; стихаровъ свещеническихъ полотна белого простого без окладов два; епетрахылъ злотогловый с крестами трема адамашки червоны; епетрахылъ среброгловный, на немъ крестов пасаману злотого три; епетрахиле три старых, един полуаксамиту червоного, другый полуатласу зеленого, третий кытайки; орарион кытайкы жолтогорячои, на немъ кресты едвабом шитые; орарионъ алтабасовый старый; поруче двое, едно златоглавное а другое среброглавное з нашиванемъ крестов злоти строкы; поруче двое, едно камховое, а другое мухаирове; поясов три, еденъ з розных шолковъ и злотомъ и сребромъ и с перлами, на концох мохры едвабныя зе злотомъ, другый з едвабу розного, третий з шолку червоного робленъ; куколь кытайкы червоныя для крещения дѣтей. А особливе межи тыми уборами церковными вышше писанными отецъ Семионъ, игуменъ Перъвосопницкий, власнихъ своихъ придалъ до церкве святои за свое отпущение грѣховъ, то естъ: фелонъ плотняный, адамашком бронатным окладаный; фелонъ другый плотняный з окладом атласу червоного; стихаров два без окладовъ плотенныхъ; нараквицы двое, едни бархану цветного, а другое мухаиру бронатного; кукол кытайкы червоныя для крещения дѣтей. Въздухы и завѣсы: въздуховъ кытайки белои два, единъ шитый злотом и сребром и розным едвабом; въздух особно великий злотогловный еденъ; въздухъ адамашкы зеленое единъ великый; въздух мухаиру жолтогорячого;

въздухъ кытайкы черное, другый мухаиру червоного. Покровец на келихъ на седце едвабной а роботою пудною робленъ. Запонъ и завѣсъ осмъ: перва запона ситковая на жолтых нитях, золотом и сребром и розным едвабом шитая; другая до образу сетчаная бело шитая; третея под образ на полотне вышиваная злотом з розным едвабомъ; четвертая пред престолом мухаиру червоного с тканицами, злотомъ шитыми; пятая при стѣне и шестая цвилиховая в олтарю; седмая на столцю с крестами червоными; осмая пред жертовникомъ полотна белого, нашивано посредку крестъ з едвабомъ рознымъ. Обросъ зористый на престолъ, другый простый в притворе на столцю. Хусток рубковыхъ четыри турецких: под образы четыры рубков, над образы два. Коберецъ на крылосе обитый еденъ. Тувалнѣ: на налоѣ шита бело вкругъ сѣткою, другая с кутами сѣтковыми бело шитыми, лыштвы две шито бело, под образы. Покрывало на престолъ белого полотна з лыштвами в коло бело шытыми. Хустькы полотна белого з набываными кресты две; накрывка парастасовая полотна коленского невышываного.

Книги: евангелие учителное писаное на десту; апостолъ писаный на десту еденъ; уставъ на десту писаный еденъ; псалтыръ на пулдесту една писана; охтаиковъ два, пръвогласникъ и пятогласник, на десту писаные; менеи дванадцятъ, четыри з нихъ по одному мѣсяцю, а чотыри по два, писаны; триоди три, постных две, третия цвѣтная друкованая; Прелогъ еденъ, на десту писаный; книга Соборникъ една на десту с празничными словами и з житиями святыхъ; книга Маргаритъ Иоанна Златоустого, на пулдесту, друкованый; книга Студитьского Феодора служебникъ, на пулдесту писан, старый. А особливе ку тым книгам церковнымъ придалъ отецъ Семионъ, игуменъ Пресопницкый, за свое отпущение грѣховъ, то естъ власныхъ своих книгъ, а меновите: Апостолъ тетръ на десту, друкованый; псалтыр на десту, друкована; часовникъ на пулдесту, писаный; Прелогъ месяца марта на десту, писаный; книга Богородичник на пулдесту, писаный; книга Иоана Лѣствичника на десту, писанъ; служебникъ новый на пулдесту, уставомъ писаный; ермолое два: еденъ новый зе двѣма столпами, другый старый еденъ столпъ; также и сандук московский для книгъ схованя. Книга Правила святых отецъ; книга Иоасафъ; книг две Беседы столпъ Иоановъ (sic).

Монастыръ. То есть: напрод входячи в монастыр ворота вѣздные побитые, дыловане стоячее вкругъ всего монастыря. Келий белихъ с прибоями, з защипками и з завѣсами, з желѣзы, з окнами скла округлого и пецами кафловыми, осмъ; с комнатами в едной келиѣ двѣ, то естъ горница и коморка в сени, а две с коморами в сенихъ по левои стороне монастыря; по правои стороне келия с комнатою и коморою в сенихъ; трапеза с комнатою. По правои стороне монастырѣ келий чорных со всем до неи прилежячимъ, то естъ з сенми, три, четвертая поварня, в которои естъ котелъ великий до вареня потрав еденъ; банъ мѣдяныхъ двѣ; пановъ—новая една, а две старыхъ; корецъ мѣдяный еденъ; мисъ цѣновыхъ двѣ; лѣхтаръ цѣновый еденъ; пулъмисокъ цѣновый еденъ, другий зламаный; тарѣловъ цѣновых пятъ, шестого половиця; наливка цѣновая една; коновка цѣновая една; мисъ деревянных девятъ; тареловъ деревяных двадесятъ и два; лыжокъ деревяныхъ четеридесятъ. Особливе цын и мѣдь по ее милости панеи воеводичовои при манастыру осталая: мис великихъ 4, полмисковъ 4, талѣрок три, наливка з мѣдницею, фляш круглыхъ три, трыногов мѣденыхъ 2, котел 1, брытвана 1, келня 1, друшлякъ еденъ, пателня 1, коновка, миска мѣденая, мѣдница мосязовая, лыжка железная, можднер, рожнов 2. Спижарни двѣ, една в боку трапезы, другая против церкви над пивницею, з дверми, з пробоями и защипками и с колодками; в которыхъ меса солонинѣ полтий седмъ; салъ три; масла фаска една; бгрошовый (?) гарнецъ единъ; сыровъ четыридесятъ; крупъ татарчяных четвертинниковъ четыри; яголъ пултора четвертинника; соли тысячий четырнайцятъ; грушъ сушоныхъ осмака; ручъниковъ седмъ; обрусов четыри; в еи милости панеи обрусов некраяных два свойцы; маку пулъ бечекъ и кыдь с покрываломъ; лну возовъ...; лну насѣнного пулъмацѣ; волны рунъ двадесятъ; клубковъ волняныхъ шестъ; до соленя меса полци корито едно; домовых ночвий...; протаковъ два; сито едно; цебровъ два; вѣдеръ двѣ; хомуты три з дугами и з уздами трема; ужищь три, вожокъ прядивныхъ трое; до рубаня дровъ сыкыръ двѣ; пѣшня една; заступувъ три; мотыкъ тры; бялого желѣза бляхъ 111; контовых гвоздий фаска една; до маточанъ рифъ осмъ; молотокъ еденъ; завѣсокъ паръ четыри и пулъ; ланъва една; ножъ ручный едный; ланцюшокъ малый еденъ; ланцюхъ возовый еденъ; до каменя млинного порплица

една; до уздъ удилъ паръ пятъ; шрубокъ пара една; свѣдры великия два; свѣдриковъ малых четыри; рыдловъ три; ручница една; пила великая едная; пилка беднарская една; пилка малая една; волокъ еденъ.

Пивница противко церкви, с дверми и с кратою деревяною, с пробоями и з защипками, с колодкою, а в неи до квашеня капусты кадолбувъ четыри; до пива бечка една; до ношеня воды конвы три, вѣдеръ три.

А при томъ манастырю садъ, в которомъ древо посполитое и виноградъ, при которомъ саду огородовъ два.

Прибудовал тыжъ отецъ Семионъ, игуменъ Первосопницъкый, за держаня своего в монастыри келий шестъ новых и свѣренъ великый, то естъ в монастырю келии три, до того тыжъ домъ великий на дворцю; купилъ тежъ попови домъ, за который далъ злотых дванайцятъ; леспичови дом купил в Евдокимова зятя, пред монастырем, за пултора копы грошей литовских; в карьчмѣ дом и свѣтлицю поставилъ; оставилъ тыжъ древа пятдесятъ в монастырю готового. Броваръ и лазню ново поставлено; в броварѣ котелъ великий, кадий двѣ, корыто едно дубовое.

Гумно и дворец. На дворци пекарня, за пекарнею стайня рубленая, соломою пошитая, подле стайне овчарникъ гворостовый, соломою пошитый; на другои стороне хлѣвецъ делеваный, соломою пошитый, для свиний; подле хлѣвца ворота уездные; подле воротъ хлѣвъ плетеный, соломою пошитый; в которомъ дворци: конъ гнѣдый едепъ, свѣрепъ карыхъ двѣ, зребцовъ третяковъ два, роботныхъ воловъ осмъ, молодиковъ по тры рокы седмъ, становных коровъ с шестъ, телятъ, по три рокы имъ, шестеро, телятъ молодыхъ шестеро; старых овецъ тридесятъ и една, старый баранъ еденъ, молодые ягнят двадесят и пятъ; свини: становных веприй пятъ, старыхъ самицъ еденайцятъ, млодыхъ подъсвинковъ седмнацятъ; гусий шестеронайцятъ, качекъ четыридесятъ, курый пятдесятъ и двое. Котъчихъ старыхъ два, возовъ роботныхъ четыри; сошников до сохъ пятъ, шостый зламаный, еремъ до тых сох четыри; до того начиня: тележокъ двои, оралъ закованыхъ три, ралъ простыхъ двѣ, деревяныхъ боронъ пятъ. Гумно оплотомъ жердми огорожено, а другая клюня на селѣ пошитая, в которомъ гум-

нѣ клюня рубленая, соломою пошитая, в которои клюни ворота двои, едни с прибоемъ и защипомъ, а другые без прибою. В гумне ворота простые, в къторомъ збожа: жита стоговъ три, початый жита стогъ четвертый, в которыхъ естъ копъ двестѣ; пшенице молоченоѣе мацъ четыри; іечьменя стыртѣ двѣ, в которых копъ двѣстѣ; татаркы стогъ два, старый стогъ еденъ, в которых копъ...; овса стыртъ три, в которых копъ...; проса стогъ еденъ; гороху стыръта една и стоги два; сѣна в шопѣ возовъ 30; сѣна стыртъ три, двѣ на потребу домовую, а третяя на предажу годна за копъ дванайцятъ литевскихъ.

Село монастыра Первосопницы, подданые: Петрушко, Евдокым, в которого тригубица манастырская отца Семионова, которою повинен рыбъ ловити на потребы монастырские, што если не схоче, повиненъ новую монастырю отдати; зятъ Евдокимовъ, Евтух Саевич, Тимошъ Суботъ, Стасъ Махъ, Иванъ Ротко, Марко Ермолинъ сынъ, прийма, що Ениху поял, Иванъ Белоусовъ сынъ, Иванъ Манякъ, Демянъ Слинъка, Остапъ Прима, Кононецъ; тыѣ всѣ маютъ подъ собою по полволока. Лукиянъ и Харитонъ, тыѣ два под собою мают полъволока. Которые тые то вси подданые повинни в кождый тыжденъ два дни робитъ, що имъ роскажутъ, и подводу на мил седмъ, о празницѣ Пречистое Богородици повинни всѣ овцю дати и окупити, с полволокъ по курцѣ и по гроший шести чиншу дати, до того по пулмацѣ овса и попелзчину яко в Княжинѣ будутъ от бочкы братъ по злотому едному с полволоки подсусѣдкы, що учинитъ копъ шестъ. Гаврило, Ганъко Ляхъ; тые два по гроший три даютъ в рок, такъ тыжъ з листом и тамъ где его пошлютъ, и робити по дневи едному в тиденъ; тыѣ огородъ и по днине поля под собою имаютъ. Сенко лесничий, тенъ волен од всѣхъ роботъ и податковъ, кроме абы лѣса стерѣгъ. Тимошъ, которому огородъ и днину поля дати, который также отъ роботъ инъшихъ и податков воленъ, кромъ абы в лѣтѣ пчолъ в пасецѣ пилновалъ, а в зимѣ добытокъ на оборе дозыралъ и кормилъ.

Аренда. При томъ же селѣ карчьма, в которои свѣтлица, напротивку чарна хата, пивница впосродку карчмы, до того тыжъ млинъ зе двема колы и зъ всѣми потребами до него належачими; с которое то в кождый рокъ приходытъ аренды и з погребелнымъ митомъ копъ трийдцятъ монеты литовское, до того тыжъ соли полпяти тисячи, осмъ

гарнцов, копъ пулътора, половица простыхъ, половица поливаныхъ. Въ которомъ то року тысяча шестъсотнымъ отцю Семиону за державы его отдалъ грошиӣ копъ пятнайцятъ литевскыхъ, и сол отдал, кром гарнцовъ; а остатокъ аренъды винен отдати отцю Макарию ведле аренды копъ пятнадцятъ.

Провенътъ за три волокы землѣ, що ее милость пани Браславская пашетъ, на озиму три и на ери три; отъ того дае на кождый рокъ по пулъшесты копы. Ставу спустъ в три рокы, за которыхъ шестъдесятъ копъ грошиӣ литевскихъ; при томъ же ставу сажавка нова, всыпана за державы отца Семиона. Заводное з поля от волок подлугъ реесту своего игуменъ пред братию и ктиторми личбу чинити мае.

Всего приходу гроша монастырскых чинитъ сумою копъ пятдесятъ и пятъ и грошиӣ шестъ личбы литовское. Который инвентар под печатию моею Юрия Чорториского, Иоана Спаковского, опекуновъ монастыря Пересопницъкого, собе есмо зоставили слово в слово написаный. Писанъ в Пресопници, року Божого тысяча шестъсотного, месяца октовря двайцятъ пятого дня.

Юрей Чорторыйский на Клеваню власною рукою.

Иоанъ Шпаковский власною рукою.

Ермонах Макаріе Созанскый, игуменъ Пересопницкый, власною рукою.

Ермонах Прохоръ рука власна.

Ермонах Лазаръ власная рука.

Монах Феодосіе власна рука.

Монах Венияминъ власная рука.

Монахъ Иосифъ власна рука.

На подлинномъ три именныя печати первыхъ трехъ изъ подписавшихся лицъ.

Подлинникъ находится въ дѣлахъ Духовнаго Собора Почаевской Лавры № 1/2 л. 60—69.

CXVII.

Королевскій декретъ объ отобраніи отъ Кіевопечерскаго монастыря имѣній, принадлежащихъ Кіевской митрополіи, для передачи уніатскому митрополиту Ипатію Потѣю, на основаніи добровольнаго соглашенія, состоявшагося на судѣ королевскомъ между архимандритомъ Кіевопечерскимъ Елисеемъ Плетенецкимъ и Потѣемъ. 1600 года, октября 26.

Року 1600, месеца ноябра девятогонадцат дня.

На вряде кгродском Володимерском, передо мною Григоремъ Обухом Восчатинским, наместником подстароства Володимерского, постановившисе очевисто Евхим Зябка покладал лист его королевское милости с печатю его королевское милости коронъною о речъ в том листе меновите описаную, о чом ширей тотъ лист в собе обмовляетъ, якож и тот лист свой передо мною положивши просил, абы принят и до книг уписан был. Я его принявши, до книг уписати казалъ, который такъ се в собе маетъ: Жикгимонт третий, Божъю милостъю корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский, Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный королъ. Ознаймуемъ тымъ листом нашим всѣмъ вобец и кождому зособна, кому то ведать належит: иж кгды справа межи инстикгатором нашим, яко поводом, а набожными Елижеушом Плетенецким, наречоным архимандрытом, посполу з с чернцами и застовпниками Киевскими капитулы манастыра Печерского в Киеве, позваными о недопущене увязаня урожоному Лавринови Лозце, подчашому Киевскому, во вси добра и доходы въ воеводстве Киевском будучие, до митрополии Киевское належачие, которые есмо велебному Ипатиеви Потееви, епископови Володимерскому и Берестейскому, з ласки нашое до живота его дали, водлуг декрету нашого, зъ одложеня до шести недел стороне позваной позволеного на показане певных листов с книг земских Киевских, которыми мели доводитъ того, же тые добра, о которые ест позваный, власне до манастыра належатъ и за слушным правом тые то позваные оные трымают, до нас и суду нашого асесорского приточила се, на року тогды нинешнем, ку досыт чиненю вышей описаному одложеню водлуг декрету

нашого припадаючим, обедве стороне, то естъ от повода шляхетный Павел Рожчиц, а от позваных шляхетный Мартин Сумисовский и оден з ченцов помененых, на име Сарафиянъ, перед судом нашим за першимъ, вторым и третим, водлуг права Волынского, воланем обличне ставши и умоцованя до тое справы доброволне собе признавши, ачъ колвекъ наперед стороны досыт учиненя тому отложеню, на показане листов помененых позволеному, споры и правные розмовы з собою мили, однак потом за доброволнымъ зезволенемъ до таковое згоды обедве стороне приступили, же тые позваные добра помененые поводовой стороне на жаданъе дворанина нашого пуститъ мают, а оны жебы теж от вшелякких шкод и презысков так стороны непущеня тых добр, яко стороны доходов походячих, жебы волъными были учинены. А такъ мы с паны радами и в праве беглыми нашими, прихиляючисе до таковое згоды и позволеня обудвух сторон, наказуемы, абы тые позваные в добра вси, о которые тая справа се точит, так же и вси доходы и пожитки, так яко их сами держали, дворанинови нашому урожоному Лавринови Лозце. подчашому Киевскому, от даты того листу нашого за осмъ недел въвязаня доброволне допустили и тых добр скутечне уступили, под закладомъ пети тисечей копъ грошей литовскихъ, в позве описаных. А што се тычет шкод и презысков на позваных от поводовое стороны, так о недопущене въвязаня в добра помененые, яко и о уживане тых добр и бране з них доходов одержаных, за позволенемъ тоеж стороны поводовое, вси уморяем и от них позваные волнымъ чиним, тым однак способом, абы за рокъ теперешний идучий вси пожитки, з добр помененых приходячие, которые бы одно тые позваные выбрали и на пожиток свой обернули, стороне поводовой албо помененому дворанинови нашому вернули и сполна отдали, под закладом выше описаным, моцю того декрету нашого, до которого для лепшое веры печать коронную притиснути росказали есмо. Писан у новым месте Корчине, дня двадцат шостого месеца октебра, року божого тисеча шестсотного, а панованя королевствъ наших полского третегонадцат, а Шведского року семого. А подпис рукъ в того листу в тые слова: P. Tyliczk. Ep. Chelm. R. P. vicekanc. Справа велебного в Бозе его милости ксендза Петра Тылицкого, бискупа Хелминского, подканъцлерего коронного; Andrzey Lipsky, pisarz.—А так я тот лист его королевское милости

принявши, за прозбою того то Лузки до книг кгродских Володимерских записати казалъ, што естъ записано.

Книга гродская Владимірская 1600 года, № 956, листъ 463.

CXVIII.

Донесеніе возпаго о прибитіи имъ въ публичныхъ мѣстахъ Луцка двухъ копій королевскаго универсала ко всѣмъ правительственнымъ лицамъ о немедленномъ исполненіи надъ бывшимъ Жидичинскимъ архимандритомъ Григоріемъ или Гедеономъ Балабаномъ приговора къ банниціи, коему онъ подвергся за сопротивленіе королевскому распоряженію объ уступкѣ епископу Кириллу Терлецкому Жидичинскаго монастыря. 1600 года, ноября 15.

Року тисеча шестсотного, месяца ноября пятогонадцать дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, од дня второго месеца ноябра в року вышей менованомъ судити се зачатыхъ, перед нами Матеемъ Стемпковскимъ, подстаростимъ, а Остафеемъ Еловичомъ Малинскимъ, судею, и Войтехомъ Станишевскимъ, писаромъ, урядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившися очевисто шляхетный Матысъ Славокгурский, енералъ возный, до книгъ созналъ тыми словы: иж за приданемъ суду нашого, екстракта два листу короля его милости ознаймуючи, же за декретомъ од инстикгатора короля его милости, з однесенья велебного Кирила Терлецкого, владыки Луцкого и Острозкого, есть правомъ переконаный панъ Григорей албо Гедионъ Болобанъ, архимандритъ Жидичинъский, ознаймуетъ воеводомъ, старостомъ и иншимъ урядомъ, абы зъ оного екзекуцию чинили, яко тотъ листъ короля его милости ширей в собе маетъ, которыи екстракты то есть одинъ в брами замковой, приводечи до ведомости людемъ, при-

былъ, а другий в рынъку, в дому Яцъка Поповича. А такъ мы тое очевистое признане принявши, до книгъ записати казали.

Книга гродск. Луцкая 1600 года, № 2111, л. 177.

CXIX.

Донесеніе вознаго о доставленіи имъ старостѣ Луцкому Николаю Семашку напоминальнаго листа отъ суда земскаго Луцкаго о томъ, чтобы староста и подчиненный ему урядъ гродскій воздержались отъ приведенія въ исполненіе надъ архимандритомъ Жидичинскимъ Гедеономъ Балабаномъ приговора къ банниціи впредь до рѣшенія его дѣла судомъ сеймовымъ, на который Балабанъ позванъ. 1600 года, ноября 15.

Року тисеча шестьсотного, месеца ноября пятогонадцать дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, отъ дня второго месеца ноября в року теперешнемъ тисеча шестьсотномъ судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Матеемъ Стемпковскимъ, подстаростимъ, и Остафиемъ Еловичемъ Малинъскимъ, судьею, урядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившеся очевисто, шляхетный Матысъ Славокгурский, возный енералъ воеводства Волынъского, ку записованю до книгъ сознал тыми словы: ижъ року теперъ идучого тисеча шестьсотного, месеца ноября дня оногдашнего тринадцатого, положилъ есьми зъ листу наупоминалного, отъ суду земского Луцкого до его милости вельможного пана Миколая Семашька на Хупкове, старосты и ключника Луцкого, писаного и выданого, копею альбо перепись, слово въ слово списано, подъ печатью моею, его милости вельможному пану Миколаю Семашку на Хупкове, старости и ключникови Луцкому, который то перепись его милости пану старосте черезъ мене положеный вотъ-

кнулъ есьми у ворота брамные замку господарского Луцкого, а другий таковый же перепись с того жъ листу напоминалного слово въ слово, также подъ печатью, давалъ есьми дня вчорайшого месеца ноября четвертогонадцать дня вашъмостямъ паномъ Матееви Стемпковскому, подстаростему, Остафиеви Еловичу Малинъскому, судьи, а пану Войтеху Станишевскому, писарови, урядникомъ судовымъ кгродскимъ Луцкимъ, очевисто, при суженю и отправованю справъ въ замку господарскимъ Луцкимъ, в рочки сии вышей помененныи, который то листъ напоминалный оринналъ самый подъ печатми ихъ милости пана Федора Чапълича Шпановского, судьи, а Ивана Хренъницкого, подсудка, такъ тежъ и съ подписомъ руки его милости пана Михайла Гулевича Воютинского, писаря земского Луцкого, а то абы его милость самъ панъ староста Луцкий екзекуцые жадное на велебного въ Бозе его милости отцу Гедеону Болобану, архимандрыту Жидичинъскому, и на маетностяхъ его чинити задержалсе, не чинилъ, такъ же и урядови своему кгродскому Луцкому чинити заказалъ и заборонилъ, а то ажъ до розсудку его королевскои милости въ той справе, для певныхъ и слушныхъ причинъ, въ томъ листе отъ суду земского Луцкого вынесеного и черезъ мене перепись з него в замку у ворота брамные замковые его милости пану старосте воткненого и положеного описаными, а то меновите для тыхъ причинъ: першая, же тотъ поступокъ в неведомости его есть одержанъ в неналежномъ суде и отъ неналежного повода; другая, ижъ таковые поступки и баницни такъ двулетнею енералною лѣмѣтациею на сейме поднесеный або рачей завешоныи до сейму и до розсудку его королевскои милости суть; третяя, же рационе мале обтента сторону на сеймъ запозвано есть; четвертая, же его королевская милостб всѣмъ урядникомъ своимъ екъзекуциси тымъ же листомъ поднесенымъ той баницие моцю сеймовою важитися чинити заказати рачилъ, яко ширей и достаточней на томъ листе напоминалномъ и на тыхъ конѣяхъ з него переписаныхъ есть певные причины описаны и доложоны; с которого то перепису с того листу напоминалного кгдымъ ихъ милости паномъ судовымъ вышей помененнымъ при суженю справъ очевисто давалъ, взяти его не хотели, поведаючи, же не намъ то, але его милости пану старосте тотъ листъ напоминалный аболи перепись зъ него належитъ. И просилъ, абы тое очевистое сознане его, до книгъ

кгродскихъ Луцкихъ принявши, записати есьмо казали; што мы записати есьмо казали.

Книга гродская Луцкая 1600 года, № 2111, л. 178.

CXX.

Жалоба вознаго Исакія Долматскаго о томъ, что когда онъ, по приказанію уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя, отправился въ церковь св. Василія въ г. Владимірѣ, чтобы привести къ митрополиту тамошняго священника, осмѣлившагося вопреки церковному его отлученію совершать богослуженіе, то прихожане тамошней церкви, мѣщане Владимірскіе, жестоко избили и ранили его и заперли въ притворѣ церковномъ. Донесенія возныхъ, свидѣтельствовавшихъ раны п. Долматскаго. 1601 года, генваря 5.

Року Божего нароженья тисеча шестъсотъ первого, месеца генъвара пятого дня.

На уряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Володимерском, передо мною Григоремъ Обухом Восчатинским, на местцу врядовом от его милости князя Матуша Збаразского, столника Киевского, подстаростего Володимерского, будучим, постановившисе обличне панъ Исакий Долмацкий, енерал, оповедал и протестовалсе на месчан его королевское милости Володимерских, Ивана Кушнера, Миска, пасынка Коминчина, и Войну: иж дей року нинешнего тисеча шестсот первого, месеца генвара пятого дня, на завтрее по Божомъ Нароженю, святе руском, кгды едучи до пана Андрия Дахновича в потребахъ моих ступил до церкви мурованое святого Василя на Михайловцы у Володимери, за ужитемъ в Бозе велебного его милости отца Ипатия Потея, архиепископа, митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, владыки Володимерского, с посланцемъ его милости отцемъ дъяконом, кото-

рого был послал там до тое церкви его милость отец митрополит по попа Василевского, крылошанина Володимерского, который, будучи заклятым, смил и поважилсе в той церкви отправоватъ ютрене и службу божую, абы пред его милостъю, яко епископомъ своимъ, станул и о собе справу дал, тогды скоро тамъ до церкви Василевское отец дякон, посланый от его милости отца митрополита, вшол и оному попу заразъ до его милости ити росказал; а кгды доброволне пойти не хотелъ, взявши его за руку, в уборе поповскомъ, яко его застал, до его милости отца митрополита повел, жадное се речи не тыкаючи. Тые то пречечоные мещане Володимерские, яко принципалове, маючи собе помочниками подданъных их милости пана Андрея и пана Александра Загоровских, при той церкви мешкаючих, Тимоша Седелника, Нестера Волоса, Богдана и иншых немало людей, которых они сами лепей знают, имена и прозвиска ведают, не маючи до мене, человека спокойного, покоем посполитым безпеченого, им ничого невинного, жадное слушное причины, перед самою церковю на цвинтару кгвалтовне обурившисе на мене словы неучтивыми, збили, змордовали и мало на том маючи до тоеж церкви Василевское збитого, зкрываветого, бы якого злочинцу, всадили и замкомъ замкнули, там же коня моего з седлом, который ме коштовал чотыри копы грошей, а седло з войлоком чотыри золотых полскихъ, взяли и пограбили и, яко маю ведомостъ, до его милости пана Александра Загоровского до Хорова отослали, дому Божому и мъне кгъвалътъ учинили. И просил, абы тое оповеданъе его принявши, оному возных на огледане ранъ его придалъ, на штом я придал ему возных Михайла Шабана Гноенского а Щасного Злобоцкого, которые на той справе бывши, дня на дате вышей описаного обличне передо мною на вряде ставши, до книг кгродских сознали тыми словы: иж дей року нинешнего тисеча шестсотного першого, месеца генвара пятого дня, маючи при собе стороною шляхту людей добрых, пана Щасного Рымшу а пана Якуба Рабинского, за оказанемъ пана Долмацкого, видили есмо хрыбет синий, спухлый, голову на левомъ рогу пробитую до крве, а на носи рану крывавую на левой стороне, и засталисмы оного замкненого у церкви светого Василя, которое збитье свое и осажене до везеня в церковъ менил собе быти панъ Долмацкий от мещан Володимерскихъ. А такъ я протестацыи пана Долматского

и сознане возныхъ принявши, до книг кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ.

Книга гродская Владимірская 1601 года, № 957, листъ 1.

CXXI.

Жалоба уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя на мѣщанъ Владимірскихъ, прихожанъ церкви св. Василія, о томъ, что они, по случаю взятія съ церкви ихъ священника Мартина и увода его къ митрополиту для разстриженія, ударили въ набатъ, жестоко избили присутствовавшаго при томъ вознаго Исакія Долматскаго и заперли его въ церкви. Прибытіе къ этой церкви самого митрополита и церемонія выноса имъ св. даровъ и антиминса. Донесеніе обо всемъ этомъ возныхъ. Жалоба Потѣя о томъ, что означенный священникъ Мартинъ и послѣ своего разстриженія продолжаетъ совершать христіанскія требы у православныхъ мѣщанъ. 1601 года, генваря 5.

Року 1601, месеца генвара шостого дня.

Приходили на вряд кгродский, в замок его королевское милости Володимерский, до мене Григоря Обуха Восчатинского, наместника подстароства Володимерского, возные енералове, шляхетные Михайло Гноенский а Щасный Злобоцкий именем в Бозе велебного его милости отца Адама (sic!) Потея, архиепископа, митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, епископа Володимерского и Берестейского, подали протестацию его милости противко никоторых мещан Володимерских, полским писмомъ писаную, при которой и зезнане тых же возных в той справе, просечи, абы принята и до книг вписана была, которая так се в собе мает: „Пане милый, уряде кгродский Володимерский! Вашей милости оповядам жал и деспектъ великий, не тылко особы и уряду моего духовного, але и желживостъ и спрофановане и кгвалт, который се стал церкви Божой заложеня светого Василя, на предместъю Володимерскомъ, од никоторых злых и незбожных людей, мещан его королев-

ское милости а подданых пана Андрия и Александра Загоровских, а то се стало тымъ способом: Попъ Марцинъ тое церкви Василевское за никоторые ексцесы свое лотровские был одъ мене заклятый, который, не дбаючи на звирхностъ духовную и будучи под послушенством моим аж до того часу, на взгарду юрисдиции моей духовной, в небытности моей у Володимери, смел справы духовные, будучи заклятым, упорне одправовати, якож и тепер, за приеханемъ моимъ до Володимера, тут под боком моимъ на болшую згарду мою тие се смял важити, которого злосливый упор я видечи, не хотил тои своиволи погамовати, дня вчорашнего на казанъю сам усты своими оголосилом и декградации винного бытъ, ведле канонов церковных осудивши, обволалемъ. Который попъ и на тое обволане мое кгды не дбал, але в той церкви светого Василя при зебранъю множества людей кгды завтрыдню тепер отправовал, послалем по него духовную особу дякона мого дворного с килку слуг, росказуючи ему, абы до мене пришол; там же, кгды не хотел ити, тот мой дякон, взявши его за руку, привел его до мене на болшое свядецство упору его в патрахелю, то естъ в стуле. А в тым, кгды дяконъ мой проводилъ того попа до мене, подданые короля его милости Володимерские: Миско Коминъка, Кушнер, Война, машталир змарлого пана Загоровского, который тепер мешкает в месте, Федко Швец, Мыдлик, Иван Кушнир, а подданые панов Загоровских: Тимош Седляр, Волос и Нестер з ыншими поддаными пановъ Загоровских и з ыншими помочъниками своими, которых они лепей знают, ударили в звонъ на кгвалт и седицию великую и розрух межи людми хрестянскими, наболшей в тот час, коли люде набожества заживали, учинили, а не могучи се пуститъ над дякономъ моимъ, бо юж был с попомъ ушол, возного тутошнего Сака Долмацкого, который, едучи в дорогу до пана Дахновича, заяхал был там до тое церкви, а видячи тую их седицию, кгды их почал гамоват, абы противко звирхности духовной невинне не бурилисе и розруху межи людми не чинили, они порвавши его на цминтару збили и стлукли и до церкви моцю, кгвалтом уволокли и там оним двери зачинивши и с церкви Божое темницю людскую и катушу уделали и тым кгвалтомъ и вязенемъ чоловека невинного церков Божую зкгвалтили и спрофановали. Што кгды моей вядомости дошло, я, почуваючисе повинности моеи, иж то не кому

иному, але моей особе належит утцтивости церкви Божое постерегать, взявши од вашей милости двох енералов возных, то есть пана Михайла Гноенского а пана Щасного Злобоцкого, маючи теж при собе веле зацных людей, кнежат и панят, шолемъ до тои церкви светого Василя и такомъ нашол, яко ми справу дано; а видячи двери не тылко замком замкненые, але и прибоемъ в ретяз забили, пыталемсе о ключах, абы ми яко епискупови до церкви отвороно. Нашедши там немалую громаду хлопъства, так мещан его королевское милости, яко и подданых панов Загоровских, которые были тую церков, якобы катушу якую, оступили, а слышачи там бытъ завартого чоловека невинного, збитого и змордованого, болшей такой соромоты и желживости церкви Божое не могучи терпити, отбилом замокъ, оповедивши и осветчивши вознымъ и стороною, иж я не по тое тут пришолъ, абым мял чловека збитого и невинного вызволити, але по тое, абы тая церков Божая и святостъ пренасвятшая в таком обелженю и спрофанованю не были болшъ. Вшедшим там до церкви тылко сам один с тыми двема енералми, взялом з олтара с пушкою сакрамента пренасвятъшого и антимис, то естъ портацил, абы уже в той церкви, яко спрофанованой и зквалчоной, хвала Божа ни от кого не отправовалася, поки бы знову посвецене ей не сталося. Яко тое все, што ся дѣяло, панове енералове перед урядом вашей милости зознати готовы."—Которые то преречоные возные, з уряду приданые, обличне ставши на уряде нинешнимъ, явне и доброволне зезнали в тые слова: иж року тисеча шестсотъном першом, дня пятого генвара, были есмо при его милости освецоном и велебном в Бозе пану, пану Ипатею, архиепископе, митрополите Киевском и всеи Руси, епископе Володимерском, в церкви святого Василя, на передмести Володимерскомъ, где его милостъ оповядалъ и святчил нам возным, иж до тое церкви не для чого иншого, толко маючи справу о спрофанованю оное церкви всаженемъ до неи и замъкненемъ чоловека невинного, збитого и скрвавеного, возного Исакия Долмацкого, пришол, абы з неи светое секрамента взял; якож его милостъ самъ з нами тылко двема возными в тую церковъ ушол, где есмо и возного там усажоного, збитого застали, и взявши секрамента светые и антимис з великою уцтивостъю, а ничого иншого не тыкаючисе, с тои церкв проч одшол.—„К тому и то теж вашей милости оповядам: иж тот

поп Василевский Мартин, юж, по декградацией своей, колим его сего дня при зобраню много людей хрестянских, яко кгвалтовника закону Божого и канонов костелных, с церемониею звыклою с поповства зложил, а потом, межи светские станы оного поличивши, доброволне выпустил, а не караючи его каранемъ свецким, розумеючи, же на том мял мети досыт, а толи тот злый человекъ на болшую взгарду церкви Божое и звирхности духовное, не боячисе а ни пана Бога, а ни жадное звирхности од него постановленое, горде и своволне дня теперешнего смял, яко ми справу дано, у мещанина одного дитя хрыстит и тым се упорне хлюбиц, же того декградованя за ничого собе не мает и вси справы духовные предсе одправоватъ мает волю; мне теж неякъ, одно оповедивши то урядови вашей милости, ознаймит его королевской милости, яко пану звирхному, помазанцови Божому и оборонци церков Божих. Писан у Володимери, року тисеча шестсотного, месеца генвара пятого дня, а ведле старого календара на завтрие по Божомъ Нароженю.“ —А так я тую протестацию его милости отца архиепископа и зезнане возных помененых до книг кгродскихъ Володимерских записатъ казалъ, што естъ записано.

Книга гродск. Владимір. 1601 года, № 957, листъ 2.

CXXII.

Жалоба пановъ Андрея и Александра Загоровскихъ о томъ, что уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй, приславъ вооруженныхъ своихъ слугъ въ церковь св. Василія въ г. Владимірѣ, велѣлъ имъ схватить и привести къ нему служившаго тамъ священника Мартина, послѣ чего онъ нанесъ послѣднему побои и подвергъ его разстриженію, а затѣмъ насильно ворвался въ означенную церковь и унесъ оттуда св. дары и антиминсъ. 1601 года, генваря 9.

Року 1601, месеца генвара 9 дня.

Што первей сего року теперешнего тисеча шестсотного першого, месеца генвара шостого дня, писали и присылали их милости панове

Андрей и Александер Загоровские до мене Григоря Обуха Вощатинского, наместника подстароства Володимерского, на вряд кгродский Володимерский служебника своего, пана Филипа Черница, протестуючисе и оповедаючи на велебного в Бозе Ипатея Потея, владыку Володимерского и Берестейского и митрополита Киевского, в тые слова: иж он року теперешънего, часу и дня недавно минулого дня четъвертого месеца генвара, кгвалтечи покой посполитый и церковный, в ночи передо днемъ, могло быти годин с чотыри до дня, назавтрее Рожества Христова, водле календару старого, наслал кгвалтовне на церков нашу в месте Володимерском будучую заложенья светого Василя о двадцат особъ людей с пулгаками и вшелякимъ оружемъ, войне належачим, слугъ своих, учинивши и придавши до того помочъника Исака Долмацкого, тому то помененому отцю владыце добре знаемых, имены и назвиски ведомых, которые, впадши до церкви з окриком великим, застали там священника и слугу нашого духовного Мартина у алтаря завтредню водле уставы и трибу давного отправуючого, оного з уберу свесченического ошарпавши, одно с петрахилемъ порвали и до помененого отца владыки, яко злочинцу одного, привели до церкви великое соборное до замочку; которому, обачивши его, отец владыка рек: хвала Богу, поведа, же ми есте его привели! и знакъ того стула на шии. Который то священник нашъ поведил ему на то: „жем никому невинен и не украл ничого.“ Пан владыка ему на то рек: „не справься, нецното!“ И за тым ему у губу дал и оного роскрывавил. Еще се тым не контентуючи, але ку болшому нашому деспекту и желживости, казал его убърати у стихар и в ризы и в вес убор поповский и келих казал ему в руки дати, а самъ отец владыка вступил на албон, а того священника нашого казал дияконови перед себе привесты и той убор и речи священические от него самъ отобрал, и взявши ножици, голову на чотыри стороны сам стрыг, а потомъ балвирчикови на то приспособленому стрычи казал и всю голову оному острыжоно. При котором насланю и найштъю на церков нашу помененую подданые и мещане наши Василевские и иншие, которые слухали слова Божого у завтредни, того то Исака Долмацкого, яко кгвалтовника церкви Божое и взрушителя покою посполитого, поймали и там же в той церкви замкнули, и коня шерстъю мышатого з седломъ и з уздою пойма-

ли; то пакъ доведавшисе помененый отец владыка о томъ, не контентуючисе таким учинком, уже пополненым, але самъ особою своею, с приятелями и з жолнирми и слугами своими и великою громадою людей, ему самому имены и назвиски ведомых, праве могло быть третси годины на ден того ж дня, умыслне, кгвалт кгвалтови стосуючи, на тую ж церков нашедши, замок одбит до церкви казал, того то кгвалтовника помененого, через него первей насланого, у церкви взял, антимис з олтаря и агнец взял. Который то священник нашъ стамтолъ от отца владыки ушедши до замку его королевское милости для спокойнешого перемешканя и для безпеченства здоровя своего, тамъ мешкалъ. Яко ж и того коня помененого на вряд отдал, которого засъ з уряду выручил и на рукоемство взял, оферуючи се его ставитъ, кгды того час будет.“ И просил помененый служебник о придане возного на освятченъе и огледане тых знаков и кгвалту. Я ему на то возного шляхетного Щасного Злобоцкого придал, который ставши, в тыеж слова сознал и тое протестации помененое потвердил, же то так а не иначей было и нимъ естъ обведено.—Которая то протестация до книг принята и записана естъ.

Книга гродская Владимiрская 1601 года, № 957, листъ 6.

Примѣч. Документъ этотъ, напечатанный уже въ Вѣстникѣ Юго-зап. Россiи и отсюда перепечатанный во 2 т. Актовъ Ю. и З. Р., помѣщается здѣсь отчасти въ виду большей исправности его текста, главнымъ же образомъ по его близкой связи съ цѣлой серiей другихъ документовъ, относящихся къ тому же происшествiю.

CXXIII.

Позовъ на судъ сеймовый епископа Кирилла Терлецкаго по жалобѣ архимандрита Жидичинскаго Гедеона Балабана о наѣздѣ на Жидичинскій монастырь и грабежѣ. 1601 года, генваря 30.

Жикгимонтъ Третий, з ласки Божое корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянткий и Готский, Вандалский, дедичный королъ.

Тобе велебному отцу Кирилу Терлецкому, владыце Луцкому и Острозкому, екзарсе, з особы и зо всѣхъ добръ твоих шляхетскихъ приказуемъ верности твоей, абы верностъ твоя перед нами и паны рады нашими на сейме валномъ близко пришломъ Варшавскомъ, который в року тисеча шестъсотного первого, месяца генваря тридцатого дня припадает, яко на року завитомъ стал на жалобу и правное попиране в Бозе велебного отца Гедеона Балабана, архимандрита Жидичинского, который на вас зо всею капитулою монастыря Жидичинского жалует и тым позвом позывает о то, иж верностъ твоя, препомневши боязни Божое, срокгости права посполитого и пристойности стану твоего духовного, часу недавного в року тисяча пятсот деветдесят семого, месяца августа з двадцатого на двадцат первый денъ, з середы на четвергъ, способивши собе перед тымъ килка дней помочниковъ, бояр и иных людей немало, с которыми он волное право в цалости заховует собе, и взявши порозумене з ними, ополночи збройно, пулгачно, якобы до войны, и в манастыр Жидичинский на дом его власный, от нас ему данный, в которомъ онъ спокойне и ниотколъ ничого ся не обавляючи мешкал, кгвалтовне, неотповедне, але обычаемъ тиранскимъ наехал, оного замордовати и маетности его власную и манастырскую побрати казал и самъ побрал, якож преречоного велебного отца Гедиона Балабана, архимандрита Жидичинского, с пулгаку в ногу левую ниже колѣна пострелил и слугу его Григория Ступницкого в руку правую также с пулгаку пострелили и инших не мало поранили, оного от дня двадцатого першого аж до двадцатого пятого августа в манастыру з гостми, з слугами в облеженю держалъ, кгвалты манастырови, церкви

ку службе Божой назначоной чинил, дверѣ повырубовавши, церковные скарбы—золото, серебро, книги, образы оправные, свѣчи великие и малые побрали и так власне, якобы неприятели крижа святого, церковъ святую скривавивши, зкгвалтилес и спустошил; недосыт еще на томъ маючи, сторожа церковного на ймя Герасима Цегелниковича кгвалтомъ взявши и оного в руку ранили, по коморах и по схованях манастырских церковных, абы показовал, водили, а тые кгвалты чинячи, двери выдираючи с помочниками своими, рѣчи которые едно в церкви были, так его власные, як и церковные, побрал и полупилъ, а меновите: в покою пречоного Гедиона Балабана—шкатулу з готовыми пѣнязми, в которой было пятсот червоных золотых, монеты триста золотых и двадцат, а скринку чирвоную малiовану з листами, меновите з декретами трибуналскими, земскими, кгродскими, з мемрамами на моцы и на долги розных особь, и книг отеческих, которые мел на впокою своимъ, его власные, кромъ церковныхъ, то естъ меновите: книга першая Василия Великого, Григория Богослова, Иоана Златоустого, Маргарит, Апостолъ толковый, Евангилие учитилное, Правила апостолские и отеческие, библию друку Острозкого, Новый тастаменътъ, служебникъ оправный сребром, которыи то коштовали сто золотых и пятнадцат золотых полских; лыжок серебрных тузенъ, купленый за шестдесят золотыхъ полских, побрали и пограбили; шаблю з серебромъ с Турска оправную, за которую дано шестдесят золотыхъ полских, пулгаковъ десят з олстрами, с пороховницами, за шестъдесят золотых полских купленные; панцыровъ шестъ, за семдесят золотых купленные; шат брунатных фалендышовых пару, которые коштовали шестдесят золотых полскихъ; футро кунее за шестдесят золотых купленое; делѣя зеленая фалендышовая, лисами подшитая, которая коштовала сорок золотых полских; жупанъ канавацовый, делѣя кгранатовая дуплею подшитая, которые коштовали полтораста золотых полских; шлык мармурковый, за которого дано сорокъ золотых полских; делѣю шарую муравскую, лисами подшитую, и курта того ж сукна, которые коштовали тридцат золотых; жупанъ мухаировый чорный и плащъ фалендышовый чорный, которые коштовали сорок золотыхъ полских; жупанъ и чуга чорная фалендышовые того ж сукна и обране—тое все коштовало золотых тридцатъ; седел десят з волоками, з опончами, то все коштовало сорок

золотых полских; скур сафияновых жолтыхъ три, за пятнадцатъ золотых купленные; скура лосяя, за дванадцатъ золотых купленая; тлумоковъ пятъ купленыхъ, уздъ, кантаровъ осмъ, муништуковъ три—тое все куплено за осмъ золотыхъ полскихъ; шур чирвоный юхтовый на шестъ коней, з уздами, з лейцомъ, за пятнадцат золотых купленые; хустъ белых, кошул, полотна ткацкого, хустокъ з едъвабем, вышиваныхъ зъ золотомъ и белю, сервит и туваленъ, ручниковъ ткацких и простыхъ, обрусовъ узористыхъ и простых, простирал, пошовокъ,—тое коштовало пултораст.. золотых полских; коберцовъ осмъ чирвоныхъ, а чтыры белых, за которые дано золотых полтораста,—и иных речей домовыхъ немало побрали и пограбили; в спижарни однои муки, гороховъ, ягод, крупъ, мяс, масла и вси речи стравные побрали; а з дворца быдла рогатого воловъ шестнадцатъ, купленых по десяти золотых полскихъ, коровъ дванадцатъ, купленых по пяти золотыхъ полскихъ, овецъ на дворци пятдесятъ, а барановъ пятнадцат взяли; а в стайни манастырской коней три почтовых: одинъ тисавый цекелский, который коштовал сто таляровъ, другий карый, а третий гнедый,—тыи два куплены за сто золотых полских; возниковъ чтыры плеснивых, которые коштовали полтораста золотых полскихъ, котчий, купленый за золотыхъ пятнадцатъ, тое все побрали и пограбили и иншие шкоды немалые, кгвалты еси починил и так еси церковъ и домъ Божий ку хвале Божой и службе назначоный окривавилес, в которой ся через час не малый служба Божая не дѣяла и для того кгвалту не отправовала; о чомъ ширей протестация противко тобе и помочникомъ твоимъ, до котороесь пречечоный поводъ во всемъ реферуе, также и поступок правный, которымъ тебе о тыи пречечоные кгвалты до суду нашого земского Луцкого ку прислуханю шкрутиниумъ позывалъ и оную вывел, про то тебе тымъ позвомъ нашимъ перед нас и пановъ рад нашихъ, яко до суду належного, припозывает, прихиляючись до першого позву, которымес был перед нас на сеймъ прошлый в року тисеча шестсотний, месяца февраля девятого дня припадаючий, которая справа иж на тот час сужона не была, тепер тя до нас припозывает. А так абысь на року звышменованомъ, як на завитомъ стал и декрету, який в той справе будет учинен, прислухал и в том во всѣм пречечономъ велебному Гедиону Балабану усправедливил, што тобе на року

за тымъ позвомъ припалымъ словы ширей выведено и обяснено будет.

Писан в Луцку.

Михайло Гулевичъ Воютинский,

писарь.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинск. мон., хранящихся въ Коммиссіи, № 35.

CXXIV.

Вторичное заявленіе пана Ивана Терлецкаго о недѣйствительности поданныхъ имъ раньше на епископа Кирилла Терлецкаго жалобъ о неуплатѣ жалованья и побояхъ. Листъ короля къ старостѣ Луцкому съ приказаніемъ уничтожить въ книгахъ и самыя жалобы Ивана Терлецкаго. 1602 года, генваря 20.

Року тисеча шестъсотъ второго, месеца геньвара двадцатого дня.

Постановившисе очевисто передъ нами Матеемъ Стемпковскимъ, подстаростимъ, а Остафъемъ Еловичомъ Малинскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, въ рочки кгродские Луцкие, шляхетный панъ Иванъ Терлецкий, обыватель съ повету Перемыского, уряду тутошнему добре знаемый, явне оповедалъ и вызналъ тыми словы: ижъ онъ, будучи его милости отцу Кирилу Терлецкому, епископу Луцкому и Острозскому, ве крви повинънымъ и зъ давныхъ часовъ старожитный фамилии зъ одного дому, гербу и тытулу уживаючи съ продковъ своихъ а мешкаючи при его милости яко при старшомъ кревномъ своемъ часъ немалый, съ подущенья злыхъ людей въ тыхъ забуроныхъ часехъ неприятелъ его милости, которые мя до того радою своею привели, же его милость отецъ владыка до Риму ездилъ и веры своее якобы тымъ

отъступити мелъ, жебысьмы се за то всѣ повинности кревное зъ нимъ запрели, и съ того подущеня учиниломъ былъ протестацыи на тутешнемъ вряде кгродскомъ Луцкомъ року тисеча шестъсотного, месеца генвара двадцатъ третего дня, передъ буркграбимъ и наместникомъ на онъ часъ подстароства Луцкого паномъ Миколаемъ Чарноцкимъ, въ небытности его милости отца владыки, доброй славе его милости доткливые, давши причину въ той же тамъ протестации и его милости пану Ярошу Терлецкому, брату моему, невинне, чогомъ чинити надъ самую справедливость противко повинности кревной не мелъ, а ижъ безъ даня вшелякое причины его милости старшого кревного въ доме нашомъ не уважне и нерозсудне тыми протестациями въ невинности его милости образиломъ, поменивши на его милость отца владыку розные кривды и жали мое, которыхемъ никгды не мелъ, также незаплаченъе якобы мне обецаныхъ юркгелтовъ такъ пенязми, сукны, футры, яко при томъ о якоесь збите, ударенъе и ображенъе мое и о побранъе якобы маетности моее, о чомъ ширей тые протестацие и реляцыи возного въ собе и во всехъ своихъ артикулехъ и понктехъ обясняютъ. И такъ въ томъ противко его милости, за приводомъ неприятелскимъ, а наболшей зъ направы зошлого пана Боровицкого, войского Луцкого, и такъ въ томъ поступивши зъ направы ихъ, отъ его милости отца владыки се отдалилъ. О чомъ кгды скарга отъ его милости до иныхъ повинъныхъ нашихъ дошла, которые мя съ того всего карали, про то я, ижемъ то не самъ зъ себе, одно съ подущеня неприятелъ его милости, ку великому жалю и кривде таковые протестацые въ невинности его милости учинилъ, будучи того теперъ и самъ всего велце жалостенъ, а хотячи абы на потомные часы жадное моци, владзы и вырозуменъя правдивого во всихъ людехъ и у неприятель его милости не мели и за никчемные зостали, тымъ теперешнимъ правдивымъ и доброволнымъ сознанемъ моимъ тые протестации, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ черезъ мене вынесеные, яко никчемне укнованые, касую, умораю и оныхъ всихъ кондиций, артикуловъ, паракграфовъ и самое речи въ нихъ описаныхъ отступую и отступилъ есми, собе самому и потомству своему вечне до зновеня и верненъя се до нихъ и до иныхъ поступковъ правныхъ вшелякихъ дорогу завираю; якожъ за прозбою моею его королевская милость, панъ нашъ милостивый, и листъ свой господарский выдати ра-

чилъ до его милости пана старосъты Луцкого и до уряду его милости кгродского Луцкого, абы тые протестацые въ книгахъ кгродскихъ Луцкихъ вымазаны и выкасованы были. И тотъ листъ короля его милость панъ Терлецкий на вряде передъ нами самъ оказавши, просилъ, абы былъ до книгъ кгродскихъ Луцкихъ при томъ сознанъю его вписанъ, которого то листу его королевское милости огледавши, для вписанъя въ книги приняли есмо, и такъ се въ собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божю милостю королъ Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянтский и Шведский, Кгодский, Вандалский, дедичный королъ. Урожоному Миколаеви Семашкови на Хупкове, старосте нашому Луцкому, а въ небытности его урядови кгродскому Луцкому, верне намъ милому, ласка наша королевская. Урожоный верне намъ милый! Дано намъ справу, ижъ шляхетный Иванъ Терлецкий протестацию о неякое обелженъе и иные кривды, шкоды собе при томъ менуючи, противъ велебному отцу Кирилу Терлецкому, владыце Луцкому и Острозскому, также и шляхетному Ярошови Терлецкому, повиннымъ своимъ, въ кгроде Луцкомъ въ року тисеча шестъсотномъ, дня двадцатъ третего генвара, учинилъ и до книгъ вписать казалъ, которую то потомъ протестацыю тотъже Иванъ, очевисто передъ тыми жъ книгами ставши, касовалъ и вморилъ, за чимъ прошоно насъ, абы тое протестации жадная взмянка яко межи повинными у книгахъ не была, оную вымазатъ съ книгъ росказали. Мы тогды прозбе ихъ, яко слушной, прихиляючисе, а бачечи, же тотъ Иванъ тую протестацию квитомъ своимъ уморилъ, хочемы то мети и росказуемы, абы верность твоя, за показанъемъ того листу нашого, протестацию тую черезъ преречоного Ивана Терлецкого противъ велебному владыце и Ярошови Терлецкимъ учиненую съ книгъ кгродскихъ Луцкихъ вымазатъ росказалъ, такъ абы жадная взменка въ книгахъ напотомъ не была, што учинишъ верностъ твоя для ласки нашое и съ повинности своее. Писанъ у Вилни, року Божого нароженя тисеча шестъсотъ первого, месеца августа двадцатъ третего дня, панованя королевствъ нашихъ Полского четвертогонадцатъ, а Шведского осмого року. У того лысту печать коронная меншое канцелярии, а подписъ руки его королевское милости въ тые слова: Sigismundus rex. Casper Michałowsky. Котороежъ то зознане пана Терлецкого и листъ его ко-

ролевское милости увесь с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записатъ есмо казали.

Книга гродская Луцкая, 1602—1603 года, № 2113, листъ 24.

CXXV.

Судебное преніе между панами Загоровскими и уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Потѣемъ по дѣлу о насильственномъ вторженіи послѣдняго въ церковь св. Василія въ г. Владимірѣ, уводѣ и разстриженіи священника и выносѣ церковной святыни. Рѣшеніе суда. 1602 года, генваря 30.

Року тисеча шестъсотъ второго, месеца генвара тридцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ Володимерскихъ, в три недели по Трехъ Кролехъ, святе римскомъ, в року вышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Анъдреемъ Заленскимъ з Слубицъ, судею, а Григоремъ Киселемъ Низкиницъкимъ, подсудкомъ, врадниками судовыми земскими Володимерскими, постановившисе очевисто у суду, урожоные ихъ милости панове Андрей и Александеръ Загоровъские, через умоцованого своего пана Матыяша Иваницкого, давши сторону позваную его милость в Бозе велебного отца Ипатея Потея, митрополита Киевского, и капитулу церкви Володимерское ку праву через возного приволатъ, позовъ жалобы своее на позваныхъ выданый в суду покладали, который читанъ былъ и такъ се в собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божъю милостъю королъ Полский et cetera. Тобе в Бозе велебному отцу Ипатею Потею, митрополитови Киевскому, владыце Володимерскому и Берестейскому, и капитуле церкви соборной Володимерской заложенъя святое Пречистое, если бы есте до нижей помененого учинъку належали або належать хотели, з особъ и зо вшелякихъ добръ вашихъ лежачихъ и рухомыхъ приказуемъ, абы есте передъ судомъ нашимъ земскимъ Володимерскимъ на рокахъ судовыхъ, по Трехъ Кролехъ ве три недели припалыхъ, в року теперешъ-

нимъ, в замку Володимерскомъ завите обличне станули на жалобу врожоныхъ пана Андрея и пана Александра Загоровскихъ, которые вашу милость позываютъ о то, ижъ ваша милость, отче владыко, року прошлого, дня четвертого месеца генвара, кгвалтечи покой посполитый и церковный, в ночи, передо днемъ, могло годинъ бытъ чотыри до дня на завтрее Рожества Христова, водле календару старого, наславши кгвалтовне на церковъ ихъ, в месте Володимерскомъ будучую заложенья святого Василья о двадцатъ особъ людей с полгаками слугъ своихъ, вшелякимъ оружъемъ войне належачимъ вчинивши и придавши до них помочниковъ Исака Долмацъкого, вашей милости добре знаемыхъ, имена и назвиска ведомыхъ, которые, за насланемъ и волею и росказанемъ вашей милости, в церковъ впадши з крикомъ великимъ, застали тамъ свещеника у алтара, именемъ отца Мартияна, котрий завтредню, у волтара стоечы, водле уставы и трибу давнього, отправовалъ, оного з уберу свещенъского ошарпавши, оного с петрахилемъ порвали и до вашей милости, отче владыко, яко злоченъцу одного привели до церкви великое соборное, до замочку, которого обачивши ваша милостъ рекълъ: „фала Богу, же сте ми его привели и знакъ того стула на шии", и оного без вшелякое причины волосы оголилъ еси и барверъчикови потомъ казалъ голити, але еще надто и в губу поличокъ задалъ еси; а потомъ, не контентуючись еще тымъ, самъ еси особою своею, з жолнерми, которые на тотъ часъ у Володимери лежали, и з великою громадою людей, о године третей на денъ тогожъ дня, кгвалтъ ку кгвалтови стосуючи, ку болшому деспектови пановъ Загоровскихъ, на туюжъ церковъ еси нашолъ, замокъ отбилъ и двери выбити до церкви казалъ, и такъ вшедши в церковъ, антимисъ з олтара и агнецъ взялъ и потомъ его з собою взялъ, яко о томъ ширей протестацыя и обводъ возного урядовне учиненый светчитъ; за которимъ то таковымъ учинъкомъ у вины правные попалъ, зачимъ и фала Божия устала; свещеника мети не могутъ, до шкодъ еси их приправилъ, которых собе быти менятъ поднятых на пяти тисечей золотых полских, або пакъ яко суд нашъ скажетъ. А такъ абы еси сталъ и на то все, што тобе на року припаломъ задавано будетъ, судовне отповедалъ. Писанъ у Володимери, року Божого нароженья тисеча шестъсотъ первого, месеца декабра шостого дня.—А по вычитаню позву, сторона поводовая, доведши року

за позвомъ слушне зложонымъ, домавяласе, абы се позваный на позевъ справовалъ, вшелякие обороны правные и доводы вцале собе заховуючи. А от позваного его милости отца митрополита Киевъского, епископа Володимеръского, за моцю зуполною, шляхетный панъ Анъдрей Дахновичъ, озвавъшисе, впрод именемъ его милости протестовалсе на их милости пана Андрея и Александра Загоровскихъ о выдане позву ущипливого и о вызванъе имъ до права свецкого в справе суду духовному належачой, которы о то все, яко и о вины правные, противко ихъ милости правне поступоватъ не занехает. А потомъ, не вдаючи се з стороною в жадные контроверсые и учинку мниманого в позве описаного не признаваючи и овшемъ вшелякие обороны правные в суде той справе належномъ его милости вцале заховавши, толко для вынятя справы от суду неналежного, поведилъ, ижъ его милость отецъ митрополит форумъ в суде нинешнимъ земскимъ не маетъ, бо не естъ справа о жадные именя, а ни о кривду з ыменей походячую, а ни о шкоды жадные з кгрунту идучые, в чомъ тылко суд земский, водъле артыкулу второго в розделе четвертомъ, позвы выдавати и вшелякого стану люды судити моц мает, але естъ справа обвиненъя особы самое духовное в речахъ духовныхъ о скинене попа зъ стану его духовного и о взяте с церкви сакраментовъ насвятших. Которая справа, а ни взглядомъ особы его милости яко духовное, а ни взглядомъ того учинъку, судови жадному свецкому не належитъ; и яко нихто з особъ светскихъ до права духовного о речы светские позыванъ быти не может, такъ и духовная особа, не толко такъ зацъная, старъший в релеи руское, митрополит, але и найменших духовных в справе духовной жадному суду светскому не подлегает, указуючи з розделу третего артыкул двадцат шостый, ижъ што ку духовному праву належит и прислухати будет, то в духовномъ праве сужоно и справовано быти мает; до того указал с привилею Белского, датою року тисеча пятсот шестдесят четвертого, ижъ: „што се дотычет справъ и судовъ духовных, костеломъ Божимъ римского и кгрецъкого закону належачих, которые, водлугъ стародавного обычаю и наданю привилея продковъ наших господаръских, късенжи, бискупомъ, арцыбискупомъ, владыкомъ и их милости судови прислухаючих, то при моцы зоставуемы и заховуемы вечъными часы;“ и указовалъ тежъ привилей в Люблини в року тисеча пятсот

шестдесят девятомъ на унии даный, ижъ, водле привилеевъ давных и наданъя правъ и волностей, кождый во всимъ захованъ быти маетъ. Водле которих ясных о том правъ, ижъ естъ справа особе самой духовной в речах ясных духовных, повинности ураду его духовного належачих, задана, абы до суду духовного была одослана домавялсе и просилъ, далшее вшелякие доводы и отводы и обороны правные вцале заховуючы. А сторона поводовая выводила то и указовала, же форумъ естъ у суду нинешнего с тых причин: перваа, же право Волынское пер експресумъ естъ, же о речъ земъскую особа духовная в суде земскомъ справуетсе; а ижъ ту идет о наистъе на кгрунътъ и на церковъ шляхетскую, до которого владыка не мает ничого, теды се повинен справити; бо если до попа мел што, теды его поймал и остригал и яко розумел з нимъ поступовал, але по поймению поповъскомъ, што там мел знову чинит с такою купою людей служебных, жолнеровъ, которие на тот час у Володимеру лежали, способивши ихъ, на кгрунтъ шляхетский самому находити, двери до церкви, замокъ отбиватъ, подданых поводовых власныхъ там поблизу мешкаючих розганятъ! Поневажъ а ни попа южъ в той церкви не было, бо его поймал был и у себе мел. Другая, досыт учинено свежо конституцию о владыках, же се до успокоеня о веру не мели в жадную реч вступоватъ; а тут вже хот бы претекъстъ який ему зоставал до поповъ, теды, поки бы се не успокоило то стороны владыков и вери греческое, тогды не толко до добръ шляхецъкихъ, але и до поповъ ничого мети не мают и не мели. Третея, коли церковъ отецъ владыка одбивал, для чого самъ возного з собою мел? Знатъ, же забегал речом, хотечи се юстыфиковатъ, же ничого кгвалтовного не чинит; а пред се учинил, бо яко возный, такъ и отецъ владыка тамъ не мели ничого робитъ в добрахъ и церкви шляхецкое, а ни отътамътуль ничого брати, чого николи не надавал. Не чинят теды их милость панове Загоровъские о попа, а ни о кривду его, который уже умеръ, але чинят о найстъе добръ своих шляхетских, о што форумъ нигде инъдей, одно в суду нинешнемъ; што выведши, сторона поводовая домовяласе, абы позваного обороны, яко неправные, на сторону были одложоны, вшелякие инъшие обороны правные собе вцале заховуючи, а жадное не опущаючи. А пречечоный умоцованый стороны позваное, не в обычай контроверсыи

якое, але толко для зрозуменя судови, поведил: ижъ прилученье и придане непотребное особъ свецких, которых яко бы в той справе духовной особа духовная ку помочи заживати мела, форумъ жадного в суде неналежъномъ особе духовной учинити не можетъ, бо не онымъ свецким особом, але духовной самой особе справа естъ задана, который нигде инъдей того справовати се неповинен, толко в суде той справе належномъ, духовномъ. До того жадные рацые поводовое стороны противко ясному праву на неналежностъ суду свецъкому особе и справе духовной достаточне показанымъ примованы быти не могут, которыми толко поводове, права жадного по собе не маючи, належностъ суду выгравати хочут, што бытъ не может, бо право тамъ рацыи потребует, в чомъ описанъя власного в собе не мает; але ижъ се то ясне вывело и с права посполитого оказало, же особа духовная в справе духовной, дотыкаючийсе имений и кривдъ з кгрунтовъ духовных походячих, судови свецъкому жадному не подлегает, але належностъ свою власную в суде духовном мает, для того абы непотребные и неважъные неправные выводы стороны поводовое на сторону были отложоны и тая справа до суду належного духовного была отослана, домавялсе и просил. Суд нинешъний земский Володимерский, прислухавши се контроверсыям обудвух сторон, а видечи з позву, ижъ тая кривда од особы духовное церкви и обрядом церковным, яко сторона поводовая менит, стала се, до того припатрившисе праву посполитому от позваного показованому, форум в той справе у суду своего не узнавает и позваного от року волным чинит. А сторона поводовая от того декрету до суду трибуналского апелевал; суд ему тое апеляцыи допустивши, рокъ обудвум сторонам перед судом головнымъ трибуналскимъ в Люблини в тот час, кгды справы воеводства Волынского порядком инших воеводствъ напервей по дате сего декрету сужоны будут, становитисе зложил и тым декретом складает. И то все для памети до книгъ справъ судовых земских Володимерских естъ записано.

Книга земская Владимірская 1602 года, № 1185, листъ 18 на оборотѣ.

CXXVI.

Судебное преніе между панами Загоровскими и вознымъ Исакіемъ Долмацкимъ, обвиняемымъ въ нападеніи совмѣстно съ уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Потѣемъ на церковь св. Василія въ г. Владимірѣ и арестѣ священника. 1602 года, генваря 30.

Року тисеча шестсот второго, месеца генвара тридцатого дня.

На роках судовых земских Володимерских, ве три недели по Трех Кролех, святе римскомъ, в року теперешним вышъ менованомъ припалых и судовне отправованых, перед нами Андреемъ Заленскимъ з Слубице, судъею, а Григоремъ Киселемъ Низкиницъкимъ, подсудком, врадниками судовыми земскими Володимерскими, ставши очевисто у суду урожоные их милости панове Андрей и Александеръ Загоровские, через умоцованого своего пана Матыяша Иваницкого, давши сторону позваную шляхетного Исакия Долмацкого, возного енерала, ку праву через возного приволатъ, позов жалобы своее на позваного выданый в суду покладали, который читан был и так се в собе мает: Жикгимонтъ Третий, Божъю милостъю корол Полский. Тобе Исакию Долмацъкому, возному повету Володимерского, яко помочникови учинъку нижей помененого, з особы и зо вшелякихъ добръ твоихъ рухомых и лежачих и з ураду твоего приказуемъ, абыс перед судом тамошним земъским Володимерским на роках судовых по Трех Кролех, римскомъ святе, во три недели припадаючих, в року пришлом шестсотъ второмъ в замъку Володимерском завите и обличне станулъ на жалобу и правное попиранъе урожоных пана Андрея и пана Александра Загоровъских, которые тебе позывают о то, ижъ ты року прошлого, часу и дня певного, месеца генвара четвертого дня, в року прошлом шестсотъ первомъ, кгвалтечи покой посполитый и церковный, учинивши се ты помочникомъ отцу владыце Володимерскому, в ночы, пред днемъ, могло годин быть с чотыри до дня, назавтрее Рожества Христова, водле календару старого, нашедши кгвалтовне на церковъ их милостей в Володимери будучую заложене светого Василя и маючи з собою о двадцат особъ людей с полгаками, слугъ владычих, такъ же

дей впадши есте в церковъ з окрикомъ великимъ, застали есте тамъ свещеника у волтара именем отца Мартияна, который завтредню, у волтара стоечы, водле уставу и трибу давного, отправовал, оного з уберу свещенъского ошарпавши, одно с петрахилемъ порвали и до отца владыки яко злочинъцу одного привели до церкви великое соборное, до замочку, и знакъ того стула на шии, а потом, не контентуючис тым, еще нашол еси самъ особою своею и з жолнерами, которые на тот час у Володимири лежали, и з великою громадою людей, о године третей на ден тогож дня, кгвалтъ ку кгвалтови стосуючи, ку болшому деспектови пановъ Загоровских, на туюж церковъ еси нашол, замокъ отбили и двери вырубали; яко ширей протестацыя и обвод возного урадовне учиненый осветчает; за которым таковым учипком твоимъ въ вины правные попал еси, зачим и фала Божая устала, свещеника мети не могут, до шкод еси их за тым приправил, которых собе быти менят поднятых на пят тисечей золотых полских, або такъ, яко суд нашъ вскажет. Абы еси стал, и на то все, што тобе на року припаломъ ширей задавано будет, отповедалъ. Писан у Володимери, року Божого нароженя тисеча шестсотъ первого, месеца декабра шостого дня.—А по вычитанъю позву, сторона поводовая, ведле року за позвомъ слушне зложоном, домавяла се, абы позвавый на позовъ справовал. А сторона позваная Исакий Долмацкий, будучи очевисто у суду, не вдаючи се в контроверсыю жадную з стороною поводовою, учинку жадного помощництва не признаваючи и овшем собе заховуючи собе на то вшелякие обороны правные вцале, поведил, ижъ тая справа судови нинешнему не належит, зачим и сам форумъ не мает, або вем ест задана справа принцыпалитер особе духовной в речах духовных, которому особы его духовной и той справе духовной належности в суде чиненемъ не узнано, зачим и с позву моего, ижъ се справа духовенству належная оказала, узнавана в суде свецком быти не может, кгдыж фунъдамент и початокъ свой тая справа мает з обвиненя особы духовное, для того тежъ розделена а ни порозну узнавана не можетъ бытъ. И просил, абы суд, належностъ справы не узнавши, оного от позву и року волным учинил, вшелякие обороны, доводы и отводы правные в зуполной моцы собе заховавши. А сторона поводова выводила то и оказовала, же а ни суспенсыя, а ни екъсцепцыя фори позваного поткать

не может, бо возный не мел на церковъ находитъ, а ни того владыце помагать, бо возный толко на речи крвавые оглядывать, пры уряде ездити, позвы носити, аресты вкладати и иншие повинности, в праве описаные, повиненъ полнити, але никого не наеждзать, а ни добръ шляхетскихъ без декрету кгвалтомъ брать; але владыкове мают своих возных дяконовъ: с тыми повинни справы свое духовные отправоватъ. Просили теды, выведши то, поводове, абы тая ексцепцыя стороны позваное не вспомагала, але абы се директе справил, вшелякие обороны правные вцале заховуючи, а жадное не опущаючи. Суд нинешний земъский Володимерский, вырозумевши добре в той справе, а видечи, иж идет о кгвалтъ и кривду церкви шляхецкое а з особою свецкою, пре то форум в той справе тут узнаваетъ и позваному поступовати наказует. А сторона позваная от того декрету до суду головного трибуналского апелевалъ; суд ему тое апеляцыи допустивши, рок обеюм сторонам перед судомъ головнымъ трибуналскимъ в Люблини в тот час, кгды справы воеводства Волынского порядком иншихъ воеводствъ на первей по дате сего декрету сужоны будут, становитисе зложил и тым декретом складает. И то все для памети до книгъ справъ судовых земских Володимерских естъ записано.

Книга земская Владимірская 1602 года, № 1185, листъ 23.

CXXVII.

Протестъ Станислава Кандыбы, писаря гродскаго Владимірскаго и слуги князя Константина Острожскаго, противъ пана Андрея Дахновича, который, бывши предъ тѣмъ слугою того же князя Острожскаго и будучи посвященъ во всѣ сокровенные замыслы православныхъ въ ихъ борьбѣ съ уніатами, тайно оставивъ князя Острожскаго, перешелъ на службу къ митрополиту Ипатію Потѣю и осмѣлился выступить публично защитникомъ послѣдняго въ процессѣ съ нимъ пановъ Загоровскихъ о нападеніи на православную церковь и разстриженіи священника. 1602 года, генваря 31.

Року тисеча шестсот второго, месеца генвара тридцат первого дня.

На рокахъ судовых земъских Володимерскихъ, у три недели по Трех Кролех, римъском святе, в року вышей написаномъ припалых и сужоных, перед нами Андреем Заленским з Слубицъ, судею, Григоремъ Киселемъ Низкиницкимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Володимерскими, постановившисе очевисто у суду, урожоный панъ Станислав Кандыба Проишин, писар кгродъский Володимерский и слуга ясне освецоного пана Констентина княжати Острозского, воеводы Киевского, маршалка земъли Волынское, старосты Володимерского, оповедал: „ижъ дей дня вчорашнего, месеца генвара тридцатого дня, быломъ у суде вашей милости, кгды се приточила справа их милости пана Андрея и пана Александра Загоровских за позвомъ в жалобе их милости по велебного его милость отъца Ипатея, митрополита Киевского, епископа Володимерского и Берестейского, выданымъ о найстье кгвалътовъное на церковъ их милости, в месте Володимерскомъ лежачое, заложенье светого Василя, о взятъе отъ олтара у завтредни свесченъника и взятъе святостей церковныхъ, антимиса и агнца, яко то ширей жалоба Загоровских в том позве доложона естъ. Там же, кгды его милость панъ Янъ Потей обмову на позовъ пановъ Загоровских у суду чинилъ, выводячи и указуючи невинность его милости пана отъца своего, поведил, же в далшомъ поступъку обороны правные поручил его милость панъ отецъ мой слузе своему, пану Андрею Дахновичу, который правне его милости боронитъ будетъ. Тогды помененый панъ писаръ, хотечи мети певне ведомость: естъ ли же панъ Дахновичъ

слугою его милости отъца митрополита Киевского, заразом у суду урядовне пытал пана Дахновича по три кротъ: „естъ ли бы до его милости пана митрополита за слугу пристал и его милости служил?“ Который явне и доброволне признался, же его милости пану Ипатиеви, митрополиту Киевскому, служить и добра певные церковные, собе от его милости в заслугу даные, держитъ. За которымъ признанемъ его панъ Кандыба нами врядом и возными публице светчил, а именемъ его милости пана воеводы Киевского, пана своего, яко слуга, оповедал и протестовалъсе: „же панъ Андрей Дахновичъ, не вемъ яким умысломъ будучи уведеный, до его княжецкой милости приставши и будучи слугою рукоданым, ведал то, же не толко его княжацкая милостъ, але и все хрестиянство веры и послушенства церкви восточное мают контроверсию и затяг немалый зъ его милостю паном митрополитомъ и всѣми тыми, которые, отлучившисе от церкви восточное, до костела заходного римского прилучилисе и послушенство отдали, и справы в той контроверсии собе уфне звероные пребравши а препомневши пристойности своее, цноты и вери, которую каждый слуга пану своему заховатъ повинен, важилсе до стороны противное се прилучити, а не отставши и пожекгнавши его княжецкую милостъ пана своего, которому руководанемъ веру держатъ шлюбил, до его милости пана митрополита се удал и слугою рукодайным и контроверсию въ его справе противъ пановъ Загоровских вносит, которая и его княжецкой милости и всѣм при послушенстве церкви восходное статечне стоячым заходит, вносити важилсе, ку уближеню процесу сторон укревжоных в справе розрозненя в релии и отданя послушенства костелови римскому через певные особы, а на завстыдане за таковый учинокъ его нас всѣх слуг его княжецкой милости, который есми николи с таковою ганбою и подезранемъ товариства межи собою до сего часу не узнали; о што се повторе и потрете соленитер сведъчилъ, поступокъ вшелякий его княжецкой милости, яко пану з слугою рукодайным, и кождому хто бы о то чинити хотел, волный заховуючи. Просил, абы тая протестацыя его до книг принята и записана была; што уряд мы принявши, до книг нинешних земских Володимерскихъ записати казали.

Книга земская Владимірская 1602 года, № 1185, листъ 79.

CXXVIII.

Жалоба отъ имени митрополита Ипатія Потѣя о томъ, что панъ Бенедиктъ Гулевичъ приказалъ своимъ слугамъ посрывать прибитые къ стѣнамъ Владимірской ратуши митрополичьи универсалы о низложеніи и выволаніи архимандрита Супрасльскаго Иларіона Масальскаго. 1602 года, марта 22.

Року 1602, мѣсеца марца двадцатъ вторый день.

Пришедши на врядъ кгродский, в замокъ его королевское милости Володимерский, до мене Григоря Обуха Восчатинского, наместника подстароства Володимерского, служебникъ в Бозе освецоного его милости отца пана Ипатея Потея, з ласки Божое архиепископа Киевского, Галицкого и всея Русии, прототрония, владыки Володимерского и Берестейского, архимандрыта Печерского, шляхетный панъ Павелъ Шинский именемъ впрод речоного его милости пана своего оповедалъ и протестовалъся противко урожоному пану Бенедикту Гулевичу о то, ижъ онъ, легце собе поваживши звирхностъ его королевское милости, срокгостъ права посполитого и вины в немъ на такихъ противнихъ описаные, дня сегоднешнего вышъ помененого в року теперешнемъ, кгды его милостъ отецъ архиепископъ, яко пастыръ звирхний, духовенству и всимъ людемъ до ведомости приводячи Лаврина Масалского, банита, который вже давно через листъ его королевское милости за певные выступки его противко звирхности пастырской и за непослушенъство его королевское милости выволанъ и от уряду тутошнего публикованъ естъ, з належности своее пастырское духовное свое универсалы выдатъ и на местъцахъ звыклыхъ, абы о томъ ведомостъ кождый мелъ, поприбияти росказалъ, то пакъ панъ Гулевичъ, тому всему противенъ будучи, а снать помочъ якую в томъ оному банитови Лаврынови Масалскому учинитъ хотечи, тые листы або универсалы поприбияные, а меновите у ратуша тутошнего, заразъ в той же године, есче при томъ же слузе его милости, слугамъ своимъ оддерати росказалъ и одердъралъ, чинечи то на взгарду звирхьности его королевское милости и его милости отца архиепископа пастырской, зачимъ у вины в праве посполитомъ о переховаnю и сполку з банитами уфаленое попалъ, о который целое чине-

не правомъ его милости отцу архиепископу и тому, кому бы то належало, заховавши, просилъ помененый панъ Шинский, абы тое светчене его до книгъ принято и записано было, што я принявши записатъ казалъ.

Книга гродская Владимірская 1602 года, № 958, листъ 212.

CXXIX.

Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго о томъ, что бурмистръ и мѣщане Луцкіе, силою вломившись въ церковь св. Михаила въ Луцкѣ, забрали всю находившуюся въ ней церковную утварь. Свидѣтельство вознаго, осматривавшаго опустошенную церковь. 1602 года, октября 16.

Року тисеча шестсот второго, месяца октебра шостогонадцатъ дня.

На вряде кгродском замку господарского Луцкого, передо мною Стефаномъ Дворецким, будучим на тот час наместником подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими Луцкими, постановившисе очевисто инстикгатор духовный церкви головное Луцкое светого Иоана Богослова, именем его милости отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, и капитулы церкви головное Луцкое светого Иоана Богослова, шляхетный Василей Микулицкий, явне ся протестовалъ и светъчил в тые слова: иж часу недавно прошлого, месяца августа двадцат четвертого дня, в року нинешнемъ тисеча шестсот второмъ, славетные Матфей Демкович, бурмистръ Луцкий, Матфей Лецуковичъ, Иван Шишка, Еско Андросович, мещане Луцкие, збунтовавшисе, зневаживши права посполитые и права духовные, не паметаючи на вины и срокгости правные, кгвалтовно втручаючи ся в справы духовные, уряду и зверхности местское не належачие, зобравшисе з многими иншими помочниками своими, пришедши моцно, кгвалтом, до церкви заложеня светого арханъгела Михаила, в месте Луцкомъ, за Глусцемъ,

во владзы епископии Луцкое будучое, замки от дверей поотбиявши и вшедши в церков без боязни Божое, повинъност хрестиянскую на сторону откинувши, правом и покоем посполитым взгордевши, што одноколвек апаратов церковных ку службе Божой посвецоных в церкви было, то все з олтара и с церкви Божое побърали, выграбили и въ дом свой внесли, то ест з престола взяли и пограбили: келих сребрный, дискос, звезду, ложку и крестъ; евангелие оксамитом чорнымъ крито, блях пятъ сребръных позлотистых на верху и пукол пят сребръных позлотистых и на исподку и защепки две позлотистые; апостолъ тетръ в дест з бляхами мосажовыми; евангелие учителное з бляхами мосажовыми; трефолой на увесъ рокъ у двое штуках; треодей две: постная и цветная; охтайков два; устав; псалтыр две, одна с полуставом и з справами, а другая друкованая; ризы китайченые з оксамитом; ризы двое чемлѣтовые и ризы полотенъные; петрахили, поручи и иншие книги, обряды и образы коштовнейшие и свѣчи, и все згола с церкви выбрали, и так церковъ Божую пусто зоставили, владзу епископскую и права духовные зкгвалтили, и тымъ в кгвалтъ и у вины в правех посполитых описаные, так же и въ шкоды затымъ походячие, которых шкод шацуютъ две тисечи золотых полских, попали. Якож на сведецство того всего ставил возного енерала воеводства Волынского Григоря Лемешовского, который до книгъ нинешних кгродских Луцких сознал тыми словы: же за оказанемъ и осведченъемъ инстикгатора духовного пана Василя Микулицкого, дня двадцат шостого месяца августа, року теперешнего тисеча шестъсот второго, был в церкви, за Глушцемъ, в месте Луцкомъ, заложеня светого арханъгела Михаила, в которой жадных аператов, а ни книгъ церковных немашъ и пуста стоит, и оповедал ми панъ инстикгаторъ, же мещане Луцкие, меновите: Матфей Демкович, Матфей Лецукович, Иван Шишка, Еско Андросовичъ, часу недавного, нашедъши кгвалтовне на церков, сребро, келихи, крыжи, книги, ризы, апараты и наклады церковные побрали и пограбили. Которая протестация и сознане возного енерала до книгъ кгродских Луцких ест записано.

Книга гродск. Луцкая, 1602 г., № 2416, л. 790.

CXXX.

Письмо Виленскаго священника Григорія Ждановича къ нѣкоторымъ членамъ православнаго братства Луцкаго. 1603 года, февраля 13.

╫

Богомъ возлюбленная братия мои чесные Иоаннове! Свидетел мне Бог, которому служу духом моим, же о вас безпрестанную памет твору во молитвах моих недостойных, и так желает душа моя видети чесное лице ваше, якъ желает еленъ на источники водные; але иж Богомъ возбранен был доселе недостоинства ради моего и безчисленных грехов моих, Богу благоизволившу, промысленику всякого блага, а наиболъшъ спасения нашого, не отрекуся посетити честную братию свою убогимъ приходомъ моимъ. Верую Богу, же исполнит желание серца нашего. Едно ж не знаю, если любовен приход мой был бы сожителемъ и началником и предводителем вашимъ; што все исправитъ делател винограда своего; ничшто же бо сице Божия человеколюбия отчужаетъ, якоже томителство гордыни и искание власти, оно ж искони ратует род человеческий. Бог же да подастъ имъ серце сокрушенно и смиренно во исполнение заповедей своих. О сем доволно. Ведаю то добре, же я окаянный естемъ тяжестенъ любви вашои докукою моею, в надею любви Божое, которая ничим не пресецается; верую ему, же и в вас не оскудеетъ и покриет грубостъ мою. Якобы с повинности яковое през целый рок около бедного збожица моего працоват рачите, Бога ради молю перезрите, за што винен естем содетеля Бога о спасении вашем просити. И ныне посылаю до вас, любовное браты мое, брата своего, хотячи тое збожице отыскати; если знашол ласку пред очима вашими, учините старане, жебы тое все збоже могло бытъ при томъ посланцу отослано. Если бы недорого хотели фурмани взяти от возу, я имъ повинен заплатитъ; што все милосердъю Божему и доброти вашей хрестиянской полецаю. Што ж колве для мене грешного учините, приймете вечную заплату от Спасителя нашего Исуса Христа и венец неуведаемый, которого сподоби вас всесилная, животворящая и неразделимая, светая Троица Боже нашъ. И если премилостивый владыка

не посецетъ мене, як неплодное смоковницы, верую ему, же мене окаянного сподобитъ чесное лице ваше огледатъ. Молюся братолюбию вашему от мене грешного всимъ Бога милуючимъ о Христе братии убогую молитву мою залетите и чоломъ ударте его милости пану войту и его милости пану Омеляну, добродеемъ моимъ, хотяй же през писане свое кланяюся и вашихъ милостей господиев моих прошу любви их милости поклонитеся. Для скудости часу болшъ писати не могу, Богу надвышшому в моц и в крепкую оборону всих ваших милостей отдаю и прошу, штобы сте з нее опущоны не были. Дата з Вилни, року Божего нароженя 1603-го, февраля дня 13-го. Вашему братолюбию всяких благъ желателъ, убогий и найменший во свещенницех Григорей Жданович низкий чолом бьет.

Господину отцу протопопе и пану Михайлу и пану Богдану от мене грешного поклонъ учините, которую працу убогими молитвами моими отслуговатъ повинен естемъ. Пану Игнатию, любителю закона Божего, от мене окаянного поклонитеся, и его милости пану отцу его милому а добродею моему убогую молитву мою и поклон отдайте.

На оборотѣ надпись: Единоименнымъ Иоанномъ и единоревнителемъ и желателемъ гражанства небесного: господину Иоанну, строителю церкви Христовои, одушевленнои винници Христове, зде сущимъ, и господину Иоанну, житейскими вещъми упражняющемуся, господиемъ и братии моеи, честно отдати в преподобные их руце.

Подлинникъ хранится въ собраніи Коммиссіи, № 117.

CXXXI.

Декретъ трибунала Люблинскаго по жалобѣ Яна Циминскаго объ изнасилованіи Кирилломъ Терлецкимъ дѣвицы Палажки. 1603 года, мая 23.

Року тисеча шестсотъ третего, месеца мая двадцатъ третего дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любелского, на рокъ теперешний тисеча шестъсотъ третий зо всѣхъ воеводствъ короны Полское обраными и высажоными, приточилась справа, за апеляциею отъ декрету суду кгродского Володимерского, зъ рочковъ кгродскихъ, въ року прошломъ тисеча пятсотъ деветдесятъ четвертомъ, отъ дня десятого месеца марца судити зачатыхъ, и за лимитациями справъ духовныхъ воеводства Волынского, межи урожонымъ паномъ Яномъ Циминскимъ и служебницею его Полажкою поводами, а велебнымъ отцемъ Кириломъ Терлецкимъ, епископомъ Луцкимъ и Острозскимъ, позванымъ, о то, ижъ в року прошломъ тисеча пятъсотъ деветдесятъ четвертомъ, месеца февърaля первого дня, кгды слуга поводовъ Адамъ Закревский ехалъ отъ урожоного Станислава Подорецкого, маючи зъ собою девку швачку и пенезей чотыриста золотыхъ, которые панъ Подорецкий черезъ того Закревского поводови былъ послалъ, то пакъ якобы тогожъ дня звышменованого, припознившися, ступилъ на ночъ до имепя позваного, въ повете Володимерскомъ лежачого, Фалимичъ и ставши тамъ на господе у подданого тамошнего Ювка Петрашипяти, а будучи убезпечоный покоемъ посполитымъ, и вже се былъ спати положилъ, теды пречечоный позваный, пропомневши боязни Божее, срокгости права посполитого, стану своего духовного, взявши ведомостъ о томъ слузе и швацце, маючи при собе немало слугъ, бояръ и помочниковъ своихъ, на то способленыхъ, о колко годинъ въ ночъ, на господу ихъ кгвалтовне нашедши, тую швачку, девку учтивую, кгвалтомъ взялъ и, до двора своего Хвалимичского отвезши, самъ особою своею ее кгвалтомъ а усилствомъ зкгвалтилъ и зъ цноты ее паненское злупилъ, за чимъ у вины, въ праве посполитомъ въ таковыхъ речахъ описаные, попалъ. И о то поводъ позваного на менованые рочки, передъ судъ

земский Володимерский позывалъ. Поводъ, выводечи контента позву того, доводечи того учинку на позваного, покладалъ выписы съ книгъ розныхъ урядовъ, протестацые, возныхъ реляцые, осветчене, также и листовъ сведочныхъ людей зацных, которымъ заразъ по томъ учинку тотъ кгвалтъ былъ оповеданъ, и иншие а певные доводы и документа правные, до того подавши артикулъ осмый зъ розделу одиннадцатого и артикулъ вторый съ тогожъ розделу, домовялсе, абы тая служебница его Полажка ку доводу телесное присеги и съ светками, водле права, на томъ кгвалту припущона была. А позваный, будучи самъ очевисто, черезъ умоцованого своего потребовалъ по стороне поводовой, пану Циминскомъ, абы се онъ водле права обручилъ, кгдыжъ онъ, не будучи оселый, а оселого о таковый учинокъ позываетъ, оказуючи, ижъ имъ объ одну речъ идетъ; а поки поводъ, яко неоселый, не обручитъ, поты позваный оправоватисе неповиненъ. А поводъ выводилъ и оказовалъ то, ижъ онъ противъ позваному не инстикгуетъ ни въ чомъ; Полажка, служебница его, которая се презъ позваного зкгвалчона быть менуетъ, а онъ тылко ей, служебници своей, справедливости доводитъ. О чомъ стороны межи собоюросправу правъную мели и широце контровертовали, и певные документа и доводы правные зъ обу сторонъ для подпоры справы своее у суду покладали. Съ которыхъ контроверсий сторонъ судъ оный кгродский Володимерский зрозумевши, бачилъ то, ижъ панъ Циминский показалъ оселость свою земскую у воеводстве Волынскомъ, вечистую, лежачую, прето, обручепя потребного въ той справе не узнавши, позваному далей поступовати наказалъ. А въ далшомъ поступку позваный, оную невесту поводовой стороне у тисечи копахъ грошей литовскихъ препоручивши, до росправы абы ее не спущалъ, а выводечи невинностъ свою въ той справе, показовалъ листы на писме, и свядецтва людей зацныхъ, и иншие документа правные, въ которой справе межи собою стороны росправу правную мели и контроверсие свое певные въ той справе широце зъ обу сторонъ до суду вносили; съ которыхъ контроверсий судъ онъ кгродский Володимерский зрозумевши, также и шкрутиниямъ, зъ обудвухъ сторонъ передъ судомъ вывожонымъ, добре се припатривши, бачилъ то, ижъ никоторыхъ слушныхъ правныхъ доводовъ, а ни знаковъ отъ тое подданое поводовой въ той справе не указано; а сторона зась позваная сведецтвы

явными, всякими подобенствы веры годными, себе съ тое помовы очистилъ, невинность свою показалъ и того всего, же есть невинне помовленый и тая помененая Полажка, подданая поводова, уже отъ трохъ лѣтъ естъ за мужомъ и дети маетъ,—светками, людми зацными, тое невесты добре знаемыми и всее тое справы ведомыми, значне довелъ; а поводъ ачъ самъ съ початку въ той справе попиралъ, присегу на шкрутиниумъ выконалъ, декретовъ два на собе однесъ, а въ далшомъ поступку ку доводу братись не хотелъ и не бралъ, але той же невесте, въ той справе и помове подозреной, на доводъ бралъ, который въ голой а въ такъ подозреной помове противко особе зацной духовной народу шляхетского, водле артикулу семого, въ розделе чотырнадцатомъ описаного, ити не можетъ: про то судъ съ тыхъ всихъ причинъ сторону позваную, при таковыхъ явныхъ сведецтвахъ и выводахъ слушныхъ, отъ тое помовы и речи, въ позве описаное, на вси потомные часы волнымъ учинилъ. А сторона поводовая, не приймуючи того декрету, до суду головного трибуналского апелевалъ. Судъ ему апеляцыи допустилъ и рокъ имъ обеюмъ сторонамъ, за тою апеляциею, передъ судомъ головнымъ трибуналскимъ въ Люблине, на термине воеводства Волынского, ку росправе становитисе зложилъ и заховалъ, о чомъ ширей декретъ тое апеляции въ собе обмовляетъ. На року теды нинешнемъ, слушне за апеляциею того декрету и за лимитациями припаломъ, постановившися очевисто у суду, поводъ панъ Циминский и позваный отецъ епископъ Луцкий, самъ очевисто, въ той справе межи собою росправу правную мели и контроверсие свое, яко въ кгроде Володимерскомъ, широце выводили, и подавши шкрутиние свое, кождый при оборонахъ шкрутинии свое домовялисе абы захованы были. Судъ нинешний головный трибуналский, высълухавши контроверсыи ихъ и шкрутинию, въ той справе зъ обу сторонъ вывожоные, зрозумевши и оные добре уваживши, декретъ земский Володимерский во всемъ утвержаетъ и отъ тое справы позваного волнымъ чинить вечными часы. А сторона позваная домовялась, абы на поводе вина противная заразъ всказана была. А судъ нинешний головный трибуналский, бачачи то, ижъ поводъ, за даньемъ справы слуги его, тую справу съ позванымъ былъ всчалъ и вже, яко то поводъ оказалъ, тотъ слуга его зъ сего свѣта зышолъ, за чимъ тая вина не такъ далеце на повода, яко на

того слугу, стегатися мела: про то судъ отъ тое вины повода волнымъ чинитъ, а вси поступки правные и увесь процесъ черезъ пана Циминъского повода в той справе всчатый, яко неслушный и никчемный, также и штобы отъ позваного въ той справе напротивко пана Циминского внесено было, на обе стороне касуетъ, умораетъ вечными часы, такъ ижъ то учтивому ихъ обудвухъ сторонъ ни въ чомъ нигды шкодити не маетъ, на вси потомные часы. Што все для памети до книгъ справъ головныхъ трибуналскихъ естъ записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1603 года, справа 555. Въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

CXXXII.

Декретъ трибунала Люблинскаго по жалобѣ пановъ Загоровскихъ о насильственномъ вторженіи митрополита Ипатія Потѣя въ церковь св. Василія въ г. Владимірѣ, уводѣ и разстриженіи православнаго священника и выносѣ церковной святыни. 1603 года, мая 30.

Року тисеча шестьсотъ третего, месеца мая тридцатого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любелского, зо всихъ воеводствъ короны Полское на рокъ теперешний шестьсотъ третий обраными и высажоными, кгды се приточила справа, за апеляциею отъ декрету суду земского Володимерского, зъ роковъ земскихъ, въ три недели по Трехъ Кроляхъ, святе римскомъ, въ року шестьсотъ второмъ, месеца генваря тридцятого дня, сужоныхъ, межи урожоными ихъ милостю паны Андреемъ и Александромъ Загоровскими поводами и его милостю в Бозе велебнымъ отцемъ Ипатиемъ Потиемъ, митрополитомъ Киевскимъ, владыкою Володимерскимъ и Берестейскимъ, и капитулою церкви соборное Володимерское Светое Пречистое—позваными, о то, ижъ позваный отецъ митрополитъ, року прошлого, дня четвертого

месеца генваря, кгвалтечи покой посполитый и церковный, въ ночи передо днемъ, могло годинъ быти чотыри до дня, на завтрее Рожества Христова, водле календару старого, наславши кгвалтовне на церковъ ихъ въ месте Володимерскомъ будучую, заложенья святого Василья, о двадцеть особъ людей съ полгаками, слугъ своихъ, зъ вшелякимъ оружъемъ, войне належачимъ, учинивши и придавши до нихъ помочникомъ Исака Долмацкого, позваному добре знаемыхъ, имена и назвиска ведомыхъ, которые, за насъланъемъ и волею и росказаньемъ позваного, въ церковъ впадшы съ крикомъ великимъ, застали тамъ священника у волтара, именемъ отца Мартияна, который завтридню, у олтара стоечи, водле уставы и трибу давного отправовалъ, оного зъ уберу священнического ошарпавши, оного съ петрахилемъ порвали и до позваного, яко злочинцу одного, привели до церкви великое соборное, до замочку, которого обачивши позваный, реклъ: „фала Богу, жесте ми его привели и знакъ того стула на шии“ и оного безъ вшелякое причины оголилъ и балвирчикови потомъ казалъ голити, але еще надто и въ губу поличокъ задалъ. А потомъ, не контентуючисе еще тымъ, самъ позваный, особою своею, зъ жолнирми, которые на тотъ часъ у Володимеру лежали, и зъ великою громадою людей, о години третей на день, кгвалтъ кгвалтови стосуючи, къ болшому деспектови пановъ Загоровскихъ, на туюжъ церковъ позваный нашолъ, замокъ отбилъ и двери выбити до церкви казалъ, и такъ вшедши въ церковъ, антимисъ зъ олтара и агнецъ взялъ, а потомъ его жъ зъ собою взялъ, яко о томъ ширей протестация и обводъ возного, урядовне учиненый, светчитъ. За которымъ то таковымъ учинкомъ у вины правные попалъ, зачимъ и фала Божая устала, священника мити не можутъ, до шкодъ еси ихъ приправилъ, которыхъ поводове собе быти менуючи на пять тисечей золотыхъ полскихъ. Позваныхъ о то все передъ судъ земский Володимерский, на рочки помененые, кгды поводъ позвалъ, теды позваный форумъ експиповалъ, а поводове, слушность форумъ указуючи, съ позванымъ о томъ всемъ широце контровертовали. Съ которыхъ контроверсий ихъ судъ оный земский Володимерский зрозумевши а видечи съ позву, ижъ тая кривда отъ особы духовное церкви и обрядомъ церковнымъ, яко сторона поводовая менитъ, сталасе, до того припатрившисе праву посполитому, отъ позваного показованому, форумъ той

справе у суду своего не узналъ и позваного отъ року волнымъ учинилъ. А поводъ, не приймуючи того декрету, до суду головного трибуналского апелевалъ, которое апеляции судъ онъ ему допустилъ и рокъ обеюмъ сторонамъ передъ судомъ нинешнимъ головнымъ трибуналскимъ, на термине справъ воеводства теперешнего Волынского становитисе зложилъ и заховалъ, о чомъ всемъ ширей въ той апеляции описано и доложоно есть. На року тогды нинешнемъ, за тою апеляциею слушне припаломъ, поводове ихъ милость панове Загоровские сами очевисто, а отъ позваного его милости отца митрополита умоцованый шляхетный Андрей Дахновичъ, за моцъю зуполною, въ той справе межи собою росправу правную мили и певные контроверсие свое о важности декрету того земского Володимерского до суду нинешнего вносили. Судъ нинешний головный трибуналский декретъ земский Володимерский утвержаетъ и отца митрополита волнымъ чинитъ; што для памети до книгъ есть записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1603 года, справа 727. Въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

CXXXIII.

Письмо королевскаго коморника п. Ермановскаго къ архимандриту Жидичинскому Гедеону Балабану съ извѣстіемъ о новостяхъ тогдашней войны поляковъ съ русскими и о своихъ частныхъ дѣлахъ. 1603 года, ноября 20.

О Христѣ досночесный господине в Бозѣ велебный отче архимандрите Жидичинский, добродѣю мой великий!

Звыклые належные службы мое в ласку вашей милости моего милого пана и добродѣя пилне залецаю. Вѣдаючи я о томъ, иж ваша милость, мой милостивий пан, з давных часов добродѣемъ моим рачиш

быти, що не толко я, але многие, которые едно бывали в зацном дому вашмостей, завше обфитое дознали, леч и я в надѣю оного смѣлем ся того важити, яко до добродѣя своего: едучи до Смоленска от господаря его милости пана моего, оставилем при вашей милости коня и челядника своего на недѣл шест; а юже ест и близко десятка, а вшак же не вѣ що му гостити: едно, жем злую дорогу, до обозу едучи, мѣл, а тепер назад еще горшую, же толко по пяти а найболше по шести миль на ден уеждчаю. В обозѣ мешкалем полпяты недели. За чим проше унижоне, абыс ми ваша милость в том, яко жолнѣрови зацного до вашмостей, за зле мѣти не рачил. Если же ся теж продал, яком вашу милостъ просил, добре; если же ся теж ваша милостъ згодитъ, я лацно, яко з добродѣем моим, з вашею милостъю згодитися готов. О новинах зо всих краев много бы писат, а мало що слухат; а вшак же отдавца того писаня устне справу умѣти будет дати. А вшак же то запевно вашей милости повѣдаю, же Шуйские всѣ и сам цар в руках, с которыми виталемся и розмовлял; которых то Шуйских всѣх проводят до Красного Ставу до замку, а з ними естъ пристав пан наш Александер Балабан и обецуется сам там у вашей милости едучи быти. Мовилем му от вашей милости, що сте ми были злецили, теды то до бытности своей вшистко откладает. Щос ми теж ваш милостъ злецил пытати ся Плясков, тедысь едно, же сут в замку, в Смоленску, не мелем ся с ким статечне о том розмовити. Смоленско ся теж поддает на йимя кролевичово, але кроль того не хочет, едно до короны Смоленско жебы было. На штурмъ ся зготовили, але пан гетман того не допущает; о чомъ Богъ даст приехавши устно справу умѣти буду дати. За аквавиту вашей милости велице дякую, алем ей нимнѣй не ужил: бо ся воз перевернул, скоро выехавши з Луцка, и тая ся баня збыла, але другое до Волохъ з ласки вашей милости будет потреба. Залецаюся при том з унижоными поволностями моими звыклой ласцѣ вашей милости.

Дата з Минска, ноебря 20 дня, рок 603-й.

Вашей милости во всем зычливый и поволный слуга Ермановский, коморникъ господаря его милости.

Прошу унижоне яко добродѣя моего, если же юж ваша милостъ того коня взяти рачиш, пара валахов добрыхъ до воза абы могла бы-

ти, которые ач ми до послуги певные могли быти, а тые озму торгомъ у вашей милости, толко пилне проше, жебы що хорошого и доброго. Вшакже я завше, яко был слугою вашей милости, и тепер добродейства вашей милости и завше забыти не моглем, и на вшелякомъ пляцу, яко выхованец дому зацного вашей милости, служитим готов.

На оборотѣ листа надпись:

В Бозѣ велебному его милости кир Гедиону Балабану, архимандриту Жидичинскому, моему милостивому пану и добродѣеви, пилне дати належит.

Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидич. монастыря, хранящихся въ Коммиссіи, № 37.

CXXXIV.

Жалованная грамота короля Сигизмунда III Ивану Андреевскому на епископію Холмскую съ условіемъ пребывать навсегда въ уніи съ римской церковью. 1604 года, мая 7.

Sigismundus III etc. Significamus etc. quod cum reverendi in Christo patris Hippatii Pociej, metropolitani Kijowiensis, Haliciensis et per omnes ditiones regni nostri religionis Graecae in spiritualibus superioris, testimonio, Joannis Andrzejowski pietatem vitae, probitatem et eruditionem commendatam haberemus, eidem episcopatum sive vladicatum Chelmensem, morte venerabilis Dionisii Zbirujski, ultimi et immediati ejusdem possessoris, vacantem, conferendum esse diximus, uti quidem conferimus praesentibus ad extrema vitae ipsius tempora, ita ut divinum cultum promovere doctrinamque christianam propagare teneatur. Exercebit vero jurisdictionem episcopalem in tota diocaesi Chelmensi in personas religionis Graecae tam spirituales (videlicet archimendritas, humenos, protopopos, calugerios, popos), quam seculares, juxta canones et jura ecclesiae Graecae, persistendo in sancta

unione et obedientia summi pontificis universalis ecclesiae catholicae Romanae, tanquam capitis, secundum praescriptum sanctae synodus Florentinae. Possidebit etiam hunc episcopatum Chelmensem cum omnibus fructibus, emolumentis attinenciis, agris, villis, praediis, oppidis, ad eundem vladicatum Chelmensem pertinentibus, prout ex antiquo a superioribus episcopis sive vladicis Chelmensibus possidebantur. Quod cum omnibus in universum subditis nostris, tum potissimum dignitariis, palatinis, castellanis, capitaneis, tenutariis, in diocaesi Chelmensi existentibus, spiritualibus et secularibus, ad notitiam deducendo, mandamus, ut cum praenominatus venerabilis Joannes Andrzejowski a reverendo metropolitano Kijoviensi, superiori suo, consecratus et confirmatus fuerit, eidem de omni praeeminentia, loco, commodis et utilitatibus, ad Chelmensem vladicatum de jure pertinentibus, respondeant et ab aliis, quorum interest, responderi curent. Jn cujus rei fidem etc. Datum Cracoviae, die septima mensis maii, anno Domini MDCIV, regnorum nostrorum Poloniae XVII, Sveciae vero XI. Sigismundus rex.

Акты Метрики Коронной 1603—1605 годовъ, № 148, л. 284. Въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

CXXXV.

Жалоба мѣщанина Степанскаго Гапона Черныцевича о томъ, что въ бытность свою на ярмаркѣ въ Жидичинскомъ монастырѣ онъ былъ жестоко избитъ тамошними монахами, по распоряженію архимандрита Гедеона Балабана, и посаженъ въ заключеніе. Перечень отнятыхъ при этомъ у него вещей. 1604 года, мая 29.

Року тисеча шестьсотъ четвертого, месяца мая двадцатъ девятого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевскои милости Луцком, передо мъною Матеемъ Стемпковским, подстаростим Луцким, постановившися очевисто уцтивый Гапон Черньцевич, мещанин Степанский,

оповедал и явне се протестовал противко велебному в Бозе отцу Гедиону Балабанови, архимандритови Жидичинскому, о том: иж тотъ то скаржчий в ден светый празниковый на светого Николы, ярмарку звыклом Жидичинъском, частъю для набоженства и отправованя в церкви службы Божое на отпусте, а частъю для скупованя некоторых речей на том ярмарку будучи, никому ничого невинный, чоловек волный, по отъправеню набоженства службы Божеи, был у буде, которые вместо господ з живностями в том селе под такий час бывают, и там же з некоторыми суседами и прыятели своими обед отправивши в тои буде у Миска, мещанина Луцкого, нимъ бы набоженство вечернеи надошло и до церкви зазвонено, час малый вытървал, там же до тои буды чернец церковный, яко собе имя менил, Ларион Безърукий, пришедши, жадное причины а ни знаемости с тым скаржучим се не маючи, а снат за росказанем его милости отца архымандрыта самого, неведомо яким духомъ уведеный, соромотити словы неучтивыми почал, а еще на том мало маючи и болшей злое до злого придаючи, зобравшисе з слугами и поддаными манастирскими, которые место сторожи в манастыре поготову были, которых его милост сам имена и прозвиска лепей ведаетъ и знаетъ, нашедши на тую буду, без милосердъя обухами и кийми збили и змордовали и яко якого лотра з великим тумултом до манастыра провадили; где сам отец архимандрытъ, иж се то за волею и росказанемъ его деяло, до мене се не показал, а тотъ чернецъ и з тыми слугами и поддаными его милости, збивши и змордовавши, до колоды въ везенъе осадили и в том везенъю через полудня и ноч держали, а иж ледве на завтрее выпустили; при котором то збитъю и зшарпаню своем меновал быти грабежи сталые и оберваные, на первей: черес, в которомъ было червоных золотых тридцатъ, потройными золотых пятдесятъ, а монеты розное коп шестъ литовских, шапку з головы зорвали, купленую за полталера, хустку турецкую, за полталера купленую, и тотъ грабеж побравши и заграбивши, до манастыра отпровадили и на пожитокъ снатъ его милости самого архимандрита обернули. И просил о придане возного на огледане збитых и зпухлых ран; на штом я возъного, которого собе способити можетъ, придавши, тое оповедане до книгъ кгродских Луцких записати казал и естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1604 г., № 2418, л. 375 об.

CXXXVI.

Донесеніе вознаго объ освидѣтельствованіи имъ ранъ на тѣлѣ мѣщанина Гапона Черничевича, избитаго по распоряженію архимандрита Жидичинскаго. 1604 года, мая 30.

Року тисеча шестсотъ четвертого, месеца мая тридцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Матеемъ Стемпковскимъ, подстаростимъ Луцким, постановивъшися очевисто возный енералный воеводства Волынского, шляхетъный Матис Славокгурский, ку записанъю до книг кгродских Луцких сознал тыми словы: иж он, маючи при собе шляхту людей добрих, то ест пана Яна Залеского а пана Счасного Сороку, дня двадцатъ семого месяца мая, року теперешнего тисеча шестъсот четвертого, за приданем вашей милости врядовым, тутъ в Луцку огледал есми раны на учтивом Гапоне Черницевичу, на которомъ видел напервей на руце правои на великом палцу битую кривавую рану, на левой руце рану синюю битую спухлую, на голове на виску боку правомъ рану синюю битую спухлую, на левом боку на хрыбте рану синую битую, которые раны и збитъе свое меновал быт сталое за ведомостъю и росказанем отца Гедиона Болобана черезъ черница прозываемого Лариона Безрукого, слуг и подданых его Жидичинских, им имена ведомых, и везене в манастыре Жидичинском от полудня в денъ светого Николы и черезъ целую ноч держалъ; и при томъ збитю своем меновал грабеж учиненый: чересъ, въ котором чирвоных золотых тридцатъ, потройными золотых петдесятъ а монеты розное копъ шестъ литовских было, шапку зорваную з головы, купленую за полталера, хустъку турецкую за полталера купленую, в ден светого Миколы, свята руского, в Жидичине, у буде, которые место господъ под тотъ час бываютъ, у Миска, месчанина Луцкого, сталое. Котороеж то очевистое сознане возного до книгъ кгродских Луцких естъ записано.

Книга гродск. Луцк. 1604 года, № 2418, л. 384.

CXXXVII.

Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго па старосту Луцкаго Миколая Семашка о раззореніи епископскаго двора, грабежѣ лѣсныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ для постройки церкви, и другихъ обидахъ. Донесеніе вознаго о произведенномъ имъ дознаніи по жалобѣ епископа. 1604 года, іюня 11.

Року тисеча шестъсотъ четъвертого, месеца июня одинадцатого дня.

Писали и прысылали на врадъ кгродский Володимерский, до мене Анъдрея Мисовского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, в Бозе велебный его милостъ отецъ Кирылъ Терлецкий, Божъю милостъю епископъ Луцъкий и Острозский, и вся капитула церкви головное Луцкое светого Ивана Богослова, черезъ одного с капитулы презвитера отца Грыгоря Николинъского, оповедаючы и жалуючы на велъможного его милость пана Миколая Семашка на Хупкове, кашталяна Браславского, старосту и ключника Луцкого, о то, ижъ его милостъ, напротивко правамъ и прывилямъ нашымъ духовънымъ, не дбаючы на покой посполитый костеламъ, церквямъ, цвинътаромъ и дворомъ духовныхъ особъ ухваленый, мало на томъ маючы, же часу недавно прошлого, в року тисеча шестъсотъ второмъ, у мѣсецы декабры, и в року тисеча шестъсотъ третимъ, у мѣсецахъ генвары и феврале, зкгвалъчене великое двору и мешканю владыки его милости Луцкого починилъ, о што южъ естъ мандатомъ его королевъское милости позванъ, а тепер знову в року теперешънемъ тисеча шестъсотъ четъвертомъ егожъ милостъ панъ староста самъ, кгды на рочки кгродские Луцкие, которые се судили в Луцку четвертого дня месеца марца, прыѣхалъ, кгвалтъ кгвалтови и крывду ку крывде прыдаваючы, на взгарду не только церкви Божой головной, але его милости епископу нашому и намъ капитуле Луцкой, чынечы зкгвалченъе, до светьлицъ другихъ владычыхъ, которые в томъ манастыру нашомъ пры церкви Божой сутъ, замки и дверы до нихъ поотбивати и поотмыкатъ казавшы, с тыхъ светлицъ столы нашы побралъ и мостъ до замку вышнего Луцкого тыми столами мостити казалъ, ку взкгарде и соромоте нашой, и

оболоны великие коштовные у олове во всехъ избахъ и печы в тыхъ избахъ потолъчы, побити, попъсовати и внивечъ обернути казалъ, въ светлицахъ кони свои ставяючы и чынячы то все мне епископу и церкви Божой на взгарду; а до того дерева брусъе потесаное по пяти сажонъ, которое есмо были зъготовали на будоване церквей Божыхъ и тамъ до замку до манастыра нашого звезли были, которого копъ полъ-трети, и того дерева сто и пятъ брусовъ с того дерева нашого побралъ и попалити казалъ, а инъшее не ведаемъ, где обернулъ, а што было троха того дерева позостало, теды надъ нимъ кгонъты побрано и попалено,а дерево тотъ остатокъ попсовалося и погнило. Кганокъ тежъ высокий, который подле вежы нашое мурованое, у склеповъ епископихъ, былъ здавъна збудованъ и черезъ него хоженъе было въсходъ до склеповъ, того кганъку всего и знаку нетъ: его милость панъ староста Луцъкий черезъ буркграбего своего замкового Олшамовского тотъ кганокъ увесъ кгвалтовне порубатъ и розобрати казалъ, и побранъ до кухни и до светълицъ его милости пана старостиныхъ. А особно дерево барзо грубое, южъ во всемъ выправленое, брусовъ трынадцатъ, которое было на звонъницу наготовано, побрати и попалити его жъ милостъ казалъ; а с кухни, дверы выламавшы, столы, лавы, дошъки и все начыне побрано. Чымъ всимъ волностъ, права нашы духовныи и покой духовъный посполитый зкгвалтилъ и насъ до шкодъ в забранъю столовъ, лавъ з светлицъ нашыхъ, дерева помененого, яко тежъ и оконъ и оболонъ, печей потовчене и о коней у избахъ ставляне прыправилъ, а згола увесъ дворъ тотъ епископий спустошылъ пры церкви Божой его милостъ панъ староста и внивечъ обернулъ, в чомъ шкоды болшей девети сотъ копъ грошей его милостъ панъ староста намъ и церкви Божой спустошенъемъ того двора епископего в замку учынилъ; о што все в суду належномъ правне чынити и зъ его милостъю поступоватъ не занехамы. Якожъ тутъ же на вряде передо мною очевисто стоячы, возный енералъ воеводства Волынъского, шляхетъный Есифъ Заблоцкий, ку записаню до къниг явне и доброволне вызналъ: ижъ онъ, маючы пры собе сторону шляхту, людей добрыхъ, пана Федора Шоломицъкого а пана Яцка Лемешовского, в року нинешнемъ вышей описаномъ шестъсотъ четвертомъ, месеца марца шостого дня, былъ в замку Луцкомъ вышъшнемъ, пры церкви соборной, в манастыру ихъ

милости отца епископа и капитулы, также ся ему именемъ его милости отца епископа Луцкого и Острозского и капитулы церкви головное Луцкое сведчоно и оказывано и оповедано напротивко его милости пану Браславскому о то все, яко се вышей поменило; который возный созналъ: ижъ виделъ мешъканье и дворъ увесъ спустошоный и розграбленый, у избахъ белыхъ замъки поодбиваны, столы и лавы в нихъ выбраны, окъна и печи потолчоны, оболоны великие коштовные побиты и попъсовани, кони в ызбахъ бѣлыхъ видиломъ поставленые, столами и лавами, з светлицъ повыбиравши, мостъ до замку вышнего Луцкого намощоный, дерево, на церковъ Божю зготованое, знатъ же естъ брано, а другое погнило и попсовало се; кганокъ тежъ высокий, который подле вежи мурованое владык, у склеповъ епископскихъ былъ и през него хожене всходами до склеповъ, тотъ кганокъ увесъ поламаный, порубаный и порозбираный и знаку его нитъ. И меновали передо мною крилошане, ижъ з росказаня его милости пана старосты Луцкого, черезъ буркграбего замкового Олшамовского, тотъ кганокъ увесъ естъ порубанъ и розобранъ и попаленъ до кухни и до светлицъ его милости пана старостиныхъ, а особно дерево барзо грубое, южъ зовсимъ выправлено, брусовъ тридцатъ, которое было на звонницу наготовано, побрати и попалити его жъ милостъ казалъ, а с кухни, двери выламавши, столы, лавы, дощки и все начине побрано. Што все помененый возный и з стороною виделъ; и яко се вышей поменило, такъ а не иначей бытъ тотъ возный до книгъ кгродскихъ созналъ. Которое оповедане его милости отца епископа Луцкого и Острозского и капитулы его милости, также и сознане возного, естъ принято и до книгъ записано.

Книга гродская Владимірская 1604 года, № 969, листъ 356.

CXXXVIII.

Жалоба отъ имени п. Крыштофа Гойскаго о томъ, что епископъ Кириллъ Терлецкій въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда Гойскаго не было дома а его Угриновскіе крестьяне были въ церкви, приказалъ своимъ боярамъ и слугамъ умышленно согнать нѣсколько сотъ штукъ скота на хлѣба Угриновскіе; когда же крестьяне, оставивъ церковную службу, бросились защищать свои поля, то скрытые въ засадѣ вооруженные слуги Терлецкаго стали ихъ бить и принялись до конца истреблять посѣвы. Вторичное опустошеніе полей Угриновскихъ подъ личнымъ руководствомъ самого владыки. Свидѣтельство вознаго и реестръ потравленнымъ нивамъ. 1604 года, іюля 9.

Року тисеча шестсот четвертого, месяца июля девятого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Матеем Стемпковъским, подстаростим Луцким, постановившися очевисто шляхетный Федор Селицкий, возный енерал воеводства Волынского, ку записаню до книг кгродских Луцких сознал тыми словы: иж через него урожоный панъ Кришътофъ Кгойский жалобливе ся ускаржалъ и светчилъ и тое осветчене до уряду черезъ мене относит на его милость велебного отца Кирила Терлецъкого, владыку Луцкого, иж он непооднокрот тому пану Кгойскому в маетности его Угринове и подданъным его Угриновскимъ шкоды и кривды великие чинит одыймованем кгрунтов, забиранемъ збожа, псованем, пасенем и иншими способы до шкод его приводитъ; на остатокъ и в теперешнем року тисеча шестсот четвертомъ, в небытности того пана Кгойского, кгды был отехалъ з дому по своих потребах, а меновите дня третегонадцатъ месяца июня, в денъ светый недилъный, споранъку, не маючы взгляду на ден светый недилный, яко особа духовная, который повиненъ з себе приклад добрый давати, не дбаючи на вины правные, о кгвалтех суседских описаные, зобравши бояръ слугъ своих, которых он лепей знаетъ, и к тому подданых Губинских маетности церковное, кгвалътовне, з розмаитым оружемъ военнымъ, з ручницами, луками, рогатинами, косами и иншими бронями, и приставивши над тыми людми старшими бояров Губинских неяких Демка и Лисовского, которые то бояре, спорадивши тых людей, потайкомъ засадили их у вале над ставомъ Угри-

новскимъ межи збожями, а сами тые бояре и з ыншими поддаными владычими, зогнавши стадо с килка сел до килка сот с пол плодных, нагнали ихъ кгвалътом в збожа озимы и ярины на поля Угриновские и такъ тым стадом гоначи его по збожям через вси поля Угриновские, почавъши от дороги, которая идет с Колодежей ку Луцку и которая граничит кгрунтъ Угриновский з Буремлемъ и Колодежами, тогды аж до самого села Угринова тым стадом конным збожа так самого пана Кгойского, яко и подданых его, чинечи ему кгвалт суседский, пасли, топтали, псовали, за сторожою оных засажоных людей у вале. Кгды оное стадо над селом Угриновом побачивши подданые Угриновские яко вполъ до полудня, будучи на тот часъ в церкви, покинувъши набоженъство, обернувшися для обороненя от шкод збожя своего и панъского, кгды побегли того стада зе збожя займовати, тогды оные люди, засажоные у вале, выпадаючи потайком, подданых Угриновских гонили, кгвалтъ чинечи, били и на них стреляли, збожя доптали, а коноплн и прадиво косами секъли, стада займовати не допускали и на тот час килку подданых, которые не могли повтекати, побили, поранили кгвалтовне, а меновите: Уласа Семеновича рогатищами плечи побили, а другого Хведка такъже плечи потовкли и побили, третего Миска с лука в плечи пострелили, четвертого Чурила з лука такъже в плечи пострелили, пятого Сака такъже з луку в плечи пострелили, также и пастухов одного на йма Ивана Бортничка, а другого также Ивана Юнковича киймы по плечах потовкли, побили. Которымъ то стадомъ наперед выпаслн и вытолочили объшар дворный жита, а другий овса подле дороги, идучое с Колодежей ку Луцку, а потомъ и к селу Угринову подданых Угриновских такъже збожя тым же стадомъ вытоптали и выпасли, а меновите: Буслови жита днин семъ, пшеници днину, овса днинъ две, коноцелъ полднины; Козеци пшеницы днину, овса днин две; Мискови Дмишовичу две днине жита, пшеници две днине, овса две днины; Семянови жита две днини, овса две днины; Косинскому днину жита; Хоме днин две овса; Калцови овса днинъ полторы; Миронови овса полторы днины; Босому овса днинъ полторы; Кузаце гречки днину, овса днину, проса полднины, лну, прадива полднины косами высечоно; Филипчикови днину ечменю, днину овса; Миките стае овса, коноцел полднины, лну полднины; Игнатови Дмишо-

вичу ечъменю днину, овса днину; Юхнови овса днину; Романови овса днину; Канюкови овса днину; Грицкови овса днину; Дмитрови стае овса; Павлюкови днину гречки, днину овса; Ярошови стае овса, Выхватови стае овса, лну полднины; Туйнику Пилкови стае овса, полднины конопий косами высечоно; Ходорови овса днину, лну полднины; Дарчисе стае овса; Хведкови овса стае; Анъдрушкови стае овса; Антонови овса днину, полъднины конопел косами высечоно; Сухому полъднины ечъменю, овса днину; Сенъкови Новику ечменю днину, конопий полднины, овса днину; Левкови Кисловичови полднины ечменю, днину овса; Дедовичови стае овса, стае гречки; Гуликови стае овса; Сахови днину гречки; Сенъкови полднины гречки; Стасеви возници полднины лъну; што мною возным тогож дня тринадцатого июня, призвавши мене урядник пана Кгойского до села Угринова и потом выехавши на поля Угриновские, от пана Кгойского оповедано и осветчоно ест на его милость отца владыку, иж он через вышъменованых слуг, бояр и подданыхъ своих пану Кгойскому и подданымъ его такие шкоды, бое и кгвалт суседский учинил, а мало маючи на том, самъ тотъ владыка особою своею выехавши з слугами и боярми своими третего дня по том кгвалте и шкодах на поля Угриновские, такъ же коньми збожа псовалъ и доптал. Которое то оповедане пана Кгойского и сознане возного я, принявши, до книгъ кгродских Луцких записат казал, што ест записано.

Книга гродск. Луцкая 1604 года, № 2418, л. 620 об.

CXXXIX.

Грамота короля Сигизмунда III о предоставленіи митрополиту уніатскому Ипатію Потѣю и его преемникамъ всѣхъ правъ относительно юрисдикціи надъ всѣми церквами и духовенствомъ русскимъ, дарованныхъ королемъ Сигизмундомъ I православнымъ митрополитамъ. 1605 года, февраля 22.

Року тисеча шестъсотъ тридцатого, месеца сентебра двадцатъ пятого дня.

Передъ урядомъ и книгами нинешними кгродскими Луцъкими, въ замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подстаростымъ Луцъкимъ, постановивъшись очевисто велебные въ Бозе отецъ Павелъ Домживъ, игуменъ манастыря Чарны, и отецъ еромонахъ Максимъ съ Чокулъ, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцъкихъ, въ способъ перенесеня, подали выписъ съ книгъ головныхъ трибуналъныхъ, у Вилне отправованыхъ, подъ датою року тисеча шестъ сотъ пятого, месеца июня одиннадцатого дня, съ печатю привесистою земскою воеводства Виленского и съ подписомъ руки его милости пана Яна Окгинского, маршалка трибуналского, и писарское, зъ уписанемъ въ немъ привилею его королевское милости на речи певные, въ томъ привилею его королевское милости меновите выражоные, въ справахъ всего духовенства и всея Руси людемъ вери старожитное Греческое даного, на паркгамине писаный, автентыце выданый, о чомъ тотъ видимусъ ширей въ собе маетъ, жадаючи, абы принятъ и до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ уписанъ былъ. А такъ я врядъ, тотъ выписъ, за прозъбою и жаданемъ менованыхъ особъ, для вписаня до книгъ принявши, передъ собою читатъ казаломъ, который такъ се въ собе маетъ: Видимусъ съ книгъ головныхъ трибуналныхъ, у Вилне отправованыхъ, лета отъ нароженя Сына Божого тисеча шестъсотъ пятого, месеца июня одинадцатого дня. Передъ нами судями головными, на трибуналъ у великомъ князстве Литовъскомъ зъ воеводствъ, земль и поветовъ на рокъ теперешний тисеча шестъ сотъ пятый обраными, постановившисъ очевисто въ Бозе велебный его милостъ отецъ Ипатей, митрополита Киевъский, Галицъкий

и всея Росии, оповедалъ и покладалъ привилей его королевское милости, писаный у Варшаве, подъ датою року тисеча шесть сотъ пятого, месеца февраля двадцатъ второго дня, на речъ меновите въ томъ привилею описаную его милости отцу митрополиту даный и належачий, просилъ и потребовалъ для многихъ причинъ въ часъ пришлый, абы до книгъ головныхъ трибуналныхъ былъ вписанъ. Мы судъ, того привилею оглядавъши, за прозбою его милости отца митрополита до книгъ уписати дали, который уписуючи такъ се въ собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божю милостю король Полский, великий князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлянтъский, а Шведский, Кгодский, Вандалский, дедичный король. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ кому того потреба будетъ ведати, нинешнимъ и напотемъ будучого веку людемъ, ижъ покладалъ передъ нами въ Бозе велебный отецъ Ипатей, митрополита Киевъский и Галицъкий и всея Росии, листъ святобливое памяти короля его милости Жикгимонта, деда нашого, на паркгамине, подъ датою року семого тисеча девятнадцатого, месеца июля второго дня, индикта чотырнадцатого, въ Берестю на великомъ сойме писаный, просечи насъ господаря, абыхъмы въ сесь нашъ листъ казавши вписати, то все, што въ немъ описано естъ, ствердили. Мы господарь, за чоломбитемъ его, тотъ листъ казали есмо вписати, котрий отъ слова до слова такъ се въ собе маетъ: „Во йменя Божое станьсе. Мы Жикгимонтъ, зъ ласки Божое королъ Полский, великий князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомоитское и иныхъ панъ и дедичъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хтожъ на него посмотритъ албо чтучи его услышитъ, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба ведати того. Били намъ чоломъ митрополита Киевъский, Галицъкий всея Росии Іосифъ и епископи, которие сутъ подъ митрополиею Киевъскою и всее Росси, а также съ ними и гетманъ нашъ, староста Луцъкий и Браславъский и Веницъкий, маршалокъ Волынское земли, князь Константий Ивановичъ Острозский, и иные князи и панове греческого закону, и клали передъ нами листы продка нашого великого князя Витолта и счасное памети отца нашого Казимера и брата нашого Александра, королевъ и великихъ князей ихъ милостей, штожъ которие права духовные съ початку вери ихъ хрестиянское закону греческого выложены съ правъ духовныхъ грече-

скихъ, то естъ зъ Номоканону Восточное церкви, и даны митрополиту Киевъскому и всея России енископомъ подъ нимъ будучимъ въ моцъ судити, рядити и справовати, водле уставы правилъ ихъ соборное Восточное церкви, абы нихто отъ свецъкихъ судей судити не смелъ делъ духовъныхъ, и продки наши великий князь Витолтъ и отецъ нашъ Казимиръ и братъ нашъ Александеръ, королѣ и великие князѣ ихъ милости, тые права духовные ихъ, закону греческого церковные справы и суды листы своими ствердили, митрополиту Киевъскому и всея Росси и епископомь въ ихъ моци полецаючи и даючи вечне, а своимъ державъцамь городскимь и местскимь и всѣмь врядникомь свецъкимь, такъ закону римского, якъ и греческого, не велели въ тые ихъ справы ни во што и въ дела духовные вступатисъ. И били намъ чоломь митрополитъ Іосифъ и епископи и всѣ князи и панове ихъ закону греческого, абыхъмо мы также дали имъ въ ихъ справахъ духовныхъ што се тычетъ благословения церковного и тежъ за который выступъ встягненья во всякихъ дѣлехъ и въ судехъ духовныхъ справоватись и рядити, подле давного обычаю и вставы ихъ закону греческого, и тую уфалу духовенъства обычая Восточное церкви нашимъ листомъ потвердивши. И мы, посмотривъши въ ихъ права духовные писаные, коториежъ с початку вери ихъ уставлены и имъ даны, и тежъ видивъши листы привиля продковъ нашихъ великого князя Витолта и отца и брата нашого, королювъ и великихъ князей ихъ милостей, и вбачили есмо, ижъ всѣ справы духовные полецаны и даны въ моцъ и въ справу митрополиту Киевъскому и епископомь надо всѣми нашими поддаными, которие сутъ закону греческого, на вечные часы, и зъ ласки нашое тое право вышей писаное ихъ закону греческого потвержаемъ симъ нашимъ листомъ митрополиту Киевъскому и всея Руси Іосифу и всѣмъ епископомъ у ойчизне нашой великомъ князстве Литовскомъ и Рускомъ: маетъ митрополитъ Иосифъ и по немь будучие церкви свое закону греческого въ своей моци мети, пасти, и рядити ихъ, и подавати, и по правиломъ святымъ и епископы, и архимандриты, ігумены, и попы, и дяконы, и всякий свесченический чинъ греческого закона, какъ духовныхъ, такъ свецъкихъ, судити, рядити и всякие дела духовные справовати, и благословяти, а непослушныхъ и выступныхъ встегати, карати, водле права и уставу соборное Восточное цер-

кви, ни кимъ не возбранно; также и епископи, которие суть подъ митрополиею Киевъскою, у своихъ епископияхъ ихъ справы духовные также маютъ судити и рядити, и всякие дела духовъные справовати, и благословяти, а непослушныхъ и выступныхъ карати и справовати, водлугъ давного обычаю. И приказуемъ, абы всѣ князѣ и панове нашого римского закону, какъ духовные, такъ и свецъкие, и тежъ воеводы, старосты, намесники, такъ римского закону, такъ и греческого, и цивоны и всѣ заказники, державъци по городомъ нашимъ, и тежъ по мѣстомъ нашимъ войтове, бурмистрове и рядци—тые, которие маютъ права издавна отъ продковъ нашихъ Маитборъские и тежъ которымъ мы вжо тые права немецкие подавали и напродъ есчо которимъ инымъ местомъ нашимъ тое право зъ ласки нашое дадѣмъ, кривды церкви Божое и митрополиту и епископомъ не чинили, въ доходы церковные и во всѣ справы и суды духовные не уступовалисе, вжо тые вышъписаные державъци наши не маютъ въ тые дела духовные вступоватисе, бо есмо приказали митрополиту и епископомъ судити, рядити, и дела духовные справовати, и люде церковные заведетъ, подле давного обычаю, по городомъ и по местомъ нашимъ во всей отчизне нашой у великомъ князстве Литовъскомъ и Рускомъ; и тежъ которие князи и панове наши римъского закону маютъ по своимъ именямъ церкви закону греческого, и здавна будетъ которая церковъ подане митрополичее або владычнее, тая и теперъ нехай будетъ в ихъ подани, а еслижъ бы которая церковъ здавна была въ подани державъци того имения, ино и теперъ нехай тотъ державъца подаетъ зъ благословенъемъ митрополицькимъ, нижли вжо не маетъ моци того свесченника отъ тое церкви рушити безъ осмотреня и воли митрополичое оный державъца. Также и иные вси членки, которие выписаны суть у свитку правъ духовныхъ ихъ закону греческого и въ семъ нашомъ листе, потвержаемъ то все на вечность митрополиту Іосифу и по немъ будучимъ митрополитомъ и всѣмъ подъ его митрополиею епископомъ симъ нашимъ листомъ: маютъ они всѣ дела духовные справовати, водле давного обычаю Восточное церкви. Сталосе и дано зъ Берестя, на великомъ сойме, лета семое тисечи девятогонадесять, месеца июля второго дня, индикта четвертогонадесять. А при томъ были: велебные урожоные князь Войтѣхъ, бискупъ Виленъский, воевода Виленский, канцлеръ,

панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича, воевода Троцъкий, маршалокъ дворный, панъ Григорий Станиславовичъ Остиковича, панъ Троцъкий, староста Жомоцтский, панъ Станиславъ Яновичъ, воевода Полоцкий, панъ Станиславъ Глебовичъ, староста Городенский, панъ Станиславъ Петровичъ, воевода Новъгородский, панъ Янъ Яновичъ Заберезинский и иные панове рада наша. И для лепъшого сведома и болшое твердости и печать нашу казали есмо привесити къ сему нашому листу." * А такъ мы господаръ, оглядавши того привилею и надания продковъ нашихъ, королей ихъ милости полскихъ и великихъ князей литовъскихъ, и видечи, ижъ митрополиту Киевъскому, Галицъкому и всея Роси, яко старшому духовенства Руского въ панствахъ нашихъ, дана естъ зверхность и юрисдиция надъ всѣми владыками и архимандритами, ігуменами и попами, дяконами и надъ всемъ духовенствомъ закону греческого и руского и надъ всѣми церквами ихъ часы вечными, заховуючи вцале при зуполной моци, тотъ привилей предковъ нашихъ во всѣхъ пунктехъ, артикулехъ и клявзуляхъ симъ листомъ привилеемъ нашимъ стверждаемъ. Маетъ въ Бозе велебный отецъ Ипатей, митрополита Киевъский, Галицъский и всея Руси, и по немъ вси будучие митрополиты Киевъские зверхностъ владзу духовную, водлугъ того привилею продковъ нашихъ и сего теперешнего потверженя нашого, надъ всѣми церквями, владыками, архимандритами, игуменами, попами, дяконами и надъ всѣмъ духовенствомъ релѣи кгрецъкое и руское, жадное не выймуючи, во всѣхъ панствахъ нашихъ, въ короне Полской и великомъ князстве Литовъскомъ, мети такъ, ижъ жаденъ зъ духовенства руского съ послушенства и юрисдициеи давное, митрополитомъ Киевъскимъ належачое, здиратисъ не маютъ а ни могутъ; хотяжъ бы и привиля наши кому впередъ албо потомъ на владыцътва, на архимандрицтва и на иншие якие вряды духовные тое релѣей греческое и руское даны были, таковые перешкожатъ юриздициеи послушенства митрополита Киевъского, Галицъкого и всея Руси моци мети не маютъ, поневажъ таковые стародавные привилея и наданя продковъ нашихъ, светобливое памяти королей полскихъ и великихъ княжатъ литовскихъ, митрополитамъ Киевъскимъ, Галицъкимъ и всея Росси на часы вечные

* Грамота эта отдѣльно помѣщена во II т. Актовъ Зап. Россіи, № 63.

даные закрочили. На што все дали есмо въ Бозе велебному отцу Ипатию, митрополиту Киевъскому и Галицъкому и всея Руси, сесъ нашъ листъ, съ подписомъ руки нашое господарское, до которое и печатъ нашу великого князства Литовъского притиснути есмо казали. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя тисеча шестъсотъ пятого, месеца февраля двадцать второго дня.—У того привилею печатъ его королевское милости великого князства Литовъского притиснена, а подписъ руки его королевское милости тыми словы: Sigismundus Rex; а писара его королевское милости руки подписъ тыми словы: Матей Война, писаръ. Который жъ тотъ привилей, за потребованемъ велможного отца митрополита, до книгъ головныхъ трибуналныхъ естъ вписанъ, съ которыхъ и сесъ видимусъ, подъ печатю земъскою воеводства Виленского, за писарства мене Яна Коленъды, сего року тисеча шестъсотъ двадцатъ первого, месеца июля двадцатъ осмого дня, стороне потребуючой естъ выданъ. У того видимусу печатъ привесистая земъская воеводства Виленъского, а подписъ рукъ тыми словы: Jan Oginsky, marszałek tribunalsky, ręką swą. Янъ Коленда, зем. Вилен. писаръ. Который же то выписъ, за поданъемъ и прозбою вышъ речоныхъ особъ а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесъ спочатку ажъ до конца, такъ яко се въ собе маетъ, слово до слова до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая, 1630 года, № 2143, листъ 1209—1215.

CXL.

Листъ короля Сигизмунда III старостѣ Луцкому Миколаю Семашку съ приказаніемъ возвратить принадлежащія Луцкой епископіи и отнятыя имъ села и земли, возобновить раззоренный имъ епископскій дворъ, вознаградить епископа Кирилла Терлецкаго и состоящую при немъ капитулу за всѣ причиненные имъ убытки и не дѣлать имъ впредь никакихъ притѣсненій. 1605 года, марта 2.

Року 1605, месеца априля шестогонадцатъ дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Володимерскомъ передо мъною Анъдреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ и наместъникомъ подстароства Володимерского, постановившися очевисто велебный Андрей, свещенъникъ Семеоновъский, именемъ велебного в Бозе его милости отца Кирила Терълецкого, Божъю милостъю епископа Луцкого и Острозского, и капитулы церкви головное Луцкое светого Ивана Богослова, оповедалъ: штожъ дей велъможный его милостъ панъ Миколай Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, староста и ключникъ Луцкий, в мисто обороны церъквамъ Божимъ, яко староста, добра наше церъковные, названые село Ставокъ, до владыцтва Луцкого з давныхъ часовъ и вековъ належачые, кгвалтомъ од насъ взявшы, до маетъности своей Мелъницкой безправне приверънулъ, а подданыхъ с того села нашого Ставку осмънадцатъ дымовъ зогналъ до инъшои маетности своеи, до Тучина спровадилъ; также и другое село церковъное, дворецъ з кгрунты, названое Троетщизну, также безправне взявшы и осегнувшы, перъвей самъ на себе держалъ и до Острозца, маетности своее, прилучилъ, а потомъ засъ тые маетности церковные урожоному его милости пану Янови Кашенскому, с тыми своими маетностями Мелницею и Острозцемъ, на вечностъ продалъ; до того дворъ нашъ церковный, в замъку вышнемъ Луцъкомъ, при церкви соборъной будучый, где з давныхъ вековъ епископове з духовенъствомъ своимъ мешкане мели, и цвинътаръ около того двора розобратъ, попалитъ казалъ, и инъшихъ кривдъ церъкви Божой немало починилъ. В которыхъ кривдахъ его милостъ отецъ епископъ и з нами, капитулою своею, крылошаны, листъ упоминалъный отъ его королевское милости до пана Браславского

одеръжалъ. Который листъ его королевское милости для вписаня в книги подалъ, просечы, абы былъ припятъ и в книги вписаный. И видечы бытъ прозбу слушную, тотъ листъ его королевское милости, под титуломъ его королевское милости и с подписомъ власное руки его королевское милости и печатью коронъною, принявшы и перечитавшы, до книгъ кгродскихъ вписати казалъ; который слово од слова так се в собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божъю милостию королъ Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянтский, Шведский, Кгодский, Вандальский, дедичный королъ. Урожоному Миколаеви Симашкови на Хупъкове, каштелянови Браславскому, старосте и ключнику Луцкому нашому, верънe намъ милому, ласка наша королевская. Урожоный верънe намъ милый! Обтяжливе ускаржалъся передъ нами велебный в Бозе отецъ Кирилъ Терълецкий, епископъ Луцкий и Острозский, и капитула церъкви головное соборное Луцкое светого Ивана Богослова, на веръность твою о томъ, ижъ дей верностъ твоя, в место обороны церъквамъ Божиимъ, с повинности своее, будучы старостою и преложонымъ от насъ тамошнимъ, самъ дей веръностъ твоя добра церъковные, названые село Ставокъ, до владыцства Луцкого з давныхъ часовъ належачие, и другое село черъковное, дворецъ з кгрунъты, названое Троетщизну, с поддаными тамошними и вшелякими приналежностями и пожитками, безправне взявшы и осегнувшы, перъвей дей на себе держалъ, а потомъ урожоному Янови Кашенскому на вечъностъ продалъ, чинечы то все ку великой шкоде и кривде церквамъ Божиимъ и прречоного епископа Луцкого; надто дей еще дворъ ихъ в замку вышномъ Луцкомъ, при церъкви соборной, где з давныхъ летъ всѣ епископове его и онъ самъ з духовеньствомъ своимъ мешканъе мели, тотъ дворъ и цвинътаръ ихъ розобрати и спустошити казалъ и в печахъ попалити велилъ. В чомъ маючы они от верности твоее немалую кривду и шкоду, утекъшы ся до насъ господаря, жедали, абыхмо в томъ з веръхности нашое господарское веръностъ твою листомъ нашимъ напомянули. Што еслибы такъ было, яко намъ справа дана, з неласкою нашою то от веръности твоее приймовали бы есмы. О которые дей кривды и долеглости свое вже правне у суду нашого з веръностю твоею чинили, а веръностъ дей твоя и после декретовъ нашыхъ, ним далей, тымъ болшей кривды

и прикрости выражаешъ и чинити кажешъ, дерево на звонницу наготованое и кганки при вежи ихъ мурованой побрати и порубати и в пецахъ своихъ попалити, также замки у светлицъ поотбивати, столы, лавы побрати и попъсовати, и кони свое в покояхъ ихъ духовныхъ ставляти, и вниввечъ увесъ дворъ и кильи ихъ оберънути казалъ. Прото напоминамы и приказуемо, абы веръностъ твоя тые добра вышъ менованые ку церкви Божой, яко властностъ ихъ, такъ яко и передъ тымъ было, отдалъ имъ и в держанье ихъ привернулъ, также и дворъ збудовать казалъ и имъ к сему то все, што естъ усъкожоно, нагородилъ, а болшей того не допущалъ кривдъ чинити, яко бы они черезъ тое болшей причины до скарженя не мели и тамъ спокойне в дворе своемъ, при церкви Божой мешкаючы, фалу Божую отправовали, а за насъ пана Бога просили, конечно, иначей не чинячи для ласки нашое. Писанъ у Варъшаве, року тисеча шестъсотъ пятого, месеца марца второго дня, а панованя королевствъ нашихъ Полского семънадцатого, а Шведского одиннадцатого року. У того листу его королевское милости печатъ коронная, а подписъ руки власное его королевское милости тыми словы: Sigismundus Rex. Zachariasz Jałowicky.—Который то листъ его королевское милости вышей менованый до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ такъ, яко се в собе маетъ, естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1605 года, № 970, листъ 137 на оборотѣ.

CXLI.

Жалоба игумена Пересопницкаго монастыря Варсонофія на опекуна того-же монастыря п. Ивана Шпаковскаго о томъ, что последній, въ явное нарушеніе фундуша основательницы монастыря Елены Горностаевой, самовольно сменилъ его съ игуменства, назначивъ на его место чужеземца-серба, затемъ выгналъ его изъ монастыря, наславъ на него своего сельскаго священника съ толпой крестьянъ, при чемъ последній нанесъ ему побои. Свидетельство возпаго. 1605 года, ноября 17.

Року тисеча шестсот пятого, месяца ноябра семогонадцетъ дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими Луцкими, постановившися очевисто велебный отец Варсануфий, архикиновита игумен манастыря общого Пересопницкого, через шляхетного Яна Соколницкого, возного енералного, самъ з особы своее и именемъ брати всее объщейжителей чернъцовъ монастыря Пересопницкого, обтежливе, плачливе и жалосне се оповедал на урожоного пана Ивана Шпаковского и на помочъники его, которыхъ онъ самъ добре знаетъ и имена их ведаетъ, иж дей он пан Иван Шпаковский, через листъ свои отвористый и устне дей упросивши мене Варсануфия з братею чернъцами, так теж и за благословенъемъ и посланъемъ в Бозе велебного господина отца архимандрита Дубенского, до манастыря Пересопницкого и подавши дей мне з братею моею на общомъ житии манастыр с церковъю, з скарбами и ключами и зо всими добрами, належностями его, водлуг фундушу славное памети ее милости панее Горностаевое, воеводичовое Новогородское, Олены Чорторыское, на тотъ дей манастыръ Пересопницкий намъ игумену и брати чернъцом наданого, яко власностъ нашу, до моцы, держаня, справованя и спокойного уживанъя, обравши дей порядне и згодливе зо всею братъею и потвердивши мене игуменомъ, водлугъ фундушу манастырского и листовного и устного позволенъя своего, где я, будучи водле фунъдушу от брати чернцовъ и з благословенъства отца архимандрита Дубенского обраный и през помененого пана Шпаковского, которому фундушом ку оброне опека ест назначона,

потвержоный, час немалый, през три чверти лет алъбо и далей в манастыру на службе Божои з братею обще мешкаючи аж до сего часу. То пакъ дей в року теперешнемъ вышей описаномъ, месяца октебра оденадцетого дня, прěречоный панъ Иванъ Шпаковский, самъ с помочниками своими и за росказанемъ его милости пана воеводы Волынъского и колекгов его милости, мене игумена, яко старшого, над пристойность и повинность мою, шукаючи причин, задавши мне знищене и спустошене манастыря, при бытности и посланцов его милости пана воеводы Волынского и колекгов его милости, урожоных пана Станислава Козаревского, пана Михаила Проскуры, а пана Александра Енича, безправне, кгвалтовне примусилъ дей до чиненя личъбы; которое отец Варсануфий на вряде передо мною буркграбимъ презентовалъ и показовалъ реестръ змачаный и ошарпаный, болотомъ змазаный, подписаный руками вышей помененыхъ пана Станислава Козаровского а пана Александра Енича, такъ теж и квитацыи з нее под печатю его милости пана Крыштофа Лабунского, подписаную руками пана Василя Малежика, слуги пана Лабунского, за росказанемъ его милости, так теж с подписомъ руки пана Александра Енича; докладаючи того: иж дей еще на том мало маючи, панъ Иванъ Шпаковский, с помочниками своими, в томъ же року месяца октебра двадцат пятого дня праве, запомнěвши боязни Божое и срокгости права посполитого и обовязков неблагословенъства Божого и клятвы у фундушу описаныхъ, мимо устъное и листовное свое позволене, напущавши в манастыр черновъ своволныхъ, волочащих и чужоземъцов, противко фундушу, и житю ихъ общому не належных, над уставу светыхъ отецъ, на розорванъе житъя и закону их общого мнишеского и ку зопсованю и разореню фундушу манастырского, презъ которыхъ дей мене Варсануфѣя архикиновиту з ыгуменства, над волю отца архимандрыта Дубенского, под которого благословенъствомъ есмо были, кгвалтовне скинулъ и безправне, ключи от церкви поодыймовавши, скарбы церковные и самый ориналъ фундушъ манастырский и вси справы, мемърамы на розные сумы, манастырови служачие, до себе побралъ, задержал и намъ игумену и брати чернъцомъ не отдалъ и вернути не хотелъ и нит ведома где подевалъ, и всим послушникомъ церковнымъ и подданымъ монастырскимъ мене слухати заказалъ, и черноцы дей братю от мене игумена, яко овцы от

пастыря, поотрывал и против мене, яко сыны на отца, побунътовал. И яко человек свецкий, повставши противко церкви Божое и уряд собе не належный похитивши, инъшого ниякогос Леонътия сербина, чужоземъца, над волю мою и всее брати в манастыр вспустивши и на месцу игуменъскомъ поставивши, а потомъ и самъ с помочниками своими на спокойный манастыр нашъ Пересопницкий необычайне, без ушанованя местца светого, конно, оружно, якъ до потребы военное, наехавши и рог свой противко церкви Божое поднесши, безправне, кгвалтовне манастыр зо всимъ на все з моцы, держаня и спокойного уживанъя у мене Варсанофия и брати иноков досконале отнявши и з рукъ выдравши и попу селскому Пересопницкому Ивану с Киверецъ в моц и держанъе подавъши, вместо обороны опекунское, самъ монастыреви, фундушу, мнѣ, яко игумену, и брати чернъцомъ безправне кгвалт, набывши собе от мене цедул и листов поневолне писаныхъ, и житию общому раззорене учинити смел; зачим дей в заруку, неблагословенство Божое и клятву у фундушу монастырскомъ положоную пан Иван Шпаковский с помочниками своими упал и от опекунъства отпалъ. А потомъ дей ешче, мало на томъ маючи панъ Иванъ Шпаковский, же манастыр у брати общежителей отбил и мене з ыгуменства скинулъ, на болшое безчестъе, жал и деспектъ церкви Божое, направивши дей на мене и братию мою того ж вышей помененого попа селского, з урядникомъ, с поддаными манастырскими и помочниками их наславши моцно, кгвалтомъ на монастыр з сокирами и з дручемъ, и не нашовши дей мене у монастыри, але в дому подданого манастырского на йме Овдокима, гдемъ дей з одным братом седел; который дей то поп с помочниками своими, нас словы непристойными и досыт доткливыми зсоромотивши, и не огледаючисе на особу мою духовную, торгнувшисе мене на чести моее духовнои, збил и, яко се ему подобало, змордовал и сторгалъ; наконец дей, монастыр и село сторожею осадивши, мене дей з братею моею чернъцами власне яко у везеню държалъ, с которого дей заледве в ночи поутекали и где хто могъ розбиглися есмо, зоставивши манастыр мало штос не пустый. А то ся дей деяло в соботу, месяца ноябра дванадцетого дня. В которомъ дей томъ кгвалтовномъ через пана Шпаковского и помочников его отнятю манастыря, яко се вышей поменило, везеню братии и жития общого роспрошеню,

я Варсануфия шкодую собе две тисечи копъ грошей литовскихъ: кгдыж дей преречоный пан Шпаковский, через лист свой отвористый и сам особою своею нас упросивши и манастыр намъ на жите общее подавши, намъ слова своего не додержалъ и не зыстилъ. А по доконченю того оповеданя отца Варсануфия, вышей помененый шляхетный Ян Соколницкий передо мною буркграбимъ чинил сознанье свое на шляхетного Томаша Брозовского, возного и енерала воеводства Волынского, иж дей он, принявши за доходомъ своимъ оповедане отца Варсануфия з братею его чернъцами и подписавши оное власною рукою своею, чинечи проволоку в справе той, не хотел дей ехати для сознаня на вряд кгродский въ замку Луцкомъ. Што дей видечи, отец Варсануфѣй, яко укривжоный, под часомъ небезпеченства своего з листами и справами своими у вовторокъ прошлый сего ж месяца пятогонадцет дня прибег дей до мене возного, которого дей виделъ есми жалосного, ошарпаного, болотомъ уплюсканого, од головы аж до ногъ змоклого, обнажоного, босого, на уцтивости и с стану его духовномъ ганебне збитого, змордованого и зраненого. И просил отец Варсануфий через помененого Яна Соколницкого, абы тую протестацыю его и сознанье возного для памети на потомные часы и для розсудку правного с паномъ Шпаковскимъ и помочниками его до книгъ кгродскихъ Луцкихъ принято и записано было; што за принятемъ моимъ ест записано.

Книга гродск. Луцкая, 1605 года, № 2420, л. 561 об.

CXLIII.

Протестъ п. Ивана Шпаковскаго противъ занесенной на него со стороны бывшаго игумена Пересопницкаго монастыря Варсонофія жалобы о самовольномъ якобы смѣщеніи послѣдняго съ игуменства и изгнаніи изъ монастыря, съ объясненіемъ, что Варсонофій, своимъ безчиннымъ поведеніемъ и жестокостью обращенія разогнавъ лучшихъ монаховъ, самъ сложилъ съ себя игуменство. 1605 года, ноября 30.

Року тисеча шестсот пятого, месяца ноябра тридцатого дня.

Писал и присылал на врядъ кгродский, в замок Луцкий, до мене Адама Олшамовъского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, урожоный его милость пан Иванъ Шпаковский, оповедаючы тыми словы: ижъ дей што перво сего ее милость годное намети пани Остафиевая Горностаевая, воеводичевая Новгородъская, пани Олена княжъна Чорторыская, фундовавъшы фунъдушомъ своимъ манастыръ Пересопъницкий на хвалу Божую и оберпувши вси пожытки з него на выжыванъе чернцомъ такимъ, которие бы, водълугъ того фундушу ее милости, обще в томъ манастири мешъкали и житые такое в боязни Божои, въ милости з собою мели и тихо, спокойне, хвалу Божую отъправовали; у которомъ-то фундушу своемъ, при зошломъ княжати его милости Юрю Чорторискому, пану брату своему, и мене дей опекуномъ и дозорцою того монастыря святого ее милостъ назначила. То пак, по зостю с того свита ее милости самое и княжати его милости Юря Чорториского, я з отцемъ Селивестром, игуменом на тот час будучымъ, повинности моей чынечы досытъ, а за позъволенъемъ трох их милостей пановъ опекуновъ княжатъ их милостей Чорторыских: пана воеводы Минского, пана хоружого Волынского, а пана Юря Кирдия, стараючыся есмо о такий порядок и о набоженство, жебы ся воли ее милости пании воеводичовое и фундушу досыт стало а жебы тамъ общежители мешкали, позволили есмо были чернцомъ, которые были з манастыра Дубенского отъ святого Спаса там посланы и намъ ся обецали и записали ся не йначый, одно ведъле фундушу згодъне, у милости, в покою Господа Бога хвалити и обще жыти, на што мни и лист свой с подъписами рукъ своих дали, ижъ кгде бы того не

выконали, теды мни волно от них тот манастир взяти. И кгды тые чернцы тамъ пришедши, а до часу межы собою старшого якогос Варсонофия Вилневца обрали, на которогомъ я заразъ не позволял, ажъ мя чернцы вси просили, который же то Варсанофий, взявши на себе старшенъство и через увесъ постъ великий досыт добре ся справовалъ и фалу Божую отправовал. А по велицедни не толко по чернецку жебы в згоде, в милости, в покою радити се мил, але срокго, тиранско, чого и свицкий чоловик цнотливый не чынит, общину тую псоват почал, грошы, што были межы собою зложыли, самъ побрал; черноци кгды его с того гамовати почали, он их бити, мордовати почал, же ся часто а часто до мене з скаргою утекали, и цилое лѣто ни по штомъ тамъ до манастыра не ездил, толко едънаючы в томъ. Чернцы, видечы того старшого своего срокгого, не хотячы его терпити, другого обрати хотели. Он им того боронил ни допустил. Чернцы добрие цнотливые, не могучы срокгости его терпити, розышлисе проч, толко лотров, которые ему вшеляких збытков помогали, при соби зоставил, голос такий пустил и мни сам мовил, же до Москвы ехати умыслил. На остаток подскарбего Ефрема чернъца, которого вси были обрали, чоловека доброго, збил, змордовал, ключы в него отнял и остаток грошей манастырских зъ скринею взялъ, сам все под свою моц осягнул и того подскарбего з манастира проч выгнал. Я, видечи такий неряд, до их милостей панов опекунов писал, абы з него личбу зняти казали. Их милости слуг княжат их милостей Чорторыских, в тесътаменъте менованыхъ, высадивъши, личбу зняли; однакъ же до зезду их милости пановъ опекунов самых там его в манастыри зоставили, который, и в том часе не живучи спокойне, водлуг повинности своее, и умысливши, шкоду учынивши манастырови, неведоме проч отыйти, и речы свое вси з манастира черезъ матъку свою до Дубъна выслалъ, а што чернъцовъ старихъ при церъкви зостало, тых вставичне сърομотити и зъбивати почалъ, жебы се яко з манастира вылѣкнул и брата попова, дяка Ивана, пришедъши до кели, невинне киемъ у голову забилъ, кровъ розлив, ажъ его сам ледве водою отлилъ. На остаток игуменство з зебе, без позволенъя опекунского и видомости всих чернъцов, князю Масалскому здалъ, а князь Масалский, один ден бывшы игуменом, до Литвы зъ собою игуменство завюз. А в тум тотъ Вар-

сонофей писал до мене, абым там приехал и манастыр в него взял, а гдем того не учинил, хотячы, все покинувши, з манастыра проч поехати. Я стерегучы, абы шкоды манастиреви не было въ чом, писалом до его милости пана Лабунского и пана Енича, которие кгды там приехали, за его доброволным поданемъ манастиръ у него взяли и попови тамошнему и чернъцеви до часу поручыли, а ему з манастыра проч казали и подводу ему дати хотели. Тулко ж он похвалился хотечы тых подданых невинне грабити и гамовати; я видечы, ижъ витъра в полю шукати трудно, уходячы шкоды и трудъности, не казалемъ подводы давати. Онъ упивъшися и маючы зъ собою того жъ пяницу чернъца Христофа, пришедъшы в манастыръ, киями за попом гонили, ледво до дому своего утек, а потом до церкви, до вечерни пришедшы с киями, мовил: „я тут старший; погляжу, хто тут ся чинит другим старшим!“ и бы люде не ратовали, теды бы попа въ церкви забилъ. Онъ, пошедъшы в килю, в которои мешкалъ, порожънюю замъкнулъ замъкомъ, а речы свое вси добре передъ тымъ через матку свою выслалъ. А теперъ, якъ маю видомостъ, в Жукове мешъкаючы, приходячы до манастыра такъ в ночи, яко и въ день, великое перенагабанъе и небезпечъностъ в манастыре чинятъ. А ижъ не водлугъ фундушу и опису своего мни даного, але своволне тамъ мешкали, самиж чернъци проч порозышлися, манастыр опустили и старшенъство самъ с себе здалъ, я постерегаючы, абы якая потъвар от того Варсанофия манастиреви не была внесена. Которое оповедане од его милости пана Шпаковского до книгъ кгродскихъ Луцких записати есми казалъ.

Книга гродск. Луцкая 1605 года, № 2420, л. 590.

CXLIII.

Универсалъ короля Сигизмунда III съ извѣщеніемъ о назначеніи пана Евстафія Еловича Малинскаго нареченнымъ епископомъ Луцкимъ, по случаю смерти Кирилла Терлецкаго, и съ приказаніемъ оказывать ему должное послушаніе и немедленно передать въ его управленіе всѣ имѣнія и земли, принадлежащія Луцкой епископіи. 1607 года, мая 30.

Року тисеча шестьсотъ семого, месеца июля пятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевскои милости Луцкомъ, предо мною Миколаемъ Семашкомъ на Хупкове, каштеляномъ Браславскимъ, старостою и ключникомъ Луцкимъ, постановившисе очевисто урожоный панъ Лукашъ Исайковский, коморникъ его королевское милости, оповедалъ и для уписаня въ книги кгродскии Луцкии подалъ универсалъ, съ печатю коронною болшое канцелярыи и съ подписомъ руки его королевское милости, которымъ то универсаломъ его королевская милость всимъ духовнымъ и свецкимъ обывателемъ воеводства Волынского приказуетъ, абы урожоного пана Остафея Еловича Малинского за власного епископа Луцкого и Острозского маючи, послушенство, учтивостъ, пожытки, здавна на тотъ врядъ епископъский належачие, къ тому владыцтву приходячие, оддавали, о чомъ тотъ универсалъ ширей въ собе маетъ, просечи, абы тотъ универсалъ принятый и въ книги кгродские Луцкие уписанъ былъ. Которого я зъ ушанованѣемъ, яко се годитъ, принявъши и читаного выслухавши, въ книги кгродские Луцкие вписати росказалъ; который такъ се въ собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божею милостю королъ Полский, великий князъ Литовъский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский и Инфлянский, Киевъский, Волынъский, Подляский, Шведский, Кгодский, Ванъдалский, дедичный королъ. Всимъ вобецъ и кождому зъ особна, архимандритомъ, игуменомъ, архипресвитеромъ, протопопомъ, попомъ, мнихомъ, чернцомъ и всему стану духовному кгрецкому рускому и тежъ кнежатомъ, паномъ, воеводомъ, каштеляномъ, старостомъ, державцомъ, дыкгнитаромъ, урядникомъ земскимъ Луцкимъ и кгродскимъ, шляхте, мещаномъ и посполству, обывателемъ короны Полское

великого князства Литовъского, меновите землъ Рускихъ и Волынскихъ, упрейме и верне намъ милымъ, ласка наша королевская. Велебные, велможные, урожоные, шляхетные, упрейме и верне намъ милые! Ознаймуемы верности вашой, ижъ зъ ласки нашое королевское, за причиною пановъ радъ коронныхъ и великого князства Литовъского и пословъ земскихъ, дали есмы урожоному Остафееви Еловичу Малинскому владыцтво Луцкое и Острозское, зо всими замки, месты, дворми, фолварки, бояры, поддаными, месчаны и селами, зо всими пожытками, зъ давъныхъ часовъ до того владыцтва належачими, до того жъ зъ владизею надъ архимандритами, игуменами, архипресвитерами, презвитерами протопопами, попами, калугерами, мнихами, чернъцами, черницами и надъ всимъ духовенствомъ кгрецкимъ рускимъ, въ дыоцезыи владыцтва Луцкого и Острозского будучими, подлугъ обычаю закону хрестиянского кгрецкого, яко ширей привилей нашъ ему на то даный въ собе обмовляетъ. Якожъ на увязане и подане того владыцтва и всихъ добръ, зъдавъна до него належачихъ, теперъ зъ двору нашого послалисмы тамъ урожоного Лукаша Исайковъского, коморника нашого, росказавъши ему зъ верхности нашое королевской именя къ тому владыцтву зъдавна належачие, также вси скарбы церковные и речи рухомые, списавши на инвентарь достаточне, пречоному урожоному Остафееви Малинскому въ моцъ, уживане и въ держанъе подать. А такъ хотечи мы то мети по упреймости и верности вашой, приказуемы, абы упреймостъ и верность ваша, о томъ ведаючи, пречоного Остафея Малинского за власного епископа Луцкого и Острозского маючи, послушенство, учтивостъ, пожитки, зъдавъна на тотъ врядъ епископъский належачие и къ тому владыцтву приходячие, оддавали, и тымъ, которымъ то належытъ отдаватъ, росказали, а ни въ чомъ тому коморникови нашому протывъни не были, и перекязы въ томъ ему не чинили и чинитъ не казали, для ласки нашое королевское и съ повинности своее, абы упреймостъ и верностъ ваша иначей чинитъ не мели, подъ винами въ праве посполитомъ описаными. Писанъ у Варшаве, на сейме валномъ коронномъ, дня тридцатого месяца мая, року шестъсотъ семого.—У того универсалу печатъ коронная болшое канъцелярыи, а подписъ руки его королевское милости тыми словы: Sigismundus rex. Который же то универъсалъ, за поданъемъ пречоного коморника его

королевское милости а за принятъемъ моимъ, увесь съ початку ажъ до конъца до книхъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1607 года, № 2116, листъ 478—479.

CXLIV.

Протестъ князя Андрея Козѣки, отъ имени депутатовъ воеводства Волынскаго, противъ постановленій вальнаго сейма и противъ предоставленія епископіи Луцкой, по смерти Кирилла Терлецкаго, пану Евстафію Малинскому. 1607 г., іюня 2 дня.

Року Божого нароженя тисеча шестсотъ семого, месяца июня 2 дъня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Володимеръскомъ, передо мною Иваномъ Шабаномъ Гноенскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Володимерского, постановившеся у суду урожоный его милость княз Андрей Козѣка, поселъ з воеводства Волынского, именемъ своимъ и именемъ всѣхъ пановъ брати, протестовалсе противко неслушному зконченъю сейму, также противко некоторымъ паномъ посломъ о завартъю его, также противко иншимъ неправнымъ артикуломъ, на немъ завартымъ, и тежъ противко неправному отданю владыцтва Луцкого пану Малинскому. Которую протестацию свою, ширей и достаточней оную написавши, до книгъ отдатъ оферовалсе, и на тот час просилъ, абы то было записано; што естъ вписано.

Книга гродск. Владимірская 1607 г., № 971, л. 366.

CXLV.

Жалоба пана Мартина Андрузскаго о нанесеніи ему побоевъ священникомъ. Дознаніе вознаго. 1607 года, іюня 6.

Року тисеча шестсот семого, месяца июня шостого дня.

Пришедши на вряд кгродский Володимерский, до мене Ивана Шабана Гноенского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, урожоный пан Мартин Андрузский оповедал и жаловал на попа его милости пана Якуба Лысаковского, войского Хелмского, Могиленского, и на подданых его милости Могиленскихъ Миска Гайдука и на Петелича и сына его, в тые слова: ижъ року теперешнего тисеча шестсот семого, месѣца июня четвертого дьня, то ест сего дъня, в понедилокъ, будучи мне по потребахъ своих тутъ у Володимери, и кгдым, отправивъши потребы, з места до дому моего, до Вербоевохнович (sic) ехал, обачилемъ, ижъ на улици, перед домом Файвеша Литвина, жида тутошнего, тот попъ и подданые его милости пана Лысаковского пахолка моего на доброволней дорозе шарпаютъ, бъютъ, а кгдым их лагодными словы упоминал, абы пахолкови моему дали покой, теды они, опустивши пахолка моего, а маючи собе на помоч иньших немало суседов своих и подданых его милости пана Якуба Лысаковского, пана своего, Могиленских, яко помочников, которым имена и прозвиска они сами лепей ведают и знают, заступивши мне дорогу доброволную, там же против дому менованого Файвиша жида, мене чоловека спокойного, им ни в чомъ невинного, зранили, рану тятую шкодливую сокѣрою в голову задали и шаблю, за десят золотых полских куплену, друками и кийми на трое перебили. И просилъ впрод реченый пан Андрузский о придане возного на огледанье того зраненъя своего. Я з уряду кгродского Володимерского придалъ ему на то возного енерала, шляхетного Щасного Жлобоцкого, который ран на немъ огледавши и ставши обличне на вряде передо мною, сего дьня датою зверху менованого, ку записаню до книгъ кгродских вызнал тыми словы: иж за очевистым приданемъ вашмости врядовым, былем на справе и потребе пана Мартина Андрузкого тутъ у Влодимери, в року теперешнемъ ти-

сеча шестъсотъ семомъ, месяца июня четвертого дня, и за указанемъ его видилъ есми у него в голове рану сокирою тятую, барзо шкодливую; и оповедал мне возному, ижъ ему тое зраненъе его сталосе дъня сегоднешнего, месяца июня четвертого дьня, в року теперешнемъ тисеча шестъсот семомъ, тутъ у Володимери, на доброволной дорозе, на улици, против дому Файвиша жида Литвина, од попа его милости пана Якуба Лысаковского, войского Хелмъского, Могиленского и подданых его милости Могиленскихъ Миска Гайдука, Петелича и сына его, и иншихъ помочниковъ ихъ подданыхъ Могиленскихъ же, которым имена и прозвиска сами лепей ведаютъ и знаютъ. Которое ж то оповеданъе и жалоба пана Андрузского и возного очевистое сознане, за принятемъ моимъ, до книгъ кгродскихъ естъ записано.

Книга гродск. Владимірская 1607 г., № 971, л. 377.

CXLVI.

Королевскій листъ п. Ярошу Терлецкому и п. Ивану Велятицкому съ приказаніемъ передать п. Евстафію Малинскому, нареченному епископу Луцкому, церковное имущество и документы, оставшіеся въ ихъ распоряженіи по смерти родственника ихъ, бывшаго Луцкаго епископа, Кирилла Терлецкаго. 1607 года. іюля 5.

Року тисеча шестьсотного семого, месяца июля пятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Адамомъ Олшамовъскимъ, буркграбимъ и намесникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешными кгродскими Луцкими, ставши обличне велебный его милость панъ Остафей Малинский, номинатъ владыцтва Луцкого и Острозского, листъ его королевское милости, подъ печатю коронною болшое канъцелярыи и съ подписомъ его милости ксендза, канцлера коронного, до урожоныхъ пановъ Ярошa Терлецкого, брата, а Ивана Велятицкого, писара земского Пинского, зятя зошлого

Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, зъ стороны верненя скарбовъ и всихъ апаратовъ церковныхъ, по немъ зосталыхъ, его милости пану Малинскому, яко владыце, писаный, для въписаня въ книги кгродские Луцкие подалъ. Который листъ видечи я быти целый, зуполный и ни в чомъ ненарушоный, для вписаня въ книги приймуючи, передъ собою читати казалъ есми и такъ се въ собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божею милостю королъ Полский, великий князъ Литовъский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоидский, Инфлядский, а Швецкий, Кгодский, Вандалский, дедычный королъ. Урожонымъ Ярошови Терлецкому, братови, а Иванови Велятицкому, писарови земскому Пинскому, зятеви зошлого волебного Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, и инымъ особамъ до справы нижей менованое належачимъ, верным намъ милымъ, ласку нашу королевъскую. Урожоные верне намъ милые! Ознаймуемъ верностямъ вашимъ, ижъ за зостемъ зъ сего свита помененого епископа Луцкого и Острозского, повинного верности вашихъ, дали есмо тую епископию' владыцтво Луцъкое и Острозское, зо всими его належъностями, урожоному Остафееви Еловичови Малинскому, о чомъ въсемъ привилей ему даный ширей обмовляетъ. А ижъ по смерти велебности его вси добра лежачие и рухомые, скарбы, апараты, уберы, охендозство, книги и вшелякие належности церковные, также листы, привилея, фундуши, записы, инвентари и вси права твердости на тые владыцтва Луцкое и Острозское, яко маемъ ведомость, въ рукахъ, спрятехъ и въ завидованю верностей вашихъ, прото напоминаемъ и росказуемъ, абы верностъ ваша заразомъ тые вси верху помененые речи и належности преречоному Малинскому, албо посланцомъ его, въцале, зуполне и немешкане поотдавали и оному поступили, съ повинности своее и для ласки нашое королевъское. Писанъ у Варшаве, року тисеча шестъсотъ семого, месяца июня семого дня. У того листу печатъ болшое канцелярыи коронъное, а подписъ руки тыми словы: Mathias episcopus Praemysliensis, R. P. cancell. Который же то листъ, за поданъемъ его милости пана Малинъского а за принятъемъ моимъ, увесь съ початку ажъ до конца слово въ слово до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1607 года, № 2116, л. 480 на оборотъ.

CXLVII.

Фундушевый листъ князя Юрія Чарторыйскаго основанному имъ въ с. Сернахъ, въ Луцкомъ повѣтѣ, Троицкому монастырю на земли, крестьянъ и десятину съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы монастырь этотъ всегда оставался подъ юриздикціей Луцкаго епископа-уніата, а въ случаѣ отсутствія таковаго, долженъ былъ поступить въ вѣдѣніе католическаго бискупа Луцкаго. 1608 года, генваря 8.

Року тисеча шестсот осмого, месеца генваря десятого дня.

На роках судовых земских Луцких, от дня Трох Кроловъ, свята рымского, в року звышъ менованомъ припалых и судовне отправовать зачатых, перед нами Иваномъ Хренницкимъ, судею, а Анъдреемъ Загоровскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившисе очевисто в суду нинешнего, велможный кнежа его милостъ Юрей Чарторыский оповедал и для вписаня в книги земские Луцкие подал лист запис свой, з печатю и с подписом руки своее, такъже и с печатми и с подписами рукъ людей зацныхъ, записуючи и фундуючи манастыр и церковъ Святой Тройцы в маетности своеи, в повете Луцком лежачои, в селе Сернахъ, и надаючи ку той церкви певных подданыхъ, такъже кгрунтов и десетины и инших пожитковъ в том же селе Сернахъ, и назначаючи подавцою того манастыра владыку Луцкого, который бы ув унии был, от себе дал, о чом тот лист албо фундушъ ширей в собе обмовляет, которого усным, доброволным сознанъем своим ствердивши и змоцнивши, просилъ, абы принят и в книги земские Луцкие уписанъ былъ; а такъ мы, судъ, бачечи тот лист во всем водлугъ права учиненый, печатми и подписами рукъ наполненый, оного для вписаня до книгъ приймуючи, перед собою читати казали и такъ се в собе маетъ: Я кнежа Юрей Михайловичъ Чарторыский с Чарторыска тымъ листомъ доброволне сознаваю теперешним и напотом будучимъ, ижъ прикладом продковъ своих, которые яко в речи посполитой значне, з великою перевагою, коштом служили, такъ и в речах церковных духовныхъ вечную память по собе зоставуючи, церкви, манастыри з великим коштом и провагою фундовали, муровали,

якобы здавна церкви Божое хрестиянское слава вечне трывала, и такъ набоженство богомолья за увес мир хрестянский и за души их уставичне в церкви Божой одправовано было, я тогды, обычаем и прикладомъ иных продковъ своих, бачечи то, иж на том свѣте по всѣ часы пелкгрымованя нашого ничого певъного и трывалого быть не может, але то напевнейшее и надосконалшее благословенство веку пришлого скарбит собе в кролевстве небесном, до чого нас сам пан Богъ, збавител нашъ, поволывать рачит, змыслилом тогды добрым и статечтымъ розмысломъ в добрах своих дедичных, в повете Луцком лежачихъ, Сернахъ названыхъ, фундовать, якож и фундую, манастыр на чест и фалу Богу Всемогучому во Тройцы единому, который манастыр и церковъ Святое Тройцы названый ест и посвеченый, опатрывши, якобы служба Божая и богомолъе помененое церкви албо манастыра за души зацных продковъ моихъ, такъже мою душу и потомства моего обычаем грецким восходное церкви завше и на вечные часы отправовано было, отпатрывшы то, абы тотъ манастыр в подаваню и юрздыцыи епископа Луцкого релии кгрецкое, такового однакъ, который бы въ едности костела заходнего рымъского, водле одданъя послушенства теперешнихъ владыков, счире, правдиве а не облудне был, а если же бы, чого Боже стережи, владыка таковый напотомъ се знайдовал, который бы въ едности костела рымского быти не хотелъ, теды подаваня и юрздыцыя помененого манастыра и церкви таковой владыки сцизматыка стегати се не маетъ и овшемъ помененый манастыр и церковъ юрздыцыи таковой кождого владыки сцизматыка волна быти маетъ часовъ таковых епископовъ; для порядку, коли бы не стало таковых владыков и митрополитовъ, которые бы въ едности с костеломъ рымскимъ не были, теды поданъя и послушенства помененого манастыра и церкви епископа Луцкого костела рымского у юрздыцин и подаваню тот манастыр и церковъ отдаю часы вечными, даючи моцъ достаточную помененому епископови Луцкому кождому помененого манастыра и церкви Божое ряду набоженъства, которое се маетъ обычаем грецкимъ восходное церкви водле их каноновъ отправовать, догледать и юрздыцыю свою водле правъ и каноновъ релии грецкое церкви восходное заховать. А если бы зас владыка Луцкий, который бы въ едности вѣрне, щире будучи, на епископию помененую наступилъ, тогды юрздыцыя и подаване воро-

чатисе мает часы вечными на него, которая то таковая юрздыцыя алтернати, которое, пане Боже, заховай, быти не мает. До которого то манастыра при той юрздыцыи подаваю велебного в Бозе его милость отца Кгеласия Русовского за архиманъдрыта, человека яко у житю учтивомъ свещеническомъ, такъ в науце и в писме светом досконалого и досведчоного, даючи моц достаточную и зуполную помененому архимандрыту и напотом будучим архимандрытом, которые въ едности и унии будуть и быти мают часы вечными, юрздыцыи владыки Луцкого грецкое релѣи, такъ же епископа Луцкого рымское, обычаем вышей описаным, подлегати мают. Опатруючи тогды, воткол бы потребы церковные и тых, которые бы при церкви албо манастыру службу Божую отправовали и отправовать будуть, фундовалымъ на вечные часы до помененого манастыра и церкви Божое кгрунтовъ, поля выробеного, волокъ тры, з сеножатми и бортнымъ деревомъ, здавна до тое церкви належачим, а особливо островъ прозываемый Молодневъ зо всѣмъ, яко се в собе мает. До того фундоваломъ и фундую часы вечнымы подданыхъ чотырох Сарневскихъ, на волоках седячихъ, меновите: Стефана Рыболова, Мандѣя Рыболова, Оницка а Уласа Дроздовича, которые вечне с потомствомъ своим послушенствомъ и податками вшелякими, яко мне чиневали, до церкви помененое и манастыра належати будутъ. До того фундовалемъ и фундую десетину збожя, жита и гречки, с подданых всѣхъ Сарневскихъ, з волоки кождое полкопи, которую десетину на помененый манастыръ помененые подданые, с пол збожя не беручи, вперед оддавати мают вечне. Такъ же фунъдовалемъ и фундую вечными часы млыновъ два зъ их вымелками, з ставами и их спустами, оденъ в селе великомъ Сернахъ, другий на Рудницы и третий став от Чудля, и реку всю Случ з озерми, почавши от границы Немовецкое аж до першого млына, перед селом великимъ Сернами будучого, которые боры, лесы означоные и отграничоные с поменеными млынами и ставами вечне при манастыры оставати мают без вшелякихъ инпедыменътовъ моих, потомства моего и вшелякихъ инъших особъ часы вечными, не зоставуючи ничого там на себе самого, а ни на потомки свое, кром толко самого поданъя архимандрыта. Которых то всѣхъ вышъ описаныхъ и през мене менованыхъ приналежностей мает и моценъ будетъ манастыръ помененый и церковъ спокойне уживати часы вечными, кром жадныхъ

переказ и импедиментовъ яких колвекъ особъ, мене самого и моих потомковъ, бысмы теж и въ едности не были, под закладом пети тисечей золотыхъ полских; о который заклад за нарушенем и невыполненем якое колвекъ кондыцыи, такъ през мене самого, яко и през потомъковъ моих або и кого колвекъ, даю волност архимандрытови помененого манастыра мене самого, а по мне потомковъ моих и кождого по мне и потомках моих на то наступуючого, позватъ до якого колвекъ суду и права кгродского, земского и трибуналского, роком яким хотечи долгим и короткимъ, въ який колвекъ повет и воеводство, хот мне и добрамъ и потомъком моим неналежное, за которымъ кождымъ позвомъ першимъ, яко на року завитомъ, повинен буду стать, а по мне потомкове мои, а ставши оборонъ жадныхъ, диляцый, в праве посполитомъ описаныхъ и з розому людского вынайденыхъ, жадное не заживаючи, от декретовъ судовых нигде не апелюючи, заклад помененый от суду, до которого буду позванъ, не отходечи, такъ же и шкоды голым словом, кромъ присеги, шацованые, готовыми пинезъми, а не увезанъем в добра, заплатитъ, а заплативши, предсе сему доброволному записови моему фундацыи той во всемъ досыт чинити маю, а по мне потомкове мои мают, на всѣ вечные потомные часы. И на том дал сесь мой листъ доброволный запис, с печатю и с подписом руки моее власное, до которого будучи того всего добре ведоми, за прозбою моею, печати свое приложити и руки власные подписати рачили их милостъ панъ Крыштофъ Палуцкий, подчаший воеводства Волынъского, панъ Матияшъ Крокгулецкий, а пан Петръ Донкгертъ. Писан у Луцку, року тисеча шестсот осмого, месеца генвара осмого дня. У того листу запису печатий притисненыхъ чотыри, а подпис рукъ в тыеж слова: Jerzy X. Czartorysky, ręką. Chrysztoff Pałucky, podczaszy ziemie Wołynskiy, ręką; Matyiasz Krogulieсky. Piotr Dongerd, ręką swą. Который же то выше менованый запис увес с початку ажъ до конъца до книгъ земских Луцких ест уписанъ.

Книга земская Луцкая 1608 года, № 2809, листъ 91.

CXLVIII.

Постановленіе трибунала Люблинскаго о томъ, что вслѣдствіе неоднократныхъ случаевъ отказа депутатовъ Волынскаго воеводства утверждать своими подписями постановленія, касающіяся дѣлъ церковныхъ, на будущее время въ подобныхъ случаяхъ онъ будетъ ограничиваться лишь подписями депутатовъ духовныхъ, а вмѣсто Волынскихъ депутатовъ могутъ подписываться депутаты воеводствъ коронныхъ. 1608 года, іюня 6.

Выпис с книг справ головных трибуналских воеводства Волынского.

От лет Божого нароженя тисяча шестсот осмого, месяца июня шостого дня.

Суд головный трибуналский, хотечи, абы декрета трибуналские в повазе своей зоставали и до екъзекуции през уряды належные привожоные были, иж декретовъ в справах духовных воеводства Волынского наказанных их милост панове депутаты того воеводства подписоватъ зброняются, абы до загамованъя екъзекуцый декретовъ помененых ку уближенъю справедливости людское то якое причины не дало, найдуе то, же при подписах их милости пановъ депутатовъ духовных, на местце их милости панов депутатовъ Волынских их милост панове депутаты коронные подписоватсе могут, и тые подписи их важные быти мают, и наказуе, абы уряды вшелякие, до которых такие декрета от судов нинешних трибуналских одосланы будутъ, без зволоки их екъзекcовали, под винами, в праве посполитом на урядники недбалые описаными; што все для памети до книг ест записано, с которых и сес выпис ест выдан. Писан в Люблини. Andrzey Czuczky, dzierz. y deputat Włodinsky. Jan Wiosiołłonsky, deputat wojewodstwa Pomorskiego. Stanisław Radcicky, kanonik y deputat Płocky. Hieronim Kazanowsky, deputat Sandomirsky.

На подлинномъ печать.—Изъ связки подлинныхъ документовъ Жидичинскаго монастыря, № 38.

CXLIX.

Декретъ трибунала Люблинскаго по дѣлу между архимандритомъ Жидичинскимъ Гедеономъ Балабаномъ и братомъ умершаго епископа Кирилла Терлецкаго п. Ярошемъ Терлецкимъ о наѣздѣ Кирилла на Жидичинскій монастырь. 1608 года, іюня 13.

Року тисеча шестьсотъ осмого, месеца июня третегонадцать дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любелского, зо всихъ воеводствъ короны Полское на рокъ теперешний шестсотъ осмый обраными и высажоными, кгды се приточила справа съ реестру судового межи велебнымъ въ Бозе его милостю отцемъ Гедиономъ Болобаномъ, архимандритомъ Жидичинскимъ, и капитулою его—поводами, а паномъ Ярошомъ Терлецкимъ—позванымъ, а то за апеляциею отъ декрету суду кгродского Луцкого, зъ рочковъ кгродскихъ Луцкихъ, въ року прошломъ тисеча пятсотъ деветдесятъ девятомъ, месеца июня двадцать первого дня, межи теперешними поводами а зошлымъ небожчикомъ отцемъ Кириломъ Терлецкимъ, епископомъ Луцкимъ и Острозскимъ, братомъ рожонымъ теперешнего позваного, учиненого, выточоною, и за припозвомъ до тое апеляции отъ поводовъ по позваного, отживаючи тую справу, выданымъ, о то, ижъ въ року недавно прошломъ, тисеча пятсотъ деветдесятъ семомъ, месеца августа зъ двадцатого на двадцеть первый день, зъ середы на четвергъ, о полночи, порозумившисе и способивши собе пречоного небожчика владыку Луцкого и инишихъ много помочниковъ и слугъ своихъ, въ протестации и въ поступку правномъ меновите описаныхъ, маючи умыслную згоду и змову зъ тымъ то небожчикомъ владыкою Луцкимъ и зо всими помочниками своими, велможный Александеръ Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, староста Луцкий, яко принципалъ, не дбаючи ничого на боязнь Божую и срокгость права посполитого, зъ арматою войне належачою, на манастыръ Жидичинский, домъ и мешканя особы спокойное и учтивое, при церкви Божой зъ набоженствомъ мешкаючихъ, черезъ зошлого владыку Луцкого помочника своего и иныхъ помочниковъ и слугъ своихъ окрикъ вынеслымъ а неприятелеви належнымъ голосомъ

учинивши, вколо манастырь Жидичинский оступили, и с колко сторонъ кгвалтомъ острогъ проломивши, до манастыра впали, стрелбу кгвалтовную учинивши, въ домъ мешканя ихъ, окна, двери поламавши, кгвалтовне вшедши и, презъ утеченье зъ него на церковь, звыклую оборону ихъ, тамъ никого не заставши, двери, окна, печи, лавы, столы кгвалтовне посекши, што тамъ колвекъ одно было выбрали. И мало на томъ маючи, доведавшисе и порозумивши бытность того повода на церкви Божой, опому местцу и пристойности своей не фолкгуючи и не ужываючи, черезъ нихъ, слугъ и помочниковъ своихъ, и презъ того помочника своего, до него на церковъ стрелянье кгвалтовне учинили, тамъ на церкви самого архимандрита съ полгаку въ ногу левую и шляхетного Григоря Ступницкого въ руку правую постредили, домъ Божий и домъ мешканья ихъ зкривавили и зкгвалтили, церковъ всю постреляли, всходы, двери поламали, оного, зъ челядю тамъ на церкви будучою, колко дний, облегши неприятелскимъ способомъ, голодомъ морили и въ везенью мели, вшелякими утисками, задаючи сромотные слова, трапили; двери до церкви выламавши, скарбы церковные и всѣ обряды, до службы Божое належачие, побрали и сторожа церковного, на йме Герасима, въ руку правую ранили; и потомъ, до схованя оныхъ всее маетности ихъ кгвалтовне уломившись, до будованей, до коморъ, спижарень, пивницъ, стаень, гуменъ, шпихлировъ, поотрубовавши где были замкненя, всю маетность ихъ побрали и есть вся, водле воли и ведомости преречоного принципала, на розные местца ку пожиткови ихъ сполному спровашона, которая на протестации, иле спомнена на онъ часъ могла, меновите есть описана, которую собе шацуютъ на шесть тисечей золотыхъ полскихъ, на сто и двадцеть золотыхъ. Чимъ всимъ церкви Божое и дому мешканъя ихъ архимандрита Жидичинского и стану его шляхетскому и духовному кгвалтъ учинили, кровью невинною людей церковныхъ учтивыхъ и местце светое обляли, незвычайнымъ, неприятелеви, кромъ спаленья, належнымъ обычаемъ пустками увесь манастырь учинили, сплендровали и зграбили, фалу Божую вынищили, обелженье особе духовной и всему местцу Божому спустошенье кгвалтовное учинили, о чомъ ширей поступокъ правный въ собе обмовляетъ. О што все поводове, прихиляючисе до шкрутинии въ суде земскомъ Луцкомъ выправеное, позваного, небожчика владыку Луцкого,

на рочки вышей писаные кгродские Луцкие кгды позвали, тамъ съ контроверсий обеюхъ сторонъ судъ оный кгродский Луцкий зрозумивши, первей поводови ліокумъ станди налязши, противъ позваному справу прозеквовати, потомъ, форумъ узнавши, оному поступовати декретами своими наказалъ; отъ которыхъ обохъ декретовъ позваный, небожчикъ отецъ владыка Луцкий, апеляции заживалъ, которое апеляции судъ ему отъ остатнего декрету поступованья допустилъ и рокъ обомъ сторонамъ передъ судомъ головнымъ трибуналскимъ становитисе зложилъ и заховалъ. По которой апеляции тая справа, такъ за лимитациею справъ духовныхъ, яко и за смертю зошлого небожчика владыки Луцкого, конца своего взяти не могла, теперъ теды оную до скутку своего приводечи, поводъ брата его рожоного, преречоного пана Терлецкого, припозвомъ на терминъ теперешний припозвалъ, о чомъ ширей въ той апеляции и припозве вышъ менованомъ описано и доложоно есть. На року тогды нинешнемъ, слушңе въ той справе припаломъ, отъ повода умоцованый панъ Григорей Черникъ, а отъ позваного умоцованый панъ Томашъ Жоравницкий, за моцами достаточными, въ той справе межи собою росправу правную мели; зъ которое росправы ихъ судъ нинешний головный трибуналский зрозумивши, рокъ слушный найдуетъ, а ижъ межи особами обема духовными справа се точитъ, теды судъ нинешний декретъ кгродский Луцкий подноситъ, а заховуетъ волное чиненье о шкоды зъ добръ власныхъ небожчика владыки въ суде належномъ; а ижъ тотъ то владыка умеръ, теды позваного отъ справы наязду и кгвалтовного выбитя волнымъ чинитъ. Што для памети до книгъ есть записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1608 года, справа 658.—Въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

CL.

Декретъ трибунала Люблинскаго по дѣлу между архимандритомъ Жидчинскимъ Гедеономъ Балабаномъ и паномъ Федоромъ Свищевскимъ обвиненнымъ въ участіи въ наѣздѣ на Жидичинскій монастырь и грабежѣ имущества 1608 года, іюня 27.

Року тисеча шестьсотъ осмого, месеца июня двадцеть семого дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу Любелского, зо всихъ воеводъствъ короны Полское на рокъ теперешний шестьсотъ осмый обраными и высажоными, кгды се приточила справа зъ рейстру судового межи велебнымъ въ Бозе его милостю отцемъ Гедиономъ Балабаномъ, архимандритомъ Жидычинскимъ, и всею капитулою церкви Жидычинское заложеня святого Николы—поводами зъ одное, а урожонымъ паномъ Федоромъ Свищевскимъ—позванымъ зъ другое стороны, за апеляцыею отъ декрету суду кгродского Луцкого, зъ рочковъ июневыхъ, въ року тисяча пятсотъ деветдесятъ девятомъ сужоныхъ, выточоною и за припозвомъ, до прошлого року до тое апеляции выданымъ, а то въ справе презъ поводовъ позваному, яко помочникови учинъку нижей менованого, передъ судъ кгродский Луцкий, то есть о наеханье презъ позваного, яко помочника зошлого велможного Александра Семашка, кашталяна Браславского, старосты Луцкого, на манастырь Жидичинский, спокойное мешканье стороны поводовое, и тамъ о порубане и посеченье дверей, оконъ и столовъ, о стреляне на церковъ и о пострелене повода и инъшихъ особъ, на тотъ часъ при немъ будучихъ, о скрвавенье церкви Божое и мешканя поводовъ и о выламане до церкви и до инъшихъ складовъ и коморъ поводовыхъ дверей и тамъ о побранье и полупене скарбовъ церковныхъ и иншое маетности поводовы заданой. Въ которой справе кгды поводове позваного на рочки вышей менованые кгродские Луцкие запозвали, на которыхъ рочкахъ позваный задавалъ поводови, же локумъ станды поводъ меть не можетъ, указуючи то, же есть банитомъ. А поводъ, указавши листъ его королевской милости поднесеня баниции, домовялсе, абы до справы былъ припусчонъ; о чомъ стороны межи собою широце контровертовали. По

которыхъ контроверсыяхъ ихъ судъ онъ кгродский Луцкий, вырозумѣвши, поневажъ его королевская милость тые баницие на поводе отриманые листомъ своимъ и моцю сеймовою межи духовиыми поднесъ и до близкого сейму отложилъ, про то поводови локумъ станди налязлъ и наказалъ противко позваному справу прозекновать. Отъ которого декрету позваный до трибуналу апелевалъ; судъ онъ ему тое апеляции не допустилъ, о што се онъ светчилъ. А потомъ стороны обедве о неналежности форумъ широце контровертовали. Съ которыхъ контроверсый ихъ судъ онъ вырозумѣвши, форумъ въ суде своимъ налязши, позваному поступовати наказалъ; отъ которогожъ декрету позваный до трибуналу апелевалъ. Судъ онъ ему тое апеляции допустилъ и рокъ сторонамъ обемъ на термине воеводства Волынского безъ припозву назначилъ. По которомъ выточеню тое апеляции, ижъ на прошлыхъ трибуналехъ для певныхъ причинъ тая справа скутку своего не взяла, теды теперъ поводове до тое апеляции и проползлого року позваного на теперешнее воеводство Волынское запозвали; о чомъ тотъ декретъ, апеляции и припозовъ ширей въ собе обмовляютъ. На року тогды нинешнемъ, слушне въ той справе припаломъ, постановившисе очевисто у суду нинешнего, поводъ позваного презъ возного опатрного Станислава Издебского потрикроть ку праву приволати далъ, который кгды се не отозвалъ и причины нестаня своего вѣдати не далъ, теды оного поводъ зъ допусченья суду нинешнего на упадъ въ зыску речи въ позве описаное зъ волнымъ арештомъ вздалъ на позовъ въ апеляции вписаный, который такъ се въ собе маетъ: Марекъ Собеский, воевода Любелский, староста Луцкий. Урожоному пану Федорови Свисчовскому зъ владзы уряду коего старостинского приказую, абы еси ваша милость на рочкахъ кгродскихъ Луцъкихъ, въ року теперешнемъ тисеча петьсотъ деветдесятъ девятомъ, месеца июня семогонадцеть дня припадаючихъ, передо мною самымъ, а въ небытности моей въ Луцку, ино передъ судомъ або врядомъ моимъ кгродскимъ Луцъкимъ, въ замъку Луцкомъ, обличне, правне и завите сталъ, на жалобу и правное попартье въ Бозе велебного его милости отца Гедиона Болобана, архиманъдрыта Жидычинского и всее капитулы церкви Жидычинское заложенья светого Николы, которые вашу милость яко помочника наеханья кгвалтовного на манастыръ Жидычинский презъ зошлого велможного пана Александра Семашка на

Хупкове, кашталяна Браславского, старосты Луцького, тымъ позвомъ позываютъ, ижъ въ року недавно прошломъ, тисеча пятсотъ деветдесятъ семомъ, месеца августа з двадцатого на двадцеть первый день, зъ середы на четвергъ, о полночи, порозумевшися и способивши собе вашу милость помочниковъ и иныхъ помочниковъ много и слугъ своихъ, въ протестации и въ поступку правномъ меновите описаныхъ, маючи умыслъную згоду и змову зъ вашею милостю и зо всими помочниками своими, пречоный велможный панъ Александеръ Семашко на Хупкове, кашталянъ Браславский, яко принципалъ, не дбаючи ничого на боязнь Божую и на срокгость права посполитого, зъ орматою войне належачою, на манастырь Жидичинский, домъ и мешканя особъ, спокойне и учтиве при церкви Божой зъ набоженствомъ мешкаючихъ, презъ вашу милость помочника своего и иныхъ помочниковъ и слугъ своихъ, окрыкъ вынеслымъ а неприятелеви належнымъ голосомъ учынившы, вколо манастырь Жыдичинский оступили и с колко сторонъ кгвалтомъ острогъ проломавъшы, до манастыра впали, стрелбу кгвалтовъную учинившы, въ домъ мешканя ихъ, окна, двери поламавши, кгвалтовне вшедши, и презъ утечене зъ него на церковъ, звыклую оборону ихъ, тамъ никого не заставшы, двери, окна, печи, лавы, столы кгвалтовне посекши, и што тамъ колвекъ едно было выбрали. И мало на томъ маючы, доведавъшисе и порозумевъши бытность того повода на церкви Божей, оному местцу и пристойности своей не фолкгуючы и не уживаючи, презъ нихъ слугъ и помочниковъ своихъ, яко и презъ вашу милость того всего помочника своего, до него на церковъ стрелянье кгвалтовъное учынили и тамъ на церкви самого архимандрыта съ пулгаку въ ногу левую и шляхетного Григория Ступницъкого, слугу церковного, въ руку правую пострелили, домъ Божий и домъ мешканя ихъ скрывавили и зкгвалтили, церковъ въсю постреляли, сходы, двери поламали, оного съ челядю тамъ на церкви будучого колко дней, облегшы неприятелскимъ способомъ, голодомъ морили и въ везеню мели и вшелякими утисками, задаючи соромотные слова, трапили; двери до церкви выломавшы, скарбы церковъные и вси обрады, до службы Божое належачие, побрали, а потомъ, до схованя оныхъ въсее маетности ихъ кгвалтовне вламавшисе, до будованей, до коморъ и спижаренъ, пивницъ, стаенъ, гуменъ, шпихлировъ, поотрубовавшы где было замъкнене,

всее маетности ихъ побрали и есть вся, водле воли и ведомости преречоного прынципала, на розные местца ку пожиткови его и вашей милости сполного спроважона, которая на протестацые, иле вспомнена на онъ часъ могла, меновите есть описана, которую собе шацуетъ на шесть тисечей золотыхъ полскихъ, на сто и на двадцеть золотыхъ. Чимъ въсимъ церкви Божой и дому мешканя ихъ архимандрыта Жыдычинского и стану его шляхетскому и духовному кгвалтъ учинили, кровю невиною людей учтивыхъ и местце светое обляли, пустками незвычайнымъ и неприятелеви, кромъ спаленя, належнымъ обычаемъ увесь манастыръ учинили, сплендровали и зграбили, фалу Божую вынисчили, обелжене особе ихъ духовной и всему местцу Божому спустошене кгвалтовное учынили, о чомъ протестацыя и вси поступъки правные меновите и достаточне въ описаню своемъ обмовляютъ. Чого въсего черезъ певные сведоцства, правомъ посполитымъ въ томъ описаные, то естъ презъ шкрутениумъ въ суде земскомъ Луцкомъ противъ небожчику старосте Луцкому и противко вашей милости, яко помочника, выведено, и презъ вшелякие съ права належные поступъки довести хотечи ку въсказаню на вашей милости винъ вшелякихъ, в праве на помочники описаныхъ, которые часу права на року права оказаны и доведены будутъ, симъ позвомъ, положенемъ его на добрахъ, праву ничиему слушному шкодити не хотечи, вашу милость, яко того въсего учынъку и пополненя кгвалту помочника, позываютъ; што въсе у права словы ширей и достаточней объяснено и доведено будетъ. Абысь теды ваша милость на року вышъ означономъ, яко на завитомъ, обличне и завите сталъ и во всемъ томъ усправедливилъ. Писанъ въ Луцку, року Божего тисеча пятсотъ деветдесятъ девятого, месеца мая трынадцатого дня. Которого възданя ижъ позваный не арештовалъ и причины нестаня своего, яко и первей, ведати не далъ, а поводъ далшого поступку въ той справе на немъ домовялъ, про то судъ нинешний головъный трибуналский, въ далшомъ тое справы поступку, прихиляючися въ томъ до права посполитого, допустивъши поводови позваного, яко несталого и права непослушного, на упадъ въ зыску речи въ позве описаное вздать, а въ способъ того зыску позваного, яко правомъ переконаного, за тотъ учинокъ его на горло въсказуетъ и тымъ декретомъ въсказалъ. А ижъ позваный упорне ку праву не становилъ, теды судъ

винешъний на позваномъ, яко правомъ переконаномъ, вину баницыю вечную на позваномъ въсказуетъ и за лупъ шкодъ шести тисечей сто и двадцать золотыхъ полскихъ на позваномъ и вшелякихъ добрахъ его присужаетъ, а на объволане и публикованe тое баницые, также и на одправу и скутечную екзекуцыю сумы пенезей вышъ менованое до уряду кгродского Луцъкого отсылаетъ. Которую то баницыю на рочкахъ кгродскихъ Луцъкихъ, которые по выстю шести неделъ одъ даты того декрету напервей сужоны будутъ, судъ онъ кгродский Луцкий, не въписуючи тое справы въ реестръ и не припусчаючи сторонъ до жадныхъ контроверсый, возному, которого собе сторона способитъ, обволати и публиковати росказати маетъ. А по обволаню и публикованю тое баницые, отправу и скутечъную моцную екзекуцыю сумы пенезей вышей менованое на вшелякихъ добрахъ позваного лежачихъ и рухомыхъ тотже судъ кгродский Луцкий и инший вшелякий судъ и врядъ, подъ которого бы юриздыцею добра позваного якие колвекъ показать се могли и где бы позваный самъ перемешкивалъ, учинити и выконати маетъ и будетъ повиненъ, подъ винами въ праве посполитомъ описаными. Што все для памети до книгъ есть записано.

Книга Главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1608 года, справа 318.

CLI.

Фундушевая запись Маруши Загоровской, кастелянши Браславской, въ пользу церкви св. Ильи въ г. Владимірѣ и содержанія при ней священника. 1608 года, августа 14.

Року тисеча шестсот тридцат девятого, месеца мая тридцатого дня.

На рочках судовых кгродских Володимерских, от дня деветнадцатого месеца и року тепер идучих, вышей на акте менованых, при-

палых и судитисе початых, перед нами Михалом зе Збаража Воронецъким, подстаростим, а Стефаном Линевскимъ, судею, урядниками судовыми кгродскими Володимерскими, ставовши очевисто велебный в Богу отец Константий Евловичъ, архидияконъ капитулы Володимерской, презбитер Илинский Володимерский, фундушъ одъ ее милости княгини Збаразское, с печатю и с подписом руки тое же ее милости, церкви Илинской року тисеча шестсот осмого, месеца августа дня чотырьнадцетого даный, для вписаня до книг нинешних кгродских Володимерских пер облятам подал, так се в собе маючий: Я княгиня Маруша Збаразская Василевая Загоровская, кашталяновая Брацлавская, ознаймую нинешним листом моим фундацийнимъ до церкви светого славного пророка Илии, в Володимери будучой, мне оную церковъ со всими кгрунты и подданими, до неи належачими, такъ декретом головным трибуналским Любелским присужоную, яко и за одобранем заменою сумы пѣнезей полчварта тисечи золотих полских за оную церковъ и маетност до ней належачую через преосвященного его милости отца Ипатея Потея, епископа Володимерского и Берестейского, метрополиту Киевского и Галицкого, и капитулу его Володимерскую, мне теперъ належачую церковъ, на которой фундую на выживене свещенника на три руки поля, то естъ в кождую руку по три ланы, и с пашнѣ моеи дворнои десятина, жита копъ двадцет, овса з гречкою копъ двадцет, огород коло тое же церкви, якъ болотце от реки обтачает, а сеножат там же понад речку, коло гори, монастириска чили дворишча, албо помешканя давного священнического, которую сеножат там же по надречу будучую поддание мои маютъ добре завше огороживати, щоби од них самих и инших людей шкоди не било; яко тежъ и до жита на толоку по дню одному, а до кошеня по другому, за найпершим ознайменем, маютъ одбивати, и подлугъ давнего звичаю священници, при тоей церкви будучие, винницю маютъ тримати, если их будет на тое ставати, а в нагороду сеножати, которая перед тим била наданая до церкви, под двором, вколо саду, противъ Хведоровца, свещенникам онои церкви маю давати кождого року по суквѣ; чого всего священници, при той церкви будучие, вечними часи уживати мают, без жаднои от мене и суксесоровъ моих трудности. Также, подлугъ тогожъ декрету трибуналского, священници настаючии до по-

мененои церкви ни от мене самои, а ни от сукцессоровъ моих не мают бити презентовани, толко от самих епископовъ мают быти наставлени и ведлугъ их воли и уподобаня юриздикцию вшелякую мети мают. А кто би з сукцессоровъ моих тои фундации противенъ мел быти албо в чомъ нарушити, таковый кождий туюжъ самую маетност утратити повинен будет. Що на неотменност теперешнего моего постановеня при подписе моем печатию ствержаю. Дан в замочку при катедри Володимерской, лета Божого тисеча шестсот осмого, месеца августа чотиринадцетого дня. У того фундушу при печати подпис руки тими слови: Маруша княгиня Збаразская, рука власная. А такъ ми судъ, тот фундушъ, за поданем и прозбою вишъ менованого подаваючого, принявши, с почату увес ажъ до конца, такъ яко се в собе маетъ написаний и поданий, до книгъ нинешних кгродских Володимерских, самий орииналъ оного тому ж подаваючому видати росказавши, вписати казали, и естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1639 года, № 1006, листъ 773.

CLII.

Фундушъ митрополита Ипатія Потѣя на основаніе школы при церкви соборной Успенія Богородицы въ г. Владимірѣ. 1609 г., апрѣля 19.

Року тисеча шестсот девятого, месяца апреля 21 дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Яном Прилепъским, подстаростим Володимеръскимъ, постановившися очевисто навелебнейшый в Бозе его милость пан Ипатей Потей, митрополитъ Киевский и Галицкий, владыка Володимерский и Берестейский, и капитула того владыцства Володимерского церкви головное светое Пречистое, подали листъ запису, под печатю самого его милости отца митрополита, также под печатъю капитулы Володимерское, который дали на школу при церкви светое Пре-

чистое, надаючи на нее полтрети тисечы золотых польских, а пану бакаларови, который будетъ, на кождый рокъ по пулътретя ста золотых полских, што ширей на том записе описано и доложоно естъ; которого передо мною положившы, просили, абы был принят и до книг уписан; которого я приймуючи, перед собою читати казалъ, и такъ се в собе маетъ: Jpatius Pociey, z łasky Bożey mitropolit Kiiowsky y Halitsky y wszystkiej Rusi, episkop Włodzimiersky y Brzescky. Oznaymuię tym moim listem teraznieyszym y na potym będącym, iż czo w roku przeszłym tysiąc szesćset osmym, z decretu tribunalskiego, wziołem był od opiekunow dziatek xiążęcia Ierżego Czartoryskiego summę pieniędzy pułczwartha tysiąca złotych z iednania zamianą za maiętnostkę cerkowną, nazwaną Jlynsczyzne, w powiecie Włodzimierskym leżącą, widząc barzo trudny y wątpliwy przystęp do tey maiętnostky, a yż by ta summa pieniędzy koscielna ladaiako po smierci moiey po ręky nie rozeszła się, żeby kto do niey prawa żadnego sobie z dzieci moich nie przywłasczał, wydawszy złotych tysiąc na niektore potrzeby cerkwi Włodzimierskiey, iako na aparathy y na obrazy, ostatek summy pieniędzy złotych pułtrzecia tisiąca funduię na szkołę przy cerkwi Włodzimierskiey, ktorą dałem na zastawe jego m. panu Bazilowi Kopciowi na wioskę iednę, w imieniu jego Wierzchowiczach, w powiecie Brzesćkim leżącym, nazwaną Kalienniki, od ktorego prawa y zapisu warowane na urzędzie Brzestckim przyznanie mam, s ktorey wiosky przychodzi na każdy rok obrzędy od tegoż pana Bazjlia Kopcia połtrzecia sta złotych polskych; a rok oddawaniu tych pięniędzy w zapisie iego iest naznaczony. Tho tedy summe pieniędzy wszystke funduię y nadaię na szkołę przy cerkwi Włodzymierskiey leżącą, tho iest na bakalarza iakiego dobrego y na oprawe szkoly samey, kiedy potrzeba ukaże. Z ktorych pułtrzeciu stu złotych polskych bakalarzowi ma być dawano dwiescie złotych, a pięcdziesiąt złotych na poprawe i na potrzeby insze, do szkoły należące, na każdy rok dotąd, poki pan Bazyly Kopeć z tey summy pieniędzy głowney złotych pułtrzecia tisiący za thę wioskę Kalenikowicze zastawną nie odda. A gdy thę summe pieniędzy głowną złotych pułtrzecia tisiąca odda kosciołowi, tedy tha summa pieniędzy ma być na wydzierżenie komu pewnemu z warunkiem przystoynym dana. A cokolwiek

pożytku od tey summy będzie przychodziło, tedy nie gdzie yndziey, iedno na tę szkołe y na bakalarza ma być obracano, wedle disposity wierchu mienioney. A yż by po mey smierći ta summa pieniędzy ledaiako nie rozeszłasię, obowiązuię kożdego swiętą przysięgą, aby tey summy pieniędzy na żadną inszą rzecz, by też na napotrżebnieyszą, nigdy obracać nie ważylisię, tylko na szkołe a na bakalarza dobrego przy cerkwi Włodzymerskiey, żeby dziatky mieli naukę iakę taką, teraz y na potym, poki Pan Bog co więtszego nie ukaże na tę szkołę od kogoż kolwiek, bądz to od sukcessora mego, bądz też od iakiego pobożnego człowieka. A iżby to postanowienie moie wcale y mocnie trzymane było, tak od successora mego, iako od capituły Włodzimierzskiey, gdyż to wszystko z wolą y pozwoleniem ich jest, żeby te na swoy pożytek, abo na co innego, nie obracały, naznaczam po żiwocie moiem executorami y obroncami tego postanowienia mego: Iana Pocieia, syna mego, jego m. pana Fridricha Podkorodenskiego, podsendka Chełmskiego, y jego m. kniazia Jana Kosikę, zięciow moich, y wrodzonego pana Andrzeia Dachnowicza; y przoszę ich m., napominam y imieniem Bożym obowiązuję, aby ych mosć, ex pietate christiana, maiąc to w obronie swoiey, capitułą moią Włodzimerzską tego z pilnoscią postrzegali, iakoby ta summa pienędzy, na takie opus pium nadana, ladaiako nie rozeszła się, abo na co ynego, oprocz szkoły i bakalarza, pro tempore będącego przy cerkwi Włodzimierzskiey, nie obracała się. A dla wieczney pamięci tego postanowenia mego, daię ten moj list, s podpisem ręki moiey y pod pieczęcią moią. I my, capituła władyctwa Włodzimerzskiego, pozwalaiący na to wszystko, gdyż to jego miłosć przeswieszczeny ociec archiepiskop mitropolit Kiiowsky, władyka Włodzimersky, z wiadomoscią, wolą y pozwoleniem na to zgodnym nas wszystkich, postanowić y ufundować raczył, na umocnienie tey sprawy ten list jego mosći pieczęcią naszą capitułską źapieczętowalismy y rękoma naszemi podpisalismy. Pisan we Włodzimerzu, anno Domini 1609, miesiąca aprila 19 dnia.—У того листу печатей двѣ, а подписъ рукъ тыми словы: Hypatius Pociey, mitropolit Kiiewsky, jepiskop Włodzimiersky, ręką swą. Иванъ Вербицкий, протопопъ Володимерский, власною рукою. Романъ, презвитеръ апостолъский. Григорей Лозовицкий, светого Иоана

Златоустого. Афанасъ Миколинъский власною рукою. Который же то вышше менованый листъ, за поданемъ и прозбою его милости отца архиепископа Володимерского, я уряд принявшы, до книг кгродских уписати казалъ, и естъ уписанъ.

Книга гродск. Владимірская 1609 г., № 973, л. 184.

CLIII.

Духовное завѣщаніе уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя. Апологія уніи. 1609 года, ноября 19.

Року тисяча шестьсэтъ тринадцатого, месеца октебра двадцать третего дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, у три недели по святомъ Михайле, римскомъ святе, в року теперешнемъ вышъ менованомъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Андреемъ Заленскимъ, с Лубиц, судьею, а Григоріемъ Кисилемъ Низкиницкимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Володимерскими, постановившеся очевисте у суду, урожоный его милость панъ Янъ Потѣй подалъ для вписаня до книгъ нинешнихъ земскихъ Володимерскихъ тестаментъ остатней воли светое памети, недавно зошлого з сего свѣта, высоце велебного его милости отца Гипатия Потѣя, архиепископа митрополита Киевъского, Галицкого и всея Руси, владыки Володимерского и Берестейского, печатю его милости запечатованый и рукою подписаный, такъ же печатми и подписами рукъ людей зацныхъ наполненый, просячи, абы судъ нынешъний тотъ тестаментъ до ведомости своеи принявши, до книгъ уписати казалъ; которого мы суд, для вписаня до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали, и такъ се в собѣ маетъ: Во имя пресвятое, жывоначалное и нерозделное Тройцы, Отца и Сына и светого Духа, аминь. Кгды ж над смерть ничого нетъ певнейшого, але часъ и година ее закрыта, в чомъ насъ Христосъ Сынъ Божый, Панъ Избавитель нашъ, упоминаетъ, мовечи: „будьте

готови, бо не вѣдаете часу и годины", а прото ж и я Ипатей Потей, Божою милостию архиепископъ митрополитъ Киевъский, Галицкий и всея Русии, владыка Володимерский и Берестейский, будучи при добромъ здоровью и памети зуполной, и забегаючи на часъ прышлый, абы мя смерть яко неопатрного и убезпечоного не постигла, написалемъ сесь мой тестаментъ, для лепшое вѣры. А на первей то визнаваю: ижъ будучи окрещеный по обычаю светое Восточное церкви, верую во йимя Отца и Сына и Светого Духа, во святую единосущную и нероздѣлимую Тройцу, и вси артыкулы веры светое апостольское, кафтолическое церкви моцне приймую и держу невонтпливе, под зверхностью и послушенствомъ вселенского аръхиерея и епископа старого Рыму, наследуючи во всемъ предания светыхъ богоносныхъ отецъ и церемоний светое Восточное церкви, въ зъгоде и единости с церковью Рымскою, такъ яко и светые богоносные отцы наши в той же згоде и единости тривали и послушенство столицы верховного апостола Христова Петра и настоятелемъ ее отдавали, што се ясне и в продкахъ моихъ митрополитахъ Киевъскихъ, а меновите: Исидору, которого листъ на паркгамине с печатю завесистою осведчаетъ, такъ и в другомъ митрополите Михайлу и в третемъ Михайлу Рогозе ясне показуетъ. А ижъ никоторые противники нашы смеютъ мовити, яко быхмо до тое светое единости для пожитковъ нашихъ дочасныхъ приступити мели, ино, очищаючи сумненье мое предъ всими людьми, вызнаваю предъ Богомъ, которому вси тайны суть одкровены, ижемъ то не на взгаръду светое Восточное церкви и преложоныхъ ее чеснейшихъ патрыарховъ учынилъ, але с потребы великое душевного спасения моего и овечокъ моихъ, паметаючи на слова Исусъ Христа, Пана Збавителя моего, который насъ самъ, до тое згоды и милости братерское ведучи, упоминаетъ: „О семъ познаютъ, яко Мое ученицы есте, коли згоду и любовъ промежку себе заховаете." Ку тому и то тежъ немней предъ очима маючи, ижъ по вся дни о соединении веры и о совокупленье светыхъ Божыхъ церквей Пана Бога в молитвахъ церковныхъ звыкли есмо просити, а скуткомъ самымъ того соединения бегати—есть то власне, якобы з Бога смешки строити. С тыхъ теды причинъ, за початкомъ и поводомъ старшыхъ, до тое светое единости, яко на соборе вселенскомъ Флорентейскомъ было постановлено одъ самыхъ же пастырей

светое Восточное церкви, добрымъ и чистымъ умомъ прыступилъ есми, на которомъ соборе ижъ всѣ светые отцы церкви Восточной старейшынство звыклое столицы светого верховного апостола Петра и наместникомъ его епископомъ Римскимъ признали, межи которыми и предокъ мой митрополитъ Киевъский Исидоръ тое жъ учинилъ, про то жъ и мне не годилосе в томъ его выдавати и крывоприсяжцою зостати: поневажъ онъ не толко за себе самого, але и за наследъниковъ своихъ тое соединенье принялъ и послушенство епископови Римскому отдалъ, чого потомъ и другий митрополитъ Михайло черезъ листъ свой потвердилъ, а ведже вси церимоние и обродки светое Восточное церкви по преданию светыхъ богоносныхъ отецъ вцале заховалися и прывилемъ светейшого архиерея папы Рымского Климентия осмого на часы вечъные моцне утверъжены суть. Што все, яко се вышей поменило, если же ся кому в чомъ не догодило албо не подобаетъ, прошу не осуждай, але то радшей на розъсудокъ Божый пусти, передъ которого маестатомъ вси станемъ, а тамъ вси тайны одкровены будутъ и кождому воздастся по деломъ его: тамъ ся росправимъ и доведаемъ, которая сторона по Бозе ревнуетъ. Преступуючи теды до далших речий, напервей душу мою грешную предаю в руце Божые, а тело земли, с которое есть взято, в надею певную воскресения из мертвыхъ, которое маетъ быти поховано учтиве, по обычаю хрестиянъскому, безъ помпы, з молитвами пристойными и ялмужною убогихъ. А месце погребови: если бымъ преставился на Волыню, ино у Володимери, в соборной церкви, пред враты царскими, межи амъбономъ и дверми; а если на Подъляшу, ино у Берести, в церкви соборной, в пределе братскомъ; а если в Литве, ино где наближей—албо у Вилни, в соборной церкви, албо в Новагородъку, тамъ, где ся наслушней детямъ моимъ и приятелемъ видети будетъ. Далей, што се дотычетъ рычей моихъ рухомыхъ, золота, сребра, грошый готовыхъ, шатъ, обитъя, коней и иныхъ всих од мала до велика, тые вси одказую детемъ моимъ, сыномъ Яну и Петрови, с которыхъ рычей што где отдано быти маетъ, на особливомъ реестре рукою моею власною, писмомъ полскимъ, назначилемъ. Особливе то тежъ варую симъ тестаментомъ моимъ, што се дотычетъ речей церковныхъ и уберовъ, тые вси, на томъ же реестре моемъ списавши рукою моею, зоставилемъ, где што и до которое церкви отдано

быти маетъ. И обовезую сумнене сыновъ моихъ Яна и Петра и заклинаю именемъ Божымъ, абы с тыхъ речий ничого собе не прывлащали, але все, водлугъ напису и реестру моего, где што назначоно, зуполне отдали заразомъ при потребе тела моего. Яко жъ для лепшое веры с того реестру моего копие списавши, зоставилемъ одну у Володымерской ризници, а другую у Новагородской, абы по смерти моей капитула о томъ ведала, чого се у детей моихъ упоминати маетъ, а самый головный реестръ при тестаменте моемъ у детей моихъ зостати маетъ. Ку тому, што се дотычетъ листовъ и привильевъ и иншихъ доводовъ и сведецъства до тое единости належачыхъ, яко суть листы и привилья папежские и кролевские, тое все зложилемъ ув особливую скрынку, и еслибы самъ тыхъ листовъ за жывота моего не отдалъ, тогды сынове мои маютъ тую скрынку з листами тыми отдати его милости князю бискупови Виленскому и капитули его до схованья для вечное паметки, абы то потомъ, по чужимъ рукамъ ходечи, не погинуло, такъ яко и першие листы и доводы тое единости, на Флорентейскомъ соборе прынятое, безъ которыхъ не есть речъ подобная, абы быти мело, бо се то ясне и с тыхъ, што есть, показуетъ, але злость людская и недбалость старшыхъ то все погубило, прото жъ абы и тые, што теперъ есть, не погинули, до певного захованя, где ся высшей назначыло, отданы быти маютъ; а прышлые митрополитове и владыкове, будутъ ли в той единости, латвей ихъ тамъ досегнути могутъ, чого имъ будетъ потреба. А иные листы, которые бы церквамъ належали, если бы ся што по смерти моей найдовало, тогды сынове мои церквамъ тымъ, которымъ будутъ належати, верне отдати маютъ: Володымерские до Володымера, а митрополие до Новагородка. Листы на имене тые в особливой скрини у свиръне запечатованы стоятъ; тамже листы и на Дубокъ, которые тылко сыномъ моимъ служатъ, яко даровизна особе моей. Одправу слугамъ моимъ, хлопятамъ и всей челяди дворной поручаю сыномъ моимъ, прошу и напоминаю, абы были пристойне одправлены, яко бы на мене не нарикалы, иже бы то на души моей не залегло. То тежъ симъ тестаментомъ моимъ ознаймую, иժемъ никому жадного долгу не виненъ, а нимъ тежъ записовъ ниякихъ на себе не давалъ на долги пенежные, албо на именя церковные, которыми мелъ быхъ оддаляти добра церковные одъ церкви, не дай того

Боже; а ижъ частокротъ давалемъ featureзнымъ особамъ мамрами до права и до справъ духовныхъ, ино есмя бы ся што таковогo на нихъ показало, сынове мои не маютъ тому доверати; вшакъ же, если бы ся што на записахъ слушныхъ, водле права справленыхъ и на вряде признаныхъ, показало, на то маютъ мети пилное око и бачъное сынове мое. То тежъ годит ми ся прыпоменути, ижъ именье церковное Городокъ, лежачое в повете Луцкомъ, сынъ мой небощикъ Криштофъ, за моимъ позволенемъ, выкупилъ былъ своими пенязми у пана Кандыбы, писара кгродского Володимерского, у одинадцати сотъ золотыхъ полскихъ, которое именье церковное не я, але продокъ мой, владыка Володимерский, Меленътей Хребтовичъ заставилъ былъ на потребу церковную; ино тотъ долгъ на томъ именью тотъ повиненъ будетъ заплатити, кому именье будетъ належати, а не сынове мои. А ижемъ до тое сумы прыписалъ сынови моему Крыштофови болшей, яко бымъ у него мелъ позычити, тогды и то для ведомости сыномъ моимъ ознаймую, ижемъ у него ни одного пенязя не пожычалъ, але з ласки приписалемъ был ему болшей, сподеваючися ему отдати, яко дитяти своему; а про то жъ, якобы на томъ не урослы с того посварки, иже бы противъ сумненя чыего што се не деяло, тогды то для ведомости всимъ ознаймую, ижъ на томъ именью церковномъ Городку нетъ болше долгу справедливого, толко одинадцать сотъ золотыхъ полскихъ, которые сынъ мой Крыштофъ заплатилъ пану Кандыбе долгу власного Богурынского Хребтовича, а не моего, яко жъ то все на листехъ его покажется. И такъ для ведомости всимъ, а особливе сыномъ моимъ, оставую сесь мой тестаментъ, рукою моею власною подписаный и печатью запечатованый, до которого, для лепшое веры, о прыложене печати просилемъ ихъ милости пановъ и прыятелей моихъ: пана Андрея Заленского, судю земского Володымерского, а пана Яна Прылепского, подстаростего Володимерского, и пана Гневоша Гулевича Дрозденского, которые ихъ милосты, за прозбою моею очевистою, до сего тестаменту моего печати свое приложили и руками подписали. Писанъ у Володымери, року Божого нароженя 1609, месяца ноябра 19 дня.—У того тестаменту печатей притисненыхъ чотыри, а подпись рукъ ихъ милости тыми словы: Ипатей архиепископъ власною рукою сесь тестаментъ подписалемъ. Andrzey Załensky, sędzia zemsky Włodzimersky, ręką swą.

Jan Przełepsky, posdtar. Włodzimersky. Gniewosz Hulewicz ręką własną.—Который то теды тестаментъ, за поданемъ и прозбою его милости пана Потѣя, судъ нинешний, принемъши, до книгъ уписати казалъ и есть уписанъ.

Книга земская Владимірская 1613 года, № 1194, листъ 35.

CLIV.

Судебное рѣшеніе по дѣлу о священникахъ, членахъ капитулы Луцкой, преданныхъ Луцкимъ епископомъ Евгеніемъ Еловичемъ Малинскимъ суду по обвиненію въ растратѣ церковныхъ имѣній. 1610 года, генваря 23.

Року 1610, месеца генвара 23 дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, от дня Трохъ Кролей, рымского свята, в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправоватъ зачатыхъ, передъ нами Иваномъ Хренницкимъ, судею, а Андрѣемъ Загоровскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, кгды се приточила справа з реестру судового межи велебнымъ в Бозе его милостю отцемъ Евгеніемъ Еловичомъ Малинъскимъ, епископомъ Луцкимъ и Острозкимъ, поводомъ—з одное, а велебными Григоремъ, презвитеромъ Офанасовскимъ, протопопою Луцкимъ, Семиономъ презвитеромъ Николскимъ, Стефаномъ презвитеромъ Троецкимъ, Иоаномъ Гуляницъкимъ презвитеромъ Покровскимъ, Козмою презвитеромъ Михаловскимъ, Олексеемъ презвитеромъ Рожественскимъ, Федоромъ презвитеромъ Пятьницькимъ, крилошанами капитулою церкве соборное Луцкое светого Иоана Богослова, яко дедичами добръ церковныхъ, позваными—з другое стороны, за позвомъ земскимъ Луцкимъ отъ повода позваныхъ, на роки теперешние выданымъ, о то, ижъ поводъ, зоставши, за волею Божою и ласкою его королевское милости, по смерти зошлого Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозкого, епископомъ Луцкимъ и Острозкимъ, дозорцою добръ церковныхъ, которые добра, такъ за жи-

вота помененого Терлецкого, яко и по смерти его, през розные особы розшарпаные и розобраные суть, з великою и неошацованою шкодою церкви Божое, в которомъ розобраню тыхъ добръ позваные суть, яко поводъ мазть ведомость от людей некоторыхъ, принципалами и поводами, а меновите княжа Юрей Чарториский, въехавши в добра церковние, дворъ и село Жабче, село Губинъ, село Колодези, и оные кгвалтовне отнявши, по смерти зошлого Терлецкого, держитъ, о што з нимъ поводъ в праве стоитъ, удаеть, поведаеть то, же позваные якобы ему тые добра арендовали и до посесыеи при возномъ подавали. А такъ поводъ его милость отецъ епископъ Луцкий, хотечи в томъ ведомость от позваныхъ мѣти, а затымъ и о шкоды, в которие позваные слушне за такимъ непоряднымъ шафованемъ добръ церковныхъ впали кождый з позваныхъ по тисечи копъ грошей литовскихъ, оныхъ на роки теперешние позвомъ листовнымъ запозвалъ, о чомъ тотъ позовъ ширей в собе обмовляетъ. На року теды нинешнемъ, слушне в той справе приналымъ, стороны обедве поводовая и позваная очевисто до суду нинешнего становилисе и в той справе межи собою широце контровертовали. С которихъ контроверсий ихъ судъ нинешний земский Луцкий добре вырозумевши, поневажъ позваные крилошане всѣ, очевисто у суду стоечи, берутъ се до присеги на томъ, яко о той аренъде добръ церковныхъ, которие княжа его милость Чарториский якобы от нихъ арендою держать мелъ, не вѣдаютъ, тыхъ добръ не арендовали и не поступовали а ни на нее зезволяли, печати капитулное не прикладали и рукъ своихъ не подписовали; теды судъ позваныхъ до тое присеги припусчаетъ и наказуетъ, абы присегли, водлугъ тое роты вышей написаное. А ижъ позваные крилошане всѣ в позве описаные тую присегу, водлугъ роты вышей описаное, тутъ заразъ перед судомъ нинешнимъ выконали, теды ихъ судъ нинешний от того обжалованя поводового, позву и речи в немъ описаное волными чинить вечне. Што все для намети до книгъ земскихъ Луцкихъ есть записано.

Книга земск. Луцкая 1609—1610 годовъ, № 2810, л. 1309 на обор.

CLV.

Донесеніе вознаго о врученіи имъ войту и мѣщанамъ Кіевскимъ позва къ королевскому суду по обвиненію ихъ въ томъ, что они, ударивъ въ набатъ, толпой напали на дворъ бискупа Кіевскаго и избили слугу бискупскаго п. Бростовскаго и его жену. 1611 года, сентября 12.

Року тисеча шестьсотъ одиннадцатого, месяца сентебра двенадцатого дня.

На вряде его королевскои милости замку Житомирского, передо мною Григориемъ Кочуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, постановившисе очевисто, возный енералъ воеводства Киевского, шляхетный панъ Мартинъ Машинский, ку записаню до книгъ сознал и того сознаня своего квитъ с подписомъ руки своеи, писаный тыми словы, подалъ: я Мартинъ Машинский, возный енералъ воеводства Киевского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ ку записованю до книгъ кгродскихъ Житомирскихъ, ижъ року теперешнего, тисеча шестьсотъ одинадцатого, месяца сентебра пятого дня, подаломъ позовъ задворный, то есть мандатъ его королевскои милости, в мѣсте его королевскои милости, на ратушу Киевскомъ, при суду права Майдеборского, у светлици, на столи, при зуполной лавицы, передъ войтомъ положилъ, писаный по войта Киевского, Яцька Балыку, по бурмистра, по райцовъ и по мещанъ Киевскихъ, в жалобе велебного в Бозе ксендза Крыштофа Казимерского з Биберстану, бискупа Киевского, в довоженю справедливости слузе своему, шляхетному пану Балцерови Бростовскому, о то, ижъ войтъ мѣстский з райцами и въсѣмъ посполствомъ, в звонъ до побуженя кгвалту ударивши, нашли моцъю, кгвалтомъ, на часть места его милости бискупа Киевского, у Киеве, и на дворъ его милости, а тамъ шляхетного пана Бростовского кгвалтомъ порвавши, шарпали, лжили, били и жону его шляхетную Зузанну Бобровницкую посполу з нимъ, яко о томъ тотъ мандатъ достаточней в собѣ маетъ; которое подане очевистое того мандату самому войту и райцомъ оповедалъ и рокъ за тымъ позвомъ, за дворомъ его королевской милости ку праву стати обудвумъ сторонамъ отъ поданя того позву мандату за недѣлъ чотыри,

то есть в тыждень отъ почата сойму, ознаймилъ; и на томъ далъ тотъ квитъ, с подписомъ руки моеи. Писанъ у Житомиру. Которое ж то очевистое сознане возного, при квите его учиненое, до книгъ замку Житомирского записано.

Книга гродская Житомирская, № 12, 1611 года, листъ 297 на оборотъ.

CLVI.

Жалоба уніатскаго намѣстника въ Кіевѣ Антонія Грековича на подвоеводу Кіевскаго Михайла Мишку Холоневскаго о принятіи имъ для внесенія въ гродскія книги завѣдомо фальшивой, измышленной священниками Кіевскими, записи о томъ, будто онъ Грековичъ освободилъ означенныхъ священниковъ отъ позвовъ къ трибунальскому суду и уничтожилъ всѣ свои прежнія жалобы по дѣлу о неподчиненіи ихъ митрополиту Ипатію Потѣю и ему, Грековичу, какъ намѣстнику, о бунтѣ противъ него и пр. Донесеніе о томъ же вознаго. 1611 года, октября 4.

Року 1611, месяца октебра 4 дня.

На вряде кгродскомъ Житомирскомъ, передо мною Григориемъ Кочуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, постановившися очевисто в Бозе велебный его милость отецъ Антоний Грековичъ, игуменъ манастыра Видубицкого, маючи при собѣ возного енерала воеводства Киевского, шляхетного Павла Гутаровича, оповедалъ и сведчилъ противку его милости пана Михайла Мышки Холоневского, ротмистра его королевскои милости, подвоеводего Киевского, такъ своимъ, яко велебного в Бозе его милости отца Ипатия Потея, митрополита Киевского, именемъ, а то в тотъ способъ: ижъ тотъ велебный в Бозе отецъ Антоний Грековичъ, маючи на особѣ своей повероный урядъ надъ всими свещениками епархии Киевское, ведлугъ давнихъ светобливыхъ канyновъ, звычаевъ до вшелякого ряду и отправованя хвалы Божое в церквахъ Божихъ, але будучи отъ тыхъ всихъ свещениковъ, з нихъ давнои своволнои ребелии, его в легкомъ и своволномъ поваженю и

взгарде, где вже не толко его самого, яко официяла и наместника але и его милости отца митрополита, яко настыра, за такимъ своволенствомъ и покутнымъ ихъ мешканьемъ, особа и зверхность ображона зоставала, вдавшися з ними до права посполитого, за выданемъ на нихъ позвовъ о такое ихъ недане послушенства на прошлый трыбуналъ Петриковский, кгды вже до обтентованя термину трибуналского з нимъ до Петрикова ехати хотелъ, за усиловными ихъ прозбами а интенциею самого его милости пана подвоеводего Киевского, съ того термину трибуналского словне выпустилемъ ихъ, протестацие розные, реляции и весь поступокъ в той мире зачатый, цале и ненарушоне его милости отцу митрополиту ото всихъ головныхъ, а звлаща самого маистату его королевскои милости, юрыздыции и зверхности сеймовое и иншихъ зоставивши. То пакъ мало: тые пречечоные свещеники, хотечи ся снатъ зо всихъ тежаровъ и протестаций, реляций розныхъ вылизнути, ку далшому ростеганю такъ спросного, блукаючогося, своволного мешканя своего, утворивши собѣ на письми отъ особы моей квитъ зо всего поступку и протестаций, реляции и оповеданя, през его милость отца митрополита самого на вряде кгродскомъ Володимерскомъ, важилися от особы моеи до сусцепъты его милости пана подвоеводего такий квитъ дати; который тежъ его милость панъ подвоеводый, над повинность вряду своего, приняти и рукою своею власною сусцепъту подписалъ, которая тымже вознымъ в протокуле канцелярии арештована есть, и протестация самое канъцелярии противко нимъ в томъ же квите таковаго недосконалого и собѣ утвороного учинку зашла, декляруючися помененый его милость отец официалъ с тыми всими, пле с права належатъ будетъ, не мешкаючи чинити, вси справы, поступки противку тымъ свещеникомъ цале зоставивши. А на досконалшое утверженье тое своее жалобы пречечоный возный тотъ повиделъ, же тую сусцепъту его милости пана подвоеводего Киевского в артикуле виделъ и оную арештовалъ, о чомъ тая реляция, ширей в собѣ маючи, посведчона есть, которая такъ ся в собе маетъ: Я Павелъ Гуторовичъ, возный енералъ воеводства Киевского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, што ж в року тисеча шестьсотъ одиннадцатого, месяца сентебра девятого дня, будучи мъни в канцелярии кгродской Киевской, тамже за оказованемъ его милости отца Антония Грековича, официала его милости отца митрополита

Киевского, виделъ есми в протокуле поданую отъ свещениковъ Киевскихъ квитацию из сусцептою, подписомъ руки его милости пана Михала Мишки Холоневского, ротмистра его королевскои милости, подвоеводего Киевского, якобы ихъ тыхъ свещениковъ его милость отецъ официалъ, запозвавши ихъ в року прошломъ, тисеча шестьсотъ десятомъ на трибуналъ Петръковский, в перший понедилокъ по светомъ Мартине отправовать зачатый, о спротивенство и неотдане послушенства его милости отцу митрополиту и ему самому, такъ теж о взрушене покою, мелъ ихъ очевисто передъ его милостью паномъ подвоеводимъ Киевскимъ зо всее речи, яко жъ ширей в той квитации отъ нихъ доложоно, волными вечными часы учинить; противко которой то квитации и сусцепте его милости пана подвоеводего его милость отецъ Антоний, именемъ его милости отца митрополита и самъ отъ себе, передо мною вознымъ у книгъ арештовалъ и протестовалъ, менуючи, же при таковой квитации не былъ и на то не позволялъ, и над повинность вряду есть отъ его милости пана подвоеводего принята, и ктому отъ тыхъ же свещениковъ ажъ до року тисеча шестьсотъ одинадцатого, месяца августа тридцатого дня затрымана; противко которому тежъ задержаню канцелярия протестовалася; што все мною возным его милость отецъ Антоний Грековичъ, хотечи о то все зо всими тыми, где справа форумъ укажетъ, правне поступовать, осведчилъ. А я, штомъ слышалъ и виделъ, то все на семъ квите моемъ, под печатю моею, ку записанию до книгъ кгродскихъ Киевскихъ подалемъ. Которая то протестация и реляция того вышъменованого возного, кгды през него до сусцепты до наместника его милости пана подвоеводего Киевского, пана Василия Дедковского, была подана, приняти не хотѣлъ, але тую протестацию и з реляциею того возного поданую при собѣ не есть ведомо для чого зоставилъ и отдать не хотелъ; што все тым же возным осведчилъ. А потом, кгды помененый возный отъ его милости отца официала былъ реквированый, абы, ведле повинности вряду своего, до иншого вряду реляцию свою подалъ, снать за погрозками о небезпеченство здоровя своего, до жадного вряду и тутъ до поданя очевистое реляции своей ехать не хотил. Противко которому то такъ самому врядовѣ, яко теж и слузе врядовому тому возному, же повинности вряду своего досыть чинить не хотилъ, хотечи о то все з ними всими,

где справа форумъ укажетъ, водле права поступить, у книгъ кгродскихъ Житомирскихъ именемъ его милости отца митрополита и самъ отъ себе протестовалъ, и просилъ, абы тая его протестация до книгъ была принята и записана была, штом припявши, до книгъ врядовыхъ замку Житомирского записати казалъ, што есть записано.

Книга гродская Житомирская, № 12, 1611 года, листъ 319.

CLVII.

Донесеніе вознаго объ освидѣтельствованіи имъ священника м. Слободищъ Романа Мартиновича, коему нанесены были тяжкіе побои сыномъ войта м. Пятки Иваномъ Жашковскимъ въ то время, когда священникъ ѣхалъ черезъ Пятку въ с. Головки къ больному со св. дарами. 1611 года, ноября 29.

Року 1611, месяца ноябра 29 дня.

На вряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною Григориемъ Кочуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто возный енералъ воеводства Киевского, шляхетный Янъ Вышинский, ку записаню до книгъ замку господарского Житомирского созналъ и того сознаня своего квитъ с печатью и подписомъ руки своей, в тые слова писаный, подал: я Янъ Вышинский, возный енералъ воеводства Киевского, сознавамъ на семъ квите моемъ ку записаню до книгъ замку господарского Житомирского, ижъ року теперъ идучого тисеча шестьсотъ одинадцатого, месяца новембра двадцать семого дня, будучи мне приданому з уряду замку Житомирского, былемъ в месте Слобъдищахъ, маетности велможного его милости пана Остафиана Тишкевича, подскарбего надворного великого князтва Литовского, и за везванемъ урядника его милости Слободиского, пана Яна Волского, огледалемъ свещеника Слободиского, Романа Мартиновича, также виделемъ, за оказованемъ его, оного барзо хорого и на постели лежачого, раны битые, почавши отъ шие ажъ до пятъ, знать битые, синие,

што мною и шляхтою то есть: Станиславомъ Светщевскимъ а паномъ Костантымъ Язьвинскимъ, стороною, есть осведчено, и меновано отъ того свещеника, же тое збитье срокгое и непристойное сталося отъ пана Ивана Жашковского, войтовича Пятъского, кгдымъ дей приехалъ до Головковъ чоловека хорого з сакраментомъ насветшим, подлугъ объ-рендов нашихъ, иле на хазку здоровя будучого, причащать, где ме дей при оныхъ церемонияхъ кгвалтомъ напавши з двора своего панъ Жашковский, не огледаючися ниц на боязнь Божю и мний шануючи речей и святосци з онымъ покгаръзонымъ отъ него, збилъ; оповедал се при томъ и самъ свою и Божю кривду на того то пана Жашков-ского.—Которое то сознане возного помененого до книгъ принято и записано есть.

Книга гродская Житомирская 1611 года, № 12, листъ 358 на обор.

CLVIII.

Духовное завѣщаніе инока Пересопницкаго монастыря Ѳеодосія Бережецка-го съ распредѣленіемъ остающагося послѣ него имущества. 1612 года, марта 27.

Року тисеча шестсот деветнадцатого, месеца октебра чотырнадца-того дня.

На рокахъ судовых земских Луцких, от дня светого Михала, рим-ского свята, в року звыш написаном припалых и судовне одправоватъ зачатых, передъ нами Иваном Хринницким, судею, а Михайлом Гуле-вичом Воютинским, подсудъком, врядниками судовыми земскими Луц-кими, постановившисе очевисто шляхетный Игнатъ Кгродецкий, для вписаня в книги нинешние земские Луцкие поддал пер облятам теста-мент зошлого велебного отца Феодосия Береженцкого, с печатю и с под-писом руки его, также с печатми и с подписами рукъ людей зацных, роспоряженя маетности лежачое и рухомое по нем позосталое, о чом тот тестамент ширей в собе мает, просечи, абы принят и до книг

уписан был; которого суд нинешний видечи бытъ водле права справленого, оного для вписаня до книг принявшы, перед собою читати казал, и такъ се в собе мает: Во имя Отца и Сына и Светого Духа, Светое и Живоначалное Тройцы. Я рабъ Божий Феодосий инокъ Бережецкий зознаваю сим моим листом остатънее воли моее кому того будет потреба ведати тепер и напотом, ижъ есче будучи при доброй намети и целого розуму, ни от кого не будучи примушоный а ни чуючи ся бытъ винен кому, що толко самому Господу Богу во Тройци едыному, душею и телом, а що тепер при мне ест убогое маетностки моее, неболшъ одно у двадцети у осми копах личбы литовское, в застави сребро его милости пана Адама Чапълича Шпановъского, на которомъ сребре указую и оддаю и дарую наперед церкви Божой, храму Рожества Пресветое Богородици в манастыре Пересопъницъкомъ, личъбы литовъское копъ десятъ, а отцу архимандриту Никону, игумену Пересопъницкому, копу грошей одну, отцу Ивану свесченънику Мирскому грошей копу одну, отцу Езикилю свесченноиноку грошей копу одну, отцу Исаи свесченноиноку грошей копу одну, отцу Леонтию архимандриту грошей двадцат чотыри, иноку Герману золотый полский, иноку Протасу золотый полский, иноку Манасеи золотый полский, Хвеску панамару золотый полский, Грицку ключнику золотый полский, Лукашу кухару золотый полский, хлопцом церковнымъ всим золотый полский, сестренцу моему Игнату Кгродецкому грошей коп две, Феодору Заболотскому, сестренцу моему, грошей коп дви, Ивану Опаритскому, зятю моему, грошей коп дви. Ку тому еще тымъ же повинным моим сестренцом и зятю моему вышъ реченым даю и дарую право частъ свою, маючую от их милости паны приятелы моими, паном Андреем Брамом, а паном Урином, а паном Феофилемъ и паномъ Корчовъским и иншими приятелми моими, которое зачали есмо противку ее милости панеи Ярофеевое Гостское и их милостъю паномъ Радомъскимъ. А остатокъ грошей на том же сребре вышпомененом на потребъ мой, на што будет потреба, роздати. Которое сребро выш помененое все оддаю и оддаломъ до церкви Божеи, храму Рожества Пресветое Богородици тут у Пересопъницы манастыру, въ моцъ и шафунокъ отцу Никону, архимандриту, игумену Пересопънецкому, и вышъ реченым братямъ. Притом и запис на тое сребро, от его милости пана Адама Чап-

лица даный, якожъ отец архимандрит весполъ з братею, кгды его милость пан Чаплич выкупит сребро тое, тогды водлуг сего моего листу, яко ся поменило звыш, кому що ся обецам, отдать повинъни. И на то далом сес мой лист остатнее воли моее, з печатю моею и с подписомъ руки моее властное, такъ теж с печатми и подписми рукъ пановъ приятелей моихъ, его милости пана Александра Енича а пана Миколая Шостаковъского, пана Ивана Рудцкого; их милости за устною а очевистою прозбою руки свое подписали и печати притиснутъ рачили. Писан у Пересопъницы, року Божого нароженья тисеча шестсот дванадцатого, месеца марца двадцатъ семого дня.—У того тестаменту печатей притисненых чотыри, а подпис рукъ тыми словы: инокъ Феодосий Бережецкий властною рукою. Александер Еничъ властною рукою. Миколай Явъсович Шостаковъский власною рукою. Иванъ Руцкий рукою власною.—Который же то тестаменътъ, за поданемъ и прозбою вышъ мелованое особы а за принятемъ нашим судовым, увес с початку аж до конца до книг земских Луцких ест уписанъ.

Книга земская Луцкая 1619 года, № 2816, листъ 163 на оборотъ.

CLIX.

Фундушевая запись князя Іоахима Корецкаго и его жены Анны Ходкевичовны протопопу при церкви соборной въ м. Корцѣ Лаврентію Зизанію Установскому съ обязательствомъ всегда оставаться ему въ православіи. 1612 года, мая 17.

Року тысеча шестсот тридцат четвертого, месеца февъраля осмого дъня.

На врядъ кгродский, въ замокъ его королевъское милости Луцъкий, до мене Марка Кринского, будучого на тотъ час наместника подстароства Луцкого, присылалъ его милость отецъ Лавъренътий Тустановъский Сизаний, протопопъ Корецъкий, до поданя въ книги кгрод-

ские уписанъя права своего от ясневосвецоныхъ княжати Иохима Корецъкого, восводича Волынского, и малжонки его ясневелможъное княгини Анъны Ходкевичовъны Корецкое, и сынов ихъ милости, яко дедичовъ и наступъцовъ до князства Корецъкого, на тое протопопъство и певъную провизию даное, с послушенъствомъ светейшихъ патриарховъ нашихъ Восходнее церкве, а то под отступленем митрополита и епископовъ, перед тым бывалых пастырей, от церкви Восточъное и до костела Римъского под унию зашедшихъ, абы его милостъ отецъ протопопа за тымъ своимъ правомъ, будучи под послушенъствомъ Восточъное церкви пастырми, у престола Божого пана Бога за нихъ и потомство ихъ просилъ. Который же то его милостъ отецъ протопопа, чинечи въ том досытъ воли и росказанъю ихъ милостей, вперед отъца превелебнейшого Петра Могилы, метрополита Киевъского, епископа своего Луцкого его милости отца Аѳанасия Пузыны, которых его королевская милостъ, панъ нашъ милостивый, на сейме коронации своее Краковъскомъ, близко прошълом, успокоюючи народъ нашъ руский, который от року тисеча петсот деветдесят шостого, за отступленем Рагозы, митрополита Киевъского, и Кирила Терлецъкого Луцкого и Потея Володимерского, такъ же Холмъского и Пинского владыковъ от послушенъства патриярхы своего, пастыра землъ рускихъ, уходячи у суду его, а до столицы Римское с послушенствомъ поддалисе были, мемо ведомостъ такъ духовъных, яко и свецъкихъ становъ, о што ажъ до счасливое под инътерегнум конъвокацией станов коронъных и великого князства Литовъского, а потомъ и самое елекъцией турбация въ речи посполитой кончила се, а потом черезъ станы коронные и великого князъства Литовъского духовъного и свецкого сенату и всихъ становъ и самого его королевъское милости, пана нашого, успокоенъе и на сейме коронацией водле поприсяжоныхъ пунъктовъ до скутъку приворочаючи, намъ народови старожитъному рускому, под послушенъством Конъстанътинополского патриярхи, звиръхного зъдавна пастыра нашого, митрополиты и епископы благочестъем наданые и упривилиеваные будучи, кгды у Корцу ихъ милостъ быти рачили, то естъ его милостъ отецъ митрополита, на местъце змерлое игумение манастыра Корецъкого въ Богу змерлое кнежъны Серефины Корецкое манастыра Корецъкого на местъце оное зацъне врожоную панъну Серафиму Ярмолинъскую на игуменьство по-

свечаючы, а его милостъ отецъ владыка на погребе тела ее милости, которое оразъ по отъданью до гробу славъное памети его милости освецоного кнежати Корецъкого, кашътеляна Волынъского, часу недавно проминулого въ месецу ноябру отправованого, бывъши возъваный на тотъ погребъ и обыймуючи властъ епископъскую надъ тыми, которые под униею не были а ни зладуютъ се, тамъ его милостъ отецъ владыка его милости отцу протопопе право свое оказати перед собою велилъ и, прочитавши, росказати рачилъ оное пер облятамъ до книгъ кгродъскихъ Луцъкихъ подати. Чому досытъ учинити хотечи, самъ ехати умыслевъши, чекалъ уфолкгованъю въ зломъ своемъ здоровъю, а не маючи дочекатисе и воли пастыра своего досытъ чинечи хотечи, черезъ приятеля своего, пана Миколая Федоровича, до актъ кгродскихъ Луцъкихъ тотъ листъ и писане менованых кнежатъ ихъ милостей, с печатъми и с подписами рукъ ихъ милостей, посылаю и подаю. Которое я врядъ примуючи, передъ собою читать казалъ, и такъ се въ собе писмомъ рускимъ маетъ: Іахим, кнежа Корецъкий, воеводичъ Волынский, Анъна Ходкевичовъна, кнежъна Корецкая, хотечи мы, жебы се хвала Божия ширила и порядъне отъправовала въ маетъностяхъ нашихъ, усмотривъши на то чоловека годъного и побожъного господина отца Лавърентия Зизанію Тустановъского, дали есмо ему церковъ нашу замъковую Корецъкую соборъную, со въсими приходами тое светое церъкве належачими, отъ славъное памети небожъчиковъ продъковъ моихъ даными, то естъ: селъце за месътомъ Зарецъким с фолъваръкомъ, въ томъ же селъцу ставочокъ и мълынокъ, к тому тежъ землю борътъную Цуцатинъскую, с полъми, сеножатъми, землю тежъ борътъную противъ Княжа надъ Царемомъ, земълю тежъ борътъную межи Бабина и Подъдубецъ. А до того наданъя вышей менованого поступили есмо ему юръкгелъту шестъдесятъ золотыхъ полъскихъ и фаленъдишу локотъ осмъ и футро лисее. А тое отецъ Лавъренътий все маетъ спокойне и ненарушоне уживати, а хвалы Божее пиленъ быти и справы духовные въ церъкви справовати, водлугъ науки светыхъ апостолъ и предания богоносныхъ отецъ светое Восточъное церкви и въ послушании светѣйшихъ отъцовъ нашихъ и учителевъ патриарховъ восточныхъ, а за нас гришъныхъ и за богоданъные потомъки наши Господа Бога во светыхъ служъбахъ и молитъвахъ просити, яко да дастъ намъ благоденъство и

конецъ благъ живота сего, а тамъ изъбавитъ вичъного мучения и царства небесного сподобитъ. И на то дали есмо отцу Лавърентию сесъ нашъ листъ, под печатъми и с подъписомъ рукъ нашихъ власныхъ. Писанъ въ Корцу, мисеца мая семнадъцетого дъня, року тысеча шестъсотъ двенадъцетого. У того листу або данины кнежатъ ихъ милостей печатъ притисненыхъ чотыры и подпис рукъ ихъ милостей тыми словы: Іахимъ Корецкий рукою власною. Anna Chodkiewiczowna Korecka manu propria. Samuel xiąże na Korecu ręką własną.—Которая жъ то манифестация и осветъчене от менованого отъца Лавърентия Тустановъского, протопопы Корецкого, занесеное и притомъ листъ або право отъ вышъ речоныхъ кнежатъ ихъ милостей Корецъкихъ оному наданое, за поданемъ и прозъбою вышъ помененого пана Миколая Федоровича а за принятемъ моимъ урядовымъ, увес с почагъку ажъ до конъца слово до слова такъ, яко естъ написано и подано, до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцъкихъ сутъ въписаны.

Книга гродская Луцкая 1634 года, № 2147, листъ 171.

CLX.

Жалоба членовъ капитулы соборной при церкви успенія Богородицы въ г. Владимірѣ о томъ, что мѣщане Владимірскіе вооруженною рукою не допустили ихъ пахать церковное поле и при этомъ нанесли имъ побои, раны и отняли деньги и одежду. Показаніе вознаго, бывшаго очевидцемъ столкновенія. 1612 года, іюня 20.

Року тисеча шестсот дванадцатого, месеца июня 20 дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Володимерском, передо мною Андреем Мисевским, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, ставши очевисто богомыслныи отцѣ презвитерове капитулы греческое церкви соборное Володимерское светое Пречистое, отецъ Григорий Лозовицкий, протопопъ Володимерский,

отецъ Дмитрий Прокопенский, отецъ диякон Леонтий и писар капитулный, отецъ Роман диякон, сами от себе и именем в Бозе велебного его милости отца Ипатия Потея, архиепископа митрополита Киевского и Галицкого и всея России, владыки Володимерского и Берестейского, обтяжливе и жалосне скаржили и протестовалисе на месчанъ Володимерских, меновите: на Семена Зеленского, на Сидора Сирича, на Миска Пашковича, яко принципалов, и на инших месчан, помочниковъ ихъ, мешкаючих на передместю Володимерском, на Залужу, которых оны лепей знают, имена и прозвиска их ведают добре, иж дей они часу недавного прошлого, року тепер идучого тисеча шестсот дванадцатого, месеца июня осмънадцатого дня, запомнивши боязни Божое и срокгости правной, такъ же и вин, в праве описаных, взявши перед себе умыслъ якийс злый, кгвалтовне, збройне, з оружем войне належачим, о тридцат чоловека, нашедши на власныи кгрунты и поля наши церковные Прокопенского и дяконские, з давных часов ку церкви соборной Володимерское наданые и належачие, плуги наши, которые в тот час орали, с пол наших власных церковных изогнали и збили, мовечи, иж дей „ми поля тые на себе орати и держати будемо;“ а кгдысмы увидили тот таковый их учинок и кгвалт и кривду немалую, так церкви Божое, яко и нашу, зараз тогож часу возным земским енералом воеводства Волынского, шляхетным Исакием Далмацким, обвели и осветчили есмо. А потым дня нинешнего, месеца июня двадцатого, року выш помененого, вѣдаючи есмо о таковом предсевзятю их, а маючи при собе возного земского помененого Исакия Далмацъкого, нам з уряду приданого, сами, яко духовные особы, покоемъ права посполитого убезпечоные и никому ничого невинные, знову вышли есмо, с челядю и с плугами нашими, на тыеж поля церковные, безпечне, яко на власность свою, и почали орати; тогды тыеж помененые принципалове, с помочниками своими зобравшися всѣ, а маючи поготову плуги свое на выгоне Залузском, на первей убравши у панцир и в шишак, с пулгакомъ и з добытою шаблею на коню выслали Сидора Сергеевича Сирича и при нем килку их пѣших з оружем, который то Сидор, прибегши на поля наши церковные, поведил: „иж дей я естемъ присланый от пана войта, бурмистров и всего посполства на то, абых плуги ваши с пол ваших позганялъ и своим мѣсцъским орати казал.“ А кгды засъ его

в тым слухати не хотели и яко на власности нашой церковной орали, теды он, заволавши инших помочников своих, кгвалтом почал плуги наши с пол наших зганяти, которых мы кгдысмы боронили и задерживали, теды оный Сидор по ярмах рубал, сѣкъ и такъ мене Леонтея диякона, волы држачого, в руку лѣвую шкодливе ранил, а потым кгды их много набегло, теды нас киями, обложивши, били и мордовали якъ хотели и луп немалый учинили, то естъ: у мене Дмитрия Прокопенского взели и пограбили з хусткою из-за поясов золотых чирвоных осмъ и монеты золотых полских полшеста, шапку соболцем подшитую, за золотых осмъ купленую; а у мене Леонтия дякона узели и пограбили сукню верхнюю, фалендишовую, за золотых десетъ справленую, и шапку кунюю, подшитую, за золотых три справленую; а у мене Романа диякона узели и пограбили сукню фалендишовую, за золотых петнадцат справленую, и капалюш, за золотых два купленый, до того мешок, в котором было золотых полчварта, от пояса оборвали и жупан увес на мнѣ пошарпали. А так побивши и поранивши нас и то все от нас побравши, помененый Сидор Сергиевич Сирич с помочниками своими до домов своих отпровадили и на пожиток свой обернули, што мы все так збите и зранене наше, так и грабеж, который се нам от них на кгрунтех и полях наших власных церковных стал, помененым возным, на тот час при нас будучим, обвели, оказали и осветчили есмо. Яко ж и возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Исакий Далмацкий, ставши очевисто, ку записаню до книг кгродских Володимерских сознал тыми словы: иж дей року теперешнего тисеча шестсот дванадцатого, месеца июня 20 дня, будучи мне з уряду от вашей милости приданым на справу и потребу господина отца Дмитрия Прокопенского, отца Леонтия и Романа дяконовъ, на кгрунтах церковных, там же виделом, иж Сидор Сергиевич Сирич, пасынок Семема Зеленского, з иншими помочниками своими, которых он сам лепей знает, имена и прозвиска их добре ведает, выехал на коню, в панцир и в шишак убраный, с пулгаком и з добытою шаблею, курокъ приложивши, змѣрил с полгака на всѣх нас, хто колвекъ там был, оповедил: „иж дей я естем посланый на то от пана войта, бурмистров и всего посполства, абых плуги ваши позганял, а своим местским орати казал.“ Которых плугов видилом на выгоне наготованых не мало,

И уганялсе за плугами, на отца Прокопенского шаблею тял, але зложил его Гриц Полъпак, а потым поскочил на дяконские поля и там ся за плугами уганял и на отца Леонтия дякона сѣкъ, а потым вижу, аж отец Леонтий дякон идет до мене с крывавою рукою, и видилом у него рану крывавую, на руце левой шаблею тятую, шкодливую, и поведил: „иж дей мне Сидор Сергиевич ранил;“ до того поведили отцеве, же их иншие помочники, их обложивши, киями били и мордовали, луп и грабеж и шкоду немалую учинили, што дей собѣ шкодуем от них, а меновите от Сидора Сирича и помочников его, на чотыриста золотых полских.—А так отцеве духовные просили, абы тое оповедане их, так же и сознаня возного, до книг кгродских Володимерских записано было, што ест записано.

Книга гродская Владимірская 1612 года, № 976, листъ 296 на оборотъ.

CLXI.

Протестъ уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя противъ архимандрита Елисея Плетенецкаго и братіи Кіевопечерскаго монастыря, а равно и противъ всего православнаго духовенства Кіевскаго, о томъ, что они, принявъ къ себѣ Софійскаго митрополита Неофита грека, позволяютъ ему рукополагать священниковъ и освящать церкви, кромѣ того отказываются выдавать ему Потѣю слѣдуемые доходы и подущаютъ козаковъ и другихъ лицъ дѣлать какъ противъ него лично, такъ равно и противъ всего уніатскаго духовенства различныя угрозы. 1612 года, октября 16.

Року тисеча шестсот дванадцатого, месеца октобра шостогонадцат дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мъною Анъдреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Володимерского, ставши очевисто высоце в пане Бозе велебный и преосвѣщенъный его милостъ отецъ Гипатий Потей, архиепископъ митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, отец епи-

скопъ Володимерский и Берестейский, протестовалъся напротивко велебному Елесееви Плетенецкому, архимандритови Киевскому манастыра Печерского, и всѣмъ чернцомъ и попомъ, игуменомъ непослушнымъ, в митрополии Киевской будучимъ, которых имена и прозвиска тут завыражоные мѣти хочет, о то, ижъ року теперешнего тисеча шестъсот дванадцатого, по Велицедни розных дней и часов, преречоный Плетенецкий и вышъ помененые попы, игумены и чернцы, пропомневши вин в праве посполитомъ, в конституции коронъной описаных, явную опрессию и пренагабанъе такъ особе, яко и зверхности митрополитанъской чинячи и оную зверхностъ, з стародавъна од наяснейших княжат и кролюв Полских упривилованую, упорне зносючи, смѣли и важилися впровадити до манастыра Печерского, под юриздициею митрополитанъскою будучою, епископа объчого, нѣякого чернца кгрека, названого Неофита, который ся менует быти митрополитомъ з Кгрецѣеи Софѣйскимъ, и тамъ оному допустили презвитеровъ и дияконовъ на стан духовный и церкви светити. К тому тотъ же Плетенецкий, игумены, чернцы и попы, повинности стародавное, послушенство, провенътовъ и кунъ, зъ юриздициеи на архиепископа приходячих, упорне отдавати не хотят, до того подданых оселых на Зверинцу и три озера, названые Гачища, Бервища и Калное, и дани медовые з добр манастыра Печерского, што все належало манастырови митрополитанъскому Выдубицкому и на выживлене чернцомъ, тамъ мешкаючимъ, приходило, то все кгвалтовне с посесиеи митрополитанское одняли и собе привлащили; к тому такъ особе архиепископъской, яко и духовенъству его милости, черезъ себе и черезъ направные розные особы и козаки, отповеди и пофалки на здорове их чинятъ, для чого у вины десятъ тисечий золотых, в конституции описаные, попали. Якож бы был тую протестацию свою его милостъ отец архиепископъ тут на вряде, любъ тежъ наместникъ его милости тамъ в Киюве, о тые кривды заразъ учинилъ, нежли самъ его милостъ отец митрополит, будучи у великомъ князъстве Литовском, од тыхъ мѣстъцъ през час немалый одлеглый, будучи забавеный потребами церкви Божое, до тое ведомости тых кривдъ прити не моглъ, а преречоный наместникъ для пофалокъ розных особъ такъ духовного, яко и свецкого стану, и тежъ од козаковъ, тамъ в Киюве на уряде учинити обавялъся; прото тепер его милостъ

отец митрополит, взявши о томъ ведомость, заразъ инъстанъте на вряде нинешнимъ протестовалъся, о што все правне ин форо форы хотечи чинити, урядовне светчилъся. Которая то протестация его милости отца архиепископа Киевского до книг кгродскихъ Володимерских естъ записана.

Книга гродская Владимірская 1612 года, № 977, листъ 87 на оборотъ.

CLXII.

Дополненіе къ духовному завѣщанію митрополита Ипатія Потѣя. Распредѣленіе имъ остающагося послѣ него церковнаго и другаго имущества. 1613 года, апрѣля 27.

Року 1613, месяца октебра 23 дъня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, у три недели по светом Михале, римскомъ свете, в року теперешнем вышъ менованом припалых и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Андреем Заленским з Слубиц, судею, а Григориемъ Киселемъ Низкиницкимъ, подсудкомъ, врядъниками судовыми земскими Володимерскими, постановивъшисе оневисто, урожоный его милостъ панъ Янъ Потѣй подал для вписованя до книгъ нинешних земских Володимерских реестръ светое памети его милости отца Ипатия Потѣя, архиепископа митрополита Киевъского и Галицкого, владыки Володимерского а Берестейского, отца своего, рукою власною его милости отца митрополита писаный, до тестаменту належачий, просечи, абы при том же тестаменте до книг нинешних уписан был; которого суд нинешний приймуючи, перед собою читати казалъ, и тые сут его слова: Anno tysiąc szesć set trzynastego, aprilis dwudziestego siodmego dnia. Reiestr do testamentu mego należący, ręką moią własną pisany, ktory chociażby się z datą testamentową nie zgadzał, nic to nie ma wadzić, ponieważ testamen-

te wolno mi odmienić i poprawić wodle crasu i potrzeby, a ostatnie zawsze wedle prawa przy mocy zostaie; a prze tož i ten reiestr moy do každego testamentu mego, z iakąz by kolwiek datą, bądz pierszą abo posliednią był, ma służyć, i dla tegoż ręką moią własną wszystek iest napisany, aby synowie moi Jan y Piotr Pocieiowie, także y duchowienstwo mitropoliey Włodzimierskiei wiedziało, co i gdzie naznaczono, aby tam było oddano. W czym obowiąznię sumienie tak dzieci moich, iako i duchowenstwa oboiey kapituły, mitropoliey i Włodzimierskiey, żeby nad tę wolią moią, iako tu iest napisano, nic się nie odmieniło, ponieważ to są rzeczy moie własne na chwałę Bożą sprawione; iesli też iest co cerkiewnego, i to się pomienić nie zaniechało. Naprzod, laska srebrna s krziżem złocistym y z kamieniem topazionowym moia własna, ta ma być do mitropolij oddana, ktorą przed mitropolitem noszą; mitra, to iest corona większa y kosztownieysza, z kamieniem i s perłami, ktorom ia sprawił,—ta do mitropolij; sakow dwa, ieden biały z kwiatami złotymi, a drugi z obrazami Pana Chrystusowemi, także y antependia dwie tegoż wzoru,—maią być oddane do mitropoliey. Sak ieden tureckiego złotogłowiu z okładką aksamitu czerwonego, złotem haftowaną,—to nie moj, ale z ryznicy mitropoliey— tamże i oddany ma być; a co się dotycze krziża y lichtarzow kriształowych, srzebrem oprawnych, także kielicha złocistego, to iuż przed tym oddano do mitropolij, kiedym był w Wilnie; omophor perłami sadzony, com go ia sprawił, do mitropolij ma być oddany. A iżem większe dobrodzieystwa i dochody miał z władyctwa Włodzimierskiego, przeto też tam wiencey rzeczy odpisuię. A naprzod corona mnieysza, s krzižykiem smaragdowym i z szafierem, co na wierzchu, do Włodzimierza do ryznice; kryž złocisty, s kamienmi, z drzewem krziža S.— do Włodzimerza; kadzilnica wielka, co w niey grziwien dziesięc srzebra, i lichtarze złociste s chłopkami, w ktorych grziwien dwadziescia,— do Włodzimierza; sakow, to iest burnatny, altembasowy, z herbami papiežskiemi, i antependia taka że, i omophor taletu modrego, także drugi sak modry, s kwiatami złotemi, trzeci sak czerwony złotogłowu tureckiego, czwarty sak žałobny czarny, oksamitu czarnego, także przy tym i omophory wszystkie: atłasowij czirwonij i zielony i czarny— do Włodzimierza ma być oddano, oprocz omophoru taletu czerwonego: ten iest własny Nowogrodsky i tam ma być oddany. Liaska srebrna

złocista s kamienmi, ta iest własna Włodzimierska. Ewangelia srzebrem oprawna złocista s kamienmi—do Włodzimierza, i miska wybiana i dwie ampulke, krziż drzewiany rzezany, srzebrem oprawny, y kadzilnica mnieysza okrągła srzebrna—do cerkwi Brześćkiey. Ryzy adamaszki czerwoney, z okładką złotą,—do Brześcia, do cerkwi sobornej; krziż biały srzebrny, s figurą umęczenia Pana Christusowego, Kiowsky, ten do ryznicy mitropoliey oddać; stychar biały adamaszkowy, z okładką aksamitną,—ten iest własny Nowogrodsky, i tam oddać. Ryzy złotogłowne, perłami sadzone, i stychar diakonsky perłami sadzony, i insze stychary diakonskie—do Włodzimierskiey cerkwie. Ryzy złotogłowowe, s pasamanami czerwonemi, do cerkwi Włodzimierskiey, także policy y stychary episkopskie, wozduszki i insze ochendozstwa,—te wszistkie maią być oddane do cerkwie Włodzimierskiey. Co się tycze biblioteki moiey: xięgi łacinskie, co ich kolwiek będzie in scriptura sancta, iako są patres i insze duchowne a nie swieckie, te maią byc oddane na Seminary Wilenskie, do manastyra Swiętey Troycy Wilenskiego, in unione s. będącego; xięgi zaś ruskie wszystkie— do cerkwi Włodzimierskiey; xięgi swieckie, tak łacinskie, iako polskie, te na zdanie i baczenie synow moich daię: bendą li im potrzebne, niech tym szafuią wedle baczenia swego. Ostatek złota, srzebra, klieynotow cokolwiek, zostaie synom moim, oprocz łancuchu większego, od ktorego krzyż odiąwszy sobie, synowie moi ten łancuch oddać maią wnucce moiey, corce Krzisztofowey. Na ostatek co się tycze drobiazkow i ochendozstwa, iako towalien płucienich i inszych rzeczi, ktorych iuż zażywano do służby Bożey, cokolwiek iest w ryznicy, żeby się to in profanum usum nie obracało, maią podzielić do cerkwie mitropolij i Włodzimierskiey, wedle baczenia swego synowie moi. Ktoryż to reiestr ręką moią własną napisawszi i pod pieczęcią moią sygnietową zostawuię. Pisan w Rozance, anno et die ut supra.— У того реестру печать его милости зошлого отца митрополита, а подпис руки его милости в тые слова: Hipatius Pociey, mitropolit Kiowsky i wszystkiey Rosi, władyka Włodzimierskiy i Brzescky, własna ręka.—Который то реестръ, за поданемъ его милости пана Потѣя, суд нинешний принемши, до книг уписати казалъ, и естъ уписанъ.

Книга земская Владимірская 1613 г., № 1194, л. 37 на об.

CLXIII.

Жалоба пана Севастьяна Черхавскаго отъ своего имени и вмѣстѣ отъ имени своей невѣстки, вдовы священника м. Городка Григорія Черхавскаго, на Луку Круковскаго о томъ, что послѣдній, сговорившись съ другими разбойниками, напавъ ночью на домъ означеннаго священника, убилъ его самого, изранилъ его жену и ограбилъ имущество, причемъ когда войтъ и мѣщане Городенскіе хотѣли арестовать убійцу, то владѣлица мѣстнаго замка пани Консиновская энергично защищала его и дала ему возможность бѣжать. 1613 года, мая 2.

Року 1613, месяца мая 2 дня.

На вряде его королевской милости замку Житомирского, передо мною Яномъ Галъчиновскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши обличне, шляхетный Себестианъ Черхавский, такъ именемъ своимъ, яко и именемъ братовое свое, шляхетное панее Федоры Янчинское Григоревоо Черхавское, свещениковое Городецкое, обтяжъливе и пълачливе жалуючи и оповедаючи на неякогось Лукаша Круковского, который на сесь часъ мешкалъ и пробывалъ в местечку тамже, на сесь часъ державы пана Анъдрея Консиновского, в Городку, яко на принцыпала мужобоицу, розбойника, учинку в справе нижей описаной, о то: ижъ року теперешнего тисеча шестьсотъ тринадцатого, месяца априля двадцать семого дня, з суботы на недѣлю, в ночи, праве в первоспы, взявши перед себе злый умыслъ свой и непристойный, а до того до себе помочниковъ, людей розныхъ люзныхъ и своволныхъ, розбойниковъ собе ровныхъ, на то приспособивши, которыхъ онъ самъ имена и прозвиска лепей знаетъ, в килкунасту чоловека, з оружъемъ, войне належачимъ, потаемъне, тихо, яко мужобойцы и розбойники, в местечку Городку, до дому небожчика Григоря Черхавского, свещеника Городецкого, впадши, яко до чоловека спокойного, духовное особы и ему ничого невинного, изо всею челядью домовою спячого и отпочиваючого, тамже того свещеника Городецкого, небожъчика Григоря Черъханъского, оного на ложъку в сеняхъ его заставъши, окрутъне а нелитостиве збили, зморъдовали и зранили, коръдомъ штыхомъ в левый бокъ раны кривавые задали, с которого зъраненья тотъ свещеникъ Черъхавский назавтрее в недѣлю с того свѣта смертью зшолъ; а при

немъ жону его Федору Янчинского, шляхтянку учтивую, окрутѣне а нелитостиве збили, змордовали и зранили и домъ дей его спокойный шляхетский окрвавили; с которыхъ ранъ и бою нетъ ведома, если тая вышъменена Григорева Черхавъская жива зостанетъ. А мало на томъ маючи, тамже обычаемъ кгвалтовнымъ розбойнымъ лупъ, шкодъ немало в дому небожчика дей брата моего вышъмененого починили, то в способѣ лупу взяли кгвалтовне: шкатулу з грошми, в которой было золотыхъ двѣсте тридцать и два золотыхъ полскихъ; брамки две перловыхъ, купленые за сорокъ золотыхъ полскихъ; кубковъ три сребръныхъ, одинъ з нихъ злотистый, которые коштовали двадцать и шесть золотыхъ с позлотою; тузин лыжекъ сребныхъ, которые коштовали тридцать пять золотыхъ полскихъ; чарокъ сребъныхъ две, важили гривенъ две; ланцушковъ сребъныхъ два, купленые за осмнадцать золотыхъ полскихъ; кошуль двѣ белоголовскихъ, золотомъ гафтованые, купленые за двадцать золотыхъ полскихъ; поесъ сребный, коштовалъ золотыхъ двадцать и чотыри полскихъ. В той же шкатуле были листы привиля отчизные и дѣдизные на маетности продковъ нашихъ, намъ и потомкомъ нашимъ належачие, а при тыхъ листехъ и привилеехъ брата нашого середулшого пана Яна Черхавского листы и церографы, мамрамы и записы на долги на розные а певные особы служачие на килка тисечей золотыхъ полскихъ, ему до схованя вышъмененому свещенику Городецкому, брату моему старшому, небожчику Григорю Черхавскому, яко оселому, а теперъ зошлому, и малжонце его были повероные и даные, што все оные кгвалтовники, наездники, люде своволные, розбойники, с тымъ усѣмъ лупомъ, яко сь вышей помѣнило, взяли. А потомъ заразъ того ж часу преречоный Круковский, пополнивши тотъ учинокъ, з дому оного небожчика свещеника Городецкого до замку в томже местечку Городку, до панее Консиновское, в небытности мужа ее пана Консиновского, утекъ. А потомъ де я Себестианъ Черхавский и з братовою своею хорою, свещениковою Городецкою, з войтомъ и мещаны тогожъ мѣста, при чомъ были и возные енералове воеводства Киевского, шляхетные Григорей Гуляницкий а Миколай Пузовский, а при нихъ шляхты людей зацныхъ немало было, шли до замку, до панее Консиновское, просечи, абы того Круковского, яко мужобойцу, розбойника, кгвалтовника, выдала, або ли тежъ его везенемъ

добре опатрить казала. На што дей пани Консиновская передъ войтомъ и мещане Городецкими и передъ возными вышъ менеными и шляхтою, которыхъ на тотъ часъ было немало, тыми словы отповедила: же дей шляхтичъ везеня не повиненъ терпить, толко за поруку его дать. Якожъ се по томъ мужобойцы, кгвалтовнику розбойнику Лукашу Круковскому ручили шляхтичовъ два, панъ Андрѣй Пузыркович, а панъ Янъ Малачинский и Стефанъ Сеневецкий. А кгды тотъ мужобойца, кгвалтовникъ Круковский доведалсе певне, же дей братъ мой небожчикъ Григорей Черхавский, свещеникъ Городецкий, с того свѣта зшолъ, онъ дей почалъ з мѣста и з замку утекати. Войтъ дей и з мещаны Городецкими хотели у звонъ ударити, абы того мужобойцу, розбойника Круковского поймать. А пани дей Консиновская, державчиная Городецкая, прибегши, мещаномъ не дала звонити и ихъ самихъ своими руками отъ звонницы отопхнула, рекучи: „або дей хочете его живого зъести: онъ дей у мене у комнати седитъ;" а потомъ, шедши до замку, сама пани Консиновская казала дати ему коня малжонка своего и з замку втылъ фортою выпустити, который то мужобойца з мѣста и з замку прочъ утекъ. Теды дей я Себестианъ Черхавский из вышъменованою братовою своею свещениковою, з войтомъ и мещане Городецкими и з возными вышъменеными, при чомъ были шляхта люди зацные: панъ Максимъ Гаврятинский, панъ Петръ Сарацкий, просили дей есмо панее Консиновское, абы с поруки справедливость учинила; а пани дей Консиновская и с поруки справедливости учинити не хотела и оного мужобойцу, розбойника и кгвалтовника выпустила з замку, который з розказаня ее милости утекъ. Тоды дей я Себестианъ Черхавский, поспол з братовою своею Федорою Черхавскою, при возныхъ вышъмененыхъ и шляхте, очевисте стоечи, тыхъ поручниковъ вышъ мененыхъ панеи Консиновской арештовали у двохъ тисечехъ золотыхъ полскихъ, то есть на урядъ его королевскои милости кгродский Киевский в тисечи золотыхъ полскихъ, а на врядъ кгродский Житомирский также в тисечи золотыхъ полскихъ. О который то вышъ мененый злый учинокъ, о кгвалтъ, мужобойство, черезъ того Круковского пополненое, противко самого принцыпала и всихъ помочниковъ его, о которыхъ бы именахъ толко доведали, з утяженемъ осведчивши, оферовалися в таковомъ учинку не толко с принцыпаломъ, такъ тежъ и с

помочниками, але теж и с кождымъ таковымъ, где бысь одно учасникомъ быть оказалъ тыхъ луповъ и речей рухомыхъ, такъ яко часъ и потреба сама укажетъ, правне чинитъ не занехаютъ на вшелякомъ пляцу, где бысь одно о нихъ певне выведать могли. И просилъ вышъ мененый Себестианъ Черхавский, абы тая протестация ихъ, посполъ зъ вышъ мененою братовою его попадею учиненая, до книгъ замку Житомирского была принята, а возный до тое справы былъ приданъ. Я-м з уряду своего на тую справу ихъ придаломъ енерала шляхетного Григоря Гуляницкого, а тую жалобу, принявши, до книгъ замку Житомирского записати велелъ; што есть записано.

Книга гродская Житомирская 1613 года, № 9, листъ 115.

CLXIV.

Универсалъ королевскій къ обывателямъ Волынскаго воеводства о томъ, чтобы никто не смѣлъ вторгаться въ церковныя имѣнія Владимірской епископіи, а тѣмъ болѣе присвоивать ихъ, пользуясь смертью епископа Владимірскаго. 1613 года, іюля 25.

Року тисеча шестсот тринадцатого, месяца августа одинадцетого дня.

До уряду и актъ нинешних кгродских старостинских Володимерских, до мене Андрея Мисевского, букграбего и наместника подстароства Володимерского, постановившисе очевисто достойный в Бозе отецъ Григорей Лозовский, протопопа Володимерский, именемъ своимъ и именемъ капитулы всее, для вписаня до книгъ нинешних кгродских Володимерских подал лист або универсал его кролевское милости, с печатю коронною меншое канцелярии и с подписомъ руки его кролевской милости, в которомъ листе его кролевская милостъ рачилъ писати до их милостей пановъ шляхты, обывателей воеводства Волынского, абы в добра тые, до владыцтва Володимерского належачие, жаденъ не смел

наѣзджати а ни шарпати, о чомъ листъ менованый ширей в собе обмовляетъ; и просил, абы тот листъ его королевское милости до книгъ был принятъ и уписан. А так я врял, тот листъ для вписаня до книг приймуючи, перед собою читати казал, который так се в собе маетъ: Żygmont Trzeci, z łaski Bożey krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Jnflantskie, a Szwedsky, Gotsky, Wandalsky dziedziczny krol. Wszem wobec y kożdemu z osobna, komu to wiedzieć należy, tak stanu szlacheckiego, iako też wszelakiey inszey condytiey ludziom, łaskę naszę krolewską. Wierne nam mili! Acz tego iestesmy rozumienia, że żaden, poczuwaiąc się w powinnosci swoiey szlacheckiey, wiedząc surowosć prawa pospolitego przeciwko naiezdnikom y occupuiączym dobra cudze, a pogotowiu Bogu poswięcone, nie będzie się tego ważył, aby gwałtem na cudze prawa y przywileie następować, albo też maiętnosci occupować miał; iż iednak duchowienstwo władyctwa Włodzimierskiego, po zeisciu z tego swiata metropolity Kiowskiego, supplicowali nam, abysmy ich pod obronę y opiekę naszę wziąwszy, y dalszą drogę powagą naszą panską do takowych postępkow zawarli, daiemy to pisanie nasze, napominaiąc y roskazuiąc wiernosciam waszym, aby dobra y maiętnosci czerkiewne od nikogo naiezdżane, szarpane y usurpowane sobie nie byli, ale owszem iako się godzie y słusznosć sama mieć chce w pokoiu zostawały, co y z powinnosci swey, y dla łaski naszey uczynią wiernosć wasza, przestrzegaiąc się surowosci prawa pospolitego. Dan w Warszawie, dnia XXV miesiąca lipca, roku panskiego MDCXIII, panowania krolewstw naszych Polskiego XXVI, a Swedckiego XX roku.—У того листу его королевское милости печат притисненая коронная меншое канцелярии, а подпис рукъ тыми словы: Sigismundus Rex. Zach: Zadzik s. m. Который же то листъ его королевское милости, за поданемъ особы вышъ помянованое а за принятемъ уряду нинешнего, с початку увесъ аж до конца до книгъ кгродских Володимерскихъ естъ уписанъ.

Книга гродск. Владимірская 1613 г., № 977, л. 578.

CLXV.

Листъ королевскій о назначеніи пана Ильи Мороховскаго и Яна Потѣя временными администраторами церковныхъ имѣній Владимірской епископіи впредь до назначенія преемника умершему епископу Владимірскому. 1613 года, іюля 25.

Року тисеча шест сот тринадцетого, месяца августа одиннадцатого дня.

До уряду и актѣ нинешнихъ кгродских старостинских Володимерских, до мене Андрея Мисевского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, постановивши се очевисто урожоный его милость пан Янъ Потей, именем своим и именем урожоного пана Гелияша Мороховского, для вписаня до книг нинешних кгродских Володимерских подалъ лист албо универсал его королевское милости, с печатю коронною меншое канцелярии и с подписом руки его королевское милости, в котором листе пишучи, его королевская милость рачилъ дати адъминистрацию урожоным их милостям, пану Гелияшу Мороховскому и пану Яну Потею, на маетности до епископъства Володимерского належачие, о чом лист менованый ширей в собе объмовляетъ. И просил, абы тот лист его королевское милости до книг был принят и уписан. Которого листу я вряд для вписаня до книг приймуючи, перед собою читати казал, которого сут тые слова: Zygmont Trzecy, z łaski Bożêy krol Polsky, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Jnflandsky, a Swedski, Gotsky, Wandalsky dzedziczny krol. Wszem w obec y każdemy z osobna, komu to wiedzieć należy, a osobliwe duchowienstwu władyctwa Włodzimierskiego y wszystkym poddanym we wsiach cerkiewnych tegoż władyctwa będącym, wiadomo czynimi, iż my, upatruiąć to, aby dobra y maiętnosci cerkiewne, po zesciu z tego swiata welebnego w Chrystusie metropolity Kiowskiego, od kogo szarpane nie beli y poddani w nitz uciążeni nie zostawali, naznaczamy przy kapitule za administratora y dozorcę dobr wszitkich czerkiewnych urodzonego Heliasza Morochowskiego, ktory, pokąd my na władyctwo Włodzimierskie kogo namianuiemy, będzie w swym zawiadowaniu miał wszystkie tameczne dobra, starannie czyniąc, aby y pustoszone nie beli, y pożytki z nich nie na co ynszego, tylko na potrzeby tameczne czer-

kiewne się obracały. A dla snadnieiszego dozoru prziłączamy do niego y urodzonego pana Pocieia, oeconoma na ten czas dobr episkopstwa Włodzimierskiego. Co do wiadomosci wszitkich prziwodząc, chcemy to mieć, aby oni wsziscy poddani cerkiewne posłuszenstwo oddawali y to czynili, co za ich roskazaniem do przimnożenia pożitkow czerkiewnych będzie należało, jnaczey nie czyniąc dla łaski naczey y z powinnosci swey. Dan w Warszawie, dnia XXV miesiąca lipca, roku Panskiego MDCXIII, panowania naszego Polskiego XXVI a Szwedskiego XX. —У того листу его королевскои милости печать притисненая коронная меншое канцелярии, а подпис рукъ тыми словы: Sigismundus rex. Zach: Zadzik s. m. Который же то лист его королевской милости, за поданемъ особы вышъ менованое а за принятемъ уряду нинешнего, с початку увесь аж до конца до книгъ кгродских Володимерскихъ естъ уписанъ.

Книга гродск. Владимірская 1613 года, № 977, л. 577.

CLXVI.

Жалованная королевская грамота бывшему королевскому секретарю Ильи Мороховскому на епископію Владимірскую, съ обязательствомъ оставаться въ уніи. 1613 года, августа 9.

Року тисеча шестсот тринадцетого, месеца августа двадцет третего дня.

До уряду и книг нинешнех кгродских старостинскихъ Володимерских, до мене Андрея Мисевского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, пришедши его милость высоце в пане Бозе велебный отец Иосифъ Велиямин Руцкий, епископъ Галицкий, архимандрит Виленский, номинат метрополии Киевское, при бытности высоце велебного отца Атанасия Крупецкого, епископа Премыского и Самборского, и иных веля людий зацных, при томъ будучих, такъ духовного, яко и свецкого

стану, подал для вписаня до книг нинешних кгродских Володимерских привилей его королевское милости, с печатю коронною меншое канъцелярии и с подписом руки его королевское милости, писмом руским писаный, даный урожоному пану Гелияшу Мороховскому, секретарови его королевское милости, на владыцтво Володимерское и Берестейское, на сес час, по смерти высоце в Бозе велебного отца Ипатея Потея, митрополита Киевского, Галицкого, владыки Володимерского и Берестейского, вакуючое, о чом тая справа в менованом привилею ширей ест описана. И просил, абы тот привилей до книг нинешних был принят и уписан. А такъ я вряд, привилей менованый для вписаня до книг приймуючи, перед собою читати казал, который так се в собе мает: Жикгимонт Третий, Божъю милостю корол Полский, великий кнезъ Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянъский, Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный корол. Межи нашими повинностями, монархомъ и королем приналежачими, тая ест напреднейшая, абы людей тых, которые цнотою и наукою и горячою жерливостю в помноженю хвалы Божое над инъшие сут обдарены, ласкою щодробливости своее панское опатривали и оздобяли, а особливе на годности и преложенства духовные таковых высажали, прихиляючисе до науки и постановеня отцов светых, которые бы овчарню от пана Бога собе повереную заведовать и душами людскими радити умели, а они участниками грехов их през недозор их не зоставали. Того ж и мы през увес час панованя нашого перестерегали, абы ся той повинности досыт чинило и люди такие тые местца оседали, которых бы и побожное жите, и годности, и скромные поступки залецали. Прето и тепер, за зойстем з света того велебного Ипатия Потея, митрополита Киевского, Галицкого, владыки Володимерского и Берестейского, маючи добрую залецоную през велю пановъ сенаторов, такъ духовных, яко и свецких, цноту, побожност, скромностъ, годностъ и до одправованя уряду пастырского способностъ урожоного Гелияша Мороховского, секретара нашого, за которым и капитулы Володимерское прозба до нас внесена была, за реч яко пристойную, так и слушную розумелисмы, абысмы ему владыцтво Володимерское и Берестейское вакуючое дали. Якож теперешним листом нашим зо всими пожитками, доходами и маетностями, такъ яко и пред тым завше владыкове Володимерские и Берестейские заживали и держали и в ди-

спозициеи своеи мели, до живота его отдаемо и всим вобец до ведомости приводимо, с тым докладом, абы урожоный Гелияшъ Мороховский, посветившися од митрополита Киевского и пришедши в зуполную посесию того владыцтва, которому тот же митрополит подати мает, за нас, короля, пана своего, пана Бога просилъ, трываючи статечне въ едности светой с костелом повшехным римским и оную водлуг преможеня своего помножаючи. На што, для лепшое певности рукою своею привилей тот подписавши, печат корунную приложить росказалисмы. Дан у Варшаве, дня девятого месяца августа, року панского тисеча шест сотъ тринадцетого, панованъя кролевствъ наших Полского двадцет пятого, а Шведского двадцатого року.—У того привилею его королевское милости печат коронная меншое канцелярией, а подпис руки его королевское милости тыми словы „Sigismundus Rex"; а другий его милости ксендза реента, секретара великого, тыми словы: „Jac. Żadzik, secr. major. А такъ я вряд, привилей вышъ менованый за поданем его милости отца епископа Галицкого принемши, до книг уписати велел, и ест уписан.

Книга гродская Владимірская 1613 года, № 977, листъ 588.

CLXVII.

Квитанціонная запись, выданная нареченнымъ митрополитомъ Кіевскимъ Іосифомъ Вельяминомъ Рутскимъ и нареченнымъ епископомъ Владимірскимъ Ильей Мороховскимъ п. Яну и Петру Потѣямъ въ томъ, что послѣдніе сполна выдали по принадлежности церковныя драгоцѣнности, завѣщанныя отцемъ ихъ, бывшимъ митрополитомъ Ипатіемъ Потѣемъ въ пользу митрополіи Кіевской и епископіи Владимірской. Подробное описаніе особенно цѣнныхъ вещей. 1613 года, августа 22.

Року тисеча шест сотъ тринадцетого, месеца августа двадцет третего дня.

До уряду и книг нинешних кгродских старостинских Володимерских, до мене Андрея Мисевского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, пришедши его милость высоце в пане Бозе велебный

отец Иосифъ Велиямин Руцкий, епископъ Галицкий и архимандрит Виленский, номинат метрополеи Киевское, Галицкое и всея Руси, также и урожоный его милость пан Гелияшъ Мороховский, номинат владыцтва Володимерского и Берестейского, подали для вписаня до книг нинешних кгродских Володимерских листъ доброволный запис свой квитовный, с печатми и с подписми рукъ своих и теж с печатми и с подписми рукъ людей зацных, которым квитуют урожоных их милостей пана Яна и пана Петра Потеюв з одданя апаратов церковных архиепископских и епископских, през зошлого славное памети его милости отца Ипатея Потея, архиепископа митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, владыки Володимерского и Берестейского, на оздобу церквей Божих столечных митрополии Киевское и владыцтва Володимерского и Берестейского менованых и записаных и фундованых, о чом лист менованый по достатку в собе обмовляетъ, который лист их милостей особы вышъ менованые во всих его пунктах, артикулех и кондыциях очевистым сознанем своим ствердивши, просили, абы принят и до книг нинешних уписан был. А так я, врядъ, лист менованый для вписаня до книг примуючи, перед собою читати казалъ, и тые сутъ слова его: Мы, Иесифъ Велиямин Руцкий, епископъ Галицкий и архимандрит Виленский, номинат метрополии Киевское, Галицкое и всея Руси, а Гелияшъ Мороховский, номинат владыцтва Володимерского и Берестейского, вызнаваем тым нашим листом всим вобец, кому бы о том тепер и напотом завжды ведати належало, иж на ден сегоднешний двадцет вторый месеца августа, в року теперешнем тисеча шестсотъ тринадцетом, ставившися нам до Володимера на погребъ тела мерлого славное памети велебного в пану Бозе его милости отца Ипатия Потея, архиепископа митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, владыки Володимерского и Берестейского, пана и пастыра нашого, до отданя повинное хрестиянское остатнее послуги сыновское, тогды позосталые сынове небожчиковские их милости панъ Янъ и панъ Петр Потееве показали явне всим духовного и свецкого зацного стану людем, на тот актъ собраным, реестр власною рукою небожчика пана отца их милости полским писмомъ писаный и печатъю сегнитовою запечатованый, которым небожчикъ архиепископъ митрополит Киевский, с побожности, добротливости своее, горячим будучи милосником фалы Божое, на оздобу церквей Божихъ

столечных метропольи Киевское и владыцтва Володимерского и Берестейского меновати, записати и фундовати рачил апараты церковные архиепископские и епископъские от богатого золота и каменей дорогих и перел великих, власным коштом небожчиковским справленыхъ, и выконываючи их милости панове Потееве светобливую остатнюю волю его милости пана отца своего, тые речи апараты вси, митропольи Киевское належачие, мне номинатови Киевское, Галицкое и всея Руси митрополии, а мне номинатови владыцтва Володимерского и Берестейского до церкви Володимерское соборное належачие, ведле помененого власного реестру небожчиковского, во всем цалые и ненарушоные отдали, а то ест мне номинатови митропольи Киевское: корону на белом телите, на которой евангелистове чотыри гафтованы, перлами великими накрыж у два ряды сажоны, на которой у челе рожа с каменем чирвоным немалым, чотырма меншими осажона, над тым трохи вышей, на кшталт запоны, яко орехъ влоский, шафер белый, над тым крижик дияментовый, сем дияментов немалых попрек перегородили; перел великих шест, камен на кшталтъ рубину росоловое фарбы, яко грош полский велкостю, далей перегорожаетъ перел шест великих, пунтал з шмаракгом, уверху камен чирвоный в золоте, яко яйце голубиное, и крижик золотый; ку долу зась пусчаючися, пунтал з шмаракгом, под ним сем перел великих, зась у золоте камен шафер, яко грошъ велкостю, под ним перел сем великих, под тым зараз шмаракгова запонка з шмалцем, при том запона з коштовным з чирвоным каменем и там околична перла в долу у два ряды идет, где теж ест рожа, шафер немалый, чотырма каменми осажона, при которой кончится половица крыжа перлового, што через шапку идетъ; за тым другий ряд штук, запонка продолговатая с трема каменми: два рубины с краю, а диямент в середине, которую окружили у два ряды перла немалые; над тою камен чирвоный яко грошъ велкостю з золотом высокий, взвышъ осмъ перел великих попрек положоные, далей ку верху шмаракгъ в золоте при тканце перловой, што идет през корону; при тканце той шмаракгъ в золоте з шмалцомъ, нижей перегорожает сем перел великих, под тым ку долу рубин в золоте, также перел сем перегорожаетъ и зась при том шмаракгъ в золоте з шмалцем, а нижей осмъ перел немалых; при том ку долови камен чирвоный, яко грошъ велкостю вынеслый, а нижей того у долу штука продолговатая с трома

каменми: два рубины по концах, а в середине дизмент, в кронцу, што уколо идет короны, у водном месцу шмаракгъ в золоте, в другом штука с трома каменми белыми, а з двема чирвоными, в третем месцу рубин в золоте, в чвартом штука продолговатая с такими ж якож и тая каменми. А мне зась, номинатови владыцтва Володимерского и Берестейского: корону на чирвоном атласе, на которой чотыри херубины гафтованые, а крыж белый, телитовый, через всю корону во два ряды перлами сажоный немалыми, у котором крыжу крыжик, в немъ шмаракгов десет великих в золоте и перел урыянских шест яко зерно, веле троху над тым шафер у золоте, пунталами долгими трема осажоный, далей пунтал з шмаракгом, на верху короны шафер в золоте, крыжик золотый, на верху на другой кватыре ку долу пунтал з шмаракгом, нижей шафер в каште в злото оправный, далей пунтал з шмаракгом, нижей камен брунатный, вынеслый яко грош, в округлости пунталов чотыри с перлами немалыми, то обошла обручка перловая, у два ряды сажоная, далей белый камен великий, яко диямент, з голубиное яйце, у верху оного два пунталы и камен з жолта-белый, яко старый диямент, яко грош вшир, вышей штука золотая з рубином, далей на дол штука з рубином, нижей камен чирвоный, у велкости яко грошъ, в золоте, под тым пунтал з рубином и другий с перлою, далей камен великий, белый и высокий в золоте, вкругъ на обруцце талетовой у два ряды перла и пунталы золотые с перлами и през перел в личбе деветнадцет, а над херубинами вышей положоными над головами штучки, в которых по три камени: два с краю рубины, а у середине кождой диямент, а около голов перла и камене и по шести пунталов золотых. Которые обедве короны выразне, в достатку каменей и перел, яко речий поважных, тут описавши, тых речий других не описуем, кгдыж кождая зособна и наменшая речъ в реестре небожчиковскомъ естъ достаточне менованая. Водле которого все вцале мы руками нашими од их милостей панов Яна и Петра Потеевъ одобралисмы и кождый з нас зособна взял, яко которой церкви належало водле воли и описаня небожчика пана отца их милости, чого всего ихъ милостей пана Яна и пана Петра сим листом нашимъ квитуем, такъ з особъ наших, яко и з особъ духовенства капитулы тых пречоных церквей соборных, митропольи Киевское и Володимерского владыцтва, варуючи и шлюбуючи за себе и за наши

потомки наступуючие, по нас метрополиты Киевские и владыки Володимерские, иж того всего ку фале Божой и оздобе церквей светых во всих чинах завжды заживати за ласкою Божею будем и будутъ, а наменшое речи с того не уймуючи и где индей не пременяючи. А що се дотычет книг, манастырови Виленскому и владыцтву Володимерскому од велебности его светителское тым же реестром назначоных и описаных, иж ихъ милости панове Потееве тутъ их при собе не мели, кгдыж в Рожанце у библиотеце по смерти небожчиковской зостали, также и справ розных, церквам и добрам митропольи Киевское и зособна церквам и именям владыцтва Володимерского и Берестейского належачих, при небожчику пану отцу их милости, яко митрополиту и владыце Володимерском, будучим и там зосталых, тогды, кгды тые книги и справы церковные нас од ихъ милостей пановъ Потеевъ вцале до рукъ дойдутъ, кождый з нас их милостей квитовати врядовне с капитулою своею будем повинни. И на то дали есмо ихъ милостям пану Янови и пану Петрови Петеем сес нашъ лист под печатми нашими и с подписы рукъ наших власных, до которого и велебные в пану Бозе епископове при том всемъ будучие: преосвященый его милость отец Евгеній Еловичъ Малинский, епископъ Луцкий и Острозский, и его милоость отец Афонасей Крупецкий, епископъ Премыйский и Самборский, его милость отец Иоасафъ, епископъ Мекгленский, и их милости панове: его милость панъ Якубъ Лысаковский, хоружий земли Холмьское, его милость пан Андрей Заленский, судья земский Володимерский, его милость панъ Фридрыхъ Подгороденский, подсудокъ Холмский, а урожоный пан Андрей Дахновичъ, коморникъ граничный Володимерский, печати свое приложити и руками се своими подписати рачили. Писан у Володимери, року Божого нароженя тисеча шест сотъ тринадцетого, месеца августа двадцетъ второго дня.—У того листу квитовного печатей притисненых девет, а подпис рукъ тыми словы: Иосифъ Велиамин Руцкий, епископъ Галицкий и нареченный митрополитъ, рукою власною. Гелиашъ Мороховский, нареченный епископъ Володимерский и Берестейский, manu propria. Евгений Еловичъ Малинский, епископъ Луцкий и Острозский, власная рука. Афтанасий Крупецкий, епископъ Премыский и Самборский. Ὁ Μεγλένου Ἰωασαφ ὑπέγραψα. Jakub Łysakowsky, chorąży Chełmsky, ręką. Andrzey Załensky, sędzia ziemsky Włodziemersky, ręką swą. Frydrych Pod-

horodensky, podsędek ziemie Chełmsky, na swiadectwo ręką swa. Andrzey Dachnowicz, komornik graniczny Włodziemersky, ręką swą. Котораяж то квитанция, за поданем и очевистымъ признанем особъ вышъ менованых а за принятемъ уряду нинешнего, с початку вся аж до конца до книгъ кгродскихъ Володимерских естъ вписана.

Книга гродская Владимірская 1613 года, № 977, листъ 590.

CLXVIII.

Заявленіе нареченнаго митрополита Кіевскаго Іосифа Вельямина Рутскаго о томъ, что въ присутствіи многочисленныхъ обывателей воеводства Волынскаго, собравшихся на погребеніе митрополита Ипатія Потѣя, онъ торжественно ввелъ нареченнаго епископа Владимірскаго Илью Мороховскаго въ управленіе означенной епископіей и принадлежащими ей имѣньями. 1613 года, августа 23.

Року тисеча шест сот тринадцетого, месяца августа двадцет третего дня.

На вряде кгродском Володимерском, передо мною Андресм Мисевским, буркграбим и наместником подстароства Володимерского, обличне будучи велебный в пану Христусе отец Иосифъ Велиямин Руцкий, владыка Галицкий, архимандрит Виленский, нареченный метрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, явне и доброволне вызнал: иж за порученем и росказанем его королевское милости, року теперешнего тисеча шестсотного тринадцетого, месяца августа двадцет второго дня, при бытности в церкви соборной Володимерской велю кнежат, пановъ урядников земских, шляхты, обывателевъ воеводства Волынского, на погребъ тела змерлого славное намети велебного в пану Бозе его милости отца Ипатея Потея, архиепископа метрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, владыки Володимерского и Берестейского, до Володимера згромажоных, и при бытности всее капитулы владыцтва Володимерскаго, церковъ соборную Володимерскую, заложене Светое Пречистое Девици Марии, зо всими скарбы церковными, замочокъ владычний, также местечка и села, владыцтву Володимерскому, здавна належачие, и в месте Володимерском

мешкаючие подданые, ведле привелею и данины его королевское милости, урожоному его милости пану Гелияшови Мороховскому, секретарови его королевское милости, в моц, в державе и в спокойное уживане явне подал есми и в то все его милость увезал есми и ключе церковные до рукъ его милости оддалем, которого через мене поданя и увезаня нихто ничим не боронил и противным не был.—Которое ж то очевистое пречоного его милости отца епископа Галицкого вызнане вряд нинешний принявши и до ведомости своее припустивши, до книг кгродских Володимерских записати казалъ, што естъ записано.

Книга гродская Владимірская 1613 года, № 977, листъ 589 на оборотъ.

CLXIX.

Донесеніе вознаго о вводѣ нареченнаго епископа Владимірскаго п. Ильи Мороховскаго во владѣніе церковными имѣніями и замочкомъ Владимірскимъ. 1613 года, сентября 3.

Року тисеча шестсот тринадцетого, месяца сентября третего дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Яном Прилепским, инстикгатором коронным, подстаростим Володимерским, обличне ставши возный енерал Исакий Долмацкий, ку записаню до книг кгродских вызнал тыми словы: иж за приданем врядовым и посланемъ от велебного в Бозе его милости отца Иесифа Велиямина Руцкого, владыки Галицкого, архимандрита Виленского, номината митрополѣей Киевское, маючи при собѣ стороною шляхту пана Ярошa Лосицкого а пана Яна Павловского, року теперешнего тисеча шест сот тринадцетого, месяца августа двадцет третего дня, былем во именю и дворе владыцтва Володимерского Купечове, где заставши свесченика капитулного, отца Романа Апостолского, и тамошнего попа Купечовского отца Иякова Спасовского, и тивона Васка, оповедалем, ижем ест посланый на подане именей церковных владыцтва Володимерского его милости пану Гелияшови Мороховскому, секретарови его королевское ми-

лости, за привилием и данином короля его милости, за которым уже церковъ соборная Володимерская заложеня Святое Пречистое Девици Марьи зо всими скарбы ее и замочком владычным при велю кнежат, панов, урядников земскихъ, шляхты, обывателюв земли Волынское, през велебного его милости отца Руцкого, владыку Галицкого, на то от короля его милости тым же привилием приданого, его милости пану Мороховскому ест поданый и ключи церковные и замочковые зараз отдали, если же бы того увезаня и они не боронили. Тогды пречечоные свесченици поведили: ижъ мы, маючи ведомость от капитулы нашое Володимерское о том всем, двор и имене Купечов, со всими приналежностями его, то ест местечком Озерянами и з селми Белашовом, Солотвином, Рокитницею, Вороною, Сушибабою, Грушевою Волкою, Сушилном, з церквами, з боярами, поддаными, месчаны и предмещаны, хрестияны и жидами, зъ их вшелякими данми, платы, роботы и повинностями и зо всими тых именей пожитками, его милости пану Гелияшови Мороховскому до владзы, моци, держаня и уживаня и шафованя, яко владыце Володимерскому и Берестейскому, поступуемъ и подаемъ. И то мною возным и шляхтою осветчивши, бояром, войтом и подданым с тых всих именей помененых, старшим, до громады тамъ зошлым, вшелякую повинност и послушенство, абы его милости пану Мороховскому, зо всими иными поддаными завжды отдавали, в голос росказали. За которых то пречечоных священиков добоволным тых всих добръ уступенем и их поданем, я возный, з владзы вряду моего, в двор и село Купечово и местечко Озеряны, села и приселки, такъ во вси огулом, яко и в кождое зособна, его милость пана Гелияша Мороховского, секретара его королевское милости, нареченного владыку Володимерского и Берестейского, увезалем и служебникови его милости, на вряд там посланому, шляхетному пану Матысови Стрикгновскому, то все подалем и оного в особе панской в спокойной того всего посесѣеи зоставилем, которого тых всих именей през священиков поданя, яко и през мене явного увезаня, нихто ничим не боронил и не спротивлялся. А оттоль зараз с тоюж выше пречечоною шляхтою, року теперешнего, тисеча шестсотного тринадцетого, месяца августа двадцет четвертого дня, ездилем до двора имени церковного Бискубич, где в дворе заставши презвитера капитулного отца Афанасия Миколинского, и тамошнего попа

Бискубицкого отца Григоря Глѣба-Бориского, и врядника старого пана Лукаша Лисовского, которым всим оповедилом, ижем ест посланым от уряду кгродского и от велебного его милости отца Есифа Руцкого, владыки Галицкого, на подане тых добръ, за привилием короля его милости, урожоному его милости пану Гелияшови Мороховскому, секретарови его королевское милости, если бы ся тому не спротивляли. Которые свесченици и тот врядник поведил: иж о том ведаючи, воли короля его милости и посланю его милости отца епископа Галицкого и врядовому не сопротивляемосе и тых добръ, двора и села Бискупич и приселка Петикоров, зо всим уступуем до владзы и держаня нареченному епископови нашому Володимерскому и Берестейскому, его милости пану Мороховскому, подаем. Якож зо всим подали и поступили доброволне; за которых доброволным поданем я, возный, в тот двор и село Бискупичи и в приселок Петиковы его милость пана Мороховского увезал есми и посланого от его милости на вряд шляхетного пана Якуба Стронского там урядником зоставил есми; которого през отцов помененых поданя, яко и през мене увезаня, нихто ничим не боронил и противным не был. И тогож дня вышей помененого до фолварку Шистова приехавши, заставши в громаде войтовъ, тивоновъ з сел: Боженки, Микулич, Петиден, Хрипалич и мелников Олшаницкого и Белоберезского, за доброволным през отца Григоря Лозовицкого, протопопы Володимерского, и отца Богдана Залузского, свещеника Уведеновского, фолварку Шистовского и тых всих помененых имений поданем и поступенем, которым то войтом, тивонум и мелником зо всими бояры и поддаными тамошними его милости пану Мороховскому, яко нареченному и упривилеваному владыце Володимерскому и Берестейскому, послушенство и повинност во всем отдавати росказали, чому се нихто не спротивлял; я, возный, владзою уряду моего и на то посланым будучи, его милость пана Мороховского, секретара его королевское милости, в то все увезал есми. Также оттоль зараз до Володимера приехавши, в мещаны Володимерские церковные, при церкви в улицах мешкаючие, за поданем оных през самого его милость отца владыку Галицкого, и в замочок владычний его милость увезал есми; которого поданя и увезаня в то все явного нихто не боронил и противным ничимъ не был, и сам особою своею его милость панъ Мороховский в замочку владычным зостал, то все предменеые фолварки и

села до спокойного держаня своего взял. Котороеж то очевистое сознане возного я, врyд, принявши, до книг кгродских Володимерских записати казал и ест записано.

Книга гродская Владимірская 1613 года, № 977, листъ 601-й на оборотъ.

CLXX.

Фундушевая запись земянина Гнѣвоша Гулевича Дрозденскаго иноку Герасиму Микуличу па островъ и поле въ с. Дроздахъ съ правомъ основать здѣсь скитъ, но съ условіемъ, чтобы обитатели этого скита и ихъ преемники всегда оставались въ православіи. 1613 года, октября 5.

Року тисеча шестъсотъ тринадцатого, месеца октебра семого дня.

На рокахъ судовых земъских Луцких, от дня свята римского светого Михала в року звышъ написаномъ припалых и на завтрее того свята судовне отправовать зачатых, перед нами Иваномъ Хренъницкимъ судею, а Анъдреем Загоровским, подъсудкомъ, врядниками судовыми земъскими повету Луцкого, постановившисе очевисто урожоный его милость панъ Гневошъ Семенович Гулевичъ Дрозденъский, листъ доброволный запис свой вечистого фунъдушу от него в Бозе достойному свещченъноиноку отцу Герасиму Микуличу, духовнику и богомолци своему, и по нем от него наступникомъ, на записанъе вечистое островка на озере в маетности его милости дедичной села Дрозденъ и Гудчого-Броду будучого, з кгрунтомъ прилеглым на березе тогожъ озера, до збудованъя на немъ дворца з огородами до него потребными и волное завжды ловенъе рыбъ в озере помененомъ, и врубъ волный для дровъ в пусчи и запусты тых же помененых маетностей, и инъшие всѣ конъдицие и обовязки в немъ описаные даный и служачий, перед нами положивши, во всемъ его очевистымъ а доброволнымъ сознанъемъ своим ствердивши и змоцнивши, просил, абы принятъ и в книги нинешние уписанъ; которого мы огледавши, а видечи его быть во всемъ водле права посполитого справленого, печатъми и подписы рукъ такъ его милости самого, яко и людей

зацных, наполненого, приймуючи, перед собою читат казали есмо, и слово от слова так се в собе маетъ: Я рабъ Божий Гневошъ Семеновичъ Гулевич Дрозденский, записуючисе и под обовязки сего запису ниже помененые самого себе з добрами и потомъками своими доброволне подданючи и втеляючи, всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы о томъ ведати належало, теперъ и напотомъ завжды, ознаймую, сознаваю и явно чиню симъ листомъ доброволным записомъ моим чоловеку духовному, священноиноку Герасиму Микуличу, духовному отцу и богомолци моему, на речъ нижей в семъ листе моемъ фунъдушовымъ описаную, ку чти и фале Бога всемогушчого, во Троици единого, на всѣ вечные и потомные часы ему самому и од него по немъ наступуючимъ данымъ: ижъ я, знаючи и ведаючи себе быти подлеглымъ и подданымъ смерти, а маючи то перед собою, ижъ все, штоколвек водле часу на светъ приходитъ, с часомъ тежъ и уплываетъ, и на свете ничого певного и тръвалого, окромъ доброе славы, доброго и побожного житя, з него сходечи, жаденъ чоловекъ по собе не зоставуетъ, а все, штобы колвекъ ку вечнои памети учинил, абы то по нем и на потомные часы вечно, моцно и важно было, а с памети людское никгды не выплывало а ни выходило, писмомъ варуетъ; а про то я Гневошъ Гулевичъ Дрозденъский, уваживши то все у себе, не будучи ни от кого примушоный а ни намовеный, з доброе воли своее, в целомъ, добромъ и зуполномъ розуме будучи, в честь и похвалу Господу Богу во Тройци славимому, для отъкупенъя грековъ моих, в заздравие и спасение свое, преречоному духовнику и богомолци моему священному отцу Герасиму Микуличу, ему самому и от него по немъ наступуючимъ такогожъ возванъя и поволанъя людемъ, в православной вере восточное церкви будучимъ, даю, дарую и на вечность записую, якож вже дал, даровал и на вечность записал есми, островец мой власный моего спокойного держанъя и уживанъя, на озере моемъ власномъ, маетности моее дедичное села Дрозденъ належачомъ, будучий, на которомъ островци келю собе збудовати и при собе в ней инока, которого одно самъ похочетъ, ховать ест и волно ему будетъ; а до того островца ему самому и по немъ от него з ведомостю нашою наступуючимъ также даю, дарую и на вечность записую поля шматъ на березе на урочисчу, на которомъ толко дворецъ з огородами, на сеяне яринъ и огородных речей водле потребы належачими, своимъ власнымъ коп-

томъ и накладомъ збудовати мает, а збудовавши, зо всими наступниками, тежъ в вере кафолической церкви восточное ориинталное правдивыми, под послушенством патриарховъ светѣйших, не чиимъ иншимъ, будучими, в тои вере неотменъными, з ведомостю мене и потомковъ моих, тоежъ веры неотменъных, презъ него подаными, во всех их прилеглостях и приналежностях спокойне уживати маетъ; а на потребу его и от него по нем наступуючим, ему самому и его наступникомъ такъ волное завжды в озере вшелякими сетми, тригубицами и удками ловенъе рыбъ, яко тежъ до кели и до того дворца завжды волное в пущчи и в запустах моих Дрозденъских рубанъе дровъ симъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ позволяю. Чого всего, такъ тое кели на том островцу, яко и дворца на томъ полю вышъ помененом з огородами збудованого, зо всѣми пожитками и приналежностями, помененый отецъ Герасимъ до живота своего спокойне держати и уживати маетъ, а по смерти своеи оному иноку тоежъ веры и послушенства, яко и онъ естъ, которого при собе ховати будетъ, водле воли его отдати, даровати и якимъ колвекъ способомъ записати, взглядом чого он самъ и по немъ наступники Господа Бога за мене и потомство мое просити маютъ и будутъ винъни; докладаючи того, ижъ до такого поданя по немъ его наступников потомки мое, которые бы по мне тое веры православное греческое наследниками не были, а иншого послушенъства и веры были, моцы, владзы и жадное вечне потребы и належности мети не маютъ. Што все такъ пречоному отцу Герасиму, яко и от него по немъ, з ведомостю мене и таковоrо потомъства моего, во православии будучого, наступуючимъ, тое кели, дворца, огородовъ и их пожитковъ и приналежностей вечно и непорушно водле сего фунъдушу моего доброволного служити и належати маетъ, которого листу доброволного запису моего я самъ с потомками своими жадным никоторым способом в вонтпливость приводити а ни оного тестаменту остатнее воли моее касовати, псовати, кгдыжъ волно и непорушно тръвале и вечно зоставати маетъ. И такъ то мети хочу, же не маю и не буду могъ, и по мне потомкове мое, и кождый по мне добръ моих Дрозденъ и Гудчого-Броду държачий, взрушати и овшемъ с тых добр моих Дрозденъ и Гудчого-Броду, которые тежаромъ варунъку и заступу взглядомъ сего запису моего обтежаю, с потомками моими записуюсе пречоного отца Герасима, а по немъ от него и нас поданых

наступцовъ его, в спокойномъ держанъю и уживанъю кели его на пречечоном островцу, также и дворца з огородами, на поли от мене указаномъ збудованых, зо всими пожитъками и приналежностями водле сего запису заховати и намней ни во што не вступовати, жадное перекязы и перенагабанья ему самому и наступцомъ его ни в чом не чинити, так, жебы завжды на всѣ пришлые вечные часы в спокойномъ держанъю и вживанъю, такъ за живота моего, яко и по мне, от потомков моих и кождого держачого помененых добр моих Дрозден и Гудчого-Броду зоставали, а в оных зостаючи и мешкаючи, яко се вышей поменило, пану Богу молбы за отпусчение греховъ моих и потомъства моего отдавали. А еслибых я самъ а по мне потомкове мое женъское або мужъское плъти албо инъший який же колвекъ, якого колвекъ стану и поволаня, духовного або светского, будучи в чомъ колвекъ и в намнейшои речи в которому колвекъ пунъкте и паракграфе в семъ листе записе моемъ доброволъного фунъдушу вышей и нижей описаном нарушил, оному досыт не учинил и чинити не хотелъ, тогды за кождымъ разомъ, за позванъемъ мене, а по мне потомъковъ и кождого держачого добр моих, от отца Герасима и его наступцовъ, стороне ображенои заруки копъ сто грошей литовских, а судови або урядови, перед который се тая справа приточит, заруки другую сто копъ грошей литовских, также и всѣ шкоды и наклады кромъ вшелякого доводу и присеги, на голое толко реченъе, ку заплаченъю попадати маю; до того з особна варую и записуюсе отца Герасима и его наступцовъ от вшелякого перенагабанья и вшеляких трудностей правных и неправных о тые добра островец, на которомъ келя збудована, такъже поле, на которомъ дворецъ з огородами водле отмеру збудованый, або якие колвекъ пожитки в семъ записе нашомъ помененые заходячихъ, самъ с потомками своими своимъ властнымъ коштомъ и накладомъ, такъ пречечоного отца Герасима, яко и наступцовъ его, жебы вечными часы в спокойномъ держанъю и уживанью того всего, што от насъ сим записом записано, зоставати, боронити, заступовати и тые добра волные учинити, под такоюжъ зарукою вышей помененою ста копъ грошей литовских и нагороженъемъ шкодъ на голое речене слова самого отца Герасима, албо по немъ будучих, кромъ всякого доводу и телесное присеги. А за нарушенъемъ в чом колвекъ и в намнейшой речи сего листу запису моего доброволного фунъдушу, тако-

вый кождый нарушител в срокгое каранъе церковное, то естъ в проклятство и анатему, подлугъ правил светых апостол и Богоносных отецъ кафолическое восточное церкви впадати маетъ и повиненъ будетъ впасти; а еслибых се каранъя церковного не боялъ и въ том се упаметати не хотел и того се не укаял, теды вышъречоному отцу Герасиму и по немъ наступуючимъ такъ о тое нарушенъе запису, яко тежъ за тымъ о заруки и шкоды, иле бы колвекъ того потреба указовала, волно естъ и будетъ такого каждого позвати до якого колвекъ хотечи права суду и уряду, земъского, кгродского и трибуналского, в який хотечи поветъ и воеводъство, Киевъское, Волынское або и Браславское, роком бы и накоротъшимъ, позвомъ якимъ хотечи; а я, а по мне потомки мое, за першимъ позвомъ, на першом року, яко на завитом, ставши, противко позвови, хочъбы былъ непорядный, умоцованому, хоч бы был неоселый, ничого не мовечи, року ничим не збиваючи, диляций жадных, правдивое хоробы своее и умоцованых своихъ, далшое справы на квитъ, кгдыжъ тот запис и его обовязки жаднымъ и ниякимъ квитомъ знесеный быти не можетъ, на заступцу не заживаючи, сеймом валънымъ и поветовым, сеймиками, послугою короля его милости и речи посполитое, вторгненъемъ, чого Боже уховай, до короны неприятеля, евазиями, малостю летъ потомковъ и завешенъемъ до летъ ихъ не вымовяючисе, всих в посполитости и кождых в особливости в статутах, в конституциях и рецесах сеймовых, также з розуму людъского вынайденых оборон правных и неправныхъ на помочъ собе не беручи, апеляцый жадных от декрету албо декретовъ, суду або вряду оного, перед который с потомками моими возваный буду, не чинечи, албо недопусчоных презъ припозвы не попираючи, отъ суду албо вряду оного не отходечи, заруки сто копъ грошей литовских, к тому шкоды и наклады, кромъ всякого доводу и телесное присеги, на голое толко реченье слова заплатити маю и буду повиненъ тылекрот, илекротъ бы того потреба указовала, жадною давностю не считечисе, а заплативши заруки и за шкоды досыть учинивши, предсе сес нинешний записъ мой доброволного фундушу зо всѣми своими обовязками от мене, потомковъ албо державчихъ добръ моих, во всемъ и в намнейшой речи вечно и непорушно держан и хован быти маетъ, и оному жадная давность земская шкодити не маетъ и не будетъ моглъчи. А з особна кожъдого по смерти моей нарушителя сего запису, есълибы

се таковый знашол албо тежъ того важилъ, перед суд онъ Господа Бога милостивого страшливый и нелицемирный, где се з нами судити будетъ, позиваю. И на то пречеченому отцу Герасиму и по немъ наступникомъ его даю сес мой листъ доброволный записъ фунъдушу вечистого, с печатъю и с подписомъ властное руки моее, до которого на сведецство, будучи того всего добре ведоми, за очевистою а устною прозбою моею, их милости панове а приятели мое печати свое приложивши, руками своими властными подписатисе рачили, то естъ: его милость панъ Марекъ Лашчъ, его милость пан Анъдрей Дахновичъ, коморникъ граничный Володимерский, его милость панъ Михайло Витонизъский, а пан Семенъ Новоселецкий. Писанъ у Луцку, року тисеча шестсот тринадцатого, месяца октебра пятого дня.—У того листу запису фундушу вечистого печатей притисненых пятъ, а подписъ рукъ тыми словы: Гневошъ Гулевичъ рука властная. Анъдрей Дахновичъ, коморникъ граничный Володимерский, власною рукою. Marek Łaszcz Strzemieliecky ręką swą. Михайло Витонизский рукою власною. Семенъ Новоселецкий властною рукою.—Который же то выше менованый, у суду нинешнего покладаный листъ, запис фунъдушовый, за прозбою и очевистымъ признанъемъ его милости пана Дрозденъского, увесъ слово от слова до книгъ справъ судовых земъских Луцких по принятъю нашом естъ уписанъ.

Книга земская Луцкая 1613 года, № 2812, л. 1158.

CLXXI.

Донесеніе вознаго о вводѣ п. Ильи Мороховскаго во владѣніе тѣми церковными имѣніями Владимірской епископіи, которые въ то время находились въ арендѣ или въ заставѣ у частныхъ лицъ. 1613 года, декабря 10.

Року тисеча шестсотъ двадцеть осмого, месяца октобра двадцать осмого дня.

На рочкахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, въ три недели по светомъ Михайле, рымскомъ святе, в року звышъ написаномъ припалых

и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Яномъ Заленскимъ, судею, а Петромъ Загоровскимъ, подсудкомъ, урядниками судовыми земскими Володимерскими, при отправованю справы межи превелебнымъ его милостю отцемъ Иоахимомъ Мороховскимъ, епископомъ Володимерскимъ и Берестейскимъ, и капитулою его—поводами, а урожонымъ паномъ Андреемъ Дахновичомъ—позванымъ о ексъпенсию з добръ церковныхъ половици села Русовицъ, до церкви Володимерское соборное на дяки церковные належачихъ, велебный в пану Богу отецъ Григорий Лозовицкий, протопопа Володимерский, продуковалъ посесию обънятя добръ церковныхъ през менованого его милость на онъ часъ отца номината, а теперешнего епископа Володимерского и Берестейского, с книгъ кгродскихъ вынятую, неавтентичную, с печатю толко а с коректою, без подпису такъ писарского, яко и буркграбего, а потомъ вже по ферованомъ декрете в той справе, при которомъ тотъ екстрактъ неавтентичный, без подпису такъ писарского, яко и буркграбего, продуковано вже оный рукою урожоного пана Анъдрея Мисевского, буркграбего теперешнего Володимерского подписаный, тотъ же отецъ протопопа Володимерский для вписаня в книги нинешние земские Володимерские перoблятамъ подалъ, просечи, абы вписанъ былъ; которого судъ нинешний принявши, в книги уписати казалъ, который такъ ся в собе маетъ: Выписъ с книгъ кгродскихъ Володимерскихъ, лѣта Божого нароженя тисеча шестсотъ тринадцетого, месяца декабра десятого дня. На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Анъдреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Володимерского, ставши очевисто возный енералъ, шляхетный Исакий Долмацкий, явне вызналъ: иж року теперешнего тисеча шестсотъ тринадцатаго, месяца августа двадцать девятого дня, маючи при собе сторону шляхту людей добрыхъ, пана Яна Кемъпинского а пана Яроша Лосицъкого, ездилъ есми з слугою его милости пана Гелияша Мороховского, секретара его королевское милости, нареченого владыки Володимерского и Берестейского, паномъ Петромъ Предвоевскимъ, на увезане во йменя церковные владыцтва Володимерского, през ихъ милости паны шляхту за правы ихъ держачими, и кгдымъ найпервей приехалъ до имени Городка близшего, в повете Луцкомъ лежачого, тамъ заставши в дворе ее милость панюю Миколаевую Малащинъскую, пыталъ преречоный панъ Предвоевский: если же тамъ

увезаня, водле привилею его королевское милости, номинату владыцтва Володимерского, пану его, допущаетъ? Которая поведила: ижъ остерегши во всемъ права моего и посесии, увезаня его милости, яко владыце, добръ церковныхъ не звороняю. И то все мною вознымъ осветчивши, ижъ во всемъ права своего и посесии стережетъ и ничого до шафунку никому не поступуетъ, толко взглядомъ привилею его королевское милости увезаня позволяетъ; за которое позволенемъ, я возный преречоного его милость пана Гелияша Мороховского, наречечого владыку Володимерского, во йимене церковное Городокъ увезалъ есми, и абы подданые тамошние о владыце своемъ ведали, имъ оповедилъ есми. А потомъ на завтрее, дня тридцатого августа, с тымъ же посланцомъ его милости и шляхтою менованою былъ есми во йименю церковномъ Квасове, державы на сесъ часъ его милости пана Петра Ожъкги, старосты Трембовелского. Тамъ в дворе заставши врядникомъ пана Яна Витовского, пыталъ передо мною вознымъ тотъ же слуга его милости пана Мороховского: если увезане в добра церковные именье Квасовъ допущаетъ? Тотъ панъ Витовский поведилъ, ижъ панъ его панъ староста Трембовелский тое именье за правомъ своимъ отъ зошлого отца митрополиты Киевского, владыки Володимерского, держитъ и с того аренду в рокъ платитъ, тогды того права его милости и посесии во всемъ остерегши, увезанья кромъ жадное владзы не боронитъ; водле которого допущеня его, я его милость пана Мороховского в тое имене Квасовъ увезалъ есми, водле данины и привилею его королевское милости. А оттол на завтрее, дня тридцать первого месеца августа, с тою жъ шляхтою вышъ менованою и с паномъ Петромъ Предъвоевскимъ, былъ есми во йименью церковномъ Грушовичахъ, державе его милости пана Яна Потея, где застали есми урядника его милости Хмелевского пана Липъницкого, которому кгдысьмы то оповедили, тотъ урядникъ поведилъ: не бороню увезаня, охоронивъши во всемъ право аренды пана моего, которое его милость отъ славное памети пана отца своего и отъ капитулы до килкудесятъ летъ маетъ, и за нимъ посесии его милости. Которого ни в чомъ не нарушаючи, я возный увезалъ есми. Того же дня менованого были есмо во йимену церковномъ Яневичахъ, державе его милости пана Петра Черниковского, подстолего Любелского, которого тамъ во дворе заставши, оному панъ Предвоевский оповедилъ, ижъ о увезане въ Яневичи и в Щенютинъ,

яко в добра церковные, водле данины его королевское милости, пану его, его милости пану Гелияшови Мороховскому, приехалъ. Тогды намъ панъ подстолий Любелский поведилъ: ижъ яко иншие державцы добръ церковныхъ, такъ и я, взглядомъ права его милости, увезаня яко номинатови владыцтва Володимерского позволяю, права моего ни в чомъ не нарушаючи и овшемъ оного и посесии моей пилъне остерегаючи и при ней зоставуючи; в чимъ се и передо мною вознымъ осветчалъ. А оттоля того ж дня менованого, тридцатъ первого августа, приехали есмо до двора Полупанщины, именья церковного, которое именье Тишковичи урожоный панъ Андрей Дахновичъ, коморникъ граничный Володимерский, держитъ. Тамъ заставши урядникомъ отъ его милости пана Войтеха Вернишевского, пытали есмо: если же увезаня в тые добра церковные его милости пану Мороховскому, яко номинатови владыцтва Володимерского, допущаетъ? Который поведилъ: ижъ увезаня такого, якое бы праву и посесии пана моего ни в чомъ не перескожало, не збороняю. В которые то именя церковные Полупанщины, Тишковичи, такъ яко ми позволено, его милость увезалъ есми. А с Полупанщины на завтрее, то есть дня первого месяца сентебра року того ж шестсотъ тринадцатого, былъ есми с тою ж шляхтою и паномъ Предвоевскимъ, слугою его милости отца номината, во йменю церковномъ Дорогиничахъ, державе его милости пана Юря Романовского, где в дворе его милость самого заставши, пыталъ панъ Предвоевский: если же увезаня во йменье Дорожничи допущаетъ? Который поведилъ: же тое именье церковное за правомъ держу, однакъ его охоронивши и ни в чомъ его не нарушаючи, того увезаня, абы се досытъ стало привилееви его королевское милости, того увезаня его милости отцу номинатови Володимерскому не бороню. В которое именье я возный моцю уряду своего его милость отца номината увезалъ есми. Того жъ дня первого сентебра былъ есми с тою ж шляхтою и с паномъ Предвоевскимъ во йменью церковномъ Бискупичахъ, державе урожоного пана Якуба Крушинъского, которому, по што-смы приехали, оповедили. Тогды панъ Крушинъский поведилъ: ижъ увезаня, яко номинатови владыцтва Володимерского, его милости пану Мороховскому допущаю, без жадного уближеня права своего, на тые добра мнѣ служачого, водле которого завжды-мъ есть того йменья в спокойному вживанью; и такъ се мною вознымъ осветчилъ; в которое я

его милость увезалъ. А потомъ дня четвертого месяца сентебря, в року теперешнемъ же тисеча шестьсотномъ тринадцатомъ, с тою ж шляхтою вышъ мененою и с паномъ Петромъ Предвоевскимъ, слугою его милости пана Гелияша Мороховского, номината Володимерского, былъ есми во йменью церковномъ у Волци Грушевской, державы пана Григоря Новоселецкого, которого тамъ заставши, поведили есмо, ижъ отъ его милости на увезанье, водле привилею его королевское милости, в тое именье приехали. Который поведилъ: же то за правомъ держу, и того остерегши, увезаня без нарушеня права моего допущаю. За которого таковымъ позволенемъ, я возный, с повинности уряду моего, его милость пана номината в тое именье церковное Грушевую Волю увезалъ есми.— Которое ж то очевистое устное вызнанье возного я вряд принявши, до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ записати казалъ, и есть записано, с которыхъ и сесь выписъ под печатю кгродскою ест выданъ. Писанъ у Володимири.—У того екстракту печать кгродская Володимерская притиснена, а подписъ рукъ тыми словы: „Корыкговалъ Дворецкий. W niebytności na ten czas ieho mosci pana pisarza grodzkiego Włodzimirskiego, Andrzej Misiewsky, burgrabia Włodzimirsky, manu propria.— Который же то вышъ менованый екстрактъ, за поданемъ и прозбою вышъ реченое особы и за принятемъ судовымъ, увесь с початку аж до конца до книгъ нинешнихъ земскихъ Володимерскихъ есть уписанъ.

Книга земская Владимірская 1628 года, № 1202, листъ 194 на оборотъ.

CLXXII.

Жалоба дв. Александра Несочинскаго о томъ, что епископъ Луцкій Евгеній Малинскій дѣлаетъ постоянныя притѣсненія его крестьянамъ, приказываетъ схватывать ихъ при проѣздѣ черезъ его имѣніе с. Глухи, грабитъ и сажаетъ ихъ подъ арестъ; когда же однажды жалобщикъ выслалъ своихъ крестьянъ для уборки сѣна на собственной своей землѣ, то епископъ Луцкій, расположивъ на сосѣднемъ холмѣ многочисленный отрядъ своихъ слугъ, бояръ и стрѣльцовъ и вооруживъ ихъ всякаго рода огнестрѣльнымъ оружіемъ, приказалъ всю ночь стрѣлять въ крестьянъ Несочинскаго, а подъ утро, окопавшись шанцами, онъ повелъ противъ нихъ правильную атаку и многихъ тяжко ранилъ. 1614 года, іюля 5.

Року тисеча шестьсотъ чотырнадцатого, месяца июля пятого дня.

Писалъ и присылалъ на урядъ кгродский, в замокъ его королевскои милости Луцкий, до мене Адама Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, слугу своего шляхетного Юря Миньковского, оповедаючисе его милость панъ Александръ Песочинский на его милость отца Евгения Малинского, владыку Луцкого и Острозского, о то, ижъ в року теперешнемъ, тисеча шестьсотъ чотырнадцатомъ, месяца июля дня третего, ижъ кгды подданые его милости Куневские выйшли сена спрятивати звыклые сеножати на власномъ кгрунте Куневскомъ, теды его милость отецъ владыка, способивши добре передъ тымъ не малый оршакъ людей, слугъ, бояръ и стрелцовъ, зъ рознымъ оружъемъ войне належачимъ, з иншихъ дворовъ своихъ гаковницъ, мушъкетовъ до села свого Болотковецъ звезши, през урядника Кглуского и з иншими слугами своими, целую ночъ на село Полоничную стреляти казалъ, а потомъ на свитаню моцно, кгвалтомъ, з окрикомъ и стрелбою огнистою, в килку местцахъ на горе заложивши и другую в шанцахъ на то зготованыхъ засадивши, яко на неприятеля крижа светого, подданные на то зготованые, абы сено гребли, подъ селомъ на сеножатехъ Куневскихъ, побилъ, поранил до килку десят, з которыхъ килканадцать не ведаю, если будутъ живы; тамже двохъ пахолковъ урядника мого Куневского, шляхтичовъ, шкодливе пострелено, которые тамъ надъ роботою стали, меновите: Григоря Керсдановского и Яна Чепковского, Тым же способомъ передъ тымъ нахоженемъ презъ урядника свого Глуского взвышъ менованого не поеднокротъ подданыхъ моихъ, кгды презъ Кглухи еждҗали,

граблено и в везеню мордовано, то есть меновите: у Куцка взял коня з возомъ, который коштовал петнадцать копъ грошей литовскихъ, у Ивана взял воловъ два, коштовали копъ дванадцать литовскихъ, у Мартина взял коня з возомъ, который коштовал коп десять литовскихъ. Также четвертого июля, кгды выростокъ мой Самуел Ачицкий з Острога, где по потребахъ своихъ былъ, врацался, тамже урядникъ Глуский, перенявши в селе Болотковцахъ, оного кгвалтомъ, за вожи поймавши, знялъ з коня зо всимъ, што мелъ при собе, и до того часу того то шляхтича везит; о што все волное право и протестацые учинене такъ самъ его милость собе, яко и тотъ шляхтичъ часу своего зоставують, стоечи при томъ осведченю своемъ. В томъ просил мне его милость панъ Пясечинский през помененого слугу своего Юрего Минъковского, абы то оповедане до книгъ кгродскихъ Луцкихъ было записано, што есть записано.

Книга гродская Луцкая 1614 года, № 2432, листъ 246.

CLXXIII.

Жалоба дв. Ярошa Станишевскаго о томъ, что архимандритъ Кіевопечерскій Елисей Плетенецкій, собравъ вооруженный отрядъ изъ своихъ бояръ, крестьянъ и козаковъ, приказалъ отнять часть земель въ с. Стайкахъ, имѣніи вдовы и наслѣдниковъ бывшаго воеводы Волынскаго, князя Александра Острожскаго. 1614 года, іюля 10.

Року тисеча шестьсотъ четырнадцатого, месяца июля десятого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевскои милости Луцкомъ, передо мною Якубомъ Окгродзинскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими Луцкими, постановившисе очевисто шляхетный Янъ Пинязко, слуга урожоного его милости пана Ярошa Станишевского, именемъ ясне освецоныхъ ихъ милости пановъ Костантого и Януша кнежатъ Острожскихъ, воеводичовъ Волынскихъ, яко дедичовъ, и ясне освецоное ее милости панее Анны зъ Шемберка кнежны Острожское, воеводиное Волынское, матки и опекунки кнежатъ ихъ милости, именемъ преречоного пана своего, дер-

жачого села Ставокъ, жалобливе сведчилсе и оповедал на велебного в Бозе Елизеуша Плетенецкого, архимандриты Киевского, держачого на тотъ часъ села Городки, и чернъцевъ манастыру его, о то, ижъ пречоный архимандритъ киевский з чернцами своими, не контентуючисе правомъ посполитымъ и покоемъ суседскимъ а ни першими кривдами в одеймованю кгрунтовъ Ставецкихъ, не пооднокротъ кнежатомъ ихъ милости Острозскимъ, дедичомъ, в малости летъ ихъ милости, также и помененому пану Ярошови Станишевскому, держачому, прошлыхъ летъ учиненыхъ, але и того року теперешнего, одъ дня двадцатъ четвертого ажъ до дня двадцать осмого месяца июня, в небытности на тотъ часъ помененого пана Яроша Станишевского, в Люблине, в справахъ кнежатъ ихъ милости будучого, зобравши слугъ и бояръ своихъ Городецкихъ и козаковъ Украинныхъ зъ волости манастыра киевского, з розною гарматою, а при нихъ плуговъ албо сохъ до ста болшъ або меншъ, на грунтъ власный дедичный Ставецкий стародавного уживаня, почавши од дороги, которая идетъ з села Омеляное до села Обарова, моцно кгвалтомъ наслали и тотъ кгрунтъ Ставецкий дедичный, не переставаючи на першомъ однятю, але што рокъ болшъ того кгрунту одеймуючи, теперешнего року, за насланемъ пречонымъ, почавши одъ тое дороги помененое, од горы, на которой новины помененого держачого, презъ него од килку летъ выкопаные, лежатъ, ажъ до гребелки Обаровское, которая на кгрунте Ставецкомъ недавно посыпана лежитъ простымъ трибомъ, ажъ под самое село Ставки, займуючи огородовъ селскихъ кгрунту Ставецкого на мацъ сорокъ, а новинъ на пять мац мери Олыцкое, кгвалтовне поорали и тотъ кгрунтъ з посесыи спокойное скаржучихъсе однели и вытеснули. Про то помененый скаржучий, заховавши кнежатомъ ихъ милости яко дедичом волное чинене протестацыи, буд потребуетъ о тую кривду, теперъ о одняте помененого кгрунту противко пречоному архимандритови Киевскому и чернъцомъ его и повторе сведчилъ се и на огледане кгрунту помененого просилъ о придане возного, которому я урядъ возного шляхетного Василя Колоденского на огледане однетя кгрунту придал. И просилъ, абы тая протестация до книгъ была записана, што я принявши, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ, и есть записано.

Книга гродская Луцкая 1614 года, № 2432, листъ 264.

CLXXIV.

Жалоба епископа Владимірскаго Іоакима Мороховскаго и ректора школы при церкви соборной въ г. Владимірѣ діакона Теодора Мелешковича о нанесеніи Островецкимъ урядникомъ п. Александра Загоровскаго Бартошемъ Соколовскимъ побоевъ студентамъ означенной школы и грабежахъ. Свидѣтельство вознаго. 1616 года, іюля 23.

Року тисеча шестсот шестнадцатого, месяца июля двадцат третего дня.

Присылал на вряд кгродский, в замокъ его королевское милости Володимерский, до мене Абрама Дворецкого, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, велебный в Бозе его милость отец Иоаким Мороховский, епископъ Володимерский и Берестейский, и достойный в посвещеню отец Теодор Мелешковичъ, дияконъ церкви соборное светое Пречистое и ректор школы католицкое Володимерское, жалосне се протестуючи и оповедаючи на шляхетного Бартоша Соколовского, менуючогося урядником быти урожоного его милости пана Александра Загоровского у маетности его милости Островци, в тые слова: иж в року теперешнем тисеча шестсот шестнадцатомъ, месяца июня двадцат второго дня, то ест сегодня, в ден Марии Мактдалены рымского свята, студентове школные ходили в поле адъ вирктатум, яко в ден святый, то пакъ преречоный Бартошъ Соколовский с помочниками своими, ему самому имена и прозвиска добре знаемыми, не огледаючисе ничого на срокгост права посполитого и на вины в нем описаные, выпадши з двора его милости Островецкого и припадши до тых студентовъ школныхъ, в полю спокойне и безпечне неподалеку двора Островецкого ходячих, и не маючи до них жадное причины, толко умыслъне, кгвалтовне и безвинне некоторых з них самых, такъ детей шляхетских, яко и местских, побил, поранил и пограбил, а то ест меновите: у Яна Тирона доломан зеленый каразиевый, который коштовал три золотых полских; у Стефана Столмича курту зеленую каразиевую, которая коштовала два золотых полских, в тойже курте в кишени было осмъ грошей полских; у Венедикта Нециевича жупан торговый, за пятдесят грошей полскихъ купленый; у

Ярмоша Ковалевича жупан червоный каразиевый, который коштовал копу грошей литовских, в томже жупани в кишени быль грошъ литовский; у Стефана Грибовицкого пож, за пят грошей полских купленый; у Мыколая Воротницкого курту фалендишовую, лазуровую, которая коштовала пят золотых полских, шапку макгерку за ползолотого купленую; у Макара Федоровича книжки, за золотый полский купленые, и мѣшокъ, в котором был грошъ литовский; и то все пограбивши, до двора его милости пана Загоровского, пана своего, на Островцу внес. И просил его милост отецъ епископъ Володимерский и ректоръ школный о придане возного на огледане позбиваня, пораненя студентовъ и на осветчене грабежу. Я з уряду кгродского придалем на то очевисто возного енералного шляхетного Собестияна Добролецкого, который на той справе бывши и ставши обличне на вряде передо мною сего дня, датою зверху менованого, ку записаню до книг кгродскихъ вызнал тыми словы: иж за очевистым приданемъ вашей милости врядовым, маючи при собе шляхту, пана Яна Скгробоцкого а пана Станислава Брозовского, в року теперешнем тисяча шестсот шестнадцатомъ, месяца июля двадцат второго дня, былем на справе и потребе в Бозе велебного отца Иоакима Мороховского, епископа Володимерского и Берестейского, и пана ректора школы католицкое Володимерское, тут у Володимери, в школе; там же, за оказанем студентовъ школныхъ, напрод: у Миколая Воротницкого виделом над левым оком на брви рану крвавую, у Собестияна Кисловича видилемъ на руце лѣвой вышей локтя рану битую синюю, на той же руци нижей локтя видилом рану крвавую; и оповедали мнѣ возному и шляхте менованой тые студентове, иж им тое збите, зранене и грабеж имъ и иншимъ товаришом их, в протестации менованымъ, сталосе дня сегоднешнего, месяца июля двадцат второго дня, в року теперешнем тисеча шестсот шестнадцатомъ, отъ нѣякого Бартоша Соколовского, который се менуетъ быти урядникомъ его милости пана Александра Загоровского маетности Островца, и помочниковъ его, в полю, неподалеку двора Островецкого. А потомъ того же дня менованого з тою ж шляхтою помененою былемъ в дворе его милости пана Александра Загоровского на Островцу, доведаючисе у помененого врядника Островецкого Бартоша Соколовского, для чого бы се тым студентомъ школным от него самого и помочников его таковый кгвалт, раны и грабежи сталые; нижели самъ

тот урядникъ нам не указалсе, толко жона его поведила: иж тые грабежи, которые муж мой у студентовъ пограбилъ, ест тут в дворе Островецкомъ; што посланецъ пана ректоров мною возным и шляхтою при мне будучою осветчил.—Которую жъ то протестацию и возного очевистое сознане я уряд принявши, до книг кгродских Володимерскихъ записати казал, и ест записано.

Книга гродская Владимірская 1616 года, № 979, л. 901.

CLXXV.

Донесеніе вознаго о передачѣ Почаевскому архимандриту Петронію Гулевичу Воютинскому двухъ монастырей въ г. Овручѣ: Успенскаго Заручайскаго и Спасскаго Василевскаго. 1617 года, марта 3.

Року 1617, месяца марта 3 дня.

На вряде его королевское милости, замку Житомирского, предо мною Яномъ Галчиновскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто возный енералъ воеводства Киевского, Волынского и Браславского, шляхетный Захаръяшъ Белоцкий, созналъ в тые слова: иж року теперъ недавно прошлого тисеча шестьсотъ шестнадцатого, месяца августа дванадцатого дня, маючи при собе сторону, шляхту людей добрыхъ, пана Мартина Сташкевича а пана Ивана Думирского, былем на справе и потребе его милости пана Павла Руцкого, старосты Овруцкого, а велебного отца Петрония Гулевича Воютинского, архимандрыта Почаевского. Тамъ же того року и дня вышъ помененого, будучи мнѣ при ихъ милости в мисте его королевскои милости Овруцкомъ, в манастырахъ: первей в одномъ названомъ Успения Пресвятия Богородицы Заручайскомъ, а потомъ в другомъ названомъ светого Спаса-Василевском, тогды черезъ мене возного и черезъ шляхту, сторону на тотъ часъ при мне будучую вышъ помененую, его милость панъ Павелъ Руцкий, староста Оруцкий, водлугъ листовъ привилевъ его королевскои милости,

велебному отцу Петронию Гулевичу-Воютинскому на тые манастыри вышъ помененые даных, оные доброволнымъ позволенемъ и поступенемъ его милости господину отцу Петронию Гулевичу Воютинскому, панъ староста Овруцкий в моц, в держане и спокойное уживане до рукъ и владзы его милости отцу Петронию Гулевичу Воютинскому тые вышъ помененые обадва манастыри подалъ, то есть самые церкви и з оселостями манастырскими, и з маетностями всими оселыми, с подаными в тыхъ селахъ будучими, кгрунтами оселыми и неоселыми в месте Овруцкомъ и коло миста, островами, борами, лисами, дубровами, данми медовыми, озерами, ставами, ловы рыбными и звериными, нивами, с тертежами, зарослями, сеножатми, в мисте самомъ пляцами, куничниками и пожитками вшелякими, до тыхъ манастыровъ здавна належачими, меноваными и не меноваными, о чомъ ширей право и привилля его милости господина отца Воютинского на то служачое ширей в собе обмовляетъ. А такъ я возный, водлугъ доброволного позволеня и уступеня его милости пана старосты Овруцкого, в тые манастыри, во вси маетности, кгрунты манастырские вышъ помененые и непомененые, што бы ся манастырскимъ назвало и показало, велебного отца Петрония Гулевича Воютинского увезалъ и посесоромъ доживотнымъ, водлугъ права и привилевъ его королевской милости, ему на тые манастыри даныхъ, в тыхъ манастырахъ маетностяхъ учинил, и тымъ подданымъ в тыхъ маетностяхъ, на тотъ часъ при томъ будучихъ, послушенство и повинность вшелякую отдавать, слухать и полнить онымъ казалъ, которые заразъ при немъ возномъ послушенство и повинность велебному господину отцу Петронию Гулевичу Воютинскому отдали и учинили, и нихто того увезаня его милости и мнѣ возному не боронилъ. И на томъ я возный велебному его милости отцу Петронию Гулевичу Воютинскому, архимандриту Почаевскому и Овруцкому, далъ сесь мой квитъ ку записованю до книгъ врядовыхъ, з моею печатю и с подписом руки моее власное. Писанъ в Овручомъ року и дня вышъ помененого.—Которое ж то очевистое возного сознане и тотъ квитъ его до книгъ замку его королевское милости Житомирского есть принято и записано.

Книга гродская Житомирская 1617—1618 г. № 13, л. 77.

CLXXVI.

Жалоба священника Исаiи Кунцевича о томъ, что епископъ Владимiрскiй Iоахимъ Мороховскiй безъ всякой причины лишилъ его прихода въ с. Пещатцѣ, отнялъ у него королевскiя грамоты и другiе документы, служившiе ему на означенный приходъ а равно и на земельные участки, и сверхъ того требовалъ отъ него какой-то присяги. 1617 года, апрѣля 10.

Року тисеча шестьсотъ семнадцатого, месяца априля десятого дня.

Пришедши на врядъ кгродский Володимерский, до мене Томаша Козимирского, буркграбего и наместника подстароства Володимерского, велебный отецъ Исаия Михайловичъ Кунцевичъ, свещеникъ Пещатский, подалъ листъ протестацие до книгъ кгродскихъ на его милость отца Иоахима Мороховского, епископа Володимерского и Берестейского, в тые слова писаный: „Милостивый пане буркграбею Володимерский! Жалобливе ускаржамъсе и оповедамъсе вашей милости на его милость отца епископа Володимерского и Берестейского, пастыря нашого, который часу кривды моее рачилъ выдатъ позвы мне по отца Иоана Романовича, священика в Пещатцу мешкаючого, о то, ижъ в часъ конъфедерации меломъ отъ жолнѣровъ кривды незносные, презъ которые мешкатъ при нихъ не моглемъ, бо на здоровье мое чигали, и такъ есми отъехалъ, спродавши маетность свою и церковъ Божую, при которой и викарѣю зоставилъ, письмомъ объваровавши. В томъ часе отецъ Иоанъ, витиснувши викарѣю моего, без бытности моее, всю маетность мою взялъ, од его королевскои милости мнѣ упривилеваную и од его милости отца архиепископа позволеную, в которой мешкалемъ од лѣтъ дванадцати, жадное кривды не маючи; за штомъ позвалъ отца Иоана. Нижли и отецъ Иоанъ, ставши предъ его милостью отцом епископомъ зо мною, тоес маетности вырекся и уступить мнѣ заразомъ хотѣлъ, яко моее маетности, а я, слушный поклон и послушенство отдавши его милости отцу епископу Иоакиму Мороховскому, просилом о свое власное, чого ми не подавалъ, и о благословенство и все-м привилея, листы, справы отъ мала до велика предъ его милостью положилъ, абы вычитавши при томъ рачилъ мя зоставить при церкви и парафии Пещатской; а кгрунтовъ ещем с посесии своее никому не пущалъ. Его милость, снать

за фаворемъ, жадное причины на мене не показавши слушное, такъ словное, яко и письмомъ варованое, мнѣ належачие права и листы одъ его королевскои милости и потомкомъ моимъ наданые зневаживши, поламалъ и скасовалъ и отцу Иоану, который ми доброволне уступовалъ мою маетность, подалъ и мне безправне отсудилъ и права мои и листъ становленный заграбилъ и всѣхъ справъ ничого ми не отдалъ. А што горшая, безъ жадное причины и нетъ ведомо на што казал ми пред собою на кресте присягу телесную выполнити, хотечи ме снать вѣры светое отступникомъ учинитъ. Ям, то обачивши, просилемъ его милость, абы мя прожне до присеги не приводилъ, кгды жем разъ присягши на свещенстве своемъ быти пастыра своего послушнымъ до смерти, в чомъ не быломъ спротивнымъ, водлугъ повинности своее чинил есми; а его милость, отдаливши мя одъ маетности за отказанемъ ласки своее и до шкоды мя не малое приведши, права мои заграбивши, из очю зогналъ. Што я видечи такъ великое безправье, вашей милости то оповедамъ, а часу права своего зъ его милостью о томъ мовити не занехаю, и прошу, абы тая протестция моя, на онъ часъ в кротце написаная, на его милость отца епископа Володимерского и Берестейского учиненая, до книгъ принята и записана была, оферуючись ширшую протестацию, буде ли того потреба, о тую жъ кривду свою и о тотъ грабежъ безправный помененыхъ справ и листовъ од его королевскои милости и секретарскихъ, мне на сто коп служачихъ, и иныхъ свядецныхъ, будетъ ли того потреба, подати. А на он часъ прошу, абы тая протестация до книгъ принята и записана была“. Што я урядъ принявши, записати казалъ, и есть записано.

Книга гродская Владимірская 1617 года, № 981, листъ 381.

CLXXVII.

Мировая запись, выданная архимандритомъ Жидичинскимъ Гедеономъ Балабаномъ п. Өедору Свищовскому, обвиненному въ участіи въ наѣздѣ бывшаго старосты Луцкаго Александра Семашка въ 1597 году на Жидичинскій монастырь и грабежѣ имущества и приговоренному за то трибунальскимъ судомъ къ банниціи. Настоящей записью Балабанъ освобождаетъ п. Свищовскаго отъ исполненія надъ нимъ этого приговора и уничтожаетъ свой искъ къ нему по этому дѣлу, получивъ отъ него удовлетвореніе за понесенные во время наѣзда на монастырь убытки. 1617 года, мая 14.

Року тисеча шестьсотъ двадцать первого, месяца марца двадцать второго дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцкихъ, отъ дня одинадцатого месяца марца в року звышъ написаномъ припалыхъ и судитисе зачатыхъ, передъ нами Яномъ Вылежинскимъ, подстаростимъ, Адамомъ Сопоткомъ, скарбникомъ Волынскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившеся очевисто панъ Богданъ Дашковичъ, для вписованя в книги нинешние кгродские Луцкие подалъ пер облятамъ листъ записъ квитовный зошлого велебного в Бозе отца Гедиона Болобана, архимандрита Жидичинского, и велебныхъ отцевъ Дионисия и Митрофана, брати и крылошанъ с капитулы церкви соборное Жидичинское заложеня светого Николы, с печатми и с подписами рукъ ихъ, также с печатми и с подписами рукъ людей зацныхъ, отъ нихъ урожоному пану Федорови Свищовскому на речъ в томъ листе записе квитовномъ нижей вписанномъ меновите выражоную даный, о чомъ тотъ листъ записъ квитовный ширей в собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ нинешнихъ уписанъ былъ. А такъ мы судъ, оного приймуючи, передъ собою читати казали есмо, и такъ се в собе маетъ: Я Гедионъ Болобанъ, архимандритъ Жидичинский, и мы Дионисий и Митрофанъ, братя с капитулы Жидичинское манастыра церкви соборное заложеня светого Николы, своимъ и именемъ всее капитулы нашое, всимъ вобецъ и кождому зособна чинимо явно и сознаваемо доброволне тымъ листомъ доброволнымъ записомъ нашимъ квитовнымъ, ижъ што зошлый велмож-

ный Александръ Семашко на Хупкове, каштелянъ Браславский, староста Луцкий, з слугами и помочниками своими наехал былъ на манастыръ Жидичинский, державу мою, тамъ великии кривды за тымъ наездомъ и кгвалтъ великий церкви Божой сталсе былъ, о што се противко его милости и иншимъ, межи которыми урожоному пану Федорови Свищовскому, по учиненю протестации моее, процесъ правный в кгроде Луцкомъ вщавъши, и за апеляциею в суде головномъ трибуналскомъ в способъ зыску вины баниции з одосланем на публикацию до суду кгродского Луцкого, а за тымъ отосланемъ и публикацию тое баницыи одержалъ былъ в суде Луцкомъ кгродскомъ, яко тамъ тая публикация баницыи и декретъ трибуналский и ввесь поступокъ правный ширей в собе обмовляетъ. А ижъ его милость панъ Свищовский, не пущаючи тое справы на далшие затяги правные и з выналезку приятелского, а за причиною и вложенемъ се в тое ясне освецоного кнежати его милости Януша Острозского, каштеляна Краковского, Белоцерковского, Каневского, Черкаского, Богуславского, Переясловского и Володимерского старосты, помененый панъ Федоръ Свищовский за все намъ и церкви Божой досыть учинилъ, шкоды и выклады правные нагородил, щого заразомъ по откриманю того процесу выпустилъ и тую справу уморилъ, яко ж его тымъ теперешнимъ квитомъ нашимъ с тое всее справы и вины баницыи квитуем и волнымъ чинемо и протестацие, реляцие и апеляцие, декрета и самую баницию и ее публикацию касуемо, умораемо и в нивеч оборочаемо вечными часы, ничого собе а ни жадному на местце наше наступуючому до взновеня тое справы не зоставуючи, яко ж тотъ квитъ доброволный записъ нашъ оферуемо се в суде которомъ-колвекъ, земскомъ, кгродскомъ и головномъ трибуналскомъ, кгды будемо черезъ его милость пана Федора Свищовского, албо приятеля его милости, реквировани, признати. И на то дали есмо сесъ квитъ доброволный нашъ, с печатю и съ подписомъ рукъ нашихъ, также с печатми и с подписами рукъ людей зацныхъ, которые при томъ были и того добре сведоми, за устною прозбою нашою печати свое приложивши, и руки свое подписати рачили. Писанъ у Жидичине, року Божого нароженя тисеча шестьсотъ семнадцатого, месяца мая чотырнадцатого дня.—У того листу запису квитовного печатей притисненныхъ чотыри, а подписъ рукъ тыми словы: Гедионъ Болобанъ, архимандритъ Жидичинский, власною

рукою. Ермонахъ Дионисий, крилошанинъ манастыра Жидичинского, рукою власною. Митрофанъ еродиаконъ, крилошанинъ манастыра Жидичинского, рукою власною. Proszony pieczentarz Mikołay Weckowicz ręką. Proszony pieczentarz Woyciech Kaczkowsky ręką. Который же то листъ записъ квитовный, за поданемъ и прозбою вышъ мелованое особы а за принятемъ нашимъ судовымъ, увесъ с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1621 года, № 2129, листъ 170 на обор.

CLXXVIII.

Королевскій листъ архимандриту Жидичинскому Гедеону Балабану съ напоминаніемъ не наносить впредь никакихъ обидъ пану Ильи Сулятицкому, не воспрещать ему бывать въ Жидичинскомъ монастырѣ и приносить молитвы за души его предковъ, погребенныхъ тамъ, и наконецъ не чинить впредь угрозъ его здоровью и жизни, какъ обо всемъ этомъ п. Сулятицкій жаловался королю. 1618 года, мая 29.

Року тисеча шестьсотъ осмнадцатого, месяца августа семогонадцать дня.

Пришедши на врядъ кродский, в замокъ его королевскои милости Луцкий, до мене Якуба Окгродзинского, наместника подстароства Луцкого, и книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ, урожоный панъ Гелияшъ Сулятицкий для вписованья въ книги нинешние кгродские Луцкие подалъ нероблятамъ листъ напоминалный его королевскои милости, с печатю коронною меншое канцелярые и с подписомъ руки писарское, до велебного в Бозе отца Гедиона Болобана, архимандрита Жидичинского, писаный тыми словы: Жикгимонтъ Третий, Божою милостию король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Инфлянский и Шведский, Кготский, Вандалский, дедичный король. Велебному в Бозе отцу Гедионови Болобанови, архимандритови Жидичинскому. Преложоно намъ скаргу именемъ урожоного

Гелияша Сулятицкого, ижъ верность твоя, не ведати зъ якое причины взявши на него васнь якуюсь, великие кривъды и шкоды такъ самъ през себе, яко през слуги, подданые свое и направные на то особы ему самому, слугамъ и подданымъ его чинишъ, до церкви Жидичинское, где тела змерлыхъ родичовъ его погреблены суть, бывати для набоженства и отдаваня хвалы Пану Богу и полненя повинностей хрестиянъскихъ за души ихъ забороняешъ кгвалтовне и не допусчаешъ, похвалки и отповеди на здоровье его чинечи. Што ижъ праву Божому и посполитому есть противно, теды мы, будучи сторожомъ покою и правъ посполитыхъ а забегаючи, абысь таковые депакътацие незвыклыс, вшелякой слушъности противные, помененому Сулятицкому отъ верности твоеи не дияли, напоминаемъ верность твою тымъ листомъ нашимъ, абы верность твоя такихъ инсоленций, которые волности стану шляхецкого не помалу утежаютъ, занехавъши, о кривъды вшелякие, еслибы есте межи собою якие мети резумели, не кгвалтомъ, але рачей правомъ посполитымъ се контентовали а болше крывъдъ такъ самому Сулятицкому, яко слугамъ и подданымъ его, а ни самъ през себе, а ни през слуги и подданые свое, албо особы якие на то субординованые, чинити и набоженство в той церкви, которое онъ зошлыхъ продковъ своихъ душамъ повиненъ, верность твоя забороняти не смелъ и не важилъсе, под винами на таковыхъ в праве посполитомъ описаными. Данъ у Варшаве, року Божого нарожения тисеча шестьсотъ осмнадцатого, месяца мая двадцать девятого дня, панованя нашого Полского тридцать первого, а Шведского двадцатого пятого року.—У того листу его королевской милости печать коронная меньшое канцелярие есть притиснена а подпись руки писарское тыми словами: „На власное его королевской милости росказане, Christophorus Bakowiecky.“ Который же то листъ напоминалный его королевской милости, за поданемъ и прозбою премеченое особы а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1618 года, № 2124, листъ 108.

CLXXIX.

Жалоба священника Кіевской Трехсвятительской церкви Іоанна Есифовича о томъ, что Кіевскій подвоевода Михаилъ Мишка Холоневскій отнялъ у него церковныя земли и безъ всякаго права звалъ его на свой судъ по какому то дѣлу съ другимъ священникомъ Кіевскимъ; когда же Есифовичъ отказался явиться на судъ, то Холоневскій прислалъ къ нему въ домъ своихъ слугъ и гайдуковъ, которые по его приказанію отобрали имущество жалобщика и схватили на улицѣ его самого, чтобы въ оковахъ посадить его въ тюрьму при замкѣ, но онъ дорогой успѣлъ бѣжать и нашелъ защиту въ одномъ монастырѣ. Свидѣтельское показаніе о томъ же вознаго. 1618 года, августа 13.

Року 1618, месяца августа 13 дня.

Пришедши до замку его королевской милости Житомирского, передъ мене Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, ставши очевисто велебный отецъ Иоанъ Есифовичъ, свещеникъ Василевский нагорский Киевский и Воздвиженский, обтяжливе жаловалъ и оповедалсе на урожоного его милость пана Михайла Мишку Холоневского, подвоеводего Киевского, в тот способъ: ижъ дей року теперъ идучого, тисеча шестьсотъ осмнадцатого, месяца августа десятого дня, помененый его милость панъ Михал Мишка Холоневский, подвоеводий Киевский, не ведати в який способъ, будучи снать отъ когось побужоный до учинку нижей помененого, смел и важилсе напрод добра церковные светого Василия и Воздвиженя честного Креста, церквий нагорскихъ Киевскихъ, через привиле его королевской милости мнѣ наданые, поодыймовать и оные от мене отдалить, яко ж отнявши отъ часу не малого оные добра в посесии своей до сего часу держитъ и вшелякие пожитки з нихъ беретъ и привлащаетъ, меновите: с пол десетины вшелякое пашни, сеножати, озера, дубровы и дерево бортное, все отъ мала до веля, што одно могло быть надания до церкви помененыхъ, то все поодыймовал и до посесии своеи привлащилъ. До того теж, не маючи жадное владзы, звирхности и преложенства духовныхъ судити, на якиесь позвы, тытуломъ своимъ писаные, по три кротъ по мене свещеника покладал, абым, ставши очевисто, з другимъ свещеникомъ, ниякимъ Климомъ Рожественскимъ Киевскимъ, перед нимъ справовалсе

А ижъ я, будучи невинне и не слушне позваный, яко духовная особа, отзываючисі до духовного права, до звирхнийшихъ особъ розсудку, иле у светскихъ речахъ не будучи никому ничого не виненъ, справоватись перед его милостью паном подвоеводимъ збранялсе, с которое причины его милость панъ подвоеводий будучи наполненый болшого гнева и заянтреня, на домъ мой слугъ своихъ и гайдуковъ наславши, моцно кгвалтомъ маетность мою всю и вшелякую, штомъ одно колвекъ мелъ, з дому моего быдло, кони, шати, гроши готовые, серебро, образы московские с каменем дорогимъ, сребромъ оправные, позлотистые, сосудъ церковный увесь зупо̀лный, меновите: келихъ, миска, лыжка, звезда, крестъ злоцистый, сребромъ оправный, с каменемъ дорогимъ, то все кгвалтовне и безправне, за власнымъ росказанемъ и посланемъ помененого его милости пана подвоеводего, пана своего, побрали, пограбили и, до мешканя на сесъ часъ его до замку Киевского отпровадивши, оному отдали, што все на пожитокъ свой онъ обернулъ и привлащилъ. На томъ еще мало маючи, мене ж самого, ничого не помнечи на станъ мой духовный и право посполитое, гайдукомъ и слугамъ своимъ на месте у Киеви казавши поймати, наступуючи на здорове мое, быть, мордовать и до везеня до замку приведши, в кайданы оковавши, посадить был казал. С которого росказаня его милости пана подвоеводого, я будучи пойманый презъ слугъ и гайдуковъ его, побитый, помордованый, поширпаный и до везеня замку Киевского веденый, а видечи надъ собою такий кгвалтъ и мордерство, уходечи тежъ везенем трапеня таковаго, аж до кляштора, з рукъ оныхъ вырвавшись, заледвомъ ушолъ и през мнихов былъ ратованый. О которое то отняте добръ и кгрунтовъ церковныхъ, такъ тёж и кгвалтовное насланє на домъ и безправный грабежъ, збите, зранене и ошарпане самого, пререченый отецъ Иоанъ оферуючись з его милостью паном подвоеводимъ правне, якъ ему належати будетъ, поступовати, при тойже протестации очевисто передо мною на вряде ставил возного енерала воеводства Киевского, шляхетного Петра Котелницкого, врядовне везваного, а тое речи, за осведченемъ и оказованемъ черезъ того свещеника, добре сведомого; который то возный дня, месяца и року на дате вышъ помененого очевисто стоечи, сознане свое ку записаню до книгъ с подписомъ руки своей таковымъ способомъ учинилъ: Я Петръ Котельницкий, енералъ

возный воеводства Киевского, Волынского и Браславского, сознавамъ то на томъ квите моемъ, ижъ року теперъ идучого тисеча шестьсотъ осмнадцатого, месяца августа десятого дня, подъ бытность мою на тотъ часъ у Киеви, за оповеданемъ свесченика Киевского церкви Трохъ Светителей, Василия Великого, Григоря Богослова и Иоана Злотоустого и Воздвиженя честного креста, церквей нагорскихъ, слышал есми, ижъ его милость панъ Михал Мишка Холоневский, подвоеводий Киевский, наславши моцно кгвалтомъ слугъ своихъ и гайдуковъ на домъ оного священника вышъ помененого, казал его пограбити и всю маетность побрати отъ мала до велика, што есть побрано: кони, быдло, сребро, злото, цын, мидъ, образы сребромъ оправные, позлотистые, с каменемъ дорогимъ, сосудъ церковный: келихъ сребрный позълотистый, миску, ложку, звезду,—то все сребръное позлотистое и крестъ сребрный позлотистый с каменемъ дорогимъ; лисицъ сорокъ, куницъ сорокъ, грошей готовыхъ: таляровъ сто, червоныхъ пятдесять,—скринку зо всимъ на все взял, и тую всю маетность до замку его королевской милости Киевского допровадили, а его милость то все отъ мала до велика на пожитокъ свой обернулъ и привлащилъ, а мене дей самого тамже слугамъ и гайдукомъ своимъ посередъ рынку Киевского на взгарду, ничого не помнечи на станъ мой духовный и право посполитое, взят и до везеня замку Киевского осадит былъ казалъ; которыи кгды мене, яко якого злочинцу, до замку вели, тоды я, уходечи таковогo везеня, ледвомъ за помочью Божою до кляштору Киевского увошолъ и отъ законниковъ былъ ратованый. Яко жем я возный виделъ за оказанемъ делию бурнатную фалендышовую на томъ священнику барзо пошарпаную отъ шии и по плечахъ и по рукахъ. Штом теды виделъ и слышалъ, теды при той же протестации на квитъ списавши, с подписомъ руки своее подаю.—Которое ж то оповедане, также и очевистое возного сознане, до книгъ замку его королевской милости Житомирского есть принято и записано.

Книга гродская Житомирская 1617—1618 года, № 13, листъ 1083.

CLXXX.

Жалоба Кіевскихъ мѣщанъ объ отказѣ Кіевопечерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго и состоящей при немъ капитулы подчиниться рѣшенію королевскаго ассесорскаго суда, по которому архимандритъ и капитула присуждены къ уплатѣ въ пользу Кіевскаго магистрата 5000 золотыхъ польскихъ въ видѣ штрафа за безправное и противузаконное содержаніе ими корчемъ и шинковъ въ Печерскомъ монастырѣ и имъ воспрещена дальнѣйшая торговля спиртными напитками. Показаніе возкаго, присутствовавшаго при переговорахъ мѣщанъ съ архимандритомъ и видѣвшаго открытыми по прежнему шинки монастырскіе. 1618 года, августа 20 дня.

Року 1618, месяца августа 20 дня.

Писали и присылали до вряду его королевское милости замку Житомирского, до мене Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, славетные панове пан Федор Ходыка, войтъ, пан Онисим Ходкович, бурмистръ, а пан Стефан Кривкович, райца, и иншие вси райци и лавники места его королевское милости Киевского, брата и посланца своего Андрея Лазаровича, мещанина Киевского, оповедаючи, светчачи и протестуючи противко велебному в Бозе его милости отцу Елисею Плетенецкому, архимандрытови Киевскому монастыра Печерского, и всей капитуле тыми словы: иж их милости, легце собе поваживши повагу звирхности наяснейшого пана, пана Жикгимонта Третего, з ласки Божое короля его милости Полского и великого князства Литовского, а спротивлаючисе декретом его королевское милости, которые за светые а не преламаные розумены быти мают, маючи з нами певный затяг правный в певной и не малой кривде нашой, то ест о заложене шинков в манастыру Печерскомъ Киевском противко правом и привилеем его королевское милости нам наданым а ку шкоде нашой немалой, кгдысмы были их милость позвом сеймовымъ на сеймъ валный коронный близко пришлый перед маестат его королевской милости позвали, где их милость, очевисто перед маестатом его королевской милости и радами коронными становши, объличне з нами контровертовавши, отнесли такий декрет сеймовый его кролевской милости, жебы в речи самой з стороны шинков зачатых шкод и привилеев на них заходячихъ во всем водле позву

нашого роспиралисе з нами за двором перед судом его королевское милости асесорским, где и рок завитый без вшелякого припозву на першой сесии асесорской, або коли тая справа з реестру судового заволана будет, становитисе, роспиратисе, права и привилея свое обяснят и декрету слухат его королевская милость декретом своим панским заховат, зложит и назначит рачилъ. Моцю которого декрету его королевское милости сеймового, кгды тая справа перед судом его королевское милости асесорским до суженя з реестру судового простого припадла и заволана была, их милость отец архимандрыт и капитула на тот позов нашъ вздат се были допустили, которое вздане потом през умоцованого своего, правне до тое справы постановеного, пана Мартина Свежинского, арештовали. А кгды и з реестру арештового тая справа перед суд его королевской милости до суженя припала и заволана была, их милости уприйме, яко и первей негды были учинили, передъ судом его королевское милости становит и з нами роспиратис не хотечи, знову по ареште не стали и з нами се не росправовали и росправоватис не хотели, и жадное ведомости о собе и о нестаню своем судови его королевское милости и стороне не дали; зачимъ судъ их, яко несталых и праву посполитому непослушных, в зыску речи нашое, о штосмы были их милост позвали, вздат допустил и здал и наказат рачил, жебы их милости таксу шкод наших то ест пят тисечей золотых полскихъ за неслушное, неналежное и безправное шинков при манастыру своем Печерском, противко правом и привилеем места Киевского, уживане, нам, скоро одно будут от нас о то упоменени и обвещени, заплатили, отличили и отдали, а то под закладом другое таковое сумы пяти тисечей золотых полских. Которую в недосыт учиненю тому декретови суд его кололевское милости на их милост наказал и на скутечную екзекуцыю тых обоих сум до суду кгродского Киевского отослал: о чом тые декрета его королевской милости и поступок тое справы ширей в собе мает. В моц которого декрету его королевской милости кгдысмы первей напомневши и обвестивши их милость в той справе до того декрету его королевской милости, а потом есмо сами з возным енералом земли Киевское, шляхетным Павломъ Гуторовичом, и шляхтою при нем будучою, року теперешнего тисеча шест сот осмнадцатого, месяца августа семого дня, упоминалисе и реквировали самого его милость пана Елисея Плетенец-

кого, архимандрыта, и всее капитулы манастыра Печерского Киевского в манастыру, иж бы они, водлуг декрету его королевскои милости, суму вышей менованую пят тисечей золотых полских за тым упоминанем нашим нам отличили и заплатили и более карчомъ и шинков в манастыру, с которых собе от пяти лет кождого року великий пожиток приводят а противным обычаем месту Киевскому в корчмах и шинках его королевскои милости арендою державчих великую уйму и переказу, а нам самым шкоду чинят, занехали и не уживали и декретови его королевскои милости досыт учинили: теды его милость отец архимандрыт с капитулою, спротивляючис декретови его королевское милости, нам сумы вышей менованое пяти тисечей золотых полских, ничого на заклад в декрете на заплачене тое сумы заложоный не дбаючи, заплатить и отличит не хотели и не отличили, так же и тых карчемъ шинков своих понехать не хотели и не понехали и овшем заживат их декларовали се, а до декретов его королевское милости мовили: иж о нем ведати не хочем, же насъ там здат допусчоно и здано нехрестианско, незбожне и несправедливе. Што все, яко се вышей поменило, яко и самые карчмы и шинки, пречечоным возным енералом и шляхтою при немъ будучою светчили, оказали и обвелисмы. За которым, по декрете его королевскои милости, противко нему и противко першим декретомъ королей их милостей Жикгимонта Августа и Стефана, заживанем тых шинков и незнесенемъ их знову шкодуемо собе пят тисечъ золотых полских, таксы першое вышей менованое в то не вкладаючи. Где тут же, по таковой протестации пречечоных панов мещан Киевских, постановившисе очевисто перед врадом нинешним кгродским замку Житомирского возный енерал воеводства Киевского, шляхетный Павелъ Гуторович, которого автентикъ и верное вряду своего уживане урядови и актом нинешним ест добре ведомо, ку записаню до книг нинешних сознал тыми словы: иж року тепер идучого, тисеча шест сот осмнадцатого, месяца августа семого дня, за приданемъ врядовым, маючи при собе сторону шляхту людей добрых, пана Яна Рекгулского а пана Миколая Прошинского, был в манастыру Печерском Киевском, з урадом меским Киевским, то ест с паном Федором Ходыкою войтомъ, паном Онисимом Ходковичом бурмистром, а паном Стефаном Кривковичом райцом и иншими райцами и лавниками, где там пречечоный вряд меский Киевский

при мне и черезъ мене возного и сторону упоминалисе и реквировали очевисто самого его милост отца Елисея Плетенецкого, архимандрыта, и всее капитулы манастыра Печерского Киевского, показавши и отдавши им декрет его королевскои милости межи инстыкгатором его королевскои милости и паны мещаны Киевскими поводами, а ими яко позваными учиненый, абы они, водлуг того декрету его королевскои милости, суму пенезей пять тисечей золотых полских на их инстанти, за нестанемъ ихъ, взглядом неслушного и неналежного заживаня шинковъ в монастыру Печерском Киевском ку пожитку своему а ку шкоде панов мещан Киевских, наказаную, им за теперишним упоминанем и реквизицию их заплатили и отличили и болшей карчем и шинков в манастыру, которыми великую перешкоду и переказу карчмом и шинком Киевским арендою от его королевскои милости держачим деют и чинят, не уживали и декретови его королевскои милости во всем досыть учынили. На што преречоному врадови местскому Киевскому его милость отец Елисей Плетенецкий, архимандрыт, с капитулою манастыра Печерского Киевского при мне возном и стороне шляхте вышей м нованой отказ учинили власне тыми словы: иж „мы тое сумы пяти тисечей золотых полских, декретом его королевскои милости на нас наказаное, паном мещаном Киевским платит и отличат не хочем и не будем, и не платим, также и тых карчом шинков своих манастырских понехат не можем и не понехаемъ и овшем их заживат декларуемысе“, а до самого декрету его королевское милости мовили: ижъ „о нем ведати не хочем, поневаж нас там вздат допущоно и вздано нехрестиянско, незбожне и несправедливе.“ Который таковый отказ его милости отца архимандрыта и капитулы вышмененый врад местский Киевский мною возным енералом и шляхтою вышей менованою, при мне будучою, светчили и жадного досыт учиненя на декрет его королевской милости от их милости не отрымавши, отышли. А потом тые самые карчмы и шинки манастыра Печерского Киевского, которых ест немало и намней не уставают, мною возным енералом и шляхтою вышей менованою обводили, оказовали и осведчили и знову шкоду собе не малую в том меновали. Которая ж то протестация панов мещан Киевских и очевистое доброволное сознане возного енерала до книгъ кгродских Житомирских ест принято и записано.

Книга гродск. Житомирская 1618 года, № 13, л. 1090 на об.

CLXXXI.

Жалоба Кіевскихъ мѣщанъ на того же архимандрита и капитулу Кіево-печерскаго монастыря о томъ, что они самовольно устроили въ монастырѣ ярмарокъ, позволивъ торговать на немъ пріѣзжимъ купцамъ, кромѣ того приказали своимъ крестьянамъ изъ разныхъ сотъ и мѣстечекъ вывезти подъ самый городъ Кіевъ до ста бочекъ спиртныхъ напитковъ и вышинковать ихъ въ пользу монастыря, чѣмъ нанесены большіе убытки Кіевскимъ купцамъ и городскимъ шинкамъ. Показаніе вознаго, бывшаго на означенномъ ярмаркѣ въ Печерскомъ монастырѣ. 1618 года, сентября 5.

Року 1618, месяца сентебра пятого дня.

Писали и присылали до вряду его королевской милости кгродского, замку Житомирского, до мене Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, славетные панове пан Федор Ходыка войтъ, пан Онисим Ходкович бурмистръ, а пан Стефан Кривкович райца, и иншии вси райци и лавники места его королевской милости Киевского, брата и посланца своего Андрия Лазаровича, месчанина Киевского, оповедаючисе, светчечи и протестуючи противко велебному в Бозе его милости отцу Елисею Плетенецкому, архимандрыту Киевскому манастыра Печерского, и всей капитуле тыми словы: иж их милости, не маючы на том досыт, же, противко правом и привилеем места Киева и декретом наяснейшихъ королей их милостей полских и великихъ князей литовских, шинки и корчмы медовые, пивные и горелчаные в манастыру Печерском Киевском ку великой шкоде нашой заложили и уфундовали и опых уживают, але еще року теперешнего тисеча шестсот осмнадцатого, месяца августа двадцат пятого дня, росказуючи упрейме подданым своимъ з мест своих манастырских, з Василкова, з Дидова, з Пухова и з ынших слобод, з медом, пивом и горелкою до ста бочокъ под место Киев подехат и за пенези вышинковат; где тые подданые их милостей, подехавши под место Киев, за властным и упрлймым роскazанемъ их милостей, тые вси напитки под местом Киевским за пенези ку пожитку их милостей выпродавали и вышинковали, ку великои шкоде, перекaзе и знищеню корчомъ и шинков наших местских, арендою от его королевской милости державчих; в чом менуемо собе шкоды от их милостей на тисечу золотых полских,

перших таксъ и шкод наших перших, в декрете его королевское милости и в перших протестациях менованых, в то не кладучи. А особливе тые ж менованые месчане Киевские светчилисе и протестовали противко тому ж его милости отцу архимандрыту и капитуле о то, иж их милости, не погледаючи ничого на небезпеченства, которыи от неприятел коронных, москвы, татар и турок, панства его королевскои милости украинные заходят, и на отволане ярмарков Киевских взглядомъ тыхъ небезпеченствъ не деспектуючи, утворивши неякийсъ мниманый ярмарокъ и тым утворенемъ згромадивши немало людей купецких з розных местъ, местечок до монастыра своего Печерского на ден двадцат пятый месяца августа, там же им дали и позволили крамов, будок на роскладане товаров и продаване их ку великой кривде и шкоде всих людей купецких месчан места Киевского; где там немало людей купецких, розложивши се з розными товары своими, оные през килка дней продавали, купчили и торговали, и тот мниманый ярмарок в способъ кермашу отправовали, ку великой перекaзе и перешкоде торгов и крамов купцов месчанъ места Киевского; в чом особливе от них меновали шкод на другую тисечу золотых полских. Где тут же по таковой протестации преречоных панов месчан Киевских, постановивши се очевисто перед врядом нинешним кгродским замку Житомирского, енералъ воеводства Киевского, шляхетный Павел Гуторович, ку записаню до книг нинешних сознал тыми словы: ижъ року тепер идучого тисеча шест сот осмнадцатого, месеца августа двадцат пятого дня, за приданем врядовым, маючи при собе шляхту людей добрых, пана Яна Ректулского, а пана Миколая Прашинского, за оказованем вряду меского Киевского, видел есми под мистом Киевом обоз великий, на поли стоячий, зъ розными напитками, з горилкою, медом и пивом будучий, и людей барзо сила застали есмо тые напитки пючих, и кгды помененый вряд меский пытал тых людей: штобы они за люди были и за чиим позволенем таковые напитки шинкуют?—Теды они передо мною возным и при шляхте при мне будучой меновали се быти власными поддаными манастыра Печерского Киевского и то признали и поведили, иж дей „нам, подданым своимъ, з розных околичных мест и местечок своих их милости отец архимандрыт и капитула манастыра Печерского тые напитки казали под место Киев подвезти и за пенези ку пожитку своему вышинковат.“ За чим собе панове месчане ме-

повали шкод тисечу золотых полскихъ, перших шкод своих, в декрете его королевскои милости и въ перших протестациях менованых, в то не вкладаючи. А особливе, за оказованемъ того ж вряду меского Киевского, року, месяца и дня выш менованого виделъ есми в манастыру Печерском не мало людей купецких, розложившисе в ташах з розными товары своими, оные продавали, купчили и торговали, з розных мест и местечок, там до манастыра приехавши, поведаючи, же имъ тых торговъ его милость отец архимандрыт с капитулою своею допустил и позволил; а панове месчане Киевские мною возным на его милость отца архимандрыта о таковые торги, которых его милость в способъ ярмарку мниманого, ку великой перекaзе и перешкоде торгов и крамов купцов месчанъ места Киевского, там в манастыру отправоват допустил, осветчившисе и меновали шкод на другую тисечу золотых полских. Которое ж то оповедане панов месчан Киевских и реляция возного звыш помененого ест до книг кгродских замку Житомирского записано, што отрималомъ.

Книга гродск. Житомирская 1618 года, № 13, л. 1214.

CLXXXIII.

Жалоба Кіевскихъ мѣщанъ о томъ, что игуменъ Кіево-Кирилловскаго монастыря Кипріанъ Жеребило Лабунскій и подвѣдомая ему братія отказываются подчиниться королевскому декрету о закрытіи монастырскихъ шинковъ и корчемъ а также медоваренныхъ и винокуренныхъ заводовъ и, не взирая на положенную въ королевскомъ декретѣ заруку въ 1000 золотыхъ польскихъ, продолжаютъ вести питейную торговлю, нарушая тѣмъ арендныя права жалобщиковъ. Свидѣтельство вознаго. 1618 года, сентября 18.

Року 1618, месяца сентебра 18 дня.

Писали и присылали до вряду его королевское милости кгродского замку Житомирского, до мене Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, славетные панове пан Хведор Ходика войтъ, пан Онисим

Ходкович бурмистръ, а пан Стефан Крывковичъ райца и инъшые вси райци и лавники места короля его милости Киевского, брата и посланца своего Андрия Лазаровича, мешчанина Киевского, оповедаючисе, сведчачы и протестуючы противко велебному отцу Киприяну Жеребилу Лабунскому, игумену, и всем еже о Христе брати черноцом манастыра Кирилского Киевского, о то, ижъ их милости, жадного права на корчмы и шинки, на канун, также на бровары и винныцы ко розсычиваню медов и паленю горелок, которые под манастыром и за манастыром своимъ ку шкоде и уйме пожитков карчемъ Киевских, арендою от его королевскои милости держачых, уживают, не маючи, але еще тых то всихъ шынков и канунов, броваров и винницъ взглядом перешкоды карчмамъ Киевскимъ, с которых певная пенсыя до скарбу его королевскои милости дорочне идетъ, и декретом его королевскои милости теперешнего пана нашого милостивого отсужены будучи, ничого на закладъ, в том декрете его королевскои милости заложоный, тисечу золотых полских, жебы тых шинков, канунов, винниц, броваров по томъ декрете его королевскои милости не уживали и оные заразъ знесли, не дбаючи, важилисе противко тому декретови его королевскои милости так шинковъ вшелякого напитку, канунов, яко тежъ броваровъ и винныцъ аж до сего часу под манастиромъ и за манастиром своим Кирилским держати и вживать, яко ж держат и вживают, и овшемъ кгды были року теперешнего тисеча шестсот осмнадцатого, месяца августа двадцат девятого дня, через возного енерала земли Киевское, шляхетного Павла Гуторовича, з указанемъ того декрету его королевскои милости правне реквировани, жебы оному досыт учинили и тые корчмы, шинки, бровары и винницы водле декрету его королевскои милости проч знесли и оных не вживали, их милости, декрету его королевскои милости в ни в чомъ послушными быт не хотечи, тых карчемъ, шинков, броваров и винныцъ не знесли и знести не хотели и овшемъ оных заживать деклароваликсе ку великой шкоде, крывде и знищеню аренды карчомъ места Киевского и плату з них належачого, в чом мы особливе от их милостей шкодуемо на тисечу золотых полскихъ, першое таксы шкод наших и закладу в декрете его королевское милости заложоного в то не кладучи. При которое протестации менованых панов мещан Киевскихъ ставши очевисто на вряде нинешнем, передо мною Яномъ Галчиновскимъ, подстаростимъ Житомир-

скимъ, возный енерал Павел Гуторовичъ, зезнал тыми словы: Я Павел Гуторович, возный енерал воеводства Киевского, сознаваю на том квите моем ку записаню до книгъ врадовых: иж року тепер идучого тисеча шест сот осмнадцатого, месяца августа двадцать девятого дня, за приданемъ врядовымъ а за взятемъ и способенемъ славетных панов войта, бурмистра и райцовъ места Киевского, был есми на нижей менованой справе и потребах ихъ, то есть ездил есми з ними до манастира Кирилского; где кгдысмы приехали, тедысмы застали в манастиру в кили самого отца Киприяна Жеребила Лабунского и килка братов с капитулы, которых врядовне реквировалисмы, жебы они, водлугъ декрету его королевскои милости, карчимъ и канунов при манастиру и за манастирем своим ку великой шкоде и зниценю карчимъ Киевских не вживали, бровары и винницы на сичене медов и палене горелок знесли, и декретови его королевскои милости досыт учинили. Теды отец Киприянъ, игумен Кирилъский, сам от себе и от всее братъи своее на таковое реквироване панов мещан Киевских, тых карчемъ и канунов же тепер заживают и впрод заживать будут, декляровалсе и тых броваров и винниц на сычене медов и палене горелки, которых я, возный, под манастыром видел не мало, знести не хотел и не знес, и декрету его королевскои милости ни в чомъ досыт не учинилъ, што все панове мещане Киевские мною возным сведчили. И просили помененые мещане Киевские, абы тая их протестация и реляция возного звышпомененого до книг кгродских Житомирских была записана; што есть записано.

Книга гродская Житомирская 1618 года, № 13, л. 1281.

CLXXXIII.

Жалоба Кіевскихъ мѣщанъ о томъ, что уніатскій митрополитъ Іосифъ Веніаминъ Рутскій, въ явное нарушеніе ихъ арендназо права на монополію питейной торговли въ Кіевѣ, гарантированнаго королевскимъ привилегіемъ, приказалъ своему намѣстнику Садковскому открыть въ Кіевѣ четыре шинка для продажи въ нихъ меду, пива, вина и водки. Свидѣтельство возныхъ, осматривавшихъ эти шинки. 1618 года, сентября 24.

Року 1618, месяца сентебра 24 дня.

Писали и присылали до враду его королевское милости замку Житомирского, до мене Яна Галчиновского, подстаростего Жытомирского, славетные пан Хведор Ходыка войтъ, Онисимъ Ходковичъ бурмистръ, Стефан Крывковичъ райца и иншые вси райцы и лавники места его королевское милости Киева посланца своего Хведора Дробышевича, оповедаючысе, сведчачи и протестуючы противко велебному в Бозе его милости отцу Иосифу Велиамину Рутскому, Божиею милостию архиепископу митрополиту Киевскому и Галицкому и всея Руси, и капитуле его, о то: ижъ его милость отецъ митрополитъ, ведаючи о том, же вшелякие карчмы и шынки в месте Киевскомъ суть ничые иншые, едно его королевское милости, нам в аренду поданые, с которых певная немалая пенсыя от нас до скарбу его королевскои милости дорочне отдавана бывает, зачым иж бы нихто и жаден другихъ карчемъ и шынков опроч тых шынков, так в месте Киевскомъ, яко и за местомъ, ку пожитку своему а ку шкоде тых карчомъ не установлял, и жадным трунком не шынковалъ, особливымъ привилеемъ своимъ и певным закладомъ намъ месчаном Киевским вароват то его королевская милость рачыл,—року теды теперешнего тисеча шест сот осмнадцатого вышей менованый его милость отецъ митрополитъ с капитулою уприйме росказал слузе и врядънику своему, на митрополии Киевской зоставеному, пану Вацлаву Садковскому, карчомъ килка над самымъ местом Киевскимъ, на местцу и къгрунте Речи посполитое, где власне перед тымъ место Киев седело и тепер седит, на горе, которых там никгды од веку за иншых прешлых митрополитов, антецесоров его милости, и за его милость самого не бывало, заложыты и на килку местцах вшеляким напитком, то есть: медомъ,

пивом, вином и горелкою, ку пожитку своему, а ку великои шкоде, уйме а праве знищеню карчемъ его королевской милости Киевскихъ, уставичне шынковат. Якож, за власным и уприймым росказанемъ его милости, пречоный слуга и врядник его милости пан Вацлав Садковский на тамтомъ местцу карчемъ до шинкованя напитком вшеляким чотыри заложивъши, шынкъ вшелякий: медовый, пивный, винный и горелочный, дня осмнадцатого месяца сентебра, в року тепер идучом, на его милость отца митрополита установил и на чотырох местцах установичне шынковат казал; якож и шынкуют и шынковат не уставают, ку власному пожитку его милости, а ку великой крывде, шкоде а праве знищеню карчемъ и шынков Киевских, арендою от его королевской милости држачыхъ, которых шкод за так значнымъ и явнымъ заложенем тых карчемъ и уставичным отправованем в них шынков вшелякых вышей менованых менуемо собе от пречоного его милости отца митрополита на две тисечи копъ литовских. Которые то карчмы и шинки и двема возными енералы земли Киевское, шляхетным Павлом Гуторовичом и Анъдреяном Ляховскимъ, и шляхтою при них будучою обводили и оказовалисмы. И ач колвек права и прывилея нашы, нам на тые шинки наданые, то в собе замыкают, жебысмы шынки вшелякие покутные, хто бы колвек их ку шкоде карчемъ Киевских зажывал, забирать моц мели, едно, же ту его милость отец митрополит юж не покутный, але открытый, установичный а явный шынкъ в тых карчмахъ заложить и уживать росказал, про то, не дерыкгуючы тым ничого праву своему, на волное забиранье шынков покутных маючому, менованые панове мещане Киевские так о знесене тых карчемъ и шынковъ, яко и о шкоды свои вышей менованые, а при том и заклад в аренде менованый зъ его милостью отцом митрополитомъ и капитулою перед маестатом его королевскои милости, яко о власные добра и пожитки его королевскои милости, правне, яко с права прыйде, чынить декларовали и оферовали се. При которой протестацыи пановъ месчанъ Киевских станувши очевисто перед врядом нинешним кгродским Житомирским и возные енералове земли Киевское, шляхетный Павел Гуторович и Андреянъ Ляховский, которых автентики и верное вряду своего заживане актом нинешним ест ведомо, в моц врядов своих ку записаню до книгъ нинешних кгродских Житомирских зезнали тыми словы: иж року тепер идучого тисеча шестсот осмнадцатого, месяца сентебра

двадцатого дня, за приданем врядовымъ а за оказанемъ и за обвоженемъ панов войта и бурмистра, райцов и лавников Киевских, маючы при собе сторопу шляхту людей добрых, пана Яна Рекгулского а пана Счасного Кгослицкого, видели на горе, над самым местом Киевским, на кгрунте его королевскои милости и Речи посполитое, где власне перед тым старое место Киев седѣло и тепер седит, карчемъ и шынков его милости отца митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси и капитулы его чотыри, в которых напитки вшелякие: медовые, пизные, винные и горелчаные уставичне се дѣютъ и отправуют. А кгдысмы тых карчмаров то естъ: Борсча, Ивана, Кузму и Протаса пытали: за чыею бы то ведомостю и позволенем тые шинки отъправовали,—поведили, же з ведомостю и з росказанемъ пана Вацлава Садковского, слуги и врядника его милости отца митрополитового. А кгдысмы для реквизыцыи до пана Садковского о тые ж шынки прышли, теды, в небытности самого пана Садковского, малжонка его пани Зофия Садковская, за реквированем панов месчан Киевских, доброволне се признала, же за власнымъ и уприймымъ росказанемъ и ведомостию его милости отца митрополита Киевского и капитулы тыи корчмы и шынки малжонок ее пан Садковский установилъ и шинковать росказал. Што все панове мещане Киевские нами возными енералы и шляхтою вышей помененою, пры нас будучою, светчыли. И просили помененые панове месчане Киевские, абы тая протестацыя их и релящыя возных до книгъ замку Житомирского была записана; што есть записано.

Книга гродск. Житомирская 1618 года, № 13, л. 1286 на об.

CLXXXIV.

Фундушевая запись князя Григорія Четвертинскаго теткѣ своей п. Марьи Балабановой, урожденной Гулевичевнѣ, на земельный участокъ въ его имѣніи м. Четвертнѣ, съ правомъ основать тамъ православный женскій монастырь. 1618 года, сентября 30.

Року тисеча шестсот двадцат второго, месяца генвара осмнадцатого дня.

На роках судовых земских Луцких, от дня Трех кролей, света римского, в року звышъ написаномъ припалых и судовне отправовати зачатых, перед нами Иваном Хрѣнъницкимъ, судею, а Михайломъ Гулевичем Воютинским, подсудком, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившися очевисто Иванъ Половкович, именемъ урожоное панее Марии Гулевичовны Адамовое Балабановое, для вписаня в книги нинешние земские Луцкие подал первблятамъ лист добровольный запис урожоного князя Григоря Четвертенъского, с печатю и с подписомъ руки его, также с печатми и с подписами рукъ людей зацных, от него помененои урожонои панеи Марии Гулевичовне Адамовои Балабановои на реч в томъ записе нижей вписаномъ менoвите выражоную даный, о чомъ тот записъ ширей и достоточней в собе маетъ, просечи, абы принятый и до книгъ вписаный был; которого мы видечи его быт целого, зуполного, за прозбою помененого Ивана Половковича, для вписаня до книгъ приймуючи, читати перед собою казали, который такъ ся в собе маетъ: Я Григорей Четвертенъский сознаваю тымъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ кождому, кому того потреба будетъ вѣдати тепер и напотомъ завъжды, ижъ што з урожоною панею Марушою Скрынъскою Григоръевою Четвертенъскою, малжонкою моею, дали и позволили есмо ее милости панеи Марии Гулевичовне Адамовои Балабановои в маетности нашои при мисте Четвертни для фондованя манастыря бѣлымъ головамъ то ест инокинямъ, которая поднелася нужно працею и коштомъ своимъ церъков и манастыр фундовати, за благословенствомъ светейшого отца нашого патриярхи Констанътинополского, где теж мает при собе мети там блаженного во ермонасех Кгерасима, игумена Угорницкого, для отправованя хвалы Божое в томъ же манастыре, где мирно пребываючи

под обороною маетности мосе дедичное, повинни будут за продки мои и за мене, малжонъку мою и потомки наши Господа Бога просити вѣчными часы; который остров дал есмы им з малъжонкою своею увесь з деревомъ, полями, сеножатми, яко ся в собе мают, то ест: почавши от мосту великого, од мѣста идучого, аж до остатнего мосту, до поля ку Боровичом прилеглого, до того с приданемъ на тот же монастир озера званого Попова и волное ловене рыб в Стыре всюды, поки кгрунъты и болота мои до Четвертъни належачие зашли, также в пущах моихъ, в лесах, борах, так Четвертенъских, яко и Копанских, волный вруб такъ на будоване манастыра, яко и огреване и вшелякие потребы, на што бы одно им потреба до того манастыра указовала, вѣчными часы записали под клятвою трох сот осмнадцати отецъ светых, если бы хто тотъ фундушъ нашъ нарушил, яко о том запись с кондыциями певными и обовязками, в записе орииналномъ выражоными, на тот манастыръ служачий, в собе ширей опеваетъ. Который запись на тотъ монастыръ, вечностю в пречечоной маетности при месте Четвертни на острове лежачий, от мене самого и от малжонки мое даный и служачий, такъ яко естъ написаный, зо всими его кондыциями и обовязками з добръ моихъ всѣхъ лежачихъ и рухомых, где колвекъ маючихъ, записую ся тымъ нинешнимъ записомъ моимъ з малжонкою моею на першихъ роках земъских албо кгродских Луцких, напервей по дате того запису моего, очевисто ставши, перед судом признати, под закладом двох тисячей золотых полских и нагороженемъ шкод, кромъ присеги, словне ошацованых; о который закладъ если бымъ тому записови моему досыт не учинилъ, запису пречечоного на фундушъ того манастыра на острове от мене и малжонки моее панеи Марии Гулевичовне Адамовои Балабановои даного на первей по дате того запису в земстве албо в гроде Луцком з малжонкою моею, а по нас потомкове наши не признали, волно будет мене самого, малжонку, а по мне потомков моихъ, позвати до якого колвекъ права, суду и уряду: земъского, кгродского и трибуналского, в которое колвекъ воеводство и поветъ, хот мне, добрамъ, малжонце моей и потомъкомъ моимъ неналежъного, которым ся я з добрами моими всими, где колвекъ маючими, доброволне поддаюся, где на року першомъ, бы накоротшомъ, яко на завитомъ, ставши, отповедати повинни будемъ, то ест заклад, о который буду с потомками моими позваный, от суду не

отходечи, готовыми пенезми, а не подаванъемъ увезанья в добра, чого ся с потомками моими отписую, заплатити, а заплативши заклад, предся тому записови моему во всемъ досыт чинити маю и с потомками моими повиненъ буду, жадных диляцый, ексъцепцый, прозекуций и инъшихъ диляций и оборон правных не заживаючи; которому то добровολному записови моему я самъ з малъжонкою и потомками моими во всемъ досыт учинити маю, под закладом вышей описанымъ, и на томъ панеи Адамовои Балабановои далъ тот мой листъ добровольный записъ с печатью и с подписомъ руки моее. А при томъ были и того добре сведоми, то ест: его милость княз Юрей Пузына, его милость пан Иван Гулевич, а пан Жикгимонт Калениковичъ. Писан в Четвертни, року тисеча шестсот осмнадцатого, месяца сентебра тридцатого дня. У того запису печатей чотыри и подпис рукъ тыми словы: Григорей Четвертенъский рукою. Ustnie proszony pieczętarz Jerzy Puzyna. Proszony pieczętarz Iwan Hulewicz. Proszony piecsętarz Żygment Kalenikowicz. А инътитуляция на тыле над печатми писмомъ полскимъ написаная тыми словы: List zapis ode mnie Hrehorego Czetwertenskiego dany iey mosci paniey Adamowy Bałabanowy na to, iż mam i powinien będę ten ostrow moy wielky Czetwertensky, na ktorym za łaską Boża stane klasztor białogłowsky za pozwoleniem moim y małżonky moiey własnym kosztem iey mosci paniey Adamowy Bałabanowy, ciotki moiey, na pierwszych rokach ziemskich albo roczkach grodzkich Łuckich zeznać, iako nawarowniey bydź może, a to pod kondycyami i obowiązkami w tym zapisie wewnątrz wyrażonymi.—Который же то вышей менованый листъ добровольный записъ, за поданъемъ и прозбою вышей мεнованое особы а за принятъемъ нашим судовым, увесъ с початъку аж до конъца до книгъ земъских Луцких ест уписанъ.

Книга земская Луцкая 1622 года, № 2822, л. 1100 на обор. *)

---

*) Примѣчаніе. Такого же содержанія фундушевый листъ князь Григорій Четвертинскій и его жена Маруша урожд. Вкрыпская выдали сверхъ того игумену Угорницкому и Островецкому о. Герасиму, который совмѣстно съ п. Балабановой принялъ на себя заботы по устройству новаго монастыря и титулъ игумена его. Ibid. л. 1099.

CLXXXV.

Громота короля Сигизмунда III на основанiе православнаго Луцкаго братства милосердiя съ предоставленiемъ ему права возобновить сгорѣвшiй незадолго передъ тѣмъ русскiй шпиталь, построить при немъ церковь и училище и имѣть навсегда эти учрежденiя въ своемъ распоряженiи. 1619 года, февраля 20.

Року тисеча шестсот двадцатего, месяца генвара чотырнадцатого дня.

На рокахъ судовых земских Луцких, од дня Трохъ Кролей, свята римского, в року звышъ на дате помененомъ припалыхъ и на завтрее того свята, водлугъ описаня правъного, судовне одправованых, перед нами Иваном Хренницкимъ, судею, а Михайломъ Гулевичемъ Воютинскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившисе очевисто урожоный его милость панъ Криштофъ Яловицкий, подстолий земли Волынское, именемъ своимъ и всихъ обывателей тутошных воеводства Волынского релиеи старожитное греческое, для вписанъя в книги нинешные земские Луцкие подал привилей наяснейшого короля его милости пана папа нашого милостивого, с печатю коронною болшое канцлярии и с подписомъ рукъ короля его милости и писарское, на фундованъе церъкви братское ку одправованъю хвалы Божее релиеи старожитное греческое при шпиталу рускомъ, в Луцку лежачомъ, тому братству в заведованъе од короля его милости даный, о чомъ тотъ привилей его королевскои милости ширей во всемъ и достаточней в собе опеваетъ, просечи, абы принятъ и в книги нинешные уписанъ былъ. Которого я судъ, за прозбою и поданемъ его милости пана подстолего, для вписаня до книгъ приймуючи, предъ собою читат казалъ, который слово од слова так се в собе маетъ: Жикгимонтъ Третий, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлантский, а Шведский, Кготский и Вандалский, дедичный король, и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому то ведати будетъ належало тепер и напотомъ завжды, ижъ при кгвалтовномъ згоренъю недавныхъ часов места нашого Луцка, шпитал старожитный тамешный руский до кгрунту згорел, который, жадного паданя не маючи, знову се збудовать и убозства тое релиеи своее опатрити и выживеня

слушного мети не можеть. А такъ отозвавъшисе певные особы, такъ стану шляхецкого воеводства Волынского, яко и посполитые люде места пречоного нашого Луцка, релиие кгрецкое, умысливъши мети прикладомъ братствъ инших и в томъ месте нашомъ Луцкомъ братство Милосердия, а за тымъ подыймуючисе объмыслити заложене и збудоване порядка того шпиталя руского и церкви, в которой бы такъ они сами, яко и пречоное братство набоженство свое одправовали, з школою для побожныхъ наукъ людей молодыхъ потребною, тудзе жъ ховане и опатрене слушное убозства релиией своее и духовных подання своего, которые бы там побожне живючи, за насъ и за наяснейшое потомство наше уставичне Пана Бога просили, жадаючи насъ, абысмо имъ, на такое братство и учинки побожные позволивъши, тот шпиталь згорелый зо всимъ, што до него належитъ, в дозор и объмышливане побожное вечне подали; за которымъ, яко о речи слушное, панове сенаторове и послове земские причинялисе. А такъ мы король, прозбу их и причину пановъ радъ и пословъ нашихъ пилне уваживши и речъ тую слушную и збавенную быти видечи, на таковое братство, которое за собою побожные учинки тягнетъ, позволяемъ и тотъ згорелый шпиталь старожитный руский, в Луцку будучий, зо всимъ што до него належитъ, в дозор, шафунокъ и обмышливане побожное вечне подаемъ, позволяючи имъ такъ тотъ шпиталь и до него церковъ з школою, где бы собе кгрунты и местца в том месте нашомъ Луцкомъ слушные на то упатривъши, за симъ консенъсомъ нашимъ а фундушомъ своимъ збудуютъ и уфундуютъ, духовных ученых людей добрых, побожных и благочестивых мети и подавати. В которомъ заведованю а обмышливаню такъ того шпиталя, яко тежъ церкве и школы, которые они дастъ Богъ коштомъ своимъ змуруютъ, або збудуютъ, уфундуютъ и мети будутъ, и во вшелякихъ добрыхъ а побожныхъ порядкахъ и поступкахъ их братскихъ нихто с тых, которые бы з ними в томъ брацтве быти не хотели, и жадные иные особы ниякого вступу, перенагабаня, перешкоды и трудности ниякое ни въ чомъ чинити и задавати не маютъ и не будутъ могли вечными часы. До которого конъсенсу и фундушу нашого рукою нашою подписали есмо се и печать нашу коронную притиснути велели есмы. Данъ и писанъ у Варшаве, на сейме валномъ коронномъ, дня двадцатого месяца февраля, року по нароженъю Іисуса Христа Сына Божия тисеча шестсотъ девятнадцатего, панованья королевствъ нашихъ

Полского тридцать второго, а Шведского двадцат шостого року.—У того привилею его кролевскои милости печать притиснена болшое канцелярии, а подпись рукъ его кролевское милости а писарское тыми словы: Sigismundus Rex. Florian Oleszko, woyski Włodz. secr. y pisarz.— А такъ мы судъ, тотъ вышъпомененый привилей его кролевскои милости, за поданемъ и прозбою его милости пана подстолего Волынского, именемъ всихъ обывателевъ воеводства Волынского релиеи греческое, для вписаня до актъ принявши, записать казали, который есть уписанъ.

Книга земская Луцкая 1620 года, № 2818, листъ 43 *).

CLXXXVI.

Фундушевый листъ, данный княземъ Григоріемъ Четвертинскимъ основанному имъ въ м. Четвертни мужескому православному Преображенскому монастырю съ обязательствомъ, чтобы игумены и братія этого монастыря всегда оставались въ православіи. 1619 года, октября 12.

Року тисяча шестъсотъ двадцатъ второго, месяца генвара осмнадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ Луцкихъ, от дня Трехъ Королей, свята римского, в року звыш написанномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Иваномъ Хрѣнницкимъ, судею, а Михайломъ Гулевичемъ Воютинскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившися очевисто Иванъ Половковичъ, именемъ велебного отца Герасима, игумена манастыра Четвертенского, и всее брати его церъкви Преображения, для вписаня в книги нинешние земские Луцкие подалъ пер облятамъ лист доброволный записъ фундушовый урожоного князя Григоря Четвертинского, с печатю и с подписомъ руки его, такъ же с печатми и з подписами рукъ людей зацныхъ, от

---

*) Примѣчаніе. Документъ этотъ былъ напечатанъ Коммиссіей въ I т. Памятниковъ ея, но по списку не вполнѣ исправному и во многихъ мѣстахъ поврежденному.

него велебному отцу игумену и брати его на реч в том записе фунъдушовомъ нижей вписаном меновите выражоную даный, о чом тот записъ фундушовый ширей и достаточней в собе маетъ, просечи, абы принятый и до книгъ вписаный был; которого мы, видечи его быт целого, зуполного, за прозбою помененого Ивана Половковича для вписаня до книгъ приймуючи, читати перед собою казали, который так ся в собе маетъ: Я Григорий князь Четвертенский, дедичъ на Четвертни, чиню явно и вызнаваю сим моимъ листом фунъдушьнымъ доброволънымъ записомъ, кому бы о том ведати належало, теперъ и на потомъ завъжъды: ижъ я, скоро купивши Четвертню, обецалем то Господу Богу моему, абы манастыръ и церковъ в немъ мурованая светого Преображения Господа нашого Іисуса Христа в месте Четвертни фундушъ свой мѣла и безкровная жертва Христа Спасителя нашого в нем завше се оферовала, для которого отправованя абы тамъ былъ отецъ игуменъ и брати килка уставичне, и абы мѣли пищу и одежду. Теды я, осветчаючи ко Господу Богу моему вшелякое подданство мое, а уважаючи неизреченное милосердие и богатество того всемогущого и предвечного Пана, который всѣм гойне всегда уделяти рачитъ, будучи и я тогоже помногу доволенъ и маючи в повереню тую мне худобу, зъ тое ж худобы моее мне врученнои от Господа Бога моего, полнечи обѣт мой, а фундуючи тое мѣсто светое, где вси продкове мои погребени сут и самъ тамъ тѣло мое многогрѣшное по исходе души от него желаю да погребено будет,—даю и надаю на тот мой монастыр фолварокъ за местомъ, на концу фольварковъ местцкихъ, над Любкою, до него волок чотыри межи моими ланами замковыми и подданых чотырехъ поволочъныхъ в селе Залюбечу, на концу от фолварку манастырского; до того на той же Любце ставокъ з млынкомъ, в которымъ подданымъ манастырскимъ волно молоти без всякои перешкоды от арендаря моего, як от мене самого, сеножати на местцу певномъ отдѣлилом, то естъ на урочисчу Нивицку, на косаровъ петдесятъ; в млине на Стыру под манастыромъ денъ и ночь в пятницу мѣра вся на манастыръ в кождом тыждне, волное ловленя рыб в Стыру и озерахъ моих; а до того золотыхъ полских сто на кождый рок з аренды моеи мѣсцкои корчемное и млиновои от арендара кожъдого до рукъ отца игумена завше доходити мает, по десети копъ литовскихъ на кождую чверть, почавши от светого Семена в року тисеча шест сот девет-

падцатомъ, платити ся маеть. Которую то всю данину мою и монастыр, со всею оградою его, от улицы подле шпиталя лежачой до улицы просто до млина идучой, не оставуючи там ни одного дому, ажъ до Стыра, на которомъ-то кгрунти монастырскомъ волно будетъ отцу игумену всѣ рѣчи потребные, монастыру належачие, будовати, направляти, водле потребы монастырское и пожитковъ его. Пристанъ тежъ, которая была под монастыремъ за продковъ моихъ и за мене самого, тая от того часу быти не маетъ. Под тою ж кондыцисю и обовязком подалем отцу игумену теперешнему Герасиму в дозоръ и порядное шафоване: мает и волен естъ непорушне до живота своего у немъ мешкати и братии ведлуг тое данины толко держати, колко бы се выховати с того могли. А по животе отца Герасима, братия тамъ живучая волни будутъ собе игумена по воли Божой и своей избрати, а я и потомкове мои ствердити толко маемъ. Такъ вси, яко и отецъ Гарасимъ, до живота своего того всего в том монастыри заживати маютъ, во вечныя роды под благословенствомъ и послушенствомъ церкви восточное живуючи, а не подъ иншимъ римскимъ якимъ. А я и потомкове мои, теперешнего отца игумена Герасима при той данине заховавши, и наступников его маемъ и повинни будемъ ховати, ничого вечне от манастыра того не отимуючи, и овшем множити и вспомогати маемъ, под клятвою отецъ светыхъ и зарукою двохъ тисячей золотыхъ полскихъ. Еслибымъ я самъ и потомкове мои в чимъ колвекъ кондыцин тын всѣ и данины фундушные нарушити мѣли, волно будетъ отцу Герасиму, игумену теперешнему, и наступником его мене и потомков моих до вшелякого суду и уряду насъ позвати, а я и потомкове мои, за нарушенемъ яковымъ колвекъ в томъ листе фундушномъ кондыцие, не отходячи от суду, заруку на монастыръ выш реченому отцу игумену, або наступци его, заплатити повинни будемъ, а заплативши, тот листъ и данина тая вся вцале вечне непорушне зостати маетъ. И на томъ далъ тотъ мой листъ и записъ доброволный монастыру светого Преображения Господа нашого Исуса Христа и вышреченому отцу игумену и всѣмъ наступникомъ его по немъ будучимъ, с подписомъ власнои руки моеи и с приложенямъ печати. А за прозбою моею подписалися их милости панове: приятель мой, его милостъ князь Юрий Пузына, и ихъ милости Иванъ и Романъ Гулевичове. Писанъ в Четвертни, року тисеча шест сот девятнадцатого, месяца октоврия два-

надцатого дня. У того листу запису фундушового печатей чотыри и подпись рукъ тыми словы: Григорей Четвертенъский рукою. Usnie proszony pieczętarz Jerzy Puzyna. Iwan Huliewicz. Roman Huliewcz ręką swą.—Который же то вышей менованый листъ доброволный записъ фундушовый, за прозбою и поданемъ вышей менованое особы а за принятемъ нашимъ судовымъ, увесь с початку ажъ до конца до книгъ земскихъ Луцких есть уписанъ.

Книга земская Луцкая 1622 года, № 2822, листъ 1098.

CLXXXVII.

Протестъ отъ имени Луцкаго епископа Евгенія Малинскаго противъ королевской грамоты, разрѣшающей основаніе православнаго братства въ Луцкѣ и возобновленіе сгорѣвшаго шпиталя. 1620 года, генваря 14.

Року тисеча шестсот двадцатого, месяца генвара чотирнадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земских Луцкихъ, од дня Трохъ Кролей, света римского, в року звышъ написаномъ припалыхъ и назавтрее менованого света судовне одправовати зачатыхъ, перед нами Иваномъ Хрипницкимъ судею а Михайломъ Гулевичомъ Воютинскимъ подсудкомъ, врадниками судовыми земскими Луцкими, постановившисе очевисто шляхетный панъ Стефанъ Кголынский, слуга церковный велебного его милости отца Евгениуша Еловича Малинского, Божю милостю епископа Луцкого и Острозского, яко пастера въ епархие то есть диоцезые владыцтва Луцкого и Острозского, кгды у суду земского Луцкого дня нинешнего чотернадцатого генвара подавано пер облятамъ листъ короля его милости ад мале паррата на шпиталъ погорелый, который есть въ заведованю его милости отца владыки по погореню збудованый, и на якоесь брацтво противное унии светое, без ведомости и позволеня вшиткихъ духовныхъ римское и кгреческое релии упросили, абы тежъ таковый листъ волностямъ стану духовного римского и грецкого и правомъ давно статутами упривилееванымъ именемъ пренасветобливишого на-

пежа столицы Римское и апостолское, всих их милостей прелатовъ короны Полское, великого князства Литовского и панствъ до нихъ належачихъ и релиеи кгрецкои, его милости отцу метрополитови, настаршому въ короне релиеи кгрецкои, и ихъ милостямъ епископомъ в унии святой будучимъ не шкодилъ,—сведчилъ се, заховуючи его милости отцу владыце пану своему и кому будетъ належало ширшую протестацию о то учинить. Которую то протестацию мы судъ принявши, до книгъ земских Луцкихъ записати казали, и есть записано.

Книга земская Луцкая 1620 г., № 2818, л. 527 на об,

CLXXXYIII.

Жалоба, внесенная членами капитулы Луцкой отъ имени высшаго уніатскаго духовенства, о томъ, что православные обыватели Волынскаго воеводства чинятъ великія притѣсненія уніатамъ: отнимаютъ у нихъ церкви и самовольно назначаютъ къ нимъ священниковъ, которые публично въ проповѣдяхъ поносятъ уніатское духовенство; заводятъ какія-то братства, возбуждаютъ въ народѣ вражду къ католикамъ и уніатамъ, что угрожаетъ общественному спокойствію государства; наконецъ, что они незаконно выхлопотали королевскій привилегій на постройку въ Луцкѣ новой церкви. 1620 года генваря 24.

Року тисеча шестсот двадцатого, месяца генвара двадцать четвертого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Марцияномъ Олшамовскимъ, буркграбим и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто велебные отцове его милост отец Григорой Офанасовский протопопъ, а Василей презбитер Пятницкий, крылошане церкви соборное Луцкое светого Иоана Богослова, прихиляючи до оповеданья пана Стефана Кголынского, которое на рокахъ земскихъ, тепер о Трох Кролях, свята римского, в року нинешнемъ сужоныхъ, у суду дня чотырнадцатого месяца геньвара чинил, кгды урожоный его милость панъ Крыштофъ Еловицкий, подстолий Волынский, именем своимъ и всихъ обывателев туточнихъ воеводства Волын-

ского релии старожитное кгрецкое подавал ад мале наррата, без ведомости велебного в Бозе его милости отца Евгениуша Еловича Малинского, епископа тутошнего Луцкого и Острозского, такъ тежъ и вышшого его милости отца метрополита, упрошоный, сведчил се именем всего духовенства, такъ столице светое Римское, насветоблившого его милости Павла Пятого, з ласки Божое настаршого над духовенствомъ папежа Римского и наместника пана Збавителя нашого, и всих их милостей ксенжы их милостей арцыбискуповъ, бискуповъ короны Полское, яко тежъ и духовенства релии кгрецкое в унии светое будучого, то ест его милости отца метрополита Киевского, Галицкого и всее Руси, его милости отца епископа Малинского, инъших их милостей отцевъ епископовъ и всихъ духовныхъ кгрецкихъ, в унии святое зъ столицею апостолскою згодне виру науки християнъское вызнаваючых,—сведчилисе и оповедали о то, же ихъ милости панове релии кгрецкое тут на Волыню, униею светою през побожныхъ велебных ихъ милостей превелебнейшого в пану Богу его милость отца Гипациуша Потея, перед тым епископа Володимерского, а потомъ метрополита Киевского и Галицкого, и его милость отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского,именемъ всихъ ихъ милостей отцевъ епископовъ в короне и въ великомъ князстве Литовскомъ, з ласки Божее и короля его милости Полского, пана нашого милостивого, обронцу и подавцу, епископъства держачихъ, столицы светое апостолское, за згодою всего клеру духовного и великихъ зацныхъ становъ и фамилией народу релии кгрецкое короны Полское одданою,—взгордивши и тое милое едности згоды светое хрестиянъское не приймуючи, не досыт, же противко конституцыямъ, которые по собе у короля его милости и у всее презацное короны Полское и великого князства Литовского Речи посполитое упросили, и заклад десять тисечей гривенъ на унитовъ заложили, абы се имъ безправъе не деяло,—церкви од их милостей отцевъ епископовъ унитовъ поодыймовали, священниковъ повыганяли, добра церковные поодыймовали, в церквяхъ од кролевъ их милости Полскихъ и великих княжатъ Литовскихъ, такъже од презацныхъ и богобойныхъ кнежатъ их милости Рускихъ наданых и уфунъдованых, набоженства водле мысли своее научати противко униеи святои, рвучи в томъ Реч-посполитую и згоду светую хрестиянскую казят, ихъ милость отцевъ епископовъ, в униеи святое будучих, слу-

хати не кажут, братства не братства становити хочутъ, неслыханые новые речи на Волыню ку розорванъю милости людей хрестиянскихъ римского и кгрецкого народу, яко недавного часу тут в замку Луцкомъ, в дворе, въ церкви светого Дмитра з Коршовцемъ, которая есть з давних вековъ в заведованю епископовъ Луцкихъ, непослушного священника его милости отцу владыце не ведати од кого постановили, который его милость отца владыку и всихъ духовныхъ и свецкихъ в унией будучых публице на казаняхъ лжыт; и тепер мимо тую констытуцыю, што бы сами мели покой захowати, ничого оденъ противко другому не поступовати, подъ претексътом тое конституции, новую якуюсь церковъ, которыхъ естъ погорилых въ Луцку килка, хочутъ будовати тут в Луцку противную едности светои, не для покою, але для дисенсии и розорванъя межи братею людей християнскихъ релии так римское яко и кгрецкое, и потом за тоею малою искеркою Боже уховай чого болшого, кгдыжъ и чужоземцовъ кгрековъ з Турокъ якихсъ метрополитовъ владыков при церквяхъ ховаютъ,—закладати хочут и такий листъ сине сциту омниумъ ординум спиритуалиум ет лиценция его милости отца владыки Луцкого и Острозского, местца того пастыра, упросили. Абы теды таковый новый листъ прерокгативум духовным релии кгрецкое, статутами и конъституцыями коронными и великого князства Литовского, за згодою вшех становъ, ухваленымъ и про сакро санкто хованым не шкодил, тое оповедане именем его милости отца владыки Луцкого и Острозского, а впрод его милости отца метрополита и всего духовенства, вносят, оферуючи его милость отца метрополиту, епископа тутошнего, и всим их милостямъ паномъ духовнымъ релии римское и кгрецкое в судех належныхъ протестацые внесши и до конституции вышей помененое правне чинити. И просили, абы тое их оповедане принято и до книгъ было записано; што за принятемъ моимъ урядовым до книгъ кгродскихъ Луцких ест записано.

Книга гродская Луцкая 1620 года, № 2439, листъ 192 на об.

CLXXXIX.

Протестъ обывателей повѣта Владимірскаго противъ о. Іереміи Почаповскаго о томъ, что онъ, не будучи уроженцемъ воеводства Волынскаго и не имѣя здѣсь собственности, незаконно выхлопоталъ себѣ королевскій привилегій на епископію Луцкую. 1620 года, февраля 3.

Року тисеча шестсот двадцатого, месяца февраля третего дня.

На роках судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, во три недѣли по Трех Кроляхъ, римском святе, в року теперишнем выш менованомъ припалых и судовне отправовати зачатых, перед нами Яномъ Заленским судею, а Петром Загоровским подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Володимерскими, становши очевисто обывателе повѣту Володимерского, на роки земские теперешние Володимерские згромажени, права посполитого будучи памятни и оное в цалости своей хотечи заховати и про сакро санкто мѣти од кролов полских светое намети зошлых з щодробливое ласки даное а за щесливою коронациею наяснѣйшого Жикгимонта Третего пана, пана нашого милостивого, ствержоное и попрысяжоное, яко о том коронация пана нашого милостивого теперишнего ширей опивает, на тот час свѣтчат и протестуютсе противко велебному в Бозе отцу Ерониму Почаповскому, который, не будучи родичом воеводства Волынского, а ни жадное посесии в том воеводстве не маючи, смѣлъ и важилсе ад мале нарата у его королевское милости пана, пана нашого милостивого, привилей на пр册ечоное владыцтво противко праву посполитому отримати, за чим и повторе, часу и мѣсца своего хотечи се в праве своем почувати, протестуются менованые обыватели контра нулитатем еюсъмоди привилеи, яко теж и противко самому помененому владице Луцкому. Которая то протестация за принятем суду нинешнего ест записана.

Книга земская Владимірская 1620 года, № 1198, листъ 823.

CXC.

Донесеніе вознаго о производствѣ имъ дознанія по жалобѣ священника с. Малина о. Іоанна на дв. Миколая Борейка, который, по случаю праздника, пріѣхавъ въ гости къ жалобщику и заставъ у него священника Пятницкаго изъ Луцка о. Василія, началъ упрекать ихъ въ принадлежности къ уніи, поносилъ ихъ «отщепенцами» и другими оскорбительными именами и наконецъ, обнаживъ саблю и позвавъ на помощь своихъ слугъ, нанесъ священникамъ тяжкія раны. 1620 года, марта 26.

Року тисеча шестсот двадцатого, месяца марта двадцат шостого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Марцияномъ Олшамовскимъ, буркграбим и наместником подстароства Луцкого, постановившисе очевисто возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Якубъ Издебъский, ку записаню до книг кгродских Луцких сознал тыми словы: иж року прошлого тисеча шестсот осмнадцатого, месяца декабра осмогонадцеть дня, маючи я при собе двох шляхтичов, пана Миколая Зарембского а пана Анъдрея Закревского, былем в селе Малине, маетности урожоного его милости пана Миколая Еловича Малинского, тамже передо мною возным и шляхтою вышъ менованою велебный отецъ Иоанъ свещеникъ, презвитеръ Малинский, и отец Василей, призвитеръ Пятницкий, крылошанин Луцкий, светчилися и протестовали напротивъко урожонному пану Миколаеви Борейкови о то, ижъ менованый панъ Борейко в року прошлом тисеча шестсот осмнадцетом, месяца декабра шостого дня, то естъ в денъ светого Николы руского свята, приехавши до села Малина на празникъ, тамъ же въ дом менованого отца Малинского пришедши, которому онъ яко гостеви рад будучи, просил, абы в дому его доброе воли был, а онъ, не дбаючи ничого на право посполитое и вины в нем описаные, впрод словы неучтивыми, так на отца Малинского, яко на отца Пятницкого, крылошанина Луцкого, поведаючи, же суть унияти, отщепенцы, торгнулсе, которые кгды просили, абы тых диспутацый и злореченя занехал а в дому менованого отца Малинского доброе воли был, теды онъ, не огледаючися на станъ ихъ духовный, менованых отцовъ з слугами своими, ему самому имены и назвиска добре знаемыми, посекъ и поранилъ и ран

немало синих битыхъ и тятых задал: наперед в рог головы на правом боку ран две, одна подле другое, тятых шаблею, третюю на левои руце подле локътя шаблею тятую шкодливую, твар вся спухлая, пястю потолченая, очи синие подбитые; а отцеви Пятницкому—напередъ рану тятую в лобъ шаблею, над бровями, другую через два палца на правой руце зверху шаблею, барзо шкодливую. Которую то протестацию и реляцию огледаня тых ран я возный давней бым был сознатъ не занехал, леч для хоробы моеи, которою од Пана Бога былем навежонъ. до тогом прийти не моглъ, ажъ тепер пришедши до поправы здоровя, чинечи досыт повинности уряду моего, за реквизициею стороны поводовое, таковую реляцию мою такъ власне, яко се вышей поменило, чиню и сознаваю, жем тые раны вышей менованые огледал и тое осветчене свесченников менованных през них самых ест передо мною учинено, и прошу, абы то все было принято и записано. Которое за принятемъ моим урядовым ест записано.

Книга гродская Луцкая 1620 года, № 2439, листъ 533.

CXCI.

Отходной листъ архимандрита Пересопницкаго Никона Добрянскаго съ удостовѣреніемъ, что оставляетъ монастырь по своей доброй воли и съ выраженіемъ признательности владѣльцу Пересопницы князю Николаю Чарторыйскому. 1620 года, іюля 4.

Року тисеча шестсот двадцатого, месяца июля двадцат первого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александромъ Малиновскимъ, будучимъ на тот часъ наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто шляхетный панъ Миколай Яцелевичъ подалъ для вписанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ перъ облятамъ листъ отходный от велебного в Бозе отца Никона Добрянъского, архимандрыта игумена бывъшого Пересонъницкого, с печатю и с подписомъ руки его, ясневелможному кнежати его

милости Миколаеви Чарторыйскому на Клеваню на речъ въ томъ листе пишей вписаномъ меновите выражоную даный, о чомъ тот листъ шырей в собе маетъ; которого я для вписанъя до книгъ приймуючи, читаломъ, и такъ се в собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Ja Nikon Dobransky, archimandryt ihumen bywszy Peresopnicky, s podania jasnie oswieconego xiązęcia jego mosci Mikołaia Czartoryskiego na Klewaniu, jako pana dziedzicznego dobr y manastyra Peresopnickiego, czynię wiadomo tym moim dobrowolnym odchodnym listem, iż nie żadny dania przyczyny wyrządzania a przykroscie, nie z przymuszenia tak od samego iego xiążęcey mosci, iako y od inszych osob wszelakich, mieyscu temu manastyrowi Peresopnickiemu y urzędowi zawiadywania tym manastyrem, ktorym na sobie czas dosic niemały nosił y teraz resignuię, lecz po dobrêy mey woli ia z siebie zdaię y nie s przymuszenia iakiego z mieisca tego ceduię y jego xiążęcą mosć wolnym czynię y na potymne czasy od wszelakich trudnosci, tak ode mnie samego, iako od wszelakych inszych osob. Przy czym wolen będzie iego xiązęca mosć, iago pan dziedzic y podawca tych dobr y manastyra swego oiczystego, tym według woli swey y nalepszego Panu Bogu rozumienia disponować, a ia, ceduiąc iuż z tego mieisca, dobrym za dobrodzieistwa wzięte oddaiąc, Pana Boga za dobre zdrowie iego xiążęcey mosci, szczęsliwe panowanie ustawnie prosić powinien będę. A stwierdzaiąc ten moi list, pieczęc moie przyciskuię y rękę podpisuię. Data w Peresopnicy, dnia czwartego july, anno tysiącz szesć set dwudziestego.—У того листу отходного печать вышъреченого отца архимандрыта бывъшого Пересопъницкого притисненая, и подпис руки его милости тыми словы: Ręką swą własną. Который же то листъ, за поданемъ и прозбою вышъречоное особы а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь слово до слова до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1619—1620 г., № 2125, л. 837 на об.

CXCII.

Королевскій привилегій о. Іереміи Почаповскому на епископію Луцкую, по случаю смерти о. Евгенія Малинскаго, съ обязательствомъ пребывать въ уніи съ церковью римскою. 1620 года, октября 23.

Року тисеча шестсот двадцат первого, месяца марта двадцатого дъня.

На рокахъ судовыхъ кгродских Луцких, от дъня одинадцатого месяца марца в року звышъ написаном припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Яномъ Вылежинскимъ подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбникомъ Волынскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившисе очевисто шляхетный панъ Миколай Булакъ для вписаня до книгъ нинешних кгродскихъ Луцких подалъ пер облятамъ привилей его королевское милости, с подписомъ руки его кролевскои милости и печатъю привесистою коронъною менъшое канъцелярии, высоце велебному в Бозе его милости отцу Іеронимови Почаповскому на владыцътво Луцкое и Острозское и вси маетности до того владыцтва належачие даный и служачый, о чомъ ширей тот привилей его кролевскои милости в собе опеваетъ, просечи, абы принятъ и в книги нинешние уписанъ былъ. Который привилей его королевскои милости мы судъ з ушанованемъ для вписанъя до книгъ приймуючи, перед собою читать казали есмо, и такъ се в собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Zygmont Trzeci, z łasky Bożey krol Polsky, wielkie xięże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflanskie, y Szwiedzky, Gotsky, Wandalsky dziedziczny crol. Oznaymuiemy wszem wobec y każdemu zosobna, komu to wiedzić nalezy, iż po zesciu s tego swiata oyca Ewheniusza Malinskiego, niegdy władyky Łuckiego y Ostrozskiego, chcąc to władyctwo wakuiące takiemu podać następcy, ktory by powinnosci tego mieysca s pomnożeniem na nim służby Bożey y z dobrem pospolitym wszystkich obywatelow tamcyszych mogł docic czynić, zdał się nam, z zalecenia wielu ludzi zacnych, nasposobnieyszym do otrzymania tego urzędu koscioła greckiego Łuckiego wielebny ociec Heronim Poczapowsky, ktory, od rodzicow swych starożytnych y Reczypospolitey dobrze zasłużonych wziąwszy przystoyne wychowanie na

naukach y na przypatrowaniu się dobrym obyczaiom, w rożnych mieystach panstw naszych y w cudzych kraiach wiek swoy młodzy strawił, a potem, do spokoynego życia umysł swoy ukłoniwszy, zaczął stan duchowny w relliey greckiey, y prowadził go dotąd z pochwałą, przyczyniaiąc sobie umieiętnosci y w pobożnosci się szwicząc. Ztąd tedy wziąwszy otuchę, że pożytecznem bydź może kosciołowi Bożemu, dalismy mu y daiemy z władzy naszey krolewskiey wyżey mianowane władyctwo Łuckie y Ostrogskie ze wszystkiemi miasteczkami, wsiami, domami w miescie Łuckym na nie zdawna nadanemi, folwarkami y z inszymi wszystkiemi dochodami, do tego władyctwa Łuckiego y Ostroskiego należącemi, y tego mianowanego oyca Heronima Poczapowskiego za władykę Łuckiego y Ostrozskiego mianuiemy y podawamy teraznieyszym listem naszym, a on statecznie będzie trwał w iednosci kosciola powszechnego catolickiego. Na co dla więtszey wiary ręką się naszą podpisawszy, pieczęć coronną przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warszawie, dnia XXIII miesiąca pazdziernika, roku Panskiego MDCXX, panowania krolewstw naszych Polskiego XXXIII, a Szwedzkiego XXVII roku.—У того привилею его королевскои милости печать привесистая коронъная менъшое канъцелярии, а подпись руки его королевское милости тыми словы: Sigismundus Rex. Zach. Zadzik secr. m. p.—Который же то привилей его королевское милости, за поданъемъ и прозъбою вышъреченое особы а за принятъемъ нашимъ судовымъ, увесь с початку ажъ до конъца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1621 г., № 2129, л. 119.

CXCIII.

Судебное рѣшеніе по жалобѣ священника Владимірской Михайловской церкви Іакова Залускаго о церковной книгѣ, заложенной его викаріемъ жиду-шинкарю за спиртные напитки и перезаложенной послѣднимъ въ другія руки. 1621 года, генваря 20.

Року тисеча шестсотъ двадцат перього, месяца геньвара двадцатого дъня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, на завтрее по Трохъ Кролехъ, римскомъ святе, в року звышъ на дате помененомъ припалыхъ и судовне одправованыхъ, перед нами Иваномъ Хреньницкимъ судею и Михаломъ Гулевичомъ Воютицкимъ подсудкомъ, урядниками судовыми земскими Луцкими, ставъши очевисто возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Янъ Мойсецъкий, ку записаню до книгъ нинешнихъ земскихъ Луцких сознал тыми словы: иж дня семого месяца геньвара, року теперешнего тисеча шестсот двадцат першого, былемъ в месте Володымеру при судахъ презъ урожоного пана Войтеха Милачевъского, подвоеводого Волынского, межи жиды Володимерскими одправуючихъ, а меновите кгды пречечоный панъ подвоеводый Волынский, ексътенъдуючи юрисдицию свою, судилъ нияккого жида Бениаша, яко позваного, подлуг скарги нижей описаной ниякого Якова Залуского, свесченъника церкви Михаила светого в Володимеру будучого, а иж естем прошоный през пречечоного отца Иякова Залуского, абымъ тот декретъ до книгъ подалъ, лечъ иж книги Володимерские вакуютъ, прозбе пречечоного свесченъника выгожаючи, на тот час тот декрет подаю до книгъ нинешних перъ облятамъ, сознаваючи, же такъ а не иначей деялось, и так се в собе тот декретъ писмомъ полскимъ писаный маетъ: Działosię we Władzimierzu, w domie pewnym żydowskim, przy szkolniku y inszych starszych zboru rabunskiego, przy tem będących, dnia siudmego miesiąca januаry, roku panskiego tusiąc szescset dwudziestego pierwszego. Przede mną Woyciechem Miłaczewskim, podwoiewodzym Wołynskim, jurisdicyą nad żydy Włodzimierskiemi extenduiącym, gdy się przytoczyła sprawa miedzy welebnym oycem Jakowem Załuskim, swiesczennikiem cerkwie Włodzimierskiey

Michała swiętego, powodem, a Benyaszem, żydem Włodzimierskim, szyn'ami rożnemi bawiącym się w domu swem własnem, pozwanem o to, iż gdy przerzeczony ociec Jakow Załusky, odiezdżaiąc od cerkwie swey Michałowskiey w pewną goscinę, polecił był swemu wikaryemu Fiodorowi wszytkie pewne apparaty y xięgi rożne cerkiewne, aby ten wikary Fiedor do zwrucenia się tego oyca Jakowa Załuskiego wszytkich aparatow był strożem, lecz miasto przestrzegania całosci rzeczy, ten że wikary, wziąwszy pewną xięgę w cerkwi Michałowskiey, poszedł z nią do domu czynkownego wyż mianowanego żyda Benyasza y zastawił ią w napoiu w groszach dwudziestu. Ten zaś Beniasz żyd, przez swoię szynkarkę, w tey carczmie albo domu swem piwa, miody, gorzałki szynkuiącą, w takowich że pieniędzach zastawił ią także w swiesczennika Hrehorego Łozowickiego, protopopa Włodzimierskiego, y tych xięg, lubo mu przez tego Jakowa Załuckiego te ich groszy dwadziescia odkładane były, eliberować nie chciał s tego mieysca, gdzie ich zastawił. Tedy ia, wysłuchawszy stron oboch controwersy a uważywszy to, iż przez tego Beniasza żyda te xięgi w dalsze ręce poszły, nakazałem, aby te xięgi, niżeli się dnia dzisieyszego sądy woiewodzie odprawuią, eliberował ten Beniasz z rąk tego protopopa y oddał ie ich, wziąwszy swe pieniądze groszy dwadziescia, przerzeczonemu oycu Jakowi Załuskiemu, a to pod winą trzech grzywien polskich sądowi y stronie; a iż w godzinie potem przyszedł mianowany Jakow Załusky, swiesczennik Michałowsky, y powiedział to, że mu się satisfaccya od tego żyda Beniasza stała, przetem tego żyda Beniasza od tey accyei wolnem uczynił czasy wiecznemi.—Которое жъ то созънанъе возъного в верху помененого и тотъ декретъ за принятъемъ нашимъ судовымъ до книгъ справъ судовыхъ земъскихъ повету Луцького естъ записано.

Книга земская Луцкая 1621 г., № 2819, л. 647.

CXCIV.

Жалоба отъ имени членовъ православнаго братства Луцкаго о покражѣ, учиненной въ братской церкви Воздвиженія Честнаго Креста неизвѣстными злоумышленниками, изъ коихъ одинъ нѣкто Валентій Лонскій былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. Свидѣтельство вознаго. 1621 года, февраля 17.

Року тисеча шестсот двадцат первого, месяца февраля семнадцетого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцъком, передо мною Марцияномъ Олшамовъским, буркграбим и наместником подстароства Луцъкого, ставъши очевисто уцътивые Матфей, Васко Тесля, Никонъ Хорошъко, шпиталные, в спиталю при церкви новозбудованои заложеня светого Крижа релиеи кгрецъкои мешъкаючие, именем урожоного его милости князя Ерего Пузыны, ктитора и фунъдатора тое церкви, такъже и инъших всих до того належачих, светчилисе и жалосне оповедали: иж ноци прошлое с понедилку на второкъ, зъ дня петнадцетого на день шестнадцетый, праве в полночи, о године дванадцетуе, люде якиес лозные своволные, взявши перед себе злый, непристойный и не хрестиянъский умыслъ, препомневши боязни Божое и правъ о таковых описаных, през диловане манастира помененои церкви перелижши, до дверей церковных добываючисе, колодку одбияли и в нивеч оную зопсовали, а не могучи се дверми до церкви добыти, мары на дах подставивъши и там влижши, окно скляное выламали и церковь злупили, коберца и иншие речи покрали и святокрадство пополнили; на которим учинку святокрадства оден с тых злочинцов, неякий Валенътый прозвиском Лонский, з лицем, то ест коберцем одным турским, там при церкви на том же даху пойманый, а другие товариство его повътекали, которого мы поймавши, иж ноч была, в шпиталю до дня задержали и питалисе, доведуючи: если ест слугою чыим албо нит? Теды тот злочинца Валентый поведил се быт слугою его милости пана Яна Кмиты, жолнера тут в Луцъку будучого. А скоро Панъ Бог осветил, реквировали того пана Яна Кмиты, которого се слугою поведылъ быти, привюдши до него того Валенътого прозыванного Лонского з лицем, абы справедливост з него, яко право

учит, учинил. Теды его милост панъ Кмита поведил: иж тот Валентый слугою жадным рукодайным мне не ест, тулко приехавши зе Львова при мне мешъкал килка дни, которого, иж таковыми речами непристойными се бавит, яко здрайцу, злодея и святокрадцу, одступую, зрекаюсе и о нем ведати не хочу, позволяючи з ним, якоби-сми розумели и яко право учит, поступиты; зачим мы того злочинъцу Валенътого прозвиском Лонского з лицем до веженъя мисцкого оддали. А верификуючи тую свою протестацию, ставили возного енерала воеводства Волынъского шляхетного Криштофа Озембловского, з уряду приданого, который тудеж на вряде очевисте передо мною стоечи, доброволне сознал: иж за приданем очевистым урядовым а за жеданем осведчаючихсе и показанем оных, маючи при собе сторону шляхту людей веры годных, пана Станислава Вроновского а пана Войтеха Каменъского, дня на дате въ верху помененого, видилем и огледал в церкви новозбудованой заложеня светого Крижа релии кгрецъкои колодку зопсованую, стлучоную и двери до церкви надвонтлоные, знати, же се добивали великою моцою до церкви; потом видилем за указанем тых же сведчучихсе окъно до церкви выламаное скляное и китайку пошарпаную в окъне будучую, которую, знати, же вывлечи хотилы, и мары подставуючи под дах, по которых злочинца до того окъна влиз, а в самуй церкви подле того окъна мисце голое, на которим коберецъ был прибитый турский; которое-то одбияне колодки, звонтлене дверей церковных, выламане окъна и покрадене речей и коберцовъ в церкви меновали быти тые осведчаючие од злочинъцов людей своволных и люжных, которыи ночи прошлои о године дванадцетой, праве в полночи, зъ дня петнадцетого на денъ шестнадцетый, через дыловане перелижши, тое зробили, на которим учинку святокрадства оденъ толко някий Валентый крезвиском Лонский на даху при окне ест пойманый, которого то злочинъцу за оказанем их видилем з лицем, коберцем турским, при ним будучим, а за прозбою тых осведчаючих я возный стороною шляхтою у верху помененою, при мне на тот час будучою, и с поменеными осведчаючими ходилем до его милости пана Яна Кмиты, золнера тут в Луцъку будучого, до господы его, которого се менил быти слугою тотъ злочинъца, для реквированя справедливости, который, яко выжей в протестацыи стоит, того-то Валенътого Лонского за слугу своего не

признавъши, оного се зреклъ, справедливости чинити не хотилъ, але яко здрайцу и святокрадцу одступивши, позволил з ним якобы хотели поступиты и в суде местцким и замковым справедливости доходити; што иж так а не иначей ест, правдиве быт сознаваю. Которая ж то протестация и возного реляция за принятемъ моим урядовым до книг кгродских Луцъких ест записана.

Книга гродская Луцкая 1621 года, № 2441, л. 313.

CXCV.

Протестъ ксендза Мартина Издебскаго противъ войта и всѣхъ урядниковъ магистрата Луцкаго о недопущеніи напутствовать св. тайнами Валентія Лонскаго, казненнаго по приговору магистратскаго суда по обвиненію въ святотатствѣ, учиненномъ имъ въ церкви православнаго братства Луцкаго, а равно по поводу совершенія казни въ близкомъ сосѣдствѣ съ католическимъ костеломъ св. Креста. 1621 года, февраля 17.

Року тисеча шестсот двадцат первого, месяца февраля семнадцетого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцъком, передо мною Марцияном Олшамовъским, буркграбим и наместником подстароства Луцъкого, постановившися очевисто велебный ксендзъ Марцинъ Издебъский, плебанъ костела заложеня светого Якуба апостола и поддзеканий Луцъкий, осведчалсе и соленитер протестовал напротивко урожоному пану Андрееви Загоровскому, войтови дедичному Луцъкому, и урядови тогож его милости ландъвойтовскому славетному Парфенови Голузце и лавъником его, такъже и напротивко славетным: Михалови Половковичови, бурмистрови, Иванови Стецковичови, наместникови райци пана Алексанъдра Беньдермана, Шолтанови Василовичу, райцам, и з посполства напротивъко славетным: Павлови Процопе, яко в справе нижей описаной протестацией переднему промоторови, Янови Матвееви-

чу, о то: ижъ дня шестнадцетого месяца февраля, в денъ вторковый, в року теперешним тисеча шестсот двадцат первым, будучи я с повинъности моее плебанъскои реквированый од неякого Валенътого Лонъского перед смертю его близкою, абым оному сакраменъта светое, до збавеня души людзъкое пилно потребне, администровал, помененый уряд войтовский и радецъкий Луцъкий, маючи пречоного Валенътого Лонъского в секвестре своим якобы о скрадене церкви недавно з упору поставленое схизматицкои, не допустили и допуститъ администрацыи сакраменътов не хотели, поведаючи такового быт негодным сакраментув, што яко с простоты, такъ з упрямого упору, схизъматиками будучи, инъ контумелиям католице релиионис чинили, и прошоный будучи пречоный уряд по веле крот, абы такъ нагле в том не поступовали, аж бы се справил принамней споведею светою, позволити того не хотили и над звычай заседаня рано в денъ вторковый помененый збитого и барзо зраненого тогож нижей менованого Лонского рано горилкою упоили. О которым таковым недопущеню администрованя сакраменътовъ и упоре твердым помененого уряду взявши ведомость, его милость ксендзъ аръхидиаконъ и официал на тот час Луцъкий, двох з капланцовъ викариовъ Луцъких, Петрумъ Сепръценумъ, сакра авъкторитате апостолика пубдикумъ нотариумъ, и другого ксенъдза Мацея Анъдришевица на местце судовъ посилал, просечи и напоминаючи уряд помененый именем своим и превелебнего его милости кзенъдза бискупа Луцъкого, яко в дыецезиеи пастыра найвышъшого, абы такъ сквапливе, причины слушное жадное не маючи, не поступовали, але абы дали часу нешто пречоному Лонъскому, который о тое пилно просил, справитисе зъ сакраменътами збавлеными, але они не допустили там, на таковее недопустене сведчилисе выжей помененыи капланы возным енераломъ и шляхтою выжей поменеными, и давши помененого Лонъского на квестию паленя, доперо окрутъне спечоному позваляли се споведати, але юже знендзоный будучи, присти до себе не моглъ, и так без споведи чоловика католицъкого тогож дня вторкового порвавши на сани, на предместю Луцъкимъ, тудеж близко костела заложеня светого Крижа, на кгрунъте костелном, спалити казали, которое местце никгды передъ тым не было локус сулпицыи, и заставивши на полы недогорилого, одошъли, которое потом тило и кости псы волоцечи того дня и назавтрее около костела, по-

гребъсти казавъ ксендзъ плебанъ; што все не такъ справедливости якой чиненя и екъзекdованя, яко инъ одиумъ етъ конътумелиамъ католице релиионис а на ширене схизмы свое упорне чинили. Которое то таковое недопустене администрацыи сакраментовъ збавеных ксендзъ плебанъ Луцъкий, абы перед Паномъ Богом не был виненъ, публико сакра авъторитате апостолика нотарио, также и вознымъ енераломъ шляхетным Станиславом Пияновским и двема шляхтою людей вери годных, Анъдреем Янъковским и Валенътым Пентковским, такъже и о мейстце тудеж поблизу костела, на которим попудливый и острый анимушъ свой не такъ зъ справедливости, яко зъ ранъкору походячий выжей речоных з уряду и з посъполства, поменеными осведчил; которыи тудеж на том же уряде кгродском Луцъком сознали, же такъ было, а не иначей. И просил помененый ксендзъ плебанъ Луцъкий, абы тая его протестацыя принята и до актъ кгродских Луцъких записана была, хотечи часу своего такъ противъко всим, яко и каждому зособъна выжей помененым, правне собе поступити. Которая то протестацыя его принята и правне записана ест.

Книга гродская Луцкая 1621 года, № 2441, л. 314.

CXCVI.

Королевскій привилегій о. Никодиму Шибинскому на архимандритство Жидичинское, по случаю смерти Гедеона Балабана, съ обязательствомъ пребывать въ уніи съ церковью римскою. 1621 года, марта 10.

Року тисеча шестсот двадцат первого, месяца мая двадцат четвертого дня.

До уряду и книгъ нинешних кгродских Луцкихъ, в замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Марциана Олъшамовского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, обличне пришедши велебъ-

ный в Бозе его милость отецъ Никодимъ Шибинский, архимандритъ Жидичинский, для вписаня до книгъ подалъ пер облятамъ листъ его кролевское милости, с печатю менъшою коронною и с подписомъ руки короля его милости, о чомъ тот листъ его кролевское милости ширей в собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ был. Которого я врядъ, для въписаня до книгъ приймуючи, читалемъ, и так се в собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Zygmont III, z Bożey łaski krol Polsky, wielkie xięże Litewsky, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Jnflanskie, y Szwedzky, Gotsky, Wandalsky, dziedziczny krol. Wielebnemu w Panu Christusie oycu Juzephowie Welaminowi Rutskiemu, Kiowskiemu y Halickiemu mitropolicie, wiernie nam miłemu, łaskę naszę krolewską. Wielebny wiernie nam miły! Maiąc zaleconą tak od wiernosci waszey, jako y innych panow rad naszych, wielebnego oyca Nikodema Szybinskiego godnosć y wszelakie inne duchownemu stanowi należące cnoty, więc y prozbie niektorych obywatelow Wołynskich, przez wiernosć waszą wniesioney, dogadzaiąc, onego smy na archimandrictwo monastyru Żydyczynskiego, po zesciu z tego swiata wielebnego X: Bałabana wacuiące, postanowić y powagą naszą krolewską zdwierdzić zmyslili, iakoż tym listem naszym postanowiamy y ztwierzdzamy, a wiernosci waszey, iako tamecznemu wszystkiey Rusi mitropolitie, onego prezentuiemy, ządaiąc, abys go wier. wasza, podług praw y zwyczaiu dawnego religiey graeckiey, na to archimandryctwo postanowił, odprawowanie powinnosci koscielnych y administratią dobr tamiecznych onemu zleciwszy, względem ktorego listu naszego teraznieyszego pomieniony wielebny Nikodim Szybinsky przerzeczone archimandryctwo monastiru Żydiczynskiego ze wszystkiemi zdawna do niego należącemi maiętnosciami y dochodami trzymać, y co po te czasy od cerkwie tameczny oderwano iest, prawem dochodzić, używać y w possessiey swey mieć będzie, aż do ostatniego kresu żywota swego, tak iednak, aby był pod posłuszenstwem kosciola powszechnego Rzymskiego. Na co dla lepszey wiary list ten, ręką naszą podpisany, pieczęcią koronną ztwierdzić roskazalismy. Dan w Warszawie, dnia X miesiąca marca, roku Panskiego MDCXXI, panowania naszego Polskiego XXXIV, Szwedzkiego XXVII roku.—У того листу его кролевской милости печать менъшая коронная, а подпис руки его кролевской ми-

лости тыми словы: Sigismundus Rex. Petrus Gembicky S. R. Который же тот листъ его королевской милости, за поданемъ вышей речоное особы а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь с початку аж до конъца такъ яко се в собе маетъ до книгъ кгродских Луцких естъ уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1621 г., № 2129, л. 379.

CXCVIII.

Королевскій универсалъ ко всѣмъ начальственнымъ лицамъ въ Польшѣ и Литвѣ о поимкѣ и арестованіи Іоиля Курцевича, осмѣлившагося безъ вѣдома и позволенія короля принять посвященіе отъ рукъ подданнаго Турецкаго, Іерусалимскаго патріарха, въ санъ епископа Владимірскаго при жизни законнаго владыки этой епархіи. Донесеніе вознаго о публикаціи этого универсала. 1621 года, марта 15.

Року тисеча шестсот двадцат первого, месяца априля девятогонадцат дъня.

Пришедши обличпе до уряду и книгъ нинешних старостинскихъ кгродскихъ Луцких, до мене Марциана Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, шляхетный Янъ Анъдреевский, слуга в Бозе велебного его милости отца Иоакима Мороховского, Божю милостю прототрония, епископа Володимерского и Берестейского, пана своего, которого именемъ подал пер облятамъ универсалъ его королевской милости, с печатю и с подписомъ руки его королевское милости, в которомъ его королевская милость пишет, же Іоиль Курцевичъ, змовившисе с подданымъ цесара Турецъкого, неприятеля веры християнъское, который тепер свежо, зламавши присегу свою и взрушивши покой поприсеженый, на панства его королевской милости войною наступуетъ,— з неякимсъ импосторемъ, якобы патриархою Ерозолимским, на шпекги

до панствъ его королевское милости отъ цесара Турецького высланым, важилсе на зневагу зверхности маестату его королевской милости, без воли и ведомости, подаля и позволеня его королевской милости, посвещенъе якоесь брати на владыцтво Володимерское и Берестейское мимо того, который тое преложенство духовное зъдавна, за презренем Божимъ, с подаля его королевское милости и порядного на то посвещенья, на собе носит и добре ест здоровый; о чомъ всемъ ширей в томъ универсале описано и доложоно есть. Которого передо мною пречечоный Янъ Андреевский положивъши, именемъ вышъменованого его милости отца владыки Володимерского и Берестейского, пана своего, просилъ, абы принятъ и в книги тутошные кгродские Луцкие уписанъ был. Которого я врядъ приймуючи, перед собою читать казалъ, и так се в собе писмом полским мает: Zygmont III, z Bożey łaski krol Polsky, wielkie xiężе Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudskie, Jnflanskie, Szwedzky, Gotsky, Wandalsky dziedziczny krol. Wielmożnym woiewodom, kasztellanom, starostom, dzierzawcom, urzędnikom ziemskym, grodzkym, także woytom, burmistrom, raycom, ławnikom miast naszych w koronie Polskiey, wiadomo czynimy, iż Joil Kurcewicz, zmowiwszy się z poddanym cesarza Tureckiego, nieprzyiaciela wiary chrzescianskiey y naszego, ktory teraz swieżo, złomawszy przysięgę swoię y wzruszywszy pokoy poprzysiężony, na panstwa nasze woyną następuie, z nieiakimś impostorem iako by patryarchą Jerozolimskim, na szpiegi do panstw naszych od cesarza Tureckiego wysłanym, ważyłsię na zniewagę zwierzchnosci majestatu naszego krolewskiego, bez woli y wiadomośći, podania y pozwolenia naszego poswięcenie iakieś brać na władyctwo Włodzimierskie y Brzesckie, mimo tego, ktory to przełożenstwo duchowne z dawna, za przeyzrzeniem Bożym, z podania naszego y porządnego na to poswięcenia, na sobie nosi y dobrze sdrow iest, y mimo starodawne prawa y zwyczaie koronne y wielkiego xięstwa Litewskiego, ktore swiętobliwe y nienaruszone dotąd zatrzymane są, wedlug ktorych my, a nie kto inszy, iestesmy obroncą y podawcą cerkwie Bożey mitropolita, episkopow we wszytkim panstwie naszym, a bez podania y prezentaticy naszey nikt stanowić, poswięcać, dawać ich nie może, a pogotowiu ten, ktory się miannie być patryarchą Jerozolimskim, gdyż żaden poddany cesarza Tureckiego władzy ni iakiey w panstwach

naszych coronnych y wielkiego xięstwa Litewskiego, jako iey nigdy nie miał, tak mieć nie może. A iż on przeciw zwierzchnosci maiestatu naszego krolewskiego ważył się u poddanego cesarza Tureckiego, nieprzyiaciela wiary chrzescianskiey y naszego, poswięcić, czyniąc to umysłnie z naprawy poganskiey nieprzyaciela chrzescianskiego y naszego, aby pod czas teraznieyszego podniesienia od niego woyny, bunty y zamieszania miedzi ludzmi w panstwach naszych uczynił, a za tym, uchoway Boże, wszystkę Rzeczpospolitą do wielkiego y głownego niebezpieczęstwa przywiesć mogli, my, temu z wierzchnosci y powinnosci naszey krolewskiey w czas zabiegaiąc, chcemy tedy mieć y roskazuiemy, aby uprzeymosć y wiernosć wasze, na mieyscach tych, gdzieby się ten człowiek podeyrzany okazał, przestrzegli tego, aby on, iako turbator Rzeczypospolitey y szpieg, nie telko do miast naszych y miasteczek nie był pusczany z ynemi pomocnikami swemi, ale żeby mogł być poymany y do więzienia wsadzony, a potem, według występku, iaky się nań z sądu z prawa y inquizitiey pokaże, karany był, żeby się y inym wszytkim szpiegom y zdraycom Rzeczypospolitey, ktorzy pod pretextem nabożenstwa swego zmyszlonego do panstw naszych przyiezdżaią, droga takowych postępkow zawarta, a zamysłom y fortelom nieprzyiacielskym zabieżeć y wstręt uczynić się mogł; ynaczey uprzeymosć y wiernosć wasze nie uczynicie z powinnosci swey y dla łaski naszey. Dan w Warszawie, dnia XV miesiąca marca, roku Panskiego MDCXXI, panowania krolewstw naszych Polskego XXXIV a Swedzkiego XXVIII roku.—У того универъсалу его королевъское милости печать притисненая короньная менъшое канъцелярии, а подпись руки его королевское милости, такъ же и секретара его кролевской милости, тыми словы: Sigismundus Rex. Zach. Zadzik, sekretarz. Который то теды вышей мeнованый универсалъ я врядъ принявши, за афектацыею помененого слуги его милости отца владыки Володимерского и Берестейского, на обволане и публиковане того универсалу его королевской милости возного енерала, шляхетного Адама Лотоцкого, придаломъ, который то теды возный, за приданемъ моимъ и с повинности уряду своего, тотъ универсалъ его королевской милости на местцахъ звыклыхъ, то есть в замъку и месте Луцкомъ, обволал и публиковал и до ведомости всимъ, так шляхте при томъ на тотъ час будучой, яко и мещаномъ тамошнимъ,

привелъ, поприбиялъ и того обволанья и публикованья своего, передо мною ставши, реляцыю свою учинилъ и созналъ, што все, такъ тот универсалъ, яко и реляцию возного, до книгъ уписати казалемъ.

Книга гродская Луцкая 1621 г. № 2129, л. 312 на об. *)

CXCVIII.

Донесеніе вознаго о врученіи войту и урядникамъ Луцкаго магистрата позвовъ къ королевскому задворному суду по жалобѣ ксендза Мартина Издебскаго о недопущеніи напутствовать св. тайнами Валентія Лопскаго, казненнаго магистратскимъ судомъ по обвиненію въ святотатствѣ, и о совершеніи казни въ близкомъ сосѣдствѣ съ католическимъ костеломъ. 1621 года, апрѣля 26.

Року тисеча шестсот двадцат первого, месяца априля двадцат шостого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Марцияном Олшамовским, буркграбим и наместником подстароства Луцкого, постановившися очевисто возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Станислав Пяновъский, ку записаню до книгъ кгродскихъ Луцких сознал доброволне тыми словы: иж он року теперешнего тисеча шестсот двадцат первого, месяца априля двадцатого дня, мандат его королевской милости под печатю меншое канцеллярии коронное очевисто в руки урожоному его милости пану Андреееви Загоровскому, войтови Луцкому, дедичному, въ дому славетного Михайла Половковича райцы, при бытности зо мною шляхетных Андрея Янъковского и Станислава Кресловъского, писаный тот мандат по пречоного его милост пана войта Луцкого и уряд его милости войтовский Луцкий, также и по славетных бурмистра и радец Луцъких и с посполства по уцтывыхъ Павъла Процопу и Ивана Матфиевича, з урядов их, особъ и з добръ усех на инстанцыю и правъное попарте инстыкгатора его кролевское милости, за однесенемъ велебного ксендза Марцина Из-

---

*) Примѣчаніе. Такого же содержанія королевскій универсалъ былъ внесенъ 15 марта 1621 г. и въ гродскія Владимірскія книги (№ 985 л. 214).

дебского, плебана и поддзеканего Луцкого, с прытомностю вытрикушов урядниковъ костела светого Крыжа, на передместю Луцком будочого, о то, иж уряд войтовский и радецкий Луцкий, маючи въ секвестре своим неякого Валентого Лонского яко о скрадене церкви недавно з упору схезматыцкого заложоное тытулу Честного Креста, не допустывшы оному прагнучому справитисе сакраментови светому, тогож дня вторкового рано горелкою упоившы, чинечи его негодным сакраментовъ святых принятя, попудливе тудеж близко костела светого Крыжа, на кгрунте того ж костела, где злочынцовъ не естъ местце траценя, спалили и недопаленого зоставивъшы, псы около того ж костела волочыли, яко шырей в собе тот позовъ мандат его королевской милости обмовляет, ку великои взгарде веры светое и костела католицкого; и зложилом рокъ и терминъ сторонам за недел шест за двором его королевское милости. Просил при томъ вышей описаный возный енерал, абы та его реляцыя винесеня мандату принята и до актъ кгродских Луцъких въведена, записана была, што все принято и записано ест.

Книга гродская Луцкая 1621 года, № 2441, л. 826 об.

CXCIX.

Опись церковнаго имущества Жидичинскаго монастыря, оставшагося по смерти бывшаго архимандрита Гедеона Балабана. 1621 года, мая 27.

Року 1621, месяца мая двадцат семого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцком, передо мною Марцияномъ Олшамовским, буркграбим и наместникомъ подстароства Луцкого, постановивъшись очевисто возъные енералове воеводства Волынского, шляхетные Петръ Бутовичъ и Станислав Ставский, именемъ его милости ксендза архимандрита Жидичинского, для вписаня до книгъ подал пер облятам реестръ церкви Жидичинъское манастыра Святого Николы, съ печатю одноею притисненою и с подписомъ руки еремонаха Василея Миленского, бывшого наместника архимандритства Жидичинского, и еремонаха Деонизия, крылошанина тогож манастыра

Жидичинъского, такъ же и с подписомъ руки Петра Бутовича, просечи, абы принят и до книг уписан был. Которого я вряд, для вписаня до книг приймуючи, и читаломъ и такъ се в собе маетъ: Реестръ церкви Жидичинъское манастыра Святого Николы: Евангелые паргаменовое, сребромъ оправное з обох боковъ, з одного позлотистое; евангелие писаное, сребромъ оправъное, яксамитомъ червоным крытое; евангелие Воскресенское церкви писаное, сребром оправное; евангелие сребромъ оправное; евангелие тетра; у панее Чолганское сосуды: келих, дискос, ложка, звезда-сребраные, келих сребреный позлотистый —у застави; кадилница сребреная у застави; крестъ сребреный Воскресенский; панагия перловой матыци; рызы чорные, аксамитные; рызы другии чорные, аксамитные, з окладкою перлами гафтованые; рызы червоные ядамашковые, з окладкою злотоглавовою зеленою; рызы буратиковыи чирвоное дно; ризы зеленыи; патрахилев два буратику злоткового; петрахил алтайбасовый белое дно; петрахил чорный, аксамитный, з светителями, петрахил чирвоный, ядамашковый; петрахил блакитное китайки, старый; стихар чоръный, яксамитный; стихар мухаеру пруговатого; стыхар зеленый; орар китайки блакитное; орар белый буркателовый; орар злотоглавовый; стихар полотенный, свещеннический; стихар мухоеру чирвоного свищеннический; стихаръ шидишу зеленого, свещеннический; стихаръ полотенный, окладка блакитная; стихар полотенный; поруче буратиковое; поруче буркателовое; поруче яксамиту чорного старое; палица злотомъ гафованая; служебъники Стрятинских два друкованых; служебникъ писаный, яксамитомъ чирвонымъ крытый, перлами сажоный; служебниковъ писаныхъ старых два; воздух якъсамиту чорного; воздух ядамашковый, глинястый; воздух гатласовый блакитный, старый; воздух китайчаный чирвоный; воздух ядамашковый зеленый; воздух ситяный крыжовый; келих ценовый; ампулки циновые; воздух китайки зеленое, чирвоная в середини, старый; цимбориум циновое на кшталт фляшки; покровец плотенковый зеленобелый; лехтарей два мосяжовыи напрестолные; воздушокъ китайки чирвоное старый з сребром; лихтарик мосяжовый двойчатый на шруби; миней паргаминовых шест; требъник великий друкованый Стрятинский; требникъ малый друкованый Стрятинский; миней старых писаных двадцат на увес рокъ; стыхирар паргаменовый; книжица Златоустого слова избранныи; триод

писаная, постная; триод цвитная друкованая; часослов писаный великий; патерик паргаменовый; псалтыров три старых; псалтыр писаный; псалтыр на дестѣ друкованая; ярмолой знаместный; Пчела учителная; апостолъ Скорины; апостол другий; правила: Василий, друкованый; Григорей Богословъ; Меч духовъный; книга избранная на десту з вопросами и отвитами; Бесиды Василея Святого: „О смиренномудрии“; Знарандъ, Ефремъ Студит; евангелие учителное Заблудовского друку; евангелие Виленъского друку; охтаи два друкованых; Златоструй; прелогъ мартовый; прелогъ сенътебровый; миней дванадъцатъ на десту новыхъ; уставъ; образовъ пят московскихъ, сребромъ оправъные, в которых всѣх каменей двадцатъ чотыри.—У того реестру печатъ одна притисъненая, а подъписъ рукъ тыми словы: Еремонахъ Василей Миленский, бывший наместникъ аръхимандритъства Жидичинского, рукою. Еремонах Деонисый, крылошанинъ монастыра Жидичинъского, рукою власною. Петръ Бутовичъ власна рука. Который же то реестръ, за поданъемъ и прозъбою вышъ речоныхъ особъ а за принятъемъ моимъ урядовым, увес с початку ажъ до конъца до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1621 года, № 2129, листъ 380-й.

CC.

Жалоба монахинь на архимандрита Жидичинскаго Никодима Шибинскаго объ изгнанiи ихъ изъ обиталища, которое они устроили себѣ при церкви Св. Духа въ Жидичинѣ, нанесенiи имъ побоевъ и разныхъ оскорбленiй и грабежѣ имущества. 1621 года, iюня 14.

Року тисеча шестсот двадцет первого, месяца июня чотырнадцетого дня.

На вряд кгродский, въ замокъ его королевское милости Луцъкий, до мене Марцияна Олшамовского, буркграбего и наместника подстаросства Луцъкого, пришедши очевисто урожоные Марта а Настазия Закревские, именем своим и именем других законъничокъ, оповедалися и

сведчили на отца Никодима Шибинского, менованого архимандрита Жидичинъского, ижъ онъ особою своею нашедши на мешканье при церкви светого Духа в Жидичине, где они своим власным коштомъ и з жебранины помочю приятелъ своих побудовали и мешкали, там же их безвинне словы неучтивыми золживши, росказал Исакиеви черцови соромотити, шарпати, бити и на шию повытручати з ихъ власного мешканя, коморы, горы и избы, поодбивавши замки всѣ, ихъ маетностъ спрят домовый, пенези, золото и сребро, которое мели в схованю приятел своих, сукни, хусты белые, такъ самых, яко и челяди их белое, збожа и лекгумин вшеляких сила, ово все, што ено мели, такъ своего, яко и людского, кгвалтовне и безправне побрал и пограбил и их самых подеспектовал и побил и з мешканя повыганял; о чом ширей протестация отъ них учинена будет. А на тот час просили, абы тое оповедане их до книгъ было принято, которое принято и до книгъ записано естъ.

Книга гродская Луцкая 1621 года, № 2442, л. 284 об.

CCI.

Духовное завѣщаніе мѣщанина Луцкаго Самуила Васильевича Солтана, въ которомъ онъ отписываетъ все свое имущество въ пользу православнаго братства при церкви Воздвиженія Честнаго Креста въ Луцкѣ и на содержаніе при немъ богодѣльни и школы. 1621 года, іюля 21.

Року тысеча шестьсотъ двадцать третего, месяца генваря девятогонадцать дня.

На леженью книгъ земъскихъ Луцкихъ, которое, ведле конъституцыи, на местце роковъ свято-трекролскихъ, для сейму валного близъко наступуючого не сужоныхъ, въ року на даты вышъ помененомъ отправовалосе, передъ нами Иваномъ Хринъницъкимъ судею, Михайломъ Гулевичомъ Воютинъскимъ подсудкомъ, а Войтехомъ Станишевскимъ писаромъ, урядъниками судовыми земъскими Луцъкими, постановивъшысе очевисъто шляхетный панъ Иванъ Андриешевичъ, для уписанья до книгъ земъскихъ Луцъкихъ,

именемъ братства церъкви заложенья Возъдвиженья всемиръного и жывотворящого Честъного Кресъта релииеи грецъкое Луцъкого, перъ облятамъ подалъ выцисъ с книгъ судовыхъ радецъкихъ месъта его королевъское милости Луцъкихъ, автентице выданый, з уписаньемъ в немъ тестаменту остатънее воли славетъне урожоного некгды Самуела Василевича званого Совътана, буръмисътра Луцъкого, съ печатъю и с подъписомъ руки его власъное, такъ тежъ с печатъми и с подъписами рукъ людей добрыхъ, росъпоряженья всее маетъности его, такъ лежачое, яко и рукомое, въ томъ тесътаменте нижей вписаномъ менованое, въ чомъ тотъ выписъ и тесътаментъ въ немъ вписаный ширей и досътаточъней в собе опеваетъ, просечи, абы припятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ мы, судъ, тотъ выписъ и тесътаментъ в немъ уписаный, за поданьемъ и прозъбою вышъ реченое особы, для уписанья до книгъ судовыхъ принявъшы, передъ собою чытати есмо казали, которого тые суть слова: Выпись с книгъ судовыхъ ратушъныхъ радецъкихъ места его королевъской милосъсти Луцъка, лета Божого нароженя тисеча шестьсотъ двадъцеть второго, месяца декабра одинадцетого дня. За упрошеньемъ и пилънымъ жеданьемъ бывъшого бурмисътра и месчанина Луцъкого, славетного пана Самуела Василевича Салътана называемого, черезъ сесътру его рожоную и малжонъка ее Яна, вшедшысе есъмо в домъ менованого Солътана, за Глушъцемъ лежачого, то есть мы Парфенъ Голузъка, будучый намесъникъ на тотъ часъ отъ его милости пана Анъдрея Загоровъского, дворанина его королевъской милости, войта Луцъкого, Павелъ Анътоновичъ буръмисътръ, Алексанъдеръ Бенъдеръманъ, Иванъ Половъковичъ и Федоръ Семеновичъ райцы, Михайло Шышъка, Нестеръ Левъковичъ, а Иона Михайловичъ—лавники присягълые, урядъ зуполный месъта его королевъской милости Луцъкого, теды при бытъности насъ всихъ, за прозбою самого вышъ реченого пана Солътана Василевича, судъ потребъный тамъ же в томъ дому его был загаеный презъ мене Пархвена Голузку, намесътника войтовъского, передъ которымъ то судомъ и върядомъ зуполънымъ менованый панъ Солътанъ Василевичъ, хотяж хоробою объложною отъ Пана Бога навежоный былъ, але еще при доброй памети и целомъ а зуполномъ розуме, подалъ до насъ уряду тесътаменътъ написаный осътатънее воли своее, роспоряженя всее маетъносъти своее, такъ лежачое, яко и рухо-

64

мое, с подписомъ власъное руки своее и тежъ с печатми и с подписами рукъ людей добрыхъ, который есче будучы в добромъ здоровю, в року прошъломъ тисеча шестъсотъ двадъцетъ перъвомъ, месяца июля двадъцатого дня, за доброе памети а зуполного розуму своего написалъ и скутечне справилъ, просечы, абы тотъ тесътаментъ его принятъ и до книгъ ратушъныхъ вечъныхъ местскихъ Луцкихъ уписанъ былъ; которого мы врядъ подъписовъ рукъ и печатей огъледавъши, а видечи во въсемъ водлугъ права справъленого, для уписаня въ книги приймуючи, передъ собою читати казали есмо, и такъ се въ собе маетъ: „Во йимя Отъца и Сына и Светого Духа, ку вечной памети тое речы, аминь. Кгды ж вшелякие речы албо справы на томъ свете отъменъносъти подданы суть и в забитье людъское приходятъ, и самъ чоловикъ тымъ се правомъ родитъ, абы смерти подълегълый был, над которою ачъ ничого певънеишого немашъ, для чого Избавитель нашъ напоминати насъ рачитъ, а быхъмо завъше были готовы: прето я многогрешъный Самуелъ Василевичъ Совътанъ, на сесъ часъ бурмистръ Луцкий, постерегаючи того, абы мя смертъ в неготовости и в неросъпоряженю добръ моихъ, которые отъ Господа Бога дарованые и власъною працою моею набытые маю, не застала, и стерегучы того, абы по животе моемъ в шарпанину не пришъло и межи кровными и повинъными моими росътырки якие и васнь се не множыло, будучи теды я в зуполъномъ здоровю и целый на умысле, не маючи потомъства своего, тые добра мое, отъ милостивого Бога мне дарованые, водълугъ воли и зданья моего розмысливъшысе на то добре, таковымъ способомъ и порядкомъ росъпорядити умысълилемъ, хотечы мети, абы не нарушъне презъ кождого по съмерти моей хована и тая остатъняя воля моя держана была. На продъ мети хочу: на продъ, кгды мя Панъ Богъ по семъ здоровью хоробою зложыты и з нее до хвалы светое своее с того света коли-колвекъ поволати будетъ рачылъ, абы тело мое грешъное звычаемъ хрестианскимъ презъ милую сесътру мою пани Раину Яновую и брата моего цютечне рожоного пана Прекъгалинъского, такъ тежъ и презъ братъство Луцкое, которому братству Луцкому релѣеи нашое греческое ставропиуму патриаршого, добра мое вси такъ лежачые, яко и рухомые, в месте его королевское милости Луцку маючые, такъ домы, будованье, пляцы, каменицу в рынъку, товары крамъные, сребро, золото, шаты и што едно

колвекъ по смерти моей знайдоватисе будетъ, отписую и въ вечъный шафунокъ и диспозыцыю помененому братству Луцкому подаю, даючи имъ волъность, абы они все, водлугъ того описаного тестаменъту остатънее воли моее, що кому належати будетъ, зистили и добрами моими яко налепей могучы и пожытки до церкви Божое всемирного Воздвиження Честного и Жывотворящого Креста братское Луцкое з нихъ привлащали. А на продъ прошу тыхъ всихъ верху помененыхъ особъ и при нихъ пановъ братства, абы тѣло мое грешное при небожъце малъжонце моей милой в монастыре Чернчицкомъ, заложеня Преображеня Господа Бога и Спаса нашего Исусъ Христа, учтиве поховано и яко землю землѣ отдано было; на который погребъ тѣла моего золотыхъ шестьдесятъ, на сорокоустъ до тое церкви, где тѣло мое лежати будетъ, золотыхъ пятнадцеть; до церкви братское Честного Креста такъ же золотыхъ пятнадцеть; до церкви Светого Димитрия на сорокоустъ золотыхъ пять, до церкви Вознесения Господня Яровицкое на сорокоустъ золотыхъ пять отказую. До того заразъ, скоро по смерти моей, тые жъ помененые панове братство Луцъкое, зшедшысе до каменицы и склепу дому моего, крамный товаръ увесь и сукна, што едно колвекъ знайдовати будетъ, при томъ сребро и злото и шаты, которые суть белоголовъские, оное все зинвентовавъши, обравъшы якого чоловика цнотливого купецкого, оные речи и товары вси спродати повѣриты, и спродавъшы и пенязи за той товаръ и сребро и за вси речы до купы знесшы и зобравшы, оные на маетность якую любо заставънымъ способомъ, любо вечностю, албо и на выдеркафъ дати, абы сума тая вся цело завъше зоставала, а с приходячыхъ з неи пожытковъ жебы выховане слушное шпиталнымъ, при церкви братской Воздвиженя Чесного Креста будучымъ, такъже нищымъ школнымъ, на науку приходячымъ, и законникомъ того жъ манасътыря и на опатренье ихъ завъше было, абы они за отпущенъе греховъ моихъ и за душу мою Господа Бога уставичне просили, панове братство старшые учинити будутъ повинни. Кгрунтъ тежъ мой за Глушъцемъ пустый, отъ потомковъ Богуша Ванковича купленый, и тотъ при помененомъ братстве вечъне зостати маетъ, которымъ дедичы вечность сознати повинни будутъ, кгды ж се имъ досыть стало; еднакъ с того кгрунту тяжаръ тыхъ потомков панове братство пинезей Богушовъскихъ

золотыхъ сто винныхъ и камень воску до рукъ пановъ радец Луцкихъ отдати маютъ. А кгрунтъ, на которомъ каменица стоитъ, водле тесътаменъту небожъчки малъжонки моее и з ласъки и милосъти моее, ачъ юж кгрунтъ того не стоитъ, потомкови небожчыка Грицка Сафянника, если живъ будетъ и до летъ придетъ своихъ, на обыходъ золотыхъ полторасъта, за зреченьемъ се презъ него своего права, дати ему будутъ повинни. А што се тычетъ дому моего за Глусцемъ лежачого, в которомъ есче теперъ самъ мешкаю, в томъ дому сестра моя рожоная пани Раина Яновая Оношъковича летъ десеть волна мешкати будетъ, стерегучы однакъ того, абы за мешканья ее жадное спустошене того дому не стало; а по вымешъканю ее летъ десяти, панове братство тотъ домъ в свою диспозыцыю взяти будутъ повинни вечне, чому сестра моя контродиковати не маетъ; однакъ панове братство сестре моей на обыходъ золотыхъ двести дати маютъ. До того той же сестре моей рожоной господарство все домовое: цынъ, мѣд, и иншые речы до господарства належачие, такъ же кошули мое вси, жупанъ, юпу, курту, ферезыю лисами подшытую, поясъ едвабный, коберецъ подлейший, иконъ и тые две фляшы ценовые, которые у пана Шостаковъского собе отыскати маетъ, а хустъ небожчки малжонки моее, яко: кошули, рантухи, сподницы по половицы той же сестре моей съ панею Федоровою отписую, а товални, едвабницы и бавелницы тонкие з запонами зеленое китайки двома до церкви братское належати маютъ. Сынови пана Прекгалинского коберцовъ пару новыхъ и пулгаковъ пару з ладовницами, а самому пану Прекгалинъскому кордъ мой, а цоркамъ двомъ пана Прекгалинъского по перине и по пары подушокъ и по перстенку: одной з рубиномъ, а другой з диаментомъ, и тканку перловую отказую. Пану Прекгалинъскому тежъ самому до жывота его на навышшомъ нятры у каменице волное мешъкане к тылови перегороженемъ комнаты на приездъ его, однакъ онъ своимъ кошътомъ пѣчъ и што потреба направиты маетъ. А пану Кирилови Демяновичови и малжонце его позволяю толко до жывотовъ ихъ волное схованье речей ихъ в земномъ склепе споднемъ, в которомъ и панъ Прекгалинъский подъ часъ тривогъ сложенье свое мети маетъ; отъ которого склепу панове братство и нихто жадного платежу у нихъ упоминатисе не маетъ. Его милости князя Михайла Пузыны сребра гривенъ семъ у мене в заставе в зо-

лотыхъ семидесять; за выкупенъемъ его и нагородою слушною оное ему вернути. Еднакъ же на тотъ долгъ презъ его милость князя Юрия Пузыну даного полосманадъцати талера, которые вцале суть в крамницы, его милость панъ Кгабриель Стемпковский виненъ золотыхъ сорокъ чотыри на мейбрамъ. Пани Мыщыная винна золотыхъ пятьдесятъ; в той сумъме застава ее есть роструханъ, который важить гривенъ три, и перстень з диамонтомъ якимсь-то,—за выкупеньемъ ее и за нагородою слушною вернути. Панее Матфеевое Луцукевичовое ложокъ сребъныхъ шесть, у шести копахъ в засътаве; за выкупеньемъ ее вернути. Панее Синьковъское перстенокъ с туркусомъ; за выкупеньемъ ее вернути, бо есть заставъленъ у отца Иоанна Вознесенского Яровицкого. Евангелие напрестолное, сребромъ оправное, старое отыскати и до церкви братское отдати. Адамъ балверъ за наемъ светлицы дому каменичного есче виненъ копъ десеть литовскихъ,—при выстю року повиненъ отдати. Пану Войцехови аптекарови часъ найму екъспируетъ в склепи на Сошествие Светого Духа и повиненъ есче золотыхъ петнадцеть отдати. Пану Алексанъдрови Бендерманови што есть му виненъ за упомъненъемъ се его отдати потреба; пану Трушови Матюсычови, коли се упоменеть, отдати; пану Нестеру Ювковичови золотыхъ десеть и Анъдрееви Сезеновичови, што се купъцови Краковъскому пану Янови Шмнетови, за омылкою его и за недобранемъ его отъ мене при рахунку и плаченью за товаръ, золотыхъ двадцеть три и кгрошей двадцеть осмъ полскихъ оному до Львова панове братство повинни будутъ отослати. Марухне Яськовне золотыхъ десеть отказую; пану Максимови Томиловичови теж золотыхъ десеть; пану Самуелови Кириловичови на незапоминане перстень золотый з зеленымъ каменемъ; пану Федорови Семеновичови евангелие учительное, друкованое. Тымъ всимъ, яко сь вышей поменило, диспоновати, рядити и все водлугъ остатънее воли моее конъчыти, такъ одыскивати, яко и кому що належитъ роздавати, нихто инший, толко панове старшые вышей помененого братства повинни будутъ вечъными часы. Который то тесътаменътъ остатънее воли моее при печати моей рукою своею власъною подписалемъ и пановъ приятелей моихъ, меновите: пана Ивана Половъковича, писара местского, пана Яна Прекгалинъского, брата моего, и пана Ивана Ивановича Шышки, которые за прозбою моею печати свое приложити и руки

власные подписати рачыли. Писанъ въ Луцку, року тисеча шестьсотъ двадцеть первого, месяца июля двадцатого дня.“—У того тесътаменъту остатънее воли печатей чотыри, а подпись рукъ тыми словы: Samuel Wasiliewicz zwany Sowtan, burmistr Łucky, manu propria. Proszony pieczent. na swiadectwo od pana Samoielia Wasilewicza Soltana, Iwan Połowkowicz ręką swą. Za ustną a oczewistą prozbą pana Samuela Wasiliewicza Jan Przegalinsky, iako swiadek, podpisuię się. Oczewiscie proszony pieczentarz na swiadectwo Michal Szyszka manu propria.— Который же то тесътаменътъ, за очевистою прозбою, при добромъ баченью будучы, своею, то есть вышь менованый панъ Самоел Василевичъ, названый Солътанъ прозвисъкомъ, бурмистръ прошълый, а за принятьемъ нашымъ урядовымъ, с початку ажъ до конца до книгъ справъ ратушъныхъ радецкихъ вечъныхъ местскихъ Луцъкихъ есть уписанъ, съ которыхъ и сесъ выписъ подъ печатю лавъничою есть выданъ. Писанъ в Луцку.—У того выпису печать месъта его королевъской милости Луцка радецкая и подписъ руки писарское въ тые слова: Есифъ Полумерковичъ, местский Луцкий писаръ.—Который же то выпись и тесътаментъ в немъ уписаный, за прозбою и поданемъ вышъ реченое особы а за принятемъ нашымъ судовымъ, слово в слово, такъ яко есть в собе написаный, увесь с початку ажъ до конца до книгъ земскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга земская Луцкая 1623 года, № 2823, листъ 124.

CCII.

Донесеніе вознаго о вводѣ Рафаила Ленчынскаго, воеводы Белзкаго, и князя Александра Александровича Пронскаго во владѣніе Мелецкимъ монастыремъ и принадлежащими къ нему селами. 1621 года, августа 14.

Року тисеча шестъсотъ двадцат первого, месеца авъгуста чотырнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его кролевское милости Володимерскомъ, передо мною Станиславомъ Собанскимъ, буркграбимъ замъку

Володимерского, и книгами нинешними кгродскими старостинъскими, становшы очевисто возный енералъ, шляхетъный Василий Ковырский, ку записаню до кънигъ сознал тыми словы: ижъ року прошлого тисеча шестъ сотъ дъвадцатого, месеца сентебра чотырнадцатого дня, маючы при собе стороною шляхту людей добрыхъ, пана Яна Крынского а пана Марцина Вербицкого, былемъ на справе и потребе ясне велъможныхъ ихъ милости пана Рафала Ленчынского з Лешъня, воеводы Белъского, и панее Ганны з Радзимина Ленъчынское, воеводиное Белъское, малъжонъковъ, и освецоного княжати его милости Алекъсандра Алекъсандровича Пронского, каштеляновича Търоцкого, потомковъ зошлое велъможное ее милости княжны Федоры Романовны Санъкгушковны, в манастыре Мелецкомъ заложеня Светого Николы, где освецоные ихъ милостъ Алекъсандер, воевода Браславский, и Юрей, воеводичъ Волынский, княжата з Острога Жаславские, братья рожоные, потомъкове зошъшлое велъможное княжны Алекъсандры Санкгушковны, тотъ манастыр Мелецкий, который впрод помененая зошлая велъможная княжна Алекъсандра Санъкгушковна, воеводиная Подляская, матка княжатъ ихъ милостей Жаславскихъ, з малъжонъкомъ, яко опекуномъ своимъ, княжатемъ его милостъю Янушомъ Жаславскимъ, делечисе з сестрою своею рожоною помененою зошлою велъможною княжною Федорою Санъкгушковою, панею Троцкою, всими маетностями по брате своимъ рожонымъ, княжати его милости Романе Романовичу Санъкгушку, воеводичу Браславскому, безъпотомне с того света зошломъ, позосталымъ, зо всимъ, яко през продки ихъ милостей княжатъ Санъкгушковъ естъ фундованый, до владзы своей взявши и до него старшого або игумена подала была, а потом, по смерти того игумена од ее милости поданого, помененымъ особомъ ихъ милости: ей милости панеи воеводиноей Белъзкой и княжати его милости Пронскому, водле алътернаты в томъ листе ихъ милостей вечыстомъ делъчомъ описаное, до шафунъку и подаваня тежъ старшого або игумена прыпалый тотъ манастыр зо всимъ, то естъ: церковъ мурованую, зо всимъ охендоствомъ, зъ апаратами, и все будованъе манастырское, и вси маетъности того манастыра, то естъ село и фолваркъ Нецы, село Соловъево, село Подсыновку, Выгнанъцы, село Соколища, село Сыновъ Скробы, фолъваркъ, двор и село Пѣсочъно, з бояры, с поддаными и зъ ихъ повинъностями, зъ

кгрунътами и лесами, борами, гаями, запустами, садами, ставами, млынами, сажавъками и озерами, корчъмами, мытами и зо всеми и вшелякими пожытъками, прыходами и прыналежностями, здавна и тепер до того манастыра прыслухаючыми, ничого не выймуючы, водлугъ инвентъмтару, на которомъ все по достатъку естъ описано, презъ мене возного и шляхту и презъ слугу своего урожоного пана Викторина Холоевского подали в моцъ, держанъе и спокойное ужыване поступили. Водлугъ которого поданя я возный, владзою уряду моего, пречечоныхъ ихъ милостей его милость пана воеводу Белъского и малжонку его милости и княжа его милость Пронского в тотъ монастыръ Милецкий, в кгрунты, села, дворы, фолъварки и во все пожытъки и прыналежности, яко естъ вышей поменено, увезалъ и подданнымъ всимъ манастырскимъ до кгромады зобранымъ о томъ ознаймившы, подданство, повинностъ и послушенство звыклое ихъ милости, яко паномъ своимъ, оддавати и полънити прыказалемъ, которого презъ княжатъ ихъ милости Жаславскихъ поданя, а презъ мене возного увезанъя нихто з стороны не инъпукгъновалъ; и такъ в спокойной посесии пречечоныхъ ихъ милостъ зоставившы, стамътолъ одехали есмо. О чомъ пречечоный возный реляцию свою учынилъ и сознал, просечы, абы прынята и до книгъ записана была; которая за прынятъемъ моимъ урядовымъ до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ естъ записана.

Книга гродская Владимірская 1621 года, № 985, листъ 471 на оборотѣ.

CCIII.

Дарственная запись подстолія Волынскаго Крыштофа Еловицкаго православному братству Луцкому на принадлежащую ему усадьбу въ Луцкѣ, для постройки здѣсь церкви братской. 1621 года, октября 1.

Року тисеча шестьсотъ двадцать первого, месяца октобра первого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевской милости Луцкомъ, передо мною Марцияномъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ

подстароства Луцкого, постановившисе очевисто урожоный его милость панъ Крыштофъ Еловицкий, подстолий земли Волынское, для вписаня в книги нинешние кгродские Луцкие, подалъ листъ доброволный записъ свой, съ печатью и с подписомъ руки своее, такъ же с печатми и с подписами рукъ людей зацныхъ отъ себе братству Милосердия Луцкому релии старожитное греческое на речъ в томъ записе нижей вписаномъ меновите выражоную даный, о чомъ тотъ записъ ширей в собе маетъ, которого во всемъ, такъ яко есть в собе написаный, устнымъ очевистымъ и доброволнымъ сознанемъ своимъ ствердивши и змоцънивши, просилъ, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я урядъ тотъ записъ, за подачемъ и очевистымъ признанемъ помененое особы, для вписаня до книгъ приймуючи, читаломъ и такъ се в собе маетъ: Я, Крыштофъ Еловицкий, подстолий земли Волынское, сознаваю и ознаймую симъ моимъ листомъ доброволнымъ записомъ вечистого дару кождому, кому бы о томъ ведати належало, теперешнего и напотомъ будучого веку людемъ, ижъ я, маючи волность с права посполитого добрами и маетностями своими яко хотечи шафовати, з доброе воли моее и уважного розсудку моего, не будучи на то ни отъ кого намовенъ а ни примушонъ, упатривъши збавенное и пожиточное душе моей, на честь и на хвалу самому Господу Богу во Тройци Единому, а не смертельное памети годную речъ, то есть плацъ в месте его королевской милости Луцкомъ, прозываемый Сасковский, на которомъ передъ тымъ стоялъ домъ урожоного его милости пана Петра Гулевича Воютинского, при згореню места Луцка часовъ недавныхъ згорелый, межи кгрунты з одное стороны кгрунту и дому шпиталя Руского, а з другое стороны кгрунту братского, прозываемого Кандыбовъского, на которомъ теперъ церковъ братская стоитъ, передомъ ку улици великой отъ рынку идучи за Глушецъ, а тыломъ ажъ до реки Глушца прилеглый, лежачий, мне отъ урожоного его милости пана Петра Гулевича Воютинского, такъ тежъ и иншихъ участниковъ, за правомъ ихъ до того кгрунту належачихъ, меновите: отъ урожоного его милости пана Ивана Гулевича Воютинского и славетного Максима Томиловича и тежъ славетное Мари Сасковны, дедички, за вливъкомъ права ихъ, такъ тежъ и дедичнымъ правомъ певнымъ купнымъ вечистымъ належачий и служачий и в посесии моей будучий, братству Милосердия Луцкому, релѣи старожитное

греческое, през велю особъ ихъ милости пановъ шляхты, брати, обывателевъ воеводства тутошнего Волынского, набоженства церкви Восточное, и презъ некоторыхъ пановъ мещанъ Луцкихъ, побожне того благочестия уживаючихъ, за волею Божею и его королевской милости пана нашого милостивого, при шпиталю Рускомъ, надъ Глушцемъ лежачомъ, заложоному и уфундованому и отъ того жъ наяснѣйшого короля его милости, пана нашого милостивого, стверженому и конфирмованому, помененый пляцъ мой зо всими прилеглостями и околичностями, такъ яко се самъ в собе в широкости и долгости своей маетъ и завираетъ, власно своимъ титуломъ верным и никгды не отзовнымъ а ни се назадъ ворочаючимъ, тому братству даю, дарую и симъ листомъ записомъ моимъ доброволнымъ вечне записую и заразъ в моцъ, держанье и спокойное и вечное уживанье, диспозицию и шафунокъ пререченому братству Луцкому, благочестия и послушенства патриаршого, урядовне през возного енерала, шляхетного пана Якима Присталовского, и сторону, шляхту людей добрыхъ, пана Яна Порыцкого а пана Андрея Заволского, до посесии подаю и поступую. Якожъ все право мое купное вечистое, которое мне на тотъ вышъ помененый пляцъ в месте Луцкомъ, прозываемый Сасковский, отъ ихъ милости пановъ Гулевичовъ Воютинскихъ и иншихъ учасниковъ служило и належало, до рукъ ихъ отдавши, з оного се самъ с потомками моими вечне зрекаю и вызуваю, а на особы пререченого братства Луцкого, теперешнего и напотомъ будучого, православия греческого а послушенства преосвятѣйшого патриархи вселенского Константинополского, цале и зуполне вливаю и такъ, яко мне служило и належало, оному братству за симъ записомъ моимъ вечистого дару служити и належати маетъ. Волно теды есть и будетъ помененому братству Луцкому тотъ пляцъ зо всимъ навсе, урядовне до посесии своее вечистое взявши, держати, уживати, церковь Божую православную греческую для набожества насъ самихъ и потомъковъ нашихъ, а на продку розмноженю хвалы Господа Бога Всемогущого, во Тройце единого, и ку вечному богомолству моему и продковъ моихъ (на которую се тотъ вышъ реченый пляцъ фундуетъ и записуетъ), будовати албо змуровати и в ней вшелякого набоженства заживати и отправовати. И якожъ от даты сего вечистого листу запису моего доброволного даровизного, а ни самъ през себе, а ни потомъкове мое и на то направ-

ные особы, (которыхъ потомковъ моихъ вродъ Паномъ Богомъ, потомъ симъ записомъ моимъ и его всѣми конъдыцыями обовезую и обликгую) в тотъ то пляцъ, на хвалу Божую братству Луцкому фундованый и вечне записаный, албо часть его, жадного вступу и перенагабаня правного и кгвалтовного чинити и задавати, а ни оного позывати, а ни якого импедименту чинити не маю и мочи не буду, а по мне потомкове мое не мають и мочи мети не будутъ вечными часы, але и овшемъ, посполу з ынншими братиями до того належачими и православия Восточного будучими, повиненъ буду в кождой повинности братской водлугъ порядку ихъ патриаршого заховатисе и послушнымъ быти. На штомъ далъ сесъ мой листъ доброволный записъ, с печатью и с подписомъ руки моее власное, до которого, за устною и очевистою прозбою моею, ихъ милости панове приятеле мои, нижей при печатехъ подписаные, печати свое приложивши, и руками се власными подписати рачили. Писанъ у Луцку, дня первого месяца окътебра, року теперешнего тисеча шестьсотъ двадцать первого. — У того запису печатей чотыри, а подписы рукъ тыми словы: Крыштофъ Еловицкий, подстолий земли Волынское, рука власна. Jerzy Puzyna własną ręką. Andrzei Zahorowsky, D. J. K. M. Woyt dziedziczny Łucky, manu propria. Gnewosz Hulewicz renką własną. — Который же то записъ, за поданьемъ и очевистымъ признаньемъ верьху менованое особы а за принятьемъ моимъ врядовымъ, увесь с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1621 г., № 2126, л. 806 на оборотъ.

CCIV.

Духовное завѣщаніе п. Евстафія Сокола, въ которомъ онъ записываетъ половину своего имущества въ пользу Троицкаго Добротворскаго монастыря. 1621 года, октября 22.

Року тисеча шест сот двадцат второго, месяца генъваря дванадцатого дня.

На рокax судовых земских Луцких, назавтрее по Трех Кролех, святе римском, в року звыш написаномъ припалых и судовне отправо-

вать зачатых, перед нами Иваномъ Хриницким, судею, а Михайлом Гулевичомъ Воютинским, подсудком, врядниками судовыми земскими Луцкими, постановившы се очевисто велебный в Бозе отецъ Прохор Круковичъ, игумен Добротворский, дѣля вписаня до книг нинешних земских Луцких пер облятамъ подал тестамент остатнее воли зошлого Евъстафия Сокола, с печатю его и с подписом руки приятелское Иоанна Мокосеевича Шибинского, на местцу его подписуючого се, и иншых печаторов, роспоряженья маетности его вшелякое учиненый, о чомъ тот тестамент ширей в собе мает, просечы, абы принят и до книг уписанъ был. Которого суд для вписанья до книг судовне принявшы, перед собою читати казал, и так се в собе маетъ: Во имя Отца и Сына, Светого Духа, Светое нерозделное Тройци, нехай се выконывает надо мною чоловеком грешным во имя Бога во Тройцы Единого. Амин. Я Евъстафий Сокол, служачи ясне освецоному княжати его милости Юреви Жаславскому, с которым его милостью паном моим милостивым в теперешнем року тисеча шест сот двадцать первом, бывшы в обозе господара короля пана нашого, служачы и постерегаючы от неприятел отчизнъ панованя господарского, с которое дороги послугъ нашых рицерских вернувшыс зъ его милостью кнежатем паном моимъ милостивым ку домом нашим, в которой дорозе не доехавши я до дому, мешканя моего, и будучи навежоным, водлуг воли милого Бога, хоробою тязжкою, в которой хоробе бачечи я себе чоловека грешного, же живъ быти не могу, а почуваючи се быти сталым в хрестиянстве моем закона греческого, а вспомневши ростане души моее с телом с того мизерного света и не забачаючи порядку до отданя гробу тела моего грешного, где положоно быти маетъ, што есче я за доброго здоровъя моего и памети полное, маючи милость великую ку церкви манастыра светого Троецкого Добротворского, которым заведуетъ и зверхнымъ в нем естъ велебный отецъ Прохор Крукович, игумен, братъ мой милый, в томъ светомъ манастыру тело мое грешное поручил и позволил положити; а иж бывшы я далеко в дорозе от жоны моее милое, упатрилом собе товарышовъ двох, меновите пана Локгожого и пана Стефана, которым то тымъ двом товарышом моим поручиломъ, же бы тело мое грешное до жоны моее милое Анны Терлецковны допровадили, с которою и старане пилное о теле моем грешном учинили и до гробу церкви

манастыра светое Тройцы Добротворского отдали, до которого светого манастыра, где тело мое грешное положено будетъ, отказую половицу мастности моее всее от мала и до веля, яко от почту моего, такъ и от заслужоных пинезей, абы то половицу тое маетности моее до рукъ велебному отцу Прохору Круковичови, игумену, брату моему милому, отдано было, половицу жоне моей милой Анне Терлецковне с потомком моим, который потомокъ по выезде моем до обозу породити се на светъ мел, по воли милого Бога, с которое половици маетности, штом жоне моей милой Анне Терлецковне с потомком моим, повинна будетъ жона моя милая тую половицу маетности и з уваженемъ уживати, а на потомка моего и своего взгляд яко матка мети, которою частъю маетности яко собе выховать мети, такъ и потомку тоюж маетностю приспелостъ в подростю его цвичене ему указати и на доростъ летъ его паметаючи, то естъ от половицы части маетности ни в чом ему не стратити, але все ему, вцале доховавши, отдати. А если бы потомокъ мой впрод отъ жоны моее милое, не доспевши взросту летъ, умерти мелъ в малых летех, теды тую частъ мастности жоне моей милой нихто препсованя жадного чинити не маетъ: волно жоне моей милой на што хотечи тую частъ маетности на пожитокъ свой обернути. Такъ теж и слугам моим, которые мне добре служили, абы имъ нагорода и заплата слушная была. Которого то тестаменту моего добре сведомы и при том были: ротмистръ короля его милости пан Миколай Войкович Секгетый, поручникъ хорогве пана Сволынского, зо всѣмъ товарыствомъ своимъ, през тые справы поручил двомъ товаришомъ моимъ пану Локгожему и Стефану. А естли бы кривда якая колвекъ от кого колвекъ жоне и потомку моему мела быти, теды во всѣх кривдах своих до княжати его милости, пана моего милостивого, удаватисе маетъ, о которого милостивой ласце розумею, же, паметаючи на унижоные послуги мое, взгляд и бачене будет рачил. До которого тестаменту остатнее воли моее, за устною и очевистою прозбою моею, их милости панове приятели мое, его милостъ пан Янъ Мукосей Шибенский, панъ Алеѯандеръ Чеконский а панъ Кайспер Заромба Репницкий, енерал воеводства Волынского, печати приложити и руки подписати рачили. Писан в Обычы, року тисеча шест сот двадцатъ первого, месяца октебра двадцат второго дня. У того тестаменту печатей чотыри, а подпис

рукъ тыми словы: Иоан Мокосей Шибенский рука власная. Alexander Daniłewicz Czekonsky ręką własną. Kasper Zaremba Repnicky, wozny jenerał, ręką własną. Который же то вышеменованый тестамент остатнее воли, за поданемъ и прозбою вышъ речоное особы а за принятем нашим судовым, увес с початку аж до конца до книг земских Луцких ест уписан.

Книга земская Луцкая 1622 г., № 2822, л. 273 на об.

CCV.

Листъ фундушовый князя Григорія Четвертинскаго на содержаніе православнаго священника при Вознесенской церкви въ с. Яровицѣ. 1622 г., мая 31.

Року тисеча шестьсотъ двадцать второго, месяца июня третего дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевской милости Луцкомъ, передо мною Яномъ Козаковичомъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившысь очевисто шляхетный панъ Томашъ Осецкий, для вписаня до книгъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ пероблятамъ листъ доброволный записъ урожоного кнежати его милости Григоря Четвертенского на Четвертни, с печатю и с подписомъ руки его милости, также с печатми и подписами рукъ людей зацныхъ, велебному в Бозе отцу Иоану Федоровичу, презвитерови Яровицкому, на речъ у томъ записе нижей вписаномъ менovите выражоную служачий, о чомъ тотъ записъ шырей в собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я врядъ, тотъ записъ для вписаня до книгъ приймуючи, читалемъ, и такъ се в собе писаный маетъ: Я Григорий кнежа Четвертенское на Четвертни сознаваю, ознаймую и явно чиню симъ фундушовымъ листомъ записомъ моимъ доброволнымъ кождому, кому то теперъ и напотомъ ведати належати будетъ: ижъ купившы я на вечность у кнежатъ ихъ милости Збаразскихъ мастность ихъ милости дедичную село Яровицу, подъ Луцкомъ лежачую, з церковю старожытною, во благочестии будучою, при которой заставшы сослужытеля

ее свячепоерея Иоана Федоровича, не барзо давныхъ часовъ отъ по-менепыхъ кнежатъ ихъ милости кодапего, добра строителя, во благочестии суща и смиренна, ку выхованю своему толко по шести день поля во три руки ку паханю з сеножатю за Стыромъ старожитного церковного, отъ ихъ милости позволеного, имиюча, ку чому надто особливымъ листомъ кнежа его милость Криштофъ Збаразский преречоному священнику чергу во млыне, на реце Стыру будучомъ, то есть день пятничный отъ годины до годины в кождомъ тыдню для браня вымеровъ и пожитъковъ вшелякихъ придалъ, надто и по золотыхъ пятнадцати на сукню и кожухъ с проценту в тоежъ маетности платити назначилъ и в кождый рокъ давать записалъ (о чомъ тотъ листъ кнежати его милости ширей в собе маетъ), чого преречопый свячепъникъ, вдячънымъ будучи, не толко за кнежатъ ихъ милости, але и за посесии и державы мое ужывал и ужываетъ, за што уставичне, Господу Богу и церкви светой служачи, за мене и всихъ домочадцовъ моихъ молитисе не устал и не устаетъ. На которого уставичную статечную працу и молитвы я, тое маетности дедичъ, взглядъ маючы и на коштъ его, который онъ ку оздобе тое церкви и ку пристойному житю своему в побудованю дому власнымъ сумътомъ своимъ на голомъ кгрунте церковномъ надъ ставкомъ учынилъ, респектуючи з доброго, статечного и уважного баченя моего, оного самого, а по немъ потомковъ его, такое жъ достойности будучыхъ, при той церкви моей Яровицкой и всихъ кгрунтехъ и сеножатехъ, з давна до нее належачихъ, не толко при тыхъ по шести день в кождую руку, отъ кнежатъ ихъ милости антецесоровъ моихъ указаныхъ, але иле едно надто водле старожилности знайдовать будетъ, такъже и при той черзе в млыне Стыровомъ пятничной, од годины до годины, меркахъ приходячихъ и вымерахъ належачихъ, а надто и при томъ всемъ кгрунте и огородехъ, на которомъ садидба и будынки его власные суть, вечне и на веки не порушне заховую и зоставую и симъ записомъ моимъ записую. До того волный врубъ, в приселковыхъ лесахъ и борахъ тое маетности Яровицкое: Озерскихъ, Чавницкихъ, Дедовицкихъ и иныхъ на вшелякую потребу его перпетуе позволяю. И к тому записуюсе, подъ што и потомки, такъ же и державчие по мне добръ моихъ помененыхъ Яровицкихъ подъдаю, ижъ водле постановеня кнежатъ ихъ милости Збаразскихъ,

тому свясченнику и по немъ потомкомъ духовнымъ, побожнымъ тое церкви людемъ, в кождый рокъ на святого Семена, ярмаркъ Луцкий, по золотыхъ петнадцети на сукню и кожухъ платити и за квитами ихъ отдавати буду и будуть; взглядомъ чого онъ за мене и домъ мой уставичне Господа Бога молити и той церкви святой, не отмепъне въ благочестию будучи, служити виненъ будетъ, не подлегаючи никгды подъ светского пана владзу. И упевняю его в томъ, ижъ такъ отъ мене, потомъковъ моихъ, и отъ кождого тыхъ добръ дедича, тому праву и фунъдушу моему уйма а ни свесченникомъ въ жадной с тыхъ записаныхъ речей перешкода чинена быти не маетъ, подъ неблагословениемъ Божимъ и подъ зарукою на свесченники двомасты копъ грошей литовскихъ, также и под нагородою шкодъ вшелекихъ, словне ошацованыхъ, которые каждый нарушитель за кождымъ нарушенемъ священникомъ платити, и мимо то еще, взглядомъ всякого нарушенья и уймы, на страшномъ и не лицемирномъ суде Христовомъ зо мною розсудити и ответъ дати будетъ повиненъ. До которого фундушу моего вечистого, при печати моей, на болшую его моцность рукою моею власною подписалемъ се и веля ихъ милости пановъ приятель моихъ того сведомыхъ, нижей подписаныхъ, о приложенье печатей и о подпись рукъ просилемъ. Писанъ в Любчу, року по нароженю Сына Божого тисеча шестьсотъ двадцать второго, месяца мая тридцеть первого дня, водлугъ нового календаря. У того запису печатей три, а подписъ рукъ тыми словы: Григорий Четвертенъский рукою. Iwan Kukolsky. Aleksander Malinowsky.—Который же то записъ, за поданьемъ и прозбою выжей менованое особы а за принятьемъ моимъ урядовымъ, увесь с початъку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1622 года, № 2131, листъ 332.

CCVI.

Жалоба игумена православнаго братства Луцкаго Герасима о насильственномъ вторженіи шляхтича Балцера Раецкаго въ братскій монастырь и нанесеніи тяжкихъ ранъ сиротѣ-мальчику, призираемому и обучаемому въ братской школѣ. 1622 года, сентября 15.

Року тисеча шестсот двадцат второго, месяца сенътебра петнадцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцъком, передо мною Яномъ Козаковичомъ, буръкграбимъ и наместникомъ подъстароства Луцъкого, становъши обличне велебный отецъ Гарасимъ, игуменъ манастыра брацъкого Луцъкого Воздвиженя Честного Креста, именемъ своимъ и именемъ всихъ их милостей пановъ братъи брацъства помененого Луцъкого, также и старшихъ шпиталных при томъ же братстве з шпиталя будучихъ, жалосне сведчил се противко урожоному пану Балцерови Раецъкому, яко прынцыпалови учынку нижей помененого, о то, ижъ тотъ панъ Раецъкий дня оногдайшего дванадцатого месяца тепер идучого сентебра, под тот самый час, кгды се актъ публичный правомъ варованый сеймику елекъцыи депутатовъ на суды головные одъправовали, подъ который час а особливе покой посполитый кождому правомъ посполитымъ варованый ест, приехавши до Луцка и о годинє четвертой с полудня на полъ зыкгару зъ-за Глушца до места Луцка идучи и з много слуг помочников, собе по именамъ и прозвискахъ добре знаемых, поткавши на доброволнои дорозе на мосту перед брамою Заглушецъкою слугу пречоного манастыра брацъкого церъковного, выростъка на йимя Василя Данилича, оного невинъне пястюю обушкомъ бючи, утопит хотелъ, который кгды, от таковогo кгвалту заховуючи цало здорове свое, до манастыра брацъкого уходилъ, теды помененый панъ Раецъкий, наполнившисе своиеволи, з бронюю яко с помочниками и слугами своими кгвалтовне упалъ до манастыра и тамъ, запомневши боязни Божое, милости близнего и срокгости права посполитого, дитя манастырское, сиротку в десети летех в науце будучого, меновите Филона Рия, сына зошлого в Бозе велебного отца Федора Рия, презвитера свещенъника Милошкого, своею власною рукою окрутне

и немилосердне през твар с правоеи стороны ранилъ и правую руку прочъ одтялъ, ажъ одъпала, од которого окалеченя тое дитя вотпливо аби мело быт живо; за которымъ таковымъ настемъ и окръвавенемъ манастыра и шпиталя при немъ будучого право о безъпеченъстве манастыровъ и шпиталовъ описаное зктвалтилъ и во въшелякие вины в праве посполитомъ и конъстытуцыях описаные попалъ; о што все противъко помененому пану Раецъкому и его помочникомъ повторе сведъчилъсе, оферуючи з нимъ о тое правне поступит, цалую мелиорацию и поправу тоей протестацыи такъ о части, яко и во въсемъ, помененым их милости паномъ старшимъ брацътву церъковного Луцъкого и шпиталнымъ, о скривавене манастыра и шпиталя, а матку зраненого яко опекунъку о зранене сына ее, зоставуючи, еслибы того потреба указала. Якоже зараз при тои протестацыи былъ припроваженый и презенътованый тот то скалечоный хлопецъ тут до замку Луцъкого на урядъ, и при том водле права просил о придане возного на огледане починеня далших знаковъ манастырскихъ; которому уряд придал возного енерала шляхетного Яна Плонского, который, маючи при собе двох шляхтычовъ, людей добрых, пана Яна Демъбицкого и пана Станислава Кумановъского, дня вчорайшого оного у свешченика брацъкого отца Иоана в шпиталю лежачого и тых знаковъ огледавши и передо мною очевысто ставши, созналь, иж в того дитяти виделемъ в твари правой рану одну баръзо шкодливую, через которую зубы немалъ вси выдат, и руку правую проч одътятую, и верес от форты брацкой шпиталной барзо окривавеные, и на земли и у форты крви того дитяти барзо много вытеклое виделъ. И просилъ помененый отецъ игуменъ, абы то записано было, што ест записано.

Книга гродская Луцкая 1622 года, № 2444, л. 737 об.

CCVII.

Приговоръ прихожанъ Луцкой Троицкой церкви о дозволеніи своему священнику Лукѣ Явминскому построить на церковной землѣ домъ съ условіемъ уплаты за то ежегоднаго чинша. 1622 года, ноября 1.

Року тисеча шестъсот двадцать третего, месяца июня третегонадцать дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцком, передо мною Алекъсандромъ Малиновским, будучим на тот час наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешъними кгродскими Луцкими, постановивъшися очевисто велебный отецъ Лука Явминъский, свесченникъ бывъший Троецкий, клирошанинъ Луцъкий, подал перъоблятамъ листъ месчанъ Луцких а парафиянъ светое Тройци церъкви Луцъкое, под печатми и с подписами рукъ ихъ, преречоному велебному отцу Луце Явъменскому, бывъшому свесченникови своему Троецкому, на реч в том листе нижей вписаном меновите выражоную даный, просечи, абы принят и до книг уписан былъ; а такъ я вряд оного для вписаня до книг приймуючи, читалом и такъ се в собе писаный маетъ: Мы вси суще стежаниемъ Божиимъ одностайне парафияне светое живоначалное Троици града Луцкого ознаймуемо их милостям епископом и клирошаном нашим церкви соборъное светого Иоанна Богослова и свесченникови Троецкому и потомком нашим, ижъ свесченникъ Лука Явъменский, настоятел в семъ часу будучий светое живоначалное Тройци церкви нашое и сопричетник клиросу собору Луцкого греческого, просил нас всих парафиян своих, абысмо ему позволили на нашом кгрунъте церъковном Троецъком, кромъ будованя звыклого поповъского Троецъкого, побудоватися на новопривласчоном кгрунъте ко светои Тройци, то ест межи кляшторомъ насвятшое Матки Божое панъны Марии и межи славетнымъ паномъ Парфеномъ Голузкою, вышъшей цвинтаря светое Тройци, над кгрунътом Мордушовым жидовым. Мы теды, видевъши его собе в потребахъ наших духовных милосердъного и богогласна учителя церъкви Божое, позволили есмо ему на оном кгрунъте побудоватися и зъ чиншу певного жоне и детемъ его и кому онъ самъ схочетъ продати, даровати, любъ зносити оное будоване; которое онъ сам своим

власным коштомъ, накладомъ и працею побудовалъ, толко чиншъ певъный полъкопы грошей Литовских раз в рокъ на светый Семенъ повиненъ дати и тотъ, которому бы мѣлъ заведенъ быти и проданъ и найманъ, любъ потомокъ его, хотя бы не былъ на вряде церковномъ, теды вечными часы не мают ся уступовати ни свесченникъ нашъ, ни потомъки наши, толъко звыклого будованя поповъского маетъ уживати свесченникъ Троецъкий, которое над дорогою, изъба одна изъ сенъми под фортою церъковною стоитъ. На што есмо ему сесъ нашъ листъ дали, жоне и потомъкомъ его, с подъписомъ рукъ нашихъ и притисненемъ печати пана войта уряду кляшъторного и нашихъ. Писанъ в Луцъку, року тисеча шестъсотъ двадцатъ второго, месеца ноября перъвого дня.— У того листу печатей чотыри, а подъписъ рукъ тыми словы: Иванъ Нагай, войтъ кляшъторный. Иванъ Буяковичъ духовенъства Троецкого сынъ. Петро Турчинъ, месчанинъ Луцъкий. Дорошъко швецъ духовенства Троецкого сын. Михайло Галшевичъ духовенства Троецкого сынъ.— Который же то листъ, за поданъемъ вышъпомененое особы а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесъ с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1623 года, № 2132, л. 727 обор.

CCVIII.

Жалоба архимандрита Дорогобужскаго монастыря Іеремія Лисятицкаго о томъ, что п. Александръ Сокольскій, приславъ вооруженныхъ крестьянъ, не допустилъ его ловить рыбу въ монастырскомъ озерѣ и приказалъ отнять у монаховъ неводъ, при чемъ крестьяне поносили архимандрита бранными словами, нанесли ему тяжкіе побои и намѣревались пустить его подъ ледъ. Свидѣтельство возныго. 1622 года, декабря 14.

Року тисеча шестсот двадцат второго, месяца декабра чотырнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевкое милости Луцкомъ, передо мъною Яномъ Вылежинским, подстаростим Луцкимъ, постановив-

шис обличне в Бозе велебный отецъ Иеремий Лисятицкий, архимандрытъ Дорогобузский и Перемилский, именемъ своимъ и именем всее брати своее капитулы церкви и манастыра Дорогобузского обтежливе жаловал, оповедал и протестовалсе на урожоного пана Александра Соколского, державцу на сес час села Дроздова, о то: ижъ он, пропомневшы срокгости права посполитого и винъ в нем описаных, поважаючи легце станъ духовный, розсказалъ урядникови своему Дроздовскому на йме Яну Бурковскому, также атаманови своему Ермакови и Грицкови Щочененяти подданному и иншимъ подданнымъ своимъ Дроздовским, абы розные кривды и деспекты въ кгрунтах, озерах, затоках, поляхъ а сеножатех скаржучим от церкви Божое чинил и выражалъ, который то урядникъ с поменеными особами Ермакомъ Тивономъ и Грицкомъ Щочененятемъ и подданными Дроздовскими, чинечи волю и власному розсказаню пана своего пана Соколского, приготовавшис и приспособившы з розным оружем войне належачим, также с киями, обухами и дручем розным, в року теперешнем тисеча шестсот двадцат втором, месяца декабра третего дня, кгды скаржучие невод на власномъ озере своем названомъ Перекопъ, здавна отъ часовъ давных а праве ледве паметалых до церкви и манастыра належачимъ, которое завше антецесорове скаржучих и тепер скаржучие от килку лет уживали и уживают, через подданных своих волочили и рыбу ловити почели, где на тот час и сам его милостъ отецъ архимандрытъ яко особа и стан духовный был и там се припатруючи тому ловеню рыбъ прохожовалъ, с помененого села Дроздова, державы пана Соколского, з роскazаня его милости власного, моцно, кгвалтовне на тое то озеро манастырское нашедши, наперед невод шарпати с под леду почели, и выволокшы невод, рыбы кгвалтовне брати и розно шарпати почели и усю рыбу, што одно было вловлено, помененый урядник с помененым тивоном и подданными Дроздовскими кгвалтовне побрали, которое рыбы розное: щукъ, карасий, линов, лещов, окуней и плотиц было вловлено за пятдесят золотых полских, а невод скаржачих манастырских, который коштовал сто золотых полских, также кгвалтовне взяли и пограбили, которого отецъ архимандрытъ дати не хотелъ и боронилъ, пытаючис урядника: што быс в томъ деяло, же таковый кгвалтъ церкви Божой чините и того озера ловити забороняете и оное отъ церкви одыймуете?

А урядникъ поведилъ; иж то им пан их чинити росказалъ, а мы тое чинити мусимо, що нам росказано. А в той розмове тивон Дроздовский Ермакъ, не наметаючи на стан его и особу духовную, але и овшем зневажаючи отца архимандрыта, по твари его правое пястю ударил, аж ему твар спухла и кровю з синетиною набегла, а потомъ Грицко Щоченченя оглоблею в руку правую вышей локтя ударил, аж ту рука вся спухла и кровю з синятиною набегла, и зас его шарпати за перси и по розных месцах почели, словы ущипливыми, славе, уроженю его и духовенству досткливыми, лаяти, яко сами хотели, почели и соромотили и лжили, и порвавши его знову за перси, под лед хотели подпустити и утопити, ажъ ледво подданые манастыра Дорогобузкого отца архимандрита почели ратовати и оного заледво отратовали, который потом ледво живъ до манастыра ушолъ; страху и деспекту отъ них набравшисе, в хоробу был упал; а помененые насланцы пана Соколского, урядник Дроздовский з Ермаком и Грицкомъ, также и с подданными Дроздовскими, кгды отецъ архимандрытъ Дорогобузъский до манастыра от них ледво живъ за отратованемъ подданных своихъ манастырских ушолъ ,почали тых подданых манастырских на йме: Васка мелника, Сидора Жидягу, Васка дворника, Федора Мищеняти, бити, мордовати, которых киями и обухами побили, помордовали и ран не мало имъ тот то Ермакъ обухом, а Грицко оглоблею, задали, и сокир тры, кождая стала по грошей петнадцети полских, и неводъ з санями, которые коштовали грошей десят полских, кгвалтовне и безправне побравши и погромадивши, з рыбами, то все насланцы пана Соколского до двора его Дроздовъского отпровадивши, на пожитъ его обернули и с того озера выбили и вытиснули и спокойного державя их отнели и рыбъ ловити заборонили, за которымъ неуживанем того озера особно скаржучие шацуют собе шкоды на пят сот злотых полских. Которое протестации своее отец архимандрыт именем своим и именемъ брати своее иж за свежа до книг уряду моего до ведомости не донеслъ, кгдыж с того побитя и помордованя и шарпаня своего был хорый, а пришедши до лепшого здоровя своего, тую жалобу, оповедане и протестацию свою до уряду моего донеслъ, оферуючисе о то все, яко се вышей поменило, с паном Соколским правне в суде належномъ чинити. А потвержаючи того всего, яко се в протестации вышей поменило и написало, ставил отец архимандрит Дорогобузкий пе-

редо мною урядомъ возного енерала воеводства Волынского, шляхетного Остафия Ковалского, который передо мною очевисто будучи и стоечи, ку записаню до книг нинешних кгродских Луцких созналъ тыми словы: иж року теперешнего тисеча шестсот двадцат второго, месяца декабра пятого дня, за ужитем отца архимандрыта и всее капитулы манастыра Дорогобузского, былем в манастыре Дорогобузском, там же засталем отца архимандрыта хорого, здоровя не способного, у которого видилемъ на твари правой рану крвавую, спухлую, синюю и вся твар запухлая, которую менил быти собе пястю удареную, видилем тежъ рану на руце правой оглоблею битую вышей локтя спухлую, кривавую, синюю всю руку и сутанну пошарпаную, кгды его топити и под люд пусчати хотели; тамже за оказанем отца архимандрытовым и всее капитулы манастыра Дорогобузского, видилем у подданых манастырских: у Васка мелника ран чотыри на правой руце, обухомъ битые, синие, крывавые, напухлые, а на хрыбте тры раны, кием битые, синие, напухлые и крывавые; у Сидора Жидягы ранъ три на раменю левомъ и в голове, обухомъ битые, синие, напухлые и крывавые; у Федора Мищеняти на левой руце ран две нижей локтя, а на боце правомъ две, обухомъ битыхъ, синих, крвавых и напухлых на руце, а на боку толко синихъ; у Васка дворника на хрыбте ран две, а в голове одна, киемъ битые, синие, напухлые, а в голове крывавая; которое збите и зранене свое менилъ собе быти передо мною возным отец архимандрит Дорогобузский и капитула, также и подданыхъ манастырских, от урядника пана Соколского Дроздовского на йме от Борковского и тивона Дроздовского Ермака и Грицка Щонченяти, также и от подданных пана Соколского Дроздовских, за кгвалтовнымъ найстемъ ихъ, за росказанемъ властным пана Собестияна Соколского и насланемъ его на озеро их власное, названое Перекопъ, з давныхъ часовъ до манастыра Дорогобузского належачое, которое от давных часов антецесорове их а они и тепер уживали, кгды подданые манастырские дня третего декабра рыбу ловили и отец архимандрыт припатруючи тамже прохожалсе; менили тежъ собе быт при тым насланю на озеро их манастырское и побытю и помордованю, яко и здеспектованю и зелженю словы неуцътывыми и пошарпаню отца архимандрыта и побытю и помордованю подданных их анастырских, грабежъ быти сталый: рыбъ за золотых петдесят, невод

за золотых полских сто, сани за грошей десет полских, сокир тры, кождая по грошей петнадцет полских. И то все, што видилъ и слышалъ, передо мною урядомъ возный очевисто призналъ и сознал. Которое то очевистое возного сознане я уряд, принявши, до книг кгродских Луцких записати казал, и ест записано.

Книга гродская Луцкая 1622 года, № 2444, л. 1039 об.

CCIX.

Заявленіе того же архимандрита Іереміи Лисятицкаго о томъ, что крестьяне п. Александра Сокольскаго сознались предъ нимъ, будто нанесенныя ими жалобщику оскорбленія, побои и покушеніе утопить его были учинены ими не по своей волѣ, а по приказанію ихъ помѣщика, который подговорилъ всѣхъ своихъ крестьнъ при первомъ удобномъ случаѣ лишить архимандрита жизни за то, что онъ сдѣлался „перехрыстомъ, потурнакомъ и лядскимъ попомъ“, т. е. изъ православія перешелъ въ унію. 1623 года, генваря 16.

Року тисеча шестсот двадцат третего, месеца генвара шестънадцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцъком, передо мною Яном Козаковичом, буркграбим и наместникомъ подъстароства Луцъкого, ставши очевисте велебный отецъ Еремияш Лисятицкий, архимандрыт Дорогобузъский, сведчилсе обтежливе на урожоного пана Александра Соколского, иж што в року близко прошлом тисеча шестсотъ двадцат втором, месяца декабра чотырнадъцатого дня, перед урядомъ тутошнем кгродским Луцъким протестовалсе соленитер на помененого пана Соколского о здеспектоване свое, соромочене, бите, поличковане, тягненъе до полонки и о кгвалтовное побране рыбы на власным озери манастыра Дорогобузъского, неводу и иншнх веле речей пограбенъе, розумеючи то, же се тотъ кгвалтъ деялъ для того самого толко, абы тое озеро, которое з давных часовъ в уживаню и власности самого манастыра Дорогобузъского было, собе привласчил и з него собе пожитковъ заживалъ. Але иж тепер часу недавъного доведалсе

яко од велю инших околичныхъ суседовъ, так и од власных подданых его Дроздовъских, которые умыслне приходили за тотъ бой перепрошувати, оповедаючи то, же то мели чинити зъ росказаня пана Соколского, пана своего, абы всюды, где колвекъ бы се одно подала оказия и час способный, оного, яко перехрысту, потурнака и лядзъкого попа, называючи такъ, же то в унии костела повшехного ест, забили, замордовали албо утопили: теды и тепер, прихиляючисе до першое протестацыи свое, сведчилсе противъко тому пану Соколскому жалосне о то, иж онъ, пана Бога и боязни его перед очима своими не маючи, на право и вины в нем описаные не огледаючисе, шляхецкое пристойности не стерегучи, умыслъне и неодъповедне, причины жадное не маючи, толко тую, же унитъ, смелъ важилсе наймовати и розными способы намовляти подданных своих, абы его забыли, якож певне бы се был зъ рукъ их не умъкнулъ по ономъ окрутъномъ здеспекътованю и збитю, якъ оного жъ до полонки тягнули, утопили бы. О што жалосне се сведчил и протестовал, оферуючи о то правом чинити, и просилъ, абы тая его протестация до книг принята и записана была; што за принятем моимъ урядовымъ до книг кгродских Луцъкихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1623 года, № 2445, л. 88 обор.

CCX.

Росписка членовъ братства Луцкаго, выданная п. Варварѣ Гораиновой и княгинѣ Христинѣ Воронецкой въ полученіи отъ нихъ суммы 400 золотыхъ польскихъ, завѣщанной братомъ ихъ п. Николаемъ Боговитиномъ въ пользу братскаго монастыря. 1623 года, февраля 3.

Року тисеча шестсот двадцетъ третего, месеца априля чотырнадцатого дня.

Пред урядом и книгами нинешными кгродскими Луцкими, в замъку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александром Малиновскимъ, будучим на тотъ час наместником подстароства Луцкого, по-

становившисе очевисто велебные в Бозе их милости отец Гарасимъ игуменъ и отецъ Василей чернецъ, такъже панове Анъдрей Калениковичъ и Иванъ Антоновичъ, преложоные монастыра братского Луцъкого, именемъ своимъ и всего братства для вписаня до книгъ кгродскихъ Луцких подали лист записъ свой квитовный, с печатю братскою Луцкою и с подписами рукъ своих, также с печатми и с подписами рук людей зацныхъ, от себе урожоным их милости панеи Барбаре Крыштофовои Горайновои и панеи Крыстине кнегини Лвовои Воронецкой Боговитиновнамъ с Козирад на квитованъе зъ сумы чотырох сотъ золотых полских, которую был небожчикъ зошлый его милость панъ Миколай Боговитынъ, брат их милости, сходечи с того света, тестаментом остатнее воли своее на церковъ братскую Луцкую записал и до заплаченя тое сумы поменених их милостей паней сестръ своих обовезал, ижъ им од их милости зуполне естъ тая сума заплачона, даный, яко о томъ тот лист квитовный ширей в собе маетъ; которого во всемъ устным, очевистым и доброволным сознанъемъ своим ствердивши и змоцнивши, просили, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я вряд тот запис, за очевистымъ сознанъемъ вышъпомененых особъ, для вписаня до книгъ урядовне принявши, читалем, который так се в собе маетъ: Мы преложеные братства церковного Луцкого при храми всемирного Воздвиженя честного и животворящого Креста Господня, духовные и свецкие, именемъ ихъ милостей пановъ шляхты, обывателевъ воеводства Волынского, яко старших ктиторовъ, и именемъ всего братства и своим, ознаймуемо тым нашим листом всим, кому бы то ведати належало, иж урожоные их милости пани Барбара Крыштофовая Гораиновая и пани Крыстина кнегиня Лвовая Воронецкая Боговитиновны с Козирад, сестры рожоные годное памети урожоного некгды его милости пана Миколая Боговытына, чинечи досыт тестаментови остатнее воли помененого зошлого пана брата своего, которымъ, сходечи с того света, суму пенезей чотыриста золотых полских на церков помененую братскую Луцкую Воздвижения честного Креста Господня записал и лекговал и до заплаченя того долгу албо тое сумы чотырохсот золотых их милости помененых паней сестръ своихъ, которым теж на добрах своих Войници суму тры тисечи золотых и держане до лет певных записал и означил, тую суму чотырыста золотых полских з добръ преречоныхъ Войницы готовыми

пенезми през руки приятеля своего урожоного пана Теодора Кузмича до рукъ нашихъ истотне отдали и заплатили, которую мы от их милости сполна отобравши, зъ оддания и заплаченья тое сумы чотырохсотъ золотыхъ пререченых их милость панюю Барбару Крыштофовую Гораиновую и панюю Крыстину кнегиню Лвовую Воронецкую Боговитиновны и потомство их милости симъ листом нашимъ квитуемъ и волными чинимо часы вечными, жадное дороги до дохоженя и упомненясе о то у их милости и у потомковъ их милостей не зоставуючи, овшемъ вечное молчанье закладаючи на вси пришлые и потомные часы. И на то есмо их милости дали сес нашъ листъ квитовный, подъ печатю братскою Луцкою и с подписами рукъ наших власных, до которого за устною очевистою прозбою нашею печати приложити и руки подписати рачили их милости панове нижей на подписех менованые. Деялосе в монастыре братском Луцком честного Креста, дня третего месеца февраля, лета Божого нарожения тисеча шестсот двадцат третего.—У того запису квитовного печатей чотыры, а подпис рук тыми словы: Смиренно-еремонах Герасимъ, игуменъ братства Луцкого, рукою власною. Еремонахъ Василей Миленский рукою власною. Jan Przegalinsky. Анъдрей Калениковичъ рукою власною. Иванъ Анътоновичъ рукою власною. Proszony pieczętarz Maciey Charlinsky ręką swą. Proszony pieczętarz Heliasz Sulatycky z Sulatycz. Proszony pieczętarz Woiciech Łązinsky ręką swą.—Который же то листъ квитовный, за поданьемъ и очевистым признаньемъ помененых особъ а за принятьемъ моимъ урядовым, увес с початку аж до конца до книг кгродских Луцких ест уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1623 года, № 2132, л. 423 об.

CCXI.

Жалоба дв. Яна Крочовскаго о томъ, что архимандритъ Жидичинскій Никодимъ Шибинскій и братія вмѣстѣ съ монастырскими слугами напали въ его отсутствіе на его домъ, силой выгнали его семейство и отняли все его имущество, при чемъ подвергли жестокому истязанію его жену и, когда она вслѣдствіе побоевъ лишилась чувствъ, приказали за ноги стащить ее въ болото. Свидѣтельство вознаго о состояніи больной. 1623 года, ноября 25.

Року тисеча шестсот двадцат третего, месяца ноябра двадцат пятого дня.

Пришедши на вряд кгродский, в замок его королевское милости Луцкий, до мене Александра Малиновъского, будучого на тот час наместника подстароства Луцъкого, и книгъ нинешних кгродских Луцких, шляхетный пан Янъ Крочовский, прихиляючисе до словне внесеного дъня вчорашънего, двадцат четвертого месяца ноябра, оповеданя свого, на которое и придане на возъного отримал, соленънитер своимъ и малжонки своее шляхетъне урожоное панее Федоры зъ Волковые Подгаецкое именем обтяжливе а праве с плачем светчил и оповедалсе напротивъко велебному отцу Никодимови Шибинскому, архимандрытови Жидичинскому, и всее капитуле его Жидичинъское, о то, иж они, не погледаючи ничого на станъ свой духовный, повинност свою и права посполитые на сторону отложивши и оными погордивши, не огледаючисе ничого на вины в них описаные, року теперешнего тисеча шестсотъ двадцатъ третего, месяца ноябра чотырнадцетого дъня, за сполною своею намовою а за побудкою урожоного пана Яна Мукосия Шибинъского, проч вшелякое даня причины, обвещеня и перестороги, ни уважаючи ничого права антецесоровъ своихъ архимандритов Жидичинских, продком его або антецесорамъ на осаду и держене пустыни и спустошалое маетности манастырское, тепер названого селца Жапъки, даные а по них ему служачие, не уважаючи анътецесоровъ его працы, кошту, на то наложоного и поднятого, а ни респекътуючи ничого на заслуги его верные и зичливые, также и на станъ их уцтивый шляхецкий, упатривши час способный, кгды протестуючий с помененого дому и мешъканъя своего по пилных справах до приятел отехал, моцно,

кгвалтовне, ману армата пречоный отец архимандрит с капитулою, слугами и поддаными своими, на тое селце и дворокъ там будучий, спокойное их мешкане, през них и антецесоры порядне збудованый и селце осажоное, наехавъши и там в том дворку малъжонку его менованую, безпечную, шляхтянку уцтивую, правом и покоем посполитым объвароваую, ничого злого на себе ни от кого, пого̆товю от духовных, не сподиваючую, заставши, ничого не респекътуючи на стан ее шляхецкий белоголовъский, сами впрод словы спросными зелживши, зсоромотивъши, одны пястями, другие палцатами бъючи, з дворка и сельца прочъ выганяли и уступит казали, которая, фолги до приязъду малжонка своего просечи, кгды уступитъ не хотела, оную слугомъ и на болший жал и деспектъ подданымъ на земли ростегнувши, киями и дубъцами бити казали, от которого битя кгды ледво живою толко юж зоставала, смертелною быт видечи, до болота за ноги выволочы хлопомъ росказали, што кгды подданые выконываючи, до болота приволокъши, живота позъбавити хотели, отъ чого заледве некоторая служалая челяд отпросили и заумерлую подъ село Киверце отъвезти казали; а в том часе тую маетностку, осаду их, з дворкомъ, з будованемъ, спряты, маетъносткою, домовством, гумном, збожем навезеным и на зиму житом и пшеницею засеяным, оборами, стайнею и в ней будучими конми, двема пивницами з напиткомъ и яривомъ, огороды, з садами и пасекою, все огуломъ, не зносечи их слушне, на себе объняли, а их малжонковъ зъ спокойное посесии и держанья кгвалтовне выбили и вытиснули, а потомъ тую маетность з двором урожоному пану Янови Шибинскому, речи рухомые и кони на пожиток свой обернувъши, до мешъканя и уживаня дали; с которыми о тое выбите, побране маетъности, збожъ, засивков, двору, будуваня и пасеки, коней, яко и збите окрутное смертелное малъжонки своее в судех належных, иле с права належати будет, оферовавшисе правне чинит. На объяснене тое протестации своее тудеж заразъ и возного енерала воеводства Волынъского, шляхетъного Томаша Суету, от мене уряду ему при чиненю дъня вчорашънего словъного оповеданя приданого, очевисто ставилъ, который доброволне созъналъ, ижъ с повинъности своее, за приданемъ моимъ, приспособивши до себе для большого сведоцтва шляхтичовъ двох людей добрых, пана Василя Подгаецъкого а пана Матфея Славинъского, в

року нинешнемъ, дня двадцат четвертого месаца нинешънего ноября, в селе Киверцах был и тамъ в пустувъской халупе, где по том выбитю и отнятю зо всими маетностъки и двору Жабъки панъ Крочевский мешкаетъ, малжоку его помененую Федору Подгаецкую зъ окрутного побитя смертелне хорую видилъ, на которои теле почавши от головы аж до ногъ раны битые киевые, синие и кровю набеглые, барзо шкодливые, и въсю з них опухлую смертелную огледал; которые раны и побите меновала быт сталые от преречоного отца Никодима Шибинского, архимандрита Жидичинского, и капитулы его, такъже слугъ и подданыхъ, з росказаня их, при кгвалтовном наезде и выбитю з маетностки менованое Жабъки часу и дъня выше описаного. И просил, абы такъ тая протестация его, яко и реляция возъного, принятые и записаные были; которые, яко правдивые, я принявъши, записат казал, и естъ записано.

Книга гродск. Луцк. 1623 года, № 2133, л. 711 об.

CCXII.

Заявленіе отъ имени дв. Януша Оборскаго о томъ, что онъ готовъ былъ исполнить послѣднюю волю своей жены Маруши Боговитиновны, завѣщавшей похоронить ее въ Жидичинскомъ монастырѣ, но архимандритъ Жидичинскій Никодимъ Шибинскій, не взирая на его неоднократныя просьбы, отказался позволить это на томъ основаніи, что умершая не была уніаткой. 1624 г., мая 25.

Року тисеча шестсот двадцатъ четвертого, месяца мая двадцатъ пятого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевъское милости Луцъкомъ, передо мъною Яном Козаковичомъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцъкого, ставъши очевисто шляхетный Миколай Сыцерский, возный енералный, именем урожоного пана Януша Оборского сведчил и оповедал се: ижъ его милост пан Оборский, водлугъ тестаменту

малжонки своее, недавного часу с того света зошлое, урожоное панее Маруши Боговитиновны Оборское, которая межи иншими пунъктами и кондициями в нем доложила того, абы тело ее по смерти в манастыре Жидичинскомъ в церкви поховано было, готовъ былъ и хотелъ досытъ чинити тому, стараючисе о то пилно презъ веле посланцовъ и писаня свое, до его милости отца архимандрита Жидичинъского посыланые; лечъ иж того зъ неякои мери отримати не моглъ у его милости отца архимандрита и духовных тамошъныхъ, а то для того, же в унии церковъное не была, оповедившисе их милости паномъ приятелемъ покревънымъ и иншимъ околичнымъ, которыхъ всих зданье было, абы рачей в маетности ее властное дедичное селе Колесникахъ, в церкви презъ оную самую за живота зъбудованой и кошътомъ немалым охендожоной и наданой в мурованомъ гробе положона была, водлугъ звычаю и обърядовъ старожитныхъ церъковныхъ, коштъ на то станови ее зацному належачий важивъши и зъ великою уцътивостю при зъгромаженю людей зацъныхъ велю, с потомъками небожчика пана Чолъганъского Адама, пасербами своими, зъ маетности места и замъку Тайкура до Колесникъ одпровадивъши, тело земли отдалъ дня двадцатъ первого месяца мая, в року теперешънемъ тисеча шестсот двадцатъ четвертомъ. Абы теды зъ якое вери тому тестаментови и остатнее воли помененое панеи малъжонки своеи его милости пан Оборъский не зъдалъсе бытъ противънымъ, оповеданъе тое учинилъ, просечи, абы до книгъ принято было; што естъ принято и записано.

Книга Луцкая гродская 1624 года, № 2446, л. 528.

CCXIII.

Протестъ заставнаго владѣльца Зименскаго имѣнія князей Чарторыйскихъ, п. Гавріила Иваницкаго, противъ занесенной на него отъ имени уніатскаго Владимірскаго епископа Іоахима Мороховскаго жалобы, будто онъ разогналъ монаховъ Зименскаго монастыря и допустилъ праздношатающимся лицамъ разграбить утварь церковную. Отрицая это обвиненіе и объясняя его неудавшимся домогательствомъ епископа Мороховскаго получить въ свое завѣдываніе православный Зименскій монастырь, п. Иваницкій подробно описываетъ плачевное состояніе этой обители, въ теченіе долгаго времени остававшейся даже безъ священника. 1624 года, іюня 28.

Року тисеча шест сот двадцат четвертого, месяца июня двадцат осмого дня.

На роках судовых земских Володимерских, во три недели по светой Тройци, римъскомъ святе, в року звышъ написаном припалых и судовъне одправовати зачатыхъ, перед нами Яном Заленскимъ, судьею, а Петромъ Загоровъскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Володимерскими, станувши обличне урожоный его милость панъ Кгабриел Иваницкий репротестовалсе и протестовал противко его милости ксенъдзу Иоахимови Мороховъскому, владыце Володимерскому, если бы при той протестации стояти хотелъ, которую учинил и занеслъ до книг кгродских Володимерских отец Григорий Лозовицкий, протопопа Володимерский, именемъ помененого его милости ксенъдза владыки Володимерского, противъко мне, такъ же теж и противъко помененому отцови Григореви Лозовицкому, протопопе Володимерскому, который оную учинил именем помененого его милости ксенъдза владыки Володимерского, в тые слова о то: иж его милость ксюндзъ владыка Володимерский часу недавъно прошлого, в року прошлом, ин марцио, присылал до мене повинъного своего, пана Зѣневича, трактуючи зо мною о томъ, абымъ ему признал подаванъе манастыра Земенъского и писмомъ таким, якое бы онъ подал, утвердил. О чемъ я повидел: же бы то было ин детрименътум права дедичъного кнежат их милостей Чарторыйских, учинити того не моглемъ и не важилемъ ся, ведаючи, ижъ светчит сама фунъдация манастыра Зименъского и гробы и написы в церкви и на мурах, иж тот манастыр анътиквитус ест подаваня ясне освецоных

княжат их милости Чарторыйских и державцов од их милости. А кгды того отрымати не моглъ, его милость ксюндзъ владыка Володимерский, взявши перед себеваснъ противъко мне о то, яко мене дошло ведати од приятеля моего, занеслъ протестацию презъ отца Григоря Лозовицкого, протопопу Володимерского, противъко мне, яко бым я мел Мину якогос черца з манастыра Зимна выгнати и якихсъ бегуновъ до него впровадити и яко бы з отухи моее мели антимиссы з олтаровъ повыкидати и подоптати, чого никгды инъ рерумъ натура и в самой речи не было. В способъ теды протестации и репротестации етъ инъ вимъ юстификационис, абы то въ ушах людских конъгеререт, таковую справу тую о собе давамъ, постерегаючи напрод права дедицъства и подаваня дедичовъ тое маетности и манастыра ясне освецоных княжат их милости Чарторыйских и державъцовъ од их милости, такъ теж и права моего, который тую маетностъ Зимно з манастыромъ, зо всим правом, з панованъемъ, в руках своих на тот час маю; а забегаючи тому всему, абым собе и их милости ничого не упустил, в способъ репротестации так се юстификую: иж в року прошломъ тисеча шест сотъ двадцат третемъ, месяца ноября осмънадцатого дня, кгдым тую маетностъ Зимно з манастыремъ способомъ заставънымъ обнялъ, в килъка дний по томъ объпятю приехали до мене гости, их милости панове Халаимове з воеводства Киевского и панъ Матияшъ Ласко Чернъчицъский и панъ Миколай Древинъский, которые для набоженъства хотели быти в церкви, з которыми и я ехалем до манастыра; в котором не застали есмо, толко одну белую голову Тацу, прозвискомъ Безручку, а попа ни чернъца жадного не было и овшемъ пустое было. У которое пыталемъся: если бы ту з духовъное особы хто был? Поведила ми: же „ту пусто стоит и немашъ никого, але я вамъ церковъ одомъкну“, и одомъкнула. А то было дня двадцат четвертого новембра, року тисеча шест сот двадцат третего. Где они пречечоные панове, приятели мои, барзо се тому дивовали и нерядови такому, иж белая голова од церкве ключи носит; зачим я пыталемъ: кто бы церквю заведовалъ? Поведила: иж сут два подданые Зименъские: одинъ Мацко, а другий Олешко Зончикъ, которые заведуют од килканадцати летъ и далей церковъю и апаратами церъковными, и онымъ то од велможного зошлого пана Яна Лагодовъского, кашъталяна Волынъского, поручано; по которых при

оныхъ же панах приятелехъ послалем и пыталемъ се у них: „што то за нерядъ такий, иж белая голова ключи од церкви маетъ“? Поведили: иж „Мина тут был чернецъ, который великие шкоды в будованю манастырскимъ в манастыру починивъши, до села Хмелева давно прочъ пошолъ, который то Мина чернецъ, за неряд пополненый у манастыру Кулемчицъкомъ, од зошлого ксенъдза, владыки Холмского, з поповъства декградованый и службы Божое никгды не одправовал, але иж тут был манастыр пустками на тот час у Зимне, упустил его был велможный зошлый его милость панъ Лагодовъский, капталянъ Волынский, до манастыра, а потом в килка лет, кгды тамъ же неряд якийсъ и ексцес учинил, выгнал его преч з манастыра; а кгды зас заставлено было Зимно зошлому пану Мацееви Суходолскому, иж манастыр был пустый, впустил его был панъ Суходолский до него, и такъ онъ часто одходилъ и приходилъ до манастыра, а особливо на зиму одходилъ, а кгды приходятъ святки Зеленые, теды се ворочал до манастыра, а то для того, абы му се на празнику што пинизей достало; а то и тепер, тое месце пустое зоставивъши, одышол, а ключи при той белой голове Безручце зоставил од церкве; але што се ткне ключовъ од скарбцу, тые мы у себе маемо в повереню“. Зачимъ я, не хотечи, абы тое местце такъ пусто зоставало, розсказалемъ одному с тых, Мацкови, которые о скарбцу заведуютъ, абы ехал до Хмелева до того чернца Мины, жебы до манастыра мешъкати пришол; который згола жадною мерою у манастыру мешъкати не хотел. А в том часе веле люди зацныи до манастыра на одпустъ приеждзали, межи инъшими и ее милость пани Михайловая Оранъская з цоркою своею ее милостью панею Сродзинъскою в мороз, в зимно великое, приехали на одпустъ: манастыр заваленый пустый зостали, где розумеючи, же се то мною деяло, барзо нарекали и на подданных Земенскыхъ, мовечи: „ежели пан не дбает о тое местце, чому вы вжды злые людє о тую церковъ и местце не дбаете, же такъ пусто стоит“? А затымъ тые помененые подданые Зименъские, абы тот манастыр пусто не зоставалъ и шкода през злодее и инъшие люди своволные в немъ не стала ся, впровадили тамъ до часу шляхетного Якуба Походинъского, чловека в летех подейшлого, просечи его о то, абы там перемешъкал и доглядал до часу, нижли ся которая духовъная особа до манастыра трафит мешъкати. Который, за

прозбою их, почавъши од дня двадцатого месяца декабра, недел около десети тамъ мешкалъ. До которого, припужоный непогодою и виялом, его милость ксюндзъ Миколай Пашъковский, каноникъ Луцкий, дня семого февраля позно на ночъ приехал и тамъ у него ночовал у манастыру, а назавтре до мене в домъ приехал и мовилъ зо мною, жалуючи того, же такъ зацный манастыръ пустъкою стоитъ и без набоженства. А в том часе приехал до Зимна в гостину до братьи своих рожоных чернецъ, отчичъ Зименъский, именемъ Генадий, который тамъ и перед тым в том манастыру мешъкал, которого они упросили, абы в том монастыру зостал, з которым потом, абы тое местце не ваковало, оповедаючи ми то, до мене з нимъ пришъли, просечи за нимъ, абымъ оному што хлѣба на выживенъе узычил и ему у манастыру быти позволил. Уходечи теды я суспиции людское, а звласча, ижъ инъшого набоженъства заживамъ, абы о мне не розумено, же о тое местце ничого не дбаю, але рачей рад бым видел, яко мя удавано, же бы пусто зоставало, позволилемъ того всего на прозбу тых подданыхъ и всее громады селъ Зимна и Горичова, упатруючи о то при томъ, же тот чернецъ ест дедич Земенъский и отчичъ тамошний, абы водлугъ права и волности шляхетских, яко обывател и родичъ тутошъний, при томъ местцу зоставалъ, позволил имъ того; кгдыж права статута, конъституцие и привилее такъ на унией, яко инъшие, выразне сутъ о томъ, такъ коронъные, яко теж Волынские и великого князтва Литовъского, же мают быти люде тубылце и оселые у владыцствах и манастырахъ. Который то Генадий, дня дванадцатого февраля, в року теперешънемъ, до того манастыра пришолъ на мешъканъе с килку чернъцовъ. Што ижъ такъ а не иначей ест, якомъ то выписал, але не такъ, яко отец Григорий Лозовицкий, протопопа Володимерский, мене през протестацию до книг донеслъ, противъко которому, яко теж и тому особливе, кто бы се до тое протестации его вязати хотел, итерум адкве итерумъ светчитъ, постерегаючи права ясне освецоных кнежат ихъ милости Чарторыйскихъ дедичного, которое до тое маетности мают, не мней теж особливе и держаня моего, абы мы о конъституцие и права, ясне о томъ учиненые, яко в добрах шляхетских, кгвалту и безправя якого не односилъ и не односили: же бы за учиненъемъ таковое протестации его милость ксюндзъ владыка Володимерский не толко подаваня такого,

до которого тамъ не належит в томъ манастыру шляхецкомъ, але и самое маетности за тым сукцесу темъпорис узурповати не хотелъ собе, светчусе, а особливе о заклад, в конституции заложоный, о десет тисечей золотых, если бы в маетности шляхецкой упорне што чинити хотел, если бы не хотел ся оглядати на права статута и конъституцие, которыми варовано то, абы тые преложоные духовные, которые унию з костеломъ римъскимъ приняли, тым, которые переставати з ними не хочутъ, и взаем з другое стороны тымъ, што въ унии сутъ, жаднымъ способомъ и претекъстомъ опрессией и перенагабаня оденъ другому не чинили, але в покою у владыцствахъ, манастырах, церквях и добрах церковных, под виною десети тисечей золотых, захованы были. О што все, яко ся поменило, репротестовалъ и протестовал, просечи, абы тая его протестация была принята и до книгъ записана, што за прииятемъ нашимъ ест записано.

Книга земская Владимірская 1624 года, № 1200, листъ 225 на оборотъ.

CCXIV.

Донесеніе вознаго о вводѣ игумена Луцкаго братскаго монастыря и всѣхъ членовъ православнаго братства Луцкаго во владѣніе крестьянами въ с. Гуляникахъ съ ихъ землями, усадьбами и проч., на основаніи духовнаго завѣщанія дв. Антонія Сволынского. 1624 года, іюля 30.

Року тисеча шестсот двадцат четвертого, месяца июля тридцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцькомъ, передо мною Яном Козаковичом, буркграбимъ и наместникомъ подъстароства Луцъкого, ставъшы очевисто возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Яхимъ Присталовский, ку записаню до книгъ нинешъних сознал тыми словы: Ижъ онъ року теперешънего тисеча шестсот двадцатъ четвертого, месяца июля двадцатъ семого дня, за приданъемъ уряду нинешънего, с повинности своее, за реквированъемъ велебного отца Герасима и братии его чернъцовъ манастыра Воздвиже-

ния честъного и животворящого Креста братъства Луцъкого и свецких панов обывателевъ воеводства Волынского релии старожитъное греческое, приспособивъшы до себе для лепъшого сведоцътва шляхтичовъ двох, людей добрыхъ, пана Федора Гуляницкого и пана Анъдрея Минковъского, былемъ на справе и потребе пречоное церкви манастыра братъского Луцъкого в селе Гуляниках, в частех зошлого небожчика пана Анътония Сволынъского, такъ дедичъних, яко и заставных, дворках и садидбахъ; тамъ же, заховуючисе во всемъ водле тестаменъту остатнее воли пречоного небожчика пана Анътония Сволынъского, свежо учиненого, водле права справъленого и в кгроде Кременецъком очевисто признаного и записаного, обославъшы и объвестивъшы тамже мешкаючихъ панов опекунов отъ него назначоныхъ, трох опекунов: двохъ панов Гуляницъких, а третего пана Хелповского, опытъ достаточъный о подданых того небожчика пана Сволынского, такъ дедичъныхъ, яко и заставныхъ, учинивъши и до громады одъное зобравъшы и з них трох подданых, водле воли и тестаменту небожчиковского, на сторону, то естъ сынови и доцце належъных, вылучившы, остатокъ ихъ всих подданых, зъ ихъ всими садидбами, огородами и кгрунты, полми, сеножатъмы и волнымъ врубомъ и вездомъ в гае, запусты и дубровы сполные, неделные, Гуляницъкие и во вси зъ нихъ приходячие пожитъки, приходы, чыншы, роботы и подъводы, при очевистой бытности тых панов опекунов назначоных, без контрадикъции вшелякое их, помененый монастыр Луцъкий честного Креста братство менованое Луцъкое, тамъ очевисто будучи, правомъ вечистым водле лекгации небожчиковское увезал и тых всих подданыхъ, мимо тых трох вытятых и вылучоных, зо всимъ их подданством, повинностю и кгрунтами, яко се вышей поменило, с повинности своее до поссесии, владзы, держаня и спокойного вечистого уживаня подал и онымъ повинностъ и послушенъство вшелякое чинити и отдавати приказалъ, которого увезаня и обнятя в поссесию нихто имъ не боронил и спротивенъства ниякого не чинилъ, и такъ менованое братство в спокойномъ обънятю и поссесии зостали. Которое очевистое и правдивое возного сознане за принятемъ моим до книгъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1624 года, № 2447, л. 236.

CCXV.

Письмо кіевскаго митрополита Іова Борецкаго къ царю Михаилу Θеодоровичу и патріарху Филарету объ отправленіи въ Россію іеромонаха Памвы Берынды, протосингела іерусалимской церкви, искуснаго въ исправленіи книгъ. 1624 года, сентября 1.

Богоизбранному и боговѣнчанному и Богомъ вознесенному государу, благочестивому и богодарованному, великолѣпному въсточному цару, милостію Божіею великому князю Михаилу Θеодоровичу, Московскому и всея Россіи самодержцу и иныхъ многихъ Богомъ врученныхъ языкъ, государствъ и царствъ государу, цару и обладателю, и всесвятѣйшему и блаженнѣйшему господину и отцу, отцу отцемъ, господину отцу киръ Филарету Нікітічу, милостію Божіею патріарху Московскому и всея Россіи, господину отцу и пастыру своему.

Іовъ Борецкий, смѣренный митрополитъ Богоспасаемаго града Кіева, съ нижайшимъ до лица земнаго поклоненіемъ, мирно, здраво, в число лѣтъ Маθусалевыхъ, скипетромъ великоя Россійское хрістіанское державы окръмляти и церковныя Христовы люди благочинно, цѣло, честно, словомъ истинны Господня исправляющема, наставляти и о Христѣ Бозѣ непрестанно, нынѣ и вся грядущія вѣки, радоватися желаетъ и Христа Бога молитъ.

Понеже, божественною благодатію въперяемъ, въжделѣ видѣти пресвѣтлыа ваша лица, державнѣйшій пресвѣтлый и благочестивый цару и всеблаженнѣйшій отче отцемъ и великій государу патріархо, смѣренный и благоговѣйный в іеромонасехъ и духовницехъ господинъ Памво Берында, честный протосиггелъ великіа святыа церкве Іерусалимскіа, усрѣдный пособникъ и благоподвижный в дѣланіи и исправленіи книгъ печатныхъ, искусный потрудитель в многихъ въ нашей святой церкви Россійск..., отъ нихже нынѣ самъ в съвершеннѣмъ и ізрядномъ изданіи Бесѣдъ на Дѣянія Апостолскіе пресвѣтлой державѣ вашей являяся приноситъ, его же пресвѣтлаа ваша держава, якъ съслужителя нашего и брата вѣрна, въ всемъ имѣти благоволи и, отъ дръжавы пресвѣтлыа Царскіа обычное благосердіа пожалованіе ему и милость подавъ, къ намъ мирно отпустити сподоби, яко да по сихъ и в святую

Афонскую гору отшедъ ради исправленій книгъ нашихъ отъ тамо сущихъ зводовъ к намъ . . ползу всеа церкве Росскіа принесетъ и еще достодолжный талантъ, възмагаемъ державы свѣтлости вашея благословеніемъ и пожаловачіемъ, Господу Богу усугубить. Которого великодержавному и пресвѣтлому благочестивому и православному величеству царскому престолу и всеблаженнѣйшаго и всесвятѣйшаго господина и пастыря всея Россіи владыки и архіереа молитвамъ и благословенію по благодати Господни предавъ, себе самаго и недостоинства моего всегда должныа молитвы и олтаревыа незабытныа богомоліа повторяа, с до лица земнаго поклоненіемъ, по многу и наипаче вручаю тѣмажде. Отъ богоспасаемаго града Кіева, з обители св. Архистратига Міхаила храма Златоверха. В лѣто бытіа міра 7132, смотреніа же владычня 1624, сентемвріа 1, индикта 20, митрополитства же смиреніа моего в началѣ лѣта пятаго.

Вашего пресвѣтлаго царскаго же и святителскаго величества благопослушный рабъ и молитвенникъ присный, Іовъ Борецкий, смиренный митрополитъ Кіевский, рукою своею, m. pr.

Подлинное письмо находится въ Главномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Копія доставлена въ Коммиссію княземъ Оболенскимъ.

CCXVI.

Судебное рѣшеніе по дѣлу между архимандритомъ Елисеемъ Плетенецкимъ и капитулою Кіевопечерскаго монастыря и наслѣдниками бывшаго воеводы Волынскаго, князя Александра Острожскаго, объ отнятіи и присвоеніи послѣднимъ монастырскимъ земель въ с.с. Городкѣ, Обаровѣ и Лобковщинѣ. 1624 года, октября 16.

Року тисеча шест сот двадцат четвертого, месеца октобра шестнадцатого дня.

На роках судовых земских Луцких, назавтрее по святом Михайле, святе римскомъ, в року звыш написаномъ припалых и судовне отпра-

вовать зачатых, перед нами Иваном Хриницкимъ, судею, а Криштофом, Шимковичом Шклинским, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, прыточила се справа з реестру судового, за прыволанемъ возного, шляхетного Миколая Залевъского, межы велебным в Бозе отцемъ Елисеемъ Плетенецкимъ, архиманъдритом, и капитулою черньцами манастыра Печерского Киевъского, церкви соборное заложеня Пренасвятшое Богородицы Марьи, поводами, а ясне велможною кнежною Катериною Острозскою, цоркою и потомъком зошлого ясне освецоного кнежати Александра Острозского, воеводы Волынского, яко дедичъкою добр нижей помененых, и ясне велможным Томашомъ Замойскимъ, воеводою Киевъским, Кнышынскимъ и Кгонюстскимъ старостою, малжонками,— позваными, за позвом земъским Луцкимъ от поводов по позваных на роки теперешние выданымъ; которые то позваные, будучы от поводов през возного выш менованого по три дни трикрот ку праву прыволывани, не стали и ведомости жадное о нестаню своем судови нинешънему и стороне поводовой не дали; зачым оных, яко несталых и права посполитого непослушных, зумоцованый стороны поводовое урожоный панъ Теодор Сосновъский з допусченя судового в вине статутовой першого нестання, з волным, однак, тое справы арештом до звыклое годины, вздали на позов, который такъ се в собе мает: Жикгимонт Третий, Божю милостю корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Кготский, Вандалский, дедичный корол. Ясне велможной кнежне Катарине Острозской, цорце и потомкови зошлого ясне освецоного кнежати Александра Острозского, воеводы Волынского, яко дедичъце добр нижей помененых, а ясне велможному Томашови Замойскому, воеводе Киевскому, Кнышынскому, Кгонюстскому старосте, малжонкови и опекунови, верности вашое, с притомностю помененого малжонка, яко опекуна малжонского верности вашое, зо всих добр верности вашое лежачых и рухомых приказуемъ, абы верность ваша перед судомъ земским Луцкимъ, на роках земских Луцких, в року теперешнем тисеча шест сот двадцат чотвертомъ, на завтрее по Святомъ Михайле, святе рымскомъ, припадаючых и сужоных, в замку нашом Луцкомъ стали на жалобу и правное попиране в Бозе велебного отца Елисея Плетенецкого, архиманъдриты, и капитулы чернцов манастыра Печерского Киевского, церкви соборное заложеня пренасвятшое Богородицы Марьи,

которые верностъ вашу позывают о то, иж впрод зошлый помененый княжа Александер Острозский, воевода Волынский, а потом малжонка его зошлая княжна Анна з Штемберку, отец и матка верности вашое, воеводиная Киевъская, розных часов, роков, месецей и дней кгрунты церковъныи именя манастыра Печарского Киевского, села Городка и приселков до него належачых Объварова и Лобъковсчызну, которого от давных часовъ, то ест от даты листу привилею славное памети княжны Марьи Семеновое Васкевича Ровенское и княжати Константина Ивановича Острозского данины и записаня помененых имений на церковъ Божую манастыр Печерский антецесорове теперешних поводов въ спокойной поссесыи, держаню и ужываню были,—пропомневъшы права посполитого и на вины, в немъ описаные, ничого не дбаючы, упорне, кгвалтовне и безправне помененых добр Городка, Обарова и Лобъковсчизны кгрунты, поля, волоки и межи поорати и попсовати росказали и немало кгрунту церковъного помененых добр, полъ пахомых, сами през себе, слуги и подданые свое посягнули и до кгрунту своего Ровенского селъ и приселков до ровного права прилучыли ку пожитку и ужываню своему, то естъ в одной руце волок двадцатъ семъ, а в другой руце волок семънадцатъ и селисче Лобъковсчизну, где первей село было, и кгрунт до того селисча належачый увес, яко сам в собе в границах своих мает, моцно кгвалтомъ отняли и осягнули; которых то кгрунтовъ, яко отец и матка верности вашое в ужываню были, такъ и верностъ ваша, пани воеводиная Киевская, з малжонкомъ своим, яко потомкове и сукцесорове ихъ, тепер естесте, ку великой кривде и шкоде церкви Божее то чинячы, которых шкод про неужыване тых кгрунтовъ през такъ долгий час поводове шацуют на двадцат тисечей золотых полских, албо яко суд вскажетъ, кгрунту в то не инклюдуючы; о чом ширей протестацыя и реляцые возных засвежа почыненые ширей и достаточней в собе объмовляют. До которых поводове прихиляючы се и тот позов свой стосуючы, верностъ вашу до показаня права, если бы продкове верностей вашых, а по них верностъ ваша на пречоные добра мели, роспартясе о важности ихъ, с которых если бы и сума якая слушная показала, до поднесеня оное, а за тым до уступеня и привернения тых добр кгрунтовъ до манастыра знову в держанъе поводов, также до заплаченя винъ, в праве описаных, и до нагороженя

шкод выш помененых и до одосланя тое справы на поле до подкоморого и проваженя поводом акторату и направеня границ старовечных, през продков верности вашое попсованых, до поновеня копъцов старых, где бы были, а до усыпаня новых, где потребъные быти мают, на рокъ выш написаный тымъ позвом позывают. Про то, абы верностъ ваша стали на то все и, што часу права от стороны поводовое деклsровано будет, правне отповедали и усправедливилисе. Писан у Луцку, року тисеча шест сот двадцат четвертого, месеца июля десятого дня. Которого вздания, иж позваны, будучы о године звыклой до арешту тое справы през тогож возного прыволывани, не арештовали и арештовати не хотели, про то суд нинешний земъский Луцкий, за нестанемъ позваных, а за домовенемъсе и правными поступъками стороны поводовое, прихиляючы се в том до права посполитого, в далшом тое справы поступъку вину статутовую першого нестания поводом на позваных вказует и присужает, и кгды повторе о тую реч, в позве менованую, от поводов будут запозвани, впрод вину першого нестаня поводом заплатити, а потом на речъ, в позве выражоную, отповедати мают и будутъ повинни. Што все для памети до книгъ ест записано.

Книга земская Луцкая 1624 года, № 2823, листъ 900 на оборотъ.

CCXVII.

Жалоба дв. Юрія Некрашевскаго о томъ, что монахи Луцкаго братскаго монастыря силой отняли изъ рукъ палача ведомаго на казнь преступника Ивана Волошина, приговореннаго судомъ къ повѣшенію за воровство. 1625 года, генваря 10.

Року тисеча шестсот двадцат пятого, месяца генваря десятого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мъною Яном Козаковичом, буркграбим и наместником подстароства Луцкого, становъши очевисто урожоный пан Ерий Некрашевъский сведчил и соленитер протестовалсе напротивко велебнымъ в Бозе отцу

Герасимови игуменови, яко старшому, чернъцомъ того манастыра брацкое церкви и иншимъ помочником и бунтовникомъ, которымъ имена и прозвиска они лепей ведают и знают, о то: иж тые помененые чернъцы з брацства Луцкого, не огледаючисе ничого на право посполитое и вины в нем описаные, смели и важилисе, зобравши и прибунътовавши до себе людей люзных, по месте ходячих, не мало, въ року теперешнемъ тисеча шестсотъ двадцат пятом, месеца генъваря десятого дня, злодия и здрайцу протестуючого на йимя Ивана Волошина с Красного, которого первей тыеж чернъцы, по вказаню на горло, окупити хотели и тридцат золотых протестуючому, абы вызволилъ того злодия, давали, который южъ былъ през декрет замковый кгродский Луцкий первей на квестию, а потом южъ и на остатнюю екзекуцию, то ест на шибеницу, през мистра и при цехах местских Луцких дорогою звычайною през место проважоный, и кгды южъ противъко манастыра церкви брацкое Луцкое приходили, там же тые менованые чернъцы и з ыншими помочниками и бунътовниками своими, порозумевшисе перед тым з ними, выскочивши сами особами своими и с помочниками своими на улицы, того вышъменованого злодея зъ рукъ мистровыхъ одъняли и моцно кгвалтомъ одбили, екзекуции и справедливости загамовали; который злодей починилъ шкодъ такъ самому пану Некрашевъскому, яко и иншим не мало; през то въ вины попали и до шкодъ протестуючого, которых собе на золотых чотыриста полскихъ шацуетъ, приправили, о што зоставивъши волное чиненъе собе ширшое протестацыи и тое поправене, еслибы того потреба указовала, оферовалъсе правъне чинити. Якож зараз, верификуючи тую протестацию, ставил возного енерала шляхетного Станислава Пяновъского, который урядовне был приданый для прислуханясе тое справы, который ставъши очевисто, сознал тыми словы: иж кгды проважоный был Иванъ Волошинъ на екзекуцию, то естъ на шибеницу, тамъ кгды приходилъ мистръ и с тымъ Волошиномъ ку церкви манастыра брацкого Луцкого, выскочивъши чернъцове зъ форты з манастыра сами особами своими и з ыншими помочъниками и бунтовъниками своими, тамже того Волошина злодея, правом переконаного, съ рукъ мистровых одняли и моцъно къгвалтомъ одбивъши, до себе до манастыра его взяли и одпровадили; што ижъ такъ а не иначей было, помененый возный правдиве быти созналъ и о том прав-

диве реляцию свою учинилъ. И просил протестуючий, абы тая протестация и возного реляция принята и до книгъ записана была; што за принятемъ урядовымъ ест записано.

Книга гродская Луцкая 1625 года, № 2448, л. 56.

CCXVIII.

Письмо Іова, игумена Густынскаго монастыря, къ царю Михаилу Өедоровичу объ отправленіи къ нему монастырскаго келаря Иларіона съ просьбою о милостыни. 1625 года, генваря 18.

Единыя святыя православныя Християнския вѣры и восточныя церкве нашея единому благочестивому и благовѣрному христолюбивому царю, государю и великому князю Михайлу Өеодоровичу, всея Росии самодержцу, иныхъ многихъ земль господарю и обладателю, азъ нищий и убогий богомолца твой, иеромонахъ Иовъ, игуменъ манастыра Густынского общежытелного подъ Прилуками, храма Пресвятыя Жывоначалныя и нераздѣлимыя Тройцы, со священноиноки, еродѣяконы, старцы и прочыми послушниками, богомолцами твоего царскаго величества, нижайшее поклонение до лица земного сотворивши, отъ иже всѣми царствующаго Христа Бога, при благоденьствии мира, здравия и многолѣтнаго со благополучениемъ радостнотворнаго здѣ пребывания и одолѣния со побѣдою на супостаты, твоему царьскому величеству со боговѣнчанною ти благовѣрною, Христолюбивою царицею, здѣ достойно и богоугодно царьствовавши, вѣчного и нетлѣнного царьствия Христова молимъ и молити должни твоему царьскому величеству сподобитися.

Извѣстно ти, мнимъ, вѣдѣти, велико-державный государю, нашого рода належащее обстояние Лядское державы надъ нами и властъ, грѣхъ ради нашихъ, яко хотящимъ благочестно, по древнему православия взаконению, жытелствовати и хвалу Господню желающихъ размножати, бѣдно пребывание; никтоже бо, благочестия держася, отъ короля милостыни сподобляется, князей благочестивыхъ мало, на самой точию милости Христовой жительствуемъ. Сего ради дерзнухомъ черезъ брата

нашого Илариона, келаря монастырского, величеству твоему бити челомъ о милостыню на манастырское строение и на украшение церковное. А мы, нищие и убогие, должни будемъ всегда в недостойныхъ нашихъ молитвахъ памятствовати, дабы мирно державу царьства твоего Господь Богъ сохранялъ и тебе, благовѣрного господаря, во благоденствии со боговѣнчанною ти и благовѣрною царицею на многа лѣта для размноженья хвалы его святое держалъ. Писанъ въ манастыру Густыскомъ общежителномъ подъ Прилуками храма Пресвятыя Живоначалныя Троицы, отъ создания мира року 7133, а еже по плоти смотрения Христова 1625, генваря 18 дня.

Величеству твоему, благочестивый царю, богомолцы уставичные, недостойный во еромонасехъ многогрѣшный Иовъ, игуменъ манастыря Густынского, со всею еже о Христѣ братіею, твоему царьскому величеству низко чоломъбитье творимъ.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Копія доставлена княземъ М. Оболенскимъ.

CCXIX.

Письмо игумена Лубенскаго Преображенскаго монастыря Василья къ царю Михаилу Θеодоровичу съ прошеніемъ вспоможенія для церковнаго строенія. 1625 года, генваря 20.

Благовѣрному государю, царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, всея Русси самодержцу і иныхъ многихъ государствъ государю и обладателю, азъ многогрѣшный богомолца твой, великий государю, игуменъ Василий со священники и диаконы и старцы, богомолцами твоими, з манастыра Лубенского, обители Преображения Господа Бога и Спаса нашего Іесусъ Христа, бъемо чоломъ, моляще всемилостивого Спаса даровати тебѣ миръ і одолѣние на супостаты і многолѣтное здравие, со всякимъ благополучениемъ, со боговѣнчанною ти благовѣрною и христолюбивою царицею, зде достойно и праведно царствовавши, і небесного вѣчного царства отъ Христа Бога, яко нищие и убогие богомолцы вашей царской милости, сподобитися желаемъ. Жителствующе мы,

убогие богомолци твои, христолюбивый православный царю, близь предѣлъ Богомъ наданыя ти державы, надъ рекою Сулою, на красныхъ горахъ, в лѣсѣ прозываемомъ Мгаръ, за благословениемъ боголюбивого епископа і преосвященнаго ексархи Ісаия Копинского, богомолца твоего, на самой точию милости Христовой ни от кого не имуще жалованья, слышаще жь и видяще всегда з далекихъ странъ и зъ нашея Литовския земля многыхъ яко къ неисчерпаемому источнику грядущихъ и черплющихъ жалованья твоего милость, послахомъ и мы къ твоей милости, великодержавному государю царю і великому князю Михаилу Өеодоровичу, всея Руси самодержцу, брата нашого священноінока Генадия, при посланцу господина нашого епископа Ісаіа, бьючи чоломъ вашей царской милости о жалованье на создание церкви и на украшение и на строение монастырское, да сподобившеся твоего жалованья, милостивый царю, и мы убогые и грѣшные, яко же творимъ за повелѣниемъ господина епископа нашего и творити должни будемъ всегда, въ недостойныхъ нашихъ молитвахъ, о вашой государской милости со боговѣнчанною ти благовѣрною царицею и великимъ государемъ святѣйшимъ отцемъ господиномъ патріархомъ, і вкупѣ равночестной и благородной великой государынѣ інокинѣ Мароѣ, матери твоей, великий государь, памятствовати; прочее и вторицею вашой государской милости, милостивый царю, свою худость вручаемъ. Писанъ въ манастыру Лубенскомъ, прозываемомъ Мгаръ, во обители Преображения Господа Бога и Спаса нашого Ісусъ Христа, року отъ сотворенья мира 7133, а отъ еже по плоти смотрѣния Христова 1625, мѣсяца генваря 20 дня.

Вашей царской милости уставичные богомолцы и рабы бъемо чоломъ. Многогрѣшный игуменъ Василий еже со всею о Христе братиею.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Копія доставлена княземъ М. Оболенскимъ.

CCXX.

Письмо членовъ православнаго Кіевскаго братства къ царю Михаилу Θеодоровичу съ просьбою о пособіи для покрытія желѣзомъ и украшенія иконами строющагося храма Богоявленія Господня. 1625 года, апрѣля 10.

Богоизбранному, Богомъ почтенному, Богомъ превознесенному, богомудрому, великодръжавному, всесвѣтлому и благочестивому господарю, царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, великодръжавного царства Московского и всея Россіи и странъ и ордъ, тому царству и области подлежащихъ, великому самодръжцу, непреклонному Бога любителю, благочестія истинному рачителю и не возбранному, пачеже обилному требующимъ благодателю, метаніе до лица земли сотворше, здравія, мира, длъголѣтнаго со всякимъ благополучіемъ на царствѣ пребыванія отъ вышняго десницы величеству его молитствующе, желаемъ.

На утвержденіе благочестія и православныя апостолскія и отческія вѣры, такожде на твердѣйшее отраженіе и отгнаніе ересей в церковь Божію отъ врага всѣхъ общаго діавола насѣянныхъ, мы христіане различныхъ сановъ, достоинствъ и упражненій суще, въ единство любве и въ тождество духа совѣтомъ, благодатію и помощію святыя живоначалныя Троица, в единствѣ покланяемыя, благословеніемъ же и грамотнымъ утвержденіемъ святѣйшого вселенского патріарха Константинополского, паче же у насъ бывшаго святѣйшаго патріарха Іерусалимского киръ Θеофана и нашего Кіевского благочестивого митрополита киръ Іова Борецкого и прочиихъ епископовъ православныхъ россійскихъ, совокуплшиися, понеже слышахомъ и нынѣ отъ многихъ извѣщаемся в великодръжавномъ господарствѣ великія Россія твое величество, пресвѣтлый и самодръжавный царю великій князе Михаиле Θеодоровичь, в благочестивой отческой вѣрѣ сияющаго, во всѣхъ добродѣтелехъ превосходно цвѣтущаго, паче же в милованіи ко ближнимъ, странникомъ, помощи требующимъ, благоувѣтлива суща и преизобилна, посылахомъ со дръзновеніемъ ко величеству ти царскому молебныя наша грамоты, во еже улучити милость и помощъ. Но понеже посланницы наши возбранены суть и препяты в Путивлю, яко не возмощи имъ внутрѣ царства внити и пресвѣтлому величества твоего лицу, со грамотами и худыми нашими дары, со смиреніемъ пред-

стати, его же аще и не улучихомъ, обаче отславши ко величеству твоему грамоты, посланницы наши милостыню отъ величества твоего сорокъ соболей, присланую во Путивль, пріаша и намъ зде до святой нашой обители принесоша, ею же милостынею помощь приемше, церковь до верха уже возведохомъ, и за сію милостыню, лицемъ земля касающеся, великодръжавному ти величеству благодареніе, елико отъ насъ мощно, воздаемъ, Господа день и нощь моляще, да стократнымъ нынѣ, вѣчнымъ же в будущее воздаяніемъ будетъ величеству твоему. Но понеже грамоту благословенную святѣйшого патріарха Іерусалимскаго киръ Ѳеофана ко вашему величеству во свѣдитилство послахомъ и тамо оставися, патріархъ же повелѣ и запрѣти, да тая грамота отъ насъ николи же не отлучится, но пребываетъ с нами не отложно, паче же мы сами зѣло почитаемъ и за многоцѣнный имамы бисеръ благословеніе животдателнаго гроба Христова, иже есть в Іерусалимѣ, отнюду же, по пророку, изыде законъ и слово Господне: сего ради паки посылаемъ ко величеству твоему, вседръжавнѣйший царю, брата нашего чесного инока Ѳеодора и с нимъ послушника Івана Матѳѣева, моляще прилѣжно, прежде убо да величество твое тую нашу отъ святѣйшого патріархи грамоту повелитъ намъ возвратити, посемъ же, да обычнымъ своимъ благоутробіемъ и еже ко требующимъ теплымъ милованіемъ, насъ паки, паче же церковь Божію, ущедрити величество твое изволитъ; храмъ бо Богоявленію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже на Іордани, и Благовѣщенію Пречистой его Богоматере и преподобныхъ отцемъ нашимъ Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ въ самомъ градѣ Кіевѣ здатися зачатый и уже, благодатію Божіею и помощію милостынною величества твоего, сооруженный, еще безъ покрова и иконнаго украшеніа пребываетъ, в семъ же совершитися скудости ради нашея не можетъ. Тѣмъ же тщаніемъ и великимъ желаніемъ всесвѣтлаго величества твоего молимъ, изволи намъ даровати и препослати милостыню, да возможемъ храмъ той святой, пять бань имущий, бѣложелезіемъ покрыти и иконами честными украсити. Господь же величество твое, всесвѣтлый царю, возлюбившаго благолѣпіе дому его и мѣсто селеніа славы его, благословити, многоденствити, цѣла, здрава и мирна, во великовластной дръжавѣ твоей, сохранити благоизволитъ, его же отъ сердца желаемъ и Господа Бога выну молитствуемъ. Аминь. Въ богоспасаемомъ

градѣ Кіевѣ, в лѣто отъ созданія миру 7133, отъ воплощеніа же Бога Слова 1625, индикта 8, мѣсяца априля дня 10.

Всесвѣтлому твоему царскому величеству присныи богомолцы и раби нижайшии,

Вси о Христѣ братіа православныи братства церковного Кіевского духовныи купно и мирстии.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Копія доставлена княземъ М. Оболенскимъ.

CCXXI.

Письмо членовъ православнаго братства Кіевскаго къ Московскому думному дьяку Ивану Грамотину съ просьбой истолковать царю Михаилу Θеодоровичу значеніе малороссійскихъ церковныхъ братствъ и исходатайствовать у него пособіе для окончанія начатой постройкою церкви братской. 1625 года, апрѣля 10.

Благородному, премудрому и благочестивому господину Ивану Тарасовичу Грамматину, великому и думному писару великодръжавного государя царя и великого князя Михаила Θедоровича, всея Россіи самодръжца, здравія, благоденствія, мира и спасенія, нижайшее творяще поклоненіе, отъ Господа Бога усердно вси купно желаемъ.

Искусенъ сый твое благородіе и в нашея земли обычаяхъ, благочестивый господине Иване Тарасовича, что есть еже в нашей земли братство православныхъ; яко братство нарицается, егда христіане православныи, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ Ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничтоже смѣсно имѣти, сами со собою любовию совокупляются, имена своя воедино списуютъ и братіами нарицаются, се же да тврдѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ. Сие братство и мы, граждане и благороднии, духовныи и мирстии во градѣ Киевѣ, идеже иновѣрство возрастаетъ, сотворше, монастырь инокомъ и церковь велиимъ иждивениемъ храмъ Богоявленія Господня иже на Іордани, Благовѣщенія пре-

святыя Владычицы нашея Богородица и преподобныхъ отецъ нашихъ Антонiа и Ѳеодосiя печерскихъ, здати начахомъ, и не могуще скудости ради нашея во совершение толикаго дѣла привести, посылаемъ з монастыра нашого честного инока киръ Ѳеодора и с нимъ послушника Iоана Матѳѣева ко величеству великодрьжавного господаря, царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россiи самодрьжца, да насъ милостинею си царскою и обычнымъ милованiемъ, еже ко требующимъ никогда не возбраннымъ, ущедритъ и пожалуетъ, еже и сотвори уже, приславъ намъ мимошедшаго лѣта сорокъ соболей, да послетъ ему Господь милость съвыше. Но понеже многа намъ еще не достаютъ, сирѣчь покрова и иконъ честныхъ, паки послати таможде дрьзнухомъ, вѣдуще неоскудну благодать величества его. Но понеже благородие ти премудрь сый и еже ко требующимъ милости благоувѣтливъ и ко величеству царскому ходатайственъ, можешъ намъ помощи, молимъ усердно благородiя ти, прежде убо, аще восхощетъ великодрьжавный царъ увѣдѣти, что есть братство, истлъкуй его величеству, яко истинныи суть поклонницы христовы, благопостоянные поборницы за благочестiе и во плоти суще страдалцы; посемъ ходатайствуй намъ милости у царскаго величества, да церковь, отъ насъ здатися зачатая, и в совершенiе прiити возможетъ, сирѣчь да бѣложелѣзiемъ покрыется и иконами честными украсится, посланницы жъ наши да не вотще будутъ. Господь Богъ десницею своею царскому его величеству возмездитъ и ваше благородiе, толикаго ради къ намъ усердiя, благословитъ. Мы же непрестанно Господа Бога о дрьжавѣ его, мирѣ, здравiи и длъголѣтнемъ пребыванiи молитствовати будемъ. В богоспасаемомъ градѣ Кiевѣ, в лѣто отъ созданiа миру 7133, отъ воплощенiа же Бога Слова 1625, индикта 8, мѣсяца априля дня 10.

Твоему благородию присныи молитвеницы и раби нижайшии вси братiа православныи братства церковного Кiевского, духовные и свѣтскии.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Копiя доставлена княземъ М. Оболенскимъ.

CCXXII.

Жалоба монахинь Черничицкаго православнаго Преображенскаго монастыря на дв. Яна Цетиса о нападеніи на домъ ихъ священника, стрѣляніи на церковь и другихъ обидахъ, чинимыхъ имъ монастырю. 1625 года, мая 5.

Року тисеча шестсот двадцат пятого, месяца мая пятого дня.

Писали и присылали до уряду и книг кгродских Луцких, в замокъ короля его милости Луцкий, до мене Теодора Кузмича, наместника подстароства Луцкого, велебъныи пану Богу отданые панъны законные монастыра Чернъчицкого заложеня Преображения панъского, шляхетного Криштофа Миштура, жалобливе скаржучи и протестуючи се на пана Яна Цетиса, на Чернъчичахъ мешъкаючого, о то, ижъ он, не контентуючися першими кривдами, деспектами нас самыхъ законниц, битем, мордованъем убогих подданых нашыхъ манастырских и инъшими, стрелянем, галасованем на манастыр, о которые протестация перед тым до уряду зашла, а другие ръкомо то за упокоренем ся оного з покорности нашое законное на тот час были пропусчоные, але и теперъ жал до жалу, кривду до кривды придаючи и причиняючи, дня оногдашънего второго мая, не огледаючися ничого на право посполитое и вины в нем описаные, взрушаючи покой и безпеченъство монастировъ и особъ духовных, при нихъ мешъкаючихъ, правомъ варованый, сам особою своею и с пахоликами своими, ему по именах добре ведомыми, арматно, не ведати яким духом будучи уведений, кгвалтовне нашол на дом духовного нашого велебъного отца Иоанна, презбитера нашого монастыра Чернъчицкого, при манастыре мешъкаючого, хотечи оного, яко того ведомост певъная ест и од него самого з уст слышано, с того света сгладити, тамъже в дому его самого свесченика и жону его словы усчипливыми лжучи, соромотячи, всюди по дому его и другихъ хлопов шукал, зачим свесченикъ нашъ, видечи таковый кгвалтъ, ледво тыломъ до манастира нашого здорове свое отнеслъ, а однакъ и до того часу для учиненя одповеди и пофалки не естъ безпеченъ здоровя своего. А по тым в неделю рано дня въчорайшого четвертого мая, коли есмо ютрънелю и набоженъство нашое с тым же свесчеником и другими людми одправовали, тут под монастыр подшедши, килка раз умыслъне, на

зневагу Божую и нас законницъ и релиеи нашои старожитнои кгрецкои, на церковъ, въ которой есми ютръню отправовали, стрелил и галасовал; о што все, иж великие кривды и утрапенъе нашое от того то пана Цетиса мы законницы духовныи, нашъ монастыр и подданые наши поносят и жал великий, противко пану Цетисови светчимысе и протестуемы, оферуючися з нимъ о то правне чинити, просечи, абы тая протестация была принята и записана. Которая за принятъемъ моим урядовым до книг кгродских Луцъких ест записана.

Книга гродская Луцкая 1625 года, № 2449, л. 40 об.

CCXXIII.

Краткая жалоба епископа Луцкаго Ереміи Почаповскаго и его капитулы на ксендза Гіацинта Любонскаго, пріора Луцкаго доминиканскаго монастыря, о нападеніи на церковь св. Дмитрія въ Луцкѣ и грабежѣ церковной утвари. 1625 года, мая 31.

Року тисеча шест сот двадцатъ пятого, месяца мая тридцатъ первого дня.

На рокахъ судовых земских Луцкихъ, на завтрее по Святой Тройци, святе римском, в року звышъ написаномъ припалых и судовне отправовать зачатых, перед нами Иваном Хриницким, судею, а Криштофом Шимковичом Шклинским, подсудком, врядниками судовыми земскими Луцкими, становши очевисто велебные отцове Исакий Вичинский Покровский, а Евфимий Остеневский, церкви катедралное Луцкое уставникъ, презвитерове с капитулы владыцства Луцкого, пилне ся сведчили имснем превелебного в Бозе его милости отца Иеремеяша Почаповского, ексарха и епископа з ласки Божое Луцкого и Острозского, и именем всее капитулы, напротивко велебному ксендзу Яцинктови Любонскому, приорови кляштору Луцкого Доминиканского, и всей братьи его отцов доминиканов, за взятемъ ведомости певное о найстю кгвалтовном дня оногдашного двадцат четвертого месяца мая на церковъ

святого Дмитрия, в замку тутошнем будучую, владзы, диспозицисы и подаваня их з веков подлеглую, отвартъю и отбитю се кгвалтовном, побраню и выграбеню з нее скарбов: злота, сребра, келихов, крижов, антимисов, сосудов, аппаратов, орнатов, риз, евангелий, коштовне оправных, книг вшеляких и справ, привилеюв, фундушов и листов розных, на остатокъ едздоков всих и над то замкненю, запечатованю и мере выбитю з нее, вкротце о том осведчене и протестацию до книг занесши, а ширшое и досконалшое волное самому его милости отцу владыце и капитуле, за данем знати о том, чинене зоставивши, о придане очевистое возных до оглядания от них того замкненя, запечатованя, зграбеня и набоженства волного заброненя имере отнятя и выбитя их з нее просили, от которых, яко въ речи правдивой, тое вкоротце осведчене чиненое мы, судъ, принявши, возных двох енералов, Юзефа Заблоцкого и Петра Рокгалю, с повинности нашое придали. И то все до книг записать росказалисмо, и естъ записано.

Книга земская Луцкая 1625 г., № 2824, л. 282.

CCXXIV.

Судебное преніе между епископомъ Луцкимъ Ереміей Почаповскимъ и капитулой его съ одной стороны, а ксендзомъ Луцкаго доминиканскаго монастыря Ипполитомъ Гулевичемъ и иными лицами съ другой о присвоеніи последними церкви св. Дмитрія въ замкѣ Луцкомъ и принадлежащаго къ ней имѣнія с. Коршовца. 1625 года, іюня 2.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ пятого, месеца июня второго дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, назавтрее по святой Тройцы, святе римскомъ, в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне одъправовати зачатыхъ, перед нами, Иваномъ Хриницкимъ, судъею, а Криштофомъ Шимъковичом Шклинскимъ, подсудъкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, приточилася справа зъ реестру судового, за приволанъемъ возного, шляхетного Миколая Залевского, межи пре-

велебнымъ въ Бозе отъцемъ Еремиашемъ Почаповъскимъ с Почапова, екгсархою, епископомъ Луцкимъ и Осътрозкимъ, и всею церквы головное Луцкое капитулою, клирошаны—поводами, а велебным въ Бозе ксенъдзомъ, Гиполитомъ, першимъ именемъ Дмитромъ Гулевичом, закону светого Доминика, не ведати за якимъ правомъ и овшемъ упорне церквы заложенья светого Дмитрия и добръ до тоежъ церъквы належачихъ, села и двора Коршовца, деръжачимъ, зъ бытностъю и притомностъю въ Бозе велебного ксенъдза Яцинкта Любонъского, преора кляштору Луцкого Доминиканского, и урожоными Бокгуславомъ и Юремъ Гораинами, панною Александрою Гораиновною, сынами и цоръкою некгды урожоное зошлое Пелокгии Гулевичовъны. Яновое Гораиновое, подсудъковое Кременецкое, зъ бытностью и притомностью преречоного урожоного Яна Гораина, подъсудъка Кременецкого, яко отъца и прирожоного опекуна их, такъ же урожоными Галжкою Гулевичовною Вацлавовою Зубъцевскою, городничиною Луцкою, зъ бытностъю и притомностъю преречоного малжонка ее и преречонымъ въ Бозе велебнымъ ксенъдзомъ Гиацинктомъ Любонскимъ, преоромъ, и всею братъею отъцами доминиканами кляштору Луцъкого, костела пренасвятшое Панъны Марии, и урожонымъ Анъдреемъ Загоровским, дворанином его королевское милости, и инъшими всими сокъцесорами и поссесорами добръ менованыхъ Коршовца, позваными за декретомъ земскимъ Луцкимъ на рокахъ светомихалскихъ, в року прошломъ, тисеча шест сотъ двадъцатъ четвертомъ, сужоныхъ, на теръмине з позву припадаючомъ межи вышъ меноваными сторонами учиненымъ, въ справе през поводовъ позванымъ инътенътованой о то, ижъ позваные помененую церъковъ светого великого Мученика Христова Дмитрия, в замъку околъномъ Луцкомъ будучую, и добра до тое церквы зъдавна належачие, село Коршовецъ, зъ дворомъ, з бояры, зъ людми, зъ ставомъ, зъ млыномъ, зъ гаями, запустами, дубравами и з инъшими приналежностями, не ведать за якимъ правомъ и овшемъ безправне, упорне и кгвалътовне держатъ и уживаютъ, подданыхъ, беручи з нихъ незвычайные податки и въ подъводы частые помыканя, розогнали, гаи, дубровы, запусты попустошили, и тепер пустошатъ; а поводомъ, которымъ дозор и шафунокъ церквями и добръ церковныхъ належитъ, пустити и уступити не хочутъ, ку шкоде ихъ немалой, которое собе шацовали на пятъ тисечей копъ грошей

литовскихъ, алъбо яко бы судъ наказалъ, заховавши теды поводове собе волное чиненъе правомъ о розогнанъе подъданыхъ, спустошенъе тыхъ добр и о инъшие кривды на вышъ менованые роки земские Луцкие светомихалские, толъко до уступенъя собе тое преречоное церквы и добръ до нее належачихъ, Коршовца, и до нагороженъя шкодъ. Кгды за позвами тамъ на тыхъ рокахъ, судъ земский Луцкий, по конътроверсияхъ сторонъ обохъ, позволилъ позвалымъ диляции на мунименъта, с которых показовали в той справе евикътора, од которого декрету умоцованый поводовъ тую справу през апеляцию на трибуналъ суженя воеводства Волынского повету Луцкого рокомъ захованымъ безъ припозву выточилъ былъ, которое апеляции поводове одъступуючи, а конътенътуючи се декретомъ земъским Луцкимъ, позваныхъ на теперешние роки земские Луцкие досытъ учиненъя диляции, на показанъе муниментов позволеное, позвомъ листовнымъ припозвали, о чомъ тотъ декретъ и припозовъ ширей в собе маютъ. На року тогды нинешнемъ, слушне въ той справе припаломъ, позъваные, по прочитанъю декрету на прошлыхъ роках земскихъ Луцких ферованого, од которого поводове до суду головного трибуналу Любелского апеляцию инътерпоновали, одъ которое уже одъступили и знову припозвали, конътенътуючисе выврокомъ, просили, абы рецессу того показали реляцию, иначей в непоказанъю жадал одъ термину уволънenъя, далшие обороны правные вцале собе заховавши. А поводъ, на афекътацию позваныхъ, вынесенъя того припозву и року слушне за нимъ припадаючого реляциею авътенътичъною возного правне доведъши, и то, же позъваные на прошлых рокахъ взяли собе диляции на мунименъта, зъ которыхъ маютъ указати свое евикторы стороны добра церковного Коръшовъца, одъ чого, за позволенъемъ имъ тое диляции, ачъ акторове были рушили, однакъ одъступуючи одъ апеляции, перестаючи на декрете том, до досытъ учиненъя диляции на тые роки припозвали, што указавши, просилъ, абы позванымъ диляции досытъ чинити и справоватисе наказано было. Судъ нинешний земский Луцкий, конътроверсий сторонъ обохъ: поводовое перез шляхетного пана Яна Прекгалинского, а позваное ксендза Гиполита Гулевича и всее братъи отъцовъ доминикановъ Луцкихъ през велебного ксендза Яцка Любонъского, преора Луцкого, пана подъсудъка Кременецкого самого, а пана Вацлава Зубъцевского, городничого Луцкого, тежъ самого оче-

висто и за моцъю од малжонъки его, а пана Анъдрея Загоровского през умоцованого его, шляхетного пана Павла Вышковского, до суду нинешнего вношоныхъ, выслухавши и оных добре вырозумевши, ижъ поводъ рокъ позваному довелъ, сторонамъ росъпиратисе наказуетъ. Потомъ, досытъ чинечи, позваные диляции на мунименъта, зъ которых бы се евиктор показалъ, въ прошлые роки земъские, за взятем дедуковали: записъ одъ Юшчовского на дворъ и пляц зознаный, потомъ и другий одъ Ивановича Гулевича такъ же на пляц и церковъ, названую Димитровскою, учиненый, третий на село Коршовецъ од Чогодаевича, такъ же власного того села дедича справленый, вси записы зъ достатнею евикциею. А што се ткнетъ инъстанции, которую поводъ, буречи евикцию, внеслъ, теды ему же такъ солъвуетъ, же тая диляция не на мунименъта, але на евиктора спецификованого огулъного естъ взята, зачимъ який колъвекъ заступца з муниментъ показуетсе, теды въ той мере досытъ же чинитъ диляции, просечи, абы был при своих оборонах захованый. А умоцованый поводовъ, на указанъе правъ од стороны позваное продукованыхъ, поведилъ: ижъ такъ тое право пана Михайла Гулевича року тисеча пят сотъ семъдесятого, яко и тое Микиты Ошчовъского подъ тымъ же актомъ, небожчикови пану Возскому Гулевичови служачие, не на тое селъце, о которое речъ ест и о которое дана естъ акъция, але на двор в замку тутошнемъ будучий пановъ Гулевичовъ, о который акторове не позываютъ, стягаютъсе, зачимъ тые до тое справы и ку обороне албо ку помочи позванымъ взглядом села не сут; а што зас третий выписъ зъ кгроду Луцкого року тисеча пятъ сотъ шестъдесятъ семого, месеца маръца двадъцатъ перъвого дня, неякогос Мойсея Мурина Чогайдовича на продажу Коршовца инъшого, подле того церковного, о который речъ ест, лежачого, указуютъ, зъ которого се значне показует, же два Коршовцы подле себе были: оденъ церъковъный, а другий ихъ дедичный, которые презъ анътецессоры позваныхъ, за неслушнымъ посягненъем церъковного, в одно месце злучоны сутъ. Якож и того ексъстракту ихъ кгродского, до которого а ни ориналу самого запису того Чогайдовича, а ни перенесенья зъ земства не продуковали, а ни тежъ з него того не довели, абы се тот Чогайдовичъ евинъковати записалъ. През давности овшемъ акторове, не толко тымъ, през позваных же самыхъ продукованымъ, кгродскимъ ексъстрактомъ продажи

Чогайдовича, але и велю правъ своихъ и комутацию зъ кнежатемъ его милостью Чарторискимъ, до которого тая маетностка до владыцства и церкви за инъшие добра церковъные, ему одъданые, пришла,-же власная естъ поводовъ, достаточне выведши, просили, абысмы, то узнавши, ижъ не досытъ чинятъ позваные диляции своей и свиктора не указуют, а ни его тутъ запозвали, тые добра церкви Божой, яко власностъ зъдавна прыналежачую, присудили и през позваныхъ поводовой стороне уступити наказали, далъшие вшелякие доводы и пробацие правные вцале принципаломъ своимъ зоставуючи и ничого водълугъ права не опушчаючи. Судъ нинешний земский Луцкий, конътроверсий сторонъ обохъ, до суду вношоных, выслухавши, найдуетъ, же позваные досытъ учинили диляции, еднакъ въ справе позванымъ поступовати наказуетъ. Од которого декрету позваные до суду головного трыбуналу Любелского апелевали. Судъ имъ тое апеляции допустилъ и рокъ за нею сторонамъ обомъ у менованого суду трибуналского въ Люблине, на воеводстве Волынскомъ, повете Луцкомъ, по дате сего декрету на первей припадаючомъ и сужономъ, ку росправе правной завитый, кромъ вшелякого припозву становитисе зложилъ и заховалъ и симъ декретомъ складастъ и заховуетъ. Што все для памети до книгъ естъ записано.

Книга земская Луцкая 1625 года, № 2824, листъ 307.

CCXXV.

Донесеніе возныхъ объ осмотрѣ ими церкви св. Дмитрія въ Луцкѣ, ограбленной и запечатанной пріоромъ Луцкаго доминиканскаго монастыря. 1625 года, іюня 4.

Року тисеча шестсот двадцат пятого, месеца июня четвертого дня.

На рокахъ судовых земъских Луцких, назавтрее по Святой Тройцы, святе рымском, в року звыш написаномъ припалых и судовне отправовать зачатых, перед нами, Иваном Хриницкимъ, судею, и Криштофомъ Шымковичом Шклинскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земъскими Луцкими, станувъшы очевисто вознове енералные, врядови нинешнему

добре знаемые и от нас дня оногодашнего очевисто до тое справы нижей менованое приданые, шляхетные Юзефъ Заблоцкий и Петр Рокгаля, явне, ясне и доброволне сознали: иж они в року теперешнем тисеча шестсот двадцат пятомъ, месеца мая тридцат первого дня, с прыданя нашого урядового и за реквизицыею велебное капитулы церкви соборное Луцкое светого Иоана Богослова, для лепъшое веры и сведоцства маючы при собе двох шляхтичов, пана Семена Гуляницкого а пана Яна Кгорского, при велебных отцах Исакию Вичинским а Евъфемию Остевъским, презвитерах с капитулы владыцства Луцкого, ходили есмо до церкви мурованое, в замку тутошнем околномъ Луцкомъ будучое, заложеня светого великого мученика Дмитрия, где, за оказанемъ тых отцов, видели есмо церков менованую замкненую и запечатованую таким способом: в чотырох местцах на дверах, а в двох местцахъ на муре при дверах прилеплено воску и там кустодию съ напиру долгую на две албо на полторы пяды на воскъ по нитцы также долгой приложоную, а по тых местцах воском налепленыхъ печат однакую немалую притиснено и цвечками чотыры печати на тых местцах прибитые, а то вышей скобля и засчепъки; на колодце теж, которою церковъ замкнена, два разы на самой дирце, откол ключем отмыкают, теж печат притисненую, а противко тых же печатей, с тылу тое колодки, также две печати однакие притиснено. Видили есмо теж звонницу деревеную при той церкви, с которое звоны чотыры, снать, же свежо зднято; што все мы, енералове, огледали и видели есмо. Которое запечатоване и замкнене тое церкви и побране от них звонов, также побране и пограбене внутер с тое церкви золота, серебра, келихов, крижов, антимисов, апаратов, орнатов, риз, евангелий, коштовне оправных, книг розмаитых, такъ же справ, привилеевъ, фундушов и листов з скарбъцомъ имере выбыте з нее его милостъ отца епископа Луцкого и капитулы, менованые отцове с капитулы владыцства Луцкого менили быть сталые от велебного его милости ксендза Яцинктого Любонского, преора кляштору Луцкого доминиканского, и братьи его милости отцов доминиканов Луцких, а то дня оногодашнего месеца мая двадцат четвертого, за которым запечатованемъ и замкненъемъ от них тое церкви и взятемъ до себе ключа и до того часу хвала Божая там не отправует се. Што все, иж так, а не иначей было, и повторе менованые вознове устным

а очевистым сознанем своим ствердившы, просили, абы тая их реляцыя правдивая до книг была принята и записана; што все, за принятемъ урядовымъ, до книг нинешних земских Луцких ест записано.

Книга земская Луцкая 1625 года, № 2824, л. 458.

CCXXVI.

Протестъ митрополита Іосифа Вельамина Рутскаго противъ архимандрита Жидичинскаго Никодима Мокосія-Шибинскаго, который, вопреки даннаго имъ при посвященіи клятвеннаго обязательства не распоряжаться самовольно монастырскими имѣніями, занялся систематически растратой ихъ путемъ аренды, заставы и раздачи своимъ родственникамъ. 1625 года, сентября 11.

Року тисеча шестсот двадъцат шостого, месяца мая второго дъня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцкомъ, передо мъною Александромъ Малиновъскимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами кгродскими Луцкими, постановившися очевисто велебный в Бозе отецъ Евътимий Ойтеневский, презъвитеръ церкви соборное Луцъкое светого Иоана Богослова, именемъ высоцевелебъного в Бозе его милосты ксенъдза Юзефа Велиямина Руцъкого, архиеписъкопа митрополита Киевского, Галицъкого и всее Руси, для въписанъя до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ подалъ перъ облятамъ выпис с книгъ кгродскихъ Хелмскихъ, з уписанъемъ в немъ протестации от помененого велебного в Бозе его милости отца Юзефа Велиямина Руцкого, митрополита Киевского, Галицкого и всее Руси, на велебного в Бозе отца Никодима Мокосия Шибинъского, архиманъдрыта Жыдичинъского, учиненое, автенътыце выданый, о чомъ тот выписъ шырей в собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я врядъ, тотъ выписъ для вписанъя до книгъ принявши, читалемъ, и такъ се в собе маетъ: Actum in castro Chelmensi, feria quinta post festum nativitatis beatae Mariae Virginis proxima, anno Domini millesimo sexcentesimo vigesimo quinto, ex copia. Stanąwszy oczewistie wielebny ociec Methody

Telecky, zakonnik reguły swiętego Bazilego Wielkiego, od wysocewelebnego w Bodze jego mosci xiędza Jozefa Wielamina Rutskiego, z łaski Bożey archiepiskopa metropolita Kyowskiego, Halickiego y wszytkiey Rusi, swiadczył się y protestował się na oyca Nikodyma Mokosieia Szybinskiego, archimandryta Żydyczynskiego, o to, iż przerzeczony ociec Nikodym Szybinsky, będąc promowowany od jego mosci xiędza metropolity na archimandryctwo Żydiczynskie, ktory przy poswięceniu swym na tę archimandryctwo wczynił slub y przysięgę przed wielebnym jego moscią oycem Jeremiaszem Poczapowskim, episkopem Łuckim y Ostrozskim, publice, w cerkwie catedralney Łuckiey, ktorą tę przysięgę y na pismie pod pieczięcią y z podpisem dał, o to, iż żyiąc na tym archimandryctwie, nie miał dobrami tego manastyra Żydyczynskiego, mimo wiadomosć starszych swoich, swowolnie szaphować onych, zastawiać, arendować, zawodzić y żadney compozitiey a ni zgody, nie tilko, ktora by miała być ku szkodzie tego monastyra, ale choć by y ku własnemu pożytkowi manastyrskiemu, bez wiadomosci y pozwolenia starszych swoich czynić. Acz ociec Szybinsky, nastąpiwszy na te archimandryctwo, przepomniawszy przysięgi swey, ktorą uczynił starszym swoym, y legce sobie ważąc prawo pospolite, ktore tego broni, począł swowolnie y nie przystoinie, ku szkodzie wszelkiey cerkwi Bożey, chwały iego swiętey y zakonnikom, onymi dobrami iako swemi własnymi dysponować y szaphować, ktore roznym osobam y roznymi prawy poarendował, pozastawiał, y rozmaitym sposobem pozawodził y rosproszył, a drugie maiętnosci krewnym y powinnym swym podawawszy, summy na nich, ktorych nigdy nie ważyli, iakoby w rozmnożeniu tych maiętnosci w zaymowaniu stawow ważyc mieli, na wrzędzie przyznał, y subordynowawszy sobie, miasto capituły, swieszczennikow swieckich, a drugich zakonnikow, ktorzy potaiemnie z monastyrow pouciekali, y tak do takich zmyszlonych arend, sum, iako y do wszelakich inszych rozmaitych contractow arendownych y zastawnych, do podpisu onych y przyznania stawił, a o insze dobra y szkody, prawem przezyskane od zeszłego archimandryty Żydyczynskiego, oyca Hedyona Bałabana, y do ostatniego punctu przywiedzione, szkodliwe kompozitiy y ugody (mianowicie o Buremiec y przysiołek do niego należący) z oswięconym xięciem jego moscią Karolem Koreckim, kasztelanem Wo-

łynskim, czynić chce. Przeciwko tedy takowym wszytkim arendom, zastawom iawnym y zmyslonym, dorocznym y dożywotnym kompozitiom y ugodom, na ktoreby kolwiek z nich nie pokazał consensy y pozwolenie wysocewielebnego w Bodze jego mości oyca metropolity Kyowskiego, iako y przeciwko tym compositiom y ugodom, do punktow ostatnich od zeszłego archimandryty Hediona Bałabana przywiedzionych, ktore by się kolwiek przez oyca Szybinskiego z iaką kolwiek osobą zawierane byli, o nieważnosć tego wszytkiego, tak arend, zastaw, iako y wszelakych compozitiei, iterum atque iterum protestowałsię, zostawiwszy o to wszytko wolne czynienie prawem, tak z przerzeczonym archimandrytą, iako y s tymi wszytkimi, ktorzy od niego roznym sposobem maiętnosci cerkiewnych nabywali y na ten czas dzierżącymi są, temu, komu to będzie należało. I prosił, aby to opowiadanie y protestacia do xięg ninieyszych grodzkich Chelmskich przyięta y zapisana była. Ktora iest przyięta y zapisana. Ex actis castrensis capitanealibusque Chelmensibus extract. У того выпису, при печати кгродское Хелмское, подпись руки тыми словы: Correxit Jaszewsky. Который же то выписъ, за поданъемъ и прозбою вышъречоное особы, а за принятъемъ моимъ урядовымъ, увесь, с початку ажъ до конца, до книгъ есть уписанъ.

Книга гродск. Луцкая 1626 года, № 2137, л. 562 об.

CCXXVII.

Декретъ духовнаго митрополичьяго суда о низложенiи съ архимандричьяго и даже священническаго сана бывшаго Жидичинскаго архимандрита Никодима Мокосѣя-Шибинскаго, обвиненнаго въ убiйствѣ, явномъ прелюбодѣянiи, растратѣ монастырскихъ имѣнiй и другихъ преступленiяхъ. 1625 года, октября 24.

Року тисеча шестсот двадцатъ семого, месяца февраля первого дня.

На рочках судовыхъ кгродскихъ Луцъких, от дня двадцатъ первого месяца генваря в року звышъ написаномъ припалых и судовне

отправовать зачатых, перед нами Яномъ Вилежинскимъ, подчашим Волынскимъ, подстаростим, а княземъ Павломъ Друцъкимъ Любецъким, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцкими, постановившис очевисто шляхетный пан Богданъ Дашкевичъ, для вписаня до книг кгродских Луцъкихъ подалъ пер облятамъ декрет суду духовного велебного в Бозе его милости отца Іосифа Велямина Руцъкого, архиепископа метрополиты Киевъского, Галицкого и всея Руси, деградации то естъ зложенъя з уряду духовного велебного отца Никодима Шибинского, архимандрита Жидичинского, и отсуженъя его от помененого манастыра Жидичинского, автентице с книгъ духовныхъ метрополии Киевъское выданый, о чомъ тотъ декретъ ширей в собе мает, просечи, абы принятъ и до книгъ уписан былъ. Которого мы, судъ, для вписаня до книгъ принявши, перед собою читати казали есмо, и такъ се в собе мает: Выпис с книг духовных метрополие Киевъское. Перед нами Іосифомъ Веляминомъ Рутъскимъ, архиепископомъ митрополитомъ Киевъским, Галицъкимъ и всея Руси, приточилас справа межи инъстикгаторомъ отцемъ Игнатиемъ Шоповичом, поводом, з одное, а честнымъ отцемъ Никодимомъ Мокосеемъ Шибинскимъ, архимандритою Жидичинъскимъ, позваным, з другое стороны, за позвы третими, через сторону поводовую отъ нас на день чотырнадъцатый месяца сенътебра по позваного вынесеными, и за тымъ з одложеня нашого до дня сегоднешънего двадцат четвертого окътобра, за особливымъ листомъ намъ, архиепископу, от позваного на то, ижъ се того дня перед нами ставити мелъ, данымъ. Тогды, постановившися перед нами очевисто, сторона поводовая инъстикгатор нашъ помененый поднеслъ позвы в тые словы писаные: Іосифъ Велявинъ Рутский, Божъю милостъю архиепископъ митрополит Киевъский, Галицкий и всея Руси. Всемъ станомъ духовнымъ, в которой колвекъ епископии, метрополии Киевъской, Галицъкой и всея Руси подлеглой, в набоженъстве греческомъ в томъ панстве будучимъ, з владзы нашое наивысшое, под светымъ послушенъствомъ росказуемъ, абысте сес нашъ позовъ духовный, до которого напервей з вас прийдетъ, подали отцу Никодему Шибинскому, архимандриту Жидичинъскому, в руки ему самому, албо в манастыре Жидичинскомъ, ознаймивши то людемъ того манастыра, положили и тое поданъе, ставши у книгъ духовных епископие Луцъкое, признали. А тобе, честный отче,

Никодиме Шибинский, архимандрито Жидичинский, з особы стану твоего иноческого и преложенъства, на которое еси посвещенъ ест, под послушенъством, котороес намъ и законови поприсягъ, приказуемъ, абыс се самъ обличне ставил перед насъ, метрополита, на звыклий нашъ головный собор законный, который в чотыри лета отъправоватис звыклъ, яко тобе ведомо естъ, на певный час тому собору зложоный, то естъ на чотырнадцатый день месяца сентебра по старому, в року теперешнемъ тисеча шесть сотъ двадцатъ пятом, в месте Виленъскомъ, в манастыру светое и Живоначалное Тройцы, албо, если бы тамъ моровое поветре на тотъ час было, тогды в манастыре Жировицъкомъ светое Пречистое, о чом в том же манастыре, который тобе по дорозе будетъ, ведомость озмешъ, на жалобу и правное попиранъе инъстикгатора нашого, который тебе позываетъ симъ теперешнимъ позвомъ впрод: жес подданого и слугу манастыра Жидичинского самъ рукою своею власною забил; повторе, жес ся стал переступъцею слюбу законного, а по местахъ нерядне живучи, яко и в манастыре своем подложницъ ховаючи, и з ними справу Богу и людемъ добрым мерзскую мевалес, тогос не перестал, хотяж от насъ такъ листовне, яко и през тых, которых еси самъ до насъ посылал, упоминаный бывалес; третяя, же без воли, ведомости и поготовю позволеня такъ нашого, яко и епископа своего, именями церкви Жидичинское шафовалес, яко своимъ власнымъ, заводечи ихъ розными особомъ, ку шкоде и зниченъю тых добр церковъных; четвертая, жес в манастыре, тобе полецонымъ, иноковъ жадныхъ не ховал, водлугъ особливого от тебе з нами на писме заставленого и поприсеженого застановеня своего з нами, кгдыс на архимандритство от нас поданый был, и овшемъ противнымъ способомъ некоторых спреднейших отцовъ закону нашого, которых для помочи духовное исправленя того манастыра на початъку зараз придали, тыхъ еси голодомъ выгналъ вонъ, же се вернути мусели ку нам, взявши позволенъе отъ нас, которое напервей имъ дано естъ, а жес от насъ напоминаный был, а потом о жадных инъшихъ не стаpалесся, толко, ку шкоде того законного згромаженъя нашого, тых, которые от манастыровъ наших без благословенства и таемне отходили, приймовал и у себе ховал еси, и тепер некоторых з ных маеш при собе, отколь жадного жития законного, а ни хвалы Божое в томъ манастыре, водлугъ воли светобливых

фунъдатаровъ и водлуг доходовъ того манастыра, по тот час не было; што все на термине, за тымъ позвомъ нашимъ припалом, ширей тобе преложоно и доведено будет. Прото приказуемъ тобе, же быс перед нами на термине вышъ менованомъ, яко на завитом, сталъ и в том всемъ усправедливился, ведаючи о томъ, хотяж быс не стал, мы на тобе то, што в правилах святых Богоносныхъ Отецъ на таковых переступъных и добра церкви Божое роспрашаючих пастыровъ, старшихъ своих, описано естъ, за показанемъ слушным през инстикгатора нашого, вскажемъ. Писанъ в Новагородку, року тисеча шесть сотъ двадцатъ пятого, месяца іюля дванадцатого дня. А по прочитанъю того позву, пререченый инстикгатор нашъ, впрод поданя и року за нимъ дня чотырнадцатого сенътебра слушне припадаючого выписом с книг духовных епископии Луцкое, признаня отца Ісакия Вычинского, еромонаха закону светого Василя, ижъ тры позвы наших по позваного писаные подал в манастыре Жидичинскомъ, в небытности самого отца архимандрыта позваного, дяконови Алексею дня двадцатъ девятого іюля, в семъ року тисеча шест сотъ двадцатъ пятомъ, а потомъ и того, ижъ тая справа до дня сегоднешнего двадцат четвертого октобра, за усилною прозбою и особливым позваного листомъ, на то, иж се перед нами становити и в том обвиненю своем юстификовати мел, данымъ, отложона естъ,— доведши, доложил, ижъ вже первей сего през инстикгатора духовного епископии Луцкое в сем же року тисеча шест сотъ двадцатъ пятомъ, на денъ одинадцатый месяца іюля, до велебного в Бозе его милости отца Еремии Почаповского, епископа Луцъкого и Острозского, в которого диоцезиеи тот манастыр Жидичинский естъ, о тое все был позываный, на которомъ термине станувши, позваный просил, абы отецъ епископъ Луцкий, не чинечи противко него жадного декрету, на усправедливене и оказане в томъ всемъ обвиненю невинности своее до нас, архиепископа, яко до зверхного пастыра, отослал. По которомъ отосланъю, первей нижли терминъ за тым отосланъем и за позвом нашим вышъ помененымъ перед нами припал, хотечи мети теж достатечнейшую ведомость о том, што в позве позваному естъ задано, пречечоному велебному его милости отцу епископови Луцъкому през особливый листъ нашъ злецили есмо, абы инъквизицию о таковом житю позваного и всих тых речах, яко епископъ тамъ того местца, учинил и нам през

листъ свой на тотъ терминъ, с позву нашого припадаючий, ознаймилъ; якож и тую инквизицию, през отца епископа Луцкого отправленую и в завартомъ ротуле посланую, инстикгатор перед нами показал. А иж такъ за тым отосланъемъ его милости отца епископа Луцъкого, яко теж за позвы нашими и за листомъ своимъ, до усправедливеня се самъ а ни чрез умоцованого своего на року завитомъ не становил и ведомости никоторое о нестаню своемъ не дал, просил и домовялсе инстикгатор, абысмы за таковые выступки его противко стану его духовного, Богу и людемъ обридлые, декградацию з стану его архимандричого и ерейского, водлугъ правилъ святыхъ Апостолъ и Богоносныхъ отецъ, которыми перед нами досыт достатечне довел, вказали. Мы, архиепископъ, з духовенствомъ, при нас на тот час будучим, выслухавши справы тое, от инстикгатора нашого преложоное, и прочитавши инквизицию, през велебного его милость отца епископа Луцъкого отправленую, и добре се в той справе нарадивши, прихиляючис до правъ духовных и каноновъ светых отецъ, на таковыхъ роспустных збродневъ, права и зверхности своей непослушных и оную взгаржаючих, постановленых, поневаж зацност и достойност уряду и стану духовного през помененого позваного отца Никодима Шибинского такъ непристойне естъ поважена, же а ни на поволане и повинность свою духовную и законную не помнечи, а ни на зверхност преложоных и старшихъ своихъ не погледаючи и овшемъ вшелякие добродейства и напоминаня не поеднокрот наши духовные легце у себе поваживъши, такъ роспустнымъ житиемъ и непристойными Богу и людем брыдкими справами своими станъ духовный, который на собе носит, змачал и въ огиду подал, што все из преречоное инъквизицие на него се явне показуетъ, на том то помененомъ отцу Шибинским вину декградациеи, то естъ зложеня з уряду его духовного, в канонах и правах духовныхъ описаную, наказали есмо и тымъ декретомъ нашимъ наказуемо, отдаляючи его затым од помененого манастыра Жидичинъского преложенъства архимандричого, которое оному, за наставенемъ и преложенъемъ нашимъ, над манастырем преречоным и братею законъною тамъ будучою належало. Якожъ деклеруемо и тым декретом нашим знайдуемо и наказуемо, иж от того часу помененый Шибинский такъ уряду духовного свесченического, который на собе до тых местъ мел, водлугъ описаня правъ духовныхъ, отпра-

вовать, якож теж манастырем помененым Жидичинским, законниками, в ним будучими, церквами и их духовными преложоными рядит, архимандрицства и старшенства собе привласчати, добр того манастыра и вшелякихъ з них доходовъ заживати не будетъ моглъ, чого всего тым декретомъ нашимъ оного отсужаемо и тот манастыр Жидичинский з церквами, законниками и зо всимъ духовенствомъ тамошнимъ и з добрами и маетностями всими до него належачими, з моци, владзы, уряду и поссесиеи его выймуемо и заразом до отобранъя оного честного отца Исакия Вичинского моцъю теперешнего декрету нашого тамъ зсылаемо и администрацию и заведованъе оному злецаемо, также до поданъя оному в поссесию манастыра и добр всих честного отца придаемо и тую всю справу на скутечную екзекуцию того декрету нашого до велебного отца епископа Луцкого, в которой диецезиеи естъ тот манастыр, отсылаемо, которымъ то манастыремъ и в нимъ будучими братею законною, такъ же и добрами вшелякими, помененый отец Исакий, адъминистраторъ от насъ назначоный, рядити и заведовати будет до далшое инъформациеи и до поданъя и назначенъя архимандриты инъшого, ведле права и звычаю там тому манастырови, през короля его милости пана нашого милостивого, яко зверхного преложоных церковъныхъ подавцы. До которого декрету на болшую веру, руку нашу подписавши, печат нашу приложити росказали есмо. Писан в Новгородкѣ, дня двадцатъ четвертого месяца октобра, року тисеча шест сот двадцатъ пятого. У того декрету печат притисненая одна, а подпис руки его милости отца митрополиты тыми словы: Іосифъ архиепископъ (manu scriptum). Который же то декретъ, за поданъемъ и прозбою вышъ речоное особы, а за принятъемъ нашимъ судовымъ, увес слово до слова до книгъ кгродских Луцких естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1627 года, № 2138, л. 349 на обор.

CCXXVIII.

Письмо игумена Кіевскаго Пустынно-Никольскаго манастыря, Серапіона Бѣльскаго, къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбою о милостынѣ. 1626 г., генваря 16.

Божию милостию благовѣрному, боговѣнчанному и Богомъ превознесенному и благочестиемъ вся вселенныя конца просиявшему, истиннаго поборителя православной християнской вѣры и непоборимаго во царехъ, пресвѣтлому и великому християнскому государу и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея великия Росія самодержцу и иныхъ многыхъ господарствъ государу и обладателю, о Господи радоватися всегда молимъ.

Ижъ во православнымъ и богоспасаемомъ градѣ Киевѣ царская освященная обитель, монастырь нарицаемый Пустынский, храмъ святого великого чудотворца архиерея Христова Николы, тояжде обители смиреный Сарафионъ Белски, игуменъ, и священноиноцы, еродіяконы и иноцы и вся еже о Господѣ братия, во мнозѣ смиреніи, со всяцымъ благоговѣниемъ, метание до лица земли вашей изрядно сиятелной царской свѣтлости творятъ, во еже дароватися вашей царской свѣтлости в настоящемъ семъ житіи многалѣтна во блазѣмъ здравіи пребывания, радостная и мирная, в будущимъ же вѣчныхъ благъ наслаждения всегда получити желаемъ.

А ижъ пречечоная святая обитель, отъ давнаго времени на честь и хвалу всесилному и вседержащому в Троицы славимому Богу и угоднику его святому чудотворцу Николаю есть сотворена и презъ всѣ прешлые вѣку своего времена отъ благочестивыхъ и христолюбивыхъ князей и пановъ здѣшныхъ всякими доволствы и милостынями удовлена была, не точиюже отъ здѣшныхъ, но и отъ преслывущихъ пресвѣтлыхъ государей и самодержцовъ Великия Россія Московскихъ, прародителей святыхъ твоея пресвѣтлыя царския державы, казною и милостынею царскою изобилно обсылана была; попусчениемъ же Божиимъ воздвижеся рать межы панствы Короною Полскою а государствомъ пресвѣтлымъ твоего величества, сицевыя ради вины замедлѣхомъ до сего времени. Нынѣ же, благодатию Христовою и помощию пресвятыя Богородица, миръ и строеніе слышимъ и видѣмъ. За сие же Господу Богу, во Троицы славимому, и предстателству пресвятыя Богородица, и скорому

помощнику архиерею Христову Николаю, отъ недостойныхъ устенъ нашихъ, в щоденныхъ молитвахъ благодарение отдаемо, по древнему же обычаю ко пресвѣтлому государству твоему посылаемъ братию нашу, нареченныхъ благороднаго во священноиноцехъ Никодима Силича, уставника обители нашое, священноинока Герасима Феодоровича и брата Васияна Гостиловского, имѣюще надежду о великомъ и преславномъ христолюбию твоимъ, яко обителъ нашу своимъ благоутробиемъ и пресвѣтлымъ своимъ царскимъ пожалованиемъ пожалуешъ, да и пресвѣтлое имя твоего величества памятно будетъ, якоже и древнихъ пресвѣтлыхъ государей в здѣшней обители содержится. При семъ же посылаемъ грамоту духовницу ко твоему пресвѣтлому государству древныхъ преславныхъ князей, яже по души своей ку обители святой надали. Просимъ и мили ся дѣемъ твоему величеству и христолюбию, да сия пошлина, яже во грамотѣ, при обители святой здѣшней пребудетъ. И Господь Богъ всемогущий, и Покровъ Пресвятыя Владычица нашея Богородица, и святый чудотворный Христовъ Николае, за сицевый милосердный и христолюбивый учинокъ, вашему пресвѣтлому царствию, яко милосердный заимодавецъ и богатый во милости и щедротахъ, в настоящемъ семъ времени многолѣтна во блазѣмъ здравіи пребывания, и стокротнымъ воздаяниемъ, и всякими благыми по благодѣянию возмздитъ, в будущимъ же вѣцѣ радостию и веселиемъ, по речению апостолскому: яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на серце не взыде человѣку, яже уготова Богъ любящимъ его. Азъ же Сарафионъ Белский, игуменъ предреченый, со всею еже о Христе братиею, всесилнаго во Троицы славимаго Бога, и Пречистыя Владычица нашея Богородица и приснодѣвы Мария, и скорого помощника Христова Николая, в молитвахъ нашихъ щоденныхъ, за пресвѣтлую державу твоего величества, в рокъ и рокъ, молитствоватъ должни будемъ. Писанъ въ обители святой чудотворного Николы Пустынского Киевского, лѣта отъ воплощения Христова тисеча шестьсотъ двадцатъ шестого, мѣсяца генуария 16 дня.

Вашему пресвѣтлому изрядно сиятелному царю обоихъ благъ временыхъ и вѣчныхъ присные рачителие и нижайшие раби, Сарафионъ Белский, игуменъ монастыра С. Н. Пустынского Киевского, рукою власною.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Копія доставлена княземъ М. Оболенскимъ.

CCXXIX.

Письмо членовъ Кіевскаго церковнаго братства къ царю Михаилу Θеодоровичу съ просьбою о милостынѣ для содержанія братской школы. 1626 г., генваря 17.

Благочестивѣйший, высочайший, богоизбранный, Богомъ вѣнчанный, Богомъ хранимый, державнѣйший и пресвѣтлѣйший, непобѣдимый самодержче, государу, цару и великий княже, Михаиле Θеодоровичу, всея Московскиа земля великия Россиа и иныхъ многихъ земель обладателю!

Всегдашние молитвы и робское чоломъбитье наше до лица земли непобѣдимому величеству державы вашея царскиа милости, съ всякимъ усердиемъ, вѣрою же правою и теплою, умиленънѣ творимъ и приносимъ.

Писано есть нѣгде: разсмотри сущихъ прежде тебе и тогда разумѣеши, яже по тебѣ. Всегда видяще, разсмотряемъ древняго благолѣпия созданные дорогоцѣнные храмы, прославлениа ради всесилнаго имени единосущныя преестественныя Троица, отъ прародителей благочестиемъ равнѣцвѣтущимъ великодержавнаго величества вашея царския милости в Киевѣ, нынѣже точию едва сѣнь ихъ обрѣтающихся зримъ, тяжцѣ и неутѣшимѣ желяще, яко мы послѣдний родъ сихъ зрѣти достигохомъ, на мѣстѣ, идеже первѣ начало просвѣщениемъ родъ российский истиннаго Бога позна, отнюду же по всѣмъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстъное всѣмъ спасение истече и процвѣте, идеже богодухновеннии отци пречуднымъ житиемъ и чудесы просияша, ихъ-же телеса донынѣ в нетлѣнии чудодѣйствуя пребываютъ. Зде нынѣ зримъ изсыхающь, всякоя же бѣды, гонения и укоризны отъ противныхъ исполненъ, горцѣ рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекеилемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Аддонаю Господи! сіе отчаяние ты твориши останковъ іизраилевыхъ. Не отпадающе же отчаяниемъ милости Божия и чающе избавления отъ сицевыя неволи, братствомъ церковнымъ съединившеся, мужественнѣ, Богу помагающу непоколебимѣ держатися, училище отрочатомъ православнымъ милостию Божиею языка славянороссскаго, еллиногреческаго и прочиихъ даскаловъ великимъ иждивениемъ устроихомъ, да не отъ чуждаго источника пиюще, смертоносна яда западния схисмы упившеся и ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся. И церковь изряднѣ лѣпую, Богоявление Господа

Бога і Спаса нашего Іисуса Христа съоружихомъ, еже на основане отъ щедротныя и благоподатливыя десница вашеа царскиа милости первѣе дарованно бысть. Нынѣ же идущу честному іеромонаху, господину отцу Аѳанасию Китайчичу з великия Лавры печерския Киевския ради поклонения святынь и непобѣдимѣй державѣ вашеа царския милости, вси купно преклонше колѣнѣ и лица своя земли, вашей царской милости усерднѣ и умиленнѣ прежь сего благодаримъ, созданнѣ же сущи коштомъ и накладомъ велиимъ, убозии, усерднѣ притѣкаемъ ко пресвѣтлому престолу вашея царскоя милости и прилѣжнѣ молимъ благоподатливое благоутробие твое царское милости на сдѣлание и съоружение честныхъ святыхъ іконъ и прочиихъ породъ и украшений церковныхъ, по естественнѣй царской благодати своей, дарствовати и прислати молимъ, понеже на основание сего храма отъ щедролюбивыя десница вашеа царския милости восприяхомъ, да не съгбенна будетъ и сътисненна на предреченныя нужныя потребы, усерднѣ и умиленнѣ паки молимся; ибо желетелнѣ хощемъ, да вашей царской милости всегда отъ іеромонаховъ нашихъ глаголющее въ молитвѣ слово послѣдуетъ: освяти любящаго благолѣпие храма твоего, ты его воспрослави божественною силою своею. При нихъ же и мы вси со домочадци нашими всегда молитствовати должни есмы праведнаго и обилнаго мздовоздателя, явльшагося во Іордани Христа, не сторицею, но тмою легеоновъ благихъ воздати, вашой же царской милости долгоденствие Авраамское и лѣта даровати, цѣло же и ненавѣтно съблюсти благочестивое царство вашея царския милости, но съ расширениемъ древнимъ и покорениемъ всякого врага и супостата, отъ вѣка уготованныхъ благъ получити и съ Христомъ Спасителемъ нашимъ въ вѣки царствовати вашой царской милости отъ чиста сердца желаемъ и всегда молитствуемъ. Писанъ въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, отъ воплощения Бога Слова 1626, мѣсяца іануаріа 17 дня.

Вашое царское милости всегдашние молитвенници и малѣйшие вѣрные рабы, всѣ о Христѣ братиа церковнаго соединения при храмѣ Богоявлениа Господа Бога и Спаса нашего Ісусъ Христа в Киевѣ, вашой царской милости нижайшое чоломъбитье съ благоговѣниемъ творимъ.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Копія доставлена кн. М. Оболенскимъ.

CCXXX.

Письмо игумена Лубенскаго Преображенскаго монастыря Василія къ Путивльскимъ воеводамъ Богдану Нагому и Петру Бунякову о побѣгѣ въ предѣлы Московскаго государства малороссійскихъ монаховъ, съ просьбой на будущее время не принимать подобныхъ бѣглецовъ и возвращать ихъ обратно. 1626 г., мая 21.

Благочестивого государя, царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руси самодержца и обладателя, благовѣрнымъ и христолюбивымъ вѣрнымъ его слугамъ, воеводамъ богоспасаемаго града Путивля, государю Богдану Михайловичу Нагому и государу Петру Никитичу Бунякову во многа лѣта благоденства и спасения отъ Господа Бога многогрѣшный игуменъ Василей получити желаю.

Понуди мя обида до вашихъ милостей писати—змѣна старцовъ, которые, не маючи жадныхъ слушныхъ причинъ, безъ благословения, самоволнѣ тамо до васъ пошли числомъ десять. И вы бъ пожаловали, дабы к намъ назадъ имъ велѣли возвратитися, яко бездѣлно ходятъ, не маючи никакова извѣта своему воровству: еще, хвала Господу Богу, никакова гоненія се зде близь предѣлъ вашихъ нѣту, точию хотяще туне господаръского жалования, ихъ же не достоитъ сподобити, яко не стужи имъ никакова нужда турецкого или еретического насилования, точию своявоља, не хотяще въ послушаніи быти. Чаю, и тамо у васъ безчинно ходити старцомъ, где кто хощетъ, не велятъ; такъ и нашимъ пожалуйте забороняйте такого зраденства, змѣны, которые здѣ змѣнниками ставшися, не будутъ и тамо лучшими. Какъ тые богомолцами государъскими быти маютъ, которые прогнѣваютъ Бога, обѣты своя не сохранше, еже не имѣти своя воля? Пожалуйте ваша милость, судѣте праведно: кый з святыхъ отецъ самоволнѣ ходити безъ благословения повелѣваетъ, или кий смѣти будетъ розрѣшати, его же азъ свяжу? Духовникъ иного духовника судъ рѣшити и вязати власти не имать; да суть сицевіи связанни, идеже аще идутъ, яко преобидѣние своего старца духовного отца и кровию мучения не разрѣшается. Тыяжде книги як у насъ, такъ и у васъ: кто Никона святого чолъ, найдетъ тамъ, што безъ благословения старца, духовного своего отца, ученикъ пошолъ и ятъ отъ идолослужитель и мученъ бысть; его же мощи благо-

роденъ нѣкто и богатъ веземъ, храмъ созда. И егда бысть священіе и литургия, исхождаше рака вонъ изъ церкви разъ и дважды, ажъ молящимся много епископомъ и священникомъ увѣдѣти вину, и показась во снѣ нѣкоему епископу, дабы шедъ умолихъ старца, его духовного отца, дабы его разрѣшилъ, яко аще, рече, и кровь проліяти Христа ради сподобихся, лица же Христова видѣти не сподобихся, яко преобидѣхъ духовного отца, безъ благословения бо его есми, рече, пошолъ. Аще страдалецъ кровію мученія не разрѣшенъ бысть, како сии, иже не страдати Христа ради тамо пошли, но наслаждатись, чуючи, што благовѣрный царь милостивъ, едою и пуиломъ и денгами жалуетъ и всѣми достатками. Сицевыхъ змѣнниковъ св. Великий Василей со Іюдою осуждаетъ. Есть у благовѣрного царя истинныхъ страдалцовъ и молебниковъ много, не таковыхъ іюдъ и своеволниковъ; а таковыхъ со наказаніемъ бездѣлныхъ бы отсылати, што и надѣемся по вашемъ благородствѣ уповаемая получити дѣломъ, за што будемъ должни съ прѣобрѣтшимися намъ за благовѣрного государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича со пресвѣтлымъ сунклитомъ, вами вѣрными его слугами и державными земля, Господа Бога молити всегда, якоже и творимъ. Данъ з Лубенского монастыра св. Спаса, прозываемого Мгаръ, року 1626, мѣсяца маіа 21.

Вашему благородству всегда зычливый и богомолца недостойный Василей, игуменъ, со всею ежь о Христе братьею.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Копія доставлена кн. Оболенскимъ.

CCXXXI.

Отрывокъ такого же содержанія письма епископа Исаіи Копинскаго къ тѣмъ же Путивльскимъ воеводамъ. 1626 года, мая 21.

Ісаіа Копинский, милостию Божиею епископъ Премыский и ексарха всей Малой Росіи.

Обрѣтъ вину не малу, еже писати к вамъ, о благороднiи супклитове, уповая, яко, християномъ сущемъ, християнския внимати. Понеже яко солнце с востока восходя, всю землю просвѣщаетъ, тако восточного християнского благочестивого царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича благодатныя луча щедротъ во всей поднебесней християнъ бѣдствующихъ милостыня лучами озаряя утѣшаетъ, подавая требующимъ доволно, ему же со всѣми вами, державными земля, сторицею въ семъ вѣцѣ да воздастъ Христосъ Богъ и в будущемъ животъ вѣчный. Но суть нѣцыи мнози недостойнiи таковыхъ благодатей жалованья великого самодержца, иже змѣною и воровствомъ идутъ, имъже ни турская неволя, ни объстоянiе еретичества стужаетъ се зде близь предѣлъ Московскихъ з нашихъ монастырей Прилуцкого и Лубенского, точию дабы, съ послушания утекши самоволнѣ отсюду, сластей восприятие обрѣсти. По божественныхъ отецъ правиломъ, сицевiи да суть канонисани, аки порочницы, досадители своему обѣщанiю, охулници имени Божiя, им же идеже аще идутъ, клятва послѣдуетъ, а не благословенiе. Аще бы кой з старцовъ нашихъ со благословенiемъ и молебною грамотою тамо ишолъ, такового годится приимати, а змѣнниковъ и воровъ бездѣлныхъ бы назадъ до насъ возвращати маетъ благовѣрный царь; иже бо здѣ безчинникъ и змѣнникъ, и тамо лучшей не будетъ, чаю што уже и дознали есте. И нынѣ нѣцiи, зворовавши не мало, поутѣкали тамо до васъ, цѣлое ихъ десять, на имя: Iовъ, што уже тамъ былъ у Путимлю и, поворовавши тамъ, сюды утекъ, а теперъ опять тамо пошолъ, другой Фома, 3 Кирило, 4 Давыдъ, 5 Евстратий, 6 Паисей, 7 Ванко, 8 Хилко, 9 Сахно, 10 Мисайло. Таковая сонмища святотатству и всякой злобѣ и лукавству виновна. Чаю, яко и у васъ сего блюдутъ опасно, дабы самоволнѣ старцы не волочилися; што жь у васъ не ведется и правила не повелѣваютъ, и нашимъ волоцюгамъ безчинно хо-

дити тамо возбраняйте, наказавши, яко же подобаетъ, и со запрещеніемъ воспять паки возвращайте. За што тако и у васъ казнятъ, якъ за змѣну? Чаю, ни за што такъ, якъ за змѣну. Што жь вамъ не любо, и намъ не зычте. И вторицею паки молимъ ваше благородство таковой обиды намъ творити тымъ зрадцомъ не позволяйте и лжамъ ихъ не увѣряйтеся; бо еслибы што здѣ насъ отъ Ляховъ находило за вѣру гоненіе якое, штобъ до унѣи насъ хотѣли навертати, сами бихмо старцовъ с молебными грамотами до благовѣрного вашого царства пустили, и не точию старцовъ, но и сами не где инде, точию тамо до васъ християнъ. А нынѣ еще благодатию Божіею мирствуемъ о вѣрѣ. Прочее благодати Божей васъ и себе вашей призни отдаемъ. Данъ з манастыра Лубенской обители святого Спаса, прозываемого Мгарь, року 1626, мѣсяца маіа 21.

Вашому благородству всего доброго зычливый и богомолца присный Ісайя Копинский, милостию Божиею епископъ и ексархъ патріарший, рукою власною.

Копія доставлена оттуда же.

CCXXXII.

Королевскій листъ епископу Луцкому Ереміи Почаповскому съ порученіемъ взять подъ свое вѣдѣніе Жидичинскій монастырь и принадлежащія къ нему имѣнія впредь до назначенія новаго архимандрита на мѣсто низложеннаго Никодима Шибинскаго. 1626 года, іюня 8.

Року тисеча шестсот двадцат шостого, месяца июля двадцат второго дъня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кролевской милости Луцкомъ, передо мною Мартиномъ Счениевскимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими Луцкими, станувши очевисто шляхетный панъ Петръ Кгевловичъ, именемъ велебного в Бозе его милости отца Еремияша Почаповского, владыки Луцкого и Острозского, для вписаня до книгъ кгродских Луцкихъ подалъ перъ облятамъ листъ

его королевской милости, с подписомъ руки его кролевское милости, на тыле запечатованый и з написанемъ интитуляцыи, при тое же печати на тыле будучое, до менованого его милости отца владыки Луцкого, в справе в том листе нижей описаномъ меновите выражоное писаный, о чомъ тотъ листъ его кролевской милости ширей в собе маетъ, просячи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. Которого я вряд, для вписаня до книгъ принявши, читаломъ, и такъ ся в собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Zygmont Trzeci, z Bożey łaski krol Polsky, wielkie xiążе Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmodzkie, a Szwedzky, Gotsky, Wandalsky dziedziczny krol. Wielebnemu oycu Hieremiashowi Pochapowskiemu, władyce Łuckiemu, wiernie nam miłemu, łaska nasza krolewska. Wielebny wiernie nam miły! Iż przeszły archimandryta Zydiczynsky Nikodim Mokosiey Szybinsky za pewne excesy swoie, przeciwko przystoynosci stanu swego duchownego popełnione, przez dekret wielebnego w Bodze oyca metropolity Kyowskiego, iest s tey archimandriciey złożony, prseto żądamy, abyś wiernosć twoia, ten w ktorego dioceziey monastyr Zydiczynsky leży, z powinnosci swoiey ten to monaster, ze wszytkiemi cerkwiami y dobrami do niego należącemi, zniosszy się z urożonym Hieronimem Charlinskim, starostą naszym Łuckim, jeslibyś w. t. pomocy jego ku temu potrzebował, do zawiadowania y władzy swoiey obiął y do tego postrzegał, iakoby żadna szkoda w maiętnosciach cerkiewnych ni od kogo nie była, dotąd, poki ynszy archimandryta od nas temu manasterowi podany będzię, co w. t. uczynisz z powinnosci swey y dla łaski naszey. Dan w Warszawie, dnia osmego miesiąca czerwca, roku Panskiego MDCXXVI, panowania krolewstw naszych Polskiego XXXIX, Szwedzkiego XXXIII roku.—У того листу подпис руки его кролевской милости тыми словы: Sigizmundus Rex, а интитуляцыя на тыле того листу при печати его кролевской милости тыми словы: Wielebnemu Hieremiaszowi Poczapowskiemu, władyce Łuckiemu, pobożnie nam miłemu.—Который же то листъ его кролевской милости, за поданемъ и прозбою вышъречоное особы, а за принятьемъ моимъ урядовымъ, увесь с початку аж до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1626 г., № 2137, л. 1099.

CCXXXIII.

Отрывокъ изъ письма Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго къ царю Михаилу Θедоровичу съ извѣстіемъ объ уніатскомъ соборѣ въ г. Кобринѣ. 1626 года, іюля 31.

К симъ же и то да увѣсть твое пресвѣтлое царство, ако апостатове унитове, отступницы святыя восточныя церкве, повелѣніемъ великого короля нашого, огласиша духовный свой соборъ в Кобрини, в лѣто сее мѣсяца августа 26 дня, еже бы насъ православныхъ, егда не повинемся, прокляти и мирскимъ судьямъ, яко осужденыхъ и недостойныхъ и отъ церкве изгнаныхъ, суду и потомленія ради благочестія восточного предавати. Но мы, на щедроты вседаровитого владыки Христа и на своея истынныя вѣры несумнителное благочестіе уповающе, никакоже тѣхъ злокозному повинутися совѣту судихомъ, чающе еже отъ Христа укрѣпленія и непоколебимого утвержденія и всеконечныя утѣхи и неопреодолимыя помощи. Еюже и ваша пресвѣтлая царьская православная держава да сохранится нынѣ и во вся безконечныя вѣки, молитвами пречистая Богородицы и всѣхъ святыхъ, аминь. Отъ обители Архангеловы храма Златоверха Богомъ спасаемаго града Киева, в лѣто бытія мира 7134, а спасителнаго смотренія Владычня 1626, іюля 31 дня.

Вашея пресвѣтлыя царския Богомъ хранимыя православныя державы недостойный и присный молитвенникъ и нищий нижайшій рабъ Іовъ Борецкий, смиренный митрополитъ Киевский, рукою власною.

Подлинникъ въ Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Копія доставлена кн. Оболенскимъ.

CCXXXIV.

Донесеніе вознаго объ отдачѣ на поруки дв. Павлу Крыштофу Сенютѣ проживающаго въ его имѣніи с. Ляховцахъ аріанскаго вѣроучителя Петра Моршковскаго и о врученіи послѣднему позва къ трибунальскому суду по обвиненію его ксендзомъ преоромъ Ляховецкаго доминиканскаго кляштора въ распространеніи аріанской секты. 1627 года, іюня 19.

Року тисеча шестсот двадцат семого, месяца июня деветнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевской милости Луцъком, передо мъною Константимъ Хорошъком, наместником подстароства Луц-

кого, и книгами нинешънимн кгродскими Луцкими, ставовши очевисте возный енерал воеводства Волынского, шляхетный Якубъ Домбровский, для записаня до книг нинешних кгродских Луцких сознал тыми словы: иже року теперешнего тисеча шестсот двадцат семого, месяца черъвца шестнадцатого дня, маючи я возный при собе шляхту людей добрых, пана Яна Дрочковского а пана Криштофа Буяковского, з листом напоминалными арештовым або припоручнымъ от суду земского Кременецкого, в справе велебного отца Ерого, казнодии енералного, преора кляштора Ляховецъкого закону святого Доминика, и всее брати того ж кляштору, до урожоного его милости пана Павла Крыштофа Сенюты на Ляховъцахъ выданнымъ, ездилъ есми до помененого его милости пана Сенюты до местечка Ляховецъ, мешканя его, до замочку, арештуючи и припоручаючи му министра або предикатора науки и секти ариянское в замку и в местечку Ляховцах, меновите Петра Моршьковского, где в замку тамошнем Ляховецком того министра Моршъковского при его милосте пану Сенюте на тот час заставши, оного очевисте през тот лист арештовалем и припоручил в десети тисечей копъ грошей литовъских его милости пану Сенюте до росправы зо всею маетностю его, которую припоруку и арештъ его милост панъ Сенюта доброволне прилял и до росправы дотрымати обецал; якож тогож дня позовъ головный трибуналский автентычный очевисте в руки помененому пану Петрови Моршковскому, министрови, в Ляховцах, въ дому мешканя его, отдал, писаный тот позовъ по него самого в жалобе вышменованого отца преора Ляховецкого и всее брати тогож кляштора Ляховецкого, а то до прислуханя се всказаня на нем вин правных и наказаня конфискацией добр его, ведлугъ облигацией его милости пана Сенюты, взглядом проповеданя и россиваня през него науки и секты ариянскоей и привоженя и наворочаня людей хрестиянских, такъ з релией кгрецкое, яко и католицъкое, в местечку Ляховцах, на секту ариянскую и понураня ихъ перепалых, яко о том тот позов ширей в собе маетъ; за которымъ мают рокъ обоя сторона ку праву станути перед судом головнымъ трибуналским Любелским на тот час, кгды тая справа напервей по положеню того позву в року теперешнем тисеча шестсот двадцат семом припадет и порядкомъ своим з реестру судового до суженя межи справами таковыми духовными заволана будет, и о том тое правдивое

свое сознане чиню. Которое за принятемъ моим до книг кгродских Луцких ест записано.

Книга гродская Луцкая 1627 года, № 2453, л. 199.

CCXXXV.

Жалоба отъ имени игумена Луцкаго Братскаго монастыря и всѣхъ членовъ православнаго братства Луцкаго о томъ, что дв. Войтехъ Хелповскій, встрѣтивъ на р. Стырѣ ѣхавшаго въ лодкѣ братскаго монаха, началъ бранить его, наносилъ ему побои и, намѣреваясь утопить его, опрокинулъ лодку на срединѣ рѣки, причемъ поносилъ игумена и иноковъ братскаго монастыря и грозилъ топить ихъ въ рѣкѣ «какъ псовъ». 1627 года, августа 14.

Року тисеча шестсот двадцат семого, месяца августа чтырнадцатого дня.

На вряде кгродском, в замъку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Юзефомъ Сеницкимъ, будучим на тот час наместником подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими Луцкими, постановившисе очевисто шляхетный пан Иванъ Выговский, именем велебного в Бозе отца Митрофана Дементияновича, игумена старшого, и иншых духовных чернъцовъ манастыра Луцкого, также и всего братства церкви Луцкое заложеня честного и животворящого Креста Господня, жалосне се сведчилъ и протестовалъ на шляхетного Войтеха Хелповского и иншых товаришов и помочниковъ его, ему самому имена и прозвиска ведомых и знаемых, о то, иж онъ в року теперешнем тисеча шестсот двадцат семом, месяца августа дванадцатого дня, неведат если будучи од кого субординованый, чили тежъ такъ сам през себе, с тыми то килка помочниковъ собе имены и прозвиска знаемых, едучи водою на перевозе а поткавши одного на Стыре чоловека духовного чернъца манастыра братства Луцкого на йме Серапиона, самотретем толко теж водою едучого, ничого в том не оглядаючисе на повинност хрестиянскую, а ни се обавляючи права посполитого и вин в нимъ

описаных, оного чоловека духовного, без даня собе жадное причины, але снат насмеваючисе в томъ и на взгарду релии хрестиянское старожитное греческое, особу духовную шарпаючи и бючы, посполу з другими едучого з лоди въ воду кгвалтомъ и ничого имъ не винныхъ повыпихали и зъгола зъ лоди вывернули, хотечы их всих потопити и света збавити, так, же ледво за охороною Божою а ратунком людей побожных хрестиянских од смерти сут ратовани и живы зостали, который чернец, яко чоловек юж седивый, с такого перестраху и тепер хорым ест. При томъ старшого и въсихъ духовных манастырских словы неуцтивыми лжили, соромотечы а волаючы, же „тут вас всихъ, як псов, с того манастыра будем волочыти и в той воде топити“; и так замыслови и воли своей предсевъзятой досит учинившы, то зъробившы и всих злаявшы, одехал. Зоставуючы теды волное чинене шыршое протестации, тепер о таковое зелжене менованого черница самотрет идучого, зсоромочене людей духовных и всего братства менованый протестансъ и повторе светчитсе и то до уряду доносит, оферуючы о то все тому, кому з права будетъ належало, правне чинит, а на тот час просечы, абы тое его оповедане принято и до книг записано было; што за принятем моим урядовым до книг кгродских Луцких ест записано.

Книга гродская Луцкая 1627 года, № 2453, л. 520.

CCXXXVI.

Жалоба студентовъ іезуитскаго коллегіума въ Луцкѣ о нанесеніи имъ побоевъ монахами Братскаго Луцкаго монастыря. 1627 года, октября 9.

Року тисеча шестсот двадцет семого, месеца октября девятого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцъком, передо мною Вацславом Кринскимъ, будучимъ на тотъ час наместником подстароста Луцъкого, и книгами нинешъними кгродскими Луцъкими, ставъши очевисто шляхетные Самуел Исайковский, Александер Довъкгердъ и Миколай Влосовичъ, своимъ и именемъ усихъ студентувъ колеюмъ Луцъкого социетатис Езу сведчили и протестовалисе напротивъко игуменови, такъ же и Елисееви и Анътонему чернъцомъ и инъшимъ усимъ чернъцомъ, и Иоанови попови при церкви светого Крыжа, екстра унионемъ будучимъ, такъ же и челяди и дякомъ ихъ, о то, ижъ помененые чернъцове, маючи отуху од брацства своего, часто на протестуючихсе студенътовъ Луцъких словы и рукою, такъ же и каменми порываючисе, яко ж часу недавъного, то естъ шостого дня октобра, кгды шляхетный Ерый Желиславъский, студентъ, по потребах своих мимо манастыр ихъ ишолъ, тамъ вырвавъшисе оденъ с чернъцовъ именемъ Елисей, оного ничого собе и никому невинного золъжили и зъсоромотили и слова неуцтивые доброи и непереконанои славе его шкодливые задати смел и важилъсе. А потомъ дня вчорашнего, то ест осмого дня октобра, кгды некоторые зъ студенътовъ, меновите: Павелъ Домъбский, Хилярый Козловъский и Валенътий Шашницкий, прехожаючисе, до манастыра вступили, тамже заразъ толко обачивъши ихъ Елисей чернецъ, идучи пяный, з добытымъ кордомъ выпадши, напрод на помененого Павъла Домбъского тявъ, который ледво се палцатомъ, который мел в рукахъ, оному тятю зложилъ, однакъ, перетявъши тот палцат, оного в руку левую, въ палецъ мизиный и подле него в другие палци ранилъ, а Чешницкого и Козловъского плазомъ обложилъ; тамъ же другие чернъци, ворота до цвинтара замкновъши, каменми на помененых студенътовъ кидати почали, а потомъ и месчанъ пъяныхъ до себе прибрали, же ледво перед ними помененые студенты за охропою Божою здоровые ушли, тамже розмаитые отповеди, прегрозки

чинечи, студенътовъ усих соромотили; которую протестацию дадут ширей на копии. А потомъ зараз помененый Павелъ Домбский передо мною урядомъ тое ображенъе на левой руце, на палцу мизинымъ, зысподу и на верху другого палца подле него указалъ и потомъ о прыданъе возного на огледанъе того ображенъя просилъ; которому я и возного, которого онъ собе способити можетъ, придалъ; што все ширей на копии дадут. Которое жъ то оповеданъе, за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ кгродскихъ Луцъких естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1627 г. № 2453, л. 623.

CCXXXVII.

Жалоба монаховъ Кіево-печерскаго монастыря о томъ, что спустя недѣлю послѣ избранія на Житомирскомъ сеймикѣ воеводича Молдавскаго Петра Могилы въ санъ архимандрита Печерскаго, Житомирскій староста Янъ Тишкевичъ съ многочисленнымъ военнымъ отрядомъ прибылъ въ Кіевъ, и окруживъ войсками Печерскій монастырь, потребовалъ, чтобы монахи, отступивъ отъ Петра Могилы, приняли къ себѣ архимандритомъ родственника старосты о. Германа Тишкевича, въ каковомъ смыслѣ онъ здѣсь же написалъ избирательный актъ, приказавъ подписать его своимъ слугамъ; когда же монахи отказались принять предлагаемаго имъ архимандрита, то Тишкевичъ съ угрозами оставилъ монастырь. 1627 г. октября 6.

Року тисеча шестсот двадцат семого, месяца октобра шостого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Вацлавомъ Кринскимъ, будучимъ на тот час наместникомъ подстароства Луцъкого, и книгами нинешними кгродскими Луцъкими, становши очевисто велебные в пану Богу отцове Тарасий, економъ, и Пафнотий Олшанский, законъници манастыря Киевского Печарского, своимъ и всее братии законъниковъ монастыра помененого именемъ ускаржалисе и соленитер протестовали на его милость пана Януша Тишкевича, старосту Житомирского, ижъ кгды по зойстю с того света велебного в Богу отца Захаряша Копыстенского, архиманъдрыта Печерского Киевского, позосталая по немъ капитула з наместником своимъ, прихиляючисе до правъ своих, наданыхъ стародавъне од наяс-

нейших королювъ полскихъ, антецесоровъ наяснейшого короля пана свого... описано выразне, абы по умерлыхъ иншого архиманъдрыта собе обирали, възвавши обывателювъ до себе, што кгды учинили не мешкаючи, меновали собе отца Теопфана Боярского, а с тою елекциею по конфирмацию до его королевской милости пана свого милостивого выправили с посредку себе духовенъство, просечи о конъфирмацию менованой особе. Чому с певъных причинъ ижъ се скутокъ не сталъ, а поватою своею панскою корол его милост тую елекцию знюсши, през листъ свой позволяетъ духовнымъ инъшую елекцию на архыманъдрыта, утвержаючи права стародавъные, водле которыхъ абы чоловека годного обрали, узвавъши до себе их милост пановъ обывателювъ, которые бы до того належали; якожъ тот лист приводечи до ведомости вшемъ станомъ, в дорозе едучи, брата посылаючи, подали перобляттамъ до актъ трибуналскихъ Любелскихъ, одкул кождый найснаднѣй ведомости собе досягънут може. А приехавъши посланое духовенъство до свого манастыря, заразомъ през листы свое приватные обвестили о томъ станъ шляхецкий о такой воли и позволеню его королевской милости на другую елекцию, о чом на зеездъ публичный до Житомира, под час отправованя сеймику, менуючи и назначаючи час и ден шестнадцатого сенътебра до отправеня тое елекции, поневаж елекция депутатская дня тринадцатого сенътебра была отправована. Теды, по отправеню тое елекции, дня третего тое отправити жадаючи, абы се ихъ милост панове обывателе тые, которые до того акту належат, зъехали, послали и ознаймили. Кгды тот денъ шеснадцатый сенътебер пришолъ а шляхетского стану прибыло, згодне, вси унаниме консенсу усе духовенъство з обывателями, которые до того належали а на тот ден прибыли, обрали на архиманъдрыцию печарскую Киевскую велможного Петра Могилу, воеводича землъ Мулъдавских, чоловека высоце знаменитого, на тот станъ годного, без жадное причины водле каноновъ чистого млоденъца а способного и умиетного водле потребы церкви светой на той уряд, которого уже обравши згодне, на елекции згодне вси подписалисе, уже толко до короля его милости пана свого милостивого по конъсенсъ, водле обетници на то ихъ милостей, усилуючи выправит. Теды тогожъ дня в самый вечоръ россыпано листы по манастыру до черцовъ по целляхъ от отца Германа Тишкевича, который з Литвы

в тыи краи заехалъ а подписуется на листахъ своихъ наречонымъ архымандрытомъ Печарскимъ, а пры томъ лыст од его милости пана Тишкевича, старосты Житомирского, обецуючисе приехати до манастыра Печарского дня двадцат третего сенътебра, в тыжден по обраном вже архимандрыте, и обецует зъ собою мети отца Германа Тишкевича, убезпечаючи чернцовъ не промоват оного на архиманъдрыцство, одно в ынъший способъ мети его зъ собою, ознаймуючи тудежъ и лист зъ сеймику депутатского през листъ маршалка свого на тот час с подписом, вымовляючисе, же не прибуду на ден шестнадцатый, але помыкаючи часу, през тыжден, што была реч неможная и неслушная, по конклюзии того акту, зголне зъ собою знову пишутъ елекцию складат, противъку правумъ и универсалови его королевъское милости быти не могло. Што кгды ачъ до ведомости вшех становъ и обывателевъ дошло и о то конъклюзия елекции станола дня шестнадцатого сенътебра, одны се любо абъсентес про гокъ темпоре конътентовали, яко и листами своими попережаючими позволяют, ижъ собе тые електа теперешнего залецаютчи. А его милост панъ староста Житомирский, приспособивши до себе повинъныхъ своих килка особъ, зобравши купу людий немалую, так езды, яко и пехоты, в килку сот чловека притягнулъ до Киева рано в четвер, дня двадцат третего сенътебра; вперод вступитъ до замку Киевъского, о котором капитула ведомост взявши, выслали черни противко его милости духовныхъ двохъ черънцовъ и двох шляхтичовъ, просечи его милости, абы с таким войском на манастыр законъниковъ спокойных не наежджалъ, которые жадное обороны а ни войскъ не мают, самого Пана Бога, а короля его милости пана свого милостивого при правехъ а справедливости ихъ оборонцу маючи, итижъ безъ войска кождому естъ кляшторъ отвартый, кому чого потреба, которого кгды послове поткали, просечи и упоминаючи, абы с таким тумултом не наступовалъ, оповедаючи, ижъ елекцие мают, чого бы его милость потребовалъ, хотечи дати о всемъ справу, если тежъ на набоженство, и тымъ охотне его милост хотели уконътентоват, абы одно без того тумулту было, не хотел се дат гамоват а ни мярковат, але и овшем, нулло термино етъ нулло респектум габито, впередъ перед собою вировадилъ отца Германа Тишкевича з двима стами пехоты в господу перед манастыр, а пехота армата ману оступила манастыр, станоли гай-

дуци в справе якъ до потребы, а потомъ зараз наступили зъ ездою в килку сот коний перед манастыр, розумеючи, ижъ мелъ быти замкненый. Кгды отвороные ворота засталъ, не седаючи с коний перед броною, яко звычай естъ, яко их милост панове воеводове приезджючи звыкле се заховыват, чинечи местцу светому пошанованъе и законъником хут и милост свою показуючи, а его милост пан Тишкевичъ, розделивъши войско свое, одных в справе при пехоте своей зоставилъ, а сам з кгвардиею на конехъ въехалъ въ брону и през увес манастыр аж до реффектара, то естъ трапезы; там съседши с коней, не шол вперод до церкви, где духовные вси были, але до избы великое вшолъ, по наместника пославъ, абы до него пришолъ, а кгды пришолъ, вперод намовлял, абы приняли отца Гермача Тишкевича на архимандърыцию, а его милости пана воеводича Молъдавъского абы одступили, што была южъ реч неподобная, в тыжден яко южъ елекция згодная станола; и кгды чернци, одправивши набоженъство, вси пришли до изъбы, вперод оным розмовилъ, которые вси згодне не одступити свого електа его милости пана воеводича деклеровалисе его милости пану старосте, то южъ фукат почалъ, грозити наехати на маетности манастырские, каже пустошити. А потом писат росказалъ шкриптъ инъ вим елекцисн якоес собе приватное на отца Тишкевича, приятюл своихъ зъ собою маючихъ привелъ зъ собою до подпису, а слугом своим подписоватисе росказал, над право, которое служит тому манастырови, ижъ елекция архимандрыты при духовной капитуле того манастыра зостает, призвавши тылко до себе обывателювъ, и противко универсалови и воли его королевское милости, ижъ духовнымъ позволяетъ елекции собе зложеня на архимандрыта имъ належачого и потребуючого мети старшого собе, а толко узвавши тыхъ, которые до того належат; якожъ такъ чернъци з наместникомъ своимъ поступили. Што его милость панъ Тишкевичъ все взрушилъ, наступивши моцъю и потугою, а кгды чернъци се протестовали, там же перед всеми поведилъ: ижъ „тое вамъ ничого не поможе“. А през тот час, под тот поступокъ кгвалтовный в манастыру, тые люди, которые стояли в справе перед манастыром, езда и пехота, ворота манастырские замкненые были тамъ, незедати, кво анимо дукти, если з росказаня якого, албо з уприкреня собе, ижъ такъ долго в справе стояли, кинулисе до броны съ сокиръками, обухами, каменями,

выбияти почали, а кгды не выбили воротъ, скочили до паркану и онъ роскидали, и учинивши дыру, впали за парканъ, а кгды обачили за парканомъ валу штуку усыпаного, варуючи од неприятеля, назад се одвернули, а тую дыру самиж заправили. Кгдыж одправивъши водле воли своее и замыслу свого, што хотель, нафукавъши, грозечи вышолъ под вечоръ з манастыра до господы, которая недалеко манастыра была; там переночовавъшы, на завътрее одезджаючи, едучи мимо манастыръ, обачивши килку черпцовъ, фукалъ, грозилъ и наехати на манастырь зъ своимъ приватънымъ архиманъдрытою обецалъ, за две недели наидалей меновалъ. О што все, яко се вышшей описало, а меновите о такий тумултовый наездъ, о зъневагу и неушанованъе местца светого, а затым о приватъное обиранъе того през него кгвалтовъне възпроважаючого а през мусъ, кгвалътъ и опнресию великую подаваючого па архиманъдрию тутешную Киевъскую того отца Германа Тишкевыча, порядкови и житю нашому законничому во всем спречоного, которого оны, дознавъши его вшелякихъ поступъковъ и житя не водле чину ихъ, кгды межи ними в посредку ихъ перед тымъ часъ якис былъ, жадною мерою не толко за архиманъдрыта, але и за простого черньца межи собою мети не хочутъ, притомъ и о неважностъ подписовъ, которые бы се тамъ до того шкрипту неслушного, такъ зъ людий свецких стану шляхецкого, яко и зъ духовънихъ, подписати мели, а затымъ о вины правъные и о шкоды, которые церковъ Божая за таковыми его милости усилствами и тумултовыми наездами поносит, которые часу права и местца менованые оказаные будут, на его милость пана Януша Тишкевича, старосту Житомирского, итерум атква жалосне се осветчали, зоставуючи собе волную мелиорацию тое протестации, в чомъ бы колвекъ потреба указовала, а на тот час просили отцове законъници Печарские, абы тое ихъ осветченъе было до книгъ кгродских Луцких принято и записано; што отримали.

Книга гродск. Луцк. 1627 года, № 2453, л. 608—611.

CCXXXVIII.

Жалоба монаховъ Луцкаго Братскаго монастыря о томъ, что студенты іезуитскаго коллегіума, схвативъ на улицѣ пѣвчаго монастырскаго шляхтича Михаила Мудринскаго, силой увели его въ свою бурсу и тамъ подвергли жестокому истязанію. Показаніе вознаго, свидѣтельствовавшаго состояніе здоровья Мудринскаго и знаки нанесенныхъ ему тяжкихъ побоевъ. 1627 года, октября 16.

Року тисеча шестсот двадцат семого, месеца октобра шестнадцатого дня.

До уряду и книгъ нинешъних кгродских Луцких и до мене Костанътого Хорошка, наместника подстароства Луцкого, обличънe пришедши велебныи в Бозе отцове, то естъ отецъ Анътоний Амъбуковский, законъникъ регулы светого Василя, и побожный отецъ Иоанъ, свешченъникъ з монастыра брацтва Луцкого релии кгрецкое, в небытности на тотъ час отца игумена своего, оного и всее брати чернъцовъ законниковъ и светских особъ брацтва Луцкого именемъ, тудеж и именемъ шляхетного Михала Мудринского, слуги и спевака церкви Божое Поднесенъя светого Крыжа, з нижей описанного побитя барзо хорого, на смертелнои постели лежачого, соленитеръ светчили и оповедалисе на превелебныхъ в Бозе ксенъдзовъ отцовъ Бартоновъского ректора, пиленуя, префекта, маистров и всих езуитовъ колеюмъ тутешънего Луцкого и ихъ милости пановъ студенътовъ буръсаковъ, ихъ милостям добре имены и презвиска знаемыхъ, о то: ижъ ихъ милостъ, не конътентуючисе давъными свежо дня оногъдашънего учинеными крывъдами презъ пасланъе на манастыръ и школу брацскую студенътовъ, але кривъду до кривъды и жал до жалю тымъ булший придаючи а похвалъку презъ тое оногдашънего дня насланъе студенъты на одстрашенъе сусчихъ спиваковъ, слугъ церковныхъ, учиненое выконываючи, того-то Михала Мудринского, спевака и слугу церковъного, в потребе певной в Троецкую улицу до дому пана Хацка месчанина з манастыра дня нинешънего посланого, на улици буръсакомъ улапити, а улапаного до буръсы неуцтиве впровадити казавъши, по замкъненю буръсы, однымъ положивъши на земли, за голову, руки и ноги ростягъненого тримати, а другимъ килку киовъ руки и ноги одбити казали, которыи в томъ волю ихъ милостювъ зуполне выконавъши, побитого на улицу з бурсы,

поведаючи, же „такъ кождому, хто одно при той церкви будет се бавил", выкинули, над которымъ, ижъ южъ не тылко ити, але и рушитисе не моглъ, ажъ люде християнъскии змиловавъшисе, вложивъши в коцъ, до манастыра принесли, который вонътплива реч, кгды живъ зостане, абы рукою и ногою ливою владати мелъ. Которого для боязни тыхъ же ихъ милостей, абы чого болшого над ним не учинено, и для болю и крику его великого, мне урядови не презенътовали, однак на огледанъе тыхъ ранъ и побитя таковото о приданъе возного мене уряду просили, которымъ я заразъ с повинъности уряду моего возного енерала воеводства Волынского, шляхетного Яхима Присталовъского, придалъ, который за приданъемъ моимъ бывъши в помененым манастыре тутошънимъ брацскимъ, з указаня законниковъ, того слугу церкви Божое въ пекарни на печи лежачого заставъши и побите оного огледавъши и до мене заразъ звернувъшисе, доброволне и правъдиве быти созналъ: ижъ маючи при собе двохъ шляхтичовъ добрых, пана Стефана Тележинского и пана Яна Решневецкого, виделъ того всего кийми збитого, спухлого, тѣло все ногу и руку левую барзо побитые, а раны крывавые, который твердилъ кости в рукахъ, ногахъ и ребра поламаные, и тое збите без причины сталое улапленому на улицы Троецкой в буръсе од студенътовъ, за ведомостю, намовою и росказанемъ власнымъ ксендза ректора, префекта и въсее брати отцовъ езуитовъ колеюмъ Луцкого, якож и то призналъ, же на руку и ногу левую значъная реч, же хромымъ быти муситъ. И просили поменены отцове, абы то ихъ осветъченъе и возного сознанъе принято и записано было; которое я принявъши, записати казалъ, и ест записано.

Книга гродская Луцкая 1627 года, № 2453, л. 645.

CCXXXIX.

Жалоба монаховъ Луцкаго Братскаго монастыря о томъ, что ректоръ и префектъ Луцкаго іезуитскаго коллегіума, задумавъ силой отобрать лучшихъ пѣвчихъ изъ хора братскаго, наслали многочисленную толпу вооруженныхъ студентовъ на монастырь, которые вторглись въ братскую школу, били учившихся тамъ дѣтей, глумились надъ учебными книгами, потомъ затѣяли драку съ монахами и старшими братскаго шпиталя, многимъ изъ нихъ нанесли побои и тяжкія раны, съ крикомъ бѣгали по монастырю и били всякаго, кого находили, до смерти затоптали ногами одного нищаго, призрѣваемаго въ братскомъ шпиталѣ, и произвели многія другія насилія и безчинства. Показаніе вознаго, производившаго дознаніе по поводу этого происшествія. 1627 года, октября 16.

Року тисеча шестсот двадцат семого, месеца октобра шестнадцатого дня.

До уряду и книгъ нинешъних кгродских старостинъских Луцъкихъ, перед мене Конъстантого Хорошка, наместника подстароства Луцкого, обличъне пришедши велебные въ пану Хрыстусе отцове Анътоний Амъбуковский, законъникъ светого Базилего, и Иоанъ, свешченъникъ монастыра брацского Луцъкого, в небытности на тотъ часъ отца Митрофана Деменътияновича, игумена, яко старшого свого, именем оного и всих духовъных законъниковъ регулы светого Базилего, тудеж и свецких особъ шляхты, брацства Луцкого заложеня Поднесеня светого Крыжа, прихиляючисе до словъне свежо дня оногдашънего девятого месеца теперешнего октобра, през них пред наместникомъ моимъ занесеное и до протокулу вкротце записаное протестации своеи, при которои зараз и приданъе на возного до нижей описаное речи отрымали, соленитеръ светчили и протестовалисе на велебныхъ в Бозе кзенъдза ректора, ксендза пиленуя, префекта, Лагодовъского и Ковъского маистровъ и иныхъ отцовъ езуитовъ усихъ колеюмъ Луцкого социетатисъ Езу, которымъ ксендзъ ректоръ и префектъ сами имена и прозвиска лепей ведают и знают, и на велебного кзэнъдза Скрешевъского викарого, также и на студенътовъ: Ерого Желиславъского, Павла Дембского, Гилярого Козловъского, Валентого Чесницкого, Миколая Влосовича, Самуеля Исайковъского, Александра Долъкгерда, Чурила Фиркъса и всих инъшыхъ студенътовъ, которых имена тот же его милостъ ксенъдзъ ректоръ и ксенъдзъ префектъ лепей ведаютъ и знаютъ, о то: ижъ

пречечоныи их милости отцове езуиты, ксендзъ ректоръ с префектомъ и иншими всими отцами езуитами колеюмъ тутошънего, не конътентуючисе першими частокрот чинячими кривдами, которые такъ манастырови брацства Луцкого, яко и при нимъ шпиталови презъ студенъты свои чинили и чинити не переставаютъ, а меновите впередъ, за упадненъемъ зъ студенътами своими презъ шпитал в помененый манастыръ, нотлученъемъ и пострахатъемъ шпиталныхъ хворыхъ. побитемъ чернъцовъ, звоненъемъ в звоны брацские и инъшими кривдами, што се было для покою пробачило и правомъ не чинило, теперъ свежо в року нинешънимъ тисеча шестсот двадцат семомъ, месеца октобра осмого дня, ведаючи од давного часу въ брацстве о спевачку Иванъку, который коштомъ, старанемъ и працею побожного брацства Луцкого ку фале Божои а оздобе церковнои цвичоный будучи, зъ иными юркгелтными церкви Божои въ спеваню служилъ, которого не могучи през розные намовы и старанъя свое ку собе од церкви Божое приспособити, упатъривъши, для одяханя отца игумена, яко старшого, въ потребахъ церковныхъ з манастыра, час тому способный, раду сами и намову едностайную на взяте оного кгвалътовне зъ школы брацское з собою учинивъши, вперод тых всих верхуменованыхъ студентовъ своихъ оружно, с кордами, шаблями и балтами для взятя кгвалтомъ не толко того, еслибы боронено, спевачъка Иванька, дышканъцисты, але и другихъ при пим выборнейшихъ спеваковъ з манастыра и з школы брацское, а за ними по малымъ часе иныхъ усих студенътовъ зо всихъ своих школъ, которых было о двесте, с поменеными отцами майстрами для даня имъ посилку, помочи и для подеспектованя и приведеня оныхъ зо всими законъниками тогож манастыра и дозорци албо учителя тое школы, побожного отца Елисея Илковского, законъника тоеж рекгулы, до колеюмъ своего, выправили, выслали и той намове и воли своей перед себе взятой досытъ учинити росказали. С которых первей выправненые, и кгды се под час одправованя вечерни, алиасъ нешпору, кгды вси законъници и тот зъ школы старший отецъ Елисей з иными свецкими въ церкви на одправованю фалы Божое были, впередъ в манастыр, а потомъ до школы, застаючы того спевачъка, впали, где оного не знашедши, толко в небытности старшого детокъ велю шляхецкихъ и люду посполитого учечихъсе заставши, одних, книги одбираючи, о головы

75

йимъ ими и нагайками безвинъне били, секли, знучали з них азбуки, насмеваючисе оные книги шарпали и шаръпаные на землю покидали и розные причины давали. Которыхъ детокъ плачъ великий и воланъе въ сконъченъю набоженъства законъницы с церкви выходячи услышавъши и до школы прышедши, тых панов студентовъ збыткуючихъ застали и с того лагодне упоминали и строфовали. Теды и на нихъ, яко законъниковъ и духовных, жадного взгляду и респекту не маючи, словы оболживыми посоромотивъши и брони подобывавъши, вышедши з школы, на цвинтар вызывали; а кгды се их броней добытых не бояно и з манастыра презъ грозъбу правомъ на кгвалтовники срокгимъ и прозбою выпровадило и за ними форты манастырскую и шпиталную для покою замкнено было, теды тыи последнии з валу и з розныхъ местцъ, на посилокъ тымъ яко готови з отцами майстрами посланы и прибравъши до себе того ксенъдза Скрешевъского и за реиментара неякогос Собестияна Малявъского, урядника Крупского, слугу его милости пана Олтаревъского, на которых се особливе протестуют, который с ксенъдзомъ Скрешевъским вѣру выкоренити волали, на церковъ Божую стрелялъ и през фуръту шпиталную добыватисе казали. Якож кгды се моцю и кгвалтомъ великим през тую форту шпиталную добывали и оную обухами и друками одбияли и шаблями высекали, тот тумултъ люду великий и кгвалтовное добыванъесе убузство, хворни, подошълыи в летехъ и уломныи слышачи, одны, которыи ходити могъли, ку реце Глущеви, другии ку церкви, а иныи яко могучи до манастыра утекали, а которни ходити не могъли и булшою немочую зложени были, ледво што живо од страху великого, очекиваючи смерти, на местцах своих зоставали, при которымъ добыванъюсе до шпиталя одного убогого, подъ шпиталемъ лежачого, хворого, на йме Лукъяна, подле форты на взгарду утопъютали, который ледво одно што переночовавъши, безъ часу, не такъ с тое хоробы своеи, яко барзей с того перестраху и утисненя албо утопътанъя, на завтрее смертю с того свѣта зшол, а другии до того часу не будучи безпечъны здоровъя своего, с тогож перестраху в болшие хоробы повпадывали. О чомъ старшии услышавъши того шпиталя з домовъ своихъ кгды прибигъли и оных през прозбу свою, абы се од предсевзятого замыслу усмерили, жадали, а на тых, яко людий статечъных, покорную прозбу ничого не респектуючи и оных людий

поцтивыхъ, спокойных, никому ничого, поготову оным, ничого невинъныхъ, побили, пошарпали, пошиковали и одному з них пану Верозубови якийсь студентъ незнаемый и именемъ неведомый кулею зелизною, в руце правой маючою, презъ ударенъе в носъ ажъ храстъки поламалъ, рану з окръвавенъемъ и подпухъненъемъ очу и твары шкодливую задалъ, у которого то удеренъе и ошпеценъе и рану на носе крывавую и на твари синост и я уряд виделъ. А потомъ през шпитал фуртою на цвинтаръ впадши, тому предсевзятъю своему и воли и росказанъю старшихъ през взяте тых законъниковъ до колеюмъ, котории, за надеханъемъ его милости пана Гелияша Сулятицкого и одпрошенъемъ, заледве з рукъ их уволнени зостали и без далшого удеспектованя до цел своих презъ того жъ одпроважени были, досытъ учинили, бы однакъ не одойшли, ажъ по манастыре уганяючисе и слугъ церковныхъ, особъ свецкихъ, дяковъ, по местцах где бы их укрили найдуючи, для обмерженя оным местца того, абы церковъ Божая пуста зоставала, били, шарпали, ругали и розные знуты, преграждаючи оныхъ и законъниковъ выволочаючи, бити и лапати, калечити и о смертъ приправити, навет и самую церковъ и тот шпитал старожитный знести, заледве з манастыра и з шпиталя с такою викъториею пречъ отошли. Што все протестуючии, в части кривъды и кгвалту, въ школе и въ манастыре помененымъ старшимъ сталого, урядови такъ, яко се што деяло, до ведомости донесши, а въ части и кгвалъту шпиталови, убогим и их старшимъ тую кривъду збитя и ображенъя менованые терпячимъ волное особное чиненъе протестации и попарте правомъ зоставивъши, оферуючисе о то правомъ чинити, на подпартъе тое всее скарги и протестации своее тудеж заразъ передо мною и возного енерала воеводства Волынского, шляхетного Яхима Присталовъского, имъ, яко выжей, дня оногдашънего заразъ от уряду приданого, ставили, который ставленый в моцъ правдивого сознанъя своего доброволне ку записанъю до книгъ нинешънихъ призналъ: ижъ маючи онъ при собе для болшое веры шляхтычовъ двохъ, пана Яна Пухалского и пана Павла Янишевъского, того ж дня менованого, то естъ девятого, месеца теперешънего октобра, будучи в шпиталю тутошънемъ старожитнымъ Луцкимъ руским, при церкви Воздвиженъя чесного креста, з оказаня пановъ старшихъ шпиталных, виделъ тело свежо змерлое того убогого небожчика Лукъяна Пинского,

которого менили быти без часу од того перестраху и угнетенъя умерлого, а потомъ, з указанъя тых же, виделъ знаки въ форте шпиталной обуховые и шаблями тятые, камѣнъе и друки, которыми добываносе, потомъ у одного с тых пановъ старшихъ пана Верозуба виделъ рану шкодливе задануую, то естъ носъ кулею желизною при шпиталю пробитый, окриваненый и под очима синост великую, а въ школе въ хлопца школного Тарабары ноги киями побитые и раны кривавые, спухълые, и по иныхъ детъкахъ шляхецких, меновите Тележинских и Гулевичахъ, такъ-же и местских, раны по шиях, твари и руках нагайками посечоные и въ школе и перед школою книгъ словенъских. руских и полских веле подертых, пошарпаных и въ нивечъ оберненыхъ, менуючи то все быти сталое од пановъ студентовъ, при бытности двох отцовъ маистровъ, з росказаня и посланя власного ихъ милостювъ ксенъжи ректора, префекта и иныхъ отцовъ езуитовъ колеюмъ тутошънего. И просили, абы так тая протестация, яко и возного реляцыя, приняты и записаны были; которые я уряд принявъ и до книгъ записати казалъ, што естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1627 года, № 2453, л. 646).*

CCXL.

Жалоба іеромонаха Луцкаго Братскаго монастыря Павла Телицы о нанесеніи ему оскорбленій звонаремъ Луцкаго каѳедральнаго костела и снятіи съ него клобука послѣ предварительныхъ допросовъ о его исповѣданіи. 1628 г., мая 6.

Року тисеча шестсот двадцат осмого, месеца мая шостого дня.

На вряд кгродский, в замок его королевское милости Луцкий, до мене Іосефа Сеницъкого, наместника подстаросства Луцкого, и книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцкихъ пришедши очевисто велебный отецъ

---

*) Примѣчаніе. Такого же содержанія жалоба была занесена „старшими с шпиталя руского Луцкого при церкви заложеня честного креста будучого" п. Стофиномъ Ждановичемъ и Иваномъ Верозубомъ. Ibid. л. 649.

іеремонахъ Павелъ Домживлюдковичъ Телица, законьникъ чернецъ манастыра и церкви брацкое Луцкое, оповедал то урядови и жалосне се скаржилъ, ижъ онъ тепер на доброволной дорозе идучи в певныхъ потребах своихъ, тутъ в замъку околномъ Луцкомъ, противко костелови рымъскому катедралному Луцкому, не ведат с чиего росказанъя, през звонника того костела неякого Собъка естъ зшарпаный и зневажоный, который допытуючисе, якое бы был релии, зъшарпал, зсоромотил, и клобокъ, который на голове с повинности своее законничое мелъ, знял, до поданъя ширшое протестации тот жал и оповедане свое урядови оповедил. Што все для намети до книгъ ест записано.

Книга гродская Луцкая 1628 года, № 2454, л. 782.

CCXLI.

Королевскій универсалъ о дозволеніи православнымъ и уніатамъ открыть въ Львовѣ духовный соборъ съ цѣлью устраненія существующихъ между ними религіозныхъ несогласій, съ разрѣшеніемъ устроить предварительно отдѣльные съѣзды—православнымъ въ Кіевѣ, а уніатамъ во Владимірѣ. Публикація этого универсала. 1629 года, февраля 16.

Року тисеча шестсот двадцат девятого, месяца мая чотырнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его кролевской милости Володимерскомъ, передо мною Анъдреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ Володимерскимъ, и книгами нинешними кгродскими старостинскими, ставши очевисто велебный в Бозе его милость отецъ Григорий Лозовицкий, протопопа Володимерский, для вписаня до книгъ нинешних кгродскихъ Володимерскихъ подалъ пер облатамъ естрактъ выпису с книгъ кгродскихъ Луцъких, з уписанем в нем листу его королевское милости складаня и назначеня сынодў людем релии кгрецкое, так духовным, яко и свецким, обывателем коронным и великого князства Литовского, на местцахъ певныхъ, нижей в томъ выписе вписаном меновите выражоныхъ о чомъ тот екстрактъ ширей в собе объмовляетъ, просячи, абы при-

нятъ и до книгъ уписанъ был. А такъ я буркграбя, тотъ екстрактъ, за поданемъ вышъменованого его милости подаваючого, для вписаня до книгъ приймуючи, читалемъ, и такъ ся в собе маетъ: Выписъ с книгъ кгродскихъ замку Луцкого, лѣта Божого нароженя тисеча шестсотъ двадцат девятого, месяца априля двадцат шостого дня. До уряду и актъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ и до мене Яна Козаковича Прошидского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, пришедши очевисто велебный в Пану Богу его милость отецъ Іозефъ Мокосей Баковецкий, архимандрита Жидичинский, для вписаня до книгъ нинешних кгродских Луцких подал пер облятамъ листъ его королевской милости, с печатю короною болшое канцелярии и с подписомъ руки его королевской милости, пана нашого милостивого, которымъ листомъ его кролевская милость складаетъ и назначаетъ сенодъ людем релии кгрецкое, такъ духовнымъ, яко и свецъкимъ, обывателемъ коронным и великого князства Литовского, на местцахъ певныхъ, нижей в томъ листе вписаномъ меновите зырожоныхъ, о чомъ тотъ листъ его королевской милости ширей в собе обмовляетъ: просечи абы принятъ и до книгъ уписаный и возного до публикации оного былъ приданый. А такъ я врядъ, тот лист его кролевское милости, за поданемъ и прозбою помененого его милости отца архимандрита Жыдичинъского, для вписаня до книгъ приймуючи, читалемъ, и такъ ся в собе маетъ: Zygmunt Trzeci, z łaski Bożey krol Polski, wielkie xięże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflanskie, a Szwedzki, Gotski, Wandalski, dziedziczny krol. Wszem w obec y każdemu z osobna, komu to wiedzieć należy, wiadomo czyniemy y oznaymuiemy, iż wyrozumielismy żądze poddanych naszych ludzi religiey Greckiey, tak duchownych, iako y swieckich, obywatelow coronnych y wielkiego xięstwa Litewskiego, że oni dla uspokoienia rożnosci, ktora międzdy niemy około ziednoczenia się z kosciołem catolickim Rzymskim zachodzi, y dla namowienia y wynaydzienia sposobow, ktoremiby do tego uspokoienia przysć mogli, synod swoy spolny, tak ci, ktorzy iuż są w uniiey s kosciołem katholickim Rzymskim, iako y ci, ktorzy nie są zuniowani, mieć umyslili y o zezwolenie nasze na ten synod obiedwie stronie prozbą swą do nas, przez panow rad naszych y urzędnikow coronnych y wielkiego xięztwa litewskiego, wnosili. Przeto my, bacząc być te

sprawe ich słuszne y ku dobremu a pożytecznemu kosciola Bożego, pozwolilismy y tym listem naszym pozwolami onym stronom obiema synod ich spolny mieć, ktory im w miescie naszym Lwowie na czas pewny, to iest na dzien dwudziesty osmy pazdziernika, roku terazniey-szego tysiąc szesc set dwudziestego dziewiątego, składamy tym listem naszym. Przed ktorym synodem spolnym dla lepszego przygotowania się, poprzedzać maią synody partikylarne stron obudwuch, ktore im, to iest unitom w miescie naszym Włodzimierżu, a nieunitom w miescie naszym Kiiowie, obiema stronom oraz na ieden że czas, to iest pro die nona july anni presentis, składamy. Na ktorych to partikularnych synodach swoich strona każda miedzy sobą wprzod się zniesć ma, a potym strony obiedwie, tak ci, ktorzy są w uniey, iako y nieuniowane, na pomieniony synod do Lwowa społem ziechać się maią, y o uspokoie-niu miedzy sobą radzić y namowić się maią. A co na tem senodzie Lwowskim zgodnie obiedwie stronie namowią y postanowią, to nam do uważenia przyniesć y podać maią. A te senody, tak spolnie iako y partykularny, każdy z nich od pomienionych czasow zaczęcia swego maią trwać niediel dwie tylko, na ktorych stronam obiema wszelkiey con-diciey ludziom, duchownym y swieckim, przyiezdzaiącym, tam trwaiącym, odiezdzaiącym wszelaką seccuritatem sub penis legum waruiemy. Co aby do wiadomosci wszystkim, ktorym nalezy, a zwłascza ludziom religiey greckiey, obywatelom panstw naszych, duchownym y swieckim, tym prędzy przyszło, roskazuiemy starostom naszym y urzędom grodz-kim, aby ten list nasz, w xięgi swe wpisawszy, one publikować y do wiadomosci wszystkich przywiesć roskazali. Dan w Warszawie, na seymie walnem coronnym dnia szesnastego miesięca lutego, roku Pan-skiego tysiąc szesc set dwudziestego dziewiątego, panowania krolewstw naszych polskiego czterdziestego wtorego, szwedzkiego trzydziestego szostego roku. У того листу его кролевское милости печать коронная болшое канцелярии, а подписъ руки его королевской милости тыми словы: Sigismundus Rex. А по вычитаню того листу его королевской милости, я урядъ, прихиляючися в томъ до права посполитого, чинячи досыть повинъности уряду своего, за жаданемъ превелебного его милости отца архимандрита Жидичинского, возного енерала, шляхетного Филона Стрибиля, до публикациеи того листу его королевской милости при-

давши, оный, на местцахъ звыклыхъ копие з него переписаные поприбивавши, объволати и всим до ведомости приводячи публиковать росказалем. Который то возный, чинячи досытъ росказаню урядовому и повинности своей, копие с того листу его королевское милости переписаные на месцахъ звыклыхъ поприбываввъши, приводячи всим до ведомости, тотъ листъ его королевской милости объволал и публиковал и о томъ реляцию свою, перед урядомъ нинешънимъ ставши, учинилъ и созналъ; што все для памети до книгъ есть записано, с которыхъ и сесь выписъ под печатю кгродскою Луцкою есть выданъ. Писанъ в Луцку. У того выпису печать кгродская Луцкая притисненая, а подписъ руки пана подписка кгродского Луцкого тыми словы: Корыктовал Сеницкий. А по вычитаню того выпису кгродского Луцкого, я буркграбя, прихиляючися в томъ до права посполитого, чинячи досыть повинъности уряду своего, за жаданемъ преречоного его милости отца Грегория Лозовицкого, протопопы Володимерского, возного енерала, шляхетного Миколая Закревского, до публикациеи того выпису придавши, оный, на месцахъ звыклыхъ копие з него переписаные поприбивавши, объволати и всимъ до ведомости приводячи публиковать росказалемъ. Который то возный, чинячи досытъ повинности своей, копие с того листу выпису кгродского Луцкого переписаные на месцахъ звыклыхъ поприбивавъши, приводячи всимъ до ведомости, тотъ выписъ объволалъ и публиковалъ и о томъ реляцию свою, перед урядом нинешънимъ ставши, учинилъ и созналъ; што все для памяти до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ есть записано.

Книга гродская Владимiрская 1629 года, № 995, л. 661 *).

---

*) Примѣчанiе. Такой же актъ внесенъ и въ гродскiя Луцкiя книги (№ 2140, л. 527).

CCXLII.

Письмо митрополита Кіевскаго Іова Борецкаго православному братству Слуцкому по поводу жалобы протопопа Андрея Мужиловскаго объ отнятіи у него его викаріемъ настоятельства въ Спасской церкви въ Слуцкѣ и о непріязненныхъ отношеніяхъ къ нему членовъ братства. Митрополитъ требуетъ, чтобы означенный викарій былъ удаленъ братствомъ, какъ нарушитель церковныхъ каноновъ. 1629 года, сентября 23.

Іовъ Борецкий, милостию Божию архиепископъ митрополитъ Киевский, Галицкий и всея России.

Благочестивым и Христолюбивым братиямъ братства Слуцкого, уписаным при церкви свѣтлого Преображения Господа нашего Исуса Христа, ласка, покой и милосердя от Бога Вседержителя и благословеніе святѣйшое столицы митрополеи Киевское от Іерусалима. Пастыр вашъ и учитель господен отецъ Андрѣй Мужиловский, протопопа Слуцкий, презвитер Спаский, жалосную свою кривду и жаль предложил не тылко предъ нами, але и пред всею церковью, же онъ, будучи за нашими писмы и прозбами обтяжоный и забавленый в тые оплаканые часы великою потребою огулом всее церкви, розною послугою и дорогами трудненый, за то от ваших милостей не ижъ-бы вдячность яковую, але праве не милость сыновскую, слова ущипливые и отдаленя ласкъ своих и церкве, ему от Господа Бога в дозор повѣроное, относит; над то, што тяжшая, викария и послушник его смѣет и важится тытуломъ церкве святого Спаса тытуловатися; што и нас з Вилня вѣдати дошло, и пастыром власнымъ въ его паствѣ оголошатися, и до зневаженя старшого своего и до ростырку приводити, и церков под себе прелюбодѣйско грабити. Што ижъ есть противъ Бога и каноном, про то здалося намъ до ваших милостей написати, пилно жадаючи, абысте вшелякого того ростырку постерегши, такового вѣкарию под неблагословение нашего смирения прочъ знесши, почтиве его отправили, где бы иначей моценъ будетъ честный господинъ отецъ протопопа оного от служенія пречистых тайнъ загамовати и другимъ таковымъ на приклад его подати. При томъ милости Божия и благословения смирения нашего милостям вашимъ верне сприяем и доброго здоровъя всемъ сполне мило-

стямъ вашимъ упрейме зычимъ. Данъ з монастыра святого архистратига Михаила Золотоверхого над Киевомъ, месяца сентеврія 23 дня, року 1629. Богомолца милостей ваших Іовъ Борецкий, митрополитъ Киевский, рукою власною.

На подлиномъ именная печать митрополита Іова Борецкого, а на оборотѣ надпись:

Благочестивым и Христолюбивымъ братиямъ и парафяном церкви свѣтлого Преображения Господа нашего Исуса Христа въ богоспасаемом граде Слуцку, церкви святое восточное и нашого смирения сыномъ в духу наимилшимъ.

Подлинникъ хранится въ собраніи Коммиссіи № 141.

CCXLIII.

Жалоба подкоморины Кіевской Теофиліи Горностаевой на архимандрита Кіево-печерскаго монастыря Петра Могилу о томъ, что онъ заключаетъ въ тюрьму ея крестьянъ, причиняетъ имъ побои, угрожаетъ вѣшать ихъ и сжечь ихъ имущества, и вообще разоряетъ ея имѣнія. Дознаніе вознаго по жалобѣ Горностаевой. 1629 года, октября 20.

Року тисеча шестсот двадцат девятого, месяца октобра двадцатого дня.

На вряде его королевской милости замку Житомирского, передо мною Яномъ Витинскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, становши очевисто урожоная ее милость пани Теофиля з Кгорая Горностаевая, подкоморина киевская, такъ именемъ своимъ, яко и сына своего, урожоного его милости пана Михайла Горностая, потомка никгды зошлого пана Самоела Горностая, надкоморого киевского, з великимъ жалемъ своимъ светчила и протестоваласе противко велебному в Бозе отцу Петрови Могиле, архимандритови манастыра Печерского, и капитуле его в тые слова: ижъ онъ, на право посполитое, процесы правные и листы короля его милости напоминалные ничого не дбаючи, вже не толко на маетности и подданыхъ кгвалтомъ наступуетъ, але и на поцтивое и спокойное жите самое ее милости словы непристойными помененый отецъ

архимандрытъ, и што разъ через маетность ее переезджаючи, розмаитые кривды, шкоды выражаетъ, мосты роскидаетъ, отповедаетъ и похваляется, а напрод: в року тисеча шестьсотъ двадцать девятомъ, месяца июля тридцатого дня, слуга его Станиславъ Третякъ, будучи у Горностайполю, при не малой громаде людей, место учиненя справедливости з урядника Зоринского Василя Янчинского и подданыхъ тамошнихъ, подлугъ зреченя презъ его милость пана подсудка Браславского, клекнув и присяг, же мѣлъ в короткомъ часе наехать, подданыхъ навѣшати и настинати, а мѣсто спалити. Не долго потомъ тотъ же урядникъ Зоринский, наславши в кгрунты Рустицкие, там же подданыхъ ее милости, которые жолуд збирали, заставши, побили, поранили тые насланцы и Петра Василенка, збивши и зранивши, поймали и до везеня взяли. А потомъ самъ отецъ архимандрытъ того жъ року помененого, месяца октобра двадцать четвертого дня, в не малой купе и громаде людей размаитого народу, арматно на Холму мостъ переехавши, казалъ роскидать тымъ слугамъ своимъ, которые з росказаня его в килку местцахъ мостъ попсовали, мосници въ воду повкидали. Того жъ дня в селе Глибувце ночовалъ, где слуги его подданыхъ, у которыхъ ночовали, не ведати для чого пытали: если ее милость маетъ який людъ в Горностайполю. А потомъ на завтрее до Горностайполя приехавши, тамъ знову похвалилсе, и з места едучи ку Шиховой, подкалъ двохъ чоловековъ и спыталъ: чии бы были. Которые кгды поведили, же суть поддаными ее милости панее подкомориное, полаялъ ихъ и посоромотилъ. Тамъ же, чрез Шихову едучи, тые то слуги гуси подданымъ побили и побрали. А кгды дня двадцать шостого сентебра панъ Якубъ Верховский, слуга ее милости, з шляхтою и з вознымъ приехалъ з листомъ до Зориня, просячи, абы того подданого з везеня выпусчоно, такъ же о справедливость за поддаными ее милости, которыхъ побито и поранено, тсды помененый отецъ архимандрытъ на передъ в тые слова поведилъ на слугу ее милости: „нехай ведаетъ той здрайца Венкгерский и вы вси з нимъ, же васъ кажу по рынку у Горностайполю повѣшать, тые здрайцы нецнотливые!“ А потомъ самую ее милость панюю подкоморину словы непристойными и гонорови ее милости досткливыми, которая завше в доброй екзастимацыи своей у людей зоставала и зостаетъ, лжил и соромотилъ, поведаючи, же „се с того тая

пани твоя не утѣшитъ и тотъ листъ, который есть принюс теперъ, мусить его сама зъести". А потомъ слуги его около помененого Верховского, шляхты и возного, прискакуючи з обухами, около губъ ширмовали оныхъ, лжачи и соромотячи посполу и з ее милостью панею подкомориною. А помененый Третякъ поведилъ пану Верховскому тыми словы: „ведаешъ ты, жем обецалъ быти за три дни до васъ в Горностайполю: не былемъ, але дали-богъ навежу васъ за три недели; тамъ се вашое крви псы добре наедятъ". Потомъ того жъ дня выехалъ зъ Зориня, и идучи черезъ село Детятковичи, тые его слуги в селе настинали, настреляли гусей и качокъ и оные з собою побрали. А в томъ зараз по отъ␣ѣзде его, помененый Янчинский, урядникъ Зоринский, с поддаными Зоринскими и Оранскими, всѣ пчолы в бортяхъ около реки Тетерева, в ойчизне названой Козаровсчизне, на корень поведиралъ и в нивечъ спустошилъ, тежъ и в островахъ Рустицкихъ починилъ. Которую то протестацию свою верификуючи, ставила возного енерала воеводства Киевского, шляхетного Ивана Почотырка, который, очевисто стоечи, сзналъ в тые слова: ижъ року нинешнего тисеча шестьсотъ двадцать девятого, месяца октобра тринадцатого дня, ездилъ до маетности Горностайпольское, тамъ же в Горностайполю пыталъ: если отецъ архимандритъ и з слугами своими такъ яко вышей стоитъ отповедалъ, лаял, соромотилъ, подданые везилъ, мордовалъ, билъ и шкоды такие слуги и подданые его чинили? На которое его пытане люде, которые на тотъ часъ в мѣсте были, поведили: же такъ было и такие похвалки чинилъ, подданыхъ везилъ и наконецъ грозитьсе маетности палити, подданыхъ вѣшати и стинати. А потомъ, будучи в Детятковичахъ, Шиховой и Богдановце, пыталъ: если в помененой отчизне Козаровской борти подерто? На которое пытане тые отчичове поведили, же вси повыдирано; такъ же и у Рустичахъ починено, такъ же подданыхъ, помененого Петра Василенка и челядь его, побито и поранено. О чомъ тотъ возный таковое сознанье свое учинил. И просила вышъ менованая ее милость пани подкоморичая, абы тая протестация черезъ ее милость чиненая, такъ же и реляция возного, до книгъ были записаны; што урядъ принявши до книгъ, записати казалъ и есть записано.

Книга гродская Житомирская 1629 года, № 9, л. 224 наоб.

CCXLIV.

Письмо Мелетія Смотрицкаго къ членамъ православнаго братства Виленскаго съ извѣщеніемъ о послѣдовавшемъ со стороны представителей высшаго уніатскаго духовенства предложеніи Кіевскому православному митрополиту съѣхаться съ ними для обсужденія проэкта возвращенія уніатовъ въ лоно православной церкви и о намѣреніи польскаго правительства учредить для Южнорусской церкви особый патріархатъ по образцу Московскаго. Сообщая членамъ Виленскаго братства эти извѣстія, Смотрицкій проситъ ихъ внимательно обсудить означенные вопросы и выразить по поводу ихъ свое мнѣніе. 1627—1629 г., послѣ 20 октября.

Року тисеча шестсотъ двадцать девятого, месяца октобра двадцать семого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевской милости Луцъкомъ, передо мною Иваномъ Выговскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцъкого, и книгами нинешними кгродскими Луцъкими, постановившись очевисто велебные в Бозе ихъ милость отецъ Митрофанъ Дементияновичъ и отецъ Теодоръ Иоановичъ, законники церкви Виленское заложеня святого Духа, своимъ и всего братства тоее церкви светого Духа Виленское именемъ для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцъкихъ подали пер облятамъ листъ одъ велебного отца Мелентия Смотрицкого, архимандрыта Дерманского, с подписомъ руки его, в тые слова писаный: „Пречесные мои господие и возлюбленые о Христѣ братие! То што на сей кротце пишу, вамъ толко самымъ до ведомости доношу, которые и заховати то в собе и радити о томъ можете, такъ з духовныхъ, яко и светскихъ. Благодать Божия буди съ вами и благословение моего смирения и молитва. Дня двадцатого октобра прибылъ сесъде до Киева Иоанъ Дубовичъ, инокъ уницъкий, поведаючи быти себе посланымъ отъ ксендза Руцъкого Иосафата (sic), именемъ всѣхъ ихъ преложоныхъ духовныхъ, до его милости господина отца митрополити нашего и всихъ его сполъ епископовъ с тымъ жадаючи, абы господинъ отецъ митрополитъ нашъ и я при его милости на певномъ якомъ месцу видитисе зъ ксендзомъ Руцъкимъ з Иосафатомъ зезволилисмо, которые зо всими своими подругами папежа оставити хотятъ, предсе взявши засъ ся оддати подъ послушенство патриархи

Константинопольского, абысьмо се о томъ з обоеи стороны намовили, якъ бы сь то найповажней и найваровней з охроною духовныхъ и свецкихъ правъ стати могло. Мы з устъ посланника слышачи речь намъ барзо любую, серца досягнути не могши, Дубовича назадъ одослали есмо с тымъ, ознаймуючи устъне, же се мы с того сердечьне тѣшимъ, што ушима слышимъ, и Господа Бога в скутъку очима нашими оглєдать то просимо, з ними однакъ видитисе не можемо, такъ для многихъ иншихъ важныхъ причинъ, якъ и для того, же в счирости суть намъ подозреными, але если то упрейме на серцу своемъ маютъ, што намъ через уста твое донесятъ, проси ихъ, если писать до насъ (для титуловъ, якъ мовишъ) не захочутъ, абы тобе дали с подписомъ рукъ своихъ инструкъции пункта, што намъ по собе в той справе обецуютъ а чого по насъ хочутъ; мы засъ тымъ часомъ, поневажъ то всю рускую нашу церковь заходить, знати дамо, которымъ у насъ ведати о томъ належитъ, и намовимось. С тымъ отъ насъ отъехалъ, пререкши намъ быти засъ до насъ або передъ Рожествомъ Христовымъ, або врыхли потомъ. Што се теды тутъ тыми часы стало, милости вашой ознаймую и з леценя его милости презъ отца нашого господина и отца, если тежъ тамъ у вашей милости што се такого обновитъ у васъ, не бачне не пусчаючи речи тое мимо себе такъ непотребное, и што бысте о томъ милость ваша розумели, здане свое в томъ намъ перешлите; бо если естъ щирость, бегати намъ того не потреба, кгдыж есмо по нихъ болше ничого николи не потребовали, толко абы се тамъ вернули, отдколь выпали; а если не счире, они узрятъ, намъ то шкодити не может, поневажъ не мы се имъ отзываемо с послушенствомъ до папежа, але они намъ с послушенствомъ до патриархи. Еслибы при томъ и то милость вашу ведати дошло, ижъ король его милость и весь сенатъ быти на томъ хотятъ, абысмо мы, способомъ земли Московъское, своего патриарху мели (чому мы впротивъ стати не можемо, жадное слушности в отпоръ мети не могучи), и то милость ваша пилно уважте, кгдыж якъ по вѣси отъступьства того часы о добромъ церкви нашое руское радити здорове не заведбывалисте, абысте и подъ сесъ часъ тое жъ учинили, належитъ вамъ познаваючи: божие ли в нихъ иле до сее справы духъ естъ, или лестец. Здравствуйте о Господи, возлюблении". У того листу подп..съ руки тыми словы: Мелентий Смотрицкий, архимандритъ

Дерманский и Виленский, рукою власною. Который же то листъ, за поданемъ и очевистою прозьбою вышъ менованыхъ особъ а за принятьемъ моимъ врядовымъ, увесь с початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1629 года, № 2141, л. 619.

CCXLV.

Фундушевая запись чашника Волынской земли Лаврентія Древинскаго на содержаніе православныхъ церквей въ его имѣніяхъ, въ селахъ Пашовѣ, Пулганахъ и Кокоровѣ, а также братской Луцкой церкви и состоящаго при ней шпиталя, монастыря Почаевскаго и шпиталя Кременецкаго. 1630 г., генваря 17.

Року тисеча шестьсотъ тридъцатого, месяца генвара осмънадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ Луцъкихъ, на завтрее по Трохъ Кроляхъ, святе римскомъ, в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовъне отправовати зачатыхъ, передъ нами Войтехомъ Станишевскимъ судею, а Криштофомъ Шимковичомъ Шклинскимъ подсудкомъ, урядниками судовыми земскими Луцъкими, постановившыся очевисто урожоный его милость панъ Лаврентий Древинский, чашникъ земли Волынское, для вписаня до книгъ земскихъ Луцкихъ подалъ листъ доброволный записъ свой, с печатю и с подписомъ руки своее, такъ же с печатми и с подписами рукъ людей зацныхъ, отъ себе церквамъ и шпиталемъ нижей в томъ записе меновите выражонымъ служачий, о чомъ тотъ записъ ширей в собе маетъ; которого во всемъ устнымъ очевистымъ и доброволнымъ сознаньемъ ствердившы и змоцнившы, призналъ, просячи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ мы судъ, оного для вписаня до книгъ приимуючи, передъ собою читати казали, и такъ в собе маетъ: Я Лаврентий Древинский, чашникъ его королевской милости земли Волынское, чиню явно симъ моимъ листомъ нинешнего и напотомъ будучого вѣку людемъ, ижъ водле повинности хрестиянское упатруючи, абы фала Божая яко при животе моемъ за

благословенствомъ Божимъ отправуетъся водлугъ маетностъцы моей в Пашове, в Пулганахъ, такъ же до шпиталя въ Луцъку, при церкви Честного и Животворящого Креста Господня будучого, где инде якая такая ялмужна идетъ и хвала Божая за спасение душъ такъ его королевской милости пана нашого милостивого, головы и оборонцы всихъ церквей найпереднейшого, и тежъ полатъ его и военъ, и тежъ митрополити и пастыра нашого в панствахъ его королевской милости навышъшого и епископа нашого православныхъ, отъ патриархи святейшого Константинополского неотступъныхъ, истинного пастыра своего, за доброе здоровье и правое правление у церкви Божей Божихъ заповѣдей и счасливое пнованье господара нашого короля его милости и королевѣзе ее милости, панее нашое милостивое, в долги лета фортунъное надъ нами панованe, и светобливые потомки короля его милости у екътенияхъ свесченници Господа Бога уставичне молятъ, офири светое приносятъ, и за мене грешъного и чада моя, такъ того зычачи, абы и по скончению мене з бегу моего неотъменне тоежъ отправовалося, взираючи на волю Божию, ижъ такъ изволилъ у народе людскомъ и по потопе приказавшы тремъ потомкомъ Ноевымъ: Семъ молися, Хамъ роби, а Афетъ Бога моли и офѣруй; што церковь светая шыроцей насъ о томъ наукою просветила; для того станъ левъвитовъ у преднемъ закони опатроный былъ десетинами, з которыхъ живучи абы пилновалъ Божое служъбы; и такъ у новой благодати правовѣрные хрестиане объмышляли, абы месца молитвеные мели служителей Богу уставичныхъ, и не промышляючи о поживеню, с провизии людское и ктиторское мистец оныхъ, Богу на хвалу офированыхъ, жили и Богу молилися. Сего дѣля и я, почуваючися у повинности моей хрестианской, недбалымъ до конца слугою зоставати не хотячи, просилемъ Пана Бога, абы мя сподобити рачилъ того дару, жебымъ тые местца светые опатрилъ ялмужною, з которое такъ шпиталние, яко и слуги Божие мели бы выживене. Прето даю, дарую въ вѣчъныя роды до церкви Пашовъское и Полганское свесченикамъ з дворного урожаю в кождый рокъ по двадцети копъ жита и по пети копъ пшеницы, а овса по петнадцети копъ, а гречъки по пети копъ, ячменю по три копы, гороху по копе, а проса по копе. А до шпиталя Луцъкого в кождый рокъ с кождое маетности по пети золотыхъ, а церковнымъ служителямъ до скринки

братское Честного Креста Луцкого по пети золотыхъ полскихъ. А то о светой Покрове, святе рускомъ, такъ презвитеромъ Пашовскому и Пулгановскому, яко и шпиталеви Луцкому, при церкви Честъного креста зоставати будучому, и до братское тое жъ церкви чиншу верху менованого такъ одъ мене самого, яко и отъ всихъ потомковъ и наступцовъ Пашовъскихъ и Пулгановскихъ, в вѣчъные роды, и з маетности моее села Кокорова, в Кременецкомъ повете лежачое, в которомъ церковъ нѣтъ ведома якимъ правомъ одышла, которую святобливое памети король Августъ небожчику пану отцу моему пану Базилеушу Древинскому, секретару своему и писарови великого княжества Литовского, з именемъ Кокоровомъ оддалъ, на Поповцахъ лежачую, которую еслибы потомкове мои отшукали, то до тое церкви то, што я теперъ до манастыра Почаевского назначаю, то вже до своей церкви оддавати повиненъ такъ я, яко и потомки мои давати будутъ, и кождый державчий тое имене мое Кокоровъ давати будетъ повиненъ. Тоесть теперъ до Почаевского манастыра, покол церковъ своя не вышукаеться, або з нового фундаменту збудована не будетъ, давати напродъ: жита копъ петнадцеть, пшеницы копъ три, овъса копъ десеть, гречъки копъ две, гороху копа, проса копа, а коли спустъ ставовъ запроданъ будетъ, в тотъ часъ копъ грошей литовскихъ десеть; а тое все на святую Покрову збожье, а грошы на Богоявление до манастыра отдавати. А до шпиталя местского Кременецкого руского по мирце жита, змоловъшы у своёмъ млыне, и по чверти муки гречаное, а по чверти крупъ, и по чверти гороху и по пети золотыхъ полскихъ во вѣчъныя роды я самъ, а по мне потомки мои давати повинни будемо. А подданые мои Пашовские, Полгановъские и Кокоровѣские на купъно воску въ кождомъ сели зложити повинни на камень воску до церкви на празникъ светое Покровы. А где будеть в церъкви Пашовский и Полганъский ваковати церъковъ безъ свесченника, тогды найдалей до дванадцати неделъ еслибы я, або по мне потомки мои и кождый, кто бы паномъ тыхъ добръ былъ, не поддали свесченика богобоязного, православия церкви патриаршенъское Костантинополъское благословенства послушъного рукоположенца, то вже по выстю дванадцати недель отъ того часу, яко церковъ осиротѣетъ, зоставовати маетъ власть подаванья свесченниковъ до Пашовъское и Полъгановское церкви при панахъ братии церкви

Луцкое Честнаго Креста Господня упривилъеваныхъ. Яко жъ и о кривды, где бы с тыхъ лекгатъ такъ церквамъ и ихъ служителемъ, яко тежъ и манастырови Луцкому зо шпиталемъ Луцкимъ, и тежъ Почаевскому зо шпиталемъ Кременецкимъ не мело доходити тое усе, што есть симъ лекгатомъ моимъ лекговано, тогды ихъ милость панове братия, которые отъ братства помененого Луцкого Честнокрестского тому року старостами будутъ, повинни правне зо мною и потомкомъ моимъ и кождымъ напотомъ тыхъ добръ державчимъ правне чинити в кгроде Луцкомъ и Кременецкомъ яко о грабежъ рокомъ завитымъ, а позваный я и по мъне будучие посесорове яко на року завитомъ тотъ грабежъ лекгатъ моихъ совито, з нагородою шкодъ инсенъстанъти, ничим ся не считячи, платити будутъ водле таксы ошацованое совито, не апелюючи до высшого права. И на томъ далъ лекгаты мое, ствержаючи сей мой листъ записъ, с подписомъ руки моее и с печатью, такъ же с подписомъ рукъ и с печатми ихъ милостей пановъ приятелей моихъ, подписавшыхся имены и назвисками ихъ. Писанъ у Луцку, року тисеча шестьсотъ тридцатого, месяца генвара семнадцатого дня. У того запису печатей чотыри, а подписы рукъ тыми словы: Лаврентий Дервинский, чашъникъ Волынский, рукою власною. Alexander Wielhorsky, woysky Łucky, manu propria. Jwan Cosinsky ręką swą. Piotr Dowgert ręką swą. Который же то записъ, за поданьемъ и очевистымъ признаньемъ помененого его милости пана чашъника Волынского, а за принятьемъ суду нинешнего, увесь слово в слово до книгъ земскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга земская Луцкая 1630 года, № 2826, л. 951 на обор.

CCXLVI.

Листъ князя Владислава-Доминика Заславскаго о подчиненіи находящихся въ его имѣніяхъ православныхъ священниковъ уніатскому митрополиту и епископамъ. 1630 года, февраля 16.

Року тисеча шестсот тридцатого, месеца марца двадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Иваномъ Выговъским, будучим на тот час наместъником подстароства Луцъкого, постановившися очевисто шляхетный панъ Петръ Кгевлович, именем превелебного в пану Богу его милости отца Еремияша Почаповъского, епископа Луцкого и Острозского, для вписаня до книг нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ подал пероблятам лист яснеосвецоного княжати его милости Владислава Доминика з Острога Жаславъского граби на Тарнове, с печатъю и съ подписом руки его милости, в справе в томъ листе нижей описаном меновите выражоной писаный, о чом тот листъ ширей в собе объмовляет, просячи, абы принят и до книг уписан был. А так я вряд, тот лист для вписаня до книгъ принявши, читалемъ и так се в собе писмомъ полскимъ писаный мает: Władisław Dominik xiąże z Ostroga Zasławcky, hrabia na Tarnowie. Wiedząc, iż wszystkie rzeczy na swiecie rządem stoią, ktory od mondrych ludzi duszą się rzeczy nazywa, bez ktorego żadne panstwo y rzeczpospolita ostać się nie może, a tego rządu fundamentem iest posłuszenstwo, gdzie młodszy starszych, syny oycow, owcy pastyrow swych słuchaią, a iesli gdzie, iako w duchownym stanie tego rządu potrzeba; na ktorym rządzie iako widze, iż po te czasy barzo szkodzi duchownym ruskim w schizmie żyiącym, że ich prezwiterowie iako owce błędne sine legitimo pastore chodzą: przeto z powinnosci moiey katolickiey, chcąc rząd a nie nierząd miedzy duchownemi ruskimi, w maiętnosciach moich żyiącymi, widzieć, wszystkich swieszczennikow pod władze y iurisditie legitioniis illorum pastoribus, metropolie y episkopom albo władykom, ktorzy w iednosci s kosciołem swiętym katolickim rzymskim są, podaię y tak mieć chcę, aby w maiętnosciach moich wszystkich paraphianie swoich sweszczennikow, a sweszczennicy swego metropolity y władykow, w iednosci swiętey żyiących, posłusznemi byli pod winą

y karaniem na nieposłusznych, ktore starostom y urzędnikom w maiętnosciach moich exequować roskaże; przydaiąc y to, yż iesliby ktory z szlachty sług moich, maiętnosć moią trzymaiący, chciał iaką praepeditią w duchownym dozorze władyce unitowi czynić, tedy tym samym ma tracić maiętnosć, że sobie przypisuie ius patronatus, ktore własnie należy panom dziedzicznym. Tym też listem moim swieszczennikow w iednosci swiętey zyiących od wszelakich powinnosci y contribucij wolnych czynię. Datha w Dubnie, szesnastego february, anno Domini tysiąc szestseth trzydziestego. У того листу печатъ притисненая а подписъ руки кнежати его милости в тые слова: Władysław Dominik xiąże na Ostrogu Żasławsky, hrabia na Tarnawie, mp. Который же то листъ, за поданьемъ и прозбою вышъменованое особы, а за принятъем моимъ урядовымъ, увес с початку ажъ до конца до книг кгродскихъ Луцъкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1630 г., № 2143, л. 272 обор.

CCXLVII.

Донесеніе вознаго о врученіи намѣстнику Кіево-Печерскаго монастыря Филарету Кизаровичу позва къ трибунальскому суду по жалобѣ уніатскаго митрополита Іосифа Веніамина Рутскаго о недопущеніи его во владѣніе монастырями и принадлежащими къ нимъ имѣніями въ г. Овручѣ, присужденными въ его пользу трибунальскимъ рѣшеніемъ. 1630 года, мая 21.

Року 1630, месяца мая двадцат першого дня.

На вряде его королевской милости замку Житомерского, передо мною Яномъ Вѣтинъскимъ, подъстаростимъ Житомерскимъ, ставши очевисто шляхетный Костантинъ Смоленъский, возный енерал воеводства Киевского, ку записаню до книгъ нинешнихъ сознатъ: ижъ онъ року теперешнего тисеча шестъсотъ тридцатого, месяца априля осмого дня, позовъ головный трибуналъский авътенътичный, на мембраме земъскомъ Киевъскомъ писаный, до манастыра Печарского Киевъского одънесши,

оного очевисто в руки велебному отцу Филатееви Кизаровичови, наместникови менованого манастыра, одъдал; писаный тотъ позовъ по тогожъ самого отца Филатея в жалобе высоце велебного его милости отца Юзефа Велиямина Рутъского, аръхиепископа митрополиты Киевъского, Галицъкого и всея России, и капитулы его милости, а то о забороненъе интромисиеи акторомъ в манастыри Овруцкие и инъше добра до тыхъ манастыровъ належачие черезъ отца Филатея Кизаровича, которые монастыри и добра его милости отцу митрополитови судъ трибуналъский декретомъ своимъ присудил, о вины за тымъ походячие и о шкоды педименъты. Другий таковый же головный трибуналъский автентичный позовъ року и месяца тых же, а дня двадцатого априля, до мѣста Черняхова одънесши, оного в браму замъку тамошнего вотъкнулъ и о положеню челяди замковое публиковал; писаный той позовъ по ее милости панее Марту Войнаровъского Стефановую Немиричовую, подъкоморину Киевъскую, старостиную Овруцъкую, и по потомъков ее милости: Ерего, Владислава и Стефана сыновъ, а Катерину Сеньютиную з притомъностъю пана малжонъка ее, также Зофию и Галшку цоръки и опекуновъ ихъ милости, по жалобе тыхъ же поводовъ о неподанъе водълугъ декрету трибуналъского поводомъ до волней посесыеи тых же монастыровъ Овруцкихъ и добръ до нихъ належачихъ через зошлого его милости пана Стефана Немирича, подкоморего Киевъского, старосты Овруцъкого, малъжонка и отца позваных, о чимъ тые обадва позвы ширей в собе обмовляютъ. За которыми позвами онъ вышъший рокъ сторонамъ обомъ, поводовой и позваной, ку становенъю для правной росправы на конъсеръватахъ воеводства Киевъского, Волынъского и Браславъского, которые по одсуженъю воеводъства Браславъского припадать и судитисе маютъ межи справами духовными, становитися зложил и назначилъ. И о томъ таковую реляцыю свою учинивши передо мною, просилъ, абы до книгъ записана была, которая есть записана.

Книга гродская Житомирская 1630 года, № 14 л. 420.

CCXLVIII.

Дарственная запись іеромонаха Павла Телицы православному Спасскому монастырю въ с. Чорной на остающееся послѣ его смерти имущество: книги и типографію. 1630 года, мая 23.

Року тисеча шестсот тридцатого, месяца июня двадцат первого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною Иваномъ Выговъскимъ, будучимъ на тот час наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто урожоный его милость пан Адамъ Уръсулъ Рудецкий, для вписаня до книг нинешних кгродских Луцких подалъ пероблятам листъ доброволный запис от велебного в Бозе отца Павла Телицы, еромонаха, с печатю и с подписомъ руки его, такъ-же с печатми и с подписами рукъ людей зацных, манастырови в Чорной будучому заложеня светого Спаса на речь певную, нижей в том записе вписаном меновите выражоную, даный, о чом тот запис ширей в собе маетъ, просечи, абы принят и до книг уписан был. А так я врядъ, тот запис для вписаня до книг приймуючи, читалом и так се в собе маетъ: Во йимя Отца и Сына и святого Духа, ку вечной памяти станся, аминь. Иж живот людский есть подлеглый смертелности и з того света одестю, тогды я, паметаючи на тое, а будучи при доброй воли и зуполным розсудку, не будучи ни од кого примушоным, а розумеючи мужа побожного въ статечъности вѣри своее православнои его милость пана Адама Уръсула Рудецкого, который як за живота моего, так и по смерти моей, тое наданье мое цело а ни нарушене держати будет, маетностъ мою всю, такъ книги, яко и друкарню мою, з волностями народови рускому належачими, брати моей иноком въ монастыри светого Спаса на Чорной мешъкаючым оддаю, дарую вечными часы, а особливе отцу еродияконови Селивестрови и отцу Іоилю еромонахови зо всею братьею о Христи там мешкаючими, а они не повинъни будутъ от того манастыра до инъших переминятися, толко в том манастыре до живота своего мешкати. И на то далом тое писмо мое с подписомъ руки моее и отца еродиякона Селивестра, упросивши до того подпису их милости, котории при том очевисто были, и даю моц его милости пану Рудецкому тое писмо мое до книг кгрод-

скихъ вписати, а для лепъшое певъности и сам рукою своею подписую. Данъ в Рудце, року тисеча шестсот тридцатого, месяца мая двадцат третего дня по старому календару. У того запису при печатех подпис рукъ тыми словы: Еромонах Павелъ. Еродияконъ Селивестер. Иванъ Жабокрицкий рукою. Mikołay Smichowsky. Янушъ Козинъский рукою. Mikołay Drewinsky ręką swą. Который же то запис, за поданьем и прозбою вышъ менованое особы а за принятъем моим урядовым, увес с початъку аж до конъца до книг кгродских Луцкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1630 года, № 2143, л. 878.

CCXLIX.

Жалоба дв. Криштофа Лишки о томъ, что когда онъ отбилъ отъ козаковъ подъ Переяславлемъ нѣсколько головъ скота и отправилъ его съ своими слугами къ Днѣпру для переправы, то посланные архимандритомъ и братьею Кіевопечерскаго монастыря люди ночью и съ оружьемъ въ рукахъ напали на сидѣвшихъ въ окопѣ слугъ Лишки, отбили скотъ и отняли у нихъ оружіе, а нѣкоторыхъ изъ нихъ посадили въ тюрьму. 1630 года, іюня 1.

Року 1630, месяца июня первого дня.

На вряде его королевской милости кгродскимъ замку Житомерскимъ, передо мною Яномъ Витинскимъ, подстаростимъ Житомерскимъ, ставши очевисто урожоный его милость панъ Крыштофъ Лишка, оповедался и соленитер жаловался на велебного в Бозе его милость отца Петра Могилу, воеводича земль Молодавскихъ, архимандрыта, со всею капитулою братею чернцовъ монастыря Печерского Киевского о то, иж в року теперешънемъ 1630, под час екъспидыцеи с козаками, его милость панъ Лишка, посполу з братею своею нѣкоторыми обывателями воеводства Киевского, ставячися до обозу, был от початку аж мало не до скончения при его милости пану гетману коронном в обозе, чинячи прислуги королеви его милости, пану своему, и речи посполитой; там же будучи в обози, а не одступуючи и не выежджаючи намней од его милости пана гетмана корунного, при першой потребе с козаками под

Переясловлемъ, кгды козаки под място утекли, потрапивши двох збегов здрадцов подданых свых, именемъ Гарасима а Микиту з маетности Водотыння, до Переясловля збѣглыхъ, ихъ самых обудву побралъ и при них быдла рогатого, розной шерсти, воловъ сѣмъ а коровъ трынадцать и яловят шестеро взяв, до того быдла подданыхъ своихъ прикупилъ собе и еще болшей быдла у челяди войсковои розных особъ, и за длуги набралъ, що му было винно в обози, быдла розный шерсти волов трынадцат, а коров семнадцат, всего быдла у личбе было поголовя пятдесят и шестеро, не з лупезства набытого, але власне подданыхъ своих, а другие за пѣнези купленые и за долги побраные згромадивши и зогнавши в одно мѣсце, самъ панъ Лишъка и з челядю своею одпровадилъ под Киевъ до перевозу, и зоставивши в окопе над перевозомъ тое быдло и с челядю, дня одинадцатого мая, розказавши им, абы се до Киева переправили, самъ панъ Лишка одехалъ знову до обозу. А челядь пана Лишъкина с тым быдломъ не могучи се дочекати порому, мусили тамъ змешкати в окопи через дни и ноч едну. Тѣды его милость отецъ архимандрытъ из всею капитулою чернцов манастыра Печерского Киевского, звирхность его королевской милости, право посполитое и вины в немъ о наездъниках написаные лекце собе поваживши, в року теперешнемъ 1630, месяца мая дня дванадцатого на день тринадцатый, в ночѣ, наславши слугу своего Миколаевского и при немъ слуг волохов рукоданныхъ, бояр и подданых свых манастырскихъ, которых отецъ архимандрытъ с капитулою своею лепей знаетъ имена и назвиска их вѣдает, чоловѣка до килку десят, з оружемъ войнѣ належачимъ, в способъ неприятелский на той окопъ, челяд и быдло жалуючого ударыт казали; которые насланцы, чинячи волю и росказане его милости отца архимандрыта и всее капитулы, ударивши в ночѣ на челяд пана Лишчина, в окопе будучую, и едных окрикомъ и стрелбою своею рострашили, а другихъ, якъ нѣякихъ збойцов, людей невинныхъ и шляхтичов поцтивых: пана Войтеха Крушижевского, Яремияна Снятыцкого и двох козачковъ при них домовых, именем Грицка а Ивана, безвинне и без причины жадней самых и с тым быдломъ побрали, а тых хлопов подданых жалуючого Гарасима и Микиту зрайцов одбили и не вѣдат где подели; а тых шляхтичов з козачками, до его милости отца архимандрита и всей капитулы приведши до мана-

стыря Печерского, слугъ пана Лишчиныхъ де везеня осадили, втрымавши дни килка в везеню, оных самых выпустили, а то быдло вшытко и кони власные пана Лишина домовые, которых было шестеро розное шерсти, на которых челядь ехала, седелъ чтыри, стрелбъ и штук чтыри, ладовниц три и шабел чотыри, каптан, котелек кухенный, саквы, то все од мала до веля побравши и пограбивши, его милости отцу архимандрыту и всей капитули чернцовъ манастыря Печерского оддали, а его милость отецъ архимандрытъ с капитулою своею то все быдло, кони, сѣдла, шабли, мушкеты, ладовницы и инше речи рухомые, от насланцовъ своих побравши, на пожитокъ свой обернули, жалуючого до шкод приправили, которыхъ собе шкодъ жалуючий за то все быдло верху помененое, кони, седла, мушкеты, шабли и иншие речи менуе быть сталых на тисечей тридцет и три золотые полских. И так его милость панъ Лишка, зоставивши собе поправу тое протестацыи о челядь свою, розогнаня двох подданых одбитыхъ и о речи иншое при челяди погинелой, о то тылко, що есть в тое протестацие поменено, хотечи правомъ чинить, просилъ, абы тая его протестацыя до книгъ урядовыхъ Житомерскихъ была принята и записана, що за принятемъ моимъ есть записано.

Книга гродская Житомирская 1630 года, № 14, л. 499.

CCL.

Жалоба отъ имени уніатскаго митрополита Іосифа-Вельямина Рутскаго о томъ, что Кіевопечерскій архимандритъ Петръ Могила, вооруживъ свыше 1000 человѣкъ монастырскихъ крестьянъ и пригласивъ для руководства ими около 150 человѣкъ Запорожскихъ козаковъ, наслалъ ихъ на митрополичье имѣніе с. Зазимово, по прибытіи къ коему посланные, поставивъ для устрашенія жителей висѣлицы, продержали село въ осадѣ въ теченіе цѣлой недѣли, а сами тѣмъ временемъ частью собрали, частью уничтожили весь хлѣбъ на Зазимовскихъ поляхъ, вырубили бортное дерево и причинили тамошнимъ крестьянамъ многіе другіе грабежи. 1630 года, августа 2.

Року тисеча шестсот тридцатого, месяца августа второго дня.

На вряде его королевской милости замку Житомерского, передо мъною Яномъ Витинскимъ, подстаростимъ Житомерскимъ, становши очевисто шляхетный Вавринецъ Плашовский, именемъ превелебного в пану Христусе его милости отца Есипа Велямина Руцкого, архиепископа метрополиты Киевъского, Галицкого и въсеи Роси, и капитулы его милости, соленитер сведъчилъ и протестовалсе противко велебному в Бозе его милости отцу Петрови Могиле, архимандритови и въсей капитуле манастыра Печерского Киевъского, о то, ижъ его милость отецъ архиманъдрытъ и капитула его милости року теперешнего тисеча шестъ сот тридцатого, дня дванадцатого месяца юля, з розныхъ селъ до манастыра Печерского Киевъского належачих, меновите: з двох сел Пуховых, з Пуховой Слободы, з Новоселок, з Броваров, з Дубеченекъ двох, з Сваромля, з Тарасович, з Вишенек, Гнидина, Осокорковъ, з Троесчизны и иншых розных селъ подданых и бояр, которых было под тисечу, збивъши, а приводцами над ними челядь свою служачую и козаковъ Запорозких, которых было до пултору сот, учинивъши, на кгрунътъ з стародавъныхъ гаювъ до маетъности метрополитанъской села Зазимова, в воеводстве тутошнемъ Киевъскомъ за Дънепромъ лежачого, належачое, збожемъ розным засеяное, ничого на право посполитое и вины описаные не огледаючис и овшемъ тым всимъ погордивъши, моцно, кгвалтомъ, арматно насълали, которые насланъци, выконываючи волю и росказане их милостей, на кгрунты менованые Зазимовъские,

житом, пшеницою и инъшимъ litrознымъ збожемъ засеяные, року, месяца и дня вышей менованыхъ, великою потугою, з стрелбою и инъшимъ litrознымъ оружемъ, до войны належачимъ, наехали. Тамъ же окрыкъ и стреляне учинивши, в коло село Зазимовъ обступивъши, и сох колко на шибеницу привезши, на хлоповъ одповеди, прехваляючися их вешати, чинили и целый тыжень около села стояли, где жадъною мерою з села выйты жаденъ хлопокъ не могъ, а они тымъ часомъ всѣ збожя, през подданых тамошних засеяные, жито и пшеницу жали, а ярыны, овсы, ечмени, гречки, горохи, проса и што колвекъ засеяно было, выжали и выдопътали; якожъ жита самого полтрети тысечи копъ, а пшеници копъ полторы тисечи пожавъши, до селъ вышей менованыхъ позвозили, а ярыны, яко се вышей менованo, всю а всю, которыхъ всихъ могло быти копъ пет тисечей, выбили и выдоптали, и все згола з зымлею змешали; гусей хлопъских в том часе, кгды тамъ около села стоялч, осмъдесятъ убили; дерева бортъного з пчолами тридцат высекли, сетей рыбныхъ две, одну дворную, за которыхъ золотыхъ двадцатъ было дано, другая зась подданого тамошнего Макара Тышъченка, за которую дано золотыхъ петнадцать, побрали; хуторы хлопов Зазимовских попустошили, и што колвек в которомъ нашли побрали, на здорове подданыхъ тамошнихъ прехваляючисе, спаленемъ села грожечи, для которых погрозокъ допюро мало што подданых в вышей менованое маетности зостаетъ. А кгды естче тые наслапъци, около села стоечи, тые там збожя жали и доптали, попъ Зазимовский, в ночи потаемне з села вымкнувшисе и тут до Киева рекою Днепромъ в чолне спустившись, в небытности на тот часъ самого его милости пана Яна Корсака, дозорцы добръ метрополитанских, самой ее милости панеи Корсаковой о томъ всемъ дал знати, которая заразомъ челядника своего з листомъ до его милости отца архимандрыта посылала, реквируючи и проссчи, абы его милость отецъ архимандрытъ и капитула его милости там тых збож на кгрунтах Зазимовскихъ власных, през подданых тамошних засеяных, жати и доптати и крывдъ далшыхъ подданымъ чинити занехали. Теды его милость отецъ архимандрытъ, не давъши респонсу ин шкрипто, повелал: „тые збожя за розказанемъ моим там тыи насланци жнутъ и допчутъ, нех же отецъ метрополитъ зо мною правне чинитъ, если хочетъ“. О который наездъ нак грунты Зазимовские, о розогнанъе подданыхъ,

о пожате и побране, такъже и о подоптане збож, о вырубане борти, и повторе именемъ его милости отца метрополиты и капитулы осведчилсе, оферовал же их милости з ойцомъ архимандрытомъ и капитулою правне о то поступити, зоставивши, еднакъ, их милости волное чинене иншой ширшой о то протестацие и теперешней, была бы того потреба, мелиорацию, а на тот час просил, абы тая протестация была до книгъ принята и записана, што отрымалъ.

Книга гродская Житомирская 1630 года, № 14, л. 630.

CCLI.

Донесеніе вознаго о врученіи игумену Овручскаго Заручайскаго монастыря Филатею Кесаровичу позва къ королевскому суду по касаціонной жалобѣ уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго о недѣйствительности исходатайствованнаго Кесаровичемъ королевскаго привилегія на Овручскій монастырь въ нарушеніе раньше выданнаго такого же привилегія, по коему означенный монастырь со всѣми принадлежащими къ нему имѣніями былъ пожалованъ королемъ въ пользу Виленской уніатской семинаріи. 1630 года, сентября 6.

Року тисеча шестсот тридъцатого, месяца сентебра шосътого дня.

На вряде его королевской милости, замку Житомерского, передо мною Яномъ Витинскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто возный енералъ воеводства Киевского, шляхетный Павелъ Гуторовичъ, ку записаню до книгъ нинешних кгродских Житомиръских сознал тыми словы: иж року теперешнего, тисеча шестсот тридцатого, месяца сентебра четвертого дня, позов мандат его королевской милости задворный до места его королевской милости Овручого отнесши, в ворота манастыра Овруцкого, за замкомъ на Заручию лежачого, увоткнул, и такъ духовным, яко и светскимъ, когом там обачити моглъ, положенъе его оповедил; писаный тот позов мандатъ по велебного отца Филатея Кесаровича законника в жалобе превелебного в Бозе его милости отца Иосифа Велямина Рутского, архиепископа митрополиты

Киевского, Галицкого и всее Росии, а то до положеня привилею через позваного на тот манастыр ад мале наррата мимо перший привилей од его королевской милости до семинарыуму Виленъского милостиве наданый одеръжаного, до скасованя през декретъ его королевское милости оного, к уступеню того манастыра Овруцъкого и добръ до него належачих до пречоного семинариумъ Виленъского, а за тымъ и о шкоды за незаживанемъ тыхъ добръ походячие, яко ширей жалоба на том позве манъдате его королевской милости описаным доложона ест. За которымъ рокъ сторонамъ обомъ, поводовой и позваной, перед его королевскую милость и судом его королевской милости асесорскимъ, там, где на тот часъ его королевская милость щасливе дворомъ своимъ будетъ, ку росъправе правной от положеня оного за недель шест становитисе зложил и назначил. Которое жъ то очевистое созънанье возный помененый просил, абы принято и записано было; якожъ одеръжалъ.

Книга гродская Житомирская 1630 г., № 14, л 751.

CCLII.

Жалоба отъ имени жены воеводы Русскаго и старосты Корсунскаго, Чигиринскаго и Крыловскаго, Софьи Даниловичевой о томъ, что игуменъ и братія Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря безъ ея вѣдома и согласія выкопали на Певныхъ горахъ пещеру и выстроили церковь, присвоивъ принадлежащую ей землю, и что сверхъ того тотъ же игуменъ и братія, по соглашенію съ предводителемъ мятежныхъ козаковъ Тарасомъ Трясилой, самоуправно завладѣли с. Вороными Лозами и Бужиномъ, а также перевозомъ на р. Днѣпрѣ противъ м. Крылова. 1630 года, ноября 4.

Року тисеча шестсотъ тридъцатого, месеца ноября четверътого дня.

На вряде господарскимъ, в замку Житомирскомъ, передо мною Яномъ Витинъскимъ, подстаростим Житомирскимъ, постановившисе очевисто шляхетный панъ Иванъ Яцковский, слуга ясневелможное ее милости панее Зофии на Жолкви Яновое Даниловичовое, воеводиное земль Рускихъ и старостиное Корсунское, Чигиринское и Крыловское, именемъ

тое жъ вышъреченое ее милости панее своее оповедал и соленитер протестовалъсе противко велебного Сарафина Бельского, игумена, и всее еже о Христе брати чернъцовъ капитулы манастира светого Николы Пустинского Киевского, о то, иж помененый отецъ игуменъ с капитулою своею, пропомневши срокгости права посполитого и вин в них описаных, чинечи на шкоду и уйму кгрунтовъ и добръ речи посполитое, староства ее милости Чигиринского и Криловского, отримавши позволене от неякого Семена Кременчука Долбни, городничого Криловского, на выкопанъе печеры и збудоване церкви на горах Пивныхъ, под претекстомъ набоженъства, кгрунты до староства ее милости належачие собе за таким способомъ привернули и привлащили; и не контентуючи се тыми первшими кривдами, року теперешнего, тисеча шестъсотъ двадцат девятого, под часъ истъя неякого Тараса Козака, который, учинившись своволне гетманомъ, або старшимъ над войскомъ Запорозскимъ, на тот часъ кгды Шинкгирей Солтанъ до Криму своволне гултайство зобрал, с которымъ то Тарасомъ вышъменованый игуменъ Николский и с капитулою своею маючи сполную раду и намову, кгрунтовъ немало от староствъ ее милости Корсунъского, Чигиринского и Криловского кгвалтовне посѣли и отняли, меновите: селъ две на урочищахъ Воронихъ Лозах и Бужинъ и перевозъ на реце Днепри под местомъ Криловомъ, до Крилова з давна належачий, отняли и кгвалтовне осягнули, и тые кгрунты ку пожиткови своему обернули и привлащили; за которымъ отъняттъемъ тыхъ селъ и кгрунтовъ шкоды собе ее милость пани воеводиная быти менуетъ на двадцатъ тисечий копъ литовъскихъ, кгрунтовъ в то не вкладаючи. О што все хотячи правъне чинити, просилъ помененый слуга ее милости, абы тая протестация, именемъ ее милости въношоная, была принята и до книгъ записана, заховуючи одънакъ салве на поправу тое протестацией, еслибы того потреба указовала; а ижъ тая протестация заразъ скоро по отънятъю тыхъ кгрунътовъ для войны и розъбоювъ козацъкихъ, которые подъ часъ войны были, не могла до вряду подать, а потомъ за поветриемъ, которым тые краи Панъ Богъ наведити рачилъ, на сесь часъ за поданъемъ есть принята, и до книгъ записана; што есть записано.

Книга гродская Житомирская 1630 года, № 14, л. 835 на об.

CCLIII.

Духовное завѣщаніе епископа Владимірскаго Іоакима Мороховскаго съ подробнымъ перечнемъ и распредѣленіемъ остающагося по его смерти имущества. 1631 года, февраля 3.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ первого, месеца февраля пятнатцатого дня.

Высоце в пану Богу превелебный его милость отецъ Иоахимъ Мороховъский, з ласки Божое прототроный епископъ Володимерский и Берестейский, до замочъку своего епископъского, тутъ в месте Володимеру, при церкви соборной епископии Володимерское заложенъя Успеня Светое Пречистое Богородицы Дѣвы Марыи будучого, мене Анъдрея Мисевъского, буркграбего замку Володимерского, ужывшы и упросивъшы, при бытности многу людей зацъных, при его милости будучих, передо мною, буркграбим, тестамент остатънее воли своее, под датою тутъ в месте Володимеру року и месеца тепер идучих, вышъшей на акте менованых, третего дня справъленый, учиненый и написаный, печатъми своею власною и капитулною и их милостей панов приятелей своих припечатованый и руками тежъ своею и тых же их милостей панов приятелей своих подписаный, во всих и вшеляких его кондициях, пунъктах, паракграфах, артикулах и клявъзулах очевистым, устънымъ и доброволъным зознанемъ своимъ ствердивъши и змоцънивъши, для въписаня до книгъ кгродскихъ Володимерских явне, ясне и доброволне, ачъ на тели хорый, але на змыслах всих, памети, розуме и баченъю праве, добре и цале будучи здоровымъ, подал и признал, такъ ся в собе маючый: Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминъ. Я грѣшъный рабъ Божый Иоакимъ Мороховский, з ласки Божое прототроний епископъ Володимеръский и Берестейский, вѣдаючи певъне, а праве на око достаточъне то видечи, же всѣ речи и здорове людъское тѣнемъ премияючимъ сутъ, а будучи от Пана Бога хоробою зложоный, в которой близшимъ смеръти, а нижъли жывота себе видечи быти, еднак за ласкою Божою цѣле и зуполъне при собе в добром баченъю будучий, таковую волю мою остатънюю и споряженье мѣти хочу. Напрод дякую Пану Богу моему за вси великие его добродѣйства мнѣ негодъ-

ному в молодых летех моихъ и середъних, въ краях чужых посторонных, показаные, а особливе потом, же мя негодъного на станъ епископъский великий поднесши, на томъ столъцу посадил и слугою церкви свое, во имя Пречистое Его Матере названое, годъным быти учинил. При том осведчаюся, же яко за вѣку жывота моего былом вѣры святое кафтолицъкое церкви соборное сыномъ и единост святую зъ церковъю Рымскою при столици Апостолской ц!ло и непорушъно заховалем, просячи о то Господа Бога в моих штоденъных молитвах, абысмо всѣ згодне едиными усты и единымъ серцемъ славили имя Его Присветое, так и тепер, при сконъченъю жывота моего, пред маестатомъ Божымъ моцъно ствержаю и духа моего Творцу моему и Одкупителеви в руки оддаю. Тѣло мое грѣшъное од повинъных и екъзекуторовъ того тестаменту моего, од мене нижей назъначоных, мает быти пристойне поховано в церкви соборной Володимерской, пред образом Пречистое Божое Матери чудотворном, намѣстъном, до которого мѣстца и образу, при той теперешъней всей зуполъна его озъдобѣ ничого не уймуючи, але для болъшое оздобы певъная сумма трохе нижей назначона будетъ. Што ся ткнет скарбу, сребра, злота, аппаратовъ и всего охендозства церковного, которого естъ особливый реестр, то все за наступенъем моимъ жадного умнейшенъя не понесло и овшем, за ласкою Божою, што рок добре и значне помножалося, чого всего поединкомъ выличать непотреба, одзываючи ся до того реестру выжей помененого, тое теды все вцѣле при церкви соборной и том епископъствѣ Володимерскомъ зоставати маетъ вѣчъными часы, под завѣдованъемъ и дозором капитулы тутейшое, до чого я их на всѣ потомные часы обовязую, абы того пилъновали и што рок реестровали, абы никгды от жадного ничого отъмѣнено не было. Чого зас в реестре тамъ томъ не описано, я тым тестаментомъ моим церкви Володимерской и рызници назъначаю, придаю и меную, напрод: обитъе першое атласовое, которого штук естъ десятъ; другое опоны великие инъдерлянъские, которого естъ въ личбе штук семъ; лихтаровъ срибрныхъ великих два, в которых сребра естъ гривенъ двадцат пят, тепер свѣжо купъные за золотых пятъ сотъ двадцет и пят; мѣдъницу и наливъку сребрную великую мою столовую и лихтаровъ середних столовых два, тое все при ризъници и той, а не инъшой, уховай Боже, церкви и мѣстъцу зоставую, а всих наступцов

моих для милосердя Божого прошу, абы того и жадное речи зъ рызницы так сребра, аппаратов, великое и найменъшое речы от того мѣстца и церкви з рызницы нигде не оддаляли, а ни замѣною, а ни якимъ позычанымъ способом, а ни тежъ на домовую приватную потребу свою того не уживали. А стороны речей моих рухомых и пинезей готовых, тые ижъ сутъ одъны давъно от мене, частю от милых родичовъ моих и за моими заслугами от розъных добродѣевъ моих набытые, теды тые повинънымъ и близъкимъ моим, водълугъ означенъя остатънею сею волею моею кожъдому, што ся нижей поменить, належати будетъ. Сутъ зас инъшие с приходовъ, до столу епископъского належачие и за ласкою Божою, а особливым опатренъемъ и стараньемъ моим зебраные, тые на посполитые добрые учинъки на розные мѣстца, также слугам и челядце моей, водълугъ озъначенъя, належати будут, напрод: золотых полских тисечей двѣ, которые певъным рукодайным долгомъ позычоны сутъ у мене од кнежати его милости Санъкгушъка Кошерского, воеводы Волынъского, и в закладѣ тое сумы положилъ у мене сребра штук килка, меновите: монстранцию великую, мѣдъницу з наливкою злоцестую и пару лихтаров костелных, старых, поламаных; была тежъ прк том и лямъпа великая сребрная, але тая уже од кнежати его милости вѣчъными часы до образу Пречистое Дѣвы Марии в церкви соборной Володимерской руками власными надана, чого и напис особливый там же зараз естъ. Тую теды суму дѣлю на двое, то ест: тисечу золотых на оздобу и окраску роботою шныцерскою и малярскою образу Пречистое Богородици, пред которымъ тѣло мое погребено будетъ, а часть тежъ на положенъе каменя мармурового з написом на гроби моем, а другую тисечу золотых на трое розделяю, то естъ: на шъпитал братства Пречистое, при церкви соборной презъ мене заложоного, который маетъ станути и побудовати ся не мешкаючи на кгрунте церковъномъ на двох пляцах, где домок Назаров, (которому будованъе безъ шкоды его силачено быти маетъ) и Проскурничынъ, на тотъ теды шпитал золотых полских шестъ сотъ, абы тую суму на вѣдеркафъ дано и с провизии братю и сестры уломъные опатровано в том шпиталю; зас на шпитал руский мѣский Володимерский золотых полских триста, которая сума также в цѣлости быти мает, а толъко провизия на убозство ити маетъ, чого дозорцами вѣчъными чиню капи-

тулу Володимерскую; на шпитал полский, при кляштори Доминиканъском будучий, золотых сто. Прошу, абы на тыхъ трох мѣстъцах Господа Бога просили за одпущение грѣхов моих. З сумы зас влосное моее, ве злоте будучое, сестри моей милой Катарине Заневичовой червоныхъ золотых семъ сотъ; пану Анъдрѣеви Заневичови, сестренцеви моему, възгляд маючи на сироты дѣтъки его, абы за мене Господа Бога просили, тисечу чирвоныхъ золотых; Ганънуси, внучъце моей, цорце небожъчика Янего, червоных золотых пятъ сотъ; Марти Стефановой Ляшъковской червоных золотых чотыриста; Ганъне Сеферовой червоных золотых сто. Тая сума Ганусi, внучъце моей належачая, маетъ быти дана до часу певъного възъросту и постановенъя ей людемъ добрым, за вѣдомостъю их милостей пановъ радецъ Львовъских, абы в целости была. Стороны засъ речый рухомых и стоячих, въ мѣсте и на передместю ве Львови будучихъ, зоставивши дожывотъе спокойное сестрѣ моей милой, теды с части моей сиротом вышей менованымъ, сестреницом, и вънучъце моей в ровъный дѣлъ назъначаю, просячи пилно сестры моеи и пилъно тых сирот упоминаючи, абы за душу мою Господа Бога просили. С тое зас, которая естъ в скрини, около двунасту тисечей, напрод: капитуле моей Володимерской тисечи двѣ, а крылошаномъ тоеж церкви тисечу золотых, абы собѣ тымъ же правом, яко и суму Подгаецъкую, на видеркафъ давъши, провизию мѣли, а за душу мою и родичовъ моихъ в кожъдый тыйден в суботу службу Божую ранънюю чергою одправовати повинъни будутъ, што з любъвѣ и повинъности того тестаменту моего хутъливе одправовати мают. Его милости отцу метрополитови тисечу золотых полскихъ, просячи, абы завдячъне принявши духовъных моих капитулных, мнѣ и церкви Божой потребъных, в ласце своей отцовъской заховалъ. На манастыр Виленъский Светое Тройци тисечу золотых, абы з видеркафу провезия шла, а сума в цѣлости зоставала, а за душу мою братя Господа Бога абы просили. На церковъ Жыровицъкую тисечу золотых полъских, а прошу, абы панахида, албо литея за душу мою одправована была. На звонъ до церкви соборное Володимерское, которогомъ был конечъне мѣлъ волю казати робити, теды абы конечъне, не мешъкаючи, з написомъ наданъя моего, выляный был, полторы тисечи золотых назначаю, а ку тому часть материи спижи, од мене уже приготованое, до того жъ приложона

быти маетъ. На погребъ мой, не для якое помъпы, але для потребъного около тѣла моего труны прикрытъя и для порядного одправованъя в церкви, такъ же для контентованъя свещенников и дяковъ и убозъства, тисечу золотых полских назначаю. Свещенъником Берестейским золотых полских шестъ сотъ назъначаю, але маютъ их конътрактом видеркафовым дати и собѣ оттулъ провизию мѣти, а за отпущение грѣховъ моих Господа Бога уставичъне просити, а сума завъше тымъ контрактомъ в цѣлости быти мает. До церкви Володимерское на апъпараты посполитые до собору золотых триста, а на крестъ сребрный напрестолный золотых двѣсте. Пану Стефанови Китайчичови золотых полских тисечу; отъцу протопопи Володимерскому, отцу моему духовъному, особливо золотых чтыриста; так же и архидияконови моему, который ми служилъ презъ литъ кильканадцатъ, варуючи ему всѣ данины, передтым од мене наданые, и причиняючися за нимъ, яко потребънымъ слугою церкви Божое, до наступъцовъ моих, золотых чтыриста назначаю; Малюсеви, хлопяти моему, который ми служил щире и вѣрне завше, золотых двѣсте; панъномъ законымъ Святого Василия Виленским золотых чотыриста назъначаю и молитвамъ се их пилно oддаю. В скринъце зас зеленой можетъ быти около пети тисечий, албо тежъ болъшъ. С тое сумы пану Анъдрѣеви Заневичови, сестренъцеви моему, тисечу золотых; на росправенъе слугъ, челяди моеи, которымъ никгды не завелося ничого так в соляриумъ, яко и в сукнѣ барвяномъ, вподил, ведле уваги заслугъ кожъдого, тисечу золотых назъначаю; пану Стефанови Миколаевъскому особъливе золотых пятъ сотъ назначаю; на осведченъе хути моеи его милости пану Адамови Киcилеви золотыхъ пятъ сотъ и коновочъку сребрную, бѣлую, полкгарцовъку, яко екъзекуторови того тестаменту моего, назначивши, пилъне прошу, абы ся з милости звыклое ку мнѣ охотъне того поднялъ, пилъне споряжал и до скутъку своего все приводил, посполу з велебными отцами, капитулою моею, а урожоными его милостю паномъ Павлом Курцевичом и паномъ Анъдреемъ Заневичом, сестренъцомъ моим; прошу всих для милости Божое и повинъности християнъское, абы то все щире, охотъне до скутъку своего, ведълугъ прозбы и того споряженья остатънеи воли моеи, за старанемъ их приведено было. Церковъ Светого Спаса у Володимери, же барзо зветъшала, а отъцове капитула, през

недостатъки свои, до оправы ее прийти не могут, теды на побудованъе ее золотых полских пятъ сотъ. До кляштора Володимерского Доминиканского золотых полских двѣсте, абы за душу мою пана Бога просили; до скриньки братъское золотыхъ сто; убогимъ вдовамъ, сиротамъ, до церкви соборное сходячим ся, ведлугъ уваженъя роздати золотых сто; отцу Вербицъкому золотых пятъ десят; панеи Ивановой Красовъской хорой ве Львовѣ золотых пят десят; тамъ же ве Львови убогим сиротамъ, если бы съ повинъными нашли, ведълугъ уваженъя в подил золотых сто. Пану П: влови Стомичови, который ми въ молодыхъ лѣтех своих служил вѣрне и цнотливе, золотых сто. На школу Володимерскую, при церкви соборной будучую, золотых полских шестъ сотъ, которая сума завъше сполъна тръвати мастъ въ конътракте видеркафовомъ, а провизия на бакаляра ити маетъ. До церкви Берестейское на апъпарата золотых полских двѣсте. В скрынце зас малой дубовой пинезей естъ золотых тисечий три и триста золотых; с тых полтрети тисечи на семинариум наше, на сенодѣ Кобрынском от нас намовъленое и постановленое. Рухомые зас речы домовые: срѣбро, шаты, кони так мѣти хочу: напрод, зъ срѣбра пану Заневичови, сестренцеви моему, болъшая коновъка сребрная и лихътаровъ малых столовых два; пугар менъшый злотистый пану Стефанови Китайчичови; болший погаръ также злотѣстый, пану Стефанови Ляшковъскому; погаръ малый, бѣлый, архидияконови моему. Лыжок великих новых тузин: тые панюи сестрѣ моей Заневичовой и коновочъка злотистая дана быти маетъ, другая коновочъка, также злотистая, панюи Стефановой Ляшъковской. Ложокъ зас сребрныхъ посполитых двадцетъ: с тых отцу протопопѣ Володимерскому пятъ, аръхидияконови моему три, пану Заневичови дванадцет, а притом и чарокъ двѣ малых; роструханъ злотистый до церкви соборное Володимерское для подаванъя воды причастъником; каламар до церкви соборное Берестейское, абы з него была пушка для хованя сакраменъту Тѣла Христова зроблена. З шатъ: чамара, рысями подшитая, пану Заневичови; соболями подшитая чамара Ганнуси, внучъци моей, и сутанъна канавацовая; чамара аксамитъная с пасаженами ей милости паньни Ганънѣ Потѣевни, а самой ей милости панеи подсудковой перстенъ з шафиромъ, который был у мене в невъной сумѣ положоный, без одбираня тое сумы одданый быти маетъ, абы ее милость за душу

мою Пана Бога просила; отцу протопопи ряса, лисями подшитая, и плащъ; другий плащъ рясяный и шабъка вишъневая боброва архидияконови одданы быти маютъ; чамара адамашъковая Янови Залузскому; сутанъпа блакитъная адамашъковая Малюсеви, хлопцу моему. Коней глинястых цукгъ с каретою пану Заневичови; стисавых коней котъчовых архидияконови чтыри, а пану Миколаевскому два; кухонъпый цукгъ в подѣлъ челяди дробъной стаенъной с конюшим, вынявши одного шпаковатого Малюсеви, хлопъцу моему. Коберцовъ аджамскихъ с перскими всих дванадцатъ: перскихъ три пану Заневичови и килимовъ перских два и шпалера старая; пану Стефанови Китайчичови перских два; два аджамских лязуровых при иншом обитю церковъномъ непорушъно в церкви соборной Володимерской быти маютъ; зеленый и червоный аджамъские два пану Стефанови Миколаевъскому; старыхъ червоных аджамских два, которых завше заживаю, архидияконови, третий такий же отцу протопопи Володимерскому. Простые коберцы подѣлити межи слуги, челяд; толко одинъ лѣпъший и болший до образу Пречистое зоставити. Цѣнь, мѣд, начинъе все кухонъное пану Заневичови. Стрелба на мурах и вежѣ, которые ся вымуровали моимъ старанъемъ и тая стрелба куплена, меновите въ личби седмеро: шмикговниц чтыри, а гаковниц три, то завше при замочку епископъском зоставати мает. То все так неодмѣнъно хотечи мѣти, тую остатнюю волю мою рукою своею подписавши и печатъ приложить казавъши, просиломъ их милостей пановъ приятелей моих, на подписе нижей менованыхъ, о подпис рукъ и приложенъе печатей, которые их милости на прозбу мою то учинили, печати свои приложили и руки подписать рачили. Дѣялосе у Володимеры, року Божого нароженъя тисеча шестъ сотъ тридцатъ первого, месеца февраля третего дня. У того тестаменту печатей притисненых пятъ, а подпис рукъ тыми словы: Иоакимъ, епископъ Володимерский и Берестейский, власною рукою. Ustnie proszony pieczentarz Paweł Kurcewiez ręką swą. Ustnie proszony pieczentarz Andrzey Stakorsky ręką. Andrzey Misiewsky, ocżewisto proszony swiadek, manu prorpria. Потомъ зас приписок в тые слова: А щом был лекговал коновъку болъшую сребрную кгарнъцовую пану Заневичови, теды то одменивъши, его милости пану Павлови Курцевичови лекгую, яко екъзекуторови того тестаменту моего, а пану Заневичови на то мѣсто

золотых сто; пану Мисевъскому, приятелеви моему, зъ шкатулы золотых сто назъначаю. А под тым приписком знову подпись руки его милости зознаваючого такий: власною рукою.—А так я бурктрабя, тот тестамент, за поданъемъ, очевистым, доброволъным кризнанъемъ и прозбою вышъ менованого его милости зознаваючого, принявши, с початку увес ажъ до конъца так, яко се в собе мает написаный, поданый и признаный ест, до книг нинешъних кгродских Володимерских, самый оргинал его вышъ менованым их милостям паном екъзекуторомъ того тестаменту, яко им власне належачий, выдати росказавши, уписати есми казал и естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1631 года, № 998, л. 108.

CCLIV.

Королевскій листъ о назначеніи уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго администраторомъ Владимірской епископіи и принадлежащихъ къ ней церковныхъ имѣній по случаю смерти тамошняго епископа Іоакима Мороховскаго. 1631 года, февраля 26.

Року тисеча шестсот тридцат первого, месеца марца осмого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Володимеръскомъ, передо мъною Андреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешними кгродскими старостинъскими, становши очевисто урожоный панъ Гелияшъ Загоръский универсалъ або листъ од его королевской милости, пана, пана нашого милостивого, висоце в Пану Богу превелебъному его милости отцу Иосифови Веляминови Рудзъскому, з ласки Божое и апостолское столици метрополитови Киевскому, Галицкому и всее Руси, на администрацию всего владыцъства Володимерского, под датою в Варшаве, дня двадцатъ шостого месяца февраля, в року теперъ идучомъ вышей на акте менованомъ,

написаный и даный, и о томъ всемъ достаточно и широко в собе обмовляючий, именемъ помененого его милости, отца метрополита, пана своего, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ пер облятамъ подал, такъ ся в собе маючий: Zygmunth Trzeci, z łaski Bożey krol Polski, wielkie xiążę Litewskie, Ruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflantskie, a Szwedzki, Gotski, Wandalsky dziedziczny krol. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem w obec y kożdemu z osobna, komu o tem wiedzieć nalezy, iż my, za zosciem s tego swiata wielebnego w Bodze oica Joachima Morochowskiego, władyki Włodzimierskiego y Brzeskiego, chcąc, aby władyctwo te bez obrzędow cerkiewnych, dla zeszłego pasterza, nie zostawało, y dobra same, do niego należące, nie niszczały, też władyctwo Władzimierskie y Brzeskie, po smierci iego wacuiące, ze wszystkiemi dobrami z dawna do niego należącymi, tak iako blizko zoszły ociec władyka one trzymał, wielebnemu w Bodze oycu Iozephowi Wielaminowi Ruckiemu, metropolicie Kiewskiemu, Halickiemu y wszystkiey Rusi, w adminnistratią y rządzenie dać y conferować umyslilismy; iakoż mu tym listem naszym, do woli y łasky naszey, albo podania przez nas na tę władyctwo osoby iakiey godney, daiemy y conferuiemy. Co wszystkim, komu to wiedzieć należy, mianowicie Włodzimerzskiey y Brzesckiey cerkwi capitułom y też poddanym władyctwa tegoż wszystkim, czyniemy wiadomo, aby odtąd mianowanego wielebnego oyca metropolitę za własnego od nas podanego władyctwa tego administratora mieli y znali, jurisditiey onego, tak w rzeczach duchownych, iako y w rządzie dobr swieckich do woli y łaski naszey podlegali. Na co się, dla lepszey wiary, ręką naszą podpisuiemy, pieczęć koronną przycisnąć roskazalismy. Dan w Warszawie, dnia dwudziestego szostego Lutego, roku Panskiego tysiąc szesc seth trzydziestego pierwszego, panowania krolewstw naszych, Polskiego czterdziestego czwartego, a Szwedzkiego trzydziestego osmego roku. У того листу администрацыи печатъ короньная болшое канъцелярии притисненая, а подписъ рукъ тыми словы: Sigismundus Rex. Joch: Lipsky. А так я, буркграбя, тотъ листъ адъминистрации, за поданемъ и прозбою вышменованого подаваючого, принявши, с почат̃ъку увесь ажъ до конца, так яко се в собе маетъ написаный и поданый есть, до книгъ нинешнихъ кгродских Володимер-

скихъ, самый орииналъ его вышменованому подаваючому выдати роскававши, уписати есми казалъ, и есть уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1631 г., № 998, л. 158 на об.

CCLV.

Королевскій листъ урядникамъ, слугамъ и крестьянамъ церковныхъ имѣній Владимірской епископіи о недѣйствительности выданнаго п. Андрею Жолкѣвскому привилегія на с. Квасовъ, такъ какъ оказалось, что это село издавна составляетъ собственность Владимірской епископіи, и съ приказаніемъ имъ всѣми способами защищать это имѣніе, въ случаѣ еслибы Жолкѣвскій намѣревался захватить его. 1631 года, марта 1.

Року тисеча шестъ сотъ тридцат первого, месяца марца осмого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Анъдресемъ Мисевскимъ, бургграбимъ замъку Володимерского, и книгами нинешними кгродскими старостинъскими, становши очевисто урожоный панъ Гелиашъ Загорский, универсалъ албо листъ отъ его королевской милости, пана, пана нашого милостивого, до слугъ, урядниковъ и подданыхъ всихъ зошлого высоце в пану Богу велебного отца владыки Володимерского, так въ инъших маетностяхъ, яко и в селе Квасове позосталыхъ, датою з Варшавы дня першого месяца и року теперъ идучихъ, вышъшей на акте менованыхъ, писаный, именемъ высоце в пану Богу превелебъного его милости отца Иосифа Велямина Руцъкого, з ласки Божое и апостолское столицы митрополиты Киевъского и Галицъкого и всее Руси, пана своего, для вписанъя до книгъ нинешъних кгродских Володимерскихъ пер облятамъ подал, так ся в собе маючий: Zygmunt trzeci, z łaski Bożey krol Polski, wielkie xiąże Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazoweckie, Zmudzkie, Inflantskie, a Szwedzky, Gotsky, Wandalsky, dziedziczny krol. Wszem w obec y kożdemu z osobna, a mianowicie sługom, urzędnikom, także poddanym wszystkim zeszłego oyca władyki Włodzimierskiego, tak w inszich maiętnosciach, iako y we wsi Kwasowie pozo-

stałym, czyniemy wiadomo, iż za opaczną urodzonego Andrzeia Zołkiewskiego do nas wniesioną reformą, dalismy byli onemu przywiley nasz na wieś Kwasow, iako by do nas y dispositiey naszey przypadłą, ktora wieś iż do władyctwa Włodzimierskiego z dawna nąleży, nie chcąc my, aby dobra cerkiewne od władyctwa tego odrywane byli, wiernosci waszey roskazuiemy koniecznie, tak mieć chcąc, abyscie nic nie dbaiąc na tę daninę naszę, iemu od nas daną, tak onemu samemu, iako y wszystkim inszym, kto by się na te dobra porywał, possesiey ich bronili, ani im odeimować, lubo w czym kolwiek maiętnosci te szarpać dopuszczali, sami ich ni w czym nie sluchali, gdyż my przeciwko takowym naieznikom wszelakich kazalibysmy instigatorowi naszemu prawnych zażyć sposobow, y sami tego postrzegali, iakoby wielebny w Bogu xiądz metropolita Kiewsky, ktoremusmy teraz władyctwa tego administratią podali, zbior wszystek y insze gospodarstwo, iako w Kwasowie, tak y gdzie indziey pozostałe, wcale od wiernosci waszey odebrać mogł; czego inaczey dla łaski naszey nie uczynicie. Dan w Warszawie, dnia pierwszego marca, roku Panskiego tysiąc szesc seth trzydziestego pierwszego, panowania naszego Polskiego czterdziestego czwartego, Szwedzkiego trzydziestego osmego. У того универсалу печать коронъная болшое канъцилярии притисненая, а подписъ рук тыми словы: Sigismundus Rex. Ioann Benderman. А так я, буркграбя, тотъ универсалъ албо листъ, за поданемъ и прозбою вышъ менованого подаваючого, принявши, с початку увесь ажъ до конъца, так яко се в собе мает написаный и поданый есть, до книгъ нинешних кгродскихъ Володимерскихъ, самый ориналъ его томужъ подаваючому, яко ему власне належачий, выдати росказавши, уписати есми казалъ, и есть уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1631 г., № 998, л. 160 на об.

CCLVI.

Заемная запись п. Адама Киселя Низкиницкаго на сумму 600 золотыхъ польскихъ, завѣщанную бывшимъ епископомъ Владимірскимъ Іоакимомъ Мороховскимъ въ пользу основанной имъ школы при церкви соборной во Владимірѣ,— съ обязательствомъ уплачивать ежегодно 8 процентовъ изъ занятой суммы на содержаніе учителя означенной школы и съ обезпеченіемъ займа своими имѣніями. 1631 года, марта 26.

Року тисеча шесть сотъ тридцат первого, месеца марца двадцатъ семого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Володимерском, передо мною Анъдреемъ Мисевским, бурккграбим замку Володимерского, и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто урожоный его милостъ панъ Адамъ з Брусилова Кысел Низъкиницъкий, листъ доброволъный записъ од себе школе Володимерской, при церкви соборной Володимерской будучой, на възятъе, одобранъе и одличенъе презъ себе зознаваючого способомъ видеркафу сумы шести сотъ золотых полских, през высоце в пану Богу велебъного зошлого его милости отца Иоакима Мороховского, з ласки Божое и Апостолское столицы прототронего митрополии Киевское, епископа Володимерского и Берестейского, тестаментомъ остатънее воли своее помененой школе Володимерской даное и лекгованое, под датою тутъ в месте Володимеру року и месеца тепер идучихъ, вышъшей на акте менованых, двадцатъ шостого дня написаный, даный и о томъ всемъ достаточне в собе объмовляючий, во всих и вшеляких его конъдицияхъ, пунъктах и обовязъках очевистым, устным и доброволным зознанъемъ своимъ ствердивъши и змоцнивши, для вписаня до книгъ нинешъних кгродскихъ Володимерскихъ явне, ясне и доброволъне, на теле и на умысле добре будучи здоровый, подал и признал, так ся в собе маючий: Я Адамъ з Брусилова Кысел Низъкиницъкий, на теле и умысле добре будучи здоровым, вѣдомо чиню и зознаваю тым моим листомъ доброволнымъ записом кожъдому, кому бы о томъ ведати належало, тепер и напотом завжды, ижъ я суму шест сотъ золотыхъ полских, през высоце в пану Богу велебного зошлого его милости отца Иоакима Мо-

роховского, з ласки Божое и Апостолъское столицы прототронего митрополии Киевъское, епископа Володимерского и Берестейского, тестаменътом остатънее воли своее на школу Володимерскую, при церкви соборной Володимерской будучую, тою конъдициею, же бы тая сума на выдеркафъ дана была, а провизия з нее на бакалара при той школе тепер и напотом будучого шла, а сума жебы вцале завше зоставала, даную и лекгованую, способомъ выдеркафу ку потребе моей власной въсю сполъна менованую шестъ сотъ золотыхъ полских взявши и одобравши и одличивши, оную всю огулом на добрах моих власных отчистых, дедичъных, волных и свободных, никому жадными записами передъ тым незаведеных и необътяжоных, въ повете Володимерскомъ лежачих, замъку и селе Низъкиничах и селисчах Коневичах и Подгайцах, помененой школе Володимерской варую, упевъняю, записую и ассекурую, с тою конъдициею, же кожъдого року од тое всее сумы шести сотъ золотых полских од кожъдого ста золотых бакаларови тое школы, так тепер будучому, яко и по нем на местъце его наступуючому, провизии по осми золотых полских в середу середопостъную, то естъ в денъ самого середопостя посту великого руского, тутъ в месте Володимеру, в школе вышъшей менованой, при церкви соборной тутошъней стоячой, бакаларови менованое школы до рукъ, за квитом его ручным, готовыми пинезми давати маю и буду повиненъ, а по мне потомкове и сукцесорове добр моих на всѣ пришълые вечъные и потомные часы давати мають и будутъ повинъны. Якожъ заразом за тотъ теперешъний рок, од дня нинешънего, нижей на дате помененого, той провизии зачинаючи се, од тое всее сумы провизию велебъному в пану Бози отцу Прокопию Хмелевскому, бакаларови помененое школы, всю сполна сумою сорок и осмъ золотых полских оддал и заплатил есми. А если бы зас напотом, любо я сам, любо и по смерти моей потомкове и суксесорове добр моих тое провизии в кожъдый рок дня вышей написаного и на местцу назначоном од тое сумы оддавати не хотел и не хотели, теды самую тую суму всю выдеркафовую шестъ сотъ золотых полских бакалярови школы тутошънее, так тепер будучому, яко и по немъ на месце его наступуючому, без жадных трудъностей, зволок и вымовок правъных и инъших вшеляких розъмаитых, вернути и оддати маю и повиненъ буду, а по мне потомкове и сукцесорове добр моих

маютъ и повинъни будутъ, под закладомъ шести сотъ золотых полских и нагороженъемъ шкод, голым словом, безъ присеги, през бакалара менованое школы и его наступъцы противъко мне самому, а по мъне потомъковъ и сукцесоровъ добр моих, речоных и ошацованых, в выкроченъю противъко тому записови моему в чом колвекъ до одповеданъя и вказанъя на мне самомъ, а по мне, потомъках и сукцесорах добр моихъ, менованого закладу и шкод форум и терминъ завитый, за першимъ позвомъ, перед вшеляким и кожъдымъ судомъ и урядомъ: кгродскимъ, земъским и головным трибуналским коронънымъ Любелскимъ, в которомъ колвекъ воеводстве и повете, также и межы справами конъсерватными Киевъского, Волынского и Браславъского воеводствъ, без зажыванъя всѣхъ и вшеляких, огулом в посполитости и кожъдых зособъна в особливости, дилляций, апелляций од недопущоных прозеквуций, оборонов, одводовъ, доводовъ, добродействъ, вымовокъ и зъволок, в праве посполитом написаных и розумом людским вынайденых и вымышъленых, тыле разов, иле противко тому записови моему выкрочу, а по мъне потомъкове и сукцесорове добр моих выкрочат, и ажъ до знесенъя того запису моего квитом през помененого бакалара школы тутошънее, албо его наступъцовъ, на вряде котором колвек очевисто зознаным, собе самому, потомкомъ и сукцесоромъ добр моих, доброволъне приймую и назъначаю, моцъю того доброволного листу запису моего, од мене на то помененому бакаларови и его наступъцы, под печатю и с подписом руки мосе власное и их милостей панов приятелей моих, на тотъ час при мъне будучих и того всего добре ведомых, имены и прозвиски нижей менovите, за прозбою моею очевистою и устъною, подписаных се, даного. Писан и дан у Володимери, року тисеча шестъ сотъ тридцатъ первого, месеца марца двадцатъ шостого дня. У того запису печатъ притисненая одна, а местцъ зас тежъ на притисненъе печатий наготованых три, а подпис рук тыми словы: Adam z Brusiłową Kyisieł, manu propria. P. Kurczewicz ręką swą. Mikołay Kyisieł, proszony pieczentarz. Hrehory Lasko Czerczycky, proszony, manu propria. А так я, буркграбя, тотъ запис, за поданъемъ, очевистым, доброволным признанъемъ и прозбою вышъ менованого его милости зознаваючого, принявъши, с початку увес ажъ до конъца, так яко се в собе маетъ написаный, поданый и призънаный естъ, до книг нинешъ-

них кгродских Володимерских, самый оринал его велебному отцу Прокопию Хмелевъскому, бакаларови на тотъ час школы помененое, выдати росказавши, уписати есми казал, и естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1631 г., № 998 л. 234 на об.).*

CCLVII.

Фундушъ п. Адама Урсула Рудецкаго Чорненскому общежительному монастырю св. Спаса. 1631 года, апрѣля 14.

Року тисеча шестсотъ тридцать первого, месяца июня двадцать первого.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, назавтрее по светой Тройци, святе римскомъ, в року звышъ написанномъ припалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, перед нами Войтехомъ Станишевскимъ, судею, а Криштофомъ Шимковичомъ Шклинскимъ, подсудкомъ, урядниками судовыми земскими Луцкими, постановившись очевисто урожоный панъ Теодоръ Сосновъский, коморникъ граничный повету Луцкого, для вписаня до книгъ нинешнихъ земскихъ Луцкихъ подалъ пер облятамъ листъ доброволный записъ вечистое даровизны именемъ ее милости панее Конъстанцие Гулевичовны, позосталое малжонки зошлого урожоного его милости пана Адама Урсула Рудецкого, од того жъ зошлого помененого его милости пана Рудецкого манастырови заложеня святого Спаса, в Черной будучого, даного и служачого, с печатми и с подписомъ руки его милости пана Рудецкого, также с печатми и с подписами рукъ людей добрыхъ, на речъ в томъ записе меновите выражоную даный, о

*) Примѣчаніе. Такую же запись тотъ же Адамъ Кисель Пизкиницкій выдалъ о займѣ на тѣхъ же условіяхъ: 1) 600 золотыхъ, завѣщанныхъ Мороховскимъ „на шпиталь братства светое Пречистое, при церкви соборной Володимерской през небожчика (Мороховскаго) заложоный“ (Ibid., л. 236); 2) суммы 300 золотыхъ, завѣщанной тѣмъ же Мороховскимъ „шпиталеви тутошнему Володимерскому местъскому“ (л. 238 на об.), и 3) суммы 600 золотыхъ, завѣщанной тѣмъ же лицомъ въ пользу „свесченниковъ Берестейскихъ“ (л. 232 на об.).

чомъ тотъ записъ ширей в собе маетъ,—просячи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ мы судъ, оного для вписаня до книгъ приймуючи, перед собою читати казали, который так се в собе писаный маетъ: Я Адамъ Андрей Урсулъ Рудецкий явно чиню и доброволне сознаваю тымъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ кождому, кому бы о томъ ведати належало, албо се чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ веку людемъ. Ижъ маючи я уставичне перед очима повинность свою хрестиянскую, паметаючи на приказане Божее, водле которого кождый чоловекъ с повинности своее отдавати есть повиненъ тое, што належитъ ближнему своему, поготовю болшей, то есть повиненъ отдавати водле наболшого преможеня своего то, што есть повиненъ пану Богу всемогущему, сотворителеви своему, ку чте и розмноженю хвалы его светое: прото и я, з добрымъ и статечнымъ розмысломъ своимъ, не будучи до того ниякимъ способомъ ни од кого намовъленый а ни примушоный, але з доброе воли своее, а то наболшей для розмноженя хвалы Божое чинечи, с тое маетности, которою мне Панъ Богъ обдарити рачилъ, а маючи волность с права посполитого добрами и маетностями моими яко хотечи шафовати, теды маетность мою дедичную, мне правомъ вечистымъ служачую, в воеводстве Волынскомъ а повету Луцкомъ, то есть село Черную, над рекою Горинею, межи маетностями з одное стороны кнежати его милости Миколая на Клеваню Чарторыйского, а з другое стороны его милости пана Монъвида Дорогостайского, лежачую, с фолваркомъ и в нимъ будучимъ быдломъ рогатымъ и нерогатымъ—з коньми, з волами и зо всимъ домовствомъ, также с поддаными, лесами, запустами, з борами, з деревомъ бортнымъ и з бчолами с пасекою, з езерами и волнымъ ловенемъ рыбъ такъ в тыхъ езерехъ, яко и в рици Горини, с полями засеяными и незасеяными, зо всими приходами и приналежностями, до тое маетности здавна приналежачими, ово згола, ничого а ничого такъ собе самому, и потомкомъ моимъ в той маетности Чорной не зоставую, але зо всими ее приналежностями, яко се вышей поменило и яко тая маетность в границахъ своихъ лежитъ и в околичностяхъ маетъ и есть,—даю и дарую вечными часы и заразъ в посесию вечистую, през возного и шляхту, которыхъ собе игуменъ и черньци способити могутъ, подаю и поступую на монастыр и церковъ заложеня светого Спаса, в

томъ же селе Черной будучий, также игуменови и всей братии чернъцомъ веры старожитное греческое церкви вызнаня, тамъ мешкаючимъ, абы хвала Пану Богу всемогущому такъ за здоровъе мое и потомковъ моихъ, яко и за душное спасенъе одправовалась, ничого соби а ни потомкомъ моимъ в той маетности не зоставуючи, опрочь подання игумена з братиею, такъ яко ктиторъ монастыра того, повиненъ есмь о нихъ ведати и правне о нихъ в ихъ долегъливостяхъ боронити, заступовати и до згоды оныхъ провадити маю, а по мне потомъкове мои повинъни будутъ. В которомъ манастыре менъшей дванадцати чернъцовъ не маетъ быти, але бы тежъ и наболшей могло быти,—о тое самъ игуменъ з братиею старати маютъ, абы се в большей личъбе хвала Божая отправовати могла. А игумена братья сами с ктиторомъ манастыра того обирати маютъ; которыи вси тамъ мешъкаючии не инакшей, толко в общимъ житии мешкати маютъ, водлугъ рекгулы светого Василия. А если бы таковые чернъци общого мешъканя находитись не могли, а дочка моя Мареся хотѣла бы се в черници постригъти, теды тотъ манастыръ паненъский жебы былъ, а не музский; однакъ с тою кондыциею, абы тое маетности вышъ помененое, до того манастыра през мене даное, игуменъ и чернъци не важились продавати, заставовати, а ни тежъ якимъ колвекъ способомъ од тое церкви одъдаляти, але то такъ вечне водлугъ фундушу моего на фалу Божую при томъ манастыре быти маетъ. А естли бы хто колвекъ над волю мою кривду тому вышъ помененому манастырови учинилъ и сесь доброволный листъ мой фундушу в чомъ колвекъ, на тотъ манастыръ од мене учиненый, нарушилъ, теды кождого таковаго позываю на страшный судъ справедливый и нелицемирный перед маестатъ Его пренайсвятъший, ку декретови Его святому, и тамъ се о тое кождый таковый зо мною розъсудити маетъ. А ижъ отецъ светый патриарха Констанътинополский, патронъ нашъ, в тыхъ краяхъ вѣру святую православъную хрестианскую показавши и вызнаня правъдивого Господа Бога нашого Исусъ Христа научивши, од которого продкове наши и мы естесьми охресчени и до правдивого вызънаня веры приведени, теды оному, яко пастырови нашому, в моцъ, в оборону и опеку оддаю, абы тамъ благословенства отъ светобливости его заживали и в послушенстве его были духовные того манастыра. А подданые, которые тамъ мешкаютъ, по

два дни толко в тыждень на манастыръ робити мають и жадное подачъки давати не мають, опрочь если будутъ якие подачъки королевские; подводъ тежъ для нихъ неповинъни отправовати, а при своихъ дворищахъ, поляхъ и сеножатяхъ, также и волномъ ловеню рыбъ в рици Горини зоставати мають. Который то листъ запись мой вечистое даровизны и наданья тому светому местцу, монастырови церкви светого Спаса, в маетности той Чорной будучой, власною рукою моею подписалемъ и печать свою приложилемъ, а для лепшое веры и твердости, ихъ милости панове приятеле мои, за прозбою моею очевистою, руки свое подписати и печати приложити рачили. Писанъ в Луцку, року тисеча шестсотъ тридцать первого, месяца априля чотырнадцатого дня. У того запису при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: Adam Ursoł Rudecky. Ustnie proszony pieczentarz Mikołay Drewinsky manu propria. Тимофей Масло, свесченикъ Рудецкий. Marcen Łominsky jeneral ręką. Который же то листъ доброволный записъ вечистое даровизны, за поданемъ и прозбою вышъ менованое особы а за принятемъ нашимъ судовымъ, увесь с початку ажъ до конца до книгъ земскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга земская Луцкая 1631 года, № 2828, л. 653.

CCLVIII.

Заявленіе членовъ православнаго братства Луцкаго объ уплатѣ п. Яномъ Хриницкимъ въ пользу братскаго Крестовоздвиженскаго монастыря 200 золотыхъ польскихъ, согласно приговору пріятельскаго суда по дѣлу его съ п. Андреемъ Еловицкимъ. 1631 года, октября 15.

Року тисеча шестьсотъ тридцать первого, месяца октобра петнадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, на завтрее по светомъ Михайле, святе римскомъ, в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Войтехомъ Станишевъскимъ, судею, а Криштофомъ Шимковичомъ Шклинскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Луцкими, и мною Данелемъ Еловицкимъ,

войскимъ Кременецкимъ, субъделекгатомъ на местцу урожоного его милости пана писара земского Луцкого, иле што се справы нижей менованое дотычетъ, будучи засажонымъ, ставши обличне велебный въ пану Богу отецъ Неофитъ, законникъ зъ манастыра брацкого Луцкого, заложеня светого Крижа, такъ же и урожоный его милость панъ Семенъ Гулевичъ Воютинский, писаръ земъский Луцкий, яко братъ старшый и губернаторъ тогожъ манастыра, именемъ своимъ и всее брати своее духовныхъ и светскихъ сознали: ижъ што урожоный его милость панъ Янъ Хреницкий, водлугъ выналезку и постановеня приятелского в справахъ певныхъ межи пречечонымъ паномъ его милостью Хриницкимъ з одное, а урожонымъ его милостью паномъ Андреемъ Яловицкимъ з другое стороны точачыхъ се и зашлыхъ, досыть чынечы пунъктомъ, презъ ихъ милостей пановъ приятелей зобополныхъ вынайденымъ и постановленымъ в року недавно прошломъ тисеча шестьсотъ тридцатомъ, вышъ менованому манастырови Луцкому записъ нъ двесте золотыхъ полскихъ дал и на уряде кгродскомъ Луцкомъ сознал, о чомъ ширей такъ тые пункта, през ихъ милостей пановъ приятел одъ особъ вышей менованыхъ высажоныхъ описаные, яко и тотъ записъ сознаный в собе объмовляютъ, которому то записови своему, яко тежъ и выналезкови приятелскому, его милость панп Янъ Хриницкий досыть теперъ реалитеръ чынечы, тую суму вышъ менованую до рукъ помененыхъ ихъ милостей, яко старшихъ и губернаторовъ манастыра пречечоного Луцкого, всю сполна истотне заплатилъ и во въсемъ тому записови своему и пунъктови приятелскому вышъ менованымъ досыть учынилъ. За чымъ ихъ милости пречечоного его милость пана Хриницкого такъ зъ тое сумы вышъ менованое всее сполна, на записъ винное зосталое, яко тежъ зо всихъ пунктовъ, манастырови пречечоному належачыхъ, квитуютъ, уволъняютъ и до дохоженя такъ тое сумы, яко тежъ и которое колвекъ речы такъ за тымъ записомъ, яко тежъ и пунктами меноваными походячое а манастырови менованому належачое, дорогу собе самымъ и брати иншой всей своей, при томъ манастыри будучымъ, сукцесорамъ своимъ и ихъ, дорогу вечными часы завераютъ и в нисчене вкладаютъ моцю того доброволного сознаня своего. Што все для памети до книгъ есть записано.

Книга земская Луцкая 1631 года, № 2828, листъ 1323.

CCLIX.

Грамота Кіевопечерскаго архимандрита Петра Могилы, которой онъ, по желанію и просьбѣ игумена Чорненскаго Спасскаго монастыря Павла Людкевича, включаетъ его въ число братіи Кіевопечерской Лавры и принимаетъ подъ свое вѣдѣніе и благословеніе его монастырь. 1631 года, октября 12.

Року тысеча шест сотъ тридцатъ второго, месеца августа дванадцетого дъня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Луцкомъ, передо мною Алекъсандромъ Малиновъскимъ, буркграбимъ и наместником подстароства Луцкого, постановивши се очевисто велебный въ Бозе отец Павел Домживъ Людкевичъ, игуменъ на Чорной манастыра и церкви Божее Светого Спаса, для вписаня до книг нинешних кгродских Луцких подал пер облятам лист велебъного в Бозе его милости отца Петра Могилы, милостиею Божиею архимандрита светия великия Лавъры Печерския Киевского, воеводича землъ Молдавъских, с печатю и с подписом руки его милости, а то на стверженe собе и взяте в заведыване свое духовъное церкви менованое и манастыра его Черненъского даный, о чом тот лист его милости ширей въ собе мает, жедаючи, абы принят и до книг уписан был. А такъ я, вряд, оного дъля вписанъя до книгъ принявъши, читалом и такъ се въ собе мает: „Петръ Могила, милостию Божиею архимандрыт Светия великия Лавры Печерския Киевъския, воеводичъ землъ Молдавъских, ведомо чиню, ижъ пречестъный въ іеромонасех господинъ отецъ Павел Домживъ Люткевичъ, игуменъ на Черной манастыра Преображения Господа Нашого Іесуса Христа, будучи постриженцем сеи светои великои лавъры Печерской Киевъской и хотечи в ней уставичъне хот духомъ притомне знайдоватисе, просил мя, же бым и его самого и манастырец его под послушенством, опекунством и благословением светой лавъры и моимъ уставичъне мел и ховал. Теды видечи его уприймост ку мнѣ и светой обители нашеи, и его до братии моих, яко давъно причътенного, сочетаваю и монастырец его беру въ завѣдоване, даючи ему през писмо тое мое благословение, же бы там игуменствовал, справовал се порядком иноческим, цале зоставаючи подъ рядом обители Печерской. Писан въ светой великой лавъре Пе-

черской Киевъской, дванадцатого октобра, тисеча шест сотъ тридцат первого року". У того листу печат его милости отца архимандрита и подпис руки его милости тыми словы: „рукою власною". Который же то лист, за поданем вышъ речоное особы, а за принятем моим урядовым, увесъ спочатку аж до конца до книг кгродских Луцких ест уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1632 года, № 2145, листъ 922.

CCLX.

Жалоба игумена Премышльскаго Троицкаго монастыря Θеофана Боярскаго о томъ, что инокъ Василій Копыстенскій, въ завѣдываніе коего былъ переданъ означенный монастырь, самовольно распродалъ монастырское имущество, а за тѣмъ продалъ братству Премышльскому и самый монастырь съ принадлежащими къ нему землями. 1631 года, ноября 19.

Року тисеча шестсот тридцат первого, месеца ноябра деветнадцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною Александромъ Малиновъскимъ, буркграбим и наместником подстароства Луцъкого, ставшы очевисто в Бозе велебъный отец Теофанъ Боярский, законникъ рекгулы святого Базилого и игумен на тот час монастира Премыского заложеня пренасветшое Тройцы, противъко в Бозе велебъному отцу Василему Копыстенскому, законникови той же рекгулы святого Базилего, в тот нижей описаный способъ сведчил и жалосне се протестовалъ, ижъ помененый отецъ Василей Копыстенский, запомневшы поволаня своего законничого рекгулы Базилего святого, монастер Тройце пренасветшое на предместю Премыским, в месте короля его милости Премышлю, през пречоного протестанта, ад гукъ инъ стату секуляри будучого, кумъ консенсу консортис сue Тустановъска, тому то Василему Копыстенскому и Варлаамови Брошъневскому повереный и актами местскими войтовскими Премыскеми моду донационис перпетуе на розшырене хвалы Божое, и на уфунъдоване того ж

манастыра кгрунт, на которым тот манастыр стоит, зо всими его прыналежъностями до того манастера з давъна належачими през помененого протестанта сознаный, о чом шырей запис донационис инъ анно тисеча шест сот двадцат втором, дие терцыя анъте фестум беатиссиме Марие виринис адъ нивес, тому манастырови ресикгнованый в собе объмовляет; который то в Бозе велебъный отецъ Василей Копыстенский, не порозумевшисъ з своим братом Варлаамомъ Бросневским, законникомъ, и пререченым Боярскимъ, яко фундатором тогожъ манастира, речы нижей описаные, которые протестансъ при том же манастеру зоставилъ, а меновите: пшчолъ пнев пятъ в пасеце, с которое пасеки, тые пят пневъ выбившы, пулбечекъ меду набил, который мед за золотых пятдесятъ и шест продалъ, фундатусъ пасеки затратилъ; дом там же при томъ манастеру будучый и до тогож манастыра прислухаючий за золотых пятдесят паном Негребецким продалъ; соли бечокъ сем, котелков два, можджер, паневокъ две, цены штукъ двадцат, в которой было каменей два, золотыхъ пятдесятъ готовых, през небошчика пана Базылего Манастерского тестаментом остатнее воли своее на тот же манастер лекгованый, взял и на свой власный пожитокъ такъ тые речы, яко и вси пенези с того манастера взятые, а не на хвалу и оздобу церкви Божое обернулъ. А тымъ се есче не контентуючы тым знишченемъ и ушчербкомъ манастера помененого, кгрунътъ манастерский, на которомъ манастыр естъ, и з самым манастером и его всими прилекглостями, отехавшы с тамтол под ярмарокъ Луцъкий, тут в Луцъку на ярмарку брацътву Премыскому, над интенцию протестанътис, в року теперешъным тисеча шест сот трыдцат первомъ, ферия секъста анте фестум санъкти Станислае епископе, инъ преторио Люцеориенси, екстра форумъ компетентис нутам, где добра илъля конъсистунтъ инъ сцио фунъдаторе етъ еюсъ коллекге, сознал и записалъ и записом своим помененому брацтву Премыскому ствердилъ, взявъшы за то сумму певъную од Петра Пятисотника, кушънера и мешчанина Премыского, золотых шестдесятъ, которую сумму взявъшы, инъ узус етъ коммода суа обернулъ, прывата авъторитате даровалъ, што учынил инъ дерокгационем фундационис привате етъ ин контрариумъ бони диспозиторис еклезие нимирумъ санкти Базилии ординис. Озываючисъ теды з близкостю права своего, помененый протестансъ, ути донаториусъ етъ еюсдем релиионис

монахус, такъ о помененое знишчене монастира помененого Тройцы пренасветшое въ Премышлю будучого и о забране речей вышъпомененых през велебного отца Василего Копыстенского, яко тежъ и де нуллитате того запису, тутъ в Луцъку помененому брацтву Премыскому през тогожъ отца Копыстенского сознаного, итерумъ атъкве итерум святчилъ и протестовал се, оферуючыс о то инъ форо фори правъне чиниты. И просилъ помененый протестантъ, абы тое его жалобливое оповедане и ускарженъе до книгъ кгродских Луцъких было принято и записано, што отрималъ.

Книга гродская Луцкая 1631 г., № 2461, л. 614 обор.

CCLXI.

Донесеніе вознаго о вводѣ членовъ братства Луцкаго во владѣніе грунтомъ въ предмѣстьи Луцка, на основаніи дарственной записи дв. Дмитрія Урсула-Рудецкаго. 1631 года, декабря 13.

Року тисеча шестсот тридцат первого, месеца декабря тринадцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцъком, передо мною Иваномъ Выговскимъ, наместъником подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими Луцкими, постановивъшисе очевисто возъный енерал воеводства Волынского, шляхетный Иванъ Городыский, урядови нинешънему добре знаемый, ку записанъю до книгъ нинешъних кгродскихъ Луцъкихъ явне и доброволне зозналъ, ижъ онъ в року теперешънем тисеча шестсотъ тридцат первом, месеца сентебра осмънадцатого дня, маючи при собе шляхту людей добрих, пана Миколая Рашъковского, а пана Филипа Товстяновского, былъ на справе и потребе панов обывателюв тутошънихъ брацъства Луцъкого, людей такъ духовныхъ, яко и свецкихъ, релии старожитъное кгрецкое, церкви Божое заложенъя Чесного и Животворясчого Креста Господъня, тутъ на передъместю Луцъким, на кгрунъте и пляцу през урожоного его

милост пана Дмитъра Урсула Рудецкого, менованому брацъству Луцъкому дарованымъ, где менованый его милост панъ Рудецъкий, водлугъ листу доброволъного вечистое даровизны запису своего, такъ през се, яко и за волею зошлого пана отъца своего, кгрунтъ и пляцъ свой певный, тутъ на передместю Луцъкомъ, при дорозе Яровицъкой къ окописку жидовъскому будучий, зо въсею тою кгрунъту околичностю, пожитъкомъ и приналежностями, такъ яко се в собе перед тымъ мевал и теперъ маеть и яко о томъ ширей в собе записъ тое даровизъны мает и обмовляет, менованому брацству церкви Божое заложенъя Чесного Креста тутъ в Луцъку на передместю презъ мене возного подалъ и поступилъ, якож и я возный с повинъносты уряду своего тотъ кгрунтъ пляцъ, тутъ па передместъю Луцъкомъ будучий, зо всимъ такъ, яко се самъ в собе в шир и в должъ зъ давъна мелъ и тепер маетъ, брацъству вышъречоному до моцы, влады, держаня и спокойного уживанъя и посесии подалъ и оных вечне увезалъ; которого увезаня и спокойное посесыи нихто з стороны не боронилъ и спротивенъства жадного не чинилъ. И такъ в спокойное а вечистое посесии того кгрунту и пляцу менованого обывателювъ тутошъних брацъства Луцъкого вышъречоного зоставивъшы, о том с повинъности уряду моего, за реквированъемъ сторонъ, тую реляцию мою до книгъ чиню и зознаваю, просечи, абы принята и до книгъ записана была. Котороежъ то очевистое возъного зозънане, за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ кгродскихъ Луцъкихъ ест записано.

Книга гродская Луцкая 1631 года, № 2461, л. 719.

CCLXII.

Листъ короля Сигизмунда III уніатскому митрополиту Іосифу Вельямину Рутскому о назначеніи архимандрита Жидичинскаго Іосифа Мокосѣя Баковецкаго епископомъ Владимірскимъ, съ обязательствомъ навсегда оставаться ему въ уніи съ католической церковью. 1632 года, генваря 26.

Року тисеча шестъ сотъ тридцат второго, месяца июня шестнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку Володимерскомъ, передо мною Андреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешъними кгродскими старостинскими, становъши очевисто высоце в пану Богу пренавелебнийший его милость отецъ Иосифъ Мокосей Баковецъкий, епископъ Володимерский и Берестейский, одъ его королевскои милости зошлого светои памети пана нашого милостивого поданый и до высоце в пану Богу превелебъного его милости отца Иосифа Велямина Руцкого, з ласки Божое и апостолское столицы архиепископа метрополиты Киевъского и всее Руси, конфирмованый, листъ одъ его королевское милости до помененого его милости отца метрополиты номинуючый, подаючый и презентуючый на владыцтво Володимерское и Берестейское, по зойстю з того света велебного в пану Богу отца Иоахима Мороховъского, епископа Володимеръского и Берестейского, вакуючое, его милость подаючого архимандрыта Жыдичинского, подъ датою в Варшаве, дня двадцатъ шостого месяца генвара, року тепер идучого. вышъшей на акъте менованого, писаный и о том вели достаточней в собе обмовляючий, для вписаня до книгъ нинешъних кгродских Володимерских пер облятамъ подалъ так се в собе маючый: Zygmont Trzecij et cet. Wielebnemu w panu Bogu oycu Jozephowi Welaminowi Ruckiemu, archiepiskopowi metropolicie Kiiowskiemu y wszystkiey Rusi, pobożnie y wiernie nam miłemu, łaskę naszą krolewską. Pobożnie y wiernie nam miły! Po zesciu s tego swiata wielebnego w Panu Bogu oyca Ioachima Morochowskiego, episkopa Włodzimierskiego y Brzesckiego, wacuie władycstwo pomienione Włodzimirskie y Brzysckie, do disposiciey naszey przypadłe y podawaniu naszemu krolewskiemu podliegłe; na ktore władycstwo my wieliebnego w Bogu oyca Iozepha Mokosieja Bakowieckiego, archimandritę Zydyczynskiego, ktorego mimo

zacne y starożytne z przodkow swych urodzenie y zasługi nam y Rzeczypospolitey w rozmaitych posługach oswiadczone, y godnosć, z nauk, experientiey y cwiczenia na dworze naszym, w odprawowaniu wszelakich spraw nabyte, y wysokie cnoty, pobożnoscią żywota y skromnoscią postępkow ozdobione, y pięknie w cerkwie Bożey swiecące, y za nic niemałe przy poczciwym a przykładnym życiu a godne pochwały przymioty maiąc zalecone, onego na to w wysz pomienione władycstwo Włodzimierskie y Brzysckie zwierzchnoscią naszą krolewską podaiem y wiernosć twoią, iako władcą duchowną, do postanowienia onego na ten stan episkopsky w panstwie naszym maiącego nominować, podać y prezentować umyslilismy, jąkoż nomienuiemy, podaiemy y prezentuiemy teraznieyszym listem naszym, chcąc to mieć, aby wiernosć twoia onego od nas podanego, a nie żadnego inszego, na pomienione władycstwo Włodzimirskie y Brzysckie postanowił, poswięcił y introducował, rząd y odprawowanie wszelakich spraw duchownych, urzędowy władzy episkopsky należących, zawiadowania o duszach diocezyiey swoiey, iako y szafunek dobr y dochodom do tey episkopiey z dawna przynależących, ze wszystkiemi przynależnosciami onemu podał y zlecił tak, iako to powinnosć urzędow wiernosci twoiey należy; to iednak waruiąc, aby pomieniony wielebny oiciec Bakowiecky był y zostawał w iednosci s kosciołem powszechnym katholickym Rzymskim. Na co dla lepszey wiary, ręką naszą podpisawszy się, pieczęć koronną przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warzawie, dnia dwudziestego szostego miesiąca stycznia, roku panskiego tysiąc szesc set trzydziestego wtorego, psnowania naszego Polskiego czterdziestego piątego, szwedzkiego trzydziestego dziewiątego roku. У того листу печать коронъная болшое канцелярии на шнурах привесистая и притисненая, а подпис рукъ тыми словы: Sigismundus Rex. Iakobus Maximilianus Fredro s. m. А такъ я буркграбя, тотъ лист, за поданемъ и прозбою вышъ менованого его милости подавающого, принявши, с початъку увесь ажъ до конца, такъ яко се в собе маетъ написаный и поданый есть, до книгъ нинешъних кгродскихъ Володимерских, самый ориналъ его тому жъ его милости подавающому, яко его милости власне належачый, выдати росказавъши, уписати есми казалъ, и есть уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1632 г., № 999, л. 517.

CCLXIII.

Манифестація католическихъ членовъ конвокаціоннаго сейма о томъ, что принятое ими сеймовое постановленіе о правахъ диссидентовъ ни въ какомъ случаѣ не должно распространяться на послѣдователей сектъ, не признающихъ божественности I. Христа, каковы: аріане, новокрещенцы, саббатисты и др. 1632 г., іюля 16.

Ad officium et acta praesentia castrensia capitanealia Varsaviensia personaliter veniens illustrissimus et reverendissimus in Christo pater dominus, dominus Iacobus Zadzik, episcopus Culmensis et Pomeranensis, supremus regni cancellarius, eidem officio praesenti suo et illustrissimorum, magnificorum generosorumque inferius contentorum nominibus manifestationem infrascriptam ad ingrossandam in acta praesentia castrensia capitanealia Varsaviensia obtulit de tenore tali: My niżey mianowani czyniemy tę manifestatyą naszę, że aczkolwiek nie chczemy poruszyć w niczym pokoju terazniejszego wnętrznego, miedzy nami na przesłey conwocatiey cum dissidentibus postanowionego, aby jednak z tego postanowienia naszego nie dawała się okazya do okrywania y wnoszenia do panstw Rzeczypospolitey sekt jakich (lubo my inszych, oproc katholickiey, religiones non approbamus), bostwo Pana y Zbawiciela naszego Iezusa Chrystusa bluzniących y nieprzyznawających, jako są: Ariani, Nowokrzczenci y Sabatystowie y inszy tych sekt, manifestacyją tę czyniemy, że pod temi obowiązkami naszemi jakosmi nie mieli nigdy intencyej takich sekt, jakich by kolwiek jmion byli, zawierać, tak y teraz nie chczemy; kdy sz ci nie mogą pod imieniem religionis christianae censeri, ktory Chrystusa Pana za Boga nie przyznawają y ktorych sekty samie dissidentes abominantur. Czyniemy y w tym manifestacyą dla odcięcia okazyiey do uskarzania się napotym jakiego dissidentibus, że gdyby kto o przywrocenie koscioła fundaciey katholickiey pozywał, nie ma to bydż rozumiano pro violatione pacis publicae: gdysz każdemu rei propriae vindicatio prawna wolna ma zostawać. Na co się rękami naszemi podpisujemy. W Warszawie, dnia 16 julii, anno Domini millesimo sexcentesimo trigesimo secundo. Ian Węzik, arcibiskup Gnieznienski. Iakob Zadzik, biskup Chełminski, kanclerz koronny. Jerzy Ossolinski z Thencina, podskarby

nadworny. Jakob Sobieski, kraici koronny, starosta Crasnostawsky, poseł wojewodstwa Ruskiego. Mikołaj Ostrorog, wojewodzić Poznansky, starosta Drochicki. Macy Maniecki, podkomorzy y poseł wojewodstwa Poznańskiego. Stephan Dobrogost Grzybowski, starosta Warszawski, poseł wojewodstwa Mazowieckiego. Alexander Trzebinski, podkomorzy Lwowski, poseł ziemi Chalickiey. Wodinski Andrzey, poseł wojewodstwa Mazowieckiego. Bartłomiey Kazanowski, wojski Lubelski.

Acta relationum grodu Warszawskiego, 1632—1634 г., № 6, стр. 982, въ Варшавѣ.

CCLXIV.

Протестъ православныхъ и другихъ исповѣданій депутатовъ сейма противъ предыдущей манифестаціи. 1632 года, октября 29.

Року тисеча шестъ сотъ тридцатъ второго, месеца декабря двадцатъ первого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Володимерскомъ, передо мною Кгабриелемъ Иваницкимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто урожоный его милость панъ Якубъ Любенецкий, выписъ съ книгъ кгродскихъ Луцкихъ зъ уписанемъ въ немъ манифестации особъ, нижей меновите на подписехъ менованыхъ се, подъ датою въ месте Варшаве, дня двадцатъ девятого октобра, року теперъ идучого, вышей на акте менованого, учиненое, подъ актомъ року и месеца теперь идучихъ третего дня автентице вынятый и выданый, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ перъ облятамъ подалъ, такъ ся въ собе маючий: Выписъ съ книгъ кгродскихъ замку Луцкого. Лета Божого нароженя тисеча шестъ сотъ тридцатъ второго, месеца декабря третего дня. На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александромъ Малиновскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившись очевисто урожоный его милость

панъ Ерий Чапличъ Шпановъский, депутатъ судовъ капътуровыхъ воеводства Волынского, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ перъоблятамъ манифестацию ихъ милости пановъ, нижей на подписехъ меновите выражоныхъ, съ подписами рукъ ихъ милости, въ певной справе, нижей въ той манифестации выражоной, собе списаную, просечи, абы принята и до книгъ уписана была, которую я, врядъ, для вписаня до книгъ принявши, читаломъ и такъ се въ собе, писмомъ полскимъ писаная, маетъ: My niżey mianowani, ktorzysmy na seymie blizko przeszley convocatiey s powinnoscij na się włożonych, rowno z inszemi ich mosci do concludowania consultaty publicznych należeli, dowiedziawszy się o manifestaty iakiś de data szesnastego july, sabato post festum Sanctae Mariae Magdalenae, tegoż roku tysiąc szest set trzidziestego wtorego do act Warszawskich podany, w ktorą limitatie iakieś nominis dissidentium in religione Christiana y protestatie contra certam eorundem partem, y insze swieże uchwaloney confederatiey wykłady są włożone, o ktorych wzmianki żadney in facie totius reipublicae nie było, zabiegaiąc temu, aby przez takowie priwatne tłumaczenia y mimo consens ordinum uczynione interpraetatie żadnych pretensy nie zaciągano, ktoreby związek pomienioney confederatiey, sive in toto, sive in parte, targać mogli, czynimy tę manifestacią naszę, iz na takowe limitatie, protestatie y interpraetatiae nie tylko consens wszytkich stanow nie zachodził, ale a ni ich in publico ordynum consensu wnoszono, na co się rękami swemi podpisuiemy. Działo się w Warszawie dnia dwudziestego dziewiątego oktobra, roku tisiąc szest set trzidziestego wtorego. У тое манифестации подписъ рукъ тыми словы: Krzysztoph Radziwił, xiąże na Bierżach y Dubinkach, hetman polny wielkiego xięztwa Litewskiego, ręką swą. Raphał Lieszczynsky na Lesznie, w. Belzky, manu propria. Ian Szlichtinc.... z Bukowca, sędzia ziemsky Wschowsky, poseł woiewodstwa Poznańskiego, m. p. Marcin Czaplicz-Szpanowsky, poseł na convocatią Warszawską w. Wołynskiego. Iwanicky Matyasz m. p. Mikołay Obodensky, poseł na convocatią Warszawską woiewodstwa Brasławskiego, m. p. Iorzy Puzyna, łowczy Wołynsky, poseł woiewodstwa Wołynskiego na convocatią Warszawską, m. p. Mikołay Czetwertensky m. p. Andrey Ian Bal z Hoczwicz. Heronim Broniewsky, poseł na convocatią Warszaw-

ską z woiewodstwa Kaliskiego. Ławrenty Drewinsky, czasznik y poseł woiewodstwa Wołynskiego. Wasily Rohozinsky poseł na convocaty będący. Который же то листъ манифестации менованое, за подапемъ и прозбою вышъ речоное особы а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь, съ початку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ Луцкихъ естъ уписанъ, съ которыхъ и сесь выписъ, подъ печатю кгродскою Луцкою, естъ выданъ. Писанъ въ Луцку. У того выпису манифестации печать кгродская Луцкая притисненая, а подписъ рукъ его милости пана писаровы и подписковское тыми словы: Янъ Козаковичъ-Прошицкий, писаръ кгродский Луцкий. Корыкговалъ Шолкгенъ. А такъ я подстаростий, тотъ выписъ съ книгъ кгродскихъ Луцкихъ, зъ уписанемъ въ немъ манифестации, за поданемъ и прозбою вышъ менованого его милости подаваючого, принявъши, съ початку увесъ ажъ до конъца такъ, яко ся въ собе маетъ написаный и поданый естъ, до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, самый оринналъ его томужъ его милости подаваючому выдати росказавши, уписати есми казалъ, и естъ уписанъ.

Книга гродская Владимірская 1632 года, № 999, л. 1025.

CCLXV.

Жалоба бывшаго архимандрита Жидичинскаго Никодима Мокосѣя Шибинскаго о томъ, что Луцкій епископъ Іеремія Почаповскій, приславъ ночью въ его квартиру вооруженныхъ людей, приказалъ арестовать жалобщика и отобрать все бывшее при немъ имущество, послѣ чего Шибинскій былъ отправленъ въ Виленскій Троицкій монастырь, гдѣ и содержался подъ стражей въ теченіе шести лѣтъ. 1632 года, сентября 6.

Року тисеча шестсотъ тридцет второго, месяца сентебра шостого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку Луцкомъ, передо мною Анъдреемъ Хоецкимъ, будучимъ на тот час наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешъними кгродскими Луцкими, ставши персоналитеръ сам в Бозе велебный его милость отецъ Никодимъ Мокосиевичъ Шибинъский, бывший архимандрита Жидичинский, жалосне сведчилъ и

соленитеръ протестовалсе на в Бозе велебного его милость отца Еремию Почаповского, еписъкопа Луцкого и Острозского, о то, ижъ дей онъ в року тисеча шестсотъ двадцат шостомъ, месяца сепътембря дванадцетого дня, кгды ехалъ через Берестъе до Кобриня в справах своих пильъныхъ и певних на синод духовный, од его милости отца митрополита Киевского, за ведомостю его королевской милости зложоный, на которомъ вси их милости епископы весполъ з инымъ духовенствомъ згромажены были, межи которыми на тот час и помененый его милость отец епископъ Луцкий был; а взявши ведомость, иж онъ в Берестьи за млынами над Бугом в дому шляхецкомъ их милости панов Костюшъковичов ночуетъ, маючи здавна якуюсь васнъ и ранкоръ на протестуючогосе, слугу своего рукодайного на йме пана Миколая Булгака и пана Андрузского и Василия Долмацъкого, спивака своего, послалъ, придавши имъ помочъниковъ немалую купу, которых имена и прозвиска ему самому лепей сведомы суть. Тамъ же пречечоный панъ Булгакъ, маючи уже росказане его милости отца епископа Луцкого, пана своего, прибывши до Берестя дня вышъменованого с пятници на суботу, в ночи, годин двома перед свитанемъ, моцно и кгвалтовне з арматою и оружъемъ рознымъ войне належачим на господу нашол, и протестуючого спячого заставши, напервей особою и рукою своею торгнувшисе зневажил, потомъ челядь его спячую повязавши, речи его властные, при них на тот час будучие, побрал и заграбил, напервей: чамару чоръного адамашъку енуенского з рукавами долгими ажъ до самое земли, за золотых сто пятдесят; сутанну новую чаплиту флодрованую, за золотых пятдесят; колъпачокъ акъсамиту не стрыжоного, соболцемъ подшытый, за золотых тридцет; реверенду албо шубу фалендышу найпереднийшого, в которой локот сим было, по золотых десяти в онъчасъ браного, а хрибтами подшита предними, подолских лисов вышло бламов три, кождый по золотых шестдесят купленый, што чинитъ золотых двесте пятдесят; рукав выдраный за золотых пятнадцет; постелъ критая китайкою чиръвоною кармазину, насыпъки дрилиховые, а наволочки двои веръхние одны швабского, а другие флямского полотна, с простирадлами, обои наволочки с форботами и с коронками венецкими, колдра турецкая, материцъ фалендышовый, ложко складаное, што все куплено было за золотых триста; полотна швабского штучокъ две, за

золотых пятнадцет; кошулъ и иных веля речей белых, за золотых пятдесятъ; коберцовъ адзамскихъ чотыри, за золотых сто шестдесят, килимовъ турецких чотыри, за золотых шестдесят; суконъ пара барвяных лювдишовых на челяд с потребами, за золотых чотырдесят пят; зекгарок квадратовый штука не малая з Норамъбарку, за сто золотых, а лыжок сребрных тузинъ за золотых осмъдесятъ; пистолетовъ инъдерлядскихъ два, за золотыхъ тридцет шест; банъдолетов долгих инъдерляндских два, за золотых шестедесят; корд за золотых дванадцат, тесакъ гишпанъский, набияный золотом зе слянцемъ, за золотых пятнадцет; седло пралатское, фаленъдишомъ чорнымъ крытое, с френъдзлею чорною едвабъною и зо всимъ рондикомъ за золотыхъ шестдесят; шкатулка з олейками розмаитыми: з дриякъвою, алъкермесомъ, сервистаномъ и с килъку безоаров, за золотых шест десят; шкатула з водками за золотых дванадцеть; шкатула з грошъми и з мунимевтами так церкви архимандрицтва Жидичинского, яко и з ойчистыми, грошей в той шкатуле было дванадцет сот золотых; библия полская Вуйкова, за золотыхъ, пятдесят; анътитодариумъ Вецъкери, за семъ золотыхъ; казани книг две латинских, названые Гортулюсъ Реине, за золотых двадцет; служебникъ за пят золотых, часовникъ за три золотых; цины подорожное за золотых пятдесят; коней возниковъ чотыри, за золотых шест сотъ; шар на чотыри кони з седломъ возницъкимъ, за золотых чотыръдесят пят; коляса новая на шест коний, скурами совито обитая, на пасахъ с побелянымъ железомъ, што все чинитъ три тисечи золотыхъ чотыриста и деветъдесятъ, и иные многие речи, которых и паметъ людъская зносити не можетъ, побралъ, и в тую колясу з веръхом наклавши и кони вышъ менованые запрягъши, до отца владыки Луцъкого а пана своего одослалъ. А потомъ самого его милость отца Шибинъского отецъ владыка Луцъкий до Литвы, ажъ до Вилна, через тогожъ слугу своего пана Булъгака на затримане запровадилъ, а тые вси речи его пограбленые одные пану Булъгаку и помочъникомъ его и слугомъ своимъ за прислугу и одвагу такую розъдал, а другие на особу свою и на властный свой пожиток оберънул и до сего часу некоторихъ еще речей заживаетъ. О которомъ таковомъ поступъку и учинъку взявъши не рихло по томъ ведомость, его милостъ панъ Янъ Мокосей Шибинъский, отецъ, архимандрита Жидичинъского, в року тысяча шестсотъ

двадъцатъ семомъ, в генъвари, протестацию на пана Миколая Булъгака, который то з росказанъя его милости отъца владыки Луцъкого учинилъ, в кгроде Луцкомъ занеслъ. А жебы его милостъ отецъ владыка Луцкий од тое справы на потомъ волным быти моглъ, теды през розные приятели свое же, его милостъ отецъ Шибинъский (што и на писме часу права довести обецуетъ), такъ од его милости отца митрополиты Киевъского, яко и иншихъ старшихъ, од него на то высажоных и делекгованыхъ, в Литъве презъ шест летъ затриманый былъ, зачим самъ его милость отецъ Шибинъский не толко кривъды своее и речей заграбленыхъ доходити, але тежъ и протестации о томъ кгвалтовномъ найстю на свою господу и запроважене до Литвы в кгроде належномъ учинити не моглъ, и овшемъ розне будучи трапеный въ Виленъском манастыри присветой Тройци, примушоный былъ, за направою его милости отца владыки Луцкого и отцъа Рафаила Корсака, владыки Галицкого, коадъютора митрополии Киевъское а теперешнего владыки Пинъского, же муселъ поневолъне на протестацию пана Яна Шибинъского, отъца своего, в кгроде Луцкомъ на пана Булъгака з грабежу вышъ менованого, которого квиту теръмину ему милосты отец Коръсакъ самъ своею рукою писалъ и до него се место прошоного печатара подъписал; которую копию квитовую протестуючий часу права верификуючи, примушенье свое указати готовъ ест; о которое кгвалтовное примушенье свое за поданемъ слушънымъ часу оказиеи уже до килку лет в кгроде Городелъском протестацию очевисто занеслъ, лечъ тепер, за уволненемъ од его милости отца митрополита Киевъского, приехавъши на Волынъ, ставши очевисто до книгъ кгродъских Луцъких, прихиляючисе до протестации вышъ речоное, в той мере одъ его милости пана Яна Шибинского, пана отца своего, учиненое, де реценъти так о вышъ менованый грабежъ и найсте на господу свою и самого себе захапене, яко тежъ и о тое, ижъ за практикою его будучи в Литве затриманый, мусилъ пана Булъгака с протестации отца своего о заграбене речей своих квитовати и же тежъ тутъ на Волыню розъным особомъ у права одпору давати не моглъ, зачимъ розные особы в справе архиманъдрытства Жидичинъского права и зыски перевели и на отъчизны его отъправу за одосланъем судовымъ чинечи, немалую суму пенезей побрали, яко о томъ трансъакцие розъные правные светъ-

чат. Одкул протестуючийсе до немалых шкод з заграбенья речей презъ отца владыку, яко и презъ небытност свою на Волыню а затриманье свое в Литовъских сторонахъ, за практикою его, менуетъ быти соби енералитеръ в купу зложивъши, такъ в забранях и заграбленях речей своих, яко и преводы правные и презыски онера архимандрицтва Жидичинского ойчистыми добрами своими зносечи, шацует собе быти шкоды на семъ тисечей шест сот и деветдесят золотых. Чого всего в той протестации описаного и менованых шкодъ хотечи на его милость отцу владыце Луцкому и на тыхъ всих, с кимъ бы ексъ компліцитате тое справы право дорогу указало и належало, правне чинити и доходити, а на тот час просилъ, абы тая его протестация до книг принята и записана была, которая естъ принята и до книгъ записана.

Книга гродская Луцкая 1632 года, № 2463, л. 545 наоб.

CCLXVI.

Списокъ городовъ и мѣстечекъ, въ коихъ согласно статьямъ, постановленнымъ на избирательномъ сеймѣ для успокоенія православной религіи, должно быть предоставлено православнымъ извѣстное количество церквей и монастырей. 1632 года, ноября 10.

Року тисеча шестъсотъ тридцатъ третего, месяца июня двадцат второго дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевской милости Луцкомъ, передо мною Андреемъ Хоецкимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, ставовши очевисто урожоные их милость панове кнежа Грегорей Четвертенский и панъ Семенъ Гулевичъ з Воютина, писар земъский Луцкий, яко послове, своимъ и превелебного его милости отца Петра Могилы, метрополиты Киевского, именемъ листъ его королевское милости, пана нашого милостивого, с подписомъ его королевское милости и с печатю меншое канцелярии коронное аутентице выданый, списаня мест его королевское милости в Короне и в Литве будучихъ на доброволное

и спокойное одержане по одной церкви не в унии будучий, перобля-тамъ для вписаня до книгъ нинешних кгродских Луцкихъ подали, просячи, абы принятъ и до книгъ тутошнихъ уписанъ былъ; который листъ я вряд принявши, читалем, и такъ се в собе маетъ: Regestr miast y miasteczek w Koronney, Litewskiey y Białoruskiey Rusi, w ktorych przez commisarze maią być cerkwie naznaczone nieuniatom. Iż w punctach postanowionych composity miedzy unitami a nieunitami wszystkie miasta y miasteczka, w ktorych są nieunici Ruś w Koronie y Litwie y na Białey Rusi y ktorym ad liberum exercitium generale przez commisarzow cerkwie według teyże composity warunku maią bydż naznaczone dostatecznie wypisać się y specificować nie mogły, a na to osobliwego warunku tak duchowienstwo, iako y obywatele koronni y Litewscy w uny nie będący potrzebowali, dany im iest ten regestr miast y miasteczek przy punctach composity pomienioney sub eodem actum et data, według ktorego ci, ktorzy będą naznaczeni commisarzami w tych miastach y miasteczkach, ktore są specificowane, y drobnieyszych, ktore do tych należące naydować się będą, według uwagi ludzi tych, ktorzy uniey nie przyięli, y liczby monasterow y cerkwiey naznaczyć maią; co aby do stutku tym prędzey przywiedziono było, na dwie częsci te miasta y miasteczka podzielone być maią y do nich commisarze, iedni do miast y miasteczek ruskich w Koronie będących, drudzy do Litwy y na Białą Ruś, po dwa katolikow, a po dwa religiey greckiey do kożdey pomienioney prowincyi. Naprzod tedy w Rusi koronney te są miasta y miasteczka: Lublin, Krasny Staw, Chełm, Bełz, Hrubieszow, Horodla, Grabowiec, Bużsk, Sokał, Stoianow, Mosty, Biełsk, Drogiczyn, Panow, Włodzimierz, Krzemieniec, Kowel, Dubno, Korytnica, Ratno, Tyszowie, Podtelicz, Tarnogora, Lubaszow, Luboml, także insze miasta y miasteczka, ktoreby się w dioceziach władyki Włodzimierskiego y Chełmskiego naydowali, a w tym scripcie przypomniane nie byli; a w wielkim xięstwie Litewskim: Wilno, Troki, Minsk, Lida, Nowogrodek, Brzesc, Słonim, Pinsk, Grodno, Wołkowysk, Kowno, Mozyrz, Rzeczyca, Kamieniec Litewski, Kobryn, Miadziol, Merecz, y inszych miastach y miasteczkach; na Białey zas Rusi przy inszych miastach y miasteczkach, ktore się tak w Litwie, iako y na Białey Rusi w diocesy metropolity w uniey będą-

cего y władykow Pinskiego y Brzesckiego znaydować będą: Połock, Mstisław, Orsza, Brasław, Mohilow, Dzisna, Witepsk. A iż tu zaraz w Warszawie dwoch candidatow obrali zgodnie ze wszech woiewodztw coronnyh y wielkiego xięstwa Litewskiego obywatele na metropolią, wielebnego oyca Piotra Mohiłę, archimandryta Peczarskiego, a drugiego urodzonego Michała Łaskę, tedy da Pan Bog przy coronatiey ma bydź przywiley oycu archimandrycie Pieczarskiemu dany na tę metropolią pronunc in compasibilitate, iż ta metropolia na ten czas żadnego nie ma beneficium non obstante y z tym warunkiem, że monaster Mikolski ma bydź według dawnych praw y przywilieiow incorporowany do monastera Pieczarskiego; a tym czasem wielebny nominowany metropolit starać się ma o sacre u patriarchi Konstantinopolskiego. Pisan w Warszawie, na seymie electiey nowego krola, roku Panskiego tysiąc szesc set trzydziestego wtorego, miesiąca nowembra dziesiątego dnia. У того реестру печатъ меншое канцелярии и подпис руки его королевское милости тыми словы: Wladislaus rex. Которий же то реестръ местъ и местечокъ вишей спецификованых, за поданемъ и прозбою их милости подаваючих, я вряд принявши, до книг тутошних кгродских Луцких, так яко се в собе написаный и поданый маетъ, увесь є почaтку ажъ до конца вписати казалемъ, и естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1633 года, № 2146, л. 521.

CCLXVII.

Универсалъ короля Владислава IV о передачѣ православнымъ двухъ церквей въ г. Бѣльскѣ и Клещеляхъ. 1633 года, марта 14.

Року тисеча шестсот тридцат третего, месяца июля осемнадцатого дня.

На вързде кгродском, в замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною Анъдреемъ Хоецкимъ, наместникомъ подстароства Луцъкого, становъши очевисто шляхетный панъ Янъ Нецаєвичъ, именемъ урожоного его милости пана Семена Гулевича Воютинъского,

писара земского Луцкого, пана своего, листъ универсалу его королевской милости, пана нашого милостивого, на поданье въ местахъ коронъных по одной церкви неунитом, для вписаня до книгъ нинешънихъ кгродских Луцких пероблятам подал, просечи, абы принятый и до книг уписан был; которого я, вряд принявъши, читалем, который такъ се въ собе писмомъ полским писаный мает: Władisław czwarty, z Bożey łaski krol Polsky, et cet. obrany wielky car Moskiewsky. Wszem w obiec y każdemu z osobna, osobliwie woiewodom, kasztellanom, starostom, dzierżawcom, urzędom ziemskim, grodzkim y wszystkim obywatelom coronnym duchownego y swieckiego stanu, ludziom conditiey szlacheckiey, także urzędom mieiskim: woitowskiemu, burmistrowskiemu, radzickiemu, ławniczemu y wszystkiemu pospolstwu, czyniemy wiadomo, iż na przeszłym szczęsliwey coronatiey naszey seimie, za zgodą wszech stanow koronnych y wielkiego xięstwa Litewskiego, uspokaiaiąc ludzie religiey greckiey nieunitow z ludzmi religiey greckiey w uniey z kosciołem swiętym Rzymskim będącemi, nim dalsze na przyszłym, da pan Bog, seymie gruntowne nastąpi uspokoienie, pewne cerkwie ze wszystkiemi do nich przynależnosciami w miastach y dobrach naszych nieunitom naznaczylismy, mianowicie: na Podlasiu w Bielsku cerkiew Bohoiawlenia, a w Kleszczelach swiętego Mikoły, dla ktorych odebrania y w possesią nieunitom podania, urodzonego Siemiona Hulewicza, pisarsa ziemskiego Łuckiego, dworzanina naszego, posyłamy, chcąc mieć y roskazuiąc, aby zaraz te pomienione cerkwie ze wszystkimi ich przynależnosciami ludziom religiey greckiey nieunitom w possesią podali, skutecznie przy pomienionym dworzaninie naszym ustąpili, y żadney przeszkody w używaniu wolnego nabożenstwa w nich nie czynili, inaczey nie czyniąc dla łaski naszey. Dan w Krakowie, dnia czternastego miesiąca marca, roku Panskiego tysiąc szesc set trzydziestego trzeciego, panowania naszego Polskiego y Szwedzkiego pierwszego roku. У того универсалу подпис руки его королевской милости тыми словы: Wladislaus rex. Который же то листъ универсалу я вряд принявъши, до книгъ вписати казалемъ, и есть вписанъ.

Книга гродская Луцкая 1633 года, № 2146, л. 522.

CCLXVIII.

Грамота короля Владислава IV, коей онъ, впредь до принятія мѣръ къ окончательному успокоенію православной религіи въ государствѣ, передаетъ въ распоряженіе новоизбраннаго православнаго Луцкаго епископа Александра Пузыны Жидичинскій монастырь и имѣнія Луцкой епископіи с. Терники и Теремное, а для резиденціи его назначаетъ церковь Пресвятой Богородицы въ предмѣстьи г. Луцка. 1633 года, марта 15.

Року тисеча шестсот тридцат четвертого, месяца мая двадцат второго дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцькомъ, передо мною Иоаномъ Выговскимъ, наместникомъ подстароства Луцького, становъши очевисто шляхетный панъ Янъ Ломинъский, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцькихъ подалъ персблятамъ листъ ассекурации од его королевскои милости, с печатъю коронною болшою и с подписомъ руки его королевское милости, урожоному его милости пану Алекъсандрови Пузине, номинованому Луцькому и Острозскому владыце, в справе певной, в томъ листе нижей описаномъ меновите выражоной, даный, о чомъ тот листъ ассекурацыеи шырей в собе маетъ, просечи, абы принят и до книг уписанъ былъ. Которого я, вряд, для вписаня до книг приймуючи, читалемъ, и такъ се в собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Władisław IV et cet. Tak iakosmy się na priwatny script nasz in diplomate nostro danym nieunitom referowali, oznaymuiemy tym listem naszym y daiemy tę assecuratią urodzonemu Alexandrowi Puzynie, od obywatelow woiewodztwa Wołynskiego nieunitow obranemu y nominowanemu Łuckiemu i Ostrogskiemu władyce, iż co według punctow, na electiey naszey przy uspokoieniu nieunitow y unitow przy nas y commisarze postanowionych y do act Warszawskich podanych, pactis conventis ztwerdzonych na tem seymie szczęsliwey koronatiey naszey, mielismy katedrę władyctwa Łuckiego ze wszystkiemi dobrami onemu podać, y na to dać mu przywiley nasz, a wielebny xiądz Poczapowski, władyka Łucki unit, miał, ustąpiwszy władyctwa Łuckiego, przeniesć się do monastyra Zydyczynskiego, iako o tem szyrsy te puncta swiadczą. A teraz tego, iako innych punctow

na tym seymie, nie moglismy do skutku przywieść, tedy do gruntownieyszego uspokoienia dalismy y tym scriptem naszym daiemy pominionemu Alexandrowi Puzynie monastyr Żydyczynski z dobrami y przynależnosciami iego na residentią, tudzież, za pozwoleniem y ustąpieniem xiędza Poczapowskiego, z dobr władyctwa Łuckiego Ternki z przynaleznosciami y Teremne, a w Łucku cerkiew dla residentiey na przedmiesciu Panny Naswiętszey, ktore to dobra, także monastyr y cerkiew ma y wolen iest ex nunc wziąć do possesiey swey za tą assecuratią naszą; ażeby w tem żadney praepeditiey nie miał, wzielismy do rąk naszych osobliwą assecuratią pomienionego xiędza Poczapowskiego, także xiędzu Oranskiemu ex singulam gratia nostra dalismy osobliwą provizyią, a on iuż żadnego praetextu y praetensiey do manastyra Żydyczynskiego czynić nie ma. I na to dalismy tę assecuratią naszą pomienionemu nominatowi władyce Łuckiemu y Ostrogskiemu do dalszego gruntownieyszego wedlug punctow, ktorym nic tym nie deroguiemy y one w cale zachowuiemy, uspokoienia. Do ktorey assecuratiey naszey, ztwierdzaiąc ią, ręką naszą podpisalismy, pieczęć koronną przydać kazali y urodzonego Adama Kisiela, dworzanina naszego, do podania dobr naznaczyli. Dan w Krakowie, dnia XV marca, roku Panskiego MDCXXXIII, panowania naszego Polskiego y Szwedzkiego pierwszego. У тои асекурацыи печатъ коронная великая, а подписъ руки его королевское милости тыми словы: Vladislaus rex. Который же то листъ его королевское милости асекурацыеи. за поданъемъ вышей менованого пана Ломинъского, а за принятъемъ моимъ урядовымъ, увесь с початъку ажъ до конъца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1634 года, № 2148, л. 178.

CCLXIX.

Грамота короля Владислава IV дв. Александру Пузынѣ на епископію Луцкую, согласно избранію его православными обывателями воеводства Волынскаго. 1633 года, марта 18.

Року тисеча шестьсотъ тридцать третего, месяца августа семнадцатого дня.

В рочки судовые кгродские Луцкие, одъ дня одинънадцатого месяца августа в року теперешнемъ, на акъте менованымъ, припалые и судитисе зачатые, передо мною княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подъстаростимъ Луцкимъ, становши очевисто урожоный панъ Антоний Лятковский, именемъ высоце велебного в Пану Богу его милости отца Атаназыуша з Козелска Пузыны, Луцкого и Острозского з ласки Божое епископа, привилей его королевскои милости пана нашого милостивого, Владислава четвертого, менованому его милости отцу епископови на владыцтво Луцкое и Острозское, с подписомъ руки его королевское милости и с печатю коронною привесистою болшое канцелярие, даный, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ пер облятамъ подалъ, просечи, абы принятъ и до книгъ вписанъ былъ. А такъ я, подъстаростий, тотъ привилей его королевской милости для вписаня принявши, читаломъ, и такъ ся в собе писмомъ рускимъ писаный маетъ: Владыславъ четвертый etc. etc. Ознаймуемъ тымъ листомъ привилеемъ нашимъ всимъ вобецъ и каждому зособна, кому бы о томъ вѣдати належало, теперешнего и напотомъ будучого вѣку людемъ, ижъ што по тые вси часы а мало не презъ сорокъ лѣтъ в панствахъ нашихъ, в воеводствахъ нашихъ Волынскомъ, повѣтахъ Луцкомъ, Володымерскомъ и Кременецкомъ, знайдуючийсе народъ руский а унии з костеломъ Рымскимъ не приймуючий уставичныи инъстанъции на кождомъ сеймѣ до святое памети пана отца нашого Жикгымонта Третего и всихъ становъ сеймовыхъ о кгрунътовное успокоенье релии своеи старожитной кгреческой чинилъ и о подаванье епископа упривилеваного не въ унии будучого покорне просилъ, а на тое все, же се такъ мело стати и въ потомныи часы дѣяти, конъстытуцый сеймовыхъ килка з упевненьемъ и обетницею здержалъ: про то мы господарь на томъ сеймѣ щасливой

коронации нашой, впрод прихиляючися в томъ до воли святое памети пана отца нашого, а при томъ конъституций сеймовыхъ о роздаваню бенефиций церковныхъ року тисеча шестьсотъ семого и року тисеча шестьсотъ двадъцатого до скутку своего приводячи, не мней тежъ чинечи досыть и пунъктомъ успокоенья людей релии греческой, през насъ господаря на щасливой елекции нашой, при депутатахъ до насъ з обиюхъ становъ и народовъ, згодне намовеныхъ, до акътъ кгродскихъ Варшавскихъ поданыхъ и присегою нашою межи иншими пактами потвержоныхъ, за причиною пановъ радъ нашихъ и просбою пословъ земъскихъ, обывателевъ воеводства Волынского, на сеймъ щасливой коронации нашой згромажоныхъ, хотячи мѣты покой в панъствахъ нашихъ, а такъ слушной просьби народу руского не в унии будучого досыть чинечи, а маючи собѣ залецоного и згодне отъ обывателевъ звышъ помененого воеводства обраного урожоного Александра Пузыну з Козелска, который з молодыхъ литъ своихъ такъ в войскахъ, яко на трыбуналахъ депутатомъ, а на сеймахъ посломъ бываючи, значне Речи посполитой услуговалъ, а теперъ до стану духовного волею Божою побужоный и отъ братии своей обывателевъ Волынскихъ залецоный, а на епископию Луцкую и Острозскую назначеный есть, которую ему и тымъ листомъ привилеемъ нашимъ даемъ и стверждаемъ. А тотъ епископъ, знайдуючися водлугъ каноновъ святыхъ отецъ подъ зверхностью и послушенствомъ метрополиты не въ унии будучого, але сакру отъ святѣйшого патриархи Костанътинополского, яко належного ихъ пастыра, маючого, и отъ него благословенство беручи, маетъ тежъ мѣти в послушенъствѣ и подъ владзою своею ввесь народъ руский, не въ унии з костеломъ рымскимъ будучий и быти не хотячий, такъ в духовномъ, яко и свитскомъ стани, належачий до диоцезии владыцтва Луцкого и Острозского, и за насъ господаря и щасливое панованье наше над ними Пана Бога просити, в чомъ ему жаденъ з урядовъ нашихъ трибуналскихъ, земъскихъ, кгродскихъ и местскихъ жадной найменьшой перешкоды в роспостираныю владзы его духовной во всихъ мѣстахъ, мистечкахъ, мистцахъ и манастырахъ, належачихъ до владыцтва Луцкого, чинити не маетъ и моци мити не будетъ и не будутъ, с такимъ того обясненьемъ, же волно будетъ кождому, не хотячему быти в унии, рефероватисе до пастыра собе належного неунита з диоцезии подъ уни-

томъ владыкою будучой, а взаемъ который хочетъ быты в унии з дыоцезии, подъ неунитомъ владыкою будучой, до владыки унита: на прикладъ з Луцкого до Володымерского владыки унита, а з Володымерского и Берестейского до владыки Луцкого неунита. До того и то тымъ же привилеемъ нашимъ варуемъ и позволяемъ, же волно будетъ помененому епископови Луцкому и Острозскому ехати до прилеглыхъ дыоцезый Луцкой и Острозской мѣстъ, мистечокъ, монастировъ и церквей не въ унии будучихъ и тамъ уряду своего духовного над всими тыми церквями и людми, не будучими в унии и быти нехотячими, в роспостиранью юрисдикъции и владзы своей духовной пастырской заживати, в чомъ, якосмы вышей рекли, жадная перешкода и трудность отъ воеводовъ, старостовъ и державцовъ нашихъ и ни отъ кого з духовныхъ, такъ релии рымскои, яко и зуниованыхъ, чинена быти не маетъ, под винами в праве посполитомъ и конъстытуцыяхъ сеймовыхъ описаными. И на то дали есмо тотъ листъ привилей нашъ помененому урожоному Алексанъдрови Пузыни з Козелска, номинованому епископови Луцкому, с подписомъ руки нашой, до которого и печать нашу коронъную притиснути росказали есмо. Данъ в Краковѣ, на сейми валномъ коронации нашой, року тисеча шестьсотъ тридцать третего, месяца марца осмнадцатого дня. У того привилею его королевской милости подъпись руки тыми словы: Wladyslaus rex; и печать коронъная привесистая болшое канъцелярии. Который же то его королевской милости привилей, за поданьемъ и просбою вышъ реченое особы а за принятьемъ моимъ судовымъ, я урядъ принявши, увесь с початку ажъ до конъца такъ яко се в собе написаный и поданый маетъ, слово в слово до книгъ тутошнихъ кгродскихъ Луцкихъ уписати есми казалъ и есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1633 года, № 2146, л. 789.

CCLXX.

Запись православныхъ обывателей Премышльской земли объ избраніи Семена Гулевича Воютинскаго, писаря земскаго Луцкаго, и о. Варлаама Брошневскаго кандидатами въ санъ православнаго епископа Премышльскаго. Подписи избирателей. 1633 года, марта 26.

Року Божого тисеча шест сот тридцат шестого, мѣсяца генъваря тридцят першого дня.

На рокахъ судовых земъских Луцких, на завтрее по Трох Кролех, святе римском, в року звышъ написаномъ припалых и судовне отправовать зачатых, перед нами Криштофом Шимъковичомъ Склинъскимъ, судіею, а Андреемъ Линевъскимъ, подсудком, врядниками судовыми земъскими Луцкими, и мною Феодором Сосновъским, коморником граничъным повету Луцкого, субъделигатом на местцу урожоного его милости пана Семена Гулевича Воютинского, писара земского Луцкого, будучи засажонымъ, постановивши ся очевисто урожоный его милость панъ Семионъ Гулевичъ Воютинский, писаръ земъский Луцкий, для уписаня до книг нинешних земъских Луцких подал пер облятамъ елекцию их милостей пановъ обывателей землѣ Премыское, с печатю и с подписомъ руки ясне превелебного в пану Богу его милости отца Петра Могилы, метрополита Киевъского, Галицъкого и всея Росии, архиманъдрита Печарского, такъ тыж с печатю и с подписом превелебного в пану Богу Іосифа Бобрковича, обраного и менованого епископа Мсцѣславского, Оршанъского и Могилевского, и с печатми и с подписами рукъ людей зацных обывателевъ тамошных, такъ стану духовного, яко и свѣцкого, електомъ двом до епископіи Премыстское, то ест собе и велебному отцу Варламови Брошневскому служачую, о чом тая елекція ширей в собѣ мает, просячи, абы прията и до книгъ уписана была. А такъ мы, суд, для вписаня до книг пріймуючи, перед собою читати казалисмо и такъ ся в собѣ писмом полскимъ писаная мает: „My dygnitarze y rzycyrstwo, obywatele zieme Przemiskiey y powiatu Sanockiego, tudziesz duchowni wszystcy ludzie narodu ruskiego, posłuszęstwa oyca s. patriarchy Konstantynopolskiego, ktorzysmi się tu na popis pod nedylą ziechali, niżey rękoma naszemi własnemi podpisali, a

według praw y zwyczaiow naszych dawnich, po smierci niebozczyka pana Iana Chłopeckiego, obranego y unominowanego władyki Przemyskiego y Samborskiego, do obierania znowu pasterza swego władyki Przemyskiego należące persony, zgodnie, jawnie y dobrowolnie zeznawamy: yż gdy po długim a nam żałostnym czasie, przez namowione y postanowione za wolą wszystkiey Rzeczypospolitey na szczęsliwey electiey jego krolewskiey mosci pana naszego miłosciwego schodki, a teraz na szczensliwey coronatiey inter pakta konventa przez tegoż naiaysnieyszego krola jego mosci pana naszego miłosciwego Władysława Czwartego poprzysiężone y w dyplomie, constitutiią approbowanym, za consensem wszystkiey Rzeczypospolitey na seymie walnym potwierdzone, narod nasz starożytny ruski starodawnymi prawy y swobodami obdarzony iest, że przez wolną electią mamy sobie obierać pastyrza swego oyca władykę Przemyskiego y Samborskiego: przeto my, maiąc błogosławienstwo y listowne pozwolenie, za wiadomoscią jego krolewskiey mosci pana naszego miłosciwego, od przewielebnego w Bodze jego mosci oyca Piotra Mohily, metropolity Kiowskiego, Halickiego y wszystkiey Rusi, obieramy dwuch kandydatuw, ktorych nam Pan Bog do serca podał y iako ktorego z nich zacne urodzenie y pobożnosć żywota, tudzie sz statecznosć y żarliwosć w wierze s. zaleciło, mianowicie: iednego jego mosć pana Semiona Hulewicza Woiutynskiego, pisarza ziemskiego Łuckiego, a drugiego zakonnika Warłaama Broszniewskiego, obywateliow ziemie Przemyskiey i powiatu Sanockiego, y daiemy ich mosci te zgodne electią naszą y jednostayne głosy, oswiadczaiąc one pod miłosciwy rozsądek jego krolewskiey mosci pana naszego miłosciwego, ktoremu z pomienionych electow naszych conferować te władyctwo wola jego krolewskiey mosci będzie, a zalecaiąc uniżenie, jednostaynie y zgodnie maiestatu jego krolewskiey mosci interceduiemy, na co y te manifestationes electio ich mosciow panuw electow naszych s podpisami ręk y s pieczęciamy naszymi dalismy. Dan roku tysiąc szesć set trzydziestego trzeciego, miesiąca marca dwudziestego szustego dnia. У тоеи елекціи при печатех подпис рук тыми словы: Piotr Mohiła, z łaski Bożey obrany y mianowany prawosławny metropolith Kiiowski, Halicki y wszystkiey Russi, archimandrith Pieczarski Kiiowski, ręką swą. Iozef Robrykowicz, z łaski

Bożey obrany y mianowany episkop Mscisławski, Orszanski y Mohilowski, starszy y rector monastyra Bratskiego Wilenskiego przy cerkwi swiętego Ducha, ręką własną. Izaiasz Trofimius, rector monastyra Kiiowskiego. Филофей Кизревич, наместникъ великое Лаври Печаръское, рукою. Warłaam Dziatkowski, ynok monasterza Pieczarskiego. Анатоліей Мужиловский, свещенноинокъ монастыря Печарского, рукою. Ieromonach Theophiłąth Zaiąc, yhumen Minski, ręką swoią. Іеромонахъ Анътоній, ігуменъ монастиря Трушовъского, рукою власною. Ieromonachus Leontius Szycik. Ieromonach Nikodym Zołącz, pisarz monasterza Bratskiego Wilenskiego cerkwi Swiętego Ducha, ręką swą. Феодосій, еродіаконъ Щирецъкий, рукою власною. Іоилъ Брошневъский, игуменъ Добромилъскій и Дятеловскій, власною. Іоанъ Захъватай, наместникъ Вишенский. Онисимъ Гуръчинъский, попъ з Валявы, Пресвятой Живоначалной Тройци. Дмитрий свещенникъ, будучий при храмѣ Святыя Живоначалныя Тройци в Премышлю, власною. Варфоломей Лѣчополойча, казнодѣй, мній во іеродіаконехъ. Андрей Глимавич, намесникъ Саноцкий. Андрей Гийлевич, намесникъ Премыскій, рукою власною, со всею братіею. Игнатій Поровницъкий рукою власною. Іоанъ презвитеръ рука власная. Іоанъ Цивѣнскій рукою власною. Сава, свещенъникъ Бронский, рука власная. Лука Радименъский. Лука, попъ Дровъский. Андрей, свещенъникъ Другаевскій. Семионъ Жиравъский свещенъникъ рука власная. Сидорий отецъ Вышъковъский, руский, рукою власною. Ѳеодор Торъский. Петръ Медицъский. Димитрій, священъникъ Осницкий. Іоанъ Репленъский. Отецъ Іоанъ свещенъноіерей. Анътоній Немировский рука власная. Никифоръ, намесникъ Яровскій, со всѣми свещеньниками у намѣсницъствѣ моемъ, рукою власною. Езекиилъ, законникъ монастыря Дятеловъского, рукою власною. Григорій Боневскій, намесникъ Городецъский. Евъстафій, свещенъникъ Дусовъскій. Отецъ Петръ Поздяцъкій. Іоан Разборъскій. Андрей Годинъскій, свещенъникъ (bis). Іерей Михаилъ, презвитеръ Саноцкий, з братіею своею еже о Христѣ духовною повѣту Саноцкого, и их милость панове мещане братства Саноцкого: Алексей Сѣнъскій, Георъгій Поличинскій, Илия Ступницъкій, Андрей з Волѣ Кривецкое. Григорій, свещенъникъ Полскій. Ѳеодор а Михаилъ, попъ Купенъскій. Романъ Мастицъкій. Іоан, свещенъникъ Аръмаловскій. Ѳеодоръ, свещенникъ Соколскій. Андрей,

священникъ Ляшковъскій. Іоанъ, свещенъникъ Старевъскій. Демианъ Чарневъскій, свещенникъ Лежиховъскій. Іоанъ, свещенъникъ Дибковъскій. Каръпъ, свещенъникъ Типовскій. Отецъ Өома Брилипъскій. Матөей, презвитеръ Порозневскій. Андрей, презвитер Добромилскій. Захарія, свещенъникъ Другобыцъкій. Григорій свещенъникъ. Василій Быковскій Михаилъ свещенъникъ. Іерей Іоан Добрянскій, попъ Солъскій. Григорій, попъ с Потока. Стефанъ, свещенъникъ Горыславскій. Василій, презвитеръ Гусаковскій. Ілия Хоповицкій. Василій Чудовъскій. Өеодор, свещенъникъ Вишенскій. Антоній Красицъкій. Михаилъ Хиринъскій. Стефан, свещенъникъ Тарънавъскій. Димитрій, свещенъникъ Грушатицъкій. Стефан, свещенъникъ Болозвенскій. Іерей Петръ Стрелъбицъкій. Василій Шеменда, свещенъникъ Яворовскій. Діаконъ Григорій Вишенскій. Іеромонахъ Софроній Бѣловъскій. Григорій, свещенъникъ Горъданскій. Іоанъ, свещенъникъ Коръниловскій. Григорій, свещенъникъ Корниловскій. Лука, священъникъ Роздяловскій. Григорій, презвитеръ Хлопецкій. Максимъ, діакон Хлопецъкій. Іоанъ Коръчинскій, священъникъ Старого Самъбора. Өеодор Созанскій, священъникъ Яворъскій. Григорій, діакон Святоспаскій. Отецъ Василый, священъникъ Яворъскій. Григорій Яворъскій священъникъ. Василій, священъникъ Ясенецъкій. Іоан, священъникъ Шуляцкій. Павелъ, презвитеръ Розлуцкій. Димитрій, попъ Волосянъскій. Ігнатій, священъникъ Волосянъскій. Іоанъ, священъникъ Тисовъскій. Андрей, презвитеръ Стрѣлецъкій. Прокопій, презвитеръ Гвоздецъкій. Василій, діаконъ Дубровскій. Wasili Lityпski z Litina, director obrany electiey naszey Przemiskiey. Adam Chłopecki. Piotr Szepticki. Prokop Pochorecki. Samuel Litinski, ręką swą. Andrzey Turzanski m. p. Ioan Radyłowski m. p. Stanisław Szepticki m. p. Zacharyiasz Rytarowski m. p. Theodor Ustrzycki m. p. Stephan Chłopecki m. p. Іван Ступницъкій. Paweł Szepticki. Өеодоръ Клепафолскій рукою. Andrzey Lisowski. Michał Wasilkowski. Iwan Tharecki m. p. Іоан Турянъскій m. p. Paweł Turzanski. Василій Паславъскій. Sulaticki Paweł. Basyly Jaworski. Xenophont Litinsky z Litina. Nikołay Szepticki. Marcian Iasienicki. Mikołay Turzanski z Turzego m. p. Marek Turzanski m. p. Siemion Szepticki m. p. Jerzy Chłopecki m. p. Piotr Ortinski m. p. Leonty Chłopecki m. p. Włodzimirz Hl.....cki m. p. Іоанъ Крушелъницъкій, Paweł

Horodyski. Dawid Horodyski. Yhnat Horodyski m. p. Tymko Pasławski. Stanisław Pasławski. Iwan Pasławśki. Iakub Pohorecki. Iacko Orsinsky. Siemion Winnicky. Лукашъ Чайковъскій. Григорій Чайковъскій. Ian Czarykowski. Григорій Чайковъскій, священъникъ Чайковскій. Иванъ Чайковскій. Александер Чайковскій. Стецко Чайковъскій. Łukasz Czaykowsky. Романъ Чайковскій. Өеодоръ Чайковъскій. Яцко Чайковъскій. Конъдратій Сроковскій. Paweł Czaykowsky. Mikołay Czaykowsky. Өеодоръ Вышницкій. Иван Вышницкій. Иванъ Селецъкій. Степанъ Селецкій. Иванъ Винницкій m. p. Prokop Horodyski. Өеодоръ Чайковскій. Paweł Czaykowski. Iwan Czaykowski m. p. Paweł Czaykowski. Theodorz Czaykowski. Іґнатъ Чайковскій. Яцъко Попѣлъ. Iwan Popieł. Siemieon Ortynski. Iendrżey Czaykowski. Iacko Ortynski m. p. Iwan Błazowski. Яцко Чайковъскій. Łukasz Łucki. Łukasz Łucki. Григорій Чайковъскій. Iwan Litinski. Александеръ Шилковъскій. Andrzey Litinski. Стефанъ Чайковъскій. Iliiasz Czarykowski. Theodorz Czarkowski. Basyły Czarkowski. Piotr Pohorecki m. p. Irzy Pohorecki. Прокопъ Погорецъкій. Iwan Pasławski. Василій Паславъскій. Irzy Siemiginowski. Piotrz Horodynski. Michał Horodinski. Stanisław Horodynski. Wasił Horodinski. Григорій Городинъскій. Łukasz Kołczycki. Mikołay Kołczycki. Стась Колъчицъкій. Bazyly Kołczycki. Hryhory Kołczycki. Łukasz Kołczycki. Василій Колъчицъкій. Sienko Kulczycki. Яцъко Кулчицкій. Иванъ Яворъскій. Лукашъ Яворъскій. Łukasz Iaworski. Damiian Iawors'i. Іван Яворъскій. Өеодоръ Яворъскій. Basyly Iaworski. Иванъ Яворъскій. Andrzey Iaworski. Iwan Iaworski m. p. Iliia Hoszewski m. p. Которая то елекция, за поданямъ вышъ реченъное особы, на єпископію Премыскую и Самъборъскую, а за принятямъ нашимъ судовымъ, уся с початъку аж до конъца слово в слово естъ принята и до книгъ земъскихъ Луцъких естъ уписанна, с которых и сесъ выписъ подъ печатьми естъ выданъ. Писанъ в Луцъку.

Книга земская Луцкая 1636 года, № 2831, л. 764 на об.

CCLXXI.

Жалоба писаря земскаго Луцкаго Семена Гулевича Воютинскаго на старосту Краспоставскаго Якуба Собѣскаго о насильственномъ отобраніи и отдачѣ уніатамъ церкви св. Тройцы въ м. Красномъ-Ставѣ, не задолго передъ тѣмъ по королевскому распоряженію возвращенной православнымъ. 1633 года, августа 22.

Року тисеча шестсот тридцат третего, месеца авъгуста двадцатъ второго дня.

На рочъкахъ судовых кгродских Луцких, од дня одинадцатого месеца авъгуста в року звышънаписаном припалых и судовне одправоват зачатыхъ, перед нами княземъ Павлом Друцким Любецким, подстаростим, а Гелиашом Бронницким, судею, врядниками судовыми, кгродскими Луцкими, постановившися очевисто урожоный его милостъ панъ Семенъ Гулевичъ Воютинъский, писар земскій Луцкий, дворанинъ его королевское милости, светъчил и протестовалъсе на велъможного его милостъ пана Якуба Собеского, крайчого коронъного, Красноставского, Яворовского старосту, о то, ижъ его милостъ, ничого не дбаючи на зверхностъ его королевской милости и на универсалъ помененому его милости пану писарови земскому Луцкому, яко дворанинови его королевское милости, даный, водлугъ которого универсалу науки его милост панъ писар, с повинъности уряду своего, од его королевскои милости вложоного, поступуючи, до Красного Ставу року теперешънего тисеча шестсотъ тридцат третего, месеца июня десятого дня приехалъ, и маючи инъформацию достатечъную в универсале его королевскои милости, впрод до уряду замкового ишол, и там наместникови универсалъ его королевскои милости указавши и по што з раменъя его королевскои милости приехалъ оповедивши, о приданъе возного на одобранъе церкви светое Тройцы од унитов, а на поданъе неунитомъ отрымавъши, потом до уряду мейского Красноставского ишолъ и тотъ же универсалъ и волю его королевскои милости оповедивши, жадал, жебы зъ его милостъю до помененое церкви пошъли и оную сполъне зъ его милостю паномъ неунитом подали; которые, идучи в той мере за волею его королевской милости, сполъне зъ его милостю паномъ писаром и возным, з уряду кгродского приданым, до церкви светое Тройци пошъли, и

тамъ не заставши никого и жадъное контрадикъции не маючи, помененую церков светое Тройци месчаном тамошнимъ Красноставским, в унии не будучим, водлугъ универсалу его королевской милости, до одправованя набоженъства подалъ, и одомъкнувши, ничого праве охенъдозства а ни святостей давныхъ не застал, яко о том урядовная манифестация през его милост пана писара правдиве подана и до посесии през возного сознаня в собе опеваетъ. Водлугъ которое подапя посесии, зараз в той церкви набоженъство впрод на хвалу именъя Божого, а потом за доброе здорове и счасливое панованъе короля его милости, пана нашого милостивого, и увес рожай хрестианъский одправоватисе почали, и ажъ до дня двадцатъ первого месеца июня одправованое было; которого дня помененый его милостъ крайчий коронъный до Красного Ставу приехавъши, яко староста мейсца оного, о том ведомостъ взявши, ничого не респектуючи на таковый правный его милости пана писаров поступокъ, тудежъ на зверхъностъ его королевской милости и повагу уряду на его милостъ пана писара универсаломъ его королевской милости вложоного, смелъ и важилъсе росказати гайдуком своим церковъ помененую светои Тройци, за замками и ключами их пановъ неунитов будучую, одбити и знову ку унии подати. Которые той гайдуки, чынечи досытъ воли и росказаню его милости старостинскому, пана своего, не респектуючи ничого на дом Божий, обухами замки поодбияли и тую церковъ знову унитом зо всимъ охендозствомъ, апаратами церковными, книгами до одправованя набоженъства ново надаными и там будучими подали. В чомъ его милостъ панъ писаръ видечи бытъ волю и зверхностъ его королевскои милости зневажоную, уряд на себе вложоный закгвалчоный, о таковый его милости пана крайчого поступокъ светчилъ и протестовалъ, оферуючи се таковую кривду, бой и зневагу свою вперод на сеймиках брати пропоновати, на сейме въ сенате и в коле поселъскомъ о томъ мовити и, яко право дорогу укажетъ, зъ его милостю паном крайчимъ поступити. А слышечи при том учиненую од его милости на себе в кгроде Красноставском протестацию, репротестовалсе в тотъ способъ, ижъ што одправовалъ теды то с повинности на себе вложоное, за универсалом его королевскои милости чинечи, и такъ властне, яко в поданой посесии опеваетъ, поступовал, попа жадного, бо его тежъ там и не было, не викидалъ,

зверхности уряду старостинского не зневажалъ, ничого таковою, штобы повинности уряду его належало, не чынилъ, але такъ поступовал, яко повинъностъ уряду его несла, о што и повторе репротестовалсе де нулитате занесеное протестации. И просил его милост пан писар, абы тая его протестация и репротестация была принята и до книгъ записана; што за принятемъ нашим судовымъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1633 года, № 2465, л. 159.

CCLXXII.

Жалоба православнаго Луцкаго епископа Аѳанасія Пузыны о томъ, что жена воеводы Виленскаго Анна Ходкевичъ, урожденная княжна Острожская, не допустила его произвести ревизію въ православныхъ церквяхъ и монастыряхъ, находящихся въ г. Острогѣ и въ другихъ ея имѣніяхъ. 1633 года, декабря 12.

Року тисеча шестсот тридцат третего, месеца декабра дванадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевской милости Луцкомъ, передо мъною Стефаномъ Яроцкимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, становъши очевисто велъможный и превелебнейший в Пану Христусе его милостъ отецъ Атаназиушъ з Козелъска Пузына, з ласки Божое Луцкий и Острозский епископъ православъный, архимандрит Жидичинъский, сведчилъ и протестацию занеслъ противъко яснеосвецоное кнегине ее милости Анне зъ Ярославля Острозской Ходкевичовои, воеводиной Виленъской, такъ же противъко урожоному его милости пану Адамови Буяновъскому, старосте Острозскому части менованое кнегине ее милости, в тот способъ: иж што вся Речпосполита, такъ на прошлой елекции, яко и на счасливой коронации короля его милости, пана нашого милостивого, намъ счасливе панующого, такъ же и самъ кролъ его милостъ за волъною елекциею обывателев воеводства

Волынского владыцтво Луцькое и Острозское протестантови конферовать рачили, на што и особный привилей зъ канцелярии од его кролевской милости мянованому его милости отцу Пузыне естъ даный, што вся коммунитас обойга народу на той же счасливой коронации конституциею апробовала, и волъному народови либерумъ екзерцициумъ в набоженстве а иле народови рускому не в унии се найдуючому позволили и же не мал быти народ руский так шляхетский, яко и посполитое конъдиции, до инъшого набоженъства собе неналежного потяганый и примушаный, дипломате и велю писмъ асъсекуровали, о чомъ ширей а достаточней менованый привилей, диплома и инъшие ассекурации, на елекции и счасливой коронации народови рускому не в унии будучому даные, маютъ. Теды пречоная кнежна ее милостъ пани воеводиная Виленская, не респектуючи ничого на право посполитое, вини в немъ описаные, на привилей конъституции и диплому, народови, волному в набоженстве, имъ належного набоженства в маетностях своих забороняет и не допусчаетъ; и кгды менованый его милостъ отецъ Пузына, яко чулый пастыръ, з повинности своее пустивъшис в обяздъ на ревизию и визитацию диоцезиеи своеи, хотелъ в маетъностях кнежъны ее милости церкви и манастыри визитоват, рядови и набоженству се припатритъ, своеволъныхъ в набоженстве (если бы се показали), которые през час немалый без пастыра и звиръхного своего в непослушенстве лета свое пудили, вряд, послушенство и каръность до набоженства в чулостъ и кгорливостъ вправит, о што през велю людей, такъ духовъных, яко и светских, в маетностях кнежны ее милости мешкаючих, былъ афектованый, тамъ же на прод, кгды вышъречоный его милостъ отецъ епископъ, зъехавъши до Коръца, за возванемъ и прозбою ясне-освецоного кнежати его милости Миколая на Клеваню Чарторыйского, каштеляна Волынъского, святобливого и богобойного житъя телу светое памети кнежны ее милости Серафины Корецкое, законъднички профессией кгрецкое, рекгулы светого Базилеуша Великого, игумени Корецкое, почтивостъ, остатную послугу и звыклый ведлугъ старожитного церкви Божое звычаю погребъ целебровал, отдавал и чинилъ, а доведавъшисе тамъ же в Корцу о бытности и пречоное кнежны ее милости менованое панее воеводиное Виленское, свое звыклое а тенера стате врожоной людскости звычайный поклонъ оддавъши и оную наведивши, з

правом своимъ то естъ привилеемъ дипломате статуумъ ординис утриускве ентисъ етъ домини, за тым и права посполитого авторитате одозвавъшисе, подъ час бытности своее самъ през себе, а потомъ през веле зацных людей, афектовалъ, абы его милости, яко належному пастырови, монастыри и церкви в маетностях своихъ визитоватъ, ревидоватъ, особъ духовных Бога се боячих охоронитъ, а злых карат и до доброго порядку привести допустила. Теды сама кнежна ее милост пани воеводиная Виленская тамъ же в Корцу, при немаломъ конкурсе и зкгромадзенемъ сенаторовъ и велю зацных людей, остатнюю послугу телу светое памети кнежати его милости Корецкого, каштеляна Волынского, и прečеченое кнежны ее милости отдаючих, преречоному его милости отцу Пузыне, яко належному тых тамъ дыоцезий епископови, визитоватъ и ревидоватъ заборонила, места свое и церъкви замыкатъ и печатоватъ росказала, особомъ духовнымъ и светскимъ послушенъства отъдаватъ заказала, за епископа и пастыра имъ належного вызнаватъ заборонила, до церквей так в местах, яко селах своих будучих не пускатъ и моцно боронитъ казала и погрозки на менованого его милост отца епископа учинила. А на томъ мало маючи, доведавъшисе, же его милост отец Пузына до Острога, церкви катедралное, в замъку Острозскомъ будучой, приехалъ, хотечи визитовати, если бы якая непилностъ в набоженъстве была, до перъшого порядку такъ катедралистовъ, яко и инъших духовных, в Острогу мешкаючих, привести, през менованого слугу и старосту своего Острозкого его милостъ пана Адама Буяновъского скуткомъ тую погрозку выконываючи, вступу до церкви замъковое (тые, съ которые баръзо веле охендожств и аппаратовъ церковъных, лихтаровъ и инших речий побрала, што се на своемъ термине покажетъ), а нетолко замъковои, але и местских, не тылко части своеи, але и на части яснеосвецоного кнежати его милости Доминика Владислава на Острогу грабя на Тарънаве, заборонила, замъковую церковъ, до которое половицы тылко належитъ, шестма печатъми запечатоватъ, замок пехотою и сторожою так денною, яко и ночною, опатритъ росказала, през што право посполитое и привилее выжей выражоные зневажила, великое преюдициумъ в особе протестантисъ церкви Божои учинила и народови волъному в сумненю и набоженстве, которых до пастыра им належного не допусчаетъ и забороняетъ, жал великий а праве сердечный спра-

вила. О што хотечи ин форо компетенъти правне чинит, тую протестацию до книгъ заноситъ, просечи, абы то было до книгъ записано; што отрималъ.

Книга земская Луцкая 1633 года, № 2465, л. 536.

CCLXXIII.

Жалоба епископа Аѳанасія Пузыны о нарушеніи Анной Ходкевичевой фундушевой записи князя Януша Острожскаго, по которой доходы съ м. Суража и принадлежащихъ къ нему селъ должны были идти на содержаніе въ г. Острогѣ православной Троицкой церкви и состоящаго при ней шпиталя. 1634 года, генваря 18.

Року тисеча шестсот тридцат четвертого, месеца генъвара осмънадцатого дня,

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Александромъ Малиновъским, буркграбим и наместником подстароства Луцкого, становъши очевисте превелебънейший въ Пану Богу его милостъ отецъ Атаназиушъ с Козелъска Пузына, Луцкий и Острожский епископъ и архиманъдрита Жыдичинский, прихиляючисе до словъ оноей протестации своее, в справе нижей выражоной, року прошлого тисеча шестсот тридцат третего, месеца декабра дванадцатого дня, перед урядом и книгами нинешными кгродскими Луцкими занесенои, сведчилъ и протестовалъсе противъко яснеосвецонои кнежне ее милости Анне Острозкой Кароловой Ходкевичовой, воеводинои Виленское, гетмановои великого князства Литовъского, о то: ижъ што святое памети яснеосвецоные кнежата их милости Острозские, меновите кнежа его милост Василий Константинъ Острозский, воевода Киевъский, у продков своих а потомъ и сукцессоровъ кнежат их милости маючи в волнои диспозициеи князство Острозское кумъ омнибус квалитатибус ет квантитатибус, святобливого жывота своего потомству паметку зоставуючи, церкви, школы, шпитале, монастыри фундовали и своими ялмуж-

нами яко и наданем маетности опатровали и вечными фундациями такъ, абы пер омнес постеритатес вцале зоставали, остерегши, надавали, яко то меновите: церковъ катедральную Острозскую замковую, церковъ в Острогу шпиталную пренасветшоеи Тройци, церковъ Дерманъскую и иншие, которые амплисимис посесионибус фортификовали, яко о том веле фундушовъ на сеймехъ, земствахъ и кгродех розных судовъ, през кнежат их милости тие мемори сознаваные, ширей в собе мает, водлугъ которых презъ немало летъ и часовъ особы духовные, епископове, архиманъдритове, игуменове, протопопове и иншие законные мусского и паненъского стану ин пацифика посесионе, оддаваючи послушенство зверхным своим, в православъно і вере церкве всходнеи маючим, зоставали. А потом, зоставъшы зупелным посесором ксенства Острозского и дедичом такъ яснеосвецоный кнежа его милостъ Янушъ Острозский, каштелян Краковъский, яснеосвецоное кнежа его милост светое памети Янушъ Острозский, воеводичъ Волынский, ничого тых правъ продков своих не нарушал, але во всем фундушомъ досыт чинилъ и, остерегаючи кривды добр церковных, чинити не преставалъ; а яко тот, которому подаване зверхнихъ до церкви и монастыров служило, за позволенемъ некгды велебъных зошлых отцовъ Никандри, презвитера Троецкого, Василя Николъского и Савы Флячича, рекътора и дозоръцу добр Суража и шпиталя Острозского, превелебънейшому в Пану Богу менованому его милости отцу Пузыне, владице Луцкому и Острозскому, кгды есче в стане свецким зоставалъ, в року тисеча шестсот осмънадцатом, авъгуста пятнадцатого дня, место Сураж зо всими приналежностями пер модумъ аренде ад пацификам посесионем ет узумъ подали, такъ, абы аренда и интрата з тыхъ добр на преречоную церковь шпиталъную Острозскую Тройци пренайсвятшое и хорых в ней мешкаючих была оборочаема и давана, а по ексъпирации аренъды, теды таяжъ маетност Сураж, с придаткомъ села Анъдрушовъки, правом дожывотнымъ служити и належати мела, што и закладомъ десяткомъ тисечей золотых полских варовано; якожъ ин пацифика посесионе зоставал протестансъ презъ час немалый. Где потым кнежна ее милост менованая, певъным способом тую маетност Сураж, зо въсими селами и тую Андрушовку приданую, у протестанта вымогши в року прошлом тисеча шестсот двадцат второмъ, приобецала интрату с тых добръ на церковъ

Тройци пренасвятшое и шпитал Острозский, для которыхъ Сураж естъ лекгованый и фундованый, по две тисечи, а протестуючомусе тисечу золотыхъ полских на кождый рокъ давати з особъна, церковъ и шпиталъ в мурах и в апъпаратах и инших охендоствах примножати и опатривати, так жебы се ни в чом уйма шпиталеви и церкви Острозской, взглядом фундушу Суражского, не делала. Где такимъ способомъ и асекурацию такую тые добра до посесиеи своеи взявъши, в правде протестанти ажъ до року недавъно прошлого тисеча шестсот тридцат второго по золотыхъ тисечу давала, а што се ткнетъ церкви Божое и шпиталя выжей выражоныхъ уломных, хорыхъ и убогихъ розъного стану и конъдициеи (для которых тая церков и шпитал сут фунъдованые) при ней мешкаючих, оных опустила и жадное провизии албо опатреня потребъ в мурах и апаратах церковъных с тых добр онымъ през увес час посесиеи своеи, которой протестансъ про реали не признаваетъ, не давала, давати не хотела и не дает, але всю интрату с тых добр на власный пожитокъ свой оборочала и оборочает, што чинила и чинитъ кнежна ее милост противко фунъдушови продков своих добръ Суразских, на менованую церковъ и шпитал лекгованыхъ, а притомъ противко праву посполитому и протестанти доживотному и противъко субъмисиеи и асекурациеи своеи доброволнои, за што протестанти в заклад десяти тисячей золотых полских, а наместником преречоных церкве и шпиталя и их сукцесором в заклад в фундушу назначоный попадла и до шкод немалых менованых наместников на сто тисечи копъ грошей литовских, а протестанта на пятъ тисечей золотых полских приправила. Чого протестансъ з велю мер перестрегаючи, яко целый пастер диоцезиеи своеи, водлугъ достоенъства своего захованого и права своего доживотного, противъко ее милости панеи воеводинои Виленъскои о то все, заховуючи мелиорацию тое протестации и чинене иншое, инъ квантумъ бы его милости и кому колвекъ до того жъ фунъдушу и записовъ належало, потреба указывала ширшое протестации, протестуетсе, декляруючи, яко с права придетъ, о то все в суде належном правъне чинити, до кого право дорогу укажетъ; просечи, абы то было до книг записано, што отрималъ.

Книга гродская Луцкая 1634 г., № 2147, л. 556 на об.

CCLXXIV.

Дарственная запись подчашиной Кіевской Анны Гулевичовны православному братству Луцкому на 1000 золотыхъ польскихъ. 1634 г., января 20.

Року тысеча шестсот трыдцатъ четъвертого, месеца генвара двадцет третего дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною Алекъсандромъ Малиновъскимъ, бургграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановивъшисе очевисто урожоная ее милостъ пани Анъна Гулевичовна Лавриновая Лужчиная, подчашиная Киевская, для вписанъя до кныгъ нинешних кгродских Луцких подала лист доброволный запис свой с печатю и с подписомъ руки свое, такъ же съ печатми и с подписами рукъ людей зацныхъ, од себе братству тутошънему Луцъкому виры православъное Русъкое церкви светое всходное Поднесеня Чесъного Креста на речъ певъную, нижей в том записе меновите выражоную, даный, о чом тот запис ширей в собе маетъ, которого во въсем очевистым устъным и доброволным сознанемъ своимъ стверъдившы и змоцнивъши, прызнала, просечи, абы принят и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я вряд, тот запис, за очевистымъ признанъемъ менованое ее милости панее подчашиное Киевъское, для вписаня до книгъ принявъшы, читалом, и так се в соби писмомъ полским писаный маетъ: Ia Anna Hulewiczowna Ławrynowa Łozczyna, podczaszyna Kiiowska, odstąpiwszy swey własney należney jurisdiciey, prawa, powiatu y woiewodstwa, a tyteyszy grodsky Łucky z dobrami y potomkami memi dobrowolnie poddawszy się, wiadomo czynię każdemu, komu to wiedzieć należy, teraz y napotym zawżdy, jż ja, będąc w leciech iuż podeszłych a wiedząc to do siebie, że co godzina wieku mego upłynie, zawszem bliższa smierci, ktora lubo pewna, ale kiedy y iako człowieka zaskoczy, nie iest pewna; dla czego na wiele marnosci tego swiata wspomniawszy y niepewny wiek ludzky obaczywszy, z miłosci moiey ku panu Bogu y rozmnożenia chwały iego naswiętszey, większemu bractwu tuteyszemu Łuckiemu wiary prawosławny ruskiey, w posłuszenstwie cerkwie swiętey Wschodniey będącym, przy cerkwi Łuckiey murowaney założenia Podniesienia

Krzyża swiętego mieszkaiącym, na wszelakich dobrach moich leżących y ruchomych y sumach pienieżnych, takżę na maiętnosci mey własney dziedziczney miasteczka Iwankowie y przysiołkach do niego należących, w woiewodztwie Kiiowskim będących, złotych tysiąc liczby y monety polskiey zapisuię, y iako realney dług na mianowane wszelakie dobra moie, w woiewodstwie Kiiowskim będące, wnoszę takim sposobem, że po zesciu z tego swiata moym, successorowie dobr moych y potomkowie moi zaraz bez wszelakich zabaw y trudnosci, iako naprędzy, tę mianowaną summę przerzeczonemu bratstwu Łuckiemu y ych successorom oddać y uiscić y w tym woli moiey dosic uczynić maią y powinni będą. Ktory sumy pięcset złotych na fundamenta, mury y ochendoztwa aparata cerkiewne, a pięcset złotych na yhumena y iego bracią, przy tey cerkwi mieszkaiących, zapisuię, a ten yhumen z bracią swoią, z zakonnikami y swieszczennikami y z ynszymi cerkiewnemi posłusznikami, do rąk swoich te złotych pięćset wsiąwszy, za duszę moię, małżonka mego y dziatek moich miłych Pana Boga prosić y ceremonie nabożenstwa zaduszne według powinnosci y nauk cerkiewnych odpawować, jako zwyczay iest, powinni będą, w czym zakonnikow w powinnosci y bractwo mianowane w dozorze tego, iako też potomkow y successorow moich w uiszczeniu tey summy z dobr moich przyrzeczonych obowięzuię, żeby ta summa po smierci moiey iako naprędzey mianowanemu bractwu y zakonnikom była oddana, zakład na potomky y syccessory moie sumie ystotney ruwney tym że zapisem wnoszę; iesliby, strzeż Boże, po smierci moiey potomkowie moie tey summy tysiący złotych sami przez się, albo za piewszą requisitią bractwu mianowanemu nie żadnymi fantami, ale istotną y realną summą nie oddali, a dali się o to pozwać do jakiego kolwiek prawa y sądu ziemskiego y grodskiego Kiiowskiego, Wołynskiego y Bracławskiego woiewodstw, także do sądu głownego trybunału Lubelskiego y ich conserwat, tedy nie szczycąc się żadnymi obronami prawnymi, excepciami, apelatiami, dilatiami y ynszymi wszelakimi, z prawa y dowcipu ludzkiego wynaydzionemi, przed takim wszelakim sądem stanowszy, na pirwszym terminie, jako na zawitym, sprawić się y tę realną summę z zakładem drugiey takiey że summy, od sądu nie odchodząc, oddać y szkody na gołe rzeczenie słowa nagrodzić maią

y powinni będą tylekroć, ile ieno tego potrzeba wkaże. I tak obligowawszy potomkow y successorow dobr moych, ten moy zapis, s pieczęcią y z podpisem własney ręki moiey y ich mosciow panow przyiacioł moych, niżey mianowanych, daię. Pisan w Łucku, roku panskiego tysiąc szesćset trzydziestego czwartego, miesięca january dwudziestego dnia. У того запису при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: Hanna Hulewiczowna Łożczyna, podczaszyna Kiiowska, ręką. Proszony Filon Iałowicki. Siemen Hulewicz Woiutynski, pisarz ziemski Łucki, mp. Ian Libiszowski. Mikołay Mukosi Bakowiecky. Который же то записъ, за поданъем и очевистымъ признанъемъ вышъреченое особы, а за принятем моим урядовым, увес с початъку ажъ до конъца до книгъ кгродских Луцъкихъ ест уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1634 года, № 2147, л. 72.

CCLXXV.

Жалоба Луцкихъ ксендзовъ на священниковъ и монаховъ Луцкаго братскаго монастыря и нѣкоторыхъ мѣщанъ о нападенiи ихъ на студентовъ iезуитскаго коллегiума и нанесенiи имъ побоевъ и тяжкихъ ранъ. 1634 года, мая 29.

Року тисеча шестсот тридцат четвертого, месеца мая двадцат девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мъною Александромъ Малиновскимъ, буркграбимъ и наместником подстароства Луцъкого, персоналитеръ становши урожоные их милость панове ксендзъ Янъ Пясецкий, панъ Михал Пясецкий, панъ Мелхер Ковалковский, скоро се толко выведали о акторах такъ срокгого и ридко слыханого ексъцесу нижей выражоного, прихиляючись до устъного оповеданъя своего въ першую середу занесеного, своимъ и всих именем их милости пановъ студенътовъ колеиумъ Луцкого и товариства своего жалосне, обътяжливе сведчилисе и протестовали, яко въ публичной кривде хрестиянъское веры католицкое римъское правдивое, компо-

тибилитер урядови тутошънему оповедали напротивко велебнымъ и самому игумену, Войтехови, Томашови, Павлине Торчинъцови, Матъфиеви, Неофитови, Клеменътому Несвицкому, попом релии кгрецкое, в манастыре тытулу светого Крижа въ месте Луцкимъ мешъкаючим, яко учинъку нижей менованого принципалом, Миколаеви Лахъновичови, Ивахънови, Семенови кушънерови Пострыгачовому сынови, Стефанови Нестеровичови Шилневи кушнерови, тое жъ веры руское, и иншим, которых они имена и прозвиска лепей ведаютъ и в далшомъ прокгресе и протестации спецификованъе се за взятъемъ досконалшое ведомости оныхъ зоставуетъ, помочником и компринципалом, о то: ижъ они, взрушаючи покой посполитый, ничого не помнечи на срокгостъ права и вины въ немъ против тумулъты взбужаючимъ и покой посполитый кгвалтячимъ описаные, дня двадцат четверътого месяца мая, въ року теперешънемъ тисеча шестъсотъ тридцат четвертомъ, възявши ведомость, же звычайная процесия од превелебное катедры Луцкое с превелебными их милостю пралатами и канониками, такъже зо всими паны студенътами колеиумъ Луцкого и з немалою купою обоей плъти розное кондиции людей веры хрестиянъское правдивое римское, зъвласча под час дний крижовых и для отправованя модлъ кгволи небезпеченъству од неприятеля Крижа светого явне южъ и на корону полскую наступуючому, до костела подъ тытуломъ светого Крижа на передместю Луцком названым Кглусца заложоного звычайными церемониями и спеванъем мимо помененый монастыр церковъ брацкую шла, помененые при ней панове с помочъниками и прибравши собе велю людей зъ арматою, з оружъемъ до войны належачим, и оных в закрытыхъ местцахъ утаивши, ку зневазе веры правдивое хрестиянъское римское, на контемпът немалого згромаженъя их милостей отцов пралатов, людей христианских, и неушанованъе такъ згромадное процесии, коли се южъ назадъ од святого Крижа до фари ворочали, по которой южъ часъ такъ в костелах въсих католицкихъ, яко тежъ руских, опрочъ помененого манастыра брацкого, во въси дзвоны звонено, некоторые з них попы руские, у фортъци тогожъ манастыра стоячи, дивовалисе, до которых два студенътов, меновите Андрей Лозовский и Войтехъ Выроженский без жадных брони, толъко коронъки а книжечки въ руках маючи, приступили, приятелско их пытаючи: чому бы не казали яко въ других

церквях звонити въ своимъ манастыре, бо нам всим треба благати Бога загневаного, кгдыжъ зовсол трвоги на Речъ посполитую,—они под покрывкою одповедили: „панове студенъты, не маемо казати кому звонити, але сами подте на звонъницу звонити“, и казали хлопъцу своему панов студенътов, меновите помененого пана Выроже́мского, урожоных панов пана Михала Пясецкого, пана Ерого Корсака, пана Петра Окорского, пана Якуба Корманъского, пана Матъяша Шмаревского, пана Анъдрея Жабокрицкого, которых скоро запроважено, почали были звонити. Помененые принципалове с помочъниками своими, постерегъши, же южъ процессия мияла рынокъ, ку фари пошла, пропомневши боязни Божое, милости близнего и срокгости права посполитого, на таких зброднев̌ъ сродзе обороненого, фортъки и ворота зо всюлъ позамыкавши, казали въ великий звонъ на кгвалтъ звонити, потом въпадши на звонницу, студентовъ деспектовали, били, секли, якож потовкли и поранили, меновите: пану Яну Скулимовскому ран две тятых, крвавых, въ голове, на левой стороне над ухом також чотыри, ажъ кости зъ головы вынято, а засе въ руку левую нижей локътя; Петрови Влосинскому рану тятую великую въ голове на левой стороне над ухом, Войтехови Соломенскому рану тятую верхъ головы ажъ до кости задали, Матея Сморевского обухами, балясами, киями въсего одъ головы ажъ до ногъ потовкли, пана Якуба Корманского, в молодых летехъ будучого, на звонъници хотели замордовати, с коль хотел выскочити и так завязлъ на окне, сколъ южъ для десперации на долъ на полторы копьи од земле спуститисе муселъ и зъдоровя до толъ небезпеченъ, а панъ Андрей Жабокрицкий також с десперации с тое звонъници скочилъ, в небезпеченъстве здоровя зоставаетъ. И такъ се през час немалый надъ крвею шляхецкою хрестианъскою серцами заюшомы паствечи, на кгвалтъ волали, стреляючи, каменъми, киими и иным оружъемъ боронити, абы тая невинъная млодь ратунъку и здоровъя посилку скол колвекъ не мели; о што се повторе именемъ всих менованых особъ, тудеж превелебное капитулы, любо се то особная акъция въ той речи, яко власнымъ протестанътомъ, зоставуетъ волно, соленитеръ сведчитсе собе самымъ и кожъдому з ихъ милостей укривжоных счекгулъне, и если зхочутъ, за взятем докоиалъшое ведомости, волъное учиненъе ширшое протестации и тое верификации албо росширенъе; а на довод того всего

просили мене уряду о придане возного, которым я шляхетъного енерала Яна Пухалъского придавши, то все до книг записати казаломъ, и естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1634 года, № 2466, л. 189 на об.

CCLXXVI.

Жалоба войта Луцкаго Андрея Загоровскаго о побояхъ и грабежѣ, коимъ онъ подвергся во время безпорядковъ, произведенныхъ въ Луцкѣ студентами іезуитскаго коллегіума и направленныхъ противъ православныхъ. 1634 г., мая 30.

Року тисеча шестъсот тридцат четвертого, месяца мая тридцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александром Малиновскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, становши очевисто урожоный его милость пап Андрей Загоровский, войтъ дедичный Луцъкий, протестовалсе противко тым, которые дня двадцатъ осмого мая, на доброволной дорозе заступивши его милость, напрод колясу жаковати почали, потом на самого колясу ратуючого и челядь нападши, з розных улицъ купами, громадамы, зъ стрелбою, кийми, друками, каменъми, силы свои оборочаючи и протестуючого зъ челядю розлучивши, кгды самъ уходил, челяд с коней зсадивши, киемъ, каменъми, обухами потовкши, господу спостошили, шкод на шест сот золотых учинили, зоставуючи мелиорацию собе о особах тумулътов и девастации господы, самого господаря и протестанъта суфициенциоремъ протестационем, кгды того потреба будетъ; а на тотъ час просилъ о приданъе возного в той мере виоленции и ранъ, которому я придаю возного, которого собе способити может; што дабитор инъ копия. Тутъ же протестовалсе на бурмистра и радецъ Луцъкихъ о некглиенъцию уряду ихъ водлугъ присеги их и повинъности в тумулътах належачих, идем дабитор ин копиа. Што въсе для памети до книгъ есть записано.

Книга гродская Луцкая 1634 года, № 2466, л. 193.

CCLXXVII.

Жалоба ксендзовъ Луцкихъ на войта Луцкаго Андрея Загоровскаго и другихъ о нападеніи на дома подданныхъ костеловъ Луцкихъ и произведенныхъ при этомъ насиліяхъ и грабежахъ. 1634 года, мая 31.

Року тисеча шестсот тридцат четвертого, месяца мая тридцат первого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мъною Александромъ Малиновскимъ, буркграбим и наместникомъ подстароства Луцкого, становши очевисто велебные въ Бозе их милость ксендзъ Матеушъ Вышинский, поддзеканый Луцъкий, и ксендзъ Якубъ Едлинъский, викариове костела катедралного Луцъкого святое Троици, именемъ ясне превелебъного его милости ксендъза Бокгуслава Бокъши Радошевского, зъ ласки Божое бискупа Луцъкого, и въсея капитулы, такъ же именемъ его милости ксендза плебана Луцъкого светого Якуба, ксенъдза Марцина Издебъского, протестовалисе на урожоного его милость пана Анъдрея Загоровского, войта Луцъкого, дворанина короля его милости, и противко тым, которые до того были комплицес кгвалту посполитого, а меновите: на Лахновича, Шиляя и иншихъ, которых имена и прозвиска за взятъем далшое ведомости въ ширшой протестации будутъ спецификованые, о найстъе кгвалтовное на домы подданых под юриздициею такъ катедралною, яко и плебанъскою будучих, так-же и шпиталных, о зраненъе, кгвалтовъ починенъе и побранъе веле речей рухомыхъ въ сребре, злоте, шатахъ и инъших речах рухомыхъ, и о инъшие кривды, шкоды, деспекта, зъневаги, виоленъцие, што се деяло дня неделъного двадцатъ осмого мая въ року теперешънемъ тисеча шестъ сотъ тридцатъ четвертомъ, ляциусъ инъ копия дабитур; а о приданъе возъного на огледанъе того всего просили, которымъ я с повинъности уряду моего придалемъ возъного, которого собе способити могутъ; што все для памети до книгъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1634 г., № 2466, л. 189 на об.

CCLXXVIII.

Жалоба отъ имени православныхъ обывателей воеводства Волынскаго о двукратномъ нападенiи студентовъ Луцкаго iезуитскаго коллегiума на православный братскiй монастырь и состоящiе при немъ шпиталь и школу, а равно и на частные дома православныхъ обывателей Луцка, и о произведенныхъ ими при этомъ побояхъ, грабежахъ, раззоренiяхъ и убiйствахъ. Свидѣтельство возныхъ. 1634 года, августа 21.

Року тисеча шестсот трыдцат четвертого, месяца августа двадцат первого дня.

До уряду и актъ старостинских кгродских Луцких, в замок его королевской милости Луцкий, до мене князя Павла Друцкого Любецкого, подстаростего Луцкого, урожоный его милость князь Ерый Пузына, подкоморый Володимерский, и пан Михалъ Пузына пришедши и очевисто становши, а прихиляючисе до протестациеи дня двадцат четвертого месяца мая в року теперешнемъ презъ высоце велебного в пану Богу его милость отца Атаназого Пузыны, епископа Луцкого и Острожского, до акътъ тутошных в кротце поданое, которую тепер поправуючи и объясняючи, выш менованые компарентес два з ых милостей панов обывателевъ воеводства того шляхты релиеи кгрецкое, не в униеи будучихъ, своим и всих их милостей именемъ, впрод противко тымъ и якое колвекъ конъдициеи и стану, такъ духовного, яко и свецкого, людей, которые бы до нижей выражоных ексъцессвъ радою, промоциею, претекциею быти и противко правом, правъде и справедливости светой, тымъ ексъцессоромъ в том ихъ учинъку якимъ колвек способомъ поблажат и оных заступовать мели, хотечи оных не толко за промоторов и консулторовъ, але за такихъ же ексъцессоров сполне мети, тудежъ и противъко тымъ, о которыхъ именахъ, прозвысках и кондициях их на тот час доведатисе могло, а меновите при школах велебных их милостей отцовъ езуитовъ колеиумъ Луцкого социетатис Езу бавячимсе принципаломъ: Ласкому, Шавловъскому Павлови, Лазовскому Андрееви, Вацлавови Богемчикови, албо Богемусови, Войтихови Вирозубъскому, Михайлови Песецкому, Ерому Корсакови, Петрови Окорскому, Якубови Корманскому, Матиашови Смаревскому, Малхерови Кавал-

скому, Менчинскому, Андреєви Саковичови с под Телича поповичови и иншимъ там в той компаниеи будучимъ, им добре ведомымъ, а при тых школярниках коллеяцкихъ служалцомъ, то ест: Янови Котовъскому, тодаришови с подхорогве поветовое усарское его милости пана хорунжого Волынского, тут в Луцку стоячое, Янови Котецкому и велю пахоликов, которых он, будучи их приводцею, знает и ведает, так же тежъ и ремесникомъ розным мимо вокацию свою опъпонуючимъсе комъпринципалом и сполным принципалом, меновите: Фабиянови кравъчикови, Матиашови пасербови Конъвисаровому, Янови мечникови, который на тыле балвера Яна перед мостом на тот час мешкаетъ, Матыяшови кравцови, Марцинови рымарчикови, Матыяшови шевчикови, который се братом ксендзу Едлинскому быти менует, сынови Ендреевое кравцовое Марцинови малереви, Войтехови боднарови, Павлови балверови, Пывоваровому зятеви, Томашови столярови, Янови меховникови и иншим велюм тых принципалом, комъпринципаломъ и помочникомъ соленитер се светчат и жалобне се протестуют о то: кгды духовенство костела рымского, во лугъ звычаю, дня помененого двадцат четвертого мая, с пренасветшим сакраментомъ идучи от светого Крыжа, южъ добре церковъ минули и ку замкови приходили, теды тые мѳнованые принципалове з своими компринципалами и помочниками, которых было чловека до ста, з шаблями, кордами, ручницами, а другие с киями и каменями, добре се южъ на то з позволеня старших своих приготовавъши и резолъвовавши, ничого не респектуючи на права давъные и свежые, народови волному рускому служачие, на завартый през наяснейшого короля пана счасливе нам тепер пануючого покой, а ни на право и срокгосты в нем на инвазоровъ домовъ Божихъ, шпиталев и мешкаючих при них, на възрушаючих покой своволниковъ, ростерки, кгвалты, седицией, тумулты чинячих, на права и волности наступуючихъ описаные и обостронные и обшероные, и овшемъ ихъ собе легце поважаючи и за ничого, яко персоны люзные, вакгабунде, легкомыслъне розумеючи, тые вси армитер, под претексътом якогось дзвоненя, чого жадная потреба южъ не указывала, на цвентар помененое церкви брацкое и мешканя при ней особъ духовъных и людей убогихъ, уломныхъ, шпиталныхъ, з окриком на правомъ покою посполитого иле при домах Божых мешкаючих убезпечоных и ни од кого се злого, яко людей невинных, не спо-

девающих, смели и важилисе напасти, якожъ ре инса выконываючи, одни на цвентар до церкви, а другие до шпиталя впадши, до дверей церковъных каменями, друками бити а штурмоват почали, а обачивши, ижъ дверей тых зевнутръ церкви моцным друкомъ замкненых выбити не могли, до звоници, тужъ з церковю за одно будучое, припадши, у дверей колодку шаблями и киями розбивши и розкгрохотавъши своволне яко на кгвалтъ який в дзвоны бити з выпусченем розных голосов почали, а за тым битемъ в дзвоны, кгды се их болшей есче збегло, з тых дверей сходками до церкви вдаршисе, лихтари, формы в ней повыворочали, коберце пооддирали, а другие там по цвентару з киями, шаблями и рознымъ оружем увиваючисе, хлопятъ з школы, при той же церкви будучое, их битем розогнавъши, маючи все по воли своей, так убогихъ и уломных людей шпиталевых, деды и бабы, на уломности их, на Пана Бога и справедливую а правную помсту Его жадного респекъту не маючи, били и мордовали и разы, раны битые, крвавые позадавали; яко тежъ и духовных особъ килку, которые з целлий своих вышедши, оных зброднюв лагодными словы, абы того и таковото кгвалту не чинили, упоминали, киями и каменми побили, а меновите: велебъному отцу Исакому, игуменови тогожъ манастыра, каменями и цеглами по рукахъ, по плечу и по шии разы битые, а иншимъ законникомъ, наганяючи их, киями албо друками по плечахъ, по шиях и где одно которого чим кто засяг и занят могли, окрутне а нелитостиве побили и разов битых, синых, крвавых и спухлых барзо шкодливых всюди веле позадавали и на зъдоровю их покаличили. Также тыжъ и убогихъ уломных, в шпиталю будучих и при шпиталю зас мешкаючих, также небожат павъперов школных и кого одно напали, абы только был русин, без вшелякого политованя шаблями, киями и цеглами, албо рачей каменями побичи, потовкли и помордовали, то есть напеpед: Петра Босинского, бакаляра, побито и палец в правое руки утято, Василя Станевича въ лобъ окрутне ранено и рану ему шкодливую задано, Демяна Василевича хорого на лужъку киями побито и въ лобъ ранено и за забитого одошли, Якима Левковича каменем губу до зубов впол пробито, Дмитрови Посполитому каменем око выбито, Дмитровои вдове Пострыгацце, домомъ своимъ при шпиталю мешкаючой, в голову каменем окрутне забито, Лукашови Крицкому,

шляхтичови добре урожоному, который през уломность и окаличенъе през неприятеля Крыжа светого, будучи в розных експедициях и войнах, стративъши вся субъстанцие свое, а не маючи скол ратунку засегнут, при шпиталю и манастире векъ свой кончитъ, оного окрутне киями збили, змордовали, од которого збитя ледво знак што живый зостал; и инших веле, которых на тот час выписати се не может. А при томъ в способъ лупу и здобычи скрини две с пинезми, одну малую, шпиталную, всю желизну, на окъне у шпиталя стоячую, у ланцушка урвали, а другую при самых церковъных дверих на ялмужную постановленую деревяную розбивши, пинези, которых в обудву могло быти золотых пултора ста, пожаковавъши, окна в церкви, в школах, в шпиталю каменями потлукъши, двери до тыхъ же и з дилованя побите кгонтовое, вдераючи се до цментара, поламавъши, цвентар и церковъ зокрвавивъши и тые ексъцессы непристойне выконавши, заледве за угамованемъ албо рачей одратованемъ тоежъ веры людей, которые на том же набоженстве веспол з собою были, с трыумфомъ, стрелянъемъ, окрикомъ на выкоренене и знесене церкви и въсее Руси способами вшелякими явъными и крыемыми, пер вимъ ет икгнем, пофалки явные чинечи, одошли. А тым се не конътентовавши и овъшем барзей будучи заюшеные, яко люде люзные и тулаючиесе, жадного респекъту на жадную речь не маючи, прибравши собе купы болшое в ден неделный, то ест дня двадцат осмого тогожъ месяца мая, без вшелякое причины намнейшое, в самое полуднъе, такъ же арматно зобравъшисе, впрод на домъ пана Миколая Лахновича, им самым и никому ничого невинного, нападши, самого, который свое здоровъе утецкою ратовът мусел, з дому выпудивъши, шкоды незносные и барзо великие в недосыт учиненю своему завзятому непристойному замислови починивъши, одошли, а потом аж до самого мроку южъ то сам, то тамъ, по улицах перехажаючисе, где кого нападши, хоц намней невинного, толко же русин, били, секли. А не учинивъши в ден воли и замыслови своему непристойному доситъ, тогожъ дня, южъ на змерканю, о вибияной (?), в той же купе нападши, шляхтича доброго слугу его милости отца Пузины, владики Луцъкого, шляхетного Яна Ломинского, по потребахъ панъских до его милости пана Михайла Пузыны, поборцы Волынского, идучого, чловека спокойного, безбронного, без жадное слушное причины, толко для того

самого, же русин, в замку околном Луцком пред мостом кгродовым взявши, до каменици его милости пана старосты тутошнего Луцъкого, где тот то ксендзъ Лаский резиденцыю свою мел, привели и лиценцией лиценциози а лиценциозо, штобы с тым шляхтичемъ чинити мели, просили; од которого бенедикцию на реч нижей менованую отрымавши, оного невинного чловека окрутне, тыранско, без милосердя, невинне тыежъ схоластици колеиатци своволные з гултайствомъ, перед очима того Лаского и велю людей, на то патраючихъ, такъ же за виденъемъ и слышенемъ отца ректора колеиумъ Луцкого езуитского, который, поспολу будучи у его милости отца епископа з яснеосвецоным княжатем его милостю паномъ воеводою Волынскимъ и з иншыми их милостю паны обевателями воеводства тутошнего, поведилъ, жем се на тое патрил и слышел, коли того то небожъчика Ломинского бито, мордовано который на живый Богъ волал и просилъсе, абы его не забияно, кгдыжъ им ничого не виненъ был, шаблями посекли, поранили и киями, килка разы покладаючи, били и мордовали, од которого зраненя и окрутного збитя Пану Богу духа оддал. А тыми и таковыми ексъцессами досытъ значными есче злого афекъту своего не утуливъши, по перъшомъ ексъцессѣ до недел килку а праве кождои ночи, купою по улицах волочачисе и на дворы людей розных и шляхетныхъ находечи, стреляючи, окна выбиваючи и галасы чинечи, тая некарная своволя людей роспусных до того на остатокъ непристойне а на жадную реч не огледаючисе замыслы их обернула, же мало места през огон, иле под такие часы сухие, не знесли. Тые теды вси такъ великие и незносъные крывъды Божые и церкви его святое и преюдиция въ вери хрестианъской мимо права и волности свое их милости панове обывателе заданые быти видечи, на Пана Бога всемогусчого и на его королевскую милость, пана нашого милостивого, справедливый розсудокъ спустивъши, терпливостью тое нагорожат мусели. О тое однак все противъко вышменованым ексъцессором и повъторе их милость панове компарентес своимъ и всихъ их милости менованых панов обывателюв осведъчивши, оферовалис с кождым з них сполне и поединком и с кимъ бы се естче за взятем ведомости дорога показала, так перед королем его милостю, яко инъ форо кондицией кождого з них компетенти, правъне чинити. А на тот час ставили тыежъ протестантес возных Ивана Городиского и

Яхима Присталовъского, на огледанье тых ексъцессовъ тедыжъ зараз од уряду приданых, которые тудежъ в замку перед урядомъ стоячи, явъне, ясне и доброволне ку записаню до книг в моц своее правдивое реляциеи зозна̂ли, ижъ они року теперешнего тисеча шестсот трыдцат четвертого, месяца мая двадцат четвертого дня, за приданемъ урядовым и за реквизициею брацства тутошнего Луцкого церкве Подвееенъя светого Крыжа, маючи при собе велю зацныхъ особъ шляхты, ходили до менованого манастира брацкого Луцъкого, где за указанемъ велебъного в Бозе отца игумена тамошнего, впрод у негожъ самого на плечахъ обудву разы киями битые, синые, кровею набеглые, на руце левой над локтемъ раз также битый и на шии с тылу раз шарпненый, у отца Силъвестра на раменю левое руки раз спат каменем заданый сыний, кровю набеглый, спухлый, отцу Фтоме руку правую киемъ над локътем стлучоно, а потомъ так у бакаляра пана Петра Босинского, яко и других школных и шпиталных людей, выжей в протестациеи менованых, вси тые разы и раны, которие сут ексъпрессе в протестациеи выражоные, а притом знаки кгвалту, то ест: форту з манастира поламано, дах на дылю поламаный и пошарпаный, двери в самоей церкви каменями потлучоные, шаблями посечоные, также колодку у дзвонници будучую в нивеч стлучоную, окна, шибы у церкве, школ, целли и шпиталя каменями повыбияные, скринку деревяную в нивеч зкгрухотаную, а другую желизную шпиталную з ланъцушка урваную; на остаток кровъ на цвенътару тужъ под церковю барзо значною и свежою видели, и то все, яко се поменило, справедливе огледали, о чом, ижъ се то стало през кгвалтовне настъе выжей в протестациеи менованых особъ, их милость панове брацство Луцкое, так особы духовные, яко и свецкие, ускаржалисе и ими возными обводили; до которое то протестациеи и возных обдукциеи поданя и до книг кгродских Луцких записаня их милость панове обывателе выш менованым особом злецивъши, на оную своимъ и всих иншых именем подписалисе. У тое протестациеи подпис рукъ тыми словы: Jerzy Puzyna, podkomorzy Włodzimirski. Ian z Zbaraża Woroniecky. Piotr Kniazski. Stanisław Tracewsky m. p. Siemion Hulewicz Woiutynski. Daniel Liniewski. Siemion Hulewicz Woiutynski, pisarz ziemsky Łuckiy. Michał Puzyna. Roman Hulewicz. Jerzy Bereznicky. Иванъ Городиский возный. Ко-

торая жъ то протестация выш менованых особъ, за принятемъ моим урядовым, до книг ест записана.

*Книга гродская Луцкая 1634 г., № 2466, л. 689 на об.**).

CCLXXIX.

Листы короля Владислава IV къ комиссарамъ, назначеннымъ для успокоенія несогласій между православными и униатами, съ приказаніемъ объѣхать города и, сообразуясь съ численнымъ отношеніемъ жителей православныхъ и униатовъ, распредѣлить между ними церкви. 1635 года, марта 14.

I.

Року тисеча шест сот тридцать пятого, месяца мая чотырнадцетого дня.

До уряду книг нинешних кгродских Луцких, в замок его королевское милости Луцкий, до мене Павла Друцкого Любецкого, подстаростего Луцкого, пришедши очевисто урожоный его милость пан Семенъ Гулевичъ Воютинский, писаръ земский Луцкий, для вписаня до книгъ нинешъних кгродских Луцких подалъ пер облятамъ листъ комисии его королевской милости, с печатю коронною менъшою и с подписомъ руки его королевское милости, до их милостей панов комисаровъ, имены в томъ листе меновите выражоныхъ, стороны релии старожитное греческое писаный, о чомъ тот листъ его королевской милости ширей в собе маетъ, жадаючи, абы принятъ и до книг уписанъ был. Которого я вряд для вписаня до книгъ принявши, перед собою читат казалом, и так се в собе писмом полским писаный маетъ. Władysław IV, et caet. Urodzonym Stanisławowi Zborowskiemu, staroscie naszemu Horodelskiemu, Lukaszowi Miaskowskiemu, podstolemu Podolskiemu, Ianowi Staniszewskiemu, kluczuikowi Luckiemu, Hryhoremu Czetwertynskiemu,

---

*) Примѣчаніе. Настоящій актъ былъ напечатанъ въ I т. Памятниковъ Кіевской Коммиссіи, но въ не совсѣмъ исправномъ видѣ и при томъ на польскомъ языкѣ, по переводу сдѣланному въ половинѣ XVIII в.

Andrzeiowi Zahorowskiemu y Wasilowi Rohozinskiemu, uprzeymie y wiernie nam miłym, laskę naszę krolewską. Urodzeni, uprzeymie y wiernie nam mili! Przychilaiąc się do ugody na szczęsliwey ellectiey naszey miedzy ludzmi w uniey y nie w uniey będącemi uczynioney, zlecamy to uprzeymosci y wiernosci waszey, ktorych wiare, calosć y rostropnosć zalecone mamy, aby porozumiawszy się miedzy sobą y na dzien pierwszy miesiąca juny roku tego ziechawszy się z sobą, miasta nasze obiechali y tam de statu relligionis, jaky pod czas ugody przez nas postanowiony był, wymiedziawszy się, a numerum cerkwi y ludzi w uniey y nie w uniey będących fideliter uważywszy, cerkwie miedzy unity y nieunity naznaczyli y skutecznie rozdali, absentia unius non obstante; a iesli by w czym wątpliwosć była jaka y zgodzić by się uprzeymosci y wiernosci wasze nie mogli, to rozsądkowi naszemu uprzeymosć y wiernosć wasza odniesiecie. Po ktorym naznaczeniu y oddaniu cerkwie y declaratiey naszey modo premisso reestr ten s podpisem rąk swych do xiąg ziemskich abo grodskich uprzeymosć y wiernosć wasza podacie. A cokolwiek uprzeymosć y wiernosć wasza zgodnie pomienionym stronom naznaczycie y oddacie, aby od nich statecznie trzymano było z oboch stron, mieć chcemy; uczynicie to uprzeymosć y wiernosć wasza z powinnosci y dla łaski naszey. Dan w Warszawie, na seymie walnym coronnym, dnia XIV miesiąca marca, MDCXXXV roku Panskiego, panowania naszego Polskiego y Szwedzkiego III roku. Comissia do Korony. У того листу его королевское милости печат коронная меншая и подпис руки его королевское милости тыми словы: Wladislaus rex. Который же то листъ его королевское милости комисие, за поданемъ и прозбою вышъ речоное особы а за принятемъ моимъ урядовым, увесъ слово до слова до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ.

II.

Року тисеча шест сот тридцат пятого, месяца мая чотырнадцетого дня.

До уряду и книг нинешних кгродских Луцких, в замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Павла Друцького Любецького,

подстаростего Луцького, пришедши очевисто урожоный его милость панъ Семенъ Гулевичъ Воютинский, писаръ земъский Луцъкий, для вписаня до книгъ кгродских Луцких подал пер облятам листъ комиссии его королевское милости, с печатю великого князства Литовского болшою и с подписомъ руки его королевскои милости, до их милостей панов комисаровъ, имены в том листе меновите выражоных, стороны релии старожитное греческое писаный, о чомъ тот листъ его королевское милости ширей в собе мает, жадаючы, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А так я врядъ, тот лист его королевской милости для вписаня до книгъ приймуючи, читалем и так се в собе писмомъ полским писаный маетъ: Władysław czwarty, et caet. Urodzonym Białozorowi, marszałkowi Upitskiemu, Rudominie, chorążemu Nowogrodzkiemu, Bychowcowi, podsędkowi Trockiemu, Bykowskiemu, Gołubowi Ogrodzinskiemu, podstarosciemu Pinskiemu, Żygmontowi Onichmowskiemu, uprzeymie y wiernie nam miłym, łaskę naszę krolewską. Urodzeni uprzeymie y wiernie nam mili! Przychilaiąc się do ugody na szczęsliwey electiey naszey miedzy ludzmi w uniey y nie w uniey będącemi uczynioney, zlecamy to uprzeymosci y wiernosci waszey, ktorych wiare, całosć y rostropnosć zalecony mamy, aby, porozumiawszy się miedzy sobą y na dzien osmnasty miesiąca juni roku tego ziachawszy się z sobą, miasta nasze obiachali, y tam de statu religionis, iaki pod czas ugody przez nas postanowiony był, wywiedziawszy się a numerum cerkwie y ludzy w uniey y nie w uniey będących fideliter uważywszy, cerkwi miedzy unity y nieunity naznaczyli y skutecznie rozdali, absentia unius non obstante. A ieżeliby w czym wątpliwosć była iaka, y zgodzić by się uprzeymosci y wiernosci wasze nie mogli, to rozsądkowi naszemu uprzeymosci y wiernosci wasze odniesiecie. Po ktorym naznaczeniu y oddaniu cerkwi y deklaratiey naszey modo premisso reiestr ten, s podpisem rąk swoich, do xiąg ziemskich, albo grodzkich uprzeymosci y wiernosci wasze podacie. W Witepsku iednak żadney cerkwie, poniewaź eo nomine dekreta nastąpili, nieunitom dawać uprzeymosci y wiernosci wasze nie będziecie; a cokolwiek uprzeymosci y wiernosci wasze zgodnie pomienionym stronam naznaczycie y oddacie, aby od nich statecznie trzymano było z obodwie stron mieć chcemy, uczynicie uprzeymoscy y wiernosci wasze z powinnosci swey dla

łaski naszey. Dan w Warszawie, na seymie walnym coronnym, miesiąca marca dnia XIV, MDCXXXV roku. Commissia do wielkiego xięstwa Litewskiego. У того листу его королевское милости печат великого князства Литовского болшая и подпис руки его королевское милости тыми словы: Vladislaus rex. Который же то листъ его королевской милости комиссии, за подане́мъ и прозбою выш менованое особы, а за принятем моимъ урядовым, увес слово до слова до книгъ кгродских Луцъких естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1635 года, № 2149, л. 456 и 459.

CCLXXX.

Грамота короля Владислава IV о распредѣленіи между православными и уніатами церквей, монастырей и церковныхъ имѣній въ епархіяхъ Луцкой, Премышльской, Могилевской, Кіевской и др., о положеніи православныхъ школъ въ Кіевѣ и Вильнѣ и вообще о правахъ и взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ и уніатовъ. 1635 года, марта 14.

Року тисеча шестсот тридцат пятого, месяца июня шестънадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Иоаномъ Выговскимъ, наместникомъ староства Луцкого, постановивъшисе очевисто урожоный его милость панъ Семен Гулевичъ Воютинский, писаръ земъский Луцъкий, для вписанъя до книгъ кгродских Луцких подалъ перъоблятамъ привилей его королевской милости, с печатми привесистыми двема, одною великого князства Литовского болшое, а другою коронною менъшое канцлярии, и с подписомъ руки его королевской милости, в справе на успокоене енералное релии кгрецкое даный, на паркгамине писаный, о чомъ тотъ привилей ширей в собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. Которого я врядъ для вписанъя до книгъ приймуючи, читалемъ, и такъ се в собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Władisław czwarty et caet. Wiadomo

czyniemy, komu to wiedzić należy, iż przychiliaiąc się do ugody, ktory na sczęsliwey electii naszey między ludzmi w uniey y nie w uniey będącemi relligiey graeckiey uczynilismy, y iakos my im constitucią seimu teraznieyszego obiecali, lubo mimo tó postanowienie nasze, przy władictwie Łuckim xiądz Poczapowskii ad vitae tempora zostawa, po zesciu iednak z tego swiata iego, władictwo to oycu Puzynie nieunitowi, władice przez obywatele woiewodztwa Wołyńskiego na nie obranemu, przez nas conferowane będzie; a ieżeliby prędzey z tego swiata oyciec Puzyna, niż teraznieyszy władika Łuckii, zszedł, tedy temu należeć będzie, ktorego iuż obywatele woiewodstwa Wołynskiego nieunici nam electem proponuią. Archimandria viceversa Żidiczinska, za collacią nieutowi władictwa Łuckiego, zarazem unitowi z dobrami wszystkiemi, z dawna do niey należącemi, y cerkwią swiętey Troice w Łucku, także z dworkiem, do archimandriey należącey, będzie conferowana. Wsi Ternki, Siedmiarki y Teremne, ktorych oyciec Puzyna w dożywotnym używaniu zostawać ma, za nastąpieniem iego na władictwo Łuckie, y wioski te pomienione zostawać będą przy władictwie Łuckim, tak za possesiey samego, iakó y następcow iego nieunitow. Po sesciu także xiędza Athanazego Krupieckiego, władiki Przemyskiego, władictwo to y z dobrami temu, ktorego na to obywatele Przemyscy nieunici obiarą y nam proponuią, conferuiemy; a na residentią władyki Przemyskiego nieunita manastiri swiętego Spasa, Onofreia y Smolnica nazwaney de praesenti, z dobrami wszystkiemi do tych manastirow należącemi, naznaczamy y conferuiemy. A kiedy modo praemisso nieunit po zesciu xiędza Krupieckiego do władictwa Przemyskiego possesiey przydzie, tedy cerkwie s. Spasa y ś. Nikoły na przedmiesciu Przemyskim leżące y ze wsią Szehinie nazwaną, do dobr władickich należącą, unitowi, ktory by curam animarum w uniey będących miał, cum titulo władyctwa uniackiego de facto oddane będą y in possesione iego y successorow iego zostaną. Grodnienskii manastir z dobrami do niego należącemi unitom należeć będzie, a w nagrodę tego aby nieunitom monastiru Widubickiego pod Kiiowem z dobrami y przewozem unici ustąpili. Monastir także s. Spasa w Mohilowie y z przewozem w possesiey unitow zostaie, a cerkiew s. Krzyża w Mohilowie y wsi Pieczarsk, Czwirkow, Borsuki y Tarasowicze na residentią władice Msci-

sławskiemu nieunitowi, y cerkiew Biała nazwana w Minsku nieunitom należeć maią. Więc że ociec Piotr Mohiła, od nieunitow metropolitą obrany, archimandrią Pieczarską, monastir Mikolsky z cerkwią s. Zophii trzyma, tedy non obstante in compatibilitate przy tym do żywota swego zostawać ma, a post decessum iego beneficia te, według zgody na electii naszey uczynioney, rozdane będą. W szkołach też Kiiowskich y Wilenskich nieunitom po graecku y po łacinie uczyć pozwałamy, tak iednak, żeby humaniora tilko non ultra dialecticam et logicam uczyli. A cokolwiek cerkwi przez commisarsow naszich, na to naznaczonych, unitom y nieunitom oddano będzie, przy tych obiedwie stronie zostawać maią. Processy też wszistkie, tak względem monastira Mikolskiego y s. Sophiey, iako y w inszich sprawach zaczęte, znosimy exceptis damnis et personalibus in iuris, ktore iesliby się pokazali, kożdemu wolno dochodzić zostaie, waruiąc to za nas y najasnieiszych potomkow naszych, iż według punctow tych niniejszego tego przywileiu naszego, tak unici, iako i nieunici, zachowani będą. Na co się ręką naszą podpisuiemy y pieczęci przycisnąć roskazalismy. Dan w Warszawie, na seymie walnym coronnym, dnia XIV miesiąca marca, roku Panskiego MDCXXXV, panowania krolewstw naszych Polskiego y Szwedzkiego III roku. У того привилею его королевской милости печатей на шнурах привесистых две, а подпис руки его королевской милости тыми словы: Vladislaus rex. Который же то привилей его королевской милости, за поданемъ и прозбою вышъ мενованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь с початку ажъ до конца до книгъ кгродских Луцкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1635 года, № 2149, л. 588.

CCLXXXI.

Жалоба игумена Луцкаго братскаго монастыря Неофита на п. Дмитрія Урсула-Рудецкаго о нарушеніи имъ фундушевой записи, данной отцемъ его Адамомъ Урсуломъ-Рудецкимъ въ пользу православнаго монастыря въ с. Чорной, и о разнаго рода притѣсненіяхъ, чинимыхъ имъ игумену и братьи означеннаго манастыря. 1635 года, сентября 4.

Року тисеча шестсот тридцат пятого, месеца сенътебра четвертого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Иоаномъ Выговским, наместником подстароства Луцкого, ставши обличне велебный в пану Богу отецъ Неофитъ, игуменъ манастыра брацства Луцкого Поднесеня светого и животворясчого Креста, именем в Бозе велебного отца Силвестра, игумена манастыра Чорненъского заложеня Салватора, и всее брати законниковъ тогож манастыра рекгулы светого Василя Великого и зверхного пастыра яснепревелебнейшого в Пану Богу его милости отца Петра Могилы, з Божое ласки ексархи метрополиты Киевъского, Галицкого и всее Росии, архимандриты Печерского Киевского, соленитер сведчил и протестовалсе противко урожоному пану Дмитрови Рудецкому, сынови и потомкови годное памети урожоного его милости пана Адама Урсула на Рудце Рудецкого, о то, ижъ помененый панъ Димитер Рудецкий, спротивляючисе записови отца своего на вечистую фунъдацию такъ манастыра Чорненъского и законъников в нем мешкаючих, яко теж и на резекгнацию того селца Чорное з поддаными, борами, лесами, фолваркомъ, кгрунътами и всими пожитками и приналежностями томуж манастырови служачую даному и потом тестаменътом остатнее воли през тогож зошлого его милост пана Адама Урсула Рудецкого, отца его, стверженому, за которими то правы своими, такъ ясными и слушными, помененые законъники в спокойной тыхъ добр селца Чорное и всихъ ее пожитковъ посесии за живота фунъдатора своего зоставали; нижли менованый панъ Дмитръ Рудецкий, ничого не респектуючи на права протестуючих и записы отца своего, але умысне чинечи ку великой кривде и шкоде их самых и церкви Божое, не контенътуючис першими кривдами и выра-

жанъемъ шкод и деспектовъ, о што протестации през зошлого велебного отца Павла Лютковича, игумена бывшого Чорненъского, до актъ кгродских Луцъкихъ, и процесса до нихъ зашли, але над то тот же панъ Дмитръ Рудецкий, пропомневши права посполитого и ничого се на вины в нем описаные не обавляючи, чим далей, тым болшей кривдъ шкодъ и деспектовъ протестуючим причиняючи и хотечи убогих законъников таковыми своими опресиями с фундации вытиснути, вирод сам въ немалой купе челяди в року близко прошлом, скоро по смерти менованого отца Павла Людковича, игумена бывшого Чорненъского, до манастыра помененого в Чорное приехавши, не належачи до жадное намнейшое речи, ревизию якуюс неслушне и неналежне чинилъ, церковъ, друкарню, власным коштом небожчика отца Павла и менованого отца Силвестра, игумена теперешнего Чорненъского, выставъленую, которую тамъ до Чорное, за ужитемъ небожчика фунъдатора их з манастыра брацтва Луцкого впровадили и на которую небожчикъ его милостъ панъ Рудецкий з потомками своими мел наклад чинити, абы праца з нее ку хвале Божой росла, такъ тую друкарню, яко церковъ и комори кгвалтом одмыкати примусил, тамъ же речи, быдло, з власного стараня и господарства отцовъ законниковъ способленое, списывал, владзу и зверхностъ якуюс собе над тым манастырем, Богу дедикованым, законниками при нем мешкаючими хотечи роспостирати и тым самым способом и опрессиями убогихъ законъниковъ з манастыра выстрашити, вытиснути, а на себе оный и тое селце з атинерциями его неслушне привласчити. Яко жъ потомъ, конътинуючи таковые кривды, шкоды и опрессии, з руки и раменя своего подданого з Рудки, маетности своее, найме Степанчука, давши ему на все, иле што бы се ему подобало, прикростей, шкод деспектовъ протестуючимъ выражати зуполную лиценцию, тамъ до манастыра Чорненъского на месце свое прислалъ и урядницство якоес и завядыванъе господарства над убогими законниками, также поддаными и власным их добытком и працею поручил; который з таковогo пана своего позволеня деспекта розные, церковъ Божую и протестуючих заходячие, выражает, пусчу манастырскую и дерево з нее на будинъки згожое потаемне на розные месца давал и роспродавалъ, шкоду в книжкахъ и иншихъ речахъ, непристойным способом оные собе привласчаючи, чинил; а над то опившисе и пришедши до манастыра,

одного з законъниковъ, отца Гедиона, который подчасъ неспособности в здоровъю старшого своего, менованого отца игумена, на месцу его зостает, тот хлопъ Степанъчукъ впрод словами непристойными зелжил, зсоромотил в самом манастырцу, а потом на здоровъе его смел и важилсе з киемъ торгнути, и бы тотъ свешченикъ до целли не впалъ, певне бы его о шванъкъ здоровя иприправилъ. Якож и тепер тотже Степанъчукъ и панъ Рудецкий, за инъстинъкциею того подданого своего и самъ, з якоес инъвидии и ранъкору, одповеди на здорове тогож законъника чинят, што се часу права ясне явне докуменътами и листами его покажет. Тот же его милост пан Димитр Рудецкий в року теперешнем тисеча шестсот тридцатъ пятом, юж по смерти в Бозе змерлого отца Павла, бывшого игумена Чорненъского, дерева сосновогo, надвое резаного, широкого и по чотыри сажни вдолжъ, коп чотыри з пусчи власное отцовъ законниковъ Чорненъскихъ, власным коштом и працою протестуючих на побудованъе целлии выпусчоного, побрати кгвалтовне и пограбити казал, якож забраное и заграбленое на пожитокъ свой обернулъ; которого дерева пограбленого такса в позвах часу права обяснена будет. Тот же менованый его милостъ панъ Рудецкий кгвалтовне, неслушне и умыслне, ку тым болшой кривде, шкоде и зневазе церкви Божое, свежо в року том же теперешнем, в месецу августе, роструханъ великий злоцистый, в которомъ было гривенъ три сребра предне доброго, през того ж годное памети пана отца его до церкви менованое на келих ку хвале Божой тестаменътом лекгованый и в секвестре в церкви будучий, при ревизии той своей непотребной, неналежной и неслушной з церкви взял и на свой пожитокъ обернул и оборочаетъ, который собе шацуют на золотыхъ сто полскихъ; а потом тепер свежо и в том же теперешнем року и в месецу августе его милост панъ Рудецкий през того ж Степанъчука, которого для утяжепя тамъ зоставилъ, также кгвалтовне и безправне сыра коп две и масла фасокъ чотыри власного быдла протестуючих манастырского, с которих собе кождую копу сыра по золотых десяти шацуют, а фаску масла доброго и добре наложоного по золотых семи полских, грибов сухихъ девет сотъ, кождое сто по золотому рахуючи, якобы теж од яких подданыхъ албо дворниковъ своихъ, то все кгвалтовне побрал, пограбилъ и на свой пожитокъ обернул. О што се все менованый его милостъ

отецъ игуменъ брацства Луцкого, именемъ помененого отца игумена и всее брати манастыра Чорненъского, противко менованому пану Дмитрови Рудецкому и повторе сведчит и протестует, обецуючи, иж менованые братя законъники з паномъ Рудецкимъ о то все и о кождую зособна речъ и о кривду свою правне чинити не занехают, зоставуючи однакъ волное чиненъе брати менованого манастыра самым ширшое протестации и поправу тое теперешнее, тамъ инъ тото, квамъ инъ парте. А на тот час о приданъе возного ку потребе своей и обводу таковых кривдъ и деспектовъ своихъ им од его милости пана Рудецкого и на то зосланых там до манастыра особъ просили, на которих афектацию я уряд возного, которого собе способят, придавши и тую протестацию принявши, до книг записати казал и ест записана.

Книга гродская Луцкая 1635 года, № 2468, л. 323.

CCLXXXII.

Жалоба Владимірскихъ мѣщанъ о нападеніи Владимірскаго уніатскаго епископа Іосифа Мокосія-Баковецкаго на ихъ обозы съ товарами, отправленными въ г. Торунь, и нанесеніи жестокихъ побоевъ и тяжкихъ ранъ ихъ челядинцамъ. Свидѣтельствованіе вознымъ одного изъ раненныхъ. 1635 г., октября 31.

Року тисеча шестсотъ тридцат пятого, месеца октобра тридцат первого дня.

До уряду и актъ нинешних кгродских старостинских Луцъких, до мене Алексъсандра Малиновъского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, пришедши и обличне постановивъшысе славетный Сиревичъ, купецъ и мешъчанинъ Володимерский, именемъ своимъ и иныхъ нижей имены выражоныхъ приятелъ сусед своих и челядий противъко велебному его милости отцу Есифови Мокосиеви Баковецъкому, владицe Володимерскому и Брестскому, з великимъ жалемъ а праве плачливе сведчилъ и протестовалъ се о то, ижъ его милостъ отец епископъ Володимерский, сам будучи при одправованю комисыи въ Володимери

през их милост панов комисаровъ, депутованых на тое из раменя его королевское милости, пана нашого милостивого, щасливе нам пануючого, Владислава четвертого, и их милости пановъ рад всих, так коронных, яко и великого князства Литовъского, згодними голосы обраных и зосланых, урожоных их милости пана Станислава Зборовъского, старосты Городелъского, кнежати его милости Грегорого Четвертенъского, его милости пана Яна Станишевъского, ключъника Луцъкого, и его милости пана Анъдрея Загоровъского, войта дедичного Луцкого, которая комисия од дня девятънадцатого месяца октобра року теперешнего тисеча шестъсотъ тридцатъ пятого аж до дня двадцат четвертого октобра их милости панове комисаре згодными голосы своими, досыт чинечи воли его королевское милости, покой межи Русею унитами а неунитами учынили и церквями оных подилили, а поделивъши, заклад для покою з обох сторонъ десет тисечей золотых полъских заложивъши, з Володимера до домовъ своихъ порозъизджалисе; чим унитове и неунитове упевъненые будучи, кождый в свою дорогу з мешчан поехалъ, меновите: Федоръ Сычевичъ пятю возовъ, Гавърило Пилъкович пятю возовъ, Лесь Святогоровичъ чтирма возовъ, Яхимъ Туча трима возы, одни сами господаре, а другие челяд свою с товарами розными жидовъскими, понаймовавъшисе оным до Торуня, пустили. Там же премомневъши отецъ епископъ Володимерский закладу, през их милости пановъ комисаровъ, при бытности его милости самого и капитулы его милости, заложоного, а выжий выраженого, тудежъ права посполитого и вин в нем описаных, дня двадцатъ пятого месеца октобра, року нинешнего тисеча шест сотъ тридцат пятого, з слугами и помочниками своими, его милости имены и прозвисъка добре знаемыми и ведомыми, оных людей спокойных, правомъ посполитымъ объварованых, его милости самому и никому ничого невинъных, догонивъшы, алъбо надехавшы в Кладневе на перевози на реце Бугу, кгды се южъ были на другую сторону ку Дубной перевезъли, челяди своей к оным скочити, пытати, одколъ бы были, казалъ. Которыи скоро толко поведили, же з Володимера, зараз оных бити, мордовати казалъ, с которыхъ одны, збитые барзе, заледво в лозину поутекали, а другие, не могучи утекати, на пляцу и за умерлыхъ одошлые были, меновите: Костюкови, слузе Сычовому, три палъци подле великого палъца у правое руки з верху

надтяли, которими не ведати если будетъ владати, и в букъ правый под руку правую рану тятую задали; Левкови, слузе Святогоровичовому, ранъ две в тыл головы тятых шкодливых задали и самого всего киями, обухами по руках, по ногах, по хрибъте побили и разовъ ему немало позадавали, который южъ и мову стратилъ и одъ окрутъного збитя замовъкнолъ и на ноги не ходит, бо ему барзо попухли; Сергия, челядника Святогоровичового, такъ же збили, змордовали и разовъ ему немало синихъ, а зособна у голову три раны киювых задали; Грица Тучича киими збили, змордовали такъ, же аж сами слуги его милости отца владыки Володимерского ужаливъшысе, абы его до остатъка здоровъя збавити не росказалъ, з оного месца знявъшы, за умерлого в лозу занесли и скрыли; Мартина, челядника Якима Тучи, такъ же киями били, мордовали и рану тятую нижей лопатокъ подле крижа шкодливую задали, другого его ж челядника Тучиного Ювъхима такъже киями, по два разы надворочаючисе, били, мордовали; а надто и жадному з них не фолъкговали, але кождому разовъ немало киевых обуховых позадавали, которых таковых разовъ и поличити трудно. Которым таковым своим поступъком его милост отец владыка Владимерский право посполитое зневажил, а затым такъ в заклад помененый десяти тисечей золотых полъских кожъдому з них, в вины правные и в навезку ранъ попалъ и оных до шкод немалых, которые на термине спецификованые од кождого з них зособъна будут, приправилъ; о што все водлугъ наукъ права посполитого инъ форо фори оферовалисе з его милостю отъцем владикою Володимерским и до кого-бы се дорога отворила инъ форо фори правне чинити, на тот час вкротце таковую протестацию описавъшы, а зоставивъшы собе волную оное мелиорацию и ширшое написане. А то фактумъ на доброволъной дорозе в невинъности и несподиване сталое объясняючи и юстификуючи, протестансъ тудежъ одного с посеченых и покалечоных на уряд привезеного, на йме Костюка Грицка, барзо раненого и побитого ставили, у которого впрод я буркграбя самъ из возным, тудежъ при мне на уряде в замъку будучим и од мене на тое приданымъ, шляхетнымъ Яном Пухалским, в одвиненю руки правое, при опатриваню оного презъ целюрика туточънего Бартоша, видилемъ три палъци середные у правое руки подтятые, пригафтованые и на боку правомъ рану тятую и всего збитого, кото-

рий меновал тое збите и зраненъе, немилосердное окаличене, на дорозе за перевозомъ Бужънемъ в месцу и способомъ вышъописаным з росказаня его милости отца Баковецъкого, владыки Володимерского, од слуг и челяди его милости; што и возный зособъна тотъ, зо двема шляхтичами, Яном Крупъским и Павломъ Стожецъкимъ, огледавъшы тые разы, битя и надтятя трох палъцовъ, на которую руку уломным быти мусит, доброволне принявъ; а ижъ другие, ещче шкодливий побитые и пораненые смертелъне, для одълеглости уряду туточнего, въ вакованю уряду ближшого и належного кгродского Володимерского, тутъ до уряду презепътованые быти не могли, теды на афектацию сведчачого, с повинъности своее, до огледаня ранъ и збитъя, венцъ и проклямацию, еслибы который умеръ, возъного повету тамошнего, шляхетного Миколая Закревского, любо которого собе будут могли на тое приспособити, придавъшы и тую протестацию з реляциею своею и туточънего возъного принявшы, до книг вписати росказалем, што принято и ест записано.

Книга гродская Луцкая 1635 года, № 2468, л. 580.

CCLXXXIII.

Жалоба п. Дмитрія Урсула-Рудецкаго на игумена и монаховъ Луцкаго братскаго монастыря, а равно и на мѣщанъ, членовъ православнаго братства Луцкаго, о похищеніи типографіи изъ монастыря въ с. Чорной, имѣніи жалобщика. 1635 года, ноября 16.

Року тисеча шестсот тридцат пятого, месеца ноября шестнадцатого дня.

Писал и присылал на вряд кгродский, в замок его королевское милости Луцкий, до мене Иоана Выговского, наместника подстароства Луцкого, урожоный его милостъ панъ Дмитръ Уръсулъ Рудецкий слугу свого шляхетного пана Станислава Якобовъского, сведчачы и протестуючысе противъко велебному отцу Неофитови, игуменови братства Луцкого, и всимъ черницомъ и братству манастыра заложеня церкви Поднесеня Крижа светого в месте Луцъку будучого, о то, ижъ помененый

игуменъ з черцами и иншимъ братствомъ своимъ, то естъ месчаны Луцкими, ему самому имены и прозвиски ведомыми, ничого не респектуючи на право посполитое и вины в немъ описаные, възрушаючи и кгвалтячи покой посполитый суседский, року теперешънего тисеча шестсот тридцат пятого, месеца октобра третего дня, не маючи жадного права а ни слушности до маетности дедичъное пана протестуючого, манастыра въ селе Чорное будучого, где дня вышепомененого до манастыра менованого съ купою немалою приехавъши, въ неведомости пана протестуючого, речы въ том манастыре будучые, а меновите: книги зо всею друкарнею кгвалътовъне и безправъне и при нихъ речей немало, которые позвами спецификованые будут, побрал, и то все побравъши и до манастыра братства Луцъкого одпровадивъши, и на свой пожытокъ обернулъ, чымъ право посполитое зневажили и въ вины въ немъ заложоные попали, покой посполитый суседский взрушыли. Зоставивъшы еднакъ собе панъ протестуючого его милостъ панъ Рудецкий поправу тое протестации и поданъе оное шыршое, на тот час помененый слуга просил, абы тая протестация его милости пана Рудецъкого, пана его, до книгъ принятая и записаная была, што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1635 года, № 2468, л. 664.

CCLXXXIV.

Постановленiе правительственной коммиссiи о предоставленiи православнымъ жителямъ г. Люблина братской церкви Преображенiя Господня и объ уравненiи правъ тамошнихъ православныхъ мѣщанъ съ правами мѣщанъ унiатовъ. 1635 года, декабря 15.

Року тысеча шестсот чотыридесятого, месяца сенътебра осмнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ в замъку его королевское милости Луцъком, передо мною Гавриломъ Корытынскимъ, буркграбим и намесътником староства Луцъкого, постановившисе очевисто шляхетъный панъ

Стефан Стрелъницкий, для вписаня до книгъ нинешъних кгродскихъ Луцъкихъ подалъ пероблятам декретъ комисаръский поданя церкве брацъкое Любелъское неунитомъ релии кгрецъкое, с печатми чтерма и с подписами рукъ ихъ милости пановъ комисаровъ, нижей в той коммисыи на подъписехъ выражоных, который тот декретъ комисаръский для вписаня до книг приймуючи, чыталом, и такъ се в собе писаный маетъ: Actum Lublini, feria secunda post festum sanctae Luciae virginis proxima, anno millesimo sexcentesimo trigesimo quinto. My commisarze jego krolewskiey mosci, pana naszego miłosciwego, do Lublina miasta jego krolewskiey mosci ziechawszy y gmin ludzi wszytek religiey Greckiey zebrać do siebie kazawszy, naprzod de statu religionis, potym o liczbie dusz pilnosmy inquisitią czynili, gdzie unam eandemque vocem omnium zastawszy, że wszyscy przy starey wierze uti asserunt swojej to iest disuniey, nemine excepto, zostawaią y aby przy niey in posterum zachowano było proszą, do czego nam regestr dusz fideliter sub conscientia spisany, a potym y przez nas viritem przesłuchany podali; przeto onych przy tym że wyznaniu autoritate nostra commisarialiqua fungimur ex brachio jego krolewskiey mosci pana naszego milosciwego zostawuiemy y dekretem naszym approbuiem. A iż tylko iedne cerkiew Przemienienia Panskiego bracką, przy ktorey są czerncy reguły swiętego Bazilego, ktorą sobie confraternitas panow disunitow, nie tylko mieszczan, obywatelow Lubelskich, ale też y postronnych ludzi znacznych z pobożney ich sczodrobliwosci wystawiła y nadała, tu my w Lublinie nalezli, przeto eundem ritum, jakich my przy niey zastali, przy prawach y nadaniach ichże cale zachowuiem, paraphią iednak do niey należącą pod jurisdictią władyki Łuckiego, w uniey nie będącego, przysądzamy y oddaiemy. Więc y to że nam mieszczanie tuteszni dizunici przełożyli, jako by od cechow wzgardę jakąs y uposledzenie ponosić mieli, przeto my przy dawnych zwyczaiach onych zachowuiąc, aby w cechach y na wrzędach zarowno z drugiemi mieysce mieli, decretem naszym nakazuiemy wszystkim, aby praepeditiey na potomne czasy ni od kogo nie mieli, vadium w constitucyey specificowane na takowego publicae pacis et concordiae violatorem zakładamy. У того декрету комисарского печатей чотыри а подписы рукъ ихъ милости пановъ комисаровъ тыми словы: Stanisław

Gabriel z Rytwian Zborowsky, Horodelsky starosta. Hrehory Czetwertensky. Ian Staniszewsky, klucznik Łucky, sekretarz jego krolewskiey mosci. Andrzey Zahorowsky, comisarz jego krolewskiey mosci. Который же то декретъ комисарский, за поданъемъ и прозбою вышъ менованого пана Стрелъницкого, а за принятъем моимъ урядовымъ увесь, с почátку ажъ до конца, до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцъкихъ есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1640 года, № 2107, л. 832.

CCLXXXV.

Три королевскихъ листа по дѣлу между Исаiей Копинскимъ и митрополитомъ Петромъ Могилой: 1, листъ Владислава IV къ князю Еремiи Корыбуту Вишневецкому по жалобѣ Копинскаго объ отнятiи основанныхъ имъ на Заднѣпрьи монастырей и передачѣ ихъ въ вѣдѣнiе Кiевскаго митрополита. Король высказываетъ желанiе, чтобы монастыри эти были возвращены Копинскому и чтобы все православное населенiе Заднѣпрья отдавало ему должное послушанiе, какъ законному архiепископу Заднѣпрскому Сѣверскому. 2, листъ къ митрополиту Петру Могилѣ по жалобѣ Копинскаго о наѣздѣ на Златоверхiй Михайловскiй монастырь въ Кiевѣ, отнятiи церковнаго сребра, утвари, документовъ и пр. и угрозахъ противъ его жизни. Король требуетъ, чтобы митрополитъ примирился съ Копинскимъ и возвратилъ отнятое у него добро. 3, Заручный королевскiй листъ между Копинскимъ и Могилой съ наложенiемъ заклада въ 60000 копъ литовскихъ на того изъ нихъ, кто первый позволитъ себѣ какiя либо непрiязненныя дѣйствiя по отношенiю къ противнику. 1635 года, декабря 22.

I.

Року тисеча шестсот тридцат шостого, месеца февраля четвертого дня.

На роках судовых земских Володимерскихъ, во три недели по Трехъ королях, рымъскомъ святе, в року звышънаписаномъ припалых и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Яном Заленъским судею, а Петромъ Загоровъскимъ подъсудкомъ, урядниками судовыми земскими Володимерскими, постановившисе очевисто велебный в Бозе отецъ Михаилъ Грегорович, именем велебного отца Исаеи Копинского, пер обля-

там подал лист его королевской милости, пана нашого милостивого, с печатю меншое канцелярии и с подписом руки власное его королевское милости, до освецоного кнежати его милости Еремияша Корыбута Вишневецкого в справе помененого отца Копинского писаный, о чомъ тот лист нижей списаный ширей в собе мает; который перед нами половивши, просилъ, абы принят и до книгъ уписанъ был. А такъ мы судъ тот лист для вписаня до книгъ приймуючи, перед собою читати казалисмо, и такъ се в собе писмом полским писаный мает: Władysław IV, z łaski Boży krol Polski, et caet. Urodzony wiernie nam miły! Przełożył nam wielebny Jzaiasz Kopinsky, archiiepiskop, yhumen swiętego Michała Złotowerchego Kiiowskiego, iakobys mu wiernosć twoja monastery pewne, pracą y kosztem iego niemałym w maiętnosciach wiernosci twoiey Zadnieprskich będące, za pozwoleniem niegdy urodzoney matki wiernosci twoiey, przezeń fundowane y ugruntowane y iemu w dożywotnią od teyże urodzoney matki wiernosci twoiey dispositią podane (w ktorych on monasterow spokoiney possesij przez czas niemały był), odebrać y one w dispositią y zawiadywanie wielebnemu oycu Piotrowi Mohile, metropolicie Kiiowskiemu, nie w uniey będącemu, wiernosć twoia dać miałes. Ktore to monastery ponieważ on sam, za consensem urodzoney niegdy matki wiernosci twoiey, niemałym kosztem ufundował y względem ich prac y kosztow swoich przy nich zostawać miał, słuszna, aby się on że z tego cieszył. Żądamy przeto wiernosci twoiey, abyś wiernosć twoja na prace y kłopoty iego tam podiętę, więcy na sędziwosć lat respektuiąc, onemu te monastery ze wszystkim przywrocil, życząc sobie tego, aby on na tych tam mieiscach, gdzie począł, Pana Boga za wiernosć twoią y za rodzice wiernosci twoiey do smierci swey prosić nie ustawał. Więc żeby też wiernosć twoia zakonnikom y popom, swieckim y inszym ludziom, nie w uniey będącym, po maietnosciach wiernosci twoiey Zadnieprskich nayduiącymsię, onemu, iako archiepiskopowi Zadnieprskiemu Siewierskiemu, od nas podanemu, we wszem posłusznemi być kazał y o to żądamy wiernosci twoiey, ktoremu na ten czas dobrego od Pana Boga życzymy zdrowia. Dan w Warszawie, dnia XXII miesiąca grudnia, roku Panskiego MDCXXXV, panowania naszego Polskiego III, a Szwedskiego IIII roku.

II.

Władysław IV, z łaski Bożey krol Polskij, et caet. Wielebny w Bodze wiernie nam miły! Uskarzano się przed nami jmieniem wielebnego oyca Izaiasza Kopinskiego, archiepiskopa, jhumina swiętego Michała Złotowerchego Kiiowskiego, iakobyś wiernosć twoia pierwiey snać onego przed nami zaocznie udawszy, bez sądu, bez prawa, nad wszelaką słusznosć, nad kanony oycow swiętych, od wszystkiego dostoienstwa odządziwszy, krzywdy mu, contempty wielkie czynić miał; iakoż naiachawszy y nasławszy rozne osoby na monaster ten że swiętego Michała, iemu od nas dożywotnie dany, srebra y apparaty cerkiewne, także iego samego y zeszłego oyca Boreckiego apparaty, więc prawa y przywileie monastyrskie, także y list nasz, iemu od nas na ten monaster dożywotnie dany, przez moc odebrać kazać miał y na zdrowie samego, braci y kapituły iego przez siebie y insze na to naprawne osoby następować miał, tak dalece, że zdrowia swego do tych czas z bracią y capitułą swą bezpieczen być nie może. Co iesliby tak było, urażac by to nas musiało nie pomału. Słysząc iuż po kilkakroć, że się snać tak wiernosć twoia z roznemi przełożonemi duchownemi religiey greckiey obchodźisz, napominamy przeto wiernosci twoiey y po niey to chcemy mieć, aby wiernosć twoia takowych krzywd czynienia poprzestawszy, z wielebnym oycem Kopinskim we wszystkim się pomiarkował, rzeczy mu cerkiewne, apparaty y przywileie wszystkie pooddawać y szkody podięte nagrodzić rozkazał, nie życząc sobie tego, aby ta sprawa przed sądem naszym przypasć kiedy miała, w ktorey podług surowosci prawa musielibysmy postąpic. O to wiernosć twoia dla łaski naszey y powinnosci swey inaczey nie uczynisz; ktoremu na ten czas dobrego od Pana Boga zdrowia życzymy. Dan w Warszawie, dnia XXII miesiąca grudnia, roku panskiego MDCXXXV, panowania naszego Polskiego III, a Szwedzkiego IIII roku.

III.

Władysław IV et caet. Wielmożnemu Januszowi z Łohoiska Tyszkiewiczowi, woiewodzie Kiiowskiemu, staroscie naszemu Żytomirskiemu, uprzeymie nam miłemu, a w niebytnosci podstarosciemu, albo

urzędowi iego grodzkiemu Kiiowskiemu, łaskę naszą krolewską. Wielmożny uprzeymie nam miły! Przełożono nam od wielebnego oyca Jzaiasza Kopinskiego, archiiepiskopa y jhumena swiętego Michała Złotowerchego Kiiowskiego, iż mu wielebny w Bodze ociec Piotr Mohiła, metropolita Kiiowskij, nie w uniey będący, tak sam przez się, iako przez zakoniki swe y rożne osoby, na to subordinowane, na zdrowie iego samego, zakonikow y capituły iego następnie, na grunty y na monaster iego dożywotny swiętego Michała Złotowerchego nasyła; iakoż snać y z monastyra tego srebra y apparaty wszystkie cerkiewne iego y oyca Boreckiego, zeszłego metropolity, snać nienależnie pobrał, dla czego zdrowia swego z bracią capitułą y czeladzą swą bezpieczen być nie może. Co my pokoiowi pospolitemu y prawom koronnym za rzecz przeciwną być widząc y klasztory z kosciołami y cerkwiamy w opiece naszij maiąc, nie chcąc, aby strony pomienione, ile duchowne osoby, gwałtem albo potęgą y naiazdami przez osoby na to iakie naprawne, lecz prawnie z sobą pretensie, iesli ktore między niemi zachodzą, rospiralisię, zakład nasz szesćdziesiąt tysięcy kop litewskich miedzy stronami temiż założyć umyslilismy, iakoż tym listem naszym zakładamy. Ktory zakład strona przestępuiąca y temu się zakładowi naszemu sprzeciwiaiąca połowę do skarbu naszego, a drugą stronie temu zakładowi dosyc czyniącey tylekroc, yłeby go razy przestąpiła, bez odpuszczenia zapłacić będzie powinna. Ktory to monaster swiętego Michała Złotowerchego y onego samego pod opiekę y obronę naszą bierzemy. Ażeby strony obiedwie niewiadomosci iakiey o tym liscie zaręcznym miedzy sobą nie wnosili, chcemy, aby ten że list zakładu naszego do xiąg grodzkich uprzeymoscią warzą ktorych kolwiek wpisany, przez woznego obwołany y do wiadomosci strony tamtey doniesiony był, dla łaski naszey. Dan w Warszawie, gnia XXII miesiąca grudnia, roku panskiego MDCXXXV, panowania naszego Polskiego III, a Szwedzkiego IIII roku. У того листу заручного его королевское милости печатъ меншое канцелярии притисненая, а подпис руки его королевское милости тыми словы: Vladislaus rex.

Книга земск. Владимірск. 1636 года, № 1206, л. 163—164 об.

CCLXXXVI.

Апокрифическое сказаніе о нарожденіи въ 1634 году въ Вавилонской странѣ антихриста. Около 1635—1636 годовъ.

История албо новина о Анътихристѣ.

Мнѣ велможные княжати и вшитки панове и вшелякий християнский человѣче! Абыс вѣдалъ, з моря, з высны и з украины Малти званой, ктому пайпереднѣйшій мистр и справца кролевства и панства Іерусалимского, ознаймуемо тымъ писанямъ нашимъ кождому християнскому чловекови, великому и малому, тую новину, которая ся стала року Божого 1634 у Вавилонской краинѣ. Так се ознаймуемъ, иж есмо от наших пословъ слышали, которых есмо были до Вавилону мѣста послали на довѣдованя, иж слышали тамъ едину дивную и барзо чудную новину о едной барзо красной и спанѣлой женѣ жидовцѣ, которую звано Кармута, которая мешкала у едной малой веси, так названой Ока. Теды тая жена породила барзо дивное и чудное дитя пахолятко, котрое то дитя болшей было чорное, нижли белое; а ежели бы ся от отца мело почати, теды о томъ жадный человекъ не можетъ знати и повѣсти. Але в того дитяте есть такая твар и постава: напрод маетъ короткую шию, колчистую голову, и долгие уха и долгие уста, а зубы маетъ острые барзо; чоло теж маетъ зморщеное барзо и твар, а нус маетъ долгий и кривый, як орловый. А тое дитя як ся народило, теды осмого дня почало ходити и чуда чинити и барзо розумно мовило, а то так, повѣдали, же ся на его розумъ великий людъ барзо ся чудовалъ. О тыхъ вшисткихъ справахъ повѣдали намъ нашѣ послове, котрых есмо были до Вавилону мѣста послали на розвѣдки, и видѣли тое власное дитя, як з людми жартовало и чуда чинило великии. А то так, скоро ся народило, теды, при его нароженю, ставались зараз дива и зраки барзо великие; так же того самого дня, коли ся народило, праве у самое полудне, теды солнце по килка разъ затмилося было, а того затменя обыватели Вавилонскии з великимъ страхомъ смотрѣти и видѣти мусѣли. Потомъ зараз першей ночи, по нароженю того дитяти, указалася великая свѣтлость и великая ясность, такъ якобы огни из повѣтря падали над тымъ домомъ, въ которомъ

ся народило. В той часъ матка сама зляклась. А тое дитя на повѣтря было зникнуло. Потомъ зась на другий день рано падала з неба манна, перла и дорогие камѣня, як дожчъ, а третего дне зась слышали тамъ страшные шарканя базилѣшкове и тыжъ иншие барзо дивные потворове. А коли ся зась нашѣ посланцѣ вывѣдовали, що бы то значило тая манна и дорогие камѣне, теды тое дитя зась знову указалося и такъ имъ повѣдило, ижъ тая манна и тое перлы и дорогое каменя так ся знаменуетъ: великое щастя и богатство и слава над тыми людми будетъ, которыи бы вѣровали въ него; а що зась стороны того шарканя, теды тымъ тое ся знаменуетъ: все злѣ и нещастя дочасное и вѣчное над тыми, которыи бы не хотѣли вѣровати в него. Повѣдали намъ еще и тое нашѣ посланцѣ, ижъ праве того часу, гды тое дитя народилося, иж в тотъ день всѣ горы и пагорки пороспадалися па двое у Вавилопской сторонѣ, где ся народило. Тамъ же единъ болванъ барзо великий, деревянiй, поганский, упалъ на землю у Вавилонѣ мѣстѣ и розбился надвое; теды в томъ болванѣ найдена есть картка, на которой было написано такъ жидовскими словы, мовячи: южъ пришло нароженя того Антихриста, южъ ся народилъ! Над тое еще и тотъ великий дивъ и взрокъ повѣдали намъ нашѣ посланцѣ, ижъ того часу, гды народился той антихристъ, теды слышаный былъ страшливый голосъ з неба, тыми словы огромными мовячи: „приправтесь, приправтесь и приймѣте сына моего! Благословенный будетъ, который увѣруетъ въ него, и не будетъ зотраченый“! А тотъ гласъ слышаный былъ далеко, па триста миль, и такъ з иншихъ земль люде приходятъ, которые тые дивы и зраки слышали, юж хотячи се досведчити с писма светого, старого и нового закону, же бы то былъ власный антихристъ а сыномъ зотраченя и вѣчного проклятства. Мы такъ тому всему, що намъ нашѣ посланцѣ з Вавилона мѣста принесли и повѣдили, теды еще-смо на томъ досыт не мали и не вѣрилисмо имъ; але през болшие сведоцства и для лѣпшей певности того всего, що ся стало в Вавилонской землѣ, и дано намъ до Венгеръ (?) знати, що ся тамъ стало. Тедысмо мы сеймъ нашъ зобрали, и порадившися веспул вшитки, такъ ссмо нашли и докончили нашу раду: из межи себе 4 персонѣ вибралисмо, двѣ духовные, а двѣ свецкие, абы поихали до Вавилону мѣста, абы справедливого свѣдоцства тоеи новины абы до насъ прислали. Ко-

торие то послове пашѣ были тамъ ажъ на самомъ мѣстци, що и видѣли своими власными очима того самого антихриста, якъ передъ ними мовылъ, а великие чуда чинилъ тотъ антихристъ: теды мертвые з гробовъ вставали, нѣмыи промовляли, глухии чули и хромыи ходили, хории уздоровлялись; и такъ гды на такие чуда люде смотрѣли, теды много и увѣровали в него, приписуючи ему честь и моцъ як Богу. Повѣдали намъ и тое нашѣ посланцѣ, же чуда немалыи, которымъ ся чудовали, але и тое неменшое, иж ся дивовали горамъ и пагоркамъ, що пороспадались вполъ тамъ же у Вавилонской краинѣ, такъ тежъ и на болвана розлупленого въ мѣстѣ Вавилонѣ, що также своими очима видѣли и ко Господу Богу вздыхали. Болших чудъ много бы мели писати вамъ, але тое толко вкротцѣ вамъ ознаймуемо, що ся стало, и посылаемо то вамъ. А претож вы панове и вы отци духовныи и всѣ набоженства християнского и вѣры правдивое люде, пилно смотрите и всегды паметайте, що кончина вамъ ознаймуетъ и оповѣдается о томъ пришломъ и фалшивомъ антихристѣ, бо заправды ку концу приходитъ. Леч абысте ся всѣ в часъ трудный от сна пробудили и чуйными были завше ве дни и в нощи, а о томъ старалися, абысте тому злому и фалшивому антихристу отпиратись умѣли а зводитись не давали и не вѣровали ему, але при евангелии I. Христовомъ тръвали и отъ него не отступовали, але и животъ свой при немъ скончали. Аминь.

Тая новина сталася у Вавилонѣ мѣстѣ року 1634, месяца генваря...., а принесено до Угорской землѣ року 1635.

Извлечено С. Т. Голубевымъ изъ современной рукописи, находящейся у Львовскаго каноника г. Петрушевича, въ Львовѣ.

CCLXXXVII.

Фундушевая запись Семена Гулевича-Воютинскаго, писаря земскаго Луцкаго, на основаніе православнаго общежительнаго монастыря св. Духа въ его имѣніи с. Бѣломъ-Стокѣ, съ школою для обученія шляхетскихъ и другаго званія дѣтей. 1636 года, генваря 30.

Року тисеча шестсот тридцат шостого, месеца генвара тридцат первого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ, на завтрее по Трох Кролех, римскомъ святе, в року звышъ написаном припалых и судовне отправоват зачатых, перед нами Криштофом Шимковичом Шклинским судею, а Андреем Линевским подсудкомъ, урядниками судовыми земскими Луцкими, и мною Теодором Сосновским, коморником граничным повету Луцкого, субделекгатом на местцу урожоного его милости пана Семена Гулевича Воютинского, писара земского Луцкого, до справы нижей меноване будучы засажоный, постановившися очевисто помененый урожоный его милост панъ Семенъ Гулевичъ Воютинский, писар земский Луцкий, для записаня до книгъ нинешних земских Луцкихъ подал лист доброволный запис свой, с печатю и с подписом руки своее, также с печати и с подписами рук людей зацных, от себе на фундушъ монастыра въ маетности своей селе Беломъ-Стоку законником рекгулы светого Василия и на тыеж добра село Белый-Сток служачий, о чом тот запис ширей в собе мает, который во всемъ очевистым, устным и доброволным сознанем своим ствердивши и змоцнивши, признал, просячи, абы принят и до книг уписан былъ. А такъ суд нинешний земский Луцкий тот запис принявши, до книгъ вписати казали есмо, который так се в собѣ мает: Я Семенъ Гулевич Воютинский, писаръ земский Луцкий, здоровый будучи на теле и на умысле, отступивши форум повету и юрисдиции належное, а под тот теперешний лист, доброволный запис, себе самого, потомков и добра свое всѣ, иле до нинешнего акту належит, доброволне поддавши, ясне, явне и без примушеня сознаваю: иж я, уважаючи по всѣ дни живота моего, же през добрые и побожные учинки кождый простуетъ собе до неба непохибную дорогу, протож я Семен Гулевич Воютинский, писар земский Луц-

кий, маючи добра мое, правом дедичным набытые, село Белый-Сток, в воеводстве Волынском, а повете Луцком лежачое, которое умыслилемъ на манастыр релии греческое, при церкви светого Духа, в селе Белым-Стоку муровати зачатой, и законников рекгулы светого Василия в унии не будучих фундовати. Теды впрод, прихиляючисе до права посполитого и конституции в року тисеча шестсот тридцат пятом ухваленое, под верою, поцстивостю и сумъненемъ добрым, Богом моим свѣдчу, же з нового фундаменту з добръ моих власных, добре перед теперешнею фундацыею за власные мои гроши набытых, жадных грошей за то не беручи, а ни жадного порозуменя чинячи, але з самое жарливости побожного учинку, з власного предсявзятя ку розмноженю хвалы Божой, не чинячи на ошукане права посполитого и конституции преречоное, в року тисеча шест сот тридцат пятом ухваленое, преречоные добра село Белый-Сток зъ замком, зо вшелякимъ преречоных добръ села Белого-Стоку правом, панствомъ и властю дедицства зо всеми и кождыми зособна преречоныхъ добръ села Белого-Стоку пожитками, ужитками, доходами, приходами, поддаными тяглыми, подсуседками, загородниками и вшелякими поддаными, здавна в приречоном селѣ Белымъ-Стоку мне належачими, и их роботами, чиншами, податками и повинностями вшелякими, с полями и ролями, сеножатями, огородами, зарослями, паствисками, лесами, гаями, борами и дубровами, запустами, реками, речками, потоками, поточками, сажавками, ставами, млынами и их вымелками, корчъмами, зъ замком и пригородком, в томже селе Беломъ-Стоку будучим, который замок мере на самый монастыр назначаю с приналежностями и належностями вшелякими и з зупелным кгрунтом и дедицтвом до преречоного села Белого-Стоку належачим, и с кутом албо островом поля, от села Гати дедичного моего до преречоного Белого-Стоку прилеглого, починаючимся от ставу Воютинского, валом идучи старожитным просто аж до болота Гатского, который кут албо остров поля берегом синожати, под тым островом до него належачое, опроч болота подданых Гатских, которые им вцале зостают, так яком его копъцами ограничил, тым дукътом от преречоного села Гати моего власного набытого, оттявши до села Белого-Стоку и фундушу на манастыр в селе Белымъ-Стоку в замку, през мене на тот час фундованое, прилучаю и на той же монастыр светого Духа, в селе

Белом-Стоку фундованый, записую, ничого а ничого з пречечоныхъ добръ села Белого-Стоку, того кута албо острова поля, от менованого села моего власного Гати теперешним фундушом моим одорваного, а до того монастыра Белостоцкого прилучоного, на себе самого, сукцесоров моих, албо на кого иншого не захозуючи и не выймуючы, але всѣ огулом пречечоные добра село Белый-Сток и кут албо островъ поля, от села Гати одорваный, посполитостю завираючи, так, жебы менованое неменованому, а неменованое менованому ничого не уближало, и так широко, долго и в околици, яко ся пречечоного села Белого-Стоку и кута албо острова поля, от села Гати одорваного, дедицство въ своих границах и обходах ростегает и ростегало, и яко я сам пречечоные добра село Белый-Сток и кут албо остров поля, от села моего Гати, державъ и заживал, на монастыр и законников, тепер ново в той маетности моей селе Беломъ-Стоку фундованых, даю, дарую и тым записом моим записую. До того на добрах моих дедичных, през мене правом купным набытых, то ест менovите в селе Грушове и селе Колоницах, въ воеводствѣ и повете Белзскомъ лежачих, интраты готовое в кождом року по золотых шестсот, в другой зась маетности, селе Гати, по золотых двесте полских, с тых добръ вечными часы на тот же монастыр Белостоцкий назначаю, которую суму кождый поссесор квотанние на ден первый месяца генвара ведлугъ календара старого, за квитами старшого местца того, платити повинен будет, под утраченем права своего на тот же монастыр. В котором то пречечоном монастыре, през мене Семена Гулевича Воютинского, писара земского Луцкого, в селе Белому-Стоку, в замку при церкви светого Духа, з добръ пречечоных Белого-Стоку, также Грушова и Колоницъ фундованом, повинни будут брати дванадцат обѣщого жития, в унией не будучих, под послушенством светого отца патриярхи Константинополского и архимандриты Печерского, в унией не будучих, мешкати, хвалу Божю водлугъ повинности християнское множити, набоженъство водлугъ стану своего духовного и звычаю монастырского на кождый ден отправовати, а за душу мою и родичов моих на кождую суботу службу Божую раннюю в церкви Успения Пресветои Богородици, в том же замку будучои, отправовати. Также трох брати с посродку себе, законников искусных, выбрати и на то назначити, абы един был годным казнодѣею и про-

поведачем слова Божого, другий учителем читанем теолоиеи законником, в том монастыре мешкаючим, и хто бы ся учити хотел, а третий бы дети шляхецкие, яко и розное кондыции людей, по руску и по латини, кграмматики, синтаксим и поетыки учил. До которого монастыра, при церкви светого Духа, в замку в селе Беломъ-Стоку, през мене на тот час фундованого, волное подаване старшого игумена до живота моего собѣ зоставую, якож на тот час старшим игуменом назначаю велебного в Бозе отца Симеона иеромонаха и тые добра мое село Белый-Стокъ до поссесиеи его и брати зараз екзнунк подаю и поступую и през возного и шляхту, которых собе на то способят, уступити маю. По смерти зас моей, законници в том монастыру будучие с посродку себе старшого игумена, за ведомостю брацтва Луцкого шляхты, а за благословением отца архимандрита Печерского, в униеи не будучих, обирати и згодне постановляти мают, так однак, абы старожитное веры светое церкви всходнее апостолское, послушенства светого отца патриярхи Константинополского перестерегали и ни в чом старожитное релии греческое не нарушали и перестерегали того, абы хвала Божая в преречоном монастыру в селе Белом-Стоку, през мене на тот час фундованом, помножоная была, и церков светого Духа, през мене муровати зачатая, окрасу вшелякую и докончене муров мела, а сами въ искусном, побожном и светобливом житию мешкали. Который то фундушъ мой и запис теперешний абы былъ вечъными и никгды неотзовными часы ненарушне през потомков и сукцессоров моих захованый, под закладом петидесяти тисечей копъ гроший литовских з добръ моих вшеляких, записуюсе и обовязую, о который заклад в спротивленюсе теперешнему фундушови моему през потомков и сукцесоров моих назначаю оным форум у кождого суду и уряду, которые позваные будучи, за першимъ позвомъ перед вшеляким судом и урядом стануть, отповедати, декрет приймовати, а впрод без вшеляких деляций, аппеляций и прозекуций, от суду не отходячи, заклад заплативши, во всем теперешнему фундушови моему зъ сукцесорами своими досыт чинити повинни будут, жадною давностю земскою не считячисе. И на то даю тот мой лист доброволный, записъ фундованя преречоного монастыра Белостоцкого, с подписом руки моей, при печати притисненой, и их милости панов приятел зажилем, абы ся подписали и печати свое попри-

кладали. Деялося в Луцку, року тисеча шестсот тридцат шостого, месяца генваря тридцатого дня. У того фундушу при печатехъ подпис рук тыми словы: Семенъ Гулевич Воютинский, писар земский Луцкий, mp. Павел Друцкий Любецкий, подстаростий Луцкий, прошоный печатар устне, mp. Павел Гулевич Воютинский, прошоный печатар, mpp. Alexander Hulewicz Woiutynskiy, ustnie proszony pieczętarz, ręką mpp. Который же то фундушъ, за поданемъ и очевистым признанем выш менованое особы, за принятем нашим судовым, увес с початку аж до конца слово въ слово до книг земских Луцкихъ есть уписан.

Книга земская Луцкая 1636 года, № 2831, л. 777.

CCLXXXVIII.

Жалоба уніатскаго священника Михаила Сосновскаго о томъ, что, когда онъ, находясь въ гостяхъ вмѣстѣ съ дв. Гавриломъ Куликомъ, вздумалъ вступиться за честь своего епископа, Луцкаго владыки Іереміи Почаповскаго, котораго поносилъ Куликъ, то послѣдній оскорбилъ его бранными словами, нанесъ побои и вырвалъ ему бороду. 1636 году, февраля 18.

Року тисеча шестсотъ тридцат шостого, месеца февъраля осмънадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Иоаномъ Выговским, намесником подстароства Луцъкого, ставъшы очевисто велебный отецъ Михаелъ Сосновъский, презъвитер Рожыский, в замку его королевской милости в Луцъку, скаржилъ и соленитер протестовалсе на пана Гавърила Кулика, о то, ижъ року теперешънего тисеча шестъсотъ тридцатъ шостого, месеца февъраля четверътогонадцат дня, кгды былъ прошоный вышменованый отец Сосновъский на угоду парафиян своих, меновите пана Анъдрея Дубецкого и Полуяна Мордачов, по которой угоде просили вышменованые особы з инъшими людми велебъного отца Сосновъского, абы вступил з ними до Павъла коваля, што там было. А кгды тамъ вошли, неведат,

где се взялъ вышменованый панъ Куликъ пришол до насъ, где заразъ почалъ напрод самого его милост в Бозе велебъного отъца Еремияша Почаповъского, епископа Луцъкого, при бытпости тых то на той угоде будучих людей, словами барзо легкими не по-едно-разъ лъжит, што слышечи таковую легкост пана и пастира своего, одезвалсе на таковые его слова. Тамъ же, без вшелякое увагы, на самый прод далъ ми в губу, потомъ за бороду, которую ми барзо вырвалъ, и кгды бы не тые на тотъ час люде боронили, теды мя был о конецъ живота приправилъ, мало на томъ ешъче маючи, словами непристойными, называючи мя неуцтивого ложа сыном, лжилъ. Што все для памети до книгъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1636 года, № 2469, л. 199.

CCLXXXIX.

Постановленіе правительственной коммиссіи о распредѣленіи въ г. Кременцѣ церквей между православными и уніатами. 1636 года, февраля 18.

Року тисяча шестьсотъ тридцать шостого, месеца июля пятогонадцать дня.

Передъ судомъ нинешнимъ головнымъ трибуналскимъ коронымъ Любелскимъ становши очевисто шляхетный панъ Миколай Романкевичъ, для вписаня въ книги нинешние подалъ перъ облятамъ, въ способѣ переносеня съ книгъ земскихъ Кремянецкихъ, екстрактъ автентице выданый, зъ уписанемъ въ немъ декрету ихъ милости пановъ комисаровъ поданя и присуженя такъ дизунитомъ, яко и унитомъ, церквей въ месте его королевской милости Кремянцу будучихъ и инншихъ речей межи ними заходячихъ успокоеня, въ Кремянъцу ферованого и сталого, томужъ месту Кремянцу служачий, о чомъ тотъ екстрактъ ширей въ собе маетъ, просячи, абы принятъ и до книгъ головныхъ трибуналскихъ уписанъ былъ. Судъ нинешний, екстрактъ тотъ для вписаня до книгъ приймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ ся въ собе

маетъ: Выписъ съ книгъ земскихъ Кремянецкихъ, лѣта Божого нароженя тисяча шестьсотъ тридцать шостого, месеца февраля двадцать девятого дня. На рокахъ судовыхъ земскихъ Кремянецкихъ, въ шесть недель по Трехъ Кролехъ, святе рымскомъ, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Самуелемъ Ледуховскимъ, судею, а Яномъ Горайномъ, подсудкомъ, урядниками судовыми земскими Кремянецкими, становши очевисто велебный въ Бозе отецъ Аврамий, законникъ закону светого Василя при церкви светого Богоявления, въ Кремянцу будучого, и урожоный панъ Петръ Заецъ, для вписанья въ книги нинешние земские Кремянецкие подали декретъ комисарский, съ печатми и съ подписами рукъ ихъ милости пановъ комисаровъ, поданя и присуженя церквей такъ неунитомъ, яко и унитомъ, въ месте Кремянцу будучихъ, и иншихъ речей межи ними заходячихъ успокоеня, въ Кремянцу учиненый, о чомъ тотъ декретъ ширей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ земскихъ Кремянецкихъ уписанъ былъ. А такъ мы судъ, тотъ декретъ для вписаня до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали, и такъ въ собе писмомъ польскимъ писаный маетъ: Actum Cremenecie, feria secunda post dominicam quadraesimalem Reminiscere proxima, anno Domini millesimo sexcentesimo trigesimo sexto. Nos Stanislaus Gabriel z Rytwian Zborowsky, capitaneus Hrodlencis, Ioannes Staniszewsky, clavier Luceoviensis, secraetarius regiae majestatis, Hrehorius D. Czetwertensky et Andreas Zahorowsky, aulicus sacrae regiae majestatis, commisarij a sacra regia majestate ad infra scripta.... et deputati, ac ad diem hodiernam juxta determinatum et praefixum tempus congregati, praesentibus reverendissimis venerabilibus generosis et nobilibus Athanasio Pusyna, vladica Luceoviensi et Ostrogiensi, Teodoro Tursky, protopopa unito Cremenecensi, Samuelo Ledochowsky, judice terrestri Cremenecensi, Alexandro Usac Kulikowsky, vicecapitaneo, Alexander Iwan Deleszkan (?) judice, Iosepho Fryc, notario, Venceslao Krynski, burgrabio, officialibus castrensibus Cremenecensibus, nec non ministeriali generali Owdeo Zydkiewicz aliisque quam plurimis hominibus, fide et honore dignis, circa remissa existentibus. My Commisarze jego krolewskiej mosci wyżey mianowani, do uspokoienia dissidentes in religione ritus greci, zjechawszy się tu do Krzemienca,

jurisditionem nostram commisarialem fundujemy, y one superscripto ministeriali regni Owdio Żydkiewicz obwołać roskazawszy, do uwagi ludzi w uniej y w nieuniey będących przystąpilismy. A iż unitow nic penitus nie widzimy, oprocz jednego bogomyslnego Teodora Turskiego, protopopa, nieunitow zaś ledwie nie pełne miasto, przeto cerkiew swiętey Piatnicy, swiętey Preczystey, manastyr swiętego Bohojawlenia z cerkwią nowo fundowany, za swieżym przywilejem iego krolewskiey mosci do tey cerkwi y manastyra danym, tak jako przywiley krola jego mosci w sobie ma, czwartą swiętego Mikoły z apparatami y wszystkimi przynależnosciami, ktore ex nunc oddać roskazujemy; ktora iż na jednym cmintarzu z cerkwią parafialną swiętego Woskresenia unicką stoi, tedy my i z tey miary przeszkody, ktoreby, strzeż Boże, do buntow y sedeci incitamento być mogli uprzątając, cerkiew pomienioną panom disunitom znieść i na inszym mieyscu postawić, za ukazaniem placu rownego na budowanie tey cerkwie od xiążęcia iego mosci pana starosty, pozwalamy, tak jednak, żeby wszystkie dobra y pożytki, ktore do tej cerkwi należą, już nie do gruntu, na ktorym stała, ale do nowoprzeniesioney należeli, przysądzamy. Drugie cerkwi, ktore zą w uniey, mianowicie: Woskresenską, swiętey Troycy pod zamkiem, manastyr st. Spasa za miastem y czwartą nową w miescie murem zaczętą, przy unitach wiecznemi czasy, tak jako y tamte przy disunitach, in pacifica possessione zostawać maią; ktore cerkwi do possessiey ex nunc podawamy stronom obiema. A iż żądali nas pop Piatnicki s parafiany swemi, iż maią cerkiew swą na wysokiey gurze, do chodzenia nabożenstwa chorym y starym ludziom nieprzystępną, abysmy im pozwolili cerkiew te z gory przeniesć, lub nową postawić na rownym mieyscu, na przedmiesciu swoim od Dubna, i żeby ten grunt i apparaty do niey nalezące przenieść mogli, tedy my uważywszy rzecz słuszną, pozwalamy temu popu Piatnickiemu i parafianom jego, aby bez wszelakiey prepediciey te cerkiew przeniesć na rowne miejsce lub nową zbudować mogli, apparatow, włoki i inszych przynależnosci, do tey cerkwi nalezących, in pacifica zostawając possessione, salvis juribus xiązęcia iego mosci pana starosty tutejszego y miejsckich. Więc i to, iż nam mieszczanie tuteczni nieunici przełożyli, iż powinni dawać pewne swice do koscioła rzymskiego y do

cerkwi, prosząc, aby te swice, ktore należeli do cerkwi Woskresenskiey, teraz do tych, ktore im są przysądzone, oddawali, co my za sluzną rzecz uważywszy, te pomienione swice aby do tych przysądzonych cerkwi oddawani byli, decretem naszym nakazujemy; te jednak swice, ktore do kosciola rzymskiego ab antiquum oddawać powinni byli, aby et in posterum oddawali, a to nie tylko sami, ale y s czeladzią, według dawnego zwyczaju. Co wszystko aby od obudwu stron firmiter et sine prepeditione trzymano było, autoritate nostra commisariali injungimus, reassumując vadium na transgressora w constitutiey specificowane. Ex originali commissionis ejusdem extracti. У того декрету ихъ милости пановъ комисаровъ печатей чотыри, а подписъ рукъ въ ты слова: Stanisław Gabriel z Rytwian Zborowskiey, Hrod: starosta, dworz. pokojowy i director comisiey iego krol. mosci, m. pr. Ian Staniszewsky, klucznik Łucki y sekretarz krola iego mosci, m. pr. Hrehory na Czetwertni Czetwertensky, comisarz iego krol. mosci, m. pr. Andrzey Zahorowsky, dworz. y comisarz iego krol. mosci, m. pr. Который же то декретъ, за поданемъ и прозбою вышей менованыхъ особъ а за принятемъ нашимъ судовымъ, увесь слово въ слово до книгъ земскихъ Кремянецкихъ есть уписанъ, съ которыхъ и тотъ выписъ подъ печатми нашими есть выданъ. Писанъ въ Кремянцу. У того екстракту печатей ихъ милости пановъ судовыхъ земскихъ Кремянецкихъ притисненыхъ две и подписъ руки писарское въ тые слова: Янъ Болбасъ Ростоцкий, писаръ земский Кремянецкий, m. pr. Который же то екстрактъ и декретъ въ немъ вписаный, за поданемъ вышречоное особы а за принятемъ нашимъ судовымъ, увесь слово въ слово до книгъ головныхъ трибуналскихъ есть уписанъ.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1636 года, справа 195.

CCXC.

Постановленіе правительственной коммиссіи о предоставленіи въ м. Дрогичинѣ православнымъ церкви св. Спаса. 1636 года, марта 14.

Року тисеча шестсот тридцат осмого, месеца генъваря тридцатого дня.

На въряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною Станиславомъ Зъброжкомъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, становши очевисто велебный въ пану Богу отецъ Петръ Пачковский, деканъ Дрогичинский, релии кгрецкое, для вписаня до книгъ нинешъних кгродскихъ Луцких подалъ пер облятам декретъ комисарский, с печатми и с подписами рукъ нижей менованых их милостей пановъ комисаровъ, межи унитами а дизунитами места его королевскои милости Дрогичина, о чомъ тот декретъ комисарский ширей в собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книг уписан былъ; которого я вряд для вписаня до книгъ приймуючи, читалемъ, и такъ се въ собе писмомъ полским писаный мает: Actum in civitate Drohicinensi, feria sexta post Dominicam passionis proxima, anno Domini millesimo sexcentesimo trigesimo sexto. My kommisarze jego krolewskiey mosci do uspokoienia dissidentes in religione ritus graeci, ziechawszy tu do Drohiczyna, ruskiey strony miasta jego krolewskiey mosci, jurisdictionem nostram commisionalem przez woznego generała koronnego szlachetnego Szymona Wierznickiego fundowawszy, stosuiąc się do jnformacyey y jnstructiey jego krolewskiey mosci, pilnąsmy inquizycyę tak o unitach, iako y o disunitach, czynili. Kędy nie widząc żadnego unita na oko, a ni się dowiedzić mogąc, nieunitow zas infrequentissimo numero et multitudine całe miasteczko, ktore ruskim zowią, wszystkich unanimiter na oko widząc przy iednostaynym wyznaniu swym stoiąc disunickiem, cerkiew onym s. Spasa ze wszystkiemi apparatami, gruntami y przynależnosciami, do niey należącemi, przysądzamy, ktorą w realną possessyą ex nunc podaiemy, a to pod władzą władyky Łuckiego, teraz y na potym będącego, nieunita, w czym aby praepedycyey ni od kogo nie mieli, vadium na takowego publicae pacis et concordiae violatorem w constitutiey specifikowane

imponimus. У того декрету пры печатех подпис рукъ тыми словы: Stanisław Gabriel z Rytwian Zborowsky, Horod. star. d. commiss. I. K. M. Ian Staniszewsky, klucznik Łucky, sekret. I. K. M. Andrzey Zahorowsky, dworz. y kommissarz I. K. M. mp. Hrehory Czetwertynsky, commisarius I. K. M., mp. Который же то декретъ, за поданем и очевистою прозбою вышречоное особы, а за принятемъ моим урядовым, увес с початку аж до конца до книг кгродских Луцъких ест уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1638 года, № 2832, л. 186.

CCXCI.

Постановленіе правительственной коммиссіи о распредѣленіи въ г. Бѣльскѣ церквей между православными и уніатами. 1636 года, марта 17.

Ad judicium sacrae regiae maestatis conventionale regni generale Varsoviense personaliter veniens nobilis Georgius Iarmolewicz, eidem judicio praesenti litteras infrascriptas Commissionis Bielscensis ad acticandum obtulit tenoris sequentis: Actum in civitate Bielscensi, feria secunda post dominicam quadragesimalem ramis palmarum proxima, anno Domini millesimo sexcentesimo trigesimo sexto. My kommisarze jego krolewskiey mosci do uspokojenia dissidentes in religione ritus Graeci, ziachawszy tu do Bielska, miasta jego krolewskiey mosci, jurisdictionem nostram commissarialem przez woznego generała koronnego, szlachetnego Simona Wierznickiego fundowawszy, do przesłuchania stron obudwu, jakie by swoje propositie y defensy wnoszily, przystąpiliszmy. Gdzie nieunici żałosne skargi swoje na wielkie (?) ktore cierpiely od rożnych osob, tack duchownych, jako y szweczkich, ratione religionis, wnosziły oppressie tak, że nie tylko sami na zdrowiu y honorze swojm znaczne odnosziły uszczerbki, ale, co większa, y w religiey były tak uciążeni, że nie jedno od używania nabożenstwa swego exclusi ze wszystkich cerkwi, ktore się tu naydują, były, ale y sakramentow zażywać, dzieci chrcić, umarłych chować, czego huc

gentium non denegatur cuiquam, nie były securi. Unici zasz contrakt pewny między dizunitami a jego mość ojcem władiką Włodzimierskiem, mediantibus amicis, spisany produkowały; ktory iż ex litibus pendentiis y processow disunitom od oyca władyki w grodzie Brzestkiem, a potym w trybunale Piotrkowskim instituowanych, originem swoje mają i controwersie prawne za sobą zaciągały, przeto my, inhaerendo constitutiey anni millesimi sexcentesimi trigesimi quarti, ktora wszelkie takowe prawne zajscia abolet et annihilat, jako fomenta dawnych dissensy amputando, one umarzamy y stronom obiema vigore praedictae constitutionis pacifice zachowacz się in posterum a ni więczy te lites serere, a ni ich fovere, jako lege publica zmartwione, nakazawszy y tego, aby in posterum mieszczanie jego krolewskiey mosci ni od kogo extra forum competens a ni na tribunały ewocowani nie były, warowawszy, ad prosequutionem realem commissiey naszey przystępujemy. A naprzod do uwagi ludzi w uniey y w nieuniey bendączych condescendując, isz oprocz kilku unitow nam oczywiscie postanowionych więczy nie widzielismy, nieunitow zasz wielki tłum ludzi y regestr domow wszytkich nie chcączych bydź w uniey był nam ukazany y podany, my przeto ad contenta commissionis przychylając się a numerum w uniey y nie w uniey bendączych ludzi fideliter uważiwszy, poniewasz szwieszczenikowie z Woskrzeszenia y s. Mikuły z parafiamy swymi declarowali się, że w uniey bydź nie chcą, y owszem pod posłuszenstwem unita władyki nigdy, chyba coacte, nie były, a przy tym iż na cerkiew s. Bohojawlenia wprzod cessia od oycza Pocieja, metropolity Kijowskiego y władyki Włodymierskiego, na bractwo nadane od xiędza Ieremiasza, patryarchy Konstantinopolskiego, na ktorą y konfirmacya jego krolewskiey mosci na szczęsliwiey koronatiey wespoł z uniwersałem do oddania jey panu Hulewiczowi, pisarzowi ziemskiemu Łuckiemu, nam ukazana jest, tedy my naprzod weyrzawszy na parafiany wszytki ogolem, tak s. Woskreszenia, jako y s. Mikuły, iż przy szwieszczenikach swych w nieuniey bydź chcą, a ni jey odstępują, a przytym osobliwy wzgląd na confirmatią przywileju danego nieunitom przez swięty pamięczi oyca Pocieia na bracstwo od patryarchy podane do czerkwi Bohojawlenia, a na ostatek y na uniwersał y podanie teyże czerkwi z specialnego regestru jego krolewskiey mości,

na szczęsliwiey coronatiey podpisaney, te pomienione trzy cerkwie to jest: Woskresinską, s. Mikuly y s. Bohojawlenia nieunitom ze wszystkimi apparatami, gruntami y przynależytosciami przysądzamy, a to pod jurisdykcyą władyki Łuckiego, teraz y napotym będącego. Unitom zasz, ktorych lubo tantillum widzimy numerum, żeby ich jedna cerkiew capere mogła, y iednak in spem unionis et resipiscentiae tych, ktory odstąpili, cerkiew s Przyczystey y cerkiew s. Troyce ze wchystkimi apparatami, gruntami y przyrależytosciami, do tych dwoch cerkiew zdawna należącemi, przysądziwszy, y w realną obiema stronom podawamy possessyą, z tą jednak deklaratią, że ludziom w nieuniey będączym, lubo były w parafiey unitom przysądzoney, przychylając się do punctow na szczęsliwey jego krolewskiey mosci elekciey postanowionych, dajemy wolnosć do czerkwj nieunitom przysądzonych chodzić y tam swe odprawować nabożenstwa, co obiema stronom służyć ma. A przytym do urzędow mieszczkich, wedle zwysz pomienionych punctow, wolny obywatelom miasta tego w nieuniey będączym zostawujemy acces, co aby obiedwie stronie firmiter et sine praepeditione trzymali, vadium na takiego pacis publicae violatorem w constitutiey specificowane, to jest dziesięcz tysiący grzywien polskich, wkładamy. A dla wspolney zgody y przystojnego stron obudwu poszanowania nie tylko między religią Grecką, ale y duchowienstwem koscioła swiętego Rzimskiego catholickiego, wszelaką stronom obiema przeciwko sobie, a osobliwie przeciwko kapłanom katholickim reverentiam et honorem nakazujemy. Stanisław Gabryel Zborowski, starosta Horodelski. Ian Staniszewski, klucznik Łucki, sekretarz jego krolewskiey mosci. Hrehory Czetwiertynsky. Andrzey Zahorowski, dworzanin y commissarz jego krolewskicy mosci. Post quarum litterarum ingrossationem ad liberos, offerens originale ad se recepit.

Acta grodu Warszawskiego convenionalia, 1642—1645 г., № 28, л. 89.

CCXCII.

Протестъ игумена Серафіона Бѣльскаго и братіи Кіево-Никольскаго монастыря противъ Кіевскаго митрополита Петра Могилы, незаконно присвоившаго себѣ титулъ игумена этого монастыря, и жалоба о томъ, что митрополитъ при помощи Запорожскихъ козаковъ выгналъ ихъ изъ монастыря и отобралъ его въ свое распоряженіе. 1636 года, іюня 27.

Року тисеча шестсотъ тридцать шостого, месеца июня двадцать семого дня.

Передъ судомъ нинешнимъ головнымъ трибуналскимъ Любелскимъ, при одправованю се справы межи урожонымъ паномъ Яномъ Грузевичемъ, коморникомъ граничнымъ Киевскимъ, поводомъ, а велебнымъ его милостю отцемъ Петромъ Могилою, митрополитомъ Киевъскимъ, аръхиманъдритомъ Печерскимъ, титулъ игумена Николъского противко праву посполитому и привилеюмъ игуменомъ Николскимъ служачимъ собе привласчаючимъ, позванымъ о якоесь выбитье з кгрунту якобы до села Бугаевъки належачого, дня нинешнего актованое, обличъне постановивъшися велебъный отець Серафионъ Билский, правдивый игуменъ Николъский, а съ капитулы отцове Никодимъ Силичъ, Силъвестеръ Кгалещовский и Нектарий Зиневичъ, соленитеръ се сведчили и судови нинешънему оповедали, перестерегаючи титулу помененому велебному отцеви Серафионови Бѣлъскому на игуменъство Николское, ему толко самому, а не кому инъшому, ведъле правъ и привилеевъ давъныхъ служачого, венцъ и целости правъ монастирови Николскому на добра церковъные служачихъ: кгдыжъ помененый его милость отецъ Могила, митрополитъ Киевъский, маючи килкоро бенефицые духовъные инкомпассибилиа, противко вшелякой слушности, зъ войскомъ козаковъ Запорозскихъ на пречечоный манастыръ Николъский кгвалътовне наехалъ, зъ него и зо всихъ добръ церковъныхъ отца Билского, правъдивого игумена Николского, и братью его выгналъ, речи всѣ и пѣнези церковъные побралъ и веле виоленций в протестации описаныхъ починилъ, о што все даные отъ его милости акъцие, которые на апеляцыяхъ суть завислые. Абы теды сиве перъ коннивенціамъ, сиве квовисъ алио преюдициумъ, шкоды якое тытулови и добрамъ церковнымъ тоею акъцыею не деялосе

и целость тытулу его милости отцу Билскому, яко правъдивому игумену, также и добръ церковныхъ зостала, и ковтёре солениттеръ се судови нинешнему светчатъ и опозедаютъ, просечи, абы то принято и до книгъ записано было; што отрымали.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1636 года, справа 132.

CCXCIII.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ ѣздилъ для отобранія Луцкихъ церквей Михайловской, Рождественской и Пятницкой, силой отнятыхъ православнымъ епископомъ Аѳанасіемъ Пузыной и присужденныхъ снова декретомъ трибунальскаго суда въ пользу уніатовъ; но намѣстникъ и слуги о. Пузыны не допустили его привести въ исполненіе рѣшеніе суда, говоря, что скорѣе уніатскій владыка Еремія Почаповскій лишится жизни, нежели ему удастся отобрать въ свое вѣдѣніе эти церкви. 1636 года, сентября 19.

Року тисеча шестсот тридцат шостого, месеца сентебра деветнадцатого дня.

На вряде кгродъскимъ, в замку его королевское милости Луцким, передо мною княземъ Павлом Друцъскимъ Любецкимъ, подстаростымъ Луцъским, очевисто становъшы возъный енерал воеводства Волынъского, шляхетный Федоръ Малиничъ, ку записаню до книг нинешънихъ кгродских Луцких сознал тыми словы: ижъ онъ року теперешного тисеча шестсотъ тридъцат шосътого, месяца августа осъмого дня, маючи при собе сторону шляхту людей добрых, пана Грегорого Путошинъского а пана Мацея Лисовского, за приданем суду головъного трибуналъского, ездил з декретом, од тогожъ суду трибуналского выданым, за реквированем стороны поводовое, велебного в Бозе его милости отца Еремияша Почаповъского, епископа Луцъкого и Острозъского, и капитулы его милости Луцкое церкви светого Ивана Богослова, в замку вышъшим Луцкимъ будучое, до месъта Луцъка, до церъквий розныхъ, нижей менованых, которие его милост отец Атаназий Пузына, архиман-

дриг Жидичинъский, речоный епископъ од их милости пановъ неунитов обраный, приватъне и неправъне, мимо констытуцию и привилей его королевской милости, где, за инъстанциею самого жъ его милости пана отца Пузыны и обывателов Волынъских, владицство его милости отцу Почаповскому, епископови Луцъкому, доживотъе, же при всих церквах и маетностях до них належачих спокойне до живота своего зостават мелъ, конфирмованые естъ, якуюсъ коммисию выправивъши, року прошлого тисеча шестъ сот тридъцат пятого, месяца октобра шестнадцатого дня, суб специе якогос набоженства, кгвалтовъне, замки до них поодбиявъшы, побралъ и до того часу тримает, на одправу и одобранъе церъквий, декретом суду помененого трибуналу Любелъского, в року теперешънем тисеча шест сот тридцат шостом, месеца июня двадцат семого дня сталым и учиненым, присужоный, о чимъ тот декретъ и въвес тои справы поступокъ ширей в собе мают. А кгды с помененою шляхтою до церкви святого Михала, на Заглушечю будучое, пришол, там самого позваного его милост отца Пузыны не застал, тылко велебного отца Гарасыма Колчицкого, наместника помененого его милости отца Пузыны, заставши, оным о той справе, иж на увезанъе и одобране церквий тых пришол, оповедивши, реквировал, абы ведлуг помененого декрету трыбуналского его милост отец Пузына тую и инъшые церкове, поводомъ присужоные, в посессию подал и поступил, албо таксу з винами правъными, в конъституциеи року тисеча шестсотъ тридцат первого описаную, декретом вказаную заплатилъ. Теды помененый отецъ Колчицкий поведилъ, же „я тои церкве и инъших в декрете менованыхъ, яко Нароженъя Панъского и святое Пятници, именем его милости отца Пузыны, пана и пастера нашого, бороню и не допусчаю“. Што онъ шляхтою выжей менованою осведчившы, стамтол шол до другое церъквы Нароженя Панъского, гдем также, яко и нижей, реквировал, але помененый отец Колчицъкий, и там также ставши, боронил и не допусчал. И онъ тоюж шляхтою осведчившы, шол до третее церкви святое Пятницы, где пришедшы, также реквировал; але ставшы ниякийсъ Тиницъкий, слуга его милости отца Пузыны, боронил и не допусчал именемъ тогож пана своего, мовячы тыми словы, же „впрод его милостъ отецъ Почаповский головою наложитъ, нижели тую церковъ в посессиеи своее будет мел“. Зачым помененый возный,

видечы таковое спротивенъство декретови трыбуналскому, тоюж шляхтою при ним будучою осведчившы и копию с того декрету слово в слово переписавшы, а помененому отцу Колчицкому отдавшы, стамтолъ проч одяхалъ и о том таковую реляцию свою учинилъ и сознал, же так, а не иначей было; просечи, абы то принято и до книгъ записано было, штo отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1636 года, № 2469, л. 1092.

CCXCIV.

Жалоба инока Жидичинскаго монастыря Бенедикта Гриневицкаго о томъ, что когда онъ, возвращаясь изъ Кіева съ листами отъ митрополита Петра Могилы, врученными ему для передачи Луцкому епископу Аѳанасію Пузынѣ, заѣхалъ въ Дубно, то игуменъ тамошняго уніатскаго монастыря Кассіанъ Саковичъ пригласилъ его къ себѣ и сталъ убѣждать его перейти въ унію. Когда же Гриневицкій отказался измѣнить православію, то Саковичъ приказалъ подвергнуть его заключенію и грозилъ муками принудить къ уніи; но Гриневицкій тайно бѣжалъ изъ заключенія. Перечень книгъ и другихъ вещей жалобщика, отобранныхъ у него Саковичемъ. 1637 года, марта 16.

Року тисеча шестсот тридцат семого, месеца марца шестнадцатого дня.

Пришедши на уряд кгродский, в замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Станислава Зброжка, бурккграбего и наместъника подъстароства Луцъкого, велебный в Бозе отецъ Бенедикъть Гриневицъкий, законникъ рекгулы святого Василия великого манастира Жыдичинъского, жалосне се сведчил и соленитер протестовал противко велебному отцу Кассиянови Саковичови, игуменови Дубенъскому, и наместникови его Панасови, о то, ижъ кгды жалуючий в року близко прошломъ тисеча шест сот тридцатъ шостомъ, под часъ трвогъ од неприятеля Крижа светого заходячихъ, едучи з манастира Печерского Киевъского до манастира Жидичинского на резиденцию, а обавляючис небезпеченства неприятелского, до Дубна приехал дня первого ноябра, водлугъ календара руского, тамъ же, доведавшись о сведчачомъ, по-

мененый отецъ Касиянъ, вркомо для роспытаня о некоторых речахъ въ потребах своих, везвал его до манастыра своего, а кгды пришол, теды он, зрозумевъши з сведчачого, ижъ ест неунитъ, почал намовъляти и грозити, абы з нимъ зоставал; а кгды не позволял, вымовляючисе, ижъ листы и некоторые справы потребные на сеймъ близко прошлый от его милости отца метрополиты Киевъского для одданя ихъ до рукъ его милости отца Пузины, владики Луцъкого и Острозского, везлъ и посьпешатись мел, теды тот отец Касиян, казавъши з места и коляску з речъми сведчачого привезти до манастира, оного зо всимъ в манастиру своемъ затримал и выпусьтити не хотел; а кгды там дний килка в затриманю зоставал, въ томъ отецъ Кассиянъ, одежджаючи дня шостого тогожъ месеца ноябра з манастира, тому Панасови приказал, абы его не выпусчали. По которого одезде потомъ дня десятого тогож ноября тот Панас, з росказаня отца Касиянового, сведчачого до коморъки кгвалтомъ всадивъши, грозил, ижъ стол его выпустити не мел и овшемъ каранемъ его срокгимъ темежити мели, ажъ бы на унию позволил. А так сведчачий, въ том тамъ зостаючи вязеню, а промышляючи о здоровю своемъ, в одной сукъни, окномъ заледво се добывши, од всего пишо ушол, где такъ листы его милости отца метрополиты и справы посланые, яко и речи власные сведчачого, меновите: коня в шерстъ гнедого за золотых пятдесят; воз съ хомутомъ и з иншими потребами за золотых двадцат; коберец за золотых петнадцат; коц взорыстый фарбованый, полотномъ подшитый, новый, за золотых десет; дережка пестрая за два золотыхъ; капелюшъ за золотыхъ чотири; папуци за оден золотый; скринку малеваную, в которой псалтир друку Острозкого полуставъ, зо въсимъ за золотых пятнадцат; тестамент полский друку Кгданского за золотых осмъ; псалтирку малую друку Виленского за золотых пят; ручников три, хусток пят, шацуючи то въсе на золотыхъ пятъ; каламар з шуфлядою, з ножичками, с цизорикомъ, рахуючи на золотыхъ пятъ, то въсе отецъ Касиян и тот Панас кгвалътовъне забрали, заграбили, ку пожиткови своему обернули, а сведчачому на частую реквизициею оддати и вернути не хочутъ и не ворочаютъ. О то теды все, яко и о вины правные стол походячие, менованый отец Бенедиктъ и повторе противко отцу Касиянови и тому Панасови сведчит и протестуетсе, хотечи правъне у судехъ належнихъ, иле где и о

што ему будетъ власне належало, поступити, зоставивъши однакъ собе и его милости отцу митрополитови, любо его милости отцу владыце, волное учинене иншое а собе мелиорацию тое теперешъное протестацыи, еслибы того потреба указовала; якожъ и давней бы был тую свою протестацию до актъ подал, леч за неспособностю здоровя своего до того прийти не моглъ; теперъ теды таковую протестацию свою до книгъ заноситъ, просечи, абы принята и до книгъ записана была; што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1637 года, № 2151, л. 847.

CCXCV.

Заявленіе какого-то странствующаго епископа Корельскаго, Анфиногена Крижановскаго, о томъ, что онъ, по подговору епископа Перемышльскаго Аѳанасія Крупецкаго, Львовскаго армянскаго арцибискупа Миколая Порозовича и Черниговскаго архимандрита Кирилла Ставровецкаго, занесъ въ Черниговскомъ гродѣ измышленную означенными лицами жалобу на Кіевскаго митрополита Петра Могилу, въ коей подъ ложнымъ именемъ епископа Амаѳузійскаго, якобы посланца Архидонскаго патріарха Арона Палеолога, жаловался, будто слуги митрополита напали на него въ дорогѣ, подвергли заключенію, ограбили у него деньги, принадлежности архіерейскаго облаченія и другія драгоцѣнныя вещи на сумму свыше 100000 золотыхъ польскихъ, и т. п. 1637 года, марта 30.

Року тисеча шестсот тридцат семого, месеца марца тридцат первого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Станиславом Зброжком, буркграбим и намесником подстароства Луцкого, становши обличне велебный отец Анъфиногенъ Крижановский, епископъ Корелский, для вписанъя до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Луцкихъ подалъ квитъ, с подписом власное руки своее, од себе яснепревелебному в пану Богу его милости отцу Петру Могиле, архиепископови метрополите Киевъскому, Галицкому и всее Руси, аръхиманъдритови Печерскому Киевскому, в справе певной даный, писмом полским в тые слова писаный: Ia Anfinohen Krzyżanowskij, episkop

Korelsky, kassuię y rewocuię protestacyą Czernihowską, ktora iest zaniesiona w roku przeszłym tysiąc szescset trzydziestem szostym na wielebnego jego mosci oyca Piotra Mohilę, metropolitę Kiiowskiego, Halickiego y wszystkiey Rusi, z namowy oyca Atanazya Krupeckiego, episkopa Przemyskiego, y oyca arcybiskupa ormianskiego Mikołaia Porosowicza y oyca Kiriła Stawrowieckiego, archimandrita Czernihowskiego, krorzy zmyslili y złożyli calumnią, niesprawiedliwą na jego mość oyca Mohilę protestatią, w ktorey napisali, czego nigdy nie było y nie iest, a iam to sam zanosił, będąc od nich namowiony, a Kiriło Stawrowecki, archimandrit Czernihowski, sam swoią ręką napisał y do xiąg Czernihowskich podał, postawiwszy mię miasto episkopa Amafuziyskiego, iakoby posłanego od patriarchi Archidonskiego Arona Paleologa, ktorego nigdy nie znamy y nie bywał w tey ziemi wiecznemi czasy. I położono w tey protestacyiy, iakoby pobrali oyca Mohilowe słudzy skarby pod Swiniuchami y samych do więzienia pobrali, a to wszystko zmyszlone rzeczy, niczego tego nie było; a drugi raz iakoby pobrali w Mozyru w monastyrze skarby, ktorych mianuię dziesięc tysięcy czerwonych, dwa sakosy kosztowne, dwa omofory y dwie koronie y wszycek swięcicielski ubior, y kielichi trzy krzyształowe, złote, srebrne, z patynami, y odzienie y suknie swięcicielskie, krzyż, łańcuchi, paterice, xięgi, ykonie y listy, czego wszyckiego położono więcey sta tysięcy; a tego wszyckiego niebyło, wszycko ia to sam z namowy ich zanosił, ktorzy mi obiecali wielkie przełożenstwo. I położono w tey że protestatiey, iakoby pożyczał ociec Krupecki patriarsze apparatow swięcicielskich na episkopa: oto wszycko zmyslone rzeczy, y patriarcha tu nie był, y nie pożyczał u niego, nie wiem, ieżeli y na swiecie iest. A zmyślali to rozne osoby we Lwowie, nieiaki Szyrski y Smiałkowicz, pospołu z Mikołaiem Porosowiczem, arcybiskupem ormianskim; w tym mię oszukali, żem się ważył takową niesprawiedliwą protestatią zanosić na wielebnego jego mość oyca Piotra Mohiłę, metropolitę Kiiowskiego, Halickiego y wszytkiey Rusi, y wiele innych na jego mosci napisałem y w osobie nieiakiegoś Melentya, episkopa Amafusiyskiego, iakoby nim będąc, stanowszy w zamku Czernihowskim oczewisto, protestacyey swey napisałem. Przeto ia, boiąc się pana Boga, aby mię za to nie karał, tego napierwey publicznie

żałuię y przed xięgami niníeyszemi odmawiam, rewocuię, iż tego nigdy na swiecie nie było, przed Bogiem y przed xięgami niníeyszemi zeznawam y zrzekam się; y iesli by kto moim jmieniem albo iakim kolwiek sposobem to na potym gdzie znowił, albo jego mosć oyca metropolitę trudnić miał, przed pana Boga onych na straszny sąd pozywam; na co się dla lepszey wiary y pewnosci ręką własną podpisałem w Łucku, dnia trzydziestego martij, roku tysiąc szescseth trzydziestego siodmego. У того квиту подписъ руки тими словы: Анъфиногенъ Крижановский, архиепископъ Корелский. Который же то квитъ, за поданъем и очевистым признанъем вышъменованое особы, а за принятъем моим урядовым, увес слово в слово до книгъ естъ уписанъ, с которых и сес выписъ под печатю кгродскою Луцъкою ест выданъ. Писанъ в Луцку.

Книга гродская Луцкая 1637 года, № 2151, л. 437.

CCXCVI.

Жалоба отъ имени Луцкаго уніатскаго владыки Еремія Почаповскаго на православнаго епископа Аѳанасія Пузыну о противозаконномъ возобновленіи имъ православной Покровской церкви въ Луцкѣ и о публичномъ поношеніи Почаповскаго и вообще уніатовъ въ проповѣди, сказанной о. Пузыной во время освященія означенной церкви. Свидѣтельство вознаго. 1637 года, октября 16.

Року тисеча шестсот тридцат семого, месеца октобра шестнадцатого дня.

На роках судовых земских Луцких, на завтрее по светомъ Михаиле, святе римъскомъ, в року звышнаписаномъ припалых и судовне отправоват зачатых, перед нами Криштофомъ Шимковичомъ Шкленъским судъею, а Андреемъ Линевскимъ подсудкомъ, урядниками судовыми земъскими Луцкими, станувши персоналитер велебные в Бозе отецъ Исаия Ленъкевичъ, презбитеръ, и отецъ Мариянъ Оранский, архидияконъ, двое с капитулы церкви катедралное светого Иоана Бого-

слова, в замку вышшомъ Луцкомъ будучое, своимъ и превелебного в Бозе его милости отца Іеремияша Почаповского, епископа Луцкого и Острозкого, именемъ сведчилисе и соленитер протестовали на велебного в Бозе его милост отца Атаназего Пузыну, архимандрыту Жидичинского, епископа од ихъ милостей панов неунитов обраного, о то, иж он, не контентуючис иншими першими кривдами, розными часы и днями протестантом починеными, але есче кривду до кривды придаючи, не помнечи ничого на право посполитое и вины в нем на таковых кгвалтовников описаные и овшемъ кгвалтечи права и покой посполитый суседский и привилей короля его милости теперешнего, пана нашого милостивого, за инстанциею самого его милости отца Пузыны и всих их милостей панов обывателев воеводства Волынского, доживоте его милости отца конфирмовал, же при всих церквахъ и маетностях до них належачихъ спокойне до живота своего без жадное турбации мел зостават, не помнечи ничого на вадиумъ од светое памети короля его милости Жикгмонта Третего, в року тисеча шестсот девятого заложоное межи унитами и неунитами десет тисечей золотых полских, квоциес, тоциес хто быс важил турбоват неунит унита, албо унитъ неунита, тепер в року теперешнемъ тисеча шест сот тридцат семом, месеца октобра второго дня, под час суженя роковъ земъских Луцких светомихалских, тумултуозе коадгерентовъ и повинных своих на кгрунтъ церковный светое Покровы, в месте тутошном Луцком лежачий, где перед тым церковъ была и въ унией светой есче од светое памети короля Витолда фундована, спровадил з великими кгвардиями, арматно. Тамъ на том пляцу, не маючи до того жадное владзы и зверхности, поминувши привилей короля его милости, теперешнего пана нашого милостивого, отцу Самуелеви Пигилевскому, одному с капитулы, на помененую церковъ и добра до нее належачие даный, непотребную юриздикцию собе привласчаючи, церковъ збудовал и под свою юриздикцию привласчил, а потомъ дня одинадцатого месеца октобра, на светую Покрову, побунтовавши все посполство, так в месте Луцку, яко и з поблизших сел на тот час в Луцку будучихъ, унитовъ, сам набоженство в тои церкви отправовал, а по набоженстве маючи казанъе, обачивши некоторых духовных и свецкихъ, въ унией светой будучихъ, на дизгонор и зневагу протестантов, подъчас казаня словами непри-

стойными, славе доброй и гонорови его милости отца Почаповского, епископа Луцкого и Острозкого, шкодячими, лжил, соромотил, за якогось геретика и одщепенца так самого его милост отца епископа, яко и все духовенство въ унией светой будучое, на здоровъе оного одповедаючи, поличил; о што все, так о одповедъ на здоровъе, якъ о кгвалтовное побудованъе тое церкви и оное привласчене, помененые протестантове итерумъ аткве итерумъ противко его милости отцу Пузыне протестуючисе, оферовалисе з его милостю отцем Пузыною ин форо компетенти правне чинити иле, яко будетъ с права належало, зоставуючи его милости отцу епископови Луцкому волное чиненъе инное, ширшое и доскональное, правнейшое протестации и тое теперешнее поправу, еслибы того потреба указовала. А на довод того кгвалтовного побудованъя церкви и оное осегненя ставили возного енерала воеводства Волынского, шляхетного Яна Пухалского, который в моц правдивого сознанъя своего для записанъя до книгъ нинешних земских Луцких сознал тыми словы: иж он року теперешнего тисеча шестъсотъ тридцатъ семого, октобра тринадцатого дня, маючи при собе сторону шляхту людей добрых, пана Яна Жировицкого а пана Станислава Лецнковича, будучи приданый од суду нинешнего земского Луцкого, ходил при вышменованых протестантах на кгрунт светое Покровы, где церков побудовано; тамже помененые протестантове пришедши, а заставши великий кгмин людий около тое церкви стоячих, пытали тесли: хтобы тую церковъ будовал и за чиемъ росказанъемъ? Теды одповедили, же отецъ Яровицкий коштомъ своимъ, за позволенъемъ его милости отца Пузыны, будует; што услышавши помененые протестантове, имъ вознымъ и шляхтою осведчили, а потом тот же возный его милости отцу Пузыне, жебыс не важил тое церкви будоват, в десети тисечах копах гроший литовских припоручивши, стамтол прочъ одошли. И просили помененые протестантове, абы ихъ тая протестация и возного реляция принята и до книгъ записана была, што отрымали.

Книга земская Луцкая 1637 года, № 2832, л. 868.

CCXCVII.

Жалоба отъ имени нѣкоторыхъ православныхъ мѣщанъ Кременецкихъ кравецкаго цеха о томъ, что цехмистръ и другіе члены этого цеха принуждаютъ ихъ давать свѣчи на уніатскую Воскресенскую церковь въ Кременцѣ, вопреки точному постановленію по этому предмету правительственной коммисіи, коей было поручено распредѣленіе церквей между православными и уніатами. 1638 года, генваря 30.

Року тисеча шестсотъ тридцат осмого, месеца генъвара тридцатого дня.

Пришедшы до уряду и книг нинешних кгродских Луцъких, до мене Станислава Зброжка, буръкграбего и наместника подстароства Луцъкаго, шляхетный пан Теодоръ Фурсовичъ, солепитер именемъ славетныхъ пановъ Алексанъдра и Гарасима Чапниковъ, мешчан Кременецких, братъи цеху кравецкого, сведчил и протестовалсе на славетных Марцина цехмистра и инъших братъи цеху помененого кравецъкого, созваляючымъ на речъ нижей менованую, о то, ижъ они, спротивъляючысе и възрушаючы декретъ их милостей пановъ коммисаровъ, в року прошломъ тисеча шестсотъ тридцат шостомъ, месеца февъраля двадцатъ девятого дня, в Кремянъцу ферованый, которымъ декретомъ их милости панове комисаре, присудивъшы впрод церкви в месте Кремянъцу людюм в унии не будучим, а потом и свички зъ цехов южъ до присужоных церъковъ тымъже декретомъ оддавати наказали; по которомъ декрете през летъ две водлугъ наказаня комисарского цехи вси давали, а теперъ в року теперешънимъ тисеча шестсотъ тридцатъ осмомъ, не ведати для чого, знову свички до церкви Воскресенъское, в унией будучое, поминувъшы декретъ вышпомененый, кромъ позъволеня вышъречоных особъ, давати зезволили; зачымъ протестуючыйсе именемъ особъ вышъпомененых, постерегаючы целости декрету комисарского, о важностъ оного, абы въ моцы своей оставалъ, и повторе се сведчилъ, просечы, абы то до книгъ записано было, што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1638 г., № 2472, л. 140.

CCXCVIII.

Протестъ отъ имени православныхъ обывателей воеводства Русскаго, повѣтовъ Львовскаго, Перемышльскаго и Саноцкаго, противъ маршалка и другихъ членовъ провинціальнаго сеймика, бывшаго въ г. Вишнѣ, о недопущеніи имъ внести въ инструкцію для пословъ на сеймъ Варшавскій параграфа, касающагося требованія объ окончательномъ успокоеніи православной вѣры въ государствѣ Польскомъ, и о включеніи, въ противность ихъ волѣ, параграфа, касающагося православной вѣры и въ частности Перемышльской епископіи въ смыслѣ неблагопріятномъ для православныхъ. 1638 года, февраля 22.

Року тисеча шестъсот тридцат осмого, месеца февраля двадцат второго дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевскои милости Луцъкомъ, передо мною Станиславом Зброжкомъ, буркграбымъ и наместником подстароства Луцъкого, становъши очевисто шляхетный панъ Иванъ Яворский, обывател земли Премыское, престрекгаючы прав и волности в релии своеи кгрецкоеи, соленитер се протестовал своим и урожоных Адама, Стефана и Леонтого Хлопицких, Грегорого Попеля, Грегорого Кропивъницкого и иншыхъ земянъ и обывателевъ воеводства Руского а поветовъ Лвовъского, Премиского и Саноцкого, на сеймику въ Вишни недавно отправуючимъсе будучихъ, противко высоце велможнымъ и урожоным их милости паномъ каштеляномъ, дикгнитаром, урядником, также и маршалкови на томъже сеймику въ Вишни будучымъ, для того, ижъ их милости, претивные будучы афектации брати вышъменованых релии кгрецкое, в постулятахъ их взглядом релии их вношоныхъ, где кождому доmовлятис а звласча оселому шляхтичови волно, асентенъции и прозбы ихъ стороны релии кгрецкое, до кола вносячые, упоръне не приймуючи, артикулъ на сеймъ близко пришлый Варшавский межи иншые артикулы, до кгрунтовъного успокоеня релии кгрецкое стягаючыйсе, вложити и описати не допустили, а пи тымъ будучы контенти, надто водлугъ воли своее, мимо позволене протестуючыхсе, артикулъ праву посполитому, конституции и пактомъ завартымъ противный, взглядомъ релии кгрецкое и владицтва Премыского, в инструкцию вписали; противко которому-то артикулови, яко неправне в инструкцию вписаному, волности ихъ шляхецкие утяжаючому, и про-

тивъко вышъменованымъ особомъ, помененый панъ Иванъ Яворский и инъные братя релии кгрецкое на том же местцу на сеймику Вышенским солемнитер се оседчивъшы и протестовавшы, одошли. А же в кгроде Премыскомъ тое публичное протестации, в коле занесеное, приняти не хотели, о которое неприняте тотже протестансъ противко кгродови Премыскому сведчитъ и протестуетъсе, хотечи о такъ тяжкую и незносную кривду и безправе сумненя и волностей своих на сейме пришломъ Варшавскимъ плачливе ускаржати; и просылъ, абы тая его протестация припята и до книгъ кгродскихъ Луцкихъ вписана была, што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1638 года, № 2472, л. 190.

CCXCIX.

Грамота королевская о предоставленіи епископу Аѳанасію Пузынѣ, по случаю смерти Луцкаго уніатскаго владыки Ереміи Почаповскаго, епископіи Луцкой и Острожской со всѣми церквами и принадлежащими къ нимъ имѣніями, съ обѣщаніемъ не отдалять его отъ этой епископіи до конца его жизни. 1638 года, апрѣля 20.

Року тисеча шестсотъ трыдцат осмого, месяца мая двадцат осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замъку его королевскои милости Луцъкомъ, передо мъною Станиславом Зброжкомъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, становши очевисте велебный в пану Богу отецъ Леонтей Залеский, презбитер, наместникъ епископии Луцъкое и Острозкое, для вънисанъя до книг нинешных кгродских Луцких подалъ пер облатамъ привилей его королевскои милости, зъ подписом руки его королевской милости и зъ печатю коронною меншое канцелярии, превелебному его милости отцу Атаназиушови Пузыне на владыцтво Луцъкое и Острозкое даный, о чом тот привилей его королевскои милости шырей въ собе мает, жадаючи, абы прнят и до книг уписан был; которого я въряд прыймуючи, читалем, и так ся въ собе пис-

момъ полским писаный маетъ: Władisław czwarty, z łaski Bożey krol Polski, et caetera. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobec y kożdemu zosobna, komu to wiedzieć należy, iż my, za przypadnieniem do nas y dispoziciey naszey władyctwa Łuckiego y Ostrozskiego, w woiewodstwie Wołynskim będącego, one wielebnemu oicu Atanazemu Puzynie, przeszłemu archimandrycie Żydyczynskiemu, jako elektowi od obywatelow woiewodztwa Wołynskiego na to władictwo obranemu, conferowalismy, iakoż mu ie tym listem naszym dożywotnie daiemy y conferuiemy, a to z cerkwiami katedralnemi dwoma, w Łucku y w Ostrogu, także ze wszystkiemi inszemi cerkwami, osobami duchownemi, jurisdicią nad nimi duchowną, tak w Łucku, jako y w Ostrogu, ze wsiami, maiętnosciami y wszytkiemi zdawna do władyctwa Łuckiego y Ostrozkiego przynależnosciami, tak iako antecessor iego to wszytko trzymał, on też do żywota swego trzymać y używać będzie, obiecuiąc za nas y naiasnieyszych następcow naszych, że pomienionego welebnego oica Athanazego Puzynę od władyctwa Łuckiego y Ostrozkiego dożywotniego nie oddalemy, a ni komu inszemu do oddalenia mocy pozwolemy, lecz mu w wszytkim prawa dożywotniego z successorami naszemi dotrzymamy, z tym iednak dokładem, żeby dobra do władyctwa Ostrozkiego należące nijakim prawem y sposobem nikomu przezeń alienowane nie byli; na co dla lepszey wiary ten przywiley ręką naszą podpisawszy, pieczęć koronną przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w Warszawie, dnia dwudziestego miesiąca kwietnia, roku Panskiego MDCXXXVIII°, panowania naszego Polskiego y Szwedzkiego VI roku. У того привилею его королевскои милости печат коронная меншое канцелярии, а подпис руки его королевское милости тыми словы: Vladislaus Rex. Stanislaus Skarszewski, subdapifer Sandomirski. Который же то привилей, за поданем и прозбою вышречоное особы, а за прнятемъ моим урядовымъ, увес слово в слово до книг ест уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1638 года, № 2153, л. 677.

CCC.

Жалоба отъ имени уніатскаго митрополита Рафаила Корсака о томъ, что митрополитъ Петръ Могила, посѣтивъ Луцкую соборную св. Іоанна Богослова церковь, послѣ того какъ она перешла въ вѣдѣніе православнаго епископа Луцкаго Аѳанасія Пузыны, и найдя въ ней св. тайны, освященныя еще уніатскими священниками, приказалъ выбросить ихъ вонъ, но бывшій при этомъ епископъ Пузына распорядился тайно перенести ихъ въ уніатскую Троицкую церковь. 1638 года, іюля 14.

Року тисеча шестсот тридцат осмого, месеца июня чотирнадцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцком, передо мною Станиславом Зброжкомъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, становши персоналитеръ велебный его милость отецъ Ницепор Лосовский, наместникъ и економъ метрополии Киевское и архимандрицтва Жидичинского, именем высоце превелебного в Пану Богу его милости отца Рафала Корсака, метрополиты Киевского, Галицкого и всее Руси, архимандрицтва Жидичинского доживотного администратора, соленитер сведчилъ, ускаржалсе и протестовал напротивко велебному его милости отцу Петру Могиле, архиманъдриту монастира Печерского Киевского, а то о контемптъ и зневагу найсвятшого сакраменту; который за приеханъемъ тут до Луцка року теперешнего, на дате менованого, до его милости отца Пузины, владыки Луцкого, по наступеню зараз оного на тое владицтво, пришовши до церкви катедралное епископии Луцкое святого Яна, где заставши насвятший сакраментъ ин циборио абъ унитис сацердотибус консекрованый, оный место того, штобы ему повинно реверенциею яко Богу отдават мелъ, прочъ выкинуть казал, омни тиморе Деи постпозито. Лечъ его милост отецъ Пузына, постерегши то и видичи в томъ суммамъ офенъсамъ дивине маестатис, тихо в неведомости отца Могилы до церкви пренайсвятшои Тройци, ин поссессионе унитов будучое, занести казалъ. О который таковый контемптъ и зневагу их милости корпорис противко его милости отцу Могиле итератис вицибус осведчивши, о то з ним во вшеляком суде, любо секулари, любо спиритуали, где бы таковая справа

належность мела, чинить правне, салва мелиорационе маненте, оферовалсе. И просил протестансъ, абы то принято и до книгъ записано было, што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1638 года, № 2473, л. 68.

CCCI.

Жалоба отъ имени того же униатскаго митрополита о томъ, что дв. Янъ Стремецкій, въ бытность его арендаторомъ имѣній Жидичинскаго монастыря, во время управленія послѣднимъ православнаго епископа Аѳанасія Пузыны, опустошилъ монастырь, прекратилъ отправленіе въ немъ богослуженія и, будучи самъ аріаниномъ, совершилъ величайшее поруганіе святыни тѣмъ, что монастырскую церковь св. Духа превратилъ въ мѣсто для храненія разныхъ хозяйственныхъ запасовъ и даже загонялъ въ нее охотничьихъ собакъ и свиней. Свидѣтельство вознаго. 1638 года, іюля 14.

Року тисеча шестъсот тридцат осмого, месеца июля чотирнадцатого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Станиславом Зброжком, буркграбимъ и наместником подстароства Луцкого, становши персоналитер велебный его милост отец Ницепор Лосовский, наместник и економ енералис метрополии Киевское и архимандрицтва Жидичинъского, именемъ высоцепревелебного в Пану Богу его милости отца Рафала Корсака, метрополиты Киевского, Галицкого и всее Руси, адъминистратора доживотного архимандриеи Жидичинское, и всее капитулы того ж архимандрицтва Жидичинского, противко урожоному пану Янови Стремецкому соленитер ет кграви кум кверелля сведчил и протестовалсе о то, иж он, трымаючи маетност Жыдичинъ од велебного в Богу его милости отца Афтаназего Пузины, владыки Луцкого теперешнего, а перед тым бывшого архимандриты Жидичинъского, за правом своимъ певным аренъдовным чили заставнымъ, в которое маетности Жидичине в манастире мешкаючи, оный барзо спустошил и в нивечъ обернулъ и шкод барзо сила, которые

часу права позвами объяснени будутъ, починилъ. А и тым се есче не контентуючи, церковъ тамошнюю заложеня светого Духа, любо там мелъ досыть будованя: комор, пивниц, стаен, хлевов для схованя речей и для запартя быдла, коней, волов, умыслне однакъ на контемптъ и образу маестату Божого церкви его святое чинячи, препомневши боязни Божое и слов оных Панских сакра скриптура объясненых: „домус Меа домус орационис“, будучи секты ариянское, ярины розное, яко то: капусту, моркви, постернаки, рипу, петрушъку на зиму приготованые, не допустивши там, абы се хвала Божая ширила, упрятоват казал, ховалъ, и въ оной, што болшая, арбитратус спелюнкам квандам, псы до полюваня згожие, то ест: хорты, выжлы и свине трымал и запужал, през час немалый державы своее; о который таковый контемптъ, спустошене манастира итератис вицибус противко помененому пану Стремескому осведчивши, протестансъ о то з нимъ все де кримине лезе маестатис дивине и о шкоды за спустошене починеные ин омни локо юдициорум компетенти, юре медианте, правне чинит его милост отца митрополиту и капитулу его милости оферовал, салва мелиорационе маненте. А на довод того ставил возного енерала воеводства Волынского, урядови нинешънему добре ведомого, шляхетного Филона Стрыбеля, который для записаня до книг правдиве сознал, ижъ он року прошлого тисеча шестсот тридцат семого, мешкаючи тамже в Жидичине, за держаня пана Стремеского, припатрил се добре спустошеню монастыра, и то видил, же ярины в помененой церкви ховал розмаитые, и невесты там впрятывали, псы, хорты и выжлы, и свини замыкалъ; што ижъ такъ а не иначей было, правдиве быть чинит, сознавает о томъ реляцию свою. И просили, абы то все принято и до книгъ записано было; што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1638 года, № 2473, л. 69.

CCCII.

Фундушевая запись Лаврентія Древинскаго въ пользу православнаго братства Луцкаго, на содержаніе при немъ школы и церковнаго проповѣдника и на вспомоществованіе убогимъ. 1638 года, августа 18.

Року тисеча шестсот тридцатъ осмого, месеца сентебра девятого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ Луцъких, от дня второго месеца сентебра в року звышнаписаномъ припалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, перед нами княземъ Павломъ Друцъкимъ Любецъкимъ, подстаростимъ, а Гелияшомъ Броницъкимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцъкими, становъши очевисто урожоный его милость пан Лаврентій Древинский, чашникъ Волынский, секретар его королевское милости, для вписаня до книгъ нинешных кгродских Луцъких подал лист доброволный запис свой, с печатю и съ подписомъ руки своее, такъже с печатъми и с подписами рукъ людей зацныхъ, от себе велебному в Бозе отцу игуменови и иншым духовным манастыра Луцъкого церкъви брацъкое Честного Креста Господня, а то на речъ и записане сумъ певъных, нижей в том записе меновите выражоных, даный, о чом тот запис шырей в собе мает, которого во въсемъ очевистымъ устъным и доброволнымъ сознанъем своимъ стверъдившы и змоцнившы, призналъ, просечы, абы был принят и до книгъ уписанъ былъ. А такъ мы суд, оного для вписаня до книгъ приймуючы, перед собою читати казали есмо, и такъ се в собе писмом руским маетъ: Я Лаврентий Древинскій, чашъникъ Волынский, секретар его королевское милости, ведомо чыню и сознаваю тым моим листомъ доброволнымъ прыписовымъ, вечистое фундацыи записовым, кождому кому бы о том ведать належало тепер и на потом завжды, ижъ за ласкою и благословенством Бозкое милости уволнившис от тяжаров моихъ, за спасене мое, подружа и чадъ моихъ, далъ есми правомъ вечным и неодъзовным церкви Честного и Животворящого Креста Господня, благодатю Божиею и подвигом братства особъ духовъныхъ и светскихъ шляхецъкого и мейского стану и прочыихъ людей монастыр будуючыйсе в месте его королевское милости Луцъкомъ на помножене хвалы Божое певъную суму пинезей, которую ясносвецоное княжа Миколай Чарторыский на Клеваню, те-

перешъный каштелян Волынский, до рукъ своихъ у старъшыхъ церковныхъ веземшы и на добрах своихъ Шепелскихъ, в земли Волынской а повете Луцъком лежачихъ, в року прошломъ тысяча шест сот трыдцат второмъ, месяца сентебра шестнадцатого дня, в кгроде Луцъком водлугъ права листомъ записом своимъ уистилъ, описавъшисе на день первыйпадцатъ месеца сентебра в року вже проминулом тысеча шестсот трыдцатъ третем и по немъ другихъ литъ наступуючыхъ давати до рукъ старшыхъ церковныхъ, духовъныхъ отца игумена, а зъ свецкихъ паномъ старостомъ або ихъ намистником, в томъ року настоятелем, у книг кгродскихъ Луцъкихъ чыншъ от тое суммы черезъ кнежати его милость, ведле умовы зъ старшыми манастырскими, по чотыриста золотых польских, которыми водлуг споряженю, з благословенством Божым, моим наданемъ напрод: на шпитал до скрынки убогих на одеяние и потребы ихъ золотых полгораста; до скрынки братское, до рукъ папов старостовъ або ихъ наместниковъ, на потребы церковные золотых пятдесятъ; до рукъ отца игумена и скринки ихъ чернецкое, богомолъцовъ нашыхъ, на пожывлене и потребы их золотых пятдесят; для науки дитокъ ку послузе церковъной бакаларови золотыхъ пятдесят; на столец казнодейский, абы слово Божое в церкви светое завжды оповедало, проповедникови слова Божого на потребы его и тои службе Божои нужные золотыхъ сто. А ижъ мне Господ Богъ дати рачылъ, же кроль его милост, панъ мой милостивый, за прыпадненемъ до шафунку его господарского добръ пана Абрама Стрыбыля, иж з ротою своею, по взятю пинязей Речы посполитое, не прыбыл до войска противко Турчинови, роздаючы добра его, и мне теж дати рачылъ част его в селе Омелъне, въ Луцъком повете лежачую, которое право мое, за жаданемъ его милости пана урожоного Михайла Кропивъницкого, подъсудка Браславского, в року прошлом тысеча шестсот трыдцат семомъ, месеца сентебра двадцат пятого дня, в трыбунале Любелскомъ, яко на вуя его рожоного, вечънымъ правом влил есми и себе отдалил, а его милост пан подсудокъ тамже в трыбунале Любелском записалсе правом вечнымъ с тоеж части Омелянское самъ и по немъ будучие наступци в кождый рокъ платити по семъдесятъ золотыхъ и пяти на тот же манастыр Луцкий братский честного и Жывотворящаго Креста Господня, на тот же день первыйпадцатъ месеца сенътебра, в том же кгроде Луцъком,

под певными обовязками, въ записе своемъ выражоными; а ижъ Господь Богъ, перепровадивъшы дни литъ моих семдесят, обачыть ми се дати рачилъ з науки такъ старозаконное, пророком Даниилом нам поданое, и самим Спасителем Богом нашимъ евангелиею его светою, кгды о второмъ пришествіи своем, якъ суд страшный отправовати будет, якое блаженство благословенным указуетъ в царствіи небесномъ за выгоду на семъ свити и выслугу меншои брати его, сирич осягнене царства небесного, которого и я многогришный чоловикъ собе зычачи, от мамоны неправедное други собе хотяж отворити, подчас оскуденія моего, по реченному евангелиемъ светым, абы мя во кровы своя прыняли, от усердия моего пнучысе, понужающе плот духу поработити, найпаче в остатъные времена жития своего, не усчербляючы дитокъ моихъ в добрах лежачих, по родителех моихъ мне досталихъсе, але уймуючы оброку своего в жытии, а собравши от плодовъ моихъ суму пинезей, узычывши томуж княжати его милости Миколаю Чарторыскому на Клеваню, каштеляну Волынскому, в року прошлом тысеча шестсот трыдцат шостомъ, месяца августа девятнадцатого дня, трохъ тысечей золотыхъ польскихъ, которую суму княжа его милость пан Волынский уистити рачилъ у книг кгродских Луцких, з отданемъ оное в року прошломъ тисеча шестсот трыдцать семом, на святый Янъ рымского свята; але ижъ непотребенъ былом не тилко в томъ року, але и на термине светого Яна близко прошлого, зостала тая сума при княжати его милости, которого упросиломъ прозбами моими, абы и тую суму тры тысечы золотыхъ польских зезволити рачилъ под бытност свою в Луцъку, яко найпервей по дате сего листу, отрымавши квиетацию правную с того запису вышъпомененого, а новым записом прыписовым церкви светои уистити и правне записати и водлуг постановленя своего на тот же час первыйнадцатъ месеца сентебра в року нинешнем, пры тых чотырох сот золотых полских, и тежъ взглядом теперешнее суммы трох тысечей золотых полских, через мне той же церкви Божои правом вечъным даное и дарованое, провизыя доходила золотыхъ полских двесте сорокъ, певен будучи о побожности кнежати его милости, же ми в том обетницы своее уиститъ, которую суму двесте сорокъ золотых полскихъ таковымъ способомъ мити хочу: абы за спасеніе мое, подружые и дитокъ моихъ, родителей и прародителей, оборочало се на богомоле, а то

тым способом: на столец казнодейский до тых ста золотых придаю сорокъ золотых полских; бакаларови для науки детокъ до петидесят другую пятдесят золотых полских прыдаю, жебы милъ с першою провизиею уже не пятдесят, але сто золотых полскихъ доходило; а за спасеніе мое жебы на кождую суботу у пределе светого Гегоргия служба ранняя отправовалас, на которой абы офира светая рок от року отправовалас за отпусчене грехов моих, подружыи и детокъ, родителей и прародителей просечы Господа Бога, прошоно и о хрестиянскую кончину в мирном и немятежном жытии, а по исходе от тела сего о жызнь вичную в царствии небесном, таковая служба абы се отправовала, з вечора пятничного заченшы ажъ до скончаня литоргии светое, на которую то службу божественную и богомолство наше назначаю золотых полтораста до скринки на то прыготованное, абы отец игуменъ и старостове настоящие, отбираючы от кнежати его милости, клали тую полтораста золотых и замками двома замыкали, в кождую пятницу были повинни выймовати по тры золотых полскихъ, то ест: на проскуры, вино, ладанъ и свечы грошей двадцат, на розделокъ убогимъ, пры службѣ Божой будучым, грошей десят, а отец игумен на законники на поживенне ихъ золотыхъ два; и такъ тая полтораста золотыхъ оборочана маетъ быти на звышъпомененое богомоле, так пры жытию моемъ на сем свите, яко и по сходе моем от сего свита во вики. А што се дотычетъ тых семидесят и пяти золотых полскихъ, отъ его милости пана подъсудка Браславского прыходясчихъ, тот прыход даю и записую, абы тот же отецъ игумен с тымиж паны старосты рочными отбирали и до скрынки на то уготованное клали и тую оборочали на убогихъ, вни манастыра пребываюсчыхъ, православных, опатруючы недостатки и нагости их прикрываючы, и кормячы, и гробу отдаючы, и тая скрынка также двома замками замкнена маетъ быти и до деленя убогим игумен з старостами отмикати и давати мают вичними часы. А ижъ прошлых лит панове старостове безъ отца игумена грошмы шпиталными шафовали, оборочаючы ихъ на оздобу церковную, з великим оскорблинием нищых, теды тим листом моим теперешным, прыхиляючысе до першое фундацыи моеи, в року тисеча шест сот трыдцат второмъ учыненое и до книгъ поданое, варую тымъ теперешънымъ листом моимъ прыписовым фундацыи звышъпомененои манастырови и слу-

жытелем его, братству духовъному и свецъкому, казнодеи церковному и бакаларови школному, также нищимъ в шпиталю и внѣ шпиталя пребываюсчым, абы гроши шпиталные золотых полтораста им назначоные не были кладеные в скрынку братскую, ани в свецкую, ани в духовную, але до скрынки шпиталъное, которая двома замками замкнена быти маетъ, игуменскимъ и старшихъ старостовъ, и общымъ совитомъ ихъ отмикана и з нее нужная нищых опатрываны быти мают, то ест одеянне и пища, и аще нисчый преставит, не имусчый гришного тила чым покрыти, то от скрынки тоеж опатроно быти мает, и на иншую жадную потребу тых грошей рушати не мают, под анатемою, которая в день судный от нелицемирного Судии на страшномъ суде его выконана будет. Который бы колвекъ сюю фунъдацыю мою важил се нарушати, а не так, яко ест постановлено и вышъ описано, оборочати, таковый каждый на страшном суде Христовомъ будет ся о то справоватис пред милостивымъ Богомъ и часть свою прыйметъ с козлисчы ошуюю поставлеными. То тежъ варую на вси потомные часы, ижъ еслибы кнежа его милость пан Волынский, малжонка и потомки его милости хотели уволнитисе от плаченя того прыходу, монастырови и церкви наданого, и суму отдати, отецъ игуменъ и панове старостове, ничого не омешкиваючы, тую суму водле запису одобравши, найдалей полроча повинни будут в том же воеводстве Волынском оную внести на добра земские, с которых бы приходъ тот же доходилъ особомъ тымъже, водле дарованя моего, а то выполнити будутъ повинни под утраченемъ тое сумы до потомковъ моихъ. А то для того, ижъ панове братя старостове рочъные, перед зачатемъ мурованя церковъного вземши от мене тысечу золотых полскихъ, которую внесли были на домъ мешканки Луцкое панее Яцковое, с которое провент певный ити мелъ на шпиталъ и на служателей церковных, тую суму пры продажы сыномъ ее паномъ Констанътим дому, и тую суму взяли и якъ провенту з нее не давали, такъ и суму нит видома где обернули; для того варунокъ вкладаю на нихъ и на то есми далъ, яко на речъ мою властную, которую мнѣ волно было шафовати и за отпусчене греховъ моихъ и всех моихъ, церкви Божои и служителем ея, также нищимъ дати, даровати, фундовати. На лепшую твердость тое фундацыи даю сесь мой лист доброволный запис приписовый, с подписом руки моее и с печатю моею,

до которого на лепъшую твердость ихъ милости нижей подписаные, за прозбою моею, при подпису и печати моей руками своими подписавшисе, и печатъми запечатовали. Писанъ у Луцъку, року тысеча шестъсотъ трыдцатъ осмого, месяца августа осмогонадцатъ дня. У того запису при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: Лаврентий Древинский, чашникъ Волынский, секретар и покоевый его королевскои милости, рукою власною. Атаназый Пузына, владыка Луцъкий и Острозкий, рукою власною. Ierzy Puzyna, podkomorzy Włodzimierski, mp. Eustachiusz Paweł Pac. W: M:, mp. Paweł Hulewicz Wojutyński mp. Который же то записъ, за поданъемъ и очевистымъ признанъемъ вышъменованое особы а за принятемъ нашимъ судовымъ, увесъ съ початъку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцких ест уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1638 года, № 2154, л. 289.

CCCIII.

Запись княжны Регины Соломирецкой, каштелянки Смоленской, игумену основаннаго ею въ м. Гощѣ православнаго Михайловскаго монастыря Игнатію Оксеновичу съ обѣщаніемъ отъ себя и отъ имени своихъ наслѣдниковъ не дозволять аріанамъ и другимъ еретикамъ въ м. Гощѣ отправлять свое богослуженіе и основывать аріанскія школы, не терпѣть здѣсь мѣщанъ послѣдователей аріанской секты и предоставить право школьнаго обученія исключительно лицамъ, назначаемымъ на то самимъ игуменомъ и подчиненнымъ его надзору. 1639 г., февраля 5.

Року тисеча шестсот тридцат девятого, месеца февраля пятого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною княземъ Павломъ Друцъким Любецъким, подстаростим Луцъкимъ, становъши очевисто велъможная ее милость княжна Реина на Госчи Миколаевая Соломирецъкая, каштелянъка Смоленъская, для вписаня до книгъ нинешъних кгродъских Луцъких подала листъ добровольный запис свой, с печатю и с подъписом руки своее, такъ же с печатъми и с подъписами рукъ людей зацных, от себе велебному в

Бозе его милости отцу Игнатему Оксеновичови, игуменови и ректорови монастыра Гостского, на речъ в томъ записе нижей вписаномъ меновите выражоную даный, о чомъ тотъ записъ шырей в собе маетъ; которого во всемъ очевистымъ устъным и доброволнымъ сознанъемъ своимъ ствердивъши и змоцънивши, признала, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ; которого я врядъ для вписаня до книгъ приймуючи, читаломъ, и такъ се в собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Ja Reina na Hosczy xiężna Mikołaiowa Sołomirecka, kasztelanowa Smoleńska, zeznawam tym moim zapisem dobrowolnym, komu to będzie wiedzieć potrzeba teraz y zawżdy, iż ja, będąc dziedziczną panią dobr, zamku y miasta Hosczy, z osobliwey mey przeciwko Panu Bogu miłości y rozmnożenia chwały swiętey, waruię to y zapisuię się wielebnemu w Bodze oycu Ihnatemu Oxenowiczowi, ihumenowi y rektorowi pomienionego monastyra, wszystkim zakonnikom relligey greckiey y successorom ich, pod posłuszenstwem swiętego oyca patriarchi Constantinopolskiego, nie będących w uniey z kosciołem rzymskim, w monastyrze Hosckim, ode mnie fundowanym, w miescie y na przedmiesciu Hosczy, aby się tym snadniey y bez żadney prepeditiey secty arianskiey y wszelkiey heretyckiey nabożenstwo religiey greckiey w monastyrze y cerkwi, przezemnie fundowaney, wiecznie znaydowalo, y nauki w szkołach, tamże ode mnie fundowanych *), pomnażali się, iż niemam y nie będę mogła z potomkami memi, a po mnie y successorowie dobr moich nie będą mogli żadnego arianskiego y heretyckiego nabożenstwa tam mieć y wprowadzać, y nauk arianskich y heretyckich rozszerzać, y owszem w miescie Hosczy mieszczan secty arianskiey nie cierpieć, oprocz relligiey greckiey, w uniey nie będącey, y żaden

---

*) Въ актовыхъ книгахъ мы не нашли фундушевой записи княжны Соломирецкой на основаніе православнаго Гощскаго монастыря и при немъ школъ, о коихъ извѣстно, что они существовали (подъ именемъ семинаріума) еще въ послѣдніе годы XVII в. Но въ гродской Луцкой книгѣ 1640 г. (№ 2107) находится „Конфирмація королевская фундушу од велможное ее милости панее Реины Соломирецкое монастыра и школъ в месте Гощы фундованыхъ", подъ датою въ Варшавѣ 4 іюня 1640 г. Изъ этой конфирмаціи видно, что въ то время игуменомъ Гощскимъ былъ извѣстный впослѣдствіи *Гизель;* онъ же испросилъ королевское подтвержденіе фундушу княжны Соломирецкой. Здѣсь же указаны и побужденія, руководившія основательницей Гощскаго монастыря: *exstirpando haeresim aryanow;* а объ основаніи школъ сказано: „y nauki przeciwko haeretyckim naukom, aby napotym więcey catholicam fidem nie infastowali, postanowiła y założyła".

inszy nie ma się ważyć uczyć tak w miescie, iako y na przedmiesciu w Hosczy, ktorego by ociec rector Hosckij nie podał y im nie miał zawiadywać. A osobliwie to waruię, aby wiecznemi czasy żadney inszey reguły zakonnikow w miescie y na przedmiesciu w Hosczy ani ja sama będę mogła, ani potomkowie y successorowie dobr moich fundować żadnym sposobem będą mogli, sub onere et ligamentis in fundatione specificatis. Do tego to też obiasniam tym zapisem moim y waruię, iż co by się kolwiek pokazało zdawna należącego do cerkwie swiętego Michała: włok, dziesięcin, czynszow, wymiałkow y innych pożytkow mianowanych y niemianowanych, to wszystko ma in suo esse zostawać wiecznymi czasy y do monastyra odemnie fundowanego przy cerkwie swiętego Michała ma całe y zupełnie dochodzić, czego w tym zapisie wyrażonego ma y powinien będzie postrzegać y dochodzić wielebny ociec rector monastyra wyszmianowanego z bracią swoią y successorowie iego, ktorych sumieniem obowiązuię, aby tym punctom w tym zapisie wyrażonym dosyć czynili. Ktory to zapis in toto do funduszu ma się referować y pod warunkami w tym zapisie opisanymi; y na tom dała ten moy zapis, z pieczęcią y z podpisem ręki mey y ich mosciow panow przyiacioł moich, niżey wyrażonych, odemnie ustnie proszonych. Pisan w Łucku, roku tysiąc szescset trzydziestego dziewiątego, miesiąca february piątego dnia. У того запису при печатех подпис рукъ тыми словы: Reina Hoscka Sołomirecka, kasztelanowa Smoleńska, ręką swą. Mikołay Czetwertensky, proszony pieczętarz. Hrehory Czetwertensky, podkomorzy Łucki. Который же то лист доброволъный записъ, за поданъемъ и очевистымъ признанъемъ вышъменованое особы, а за принятъемъ моимъ урядовымъ, увес слово до слова с початъку ажъ до конъца до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ естъ уписанъ.

Книга гродская Луцкая 1639 г., № 2155, л. 191.

CCCIV.

Жалоба православныхъ на Холмскаго уніатскаго епископа Меѳодія Терлецкаго о вооруженномъ нападеніи на православный братскій монастырь при церкви Преображенія Господня въ г. Люблинѣ, изгнаніи игумена, монаховъ и грабежѣ церковной утвари и документовъ, отданныхъ въ церковь частными лицами на храненіе. 1639 года, февраля 7.

Року тисеча шестсот тридцат девятого, месяца февраля семого дня.

До уряду и актъ нинешных старостинскихъ кгродских Луцких, до мене Станислава Зброжка, буркграбего и наместника подстароства Луцъкого, пришедши и персоналитеръ становъши, велебные в пану Богу их милости отцове Юзефъ Чапличъ Шпановъский, Мелецкий и Городыский, а Себестыан Селицъкий, Любелский—игуменове, именемъ ясне-превелебного его милости отца Петра Могилы, аръхиепископа, метрополиты Киевского, Галицкого, аръхимандрита Печерского, и всего духовенства, а при томъ освецоный кнежа его милость Грегорий Святополкъ на Четвертни Четвертенъский, подкоморый Луцъкий, от всих их милости панов обывателевъ воеводства Волынъского ад гункъ актумъ депутованый, именемъ такъ их милости пановъ воеводства Волынъского, яко и тежъ Киевского, Браславского и иныхъ воеводствъ обывателевъ ритусъ кгреции, в унией не будучих, за взятъем першое ведомости в справе и поступку нижей выражонымъ, противко велебъному его милости ксенъдзу Методиушови Терълецкому, владыце Хелмъскому, принципалови, и иншимъ компринципаломъ и помочникомъ, которыхъ имена и прозвиска ксендзу владыце суть добре ведомые и оныхъ се номинацио салъва на потомъ зоставуетъ, соленитеръ се сведчатъ и протестуютъ в тотъ способъ: ижъ помененый ксендзъ владыка Хелъмский, ничого не респектуючи на право посполитое и вины в немъ описаные, ани на права и привилея от королевъ святое памети полскихъ и теперешънего короля его милости, пана нашого милостивого, народови рускому, давъные и свижие, супер либера екзерциция и зажыванъя набоженствъ даные и конфиръмованые, особливо на права и привилея на кгрунты и церковъ Любелъскую брацъкую, подъ владзою пречоного ясне превелебного его милости отца метрополиты будучие, и овъ-

шемъ инъ левипендиумъ того всего чинячи и на то ви етъ виолентер наступуючи, року теперешнего тисеча шестсотъ тридцатъ девятого, месяца стычъня осмого дня, в купе немалой людей аръматъных, такъ своихъ слугъ, челяди, яко и зъ иншихъ мейсцъ на то приспособленыхъ и затягненых, на монастыр менованый брацтва Любелъского, при церкви Пременenъя Панского будучий, наехавъши, нашедъшы и до оного се добывъши и до целлей законничихъ вшедши, помененого отца игумена, з раменъя превеченого его милости отца метрополиты тамъ поданого, и другихъ законниковъ, спеваковъ, слугъ церковных и людей убогихъ, на шию з монастыра вытручаючи, бъючи, роспудивъши, впрод кгды ключовъ достать, ани слюсарскими инструментами дверей и замковъ поотмыкат до церкви и склеповъ не могучи, доперож казалъ передние двери до церкви з притвору, алиасъ бабинъца, выбить, а выбивъши до бабинъца, а не могучи в самую церковъ дверми добытисе, зходами до церковъки алъбо капличъки под звоницею вшедши, тамъ другими дверми на хоръ вошли, з хору челядника своего, неякогос Василковича, посторонъкомъ на долъ в церковъ спустили, который замокъ з церкви кгды одомкнулъ, а другие до скарбъцу церковъного, то естъ склепу подъ церквою будучого, двери вытяли и выламали, самъ ксендзъ владыка Хелмъский з своими коадюторами, опановавъши таковымъ способомъ монастыр увесъ и церковъ, з нихъ и з скарбъцу вси апараты з розных материй коштовъныхъ, злото, срибро и иншие оздобы, такъ же книги, а притомъ справы и мунименъта розные, отъ особъ шляхты з розныхъ воеводствъ до схованя тамъ даные, забралъ и кгвалтовне осегнувъши, неправъне и неслушъне тримаетъ и водлугъ уподобанъя своего диспонует. Зоставивъши теды менованые компаренътесъ их милости, кворумъ номине ставаютъ, волное учиненъе ширшеи и мелиорацию тое теперешънее протестации, инъкванътумъ бы того потреба указовала, на тотъ часъ, за взятемъ перъшое ведомости инъ реценти, о тое все, такъ о зкгвалценъе правъ на то служачихъ, яко тежъ де виолента оккупационе добръ менованыхъ монастыра церкви, побранъе розных речий и апъпаратов церковных, которых салъва тежъ номинацио ин постерумъ зостает и которые реестрами особъными ликвидованые будутъ, ничого не уближаючи их милости взглядом справъ забраных, кому бы и яко з права належало поступити, а за тымъ о

вины правные, на таковыхъ описаные, итерумъ аткве итерумъ сведчатъ и протестуются, просячи, абы тая протестация принята и до книгъ записана была; што отрымали.

Книга гродская Луцкая 1639 г, № 2474, л. 238 об.

CCCV.

Жалоба игумена Луцкаго братскаго монастыря Леонтія Шицика-Залѣскаго о нападеніи дворянъ Юрія Куликовскаго и Петра Кресимскаго на учениковъ братской школы, когда тѣ ходили по домамъ и пѣли, собирая подаяніе, и нанесеніи имъ тяжкихъ ранъ изъ огнестрѣльнаго оружія. Свидѣтельство вознаго. 1639 года, сентября 16.

Року тысеча шестсот трыдцат девятого, месеца сенътебра шестнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевское милости Луцъкомъ, передо мъною Анъдреемъ Чарноцъкимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцъкого, станувъши очевисто велебъный в Пану Богу отецъ Левонтиушъ Шыцик Залеский, игуменъ церкви брацкое Луцкое заложеня Поднесеня Крыжа святого, своимъ и всихъ их милостей панов брацъства Луцъкого особъ духовныхъ и свецъкихъ именем, прихиляючысь до перъшого оповеданъя своего, словъного, заразомъ засвижа занесеного, противко урожоному его милости пану Ерому Куликовъскому и пану Петрови Кресимъскому, принъципаломъ, такъже челяди ихъ, именами и назвисъками имъже самымъ добре ведомымъ и зънаемымъ, такъже и иншымъ ихъ конъпринципаломъ, протестовалъсе о то, ижъ в року нинешънем тысеча шестсот трыдцат девятомъ, месеца сенътебра з дня осмого на денъ девятый, кгды павперове школы брацъкое Луцъкое, яко то южъ в самый вечор могла быт година албо две в ноч, водлуг звычаю жебручи собе пожывеня и штуки хлиба, ходили спиваючы в домах розных, и южъ з места ворочаючыс до школы и до манастыра, кгды ни о чымъ злымъ ни од кого не сподиваючисе, а

поготовъю о господе и о бытности его милости пана Куликовъского и пана Кресимъского у балвира Рачъковского, недалеко тежъ монастира стоячых и будучых, не ведаючы, мимо тую то господу идучы, перед воротами кгды заспивали, хотечы ялмужъну отрымат, теды его милост пан Куликовский и тотъ то панъ Кресимский, вместо данъя ялмужъны, неведати зъ якое оказыи, безъ вшелякое вины и причыны, ихъ небожатъ толко на самый збытокъ, а зъ самое своеи воли, на удеспектованъе ихъ то чинячы, на челяд крыкнувъшы: „стреляй, бий забий тыхъ франътовъ! Бый кильку на мой карбъ, я вамъ кажу, кгдыжъ маю есче чымъ заплатить, теды поплачу: не великая то есче у мене“. Яко жъ и самъ с тымъ паномъ Кресимскимъ и с челядъю своею з голыми шаблями з господы выпадъши, оныхъ павъперовъ презъ всю улицу гонечы и на челяд все то ено: „лапайте а забийте!“ то волаючы, по улицахъ бегаючы, браварие и галасы чынилъ; якожъ челядка, за таковымъ его росказанемъ, стрелъбою аръматно тыхъ небожат павъперовъ ажъ до самого цментара и ажъ до форъты шпиталъное гонечы, на цменътаръ аже впудили, и такъ нагоняючи, шаблями били, секли и стреляли; якожъ тамъже заразомъ на цментару, недалеко тоежъ фурты, одного зъ них Павла Подгорского посечоно и оному на руце левой палец еденъ великий утято, же толко на самой шкурце ледво зостаетъ, откол южъ калекою на руку зостават мусыт. Якожъ небожата павъперове на цменътар заледво кгды ушли, и способу инъшого не маючы, а здоровъя своего яко могучы хотячы охоронит, тую ж челяд съ цменътара залёдво трохи выперъши и до тое фуръты припадъши, туюжъ-то фуръту собою самыми подперъши, трымали, просечи ихъ о милосердъе, жебы южъ дали покой; которые ничого на тую прозъбу не паметаючы, ани тежъ на монастиръ и цменътар бынамней не респекътуючы, тую-то форъту до нихъ выбияли и высекали, которое подпертое и трымаючое кгды выставить и высечи не моглы, теды праве неприятелъско з стрелъбы розное до тое форъты и до самыхъ павъперовъ стреляли, и кгдыжъ тую форъту на вылетъ постреляли, тамъ же и самых тых небожатъ двохъ павъперовъ, форъту собою трымаючихъ, меновите: Василя Кграбовъского в руку правую зверъху од костъки ку члонком пострелено, кости покгрухотано и вечънымъ калекою, же и рукою владат не будет, учынено; а другому Алекъсандрови Буховецъ-

кому бокъ левый в поперекъ под поясом престрелено отколъ калекою зостават будетъ. И такъ оных пострелявъши, цменътар зокрвавивъши и веле знаковъ кгвалтовного настя своего на той форъте и на стенахъ шпиталъных починивъшы, и убозъства, въ коморкахъ шпиталъных спячого, мало не позабияли; где за фортою кгды крикнено, же забито чловека там, челядъка то слышечи, а мовечи, же „теперъ южъ маемо за свое“, и заволавъши на пана Куликовского, пана своего, же „южесъмо то зробили, чогосмы хотели“, и такъ заледво с тамътолъ до него одошли. А кгды зась на завтрее, то ест дня девятого сенътебра, выжей помененый велебный отецъ игуменъ брацъкий Луцъкий, хотечи се приятелъско розмовитъ и о справедливост челядки просить, до его милости пана Куликовъского до господы шедши, о томъ ексцессе поведать почалъ, теды его милость пан Куликовъский, мовечы то, же „не сама то челяд моя чинила, але ямъ казалъ и з моего росказанъя то чынили; а добре бы были учинили, хочайбы и килъка позабияли“, и такъ з господы своее его милост отца игумена с тым одправил: „естли маете кривду, чините жъ собе правъпе о то, а я се справлю“. През который теды таковый поступокъ и безправъе свое его милост пан Куликовъский с тымъ то паномъ Кресимскимъ, ижъ люде покаличилъ, цменътар скрвавилъ, затымъ право посполитое и покой церковъ Божыхъ и цменътаровъ ихъ объварованый зкгвалтилъ, теды за то вины правные на особы свое затягънул и попал. Якожъ тую протестацию объясняючи и тудежъ очевисто на уряде стоячи, возный енерал, шляхетъный Иван Городыский, для записаня до книгъ созъналъ, ижъ въ року нинешънемъ тисеча шестъсот тридцат девятомъ, месеца сенътебра десятого дня, за приданъем урядовым, маючи при собе шляхту людей добрых, пана Яна Кгорновъского а Войцеха Былевского, былъ на той справе выжей выражоной в монастиру Брацъкомъ Луцъком, где форту шпиталную на вылет перестреленую и знаки тежъ сечоные, а потомъ тую форъту перешедъши, цменътар зкрвавъленый, такъже тежъ в школе лежачыхъ павъперовъ тых трох, то ест: Павъла Подгоръского посечоного, а двох: Васыля Кграбовъского и Алексанъдра Буховецъкого постреленых оглядалъ, у которыхъ тые разы и раны сечоные и постреляные, в протестации описаные, виделъ, што все они одъ его милосъти пана Ерого Куликовъского, также пана Петра Кресимского и челяди

ихъ, з власного теж роскazaнъя ихъ, при кгвалтовномъ насланю и набеженъю на цментар брацъкий Луцъкий, дня осмого на день девятый сенътебра, година алъбо две в ночи быть могло, способомъ выжей въ протестации описанымъ, перед ним вознымъ и шляхтою помененою, при нем вознымъ будучою, быт оповедали, што все он возный яко виделъ и слышалъ, теды тоеюжъ шляхтою при немъ будучою осведъчывшысе, с тамътол одшолъ и о том тую реляцию свою созналъ. Оставивъши собе теды его милость отецъ игуменъ брацъкий Луцъкий, была ли бы того потреба, волъное учинене инъшое и поправу тод теперешънее протестации, на тот час и повъторе сведчитъ и протестуетъсе, оферуючы себе и всихъ их милостей панов брацтво Луцъкое зъ его милостъю паном Куликовскимъ и паном Кресимъским о то все правъне поступить. Што все для памети до книгъ нинешнихъ урядовне естъ принято и записано.

Книга гродская Луцкая 1639 года, № 2475, л. 505.

CCCVI.

Письмо Лаврентія Древинскаго къ игумену и всѣмъ членамъ православнаго братства Луцкаго съ различными замѣчаніями относительно распоряженія и расходованія завѣщанныхъ имъ въ пользу братства денежныхъ суммъ. 1640 г., генваря 14.

Паном братиеи моей брацтва Чесного-Креского монастыра, а звлаща старшому строителю и отцу нашему, честному отцу игумену, и рознымъ паномъ дозорцомъ и всимъ панамъ братьеи, од найвышшого и до намнейшего брата уписного.

Прыпоминаю, абысте при собраню на мѣсце святое брацкое межи собою любовью старалися о моеи фундацыеи. Напродъ, о тысечу золотых з дому пана Костантого взятое: на чомъ естъ внесена, и если чыншъ з нее по сту золотых до скрынки брацкое що року доходит? Другое: если до рук старшыхъ шпиталных доходит полътораста золотых полскихъ? Третяя: если казнодеи нит, чому тая сто сорокъ золо-

тых, на казънодею фундованая, уставичного не маетъ казнодеи? Поневажъ инший урядъ игуменство, то естъ господарство монастырское, а инший уряд казнодейский. Четвертая: фундовано на убогих школяровъ петдесят золотых, а бакаляровн другую,-то снат школяровъ не доходитъ. Пятая: господиномъ законникомъ петдесят що рокъ на их потребы, а тепер пултора ста за соботние служение ранное литоргие святое; не розумию, абы не мило одправовано быти, але же скринки снат ни маешъ, с которое бы в кожъдую пятницу ведле фунъдацыеи брано на то по тры золотых; але коли и огуломъ возмут, а другый наступившы, не беручи на роботу ничого, не схочет дармо служыти; и нищие не берут своих десятъка грошей брати. Шостая: фунъдацыя на Омелни тысячу золотых через пана Кропивницкого, подъсудъка Браславского, по трыдцеты копъ не позывано и терпят (?); о тое ест зыскъ а то одержаный анно 1638. Семая: далемъ дви куфи малмазыеи, абы спродано: где грошы обернено? Нехай учынят личъбу и у скринци найдуются.

О то вашу милость прошу, абы водле фундацыеи диялося, чым потягнете и на другую фунъдацыю кожъдого брата. Диялося в Луцъку, месяца генвара дня 14, року 1640.

О пренесене з кгроду до земства тых фунъдацый упоминаю.

Ваших милостей брат и слуга, всего доброго зичливий, братъ вашъ Лаврентий Древинский, чашникъ Волынский, его королевской милости покоевый дворянинъ и секретаръ *).

На оборотѣ надпись: На зложенъю пановъ братие, при слуханъю личбы, подати их милостям всим собраннымъ на мистце братское у монастиру Брацкомъ Луцкомъ, от сполбрата их милостей.

Подлинникъ хранится въ собраніи Коммиссіи, № 155.

---

*) Подпись эта, а равно и нѣкоторые приписки въ срединѣ письма, сдѣланы собственной рукой Л. Древинскаго.

CCCVII.

Судебный разборъ дѣла по обвиненію дв. Юрія, Андрея и Александра Чапличовъ-Шпановскихъ въ томъ, что они, въ видахъ распространенія аріанской секты, устроили въ своихъ имѣніяхъ аріанскія школы, а въ м. Киселинѣ открыли даже академію, для преподаванія въ которой пригласили изгнанныхъ изъ г. Ракова аріанскихъ вѣроучителей, коимъ позволяютъ свободно и открыто проповѣдывать свое ученіе, устраивая для этого въ своихъ имѣніяхъ съѣзды или многолюдныя сборища. 1640 года, іюля 3.

Року тисеча шестьсотъ чотыридесятого, месяца июля третего дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, во три недели по Светой Тройци, рымскомъ святе, в року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, передъ нами Станиславомъ Корчъминскимъ, судею, а Петромъ Загоровскимъ, подсудкомъ, врядниками судовыми земскими Володимерскими, приточиласе справа з реестру судового, за приволанемъ возного, шляхетного Счасного Кгошевского, межи инстикгаторомъ тудеж и его деляторами, ясневелможнымъ и высоце в Пану Богу превелебнымъ ксендзомъ Анъдреемъ Кгембицкимъ, з ласки Божое и Апостолское столицы бискупомъ Луцкимъ, и капитулою его, такъже велебнымъ отцемъ ксендзомъ Станиславомъ Урбановичомъ, плебаномъ Володимерскимъ, поводами, а урожоными паны: Юремъ на Киселине, Анъдреемъ и Алексанъдромъ на Береску, Чапличами Шпановскими, позваными за позвомъ земскимъ Володимерскимъ, одъ поводовъ по позваныхъ на роки теперешние в справе нижей менованой выданымъ, который, за поднесенемъ стороны поводовое, у суду былъ читанъ и такъ се в собе маетъ: Владиславъ Четвертый, з ласки Божое король Полский, et caet. Вамъ урожонымъ Юреви на Киселине, Анъдрееви и Александрови на Береску, Чапличомъ Шпановскимъ, зо всихъ добръ верностей вашихъ рухомыхъ и нерухомыхъ, такъ же сумъ пинежныхъ, росказуемо, абысте верности ваши передъ судомъ нашимъ земскимъ Володимерскимъ, на рокахъ земскихъ Володимерскихъ, в року теперъ идучомъ тисеча шестьсотъ чотырдесятомъ, во три недели по Светой Тройци, рымскомъ святе, в замку нашомъ Володимерскомъ припадаючихъ и судячихъсе, сами очевисто и завито, яко на року завитомъ, стали на скаргу и правное попарте инстикгатора нашого, тудежъ

и его деляторовъ, ясневелможного и высоце в Пану Богу превелебного ксендза Анъдрея Кгемъбицкого, з Божое и Апостолское столицы ласки бискупа Луцкого и капитулы его, такъ же велебного отца ксендза Станислава Урбановича, плебана Володимерского, которые, перестерегаючи повинности своее пастырское, прихиляючисе до протестаций своихъ, верность вашу позываютъ о то, ижъ верность ваша, мимо позволене становъ коронныхъ и овшемъ надъ заказъ права посполитого и декретовъ сеймовыхъ, на взгарду Божую и на знисчене юрисдикъции пастырское поводовъ, такъ же ку взрушеню покою посполитого, важилистесе секъту якуюсь новую, презъ костелъ и все хрестианство потупленую, але тежъ декретами такъ трибуналскими, яко тежъ сеймовыми забороненую, а правомъ посполитымъ єдностайнымъ голосомъ за чортовъскую декляровану, на заразу верныхъ Божихъ и на вкоренене такъ блюзнирское и чортовъское професии, в местечкахъ своихъ названыхъ, Киселине и Береску, в деканате Володимерскомъ лежачихъ, проводити, якуюсь академию в Киселине, без позволеня Речипосполитое, приватне, на заражене людей молодыхъ и хрестианские дети, также фунъдовати, якихсь предикантовъ своихъ и министровъ блюзнирскихъ, звабивши з розныхъ месцъ, и противко декретови сеймовому, з Ракова проскрибованыхъ блюзнирцовъ, подъ протекъцию свою взявши, тамъ ихъ в той своей блюзнирской академии старшими министрами починивши, уфунъдовалисте, онымъ школы якиесь одтворити и науки блюзнирские розсивати, на взгарду Божую и маестату его, допустилисте и допущаете, и сеймики якиесь албо згромаженя, праву Божому и духовному, такъ и конъституции и декретомъ короннымъ спротивляючисе, а тымъ блюзнирцамъ поблажаючи и помочи додаючи, становите. Штож деляторомъ, яко пастыромъ тамъ того месца, абы такая маестату Божого обелга през далшое вкоренене блюзнирское тое секъты не деяласе, належить, теды они, почуваючисе в повинности своей, шкоды собе противко вамъ на двакротъ сто тисечей золотыхъ полскихъ шацуючи, позываютъ на вказане на васъ таксы тое и винъ правныхъ, на блюзнирцовъ майстату Божого уфаленыхъ, тудеж до прислуханя забороненя верностямъ вашимъ таковыхъ академий блюзнирскихъ и ерикгованя без позволеня Речипосполитое выставленыхъ школ и зборовъ противко костелови Божему и до наказаня того всего, што бы только належало

до задержаня покою посполитого, который през таковые блюзнирские подаваня оказий взрушоный могълъ бы быти; на который терминъ абысте станули и во всемъ се в томъ поводомъ скутечне, судовне одповедаючи, усправедливили. Писанъ в замку Володимерскомъ, року тисеча шестьсотъ чотырдесятого, месяца мая чотырнадцатого дня. Миколай Гораинъ, писаръ. А по вычитаню того позву, сторона поводовая просила и домовяласе, абы позванымъ справоватисе на тотъ позовъ наказано было. А умоцованый позваныхъ поведилъ, же се позваные не повинни на тотъ позовъ поводомъ справовати, або вемъ поводове положенья того позву а ни реляциею, а ни очевистымъ сознанемъ возного, термину не доводятъ, зачимъ просил одъ термину волности. А поводовая сторона поведили, же умоцованый позваныхъ термину ганити не можетъ, кгдыжъ и пленипотенъции одъ принципаловъ своихъ до тое справы не маетъ; и просили, абы судъ пленипотента позваныхъ до тое справы не припущалъ, а поводовой стороне на позваныхъ далший поступокъ правный в той справе отрымывать наказалъ. А умоцованый позваныхъ, показавши предъ судомъ пленипотенцию, ему одъ принципаловъ его даную, просилъ, абы судъ добрую пленипотенцию быти узналъ и сторонамъ в справе росправоватисе наказал. Судъ нинешний земский Володимерский, контроверсии сторонъ обохъ: поводовое велебного в Бозе ксендза Станислава Урбановича, плебана Володимерского, самого очевисто и за моцю его милости ксендза бискупа Луцкого, а позваное презъ урожоного пана Павла Вышъковъского, коморника граничного повету Володимерского, умоцованого ее, до суду нинешнего вношоныхъ, выслухавши, добрую пленипотенцию одъ позваныхъ узнаваетъ и сторонамъ ексъперири наказуетъ; одъ которого декрету поводовая сторона до суду головного трибуналу Любелского на консерваты воеводствъ Киевъского, Волынского, Браславского и Черниговского, межи справы композити юдиции, апелевали. Судъ ей тое апеляции допустивши, терминъ за нею обомъ сторонамъ у менованого суду трибуналского, в Люблине, на тотъ часъ, кгды справы консерватные воеводств Киевского, Волынского, Браславского и Черниговского композити юдиции (ежели ординация трибуналская позволитъ) найпервей по дате декрету нинешнего и по выстю шести недель до суженя припадутъ и сужони будутъ, ку росправе правной, кромъ припозву, становитисе

зложилъ и назначилъ. А умоцованый позваныхъ одъ префиксии допусчоное поводомъ на консерваты апеляции до суду головного трибуналу Любелского на воеводство Волынское поветъ Володимерский апелевал; судъ ему тое апеляции не на воеводство, але на консерваты, яко и поводомъ, допустилъ. А онъ о попарте тое апеляции на воеводстве Волынскомъ, затымъ о кгравименъ и о шкоды на судъ сведчилсе; судъ се тежъ репротестовал, ижъ такъ водлугъ права быти розумелъ. Што все для памети до книгъ нинешнихъ есть записано.

Книга земская Владимірская 1640 года, № 1209, л. 58.

CCCVIII.

Судебный разборъ дѣла по обвиненію изгнанныхъ изъ г. Ракова аріанскихъ вѣроучителей дв. Матвѣя Твердохлѣба, Якуба Гриневича Гижановскаго, Лукаша Рупневскаго и другихъ въ распространеніи аріанской секты, открытіи въ м. Киселинѣ и Березцѣ аріанской академіи и другихъ школъ и устройствѣ многолюдныхъ сборищъ въ видахъ пропаганды аріанства. 1640 года, іюля 3.

Року тисеча шестьсотъ чотырдесятого, месяца июля третего дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ *(и проч. какъ въ предыдущемъ актѣ)* приточиласе справа з реестру судового межи инстикгаторомъ тудежъ и его деляторами, ясневелможнымъ и высоце в Пану Богу превелебнымъ ксендзомъ Андреемъ Кгембицкимъ, з Божое и Апостолское столицы ласки бискупомъ Луцкимъ, и капитулою его, также велебнымъ ксендзомъ Станиславомъ Урбановичомъ, плебаномъ и деканомъ Володимерскимъ, поводами, а шляхетными паны: Матисомъ Твардохлѣбомъ, Якубомъ Гриневичомъ Кгижановскимъ, Киселинскими, и Лукашомъ Рупневскимъ и иншими всими, имъ самымъ имены и прозвиски добре ведомыми и знаемыми, такъ Киселинскими, яко и Березскими министрами, маистрами и бакаларами, позваными, за позвомъ земскимъ Володимерскимъ, одъ поводовъ по позваныхъ на роки теперешние, в справе нижей менованой, выданымъ, который, за поднесенемъ стороны поводовое, у суду былъ читанъ

и такъ се в собе маетъ: Владиславъ Четвертый, з ласки Божое король Полский и проч. Вамъ шляхетнымъ Матысови Твардохлибови, Якубови Гриневичови Кгижановскому, Киселинскимъ, а Лукашови Рупневскому, Березскому, и иншимъ всимъ, вамъ самымъ имены и прозвиски добре ведомымъ и знаемымъ, которыхъ всихъ имена и прозвиска поводове нижей менованые за выражоные меги хочутъ и в томъ позве нашомъ декляруютъ, такъ Киселинскимъ, яко и Березскимъ министромъ, маистромъ и бакаларомъ, зо всихъ добръ верностей вашихъ рухомыхъ и нерухомыхъ, также з сумъ пинежныхъ, росказуемъ, абысте верность ваша передъ судомъ нашимъ земскимъ Володимерскимъ, на рокахъ судовыхъ земскихъ Володимерскихъ, в року теперъ идучомъ тисеча шестьсотъ чотырыдесятомъ, во три недели по светой Тройци, рымскомъ святе, в замку нашомъ Володимерскомъ припадаючихъ и судячихъсе, сами очевисто и завито, яко на року завитомъ, стали на жалобу и правное попарте инстикгатора нашого, тудежъ и его деляторовъ, ясневелможного и высоце в Пану Богу превелебного ксендза Анъдрея Кгембицкого, з Божое и Апостолское столицы ласки бискупа Луцкого, и капитулы его, также велебного ксендза Станислава Урбановича, плебана и декана Володимерского, которые, перестерегаючи повинности своее пастырское, верность вашу, прихиляючись до протестаций своихъ, позываютъ о то, ижъ верность ваша, мимо позволене становъ коронъныхъ и овшемъ надъ заказъ права посполитого и декретовъ сеймовыхъ, а на взгарду Божую и зписчене юрисдикъции поводовъ, также ку взрушеню покою посполитого, важитесе секъту якуюсь новую, през костелъ и все хрестианство потупленую, и тежъ декретами такъ трибуналскими, яко и сеймовыми забороненую, а правомъ посполитымъ и одностайнымъ голосомъ за чортовскую деклярованую, на заразу вирныхъ Божихъ а на укоренене такъ блюзнирское и поганское професии в местечкахъ вышъ менованыхъ, названыхъ Киселине и Березку, в деканате Володимерскомъ лежачихъ, маетностяхъ урожоныхъ Юря, Анъдрея и Александра Чапличовъ Шпановскихъ, тоежъ секъты вашое сектаровъ, промоторовъ и оборонцовъ, за поводомъ и промоцнею ихъ вироважати и якиесь академии, безъ позволеня Речипосполитое, приватимъ, на заражене людей молодыхъ и хрестианскихъ дитей, тамъже закладати и фундовати, противко декретови сеймовому, которымъ васъ яко блюз-

нирцовъ зъ Ракова проскрибовано, и тамъ в той своей блюзнирской академии, такъ в Киселине, яко и в Березску, старшими и министрами починившися, школы якиесь одтворилисте и науки блюзнирские розсивати на взгарду Божую и маестату его светого смиете и важитеся, якожъ и самою речю и скуткомъ розсиваете, и сеймики якиесь, праву Божому и духовному, также и конституциюмъ и декретомъ короннымъ спротивляючись, вашимъ сектаромъ, оборонцомъ и протекторомъ тое блюзнирское секъты вашое и васъ самихъ поблажаючи и оныхъ до того умыслне приводечи и рады онымъ додаючи, становите. Што ижъ деляторомъ, яко пастыромъ тамъ-того месца и диецезии, абы тая маестату Божого обелга презъ далшое вкоренене блюзнирское тое секты не деяласе, належитъ, теды они, почуваючисе в повинности своей, шкоды собе противко вамъ на двакротъ сто тисечей золотыхъ полскихъ шацуючи, позываютъ на вказане на васъ такъсы тое и винъ правныхъ, на блюзнирцовъ маестату Божого ухваленыхъ, тудежъ до прислуханясе забороненя вамъ таковыхъ акъкадемий блюзнирскихъ и еригованя безъ позволеня Речи посполитое выставленыхъ школъ и зборовъ противко костелови Божому, и до наказаня того всего, штобы толко належало до задержаня покою посполитого, который презъ таковые блюзнирские презъ васъ подаваня окъказий взрушоный моглъ бы быти. На который терминъ абысте станули и во всемъ се поводомъ скутечне усправедливили. Писанъ у Володимери, року тисеча шестьсотъ чотырдесятомъ, месяца мая чотырнадцатого дня. Миколай Гораинъ, писаръ. А по вычитаню того позву, сторона поводовая просила и домовяласе, абы позванымъ на тотъ позовъ справоватисе наказано было. А умоцованый позваныхъ, шляхетный панъ Янъ Михалевский, поведилъ, же се позваные не повинни на тотъ позовъ поводомъ справовати *(и проч. Остальное до конца буквально такъ же, какъ и въ предыдущемъ актѣ).*

Книга земская Владимірская 1640 г., № 1209, л. 60.

CCCIX.

Жалоба игумена Почаевскаго монастыря Ивана Желиза на дв. Андрея Фирлея, каштеляна Бельзскаго, о грабежѣ чудотворной иконы Божьей Матери и другой церковной утвари, объ отнятіи и присвоеніи монастырскихъ земель, объ устройствѣ въ самомъ монастырѣ шинковъ и другихъ обидахъ. 1641 г., марта 9.

Року тисеча шестсот чотырдесят первого, месяца марца девятого дня.

На вряде кгродском, в замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Гавърылом Корытинъским, буркграбим и наместником староства Луцкого, объличъне велебъный его милость отецъ Иванъ Желизо, игуменъ монастыра Пачаевского, своим и всее брати свое того жъ монастыра именемъ, ставъшы, противко велъможному его милости пану Анъдрееви Фирлееви, каштелянови Белзскому, сведчилсе и протестовалъ о то: ижъ помененый его милость панъ Белзъский, спротивляючысе и не чынечы досытъ обликгови, алъбо фунъдушови некгды зошлое урожоное ее милости панее Анъны Козинъского Гойское, судиное земское Луцъкое, на монастыр Почаевъский заложеня Успения святое Пречистое наданому и перед книгами земъскими Кременецъкими очевисто сознаному, тудежъ и не огледаючысе ничого на проклятство, в томъ же фунъдушу выражоное, але чынечы ку уйме и уближеню хвалы Божое и добром церковъным, место обороны от кривъдъ и утисковъ такъ самых духовных, в том манастыру будучых, яко теж поданых и кгрунътов, тым фунъдушовымъ записом наданых, сам его милость панъ Белзский, усилуючи и зовсюмъ стараючысе, абы хвалу Божую и насвятшое Панъны затлумил, церъков и месце тамошънее кривъдил, а за тымъ законъниковъ с тамтого месца вытеснул, напрод: образъ пренасвятшое Панъны Богородици, чудами великими значными уславъленый, кошътовный, каменъми дорогими сажоный, на котором гривенъ три шчирого золота з шмелцами, а перелъ урянских великих копъ осмънадцет было, а при томъ апараты, такъ од тоежъ зошлое панее судиное, яко и иншых розных людей побожъных, наданые, яко и през менованых самых законъниковъ великим коштом и накладом справленые, розныхъ кгатунковъ: блаватъных, аксамитных, адамашъковых, атласовых, табиновых и инъшых подлейших, так же при тых

апаратахъ кадилницъ две срибрьных, а крестов два, так же келихи с патынами, и инъшими до целеброваня сакраменту пренасвятшого належачыми посудками сребрными, злоцистыми, забравъшы и до замку своего Козинъского отпровадити казавъшы, не оддает, и оддати не хочетъ, што все особъным реестромъ часу и местца своего верификовати будут протестанътес. Потомъ роковъ розъных копъцы, которыми кгрунъты манастырские граничоные были, през подданые свое Почаевские попъсовал и оные знеслъ, до того кгрунъту поля ораного и неораного волокъ десят, в кождой руце по десяти резовъ, з дубровою на тых же волоках будучою, лес водле тоежъ церкви ест с полем и сеножатми, по зънакахъ певных в том фунъдушу описаный, ку пожыткови своему обернулъ, а протестуючым выделити ани десятины, также и сумы готовых грошей, водле фундушу, за лет килканадцат, за частокротнымъ упоминанем приятелъским, оддати не хочетъ и не оддаетъ, аренъдаромъ и шинъкаромъ села Почаева, под часъ отправованя набоженъства на свята урочистые, на зневагу хвалы Божое, шинкъ в манастыре вшелякого напою отправовати позволяетъ; и надто право и покой посполитый взрушаючы, в року прошлом тисеча шестсот чотырдесятом, месяца июня деветнадцатого дня, урядника своего Почаевского з боярами, поддаными Почаевскими, которых было килканадцат, ему именами ведомых, на власные огороды подданых монастырских, такъ же и на кгрунтъ монастырский, фунъдушом окресленый, межы поддаными манастырскими, по левой руце, идучы зъ села Почаева до манастыра, лежачый, кгвалътомъ наславъшы, черезъ того жъ урядника своего бояръ и подданых плоты коло огородовъ подданымъ ихъ повырубали и городную ярину в нивеч обернули, а помененый кгрунътъ одняли и з оного протестуючых выбили и на потребу власную тое поле обернули; зачым у вины правъные попал и до шкодъ немалых за неужыванем тых кгрунътовъ, которые через позовъ спецификованые будут, приправил. О што и повторе осведчывшысе, зоставившы собе волное учыненъе шыршое и мелиорацию тое теперешънее протестации, где того потреба указовати будет, на тот час таковую свою протестацию заносит, просечы, абы принята и до книг записана была; што отрималъ.

Книга гродская Луцкая 1641 года, № 2477, л. 347 на об.

CCCX.

Жалоба православнаго Перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича Вοютинскаго и священниковъ Іоанна Торскаго и Θеодосія монаха о разныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, чинимыхъ имъ со стороны уніатскаго духовенства; въ частности же: о нападеніи уніатовъ на означенныхъ священниковъ, нанесеніи имъ тяжкихъ побоевъ, заключеніи въ тюрьму и грабежѣ ихъ имущества. Показаніе вознаго и свидѣтелей, видѣвшихъ священниковъ закованными въ кандалы. 1642 года; генваря 28.

Do sądu niniejszego leżenia xiąg ziemskich Przemyskich y akt tegosz sądu Przemyskiego oblicznie przyszedszy w Bodze przewielebny jego mość ojcieć Selwester Hulewicz Wojutynski, disunitorum ritus Graeci episkop Przemyski y Samborski, niżey opisanym sposobem zelżony, y Ioan Torski, protopop Przemyski, y Theodosius, zakonnik reguły swiętego Bazilego, oboy prezbyterowie, acz skoro iedno do jakiego ż kolwiek, lub nie do zupełnego zdrowia pierwszego, przyszedszy, do tych prawe czas z zbicia srogiego y smrodliwego tamże niżey dostatecznie wyrażonego oraz spuchli, z łożka nie wstaiąc, długą niemoc cierpiawszy, z przytomnoscią tegoż w Bogu wielebnego jego mosci ojca Hulewicza, episkopa swego, pod ktorego jako zawsze byli, tak y teraz zostawają władzą y zwierzchnoscią, przeciwko w Bodze przewielebnemu iego mosci ojcu Athanazemy Krupeckiemu, ejusdem ritus Graeci unitorum episkopowi Przemyskiemu y Samborskiemu, y Iozephowi Krupeckiemu, zakonnikowi, y Semionowi Morasczkowi, presbiterom, iako uczynku niżey opisanego przez roskazanie, subordynowanie y nasłanie pryncypałow, także przeciwko slachetnemu Ianowi Krupeckiemu, Philonowi Czerkaskiemu, Ianowi Osinskiemu y uczciwym Hrehoremu Towarnickiemu, Ianowi Łukaszewiczowi, jako tegoż uczynku compryncypałom, y innym wszystkim, ktorych principales et comprincipales lepiey imiona wiedzą y ktorych protestujący do wiadomosci pewney dosiągnienia wolne lub w protestacyey, jesli jey potrzeba będzie, lub też y w pozwiech wolne sobi in toto mianowanie cale zostawuią pomocnikom, załobliwie y z płaczem protestowali się o to: iż oni, mianowicie w Bogu przewielebny jego mość ociec Krupecki, lekce sobie tak wiele praw y constitucyi dawnieyszych y swiezszych,

ktoremi wchystkiemi pokoj y bezpieczenstwo wszelakie między unitami ejusdem ritus Graeci y disunitami surowie pod winami szerocze w nich wyrażonemi ze wszelakich miar iest warowane, a osobliwie na blizko przeszłego walnego seymu constitucyią, żadnego nie maiąc respectu, y owszem na większy contept y dishonor iednego z protestuiących jego mosci oyca Hulewicza episkopa, ktorego y z pomocnikami iego wszystka unanimi consensu Rzeczpospolita pristino honori statui redintegrowawshy, przy tymże iako y pierwey nad disunitami w władicztwie Przemyskim y Samborskim ad vitae ejus tempora mieć chciała, nie kontentuiąc się pierwszymi niemałemi y nieznosnemi honor y substantią iego mosci oyca Hulewicza, z temi z comprincypałami y pomocnikami swemi praematura się porozumiawszy, nie tylko samemu iego mosci oycu Hulewiczowi episkopowi (onego obelżywemi zawsze znieważaiąc słowami y titułu powinnego władyczego nie przypisuiąc iemu) wszelakiemi sposobami odpowiadaiąc, ale y na prezbitery y czennce albo zakonnikow y czeladz iego zewsząd przeczuwaiąc y onych (ktorzy wszyscy dla niego od ostatniego zdrowia swego upadku nie są wolni) szpieguiąc y umyslnie szukaiąc, czasu niedawnego podlug kalendarza rzymskiego dwudziestego osmego dnia pazdziernika, to est w poniedziolek, w dzień samy swiętych Simona Iudy apostołow, w roku blizko przeszłym tysiąc szescset czterdziestym pierwszym, gdy dwai z protestuiących wyżei wspomnieni protopop y czerniec albo zakonnik, jako pace publica assecurati zostaiąc, ni o czym nie wiedząc a ni się żadnych na się zasadzek spodziewaiąc, proszeni od uczciwego.. Łyszowicza, woyta Linnickiego, do wsi jego krolewskiey mosci Linina, w powiecie tutecznym Przemyskiem leżącey, iako do blizkiego protopopowego pokrewnego, z Przemysla przyiachali, tam ex mandato suorum principalium comprincypałowie z swemi pomocnikami onych zewsząd umyslnie spieguiąc, a ieszcze w Przemyslu, kędy sie obrucić mieli, wiadomosci dosiągszy, wszyscy do piętnastu koni, cum armis et in armis z strzelbą zaraz w tropy za niemi w pogonią idąc, do Linina przyiachali, y tam ledwo co przerzeczeni protopop y zakonnik z protestuiących do dworku woytowskiego wiechali, zaraz dworek wszystek około z strzelbą otoczywszy, wrota do podworza wytrąciwszy a dzzwi do sieni y izby wybiwszy y tam z przyłożonemi kurkami do strzelby

wpadszy, słowo te wprzod: „a tu scie zdraycy y rozboinicy nasze!“ wyrzekszy y iego mosci oyca Hulewicza srodze wsczypliwemi (ktorych honori ejus parcendo nie wspomina się, ale ie scrutinium oswiadczy) słowy zelżywszy a prostym Hulewiczem, a ni zakonnikiem, a ni władyką nie nazwawszy, z protopopa suknie zewłokszy, obudwu protopopa y zakonnika protestuiących, nie respectuiąc nic na osoby ich duchowne, obuchami srodze zbili, a potym na ziemie powaliwszy y nogami zdeptawszy a ręce nawspak załamawszy, postronkami mocno skrępowali y na koliasę ich że własną iako złoczyncow iakich wwaliwszy, do manastyrza swiętego Spasa zawiezli. Kędy principałowie zdraycami także y rozboinikami oraz y iego mosć oyca Hulewicza nazywaiąc y innemi słowy, honorowi iego mosci szkodzącemi, contemptuiąc witali, potym obiedwu tych prezbiterow do turmy, dla chłopstwa swawolnego zbudowaney, ktora była instar kloace srodze smrodliwa, wrzucili y tam trzy dni y trzy nocy więzili; y gdy iuż od smrodu wielkiego opuchli byli, ztamtąd srodze chorych wywłokszy, do innego, pod zwonicę na dno więzienia wtrącili y tam na zimnie y głodzie dni y nocy siedmnascie bez miłoserdzia wszelakiego więzili, i gdy by byli przyiaciele ich napoły umarłych z tak cieżkiego więzienia nie wyzwolili, w smierć by ich pewnie byli przyprawili. Przy ktorym takowym zbiciu y więzieniu rzeczy przy nich będące y onych własne, iako to: koni pare wronych, valoris florenorum octoginta, kolasze żelazem okowaną, valoris florenorum triginta, sukien pare falendyszowyich crarnych protopopowych, valoris florenorum septuaginta, ktore szaty sam ieden z comprincypałow Ian Krupecki z protopopa zdzierał; posciel z kołdrą y tlumokiem, valoris florenorum triginta; kilim turecki nowy, valoris florenorum czternascie, ciż comprincypałowie z pomocnikami swemi modo illicito in vim praedae et spolii wzieli. Ktorym takowym swym postępkiem ponieważ episcopalem jego mosci oyca Hulewicza preeminentiam w iego własney y presbiterow iego osobie sromotne zełżyli, pokoy pospolity między disunitami y unitami ejusdem ritus Graeci, wiele constituciy surowie opatrzony, zgwałcili, protopopu y czernca oboch praesbiterow ważylisię zbić y więzić, zaczym surowosci praw wszystkich praemissa omnia prohibentium na się pociągneli y peny w nich opisanych podpadli. O ktore protestuiący wszyscy oraz iego mość

ocieć Hulewicz o sromotne swoie znieważenie, a praesbiterowie o niemałe zbicie y ciężkie więzienie swoie ratione praemissorum omnium in subselio competenti seu foro fori, prout qualitas circumstatiarum actus praesentis poposcet, ofiarowali się czynić, salva nihilo minus eiusdem protestationis melioratione et hic subinde. Coram eodem judicio positionis actorum termini Premysliensi actisque eisdem personaliter stans ministerialis regni generalis providus Panko Kardos, judicio praesenti bene notus, cum nobilibus Basilio Iasinski, Stephano Godzyszewski, sibi majoris testimonii causa additis, recognovit: quia ille cum dictis nobilibus, ad instantiam et requisitionem reverendi patris Silvestri disuniti Hulevicz et reverendorum Ioannis Torski, protopononis Premysliensis, et Theodosii religiosi regulae sancti Basilii, ipso die festi sanctorum Simonis et Iudae apostolorum ad monasterium sancti Salvatoris ritus Graeci personaliter condescendit cum dictis nobilibus ibidemque praefatos Ioannem Torski, protopoponem Premysliensem, et Theodosium religiosum sancti Basilii in carceribus detentos in compedibus fereis provenit; vidit atque eosdem incarceratos in compedibus fereis apud reverendum Gerasim Bandrowski et Storszowski subdiacones protunc ibidem existentes arestavit et eisdem arestum intimavit. De quo ministerialis praefati haec est relatio, nobilibus id ipsum attestantibus. Acta sunt haec Premysliae, in positione actorum terrestrium judiciarium, feria tertia post festum Sanctae Agnethis Virginis ac Martyris proxima, anno Domini millesimo sexcentesimo quadragesimo secundo.

На подлинномъ двѣ печати. Извлечено изъ дѣлъ Духовнаго Собора Почаевской Лавры, № 4/80.

CCCXI.

Королевская грамота Иларіону Колковскому на званіе коадъютора архимандрита Черниговскаго уніатскаго монастыря Кирилла Транквилліона, съ правомъ преемства по его смерти. 1643 года, марта 3.

Władysław etc. Oznajmujemy tym listem naszym wszem wobec y każdemu z osobna, komu to wiedzieć należy, a osobliwie wielebnemu oycu Andrzejowi Zlickiemu, episkopowi Smolenskiemu y Czernichowskiemu, jako starszemu nad unitami diaecesiej tey, i inszym napotym będącym, isz my, mając cordi unią swiętą, a chcąc onę w panstwach naszych pomnażać, wszelakim iey przeszkodom zabiegać zwyklismy. A isz we wszystkim trakcie Czernichowskim, jako mamy wiadomość, żadnego niemasz monastera in unione, oprocz w samey tylko ossobie wielebnego oyca Kiriła Tranquilliona, archimandryty Czernichowskiego, unia swięta ramyka się. A jusz starością będąc nadwątlonym y mniey sposobnym do rozszerzenia jedności swiętey y porządnego zatrzymania tego mieysca y przez zeszłość w leciech blizszym smierci zostaie, przeto aby, poki żyie, miał swoje duchowne pomocy, jako y doczesne, tudzież aby y po smierci iego ta archimandrya nie wpadła w ręce schismatyckie, mając wielebnego oyca Hilariona Kołkowskiego, zakonnika S. Bazylego, w uniey S. będącego, osobę zakonną, tak od panow rad naszych, jako y przełożonych unitow z dobrych obyczajow życia pobożnego y nauk wyzwolonych zaleconego, umyśliliśmy onego za coadjutora, cum spe futurae successionis, pomienionemu wielebnemu Kiriłowi, archimandrycie Czernichowskiemu, podać, jakosz podajemy tym listem naszym, z tym dokładem, że tenże mianowany coadjutor, a nie inszy, dożywotnem prawem za teraźniejszym podaniem naszym mający zupełne od nas sobie dane archimandrictwa Czernichowskiego prawo, na wszystkich dobrach, do tey archimandriey zdawna należących, tak jako ją terazniejszy archimandryta trzyma, to jest cerkiew Czernichowską ze wsią Owdiowską rzeczoną, cum omnibus ejusdem attinentijs, mianowicie z łąkami, polami, sianożęciami, iezioramі, pastwiskami, lasami, borami, puszczami, chrostami, zaroslami y innemi wszystkiemi zdawna powinnemi przynależnościami, żadnych nie excipując, zostawać nieodmiennie ma. Ieżeliby też ante decessum po-

mieniony archimandrita to archimandristwo chciał rezygnować, tedy jako post jus ad presens cessum, tak y post decessum, nie potrzebując inszey praesentiey, za tym listem naszym może zwysz mianowany wielebny ociec Hilarion Kołkowski, jako coadjutor y succedaneus, za tym listem naszym, jako od nas praesentatus, do realney archimandryctwa tego przyść possessyey, jako za pozwoleniem y wyrazną w tym wolą naszą krolewską. Na co dla lepszey wiary y pewności ten przywiley ręką naszą podpisawszy, pieczęcią koronną stwierdzić rozkazaliśmy. Dan w Warszawie, dnia III miesiąca marca, roku Pańskiego MDCXLIII, panowania naczego Polskiego y Szwedzkiego XI roku. Uladislaus Rex. Thomas Uieyski, s. regiae maestatis.

Акты Метрики Коронной, 1638—1643 г., № 185, л. 499 об.

CCCXII.

Жалоба воеводы Кіевскаго, старосты Житомирскаго, Януша Тишкевича о томъ, что дв. Юрій Немиричъ, будучи аріаниномъ, незаконно исхлопоталъ себѣ у короля грамоту на должность Кіевскаго подкоморія, и когда ему пришлось выполнять присягу на эту должность по обычной формулѣ во имя св. Троицы, то онъ осмѣлился богохульствовать, сказавъ, что для достиженія своей цѣли онъ готовъ поклясться «не только тройкой, но даже и четверкой». Вмѣстѣ съ этимъ Тишкевичъ жалуется на маршалка Житомирскаго реляційнаго сеймика Самоила Припковскаго, который, самъ будучи аріаниномъ, отказался принять жалобу на своего единовѣрца Немирича. 1643 года, мая 11.

Выпись с книгъ головныхъ трибуналскихъ, консерватъ воеводства Киевского, року тисеча шестьсотъ чотырдесятъ третего, месяца мая одинадцатого дня.

До актъ нинешнихъ и суду головного трибуналского Любелского, обличне пришедши ясневелможный его милость панъ Янушъ з Логойска Тишкевичъ, воевода и енералъ земль Киевскихъ, Житомирский староста, прихиляючися до протестацыи през слугу своего, урожоного Станислава Буялъского, в Житомиру, на сеймику теперешнимъ, по

сейме варшавскомъ близко прошлымъ, такъ противко урожоному пану Самоелови Припковскому, маршалкови на тотъ часъ сеймику реляцыйного Житомирского, яко и урожоному Ерому Немиричови, претендованому (ад мале нарата, з упрошоного привилею у его королевское милости, обецуючисе зостать з арияна католикомъ и хрестияниномъ) подкоморому Киевскому, а то для того, ижъ помененый маршалокъ сеймику Житомирского, коинътелиенъцыю маючи с помененымъ урожонымъ паномъ Немиричомъ и з инъшими на тотъ сеймикъ умыслне спроважоными (подъ небытность на тотъ часъ протестуючогосе) еюздемъ секте арыянами, одъ урожоного помененого Станислава Буялъского, слуги протестуючогосе, протестацыи, инъ конвенъту публико Житомириенсы противъко помененому пану Немиричови занесеное, с повинности своее, фаворызантомъ будучи ет ипсо факто самъ арияномъ, помененому пану Немиричови о заседане местца уряду подкоморского Киевъского презъ пана Немирича собе иллицыте етъ индиктнē, противъко правомъ привилейорумъ унионисъ выражонымъ, занесеное, не хотелъ темере приняти; противко зась преречоному урожоному пану Немиричови, претендованому подкоморому Киевскому, ижъ онъ, яко ад мале нарата, упросивъши собе ексъ маля фиде у его королевское милости привилей на подкоморство Киевъское, маючи кондиктаменъ з особою певною з урядниковъ кгродскихъ Киевъскихъ протестуючогосе, на выконане присеги блюзнерское противко Тройцы пренайсветшое несподзяне зъяхавъши, блюзнерско, не веричи в Пана Бога, в Тройцы святой Едного, не чекаючи роковъ земскихъ Киевъскихъ, где был мел присегу, яко на урядъ земский, выконать, кляндестине праве етъ иллеитыме присегши, такъ зась розными способами, з розными особами маючи свое кондиктамина, презъ розные декрета на тотъ же урядъ подкоморский Киевъский иллицитe, хотечи быть ин екзекуцыоне оного, срубуетъсе, и не чекаючи децызыи правъное за протестацыями такъ протестуючогосе, яко и од ясневелебного его милости ксендза бискупа теперешнего киевского, противко урядови его претендованому подкоморому занесеными, ин лите кавза пенденте, смел и важил се контра юра рекгни екъс суа блясфемия в тыхъ словахъ: ижъ „не тылко в трыйку, але бы и въ чвурку, былемъ своего допял, присеглъ был“, и екъсплетум на сеймику теперешнимъ близко прошломъ Житомирскомъ, конниветне марсалко арыяно и инъшимъ еюздем секте людомъ,

на тотъ актъ сеймиковый Житомирский умыслне спроважонымъ, засел и кгратитудине его королевское милости на сеймику прошломъ, передъ сеймомъ, на оберане пословъ назначонымъ, до консенсу обывателовъ воеводства Киевъского дебите постановеное и в артыкулы вѣложоной контрадиковал, а за тымъ, стрежъ Боже, жебы мелъ ин ефекту уряду подкоморского того воеводства зоставати, невъне бы повитатесъ реипублице ет склезые Романе поцывас ин анимумъ суумъ, якожъ се южъ инъ факъто по воеводстве Киевъскомъ, где никгды в тыхъ краяхъ не бывалъ, розсевасть, глубей и далей инкраментовалъ бы и промововал. Што видечи протестантъ перверсумъ быть ад презенсъ етъ инъ футурумъ такъ ойчизне, яко и костелови Божему, не с приваты якое, але зело релионисъ дуктусъ, Бога самого в Тройцы святой единого, през помененого пана Немирича в присязе зблюзненого, култум етъ гоноремъ промовендо, раз и другий соленитеръ передъ святобливымъ судомъ нинешнимъ трибуналу коронного протестуетъсе и о то правъне далей чинитъ, медианте протестационе презенти етъ антериоры фактисъ, декляруетъ. А па тотъ часъ просилъ, абы тая его протестацыя до книгъ была принята и записана, што отрымалъ; с которыхъ и сесъ выписъ за деклярацыею суду нинешнего, подъ печатю коронною трибуналскою, есть выданъ. Писанъ въ Люблине. У того екъстракту печать трибуналская Любелская есть притиснена, а подписъ рукъ тыми словы: Nikołay Stoinsky, pisarz ziemsky Lubelsky, manu propria. Корыкговал Вресчъ mp.

Книга гродская Житомирская, 1643 г., № 16, листъ 9.

CCCXIII.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ доставилъ девять позвовъ различнымъ лицамъ съ требованіемъ ихъ явки въ трибунальскій судъ для дачи показаній по дѣлу о богохульствѣ дв. Юрія Немирича во время присяги его на должность Кіевскаго подкоморія. 1643 года, іюня 2.

Року тисеча шестьсотъ сорокъ третего, месяца июня второго дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Марциномъ Каръвовъскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, становши очевисто возный енералъ воеводства Киевского, Волынского, Браславского и Черниговского, шляхетный Семенъ Кримъский, ку записанню до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Житомирскихъ зезналъ реляцию свою тыми словы: ижъ онъ року теразнейшого тисеча шестьсотъ чотыридесятъ третого, месяца мая двадцать осмого дня, позвовъ автентичныхъ земъскихъ Киевъскихъ, судови головному трыбуналови коронному Любелскому судить належачихъ, в личбе деветъ, порозносилъ. Перший позевъ по урожоного его милость пана Станислава з Логойска Тишкевича, чешника земли Киевъскои, в маетности его милости в месте Пулинахъ в браме замъковой воткнул, старости тамошнему и мешчаномъ оповедалъ и публиковалъ; другий позовъ того жъ дня урожоному его милости пану Миколаеви Малинскому в маетности его ве вси Горошкахъ, у дворе тамъ будучимъ, в хате на столе положилъ и челяди и подданымъ тамошнимъ оповедалъ. Тогожъ дня третий позовъ урожоному пану Иванови Прежовскому, в маетности его, в сели Красноголце, ве дворе, в ызбе положилъ, челяди дворной оповедалъ. Тогожъ року, месяца и дня тридцятого, четвертый позовъ таковый же по урожоного его милость пана Даниела Ерого Воронича, скарбника Киевъского, в маетности его в месте Шумску, на части его тамъ будучой, в ызбе положилъ и челяди дворной и на месте мешчаномъ о положеню того позву оповедалъ. Того жъ дня пятый позовъ урожоному пану Станиславови Славенскому в державе его в селе Половецкой, ве дворе, в ызбе его милости пану Славенскому очевисто в руки оддалъ. Того жъ дня шостый позовъ урожоному Мартинови Недзялковскому ве вси Никоновъце, державе его, ве дворе, в ызбе,

самому очевисто в руки оддалъ. Того жъ дня семый позовъ урожоному пану Андрееви Жлобе, в месте Кодни, на фолварку, в дому мешканя его, в ызбе, самому очевисто в руки оддалъ; тамже в месте Кодни на фолваркахъ урожоному пану Крыштофови Земъблицкому в дому мешканя его очевисто в руки оддалъ. Того жъ дня року и месяца таковый же позовъ земъский Киевъский, девятый, по урожоного его милость пана Миколая Прежовского в маетности его в селе Городищу, у дворе, в ызбе на столе положилъ и о положеню того позву челяди дворной и подданымъ на сели оповедалъ и публиковалъ. Писаные тые позвы, уси деветь позвовъ, по вышъменованыхъ особъ на инстанцию и правне попарте инстыкгатора суду головного трыбуналского коронного Любелского и его делятора урожоного пана Крыштофа Унитовъского, до выданя през кождого з особъ менованыхъ предъ судомъ головнымъ, трыбуналскимъ коронымъ Любелскимъ правдивого сведецтва в справе помененой стороны поводовое урожоному его милости пану Ерому Немиричови предъ той же судъ трыбуналский интентованой о то, же онъ, упросивъши собе, ад мале нарата, противъ праву привилей у маестату короля его милости на урядъ подкоморский воеводства киевского, смелъ и важилсе юраментъ на урядъ подкоморский, не веречи в Пана Бога во Тройци святой единего, не слушне выконать, а выконавши, Бога во Тройци святой единого в тыхъ словахъ презъ него при згромаженю велю людий зацныхъ голосно вымовленыхъ: ижъ „не тылко в трынке, але и въ чварку готовъ былъ присягти, быле своего допялъ, блюзнилъ и инъше блюзнерства на той часъ поповнивъ, а надто и скриптъ также блюзнерства страшливого пелный противъ Пану Богу власною рукою писавъ; о чимъ декретъ трыбуналский и тые вси позвы ширей в собе обмовляютъ. За которыми позвы возный менованый стронамъ обомъ, такъ поводовой, яко и позваной, термин ку росправе правной становитсе пред судомъ головнымъ трыбуналскимъ коронымъ Любелскимъ на день шостый месяца июля в року теперешнимъ тисеча шестьсотъ чотыридесятъ третимъ, кгды та справа з реестру трыбуналского судового слушне припадетъ и приволана будетъ, зложилъ и назначилъ. И просилъ возный вышъ менованый, абы та его реляция до книгъ была принята и записана, што отрымалъ.

Книга гродская Житомирская 1643 г., № 16, л. 21 об.

CCCXIV.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ доставилъ 36 позвовъ разнымъ лицамъ съ требованіемъ ихъ на судъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу объ укрывательствѣ дв. Юріемъ Немиричемъ въ имѣніи своемъ м. Черняховѣ изгнанныхъ изъ г. Ракова аріанскихъ вѣроучителей: Крыштофа, Яна и Петра Статоріусовъ или Стоинскихъ, которые распространяли аріанскую ересь въ староствѣ Житомирскомъ. 1643 года, іюня 8.

Року тисеча шестьсотъ сорокъ третего, месяца июня осмого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Марциномъ Карвовскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто возный енералъ воеводствъ Киевского, Волынского, Браславского и Черниговского, шляхетный Игнатъ Трубелский, ку записаню до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Житомирскихъ созналъ реляцыю свою тыми словы: ижъ онъ року теперешнего тисеча шестсотъ сорокъ третего, месеца июня пятого дня, позвовъ автентичныхъ кгродскихъ киевскихъ, на мемрамехъ кгродскихъ киевскихъ, поодносилъ: перший позовъ урожоному пану Миколаеви Щениевъскому, в селе Забродю, очевисто в руки оддалъ; другий позовъ того жъ дня урожонымъ паномъ Адамови, Даниелеви и Павлови Щениевскимъ, в селе Великимъ Щениеве, у дворе пана Адама Щениевского, самому в руки оддалъ и оповедалъ, же тотъ позовъ писаный по него самого и по пана Даниела и Павла Щениевскихъ, братии его рожоное; того жъ дня третий позовъ урожоному пану Иванови Кевличови Бражинскому, в маетности его в селе Слепъчичахъ, ве дворе, въ избе положилъ и челяди дворной оповедалъ; тогожъ дня четвертый позовъ урожоному пану Миколаеви Кевличови Бражинскому, в маетности его в селе Слепчичахъ, в ызбе самому в руки оддалъ; того жъ дня пятый позовъ урожоному пану Адамови Корчовскому, в маетности его в селе Городку, в ызбе самому в руки оддалъ; того жъ дня шостый позовъ урожоному пану Петрови Вилгорскому, в маетности селе Половни, в ызбе на столе положилъ и челяди дворной оповедалъ; того жъ дня семый позовъ урожоному панови Даниелови Оссовскому, в маетности его селе Жадъкахъ, в ызбе самому очевисто в руки оддалъ; того жъ дня

осмый позовъ урож. пану Стефанови Тушевскому, въ маетности его селе Минникахъ, в ызбе. самому очевисто в руки оддалъ; того жъ дня девятый позовъ урож. пану Кгабриелови Гавратинскому, в селе Староселцахъ, у дворе ему самому очевисто в руки оддалъ; того жъ дня десятый позовъ урож. пану Янови Лакгевницкому, в маетности его, в селе Староселъцахъ, в замку, самому очевисто в руки оддалъ; того жъ дня одинадцатый позовъ урож. пану Маркови Подгаецкому, старосте Студенецкому, в месте Студеной-Воде, самому очевисто в руки оддалъ; того жъ дня двападцатый позовъ урож. пану Сендзицкому, в селе Калиновце, у дворе мешканя его, очевисто в руки оддалъ. Того жъ року и месяца, а дня шостого, тринадцатый позовъ урожоному его милости пану Абрамови Стрыбылови, в селе Каменымъ-Броде, очевисто в руки оддалъ; того жъ дня чотырнадцатый позовъ урож. пану Стефанови Стрыбылови, в селе Пилиповичахъ, в маетности его, очевисто в руки оддалъ; того жъ дня пятнадцатый позовъ урож. пану Янови Прежовскому, в маетности его, очевисто в руки оддалъ; шестнадцатый позовъ урож. пану Андресви Аслановичови очевисто в руки оддалъ тутъ в месте Житомиру, в дому его; того жъ дня семнадцатый позовъ урож. пану Данелови Билскому также тутъ в месте Житомиру, в дому его, в руки оддалъ; того жъ дня восемънадцатый позовъ урож. пану Янови Лишковскому в маетности его очевисто оддалъ; того жъ дня деветнадцетый позовъ урож. пану Рекловскому ту в месте Житомиру, в дому его, очевисто в руки оддалъ; того жъ дня двадцатый позовъ урож. пану Дзецкевскому такъ же тутъ в месте Житомиру, в дому его, въ руки очевисто оддалъ; того жъ дня двадцать перший позовъ урож. пану Яну Бокгуцкому тутъ в месте Житомиру, в дому его, очевисто в руки оддалъ; того жъ дня двадцать второй позовъ урож. пану Стефанови Галчиновскому, тутъ, в месте Житомиру, в дому его, очевисто в руки оддалъ; того жъ дня двадцать третий позовъ урож. пану Александрови Шоломскому, тутъ в месте Житомиру, в дому его, очевисто в руки оддалъ; того жъ дня двадцать четвертый позовъ урожонымъ паномъ: Иванови, Петрови и Константови Филиповскимъ, в маетности ихъ в селе Слободе, очевисто имъ самимъ в руки пооддавалъ. Того жъ року и месяца, а дня семого, двадцать пятый позовъ урож. пану Бенедиктови Лемешови, в маетности его селе

Бежове, ему самому очевисто в руки оддалъ; двадцать шостый позовъ урож. пану Богданови Вышполскому, в маетности его в селе Вышъполю, очевисто в руки оддалъ; двадцать семый позовъ урож. пану Тимофееви Вышполскому, тамъ же в селе Вышполю, очевисто в руки оддалъ; двадцать осмый позовъ урож. пану Якубови Вышполскому, тамъ же в Вышполю, очевисто в руки оддалъ; двадцать девятый позовъ урож. пану Самоелови Брацъкому, в Житомиру, очевисто в руки оддалъ; тридцатый позовъ урож. пану Балине, в Житомиру, в дому его, в руки оддалъ; тридцатъ перший позовъ урож. пану Станиславови Буялскому, в дому его в Житомиру, очевисто в руки оддалъ; того жъ дня тридцать вторый позовъ урож. пану Вацълавови Щербине, в селе Хотиничахъ, очевисто в руки оддалъ; тридцать третий позовъ урож. пану Прокопови Верещаце, коморникови граничному Черниговскому, в селе Грушкахъ, очевисто в руки оддалъ; тридцать четвертый позовъ урож. пану Александрови Жашъковскому, в маетности его, очевисто оддалъ; тридцать пятый позовъ урож. пану Доброставскому, в месте Вилъску, в дому его, очевисто оддалъ; тридцать шостый позовъ урож. пану Матысевичови, также в месте Вилску, в дворе его, очевисто в руки оддалъ. Писаные тые вси позвы вышъменованые по вышменованыхъ особъ на инстанцию и правное попарте инстикгатора судового и его деляторовъ: велебного в Бозе ксендза Себестияна Жебровича, плебана Житомирского, и урожоныхъ ихъ милости пановъ Крыштофа Унишовскаго и Миколая Вышполского, в справе поменепое стороны поводовое з урожонымъ паномъ Еримъ Немиричомъ, позванымъ, о переховыване и у себе в маетности в месте Чернехове тримане министровъ албо фалшивыхъ предикантовъ: Крыштофа, Яна и Петра Статериушовъ албо Стоинскихъ, з Ракова выгнаныхъ, а одного з нихъ именемъ Яна на сейме Варшавскомъ коронномъ инфамованого; которые важатся герезие бридкие ариянские, с которое секты сутъ, на розныхъ местцахъ, а особливе в старостве Житомирскомъ и в месте Чернехове, подъ бокомъ праве плебании Житомирское, розсевати и велю людей отъ правдивое виры католицкое рымъское отводятъ, а на свою кацерскую албо геретыцкую фалшивую виру, рачей секту, наводятъ; о чимъ всимъ ширей тые позвы в собе обмовляютъ. За которыми позвами онъ возный обомъ сторонамъ рокъ и терминъ на рочкахъ кгродскихъ Киев-

скихъ, которые въ року теперешнемъ тисеча шестсотъ сорокъ третемъ, месяца июля петнадцатого дня, судить припадутъ, передъ судомъ кгродскимъ Киевскимъ и субделекгатами ку росправе правной зложилъ и назначилъ. И просилъ возный, абы тая его реляцыя принята и записана была; што отрымалъ

Книга гродская Житомирская 1643 года, № 16, л. 31—35.

CCCXV.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ вручилъ дв. Юрію Немиричу позвы къ суду по обвиненію его въ укрывательствѣ въ м. Черноховѣ аріанскихъ вѣроучителей Статоріусовъ или Стоинскихъ, съ требованіемъ представить ихъ въ судъ. 1643 года, іюня 15.

Року тисеча шестьсотъ чотырдесятъ третего, месяца июня петнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Жытомирскомъ, передо мною Марциномъ Карвовъскимъ, подстаростимъ Жытомирскимъ, становъши очевисто возный енералъ воеводства Киевского, Волынского, Браславского и Черниговского, шляхетный Игнатъ Трубелский, ку записаню до книгъ нинешнихъ созналъ свою реляцию тыми словы: ижъ онъ, року теперешнего тисеча шестьсотъ сорокъ третего, месяца июня тринадцатого дня, позвовъ кгродскихъ Киевъскихъ авътентичныхъ однеслъ до места Чернехова, маетности дедичное урожоного его милости пана на Чернехове Немирича, и оные позвы в замку тамъ будучимъ, в избе на столе положилъ и о положеню ихъ державъци тамошнему, такъ же и мешъчаномъ Черноховскимъ, оповедалъ и публиковалъ. Писаные тые позвы по меноваемого пана Ерего на Чернехове Немирича на инстанцию инстикгатора судового и его деляторовъ велебного въ Богу его милости ксендза Себестияна Жебровича, плебана Житомирского, и урожоныхъ ихъ милости Миколая Вышполского и Крыштофа Унишовскаго: перший позовъ о переховыване менованыхъ

ксенжий секты геретицъкое, именемъ Крыштофа, Яна и Петра Статериушовъ, албо Стоинскихъ, правомъ ховать заказаныхъ, з Ракова выгнаныхъ, а одного з нихъ именемъ Яна на сейме Варшавъскимъ коронымъ инфамованого и чти одсужоного, з ними спулковане, рады и помочи, яко инфамисомъ, додаване, а за тымъ о вины правъные, стул походячие; другий позовъ до ставеня тыхъ же министровъ, албо фалшивыхъ предикантовъ, именемъ Крыштофа, Яна и Петра Статериушовъ, албо Стоинскихъ, з Ракова выгнаныхъ, и одного именемъ Яна на сейме Варшавъскимъ коронымъ инфамованого, которыхъ у себе переховываетъ позваный и которые герезии брыдкие, с которое секты суть, на розныхъ местцахъ, а особливе въ старостве Житомирскомъ и в месте позваного Чернехове, праве подъ бокомъ плебанией Житомирское, розсеваютъ и веле людей одъ правъдивое веры католицкое рымское одводятъ и на свою кацерскую албо геретицъкую фалшивую веру, рачей секту, наводятъ, до ростягненя на нихъ и на позваномъ за то винъ правныхъ; третий позовъ по того жъ позваного и одъ тыхъ же поводовъ до прислуханя вывоженя инквизициеи о то, же тыхъ же министровъ, албо фалшивыхъ предикантовъ Крыштофа, Яна и Петра Статериушовъ, албо Стоинскихъ, позваный в маетности своей, в месте Чернехове, у себе маетъ, а оны герезию арияпскую розсеваютъ и людей одъ правдивое веры хрестианское, яко вышей поменило, одводятъ и на свою геретицъкую приводятъ, о чимъ тые позвы вышъ мeнованые ширей в собе обмовляютъ всю речъ. За которыми позвами, онъ возный зложилъ рокъ и терминъ обомъ сторонамъ на рочкахъ кгродскихъ Киевъскихъ, которые в року теперешнемъ тисеча шестьсотъ сорокъ третемъ, месяца июля петнадцатого дня, судити припадутъ, передъ судомъ кгродскимъ Киевъскимъ и субделекгатомъ ку росправе правной зложилъ и назначилъ. И просилъ мeнованый возный, абы тая реляция до книгъ была принята и записана, што отрымалъ.

Книга гродская Житомирская 1643 года, № 16, л. 45—46.

CCCXVI.

Два письма къ подкоморію Кіевскому Юрію Немиричу: 1-е отъ бискупа Кіевскаго Александра Соколовскаго и 2-е отъ референдарія короннаго ксендза Вацлава Лещинскаго, съ извѣстіями о ходѣ возбужденнаго противъ Немирича судебнаго дѣла по обвиненію его въ богохульствѣ. 1643 года, іюня 15.

Року тисеча шестъсот чотырдесят третего, месяца сенътебра девятого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною Гаврилом Корытинъскимъ, бурккграбимъ и наместникомъ староства Луцького, становши очевисто урожоный панъ Стефанъ Водерацкий, для вписаня до книгъ нинешъних кгродских Луцъких подал пер облятам два листы прив тныи: од ясне превелебного в Пану Богу его милости ксендза Алекъсандра Соколовъского, бискупа Киевъского, и од его милости ксендза Лесчинскаго з Лешна, референдара коронъного, с печатю и с подписомъ руки ихъ милостей, до велможного его милости пана Ерого Немирича, подкоморого Киевъского, в справе певной, в тыхъ листах нижей вписаныхъ меновите вырожоной, писаныи, яко о том тые листы ширей в собе маютъ, просечи, абы приняты и до книг уписаны были; которыхъ я вряд приймуючи, читалемъ, и так се в собе писмом полским писаныи маютъ:

1. Wielmożny moscie panie podkomorzy Kijowsky, a moy wielce miłosciwy panie y przyiacielu! Wziąwszy wiadomosć od kapłanow moich, że mi się dosyć stało od waszmosci mego miłosciwego pana we wszystkich pretensiach moich, iakom przedtym dał był kwit ręczny, tak y teraz daię kwit, stanowszy do akt Warszawskich. A to waszmosć racz wiedzieć, że mie do tego ani jutercessie ludzi wielkich, ani dobre sąsiadztwo y te związki, ktore mam z domem ichmosciow panow Lesczynskich, nie przywiodło, ale sama satisfactia y demissia, ktorą ia za znak pewny biorę, że za natchnieniem Ducha Swiętego, ktorego to iest samego dzieło, będziesz w owczarni Christusowey, y w tey też, nad ktorą mie Bóg wszechmogący niegodnym postanowił pasterzem. Co się tycze tych mow przeciwko wierze naszey, iakom temu nie wierzył, tak y teraz pogotowiu nie wierzę, wziąwszy testimonia ju-

rata tych, od ktorych to wynisć miało, że tego y nie mowili y nie udawali, y są to raczey mere zmyszlone rzeczy, y rozumiem, że ta jnquisitia, przez ich mosciow panow trybunalistow nakazana, szkodzić waszmosci nie może. Scriptem też iakiemsis iegomosć pan woiewoda grozi, ktory waszmosć miał napisać in contemptum fidei nostrae; alem ia tak zawsze rozumiał, żeś to waszmosć pisał non in contemptum, ale raczey chcąc doceri: czym takowe błędy zbijają katolicy. Bo kiedybym ia wiedział, żeś to waszmosć pisał mala intentione et in opprobrium fidei nostrae, y sambym się o to ujął, bo y sami poganie za krzywdę y contempt bogow swoich umirali, y stąd to było u nich urosło proverbium: amicus ad aras d.... Zle mi to zadaie iego mosć pan woiewoda Kijowskij, abym ia miał, na perswazią ludzi zacnych, Boga y Tworcę mego odstąpić, bom y ia gotow podstarzałą krew moią zawżdy wylać do ostatniey kropielki dla Boga y Tworce moiego, y ci ichmosci, ktorzy to między nami moderowali, katolickie dusze maią, a podobno mędrsze, niech mi odpusci jego mosć pan woiewoda, y ochotnieysze na oswiadczenie miłosci ciałmi y krwią własną przeciwko Bogu swoiemu. Alec ja niechcę takich furij wywierać na jego mosć pana woiewodę, jakie jegomosć wywierał przeciwko mnie y po trybunale, y do jchmosciow xięży biskupow, braci moich, łżąc y szczypiąc sławę y reputacią moie; raczey to oddawam panu Bogu moiemu: On judicet et retribuat. A inszey niechcę retribuciey, tylko żeby natchnął Duchem swoim swiętym waszmosć y podał mnie, niegodnemu słudze swemu, do owczarni swoiey, aby w woiewodztwie Kijowskim za czasow moich była unum ovile et unus pastor. O co sercem pokornym Iego Boskiego maiestatu prosząc, łasce się waszmosci mego miłosciwego pana oddawam z służbami memi iako napilniey. W Warszawie, decima quinta junij, millesimo sexcentesimo quadragesimo tertio. У того листу подпис руки его милости ксендза бискупа Киевъского тыми словы: Waszmosci mego wielce miłosciwego pana szwagier, powolny sługa, Alexander Sokołowsky, biskup Kijowsky, mp. А на тыле листу менованого печать притисненая его милости и интитуляция листу при печати тыми словы: Wielmożnemu a mnie wielce miłosciwemu panu y przyiacielowi, jego mosci panu Ierzemu Niemirzyczowi, podkomorzemu Kijowskiemu, należy.

2. Wielmożny moy wielce miłosciwy panie y szwagrze! Iako zawsze rad służe waszmosci memu miłosciwemu panu, tak wielce cieszę się, kiedy choć namnieysza poda się mi okazia wyswiadczenia uprzeymego affectu mego y powinney do usługi ochoty. Będzie umiał powiedzieć waszmosci memu miłosciwemu panu jegomosć pan Krzętowsky, żem czynił com tilko mogł y umiał w tey sprawie; a toli nie tak dalece staranie moie, iako niewinnosć waszmosci mego miłosciwego pana sprawiła to, że y kwit od jego mosci xiędza biskupa otrzymał się dostateczny, y listy do trybunału omni exceptione maiora testimonia niewinnosci waszmosci mego miłosciwego pana. Bom słyszał w uszy moie, że toż powiedział jego mosc xiędz biskup przed krolem jego moscią, że „pan podkomorzy objectorum niewinien, czegom doszedł diligenti inquisitione, co dobrym sumnieniem przyznawam y dla tego kwit dałem“, te słowa jego byli. Zaczym nadzieia w łasce Bożey, że niewinnosć waszmosci mego miłosciwego pana abundabitur tym samym, a malevoli confusione sicut diploide inducentur. To coś mi waszmosć miłosciwy pan na osobney pisać raczył karcie, in summa zechce mieć consideratione y pro modulo usłużyc zechce, gdyż nic barziey nie życzę sobie, iako chcieć to pokazać, żem bez ceremoniey barzo życzliwy waszmosci mego miłosciwego pana brat y sługa W. L. z Leszna, referendarz koronny. При которомъ листе пунъктъ приписаный так се в собе маетъ: Iey mosci paniey podkomorzyney, moiey miłosciwey paniey, zalecam powolne służby moie, także jch mosciom młodszym. А на тыле листу менованого печат малая притисненая его милости и интитуляция листу при печати тыми словы: Wielmożnemu memu wielce miłosciwemu panu y bratu jego mosci panu Ierzemu z Czerniechowa Niemirzyczowi, podkomorzemu Kijowskiemu, należy. Которые же то листы, за поданъемъ и прозбою вышъречоное особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ кгродскихъ Луцькихъ суть уписаны.

Книга гродская Луцкая 1643 г., № 2160, л. 533 и 535 об.

CCCXVII.

Жалоба Кіевскаго митрополита Петра Могилы на игумена Гощскаго православнаго монастыря Өеофана Скуминовича о тайномъ побѣгѣ его изъ монастыря и увозѣ съ собою въ Вильно порученныхъ ему документовъ, денежныхъ суммъ и церковнаго имущества. 1643 года, іюня 27.

Выпис с книгъ кгродских воеводства Киевъского, року тисеча шестсот сорокъ третего, месяца июня двадцат семого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Киевъском, передо мною Ерымъ Кохановскимъ, наместникомъ замъку Киевъского, постановившисе очевисте велебный в Богу отец Нектарый Свидницкий, законник монастыра светое Софии, именем ясне превелебного в Богу его милости отца Петра Могилы, архиепископа метрополиты Киевъского, Галицкого и всее Росии, архимандриты монастыра Печерского Киевъского, яко зверхнего над всим духовенством пастыра и сторожа, прихиляючисе во всемъ до протестации албо манифестации през велебного в Богу отца Лаврентого, наместника Гоского, учиненое, которою протестациею зоставлена салва мелиорация его милости отцу метрополитови, яко супериори протестуючого, соленитер сведчилъ и протестовалъсе напротивко велебному на онъчас Теофанови Скуминовичови, ректорови и игуменови Госкому, акту презвытерови, а тепер, яко его милост отецъ метрополитъ мает ин релятис, в Вилню бавячомусе, о то: иж он, бывши де факто законникомъ, учинивши профессию и будучи презвитеромъ, леитиме канонице посвячонымъ, смелъ и важилъсе часу недавно прошлого в року теперешнемъ тисеча шестсот сорок третемъ, месеца мая осмнадцатого дня, будучи старшимъ игуменства Гоского с порученя старшого протестуючого, змисливши собе, же яко бы мел на рочки кгродские Луцкие ехатъ, а потомъ в Луцку трога презентовавшисе, до Вилня пер директумъ поехал, завзявши з собою мунимента не толко до справъ на тые рочки служачие, але и иншие розные, то ест обликги, записы од розных особъ монастырови Госкому служачие, также мемрамы яснепревелебного его милости отца метрополиты, пана протестуючого, на листы и на квиты, на выдеркафъ служачие и на иншие вси справы, яко особе духовной поверенные, до завартя контрактов певных служачие, а надто сумы пинежные, од вел-

можного его милости пана Ерого Немирича тисечу золотых, а од их милости панов обывателовъ Волынскихъ две тисечи золотыхъ одобравши и особливый тежъ квитъ на ексъпенса правные, такъже коней сивыхъ монастырскихъ чотыри и пятого боярского, з колясою и з велю книг, яко законникъ и старшимъ будучи, и з иншими тежъ речами от сребра и золота церковного, при аператах будучого, и з манастира теж Гоского маетности слуг певныхъ, в протестации першои менованых, з собою побрал, сине консенъсу капитули; а надто выбравши розные доходы метрополитанские з розных протопопий, ему до одбираня повероные, на пят тисечей золотыхъ полских плюс вел ултра ошацованыхъ, побрал и на свой пожитокъ обернулъ; до того инъшие аппараты церковные власные, сребро, золото побрал и з них не учинивши суфицинентемъ калкулюмъ, одехалъ. О што его милость отец метрополита все, такъ взглядомъ выйстя и одеханя з монастыра, яко тежъ и починеня тых шкод монастырови, итерумъ атквe итерумъ протестовалсе, оферуючи его милост отца метрополиту Киевского о то правъне чинить; а на тот час просилъ, абы тая протестация до актъ нинешъних была принята и записана, што отрымалъ; с которых и сес выпис под печатю кгродскою Киевъскою выдан. Писан в Киеве. У того екстракту печат кгроду Киевъского притисненая, а подпис руки пана наместника замку Киевъского, в небытности на тот часъ пана писара кгродского Киевъского, на местцу его подписаногосе, тыми словы: W neibytności na tenczas jego mości pana pisarza grodzkiego Kijowskiego, do tego extraktu podpisałem się: Ierzy Kochanowsky Z. K.

Книга гродская Луцкая 1643 г., № 2160, л. 330.

CCCXVIII.

Жалоба дв. Яна и Мартина Крентовскихъ на дв. Яна Богуцкаго о томъ, что когда братъ жалобщиковъ Николай былъ въ домѣ Богуцкаго, въ селѣ Некрашахъ, и Богуцкій завелъ разговоръ о сектѣ аріанской, защищая ее и порицая католицизмъ, а Крентовскій, не желая слышать кощунственныхъ рѣчей хозяина, хотѣлъ уйти изъ дома, то Богуцкій напалъ на него, ранилъ саблей, а потомъ приказалъ его бить своимъ слугамъ; отъ этихъ побоевъ Николай Крентовскій черезъ нѣсколько дней умеръ. 1643 года, августа 4.

Року тисеча шестьсотъ сорокъ третего, месяца авъгуста четвертого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Марциномъ Каръвовъскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, становъши очевисто урожоные ихъ милости панове Янъ и Марцинъ Кренътовъские, братья рожоная небожчика пана Миколая Кренътовъского, прихиляючися до протестацыи своей в кгроде Житомирскимъ, в року теперешнимъ, тисеча шестьсотъ сорокъ третимъ, месяца мая шестнадцатого дня, о окрутъное забитье и замордованье небожчика Миколая Кренътовского, брата рожоного протестантовъ, противъко нижей менованымъ особомъ занесеное, а мелиоруючи оную в розныхъ пунъктахъ такъ для непомененья именъ компъринципаломъ и помочникомъ, яко и для имени власного панеи Бокгуцкои, которой имя власное Алексанъдра, а въ протестацыи и позъве Марина написано было, и теперъ плачъливе а з великимъ жалемъ сведчили и протестовали противъко шляхетнымъ: Янови Бокгуцъкому и Алексанъдре Бокгуцъкой, малъжонъкомъ, яко принципаломъ, пану Якубови Бокгуцъкому, компъринъцыпалови, и иншой челяди рукодайной помененыхъ пановъ Бокгуцъкихъ малжонковъ, меновите: Иванови Счеръбененъкови, Грицъкови Каръпенъкови, и ихъ подданымъ в державе оныхъ в селе Некрашахъ будучимъ и мешкаючимъ, славетнымъ: Павлови Пастухови, Данилови Белонозце, Дудоцъце Васькови, Тишъкови, Данилови Белоногому, Васькови, Степанови, Иванови Белонозъце и инъшимъ, о которыхъ именахъ и прозвискахъ протестантове доведавъшисе, въ позовъ вложить не занехаютъ, о то: ижъ кгды небожчикъ Миколай Кренъ-

товский до теперешънихъ протестуючихъ, яко брати своеи рожоныхъ, зъ села Высокого одъ его милости пана Яна Строши едучи, до села Некрашовъ, до дому и мешъканья помененыхъ пановъ Бокгуцъкихъ малжонъковъ, принъцыпаловъ, маючи до нихъ потребу свою, вступилъ и тамъ, яко чоловикъ спокойный и убезпечоный права посполитого покоемъ, въ посеженю приятельскимъ килъка годинъ стравилъ, тыежъ помененые принцыпалове Бокгуцъкие малжонъкове и з ыншими комъпринъцыпалами а помочниками своими, взявши якийсь скрытый гневъ противъко небожчикови Миколаеви Крепътовскому, умыслне при посеженю о секте бридливой ариянъской мову всчали, оной розными блюзнерскими аръкгуменътами въспираючи, а веру повъшехъную католицъкую золъживе тлумячи, чого небожъчикъ Миколай Кренътовъский слухать не могучи, а не хотечи слухать такого блюзнерства далей противъко вере католицъкой невъстыдливе, але овъшемъ инъ конътемпту вери католицъкои тоейже, одъ столу въсталъ и до господы хотечи одийти. Помененые Бокгуцъкие малжонъкове, принъцыпалове, с компринъцыпалами до сеней за небожъчикомъ выбежавъши, домовъниковъ своихъ плти обоеи, челеди и подданыхъ зъволали. Тамъ же, запомнивъши боязни Божое, срокгости права посполитого, пустивъшы тогожъ небожъчика Миколая Кренътовъского, брата протестантовъ, вышъпомененые принъцыпалове Бокгуцъкие малжонъкове, зъ домовъниками своими плти обоеи, челеди и подданыхъ, з ыменъ и прозвискъ имъ знаемыми, округъ объступили и шабълю одъ боку одорвавъши, безъ вшелякого милосердья въпродъ самъ Янъ Бокгуцъкий тогожъ небожъчика Миколая Кренътовского, року теперешнего тисеча шестьсотъ сорокъ третего, месяца генъваря двадцать семого дня, безъбронъного, въ кульшу правую ноги штыхомъ шаблею пхнулъ, одъ которого разу кгды небожъчикъ на землю палъ, помененые Бокгуцкие малжонъкове на комъпринъцыпалы и помочники свои крикънули, абы его не живили. Которые небожъчика Миколая Кренътовъского, брата протестантовъ, на земли лежачого, почавъши одъ головы ажъ до ногъ, киями, обухами били и келепами перси зъгнетли и ледве што живого, а праве наполъ умерлого зоставили, выпхнувъши зо двора и мешъканья своего окрутне и безъ милосердья збитого. Бачечи такий галасъ около пана своего небожъчика Миколая Кренътовского, Янъ Степановъский, че-

лядникъ небожчика, възявъшы на санки, абы его на смерть не убито, до села Высокого, державы его милости пана Яна Стриша, одвезлъ, и тамъ въ тымъ селе Высокимъ с того окрутъного и тыранъского збитья року вышъменованого, а месяца лютого шостого дня, умеръ и з свита зъшолъ. Мелиоруючи теды тую протестацию, а реферуючисе до протестацыи в кгроде Житомирскимъ в тои справе занесеное, а заховавъши собе инъ тото въси документъта правъные, до тое справы належачие, тудежъ презенътацию, проклямацию и объдукъцию тила брата своего въцале, на тотъ часъ просили, абы так протестация до книгъ принята и записана была, што отримали.

Книга гродская Житомирская 1643 года, № 16, л. 192.

CCCXIX.

Декретъ Люблинскаго трибунала по дѣлу объ укрывательствѣ дв. Юріемъ, Андреемъ и Александромъ Чапличами-Шпановскими изгнанныхъ изъ Ракова аріанскихъ вѣроучителей, устройствѣ въ своихъ имѣніяхъ аріанскихъ школъ и многочисленныхъ сборищъ и распространеніи аріанской ереси. 1644 г., мая 18.

Року тисеча шестьсотъ чотырдесятъ четвертого, месеца мая осмогонадцать дня.

Передъ судъ нинешний головный трибуналский коронный Любелский приточилысе справы две зъ реестру судового, за приволанемъ возного, шляхетного Матыяша Билского, межи инстыкгаторомъ, тудежъ и его деляторами: ясневелможнымъ и высоце въ Пану Богу превелебнымъ ксендзомъ Андреемъ Кгембицкимъ, зъ Божое и апостолское столицы ласки бискупомъ Луцкимъ, и капитулою его, также велебнымъ ксендзомъ Станиславомъ Урбановичомъ, плебаномъ и дзеканомъ Володимерскимъ, поводами, а урожоными ихъ милостю панами Еримъ на Киселине, Андреемъ и Александромъ на Береску Чапличами Шпановъскими, позваными, за декретомъ головнымъ трибуналскимъ на консерватахъ по воеводстве Киевъскомъ въ року прошломъ тисеча шестьсотъ

чотырдесятъ третемъ сужоныхъ, месеца мая шостого дня, межи вышъречоными сторонами сталымъ и учиненымъ, а то въ справе презъ поводовъ позваныхъ орииналитеръ вnъродъ на роки земъские Володимерские светотроецькие, въ року тисеча шестьсотъ чотирдесятомъ сужоные, интентованой о то, ижъ позваные, мимо позволене становъ коронныхъ и овшемъ надъ заказъ права посполитого и декретовъ сеймовыхъ, на взгарду Божую и на знисчене юриздиции пастерское поводовъ, также ку взрушеню покою посполитого, важылисе секту якуюсь новую, презъ костелъ и все хрестиянство потемпленую, але тежъ декретами такъ трибуналскими, яко и сеймовыми забороненую, а правомъ посполитымъ одностайнымъ голосомъ за чортовскую декляровануя, на заразу верныхъ Божыхъ и на вкоренене такъ блюзнерское профессии въ местечкахъ своихъ названыхъ Киселине и Бересъку, въ деканате Володимерскомъ лежачихъ, проводити, якуюсь академию въ Киселине, безъ позволеня Речипосполитое, приватне, на зараженье людей молодыхъ и хрестиянские дети также фундовать, якихсь предикантовъ своихъ и министровъ блюзнерскихъ, звабивши зъ розныхъ местъ и, противъко декретови сеймовому, зъ Ракова проскрибованыхъ блюзнерцовъ, подъ протекъцию свою взявъши, въ той своей блюзниръской академии старшыми министрами учинивши, уфундовали опып; школы якиесь отворити и науки блюзниръские розсевати на взгарду Божую и маестату его допустили и допусчаютъ; сеймики якиесь, албо згромаженя, праву Божому и духовному, такъже конституции и декретомъ коронным спротивлячись, а тымъ блюзнирцомъ поблажаючи и помочи додаючи, становятъ. Што ижъ деляторомъ, яко пастиромъ тамтого местца, абы таковая маестату Божого обелга презъ далшое укоренене блюзнирское тое секты не деяласе, належитъ, теды они, почуваючись въ повинности своей, шкоды собе противко позванымъ на дванроть сто тисечей золотыхъ полскихъ ошацовавши, до вказаня на позваныхъ таксы тое и винъ правныхъ на блюзнирцовъ маестату Божого уфаленыхъ, тудежъ до прислуханясе забороненя позванымъ таковыхъ академий блюзнерскихъ и ериговання безъ позволеня Речипосполитое выставленыхъ школъ и зборовъ противко костелови Божому, и до наказаня того всего, што бы толко належало до задержанья покою посполитого, который презъ таковое блюзнерское подаване оказии взрушоный моглъ би быты, на терминъ

преречоныхъ роковъ святотроецкихъ, въ року тисеча шестьсотъ чотирдесятомъ сужоныхъ, позвомъ листовнымъ кгды запозвали, теды судъ онъ земъский Володимерский, по конътроверсияхъ сторонъ обохъ, добрую пленипотенцию одъ позваныхъ узналъ и сторонамъ експерири наказалъ. И одъ того декрету сторона поводовая справу тую презъ апеляцию на конъсерваты прошлые, въ року тисеча шестсотъ чотырдесятъ третемъ сужоные, безъ припозву выточила, а умоцованый позваныхъ одъ префикъсии тое апеляции на воеводство Волынское поветъ Луцъкий апелевалъ; судъ онъ ему тое апеляции не на воеводство, але такъже на конъсервата допустилъ. Зъ которое апеляции кгды терминъ той справе до консерватъ прошлыхъ вышменованыхъ припалъ, тамъ судъ головный трибуналский, по конътроверсияхъ сторонъ обохъ, поневажъ позваный апеляции своее отъ декрету и префиксии термину межы конъсеръваты и черезъ судъ земский Володимерский назначоное не прозеквовалъ, яко зъ процессу права посполитого належало, прото, отруцивши ексъцепъцию его, яко неправную, реестръ теперешней быть справе той належный узналъ и сторонамъ о важности декрету земского Володимерского ексъпериментъ чинити наказалъ, а декретъ онъ утвердивъши и потомъ форумъ належное теперешней справе той узнавши, позваному поступовати и, належную акцию узнавши, отповедати, а за тымъ на далшие умовы сторонъ скутечне отповедати наказалъ; а наостатокъ, уважаючи справы тое истность и повагу и на жадане сторонъ, позволилъ обоимъ сторонамъ диляции на выводъ въ той справе инквизициеи на рокахъ земскихъ албо кгродскихъ Володимерскихъ, которие отъ акту тамтого декрету найпервей сужоные будутъ, которую инквизицию судъ албо урядъ Володимерские отъ сведковъ вери годныхъ и секты арианское неподейзраныхъ на контента и пункта въ позве поводовое стороны выражоные, присегою отъ сведковъ стану простого утвержоные, одобрать и достаточне выразить и описать и тую инквизицию руками своими подписаную въ завартомъ ротуле сторонамъ выдати повиненъ былъ, а по выправеню тыхъ инквизиций терминъ до далшого попартя справы тое межи справами духовными композита юдициа воеводства Волынского, повету Луцкого, обомъ сторонамъ заховалъ завитый безъ припозву, яко о томъ тотъ декретъ трибуналский ширей въ собе маетъ.—А другая справа межи тымже инстыкгаторомъ

и его деляторами, ясневелможнымъ и высоце въ Пану Богу превелебнымъ ксендзомъ Андреемъ Кгембицкимъ, зъ Божое и апостолское столици ласки бискупомъ Луцкимъ, и капитулою его, такъже велебнымъ ксендзомъ Станиславомъ Урбановичомъ, плебаномъ дзеканомъ Володимерскимъ, поводами, а шляхетными паны Матысомъ Твардохлебомъ, Якубомъ Гриневичомъ Кгижановъскимъ, Киселинскимъ, и иншими всими, имъ самымъ имены и прозвиски добре ведомыми и знаемыми, такъ Киселинскими, яко и Берескими министрами и бакаларами, позваными, за декретомъ головнымъ трибуналскимъ на консерватахъ по воеводстве Киевъскомъ, въ року прошломъ тисеча шестсотъ чотырдесятъ третемъ сужоныхъ, месеца мая шостого дня, межи вышъречоными сторонами сталымъ и учиненымъ и зъ року тымъ декретомъ на терминъ нинешний заховалого, а то въ справе презъ поводовъ позванымъ вышъ менованымъ, такъ тежъ и Лукашови Рупъневъскому, на роки земские Володимерское светотроецъкие, въ року тисеча шестсотъ чотырдесятомъ сужоные, интентованой о то, ижъ позваные, мимо позволене становъ коронныхъ и овшемъ надъ заказъ права посполитого и декретовъ сеймовыхъ, а на взгарду Божую и знисчене юрисдиции поводовъ, такъже ку взрушеню покою посполитого, секту якуюсь новую, презъ костелъ и все хрестиянство потупленую и тежъ декретами такъ трибуналскими, яко и сеймовыми забороненую, а правомъ посполитымъ и одностайнымъ голосомъ за чортовъскую декляровану, на заразу верныхъ Божихъ а на укорененe такъ блюзнерское и поганское професии въ местечкахъ вышъ менованыхъ позваныхъ Киселине и Береску, въ деканате Володимерскомъ лежачихъ, маетностяхъ урожоныхъ Юря, Андрея и Александра Чапличовъ Шпановъскихъ, тоежъ секты позваныхъ сектаровъ, промоторовъ и обронцовъ, за поводомъ и промоциею ихъ впроважати; якиесь академие, безъ позволеня Речипосполитое, приватимъ, на заражене людий молодыхъ и хрестиянскихъ дитей тамъже закладати и фундовати, противко декретови сеймовому, которимъ позваныхъ, яко блюзнерцовъ, зъ Ракова проскрибовано, и тамъ въ той своей блюзнерской академии, такъ въ Киселине, яко и въ Береску, старшими министрами починивъшись, школы якиесь отворили и науки блюзнерские розсевати на взгарду Божую и маестату его светого смели и важилисе, якожъ и самою речю и скутъкомъ розсевали; и сеймики якиесь, праву Божому, ду-

ховѣному, такъже и констытуциямъ, декретомъ коронным спротивъляючисе, позванымъ секътаромъ и оборонцомъ и промоторомъ тое блюзнирское секты позваныхъ самыхъ поблажаючи и оныхъ до того умыслъне приводечи и рады додаваючи, становили. Што ижъ делятором, яко пастыромъ тамтого местца и диоцезии, абы тая маестату Божого обелга презъ далшое укоренене блюзнирское тое секты не деяласе, належитъ, теды они, почуваючись въ повинности своей, шкоды собе противъко позванымъ на двакроть сто тисечей золотыхъ полскихъ ошацовавши, на вказане на позваныхъ таксы тое и винъ правныхъ, на блюзнерцовъ маестату Б жого уфаленыхъ, тудежъ до прислуханясе забороненя позванымъ таковыхъ академий блюзнерскихъ и ерикгованъя безъ позволеня Речипосполитое выставленыхъ школъ и зборовъ противко костелови Божому, и до наказаня того всего, што бы толко належало до задержаня покою посполитого, который презъ таковые блюзнирские презъ позваныхъ подаваня оказий взрушоный моглъ бы быти, поводове позваныхъ на роки земские Володимерские святотроецъкие, въ року тисеча шесть сотъ чотырдесятомъ сужоные, кгды запозвали, тамъ судъ онъ земский Володимерский, по контроверсияхъ сторопъ обохъ, добрую пленипотенцию отъ позваныхъ узналъ и сторонамъ експерири наказалъ. И отъ того декрету сторона поводовая справу тую презъ апеляцию на терминъ суженя справъ конъсерватныхъ композити юдиции безъ припозву выточила, а умацованый позваныхъ отъ префиксии допусчоное поводомъ на консерваты апеляции до суду трибуналского на воеводство Волынское поветъ Володимерский апелевалъ. Судъ онъ ему тое апеляции не на воеводство, а на консерваты, яко и поводомъ, допустилъ; а онъ о попарте ее и о кграваменъ и о шкоды сведчилсе; судъ се тежъ сведчилъ. Съ которое апеляции кгды терминъ той справе на консерватахъ прошлыхъ, въ року тисеча шестьсотъ чотырдесятъ третемъ сужоныхъ припалъ, теды ижъ се оденъ съ позваныхъ панъ Лукашъ Рупъневъский до права се не становилъ, судъ оного, яко несталого, таксу шкодъ двакроть сто тисечей золотыхъ полскихъ поводовой стороне на немъ присудивши, вину инфамии, цти отсуженя, выволаня съ панствъ коронныхъ и великого князства Литовъского вказалъ и присудилъ, и наказалъ судъ головный трибуналский, абы тотъже Рупъневский тыхъ наукъ и цвиченя вери лютерское въ школахъ лю-

терскихъ секты арианъское, на заразу людей вери хрестиянское фундованыхъ въ местечкахъ Кисилине и Береску, до которыхъ отсуженя поводове чинили, занехалъ и далей въ оныхъ не пролонговалъ, подъ виною инфамии. А што се ткнуло шляхетныхъ пановъ Матыса Твардохлеба, Якуба Гриневича Кгижановъского, за одозванемъсе од нихъ, судъ онъ головный трибуналский, по контроверсияхъ сторонъ обохъ, поневажъ позваные апеляции своее отъ декрету и префиксии термину межи консерваты черезъ судъ земский Володимерский назначоное не прозеквовали, яко съ процессу права посполитого належало, про то, отруцивши ексъцепцию ихъ, яко неправную, реестръ теперешний справе той належный узналъ и сторонамъ о важности декрету Володимерского ексъпериментъ чинити наказалъ, а декретъ онъ утвердивши и потомъ форумъ належное справе той узнавши, позванымъ поступовати и, належную акцию узнавъши, отповедать, а за тымъ на далшие умовы сторонъ скутечне отповедать наказалъ; а наостатокъ, уважаючи справы тое истность и повагу и на жаданье сторонъ, позволилъ обомъ сторонамъ диляции на выводъ въ той справе инквизиции на рокахъ земскихъ альбо кгродскихъ Володимерскихъ, которые одъ актъ тамтого декрету найпервей припадутъ и сужоны будутъ, которую инквизицию судъ албо урядъ Володимерские одъ сведковъ вери годныхъ и секты ариянское неподейзраныхъ на контента и пункта, въ позве поводовое стороны выражоные, присегою одъ сведковъ стану простого утвержоные, одобрать и достатечне выразить и описать и тую инъквизицию руками своими подписаную въ завартомъ ротуле сторонамъ выдати повиненъ былъ, а по выправеню тыхъ инъквизиций албо нитъ, терминъ до далшого попартя справы тое межы справами духовъными композити юдиции воеводства Волынского, повету Луцъкого, обомъ сторонамъ заховалъ завитый безъ припозву, о чомъ шырей тотъ декретъ трибуналский въ собе обмовляетъ. На року теды нинешнемъ, зъ помененыхъ декретовъ трибуналскихъ и року въ нихъ заховалого слушне въ той справе припаломъ, стороны обедве поводовая, то есть его милость ксендзъ бискупъ и капитула Луцкие, презъ велебного его милость ксендза Мацея Поплавского, каноника Луцкого, своимъ и другихъ именемъ, а его милость ксендзъ Урбановичъ, плебанъ Володимерский, очевисто, а позваные то есть панове Андрей и Александеръ своимъ

толко, а панъ Ерый зась Чапличове своимъ и министровъ именемъ, у суду нинешнего становились и въ той справе росправу правную маючи, контровертовали. Которыхъ контроверсий ихъ судъ нинешний головный трибуналский выслухавши и оные добре уважывши, поневажъ справа принципалная съ позваными паны Чапличами до одное зъ министрами инкулповаными, которые отъ себе вывели южъ инквизицию, змераетъ и стегаетъ съ целю и термину, теды, за приволанемъ суду теперешнего тыхже министровъ, презъ возного учиненымъ, найдуетъ, же панове Чапличове, позваные, повинни тыхъ министровъ обвиненыхъ передъ судомъ теперешнымъ ставити инъ инстанти. А поневажъ тыхъ министровъ обвиненыхъ позваные на термине теперешънымъ, инъквизицию одъ нихъ выведеную положивши, не ставляютъ и тымъ бы подъ тежаръ справы, противко обвиненымъ министромъ стосованое, слушъне подпадали, одънакъ, уважаючи позваныхъ рацие и причины, теперъ одъ позваныхъ внесеные, а склоняючись до звычайное судови своему клеменции, винъ за неставене тыхъ министровъ жадныхъ теперъ не сказуючи, наказуетъ, абы зъ позваныхъ панъ Ерий Чапличъ, въ Киселине дедичъ, тыхъже обвиненыхъ министровъ одъ акту сегоднешънего за недель две блиско пришълыхъ передъ судомъ головнымъ въ особахъ ихъ ставилъ, въ которыхъ дву недель терминъ такъ до постановеня министровъ, яко и до далшого въ той справе поступку, зъ особного реестру сторонамъ всимъ заховуетъ завитый безъ припозву. А въ справе самой принципалной судъ головный до читаня инквизиций такъ одъ поводовое стороны противко позванымъ паномъ Чапличомъ и министромъ ариянскимъ, яко одъ тыхъ же позваныхъ обвиненых противко стороне поводовой выведеныхъ, приступивши и оные зъ пилностю презъ вси околичности до обясненя тое такъ поважное и всему хрестиянству потребное справы уваживши, поневажъ съ тыхъ инквизиций ясне се показало, ижъ панъ Ерый Чапличъ, въ Киселине дедичъ, не уважаючи правъ и статутовъ давныхъ, на выкорененье зъ панствъ коронныхъ герезий и секъти ариянъское на сеймахъ уфаленыхъ, ани взгляду не маючи на декрета сеймовые, такъ на давнейшые, за панованя светое памети короля Авъкгуста на сейме Парцевскимъ, яко недавныхъ летъ въ справе Раковъской на сейме Варшавъскомъ за счасливого намъ панованя его королевской милости теперешнего светобливе ферованые,

винами обостроные, важилсе министровъ арианскихъ, декретомъ помененымъ сейму Варшавъского за инфамесъ осужоныхъ, публикованыхъ и съ панствъ всихъ Речипосполитое на выгнане декляркованыхъ, по ономъ декрете сеймовомъ до маетности своей Киселина интенциею далшого тыхъ блендовъ арианскихъ розширеня, мимо тотъ декретъ, приняти и принялъ, зъ ними конверсовалъ, блюзнирскою арианскою професиею въ зборе своемъ Киселинскомъ (который зе збору калвинского, и самъ будучи передъ тымъ калвиномъ, на арианский обернулъ) предиковать и въ школахъ тамже будучихъ млодзь розного стану людий наукою блудною горшити и заражати, зездовъ и згромаженя не толко обывателомъ панствъ короныхъ, але и зъ обцыхъ краевъ тоюжъ сектою арианскою заражоныхъ, подчасъ (яко скрутиния сведчатъ) на три тисечи людей личбою выносячихъ, въ той же маетности своей допустилъ, тамъже концилиабуля якиесь и таемные рады арианские противко правомъ отчистымъ своволне отправовалъ, попы некоторие религии кгрецкое и подданые, позволяючи имъ волность отъ вшелякихъ роботъ, на тую блюзнерскую секту арианскую приводилъ и привелъ, зъ образою маестату Божого и зневагою правъ и декретовъ помененыхъ: про то судъ головный, прихиляючисе особливе до декрету Варшавъского анни тисеча шестьсотъ тридцать осмого, въ справе ровъной на Раковъские министры и на промотора ихъ ферованого, наказуетъ, абы позваный панъ Ерий Чапъличъ зборъ тотъ арианский въ Киселине, маетности его, съ которого такие се погоршеня и заведеня сумненя людского деяли, такъже школы тамже будучие, яко душамъ хрестианскимъ шкодливые, отъ акту сегоднешнего за недель шесть близкихъ, при бытности суду земского Володимерского (чому небытность оного перешкажати не маетъ) на тое приданого, зъ кгрунту знеслъ и напотомъ никгды не реставъровалъ ани фундовалъ; министри вси арианские, яко блюзнирцовъ, съ тоежъ маетности своее Киселина выпудилъ и оныхъ до иншое маетности своее не переносилъ ани секты тое арианское въ маетностяхъ своихъ оповедать и предиковать не допусчалъ ани позволялъ, подъ виною нижей выражоною. А ижъ тотъ же позваный панъ Ерий Чапличъ, за припятемъ министровъ Раковъскихъ, декретомъ сеймовымъ (яко се выжей меновало) про инфамибусъ декляркованыхъ, въ вину компліцитатисъ слушне бы подпадалъ, судъ однакъ головный, модеруючи тую вину и

склоняючисе зъ клеменциеи своеи до мнейшихъ винъ на укаране таковего въ позванемъ поступъку, права отчистые и покой посполитый уражаючого, наказуетъ, абы тотъ же позваный панъ Ерий Чапличъ вину пинежную пятсотъ червоныхъ золотыхъ стороне до рукъ ихъ милости ксенжи капитулы Луцкое, на тотъ часъ тутъ будучихъ, Миколая Александра Ромулта, депутата съ тоежъ капитулы, и Мацея Поплавъского, канониковъ Луцкихъ (зъ которыхъ, однакъ, пятисотъ червоныхъ золотыхъ тыежъ ихъ милость ксенжи капитулные поводови ксендзу плебанови Володимерскому за працу и кошъты его, которые въ доходженю справы теперешней понеслъ, сто червоныхъ золотыхъ уделить и де факто дать маютъ) на поправу костела фарного Володимерского, албо ерекцию, яко потреба укаже, а судови теперешнему такуюжъ другую вину петсотъ червоныхъ золотыхъ инъ инъстанти оддать и уистить, а всимъ тымъ въ декрете поволанымъ пунъктомъ тотъ же панъ Ерий Чапличъ учиныти досить будетъ повиненъ, подъ виною инъфамии, которую въ недосыть учиненю тому декретови заразъ на позваномъ всказуетъ, возного до публикации придаетъ и на екзикуцию отсылаетъ. А ижъ позваный панъ Чапличъ вину пятсотъ червоныхъ золотыхъ судови належачую заплатилъ, яко панъ инстикгаторъ суду теперешнего созналъ, теды судъ головный одъ тое вины пятисотъ червоныхъ, судови заплачоныхъ, позваного пана Чаплича волнымъ чинитъ. Што се тичетъ другихъ позваныхъ, пановъ Анъдрея и Александра Чапличовъ, тыхъ, яко инквизициями чытаными не такъ далеце въ обиекъцияхъ въ позве менованыхъ обвиненыхъ, одъ справы и обиекъции тое на тотъ часъ волныхъ чинитъ, перестерегаючы однакъ того, абы министровъ тыхъ секты ариянъское, ани иншихъ особъ тою герезиею арыянскою заражоныхъ, до маетностей своихъ не приймовали, ани секты тое блюзнерское предиковать не допущали, ани школы ариянъское не будовали ани ставили, подъ винами въ декрете сеймовомъ описаными. Што все для памети до книгъ есть записано.

Книга Главнаго Трибунала Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1644 года, справа 74.

CCCXX.

Жалоба игумена православнаго братства Луцкаго Леонтія Шицика-Залескаго о томъ, что въ ночь наканунѣ праздника Пасхи неизвѣстные «гультяи», тайно забравшись на колокольню братской церкви, отрѣзали языкъ отъ большаго колокола и бросили его въ рѣку и сверхъ того стрѣляли въ людей, шедшихъ въ церковь. 1644 года, мая 18.

Року тисеча шестсотъ чотырдесят четвертого, месяца мая осмнадцатого дня.

На вряде кгродском, в замъку его королевъское милости Луцъком, передо мною Анъдреем Гуляницъкимъ, наместникомъ подстароства Луцъкого, и книгами нинешъными кгродскими Луцъкими, становъши очевисто велебъный в Пану Богу его милость отец Леонътиушъ Шицикъ Залесъкий, игумен монастыра брацства Луцъкого, своимъ и всего брацства, шляхты воеводства Волынъского, релии кгрецкое, знайдуючыхъсе духовъных и месцкихъ особъ именемъ, прихиляючисе до словъного оповеданъя своего, передъ урядомъ нинешънимъ дня семого месяца мая занесеного, и опую мелиоруючи и на копии подаючи, сведчилъсе и з великимъ жалемъ урядови нинешнему оповедалъ то, ижъ кгды року теперешнего тисеча шестъсотъ чотырдесятъ четверътого, месяца мая першого дня, въ ден Змартвыхъвстаня пана Хрысътусового, водлугъ каленъдара релии кгрецъкое припадаючий, протестансъ зъ инъшими законниками, в томъ же монастыру брацкимъ Луцъкимъ знайдуючымисе, и инъшими людми побожными набоженъства зъ самого вечора година въ ночъ, водлугъ звычаю церкви въсходнеи православъное, одправовати зачавъши, перъший раз въ дзвонъ великий на читанъе Деевъ апостолъских задзвонити казалъ, по которомъ дзвоненю зараз неведати якие гулътаи, пропомънёвши боязъни Божое, срокгости права посполитого и винъ в немъ на святокрадцовъ сурово описаных, надхнени снатъ будучи духомъ Юдашовъскимъ, а уймуючи в томъ хвалы Богу в Тройци Единому, серце у дзвону великого, при той же церкви брацъкой Луцъкой будучого, зъдрадецъко по злодейску влезши, на великий дизгонор дому Божого то чынечи, урезали и з мосъту въ Глушецъ речъку, поблизу тое церкви Божое идучую, въкинули. А

мало на том маючи, тыежъ гультае, которыхъ за взятемъ ведомосъти имена въ позвахъ часу права выражоные будутъ, роспасавъшисе на все злое, на люде побожные, до тоежъ церкви Божое брацкое Луцъкое зъ-за Глушъца презъ кладъки идучие, од двору славетъного пана Яна Генънера, месчанина Луцъкого, зъ стрелъбы огънистое стреляли; однак же, за охроною и опатрностю Бозкою, онымъ шкодити не могли. Противъко которымъ гултаемъ и виоляторомъ дому Божого протестансъ и повторе именемъ своимъ и всее шляхты воеводства Волынъского релии кгрецъкое зънайдуючыхъсе духовъныхъ и свецкихъ особъ осъведчивъшисе, оферовалъ, ижъ о то въсе с такимъ кождымъ, о которомъ ведомост досконалую возмутъ, правъне в суде належномъ, яко с права будетъ належало, поступятъ и протестацию шыршию, если того потреба укажетъ, занесутъ. На тот часъ протестансъ о принятъе тое въ кротъце написаное протестации до книгъ мене уряду жадал; што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1644 г, № 2483, л. 777.

CCCXXI.

Позовъ къ суду Луцкаго епископа Аѳанасія Пузыны, войта Луцкаго Андрея Загоровскаго, п. Стефана Древинскаго и подкоморія Луцкаго князя Григорія Святополка-Четвертинскаго, по жалобѣ уніатскихъ священниковъ м. Сокаля о побунтованіи означенными лицами православныхъ Сокальскихъ мѣщанъ и сосѣднихъ крестьянъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ отняли уніатскія церкви въ м. Сокалю и сосѣднихъ селахъ, учинили поруганіе надъ тѣломъ покойника въ одной церкви, нанесли побои священникамъ и произвели другія безчинства 1646 года, февраля 26.

Року тисеча шестсотъ чотырдесят шостого, мисеца февраля двадцать шостого дня.

В рочки судовые кгродские Луцъкие, од дня двадцат второго месеца февраля в року звышънаписаном прыпалые и судовъне одправоватъ зачатые, передо мъною Счасънымъ Збожнымъ Лайсчевскимъ, подъ-

судъкомъ Сохачевъскимъ, подстаростимъ Луцъкимъ, становши очевисто шляхетный Филонъ Стрыбелъ, возный енерал воеводства Волынъского, в моцъ правдивое реляции своее, явъне, устъне и доброволъне ку записаню до книгъ нинешънихъ кгродских Луцъкихъ созналъ тыми словы: ижъ онъ року теперешнего милезимо сексъцентезимо квадраезимо сексто, дня двадцатъ третего мисеца генъвара, позвовъ кгродскихъ Луцкихъ автенътычныхъ, на мемрамехъ писаныхъ, в личбе чотыри, ад инстанциям инъстикгатора и его делятаровъ: велебных отцовъ Андрея, церкви катедралъное заложеня святого Миколая Сокалское, и Яна, церкве святого Михала также в Сокалю будучое, Черникевичовъ, презбитеровъ Сокалъскихъ, Лазара Косцевича, презъбитера церкве Поторжицкое, и Стефана Косцевича, презбитера церкве Жаславъское, Лазара Угрыновъского, презбитера, отца Бенедикта Косовъского и Игната Лецского и Кодика Поторжицъкого вынесеные по розные особы и на розъные местъца порозносилъ, меновите: еденъ до двору урожоного его милости пана Закревъского, на передместю Луцъкомъ, недалеко церкве святое Пречыстое будучого, однесши, очевисто в руки в Бозе превелебному его милости отцу Атаназему Пузыне, владыце Луцкому, на тотъ часъ тамъ станциумъ свое маючому, въ избе оддалъ; другий позовъ до двору урожоного его милости пана Андрея Загоровъского, войта Луцъкого, в месте Луцъку, въ рынъку будучого, оддавъши оного, господарови тамошнему двору того, найме Шымонови Кравъцови, очевисто въ руки оддалъ; третий до двору их милостей панов Древинъских, потомковъ зошлого пана Лавренътого Древинъского, чашъника Волынъского, въ замъку околъномъ Луцъкомъ лежачого, однесши, оный также господарови тамошънему в руки оддалъ; четвертый засъ и остатный до села Черчычъ, тужъ подъ Луцъкомъ, маетности освецоного княжати его милости Грегорого Святопелка Четверътенъского, подкоморого Луцъкого, оный въ ворота тамошнего двору воткнулъ и о положеню его челяди дворной оповедилъ и публиковалъ. Писаные и выражоные тые вси позвы по тых же их милостей всих: его милость отца владыку Луцъкого, его милост пана Андрея Загоровъского, по княжа его милость подкоморого Луцъкого и по его милост пана Стефана Древинъского, позваных в справе въ едной же испольной, а то до прислуханя се вказаня на них винъ правъных взглядом инъвазии

и кгвалтовъного инъ армисъ въ тумулъте и купе немалой месчанъ Сокалъских дизунитовъ и хлоповъ розныхъ, зъ селъ зобраныхъ и на то згромажоныхъ, дня тринадцатого генвара анно презенти, найстя на церкви въ Сокалю при святой унии будучие, оных кгвалътовъное поодбиранъе, деляторовъ вышъмевованыхъ побитье, помордованъе, покалеченъе и удеспектованъе, сакраменъту пренасвятшого спрофанованъе зневажене, такъ аппаратовь церковъныхъ, яко и речей власныхъ тых же деляторовъ позабиранъе, над змерлымъ духовънымъ, в церкви погребу очекиваючимъ, збыткованъе и уруганъе, зъ его оденя пошаръпанъе и инъшихъ веле ексъцесовъ поробенъе, на особы ихъ встягаючих се, яко о том всемъ тые позъвы, до которых се и тая реляция инъ тото реферуетъ, въ собе опеваютъ. За которыми то позвами онъ же возный рокъ и терминъ сторонамъ обомъ, поводомъ и позванымъ всимъ, перед судомъ кгродскимъ Луцъкимъ, на рочъкахъ кгродских Луцъкихъ, дня двадцатъ второго месеца февраля року теперешънего милезимо сексъцентезимо квадраезимо сексто до суженя припадаючихъ и сужоныхъ, завите становитисе до права зложилъ и назначилъ и о томъ тую реляцию свою чинитъ и сознаваетъ, просечи, абы принята и до книгъ записана была, што отрымалъ *).

Книга гродская Луцкая 1646 года, № 2486, л. 479 об.

---

*) Примѣчаніе. Дѣло это въ назначенный срокъ дѣйствительно было разобрано въ гродск. Луцкомъ судѣ, но, къ сожалѣнію, листы, на которыхъ былъ записанъ декретъ судебный, до такой степени истлѣли, что едва можно разобрать лишь начало акта.

CCCXXII.

Судебный разборъ дѣла по обвиненію аріанскаго вѣроучителя Андрея Вишоватаго, дв. Веспасіана Беневскаго и войта Рафаловскаго Даніила Бальцеровича въ распространеніи аріанской ереси, въ укрывательствѣ приговоренныхъ къ инфаміи вѣроучителей этой секты и, наконецъ, въ устройствѣ общинъ аріанскихъ и открытіи молитвенныхъ домовъ въ имѣніяхъ воеводы Андрея Лещинскаго, въ м. Рафаловкѣ и др. 1646 года, марта 3.

Року тисеча шестъсотъ чотырдесят шосътого, месяца марца третего дня.

На рочъкахъ судовыхъ кгродских Луцъких, од дня двадъцат второго месяца февъраля в року звышънаписаномъ припалых и судовъпе одправоват зачатых, перед нами Счасъным Збожъным Лайсчевъским, подсудкомъ Сохачевъскимъ, подстаростимъ, а Констанътым Казимеромъ з Добрятина Семашъкомъ, судею, врядниками судовыми кгродскими Луцъкими, приточыласе справа з реестру судового, за приволанъемъ возного енерала шляхетъного Ивана Городысъкого, межы инъстикгаторомъ и его деляторомъ велебнымъ в пану Богу его милостю ксенъдзомъ Павломъ Весоловъским, писаромъ конъсисторъскимъ Луцъкимъ, плебаномъ Чарторыскимъ, поводомъ, а урожоными паны Анъдреемъ Вишоватымъ, министромъ секъты ариянское, Веспезияномъ Беневъскимъ и Даниелемъ Балцеровичемъ, войтомъ Рафаловъскимъ, алиасъ Анъдреевъскимъ, позваными за позвомъ кгродскимъ Луцъкимъ, од повода по позваных на рочъки теперешние в справе нижей мепованой выражонымъ, который за поданъемъ стороны поводовое у суду был читанъ и такъ се в собе маетъ: Владыславъ Доминикъ, кнежа на Осътрогу и Жасълавю, грабя на Тарнове, воевода Сенъдомирский, староста Луцъкий. Вамъ урожонымъ паномъ: Андрееви Вишоватому, министрови секъты арианъское, Веспезианови Беневъскому и Даниелеви Балцеровичови, войтови Рафаловъскому, алиасъ Анъдреевъскому, з особъ и з всихъ добръ ваших милостей лежачых и рухомых и сум пинежных, где колвекъ маючых, зверхностю его королевскои милости, а моею владзою старостинъскою приказую, абысъте ваша милость передо мъною самымъ, албо судомъ моимъ кгродскимъ Луцъкимъ, на рочъках кгрод-

скихъ Луцъкихъ, которые в року теперешънемъ тисеча шестъсотъ чотырдесят шосътомъ, мисеца февъраля двадцетъ второго дня припадутъ и сужоные будутъ, сами объличне и завите стали на жалобу и правъное попарте инъстикгатора и его делятора велебъного въ Пану Богу его милости ксенъдза Павъла Весоловъского, писара конъсисторъского Луцъкого, плебана Чарторысъкого, который васъ позывает о то, ижъ вы, не помячы ничого на суровостъ права посполитого и винъ в немъ описаных и овъшемъ спротивъляючысе такъ праву посполитому, яко и декретомъ трибуналъскимъ сеймовымъ, над заказ оных и на заклады в них заложоные не обавъляючысе, смелисъте и важилисъте року прошълого тисеча шестъсотъ чотырдесятъ пятого розных дней и мисецевъ, на конътемптъ маесътату Бозкого и възгарду становъленых правъ, в мастносътях ясъневелможъного его милости пана Анъдрея з Лешъна Лесчинъского, воеводы Дербъского, ве дворе Собесчинскомъ, ваша милость панъ Беневъский, и въ дому вашей милости, пане Балцеровичу в местечъку Рафаловъце, алиасъ Андрееви, спросные блюзнерства противъко маестатови Божому, заложивъшы публичъные згромаженя албо збюр, з инъшими арианами, сеймовыми и трибуналъскими декретами инъфамоваными, вамъ з именъ и назвискъ лепей ведомыми, ваша милост, Вишоватый, одправуючы, а ваша милость, панове Беневъский и Балцеровичу, позволяючы и сами того оному допомогаючы, секъту ариянъскую, заразливую, в кролевъстве Полъскомъ правомъ и декретами трыбуналскими заказаную, ку възгоршеню велю людей околичъныхъ, розъсевати и оною розныхъ заражати; што все ижъ противъко праву посполитому и на образу маесътату Босъкого учинилисъте, и въ закладъ десети тисечей червоныхъ золотыхъ, в декрете сеймовомъ заложоных, попалисъте, а за тым вины на себе с права стол походячие кождый зъ вашихъ милостей на особу свою затягънулисъте; до которого закладу заплаченя и винъ на особахъ вашихъ ексъ арбитрио юдиции проксимитате факти черезъ васъ заслужоных вказаня и прислуханясе на терминъ вышей означоный позываетъ, на которомъ, яко на завитомъ, абысъте стали, на то все судовъне одповедали. Писанъ в Луцъку, року тисеча шестсотъ чотырдесятъ шосътого, мисеца генъвара осмогонадцет дня. А по прочытаню того позву, повод, за доведенъемъ през реляцию возного вынесеных позвовъ слушъного термину, просил и

домавялсе, абы позваным на поднесеный позов справоватис наказано было, омнибусъ пробационибусъ юридицисъ инъ тото сиби резерватисъ. А сторона позваная, ачъколвекъ контроверсие свое през пленипотенъта до суду вносила, лечъ ижъ их на писъме водлугъ звычаю до канъцелярии для вписаня до сего декрету не подала, о што противъко ней урожоный его милость панъ Станиславъ Казимиръ Беневъский, писар кгродский местца тутошнего, взглядомъ пилъности своее сведчитъ и для того до декрету теперешънего не суть вписаны. А поводъ на неправные позваных илляцие пробовал и дедуковалъ то съ права, ижъ яко тая справа естъ слушная, такъ и прозеквибилисъ естъ етъ тенентур цитати адъ прозеквендамъ трансъакционемъ, кгдыжъ чынитъ поводъ про инъюрия Деи, про супресионе фидеи ортодокъсе етъ про пропакгационе арианице секъте, квиа фовентъ арианосъ проскриптосъ перъ декрета трибуналиция етъ комициалиа директе ганкъ акционемъ з правъ акъторъ позванымъ, утъ манифесте патетъ ексъцитационе рационе контравенъционис декретисъ трибуналицийсъ етъ комициалибусъ взглядом принятя ариановъ выволаныхъ през декрета то тенентур цитати ексъ контравенционе декретисъ ад прозеквендамъ гуюсъ акционисъ, што статечъне все выведъшы, просил поводъ, абы позваным справоватисе наказано было, салвисъ алиисъ юрисъ бенефициисъ етъ дефенсисъ инъ тото сиби резерватисъ. Судъ нинешъний кгродский Луцъкий, конътроверсий сторонъ обохъ, поводовое самое очевисъто, а позваное, то естъ пана Прусака Беневъского, своимъ и другихъ позваныхъ именемъ стаючого, такъ же самое, очевисто до суду нинешъного вношоных выслухавъшы и оные добре выразумевъши, поневажъ поводъ директе в позве своемъ о спротивенесе декретомъ сеймовымъ и трибуналъскимъ взглядомъ принятъя выволаныхъ през декрета ариановъ чынитъ, для тогожъ кавъзам презентемъ прозеквибилем найдует и сторонамъ росъправоватисе наказуетъ. Од которого декрету сторона позваная до суду головъного трибуну Любелского апелевала. Суд ей тое апеляции допустивши, рокъ за нею сторонамъ обомъ у менованого суду трибуналъского в Люблине на инъсерватахъ Киевского, Волынского, Браславъского и Черниговъского воеводствъ, на первей по дате сего декрету, по высътю шести недел, до суженя припадаючых и сужоныхъ, межи справами духовъными композити юдиции ку розправе правъной, кромъ

вшелякого припозву, до права становитисе складает и назначаетъ и декретомъ теперешнимъ зложылъ и заховалъ; што все для памети до книгъ нинешънихъ кгродскихъ Луцькихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая 1646 г., № 2978, л. 200 об.

CCCXXIII.

Декретъ королевскаго асессорскаго суда по дѣлу о разнаго рода насиліяхъ, совершаемыхъ уніатами надъ православными жителями м. Кобрина: отнятіи православной церкви Рождества Богородицы, воспрещеніи совершать православныя требы и таинства, поруганіи надъ тѣлами умершихъ православныхъ и проч. 1647 года, іюля 5.

Року тисяча шестъсотъ чотырдесятъ осмого, месяца февраля двацатого дня.

На враде кгродскомъ, въ замку его королевской милости Луцкимъ, передо мною Рафаломъ Чаплинскимъ, наместникомъ бурkграбства и замку Луцкого, персоналитеръ ставши ясне превелебный въ пану Богу его милость отецъ Атаназый зъ Козелска Пузына, владыка Луцкий, для уписаня до книгъ нинешнихъ кгроцкихъ Луцкихъ подалъ перъ облятамъ декретъ его королевское милости, пана нашого милостивого, съ печатю меншое канцелярии вел. князтва Литовского притисненою и съ подписами рукъ велможного его милости пана подканъцлерого Литовъского, писарское и реепътовъское, и тежъ зъ сусцептою уряцу кгродского Бреского, межи собою подаваючимъ, велебнымъ въ пану Богу отцемъ Мелетимъ Марциновичемъ, игуменомъ монастыра Лепесовского, и всею братиею его законъною рекгулы св. Василия,—поводами, а велебными въ пану Богу ксендземъ Юзефомъ Баковецкимъ, владыкою Володимерскимъ, Павломъ Овлучимскимъ, архимандрытомъ Кобрынскимъ, позваными, въ суде асесорскимъ въ року прошломъ тисеча шесть сотъ сорокъ семомъ, въ справе певной нижей въ томъ декрете инъсерованымъ меновите выражоной ферованый, а о томъ ширей

въ собе обмовляючий, жадаючи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я врадъ тотъ декретъ для уписаня до книгъ приймуючы, читалемъ, и такъ се въ собе писмомъ полскимъ писаный маетъ. Władysław IV. et caet. Oznaymuiemy tym listem decretem naszym, iż w roku teraznieyszym tysiąc szescset czterdziestym siodmym, msca maia szesnastego dnia, pozwani byli przed nas y sąd nasz assesorski, na instantią jnstygatora naszego W. X. L-go, z dilaty wielebnych Atanazego z Kozelska Puzyny, władyki Łuckiego y Ostrożskiego, y Meletego Marcinowicza, jhumena monastera Lepiesowskiego y wszystkiey braci jego zakonney reguły swiętego Bazylego actorow, wielebny xiądz Jozeph Bakowiecky, władyka Włodzimiersky, y Paweł Owłoczymsky, archymandryta Kobrynsky, o to: iż pozwani, nic niedbaiąc na prawo pospolite y wolnosci antiquitus od krolow jch mościw ludziom relligiey Greckiey szczodrobliwie nadanym, także constitutie seymowe y puncta na szczęsliwey electiey naszey postanowione y przez nas swiątobliwie poprzysiążone y approbowane, ktoremi relia Grecka, tak unitom, iako y nieunitom, w pretensiach ich wspokoiona iest, y winy na tych, ktorzy by iakowe bezprawia w cerkwiach y monasterach y z wolnym nabożenstwem zażywania w miastach i miasteczkach czynili, założone są; czemu wszystkiemu jawnie sprzeciwiaiąc, y to wszystko gwałcąc, cerkiew Narodzenia Przeczystey Panny w miescie naszym Kobryniu, delatorom przez urodzonego Korsaka, dworzanina naszego, z universałem y wyrazną wolą naszą naznaczoną, mocno gwałtem bronili y liberum exercicium religionis tak duchownym, iako y swieckim obywatelom y mieszczanom naszym tamecznym odprawowania nie dopuscili y po te wszystkie lata administrowania sacramentow nie dopuszczaią, a nad to do cerkwie episkopskiey fundatiey obywatelom tamecznym idącym, na drodze zasadzki czyniąc, rozne krzywdy y oppresjie wielkie wyrządzaiąc, popom y czeladzi swey czynić wskazuią, zaczym ludzie chrzescianscy bezprawie cierpieć y bez naswiętszych sacramentow, dziatki też małe bez chrzstu schodzić s tego swiatu muszą, umarłych zaś ciała aresztuią y grzesć ich niedopuszczaią, dotąd, aż popom trupy dobrze okupuią, iako y w niedawnym czasie gdy zeszłego Fedora Olifierowicza, obywatela tamecznego, podług ostatniey woli jego, ciała do grobu cerkwie Lepiosowskiey, za okupieniem y pozwoleniem

ich, prowadzono, tedy oni, za instantią y wiadomoscią ich, miasto dzwonienia, na gwałt we dzwony uderzywszy, nad ciałem tym zbytkowali, y kiedyby nie za ratunkiem ludzkim, w wode by utopili, jako o tym szyrzey w procesach y w pozwie mandacie opisano y dołożono iest. Na terminie tedy z takowego zapozwu przypadłym, za przywołaniem z regestru sądowego stron do prawa, powodowa—wielebny władyka Łucky, przy bytności wielebnego jhumena Lepiosowskiego, przez szlachetnego Stéphana Bylinskiego, a pozwana—wielebny xiądz władyka Włodzimiersky, przy bytności wielebnego Owłoczymskiego, archymandryty Kobrynskiego, przez szlachetnego Stanisława Rudnaka, stanąwszy, prawnie się rozprawowali; gdzie naprzod strony powodowey umocowany, dowiodszy słusznie y prawnie podania tego pozwu naszego z mandatu y roku za nim przypadłego, także troie wołanie napisem cancelariey naszey napisane okazawszy, w dalszym postępku prawnym po przełozeniu żałoby mandatowey y po szerokich ab utrisque wnoszonych controwersiach, sąd nasz assesorsky, nie czyniąc w tey sprawie żadney decisiey, cum toto eius effectu, saluis omnibus utriusque partis defensis, do nas na sądy nasze relatijne odesłał. Na roku tedy dzisieyszym, z tey remmissy na własnych sądach naszych rellatijnych przypadłym, za przywołaniem przez tegoż jenerała naszego dwornego szlachetnego Heliasza Byszyskiego stron do prawa, actor—wielebny ociec władyka Łucky, przy bytności wielebnego jhumena Lepiosowskiego, przez tegoż szłachetnego Stephana Bylinskiego, plenipotenta swego, stanowili się, a wielebny xiądz władyka Włodzimirzsky y xiądz archimandryta Kobrynsky, iako się sami nie stanowili, tak żadney w niestaniu swym wiadomości nam y stronie swojey przeciwney nie uczynili. Zatym strony powodowey umocowany żądał, aby wielebnych xiędza władyką Włodzimirzskiego y xiędza archimandryta Kobryńskiego w roku żawitym na upad wzdali; jakoż y my krol z pany radami naszemi pomienionych wielebnych xiędza władyką Włodzimirzskiego y xiędza archimandrytą Kobrynskiego w roku zawitym, z wolnym iednak w cancellaryey naszey aresztem, wzdać plenipotentowi actorowemu dopusciliśmy. A w dalszym postempku prawnym ten że plenipotent, iteruiąc żałobą mandatową, proponował to, że pozwani, nie oglądaiąc się na winy w constituciach seymowych opisane, tudziesz tęgo powa-

żaiąc uniwersał nasz w roku tysiąc szescseth trzydziestym trzecim, dnia dwudziestego szostego marca, ktory extractem z xiąg grodzkich Pinskich, w roku tysiąc szescseth trzydziestym trzecim, maia trzynastego dnia wyięty, pokładał wydany, gdzie stosuiąc się do punctow electijnych constitucij na szczęsliwey coronaciey naszey juxta diploma na seymie otrzymanego, uspokaiąc ludzie relligiey Greckiey nieunitow z ludzmi relligiey Greckiey w uniey z cosciołem Rzymskim będącemi, pewne cerkwie z przynależnościami w miastach naszych nie unitom, mianowicie: w Brzesciu Narodzenia Panny Maryi, w Kobryniu Narodzenia Panny Maryi, w Pinsku swiętego Theodora Tyrona, naznaczywszy, dla odebrania y w possesią nieunitom podania urodzonego Theodora Korsaka zesłali; gdy pomieniony dworzanin nasz podług wyrazney woli naszey do miasta naszego Brzescia y drugiego Pinska ziachawszy, cerkwie pomienione nieunitom, iako tego probował, podawszy, do miasta nàszego Kobrynia dla podania nieunitom cerkwie wyszey pomienioney ziezdzał; pomieniony wielebny xiądz Bakowiecky, władyka Włodzimirzsky, sam przez się y przez wielebnego xiędza Owłoczymskiego, archimandrytę Kobrynskiego, y inszych substitow swych, nietylko tey cerkwi Narodzenia Panny Mariey, podług uniwersału naszego, w possesią wielebnego oyca władyki Łuckiego y substitow iego podać nie dopuscił, ale nadto wielebny xiądz Obłoczymsky sam przez się y substitutow swych, za spolną z wielebnym xiędzem władyką Włodzimirzskim namową, przez wszystek czas roznych lat, miesięcy y dni, sposobem w processie pomienionym, iawnie wzruszaiąc pokoy, prawem pospolilym y constituciami seymowemi obwarowany, poczyniwszy także zbytki, ktore wyżey pomienione są, listy zaręczne pod winami, aby nieunici, do nabożenstwa swego chodzić poniechawszy, koniecznie do cerkwiej, ktore są pod posluszęstwem ich, poniewiolnie chodzili, z cancellariey naszey ad male narata wyniosszy, rozne turbacie nieunitom czynią, przez co nietylko ludzie religiey Greckiey nieunici do wielkiego uboztwa y zniszczenia przyszli, ale przytym niemogąc mieć swego własnego nabożenstwa, bez comuniey swiętey, dziatki ich bez krztu swiętego, s swiata schodzić muszą. Jakoż dowodząc tego processem prawnym, autentyce u grodu Brzesckiego wydanym, y roznemi documentami, przytym to, że takie bezprawia mimo wszelakie prawo,

narodowi religiey Greckiey nadane, y mimo wyrazne constitutie seymowe y pacta conventa szczęsliwey electiey naszey dzieje, przeto constitutie seymowe prożne, przy ktorych constitutia roku tysiąc szescsetnego dziewiątego, ktorą to iest warowano, że unici nieunitom żadney przészkody w nabożenstwie ich pod winą dziesiąciu tysięcy złotych, w tey constitutiey opisaną, czynić niemaią, constitutią zaś roku tysiąc sześćset trzydziestego piątego, ktora warnie, aby sie unici z nieunitami w pokoiu podlug punctow na szczęsliwey electiey postanowionych zachowali, także constitutia roku tysiąc szescset trzydziestego osmego y constitutia roku tysiąc szescset czterdziestego pierwszego, ktoremi na obie stronie pokoy miedzy unitami a nieunitami warowany iest, gdzie władystwa, bractwa, cerkwie, monastere tak unitom, iako y nieunitom służący, appobowano y wszelaki pokoy warowano, naostatek s teraznieyszego blizko przyszłego seymu constitutia roku tysiąc szescset czterdziestego siodmego, ktorą prawa wszystkie narodowi Ruskiemu, w relligiey Greckiey bądącemu, służące według tych że punctow przerzeczonych do exequutiey nieodwłocznie przywodzić declarowano,—allegując, domiawiał się, abyśmy podług tego prawa y tak wielu constitutij seymowych y universału naszego, cerkiew Narodzenia Panny Mariey w mieście Kobrynskim będącą, ludziom relligiey Greckiey nieunitom przysądzili, a za poczynienie ludziom relligiey Greckiey nieunitom bezprawia, względem przeszkody nabożenstwa, rożnych oppraesij y turbatij, w mandacie naszym y processie prawnym opisanych, ktorych actorowie processami prawnemi y relatiami jeneralskiemi dowiedli, podług constitutiey roku tysiąc szescsetnego dziewiątego, dziesięc tysięcy na wielebnym xiędzu Bakowieckim, władyce Włodzimierskim, y xiędzu Owłoczymskim, archymandrycie Kobrynskim, actorowi wielebnemu oycu władyce Łuckiemu wskazali, a iako na podanie tey cerkwie w miescie Kobrynskim nieunitom, tak y na uczynienie za te summe odprawy dworzanina naszego, załozywszy na sprzeciwnego, podług ważnosci rzeczy, troiakie zaręki, zesłali; a osobliwie abyśmy temuż wielebnemu xiędzu władyce Włodzimierskiemu y wielebnemu xiędzu archymandrycie Kobrynskiemu, podług constitutiey od actorow wyżey allegowanych, żadney w miescie Kobrynskim, także w monastyrze Lepiosowskim, w nabożenstwie ludzi relligiey Greckiey nieunitom przeszkody y żadnego

bezprawia czynić, pod takąż zaręką w constitutiey roku tysiąc szescsetnego dziewiątego opisaną, czynić zabranili, prosił y domawiał się. My krol z pany rady naszemi, przy boku naszym na własnych sądach naszych rellatijnych zasiadaiącemi, tey sprawy przesłuchawszy, za niestaniem pozwanych wielebnych xiędza władyki Włodzimierskiego y xiędza archymandryty Kobrynskiego do prawa, ponieważ się to s productow od strony actorow wnoszonych pokazało, że pomienieni pozwani iawnie prawu pospolitemu y constitutiom seymowym, ktoremi relligia Grecka unici z nieunitami w wolnym ich nabożenstwie obwarowana iest, tudziesz też uniwersałowi naszemu sprzeciwiaiąc się, nie tylko cerkwie w miescie Kobrynskim Narodzenia Nayswiętszey Panny ludziom relligiey Greckiey nieunitom, za ziachaniem dworzanina naszego urodzonego Theodora Korsaka, w possesią podać niédopuscili, ale nadto wielebny xiądz archymandryta Kobrynsky listy zaręczne z cancelariey naszey, aby nieunici, nabożenstwa swego poniechawszy, do cerkwiey ich unitow chodzili, wyniosszy, rożne uciążenia y przeszkody czynił, s tych przyczyn, stosuiąc się do punctow szczęsliwey electiey y diploma na szczęsliwey coronatiey naszey wydanego, także constytutiey seymowych zaszłych y listu uniwersału naszego otrzymanego, cerkiew w miescie naszym Kobryniu Narodzenia Panny Mariey wielebnemu oycu władyce Łuckiemu, iako w iego dioceziey będącą, z wolnym ludziom religiey Greckiey nieunitom nabożenstwa odprawowaniem, ze wszystkim tak iako się z dawnych czasow ta cerkiew w sobie ma, na wieczne czasy przysądzamy y na podanie oney dworzanina naszego, osobliwym listem naszym naznaczonego, założywszy na sprzeciwnego troiakie zaręki, zsyłamy, ktury to dworzanin nasz, stosuiąc się do pierwszego universału y teraznieyszego decretu naszego, czas sposobny upatrzywszy, po wydaniu prawney jnnotescenty, tam do miasta Kobrynia ziachać, cerkiew przerzeczoną ze wszystkiemi iey przynależnosciami actorom w possesią prawnie podać y intromitować powinien będzie; do tego winy w constitutiey roku tysiąc szescset dziewiątego założone dziesięc tysięcy złotych polskich na wielebnym xiędzu władyce Wlodzimierskim y xiędzu archymandrycie Kobrynskim za poczynienie w nabożenstwie ich actorow pomienionych rożnych przeszkod wskazuiemy y na odprawę tey summy do urzędow ziemskiego albo grodzkiego tych powiatow,

pod ktoremi się maiętnosci pozwanych osob okażą, a ktorego sobie strona zażyć zechce, założywszy na sprzeciwnego troiakie zaręki, odsyłamy. Ku temu waruiemy to, aby pozwani in posterum, tak sami przez się, iako y substitutow swoich, od daty tego decretu naszego actorom w miescie Kobrynskim y na inszych mieyscach do nabożenstwa ich referuiącym się żadney przeszkody, pod tąz winą w constitutiey roku tysiąc szescset dziewiątego opisaney, czynić nie ważyli się, nakazuiemy mocą ninieyszego decretu naszego, do kturego na większą powagę pieczęc W-o X-a L-o przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warszawie, dnia piątego miecięca julii, roku pańskiego tysiąc szescset czterdziestego siodmego, panowania naszego Polskiego pietnastego, a Szwedzkiego szesnastego roku. У того декрету его королевской милости печать менъшое канъцелярии Великого князства Литовского есть притисненая, а подъпись рукъ тыми словы: Kazimirz Leo Sapieha, podcanclerzy. Cypryan Paweł Brzostowsky, stolnik Wilensky, pisarz decretowy W-o X-a L-o. Correxit Strybeyko.

Книга гродская Луцкая 1648 года, № 2169, листъ 366—371.

CCCXXIV.

Жалоба священника Николаевской церкви м. Андреева (иначе Рафаловки) Леонтія Ивановича о томъ, что когда онъ запретилъ своимъ прихожанамъ покупать у евреевъ мясо, то арендаторъ м. Андреева, дв. Веспасіанъ Беневскій позвалъ его къ своему суду и присудилъ уплатить понесенные евреями вслѣдствіе означеннаго запрещенія убытки; когда же священникъ отказался подчиниться этому рѣшенію, то Беневскій запечаталъ церковь и въ теченіе двухъ недѣль не дозволялъ совершать въ ней богослуженіе. Послѣ того Беневскій напалъ ночью на домъ священника, хотѣлъ его убить и, будучи самъ аріаниномъ, совершилъ поруганіе надъ св. иконами, найденными въ домѣ священника. Свидѣтельство вознаго. 1647 года, іюля 19.

Року тисеча шестсот чотырдесят семого, месеца июля девятнадцатого дня.

Передъ урядом и актами нинешними кгродскими, въ замъку его королевское милости Луцьком, передо мною Павломъ Клечковъским, наместникомъ на тотчасъ подстароства и замку Луцкого, становъши очевисто велебъный въ пану Богу отецъ Леонтий Ивановичъ, презбитер Анъдреевъский, маетности велъможного его милости пана Анъдрея граби зъ Лешъна Лешъчынского, воеводы Дербъского, Дубенъского и старосты, противъко урожоному его милости пану Веспезыянови Беневъскому, такъже челяди его, ему по именах и прозвисках лепей ведомых и знаемыхъ, сведчылъсе и протестовал въ тот нижей описаный способъ, ижъ менованый панъ Беневъский, оставъши менованыхъ добръ и инъшихъ правомъ арендовъным державцою, заразъ на початъку державы розные прикрости, крывды и шкоды протестанътови, особе духовъной, чынити почалъ; якожъ впередъ року прошълого тисеча шестъсот чотырдесятъ шостого, месеца мая семънадцатого дня, кгды протестанъс, яко особа духовъная, хрестянинъ, въ той маетъности Анъдреове мешкаючый, абы у жидовъ тамошныхъ мяса не куповали, але у хрестянъ, заказал, помененый его милост пан Беневъский протестанта жыдом тамошъним Анъдреевским неналежъне перед себе позвати казалъ, за которым запозванем кгды протестансъ перед его милостю паномъ Беневъскимъ до суду его з инстанъцыи его стал, теды его милост пан Беневъский, зънат з жыдами тамошными намовившыс, жыдумъ вины вси

шъкоды, якобы през нихъ възглядомъ непродаваня хрестяномъ мяса поднятые, нагорожати, а собе золотых тридцат вины дати казал; которыхъ протестансъ кгды дати зборонялсе, теды его милост пан Беневъский церъков тамошънюю заложеня святого Миколы, абы хрестяне въ ней набоженъства не слухали, на конътемптъ хресътянское вери, печатю своею запечатовал, за которым запечатованем церкве тамошное протестансъ офяры Богу повинъное не оддавал през недел две, и хрестяне набоженъства не слухали. Чым се не конътенътуючы, року того ж прошълого тысеча шестсот чотырдесят шостого, месеца сенътебра трыдцатого дня, зъ завзятого знатъ противъко протестуючомусе ранъкору, съ челядю своею, собе именами и прозвисками лепей ведомою и знаемою, которых было под десятокъ, на мешъкане его тамъже въ Анъдрееви будучое пяный годинъ килка въ нучъ зъ стрелбою огнистою конъно наехалъ, там же ворота выбил и до сений добываючисе, дверы высекал. А кгды его с плачомъ малжонка протестуючогосе словы лагодными, абы объ предсявзятя своего суперседовалъ и кгвалъту чынити перестал, просила, теды онъ малъжонку протесътуючогосе словы непрыстойными, которых тут и въспоменути не годитъсе, лъжыл, сромотилъ, а потом прыводячы до скутку замыслъ свой завъзятый, з добытою шабълею припадъшы и окъна повысекавъшы, оными до изъбы зъ челядю своею вълизъ, тамже протестанта, хотечи его конечъне о смерт приправити, шукалъ, а не зналезъши въ избе, пичъ, розумеючы его тамъ зъналезти, посикъ, постреляль, а не зъналезшы протесътанта въ печи, на контемптъ Божий, танквам гомо алиене фидеи, то ест ариняне, образы въ избе будучие, яко-то насвятшое Панъны Марии и святых апостоловъ на стене обачывъшы, болванами и псами называлъ, яко се оному подобало блюзънилъ, а потом самъ же его милост панъ Беневъский, не респекътуючы на боязнъ Божую, въ образъ святого Петра шътыхом пхнулъ и тот образ на вылет шаблею пробил. А постерегшы то, ижъ зъле учынилъ, теды конечъне протесътанта хотечы не живиты, по гори шукаты хотелъ, якож кгды на гору лезълъ, теды протестансъ оного постерегши, уносечы здоровъе свое, заразъ зъ горы съпал; где протестанта на гори не зъналезъшы, одповед, обецуючы протестанта въкротце неживити, учинилъ. Зачим таковым своим поступком помененый его милост Беневъский, противъко праву посполитому

выкрочивъшы, въ вины въ нем описаные попал и на особу свою затягнул; о што въсе протестансъ сведчитъ и протестуетъ се, зоставивъшы собе волное учинене иншое ширшое и мелиорацию тое теперешъное, была ли бы того потреба, протестации. А на доводъ того всего ставил возъного енерала воеводства Волынъского, шляхетного Крыштофа Слупского, который въ моцъ правдивое реляции своее для записаня до книгъ кгродскихъ Луцъких доброволъне тыми словы сознал: ижъ онъ року тогожъ прошлого тисеча шестъсот чотырдесят шосътого, месяца октобра першого дня, маючи при собе шляхту людей добрыхъ: пана Анъдрея Рокгулъского, а пана Яна Шацкого, былъ въ местечку Анъдреове, мешканю протестуючогосе, тамже виделъ и оглядалъ ворота вываленые, двери, окна и пичъ въ изъбе, такъ же столы посеченые, а потым виделъ и огледалъ въ тоижъ изъбе на стене образ святого Петра апостола посеченый; шъто все протестансъ перед нимъ вознымъ и шляхтою меновал собе быти сталые одъ его милости пана Беневъского и челеди его способом в протестации менованым, часу в ней спецификованого. Што ижъ такъ, а не иначей было, онъ возный огледавъшы, о томъ правдивую реляцию свою чинитъ и сознаваетъ, просечи, абы была посполу с протестациею принята и записана, што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1647 года, № 2489, л. 505 об.

CCCXXV.

Жалоба Луцкаго епископа Афанасія Пузыны о тяжкихъ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, претерпѣваемыхъ православными со стороны уніятовъ въ гг. Кобринѣ, Бѣльскѣ, Люблинѣ, Брестѣ, Красномъ-Ставѣ, Ковлѣ и др. мѣстахъ. 1648 года, февраля 20.

Року тисеча шестъсотъ чотырдесятъ осмого, месяца февраля двадъцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его королевъское милости Луцъкомъ, передо мною Рафаломъ Чаплинъскимъ, наместником буркграбства и замъку Луцкого, постановивъшисе очевисто яснепревелебный въ пану Богу его милость отецъ Атаназый з Козелъска Пузына, епископъ Луцъкий и Острозский, своимъ и всего народу руского, духовных и свецъких релии кгрецъкое, в унии не будучих обывателовъ коронных и великого князътва Литовъского именемъ, прихиляючысе до перъших инъ енере всих и специалитер до кождое з особна, и до теперешнее свежо през велебного отъца Мелетого Маръциновича, игумена монастиря Лепесовъского, наместника свого, именемъ протесътантисъ и презъ ихъ милостей всих пановъ обывателовъ воеводства Брестъского релии кгрецъкое неунитовъ и всего посполъства диоцезии моее, до кгроду Бреского, и през инъных особъ духовных и свецъких до инъших кгродов въ короне и в великомъ князтве Литовъскомъ занесеныхъ протестаций, соленънитеръ сведъчылъ и протестовалъ се напротивъко их милости ксенъдзу Іозефови Баковецъкому, владыце Володымеръскому, ксенъдзу Павлови Овлучынъскому, аръхимандрыте Кобринъскому, противъко Петрови Рокгозницъкому, протопопе Брестскому и Кондратови Корытови, попови Кобринъскому и всей капитуле Брестской унитомъ, и противъко инъным всим в протестацияхъ инъших занесеных менованых адгеренътовъ и комъплицесъ их, о то: ижъ пречоные особы, препомневши права посполитого, не оглядаючысе ани на пакъта конъвента счасливое елекции и на счасливое коронации презъ его королевскую милость светобливе поприсяженые, ани пенъ в конституцияхъ сеймовых описаных, ани заруки в декретах его королевской милости на них спротивныхъ, яко кгвалтовъников церквей

Божых и зрушителовъ покою посполитого и противъникомъ зверхъности маесътату его королевъское милости, писаных не обавяючысе, овъшемъ вси права, волъности, народови рускому неунитомъ служачые, кгвалътячы, а покой посполитый, яко здавна звыкъли, взрушаючы, зверхности маестату его королевское милости спротивляючысе, либерумъ екзеръцициумъ релиионисъ релии кгрецъкое неунитомъ в месте Кобрыню, администрованя сокраменътовъ святых духовънымъ и заживаня оныхъ свецъкимъ, з канцелярии его королевское милости, адъ маля нарата, листы заручные вынесъшы, приневоляючы забороняютъ, жебы люде, опустивъшы набоженъство свое конечъне, до церквей ихъ униацъкихъ ходили и у нихъ набоженъства заживали, месчаномъ Кобрынскимъ не допусчали и не допусчаютъ, тела змерълых людей арештуютъ и гребъсти их забороняютъ, а кгды кто тело змерълого окупитъ и на позвонъное дастъ, теды они, место звоненя звычайного, на тумултъ в звоны бютъ, несучымъ зась людемъ тело змерлое и цехомъ на доброволнои дорозе заступуютъ, бютъ, мордуютъ, сукна на марах шаръпаютъ, тела змарълых людей з маръ скидаютъ, самых людей до везеня порываютъ и ганебнымъ везенъемъ и лупами темежатъ и трапятъ, потвары вкладаютъ, винами урядовыми обтяжаютъ, нисчатъ и в нивечъ обертаютъ. Церков в Кобрыню Нароженя Панны Марии, которую его королевская милость, на счасливой коронации своей успокоючы народ руский, людомъ релии кгрецъкое неунитомъ до протесътанта реферуючымъ се, то ест обывателомъ и месчаномъ тамочнымъ универсаломъ своим милостиве привернути и декретом святобливымъ судовъ реляцыйных присудити рачылъ; они ее темере и зухвале боронили и ксендзомъ Методиушомъ Терълецкимъ, владыкою Хелмскимъ, котырый естъ инъфамисъ вечъный, конъверсуючы и од него инъформацию и приклад беручы, пренагабаня и опресъсие розные, засадъзки, битъя кгвалътовные и мордерства духовнымъ и свецъкимъ, мимо вадиумъ, чинитъ не перестаютъ и перестати не хочутъ; надто у наяснейшого кролевича его милости Яна Казимера, такъже ад мале нарата, якуюсь презенъте на туюжъ церковъ Кобринъскую неунитомъ прысужоную помененому Кондратови Корытови, попови своему унитови, выправили, под которое презенъти претекстомъ розные и великие утяженя неунитомъ духовнымъ и свецъкимъ чинячы, до великих шкод

протестанъта и законъниковъ Лепесовъских, тудеж и месчанъ Кобринъских, привели и приводятъ. А не только въ месте Кобрыню, але и въ инъшых местах и местечъках его королевское милости коронъных и великого князтва Литовъского, до диоцезии протесътанъта коммисиею присуженых, яко: в Люблине, Брестю, Красным-Ставе, Ковлю, Грубешови, а меновите въ Билъску, где, з росказаня ксенъдза владыки Володимерского, попы Билъские, на имя Луциянъ Боговолский и Иванъ Малишевъский и инъные унити, за инъстанъциею пастира своего, пропомънивши боязни Божое и на жадные права Бозъкие, людъские и натуралъные ничого не дбаючы, але роспасавъшысе на вси злости, засадъзку учынивши, кгды законъникъ на йимя Никодимъ Федоровичъ, капланъ, одъ церкве светого Миколая в Билъску зъ насвятъшимъ сакраменътомъ до хорого шолъ, теды помененые униты, зъ засадъзки выпадъши, каплана з сакраменътомъ насвятъшимъ идучого безъ жадного респекъту, баченя, встыду, чогобы не хрестиянъский народ не чинилъ, помененого законъника во всемъ убере капланъскомъ: рызахъ, алиасъ орънате, петрахелю, стуле, зо всимъ, за волосы вперед поръвавъшы, безъ милосеръдя вшелякого, з келихомъ в руце пренасвятший сакраментъ трымаючого, обаливъшы, одны киями, другие ногами того законъника бючы и яко се онымъ подобало тиранизуючы, моръдовали, при которомъ мордованю принасвятший сакраменътъ, келихъ и патыну вырываючы, на землю в болото выкинули и ногами подоптали, а тые вси речы—уберъ, келих и крыжъ сребръные, начыня, до себе забрали. На томъ не маючи досыть, же дви церкъви арната мапу одняли и такие ексъцесъса криминалъные почынили, надто нашедшы на церковъ светого Миколая, в притворе законъника каплана, на йимя Гедиона, заставъшы, збили и змордовали и кровю оного пороги церковные и цментар полили и покрывавили, о што все специалитеръ и инъ енере кгды протестантесъ законъници и люде свецъкие до кгроду Бранъского протестацие заносили, теды жадною мерою приняти их, инъ преюдициумъ права посполитого етъ инъ фаворем адверъсе партие, не хотели, о што в поближъных кгродах на preречоный уряд Бранъский протестации приняти не хотели. А и тымъ се тие жъ принципалесъ не контенътуючы, в Клесчеляхъ, в Лосичах, в Паръцове и в селах около Билъска церкъви през их милостей па-

нов комисаровъ, ведлугъ пунъктовъ счасливое его королевское милости елекъции, неунитом поданые, армата ману, кгвалътом хедечы, позабирали и всюды либерумъ екзеръцициумъ релиионисъ людомъ релии кгрецъкое неунитомъ, мимо конституцию пакъта конъвента, презъ его королевскую милость святобливе поприсяженые, и мимо вадиумъ в конъституции описаное, забороняютъ; а надто до контракътов з обовязками людъ посполитый, до протестанъта реферуючийсе, на унию прымушаютъ, а потомъ декретами кгродскими трыбуналскими его королевскои милости ассесоръскими окрываютъ, од мест релекгуютъ, добра конфискуютъ и в нивечъ утрапеных людей обертаютъ; а самии панове унити духовнымъ и свецъкимъ, засадъзку учынивъшы, ексцесъса пополняютъ, грабежи чынят и людей бютъ, а о тое кгды до суду позваные будут, ведлугъ старого звычаю, в томъ повете, в которомъ ексъцесъ пополънятъ, теды перед судомъ кгродскимъ або земъскимъ справоватъсе не хочутъ, в чомъ их милости панове судовые противъко праву посполитому онымъ фаворъ показуютъ: перед собою форумъ не узнавъшы, до метрополити унита одъсилаютъ, абы потомъ одъ него постъ куриамъ романам пер апъпеляционесъ, чого и самому рымскому духовенъству конъституция забороняетъ, справы наши вытачаючы, аккгравовали и въ нивечъ обертали, а куръсъ справедливости светой не доходилъ. Протестовали се тежъ за взятъемъ ведомости, же церковъ в Каменъцу Литовъскомъ Нароженя Христуса Пана, которая в послушенъстве протестанъта а в посессии при инъшыхъ церквахъ Каменецъких, у неунитов будучую, неведати, кво юре етъ претексту, безъ поданя позву манъдату, въ неведомости протестанъта, яко ліоци оръдинарии, декретомъ его королевское милости асъсесорскимъ на унию имъ присуженую, собе, за инъстанциею неслушною и особъ неналежныхъ, узурпуютъ. О што все з ихъ милостю панами унитами всими, в той протестации и в инъшыхъ меноваными, яко з кгвалътовниками, опъпресорами правъ, свободъ и волъностей народови рускому служачыхъ и покою посполитому взрушителями, о церкъви през ныхъ кгвалтомъ забраные, капклановъ змордованъе, сакраменъту пренасвятшого зневаженъе, местъцъ святых скрываненъе, такъже де нульлитате конътрактов, на унию вымушоныхъ перъ вимъ, забороненъе либери екзеръцыии релиионисъ и инъшие през них самых и адъгерентов их народови

рускому починеные криминалъные ексъцесса, о што все помененый протестанъсъ,. яко ліоци ординариусъ и пастиръ, постерегаючы целости церкве Божое и таковых опрессий народови рускому починеных, апробуючы протестацие, в которых колвек кгродах номине протестанътисъ почыненые, итерум аткве итерум сведъчылъ и протестовалъ, оферуючысе о то в судах належныхъ яко перъвей зачалъ, такъ и до конъца з вышъ пречечоными принъципалами и их адъгерентами правъне чынити, илекротъ того будетъ потреба, салвис сиби омнибусъ бенефициисъ юрисъ резерватисъ; и просилъ, абы тая протестация до книгъ принята и записана была; што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1648 года, № 2490, л. 498.

СССXXVI.

Судебный разборъ дѣла по обвиненію дворянъ Товіи Иваницкаго и Якуба Любенецкаго въ распространеніи аріанской секты, въ устройствѣ въ с. Иваничахъ молитвеннаго дома и публичномъ совершеніи аріанскаго богослуженія и обрядовъ, въ укрывательствѣ приговоренныхъ къ инфаміи вѣроучителей этой секты и, наконецъ, въ устройствѣ многолюдныхъ аріанскихъ съѣздовъ и сборищъ. 1648 года, апрѣля 1.

Року тисеча шестсотъ чотырдесятъ осмого, мисеца априля первого дня.

На рочъках судовых кгродских Володимерских, од дня двадцет шостого мисеца марца в року звышьнаписаномъ припалых и судовъне одправоват зачатых, перед нами Михаломъ зе Збаража Воронецъким, подстаростимъ, а Петромъ Зыковичомъ Князким, городничим Луцъкимъ, судъею, урядниками судовыми кгродскими Володимерскими, приточиласе справа з реестру судового, за приволанемъ возного енерала шляхетъного Стефана Высоцкого, межи инстикгаторомъ и ясъневелможнымъ и превелебнымъ его милостю ксендзомъ Андреемъ Кгемъбицкимъ, бисъкупомъ Луцъкимъ и Брескимъ, и капитулою его, также велебънымъ ксендзом Матеушом Вышинъским, поддзеканим Луцким, плебаномъ Во-

лодимерскимъ, поводами, а урожоними ихъ милостю паномъ Тобиашом Иваницкимъ и паном Якубом Любенецким, также министрами и всим згромаженемъ и зборомъ вѣри потупленое ариянъское, позваными за позвомъ кгродскимъ Володимерскимъ, од поводовъ по позваныхъ на рочки теперешние в справе нижей менованой выданымъ; теды постановивъшисе очевисто предъ судомъ урожоный панъ Янъ Авъкгустинъ Счепковъский, умоцованый поводовъ, позваных, ижъ се за потрикротнымъ возного енерала вышменованого приволыванемъ не одозвали, до права не стали и причины нестаня своего судови нинешнему и стороне поводовой не ознаймили, зачымъ оных яко несталых и права посполитого непослушныхъ в зыску речи, в позве нижей инъсерованомъ меновите написаное и выражоное, з волъным однакъ тое справы до звыклое годины арешътомъ, с допусченя суду нинешнего вздалъ на позовъ в тые слова писаный: Даниел на Несвичу Стемпковский, староста Володимерский. Урожонымъ ихъ милости пану Тобияшови Иваницъкому и пану Якубови Любенецкому, также министромъ и всему згромаженю и зборови вери потупленое ариянское, вашей милости самым по именах и прозвисках лепей ведомым и знаемымъ, которых в томъ позве поводове за выражоныи мети хочутъ, з особъ и зо всих добръ вашей милости лежачих и рухомых, зверхностю его королевскои милости а моею владзою старостинскою приказую, абысте ваша милость передо мною самымъ, албо судомъ моимъ кгродскимъ Володимерскимъ, на рочкахъ кгродскихъ Володимерскихъ, которые в року теперешънемъ тисеча шестсотъ чотырдесятъ осмомъ, мисеца марца двадцетъ шостого дня припадут и сужоные будутъ, сами обличне и завите стали на жалобу и правное попарте инстикгатора и ясневелможного и превелебного его милости ксендза Андрея Кгембицкого, бискупа Луцъкого и Бреского, и капитулы его, также велебного ксенъдза Матеуша Вышинского, поддзеканего Луцкого, плебана Володимерского, которые вашу милость позываютъ о то, ижъ ваша милость року прошлого тисеча шестсотъ чотырдесятъ шостого въ Иваничахъ, подчасъ Божого Нароженя, противъко Богу въ Тройци святои блюзнерство и секту арианъскую одправуючы, а меновите ваша милость, пане Любенецкий, иммемор баптизми през руки некгды ясневелъможного и превелебного его милости ксендъза Марцина Шишковъского, бискупа Краковъского, принятого, ад вомитум

лясциве суе арианице секте повернувшисе, не помнечи ничого на суровостъ права посполитого и вины в нем описаные, и овшемъ спротивляючысе такъ праву посполитому, яко и декретомъ трибуналъскимъ и сеймовымъ, надъ заказъ оных и на заклады в них заложоные не обавляючысе, смели и важилис року вышъпомененого, под часъ Божого Нароженя и свята такъ зацного урочистого, на контемптъ маестату Бозкого и взгарду становленыхъ правъ, в маетности Иваничахъ, в воеводстве Волынъскомъ, а повете Володимерскомъ лежачой, зобравши до себе министровъ инъфамисовъ, такъ декретами трибуналъскими, яко и сеймовыми цти одсужоных, спросные блюзнирства противко маестатови Божому, заложивши публичные згромаженя албо збор, зъ инъшими арiянами одправуючи, з позволеня вашей милости самих и онымъ допомогаючы, секту арiянскую, заразливую, в кролевстве Полскомъ правом и декретами трибуналъскими заказаную, ку згоршеню велю людей околичных, розсевати и оною розныхъ заражати; якожъ под тамътотъ часъ католика одного, вашей милости де номине етъ кокгномине лепей ведомого, инъ арианизмумъ намовивъши, и оною верою своею навернули и соленитеръ в ставе тамошнемъ Иваницкомъ нурали, и панюю Любенецкую, арiянъку, в саде также соленитер етъ публице ховали; якожъ и до тых часъ такие и тымъ подобные превротное веры своее всему хрестиянъству обърядки и набоженъства свои ваша милость пане Иваницкий з своими адгерентами, которые се на то умыслъне зъеждджаютъ, а снат од них де омни секуритате яко юрисъ, о чомъ вокс публика на Волыни, упевненые, одправуете; в чомъ любо од добрыхъ приятелъ и покревныхъ своихъ не разъ фратерне былъ напоминаный, на то ничого не дбаючы, в своемъ перинс малициозе етъ тенацитер предсевзятю. Што все ижъ противъко праву посполитому и на образу маестату Бозкого учинили, и в закладъ десяти тисечей червоныхъ золотыхъ в декрете сеймовомъ заложоный попали, а за тымъ вины на себе с права с толь походячие каждый з васъ на особу свою, такъ взглядомъ заказаня набоженъства, яко и рационе комплицитатисъ кумъ инъфамибусъ затягнули; о чомъ протестация в кгроде Володимерскомъ противъ вашихъ милостей учиненая и занесеная ширей в собе обмовляетъ; до которое и права посполитого поводове прихиляючисе, вашу милостъ на терминъ вышъозначоный позываютъ, на которомъ яко на

завитомъ абысте стали, винамъ правнымъ, которые през судъ мой водлугъ права юдикатъ трибуналскихъ и сеймовыхъ ео инъ пасу судове ферованыхъ, прислухалисе и на все судовне одповедали. Писанъ в Володимери, року тисеча шестсотъ чотырдесятъ осмого, месеца февраля двадцатого дня. Которого вздаия ижъ позваные, будучи о године звыклой арештовой, до арешту тое справы през тогож возного енерала вышъменованого приволываные, оное, яко и первей, а ни сами през себе, а ни през умоцованого своего, не арештовали, до права не стали и причины нестаня своего судови нинешнему и стороне поводовой не oзнаймили, зачим на них, яко несталыхъ, праву посполитому спротивныхъ и непослушныхъ, тотъже вышъменованый умоцованый поводовъ далшое в тои справе поступку правного просилъ и домавялсе. Прото судъ нинешъний кгродский Володимерский, за нестанемъ позваныхъ, а за домовенъемъ ѥе и правными поступками умоцованого стороны поводовое, прихиляючисе в томъ до права посполитого, в далшомъ тое справы поступку правномъ в способъ зыску, водлугъ позву, вины в праве посполитом описаные а презъ позваныхъ за поступокъ презъ них пополъненый перепалые, в позве вышей описаномъ менованые, то естъ вину инъфамии поводомъ на позваныхъ вказуетъ и присужаетъ. А на далъшое объяснене и публиковапе оное суд нинешний с тоею справою до суду головного трибуналу коронъного Любелъского межи справы духовные комъпозити юдиции, напервей по дате сего декрету и выстю шести неделъ до суженя припадаючие и судячиесе, одсылаетъ и терминъ межи поменеными справами за припозвомъ од поводовъ по позваныхъ до того декрету выданымъ заховуетъ и назначаетъ. Што все для памети до книгъ нинешънихъ естъ записано.

Книга гродская Владимірская 1648 г., № 1016, л. 1252 об.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ,

упоминаемыхъ въ настоящемъ 6-мъ томѣ части I-й
„Архива Югозападной Россіи“.

I. Имена личныя.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И, І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Я.

Ѳ.

II. Имена географическія.

А.

Б.

Г.

Д.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

M.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ш.

Щ.

Я.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Важнѣйшія опечатки и погрѣшности.

Стран.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	16	...и великаго князя Литовскаго Любарта...	...и князя Луцкаго и Владимірскаго Любарта...
10	12	ускощеть	усхощеть.
76	2 (снизу)	также часомъ	такъ, же часомъ
84	3	Самашко	Семашко
96	3	Лавретій Древинскій	Лаврентій Древинскій
229	14	Донесеніе вижа	Донесеніе securing возного
282	17	с. Рожищи	с. Рожище
330	4	Иларіона Масальскаго	Лаврентія Масальскаго
333	2	членамъ православнаго братства Луцкаго	членамъ Луцкаго православнаго клира
444	18	въ с. Стойкахъ	въ с. Ставкахъ
510	23	Рафаила Ленчынскаго	Рафаила Лещинскаго
511	2 (снизу)	село Сыновъ Скробы	село Сыновъ, Скробы
514	6 „	а напродку	а напрод ку
580	7 „	с. Ляховцахъ	м. Ляховцахъ
588	3 (сверху)	перед броною	передъ брамою
597	1 „	Павелъ Домживлюдковичъ Телипа	Павелъ Домживъ-Людковичъ Телица.
602	7 (снизу)	надкоморого	подкоморого
657	9 „	Tyszowie	Tyszowce
761	13 (сверху)	и Березцѣ	и с. Берескѣ
788	15	многочисленныхъ сборищъ	многолюдныхъ сборищъ

